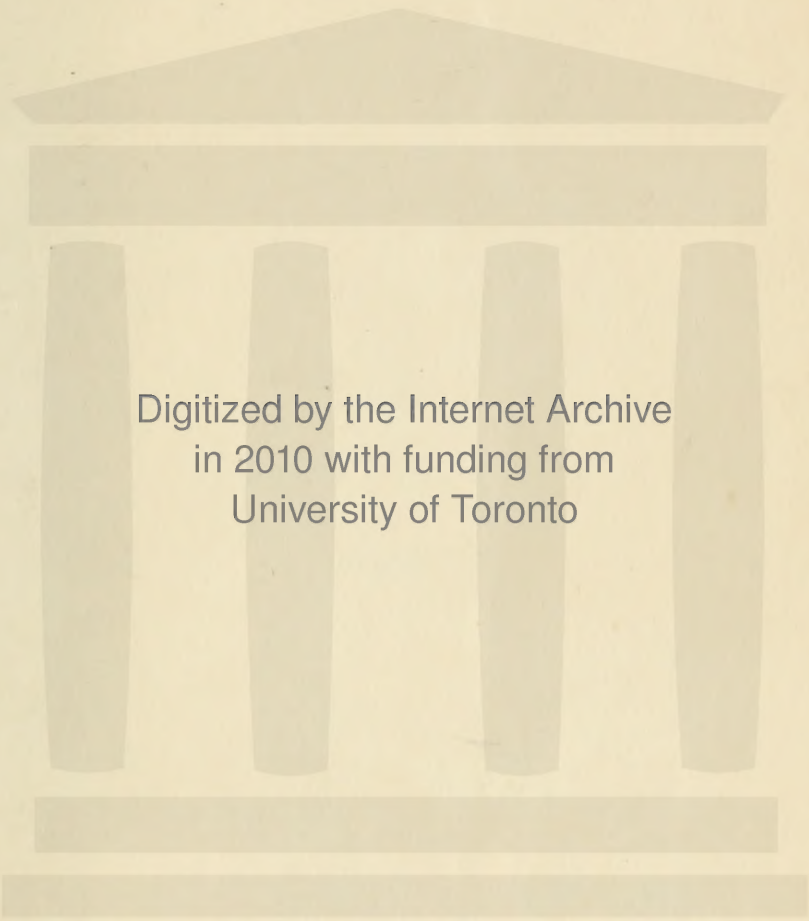
3 1761 07530378 4


Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranies5v6buni

LR
B9423

Bunin, Ivan Alekseevich
Polnoe sobranie sochinenij

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. А. БУНИНА

I

60cV

ТОМЪ ПЯТЫЙ — ШЕСТОЙ

v. 5-6

2 v. in 1.

489791
13. 4. 49

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ :: ПЕТРОГРАДЪ

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1915 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

ДЕРЕВНЯ.

I.

Прадѣда Красовыхъ, прозваннаго на дворнѣ Цыганомъ, затравилъ борзыми ротмистръ Дурново. Цыганъ отбилъ у него, у своего господина, любовницу. Дурново приказалъ вывести Цыгана въ поле, за Дурновку, и посадить на бугрѣ. Самъ же выѣхалъ со сворой и крикнулъ: „Ату его!“. Цыганъ, сидѣвшій въ оцѣпенѣніи, кинулся бѣжать. А бѣгать отъ борзыхъ не слѣдуетъ.

Дѣду Красовыхъ почему-то дали вольную. Онъ ушелъ съ семьей въ городъ—и скоро прославился: сталъ знаменитымъ воромъ. Нанялъ въ Черной Слободѣ хибарку для жены, посадилъ ее плести на продажу кружево, а самъ, съ какимъ-то мѣщаниномъ Бѣлокопытовымъ, поѣхалъ по губерніи грабить церкви. Года черезъ два его поймали. Но и на судѣ онъ велъ себя такъ, что долго повторяли его отвѣты судьямъ: стоитъ себѣ, будто бы, въ плисовомъ кафтанѣ, при серебряныхъ часахъ, въ козловыхъ сапожкахъ, нахально играетъ скулами, глазами и почтительнѣйше сознаётся даже въ самомъ малѣйшемъ изъ своихъ несмѣтныхъ дѣлъ:

— Такъ точно-съ. Такъ точно-съ.

А родитель Красовыхъ былъ мелкимъ шибаемъ. Ѣздилъ по уѣзду, жилъ одно время въ Дурновкѣ,—завелъ-было шинокъ и лавочку, — но прогорѣлъ, запилъ, воротился въ городъ и вскорѣ умеръ. Послуживъ по лавкамъ, торгашили и сыновья его, Тихонъ и Кузьма, почти однолѣтки. Тянутся, бывало, въ телѣгѣ съ рѣзнымъ передкомъ, съ рундукомъ посередкѣ, и заунывно орутъ:

— Ба-абы, това-ару! Ба-абы, това-ару!

Товаръ—зеркальца, мыльца, перстни, нитки, платки, иголки, крендели — въ рундукѣ. А въ телѣгѣ все, что добыто: дохлыя кошки, яйца, холсты, тряпки...

Но, проѣздивъ нѣсколько лѣтъ, братья однажды чуть ножами не порѣзались,—по слухамъ, изъ-за барышей,—и разошлись отъ грѣха. Кузьма нанялся къ гуртовщику, Тихонъ снялъ постоялый дворишко на шоссе при станціи Ворголъ, верстахъ въ пяти отъ Дурновки, и открылъ кабакъ и „черную“ лавочку, „торговлю мелочного товару чаю сахору тобаку сигаръ и протчего“.

Годамъ къ сорока борода Тихона уже походила на серебро съ чернью. Но красивъ, высокъ, строенъ былъ онъ попрежнему: лицомъ строгъ, смуглъ, чуть-чуть рябъ, въ плечахъ широкъ и сухъ, въ разговорѣ властенъ и рѣзокъ, въ движеніяхъ быстръ и ловокъ. Только брови стали сдвигаться все чаще да глаза блестѣть еще острѣй, чѣмъ прежде: дѣло того требовало!

Неутомимо гонялъ онъ за становыми—въ тѣ глухія осеннія поры, когда взыскиваютъ подати и идутъ по деревнѣ торги за торгами. Неутомимо скупалъ у помѣщиковъ хлѣбъ на корню, снималъ у нихъ и у мужиковъ землю—по частямъ, не гребуя даже полнивой. Жилъ онъ долго съ нѣмой кухаркой, — „нѣмая-то ничего не разбрешетъ!“ — имѣлъ отъ нея ребенка, котораго она приспала, задавила во снѣ, потомъ женился на пожилой горничной старухи-княжны Шаховой. А женившись, взявъ приданаго, „доконалъ“ потомка обнищавшихъ Дурново, полнаго, ласковаго барчука, лысаго на двадцать пятомъ году, но съ великолѣпной каштановой бородой, — „прогрессиста“, какъ острили помѣщики, намекая на прогрессивный параличъ. И мужики такъ и ахнули отъ гордости, когда взялъ онъ дурновское имѣньице: вѣдь чуть не вся Дурновка состоитъ изъ Красевыхъ!

Ахали они и на то, какъ это ухитрялся онъ не разорваться: торговать, покупать, чуть не каждый день бывать въ имѣньи, ястребомъ слѣдить за каждой пядью земли... Ахали и говорили:

— Да вѣдь съ нами, чертями, добромъ-то и не подѣлаешь ничего! Зато и хозяинъ! Нѣту справедливѣе!

А убѣждалъ ихъ въ этомъ самъ же Тихонъ Ильичъ. Въ добрую минуту наставлялъ:

— Живемъ—не мотаемъ, попадешься — обротаемъ. Но по справедливости. Я, братъ, человѣкъ русскій.

Въ злую, блестя глазами, отрѣзалъ:

— Свинья! Справедливѣй меня человѣка нѣтъ!

„Свинья, да не я“, — думалъ мужикъ, отводя глаза отъ его взгляда.

И покорно бормоталъ:

— Господи! Да ай мы не знаемъ?

— Знаешь, да забылъ. Мнѣ твоего даромъ не надо, но имѣй въ виду: своего я тебѣ трынки не отдамъ! Вонъ у меня братъ: злодѣй мнѣ, пьянчужка, а и то бы помогъ, кабы пришелъ да поклонился. Передъ истиннымъ Богомъ, помогъ бы! Но баловать,—нѣтъ, замѣть, не побалую. Я, братъ, не хохолъ безмозглый.

А Настасья Петровна, ходившая по-утиному, носками внутрь, переваливаясь, — отъ постоянной беременности, все кончавшейся мертвыми дѣвочками,—желтая, опухшая, съ рѣдкими бѣлесыми волосами, стонала, поддакивала:

— Охъ, и простъ же ты, посмотрю я на тебя! Что ты съ нимъ, глупымъ, трудишься? Конпаньонъ онъ тебѣ? Ты его уму-разуму учишь, а ему и горя мало. Ишь ноги-то разставилъ,—эмирскій бухаръ какой!

„Страшная охотница“ до свиней и птицы была она — и Тихонъ Ильичъ сталъ выкармливать поросятъ, индюшекъ, куръ, гусей: за станціей былъ казенный прудъ. Пуще же всего пристрастился онъ къ ссыпкѣ хлѣба. Осенью возлѣ двора его, стоявшаго однимъ бокомъ къ шоссе, другимъ къ станціи, стономъ стоналъ скрипъ колесъ: обозы сворачивали и сверху и снизу. А на дворѣ ночевали лошадники, шибаи, птичники, крендельщики, косники, богомолки. И поминутно визжалъ блокъ то на двери въ кабакъ, гдѣ отпускала Настасья Петровна, то на двери въ лавку,—темную, грязную, крѣпко пахнущую мыломъ, сельдями, махоркой, мятнымъ пряникомъ, хомутиной, керосиномъ. И поминутно раздавалось въ кабакѣ:

— У-ухъ! И здорова же водка у тебя, Петровна! Ажъ въ лобъ стукнула, пропади она пропадомъ.

— Сахаромъ въ уста, любезный!

— Либо она у тебя съ нюхальнымъ табакомъ?

— Вотъ и вышелъ дуракомъ!

А въ лавкѣ было еще люднѣе:

— Ильичъ! Хунтикъ ветчинки не отвѣсишь?

— Ветчинкой я, братъ, нонѣшній годъ, благодаря Богу, такъ обезпеченъ, такъ обезпеченъ!

— А почемъ?

— Дешевка!

— Хозяинъ! Деготь у васъ хорошій есть?

— Такого дегтю, любезный, у твоего дѣда на свадьбѣ не было!

— А почемъ?

И казалось, что никогда и не было у Красовыхъ иного разговору, кромѣ толковъ, что почемъ: почемъ ветчинка, почемъ тесъ, почемъ крупа, почемъ деготь...

Потеря надежды на дѣтей и закрытіе кабаковъ были крупными событіями. Тихонъ Ильичъ явно постарѣлъ, когда уже не осталось сомнѣній, что не быть ему отцомъ. Сперва онъ пошучивалъ.

— Нѣтъ-съ, ужъ я своего добьюсь.—говорилъ онъ знакомымъ.—Безъ дѣтей человѣкъ—не человѣкъ. Такъ, обсѣвокъ какой-то...

Потомъ даже страхъ сталъ нападать на него: что же это,—одна приспала, другая мертвыхъ рожаетъ! И время послѣдней беременности Настасьи Петровны было тяжкимъ временемъ. Тихонъ Ильичъ томился, злобился; Настасья Петровна тайкомъ молилась, тайкомъ плакала и была жалка, когда потихоньку слѣзала по ночамъ, при свѣтѣ лампадки, съ постели, думая, что мужъ спитъ, и начинала съ трудомъ становиться на колѣни, съ шопотомъ припадать къ полу, съ тоской смотрѣть на иконы и старчески, мучительно подниматься съ колѣнъ. Прежде она передъ сномъ надѣвала туфли, кофточку, молилась разсѣянно, а помолясь, любила перебрать знакомыхъ, поругать ихъ. Теперь передъ образомъ стояла простая баба въ короткой бумазейной юбкѣ, въ бѣлыхъ шерстяныхъ чулкахъ и въ рубашкѣ, не закрывавшей шеи и постарушечьи полныхъ рукъ. Съ дѣтства, не рѣшаясь даже самому себѣ признаться, не любилъ Тихонъ Ильичъ лампадокъ, ихъ невѣрнаго церковнаго свѣта: на всю жизнь осталась въ памяти та ноябрьская ночь, когда въ крохотной, кособокой хибаркѣ въ Черной Слободѣ тоже горѣла лампадка,—такъ смирно и ласково-грустно, — чуть двигались тѣни отъ цѣпей ея, было мертвенно-тихо, на лавкѣ, подъ святыми, неподвижно лежалъ отецъ, закрывъ глаза, поднявъ острый носъ и сложивъ на груди большія лилово-восковыя руки, а возлѣ него, за окошечкомъ, завѣшеннымъ красной тряпкой, съ буйно-тоскливыми пѣснями, съ воплями и не въ ладъ орущими гармониками, проходили годные... Теперь лампадка горѣла постоянно. И Тихонъ Ильичъ чувствовалъ, что ведетъ Настасья Петровна какое-то таинственное дѣло съ невѣдомыми силами.

Кормили возлѣ постоялаго двора лошадей владимирскіе коробочники—и въ домѣ появился „Новый полный оракулъ и чародѣй, предсказывающій будущее по предложеннымъ вопросамъ съ присовокупленіемъ легчайшаго способа гадать на картахъ, бобахъ и кофе“. И Настасья Петровна надѣвала по вечерамъ очки, катала изъ воска шарикъ и начинала кидать его на круги оракула. А Тихонъ Ильичъ искоса поглядывалъ. Но отвѣты получались все грубые, зловѣщіе или безсмысленные.

— „Любитъ ли меня мой мужъ?“ — спрашивала Настасья Петровна.

И оракулъ отвѣчалъ:

— „Любитъ, какъ собака палку“.

— „Сколько дѣтей будетъ у меня?“

— „Судьбой назначено тебѣ умереть, худая трава изъ поля вонъ“.

Тогда Тихонъ Ильичъ говорилъ:

— Дай-ка я кину...

И загадывалъ:

— „Затѣвать ли мнѣ тяжбу съ извѣстною мнѣ особою?“

Но и ему выходила чепуха:

— „Считай во рту зубы“.

И оракула смѣнилъ Чугунокъ.

Дурновскій мужикъ Чугунокъ,—небольшой, кряжистый, съ необыкновенно высокой и плотной грудной клѣткой, съ живыми коричневыми глазами на широкомъ смугломъ лицѣ,—былъ мужикъ хорошій и хозяйственный, но со странностями: онъ теноромъ пѣлъ пѣсни, и пѣлъ чаще всего съ бабами и по-бабьи, былъ большой балагуръ и сплетникъ, лѣчилъ заговорами и настоями, могъ сбѣгать обыденкой въ городъ — „не отставалъ отъ тройки!“ — и велъ знакомство съ колдунами, которыми споконъ вѣку полна Басовка, деревушка верстахъ въ трехъ отъ Дурновки. И вотъ этого-то Чугунка и заставалъ Тихонъ Ильичъ на какихъ-то таинственныхъ переговорахъ съ Настасьей Петровной, сразу обрывавшихся при его появленіи. Заставалъ—и мгновенно дѣлалъ видъ ничего не замѣтившаго человѣка, прикидывался, что ничего не знаетъ о бутылочкахъ съ наговорной водой, которыя то и дѣло доставлялъ Чугунокъ Настасьѣ Петровнѣ. Въ глубинѣ-то души и онъ надѣялся, что Чугунокъ поможетъ.

Но и отъ Чугунка мало было проку. Разъ, заглянувъ въ пустую кухню, Тихонъ Ильичъ увидалъ жену возлѣ люльки кухаркина ребенка. Пестренькій цыпленокъ, попискивая, бродилъ по подоконнику, стучалъ клювомъ въ стекла, ловя мухъ, а она сидѣла на нарахъ, качала люльку и жалкимъ, дрожащимъ голосомъ пѣла старинную колыбельную пѣсню:

Гдѣ мой дитятко лежитъ?
Гдѣ постелюшка его?
Онъ въ высокомъ терему,
Въ колыбелькѣ расписной.
Не ходите къ намъ никто,
Не стучите въ терему!
Онъ уснулъ, заночивалъ,

Темнымъ пологомъ покрыть,
Расцвѣченою тафтой...

И такъ измѣнилось лицо Тихона Ильича въ эту минуту, что, взглянувъ на него, Настасья Петровна не смутилась, не оробѣла,—только заплакала и, сморкаясь, тихо сказала:

— Отвези ты меня, Христа ради, къ угоднику...

И Тихонъ Ильичъ повезъ ее въ Задонскъ. Но дорогой думалъ, что все равно Богъ долженъ наказать его за то, что онъ, въ суетѣ и хлопотахъ, только подъ Свѣтлый день бываетъ въ церкви, — живетъ, какъ татаринъ. Да и лѣзли въ голову кощунственныя мысли: онъ все сравнивалъ себя съ родителями святыхъ, тоже долго не имѣвшими дѣтей. Это было не умно, но онъ уже давно замѣтилъ, что есть въ немъ еще кто-то — глупѣй его. Передъ отъѣздомъ онъ получилъ письмо съ Аѳона: „Боголюбивѣйшій благодѣтель Тихонъ Ильичъ! Миръ вамъ и спасеніе, благословеніе Господне и честный Покровъ Всепѣтой Богоматери отъ земного Ея жребія, св. горы Аѳонской! Я имѣлъ счастіе слышать о вашихъ добрыхъ дѣлахъ и о томъ, что вы съ любовію удѣляете лепты на созиданіе и украшеніе храмовъ Божіихъ, на келліи иноческія. Нынѣ хижина моя пришла отъ времени въ такое ветхое состояніе...“ И Тихонъ Ильичъ послалъ на поправку этой хижины красненькую. Давно прошло то время, когда онъ съ наивной гордостью вѣрилъ, что и впрямь до самаго Аѳона дошли слухи о немъ, хорошо зналъ, что ужъ слишкомъ много аѳонскихъ хижинъ пришло въ ветхость—и все-таки послалъ. Но не помогло и это, закончилась беременность прямо мукою: передъ тѣмъ, какъ родить послѣдняго мертваго ребенка, стала Настасья Петровна, засыпая, вздрагивать, стонать, взвизгивать и разражаться воплемъ и слезами. Ею, по ея словамъ, мгновенно овладѣвала во снѣ какая-то дикая веселость, соединенная съ невыразимымъ страхомъ: то видѣла она, что идетъ къ ней по полямъ, вся сіяя золотыми ризами, Царица Небесная и несется откуда-то стройное, все растущее пѣніе; то выскакивалъ изъ-подъ кровати чертенокъ, неотличимый отъ темноты, но ясно видимый зрѣніемъ внутреннимъ, и начиналъ такъ звонко, лихо, съ перехватами, отжаривать на губной гармоникѣ плясовую, что сердце отрывалось и летѣло куда-то въ бездну, въ пропасть... Легче было бы спать не въ духотѣ, на перинахъ, а на воздухѣ, подъ навѣсомъ амбаровъ. Но Настасья Петровна боялась:

— Подойдутъ собаки и голову нанюхаютъ...

Монополія была солью на рану. Когда пропала надежда на дѣтей, все чаще стало приходить Тихону Ильичу въ голову:

„Да для кого же вся эта каторга, пропади она пропадомъ?“ Но думы думами, а жизнь жизнью! И стали трястись отъ злобы руки, болѣзненно сдвигаться и подниматься брови, косить верхнюю губу—особенно при фразѣ, не сходившей съ языка: „имѣйте въ виду“. Попрежнему онъ молодился — носилъ щеголеватые опойковые сапоги и расшитую косоворотку подъ двубортнымъ пиджакомъ. Но борода сѣдѣла, рѣдѣла, путалась...

А лѣто, какъ нарочно, выдалось жаркое, засушливое. Совсѣмъ пропала рожь. И наслажденіемъ стало жаловаться покупателямъ.

— Прекращаемъ-съ, прекращаемъ-съ!—съ радостью, отчеканивая каждый слогъ, говорилъ Тихонъ Ильичъ о своей винной торговлѣ. — Какъ же-съ! Министру захотѣлось поторговать!

— Охъ, посмотрю я на тебя! — стонала Настасья Петровна.—Договоришься ты! Загонятъ тебя, куда воронъ костей не таскалъ!

— Не испугаете-съ!—отрѣзалъ Тихонъ Ильичъ, вскидывая бровями.—Нѣтъ-съ! На всякій ротокъ не накинешь платокъ!

И опять, еще рѣзче чеканя слова, обращался къ покупателю:

— И ржица-съ радуетъ! Имѣйте въ виду: всѣхъ радуетъ! Ночью-съ,—вѣрите ли: ночью-съ.—и то видать. Выйдешь на порогъ, глянешь по мѣсяцу въ поле: сквозитъ-съ, какъ лысина! Выйдешь, глянешь: блистаетъ!

— А ты судись!—крикнулъ однажды случившійся при такомъ разговорѣ дурновскій Трифонъ, старикъ, извѣстный своей дерзостью, злостью и тѣмъ, что онъ неустанно, всю жизнь судился съ кѣмъ попало и по самымъ ничтожнымъ поводамъ,—очень худой и высокій, съ бѣгающими зелеными глазами, съ рѣденькой сѣдой бородкой, въ длинной рубахѣ и большихъ лаптяхъ на тонкихъ ногахъ, крѣпко искрещенныхъ оборками по онучамъ.

И это было такъ неожиданно, что Тихонъ Ильичъ слегка опѣшилъ.

— Съ кѣмъ же это я судиться-то буду? — спросилъ онъ, поднявъ брови.

— Съ обидчиками!—крикнулъ Трифонъ и стукнулъ палкой въ землю.—Съ злодѣями! Съ нахарями!

Тихонъ Ильичъ покачалъ головою.

— Охъ, мало тебя [illegible] двужильнаго, драли! — сказалъ онъ съ сожалѣніемъ.

— Брешешь!—крикнулъ Трифонъ.—Много! На десятерыхъ хватитъ! Да не поддамся! До царя дойду! Ну, вотъ и пореви по-моему...

Въ Петровки Тихонъ Ильичъ пробылъ четверо сутокъ въ городѣ на ярмаркѣ и разстроился еще больше — отъ думъ, отъ жары, отъ безсонныхъ ночей. Обычно отправлялся онъ на ярмарку съ большой охотой. Въ сумерки подмазывали телѣги, набивали ихъ сѣномъ; къ одной, въ которой ѣхалъ староста, привязывали лошадей или коровъ, назначенныхъ къ продажѣ; въ другую, въ которой ѣхалъ самъ хозяинъ съ работникомъ-старикомъ, клали подушки, чуйку. Выѣзжали поздно и, поскрипывая, тянулись до разсвѣта. Сперва вели дружественные разговоры, курили, разсказывали другъ другу страшныя старинныя исторіи о купцахъ, убитыхъ въ дорогѣ и на ночевкахъ; потомъ Тихонъ Ильичъ укладывался спать— и такъ пріятно было слышать сквозь сонъ голоса встрѣчныхъ, чувствовать, какъ зыбко покачивается и какъ будто все подъ гору ѣдетъ телѣга, ерзаетъ щека по подушкѣ, сваливается картузъ и холодитъ голову ночная свѣжесть; хорошо было и проснуться до солнца, розовымъ росистымъ утромъ, среди матово-зеленыхъ хлѣбовъ, увидать вдали, въ голубой низменности, весело бѣлѣющій городъ, блескъ его церквей, крѣпко зѣвнуть, перекреститься на отдаленный звонъ и взять вожжи изъ рукъ полусоннаго старика, по-дѣтски ослабѣвшаго на утреннемъ холодкѣ, блѣднаго какъ мѣлъ при свѣтѣ зари... Теперь Тихонъ Ильичъ отослалъ телѣги со старостой, а самъ поѣхалъ на бѣгункахъ. Ночь была теплая, свѣтлая, розово-лунная; ѣхалъ онъ шибко, но сильно усталъ; огоньки на ярмаркѣ, въ острогѣ и больницѣ, что̀ при въѣздѣ въ городъ, видны въ степи верстъ на десять, и казалось, что до нихъ никогда не доѣдешь, до этихъ дальнихъ, сонныхъ огоньковъ. А на постояломъ дворѣ на Щепной площади было такъ жарко, такъ кусали блохи и такъ часто раздавались голоса у воротъ, такъ гремѣли въѣзжавшія на каменный дворъ телѣги и такъ рано заорали пѣтухи, заворковали голуби и побѣлѣло за открытыми окнами, что онъ и глазъ не сомкнулъ. Мало спалъ и вторую ночь, которую попробовалъ провести на ярмаркѣ, въ телѣгѣ: ржали лошади, горѣли огни въ палаткахъ, кругомъ ходили и разговаривали, а на разсвѣтѣ, когда такъ и слипались глаза, зазвонили въ острогѣ, въ больницѣ — и надъ самой головой подняла ужасный ревъ корова...

— Каторга!—поминутно приходило въ голову за эти дни и ночи.—Бьюсь, путляюсь, гибну въ пустякахъ, въ бѣзтолочи!

Ярмарка, раскинувшаяся по выгону на цѣлую версту, была, какъ всегда, шумна, безтолкова. Грудами лежали метла, косы, жбаны, лопаты, колеса. Стоялъ нестройный гомонъ, ржаніе лошадей, трели дѣтскихъ свистулекъ, марши и польки гремя-

щихъ на каруселяхъ оркестріонов. Бездѣльная, говорливая толпа мужиковъ и бабъ валомъ валила съ утра до-вечеру по пыльнымъ, унавоженнымъ переулкамъ между телѣгами и палатками, лошадьми и коровами, балаганами и съѣстными, откуда несло вонючимъ чадомъ сальныхъ жаровенъ. Какъ всегда, была пропасть барышниковъ, придававшихъ страшный азартъ всѣмъ спорамъ и сдѣлкамъ; безконечными вереницами, съ гнусавыми напѣвами тянулись слѣпые и убогіе, нищіе и калѣки, на костыляхъ и въ телѣжкахъ; медленно двигалась среди толпы гремящая бубенчиками тройка исправника, сдерживаемая кучеромъ въ плисовой безрукавкѣ и въ шапочкѣ съ павлиньими перьями... Покупателей было много. Но все кончалось лишь пустословіемъ. Подходили сизые цыгане, евреи изъ Юго-Западнаго края,—сѣролицые, рыжіе, запыленные, въ парусиновыхъ балахонахъ и сбитыхъ сапогахъ,—загорѣлые мелкопомѣстные дворяне въ поддевкахъ и картузахъ, становой съ урядникомъ, богачъ-купецъ Сафоновъ,—старикъ въ чуйкѣ, тучный, бритый, съ сигарой; подходилъ красавецъ-гусаръ князь Бахтинъ съ женой въ англійскомъ костюмѣ, или дряхлый севастопольскій герой Хвостовъ,—высокій и костистый, съ крупными чертами темнаго морщинистаго лица, въ длинномъ мундирѣ и обвислыхъ штанахъ, въ сапогахъ съ широкими носками и въ большомъ картузѣ съ желтымъ околышемъ, изъ-подъ котораго были начесаны на виски крашеные волосы мертваго бураго цвѣта... Всѣ корчили изъ себя знатоковъ, толковали о мастяхъ, ладахъ, разсказывали о своихъ лошадяхъ. Мелкопомѣстные врали и хвастались; Бахтинъ не унижался до разговора съ Тихономъ Ильичемъ, хотя тотъ почтительно вставалъ передъ нимъ и говорилъ: „подходящая-съ лошадка для вашего сіятельства“. Бахтинъ только откидывался назадъ, глядя на лошадь, сдержанно улыбался въ усы съ подусниками и намеками перекидывался съ женой, поигрывая ногой въ рейтузѣ вишневаго цвѣта. А Хвостовъ, дошаркавъ до лошади, косившей на него огненнымъ глазомъ, останавливался такъ, что казалось, что онъ падаетъ, поднималъ костыль и въ десятый разъ спрашивалъ глухимъ, ничего не выражающимъ голосомъ:

— Сколько просишь?

И всѣмъ надо было отвѣчать. Отъ скуки Тихонъ Ильичъ купилъ книжечку: „Ой, Шмуль до Гивке, сборникъ модныхъ сценокъ, каламбуровъ и разсказовъ изъ похожденій нашихъ еврейчиковъ“—и, сидя на телѣгѣ, много разъ принимался за нее. Но только-что онъ начиналъ: „Каздому, гишпада. жвѣстна,

што мы, жидочки, вкасно любимъ гешефтъ...", какъ кто-нибудь окликалъ. И Тихонъ Ильичъ поднималъ глаза и отзывался, но черезъ силу, стискивая челюсти.

Онъ очень загорѣлъ, похудѣлъ и поблѣднѣлъ, запылился, чувствовалъ смертельную тоску и слабость во всемъ тѣлѣ. Онъ разстроилъ желудокъ, да такъ, что начались корчи. Пришлось сходить въ больницу. Но тамъ онъ часа два ждалъ очереди, сидѣлъ въ гулкомъ коридорѣ, нюхая противный запахъ карболки, и чувствовалъ себя не Тихономъ Ильичомъ, а такъ, какъ будто онъ былъ въ прихожей хозяина или начальника. И, когда докторъ, похожій на дьякона, красный, свѣтлоглазый, въ кургузомъ черномъ сюртукѣ, пахнущемъ мѣдью, сопя, приложилъ холодное ухо къ его груди, онъ поспѣшилъ сказать, что „животъ почти прошелъ", и только по робости не отказался отъ касторки. А воротясь на ярмарку, проглотилъ стаканъ водки съ перцемъ, съ солью и опять сталъ ѣсть колбасу и подрукавный хлѣбъ, пить чай, сырую воду, кислыя щи — и все не могъ утолить жажды. Звали знакомые „пивкомъ освѣжиться" — и онъ шелъ. Оралъ хромой квасникъ:

— Вотъ квасокъ, попыриваетъ въ носокъ! По копейкѣ бокалъ, самый главный лимонадъ!

И онъ останавливалъ квасника.

— Во-отъ мороженно!—теноромъ кричалъ лысый потный мороженщикъ, брюхатый старикъ въ красной рубахѣ.

И онъ—какъ мальчишка!—ѣлъ съ костяной ложечки мороженое, почти снѣгъ, отъ котораго жестоко ломило въ вискахъ.

Пыльный, истолченный ногами, колесами и копытами, засоренный и унавоженный выгонъ уже пустѣлъ, — ярмарка разъѣзжалась. Но Тихонъ Ильичъ, точно на зло кому-то, все держалъ и держалъ на жарѣ и въ пыли непроданныхъ лошадей, все сидѣлъ на телѣгѣ. Точно не болѣзнью былъ подавленъ онъ, а картиной великой нищеты и великаго убожества, споконъ вѣку владѣвшихъ и городомъ этимъ и всѣмъ уѣздомъ его. Господи Боже, что̀ за край! Черноземъ на полтора аршина, да какой! А пяти лѣтъ не проходитъ безъ голода. Городъ на всю Россію славенъ хлѣбной торговлей, — ѣстъ же этотъ хлѣбъ дочиста сто человѣкъ во всемъ городѣ. А ярмарка? Нищихъ, дурачковъ, слѣпыхъ и калѣкъ,—такихъ безобразныхъ, что смотрѣть страшно и тошно,—прямо полкъ цѣлый!..

Домой Тихонъ Ильичъ ѣхалъ въ солнечное жаркое утро по Старой большой дорогѣ. Ѣхалъ сперва городомъ, базаромъ, мимо собора, черезъ мелкую и кисло-вонючую отъ

кожевенныхъ заводовъ рѣчку, а за рѣчкой—въ гору, черезъ Черную Слободу. На базарѣ онъ когда-то служилъ вмѣстѣ съ братомъ въ лавкѣ Маторина. Теперь на базарѣ всѣ кланялись ему. Въ Слободѣ прошло его дѣтство: тутъ, на полугорѣ, среди вросшихъ въ землю мазанокъ съ прогнившими и почернѣвшими крышами, среди навоза, который сушатъ на солнцѣ для топки, среди мусора, золы и тряпокъ, великою радостью было для него съ крикомъ, свистомъ гоняться за нищимъ, давно выгнаннымъ со службы учителемъ уѣзднаго училища, злымъ старичкомъ-онанистомъ, что̀ зиму и лѣто ходилъ въ валенкахъ, подштаникахъ и короткомъ пальто съ облѣзлымъ бобровымъ воротникомъ, будучи извѣстенъ городу подъ странной кличкой: „Собачій Пистолетъ“. Теперь и слѣда не было той мазанки, гдѣ родился и росъ Тихонъ Ильичъ. На ея мѣстѣ стоялъ новый тесовый домикъ со ржавой вывѣской надъ входомъ: „Духовный портной Соболевъ“. Все прочее было въ Слободѣ по-старому: свиньи и куры по переулочкамъ; высокіе шесты у воротъ, а на шестахъ—бараньи рога; бѣлыя большія лица кружевницъ, выглядывающихъ изъ-за горшковъ съ цвѣтами, изъ крохотныхъ окошечекъ; босые мальчишки съ одной помочей черезъ плечо, запускающіе бумажнаго змѣя съ мочальнымъ хвостомъ; бѣлобрысыя тихія дѣвочки, играющія возлѣ завалинокъ въ любимую игру — похороны куколъ... А на горѣ, въ полѣ, онъ перекрестился на кладбище, за оградой котораго, среди старыхъ деревьевъ, была когда-то страшная могила богача и скряги Зыкова, провалившаяся въ ту же минуту, какъ только засыпали ее. И, подумавъ, повернулъ лошадь къ воротамъ кладбища.

У этихъ большихъ бѣлыхъ воротъ постоянно сидѣлъ и позванивалъ въ колокольчикъ съ ручкой и мѣшечкомъ косой монахъ въ черной рясѣ и рыжихъ сапогахъ, — очень сильный, лохматый и свирѣпый на видъ, пьяница, съ необыкновеннымъ мастерствомъ ругавшійся матерно. Теперь монаха не было: на его мѣстѣ сидѣла и вязала чулокъ старуха, похожая на старуху изъ сказки,—въ очкахъ, съ клювомъ, съ провалившимися губами, — одна изъ вдовъ, живущихъ въ пріютѣ при кладбищѣ.

— Здорово, бабка! — ласково крикнулъ Тихонъ Ильичъ, привязывая лошадь къ столбу у воротъ. — Можешь мою лошадь постеречь?

Старуха встала, низко поклонилась и прошамкала:

— Могу, батюшка.

Тихонъ Ильичъ снялъ картузъ, еще разъ, подкатывая глаза

подъ лобъ, перекрестился на картину Успенія Богородицы надъ воротами и прибавилъ:

— Много васъ тутъ теперь?

— Цѣлыхъ двѣнадцать старушекъ, батюшка.

— Что жъ, часто ругаетесь?

— Часто, батюшка...

И Тихонъ Ильичъ не спѣша пошелъ среди деревьевъ и крестовъ, по аллеѣ, ведущей къ старой деревянной церкви, когда-то крашеной охрой. На ярмаркѣ онъ постригъ волосы, подровнялъ и укоротилъ бороду—и очень помолодѣлъ. Молодили его и худоба, загаръ, — бѣлѣли нѣжной кожей только выстриженные треугольнички на вискахъ. Молодили воспоминанія дѣтства и молодости, новый парусиновый картузъ. Лицо его было задумчиво. Онъ съ грустью глядѣлъ по сторонамъ... Какъ коротка и безтолкова жизнь! И какой миръ и покой вокругъ, въ этомъ солнечномъ затишьѣ, въ оградѣ стараго погоста! Горячій вѣтеръ проносился по верхушкамъ свѣтлыхъ деревьевъ, сквозившимъ на безоблачномъ небѣ, до времени порѣдѣвшимъ отъ зноя, волновалъ по камнямъ, памятникамъ ихъ прозрачную, легкую тѣнь. А когда затихалъ, жарко пригрѣвало солнце цвѣты и травы, сладко пѣли птицы въ кустахъ, въ сладкой истомѣ замирали на горячихъ дорожкахъ пышноцвѣтныя бабочки... На одномъ крестѣ Тихонъ Ильичъ прочелъ:

Какіе страшные оброки
Смерть собираетъ отъ людей!

Но ничего страшнаго не было вокругъ. Онъ шелъ, даже какъ бы съ удовольствіемъ замѣчая, что кладбище растетъ, что появилось много новыхъ отличныхъ мавзолеевъ среди тѣхъ старинныхъ камней въ видѣ гробовъ на ножкахъ, тяжкихъ чугунныхъ плитъ и огромныхъ, грубыхъ и уже гніющихъ крестовъ, которыми полно оно. „Скончалась 1819 года Ноября 7 въ 5 часовъ утра“—такія надписи было жутко читать, нехороша смерть на разсвѣтѣ ненастнаго осенняго дня, въ старомъ уѣздномъ городѣ! Но рядомъ свѣтилъ среди деревьевъ своей бѣлизной мраморный ангелъ, съ очами, устремленными въ голубое небо, и на черно-зеркальномъ гранитѣ подъ нимъ были выбиты золотыя буквы: „Блаженны мертвые, умирающіе въ Господѣ!“. На желѣзномъ, радужномъ отъ непогоды и времени, памятникѣ какого-то коллежскаго ассесора можно было разобрать стихи:

Царю онъ честно послужилъ,
Сердечно ближняго любилъ,
Былъ уважаемъ отъ людей...

И стихи эти показались Тихону Ильичу лживыми... Но здѣсь и ложь трогала. Ибо—гдѣ правда? Вотъ въ кустахъ валяется человѣческая челюсть, точно сдѣланная изъ грязнаго воска,—все, что̀ осталось отъ человѣка... Но все ли? Гніютъ цвѣты, ленты, кресты, гробы и кости въ землѣ,—все смерть и тлѣнъ! Но шелъ далѣе Тихонъ Ильичъ и читалъ: „Такъ и при воскресеніи мертвыхъ: сѣется въ тлѣніи, возстаетъ въ нетлѣніи“... „Милый сынъ нашъ, память о тебѣ не умретъ въ сердцахъ нашихъ вовѣки!..“

Все строже сдвигая брови, онъ снималъ картузъ и крестился. Онъ былъ блѣденъ и еще слабъ послѣ болѣзни, онъ вспоминалъ свое дѣтство, молодость, Кузьму... Онъ шелъ въ тотъ дальній уголъ кладбища, гдѣ были похоронены всѣ его близкіе—отецъ, мать, сестра, умершая еще дѣвочкой... Надписи трогательно и мирно говорили о покоѣ и отдыхѣ, о нѣжности къ отцамъ, матерямъ, мужьямъ и женамъ, о любви, которой какъ будто нѣтъ и не будетъ на землѣ, о той преданности другъ другу и покорности Богу, о тѣхъ горячихъ упованіяхъ на жизнь будущую и свиданіе въ иной, блаженной странѣ, которымъ вѣришь только здѣсь, и о томъ равенствѣ, что̀ даетъ только смерть,—тѣ минуты, когда мертваго нищаго цѣлуютъ въ уста послѣднимъ цѣлованіемъ, какъ брата, сравниваютъ его съ царями и владыками, говорятъ надъ нимъ самыя мудрыя, самыя великія и торжественныя слова... А тамъ, въ дальнемъ углу ограды, въ кустахъ бузины, дремлющихъ на припекѣ, тамъ, гдѣ когда-то были могилы, а теперь только холмы и впадины, заросшіе травой и бѣлыми цвѣтами, увидалъ Тихонъ Ильичъ свѣжую дѣтскую могилку, крестъ, а на крестѣ—двустишіе:

тише, листья, не шумите,
мово Костю не будите!—

и, вспомнивъ своего ребенка, задавленнаго во снѣ нѣмой кухаркой, заморгалъ отъ навернувшихся слезъ...

По шоссе, идущему мимо кладбища и пропадающему среди волнистыхъ полей, никто никогда не ѣздитъ. Шагаетъ по шоссе только какой-нибудь легконогій босякъ, малый въ розовой слинявшей рубахѣ, въ порткахъ изъ разноцвѣтныхъ заплатъ. Ѣздятъ же по пыльному проселку, рядомъ. По проселку поѣхалъ и Тихонъ Ильичъ. Навстрѣчу ему пронеслась сперва ободранная извозчичья пролетка, — лихо носятся уѣздные извозчики! — а въ пролеткѣ — охотникъ изъ банковскихъ чиновниковъ: у ногъ — нѣмая легавая собака, на колѣняхъ — ружье въ чехлѣ, на ногахъ —

высокіе болотные сапоги, хотя болотъ въ уѣздѣ никогда и не бывало. Потомъ пронырялъ по пыльнымъ ухабамъ молодой почтарь, высоко взгромоздившійся на старинный велосипедъ съ двумя колесами, изъ которыхъ одно было огромное, а другое, то, что сзади, крохотное. Онъ испугалъ лошадь, и Тихонъ Ильичъ сердито стиснулъ зубы: въ работники бы этого лодаря! Полдневное солнце палило, вѣтеръ дулъ горячій, безоблачное небо становилось грифельнымъ. И, думая о краткости и безтолковости жизни, все сердитѣе отвертывался Тихонъ Ильичъ отъ пыли, летѣвшей по дорогѣ, все озабоченнѣе косился на тощіе, до времени подсыхающіе хлѣба.

Мѣрнымъ шагомъ, съ высокими посошками, шли толпы замученныхъ усталостью и зноемъ богомолокъ. Онѣ отвѣшивали Тихону Ильичу низкіе, смиренные поклоны, но поклоны эти казались ему жульническими.

— Смиренницы! А грызутся, небось, на ночевкахъ, какъ собаки!—бормоталъ онъ.

Подымая тучи пыли, гнали лошаденокъ пьяные мужики, возвращавшіеся съ ярмарки,—чуть не по десятку на каждой подводѣ,—рыжіе, сивые, черные, бѣлобрысые, но всѣ одинаково безобразные, тощіе и лохматые. И, обгоняя ихъ гремящія телѣги, Тихонъ Ильичъ моталъ головой:

— У, нищеброды, пропади вы пропадомъ!

Одинъ, въ изорванной на ленты ситцевой рубахѣ, спалъ, колотился, какъ мертвый, лежа на спинѣ, закинувъ голову, задравъ окровавленную бороду и распухшій въ засохшей крови носъ. Другой бѣжалъ, догонялъ сорванную вѣтромъ шапку, споткнулся — и Тихонъ Ильичъ съ злобнымъ наслажденіемъ вытянулъ его кнутомъ. Попалась телѣга, полная рѣшетъ, лопатъ и бабъ; сидя къ лошади спинами, онѣ тряслись и подпрыгивали; у одной на головѣ былъ новый дѣтскій картузикъ козырькомъ назадъ, другая пѣла, набивъ ротъ калачомъ, третья махала руками и съ хохотомъ орала вдогонку Тихону Ильичу:

— Дядя! Чеку потерялъ!

И онъ придержалъ лошадь, далъ себя обогнать и вытянулъ кнутомъ и бабу...

За заставой, гдѣ свернуло шоссе въ сторону, гдѣ отстали гремящія телѣги и охватила тишина, просторъ и зной степи, опять почувствовалъ онъ, что все-таки самое главное на свѣтѣ — „дѣло“. Съ великимъ презрѣніемъ подумалъ онъ о помѣщикахъ, форсившихъ на ярмаркѣ жалкими троечками... Эхъ, и нищета же кругомъ! До тла разорены мужики, трынка

не осталось въ оскудѣвшихъ усадьбишкахъ, раскиданныхъ по уѣзду... Хозяина бы сюда, хозяина!

— Да не ты, братъ, хозяинъ-то! — зло ухмылялся онъ самому себѣ.—Самъ нищій, шальной, неудѣльный!

На полпути было Ровное, большое однодворческое село. Суховѣй проносился вдоль пустыхъ улицъ, по лозинкамъ, спаленнымъ жарою. У пороговъ ерошились, зарывались въ золу куры. Грубо торчала на голомъ выгонѣ церковь дикаго цвѣта. За церковью блестѣлъ на солнцѣ мелкій глинистый прудъ подъ навозной плотиной — густая желтая вода, въ которой стояло стадо коровъ, поминутно отправлявшее свои нужды, и намыливалъ голову голый мужикъ. Онъ тоже по поясъ вошелъ въ воду, на груди его блестѣлъ мѣдный крестикъ, шея и лицо были черны отъ загара, а тѣло поразительно блѣдно и бѣло.

— Разнуздай-ка лошадь-то, — сказалъ Тихонъ Ильичъ, въѣзжая въ прудъ, пахнущій стадомъ.

Мужикъ кинулъ мраморно-синеватый обмылокъ на черный отъ коровьяго помета берегъ и, съ сѣрой головой, стыдливо закрываясь, поспѣшилъ исполнить приказаніе. Лошадь жадно припала къ водѣ, но вода была такъ тепла и противна, что она подняла морду и отвернулась. Посвистывая ей, Тихонъ Ильичъ покачалъ картузомъ:

— Ну, и водица у васъ! Ужли пьете?

— А у васъ-то ай сахарная? — ласково и весело возразилъ мужикъ.—Тыщу лѣтъ пьемъ! Да вода что — вотъ хлѣбушка нѣтути...

И пришлось промолчать: вѣдь и въ Дурновкѣ вода не лучше и тоже нѣтъ хлѣбушка... Да и не будетъ... За Ровнымъ дорога опять пошла среди ржей, но какихъ! Тощихъ, слабыхъ, почти безъ колоса, переполненныхъ васильками... А возлѣ Выселокъ, подъ Дурновкой, тучей сидѣли на дуплистой корявой ракитѣ грачи съ раскрытыми серебристыми клювами: отъ Выселокъ осталось въ этотъ день только одно званіе—только черные остовы избъ среди мусора! Мусоръ курился молочно-синеватымъ дымкомъ, кисло воняло гарью... И мысль о пожарѣ молніей пронизала Тихона Ильича. „Бѣда!“—подумалъ онъ, блѣднѣя. Ничего-то у него не застраховано, все можетъ въ одинъ часъ слетѣть...

Съ этихъ Петровокъ, съ этой памятной поѣздки на ярмарку Тихонъ Ильичъ началъ попивать — и таки-частенько, не допьяну, но до порядочной красноты лица. Однако это ничуть не мѣшало дѣламъ, да не мѣшало, по его словамъ, и здоровью. „Водка кровь полируетъ“, — говорилъ онъ; и, правда, видъ у него сталъ еще болѣе крѣпкій, чѣмъ прежде

Жизнь свою онъ и теперь нерѣдко называлъ каторгой, петлей, золотою клѣткой. Но шагалъ онъ по своей дорогѣ все увѣреннѣе, не обращая вниманія на погоду и дорогу. Будни воцарились въ его домѣ, и нѣсколько лѣтъ прошло такъ однообразно, что все слилось въ одинъ рабочій день. А новыми крупными событіями оказалось то, чего и не чаяли,—война съ Японіей и революція.

Слухи о войнѣ начались, конечно, бахвальствомъ. „Казакъ желтую-то шкуру скоро спуститъ, братъ!“ Но оно тлѣло такъ недолго, это слабое подобіе прежнихъ бахвальствъ. Скоро послышались иныя рѣчи.

— Своей земли дѣвать некуды!—строгимъ хозяйственнымъ тономъ говорилъ Тихонъ Ильичъ, кажется, впервые за всю свою жизнь разсуждая не о дурновской, а о всей русской землѣ.—Не война-съ, а прямо безсмыслица!

Сказывалось и другое, исконное — быть на сторонѣ тѣхъ, кто одолѣваетъ. И въ восхищеніе приводили вѣсти о страшныхъ разгромахъ русской арміи:

— Ухъ, здорово! Такъ ихъ, мать ихъ такъ!

Восхищали и побѣды революціи, восхищали убійства:

— Какъ далъ этому самому министру подъ жилу, — говорилъ иногда Тихонъ Ильичъ въ пылу восторга:—какъ далъ—праху отъ него не осталось!

Но нарастала и тревога. Какъ только заговорили о землѣ, стала просыпаться злоба. „Все жиды работаютъ! Все жиды-съ, да вотъ еще лохмачи эти — студенты!“ Болѣе всего раздражало Тихона Ильича то, что соціалъ-демократомъ называетъ себя сынъ дьякона въ Ульяновкѣ, семинаристъ, околачивавшійся безъ дѣла у отца. И непонятно было: всѣ говорятъ—революція, революція, а вокругъ — все прежнее, будничное: солнце свѣтитъ, въ полѣ ржи цвѣтутъ, подводы тянутся на станцію... Непонятенъ былъ въ своемъ молчаніи, въ своихъ уклончивыхъ рѣчахъ народъ.

— Скрытенъ-съ онъ, народъ-то! Прямо жуть, какъ скрытенъ!—говорилъ Тихонъ Ильичъ.

И, забывъ о „жидахъ“, прибавлялъ:

— Положимъ, что и музыка-то вся эта не хитрая-съ. Правительство смѣнить да земелькой поровнять—это вѣдь и младенецъ пойметъ-съ. И, значитъ, дѣло ясно, за кого онъ гнетъ, — народъ-то-съ. Но, конечно, помалкиваетъ. И надо, значитъ, слѣдить, да такъ норовить, чтобъ помалкивалъ. Не давать ему ходу! Не то держись: почуетъ удачу, почуетъ шлею подъ хвостомъ—въ дребезги расшибетъ-съ!

Когда онъ читалъ или слышалъ, что будутъ отнимать землю

только у тѣхъ, у кого больше пятисотъ десятинъ, онъ и самъ становился „смутьяномъ“. Даже съ дурновцами въ споръ пускался. Случалось—стоитъ возлѣ его лавки мужикъ: купилъ на станціи водки, купилъ въ лавкѣ тарань и кренделей, снялъ шапку; но все оттягиваетъ наслажденіе и говоритъ:

— Нѣтъ, это ты, Ильичъ, не толкуй. По справедливой оцѣнкѣ—это можно, взять-то ее. А такъ—нѣтъ, не хорошо...

Пахнетъ сосновымъ тесомъ, сваленнымъ возлѣ амбаровъ, напротивъ двора. Раздражающе пахнетъ таранью и мочалой, на которой нанизаны крендели. Слышно, какъ за деревьями и за постройками станціи сипитъ, разводитъ пары горячій паровозъ товарнаго поѣзда. Безъ шапки стоитъ возлѣ лавки, щурясь и хитро улыбаясь, Тихонъ Ильичъ. Улыбается и отвѣчаетъ:

— Толкушка! А если онъ не хозяинъ, а бродяга?

— Кто? Баринъ-то?

— Нѣтъ,—задница!

— Ну, это дѣло особая. У такого-то и со всѣми потрохами отнять не грѣхъ!

— Ну вотъ то-то и оно-то!

Но приходила другая вѣсть — будутъ и меньше пятисотъ брать! — и сразу овладѣвала душой разсѣянность, подозрительность, придирчивость. Все, что дѣлается по дому, начинало казаться отвратительнымъ.

Выносилъ изъ лавки Егорка, подручный, мучные мѣшки и начиналъ вытрясать ихъ. И голова его напоминала голову городского дурачка „Мотя-Утиная-Головка“. Макушка клиномъ, волосы жестки и густы—„и отчего это такъ густы они у дураковъ?“ — лобъ вдавленный, лицо — какъ яйцо косое, глаза выпуклые, а вѣки съ бѣлыми, телячьими рѣсницами точно натянуты на нихъ: кажется, что не хватило кожи, что, если малый смкнетъ ихъ, нужно будетъ ротъ разинуть, если закроетъ ротъ—придется широко раскрыть вѣки. И Тихонъ Ильичъ злобно кричалъ:

— Далдонъ! Дулѣбъ! Что жъ ты на меня-то трясешь?

Выносила кухарка какой-то сундучокъ, раскрывала его, клала нутромъ наземь и начинала стучать въ дно кулакомъ. И, поняв, въ чемъ дѣло, Тихонъ Ильичъ медленно качалъ головой:

— Ахъ, хозяйки, мать вашу такъ! Прусаковъ выбиваешь?

— Ихъ тутъ — прямо туча!—радостно отвѣчала кухарка. — Глянули, а тамъ страсти Божіи!

И, скрипнувъ зубами, Тихонъ Ильичъ выходилъ на шоссе и долго глядѣлъ въ волнистыя поля, въ сторону Дурновки.

Горницы его, кухня, лавка и амбаръ, гдѣ прежде была винная торговля, — все это составляло одинъ срубъ, подъ одной желѣзной крышей. Съ трехъ сторонъ вплотную примыкали къ нему навѣсы скотнаго варка, крытые соломой — и получался уютный квадратъ. Крыльцо и всѣ окна глядѣли на югъ. Но видъ загораживали хлѣбные амбары, стоявшіе противъ оконъ, черезъ дорогу. Направо была станція, налѣво шоссе. За шоссе — березовый лѣсокъ. И когда Тихону Ильичу было не по себѣ, онъ выходилъ на шоссе. Бѣлой извилистой лентой, съ перевала на перевалъ, убѣгало оно къ югу, все понижаясь вмѣстѣ съ полями и снова поднимаясь къ горизонту только отъ далекой будки, гдѣ его пересѣкала идущая съ юго-востока чугунка. И если случалось, что ѣхалъ въ Ульяновку кто-нибудь изъ дурновскихъ мужиковъ, — конечно, кто подѣльнѣе, поразумнѣе, напримѣръ, Яковъ, котораго всѣ зовутъ Яковомъ Микитичемъ за то, что онъ жаденъ, бережетъ второй годъ кладушку хлѣба и владѣетъ тремя справными лошадьми, — Тихонъ Ильичъ останавливалъ его.

— Хоть бы картузишко-то купилъ! — кричалъ онъ съ усмѣшкой.

Яковъ, въ шапкѣ, въ замашной рубахѣ, въ короткихъ тяжевыхъ портканхъ и босой, сидѣлъ на грядкѣ телѣги. Онъ натягивалъ веревочныя вожжи, останавливая сытую кобылу.

— Здорово, Тихонъ Ильичъ, — сдержанно говорилъ онъ.

— Здорово! Шапку-то, говорю, пора пожертвовать на галчиныя гнѣзда!

Яковъ, съ хитрой усмѣшкой въ землю, кивалъ головой.

— Это... какъ сказать?.. не плохо бы. Да капиталъ-то, къ примѣру, не дозволяетъ!

— Будетъ толковать-то! Знаемъ мы васъ, казанскихъ сиротъ! Дѣвку отдалъ, малаго женилъ, деньги есть... Чего тебѣ еще отъ Господа Бога желать?

Это льстило Якову, но сдерживало еще болѣе.

— О, Господи! — вздыхая, бормоталъ онъ дрожащимъ, какъ бы похохатывающимъ голосомъ. — Деньги... У меня ихъ, къ примѣру, и въ заведеньи-то не бывало... А малый... что жъ малый? Малый не радуетъ... Прямо надо сказать — не радуетъ!

Былъ Яковъ, какъ многіе мужики, очень первенъ и особенно тогда, когда доходило дѣло до его семьи, хозяйства. Былъ очень скрытенъ, но тутъ первность одолѣвала, хотя изобличала ее только отрывистая, дрожащая рѣчь. И, чтобы уже совсѣмъ растревожить его, Тихонъ Ильичъ участливо спрашивалъ:

— Не радуетъ? Скажи, пожалуйста! И все изъ-за бабы?

Яковъ, озираясь, скребъ ногтями грудь:

— Изъ-за бабы, родимецъ ее расшиби...

— Ревнуетъ?

— Ревнуетъ... Въ снохачи меня записали.

— Хм! — участливо отзывался Тихонъ Ильичъ. хотя отлично зналъ, что не безъ огня тутъ дымъ.

А у Якова уже бѣгали глаза.

— Тамъ нажалилась мужу, тамъ нажалилась! Да что — отравить хотѣла! Иной разъ, къ примѣру, остудишься... покуришь маленько, чтобъ на груди полегчало... Ну, и запримѣтила... да и сунула мнѣ подъ подушку цыгарку... Кабы не глянулъ—пропалъ бы!

— Что жъ за цыгарка такая?

— Костей мертвыхъ натолкла да замѣсто табаку и всыпала...

— То-то малый-то дуракъ! Поучилъ бы ее, анаѳему, по-русски!

— Куда тебѣ! Мнѣ же, къ примѣру, на грудь полѣзъ! А самъ какъ змѣй вьется... Ухвачу за голову, анъ голова-то стриженая! Ухвачу за пельки... рубаху драть жалко!

Тихонъ Ильичъ качалъ головой, молчалъ минуту и наконецъ рѣшался:

— Ну, а какъ у васъ тамъ? Все бунту ждете?

Но тутъ скрытность сразу возвращалась къ Якову. Онъ усмѣхался и махалъ рукой.

— Ну! — скороговоркой бормоталъ онъ. — Какого тамъ рожна—бунту! У насъ народъ смирный... Смирный народъ...

И натягивалъ вожжи, будто не стоитъ лошадь.

— А сходка-то зачѣмъ въ воскресенье была? — вдругъ злобно кидалъ Тихонъ Ильичъ.

— Сходка-то? А чума ихъ знаетъ! Погалдѣли, къ примѣру...

— Знаю, о чемъ галдѣли-то! Знаю!

— Да что жъ, я не таюсь... Болтали, къ примѣру, что вышла, молъ, распоряженіе... вышла будто распоряженіе — никакъ не работать по прежней цѣнѣ...

Очень обидно было думать, что изъ-за какой-то Дуриовки руки отваливаются отъ дѣла. И дворовъ-то въ этой Дуриовкѣ всего три десятка. И лежитъ-то она въ чортовой ярутѣ: широкій оврагъ, на одномъ боку—избы, на другомъ—усадьбишка. И переглядывается эта усадьбишка съ избами и со дня на день ждетъ какого-то „распоряженія"... Ухъ, взять бы нѣсколько казаковъ съ плетьми!

По „распоряженіе“ таки-вышло. Пронесся въ одно изъ воскресеній слухъ, что въ Дурновкѣ—сходка, вырабатывается планъ наступленія на усадьбу. Съ злобно-радостными глазами, съ ощущеніемъ необычной силы и дерзости, съ готовностью „самому чорту рога сломать“, Тихонъ Ильичъ крикнулъ „запречь въ бѣгунки жеребчика“ и черезъ десять минутъ уже гналъ его вдоль шоссе къ Дурновкѣ. Солнце садилось послѣ дождливаго дня въ сѣро-красныя тучи, стволы въ березовомъ лѣсочкѣ были алые, проселокъ, рѣзко выдѣлявшійся черно-фіолетовой грязью среди свѣжей зелени, былъ тяжелъ. Съ ляжекъ жеребчика, со шлеи, ерзавшей по нимъ, падала розовая пѣна. Но не до жеребчика было. Крѣпко щелкая по немъ вожжами, Тихонъ Ильичъ свернулъ отъ чугунки, взялъ направо полевой дорогой и, увидавъ Дурновку, на минуту усомнился въ правдивости слуховъ о бунтѣ. Мирная тишина была вокругъ, мирно пѣли свои вечернія пѣсни жаворонки, просто и спокойно пахло влажной землей и сладостью полевыхъ цвѣтовъ... Но вдругъ взглядъ его упалъ на пары возлѣ усадьбы, густо усѣянные желтымъ донникомъ: на парахъ пасся мужицкій табунъ! Началось, значитъ! И, передернувъ вожжи, Тихонъ Ильичъ пролетѣлъ мимо табуна, мимо риги, заросшей лопухами и крапивой, мимо низкорослаго вишневаго сада, полнаго воробьями, мимо конюшни и людской избы и вскочилъ во дворъ...

А потомъ творилось что-то несуразное: въ сумеркахъ, замирая отъ злобы, обиды и страха, Тихонъ Ильичъ сидѣлъ въ полѣ на бѣгункахъ. Сердце его колотилось, руки дрожали, лицо горѣло, слухъ былъ чутокъ, какъ у звѣря. Онъ сидѣлъ, слушалъ крики, доносившіеся изъ Дурновки, и вспоминалъ, какъ толпа, показавшаяся огромной, повалила, завидя его, черезъ оврагъ къ усадьбѣ, наполнила дворъ галдой и бранью, сгрудилась у крыльца и прижала его къ двери. Въ рукахъ у него былъ только кнутъ. И онъ махалъ имъ, то отступая, то отчаянно кидаясь въ толпу. Но еще шире и смѣлѣе махалъ палкой наступавшій шорникъ, — злой, поджарый, съ провалившимся животомъ, востроносый, въ сапогахъ и лиловой ситцевой рубахѣ. Онъ отъ лица всей толпы,—дико было видѣть въ ней Николку Сѣраго, самаго нищаго мужичонку во всей Дурновкѣ, Чугунка, Якова!—оралъ, что вышло распоряженіе „пошабашить это дѣло“—пошабашить въ одинъ и тотъ же день и часъ по всей губерніи: согнать изъ всѣхъ экономій посторонніхъ батраковъ, заступить на ихъ работу мѣстнымъ, — по цѣлковому на день! — а хозяевъ турить въ

три шеи, куда ихъ глаза глядятъ. И Тихонъ Ильичъ оралъ еще неистовѣе, стараясь заглушить шорника:

— А-а! Вотъ какъ! Навострился, бродяга, у дьяконова сына? Насобачился?

И шорникъ цѣпко, на лету ловилъ его слова.

— Ты бродяга-то! — до сипоты вопилъ онъ, наливаясь кровью. — Ты, дуракъ, сѣдой! Ай я безъ дьяконова-то сына не жилъ? Ай я не знаю, сколько земли-то у тебя? Сколько, кошкодеръ? Двѣсти? А у меня—чортъ!—у меня ее и всей-то съ твое крыльцо! А почему? Кто ты такой? Кто ты такой есть, спрашиваю я тебя? Изъ какихъ такихъ квасовъ?

— Ну, помни-и, Митька! — крикнулъ наконецъ Тихонъ Ильичъ безпомощно и, чувствуя, что голова его мутится, кинулся сквозь толпу къ бѣгункамъ.—Помни ты это себѣ!

Но никто не боялся угрозъ — и дружный гоготъ, ревъ и свистъ понеслись ему вослѣдъ... А потомъ онъ колесилъ вокругъ усадьбы, замиралъ, слушалъ. Онъ выѣзжалъ на дорогу, на перекрестокъ и становился лицомъ къ зарѣ, къ станціи, готовый каждую минуту ударить по лошади. Было очень тихо, тепло, сыро и темно. Земля, поднимаясь къ горизонту, гдѣ еще тлѣлъ красноватый слабый свѣтъ, была черна, какъ пропасть.

— С-стой, стерва!—сквозь зубы шепталъ Тихонъ Ильичъ шевелившейся лошади.—Сто-ой!

А издали доносились то крики, то пѣсни. И изо всѣхъ голосовъ выдѣлялся голосъ Ваньки Краснаго, уже два раза побывавшаго на Донецкихъ шахтахъ... А потомъ надъ усадьбой вдругъ поднялся дымно-огненный столбъ: мужики отрясли въ саду всю завязь, зажгли шалашъ — и пистолетъ, забытый въ шалашѣ сбѣжавшимъ мѣщаниномъ-садовникомъ, сталъ палить изъ огня...

Впослѣдствіи узнали, что, и правда, совершилось чудо: въ одинъ и тотъ же день взбунтовались мужики чуть не по всему уѣзду. И гостиницы города долго были переполнены помѣщиками, искавшими защиты у властей. Но впослѣдствіи Тихонъ Ильичъ съ великимъ стыдомъ вспоминалъ, что искалъ и онъ ея: со стыдомъ потому, что весь бунтъ кончился тѣмъ, что поорали дурновцы, побезобразничали, да и смолкли. Шорникъ вскорѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, опять сталъ появляться въ лавкѣ на Воргалѣ и почтительно снимать шапку на порогѣ, точно не замѣчая, что Тихонъ Ильичъ въ лицѣ темнѣетъ при его появленіи. Однако еще ходили слухи, что собираются дурновцы убить Тихона Ильича. И онъ побаивался запазды-вать на пути изъ Дурновки, ощупывалъ въ карманѣ буль-

догъ, надоѣдливо оттягивавшій карманъ шароваръ, давалъ себѣ клятву сжечь до тла Дурновку въ одну прекрасную ночь... отравить воду въ дурновскихъ прудахъ... Потомъ прекратились и слухи. Но Тихонъ Ильичъ сталъ твердо подумывать развязаться съ Дурновкой. „Не тѣ деньги, что у бабушки, а тѣ, что въ пазушкѣ!“ Да и посмѣлѣли мужики въ обращеніи, появилась у нихъ какая-то загадочная освѣдомленность...

— Да ты въ газетахъ это, что ли, читалъ? — спросилъ разъ Тихонъ Ильичъ заику Кобыляя, прославившагося тѣмъ, что его однажды „поймали“ въ табунѣ.

— Въ ггазетахъ?—удивился Кобыляй.—А ккто ихъ ннамъ ддавалъ?

И правда: никто не давалъ. Но знали дурновцы прямотаки „всю подноготную“, и ужъ по одному этому глупо было поручать надзоръ и веденіе дѣлъ въ усадьбѣ работникамъ изъ дурновцевъ... Да и старостой-то былъ Родька.

Въ этотъ годъ,—самый тревожный изъ всѣхъ послѣднихъ,—Тихону Ильичу сровнялось уже пятьдесятъ. Но мечта стать отцомъ не покидала его. И вотъ она-то и столкнула его съ Родькой.

Родька, долговязый, хмурый малый изъ Ульяновки, пошелъ назадъ тому два года во дворъ къ брату Якова, Ѳедоту; женился, схоронилъ Ѳедота, умершаго съ перепоя на свадьбѣ, и отбылъ въ солдаты. А молодая,—стройная, съ очень бѣлой, нѣжной кожей, съ тонкимъ румянцемъ, съ вѣчно опущенными рѣсницами,—стала работать въ усадьбѣ, на поденщинѣ. И эти рѣсницы волновали Тихона Ильича страшно. Носятъ дурновскія бабы „рога“ на головѣ: какъ только изъ-подъ вѣнца косы кладутся на макушкѣ, покрываются платкомъ и образуютъ нѣчто дикое, коровье. Носятъ старинныя темно-лиловыя паневы съ позументомъ, бѣлый передникъ въ родѣ сарафана и лапти. Но Молодая,—за ней такъ и осталась эта кличка,—была и въ этомъ нарядѣ хороша. И однажды вечеромъ, въ темной ригѣ, гдѣ Молодая одна дометала колосъ, Тихонъ Ильичъ, оглянувшись, быстро подошелъ къ ней и быстро сказалъ:

— Въ полсапожкахъ ходить будешь, въ платкахъ шелковыхъ... Четвертного не пожалѣю!

Но Молодая молчала, какъ убитая.

— Слышишь, что ли? — шопотомъ крикнулъ Тихонъ Ильичъ.

Но Молодая точно окаменѣла, склонивъ голову и кидая граблями.

И такъ онъ и не добился ничего. Какъ вдругъ явился Родька: раньше срока, кривой. Было это вскорѣ послѣ бунта дурновцевъ, и Тихонъ Ильичъ тотчасъ же нанялъ Родьку вмѣстѣ съ женой въ дурновскую усадьбу, ссылаясь на то, что „безъ солдата теперь не обойдешься“. Подъ Ильинъ день Родька уѣхалъ въ городъ, а Молодая мыла полы въ домѣ. Шагая черезъ лужи, Тихонъ Ильичъ вошелъ въ комнату, глянулъ на склонившуюся къ полу Молодую, на ея бѣлыя икры, забрызганныя грязной водой, на все ея раздавшееся и пополнѣвшее тѣло... И вдругъ щелкнулъ ключомъ въ двери и, какъ-то особенно ловко владѣя своей силой и желаніемъ, шагнулъ къ Молодой. Она быстро выпрямилась, подняла возбужденное, раскраснѣвшееся лицо и, держа въ рукѣ мокрую ветошку, странно крикнула:

— Такъ и смажу тебя, малый!

Пахло горячими помоями, горячимъ тѣломъ, потомъ... И, схвативъ руку Молодой, звѣрски стиснувъ ее, тряхнувъ и выбивъ ветошку, Тихонъ Ильичъ правой рукой поймалъ Молодую за талію, прижалъ къ себѣ, да такъ, что хрустнули кости,—и понесъ въ другую комнату, гдѣ была постель. И, откинувъ голову, расширивъ глаза, Молодая уже не билась, не противилась...

Стало послѣ этого мучительно видѣть жену. Родьку, знать, что онъ спитъ съ Молодой, что онъ свирѣпо бьетъ ее—ежедневно и еженощно. А вскорѣ стало и жутко. Неисповѣдимы пути, по которымъ доходитъ до правды ревнивый человѣкъ. И Родька дошелъ. Худой, кривой, длиннорукій и сильный, какъ обезьяна, съ маленькой, коротко стриженой черной головой, которую онъ всегда гнулъ, глядя глубоко запавшимъ блестящимъ глазомъ исподлобья, онъ сталъ страшенъ. Въ солдатахъ онъ нахватался хохлацкихъ словъ и удареній. И если Молодая осмѣливалась возражать ему на его краткія, жесткія рѣчи, онъ спокойно бралъ ременный кнутъ, подходилъ къ ней съ злой усмѣшкой и, сквозь зубы, спокойно спрашивалъ:

— Вы что говорите?

И такъ вытягивалъ ее, что у нея въ глазахъ темнѣло.

Разъ наткнулся на эту расправу самъ Тихонъ Ильичъ и, не выдержавъ, крикнулъ:

— Что ты дѣлаешь, мерзавецъ ты этакій?

Но Родька спокойно сѣлъ на лавку и только глянулъ на него:

— Вы что говорите? — спросилъ онъ.

И Тихонъ Ильичъ поспѣшилъ хлопнуть дверью...

Стали мелькать уже дикія мысли: отравить жену,—напримѣръ, угаромъ,—подстроить такъ, чтобы Родьку гдѣ-нибудь придавило крышей или землей... Но прошелъ мѣсяцъ, прошелъ другой,—и надежда, та надежда, которая и опьянила-то этими мыслями, жестоко обманула: Молодая не забеременѣла! Всѣ въ Дурновкѣ были убѣждены, что виноватъ въ ея безплодіи Родька. Былъ убѣжденъ въ этомъ и Тихонъ Ильичъ—и надѣялся крѣпко. Но однажды въ серединѣ сентября, неожиданно явившись въ усадьбу, когда Родька былъ на станціи, Тихонъ Ильичъ такъ и ахнулъ, глянувъ на перекосившееся отъ испуга женственно-прекрасное лицо Молодой.

— Ай опять готова?—крикнулъ онъ, взбѣгая на крыльцо.

И у Молодой побѣлѣли губы, восковымъ сталъ носъ, до столбняка почернѣли и расширились глаза. Она ожидала смертельнаго удара въ голову и невольно откинула ее. Но Тихонъ Ильичъ сдержался—онъ только одинъ разъ ударилъ ее по щекѣ да простоналъ отъ боли и бѣшенства.

Черезъ минуту онъ уѣхалъ обратно — и съ тѣхъ поръ Родькѣ не было повода ревновать. И, почувствовавъ это, Родька сталъ робѣть Тихона Ильича. А у того таилось теперь лишь одно желаніе: прогнать его съ глазъ долой да поскорѣе... Но кѣмъ было замѣнить его?

Съ дурновцами Тихонъ Ильичъ держался еще на чеку. Станового, урядника зазывалъ въ гости, подпаивалъ. А какая была отъ нихъ польза? Урядникъ Орловъ только и дѣлалъ, заѣхавъ, что пилъ,—„за здоровье глубокоуважаемой Анастасіи Петровны!“ — закусывалъ, форсилъ своимъ свободомысліемъ, очень развязно критикуя „примѣръ-министра“ и не давая хозяину и двухъ словъ сказать о своихъ дѣлахъ. А, ночуя, спалъ себѣ до десяти часовъ, да еще одѣвался хозяйской чуйкой, выставляя изъ-подъ нея грязныя худыя ноги съ длинными, какъ у собаки, ногтями...

Выручилъ случай. Неожиданно Тихонъ Ильичъ помирился съ братомъ и уговорилъ его взять на себя управленіе Дурновкой.

Узналъ онъ отъ знакомаго въ городѣ, что Кузьма бросилъ пить, долго служилъ конторщикомъ у помѣщика Касаткина и, что всего удивительнѣе, — сталъ „авторомъ“. Да, напечатали будто бы цѣлую книжку его стиховъ и на оборотѣ обозначили: „складъ у автора“.

— Та-акъ-съ!—протянулъ Тихонъ Ильичъ, услыхавши это.— Онъ Кузьма, а ничего! И что же, позвольте спросить, такъ и напечатали: сочиненіе Кузьмы Красова?

— Все честь честью,—отвѣтилъ знакомый, твердо вѣрившій,

впрочемъ,—какъ и многіе въ городѣ,—что стихи свои Кузьма „сдираетъ“ изъ книгъ, изъ журналовъ.

Тогда Тихонъ Ильичъ, не сходя съ мѣста, за столомъ въ трактирѣ Даева, написалъ брату твердую и краткую записку: пора старикамъ помириться, покаяться. Въ трактирѣ же произошло и примиреніе—почти безмолвное и быстрое. А на другой день и дѣловой разговоръ.

Было утро, въ трактирѣ еще пусто. Солнце свѣтило въ запыленныя окна, озаряло столики, крытые сыроватыми красными скатертями, темный, только-что вымытый отрубями полъ, пахнущій конюшней, половыхъ въ бѣлыхъ рубашкахъ и бѣлыхъ штанахъ. Въ клѣткѣ на всѣ лады, какъ не живая, какъ заведенная, заливалась канарейка. Рядомъ, у Михаила Архангела, звонили къ обѣднѣ, и важный густой звонъ сотрясалъ стекла, дрожа, гудѣлъ надъ головой. Тихонъ Ильичъ, съ нервнымъ и серьезнымъ лицомъ, сѣлъ за столъ, потребовалъ сперва только пару чаю, но не утерпѣлъ и взялся за карточку, — новость, смѣнившую всѣхъ посѣтителей Даева. На карточкѣ было напечатано: „Графинчикъ водки съ закуской — 25 к. Съ приличной закуской — 40 к.“. И Тихонъ Ильичъ потребовалъ графинчикъ за сорокъ копеекъ; съ жадностью выпилъ двѣ рюмки и уже хотѣлъ выпить третью, какъ надъ его ухомъ раздался давно знакомый голосъ:

— Ну, еще здравствуй.

Одѣвался Кузьма такъ же, какъ братъ. Былъ онъ ниже его ростомъ, костистѣе, суше, въ плечахъ чуть шире. Было у него большое, худое, слегка скуластое лицо умнаго старика-лавочника изъ мужиковъ, насупленныя сѣрыя брови, небольшіе зеленоватые глаза. Началъ онъ не просто:

— Спервоначалу изложу я тебѣ, Тихонъ Ильичъ,—началъ онъ, какъ только Тихонъ Ильичъ налилъ ему чаю,—изложу тебѣ, кто я такой, чтобъ ты зналъ...—Онъ усмѣхнулся:—съ кѣмъ ты сѣязываешься...

И у него была манера отчеканивать слоги, поднимать брови, разстегивать и застегивать при разговорѣ пиджакъ на верхнюю пуговицу. И, застегнувшись, онъ продолжалъ:

— Я, видишь ли,—анархистъ...

Тихонъ Ильичъ вскинулъ бровями.

— Не бойся. Политикой я не занимаюсь. А думать никому не закажешь. И вреда тебѣ тутъ—никакого. Буду хозяйствовать исправно, но, прямо говорю, — драть шкуръ не буду.

— Да и времена не тѣ,—вздохнулъ Тихонъ Ильичъ.

— Ну, времена-то все тѣ же. Можно еще,—драть-то. Да

нѣтъ, не годится. Буду хозяйствовать, свободное же время отдамъ саморазвитію... Чтенію, то-есть.

— Охъ, имѣй въ виду: зачитаешься — въ карманѣ не досчитаешься!—сказалъ, тряхнувъ головой и дернувъ кончикомъ губы, Тихонъ Ильичъ.—Да, пожалуй, и не наше это дѣло.

— Ну, я такъ не думаю,—возразилъ Кузьма.—Я, братъ,—какъ бы это тебѣ сказать?—странный русскій типъ!

— Я и самъ русскій человѣкъ, имѣй въ виду, — вставилъ Тихонъ Ильичъ.

— Да иной. Не хочу сказать, что я лучше тебя, но—иной. Ты вотъ, вижу, гордишься, что ты русскій, а я, братъ, охъ, далеко не славянофилъ! Много баять не подобаетъ, но скажу одно: не хвалитесь вы, за ради Бога, что вы—русскіе! Дикій мы народъ, сонный, расхлябистый. Ни Богу свѣча ни чорту кочерга... Да мы еще потолкуемъ объ этомъ впослѣдствіи времени.

Тихонъ Ильичъ, нахмуриваясь, побарабанилъ пальцами по столу.

— Это-то, пожалуй, правильно,—сказалъ онъ и медленно налилъ рюмку.—Дикій народъ.

— Ну, вотъ то-то и есть. Я, могу сказать, довольно-таки пошатался по свѣту,—ну и что жъ?—прямо нигдѣ не видалъ скучнѣе и лѣнивѣе типовъ. А кто и не лѣнивъ, — покосился Кузьма на брата,—такъ и въ томъ толку нѣтъ. Рветъ, гандобитъ себѣ гнѣздо, а толку что?

— Какъ же такъ—толку что?—спросилъ Тихонъ Ильичъ.

— Да такъ. Вить его, гнѣздо-то, тоже надо со смысломъ. Совью, молъ, да и поживу по-человѣчески. Вотъ этимъ-то да вотъ этимъ-то.

И Кузьма постучалъ себя пальцемъ въ грудь и въ лобъ.

Тихонъ Ильичъ налилъ себѣ второй стаканъ чаю. Кузьма, надѣвъ серебряное пенснэ, хлебалъ съ блюдечка горячую янтарную водицу, а онъ пристально поглядѣлъ на него блестящими глазами и, что-то соображая, сказалъ:

— Намъ, братъ, видно, не до этого. „Поживи-ка у деревни, похлебай-ка сѣрыхъ щей, попоси худыхъ лаптей!“

— Лаптей!—ѣдко отозвался Кузьма.—Вторую тыщу лѣтъ, братъ, таскаемъ ихъ, будь они трижды прокляты! Вторую тыщу живемъ, губы растрепавши. На чорта воду возимъ. А кто виноватъ? На это такъ скажу: пора бы и постыдиться все на сосѣда да на сосѣда вину валить! Татаре, видишь ли, задавили! Мы, видишь ли, народъ молодой! Да вѣдь авось и тамъ-то, въ Европѣ-то, тоже давили не мало — монголы-то всякіе. Авось и германцы-то не старше... Ну, да это разговоръ особый!

— Вѣрно!—сказалъ Тихонъ Ильичъ.—Давай-ка лучше объ дѣлѣ поговоримъ.

Кузьма опрокинулъ пустой стаканъ на блюдечко, закурилъ и сталъ договаривать:

— Въ церковь я не хожу...

— Значитъ, ты молоканъ?—спросилъ Тихонъ Ильичъ и подумалъ:—„Пропалъ я! Видно, надо развязываться съ Дурновкой!“

— Въ родѣ молокана,—усмѣхнулся Кузьма.—Да а ты-то ходишь? Кабы не страхъ да не нуждишка,—и совсѣмъ забылъ бы.

— Ну, это не я первый, не я послѣдній,—возразилъ Тихонъ Ильичъ, опять нахмуриваясь.—Всѣ грѣшны. Да вѣдь сказано: за одинъ вздохъ все прощается.

Кузьма покачалъ головою.

— Говоришь привычное!—сказалъ онъ строго.—А ты остановись да подумай: какъ же это такъ? Жилъ-жилъ свиньей всю жизнь, вздохнулъ—и все какъ рукой сняло! Есть тутъ смыслъ, ай нѣтъ?

Разговоръ становился тяжелымъ. „Правильно и это“,—подумалъ Тихонъ Ильичъ, глядя въ столъ блестящими глазами. Но, какъ всегда, хотѣлось уклониться отъ думъ и разговора о Богѣ, о жизни, и онъ сказалъ первое, что̀ подвернулось на языкъ:

— И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ.

— Вотъ, вотъ, вотъ!—подхватилъ Кузьма, стуча ногтемъ по столу.—Самое что̀ ни на есть любимое наше, самая погибельная наша черта: слово—одно, а дѣло—другое! Русская, братъ, музыка: жить по-свинячьи скверно, а все-таки живу и буду жить по-свинячьи!.. Типъ, братъ, ты! Типъ!.. Ну, а теперь говори дѣло...

Звонъ смолкъ, канарейка стихла. Въ трактиръ набирался народъ, за столиками разрастался говоръ. Половой открылъ одно окно,—послышался говоръ и съ базара. Гдѣ-то въ лавкѣ удивительно четко и звонко билъ перепелъ. И пока шелъ дѣловой разговоръ, Кузьма все прислушивался къ нему и порою вполголоса подхватывалъ: „Ловко!“. А договорившись, хлопнулъ по столу ладонью, энергично сказалъ:

— Ну, значитъ, такъ,—не стать перетакивать!—и, запустивъ руку въ боковой карманъ пиджака, вынулъ цѣлую кипу бумагъ и бумажекъ, нашелъ среди нихъ въ мраморно-сѣрой обложкѣ книжечку и положилъ ее передъ братомъ.

— Вотъ!—сказалъ онъ.—Уступаю твоей просьбѣ да своей слабости. Книжонка плохая, стихи необдуманные, давнишніе... Но дѣлать нечего. На, бери и прячь.

И опять Тихона Ильича, уже сильно раскраснѣвшагося отъ водки, взволновало сознаніе, что братъ его — авторъ, что на этой мраморно-сѣрой обложкѣ напечатано: „Стихотворенія К. И. Красова“. Онъ повертѣлъ книжку въ рукахъ и несмѣло сказалъ:

— А то бы прочиталъ что-нибудь... А? Ужъ сдѣлай милость, прочти стишка три-четыре!

И, опустивъ голову, слегка волнуясь, далеко отставивъ отъ себя книжку и строго глядя на нее сквозь стекла, Кузьма сталъ читать то, что̀ обычно читаютъ самоучки: подражанія Кольцову, Никитину, жалобы на судьбу и нужду, вызовы заходящей тучѣ-непогодѣ... Вѣрно, и самъ чувствовалъ онъ, что старо все это и фальшиво. Но за чужой, фальшивой формой была правда, — то, что̀ когда-то сильно и остро переживалось,—и на худыхъ скулахъ выступали розовыя пятна, голосъ порою дрожалъ. Блестѣли глаза и у Тихона Ильича. Не важно было, хороши или дурны стихи, — важно то, что сочинилъ ихъ его родной братъ, бѣднякъ, простой человѣкъ, отъ котораго пахло махоркой и старыми сапогами...

— А у насъ, Кузьма Ильичъ,—сказалъ онъ, когда Кузьма смолкъ и, снявъ пенснэ, потупился:—а у насъ одна пѣсня...

И непріятно, горько дернулъ губою:

— У насъ одна пѣсня: почемъ щетина?

Водворивъ брата въ Дурновкѣ, онъ однако принялся за эту пѣсню еще охотнѣе, чѣмъ прежде. Передъ тѣмъ, какъ сдать брату на руки Дурновку, онъ придрался къ Родькѣ изъ-за новыхъ гужей, съѣденныхъ собаками, и отказалъ ему. Родька дерзко усмѣхнулся въ отвѣтъ и спокойно пошелъ въ избу собирать свое добро. Молодая выслушала отказъ тоже какъ будто спокойно,—она, разойдясь съ Тихономъ Ильичомъ, опять взяла манеру молчать и не глядѣть ему въ глаза. Но черезъ полчаса, уже собравшись, Родька пришелъ вмѣстѣ съ ней просить прощенія. Молодая стояла на порогѣ, блѣдная, съ опухшими отъ слезъ вѣками, и молчала; Родька гнулъ голову, мялъ картузъ и тоже пытался плакать, — противно гримасничалъ, а Тихонъ Ильичъ сидѣлъ за столомъ, косилъ бровями и, мотая головою, щелкалъ на счетахъ. Всѣ трое не могли поднять глазъ,—особенно Молодая, чувствовавшая себя виноватой больше всѣхъ,—и мольбы остались тщетны: смилостивился Тихонъ Ильичъ только въ одномъ — не вычелъ за гужи.

Теперь онъ былъ твердъ. Отдѣлываясь отъ Родьки и передавая дѣла брату, онъ чувствовалъ себя бодро, ладно. „Ненадежнъ братъ, пустой, кажись, человѣкъ, ну, да покуда

сойдетъ!“ И, возвратясь на Ворголъ, безъ устали хлопоталъ весь октябрь. Настасья Петровна все прихварывала — у нея пухли и желтѣли ноги, руки, лицо, — и Тихонъ Ильичъ уже подумывалъ порою о ея смерти и все снисходительнѣе относился къ ея слабости, къ ея безполезности въ дѣлахъ по дому и въ лавкѣ. И, какъ бы въ ладъ съ его настроеніемъ, весь октябрь стояла чудесная погода. Но вдругъ она переломилась, — смѣнилась бурей, ливнями, а въ Дурновкѣ случилось нѣчто совершенно неожиданное.

Родька работалъ въ октябрѣ на линіи чугунки, а Молодая безъ дѣла жила дома, терпѣла попреки матери, только изрѣдка зарабатывала пятиалтынный, двугривенный въ саду при усадьбѣ. Но вела себя странно: дома молчала, плакала, а въ саду была рѣзко-весела, хохотала, пѣла пѣсни съ Донькой Козой, очень глупой и красивой дѣвкой, похожей на египтянку. Коза жила съ мѣщаниномъ, снимавшимъ садъ, а Молодая, почему-то подружившаяся съ ней, вызывающе поглядывала на его брата, нахальнаго мальчишку, и, поглядывая, намекала въ пѣсняхъ, что она по комъ-то сохнетъ. Было ли у нея съ нимъ что-нибудь, неизвѣстно, но только кончилось все это большой бѣдой: уѣзжая подъ Казанскую въ городъ, мѣщане устроили у себя въ шалашѣ „вечерокъ“, — пригласили Козу и Молодую, всю ночь играли на двухъ ливенкахъ, распѣвали пѣсни, кормили подругъ жамками, поили чаемъ и водкой, а на разсвѣтѣ, когда уже запрягли телѣгу, внезапно, съ хохотомъ, повалили пьяную Молодую на-земь, связали ей руки, подняли юбки, собрали ихъ въ жгутъ надъ головою и стали закручивать веревкой. Коза кинулась бѣжать, забилась со страху въ мокрые бурьяны, а когда выглянула изъ нихъ, — послѣ того, какъ телѣга съ мѣщанами шибко покатила вонъ изъ сада, — то увидѣла, что Молодая, по поясъ голая, виситъ на деревѣ. Былъ печальный туманный разсвѣтъ, по саду шепталъ мелкій дождикъ, Коза плакала въ три ручья, зубъ на зубъ не попадала, развязывая Молодую, клялась отцомъ-матерью, что скорѣе ее, Козу, громомъ убьетъ, чѣмъ узнаютъ на деревнѣ, что случилось въ саду... Но не сровнялось и недѣли, какъ пошли по Дурновкѣ слухи о позорѣ Молодой.

Провѣрить эти слухи, было, конечно, невозможно: „видѣть — никто не видалъ, ну, а Коза-то и сбрехать недорого возьметъ“. Да и сама Молодая, постарѣвшая за эту недѣлю лѣтъ на пять, отвѣчала на нихъ столь наглою бранью, что даже мать пугалась ея лица въ такія минуты. Однако разговоры, вызванные слухами, не прекращались, и всѣ съ великимъ не-

терпѣніемъ ожидали прихода Родьки и его расправы съ женой. Волнуясь, — опять выбившись изъ колеи! — ожидалъ этой расправы и Тихонъ Ильичъ, узнавшій исторію въ саду отъ своихъ работниковъ: вѣдь исторія-то могла кончиться убійствомъ! Но кончилась она такъ, что еще неизвѣстно, что̀ поразило бы Дурновку сильнѣе, — убійство или такой конецъ: въ ночь на Михайловъ день Родька, пришедшій домой „рубаху смѣнить“ и пальцемъ не тронувшій Молодую, умеръ „отъ живота“! На Ворглѣ стало извѣстно объ этомъ поздно вечеромъ, но Тихонъ Ильичъ тотчасъ же приказалъ запрячь лошадь и въ темнотѣ, подъ дождемъ понесся къ брату. И сгоряча, выпивъ за чаемъ бутылку наливки, въ страстныхъ выраженіяхъ, съ бѣгающими глазами, покаялся ему:

— Мой грѣхъ, братъ, мой грѣхъ!

Кузьма долго молчалъ, выслушавъ его, долго ходилъ по комнатѣ, перебирая пальцы, ломая ихъ и хрустя суставами. Наконецъ сказалъ:

— Вотъ ты и подумай: есть ли кто лютѣе нашего народа? Въ городѣ за воришкой, схватившимъ съ лотка лепешку грошовую, весь обжорный рядъ гонится, а нагонитъ—мыломъ его кормитъ. На пожаръ, на драку весь городъ бѣжитъ, да вѣдь какъ жалѣетъ-то, что пожаръ али драка скоро кончились! Не мотай, не мотай головой-то: жалѣетъ! А какъ наслаждаются, когда кто-нибудь жену бьетъ смертнымъ боемъ, али мальчишку деретъ, какъ сидорову ко̀зу, али потѣшается надъ нимъ? Это-то ужъ самая что̀ ни на есть веселая тема.

Тихонъ Ильичъ спросилъ:

— Да ты это къ чему?

— Къ празднику! — сердито отозвался Кузьма и продолжалъ:—Вотъ тутъ по Дурновкѣ дурочка Ѳеша шляется. Такъ ребята послѣднія трынки несутъ,—посадятъ ее на выгонѣ и давай лупить по стриженой головѣ щелчками: по трынкѣ десять щелчковъ! И по злобѣ, что ли, это? Но злобѣ-то, по злобѣ, да по дурацкой какой-то, будь она проклята!.. Ну, вотъ такъ и съ Молодой.

— Имѣй въ виду, — горячо перебилъ Тихонъ Ильичъ:— охальниковъ и дураковъ всегда и вездѣ было много.

— Такъ. А ты самъ не привозилъ этого... ну, какъ его?..

— Мотю-Утиную-Головку, что ли? — спросилъ Тихонъ Ильичъ.

— Ну, вотъ, вотъ... Не привозилъ ты его къ себѣ на потѣху?

И Тихонъ Ильичъ усмѣхнулся: привозилъ. Разъ даже по чугункѣ доставили къ нему Мотю — въ бочкѣ сахарной. До

города рукой подать, начальство знакомое—ну, и доставили. А на бочкѣ написали: „Осторожно. Дуракъ битый“.

— И учатъ этихъ самыхъ дураковъ для потѣхи рукоблудству! — горько продолжалъ Кузьма. — Мажутъ бѣднымъ невѣстамъ ворота дегтемъ! Травятъ ницихъ собаками! Для забавы голубей сшибаютъ съ крышъ камнями! А ѣсть этихъ голубей, видите ли, — грѣхъ великій. Самъ Духъ Святой, видите ли, голубиный образъ принимаетъ!

Самоваръ давно остылъ, свѣчка оплыла, въ комнатѣ тускло синѣлъ дымъ, вся полоскательница полна была вонючими размокшими окурками. Вентиляторъ, — жестяная труба въ верхнемъ углу окна, — былъ открытъ, и порою въ немъ что-то начинало визжать, кружиться и скучно-скучно ныть — „какъ въ волостномъ правленіи“ — думалъ Тихонъ Ильичъ. Но накурено было такъ, что не помогли бы и десять вентиляторовъ. А по крышѣ шумѣлъ дождь, а Кузьма ходилъ, какъ маятникъ, изъ угла въ уголъ и говорилъ:

— Да-а, хороши, нечего сказать! Доброта неописанная! Исторію почитаешь—волосы дыбомъ станутъ: братъ на брата, сватъ на свата, сынъ на отца, вѣроломство да убійство, убійство да вѣроломство... Былины — тоже одно удовольствіе: „распоролъ ему груди бѣлыя“, „выпускалъ черёва на̀ землю“... Илья, такъ тотъ своей собственной родной дочери „ступилъ на лѣву ногу и подернулъ за праву ногу“... А нѣсни? Все одно, все одно: мачеха—„лихая да алчная“, свекоръ — „лютый да придирчивый“, „сидитъ на палатѣ, ровно кобель на канатѣ“, свекровь опять-таки „лютая“, „сидитъ на печи, ровно сука на цѣни“, золовки — непремѣнно „псовки да кляузницы“, деверья — „злые насмѣшники“, мужъ — „либо дуракъ, либо пьяница“, ему „свекоръ-батюшка вялитъ жану бо̀льшѣй бить, шкуру до пять спустить“, а невѣстушка этому самому батюшкѣ „полы мыла — во̀ щи вылила, порогъ скребла — пирогъ спекла“, къ муженьку же обращается съ такой рѣчью: „встань, постылый, пробудися, вотъ тебѣ помои — умойся, вотъ тебѣ онучи — утрися, вотъ тебѣ обрывокъ — удавися“... А прибаутки наши, Тихонъ Ильичъ! Можно ли выдумать грязнѣй и похабнѣе! А пословицы! „За битаго двухъ не битыхъ даютъ“... „Простота хуже воровства“...

— Значитъ, по-твоему, дуракомъ-то распоясаннымъ лучше жить? — насмѣшливо спросилъ Тихонъ Ильичъ.

И Кузьма радостно подхватилъ его слова:

— Ну, вотъ, вотъ! Нѣту во всемъ свѣтѣ голѣе насъ, да зато и нѣту охальнѣе на эту самую голь. Чѣмъ позлѣй уязвить? Бѣдностью! „Чортъ! Тебѣ лопать нечего...“ Да вотъ

тебѣ примѣръ: Дениска... ну, этотъ... сынъ Сѣраго-то... сапожникъ... на-дняхъ и говоритъ мнѣ...

— Стой,—перебилъ Тихонъ Ильичъ:—а какъ поживаетъ самъ Сѣрый?

— Дениска говоритъ—„съ голоду околѣваетъ“.

— Стерва мужикъ!—сказалъ Тихонъ Ильичъ убѣжденно.—И ты мнѣ про него пѣсенъ не пой.

— Я и не пою,—сердито отвѣтилъ Кузьма.—А слѣдовало бы. Фамилія-то его вѣдь Красовъ... Ну, да это разговоръ особый... Слушай лучше про Дениску-то. Вотъ онъ и разсказываетъ мнѣ: „Бывало, въ голодный годъ, выйдемъ мы, подмастерья, подъ кладбище на Черной Слободѣ, а тамъ этихъ приститутокъ—видимо-невидимо. И голодныя, шкуры, преголодныя! Дашь ей полхунта хлѣба за всю работу, а она и сожретъ его весь подъ тобой... То-то смѣху было!..“ Замѣть!—строго крикнулъ Кузьма, останавливаясь:—„То-то смѣху было!“.

Да постой ты, Христа ради,—опять перебилъ Тихонъ Ильичъ: дай мнѣ про дѣло-то слово сказать!

Кузьма остановился.

Ну, говори,—сказалъ онъ.—Только что говорить-то? Какъ быть тебѣ? Да никакъ! Денегъ имъ дать вотъ и вся недолга. Вѣдь ты подумай: топить нечѣмъ, ѣсть нечего, хоронить не на что! Значитъ, самое святое дѣло—денегъ дать... ну, и еще чего-нибудь: картошекъ, соломки возъ, другой... А Молодую—нанять. Ко мнѣ, въ кухарки...

И у Тихона Ильича сразу точно камень съ души свалился. Онъ торопливо вынулъ кошелекъ, выхватилъ десятирублевку, радостно согласился и на все прочее... И вдругъ опять страдальчески и скороговоркой спросилъ:

— А не отравила она его?

Но Кузьма только плечами пожалъ въ отвѣтъ.

Отравила, нѣтъ ли, объ этомъ страшно было и думать. И домой уѣхалъ Тихонъ Ильичъ чѣмъ свѣтъ, холоднымъ туманнымъ утромъ, когда еще пахло мокрыми гумнами и дымомъ, сонно пѣли пѣтухи на деревнѣ, скрытой туманомъ, спали собаки у крыльца, спала старая палевая индюшка, взгромоздясь на сукъ полуголой, расцвѣченной мертвыми осенними листьями яблони возлѣ дома. Въ полѣ въ двухъ шагахъ ничего не было видно за густой сѣрой мглой, гонимой вѣтромъ. Спать Тихону Ильичу не хотѣлось, но чувствовалъ онъ себя измученнымъ и, какъ всегда, шибко гналъ лошадь, большую гнѣдую кобылу съ подвязаннымъ хвостомъ, намокшую и казавшуюся худѣй, щеголеватѣй, черпѣе. Онъ отвернулся отъ вѣтра, поднялъ справа холодный и влажный воротникъ

чуйки, серебрившейся отъ мельчайшаго дождевого бисера, сплошь покрывшаго ее, глядѣлъ сквозь холодныя капельки, висѣвшія на рѣсницахъ, какъ все толще навертывается липкій черноземъ на бѣгущее колесо, какъ стоитъ передъ нимъ и не проходитъ цѣлый фонтанъ высоко толкущихся комьевъ грязи, уже залѣпившихъ его сапоги и колѣни, косился на работающую ляжку лошади, на ея прижатыя затуманенныя уши... А когда онъ, съ пестрымъ отъ грязи лицомъ, подлетѣлъ наконецъ къ дому, первое, что кинулось ему въ глаза, была лошадь Якова у коновязи. Быстро замотавъ вожжи на передокъ, онъ соскочилъ съ бѣгунковъ, подбѣжалъ къ отворенной двери лавки—и въ испугѣ остановился.

— Далдо-онъ!—говорила за стойкой Настасья Петровна, видимо, подражая ему, Тихону Ильичу, но больнымъ, ласковымъ голосомъ, и все ниже склонялась къ ящику съ деньгами, роясь въ гремящихъ мѣдякахъ и не находя въ темнотѣ монеты для сдачи.—Далдонъ! Гдѣ онъ нынче дешевле-то?

И, не найдя, разогнулась, поглядѣла на стоящаго передъ ней въ шапкѣ и армякѣ, но босого Якова, на его слегка приподнятое лицо и косую бороду неопредѣленнаго цвѣта и прибавила:

— А не отравила она его?

И Яковъ поспѣшно пробормоталъ:

— Не наша дѣло, Петровна... Чума ее знаетъ... Наша дѣло—сторона... Сторона, къ примѣру...

И весь день у Тихона Ильича дрожали руки при воспоминаніи объ этомъ бормотаньи. Всѣ, всѣ думаютъ, что отравила!

Къ счастью, тайна такъ и осталась тайной: Родьку причастили передъ смертью, Молодая голосила, провожая гробъ, такъ искренно, что была даже неприлична,—вѣдь эта голосьба должна быть не выраженіемъ чувствъ, а исполненіемъ обряда,—и мало-по-малу тревога Тихона Ильича улеглась. Но еще долго ходилъ онъ темнѣе тучи.

Хлопотъ было по горло,—какъ всегда,—а помощниковъ—нѣтъ. Отъ Настасьи Петровны помощи было мало. Въ батраки Тихонъ Ильичъ нанималъ только „полѣтниковъ“—до осеннихъ заговѣнъ. И они уже разошлись. Остались только годовые,—кухарка, старикъ-караульщикъ, прозванный Жмыхомъ, да малый лѣтъ семнадцати, Оська, лѣнивый и злой, „олухъ царя небеснаго“. А сколько заботы требовала одна скотина! Овецъ рѣзали и солили, но двадцать штукъ зазимовало-таки. Въ закутѣ сидѣло шесть черныхъ, вѣчно угрюмыхъ и чѣмъ-то недовольныхъ кабановъ. На каркѣ стояло три коровы, бычокъ, красная телушка. На дворѣ—одиннадцать лошадей, а на

стойлѣ — сивый жеребецъ, злой, тяжелый, гривастый, грудастый, — мужикъ, но рублей въ четыреста: отецъ аттестатъ имѣлъ, полторы тысячи стоилъ. И все это требовало глàза да глàза. А въ свободныя минуты ѣла тоска, скука.

Настасья Петровна раздражала его однимъ своимъ видомъ, онъ все уговаривалъ ее поѣхать погостить къ знакомымъ въ городъ. И наконецъ она собралась и уѣхала. Но, когда уѣхала, стало какъ будто еще скучнѣй. Проводивъ ее, Тихонъ Ильичъ безцѣльно побрелъ въ поле. По шоссе проходилъ съ ружьемъ за плечами начальникъ почтоваго отдѣленія въ Ульяновкѣ, Сахаровъ, извѣстный своей страстью къ выпискѣ безплатныхъ прейскурантовъ — ружейныхъ, сѣменныхъ, музыкальныхъ—и такимъ свирѣпымъ обращеніемъ съ мужиками, что они говорили: „Подаешь письмо—руки-ноги трясутся!“. Тихонъ Ильичъ вышелъ къ нему подъ дорогу. Приподнявъ бровь, онъ глянулъ на почтаря и подумалъ:

„Дуракъ старикъ. Ишь, слоны слоняетъ по грязи“.

И дружелюбно крикнулъ:

— Съ полемъ, что ли, Антонъ Маркычъ?

Почтарь остановился. Тихонъ Ильичъ подошелъ и поздоровался.

— Съ полемъ, говорю, ай нѣтъ? — спросилъ онъ насмѣшливо.

— Ну, какое тамъ поле! — сумрачно отвѣтилъ почтарь, огромный, сутулый, съ густыми сѣрыми волосами, торчавшими изъ ушей и ноздрей, съ большими бровными дугами и глубоко запавшими глазами,—настоящая горилла.—Такъ, прошелся ради геморроя, — сказалъ онъ, особенно старательно выговаривая послѣднее слово.

— А имѣйте въ виду,—съ неожиданной горячностью отозвался Тихонъ Ильичъ, протягивая руку съ растопыренными пальцами: — имѣйте въ виду: совсѣмъ опустѣли наши палестины! Званія не осталось—что̀ птицы, что̀ звѣря-съ.

— Лѣса вездѣ вырубили,—сказалъ почтарь.

— Да еще какъ-съ! Какъ вырубили-то-съ! Подъ гребеночку!—подхватилъ Тихонъ Ильичъ.

И неожиданно прибавилъ:

— Линяетъ-съ! Все линяетъ-съ!

Почему сорвалось съ языка это слово, Тихонъ Ильичъ и самъ не зналъ, но чувствовалъ, что сказано оно все-таки не даромъ. „Все линяетъ, — думалъ онъ: — вотъ, какъ скотина послѣ долгой и трудной зимы“... И, простившись съ почтаремъ, долго стоялъ на шоссе, недовольно поглядывалъ кругомъ. Опять накрапывалъ дождь, дулъ непріятный мокрый вѣтеръ.

Надъ волнистыми полями—озимями, пашнями, жнивьями и коричневыми перелѣсками—темнѣло. Сумрачное небо все ниже спускалось къ землѣ. Оловомъ поблескивали залитыя дождемъ дороги. На станціи ждали почтоваго поѣзда на Москву, опаздывавшаго каждый день часа на полтора. Только по звонкамъ, гудкамъ, грохоту, запаху каменнаго угля и самоваровъ узнавали на дворѣ Тихона Ильича, что онъ приходитъ и уходитъ,—станцію загораживали постройки. Пахло и теперь самоваромъ, и это будило тоскливое желаніе уюта, теплой чистой комнаты, семьи, или отъѣзда куда-нибудь... Но вдругъ чувство это смѣнилось удивленіемъ: изъ голаго Ульяновскаго лѣса вышелъ и направился къ шоссе человѣкъ въ котелкѣ и одномъ пиджакѣ,—и, приглядѣвшись, Тихонъ Ильичъ узналъ Жихарева, давно спившагося съ круга сына богатаго помѣщика. Сердце непріятно сжалось. „Да все равно ужъ, — подумалъ Тихонъ Ильичъ съ тоской:—лучше поболтать съ нимъ, дать, въ крайности, полтинникъ... Не стоитъ злить бродягу, злого человѣка“...

Однаю Жихаревъ подошелъ на этотъ разъ довольно гордо, ежась, но закинувъ голову въ своемъ босяцкомъ котелкѣ и играя сжатыми челюстями—жуя мундштукъ давно потухшей и выкуренной папиросы. Лицо его было сизо отъ холода, припухло отъ пьянства, глаза красны, усы взъерошены. Поднявъ воротникъ наглухо застегнутаго пиджачка и засунувъ кончики пальцевъ въ карманы, онъ бодро шлепалъ по грязи растрепанными желтыми ботинками, торчавшими изъ-подъ короткихъ, съ вытянутыми колѣнками панталонъ.

А-а!—протянулъ онъ сквозь зубы, жуя окурокъ.—Кого я вижу! Самъ Тихонъ Ѳомичъ обозрѣваетъ свои владѣнія!

И хрипло засмѣялся.

— Здравствуйте-съ, Левъ Львовичъ, — степенно отозвался Тихонъ Ильичъ.—Поѣзда ждете?

— Да, жду и не дождусь никакъ! — пожалъ плечами Жихаревъ. — Ждалъ, ждалъ,—побрелъ отъ скуки къ лѣснику. Поболтали, покурили... Но ждать еще, вѣроятно, цѣлую вѣчность! Не встрѣтимся на станціи? Вы вѣдь, кажется, любите... за воротникъ-то заложить?

— Богъ миловалъ, — отвѣтилъ Тихонъ Ильичъ прежнимъ тономъ. Выпить отчего не выпить, да на все время надо знать.

— Толкуйте! — хрипло сказалъ Жихаревъ, довольно легко перепрыгнулъ лужу и гуляющимъ шагомъ пошелъ къ станціи.

Видъ у него былъ жалкій, и Тихонъ Ильичъ долго съ брезгливостью смотрѣлъ на его панталончики, кулькомъ торчавшія изъ-подъ короткаго пиджачка.

Ночью опять лилъ дождь, темь была, хоть глазъ выколи.

Спалъ Тихонъ Ильичъ плохо, мучительно скрипѣлъ зубами. Его знобило, вѣрно, простылъ, стоя вечеромъ на шоссе. чуйка, которой онъ одѣлся, сползала на полъ, и тогда снилось то, что преслѣдовало съ самаго дѣтства, когда по ночамъ зябла спина: сумерки, какіе-то узкіе переулки, бѣгущая толпа, скачущіе на тяжкихъ телѣгахъ, на злыхъ вороныхъ битюгахъ пожарные... Разъ онъ очнулся, зажегъ спичку, глянулъ на тикающіе часы, - они показывали три, -поднялъ чуйку и, засыпая, опять съ тоской вспомнилъ о Жихаревѣ. И, сквозь сонъ, стала тревожить неотступная мысль: обворуютъ лавку, сведутъ лошадей...

Иногда казалось, что онъ на постояломъ дворѣ въ Данковѣ, что ночной дождь шумитъ по навѣсу воротъ и поминутно дергается, звонитъ колоколецъ надъ ними, пріѣхали воры, привели въ эту непроглядную темь его жеребца и, если узнаютъ, что онъ тутъ, убьютъ его... Иногда же возвращалось сознаніе дѣйствительности. Но и дѣйствительность была тревожна. Старикъ ходилъ подъ окнами съ колотушкой, но то казалось, что онъ гдѣ-то далеко-далеко, то овчарка, захлебываясь, рвала кого-то, съ бурнымъ лаемъ убѣгала въ поле и вдругъ снова появлялась подъ окнами и будила, упорно брехала, стоя на одномъ мѣстѣ. Тогда Тихонъ Ильичъ собирался выйти, глянуть, -что такое, все ли въ порядкѣ. Но какъ только доходило до того, чтобы рѣшиться, встать, какъ гуще и чаще начиналъ стрекотать въ темныя окошечки крупный косой дождь, гонимый вѣтромъ изъ темныхъ безпредѣльныхъ полей, и милѣй отца-матери казался сонъ...

Наконецъ стукнула дверь, понесло сырымъ холодомъ, и караульщикъ, Жмыхъ, шурша, втащилъ въ прихожую вязанку соломы. Тихонъ Ильичъ открылъ глаза: было шесть, мутно, водянисто свѣтало, окошечки были потныя.

— Протопи, протопи, братуша, — сказалъ Тихонъ Ильичъ сиплымъ со сна голосомъ. Да пойдемъ кормочку дадимъ, да и иди себѣ спать.

Старикъ, похудѣвшій за ночь, весь синій отъ холода, сырости и усталости, глянулъ на него провалившимися мертвыми глазами. Въ мокрой шапкѣ, въ мокромъ короткомъ чекменишкѣ и растрепанныхъ лаптяхъ, насыщенныхъ водой и грязью, онъ что-то глухо заворчалъ, съ трудомъ становясь на колѣни передъ печкой, набивая ее холодной пахучей старновкой и вздувая сѣрникъ.

Ай языкъ-то корова отжевала?—сипло крикнулъ Тихонъ Ильичъ, слѣзая съ постели и поднимая съ полу чуйку.—Что подъ носъ-то бубнишь?

— Цѣльную ночь шатался, теперь—кормочку давай,—пробормоталъ старикъ, не поднимая головы, какъ бы самъ съ собою.

Тихонъ Ильичъ покосился на него:

— Видѣлъ я, какъ ты шатался!

Онъ чувствовалъ себя разбитымъ, но все-таки надѣлъ поддевку и, пересиливая мелкую дрожь въ животѣ, вышелъ на истоптанное собаками крылечко, на ледяную свѣжесть блѣднаго ненастнаго утра. Всюду налило свинцовыхъ лужъ, всѣ стѣны потемнѣли отъ дождя...

„Работнички!“—подумалъ онъ злобно.

Чуть моросило, но, вѣрно, къ обѣду опять польетъ, подумалъ онъ. И съ удивленіемъ глянулъ на лохматаго Буяна, кинувшагося къ нему изъ-подъ амбара: лапы въ грязи, но самъ какъ кипень, глаза блестятъ, языкъ свѣжъ и красенъ, какъ огонь, здоровое горячее дыханіе такъ и пышетъ пѣной... И это послѣ цѣлой ночи бѣготни и лая!

Онъ взялъ Буяна за ошейникъ и, шлепая по грязи, обошелъ, оглядѣлъ всѣ замки. Потомъ привязалъ его на цѣпь подъ амбаромъ, вернулся въ сѣни и заглянулъ въ большую кухню, въ избу. Въ избѣ противно и тепло воняло: кухарка спала на голомъ коникѣ, подъ святыми, закрывъ лицо фартукомъ, выставивъ кострецъ и подогнувъ къ животу ноги въ старыхъ большихъ валенкахъ съ толсто натоптанными по земляному полу подошвами; Оська лежалъ на нарахъ, внизъ лицомъ, въ полушубкѣ, въ лаптяхъ, уткнувъ голову въ сальную тяжелую подушку.

„Связался чортъ съ младенцемъ! — подумалъ Тихонъ Ильичъ съ отвращеніемъ. — Ишь, всю ночь распутничала, а подъ утро—на лавочку“.

И, оглянувъ черныя стѣны, маленькія окошечки, лохань съ помоями, громадную плечистую печь, громко и строго крикнулъ:

Эй! Господа-бояре! Пора и честь знать!

Пока кухарка, почесываясь и зѣвая, затапливала печку, варила кабанамъ картошки и раздувала самоваръ, Оська, безъ шапки, спотыкаясь отъ дремоты, таскалъ хоботье лошадямъ и коровамъ. Тихонъ Ильичъ самъ отперъ скрипучія ворота варка и первый вошелъ въ его теплый и грязный уютъ, обнесенный навѣсами, денниками и закутами. Выше щиколки былъ упавожень варокъ. Навозъ, моча, дождь—все слилось и образовало густую коричневую жижу. Лошади, уже темнѣя бархатной зимней шерстью, бродили подъ навѣсами. Овцы грязно-сѣрой волнующейся массой сбились въ одинъ уголъ. Старый бурый меринъ одиноко дремалъ возлѣ пустыхъ ясель, измазанныхъ тѣстомъ. Съ непривѣтливаго ненастнаго неба

надъ квадратомъ двора моросило и моросило, но меринъ ничего не замѣчалъ. Кабаны болѣзненно, настойчиво ныли и урчали въ закутѣ.

„Скука!“ — подумалъ Тихонъ Ильичъ и тотчасъ же свирѣпо гаркнулъ на старика, тащившаго вязанку старновки:

— Куда въ грязь-то валишь, старая транда?

Старикъ бросилъ старновку на-земь, поглядѣлъ на него и вдругъ спокойно сказалъ:

— Отъ транды слышу.

Тихонъ Ильичъ быстро оглянулся,—вышелъ ли малый,—и, убѣдившись, что вышелъ, быстро и тоже какъ будто спокойно подошелъ къ старику, далъ ему въ зубы, да такъ, что тотъ головой мотнулъ, схватилъ его за шиворотъ и изо всей силы пустилъ къ воротамъ.

— Вонъ!—крикнулъ онъ, задохнувшись и поблѣднѣвъ, какъ мѣлъ.—Чтобъ твоего и духу здѣсь не пахло больше, рвань ты этакая!

Старикъ вылетѣлъ за ворота—и черезъ пять минутъ, съ мѣшкомъ за плечами и съ палкой въ рукѣ, уже шагалъ по шоссе, къ Ульяновкѣ, домой. А Тихонъ Ильичъ трясущимися руками напоилъ жеребца, самъ засыпалъ ему свѣжаго овса,—вчерашній онъ только перерылъ, переслюнявилъ,—и, широко шагая, утопая въ жижѣ и навозѣ, пошелъ въ избу.

— Готово, что ли?—гаркнулъ онъ, пріотворивъ дверь.

— Поспѣешь!—огрызнулась кухарка.

Избу застилало теплымъ прѣснымъ паромъ, валившимъ изъ чугуна, отъ картошекъ. Кухарка, вмѣстѣ съ малымъ, яростно толкла ихъ толкачами, посыпая мукой, и за стукомъ Тихонъ Ильичъ не слыхалъ отвѣта. Хлопнувъ дверью, онъ пошелъ пить чай.

Въ маленькой прихожей онъ поддалъ ногой грязную тяжелую попону, лежавшую у порога, и направился въ уголъ, гдѣ, надъ табуреткой съ оловяннымъ тазомъ, былъ прибитъ мѣдный рукомойникъ и на полочкѣ лежалъ обмызганный кусочекъ кокосоваго мыла. Гремя рукомойникомъ, онъ косилъ, двигалъ бровями, раздувалъ ноздри, не могъ остановить злого, бѣгающаго взгляда и съ особенной отчетливостью говорилъ:

— Хм! Нѣтъ, каковы работнички-съ? Сладу съ ними нонче не стало! Скажи ты ему слово—онъ тебѣ десять! Скажи ему десять—онъ тебѣ сто! Да нѣтъ, брешешь! Авось не къ лѣту, авось васъ, чертей, много! Къ зимѣ-то, братъ, жрать захочешь,—придешь, сукинъ сынъ, приде-ешь, покло-о-нишься!

Утирка, служившая и хозяевамъ и постояльцамъ, висѣла возлѣ рукомойника съ Михайлова дня. Она была очень длинна

и такъ затерта, что, взглянувъ на нее, Тихонъ Ильичъ стиснулъ челюсти.

— Охъ!—сказалъ онъ, закрывая глаза и тряся головой.—Охъ, мати Царица небесная!

И, швырнувъ утирку на полъ, утерся шитымъ подоломъ рубахи, выпущенной изъ-подъ жилета.

Двѣ двери вели изъ прихожей. Одна, налѣво,—въ комнату для пріѣзжающихъ, длинную, полутемную, окошечками на варокъ; стояли въ ней два большихъ дивана, жесткихъ, какъ камень, обитыхъ черной клеенкой, переполненныхъ и живыми и раздавленными, высохшими клопами, а на простѣнкѣ висѣлъ портретъ какого-то генерала съ лихими бобровыми бакенбардами; портретъ окаймляли маленькіе портреты героевъ русско-турецкой войны, а внизу была подпись: „Долго будутъ дѣти наши и славянскіе братушки помнить славныя дѣла, какъ отецъ нашъ, воинъ смѣлый, Сулейманъ-пашу разбилъ, побѣдилъ враговъ невѣрныхъ и прошелъ съ дѣтьми своими по такимъ крутизнамъ, гдѣ носились лишь туманы да пернатые цари“. Другая дверь вела въ комнату хозяевъ. Тамъ, направо, возлѣ двери, блестѣла стеклами горка, налѣво бѣлѣла печь-лежанка; печь когда-то треснула, ее, по бѣлому, замазали глиной—и получились очертанія чего-то въ родѣ изломаннаго худого человѣка, крѣпко надоѣвшаго Тихону Ильичу. За печью высилась двуспальная постель: надъ постелью былъ прибитъ коверъ мутно-зеленыхъ и кирпичныхъ шерстей съ изображеніемъ тигра, усатаго, съ торчащими кошачьими ушами. Противъ двери, у стѣны, стоялъ комодъ, крытый вязаной скатертью, на скатерти — вѣнчальная шкатулка Настасьи Петровны; въ шкатулкѣ лежали условія съ работниками, пузырьки съ давно испортившимися лѣкарствами, спички...

— Въ лавку!—крикнула, пріотворивъ дверь, кухарка.

— Успѣется съ козами на базаръ!—сердито отвѣтилъ Тихонъ Ильичъ—и поспѣшно вышелъ.

Дали затянуло водянистымъ туманомъ, опять становилось похоже на сумерки, моросилъ дождь, но вѣтеръ повернулъ, дулъ съ сѣвера—и воздухъ посвѣжѣлъ. Веселѣе и звончѣй, чѣмъ за всѣ послѣдніе дни, крикнулъ на станціи отходившій товарный поѣздъ.

— Здорово, Ильичъ,—сказалъ, кивая мокрой манджурской папахой, трегубый мужикъ, державшій у крыльца мокрую пѣгую лошадь.

— Здорово, — кинулъ Тихонъ Ильичъ, косо глянувъ на бѣлый крѣпкій зубъ, блестѣвшій изъ-за раздвоенной губы мужика.—Что надо?

И, торопливо отпустивъ соли и керосину, торопливо вернулся въ горницы.

— Лба не дадутъ перекрестить, собаки!—бормоталъ онъ на ходу.

Самоваръ, стоявшій на столѣ возлѣ простѣнка, бурлилъ, клокоталъ, зеркальце, висѣвшее надъ столомъ, подернулось налетомъ бѣлаго пара. Отпотѣли окна и олеографія, прибитая подъ зеркаломъ, — великанъ въ желтомъ кафтанѣ и красныхъ сафьяновыхъ сапогахъ, съ россійскимъ стягомъ въ рукахъ, изъ-за котораго глядѣлъ башнями и главами московскій кремль. Фотографическія карточки въ рамкахъ изъ раковинъ окружали эту картину. На самомъ почетномъ мѣстѣ висѣлъ портретъ іерея въ муаровой рясѣ, съ рѣденькой бородкой, съ припухшими щеками и маленькими пронзительными глазками. И, взглянувъ на него, Тихонъ Ильичъ истово перекрестился на икону въ углу. Потомъ снялъ съ самовара закопченый чайникъ, налилъ стаканъ чаю, крѣпко пахнущаго распареннымъ вѣникомъ, и сѣлъ.

„Лба не дадутъ перекрестить, — думалъ онъ, страдальчески морщась.— Зарѣзали, будь они прокляты!“

Казалось, что нужно что-то вспомнить, сообразить, или просто лечь и выспаться какъ слѣдуетъ. Хотѣлось тепла, покоя, ясности, твердости мысли. Онъ всталъ, подошелъ къ горкѣ, задребезжавшей стеклами и посудой, взялъ съ полки бутылку рябиновки, кубастенькій стаканчикъ, на которомъ было написано: „его же и монаси пріемлютъ“...

— Ай не надо? — сказалъ онъ вслухъ.

Но твердости не было. Въ головѣ, противъ воли, мелькнула прибаутка: „пить—умереть и не пить—умереть“. И онъ налилъ и выпилъ, еще налилъ и еще выпилъ. И, закусывая толстымъ кренделемъ, опять сѣлъ за столъ.

Онъ почувствовалъ пріятный ожогъ внутри, жадно хлебалъ съ блюдечка горячій чай, сосалъ, держа на языкѣ, кусочекъ сахару. Тѣлу стало лучше. Но душа продолжала жить своею жизнью, хмурой и тоскливой. Думы смѣняли одна другую, но толку въ нихъ не было. Онъ разсѣянно и подозрительно покосился, хлебая чай, на простѣнокъ, на мужика въ желтомъ кафтанѣ, на карточки въ рамкахъ изъ раковинъ и даже на іерея въ муаровой рясѣ.

— Не до леригіи намъ, свиньямъ!—подумалъ онъ и, какъ бы оправдываясь передъ кѣмъ-то, грубо прибавилъ: — Поживи-ка у деревни, похлебай-ка кислыхъ щей!

Косясь на іерея, онъ чувствовалъ, что все сомнительно,.. даже, кажется, и обычное благоговѣніе его къ этому іерею...

сомнительно и не продумано. Если подумать хорошенько... Но тутъ онъ поспѣшилъ перевести взглядъ на московскій кремль.

— Страмъ сказать!—пробормоталъ онъ.—Въ Москвѣ сроду не бывалъ!

Да, не бывалъ. А почему? Кабаны не велятъ! То торгашество не пускало, то постоялый дворъ, то кабакъ, то Дурновка... Теперь вотъ не пускаютъ жеребецъ, кабаны. Да что— Москва! Въ березовый лѣсишко, что за шоссе, и то десять лѣтъ напрасно пробирался. Все надѣялся какъ-нибудь урвать свободный вечерокъ, захватить съ собой коверъ, самоваръ, посидѣть на травѣ, въ прохладѣ, въ зелени, — да такъ и не урвалъ... Какъ вода межъ пальцевъ, скользятъ дни, опомниться не успѣлъ—пятьдесятъ стукнуло, вотъ-вотъ и конецъ всему, а давно ли, кажись, безъ портокъ бѣгалъ? Прямо вчера!

Неподвижно смотрѣли лица изъ рамокъ-раковинокъ. Вотъ сцена, которой никогда не было и не могло быть: на полу, среди густой ржи лежатъ двое — самъ Тихонъ Ильичъ и молодой купецъ Ростовцевъ—и держатъ въ рукахъ стаканы, ровно до половины налитые темнымъ пивомъ. Какая дружба завязалась было между Ростовцевымъ и Тихономъ Ильичемъ! Какъ запомнился тотъ сѣрый масляничный день, когда снимались! Но въ какомъ году это было? Куда исчезъ Ростовцевъ? Умеръ въ Воронежѣ—и теперь нѣтъ даже увѣренности: жилъ онъ на свѣтѣ или нѣтъ... А вотъ стоятъ, вытянувшись во фронтъ и окаменѣвъ, три мѣщанина, гладко причесанные на прямой рядъ, въ вышитыхъ косовороткахъ, въ длинныхъ сюртукахъ, въ расчищенныхъ сапогахъ — Бучневъ, Выставкинъ и Богомоловъ. Выставкинъ, тотъ, что посрединѣ, держитъ передъ грудью хлѣбъ-соль на деревянной тарелкѣ, прикрытой полотенцемъ, расшитымъ пѣтухами. Бучневъ и Богомоловъ — по сторонѣ. Эти снимались въ пыльный, вѣтреный день, когда освящали элеваторъ, — когда пріѣзжали архіерей и губернаторъ, когда Тихонъ Ильичъ такъ гордъ былъ тѣмъ, что попалъ въ число публики, привѣтствовавшей начальство. Но что осталось въ памяти отъ этого дня? Только то, что часовъ пять ждали возлѣ элеватора, на новыхъ бурыхъ рельсахъ, прибытія губернатора, что тучей летѣла бѣлая пыль по вѣтру, что запылены были и вагоны и деревья, что губернаторъ, длинный и чистый покойникъ въ бѣлыхъ штанахъ съ золотыми лампасами, въ шитомъ золотомъ мундирѣ и треуголкѣ, шелъ къ депутаціи необыкновенно медленно, что было очень страшно, когда онъ заговорилъ, принимая хлѣбъ-соль, что всѣхъ поразили необыкновенной худобой и бѣлизной его руки,

ихъ кожа, тончайшая и блестящая, какъ снятая со змѣи шкурка, блестящіе размытые перстни и кольца на сухихъ тонкихъ пальцахъ съ прозрачными длинными ногтями... Теперь губернатора этого уже нѣтъ въ живыхъ, нѣтъ въ живыхъ и Выставкина... А черезъ пять, десять лѣтъ такъ же будутъ говорить и про Тихона Ильича:

— Покойный Тихонъ Ильичъ...

Въ горницѣ стало теплѣй и уютнѣй отъ нагрѣвшейся печки, зеркальце прояснилось, но за окнами ничего не было видно, стекла бѣлѣли матовымъ паромъ, — значитъ, на дворѣ свѣжѣло. Все слышнѣе доносился нудный стонъ голодныхъ кабановъ, — и вдругъ этотъ стонъ превратился въ дружный и мощный ревъ: вѣрно, кабаны заслышали голоса кухарки и Оськи, тащившихъ къ нимъ тяжелую лоханку съ мѣсивомъ. И, не кончивъ думъ о смерти, Тихонъ Ильичъ кинулъ папиросу въ полоскательницу, надернулъ поддевку и поспѣшилъ на варокъ. Широко и глубоко шагая по хлюпающему навозу, онъ самъ отворилъ закуту—и долго не сводилъ жадныхъ и тоскливыхъ глазъ съ кабановъ, кинувшихся къ корыту, въ которое съ паромъ вывалили мѣсиво.

Думу о смерти перебивала другая: покойный-то покойный, а этого покойнаго, можетъ-быть, въ примѣръ будутъ ставить. Кто онъ былъ? Сирота, нищій, въ дѣтствѣ не жравшій по два дня куска хлѣба... А теперь?

— Твою біографію жизни описать слѣдуетъ,—насмѣшливо сказалъ однажды Кузьма.

А насмѣхаться-то, пожалуй, и не надъ чѣмъ. Значитъ, была башка на плечахъ, если изъ нищаго, едва умѣвшаго читать мальчишки вышелъ не Тишка, а Тихонъ Ильичъ...

Но вдругъ кухарка, тоже пристально глядѣвшая на кабановъ, тѣснившихъ другъ друга и залѣзавшихъ въ корыто передними ножками, икнула и сказала:

— Охъ, Господи! Кабы у насъ какой бѣды нынче не было! Вижу нынче во снѣ — нагнали къ намъ, будто, скотины на дворъ, нагнали овецъ, коровъ, свиней всякихъ... Да все черныхъ, все черныхъ!..

И опять засосало сердце. Да, вотъ скотина эта самая! Отъ одной скотины удавиться можно. Трехъ часовъ не прошло,— опять берись за ключи, опять таскай кормъ всему двору. Въ общемъ деникѣ — три дойныхъ коровы, въ отдѣльныхъ — красная телушка, быкъ Бисмаркъ: имъ теперь подавай сѣна. Лошадямъ, овцамъ въ обѣдъ полагается хоботье, а жеребцу— и самъ чортъ не придумаетъ, что! Совсѣмъ избаловался. Просунулъ морду въ рѣшетчатый верхъ двери и что-то нюхаетъ,

гримасничаетъ: поднялъ верхнюю губу, обнажилъ розовыя десны и бѣлые зубы, исказилъ ноздри... И Тихонъ Ильичъ, съ неожиданнымъ для самого себя бѣшенствомъ, вдругъ зыкнулъ на него:

— Балуй, анаѳема, разрази тебя громомъ!

Опять онъ промочилъ ноги, прозябъ—шла крупа—и опять выпилъ рябиновки. Ѣлъ картошки съ подсолнечнымъ масломъ и солеными огурцами, щи съ грибной подбивкой, пшенную кашу... Лицо раскраснѣлось, голова отяжелѣла.

— „Восемьдесятъ шесть утенокъ“,—прочелъ онъ на косякѣ окна, гдѣ Настасья Петровна вела карандашомъ кое-какія хозяйственныя записи, и мутно ухмыльнулся. Вѣрно говоритъ Кузьма: своего собственнаго языка не знаемъ! „Восемьдесятъ шесть утенокъ“—по-каковски это, спрашивается? И съ злымъ удовольствіемъ вспомнилось, какъ выставила однажды Настасья Петровна горшки съ цвѣтами на крыльцо, подъ дождь, а со двора выскочилъ кабанъ Ѳомка и—давай чавкать фикусъ. Работники кинулись къ нему, а онъ рванулъ цвѣтокъ, вырвалъ изъ горшка съ корнемъ и былъ таковъ... Батюшки, какой гвалтъ подняла Настасья Петровна!

— Пикусъ сожралъ! Пикусъ сожралъ!

— Вотъ тебѣ и пикусъ!—сказалъ Тихонъ Ильичъ, раздувая ноздри.

Отъ водки, ѣды и безтолковыхъ мыслей клонило голову. Не раздѣваясь,—только стащивъ нога объ ногу грязные сапоги,—онъ легъ на постель. Но тревожило то, что придется вотъ-вотъ опять вставать: лошадямъ, коровамъ и овцамъ надо къ вечеру задать овсяной соломы, жеребцу—тоже... или нѣтъ, лучше перебить ее съ сѣномъ, а потомъ полить и посолить хорошенько... Только вѣдь непремѣнно проспишь, если дашь себѣ волю. И Тихонъ Ильичъ потянулся къ комоду, взялъ будильникъ и сталъ заводить его. И будильникъ ожилъ, застучалъ—и въ горницѣ стало какъ будто покойнѣе, веселѣй подъ его бѣгущій мѣрный стукъ. Мысли спутались...

Но только-что спутались, какъ внезапно раздалось грубое и громкое церковное пѣніе. Въ испугѣ открывъ глаза, Тихонъ Ильичъ сперва разобралъ только одно: орутъ въ носъ два мужика, а изъ прихожей несетъ холодомъ и запахомъ мокрыхъ чекменей. Потомъ вскочилъ, сѣлъ и, разглядѣвъ, что̀ это за мужики, вдругъ почувствовалъ, какъ у него заколотилось сердце: одинъ былъ слѣпецъ, крупный, рябой, съ маленькимъ носомъ, длинной верхней губой и большимъ круглымъ черепомъ, а другой—самъ Макаръ Ивановичъ!

Былъ Макаръ Ивановичъ когда-то просто Макаркой—такъ

и звали всѣ: „Макарка-Странникъ" — и зашелъ однажды в кабакъ къ Тихону Ильичу. Брелъ куда-то по шоссе, — в лаптяхъ, скуфьѣ и засаленномъ подрясникѣ, — и зашелъ. В рукахъ—высокая палка, выкрашенная мѣдянкой, съ крестом на верхнемъ концѣ и съ копьемъ—на нижнемъ, за плечами— ранецъ и солдатская манерка; волосы длинные, желтые; лицо— широкое, цвѣта замазки, ноздри—какъ два ружейныхъ дула носъ — переломленный, въ родѣ сѣдельнаго арчака, а глаза какъ это часто бываетъ при такихъ носахъ,—свѣтлые, остро блестящіе. Безстыжій, смѣтливый, жадно куривши цыгарку за цыгаркой и пускавшій дымъ въ ноздри, говорившій груб и отрывисто, тономъ, совершенно исключающимъ возраженія онъ очень понравился Тихону Ильичу и какъ разъ за этот тонъ, — за то, что сразу было видно: „прожженый сукин сынъ".

И Тихонъ Ильичъ оставилъ его у себя — за подручнаго Скинулъ съ него бродяжью одежу и оставилъ. Но вором Макарка оказался такимъ, что пришлось жестоко избить ег и прогнать. А черезъ годъ Макарка на весь уѣздъ просла вился проницаніями,—настолько зловѣщими, что его посѣщені стали бояться, какъ огня. Подойдетъ къ кому-нибудь под окно, заунывно затянетъ „со святыми упокой", или подаст кусочекъ ладану, щепотку пыли — и ужъ не обойтись тому дому безъ покойника.

Теперь Макарка, въ своей прежней одежѣ и съ палкой в рукѣ, стоялъ у порога и пѣлъ. Слѣпой подхватывалъ, зака тывая молочные глаза подъ лобъ, и по той несоразмѣр ности, которая была въ его чертахъ, Тихонъ Ильичъ сраз опредѣлилъ его, какъ бѣглаго каторжника, страшнаго безпощаднаго звѣря. Но еще страшнѣе было то, что пѣл эти бродяги. Слѣпой, сумрачно шевеля поднятыми бровями смѣло заливался мерзкимъ гнусавымъ теноромъ. Макарка остро блестя неподвижными глазами, гудѣлъ свирѣпымъ басомъ Выходило что-то не въ мѣру громкое, грубо-стройное, древне церковное, властное и грозящее:

Расплачется мать сыра-земля, разрыдается! —

заливался слѣпой.

Ра-спла-че-тся, раз-ры-да-ется! —

убѣжденно и рѣзко вторилъ Макарка.

Передъ Спасомъ, передъ образомъ, —

вопилъ слѣпой.

Авось грѣшники покаются! —

угрожалъ Макарка, раскрывая нахальныя ноздри. И, сливая свой басъ съ теноромъ слѣпого, твердо выговаривалъ:

Не минуютъ суда Божьяго!
Не минуютъ огня вѣчнаго!

И вдругъ оборвалъ, — въ ладъ со слѣпымъ, — крякнулъ и просто, своимъ обычнымъ дерзкимъ тономъ, приказалъ:

— Пожалуйте, купецъ, погрѣться.

И, не дождавшись отвѣта, шагнулъ черезъ порогъ, подошелъ къ постели и сунулъ Тихону Ильичу въ руки какую-то картинку.

Это была простая вырѣзка изъ иллюстрированнаго журнала, но, взглянувъ на нее, Тихонъ Ильичъ почувствовалъ внезапный холодъ подъ ложечкой. Подъ картинкой,—гнущіяся отъ бури деревья, бѣлый зигзагъ по тучамъ и падающій человѣкъ,—была подпись: „Жанъ-Поль Рихтеръ, убитый молніей".

И Тихонъ Ильичъ опѣшилъ.

Но тотчасъ же и опомнился. „Ахъ, негодяй!" — подумалъ онъ и медленно изорвалъ картинку на мелкіе клочки. Потомъ слѣзъ съ постели и, натягивая сапоги, сказалъ:

— Ты напугивай кого подурѣе меня. Я-то, братъ, хорошо знакомъ съ тобою! Получи, что слѣдуетъ, и — съ Богомъ.

Потомъ пошелъ въ лавку, вынесъ Макаркѣ, стоявшему со слѣпымъ возлѣ крыльца, два фунта кренделей, пару селедокъ и повторилъ еще строже:

— Съ Господомъ!

— А табачку? — нагло спросилъ Макарка.

— Табачку — къ одному бочку.

Макарка ухмыльнулся.

— Такъ!—сказалъ онъ.—Значитъ, табакъ вашъ, бумажки дашь,—вотъ и покуримъ.

— Въ городѣ за кабакомъ сучка сѣетъ табакомъ,—отрѣзалъ Тихонъ Ильичъ.—Меня, братъ, не перебрешешь!

И, помолчавъ, прибавилъ:

— Удавить тебя, Макарка, мало за твои шашни!

Макарка поглядѣлъ на слѣпого, стоявшаго прямо, твердо, съ высоко поднятыми бровями, и спросилъ его:

— Человѣкъ божій, какъ по-твоему? Удавить, ай разстрѣлять?

— Разстрѣлять вѣрнѣе,—отвѣтилъ слѣпой серьезно.—Тутъ, по крайности, прямая сообщеніе.

Смеркалось, гряды сплошныхъ облаковъ синѣли, холодѣли, дышали зимою. Грязь густѣла. Спровадивъ Макарку, Тихонъ Ильичъ потопалъ озябшими ногами по крыльцу и пошелъ въ горницу. Тамъ онъ, не раздѣваясь, сѣлъ на стулъ возлѣ [illegible]ка,

закурилъ и опять задумался. Вспомнились лѣто, бунтъ, Молодая, рабочая пора, братъ, жена... и то, что еще до сихъ поръ не платилъ по квиткамъ за рабочую пору. Былъ у него обычай затягивать платежи. Дѣвки и ребята, ходившіе къ нему на поденщину, по цѣлымъ днямъ стояли осенью у его порога, жаловались на самыя крайнія нужды, раздражались, говорили иногда дерзости. Но онъ былъ непреклоненъ. Онъ кричалъ, призывая Бога во свидѣтели, что у него „во всемъ домѣ двѣ трынки, хоть обыщи!“—и вывертывалъ карманы, кошелекъ, въ притворномъ бѣшенствѣ плевалъ, какъ бы пораженный недовѣріемъ, „безсовѣстностью“ просителей... И нехорошимъ показался ему этотъ обычай теперь. Безпощадно-строгъ, холоденъ былъ онъ съ женой, чуждъ ей настолько, что порою совсѣмъ забывалъ о ея существованіи. И вдругъ и это поразило его: Боже мой, да вѣдь онъ даже понятія не имѣетъ, что̀ она за человѣкъ! Умри она нынче,—онъ двухъ словъ не сумѣетъ сказать, зачѣмъ она жила, что̀ думала, что̀ чувствовала за долгіе годы, прожитые съ нимъ, за эти годы, слившіеся въ одинъ годъ и промелькнувшіе въ непрестанныхъ хлопотахъ и заботахъ... А къ чему вели всѣ эти заботы?

Онъ кинулъ папиросу, закурилъ другую... Ухъ, и уменъ, эта бестія, Макарка! А разъ уменъ, развѣ не можетъ онъ предугадать — кого, что̀ и когда ждетъ? Его же, Тихона Ильича, ждетъ непремѣнно что-нибудь скверное. Вѣдь ужъ и не молоденькій! Сколько его сверстниковъ на томъ свѣтѣ! А отъ смерти да старости — спасенья нѣтъ. Не спасли бы и дѣти. И дѣтей бы онъ не зналъ, и дѣтямъ былъ бы чужой, какъ чуждъ онъ всѣмъ близкимъ — и живымъ и умершимъ. Народу на свѣтѣ,—какъ звѣздъ на небѣ; но такъ коротка жизнь, такъ быстро растутъ, мужаютъ и умираютъ люди, такъ мало знаютъ другъ друга и такъ быстро забываютъ все пережитое, что съ ума сойдешь, если вдумаешься хорошенько! Вотъ онъ давеча про себя сказалъ:

— Мою жизнь описать слѣдуетъ...

А что̀ описывать-то? Нечего. Нечего или не сто̀итъ. Вѣдь онъ самъ почти ничего не помнитъ изъ этой жизни. Совсѣмъ, напримѣръ, забылъ дѣтство: такъ, мерещится порой день какой-нибудь лѣтній, случай, сверстникъ... Кошку чью-то опалилъ однажды—сѣкли. Плеточку со свистулькой подарили—и несказанно обрадовали. Пьяный отецъ подозвалъ какъ-то,—ласково, съ грустью въ голосѣ:

— Поди ко мнѣ, Тиша, поди, родной!

И неожиданно сгребъ за волосы...

Если бъ живъ былъ теперь шибай Илья Мироновъ, Тихонъ

Ильичъ кормилъ бы старика изъ милости и не зналъ бы, едва замѣчалъ его. Вѣдь было же такъ съ матерью: спроси его теперь: помнишь мать?—и онъ отвѣтитъ: помню какую-то согнутую старуху... навозъ сушила, печку топила, тайкомъ пила, ворчала... И больше ничего. Чуть не десять лѣтъ служилъ онъ у Маторина, но и эти десять лѣтъ слились въ одинъ-два дня: апрѣльскій дождикъ накрапываетъ и пятнитъ желѣзные листы, которые, грохоча и звеня, кидаютъ на телѣгу возлѣ сосѣдней лавки... сѣрый морозный полдень, голубиной шумной стаей падаютъ на снѣгъ возлѣ лавки другого сосѣда, торгующаго мукой, крупой, халуемъ,—гуртуютъ, воркуютъ, трепещутъ крыльями,—а они съ братомъ бычьимъ хвостомъ подхлестываютъ жужжащій у порога кубарь... Маторинъ былъ тогда молодъ, крѣпокъ, сизо-красенъ, съ чисто выбритымъ подбородкомъ, съ рыжими бачками, срѣзанными до половины. Теперь онъ обѣднѣлъ, шмыгаетъ старческой походкой, въ своей выгорѣвшей на солнцѣ чуйкѣ и глубокомъ картузѣ, отъ лавки къ лавкѣ, отъ знакомаго къ знакомому, играетъ въ шашки, сидитъ въ трактирѣ Даева, пьетъ поемножку, хмелѣетъ и приговариваетъ:

— Мы—люди маленькіе: выпили, закусили, расплатились—и домой!

А встрѣчая Тихона Ильича, не узнаётъ его, жалко улыбается:

— Никакъ ты, Тиша?

А самъ Тихонъ Ильичъ не узналъ при первой встрѣчѣ, нынѣшней осенью—брата родного: „да неужели это Кузьма, съ которымъ столько лѣтъ скитались по полямъ, деревнямъ и проселкамъ?“

— Постарѣлъ ты, братъ!

— Есть малость.

— А ранёнько!

— На то я и русскій. У насъ это—живо.

И, Боже мой, какъ измѣнилось все со времени ихъ торгашества! Какъ страшно непохожъ теперешній Тихонъ Ильичъ на чернаго, какъ жукъ, отчаяннаго и веселаго полупьянаго, торгаша Тишку!

Закуривая третью папиросу, Тихонъ Ильичъ упорно и вопросительно глядѣлъ въ окошко:

— Да неужели такъ и въ другихъ странахъ?

Нѣтъ, не можетъ того быть. Бывали знакомые за границей,—вотъ, хоть купецъ Рукавишниковъ,—разсказывали... Да и безъ Рукавишникова можно сообразить. Взять нѣмцевъ городскихъ или жидовъ: всѣ ведутъ себя дѣльно, аккуратно, всѣ другъ друга знаютъ, всѣ вмѣстѣ,—и не только по

пьяному дѣлу,—и всѣ помогаютъ другъ другу; если разъѣзжаются, переписываются всю жизнь, портреты отцовъ, матерей, знакомыхъ изъ семьи въ семью передаютъ; дѣтей учатъ, любятъ, гуляютъ съ ними, разговариваютъ, какъ съ равными,—вотъ вспомнить-то ребенку и будетъ что̀. А у насъ всѣ враги другъ другу, завистники, сплетники, другъ у друга разъ въ годъ бываютъ, сидятъ по своимъ закутамъ, мечутся, какъ угорѣлые, когда нечаянно заѣдетъ кто, кидаются комнаты прибирать... Да что̀! Ложки варенья жалѣютъ гостю! Безъ упрашиваній гость лишняго стакана не выпьетъ... У, киргизы косоглазые! Мордва желтоволосая!

Мимо оконъ прошла чья-то тройка. Тихонъ Ильичъ внимательно оглядѣлъ ее. Лошади поджарыя, но, видно, рѣзвыя. Тарантасъ въ исправности. За кѣмъ бы это? Поблизости ни у кого нѣтъ такой тройки. Поблизости помѣщики такая голь, что безъ хлѣба по три дня сидятъ, послѣднія ризы съ иконъ продали, разбитаго стекла вставить, крышу поправить не на что; окна подушками затыкаютъ, а по полу, какъ дождь, лотки и ведра разставляютъ,—сквозь потолки какъ сквозь рѣшёта льетъ... Потомъ прошелъ Дениска-сапожникъ. Куда это? И съ чѣмъ? Никакъ съ чемоданомъ? Охъ, и дуракъ же, прости ты, Господи, мое согрѣшеніе!

Машинально Тихонъ Ильичъ накинулъ на поддевку чуйку, сунулъ ноги въ калоши и вышелъ на крыльцо. Выйдя и глубоко дохнувъ свѣжимъ воздухомъ предзимнихъ синеватыхъ сумерокъ, опять остановился, сѣлъ на лавочку... Да, вотъ тоже семейка—Сѣрый съ сынкомъ! Мысленно Тихонъ Ильичъ сдѣлалъ ту дорогу, которую одолѣлъ Дениска по грязи, съ чемоданомъ въ рукѣ. Увидалъ Дурновку, свою усадьбу, оврагъ, избы, сумерки, огонекъ у брата, огоньки по дворамъ... Кузьма сидитъ, небось, и читаетъ. Молодая стоитъ въ темной и холодной прихожей, возлѣ чуть теплой печки, грѣетъ руки, спину, ждетъ, когда скажутъ—„ужинать!“, и, поджавъ постарѣвшія, подсохшія губы, думаетъ... О чемъ? Можетъ, о Родькѣ? Брехня все это, будто она его отравила, брехня! А если отравила...

Господи Боже! Если отравила,—что̀ должна она чувствовать? Какой тяжелый могильный камень лежитъ на ея скрытной, странной душѣ! И какъ случилось то, на что рѣшилась она, обезумѣвшая отъ ненависти къ Родькѣ, отъ лютыхъ побоевъ,—можетъ-быть, и отъ поруганныхъ чувствъ къ нему, Тихону Ильичу,—и отъ своего позора, отъ страха, что Родька наконецъ узнаетъ про этотъ позоръ? Охъ, и бивалъ же онъ ее! Да хорошъ и Тихонъ Ильичъ... И таки-накажетъ его Богъ...

Мысленно онъ взглянулъ съ крыльца своего дурновскаго
ма на Дурновку,—бунтовщица тоже!—на черныя избы по
согору за оврагомъ, на риги и лозинки на задворкахъ...
полями влѣво, на горизонтѣ,—желѣзнодорожная будка. Въ
мерки мимо нея проходитъ поѣздъ — бѣжитъ цѣпь огнен-
ыхъ глазъ. А потомъ загораются глаза по избамъ.
емнѣетъ, становится уютнѣй—и непріятное чувство шевель-
ется каждый разъ, когда взглянешь на избы Молодой и
ѣраго, что стоятъ почти среди Дурновки, черезъ три двора
угъ отъ друга: ни въ той ни въ другой нѣтъ огня. И такъ
очти всю зиму! Дѣтишки Сѣраго, какъ кроты, слѣпнутъ,
алѣютъ отъ радости и удивленія, когда удастся въ какой-
ибудь счастливый вечеръ освѣтить избу...

— Нѣтъ, грѣшно!—твердо сказалъ Тихонъ Ильичъ и под-
лся съ мѣста.—Нѣтъ, безбожно! Надо хоть маленько помочь
ѣлу,—сказалъ онъ, направляясь къ станціи.

Морозило, душистѣе, чѣмъ вчера, тянуло отъ вокзала запа-
омъ самовара. Чище блестѣли огни у воротъ, за бодро озяб-
увшими деревьями, почти голыми, расцвѣченными рѣдкой
иствой. Звучнѣе громыхали бубенчики на тройкѣ. Хоть куда
роечка! Зато лошаденки мужиковъ-извозчиковъ, ихъ крохот-
ыя телѣжки на полуразсыпавшихся, косыхъ колесахъ, облѣ-
пленныхъ грязью,—смотрѣть жалко! Визжала и глухо хло-
ала за палисадникомъ вокзальная дверь. Обогнувъ его,
ихонъ Ильичъ поднялся на высокое каменное крыльцо, на
оторомъ шумѣлъ двухведерный мѣдный самоваръ, краснѣя,
акъ огненными зубами, своей рѣшеткой,—и столкнулся какъ
азъ съ кѣмъ и нужно было,—съ Дениской.

Дениска, въ раздумьѣ опустивъ голову, стоялъ на крыльцѣ
держалъ въ правой рукѣ дешевый сѣрый чемоданишко,
едро усѣянный жестяными шляпками и перевязанный верев-
ой. Былъ Дениска въ поддевкѣ, старой и, видимо, очень
ижелой, съ обвисшими плечами и очень низкой таліей, въ
овомъ картузѣ и разбитыхъ сапогахъ. Ростомъ онъ не вы-
елъ, ноги его, сравнительно съ туловищемъ, были очень
оротки. „У меня одна тулвища“,—смѣясь, говорилъ онъ иногда
ро себя. Теперь, при низкой таліи и сбитыхъ сапогахъ, ноги
азались еще короче.

— Денисъ!—окликнулъ Тихонъ Ильичъ.—Ты зачѣмъ здѣсь,
рхаровецъ?

Никогда и ничему не удивлявшійся Дениска спокойно под-
илъ на него свои темные и томные, съ грустной усмѣшкой,
ъ большими рѣсницами глаза и стащилъ съ волосъ картузъ.
олосы у него были мышинаго цвѣта и не въ мѣру густы,

лицо землистое и какъ будто промасленное, но глаза кр
сивые.

— Здравствуйте, Тихонъ Ильичъ,—отвѣтилъ онъ пѣвучим
городскимъ теноркомъ и, какъ всегда, немного застѣнчиво.-
Ѣду... въ эту самую... въ Тулу.

— Это зачѣмъ, позвольте спросить?

— Може, мѣсто какая выйдетъ...

Тихонъ Ильичъ оглядѣлъ его. Въ рукѣ—чемоданъ, изъ ка
мана поддевки торчатъ какія-то зеленыя и красныя книжечк
свернутыя въ трубку. Поддевка, должно-быть, чужая...

— А франтъ-то не тульскій!

Дениска тоже оглядѣлъ себя.

— Поддевка-то? — скромно спросилъ онъ.—Что жъ, вот
наживу въ Тулѣ денегъ,—вендерку себѣ куплю. Я лѣтом
какъ было-справился! Газетами торговалъ.

Тихонъ Ильичъ кивнулъ на чемоданъ:

— А это что жъ за штука такая?

Дениска опустилъ рѣсницы:

— Чумаданъ себѣ купилъ.

— Да ужъ въ венгеркѣ безъ чемодана никакъ нельзя!-
насмѣшливо сказалъ Тихонъ Ильичъ.—А въ карманѣ что?

— Такъ, кляповинка разная...

— Покажь-ка.

Дениска поставилъ чемоданъ на крыльцо и вытащилъ из
кармана книжечки. Тихонъ Ильичъ взялъ и внимательно п
реглядѣлъ ихъ. Пѣсенникъ „Маруся“. „Жена-развратница
„Невинная дѣвушка въ цѣпяхъ насилія“. „Поздравительны
стихотворенія родителямъ, воспитателямъ и благодѣтелямъ
„Роль...“.

Тутъ Тихонъ Ильичъ запнулся, но Дениска, слѣдившій з
нимъ, бойко и скромно подсказалъ:

— Роль проталеріата въ Россіи.

Тихонъ Ильичъ качнулъ головой.

— Новости! Жрать нечего, а чемоданы да книжки пок
наешь. Вѣрно, недаромъ тебя смутьяномъ-то зовутъ. Ты, г
ворятъ, все царя ругаешь? Смотри, братъ!

— Да авось не имѣнье купилъ, — отвѣтилъ Дениска с
грустной усмѣшкой.—Это книжки хорошія. А царя я не тр
галъ. На меня брешутъ, какъ на мертваго. А я и в
мысляхъ того не держалъ. Ай я лунатикъ какой?

Завизжалъ блокъ на двери, показался станціонный ст
рожъ,—сѣдой отставной солдатъ съ свистящей и хрипящ
одышкой,—и буфетчикъ, толстый, съ заплывшими глазкам
съ сальными волосами.

— Посторонитесь-ка, господа купцы, позвольте самоварчикъ
ять...
Дениска посторонился и опять взялся за ручку чемодана.
— Сперъ, небось, гдѣ-нибудь?—спросилъ Тихонъ Ильичъ,
вая на чемоданъ и думая о дѣлѣ, по которому пошелъ на
анцію.
Дениска промолчалъ, нагнувъ голову.
— И пустой вѣдь?
Дениска разсмѣялся:
— Пустой...
— Съ мѣста-то прогнали?
— Я самъ ушелъ.
Тихонъ Ильичъ вздохнулъ.
— Живой отецъ!—сказалъ онъ.—Тотъ тоже всегда такъ-то:
ладятъ его въ шею съ мѣста, а онъ—„я самъ ушелъ“.
— Глаза лопни, не брешу.
— Ну, хорошо, хорошо... Дома-то былъ?
— Былъ двѣ недѣли.
— Отецъ-то опять безъ дѣла?
— Таперь безъ дѣла.
— Таперь!—передразнилъ Тихонъ Ильичъ.—Деревня стое-
совая! А еще революцанеръ. Лѣзешь въ волки, а хвостъ
бачій.
„Авось и ты-то изъ тѣхъ же квасовъ“,—съ усмѣшечкой
думалъ Дениска, не поднимая головы.
— Значитъ, сидитъ себѣ Сѣрый да покуриваетъ?
— Пустой малый!—убѣжденно сказалъ Дениска.
Тихонъ Ильичъ постучалъ ему въ голову костяжкамп.
— Хоть бы дурь-то свою не выказывалъ! Кто жъ такъ-то
о отца говоритъ?
— Старъ кобель, да не батькой звать,—отвѣтилъ Дениска
окойно.—Отецъ—такъ корми. А онъ дюже меня кормилъ?
Но Тихонъ Ильичъ не дослушалъ. Онъ выбиралъ удобную
инуту, чтобы начать дѣловой разговоръ. И, не слушая,
ребилъ:
— Ну и вышелъ далдонъ... Продалъ Яковъ кобылу-то?
Дениска неожиданно захохоталъ грубымъ и громкимъ хохо-
мъ. Но отвѣтилъ все тѣмъ же пѣвучимъ теноркомъ:
— Яковъ Микитичъ-то? Куда тебѣ! Все богатѣетъ да жад-
ѣетъ. То-то смѣху вчерась было!
— По какому случаю?
— Да какъ же! Околѣлъ у него жеребенокъ, такъ онъ что
думалъ? Ноги съ копытами и тѣ въ дѣло произвелъ. Не хва-
ло въ плетнѣ кольевъ,—онъ возьми и вплети эти самыя ноги...

— Министръ, а не мужикъ!—сказалъ Тихонъ Ильичъ.— Не вамъ, голоштаннымъ, чета. Ты, что жъ, съ волчьимъ биле томъ, значитъ, до Тулы-то?

— А на кой онъ мнѣ, билетъ-то?—отвѣтилъ Дениска.— Приду въ вагонъ,—прямо, Господи благослови, подъ лавку Мнѣ бы только до Узловской добиться.

— Это какой же такой—Узловской? Узловой, что ли?

— Ну, Узловой, одна честь. Доѣду до ней, а тамъ и пѣшо недалече.

— А книжечки-то гдѣ жъ расчитывать? Подъ лавкой-т не расчитаешься.

Дениска подумалъ.

— Вона!—сказалъ онъ.—Не все жъ подъ лавкой. Залѣз въ нужникъ,—читай хошь до свѣту.

Тихонъ Ильичъ сдвинулъ брови.

— Ну вотъ что,—началъ онъ.—Вотъ что: всю эту музык пора тебѣ бросать. Не маленькій, дуракъ. Вали-ка назадъ, в Дурновку,—пора къ дѣлу прибиваться. А то вѣдь на вас смотрѣть тошно. У меня вонъ... надворные совѣтники лучш живутъ. Помогу, ужъ такъ и быть... на первое время. Н на товаришко тамъ, на струментъ... И будешь и самъ ко миться и отцу хоть немного подавать...

„Къ чему это онъ гнетъ?“—подумалъ Дениска.

А Тихонъ Ильичъ рѣшился и докончилъ:

— Да и жениться пора.

„Та-акъ!“ — подумалъ Дениска и не спѣша сталъ завер тывать цыгарку.

— Что жъ,—спокойно и чуть-чуть печально отозвался он не поднимая рѣсницъ.—Я каляниться не стану. Жениться можно. По проституткамъ-то хуже ходить.

— Ну вотъ то-то и оно-то,—волнуясь, подхватилъ Тихон Ильичъ.—Только, братъ, имѣй въ виду,—жениться съ умом надо. Ихъ, дѣтей-то, съ капиталомъ хорошо водить.

Дениска захохоталъ.

— Чего гогочешь-то?

— Да какъ же! Водить! Въ родѣ какъ куръ али свине

— Не меньше куръ и свиней ѣсть просятъ.

— А на комъ?—съ печальной усмѣшкой спросилъ Денис

— Да на комъ? Да... на комъ хочешь.

— Это на Молодой, что ли?

Тихонъ Ильичъ густо покраснѣлъ.

— Дуракъ! А Молодая чѣмъ плоха? Баба смирная, работящая

Дениска помолчалъ, ковыряя ногтемъ жестяную шляпку ч чемоданѣ. Потомъ прикинулся дуракомъ.

— Ихъ, молодыхъ-то, много,—сказалъ онъ протяжно.—Не знаю, про какую вы балакаете... Про энту, что ль, съ какой вы жили?

Но Тихонъ Ильичъ уже оправился.

— Жилъ я, ай нѣтъ,—это не твоего, свинья, ума дѣло,—отвѣтилъ онъ и такъ быстро и внушительно, что Дениска покорно пробормоталъ:

— Да мнѣ одна честь... Я вѣдь это такъ... къ слову...

— Ну, значитъ, и не бреши попусту... Людьми сдѣлаю. Понялъ? Приданаго дамъ... Понялъ?

Дениска задумался.

— Вотъ съѣзжу въ Тулу...—началъ онъ.

— Нашелъ пѣтухъ земчужное зерно! На кой лядъ тебѣ Тула-то?

— Дюже дома оголодалъ...

Тихонъ Ильичъ распахнулъ чуйку, сунулъ руку въ карманъ поддевки, — рѣшилъ-было дать Денискѣ двугривенный. Но спохватился,—глупо деньги швырять, да еще и зазнается этотъ толкачъ,—подкупаютъ, молъ,—и сдѣлалъ видъ, что ищетъ что-то.

— Эхъ, папиросы забылъ! Дай-ка свернуть.

Дениска подалъ ему кисетъ. Надъ крыльцомъ уже зажгли фонарь, и при его тускломъ свѣтѣ Тихонъ Ильичъ вслухъ прочелъ крупно вышитое бѣлыми нитками на кисетѣ:

„Каво люблю таму дарю люблю сердечна дарю кисѣтъ на вѣчно“.

— Ловко!—сказалъ онъ, прочитавъ.

Дениска застѣнчиво потупился.

— Значитъ, ужъ есть краля-то?

— Мало ль ихъ, сукъ, шатается!—отвѣтилъ Дениска безпечно.—А жениться я не отказываюсь. Ворочусь къ мясоѣду и Господи благослови...

Изъ-за палисадника загремѣла и съ грохотомъ подкатила къ крыльцу телѣга, вся закиданная грязью,—съ мужикомъ на грядкѣ и ульяновскимъ дьякономъ Говоровымъ посрединѣ, въ соломѣ.

— Ушелъ?—тревожно крикнулъ дьяконъ, выкидывая изъ соломы ногу въ новой калошѣ.

Каждый волосъ его красно-рыжей лохматой головы буйно вился, шапка съѣхала на затылокъ, лицо разорумѣлось отъ вѣтра и волненія.

— Поѣздъ-то?—спросилъ Тихонъ Ильичъ.—Нѣтъ-съ, еще и не выходилъ-съ. Здравствуйте, о. дьяконъ.

— А-га! Ну, слава Богу!—радостно и быстро сказалъ

льяконъ и все-таки, выскочивъ изъ телѣги, стремглавъ кинулся къ дверямъ.

Тихонъ Ильичъ качнулъ головой. „Эхъ, не во-время принесло этого долгогриваго! Не выйдетъ дѣло, пожалуй!“ Однако, взявшись за ручку двери, сказалъ твердо и увѣренно:

— Ну, стало-быть, такъ. Стало-быть—до мясоѣда.

Въ вокзалѣ пахло мокрыми полушубками, самоваромъ, махоркой, керосиномъ. Накурено было такъ, что точило горло, еле свѣтили лампы въ дыму, въ полумракѣ, сырости и холодѣ. Визжали и хлопали двери, толпились и галдѣли мужики съ кнутами въ рукахъ—извозчики изъ Ульяновки, дожидавшіеся сѣдока иногда по цѣлой недѣлѣ. Среди нихъ, подявъ брови, ходилъ еврей-хлѣботорговецъ, въ котелкѣ, въ пальто съ капюшономъ и съ зонтомъ на плечѣ. Возлѣ кассы мужики тащили на вѣсы чьи-то господскіе чемоданы и корзины, обшитыя клеенкой, на мужиковъ кричалъ телеграфистъ, исполнявшій должность помощника начальника станціи,—молодой коротконогій малый съ большой головой, съ кудрявымъ желтымъ кокомъ, по-казацки взбитымъ изъ-подъ картуза на лѣвомъ вискѣ,—и крупной дрожью дрожалъ сидѣвшій на грязномъ полу пойнтеръ, пятнистый, какъ лягушка, съ человѣчески-тоскливыми глазами.

Протолкавшись среди мужиковъ, Тихонъ Ильичъ прошелъ къ двери въ первый классъ, возлѣ которой висѣла на стѣнѣ деревянная рама съ письмами, газетами и телеграммами, лежавшими иногда по году. Писемъ ему не оказалось. Былъ только три номера „Орловскаго Вѣстника“. И Тихонъ Ильичъ двинулся-было къ буфетной стойкѣ—поболтать съ буфетчицей. Но возлѣ стойки сидѣлъ на табуретѣ пьяный человѣкъ съ голубыми остекляиѣвшими глазами, съ глянцевитымъ лиловымъ лицомъ, въ кругломъ сѣромъ картузѣ съ пуговкой—подвальный съ винокуреннаго завода князя Лобанова. И Тихонъ Ильичъ поспѣшно повернулъ назадъ. Подвальный—знакомый человѣкъ, попадись ему на глаза, сутки не отцѣпится... На крыльцѣ все еще стоялъ Дениска.

— Что я васъ хотѣлъ попросить, Тихонъ Ильичъ,—сказалъ онъ еще застѣнчивѣе, чѣмъ всегда.

— Что еще такое?—сердито спросилъ Тихонъ Ильичъ.—Денегъ? Не дамъ.

— Нетъ, какихъ денегъ! Письмо мое прочитать.

— Письмо? Къ кому?

— Къ вамъ. Хотѣлъ было давеча отдать, да не насмѣлился.

— Да объ чемъ?

— Такъ... житье свое описалъ...

Тихонъ Ильичъ взялъ изъ рукъ Дениски клочокъ бумажки, сунулъ его въ карманъ и быстро зашагалъ домой по упругой, застывшей грязи.

Теперь настроеніе его было мужественно. Хотѣлось работы, и онъ съ удовольствіемъ подумалъ, что есть дѣло—кормъ скотинѣ задать. Вотъ, жалко — погорячился. Жмыха прогналъ, придется ночь не спать. На Оську надежда плохая. Небось, спитъ уже. А не то сидитъ съ кухаркой и ругаетъ хозяина... И, пройдя мимо освѣщенныхъ оконъ избы, Тихонъ Ильичъ прокрался въ сѣни, наткнулся въ темнотѣ на холодную пахучую солому и прильнулъ ухомъ къ двери. За дверью послышался смѣхъ, потомъ голосъ Оськи:

— А то вотъ еще исторія была. Жилъ на селѣ мужикъ,— бѣдный-пребѣдный, бѣднѣе во всемъ селѣ не было. И выѣхалъ разъ, братцы мои, этотъ самый мужикъ пахать. И увяжись за нимъ кобель рябый. Мужикъ пашетъ, а кобель сычуетъ по полю и все чтой-то роетъ. Рылъ-рылъ, да какъ заво-оетъ! Что за притча такая? Кинулся мужикъ къ нему, глядь въ яму, а тамъ—чугунъ...

— Чугу-унъ?—спросила кухарка.

— Да ты слушай. Чугунъ-то чугунъ, а въ чугунѣ—золото! Видимо-невидимо... Ну и забогатѣлъ мужикъ...

„Ахъ, пустоболты!“ — подумалъ Тихонъ Ильичъ и жадно сталъ слушать, что дальше будетъ съ мужикомъ.

— Забогатѣлъ мужикъ, разстроился, какъ купецъ какой...

— Не хуже нашего Тугоногаго,— вставила кухарка.

И опять Тихонъ Ильичъ усмѣхнулся: онъ зналъ, что его уже давно зовутъ Тугоногимъ... Нѣтъ человѣка безъ прозвища!

А Оська продолжалъ:

— Еще побогаче... Да... А кобель-то возьми да околѣй. Какъ тутъ быть? Мочи нѣтъ—жалко кобеля, надо его честь-честью хоронить...

Раздался взрывъ хохота. Захохоталъ и самъ разсказчикъ и еще кто-то—со старческимъ кашлемъ.

— Никакъ Жмыхъ?—встрепенулся Тихонъ Ильичъ.—Ну, слава Богу. Вѣдь говорилъ дураку: вернешься!

— Пошелъ мужикъ къ попу,—продолжалъ Оська,—пошелъ къ попу: такъ и такъ, батюшка, кобель околѣлъ,— надо хоронить...

Кухарка опять не выдержала и радостно крикнула:

— У, пропасти на тебя нѣту!

— Да дай доказать-то!—крикнулъ и Оська и опять пере-

шелъ на повѣствовательный тонъ, изображая то попа, то мужика:

— Такъ и такъ, батюшка, — надо кобеля хоронить. Какъ затопаетъ попъ ногами: „Какъ хоронить? Гдѣ хоронить? На кладбищѣ? Да я тебя въ острогѣ сгною, да я тебя въ кандалы забью!“—„Батюшка, да вѣдь это не простой кобель: онъ, какъ околѣвалъ, вамъ пятьсотъ цѣлковыхъ отказалъ!“ Какъ ускочитъ попъ съ мѣста: „Дуракъ! Да развѣ я тебя за то браню, что хоронить? За то браню—гдѣ хоронить-то? Его въ церковной оградѣ надо хоронить!“

Тихонъ Ильичъ громко кашлянулъ и отворилъ дверь. За столомъ, возлѣ коптящей лампочки, разбитое стекло которой было заклеено съ одного боку почернѣвшей бумажкой, сидѣла, наклонивъ голову и завѣсивъ все лицо мокрыми волосами, кухарка. Она чесалась деревяннымъ гребнемъ и сквозь волосы разсматривала гребень на свѣтъ. Оська, съ цыгаркой въ зубахъ, хохоталъ, откинувшись назадъ и болтая лаптями. Возлѣ печки, въ полутемнотѣ, краснѣлъ огонекъ — трубка. Когда Тихонъ Ильичъ дернулъ дверь и показался на порогѣ, хохотъ сразу оборвался, и курившій трубку робко поднялся съ мѣста, вынулъ ее изо рта и сунулъ въ карманъ... Да, Жмыхъ! Но, какъ будто и ничего не было утромъ, Тихонъ Ильичъ бодро и дружелюбно крикнулъ:

— Ребятъ! Кормъ задавать...

Съ фонаремъ бродили по варку, освѣщая застывшій навозъ, разсыпанную солому, ясли, столбы, кидая огромныя тѣни, будя куръ на переметахъ подъ навѣсами. Куры слетали, падали и, наклоняясь впередъ, засыпая на бѣгу, бѣжали куда попало. Большіе лиловые глаза лошадей, поворачивавшихъ на свѣтъ головы, блестѣли и глядѣли совсѣмъ по-человѣчески. Отъ дыханія шелъ паръ,—точно всѣ курили. И когда Тихонъ Ильичъ опускалъ фонарь и взглядывалъ вверхъ, онъ съ радостью видѣлъ надъ квадратомъ двора, въ глубокомъ чистомъ небѣ, яркія разноцвѣтныя звѣзды. Слышно было, какъ сухо шуршалъ по крышамъ и морозной свѣжестью дулъ въ щели сѣверный вѣтеръ... Слава тебѣ, Господи,—зима!

Отдѣлавшись и заказавъ самоваръ, Тихонъ Ильичъ съ фонаремъ сходилъ въ холодную пахучую лавку, выбралъ мариованную селедку получше: — ничего, не плохо передъ чаемъ-то подсолнцевать! — и за чаемъ съѣлъ ее, выпилъ нѣсколько стаканчиковъ горько-сладкой, желто-красной рябиновки, налилъ чашку чаю съ краями и придвинулъ къ себѣ старые большіе счеты. Но, подумавъ, нашелъ письмо Деписки и сталъ разбирать его каракули.

„Деня получилъ 40 рублей денягъ патомъ собралъ вѣщи...“

— Сорокъ!—подумалъ Тихонъ Ильичъ.—Ахъ, голоштанный!

„Пашелъ Деня на станцію Тула и какъ разъ ево обабрали вытащили Все докопеки детца некуда и Взяла ево тоска...“

Разбирать эту брехню было трудно и скучно, но вечеръ длиненъ, дѣлать нечего... Самоваръ хлопотливо бурлилъ, спокойнымъ свѣтомъ свѣтила лампа—и была въ тишинѣ и покоѣ вечера грусть. Мѣрно ходила колотушка подъ окнами, звонко выдѣлывала на морозномъ воздухѣ плясовую...

„Патомъ соскучился я какъ ехоть домой дюже отецъ грозенъ...“

— Ну и дуракъ, прости, Господи! — подумалъ Тихонъ Ильичъ.—Это Сѣрый-то грозенъ!

„Пайду Въ дремучай лѣсъ выбрать повыше сель и взять отъ сахарной головы бѣчевычку опрѣдилится на ней навѣчную жизнь вновыхъ брюкахъ но бѣзсапохъ...“

— Безъ сапогъ, что ли?—сказалъ Тихонъ Ильичъ, далеко отставляя отъ уставшихъ глазъ бумажку.—Вотъ что̀ правда, то̀ правда...

„Патомъ пойдетъ сильный вѣтеръ синее облоки и собралась туча полилъ спорый крупный дождичекъ вышла солнышко изъ за лѣсу вѣревычка перегнивать перегнивать и удругъ оборвалась а Деня палъ на земь поползываютъ мурашки по немъ начинаютъ работать а тамъ ежъ ползетъ и гадюка и ракъ зяленый...“

Кинувъ письмо въ полоскательницу, Тихонъ Ильичъ хлебнулъ чаю, поставилъ локти на столъ, глядя на лампу... Стекла запотѣли, четко и бойко, по-зимнему, выговаривала колотушка что-то ладное... Эхъ, если бы дѣти! Если бы—ну, любовница, что ли, хорошая вмѣсто этой пухлой старухи, которая осточертѣла одними своими разсказами о княжнѣ, о какой-то благочестивой монахинѣ Поликарпіи, что̀ зовутъ въ городѣ Полукарпіей!.. Да поздно, поздно.

Разстегнувъ шитый воротъ рубахи, Тихонъ Ильичъ съ горькой усмѣшкой ощупалъ шею, впадины по шеѣ за ушами... Первый знакъ старости эти впадины,—лошадиной становится голова! Да и прочее недурно. Онъ нагнулъ голову, запустилъ пальцы въ бороду... И борода сѣдая, сухая, путаная. Нѣтъ, шабашъ, шабашъ, Тихонъ Ильичъ!

Онъ пилъ, хмелѣлъ, все плотнѣе стискивалъ челюсти, все пристальнѣе, щуря глаза, глядѣлъ на горящій ровнымъ огнемъ фитиль лампы... Вы подумайте: къ брату родному нельзя съѣздить,—кабаны не пускаютъ, свиньи! А и пустили бы,—тоже радости мало. Читалъ бы ему Кузьма нотаціи, стояла бы

съ поджатыми губами, съ опущенными рѣсницами Молодая... Да отъ однихъ этихъ опущенныхъ глазъ сбѣжишь!

Сердце замирало, ныло, голову сладко туманило... Гдѣ это слышалъ онъ эту пѣсню?

Пришелъ мой скучный вечеръ,
Не знаю, что начать.
Пришелъ мой другъ любезный,
Онъ сталъ меня ласкать...

Ахъ, да, это въ Лебедяни, на постояломъ дворѣ. Сидятъ въ зимній вечеръ дѣвки-кружевницы и поютъ... Сидятъ, плетутъ и, не поднимая рѣсницъ, звонкими грудными голосами выводятъ:

Цѣлуетъ, обнимаетъ,
Прощается со мной...

Голову туманило, — то казалось, что все еще впереди — и радость, и воля, и беззаботность, — то начинало болѣзненно, безнадежно ныть сердце. То онъ говорилъ:

— Были бъ денежки въ карманѣ,—будетъ тетушка въ торгу!

То зло глядѣлъ на лампу и бормоталъ, разумѣя брата:

— Учитель! Проповѣдникъ! Филаретъ милосливый... Голоштанный чортъ!

Онъ допилъ рябиновку, накурилъ такъ, что потемнѣло... Невѣрными шагами, по зыбкому полу, вышелъ онъ въ одномъ пиджакѣ въ темныя сѣни, ощутилъ крѣпкую свѣжесть воздуха, запахъ соломы, запахъ псины, увидалъ два зеленоватыхъ огня, мелькнувшихъ на порогѣ.

— Буянъ!—крикнулъ онъ.

И изо всей силы ударилъ Буяна сапогомъ въ голову.

Потомъ послушалъ колотушку, притопывая въ ладъ ей, мочась на ступеньки крыльца, мысленно приговаривая:

Иди прямо на меня!
Гляди прямо на меня!

И крикнулъ, направляясь къ шоссе:

— Дуй бѣлку въ хвостъ—пушистѣй будетъ!

Мертвая тишина стояла надъ землей, мягко чернѣвшей въ звѣздномъ свѣтѣ. Блестѣли разноцвѣтные узоры звѣздъ. Слабо бѣлѣло шоссе, пропадая въ сумракѣ. Вдали глухо, точно изъ-подъ земли, слышался возрастающій грохотъ. И вдругъ вырвался наружу и загудѣлъ окрестъ: бѣло блистая цѣпью оконъ, освѣщенныхъ электричествомъ, разметавъ, какъ летящая вѣдьма, дымныя косы, ало озаренныя изъ-подъ низу, несся вдали, пересѣкая шоссе, экспрессъ...

— Это мимо Дурновки-то!—сказалъ Тихонъ Ильичъ, икая.— Мимо Сѣраго-то! Ахъ, разбойники, анаѳемы...

Сонная кухарка вошла въ горницу, тускло освѣщенную выгорающей лампой и провонявшую табакомъ, внесла сальный чугунчикъ со щами, захвативъ его въ черныя отъ сала и сажи ветошки. Тихонъ Ильичъ покосился и сказалъ:

— Сію минуту выйди вонъ.

Кухарка повернулась, толкнула ногой дверь и скрылась.

Тогда онъ взялъ календарь Гатцука, обмакнулъ ржавое перо въ ржавыя чернила и сталъ, стискивая зубы и сонно глядя свинцовыми глазами, безъ конца писать по календарю вдоль и поперекъ:

— Гатцукъ Гатцукъ Гатцукъ Гатцукъ...

II.

Кузьма почти всю жизнь мечталъ писать и учиться.

Что̀ стихи! Стихами онъ баловался въ малолѣтствѣ. Ему хотѣлось разсказать, какъ погибалъ онъ, съ небывалой безпощадностью изобразить свою нищету и тотъ страшный въ своей обыденности бытъ, что̀ калѣчилъ его, дѣлалъ безплодной смоковницей.

Обдумывая свою жизнь, онъ и казнилъ себя и оправдывалъ.

Да, онъ нищій уѣздный мѣщанинъ, чуть не до пятнадцати лѣтъ читалъ по складамъ. Но его исторія—исторія всѣхъ русскихъ самоучекъ. Онъ родился въ странѣ, имѣющей болѣе ста милліоновъ безграмотныхъ. Онъ росъ въ Черной Слободѣ, гдѣ еще до сихъ поръ на смерть убиваютъ въ кулачныхъ бояхъ. Онъ видѣлъ въ дѣтствѣ грязь и пьянство, лѣнь и скуку... Дѣтство дало только одно поэтическое впечатлѣніе: была темная кладбищенская роща да выгонъ на горѣ за Слободой, а за нимъ — просторъ, жаркое марево степи, дальняя бѣлая хата подъ тополемъ. Но даже и къ этой хатѣ внушали ему презрѣніе: тамъ жили хохлы, а вѣдь они такъ глупы, что на вопросъ:—„Хохлы, гдѣ ваши котлы?“—отвѣчаютъ:—„Не вамъ ли сказать, что подъ фурами лежатъ?“ Буквамъ и цифрамъ выучилъ его и Тихона сосѣдъ, заливщикъ калошъ Бѣлкинъ; но и то только потому, что работы у него никогда не было, — ужъ какія тамъ калоши въ Слободѣ!—что драть кого-нибудь за „виски“ всегда пріятно, и что не вѣкъ же сидѣть на завалинкѣ распоясной, наклонивъ и подставивъ солнцу лохматую голову, поплевывая на пыль между босыми ногами. Въ лавкѣ Маторина братья скоро постигли письмо, чтеніе, сталъ Кузьма и книжками увлекаться, которыя дарилъ ему базарный воль-

подумецъ и чудакъ, старикъ-гармонистъ Балашкинъ. Но до чтенія ли въ лавкѣ? Маторинъ очень часто кричалъ: — „Я тебѣ ухи оболтаю за твоихъ Гуаковъ, дьяволенокъ ты этакій!“.

Это старая исторія, но и о базарныхъ нравахъ хотѣлъ Кузьма напомнить. На базарѣ воспринялъ онъ много постыднаго. Тамъ ихъ съ братомъ научили высмѣивать нищету матери, то, что она стала запивать, брошенная подросшими сыновьями. Тамъ они продѣлали разъ такую штуку: мимо дверей лавки каждый день проходилъ изъ библіотеки сынъ портного Витебскаго, еврей лѣтъ шестнадцати, съ блѣдно-голубымъ лицомъ, страшно худой, ушастый, въ очкахъ, и на ходу пристально читалъ, а они накидали на тротуаръ щебня—и еврей—„ученый-то этотъ!“—полетѣлъ такъ удачно, что разбилъ въ кровь колѣни, локти, зубы... Тамъ Кузьма и писать сталъ,—началъ разсказомъ о томъ, какъ одинъ купецъ ѣхалъ въ страшную грозу, ночью, по Муромскимъ лѣсамъ, попалъ на ночлегъ къ разбойникамъ и былъ зарѣзанъ. Кузьма горячо изложилъ его предсмертныя мольбы, думы, его скорбь о своей неправедной и „такъ рано пресѣкшейся жизни“... Но базаръ безъ пощады окатилъ его холодной водой.

— Ну и чудакъ ты, прости Господи!—весело и нахально сказалъ онъ устами Тихона.—„Рано“! Давно пора чорту пузатому! Да и какъ же это ты узналъ-то, что̀ онъ думалъ? Вѣдь его же зарѣзали?

Тогда Кузьма написалъ кольцовскимъ ладомъ пѣсню престарѣлаго витязя, завѣщающаго сыну вѣрнаго коня.—„Онъ носилъ меня въ моей младости!“—восклицалъ въ пѣснѣ витязь. Но Тихонъ и тутъ только покачалъ головой.

— Такъ!—сказалъ онъ.—Сколько же лѣтъ было этому самому коню? Ахъ, Кузьма, Кузьма! Ты бы лучше дѣльное-то что-нибудь сочинилъ,—ну, хоть про войну, къ примѣру...

И Кузьма, поддѣлываясь подъ базарный вкусъ, сталъ съ азартомъ писать о томъ, о чемъ толковалъ тогда базаръ,—о русско-турецкой войнѣ: о томъ, какъ—

Въ семьдесятъ седьмомъ году
Вздумалъ турка воевать,
Подвигалъ свою орду
И хотѣлъ Россію взять,—

и какъ эта орда—

Въ безобразныхъ колпакахъ
Подкрадалась подъ Царь-Пушку...

Съ болью сознавалъ онъ потомъ, сколько тупости, невѣжества было въ такихъ виршахъ и чего стоитъ этотъ хамскій

языкъ, это русское презрѣніе къ чужимъ колпакамъ. Съ болью вспоминалъ и многое другое... напримѣръ, Задонскъ. Однажды нашла на него страстная жажда покаянія, страхъ, что мать, умершая почти съ голоду, горько повѣдала на небѣ свою скорбную жизнь, и онъ пѣшкомъ отправился къ угоднику; а тамъ только и дѣлалъ, что съ злобной радостью читалъ поклонникамъ одинъ особенно поразившій его „листокъ“: какъ нѣкій сельскій писарь вздумалъ не признавать властей и церкви, а Богъ такъ прогнѣвался, что „этотъ аристократъ слегъ на смертный одръ“, и что болѣзнь его была такая: „жралъ больше свиньи, а кричалъ, что все ему мало, и высохъ до неузнаваемости“... И вся-то молодость Кузьмы прошла въ такихъ исторіяхъ! Думалось, исповѣдывалось одно, а говорилось, дѣлалось—другое. Мечтая писать, подводя итоги жизни, Кузьма въ тоскѣ качалъ головой: „Русская-съ черта! Сѣяли горохомъ пополамъ съ чертополохомъ“.

Казалось, что былъ онъ въ молодости веселъ, добръ, нѣженъ, понятливъ, любознателенъ. Но такъ ли? Конечно, онъ не Тихонъ... Но отчего же и онъ, подобно Тихону, такъ рано усвоилъ грубость окружающихъ? Отчего онъ, добрый и нѣжный, такъ безпощадно забылъ мать? Отчего сердцемъ его, такъ пылко работавшимъ надъ книгой, еще такъ долго владѣлъ базаръ? Отчего, отчего онъ—безплодная смоковница?

Почти весь его заработокъ забиралъ въ общую копилку Тихонъ: свое дѣло рѣшили начать. Отдавалъ деньги Кузьма съ хорошей, сердечной довѣрчивостью, которой у Тихона никогда и не бывало. Но мать-то, мать-то! Вѣдь онъ стоналъ, вспоминая, какъ она, нищая, благословляла его, дарила ему единственное свое сокровище, память лучшихъ дней, хранимую на днѣ сундука, — серебряный образокъ. И то, что онъ стоналъ, тоже было хорошо, но вѣдь деньги-то все-таки шли къ Тихону...

Бросивъ лавку и продавъ, что̀ осталось послѣ матери, стали они торговать, поѣхали къ хохламъ, къ Воронежу. Въ родномъ городѣ бывать случалось часто, и съ Балашкинымъ Кузьма дружилъ попрежнему, книги, которыя ему давалъ или указывалъ Балашкинъ, читалъ жадно, да и не такъ, какъ Тихонъ. Тихонъ, когда дѣлать было нечего, тоже любилъ почитать; могъ и годъ не брать книги въ руки, но если ужъ бралъ, то читалъ быстро, до послѣдней строчки, прочитавъ же, сразу порывалъ связь съ книгой; прочиталъ однажды за ночь цѣлый томъ „Современника“, не понялъ многаго, очень занятнымъ назвалъ понятое—и ужъ навѣкъ забылъ о „Современникѣ“. Кузьма тоже многаго не поня-

малъ — даже въ Бѣлинскомъ, Гоголѣ, Пушкинѣ. Но росло его пониманіе не по днямъ, а по часамъ, суть дѣла умѣлъ онъ схватывать и закрѣплять въ сердцѣ прямо на удивленіе... Отчего же, схватывая слова Добролюбова, сквернословилъ онъ на базарѣ и говорилъ „хвактъ“ вмѣсто „фактъ“? Отчего, бесѣдуя съ Балашкинымъ о Шиллерѣ, страстно мечталъ выпросить въ долгъ „ливенку“? Восторгаясь „Дымомъ“, онъ, однако, твердилъ, что „кто уменъ да не ученъ, въ томъ безъ ученья много свѣта“. Побывавъ на могилѣ Кольцова, съ восхищеніемъ записалъ безграмотную надпись на плитѣ ея: „Подсимъ памятникомъ погребено тело мещанина алесея василевича Калцова сочинителя и поэта воронежскаго награжденнаго монаршаю милостию просвещеннаго безнаукъ природою...“

Образумливалъ его—и крѣпкую печать наложилъ на душу—Балашкинъ.

Старый, огромный, худой, зиму и лѣто не снимавшій позеленѣвшей чуйки и теплаго картуза, большелицый, бритый и косоротый, Балашкинъ бывалъ почти страшенъ своими злыми рѣчами, своимъ глубокимъ стариковскимъ басомъ, колючей серебристой щетиной на сѣрыхъ щекахъ и губѣ и зеленымъ лѣвымъ глазомъ, выпученнымъ, сверкавшимъ и косившимъ въ ту сторону, куда былъ скошенъ и ротъ его. И какъ рявкнулъ онъ однажды, выслушавъ рѣчь Кузьмы „о просвѣщеніи безъ наукъ“, какъ сверкнулъ этимъ глазомъ, отшвырнувъ цыгарку, которую насыпалъ махоркой надъ коробкой изъ-подъ килекъ!

— Ослиная челюсть! Что̀ мелешь? Обдумалъ ли, что̀ значитъ это наше „безъ наукъ просвѣщеніе“? Смерть Жадовской—вотъ дьявольскій символъ его.

— А что̀ жъ смерть Жадовской?—спросилъ Кузьма.

И Балашкинъ бѣшено крикнулъ:

— Забылъ? Поетесса, богачка, барыня, а утопла въ нужникѣ! Забылъ?

И опять схватилъ цыгарку и сталъ глухо ревѣть:

— Боже милосливый! Пушкина убили, Лермонтова убили, Писарева утопили... Рылѣева удавили, Полежаева въ солдаты, Шевченку на десять годовъ въ арестанты законопатили... Достоевскаго къ разстрѣлу таскали, Гоголь съ ума спятилъ... А Кольцовъ, Никитинъ, Рѣшетниковъ, Помяловскій, Левитовъ? Охъ, да есть ли еще такая сторона въ мірѣ, такой народъ, будь онъ трижды проклятъ?

Тревожно теребя пуговицы длиннополаго сюртука, то застегиваясь, то разстегиваясь, хмурясь и ухмыляясь, смущенный Кузьма сказалъ въ отвѣтъ:

скверная брань, безсвязное и страстное забрасываніе друг друга именами, цитатами... И самые безнадежные выводы — въ концѣ концовъ. „Теперь-то ужъ и впрямь шабашъ, — весь духъ ломимъ назадъ, въ Азію!“ — гудѣлъ старикъ и вдругъ, понижая голосъ, озирался: „Слышалъ? Салтыковъ, говорятъ, помираетъ. Послѣдній! Отравили, говорятъ...“ А на утро—опять телѣга, степь, зной или грязь, напряженно-мучительное чтеніе подъ толчки бѣгущихъ колесъ... Долгое созерцаніе степной дали, сладко-тоскливый напѣвъ стиховъ внутри, перебиваемый думами о выручкѣ или перебранкой съ Тихономъ... Волнующій запахъ дороги — пыли и дегтя... Запахъ мятныхъ пряниковъ и удушливая вонь кошачьихъ шкуръ, грязной волны, сапогъ, смазанныхъ ворванью... Поистинѣ изнурили эти годы, — усталость, по двѣ недѣли не снимаемыя рубахи, ѣда всухомятку, хромота отъ сбитыхъ въ кровь пятокъ, ночевки въ чужихъ семьяхъ, въ чужихъ избахъ и сѣнцахъ!

Широко перекрестился Кузьма, когда наконецъ выскочилъ изъ этой кабалы. Но ужъ подъ тридцать было ему, посѣрѣлъ онъ весь, трезвѣй, серьезнѣй сталъ, бросилъ стихи, бросилъ читать; привыкъ къ трактирамъ, къ выпивкѣ. Послужилъ безъ году недѣлю у гуртовщика подъ Ельцомъ, побывалъ по его дѣламъ въ Москвѣ—и расчелся. Въ Воронежѣ давно началась у него любовь, связь съ чужой женой — туда и потянуло. И почти десять лѣтъ околачивался онъ въ Воронежѣ—возлѣ ссыпки хлѣба, маклерствуя и пописывая въ газетахъ статейки по хлѣбному дѣлу, отводя или, вѣрнѣе, растравляя душу статьями Толстого, сатирами Щедрина. И все томился неотступной думой, что пропадаетъ, пропала его жизнь.

— Вотъ,—говорилъ онъ, вспоминая эти годы:—вотъ что значитъ оно, безъ наукъ-то просвѣщеніе!

Въ началѣ девяностыхъ годовъ умеръ отъ грыжи Балашкинъ, а незадолго до того видѣлъ его Кузьма въ послѣдній разъ. И что это за свиданіе было!

— Писать надо, — хмуро и зло жаловался одинъ. — Вянешь, какъ лопухъ въ полѣ...

— Да, да,—гудѣлъ другой, уже сонно кося своимъ помертвѣвшимъ глазомъ, съ трудомъ ворочая челюстью и не попадая махоркой въ цыгарку.—Сказано: кажный часъ учись, кажный часъ мысли... гляди кругомъ-то—на всѣ бѣды и убожества наши...

Потомъ застѣнчиво ухмыльнулся, отложилъ цыгарку и полѣзъ за пазуху.

— Вотъ, — забормоталъ онъ, роясь въ пачкѣ какихъ-то

— Такой народъ! Величайшій народъ, а не „такой“, позвольте вамъ замѣтить.

— Не смѣй призы раздавать!—опять крикнулъ Балашкинъ.

— Нѣтъ-съ, посмѣю! Вѣдь писатели-то эти — дѣти этого самаго народа.

— Да, анахвема ты этакая, Жоржъ-Зандъ-то не меньше твоей Кадовской была, а не топла же!

— Платонъ Каратаевъ—вотъ признанный типъ этого народа!

— А почему жъ не Ерошка, почему не Лукашка? Я, братъ, ежели литературу-то захочу тряхнуть, всѣмъ богамъ по сапогамъ найду! Почему Каратаевъ, а не Разуваевъ съ Колупаевымъ, не міроѣдъ-паукъ, не попъ-лихоимецъ, не дьякъ продажный, не Салтычиха какая-нибудь, не Карамазовъ съ Обломовымъ, не Хлестаковъ съ Ноздревымъ, али, чтобы не далеко ходить, не твой негодяй-братецъ, не Тишка Красовъ?

— Платонъ Каратаевъ...

— Вши съѣли твоего Каратаева! Не вижу тутъ идеала!

— А русскіе мученики, подвижники, угодники, Христа ради юродивые, раскольники?

— Что-о? А Колизеи, хрестовые походы, войны леригіозныя, секты несмѣтныя? Лютеръ, наконецъ, того? Нѣтъ, шалишь! Мнѣ-то сразу клыкъ не сломишь!

— Такъ что жъ дѣлать, по-вашему?—крикнулъ Кузьма.— Завязать глаза да на край свѣта бѣжать?

Но тутъ Балашкинъ внезапно потухъ. Онъ закрылъ глаза, и сѣрое огромное лицо его изобразило глубокую, скорбную старость. Запустивъ руку за пазуху, онъ вынулъ тяжелый серебряный хронометръ на длинной шейной цѣпочкѣ, тоже серебряной, долго что-то думалъ, опустивъ голову. И наконецъ пробормоталъ:

— Дѣлать? Не знаю... Одно знаю: пропали мы. Послѣднее— „Отечественныя Записки“—и то пристукнули! А тебѣ, дураку, все-таки одно нужно: учиться...

Да, нужно было одно—учиться. Но когда, гдѣ?

Цѣлыхъ пять лѣтъ торгашества—и это въ самую лучшую пору жизни! Великимъ счастіемъ казался даже пріѣздъ въ городъ. Отдыхъ, знакомые, запахъ пекаренъ и желѣзныхъ крышъ, мостовая на Торговой улицѣ, чай, булки и персидскій маршъ въ трактирѣ „Карсъ“... Политые изъ чайниковъ полы въ лавкахъ, бой знаменитаго перепела у дверей Рудакова, запахъ рыбнаго ряда, укропа, романовской махорки... Добрая и страшная улыбка Балашкина при видѣ подходящаго Кузьмы... Потомъ — громы и проклятія славянофиламъ, Бѣлинскій и

истершихся бумагъ и вырѣзокъ изъ газетъ.—Вотъ тутъ, другъ, куча добра... Великій, будь онъ проклятъ, голодъ былъ. И я все почитывалъ да записывалъ... Помру,—годится тебѣ, матерьялъ дьявольскій. Все цынга да тифъ, тифъ да цынга. Въ одной волости всѣ дѣтишки вымерли, въ другой—всѣхъ собакъ поѣли... Богъ свидѣтель, не брешу! Да постой, я тебѣ найду сейчасъ...

Но рылся, рылся—и не нашелъ, сталъ искать очки, сталъ тревожно шарить по карманамъ, заглядывать подъ стойку, уморился—и махнулъ рукой. И, махнувъ, насупился и замоталъ головой:

— Да нѣтъ, нѣтъ этого ты пока и касаться не смѣй. Ты еще неучъ слабоумный. Руби древо по себѣ. На энту тему, что давалъ-то я тебѣ, про Сухоносова-то, написалъ? Нѣтъ еще? Ну, и вышелъ—ослиная челюсть. Какая тема-то!

— Про деревню бы надо, про народъ,—сказалъ Кузьма.—Вотъ, сами же вы говорите: Россія, Россія...

— А Сухоносый не народъ, не Россія? Да она вся—деревня, на носу заруби себѣ это! Глянь кругомъ-то: городъ это, по-твоему? Стадо какъ вечеръ по улицамъ претъ—отъ пыли сосѣда не видать... А ты—„городъ“! У, безпонятный обломъ,—тебѣ, видно, хоть колъ на головѣ теши, а ты все-таки никогда ничего не напишешь...

И ясно, твердо понялъ Кузьма, что святую правду сказалъ Балашкинъ: не писать ему. Вотъ Сухоносый... Много лѣтъ не выходилъ изъ головы этотъ гнусный слободской старикъ, все имущество котораго заключалось въ загаженномъ клопами тюфякѣ и съѣденномъ молью салопѣ,—въ наслѣдствѣ послѣ жены. Онъ побирался, болѣлъ, голодалъ, ютился за полтинникъ въ мѣсяцъ въ углу у торговки изъ „обжорнаго ряда“ и, по мнѣнію ея, могъ отлично поправить свои обстоятельства продажей наслѣдства. Но онъ дорожилъ имъ, какъ зѣницей ока—и, конечно, совсѣмъ не въ силу нѣжныхъ чувствъ къ покойной: оно давало ему сознаніе, что у него есть, не въ примѣръ прочимъ, имущество. Ему казалось, что стоитъ оно дьявольски дорого: „Нынче такихъ салоповъ-то ужъ нѣтути!“. Онъ не прочь, совсѣмъ не прочь былъ продать его. Но ломилъ такія нелѣпыя цѣны, что въ столбнякъ приводилъ покупателей... И Кузьма очень хорошо понималъ эту слободскую трагедію. Но, начиная обдумывать, какъ изложить ее, начиналъ жить всѣмъ сложнымъ бытомъ слободы, воспоминаніями дѣтства, молодости—и запутывался, топилъ Сухоносова въ обиліи картинъ, осаждавшихъ воображеніе, опускалъ руки, подавленный потребностью высказать свою собственную душу,

выложить все, что калѣчило его собственную жизнь. А въ этой жизни страшнѣй всего было то, что она проста, обыденна, съ непонятной быстротой размѣнивается на мелочь... Да и не умѣлъ онъ писать: онъ вѣдь даже мыслить правильно и долго не умѣлъ; мучился, какъ щенокъ въ соломѣ, взявшись за перо... И предсмертное пророчество Балашкина отрезвило его: не до разсказовъ тутъ! И впервые мелькнула мысль написать „Итоги“, суровую и жесткую эпитафію себѣ и—Россіи.

Съ тѣхъ поръ прошло однако еще двѣнадцать безплодныхъ лѣтъ. Онъ маклерствовалъ въ Воронежѣ, потомъ, когда умерла въ родильной горячкѣ женщина, съ которой онъ жилъ, маклерствовалъ въ Ельцѣ, торговалъ въ свѣчной лавкѣ въ Липецкѣ, былъ конторщикомъ въ экономіи Касаткина. И жизнь его текла ровно, въ работѣ, въ будничныхъ заботахъ,—пока выпивки не превратились въ запой какъ-то внезапно. Сталъ онъ было страстнымъ приверженцемъ Толстого: съ годъ не курилъ, въ ротъ не бралъ водки, не ѣлъ мяса, не разставался съ „Исповѣдью“, съ „Евангеліемъ“, хотѣлъ переселиться на Кавказъ, къ духоборамъ... Но вотъ поручили ему побывать по дѣламъ въ Кіевѣ. И, выѣхавъ, онъ почувствовалъ почти болѣзненную радость, точно неожиданно выпустили его послѣ долгой неволи на полную волю. Былъ ясный конецъ сентября—и все казалось легко, прекрасно: и чистый воздухъ, и нежаркое солнце, и бѣгъ поѣзда, и открытыя окна, и цвѣтистые лѣса, мелькавшіе вдоль нихъ... Вдругъ, на остановкѣ въ Нѣжинѣ, увидѣлъ Кузьма большую толпу у дверей вокзала. Толпа окружала кого-то и кричала, волновалась, спорила. У Кузьмы застучало сердце, и онъ побѣжалъ къ ней. Быстро протолкался и увидалъ красную фуражку начальника станціи, бѣлый колпакъ повара, похожаго на гетмана, и сѣрую шинель рослаго жандарма, который распекалъ трехъ покорно, но упрямо стоявшихъ передъ нимъ хохловъ въ короткихъ толстыхъ свиткахъ, въ несокрушимыхъ сапогахъ, въ коричневыхъ бараньихъ шапкахъ. Шапки эти едва держались на чемъ-то страшномъ—на круглыхъ головахъ, увязанныхъ жесткой отъ засохшей сукровицы марлей, надъ запухшими глазами, надъ вздутыми и остекляпѣвшими лицами въ зеленожелтыхъ кровоподтекахъ, въ запекшихся и почернѣвшихъ ранахъ: хохлы были искусаны бѣшенымъ волкомъ, отправлены въ Кіевъ въ лѣчебницу и по суткамъ сидѣли чуть не на каждой большой станціи безъ хлѣба и безъ копейки денегъ. И, узнавъ, что ихъ не пускаютъ теперь только потому, что поѣздъ называется скорымъ, Кузьма внезапно пришелъ въ ярость и, подъ одобрительные крики евреевъ изъ толпы, за-

оралъ, затопалъ ногами на жандарма. Его задержали, составили протоколъ, и, ожидая слѣдующаго поѣзда, въ первый разъ въ жизни напился Кузьма до безпамятства.

Хохлы были изъ Черниговской губерніи. Всегда она представлялась ему глухимъ краемъ, съ тусклой, пасмурной синью надъ лѣсами. О временахъ Владимира, о давней жизни, боровой, древне-мужицкой, напомнили эти люди, испытавшіе рукопашную схватку съ бѣшенымъ звѣремъ. И, напиваясь, наливая рюмки трясущимися послѣ скандала руками, Кузьма восторгался: „Ахъ, и время же было!“. Онъ задохнулся отъ злобы и на жандарма и на этихъ покорныхъ скотовъ въ свиткахъ. Тупые, дикіе, будь они прокляты... Но—Русь, древняя Русь! И слезы пьяной радости и силы, искажающей всякую картину до противоестественныхъ размѣровъ, застилали глаза Кузьмы. „А непротивленіе?“—вспоминалъ онъ порою и качалъ головой, ухмыляясь. Спиной къ нему, за общимъ столомъ, обѣдалъ молоденькій чистенькій офицеръ; и Кузьма ласково-нагло смотрѣлъ на его бѣлый китель, такой короткій, съ такой высокой таліей, что хотѣлось подойти, одернуть его. „И подойду! – думалъ Кузьма.—А вскочитъ, крикнетъ – въ рыло! Вотъ тебѣ и непротивленіе“... Затѣмъ поѣхалъ въ Кіевъ и, махнувъ рукой на дѣла, три дня проходилъ, хмельной и радостно-возбужденный, по городу, по обрывамъ надъ Днѣпромъ. И въ Софійскомъ соборѣ, за обѣдней, многіе съ удивленіемъ оглядывали худого и широкаго кацапа, стоявшаго передъ саркофагомъ Ярослава. Одѣтъ онъ былъ опрятно, въ рукѣ держалъ новый картузъ, стоялъ прилично, но видъ имѣлъ странный: обѣдня кончалась, народъ выходилъ и отворялъ двери, сторожа тушили свѣчи, изъ верхнихъ оконъ падали въ голубой дымъ золотыя полосы жаркаго полуденнаго солнца, онъ же, сжавъ зубы, опустивъ на грудь рѣдкую сѣрѣющую бороду и страдальчески-счастливо закрывъ глубоко запавшіе глаза, слушалъ звонъ, нѣвуче и глухо гудѣвшій надъ соборомъ — стародавній звонъ, провожавшій нѣкогда въ походы на печенѣговъ... А передъ вечеромъ видѣли Кузьму у лавры. Онъ сидѣлъ противъ воротъ ея, подъ засыхающей акаціей, возлѣ калѣки-мальчишки, курилъ и, задумчиво-хитро щурясь, смотрѣлъ на бѣлыя стѣны и ограды, на золото мелкихъ куполовъ въ чистомъ осеннемъ небѣ. Мальчишка былъ безъ шапки, съ холщевой сумой черезъ плечо, въ грязной рвани на тощемъ тѣлѣ; въ одной рукѣ держалъ онъ деревянную чашечку, съ копейкой на днѣ, а другой все перекладывалъ, какъ чужую, какъ вещь, свою уродливую, обнаженную до колѣна правую ногу, вялую, не-

естественно-тонкую, дочерна загорѣлую и поросшую золотистой шерстью. Никого не было кругомъ, но, сонно и болѣзненно откинувъ стриженую, жесткую отъ солнца и пыли голову, показывая тонкія дѣтскія ключицы и не обращая вниманія на мухъ, точившихъ его сопли, мальчишка непрестанно тянулъ:

Взгляните, мамаши,
какіе мы есть несчастные, страдающіе!
Ахъ, не дай Господь, мамаши,
такимъ страдающимъ быть!

И Кузьма ему поддакивалъ: „Такъ, такъ! Тяни, выродокъ, тяни. Отлично!“. А въ пьяномъ умѣ его упорно держалась острая мысль, что вотъ еще разъ смѣло подбилъ онъ итогъ— итогъ за цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ, такъ быстро и незамѣтно приведшихъ его къ какому-то совершенно неожиданному обрыву...

Одолѣвъ запой, остепенившись, онъ почувствовалъ себя уже старикомъ. Съ поѣздки въ Кіевъ сровнялось три года. И за это время несомнѣнно произошло въ немъ что-то очень важное. Какъ произошло,— онъ даже самъ опредѣлить не пытался. Слишкомъ необычна была жизнь за эти годы—и его собственная и общественная. Конечно, онъ еще въ Кіевѣ понялъ, что у Касаткина держаться ему недолго, и что впереди — нищета, потеря лика человѣческаго. Такъ и случилось. Продержался онъ еще два найма, но въ положеніи очень постыдномъ и тяжкомъ: вѣчно полупьяный, неопрятный, охрипшій, насквозь пропитанный махоркой, черезъ силу скрывающій свою непригодность къ дѣлу... Затѣмъ палъ еще ниже: вернулся въ родной городъ, проживалъ послѣдніе гроши; ночевалъ цѣлую зиму въ общемъ номерѣ на подворьѣ Ходова, дни убивалъ въ трактирѣ Авдеича на Бабьемъ базарѣ. Изъ этихъ грошей много ушло на глупую затѣю — на изданіе книжки стиховъ, и пришлось потомъ шататься среди посѣтителей Авдеича и навязывать имъ книжку за полъ-цѣны... Да мало того: онъ чуть шутомъ не сталъ! Разъ, въ морозное солнечное утро, стоялъ онъ на базарѣ возлѣ мучныхъ лавокъ и глядѣлъ на босяка, который кривлялся передъ купцомъ Мозжухинымъ, вышедшимъ на порогъ. Мозжухинъ, сонно-насмѣшливый, похожій лицомъ на отраженіе въ самоварѣ, занятъ былъ больше котомъ, который лизалъ его расчищенный сапогъ. Но босякъ не унимался. Онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь, сталъ, поднимая плечи и хрипя, декламировать:

Кто пьянствуетъ съ похмелья,
Тотъ дѣйствуетъ умно...

И Кузьма, блестя запухшими глазами, внезапно подхватилъ:

Да здравствуетъ веселье,
Да здравствуетъ вино!

А проходившая мимо старуха-мѣщанка, похожая лицомъ на старую львицу, остановилась, исподлобья поглядѣла на него и, поднявъ костыль, раздѣльно, зло сказала:

— Небось, молитву-то не заучилъ такъ-то!

Ниже падать стало некуда. Но это-то и спасло его. Онъ пережилъ нѣсколько страшныхъ сердечныхъ припадковъ — и сразу оборвалъ пьянство, твердо рѣшивъ начать самую простую трудовую жизнь, снимать, напримѣръ, сады, огороды, купить гдѣ-нибудь въ родномъ уѣздѣ пчельникъ, благо осталось еще рублей полтораста...

Мысль эта сперва радовала его. „Да, это отлично,—думалъ онъ съ той скорбно-иронической усмѣшкой, которую еще такъ недавно усвоилъ себѣ:—домой пора!“ И правда, нуженъ былъ отдыхъ, хотѣлось новой жизни. Такъ недавно еще началась эта огромная смута и въ немъ и вокругъ него. Но она уже сдѣлала свое дѣло. Сталъ онъ уже не тотъ, что былъ прежде. Совсѣмъ посѣрѣла его бородка, порѣдѣли, пріобрѣли желѣзный цвѣтъ его причесанные на прямой рядъ, завивавшіеся на концахъ волосы, потеменѣло и еще худѣе стало широкое въ скулахъ лицо. Обострилась наблюдательность, скептическій умъ. Утончилась, болѣзненно-чуткой стала душа, хотя и умѣлъ онъ скрывать это за серьезнымъ и даже порою твердымъ взглядомъ своихъ маленькихъ глазъ подъ чуть перекошенными бровями. Подтянулся онъ весь, меньше сталъ думать о себѣ, больше — объ окружающемъ... Но хотѣлось все-таки „домой“, отдохнуть; хотѣлось работы по душѣ.

Весной, за нѣсколько мѣсяцевъ до мира съ Тихономъ, Кузьма прослышалъ, что сдается садъ въ селѣ Казаковѣ, въ родномъ уѣздѣ, и поспѣшилъ туда: мѣста глухія, черноземныя, поблизости тѣхъ, гдѣ красовскій корень.

Было начало мая; послѣ жары завернули холода, дожди, шли надъ городомъ осеннія мрачныя тучи. Кузьма, въ старой чуйкѣ и старомъ картузѣ, безъ калошъ, въ однихъ сбитыхъ опойковыхъ сапогахъ, шагалъ на вокзалъ, за Пушкарную Слободу, и, качая головой, морщась отъ цыгарки въ зубахъ, заложивъ руки назадъ, подъ чуйку, улыбался: навстрѣчу ему только-что пробѣжалъ босоногій мальчишка съ кипой газетъ и на бѣгу бойко крикнулъ привычную фразу:

— Всеобщая забастовка!

— Опоздалъ, малый,—сказалъ Кузьма.—Поновѣй-то чего нѣту?

Мальчишка, блестя глазами, пріостановился.

— Новыя городовой на вокзалѣ отнялъ,—отвѣтилъ онъ.

— Ай да конституція! — ѣдко сказалъ Кузьма и двинулся дальше, прыгая среди грязи подъ темными отъ дождей, гнилыми заборами, подъ вѣтвями мокрыхъ садовъ и окнами косыхъ хибарокъ, сходившихъ подъ гору, въ конецъ городской улицы. „Чудеса въ рѣшетѣ!“ — думалъ онъ, прыгая. Прежде въ такую погоду по лавкамъ, трактирамъ зѣвали, еле перекидывались словами. Теперь по всему городу—толки о Думѣ, о бунтахъ и пожарахъ, о томъ, какъ „Муронцевъ отбрилъ примѣръ-министра“... Ну, да не надолго лягушкѣ хвостъ! Въ городскомъ саду уже играетъ оркестръ стражниковъ... Казаковъ прислали цѣлую сотню... И третьяго-дня на Торговой улицѣ одинъ изъ нихъ, пьяный, подошелъ къ открытому окну общественной библіотеки и, разстегивая штаны, предложилъ барышнѣ-завѣдующей купить „арихметику“. Старикъ-извозчикъ, стоявшій подлѣ, сталъ стыдить его, а казакъ выхватилъ шашку, разсѣкъ ему плечо и съ матерной бранью кинулся по улицѣ за летящими куда попало, ошалѣвшими отъ страха прохожими и проѣзжими...

— Кошкодеръ, кошкодеръ, завалился подъ заборъ! — тонкими голосами завопили за Кузьмой дѣвчонки, прыгавшія по камнямъ мелкаго слободского ручья.—Тамъ кошекъ дерутъ, ему лапку дадутъ!

— У, паршивыя!—цыкнулъ на нихъ, замахиваясь желѣзной коробкой, шедшій впереди Кузьмы кондукторъ въ страшно тяжелой даже на видъ шинели.—Ровесника нашли!

Но по голосу можно было понять, что онъ сдерживаетъ смѣхъ. Старыя глубокія калоши кондуктора были въ засохшей грязи, хлястикъ шинели висѣлъ на одной пуговицѣ. Бревенчатый мостикъ, по которому онъ шелъ, лежалъ косо. Дальше, возлѣ рвовъ, промытыхъ вешней водой, росли чахлыя лозинки. И Кузьма невесело взглянулъ и на нихъ, и на соломенныя крыши по слободской горѣ, на дымчатыя и синеватыя тучи надъ ними, и на рыжую собаку, грызшую во рву кость. На днѣ рва сидѣлъ на корячкахъ мѣщанинъ въ жилеткѣ сверхъ ситцевой косоворотки и съ неловкой, глупой улыбкой пялилъ вверхъ выпученные глаза, бѣлѣвшіе на красномъ отъ натуги лицѣ. Когда съ нимъ поровнялся Кузьма, онъ отъ неловкости сказалъ:

— Это на васъ дѣвчонки-то? Ишь, чертенята, съ малодѣтства къ озорству привыкаютъ!

— Сами же и научаете ихъ,—отвѣтилъ Кузьма, хмурясь.

„Да, да,—думалъ онъ, поднимаясь на гору.—Не надолго лягушкѣ хвостъ!..“ Поднявшись, вздохнувъ сырымъ полевымъ вѣтромъ, увидавъ среди пустыхъ зеленыхъ полей красныя вокзальныя постройки, онъ опять ухмыльнулся. Парламентъ, депутаты! Вчера воротился онъ изъ сада, гдѣ, по случаю праздника, была иллюминація, взвивались ракеты, а стражники играли „Тореадора“ и „Возлѣ рѣчки, возлѣ моста“, „Матчишъ“ и „Тройку“, вскрикивая среди галопа: „Эй, мила-и!“— вернулся и сталъ звонить у воротъ своего подворья. Дергалъ, дергалъ гремящую проволоку—ни души. Ни души и кругомъ, тишина, сумерки, холодное зеленоватое небо на закатѣ за площадью въ концѣ улицы, надъ головой—тучи... Наконецъ плетется кто-то за воротами, кряхтитъ. Гремитъ ключами и бормочетъ:

— Въ отдѣлку охромѣлъ...

— Отчего это?—спросилъ Кузьма.

— Лошадь убила,—отвѣтилъ отворявшій и, распахнувъ калитку, прибавилъ:—Ну, теперь еще двое осталось.

— Это судейскіе, что ли?

— Судейскіе.

— А не знаешь, зачѣмъ судъ пріѣхалъ?

— Депутата судить... Говорятъ, рѣку хотѣлъ отравить.

— Депутата? Дуракъ, да развѣ депутаты этимъ занимаются?

— А чума ихъ знаетъ...

На окраинѣ слободы, возлѣ порога глиняной мазанки, стоялъ высокій старикъ въ опоркахъ. Въ рукѣ у старика была длинная орѣховая палка, и, увидавъ проходящаго, онъ поспѣшилъ притвориться гораздо болѣе старымъ, чѣмъ былъ,—взялъ палку въ обѣ руки, поднялъ плечи, сдѣлалъ усталое, грустное лицо. Сырой, холодный вѣтеръ, дувшій съ поля, трепалъ космы его сѣрыхъ волосъ. И Кузьма вспомнилъ отца, дѣтство... „Русь, Русь! Куда мчишься ты?“— пришло ему въ голову восклицаніе Гоголя. — „Русь, Русь!.. Ахъ, пустоболты, пропасти на васъ нѣту! Вотъ это будетъ почище—„депутатъ хотѣлъ рѣку отравить“... Да, но съ кого и взыскивать-то? Несчастный народъ, прежде всего—несчастный!..“ И на маленькіе зеленоватые глаза Кузьмы навернулись слезы—внезапно, какъ это стало часто случаться за послѣднее время. Забрелъ онъ недавно въ трактиръ Авдеича на Бабьемъ базарѣ. Вошелъ во дворъ, утопая по щиколку въ грязи, и со двора поднялся во второй этажъ — „дворянскую половину“—по такой вонючей, насквозь сгнившей дере-

винной лѣстницѣ, что даже его, человѣка, видавшаго виды, затошнило: съ трудомъ отворилъ тяжелую, сальную дверь въ клокахъ войлока, въ рваныхъ ветошкахъ вмѣсто обивки, съ блокомъ изъ веревки и кирпича,—и ослѣпъ отъ чада, дыма, блеска жестяныхъ рефлекторовъ за стѣнными лампочками, оглохъ отъ звона посуды на стойкѣ, говора, топота бѣгущихъ во всѣ стороны половыхъ и гнусаваго крика граммофона. Затѣмъ прошелъ въ дальнюю комнату, гдѣ народу было меньше, сѣлъ за столикъ, спросилъ меду... Подъ ногами, на затоптанномъ и заплеванномъ полу ломтики высосаннаго лимона, яичная скорлупа, окурки... А у стѣны напротивъ сидитъ длинный мужикъ въ лаптяхъ и блаженно улыбается, мотаетъ лохматой головой, прислушиваясь къ кричащему граммофону. На столикѣ – сотка водки, стаканчикъ, крендели. Но мужикъ не пьетъ, а только мотаетъ головой, смотритъ на лапти и вдругъ, почувствовавъ на себѣ взглядъ Кузьмы, открываетъ радостные глаза, поднимаетъ чудесное доброе лицо въ рыжей вьющейся бородѣ. „Ну, залетѣлъ!“—восклицаетъ онъ радостно и изумленно. И спѣшитъ добавить—въ оправданіе: „У меня, господинъ, братъ тутъ служа... Братъ родной“... И, сморгнувъ слезы, Кузьма стиснулъ зубы. У, анаѳемы, до чего затоптали, забили народъ! „Залетѣлъ“! Это къ Авдеичу-то! Да мало того: когда Кузьма поднялся и сказалъ: „Ну, прощай!“—поспѣшно поднялся и мужикъ и отъ полноты счастливаго сердца, съ глубокой благодарностью и за свѣтъ, и за роскошь обстановки, и за то, что поговорили съ нимъ по-человѣчески, поспѣшно отвѣтилъ: „Не прогнѣвайтесь“...

Въ вагонахъ прежде разговаривали только о дождяхъ и засухахъ, о томъ, что „цѣны на хлѣбъ Богъ строитъ“. Теперь у многихъ въ рукахъ шуршали газетные листы, а толкъ шелъ опять-таки о Думѣ, о свободахъ, отчужденіи земель — никто и не замѣчалъ проливного дождя, шумѣвшаго по крышамъ, хотя ѣхалъ народъ все жадный до весеннихъ дождей— хлѣботорговцы, мужики, мѣщане съ хуторовъ. Прошелъ молодой солдатъ съ отрѣзанной ногой, въ желтухѣ, съ черными печальными глазами, ковыляя, стуча деревяжкой, снимая манджурскую папаху и, какъ нищій, крестясь при каждомъ подаяніи. И поднялся шумный негодующій говоръ о правительствѣ, о министрѣ Дурново и какомъ-то казенномъ овсѣ... Издѣваясь, вспомнили то, чѣмъ прежде наивно восхищались: какъ „Витя“, чтобы напугать японцевъ въ Портсмутѣ, приказывалъ свои чемоданы увязывать... Сидѣвшій противъ Кузьмы молодой человѣкъ, стриженый бобрикомъ, покраснѣлъ, заволновался и поспѣшилъ вмѣшаться:

— Позвольте, господа! Вотъ вы говорите - свобода... Вотъ я служу письмоводителемъ у податного инспектора и посылаю статейки въ столичныя газеты... Развѣ это его касается? Онъ увѣряетъ, что онъ тоже за свободу, а между тѣмъ узналъ, что я написалъ о ненормальной постановкѣ нашего пожарнаго дѣла, призываетъ меня и говоритъ: „Если ты еще будешь, сукинъ сынъ, писать эти штуки, я тебѣ голову отмотаю!“ Позвольте: если мои взгляды лѣвѣе его...

— Взгляды? — альтомъ карлика вдругъ крикнулъ сосѣдъ молодого человѣка, толстый скопецъ въ сапогахъ бутылками, мучникъ Черняевъ, все время косившій на него свиными глазками. И, не давъ ему опомниться, завопилъ:

— Взгляды? Это у тебя-то взгляды? Это ты-то лѣвѣе? Да я тебя еще безъ портокъ видалъ! Да ты съ голоду околѣвалъ, не хуже отца своего, побирушки! Ты у инспектора-то ноги долженъ мыть да юшку пить!

— Кон-сти-ту-у-ція,— тонкимъ голосомъ, перебивая скопца, запѣлъ Кузьма и, поднявшись съ мѣста, задѣвая колѣни сидящихъ, пошелъ по вагону къ дверямъ.

Ступни у скопца были маленькія, полныя и противныя, какъ у какой-нибудь старой ключницы, лицо тоже бабье, большое, желтое, плотное, какъ гуттаперча, губы тонкія... Да хорошъ и Полозовъ, — учитель прогимназіи, тотъ, что такъ ласково кивалъ головой, слушая скопца и опираясь на трость, — коренастый, холеный человѣкъ лѣтъ тридцати, въ сапожкахъ съ голенищами подъ сѣрыми панталонами, въ сѣрой шляпѣ и сѣрой крылаткѣ, ясноглазый, съ круглымъ носомъ и роскошной русой бородой во всю грудь. Учитель, а на указательномъ пальцѣ — тяжелый золотой перстень-печать. И ужъ домикъ имѣетъ — приданое за дочерью протопопа. Ступни тоже маленькія, руки короткія, пальцы — обрубочки: чистоплотенъ и аккуратенъ — на рѣдкость, каждый день въ купальню ходитъ... И анаѳема, говорятъ, не приведи Господи! Нѣтъ, все-таки мужики-то и мѣщане—не чета такимъ. И, отворивъ дверь на площадку вагона, Кузьма глубоко вздохнулъ холодной и душистой дождевой свѣжестью. Дождь глухо гудѣлъ по навѣсу надъ площадкой, лилъ съ него ручьями, и на Кузьму летѣли брызги. Послѣ города опьянялъ полевой воздухъ, смѣшанный съ волнующимъ запахомъ паровознаго дыма. Вагоны, раскачиваясь, грохотали среди шума дождя, навстрѣчу, опускаясь и подымаясь, плыли проволоки телеграфа, по бокамъ бѣжали густыя свѣже-зеленыя опушки орѣшника. Пестрая куча мальчишекъ вдругъ выскочила изъ-подъ насыпи и звонко, хоромъ закричала что-то. Кузьма за-

смѣялся отъ удовольствія, и все лицо его покрылось мелкими морщинами. А поднявъ глаза, онъ увидалъ на противоположной площадкѣ странника: доброе, измученное крестьянское лицо, сѣдую бороду, широкополую шляпу, драповое пальто, подпоясанное веревкой, мѣшокъ и жестяной чайникъ за плечами, на тонкихъ ногахъ — лапти. Странникъ тоже улыбался. И Кузьма крикнулъ ему сквозь грохотъ и шумъ:

— Какъ тебя зовутъ, дѣдъ?

— Антономъ... Антонъ Безпалыхъ,— съ милой готовностью отвѣтилъ слабымъ крикомъ странникъ.

— Съ богомолья?

— Изъ Воронежа...

— Жгутъ тамъ помѣщиковъ?

— Жгутъ...

— И чудесно!

— Ась?

— Чудесно, говорю!—крикнулъ Кузьма.

И, отвернувшись, дрожащими руками, смаргивая набѣжавшія слезы, сталъ свертывать цыгарку... Но мысли уже опять спутались. „Странникъ — народъ, а скопецъ и учитель—не народъ? Рабство отмѣнили всего сорокъ пять лѣтъ назадъ, — что жъ и взыскивать съ этого народа? Да, но кто виноватъ въ этомъ? Самъ же народъ. Русь — подъ русскимъ игомъ, братушки разные—подъ турецкимъ, галичане—подъ австрійскимъ, о полякахъ—и говорить нечего... Ай да великая славянская семья!“ И лицо Кузьмы опять потемнѣло и осунулось. Косясь по сторонамъ, онъ сталъ перебирать пальцы, ломать ихъ и хрустѣть суставами.

На четвертой станціи онъ слѣзъ и нанялъ подводу. Мужики-извозчики просили сперва семь рублей,—до Казакова было двѣнадцать верстъ, — потомъ пять съ полтиной. Наконецъ одинъ сказалъ: „Троякъ отдашь—повезу, а то и языкъ трепать нечего. Нынче вамъ не прежнее“... Но не выдержалъ тона и прибавилъ привычную фразу: „Опять же кормà дорогіе“... И повезъ за полтора. Грязь была непролазная, телѣга маленькая, еле живая, лошаденка — ушастая, какъ оселъ, слабосильная. Медленно потянулись со двора станціи, мужикъ, сидѣвшій на грядкѣ, сталъ томиться, дергая веревочныя вожжи, какъ бы желая всѣмъ своимъ существомъ помочь лошади. Онъ хвастался, что ее „не удержишь“, и теперь, видимо, стыдился. Но что было хуже всего — такъ это онъ самъ. Молодой, огромный, довольно полный, въ лаптяхъ и бѣлыхъ онучахъ, въ короткомъ чекменѣ, подпоясанномъ оборкой, и въ старомъ картузѣ на прямыхъ желтыхъ воло-

сахъ. Пахнетъ курной избой, конопелей,—пахарь временъ царя Гороха, да и только!—лицо бѣлое, безусое, а горло—распухшее, голосъ сиплый.

— Какъ тебя зовутъ? — спросилъ Кузьма.

— Звали Ахванасьемъ...

„Ахванасьемъ!“ — подумалъ Кузьма съ сердцемъ.

— А дальше?

— Меньшовъ... Н-но, анчихристъ!

— Дурная, что ль? — кивнулъ Кузьма на горло.

— Ну, ужъ и дурная, — пробормоталъ Меньшовъ, отводя глаза въ сторону. — Квасу холоднаго напился...

— Да глотать-то больно?

— Глотать — нѣтъ, не больно....

— Ну, значитъ, и не болтай попусту, — сказалъ Кузьма строго. — Налаживай-ка лучше въ больницу поскорѣе. Женатый небось?

— Жанатый...

— Ну, вотъ видишь. Пойдутъ дѣти—и наградишь ты ихъ всѣхъ въ лучшемъ видѣ.

— Ужъ это какъ пить дать, — согласился Меньшовъ.

И, томясь, сталъ дергать вожжи. „Но-но... Сладу съ тобой нѣту, анчихристъ!“ Наконецъ бросилъ это безполезное занятіе и успокоился. Долго молчалъ и вдругъ спросилъ:

— Собрали, купецъ, Думу-то, ай нѣтъ?

— Собрали.

— А Макаровъ-то, говорятъ, живъ, — только не велѣлъ сказывать...

Кузьма махнулъ рукой: хороши гуси! „А богатство-то какое!“—думалъ онъ, мучительно сидя съ поднятыми колѣнями на голомъ днѣ телѣги, на клокѣ соломы, крытомъ веретьемъ, и оглядывая улицу. Еще холоднѣе стало, еще мрачнѣе шли съ сѣверо-запада тучи надъ этимъ черноземнымъ краемъ, пересыщеннымъ дождями. Грязь на дорогахъ — синеватая, жирная, зелень деревьевъ, травъ, огородовъ — темная, густая, и на всемъ — этотъ синеватый тонъ чернозема и тучъ. Но избы — глиняныя, маленькія, съ навозными крышами. Возлѣ избъ—разсохшіяся водовозки. Вода въ нихъ, конечно, съ головастиками... Вотъ богатый дворъ. На огородахъ, за старыми лозинами, пчельникомъ и садикомъ изъ трехъ-четырехъ яблонь-лѣсовокъ, — старая темная рига. Варокъ, ворота, изба — все подъ одной крышей, подъ старинной въ пачесъ. Изба кирпичная, въ двѣ связи, простѣнки разрисованы мѣломъ: на одномъ — палочка и по ней вверхъ — рогульки, —

елка, на другомъ что-то въ родѣ пѣтуха; окошечки тоже окаймлены мѣломъ — зубцами. „Творчество! — ухмыльнулся Кузьма. — Пещерныя времена, накажи Богъ, пещерныя!“ На дверяхъ пунекъ—кресты, написанные углемъ, у крыльца—большой могильный камень, — видно, дѣдъ или бабка про смерть приготовили... Да, дворъ богатый. Но грязь кругомъ по колѣно, на крыльцѣ лежитъ свинья, и по ней, качаясь и взмахивая крылышками, ходитъ желтенькій цыпленокъ. Окошечки — крохотныя, и въ жилой половинѣ избы, небось, темнота, вѣчная тѣснота: палати, ткацкій станъ, здоровенная печь, лохань съ помоями... А семья большая, дѣтей много, зимой—ягнята, телята... И сырость, угаръ такой, что зеленый паръ стоитъ. А дѣти хнычутъ—и орутъ, получая подзатыльники; невѣстки ругаются—„чтобъ тебя громомъ расшибло, сука подворотная!“ — желаютъ другъ другу „подавиться кускомъ на Великъ день“; старушонка-свекровь поминутно швыряетъ ухваты, миски, кидается на невѣстокъ, засучивая темныя жилистыя руки, надрывается отъ визгливой брани, брызжетъ слюной и проклятіями то на одну, то на другую... Золъ, боленъ и старикъ, изнурилъ всѣхъ наставленіями и хвастовствомъ; деретъ за волосы женатыхъ сыновьевъ, и они порою противно, по-мужицки плачутъ...

— Чей дворъ? — спросилъ Кузьма.

— Красновыхъ, — отвѣтилъ Меньшовъ и прибавилъ: — Тоже всѣ въ дурной...

За Красновыми повернули на выгонъ. Село было большое, выгонъ тоже. На немъ налаживалась ярмарка. Уже кое-гдѣ торчали остовы палатокъ, навалены были колеса, глиняная посуда; дымилась смазанная на живую руку печь, пахло оладьями; сѣрѣла походная кибитка цыганъ, и возлѣ колесъ ея сидѣли овчарки на цѣпяхъ. Налѣво виднѣлись избы, направо—складъ теса, двѣ городскія лавки, пекарня. Дальше, возлѣ казеннаго кабака, стояла тѣсная толпа дѣвокъ, мужиковъ и раздавались вскрикиванья.

— Гуляетъ народъ,—задумчиво сказалъ Меньшовъ.

— Это съ какой радости?—спросилъ Кузьма.

— Надѣется...

— На что?

— Извѣстно, на что... На домового!

И правда. На пустомъ выгонѣ, въ сумрачный холодный день, эти взвизгиванія и звуки двухъ ливенокъ, ладившихъ другъ другу, казались жалкими, терялись въ чемъ-то будничномъ, скучномъ и старомъ. Народъ переживаетъ что-то новое, что-то празднуетъ, но вѣритъ ли въ свой праздникъ? Ой

аврядъ!—думалъ Кузьма, подъѣзжая и глядя на бѣлыя, ро-
овыя, зеленыя юбки дѣвокъ, на равнодушныя, грубо накра-
енныя лица, на оранжевые, золотистые и малиновые пла-
очки. Телѣга подъѣхала къ толпѣ и остановилась. Мень-
ювъ не спускалъ съ нея глазъ и оскалялся. Тутъ звуки уже
е казались жалкими,—ливенки жадно вторили другъ другу,
въ ладъ имъ, среди одобрительнаго гама пьяныхъ, лихо
аздавались прибаутки.

— И-ихъ!—крикнулъ кто-то подъ крѣпкій глухой топотъ:

Не пахать, не косить--
Дѣвкамъ жамки носить!

И невысокій мужикъ, стоявшій сзади толпы, вдругъ взмах-
улъ руками. Все на немъ было домовито, чисто, прочно —
лапти, и онучи, и новые тяжевые портки, и очень коротко,
ургузо подрѣзанная сборчатая юбка поддевки изъ страшно
олстаго сиваго сукна. Онъ, вѣрно, и не плясалъ-то отъ роду,
о тутъ вдругъ мягко и ловко топнулъ лаптями, взмахнулъ
уками, теноромъ крикнулъ: „Разступись, дай купцу гля-
уть!“—и, вскочивъ въ разомкнувшійся кругъ, отчаянно за-
рясъ портками передъ молодымъ высокимъ малымъ, кото-
ый, склонивъ картузъ, дьявольски вывертывалъ сапогами
, вывертывая, сбрасывалъ съ себя, съ новой ситцевой ру-
ахи, черную поддевку. Лицо малаго было сосредоточено,
рачно, блѣдно и потно, но тѣмъ сильнѣе и неожиданнѣе ка-
ались его взвизгиванья.

— Сынокъ! Жаланный!—вопила, среди гама и дробнаго
опота, старушка въ паневѣ, протягивая руки.—Будя тебѣ
а ради Христа! Жаланный, будя—помрешь!

И сынокъ вдругъ вскинулъ голову, сжалъ кулаки и зубы
съ яростнымъ лицомъ и топотомъ крикнулъ сквозь зубы:

Цыцъ, бабка, не кукуй...

— А она и такъ послѣдніе холсты для него продала, —
оворилъ Меньшовъ, тащась по выгону. — Любитъ она его
езъ памяти, — дѣло вдовье, — а онъ почесть кажный день
ордуетъ ее, пьяный... Знать, того стоитъ.

— Это какимъ же манеромъ — того стоитъ“? — спросилъ
Кузьма.

— А такимъ... Не потакай...

Да, въ городѣ, въ вагонахъ, по деревнямъ, по селамъ, —
сюду чувствовалось что-то необычное, отзвуки какого-то
ольшого праздника, какой-то большой побѣды и большихъ
жиданій. Но ужъ въ слободѣ понялъ Кузьма, что тѣмъ

дальше въ эти безпредѣльныя поля, подъ холодное сумрачное небо, тѣмъ все глуше, нелѣпѣе и тоскливѣе становятся эти отзвуки. Вотъ отъѣхали — и опять стали жалкими крики въ толпѣ у кабака. Тамъ праздникъ, пытаются „гулять“, а впереди—будни, сѣрыя и равнодушныя: впереди—опять огороды, лозняки, два ряда курныхъ избъ, водовозки съ вонючей прудовкой, а въ концѣ улицы—поля, синева холодной дали, темный лѣсокъ на горизонтѣ, низкія тучи...

У одной избы — съ выбитымъ окномъ и колесомъ на гнилой крышѣ—сидитъ на скамейкѣ длинный больной мужикъ—краше въ гробъ кладутъ. Похожъ на Некрасова. На плечи на длинную и грязную замашную рубаху, накинутъ старый полушубокъ; ноги, какъ палки, стоятъ въ валенкахъ, большія мертвыя руки ровно лежатъ на острыхъ колѣняхъ, на протертыхъ порткахъ. На лобъ по-стариковски надвинута шапка, глаза замученные, просящіе, нечеловѣчески-худое лицо вытянуто, губы пепельныя, полураскрытыя...

— Это Чучѐнь,—сказалъ Меньшовъ, кивая на больного.— Отъ живота второй годъ помираетъ.

— Чучень? Это что̀ жъ — прозвище?

— Прозвишша...

— Глупо! — сказалъ Кузьма.

И отвернулся, чтобы не видѣть дѣвчонки возлѣ слѣдующей избы: она, перевалившись назадъ, держала на рукахъ ребенка въ чепчикѣ, пристально глазѣла на проѣзжихъ и, высовывая языкъ, нажевывала, готовила для ребенка соску изъ чернаго хлѣба... А на крайнемъ огородѣ-гумнѣ гудѣли: отъ вѣтра лозинки, трепалось покосившееся пугало пустыми рукавами. Гумно, что̀ выходитъ въ степь, всегда неуютно, скучно, а тутъ еще это пугало, осеннія тучи, и гудитъ вѣтеръ съ поля, раздуваетъ хвосты куръ, бродящихъ по току, заросшемъ лебедой и чернобыльникомъ, возлѣ риги съ раскрытымъ хребтомъ, возлѣ голубой молотилки-рязанки... А на грядкѣ телѣги выбирающейся изъ деревни на синюю грязь дороги, что̀ тянется въ морѣ зеленыхъ овсовъ и ржей, сидитъ огромный бѣломордый кретинъ съ бѣлыми, крупными рѣсницами и раздувшимся горломъ...

Лѣсокъ, синѣвшій на горизонтѣ,—двѣ длинныхъ лощины заросшихъ дубнякомъ,—назывался Порточками. И около этихъ Порточекъ захватилъ Кузьму проливной дождь съ градомъ, провожавшій до самаго Казакова. Лошаденку Меньшова гналъ подъ селомъ вскачь, а Кузьма, зажмурясь, сидѣлъ подъ мокрымъ холоднымъ веретьемъ. Руки костянѣли отъ стужи, за воротъ чуйки текли ледяныя струйки, отяжелѣвше

подъ дождемъ веретье воняло прѣлымъ закромомъ. Въ голову тучали градины, летѣли лепешки грязи, въ колеяхъ, подъ колесами, шумѣла вода, гдѣ-то блеяли ягнята... Наконецъ стало такъ душно, что Кузьма отпырнулъ веретье съ головы назадъ и жадно глотнулъ свѣжій воздухъ. Дождь рѣдѣлъ, вечерѣло, мимо телѣги по зеленому выгону бѣжало къ избамъ стадо. Тонконогая черная овца отбилась въ сторону, и за ней гонялась, накрывшись мокрой юбкой, блестя бѣлыми икрами, босая баба. На западѣ, за селомъ, свѣтлѣло, на востокѣ, на сизо-пыльномъ фонѣ тучи, надъ хлѣбами, стояли двѣ зелено-фіолетовыхъ дуги. Густо и влажно пахло зеленью полей и тепло — жильемъ.

— Гдѣ тутъ господскій дворъ? — крикнулъ Кузьма плечистой бабѣ въ бѣлой рубахѣ и красной шерстяной юбкѣ.

Баба стояла на камнѣ возлѣ избы сотскаго и держала за руку голосившую дѣвочку лѣтъ двухъ. Дѣвочка голосила такъ яростно, что вопросъ пропалъ даромъ.

— Дворъ?—повторила баба.—Чей?

— Господскій.

— Чей? Ничего не слыхать... А, да захлебнись ты, родимецъ те расшиби! — крикнула баба, дернувъ дѣвочку за руку такъ сильно, что та перевернулась и, полетѣвъ съ камня, повисла.

Разспросили въ другомъ дворѣ. Проѣхали широкую улицу, взяли влѣво, потомъ вправо и мимо чьей-то старосвѣтской усадьбы съ забитымъ наглухо домомъ стали спускаться подъ крутую гору, къ мосту черезъ рѣчку. Съ лица, съ волосъ, съ чекменя Меньшова падали капли. Умытое толстое лицо его казалось еще тупѣе. Онъ съ любопытствомъ заглядывалъ куда-то впередъ. Глянулъ и Кузьма. На томъ боку, на пологомъ выгонѣ — темный казаковскій садъ, широкій дворъ, обнесенный разрушающимися службами и развалинами каменной ограды; среди двора, за тремя засохшими елками— забшитый сѣрымъ тесомъ домъ подъ ржаво-красной крышей. Внизу, у моста — кучка мужиковъ. А навстрѣчу, на крутой размытой дорогѣ, бьется въ грязи, вытягивается вверхъ тройка худыхъ рабочихъ лошадей, запряженныхъ въ тарантасъ. Оборванный, но красивый батракъ, стройный, блѣдный, съ красноватой бородкой, съ умными глазами, стоялъ возлѣ тройки, дергалъ вожжи и, надсаживаясь, кричалъ: „Н-но! Но-но-о!“. А мужики съ гоготомъ и свистомъ подхватывали: „Тпру! Тпру!“. И отчаянно простирала впередъ руки сидѣвшая въ тарантасѣ молодая женщина въ трауръ, съ крупными слезами на длинныхъ рѣсницахъ, съ искаженнымъ отъ

ужаса лицомъ. Ужасъ, напряженіе были и въ бирюзовыхъ глазахъ толстаго рыжеусаго человѣка, сидѣвшаго съ ней рядомъ. Обручальное кольцо блестѣло на его правой рукѣ, сжимавшей револьверъ; лѣвой онъ все махалъ, и, вѣрно, ему было очень жарко въ верблюжьей поддевкѣ и дворянскомъ картузѣ, съѣхавшемъ на затылокъ. А со скамеечки противъ сидѣнья съ кроткимъ любопытствомъ озирались дѣти—мальчикъ и дѣвочка, блѣдные отъ холода и усталости, закутанные въ шали.

— Это Мишка Сиверскій,—громко и сипло сказалъ Меньшовъ, объѣзжая тройку и равнодушно глядя на дѣтей.—Его сожгли вчерась... Видно, стоитъ того.

Дѣлами господъ Казаковыхъ правилъ староста, бывшій солдатъ-кавалеристъ, человѣкъ рослый и грубый. Къ нему, въ людскую, и надо было обратиться, какъ сказалъ Кузьмѣ работникъ, въѣзжавшій во дворъ въ телѣгѣ съ накошенной крупной мокро-зеленой травой. Но у старосты случилось въ этотъ день два несчастія—умеръ ребенокъ и околѣла корова—и встрѣченъ былъ Кузьма неласково. Когда онъ, оставивъ Меньшова за воротами, подошелъ къ людской, заплаканная старостиха несла отъ сада рябую курицу, смирно сидѣвшую у нея подъ-мышкой. Среди колоннокъ на ветхомъ крыльцѣ стоялъ высокій молодой человѣкъ, въ шароварахъ, длинныхъ сапогахъ и ситцевой косовороткѣ, и, увидавъ старостиху, крикнулъ:

— Агаѳья, куда-й-то ты ее несешь?

— Рѣзать, — отвѣтила старостиха серьезно и печально останавливаясь возлѣ ледника.

— Дай-ка я зарѣжу.

И молодой человѣкъ направился къ леднику, не обращая вниманія на дождь, снова начавшій накрапывать съ насупившагося неба. Отворивъ дверь ледника, онъ взялъ съ полка топоръ — и черезъ минуту раздался короткій стукъ — безголовая курица, съ краснымъ обрубочкомъ шеи, побѣжала по травѣ, спотыкнулась и завертѣлась, трепыхая крыльями разбрасывая во всѣ стороны перья и брызги крови. Молодой человѣкъ кинулъ топоръ и направился къ саду, а старостиха поймавъ курицу, подошла къ Кузьмѣ:

— Тебѣ что?

— Насчетъ сада, — сказалъ Кузьма.

— Ѳедоръ Иваныча подожди.

— А гдѣ онъ?

— Сейчасъ съ поля пріѣдетъ.

И Кузьма сталъ ждать у открытаго окна людской. Он

заглянулъ туда, увидѣлъ въ полутьмѣ печь, нары, столъ, корытце на лавкѣ у окна—гробикъ корытцемъ, гдѣ лежалъ мертвый ребенокъ съ большой, почти голой головкой, съ синеватымъ личикомъ... За столомъ сидѣла толстая слѣпая дѣвка и большой деревянной ложкой ловила изъ миски молоко съ кусками хлѣба. Мухи, какъ пчелы въ ульѣ, гудѣли надъ ней, ползали по мертвому личику, потомъ падали въ молоко, но слѣпая, сидя прямо, какъ истуканъ, и уставивъ въ сумракъ бѣльма, ѣла и ѣла. Кузьмѣ стало страшно, и онъ отвернулся. Порывами дулъ холодный вѣтеръ, отъ тучъ становилось все темнѣе. Среди двора возвышались два столба съ перекладиной, на перекладинѣ, какъ икона, висѣла большая чугунная доска: значитъ, по ночамъ боялись, били въ нее. По двору валялись худыя борзыя собаки. Мальчикъ лѣтъ восьми бѣгалъ среди нихъ, возилъ на телѣжкѣ бѣлоголоваго бурдастаго братишку въ большомъ черномъ картузѣ — и телѣжка неистово визжала. Домъ былъ сѣръ, грузенъ и, должно-быть, чертовски скученъ въ эти сумерки. „Хоть бы огонь зажгли!“—подумалъ Кузьма. Онъ смертельно усталъ, ему казалось, что онъ выѣхалъ изъ города чуть не годъ тому назадъ. Вдругъ послышался вой, лай—и изъ воротъ сада растерянно выскочила, таща другъ друга, бокомъ, куда попало грядая, озираясь и стараясь разорваться, пара собакъ, — гончая сука и дворовый кобель, — головами въ разныя стороны. За ними съ гоготомъ бѣжалъ малый, распоясанный, безъ шапки, шаркая тяжелыми сапогами. За малымъ—барчукъ...

А вечеръ и ночь Кузьма провелъ въ саду, въ старой банѣ. Староста, пріѣхавъ верхомъ съ поля, сердито сказалъ, что „садъ давно сгаденъ“, а на просьбу о ночлегѣ только нагло изумился: „Однако ты уменъ!—ни съ того ни съ сего крикнулъ онъ.—Постоялый дворъ какой нашелъ! Много васъ теперь такихъ шатается“... Но смилостивился — и разрѣшилъ итти въ баню. Кузьма расчелся съ Меньшовымъ и пошелъ мимо дома къ воротамъ липовой аллеи. Изъ темныхъ раскрытыхъ оконъ, изъ-за жетѣзныхъ сѣтокъ отъ мухъ, гремѣлъ роялъ, покрываемый великолѣпнымъ баритональнымъ теноромъ, затѣйливыми вокализами, совершенно не идущими ни къ вечеру ни къ усадьбѣ. По грязному песку покатой аллеи, въ концѣ которой, какъ на краю свѣта, тускло бѣлѣло облачное небо, не спѣша двигался навстрѣчу Кузьмѣ невысокій темно-рыжій мужичокъ съ ведромъ въ рукѣ — и тоже безъ пояса, безъ шапки и въ тяжелыхъ сапогахъ.

— Шшь, шшь! — насмѣшливо говорилъ онъ на ходу,

прислушиваясь къ вокализамъ. — Ишь раздолѣвастся, пузо его лопни.

— Кто раздолѣвается?—спросилъ Кузьма.

Мужичокъ поднялъ голову и пріостановился.

— Да баггчукъ-то,—весело сказалъ онъ, сильно картавя. — Говорятъ, семой годъ такъ-то!

— Это какой же,—что̀ собакъ гналъ?

— Н-нѣтъ, другой... Да это еще что̀! Иной разъ какъ примется кричать: „Ночче ты, завтра я...“—прямо бяда-а!

— Учится, вѣрно.

— Хороша ученье!

— А тотъ, другой, что̀ же дѣлаетъ?

— Энтотъ-то? — Мужичокъ, сдержанно-насмѣшливо улыбаясь, передохнулъ.—Да ничего... Чего жъ ему, — харчи хорошіе, забава есть: бедька подкидываетъ бутылочки, а онъ палитъ по нимъ; на-пору купитъ у мужика бороду, отрѣжетъ и забьетъ ружье, ради смѣху... Опять же — собаки: у насъ ихъ прямо гибель. Въ воскрёсный день какъ вдарятъ въ колокола—подхватятъ всей оравой... содомъ чистый! Третеводни загрызли мужицкаго кобеля... мужики во дворъ:—„Давай на ведро—и шабашъ. А то забастовку сейчасъ исдѣлаемъ“...

— Что̀ жъ, дали?

— Ужли жъ нѣтъ? Да-ашь, бра-атъ! Мельникъ тутъ есть... Вышелъ прямо къ крыльцу и говоритъ: „Вѣтеръ-то, господа-дворяне, съ поля дуетъ!“ Вотъ и пойми его. Барчукъ былъ похорохорился:—„Это что̀ жъ за вѣтеръ такой?“—„А такой, говоритъ,—я тебѣ загадалъ, а ты подумай...“ Сразу, братъ, улечилъ его!

Все это было разсказано какъ будто небрежно, вскользь, съ передышками, но съ такой ѣдкой усмѣшкой и картавостью—„сгазу, бгатъ!“—что Кузьма внимательно глянулъ на встрѣчнаго. Похожъ на дурачка. Волосы прямые, въ скобку, длинные. Лицо—небольшое, незначительное, старинно-русское, суздальской работы. Сапоги огромные, тѣло тощее и какое-то деревянное. Глаза подъ большими сонными вѣками—ястребиные, съ золотистымъ кружкомъ въ зрачкѣ. Опуститъ вѣки — картавый дурачокъ, подниметъ — даже жутко немного.

— Ты въ саду сидишь?—спросилъ Кузьма.

— Въ саду. А то гдѣ же?

— А какъ тебя зовутъ?

— Меня-то? Акимъ... А тебя?

— Я садъ хотѣлъ снять.

— Вона... хватился!

И Акимъ, насмѣшливо мотнувъ головой, пошелъ своей дорогой.

Вѣтеръ дулъ все порывистѣе, сыпля брызги съ ярко-зеленыхъ деревьевъ, за садомъ, гдѣ-то низко, гремѣлъ глухой громъ, блѣдно-голубые сполохи озаряли аллею, и повсюду пѣли соловьи. Совершенно непонятно было, какъ могутъ они такъ старательно, въ такомъ упорномъ забытьѣ, такъ сладко и сильно цокать, щелкать и разсыпаться подъ этимъ тяжкимъ свинцово-облачнымъ небомъ, среди гнущихся отъ вѣтра деревьевъ, въ густыхъ мокрыхъ кустахъ. Но еще непонятнѣе было, какъ проводятъ караульщики на этомъ вѣтру ночи, какъ спятъ они на сырой соломѣ подъ навѣсомъ гнилого шалаша въ концѣ аллеи!

Караулило трое. И всѣ были больны. Одинъ, молодой, худощавый, симпатичный, бывшій пекарь, уволенный прошлой осенью за стачку, теперь босякъ, еще не утратившій крестьянскаго облика, жаловался на лихорадку; у другого, тоже босяка, но уже застарѣлаго, была чахотка, хоть онъ говорилъ, что ему ничего, „только промежъ крыльевъ холодитъ“; Акимъ страдалъ „куриной слѣпотой“ — отъ худосочія плохо видѣлъ въ сумеркахъ. Пекарь, блѣдный и ласковый, сидѣлъ, когда подошелъ Кузьма, возлѣ шалаша на корточкахъ и, засучивъ на худыхъ, слабыхъ рукахъ рукава женской ватной кофты, промывалъ въ деревянной чашкѣ пшено. Чахоточный Митрофанъ, человѣкъ небольшого роста, широкій и темнолицый, похожій на дагомейца, весь въ мокромъ отрепьѣ и опоркахъ, сбитыхъ и жесткихъ, какъ старое лошадиное копыто, стоялъ возлѣ пекаря и, поднявъ плечи, карими блестящими глазами, расширенными и ничего не выражающими, глядѣлъ на его работу. Акимъ притащилъ ведро воды и разводилъ, поддувалъ въ земляной печуркѣ противъ шалаша огонь. Онъ входилъ въ шалашъ, выбиралъ тамъ пуки соломы посуше и опять шелъ къ пахучe дымившему подъ чугуномъ костру, все бормоча что-то, дыша со свистомъ и насмѣшливо-загадочно, небрежно улыбаясь на подтруниванья сотоварищей, зло и ловко срѣзая ихъ порою. А Кузьма закрывалъ глаза и слушалъ то разговоръ, то соловьевъ, сидя на сырой скамейкѣ возлѣ шалаша, осыпаемый ледяными брызгами, когда по аллеѣ, подъ сумрачнымъ, вздрагивавшимъ отъ блѣдныхъ зарницъ небомъ проносился сырой вѣтеръ и глухо погромыхивалъ громъ. Подъ ложечкой сосало отъ голода и тютюна. Кулешъ, казалось, никогда не поспѣетъ, изъ головы не выходила мысль, что, можетъ, и самому придется жить такой же звѣриной жизнью, какъ эти караульщики... и что впе-

реди—только старость, болѣзни, одиночество и нищета. Тѣло ныло, и раздражали порывы вѣтра, дальній однообразный громъ, соловьи и медлительная, небрежно-ѣдкая картавость Акима, его скрипучій голосъ.

— Ты бы, Акимушка, хоть поясокъ-то купилъ,—притворно-просто говорилъ пекарь, закуривая, продолжая трунить и все поглядывая на Кузьму, — приглашая его послушать Акима.

— Вотъ погоди,—разсѣянно-насмѣшливо отвѣчалъ Акимъ, сливая изъ закипѣвшаго котелка въ чашку бѣлую жижу. — Вотъ отживемъ у хозяина лѣто — сапоги тебѣ со скрипомъ куплю.

— „Со скгипомъ“! Да я у тебя не прошу.

— А самъ въ опоркахъ!

И Акимъ сталъ заботливо пробовать съ ложки жижу.

Пекарь смутился и вздохнулъ:

— Ужъ гдѣ намъ сапоги носить!

— Да будетъ вамъ, — сказалъ Кузьма: — вы вотъ лучше скажите, что же у васъ, небось, каждый день все кулешъ да кулешъ?

— А тебѣ чего жъ — рыбки, ветчинки захотѣлось? — спросилъ Акимъ, не оборачиваясь и облизывая ложку. — Она бы ничего такъ-то: водочки осьмушку, сомовинки хунтика три, хвостикъ ветчинки, чайку хруктоваго...

— Ну что жъ — сомовинки!—улыбнулся Кузьма.—Что жъ это за рыба!

Акимъ обернулся.

— Дуракъ,—сказалъ онъ убѣжденно:—разя рыба плохая бываетъ? А это не кулешъ, а называется рѣденькая кашка. Кулешъ на закуску.

— А щи, похлебку варите?

— У насъ, братъ, были онѣ, щи-то, да какія еще! На кобеля плеснешь—шерсть соскочитъ!

— Ну, похлебочки бы...

— А гдѣ ихъ, картохъ-то, взять? У мужука, у чорта, братъ, не укупишь! У мужука среди зимы снѣгу не выпросишь.

Кузьма покачалъ головой:

— А вѣдь это ты отъ болѣзни такъ золъ! Полѣчился бы, что ли, маленько...

Акимъ, не отвѣтивъ, опустился на корточки передъ огнемъ. Огонь уже потухалъ, подъ чугуномъ краснѣла горка тонкихъ угольковъ; садъ темнѣлъ и темнѣлъ, и голубые сполохи, при порывахъ вѣтра, раздувавшихъ рубаху Акима, уже стали

блѣдно озарять лица. Митрофанъ сидѣлъ рядомъ съ Кузьмой, опершись на палку, пекарь—на пнѣ подъ липой. Услыхавъ послѣднія слова Кузьмы, онъ сталъ серьезенъ.

— А я такъ полагаю, — сказалъ онъ покорно и грустно, — что не иначе, какъ все Господь. Не дастъ Господь здоровья, такъ никакіе доктора тебѣ не помогутъ. Вонъ Акимъ правду говоритъ: раньше смерти не помрешь.

— Доктора!—подхватилъ Акимъ, глядя на угли и особенно ѣдко выговаривая это слово: дохтора!.. Доктора, братъ, свой карманъ блюдутъ. Я бъ ему, доктору-то энтому, кишки за его дѣла выпустилъ!

— Не всѣ блюдутъ,—сказалъ Кузьма.

— Я всѣхъ не видалъ.

— Ну, и не бреши, если не видалъ,—строго сказалъ Митрофанъ и обратился къ пекарю: — Да и ты хорошъ: ишь, распѣлся сиротой казанской! Небось, кабы не валялся по-собачьи на земи, не корежило бы тебя такъ-то.

— Да вѣдь я...—началъ-было пекарь.

Но тутъ насмѣшливое спокойствіе внезапно покинуло Акима. И, выкативъ свои безсмысленные ястребиные глаза, онъ вдругъ вскочилъ и закричалъ съ запальчивостью идіота:

— Что? Это я-то не бреши? Ты былъ въ больницѣ-то? Былъ? А я былъ! Я въ ней семь денъ сидѣлъ,—много онъ мнѣ булокъ-то давалъ, дохторъ-то твой? Много?

— Да дуракъ,—перебилъ Митрофанъ:—булки не всѣмъ же полагаются: это по болѣзни.

— А! По болѣзни! Ну, и подавись онъ ими, пузо его лопни!—крикнулъ Акимъ.

И, бѣшено озираясь, шваркнулъ ложку въ „рѣденькую кашку“ и пошелъ въ шалашъ.

Тамъ онъ, со свистомъ дыша, зажегъ лампочку, и въ шалашѣ стало уютно. Потомъ досталъ откуда-то изъ-подъ крыши ложки, кинулъ ихъ на столъ и крикнулъ: „Несите, что ль, кулешъ-то!“. Пекарь всталъ и пошелъ за чугунчикомъ. „Милости просимъ“,—сказалъ онъ, проходя мимо Кузьмы. Но Кузьмѣ было непріятно ѣсть вмѣстѣ съ Акимомъ. Онъ попросилъ хлѣба, круто посолилъ его и, съ наслажденіемъ жуя, опять вернулся къ скамейкѣ. Стало совсѣмъ темно. Блѣдно-голубой свѣтъ все шире, быстрѣе и ярче озарялъ шумящія деревья, точно раздуваемый вѣтромъ, и при каждомъ спохѣ мертвенно-зеленая листва становилась на мгновеніе видна, какъ днемъ, послѣ чего все заливалось могильной чернотою. Соловьи смолкли,—слабо и сильно покалъ и разсыпался только одинъ—надъ самымъ шалашомъ. А въ шалашѣ,

вокругъ лампочки, уже опять текла мирно-ироническая бесѣда. „Даже и не спросили, кто я, откуда?—думалъ Кузьма.—Народъ, пропади онъ пропадомъ!“ И шутливо крикнулъ въ шалашъ:

— Акимъ! А ты и не спросилъ даже: кто я, откуда?

— А на что ты мнѣ нуженъ-то?—отвѣтилъ Акимъ равнодушно.

— Я вотъ его о другомъ спрашиваю,—послышался голосъ пекаря:—сколько онъ отъ Думы земли чаетъ получить? Какъ думаешь, Акимушка? А?

— Я не письмённый,—сказалъ Акимъ.—Тебѣ изъ навозу виднѣй.

И пекарь, должно-быть, опять смутился: на минуту наступило молчаніе.

— Это онъ насчетъ нашего брата, — заговорилъ Митрофанъ. — Я разсказывалъ какъ-то, что въ Ростовѣ бѣдный народъ, проталеріатъ то-есть, зимой въ навозѣ спасается...

— Выйдетъ за городъ, — радостно подхватилъ Акимъ, — и—въ навозъ! Зароется не хуже свиньи—и горя мало.

— Дуракъ! — отрѣзалъ Митрофанъ и такъ строго, что Кузьма обернулся.—Чего гогочешь? Дуракъ слѣпой, раскоряка! Застигнетъ бѣдность—зароешься!

Акимъ, опустивъ ложку, сонно посмотрѣлъ на него. И съ той же внезапной запальчивостью, какъ и давеча, раскрылъ свои пустые ястребиные глаза и бѣшено крикнулъ:

— А-а! Бѣдность! По часамъ захотѣлъ работать?

— А какъ же?—бѣшено крикнулъ и Митрофанъ, раздувая свои дагомейскія ноздри и въ упоръ глядя на Акима блестящими глазами.—Двадцать часовъ за двугривенный?

— А-а! А тебѣ бы часъ за цѣлковый?.. Дюже жаденъ, пузо твое лопни!

Но ссора столь же быстро и потухла, какъ разгорѣлась. Черезъ минуту Митрофанъ уже спокойно говорилъ, обжигаясь кулешомъ:

— Это онъ-то не жаденъ! Да онъ, дьяволъ слѣпой, за копейку въ алтарѣ удавится. Вѣрите ли—жену за пятиалтынный продалъ! Ей-Богу, не шучу. Тамъ у насъ въ Липецкѣ есть такой старичокъ, Панковъ прозывается, тоже прежде садовничалъ, ну, а теперь на покоѣ и очень любитъ это дѣло...

— Да Акимъ-то тоже изъ-подъ Липецка? — перебилъ Кузьма.

— Изъ Студёнки, изъ деревни,—равнодушно сказалъ Акимъ, точно и не про него шелъ толкъ.

— Вѣрно, вѣрно,—подтвердилъ Митрофанъ.—Закоренѣлый

мужикъ. При братѣ живетъ, землей, дворомъ сообча владѣетъ съ нимъ, но только все-таки въ родѣ какъ замѣсто дурачка, и жена отъ него, конечно, ужъ сбѣжала; а отчего сбѣжала — какъ разъ отъ этого отъ самаго: сторговался съ Панковымъ за пятиалтынный, чтобъ пустить его, замѣсто себя, ночью въ клѣть—и пустилъ.

Акимъ молчалъ, постукивая ложкой по столу и глядя на лампочку. Онъ уже наѣлся, утерся и теперь что-то думалъ.

— Брехать, малый, не пахать, — сказалъ онъ наконецъ.— А хоть бы и пустилъ: ай она слиняетъ?

И, прислушиваясь, осклабился, поднялъ брови, и его суздальское личико стало радостно-грустно, покрылось крупными деревянными морщинами.

— Вотъ бы изъ ружья-то его! — сказалъ онъ особенно скрипуче и картаво.—Такъ бы и кувыркнулся!

— Это ты про кого же?—спросилъ Кузьма.

— Да про соловья-то энтого...

Кузьма сжалъ зубы и, подумавъ, сказалъ:

— А стерва ты мужикъ. Звѣрь.

— Поцѣлуй меня въ.... таперь, — отозвался Акимъ машинально. И, икнувъ, поднялся:

— Ну, что жъ даггомъ огонь-то жечь?

Митрофанъ сталъ завертывать цыгарку, пекарь — убирать ложки, а онъ вылѣзъ изъ-за стола, повернулся къ лампочкѣ спиной и, поспѣшно перекрестившись три раза, съ размаху поклонился въ темный уголъ шалаша, встряхнулъ мочальными прямыми волосами и, поднявъ лицо, зашепталъ молитву. Отъ него пала на какіе-то тесовые ящики и переломилась большая тѣнь, а самъ онъ показался Кузьмѣ еще меньше, чѣмъ давеча. Кузьма вспомнилъ, какъ былъ онъ когда-то на призывѣ: призывалось пятьсотъ человѣкъ, взять нужно было всего сто двадцать, ему достался четыреста девяносто второй номеръ—и все-таки чуть было не пришлось раздѣваться: такъ браковали этихъ голыхъ подростковъ, похожихъ на голыхъ воробьевъ своими тонкими, какъ плети, руками и большими, тугими животами. Акимъ опять торопливо перекрестился и опять съ размаху поклонился — и Кузьма уже съ ненавистью взглянулъ на него. Вотъ Акимъ молится—и попробуй-ка спросить его, вѣритъ ли онъ въ Бога! Изъ орбитъ выскочатъ его ястребиные глаза! Ему вѣдь кажется—никто на свѣтѣ не вѣритъ такъ, какъ онъ. Онъ до глубины души убѣжденъ, что въ угоду Богу, да чтобъ и люди не осудили, надо строго-настрого исполнять даже малѣйшее изъ того, что положено по отношенію къ церкви, постамъ,

праздникамъ, добрымъ дѣламъ, что для спасенія души,—не по добротѣ же, конечно!—неукоснительно слѣдуетъ творить эти дѣла, ставить свѣчи, въ постъ ѣсть рыбку да маслице, а въ праздники праздновать—и ублажать пирогами и курятиной попа... И всѣ твердо вѣрятъ, что Акимъ очень вѣрующій человѣкъ, хотя за всю свою жизнь ни разу не подумалъ этотъ Акимъ: да что же такое его Богъ?—какъ никогда не думалъ онъ ни о небѣ ни о землѣ, ни о рожденіи ни о смерти... Что ему думать! За него обдумали! У него на все есть отвѣты—спокойные, тысячу лѣтъ тому назадъ заготовленные. Онъ вѣдь знаетъ: на небѣ—рай, ангелы, праведные, въ аду—черти и грѣшники, на землѣ - люди, которые пашутъ, строятъ, торгуютъ, наживаютъ денежки, женятся, живутъ въ свое удовольствіе... Не всѣ, конечно, далеко не всѣ, да что жъ съ этимъ подѣлаешь? Стремиться-то все-таки люди должны къ этому—и ужъ придетъ времечко, покажетъ себя Акимъ!—подумалъ Кузьма, какъ всегда, съ изумленіемъ и ужасомъ вспоминая погромы. Ну, а тайна рожденія и смерти—это его не касается. По рожденіи надо быть перекрещеннымъ, да по-нашему, по-русски, а не по-собачьи—по-турецки или французски. Умирая—непремѣнно пріобщиться,—иначе ада не миновать,—а всего лучше особороваться. Вотъ и все. Есть еще на землѣ насѣкомыя, цвѣты, растенія, птицы, животныя... Но о цвѣтахъ и насѣкомыхъ Акимъ думать не унизится—просто давитъ ихъ. Растенія онъ замѣчаетъ только тѣ, что приносятъ плоды, ягоды, идутъ на кормъ. Птицы летаютъ, поютъ—и самое любезное дѣло стрѣлять на ѣду тѣхъ изъ нихъ, что годны къ тому, а негодныхъ—для забавы. Звѣрей надо всѣхъ, до единаго, истребить, а къ животнымъ относиться разно: своихъ держать въ тѣлѣ, на пользу себѣ, чужимъ и старымъ—выстегивать глаза кнутомъ, ломать ноги...

„И какое ему дѣло,—съ тоской подумалъ Кузьма:—какое ему дѣло, разъ онъ не хозяйствуетъ, что идетъ недѣлю дождь, градъ, гремитъ громъ, сверкаютъ зарницы... что, небось, онѣ озаряютъ теперь мертвое синее личико въ темной, полной мухъ избѣ, гдѣ, какъ убитая, спитъ слѣпая дѣвка...“

Казалось, что годъ тому назадъ выѣхалъ онъ изъ города и что никогда-то теперь не доберешься до него. Тяготилъ мокрый картузъ, ныли холодныя ноги, сжатыя грязными сапогами. Лицо за день обвѣтрилось, горѣло. Тѣло было разбито телѣгой и неуютностью, безполезной жаждой отдыха. Но спать—нѣтъ, еще не заснешь. Поднявшись со скамьи, Кузьма пошелъ навстрѣчу сырому вѣтру, къ воротамъ въ полѣ, къ пустоши давно упраздненнаго погоста. Изъ шалаша падалъ

на грязь слабый свѣтъ, но, какъ только Кузьма отошелъ, Акимъ дунулъ на лампочку, свѣтъ исчезъ, и сразу наступила ночь. Голубоватая зарница блеснула еще смѣлѣе и неожиданнѣй, раскрыла все небо, всю глубину сада до самыхъ отдаленныхъ яблонь, гдѣ стояла баня, и вдругъ залила все такой чернотой, что закружилась голова. И опять гдѣ-то низко загремѣлъ глухой дальній громъ и изъ-за шума деревьевъ и гула донесся отрывистый визгъ, лай—грызня собакъ, пировавшихъ за садомъ надъ дохлой коровой. Постоявъ и различивъ тусклый просвѣтъ въ воротахъ, Кузьма вышелъ на дорогу, пролегавшую мимо вала, мимо шумящихъ старыхъ липъ и кленовъ, и сталъ медленно ходить взадъ и впередъ. На картузъ, на руки опять посыпался дождь. Но хотѣлось додумать то, что̀ началъ. Вдругъ опять глубоко распахнулась черная тьма, засверкали капли дождя, и на пустоши, въ мертвенно-голубомъ свѣтѣ, вырѣзалась фигура мокрой тонкошеей лошади. Блѣдное, металлически-зеленое поле овсовъ мелькнуло за пустошью на чернильномъ фонѣ, а лошадь подняла голову—и Кузьмѣ стало жутко. Лошадь быстро потонула въ темнотѣ, но—чья она? почему не спутана? почему шатается безъ призора?.. И Кузьма повернулъ къ воротамъ. Въ канавѣ подъ валомъ, въ мокрыхъ лопухахъ и крапивѣ, кто-то не то рычалъ, не то храпѣлъ. Спотыкаясь, протягивая, какъ слѣпой, руки впередъ, Кузьма приблизился къ канавѣ.

— Кто тутъ?—крикнулъ онъ.

Но храпъ былъ мертвецки-пьяный, крѣпкій, захлебывающійся. Да и все кругомъ спало глубокимъ сномъ. Зарницы потухали, сонныя, невидимыя въ темнотѣ деревья шумѣли подъ усиливающимся дождемъ глухо и хмуро... А когда Кузьма ощупью добрался наконецъ до бани, дождь обрушился на землю съ такой силой, что, какъ въ дѣтствѣ, стали мелькать страшныя мысли о потопѣ. Онъ дернулъ спичкой, увидалъ широкія нары возлѣ окошечка и, свернувъ чупку, кинулъ ее въ изголовье. Въ темнотѣ влѣзъ на нары и съ глубокимъ вздохомъ растянулся на нихъ, легъ по-стариковски, на спину, и закрылъ усталые глаза. Боже мой, какая нелѣпая и тяжкая поѣздка! И какъ это онъ попалъ сюда? Въ барскомъ домѣ теперь тоже тьма, и зарницы на лету, украдкой отражаются въ зеркалахъ... Въ шалашѣ, подъ проливнымъ дождемъ, спитъ Акимъ... Вотъ въ этой банѣ не разъ, конечно, видали чертей: вѣритъ ли Акимъ хоть въ чорта какъ слѣдуетъ? Нѣтъ. Вѣрили тысячу лѣтъ тому назадъ, Акимъ же только машинально принялъ наслѣдство. Но, не вѣря, онъ все-таки съ увѣренностью разсказываетъ о томъ, какъ сто

покойникъ-дѣдъ—непремѣнно дѣдъ и непремѣнно покойникъ—пошелъ разъ въ ригу за хоботьемъ, а чортъ сидитъ себѣ на колѣ, ножки переплелъ, лохматый, какъ собака... И, выставивъ одно колѣно, Кузьма положилъ кисть руки на лобъ и сталъ, вздыхая и тоскуя, задремывать...

Лѣто онъ провелъ въ ожиданіи мѣста. Ночью въ казаковскомъ саду стало ясно, что мечты о садахъ — глупы. Возвратясь въ городъ и хорошенько обдумавъ свое положеніе, началъ онъ искать мѣста — приказчика, конторщика; потомъ сталъ соглашаться на любое — лишь бы былъ кусокъ хлѣба. Но поиски, хлопоты, просьбы пропадали даромъ. И охватило отчаяніе: да какъ же это онъ не видалъ, что ему и надѣяться-то нечего! Въ городѣ онъ давнымъ-давно слылъ за большого чудака. Пьянство и бездѣлье превратили его въ посмѣшище. Жизнь его сперва изумляла городъ, потомъ стала казаться подозрительной. Да и правда: гдѣ это видано, чтобы мѣщанинъ въ его годы жилъ на подворьѣ, былъ холостъ и нищъ, какъ шарманщикъ: всего имущества—сундучокъ да тяжелый старый зонтъ! И Кузьма сталъ посматривать въ зеркало: что это, въ самомъ дѣлѣ, за человѣкъ передъ нимъ? Ночуетъ въ „общемъ номерѣ“, среди чужихъ, пріѣзжающихъ и уѣзжающихъ людей, утромъ плетется по жарѣ на базаръ, въ трактиры, гдѣ ловитъ слухи о мѣстахъ; послѣ обѣда спитъ, потомъ сидитъ у окна и читаетъ Костомарова, глядитъ на пыльную бѣлую улицу и блѣдно-голубое отъ жары небо... Для кого и для чего живетъ на свѣтѣ этотъ широкій въ кости, но худой и уже сѣдой отъ голода и строгихъ думъ мѣщанинъ, называющій себя анархистомъ и не умѣющій толкомъ объяснить, что значитъ—анархистъ? Сидитъ, читаетъ; вздохнетъ, пройдется по комнатѣ; опустится на корточки, отомкнетъ свой сундучокъ; переложитъ поаккуратнѣе истрепанныя книжки и рукописи, двѣ-три линючихъ косоворотки, старый длиннополый сюртукъ, жилетку, истершееся метрическое свидѣтельство... И опуститъ руки. Къ чему все это? Какое убожество, одиночество. А что впереди—и подумать жутко. Тихонъ бездѣтенъ, богатъ, да онъ и на похороны трынки не дастъ...

И лѣто тянулось безконечно долго. Распустили Думу, но это не нарушило однообразія жаркихъ длинныхъ дней. Ждали великаго деревенскаго бунта, но никто и бровью не повелъ, когда не произошло ровно ничего великаго. Устраивались новыя сказочно-свирѣпыя избіенія евреевъ, изо дня въ день или казни, разстрѣлы, но городъ даже интересоваться пересталъ ими. Въ уѣздѣ, по усадьбамъ, побаивались,—особенно

послѣ того знаменитаго дня, когда взбунтовались мужики по чьему-то „распоряженію“. Но что за дѣло городу до уѣзда? Казаковъ прислали еще сотню; ихъ проклинали въ одинъ голосъ, но терпѣли. Мѣстную газетку закрывали три раза и наконецъ доконали, продажу столичныхъ запретили. На афишахъ опять стали печатать: „Съ дозволенія начальства, проѣздомъ черезъ здѣшній городъ“, да и афиши-то опять пошли гнусныя: пріѣхали малороссы, завлекавшіе на представленіе „знаменитой исторической драмы Тарасъ Бульба, убійца своего родного сына“ тѣмъ, что „участвуетъ вся труппа“, гопакомъ, „роскошными костюмами“ и „безплатными подарками“—дойной коровой и чайнымъ сервизомъ, „стоимостью семьдесятъ пять рублей“; появились скороходы и предсказатели судьбы, какіе-то жулики, показывающіе человѣческое безобразіе—близнецовъ, бородатую женщину, дѣвицу четырнадцати пудовъ, „чудо XX вѣка—живое чудовище, пойманное въ Красномъ морѣ“ и лежавшее дохлымъ въ жестяной ваннѣ за ситцевой занавѣской... Военные подняли голову, ѣздили пьянствовать почему-то на вокзалъ и тамъ дебоширили, кричали, что „офицерство—это одна семья“, хохотали, читая требованія амнистіи и отмѣны смертной казни, и каждый думалъ, что говоритъ нѣчто очень новое, выпаливая: „Пусть прежде господа революціонеры прекратятъ убійства!“ — или доказывая, что соціализмъ—только глупъ: „Позвольте, — это что же значитъ: ваши часы—мои часы, моя жена—ваша жена?“

— Будь проклятъ день рожденія моего въ этой трижды проклятой сторонѣ! — говорилъ иногда Кузьма, швыряя на столъ газету, закрывая глаза и стискивая зубы.—На весь міръ нужно было бы кричать теперь: ратуйте, кто въ Бога вѣруетъ!

— А вотъ ты докричишься,—спокойно возражалъ ему кто-нибудь.

И переводилъ разговоръ на урожай, засуху. И Кузьма смолкалъ: событія были столь жестоки, что человѣческой воспріимчивости не хватало.

Въ уѣздѣ изрѣдка перепадали дожди, но въ городѣ съ самаго мая до августа, день въ день стояла адская сушь. Угловой домъ подворья жарился на солнцѣ. По ночамъ отъ духоты кровь стучала въ голову, и будилъ каждый звукъ за открытыми окнами. А на сѣновалѣ нельзя было спать отъ блохъ, крика молодыхъ пѣтуховъ и вони навознаго двора. Да и курить запрещалось: хозяинъ былъ толстъ, слабъ и нервенъ, какъ старая баба... Все лѣто не покидала Кузьму надежда съѣздить въ Воронежъ. Ахъ, какъ не цѣнилъ онъ дней моло-

дости! Хоть бы отъ поѣзда до поѣзда побродить по воронежскимъ улицамъ, посмотрѣть на знакомые тополя, на тотъ голубенькій домикъ за городомъ... Да зачѣмъ? Истратить десять, пятнадцать рублей, а потомъ отказывать себѣ въ свѣчкѣ, въ булкѣ? Да и стыдно старику предаваться любовнымъ воспоминаніямъ. А что до Клаши, такъ его ли еще дочь-то она? Видѣлъ онъ ее года два тому назадъ: сидитъ у окна, плететъ кружево, обликъ милый и скромный, но похожа только на мать... Что скажетъ онъ ей, если даже рѣшится зайти? Какими глазами взглянетъ на старика Ивана Семеныча?.. И время текло невыносимо скучно. Даже пріѣзжихъ не было. За весь іюль останавливался только какой-то молодой дьяконъ, по-семинарски чудаковатый. Приходилъ повидаться съ нимъ родственникъ, но ушелъ ни съ чѣмъ: дьяконъ былъ на базарѣ, а фамилію свою—Краснобаевъ—написалъ на доскѣ по-латыни: Бенедиктовъ...

Къ осени Кузьма убѣдился, что необходимо или по святымъ мѣстамъ уйти, въ монастырь какой-нибудь, или—махнуть рукой и опять запить, на зло кому-то. Однажды, отомкнувъ сундучокъ, нашелъ онъ „Исповѣдь“ Толстого, развернулъ ее и прочиталъ надпись карандашомъ, сдѣланную съ пьяныхъ глазъ, еще у Касаткина: „Всѣхъ отучить отъ водки нельзя“. Мѣсяца два тому назадъ онъ только поморщился бы,— глупая надпись! — теперь же ухмыльнулся и подумалъ: „А не послать ли все къ чортовой матери, не прожечь ли все до нитки, да не дернуть ли по горлу бритвой?“ Наступала осень. Уже пахло на базарѣ яблоками, сливами. Навезли гимназистовъ. Начались бѣга. Стало солнце садиться за Щепной площадью: выйдешь изъ воротъ вечеромъ и, переходя перекресткомъ, ослѣпнешь: налѣво вся улица, упирающаяся вдали въ площадь, залита низкимъ скучнымъ блескомъ. Сады за заборами — въ пыли, паутинѣ. Идетъ Полозовъ навстрѣчу — на немъ крылатка, но шляпу уже смѣнилъ картузъ съ кокардой. Въ городскомъ саду ни души. Забита раковина музыкантовъ, забитъ кіоскъ, гдѣ продавали лѣтомъ кумысъ и лимонадъ, закрытъ дощатый буфетъ. И однажды, сидя возлѣ этой раковины, Кузьма такъ затосковалъ, что не шутя задумался о самоубійствѣ. Солнце садилось, свѣтъ его былъ красноватый, летѣла мелкая розовая листва по аллеѣ, дулъ холодный вѣтеръ. Въ соборѣ звонили ко всенощной, и подъ этотъ мѣрный густой звонъ, уѣздный, субботній, душа ныла нестерпимо. Вдругъ подъ раковиной послышался кашель, кряхтѣнье... „Мотька“,—подумалъ Кузьма. И правда: вылѣзъ изъ-подъ лѣстницы Мотя-Утиная-Головка.

Былъ онъ въ рыжихъ солдатскихъ сапогахъ, въ очень длинномъ гимназическомъ мундирѣ, обсыпанномъ мукою.—видно, базаръ позабавился,—и въ соломенной шляпѣ, много разъ попадавшей подъ колеса. Не раскрывая глазъ, отплевываясь и шатаясь съ похмелья, онъ прошелъ мимо, даже не попросивъ покурить. Кузьма, сдерживая слезы, самъ окликнулъ его:

— Моть! Иди потолкуемъ, покуримъ...

И Мотька вернулся, сѣлъ на скамью, сталъ сонно, шевеля бровями, завертывать цыгарку, но, кажется, плохо соображалъ, кто это рядомъ съ нимъ, кто это жалуется ему на свою судьбу...

А на другой день тотъ же Мотька принесъ Кузьмѣ записку Тихона. И петля, опять было-захлеснувшая Кузьму, вдругъ лопнула.

Въ концѣ сентября онъ переѣхалъ въ Дурновку.

III.

Помѣстье при Дурновкѣ было хуторское. Оно прежде такъ и называлось—хуторъ. Дурново владѣли нѣсколькими помѣстьями и занимали главное, на Зушѣ. Аѳанасій Нилычъ, затравившій Цыгана, только наѣзжалъ въ Дурновку—по пути съ охоты. Нилу Аеанасьевичу, предводительствовавшему дворянствомъ, было не до хуторовъ: онъ всю жизнь устраивалъ обѣды да пилъ хѳресъ въ клубѣ, славясь своей полнотой, аппетитомъ, звонкимъ шопотомъ,—у него было серебряное горло,—щедростью, остротами и разсѣянностью. Рѣдко заглядывалъ въ Дурновку и сынъ его, уланъ, носившій имя дѣда. Уланъ считался еще крупнымъ помѣщикомъ. Выйдя въ отставку, онъ рѣшилъ нажить милліоны, показать, какъ надо хозяйствовать. Но въ полѣ бывать уланъ не любилъ, да и губила его страсть къ покупкамъ: онъ покупалъ чуть не все, на что падалъ его взглядъ. Губили и поѣздки въ Москву, влюбчивость... Сыну его, не кончившему лицея, достались уже только два хутора—Лаухино и Дурновка. И лицеистъ такъ разорилъ ихъ, что въ послѣдній годъ пребыванія его въ Дурновкѣ караулила усадьбу старая стряпуха, ходившая по ночамъ съ колотушкой и въ рыжей енотовой шубѣ... „Да что жъ,—думалъ Кузьма, до слезъ обрадованный предложеніемъ Тихона и глубоко затаившій свою радость. —Хуторъ, такъ хуторъ! Это-то и хорошо: ужъ, по крайности, подлинная глушь, татарщина!“

Когда-то Илья Мироновъ года два жилъ въ Дурновкѣ. Былъ въ ту пору Кузьма совсѣмъ ребенокъ, и остались у него въ памяти только темно-зеленые пахучіе конопляни-

ники, въ которыхъ тонула Дурновка, да еще одна темная лѣтняя ночь: ни единаго огня не было въ деревнѣ, а мимо ихъ избы шли, бѣлѣя въ темнотѣ рубахами, „девять дѣвокъ, девять бабъ, десятая удова", всѣ босыя, простоволосыя, съ метлами, дубинами, вилами, и стоялъ оглушительный звонъ и стукъ въ заслонки, въ сковороды, покрываемый дикой хоровой пѣснью: вдова тащила соху, рядомъ съ ней шла дѣвка съ большой иконой, а прочія звонили, стучали и, когда вдова низкимъ голосомъ выводила:

Ты, коровья смерть,
Не ходи въ наше село!—

хоръ, на погребальный ладъ, протяжно вторилъ:

Мы опахиваемъ—

и, тоскуя, рѣзкими горловыми голосами подхватывалъ:

Со ладаномъ, со крестомъ...

Теперь видъ дурновскихъ полей былъ будничный. Конопляники исчезли, а осень и безъ того оголила поля, огороды, задворки. Ѣхалъ Кузьма съ Воргла веселый и слегка хмельной: Тихонъ Ильичъ угощалъ его за обѣдомъ наливкой, а Настасья Петровна, за чаемъ послѣ обѣда, двумя сортами варенья; Тихонъ Ильичъ былъ очень добръ въ этотъ день, вспоминалъ молодость, дѣтство,—какъ они ѣли черепенники, какъ улюлюкали за Собачьимъ-Пистолетомъ и учились у Бѣлкина,—называлъ жену тетенькой, трунилъ надъ ея душеспасительными поѣздками къ монахинѣ Полукарпіи, сказалъ насчетъ жалованья Кузьмы: „сочтемся, братуша, сочтемся—не обижу...", кратко отозвался о революціи: „рано пташечка запѣла,—кабы кошечка не съѣла!..". Ѣхалъ Кузьма на буромъ меринѣ, а вокругъ него разстилалось море сухихъ бурыхъ пашенъ. Почти лѣтнее солнце, прозрачный воздухъ, блѣдно-голубое ясное небо,—все радовало и обѣщало долгій покой. Сѣдой, корявой полыни, вывороченной съ корнемъ сохами, было такъ много, что ее возили возами. Подъ самой усадьбой стояла на пашнѣ лошаденка, съ репьями въ холкѣ, и телѣга, высоко нагруженная полынью, а подлѣ лежалъ Яковъ, босой, въ короткихъ запыленныхъ портахъ и длинной посконной рубахѣ, и, придавивъ бокомъ большого сѣдого кобеля, держалъ его за ухо. Кобель рычалъ и косился.

— Ай кусается?—крикнулъ Кузьма.

— Лютъ—мочи нѣтъ!—торопливо отозвался Яковъ, поднимая свою косую бороду.—На морды лошадямъ сигаетъ...

И Кузьма засмѣялся отъ удовольствія. Ужъ мужикъ—такъ мужикъ, степь—такъ степь!

А дорога шла подъ изволокъ, и горизонтъ суживался. Впереди зеленѣла новая желѣзная крыша риги, потонувшая въ глухомъ низкорослomъ саду. За садомъ, на противоположномъ косогорѣ, стоялъ длинный рядъ избъ изъ глинобитныхъ кирпичей, подъ соломой. Справа, за пашнями, тянулся большой логъ, входившій въ тотъ, что̀ отдѣлялъ усадьбу отъ деревни. И тамъ, гдѣ лога сходились, блестѣлъ подъ солнцемъ прудъ, а на мысу между ними торчали крылья двухъ раскрытыхъ вѣтряковъ, окруженныхъ нѣсколькими избами однодворцевъ,—Мысовыхъ, какъ назвалъ ихъ Оська,—и бѣлѣла на выгонѣ вымазанная мѣломъ школа.

— Что̀ жъ, учатся ребятишки-то?—спросилъ Кузьма.

— Обязательно, — сказалъ Оська. — Ученикъ у нихъ—бядовый!

— Какой ученикъ? Учитель, что ли?

— Ну, учитель, одна честь. Выпколилъ, говорю, ихняго брата—куда годишься. Солдатъ. Бьетъ не судомъ, да зато у него и прилажено ужъ все! Заѣхали мы какъ-то съ Тихономъ Ильичемъ — какъ вскочутъ всѣ разомъ да какъ гаркнутъ: „Здравія желаемъ!“—гдѣ тебѣ и солдатамъ такъ-то!

И опять засмѣялся Кузьма.

А когда проѣхали гумно, прокатили по убитой дорогѣ мимо вишневаго сада и повернули влѣво, на длинный дворъ, подсохшій, золотившійся подъ солнцемъ, даже сердце заколотилось: вотъ онъ и дома наконецъ. И, взойдя на крыльцо, переступивъ порогъ, Кузьма вздохнулъ и, перекрестившись, низко поклонился темной иконѣ въ углу прихожей...

И долго было ему не до того, есть у русскаго народа будущее или нѣтъ. Онъ ходилъ по усадьбѣ, на деревню, по часамъ сидѣлъ на порогахъ избъ, на гумнахъ, присматриваясь къ дурновцамъ, наслаждаясь возможностью дышать чистымъ воздухомъ, болтать съ новыми сосѣдями.

Противъ дома, задомъ къ Дурновкѣ, къ широкому логу, стояли амбары. Съ крыльца видна была половина деревни, за амбарами — прудъ и часть мыса: вѣтракъ и школа. Солнце всходило налѣво, за полями, за чугункой на горизонтѣ. По утрамъ прудъ блестѣлъ въ свѣтломъ и свѣжемъ пару, а изъ сада за домомъ пахло красными и черными листьями, яблоками, бурьянами, росой. Комнаты были малы и пусты. Въ кабинетѣ, оклеенномъ старыми нотами, была ссыпана рожь, въ „залѣ“ и „гостиной“ стояло только нѣсколько вѣнскихъ стульевъ съ продранными сидѣньями да большой раздвиж-

ной столъ. Гостиная выходила окнами въ садъ, и почти всю осень Кузьма ночевалъ въ ней на продавленномъ диванѣ, не закрывая оконъ. Полъ никогда не мели: за кухарку временно жила вдова Однодворка, бывшая любовница молодого Дурново, которой надо было и къ ребятишкамъ своимъ бѣгать, и себѣ кое-что стряпать, и Кузьмѣ съ работникомъ. Кузьма самъ ставилъ по утрамъ самоваръ, потомъ сидѣлъ подъ окномъ въ залѣ, пилъ чай съ яблоками. Въ утреннемъ блескѣ, за свѣтлымъ паромъ надъ пашнями, проходилъ по утрамъ поѣздъ—и надъ нимъ бѣжали назадъ розовые клубы. Густо дымились крыши деревни. Садъ свѣжо благоухалъ, на амбарахъ лежала серебристая изморозь. А въ полдень солнце стояло надъ деревней, на дворѣ было жарко, въ саду рдѣли клены и липы, тихо роняя листья, и просторъ, прозрачный сухой воздухъ полей полны были тишины и мира. Голуби, пригрѣтые солнцемъ, весь день спали на скатѣ кухонной крыши, желтѣвшей новой соломой въ ясномъ синемъ небѣ. Отдыхалъ послѣ обѣда работникъ. Однодворка уходила домой. А Кузьма бродилъ. Онъ шелъ на гумно, радуясь солнцу, твердой дорогѣ, высохшимъ бурьянамъ, побурѣвшему подсвекольнику, милому позднему цвѣту голубого цикорія и тихо летѣвшему по воздуху пуху татарокъ. Пашни въ полѣ блестѣли подъ солнцемъ шелковистыми сѣтями чуть видной паутины, затянувшей ихъ на необозримое пространство. По огороду на сухихъ репейникахъ сидѣли щеглы. На гумнѣ, въ глубокой тишинѣ, на припекѣ, горячо сипѣли кузнечики... Съ гумна Кузьма перелѣзалъ черезъ валъ, возвращался въ усадьбу садомъ, по ельнику. Въ саду болталъ съ мѣщанами, съемщиками сада, съ Молодой и Козой, сбиравшими падальцы, залѣзалъ съ ними въ крапивную глушь, гдѣ лежали самыя спѣлыя. Порой онъ брелъ на деревню, въ школу... Онъ посвѣжѣлъ, загорѣлъ, чувствовалъ себя почти счастливымъ.

Коза удивляла его своимъ здоровьемъ, веселой тупостью, безсмысленно-блестящими египетскими глазами. Молодая была красива и странна. При немъ, какъ и при Тихонѣ, молчитъ, слова не добьешься, отойдешь—рѣзко хохочетъ, перебрехивается съ мѣщанами, внезапно запѣваетъ:

Пущай меня бьютъ, ругаютъ,—
Мои глазки перморгаютъ...

Солдатъ-учитель, глупый отъ природы, на службѣ сбился съ толку совершенно. По виду это былъ самый обыкновенный мужикъ лѣтъ подъ сорокъ. Но говорилъ онъ всегда такъ необыкновенно и несъ такую чепуху, что приходилось только

руками разводить. Онъ все чему-то съ величайшей хитростью улыбался, глядѣлъ на собесѣдника снисходительно, щурясь, на вопросы никогда не отвѣчалъ сразу.

— Какъ величать-то тебя?—спросилъ его Кузьма, въ первый разъ зайдя въ школу.

Солдатъ прищурился, подумалъ.

— Безъ имени и овца баранъ,—сказалъ онъ наконецъ, не спѣша.—Но спрошу и я васъ: Адамъ—это имя, ай нѣтъ?

— Имя.

— Такъ. А сколько же, къ примѣру, народу померло съ тѣхъ поръ?

— Не знаю,—сказалъ Кузьма.—Да ты это къ чему?

— А къ тому самому, что намъ этого отъ роду не понять. Взять хоть смутьяна какого ни на есть. Ты бунтуешь? Бунтуй, любезный, можетъ, будешь фить-маршаломъ! Но только тебя еще можно въ лучшемъ видѣ растянуть безъ портокъ для экзекуціи. Ты мужикъ? Паши. Бондарь? Опять же свое дѣло знай. Я, къ примѣру, солдатъ и коновалъ. Иду недавно по ярманкѣ—глядь, лошадь въ сапѣ. Сейчасъ къ становому: такъ и такъ, ваше высокоблагородіе. „А можешь ты эту лошадь перомъ зарѣзать?“—„Съ великимъ удовольствіемъ!“

— Какимъ перомъ?—спросилъ Кузьма.

— А гусинымъ. Взялъ, очинилъ, въ жилу становую чкнулъ, дунулъ маленько, въ перо-то, — и готово. Дѣло-то, кажись, просто, анъ поди-ка, ухитрись!

И солдатъ лукаво подмигнулъ и постучалъ себя пальцемъ въ лобъ:

— Тутъ еще есть смекалка-то.

Кузьма пожалъ плечами и смолкъ. И ужъ проходя мимо Одноодворки, отъ ея Сеньки узналъ, какъ зовутъ солдата. Оказалось—Парменъ.

— А что вамъ задано на завтра?—прибавилъ Кузьма, съ любопытствомъ глядя на огненные вихры Сеньки, на его живые зеленые глаза, конопатое лицо, щуплое тѣльце и потрескавшіяся отъ грязи и цыпокъ руки и ноги.

— Задачи, стихи, — сказалъ Сенька, подхвативъ правой рукой поднятую ногу и прыгая на одномъ мѣстѣ.

— Какія задачи?

— Гусей сосчитать. Летѣло стадо гусей...

— А, знаю, — сказалъ Кузьма.—А еще что?

— Еще мышей...

— Тоже сосчитать?

— Да. Шли шесть мышей, несли по шесть грошей,—быстро забормоталъ Сенька, косясь на серебряную часовую цѣ-

почку Кузьмы. — Одна мышь поплоше несла два гроша... Сколько выйдетъ всего...

— Великолѣпно. А стихи какіе?

Сенька выпустилъ ногу.

— Стихи—„Кто онъ?“

— Выучилъ?

— Выучилъ...

— А ну-ка.

И Сенька еще быстрѣе забормоталъ про всадника. ѣха вшаго надъ Невой по лѣсамъ, гдѣ были только—

Ель, сосна, да мохъ сядой...

— Сѣдой,—сказалъ Кузьма,—а не сядой.

— Ну, сидой,—согласился Сенька.

— А всадникъ-то этотъ кто же?

Сенька подумалъ.

— Да колдунъ,—сказалъ онъ.

— Такъ. Ну, скажи матери, чтобъ она хоть виски-то тебѣ подстригла. Тебѣ же хуже, когда учитель деретъ.

— А онъ ухи найдетъ, — безпечно сказалъ Сенька, снова берясь за ногу, и запрыгалъ по выгону.

Мысъ и Дурновка, какъ это всегда бываетъ со смежными деревнями, жили въ постоянной враждѣ и взаимномъ презрѣніи. Мысовые считали дурновцевъ разбойниками и побирушками, дурновцы—мысовыхъ. Дурновка была „барская“, а на Мысу обитали „гàлманы“, однодворцы, — вѣрнѣе остатки однодворцевъ, выселившихся въ Томскую губернію. Внѣ вражды, внѣ распрей находилась только Однодворка. Небольшая, худая, аккуратная, она была жива, ровна и пріятна въ обращеніи, наблюдательна. Она знала, какъ свою, каждую семью и на Мысу и въ Дурновкѣ, первая извѣщала усадьбу о каждомъ, даже малѣйшемъ деревенскомъ событіи. Да и ея жизнь знали всѣ отлично. Она никогда и ни отъ кого ничего не скрывала, спокойно и просто разсказывала о мужѣ, о Дурново, о томъ, какъ она стала сводней, когда онъ уѣхалъ.

— Что жъ дѣлать-то,—говорила она, легонько вздыхая.— Бѣдность была лютая, хлѣбушка и въ новину не хватало. Мужикъ меня, правду надо сказать, любилъ, да вѣдь покоришься. Цѣлыхъ три воза ржи далъ за меня баринъ. „Какъ же быть-то?“—говорю мужику.—„Видно, иди, говоритъ“. Поѣхалъ за рожью, таскаетъ мѣрку за мѣркой, а у самого слезы капъ-капъ, капъ-капъ...

И, подумавъ, усмѣхалась:

— Ну, а потомъ, когда и баринъ уѣхалъ, и мужъ въ Ро-

стовъ ушелъ, стала я сводить кого съ кѣмъ попало... Распутные вы, кобели, прости Господи!

Днемъ работала она, не покладая рукъ, по ночамъ штопала, шила, воровала щиты на чугункѣ. Разъ, поздно вечеромъ, выѣхалъ Кузьма къ Тихону Ильичу, поднялся на изволокъ и обмеръ отъ страха: надъ потонувшими во мракѣ пашнями, на чуть тлѣющей полосѣ заката росло и плавно неслось на Кузьму что-то черное, громадное...

— Кто это?—слабо крикнулъ онъ, натягивая вожжи.

— Ой!—слабо, въ ужасѣ крикнуло и то, что̀ такъ быстро и плавно росло въ небѣ, и съ трескомъ разсыпалось.

Кузьма очнулся—и сразу узналъ въ темнотѣ Однодворку. Это она бѣжала на него на своихъ легкихъ босыхъ ногахъ, согнувшись, взгромоздивъ на себя два саженныхъ щита—изъ тѣхъ, что̀ ставятъ зимой вдоль чугунки отъ заносовъ. И, справившись, съ тихимъ смѣхомъ зашептала:

— Напугали вы меня до смерти. Бѣжишь такъ-то ночью—дрожишь вся, а что̀ жъ дѣлать-то? Вся деревня топится ими, только тѣмъ и спасаемся...

Зато совершенно неинтересный человѣкъ былъ работникъ Кошель. Говорить съ нимъ было не о чемъ, да онъ и не словоохотливъ былъ. Какъ большинство дурновцевъ, онъ все только повторялъ старыя немудреныя изреченія, подтверждалъ то, что̀ давнымъ-давно извѣстно. Погода портилась—и онъ посматривалъ на небо:

— Портится погодка. Дожжокъ теперь для зеленей — первое дѣло.

Двоили паръ—и онъ замѣчалъ:

— Не передвоишь — безъ хлѣба посидишь. Такъ-то старички-то говаривали.

Онъ служилъ въ свое время, былъ на Кавказѣ, но солдатчина не оставила на немъ никакихъ слѣдовъ. Онъ не умѣлъ сказать слово „почта" говорилъ: спочтва. Ровно ничего не могъ разсказать о Кавказѣ, кромѣ того только, что тамъ гора на горѣ, что изъ земли бьютъ тамъ страшно горячія и страшныя воды: „положишь баранину — въ одну минуту сварится, а не вынешь во-время — опять сырая станетъ"... И нисколько не гордился тѣмъ, что повидалъ свѣтъ: онъ даже съ презрѣніемъ относился къ людямъ бывалымъ: вѣдь „шатаются" люди только по волѣ или по бѣдности. Ни одному слуху не вѣрилъ — „все брешутъ!" — но вѣрилъ, божился, что недавно подъ Басовкой катилось въ сумерки телѣжное колесо—вѣдьма, а одинъ мужикъ, не будь дуракъ, взялъ да и поймалъ колесо, всунулъ во втулокъ подпояску и завязалъ ее.

— Ну, и что же?—спрашивалъ Кузьма.

— Да что? — отвѣчалъ Кошель. — Проснулась эта вѣдьма на-рани, глядь—а у ней подпояска изъ рота и изъ заду торчитъ, на животѣ завязана...

— А чего жъ она не развязала-то ее?

— Видно, узелъ закрещенъ былъ.

— И тебѣ не стыдно такой чепухѣ вѣрить?

— А мнѣ что жъ стыдиться? Люди ложь, и я тожъ.

И любилъ Кузьма только напѣвы его слушать. Сидишь въ темнотѣ у открытаго окна, нигдѣ ни огонька, деревня чуть чернѣетъ за логомъ, тихо такъ, что слышно паденіе яблокъ съ лѣсовки за угломъ дома, а онъ медленно похаживаетъ по двору съ колотушкой и заунывно-мирно напѣваетъ себѣ фальцетомъ: „Смолкни, пташка-канарейка“... До утра онъ караулилъ усадьбу, днемъ спалъ, — дѣла почти не было: съ дурновскими дѣлами Тихонъ Ильичъ поспѣшилъ въ этотъ годъ управиться рано, изъ скотины оставилъ всего лошадь да корову. И въ усадьбѣ было тихо, даже скучновато.

Ясные дни смѣнились холодными, синевато-сѣренькими, беззвучными. Стали щеглы и синицы посвистывать въ голомъ саду, цыкать въ елкахъ клесты, появились свиристели, снѣгири и какія-то неторопливыя крохотныя птички, стайками перелетавшія съ мѣста на мѣсто по гумну, падрины котораго уже проросли ярко-зелеными всходами; иногда такая молчаливая легонькая птичка одиноко сидѣла гдѣ-нибудь на былинкѣ въ полѣ... На огородахъ между ригами, за Дурновкой, докапывали послѣднія картошки. И порой, подъ вечеръ, подолгу стоялъ тамъ кто-нибудь изъ мужиковъ, задумавшись и заглядѣвшись въ поле, держа за плечами плетушку съ колосомъ. Стало рано темнѣть, и въ усадьбѣ говорили: „Какъ поздно машина-то теперь проходитъ!“ — хотя расписаніе поѣздовъ ничуть не измѣнилось... Кузьма, сидя подъ окномъ цѣлый день читалъ газеты; онъ записалъ свою весеннюю поѣздку въ Казаково и разговоры съ Акимомъ, дѣлалъ замѣтки въ старой счетоводной книгѣ—то, что видѣлъ и слышалъ въ деревнѣ... Больше всѣхъ занималъ его Сѣрый.

Въ деревнѣ было пусто. Многіе уѣхали на клевера. Трифонъ умеръ на Успенье — подавился, разговляясь, кускомъ сырой ветчины. Комаръ, одинъ изъ главныхъ бунтовщиковъ, знаменитый своей силой, умомъ и смѣлостью въ обращеніи съ господами, поступилъ въ началѣ сентября на винокуренный заводъ подъ Ельцомъ, заснулъ пьяный въ сушилкѣ и задохся. Не знали, что онъ тамъ, и задвинули двери засовомъ. Комаръ погнулъ его, стараясь вырваться на во

духъ, да ужъ, видно, на роду была написана ему такая смерть. Другой бунтовщикъ, Ванька Красный, опять закатился на донецкія шахты. Шорникъ работалъ по имѣніямъ, Родька на чугункѣ. Дениска пропадалъ гдѣ-то. И всѣ притворно жалѣли Сѣраго, пользуясь случаемъ поиздѣваться и надъ сыномъ и надъ отцомъ. У Якова, когда онъ заговаривалъ о Сѣромъ, тряслись руки. Да и не могли не трястись. Что̀ дѣлалъ этотъ Сѣрый съ землею, которую Яковъ готовъ былъ „горстями жрать"! Никто во всей Дурновкѣ и сотой доли не испыталъ того, что̀ Яковъ, когда пошли слухи о бунтахъ, поджогахъ, отчужденіи земель. Онъ только молчалъ — отъ той подколодной скрытности, затаенности, что̀ всосали съ молокомъ матери тысячи его предковъ. Да и дыханіе перехватило бы у него, если бъ онъ заговорилъ. Теперь, когда слухи становились все безнадежнѣе, онъ изъ-за земли даже съ сыномъ Васькой помирился. Сынъ былъ рябой, грубый, коренастый малый, въ двадцать лѣтъ заросъ бородой, широкой, кудрявой и такой крѣпкой, что клещи не выдернули бы изъ нея ни волоса. Сынъ, съ этой бородой, стриженой головою и въ красной рубахѣ, былъ похожъ на арестанта, а жену наряжалъ мѣщанкой. Но жадностью онъ вышелъ въ отца и уже сталъ тайкомъ поторговывать водочкой, махоркой, мыломъ, керосиномъ. И Яковъ помирился, надѣясь насытиться землею при помощи сына — забогатѣть и начать снимать ее. Но почему мирился Сѣрый съ Дениской, который уже не разъ „давалъ ему въ душу"? На что надѣялся онъ, лодырничая, какъ послѣдній босякъ? Землю онъ сдавалъ, на мѣстахъ не жилъ. Дома сидѣлъ въ голодѣ и холодѣ, но думалъ только о томъ, какъ бы разжиться покурить: безъ трубки онъ дня не могъ перебиться. На всѣхъ сходкахъ бывалъ онъ, но приходилъ всегда къ концу ихъ. Не пропускалъ ни одной свадьбы, ни однѣхъ крестинъ, ни однѣхъ похоронъ, хотя жался у двери и, протягивая руку къ хозяину, обносившему гостей, нерѣдко получалъ одни грубые оговоры. До вина Сѣрый былъ не жаденъ, но могарычи никогда не обходились безъ него: онъ встрявалъ не только во всѣ мірскіе, но и во всѣ сосѣдскіе — послѣ купли, продажи, мѣны. И сосѣди уже такъ привыкли къ этому, что даже и не дивились, когда подходилъ Сѣрый. Да и занятно было слушать его.

— На словахъ — города беретъ, — говорили про Сѣраго. И точно: если на душѣ у него было покойно, — а покойно было тогда, когда былъ полонъ табакомъ кисетъ, — какимъ дѣльнымъ, серьезнымъ мужикомъ могъ казаться Сѣрый!

— Вотъ теперь надо сына женить,—не спѣша разсуждалъ онъ, держа трубку въ зубахъ и крѣпко растирая корешки на ладони.—Женится—всякую копейку въ домъ потащитъ, до работы жаденъ станетъ, какъ жукъ въ дерьмѣ будетъ округъ дома копаться... А работы мы, братъ, не боимся! Только подавай!

Но ни спокойствія ни работы у Сѣраго почти никогда не было. Наружность его оправдывала кличку: сѣръ, худъ, росту средняго, плечи обвислыя, полушубочекъ—короткій, рваный, замызганный, валенки разбиты и подшиты бечевой, о шапкѣ и говорить нечего. Сидя въ избѣ, никогда не снимая этой шапки, не выпуская изо рта трубки, что-то озабоченно обдумывая, видъ онъ имѣлъ такой, точно все ждалъ чего-то. Но ему, по его мнѣнію, чертовски не везло. Не подпадало дѣла настоящаго, да и только! Ну, а въ бирюльки играть былъ онъ не охотникъ. Всякій, конечно, норовилъ охаять...

— Да вѣдь языкъ-то безъ костей,— говорилъ Сѣрый. — Ты сперва дѣло въ руки дай, а потомъ ужъ и брехи.

Земли у него было порядочно—три десятины. Но податей зашло—на десятерыхъ. И отвалились отъ земли руки у Сѣраго: „Поневолѣ сдашь ее, землю-то: ее, матушку, въ порядкѣ надо держать, а ужъ какой тутъ порядокъ!“ Самъ онъ сѣялъ не больше полнивы, но и ту продавалъ на корню, — „милое за немилое сбывалъ“. И опять съ резономъ: дождись-ка ее, попробуй!—„Все, къ примѣру, дождаться-то лучше...“—бормоталъ Яковъ, глядя въ сторону и зло усмѣхаясь. Но усмѣхался и Сѣрый—печально и презрительно.

— Лучше! — хмыкалъ онъ. — Тебѣ хорошо брехать: дѣвку отдалъ, малаго женилъ. А у меня—глянь, уголъ-то сидитъ.. ребятишекъ-то. Не чужіе вѣдь. Я вонъ козу для нихъ держу, поросенка выкармливаю... Тоже, небось, пить-ѣсть просятъ.

— Ну, коза, къ примѣру, въ этомъ дѣлѣ не повинна, — возражалъ, разражаясь, Яковъ. — Это у насъ, къ примѣру, все водочки да трубочки на умѣ... трубочки да водочки...

И, чтобъ не поругаться съ сосѣдомъ безъ толку, спѣшилъ отойти отъ Сѣраго. А Сѣрый спокойно и дѣльно замѣчалъ ему вслѣдъ:

— Пьяница, братъ, проспится, дуракъ никогда.

Раздѣлившись съ братомъ, долго скитался Сѣрый по квартирамъ, нанимался и въ городѣ и по имѣніямъ. Ходилъ и на клевера. И вотъ на клеверахъ-то и повезло ему однажды. Нанялась артель, къ какой пристрялъ Сѣрый, отдѣлать большую партію по восьми гривенъ съ пуда, а клеверъ возьми и дай больше двухъ пудовъ. Вытрясли

его—Сѣрый подрядился машонку бить. Нагналъ въ азадки зерна и купилъ ихъ. И забогатѣлъ: въ ту же осень поставилъ кирпичную избу. Но не разсчиталъ: оказалось, что избу нужно топить. А чѣмъ, спрашивается? Да нечѣмъ было и кормиться. И пришлось сжечь верхъ избы, и простояла она безъ крыши годъ, почернѣла вся. А труба пошла на хомутъ. Правда, лошади еще не было; да вѣдь надо же когда-нибудь начинать обзаведеніе... И Сѣрый махнулъ рукой: рѣшилъ продать избу, поставить подешевле, глинобитную. Разсуждалъ онъ такъ: будетъ въ избѣ—ну, на худой конецъ, десять тысячъ кирпичей, за тысячу даютъ пять, а то и шесть рублей; выходитъ, значитъ, больше полсотни; а на полсотни... Но кирпичей оказалось три съ половиной тысячи, за матицу пришлось взять не пять цѣлковыхъ, а два съ полтиной... И долго на мѣстѣ чудесной избы возвышался, твердѣлъ подъ дождемъ голый бугоръ мусора: свезти его было не на чемъ, руки отъ дѣла отваливались. Яковъ поучалъ: „Надо было, къ примѣру, сразу подешевле поровить“... Да, чортъ, надолго оно, дешевое-то? — думалъ Сѣрый. И, озабоченно приглядывая себѣ новую избу, цѣлый годъ приторговывался онъ только къ тѣмъ, что были совсѣмъ не по деньгамъ ему. И примирился съ теперешней только въ твердой надеждѣ на будущую — крѣпкую, просторную, теплую.

— Въ этой я, прямо говорю, не жилецъ! — отрѣзалъ онъ однажды.

Яковъ внимательно посмотрѣлъ на него, тряхнулъ шапкой:

— Такъ. Знать, ждешь, корабли приплывутъ?

— И приплывутъ,—отвѣтилъ Сѣрый загадочно.

— Ой, брось дурь,—сказалъ Яковъ:—наймись куда ни на есть, да зубами, къ примѣру, держись за мѣсто...

Но мысль о хорошемъ дворѣ, о порядкѣ, о какой-то ладной, настоящей работѣ отравляла всю жизнь Сѣрому. Скучалъ онъ на мѣстахъ.

— Она, видно, работа-то, и дома не медъ, — говорили сосѣди.

— Небось, была бы медъ, кабы домъ былъ путный!

— Такъ. И наймаешься все помѣсячно, да до рабочей поры?

— И наймаюсь. Дома-то призоръ нуженъ, ай нѣтъ?

— А дома сидишь, трубочки раскуриваешь?

— Что жъ мнѣ,—и покурить теперь нельзя?

И Сѣрый, вдругъ оживившись, вынималъ изо рта холодную трубку и начиналъ любимую исторію: какъ онъ, будучи холостымъ, цѣлыхъ два года честно-благородно отжилъ у попа подъ Ельцомъ.

— Да я и сейчасъ поди туда — съ руками оторвутъ! — восклицалъ онъ.—Только слово сказать: пришелъ, молъ, папаша, поработаться на васъ—возьмете, ай нѣтъ? „Да чтой-то ты спрашиваешь-то, свѣтъ? Да ай я тебя не знаю? Да, Господи,—живи хоть до вѣку!“

— Ну, къ примѣру, и шелъ бы...

— Шелъ бы! Ихъ воинъ,—ишь,—уголъ-то сидитъ! Вѣстимо: чужую бѣду—руками разведу... А тутъ человѣкъ безъ толку пропадаетъ...

Безъ толку пропадалъ Сѣрый и нынѣшній годъ. Всю зиму съ озабоченнымъ видомъ просидѣлъ дома, безъ огня, въ холодѣ, въ голодѣ: Великимъ постомъ пристроился какимъ-то манеромъ къ Русановымъ подъ Тулой: въ своихъ-то мѣстахъ его ужъ не брали. Но не прошло и мѣсяца, какъ осточертѣла ему русановская экономія хуже горькой рѣдьки.

— Ой, малый!—сказалъ разъ приказчикъ.—Наскрозь тебя вижу: придираешься ты лыжи наладить. Забираете, сукины дѣти, денежки впередъ, да и норовите въ кусты.

— Это, можетъ, бродяга какой такъ-то норовитъ, а не мы,—отрѣзалъ Сѣрый.

Но приказчикъ намека не понялъ. И пришлось дѣйствовать рѣшительнѣе. Заставили разъ Сѣраго навозить къ вечеру хоботья для скотины. Онъ поѣхалъ на гумно и сталъ навивать возъ соломы. Подошелъ приказчикъ:

— Развѣ я тебѣ не русскимъ языкомъ сказалъ — хоботье накладай?

— Не время его накладать,—твердо отвѣтилъ Сѣрый.

— Это почему?

— Путные хозяева въ обѣдъ хоботье даютъ, а не на ночь.

— Да ты-то что за учитель такой?

— Не люблю морить скотину. Вотъ и учитель весь.

— А везешь солому?

— На все время надо знать.

— Сію же минуту брось накладывать!

Сѣрый поблѣднѣлъ.

— Нѣтъ, дѣла я не брошу. Дѣла мнѣ нельзя бросать.

— Дай сюда вилы, собака, и отойди отъ грѣха.

— Я не собака, а хрещеный человѣкъ. Вотъ отвезу — и отойду. И совсѣмъ уйду.

— Ну, братъ, наврядъ! Уйдешь, да въ скорости и назадъ, въ волость припрешь.

Сѣрый соскочилъ съ воза, бросилъ вилы въ солому:

— Это я-то припру?

— Ты-то!

— Ой, малый, не припри ты! Авось, и за тобой знаемъ. Тоже, братъ, не похвалитъ хозяинъ...

Толстыя щеки приказчика налились сизой кровью, бѣлки выпучились. Онъ тыломъ кисти сдвинулъ картузъ на затылокъ и, задохнувшись, быстро произнесъ:

— А-а! Вотъ какъ! Не похвалитъ? Говори же, когда такое дѣло,—за что?

— Мнѣ нечего говорить,—пробормоталъ Сѣрый, чувствуя, что у него сразу отяжелѣли ноги отъ страха.

— Нѣтъ, братъ, брешешь—скажешь!

— А куда мука дѣвалась?—внезапно крикнулъ Сѣрый.

— Мука?.. Какая такая мука?

— Сляпая. Съ мельницы...

Приказчикъ мертвой хваткой сгребъ Сѣраго за воротъ, за-душу—и на мгновеніе оба замерли.

— Ты что же это,—за пельки хватать?—спросилъ Сѣрый спокойно.—Задушить хочешь?

И вдругъ яростно завизжалъ:

— Ну, бей, бей, пока сердце кипитъ!

И, рванувшись, вырвался и схватилъ вилы.

— Ребята!—заоралъ приказчикъ, хотя кругомъ никого не было.—За старостой! Прислушайте: онъ меня заколоть хотѣлъ, сукинъ сынъ!

— Не суйся, носъ сшибешь,—сказалъ Сѣрый, держа вилы на перевѣсъ.—Авось, не прежнее вамъ времечко!

Но тутъ приказчикъ размахнулся—и Сѣрый торчмя головой полетѣлъ въ солому...

Тоска, снова начавшая забирать надъ Кузьмой силу вмѣстѣ съ перемѣной погоды, все увеличивалась по мѣрѣ того, какъ узналъ онъ Дурновку, Сѣраго. Сперва было только грустно и смѣшно: что за нелѣпый человѣкъ! Потомъ досадно и противно: выродокъ! Все лѣто просидѣлъ на порогѣ избы, покуривая, поджидая милостей отъ Думы. Всю осень прошатался отъ двора къ двору, надѣясь пристроиться къ кому-нибудь, ѣдущему на клевера... Въ жаркій солнечный день загорѣлся новый ометъ на краю деревни. Сѣрый первымъ явился на пожаръ и оралъ до сипоты, опалилъ рѣсницы, промокъ до нитки, распоряжаясь водовозами, тѣми, что кидались съ вилами въ огромное розово-золотое пламя, растаскивали во всѣ стороны огненныя шапки, и тѣми, что просто метались среди жара, треска, льющейся воды, гама, навалившихъ возлѣ избъ иконъ, кадушекъ, прялокъ, попонъ, рыдающихъ бабъ и сыплющихся съ обгорѣлыхъ лозинъ черныхъ листьевъ... Но что онъ сдѣлалъ? Въ октябрѣ, когда,

послѣ проливныхъ дождей и ледяной бури, застылъ прудъ и сосѣдскій боровъ соскользнулъ съ мерзлаго бугра, проломилъ ледъ и сталъ тонуть. Сѣрый первый, со всего разбѣга, шарахнулся въ воду—спасать. Но почему? Чтобъ быть героемъ дня, чтобъ имѣть право прибѣжать съ пруда въ людскую, потребовать водки, табаку, закуски. Сперва онъ былъ весь лиловый, зубъ на зубъ не попадалъ, еле шевелилъ бѣлыми губами, переодѣваясь во все чужое, въ Кошелево. Потомъ ожилъ, захмелѣлъ, сталъ хвастать—и опять разсказалъ о томъ, какъ онъ честно-благородно служилъ у попа и какъ ловко выдалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ дочь замужъ. Онъ сидѣлъ за столомъ, съ жадностью жевалъ, заглатывалъ брусочки сырой ветчины и самодовольно повѣствовалъ:

— Хорошо. Снюхалась она, Матрюшка-то, съ Егоркой съ этимъ... Ну, снюхалась и снюхалась. Нехай. Сижу этакъ вечеркомъ подъ окошечкомъ, вижу — разъ Егорка прошелъ мимо избѣ, два... а моя — все нырь да нырь къ окошечку... Значитъ, обдумали дѣло, думаю себѣ. И говорю бабѣ: ты тутъ кормочку скотинѣ дай, а я пойду,—на сходку повѣщали. Сѣлъ за избой въ солому, сижу, жду. А ужъ снѣжокъ первый напалъ. Вижу — опять снизу крадется Егорка... А она и вотъ она. Зашли за погребъ, потомъ—шмыгъ въ избу въ новую, въ пустую, рядомъ. Подождалъ я сколько-нибудь...

— Исторія!—сказалъ Кузьма и болѣзненно усмѣхнулся.

Но Сѣрый принялъ это за похвалу, за восхищеніе его умомъ и хитростью. И, чувствуя себя героемъ, продолжалъ, то возвышая голосъ, то ѣдко понижая его:

— Стой, слухай, что̀ дальше-то будетъ. Подождалъ, говорю, сколько-нибудь—да за ними... Вскочилъ на порогъ — прямо на ней и прихватилъ! Перепужались они—до страсти. Онъ какъ куль, наземь свалился,—хоть рѣжь его,—а она обмерла,—лежитъ, какъ утка... „Ну, говоритъ, бей меня таперь“. Это онъ-то „Бить, говорю, ты мнѣ не нужо̀нъ“... Поддевочку его взялъ пинжачокъ — тоже, оставилъ въ однихъ подштаникахъ,—по честь въ чемъ мать родила... „Ну, говорю, ступай теперь куды хочешь“... А самъ домой. Смотрю—и онъ сзади идетъ снѣгъ бѣлый—и онъ бѣлый, идетъ, сопитъ... Дѣться-то не куда,—куда кинешься? А моя Матрена Миколавна, какъ я только изъ избы,—въ поле! Закатилась—насилу сосѣдка подъ самымъ Басовымъ за рукавъ поймала, ко мнѣ привела. Далъ я ей отдохнуть и говорю: „Мы люди бѣдные, ай нѣтъ?“ Молчитъ. „Мать-то у тебя убогая, ай умная?“ Опять молчитъ. „Какъ ты насъ оконфузила? А? Ты, что̀ жъ, полонъ уголъ мнѣ ихъ напвыряешь, выбледковъ-то, а я глазами моргай

Ты вокругъ себя при нашей бѣдности наблюдать должна, а не насмѣшничать да косу трепать, — сволочь ты!“ Ну, и началъ ее лудить,—былъ у меня тутъ кнутикъ похоженькій... Ну, просто сказать, всю поясницу изрубилъ, до той степени— въ ногахъ ползаетъ, валенки нѣлуетъ, а онъ сидитъ на лавкѣ, голоситъ. Взялся потомъ за него, за голубчика...

— И женилъ?—спросилъ Кузьма.

— Вона!—воскликнулъ Сѣрый и, чувствуя, что хмель одолѣваетъ его, сталъ сгребать съ тарелки куски ветчины и пихать въ карманы портокъ.—Еще какъ свадьбу-то сыграли! На расходы я, братъ, жмуриться не стану...

„Ну, разсказъ!“—долго думалъ Кузьма послѣ этого вечера... А погода портилась. Писать не хотѣлось, тоска усиливалась. Нищета, неудѣльность Сѣраго и Дениски поразили его: гніетъ деревня! Звѣрская исторія съ Молодой въ саду, смерть Родьки—ошеломили. Жизнь Тихона Ильича—изумляла. А ужъ его ли можно было изумить! Онъ ли не зналъ своего края, своего народа! Съ горечью и злобой изливалъ онъ свое сердце Тихону Ильичу, наставлялъ его, язвилъ... Но если бы зналъ Тихонъ Ильичъ, какъ радостно кидался Кузьма къ окну, увидавъ у крыльца его чуйку, картузъ, сѣдую бороду! Какъ боялся онъ, что братъ не почуетъ, какъ старался задержать его подольше, втянуть въ разговоры, воспоминанія... Скучно стало Кузьмѣ поздней осенью, охъ, какъ скучно! Только и радости, что явится кто-нибудь съ просьбой. Пріѣзжалъ нѣсколько разъ Гололобый изъ Басовки, — совершенно лысый мужикъ въ огромной шапкѣ, — писать прошеніе на свата, переломившаго ему ключицу. Приходила вдова Бутылочка съ Мыса—писать письма къ сыну, вся въ лохмотьяхъ, вся мокрая и ледяная отъ дождя. Начнетъ диктовать,—въ слезы.

— Городъ Серпуховъ, при дворянской банѣ, домъ Желтухинъ...

И заплачетъ.

— Ну? — спрашиваетъ Кузьма, скорбно кося брови, по-стариковски глядя на Бутылочку — поверхъ пенсне. — Ну, написалъ. Дальше что?

— Дальше-то?—спрашиваетъ Бутылочка шопотомъ и, стараясь овладѣть голосомъ, продолжаетъ:

— Дальше-то пиши, касатикъ, посклади́ше... Передать, значитъ, Михалъ Назарычу Хлусову... въ собственныя руки...

И затѣмъ начинаетъ—то съ остановками, то совсѣмъ безъ остановокъ:

— Письмо милому и дорогому сыночку нашему Минѣ, что же ты, Миша, про насъ забылъ, никакого слуху нѣту отъ васъ...

Ты самъ знаешь, мы на хватерѣ, а теперича насъ сгоняютъ долой, куда жъ мы теперича дѣнемся... Дорогой нашъ сыночекъ Миша, просимъ мы васъ за ради Господа Бога, чтобъ вы пріѣзжали домой какъ ни можно скорѣй...

И опять сквозь слезы, шопотомъ:

— Мы тутъ съ вами хоть землянку выкопаемъ, и то будемъ у своемъ углѣ...

Бури и ледяные ливни, дни, похожіе на сумерки, грязь въ усадьбѣ, усѣянная мелкой желтой листвою акацій, необозримыя пашни и озими вокругъ Дурновки и безъ конца идущія надъ ними тучи опять томили лютой ненавистью къ этой проклятой странѣ, гдѣ восемь мѣсяцевъ мятели, а четыре — дожди, гдѣ за нуждой приходится итти на варокъ или въ вишенникъ. Когда завернуло ненастье, пришлось гостиную забить наглухо и перебраться въ залъ, чтобъ уже всю зиму и ночевать въ немъ, и обѣдать, и курить, и проводить долгіе вечера за тусклой кухонной лампочкой, шагая изъ угла въ уголъ въ картузѣ и чуйкѣ, едва спасавшихъ отъ холода и вѣтра, дувшаго въ щели. Иногда оказывалось, что забыли запастись керосиномъ, и Кузьма проводилъ сумерки безъ огня, а вечеромъ зажигалъ какой-нибудь огарокъ только для того, чтобы поужинать картофельной похлебкой и теплой пшенной кашей, что̀ молча, со строгимъ лицомъ подавала Молодая.

„Куда бы поѣхать?“—думалъ онъ порою.

Сосѣдей поблизости было всего только трое: старуха княжна Шахова, которая не принимала даже предводителя, считая его невоспитаннымъ; отставной жандармъ Закржевскій, геморроидально-злой и самоувѣренно-глупый человѣкъ, который и на порогъ не пустилъ бы Кузьму; и наконецъ мелкопомѣстный дворянинъ Басовъ, жившій въ избѣ, женившійся на распутной солдаткѣ-вдовѣ, говорившій только о хомутахъ и скотинѣ. О. Петръ, священникъ изъ Колодезей, куда Дурновка была приходомъ, посѣтилъ разъ Кузьму, но вести знакомство не возымѣлъ охоты ни тотъ ни другой. Кузьма угостилъ священника только чаемъ — и священникъ рѣзко и неловко захохоталъ, увидавъ на столѣ самоваръ. „Самоварчикъ? Отлично! Вы, я вижу, не чета братцу — не тароваты на угощенье!“ Кузьма откровенно заявилъ, что никогда не бываетъ въ церкви по своимъ убѣжденіямъ, — священникъ захохоталъ еще изумленнѣе, еще рѣзче и громче: „А-а! Новыя идейки? Отлично! Да оно и дешевле“. И хохотъ совсѣмъ не шелъ къ нему: точно другой кто-то хохоталъ за этого высокаго, худого человѣка съ большими лопатками и черными крупными волосами, съ бѣгающими жадными глазами, тре-

вожно-разсѣяннаго, все время что-то думающаго, обидчиваго и неумѣло развязнаго. „А на ночь-то, на ночь-то, небось, все-таки крестишься—потрухиваешь?“ — громко и торопливо сказалъ онъ, одѣваясь въ прихожей, измучивъ Кузьму разспросами о хозяйствѣ и внезапно переходя на ты. „Крещусь,— съ грустной улыбкой сознался Кузьма.—Да вѣдь страхъ — не вѣра, и не вашему Богу крещусь я“.

Не часто бывалъ Кузьма и у брата. А тотъ пріѣзжалъ только тогда, когда былъ чѣмъ-нибудь разстроенъ. И одиночество было такъ безнадежно, что порою Кузьма называлъ себя Дрейфусомъ на Чортовомъ островѣ. Сравнивалъ онъ себя и съ Сѣрымъ. Ахъ, вѣдь и онъ, подобно Сѣрому, нищъ, слабоволенъ, выбитъ изъ колеи и всю жизнь ждалъ какихъ-то счастливыхъ дней для работы!

Непріятное воспоминаніе осталось отъ храбрости, отъ разсказа, отъ хвастовства захмелѣвшаго Сѣраго. Но обычно и во хмелю не таковъ бывалъ Сѣрый: только болтливъ, чѣмъ-то смущенъ и несмѣло-веселъ. Да и захмелѣть-то ему удавалось разъ пять въ годъ. Не жаденъ онъ былъ на вино, не то, что на табакъ. Изъ-за табаку онъ готовъ былъ пойти на какія угодно униженія, готовъ былъ по часамъ сидѣть возлѣ курящаго, поддакивать ему, льстить и все затѣмъ, чтобы, выждавъ удобную минуту, какъ бы невзначай сказать: „Дай-ка, сватъ, на трубочку...“. Страстно любилъ онъ еще карты, долгіе разговоры, вечернія сборища по избамъ,— по тѣмъ избамъ, гдѣ большія семьи, гдѣ тепло, гдѣ огонь горитъ, бьютъ вольну захожіе волнобои, шьютъ полушубки бродячіе портные. Но по избамъ еще не сбивался народъ — Сѣрый сидѣлъ дома... И, побывавъ у него нѣсколько разъ, Кузьма почувствовалъ, что не злобствовать надо, не трунить надъ Сѣрымъ. Жилъ Сѣрый тѣмъ, что заработала на лѣтней поденщинѣ жена, смирная, молчаливая, съ придурью баба, да еще тѣмъ, что удавалось выпросить у Деніски, изрѣдка появлявшагося въ Дурновкѣ—съ чемоданомъ, бѣлымъ хлѣбомъ, колбасой, которую онъ любилъ безумно — и безъ стѣсненія бранившаго царя и господъ. По первому снѣгу Сѣрый куда-то ушелъ и пропадалъ съ недѣлю. Явился домой сумрачный.

— Ай опять къ Русанову ходилъ?—спросили сосѣди.

— Ходилъ,—отвѣтилъ Сѣрый.

— Зачѣмъ?

— Уговаривали наняться.

— Такъ. Не согласился?

— Дурѣй ихъ не былъ, да до-вѣку и не буду... Авось не кровью имъ подписался!

И Сѣрый, не снимая шапки, надолго засѣлъ на лавку. И въ сумерки тоскливо становилось на душѣ при взглядѣ на его избу. Въ сумерки за широкимъ снѣжнымъ логомъ скучно чернѣла Дурновка, ея риги и лозинки на задворкахъ. Но темнѣло — и загорались огоньки, казалось, что въ избахъ мирно, уютно. И непріятно чернѣла только изба Сѣраго. Она была глуха, мертва. Кузьма уже зналъ: если войдешь въ ея темныя полураскрытыя сѣни, почувствуешь себя на порогѣ почти звѣринаго жилья — пахнетъ снѣгомъ, въ дыры крыши видно сумрачное небо, вѣтеръ шуршитъ навозомъ и хворостомъ, кое-какъ накиданнымъ на стропила; если найдешь ощупью покосившуюся стѣну и отворишь дверь, встрѣтишь холодъ, тьму, чуть мерцающее во тьмѣ мерзлое окошечко... Никого не видно, но угадываешь: хозяинъ на лавкѣ, — угольком краснѣетъ его трубка; хозяйка тихонько покачиваетъ повизгивающую люльку, гдѣ болтается блѣдный, сонный отъ голода рахитикъ. Дѣтишки забились на чуть теплую печку и что-то оживленно, шопотомъ разсказываютъ другъ другу. Въ гнилой соломѣ подъ нарами шуршатъ, возятся коза и поросенокъ, — большіе друзья. Страшно разогнуться, чтобы не удариться головой въ потолокъ. Повертываешься тоже съ опаской: отъ порога до противоположной стѣны всего пять шаговъ.

— Ктой-то?—раздается изъ темноты негромкій голосъ.

— Я.

— Никакъ Кузьма Ильичъ?

— Онъ самый.

Сѣрый подвигается, опрастываетъ мѣсто на лавкѣ. Кузьма садится, закуриваетъ. Понемногу начинается разговоръ. Угнетенный темнотой, Сѣрый простъ, грустенъ, сознаётся въ своихъ слабостяхъ. Голосъ его порою дрожитъ...

Зима наступила долгая и снѣжная.

Блѣдно-бѣлѣющія подъ синевато-сумрачнымъ небомъ поля стали шире, просторнѣй и еще пустыннѣе. Избы, пуньки, лозины, риги рѣзко выдѣлялись на первыхъ порошахъ. Потомъ завернули вьюги и намели, навалили столько снѣга, что деревня приняла дикій сѣверный видъ, стала чернѣть только дверями да окошечками, еле выглядывающими изъ-подъ нахлобученныхъ бѣлыхъ шапокъ изъ бѣлой толщи завалинокъ. За вьюгами подули по затвердѣвшему сѣрому насту полей вѣтры жесткіе, оборвали послѣдніе коричневые листья съ безпріютныхъ дубовыхъ кустарниковъ въ логахъ, пошелъ тонуть въ непролазныхъ наносахъ, испещренныхъ заячьими слѣдами, однодворецъ Тарасъ Миляевъ, похожій на сибиряка и по-сибирски приверженный

охотѣ, превратились въ мерзлыя глыбы водовозки, наросли ледяные скользкіе бугры вокругъ прорубей, накатались дороги по сугробамъ—и зимнія будни установились. Начались по деревнямъ повальныя болѣзни: оспа, горячка, скарлатина, крупъ. Но болѣзни эти споконъ вѣку не покидаютъ деревень зимою, и къ нимъ ужъ такъ привыкли, что говорили о нихъ не больше, чѣмъ о перемѣнахъ погоды. Вокругъ прорубей, изъ которыхъ пила вся Дурновка, надъ вонючей темно-бутылочной водою, по цѣлымъ днямъ стояли, согнувшись и подоткнувъ юбки выше сизыхъ голыхъ колѣнъ, въ мокрыхъ лаптяхъ, съ большими, закутанными головами, бабы. Онѣ вытаскивали изъ чугуновъ съ золою свои сѣрыя замашныя рубахи, надшитыя до пояса коленкоромъ, мужицкіе тяжевые портки, дѣтскіе загаженные свивальники, полоскали ихъ, били вальками и перекрикивались, сообщая другъ другу, что руки „зашлись съ пару“, что во дворѣ у Макаровыхъ помираетъ въ горячкѣ бабка, что у снохи Якова завалило горло... Дѣвчонки въ одинѣхъ рубашонкахъ выскакивали изъ избъ, прямо съ печекъ, за уголъ, на бугры затвердѣвшаго снѣга. Мальчишки, въ отцовскихъ обноскахъ, шмыгали на ледяжкахъ съ горы, кувыркались, визжали, закатывались лютымъ кашлемъ и приходили къ вечеру домой въ жару, съ тяжелыми, мутными головами. Они такъ промерзали, что едва шевелили губами, прося пить, а напившись, съ плачемъ лѣзли на печку. Но на захворавшихъ даже матери не обращали вниманія... А смеркалось въ три часа, и лохматыя собаки сидѣли на крышахъ, почти сровнявшихся съ сугробами. Ни единая душа не знала, чѣмъ питаются эти собаки. Однако онѣ были живы и даже свирѣпы.

Просыпались въ усадьбѣ рано. На разсвѣтѣ, въ синеватой темнотѣ, когда зажигались по избамъ огоньки, затапливались печи и сквозь застрѣхи медленно шелъ густой молочный дымъ, а во флигелѣ съ замерзшими сѣрыми окнами становилось холодно, какъ въ сѣняхъ, Кузьму будилъ стукъ дверей и шуршанье мерзлой, со снѣгомъ, соломы, которую таскалъ изъ розвальней Кошель. Слышался его негромкій сиплый голосъ, — голосъ человѣка, проснувшагося раньше всѣхъ, натощакъ озябшаго. Гремѣла трубой самовара и строгимъ шопотомъ переговаривалась съ Кошелемъ Молодая. Она спала не въ людской, гдѣ тараканы до крови обтачивали руки и ноги, а въ прихожей, и вся деревня была убѣждена, что это—не спроста. Деревня хорошо знала, что̀ пережила Молодая за осень, — какъ сразилъ ее позоръ, смерть Ромки, то, что мать ея ушла побираться, замкнувъ пустую избу. Молчаливая, пристыженная тяжестью горя, Молодая была

строже и печальнѣе схимницы. Но какое дѣло деревнѣ до чужихъ печалей? Кузьма уже зналъ отъ Однодворки, что говорили на деревнѣ, и, просыпаясь, всегда вспоминалъ объ этомъ со стыдомъ и отвращеніемъ. Онъ стучалъ кулакомъ въ стѣну, давая знать, что ждетъ самовара, и, кряхтя, закуривалъ цыгарку: это успокаивало сердце и облегчало грудь. Онъ лежалъ подъ тулупомъ и, не рѣшаясь разстаться съ теплomъ, курилъ и думалъ: „Безстыжій народъ! Вѣдь у меня дочь почти ровесница ей...“ То, что за стѣной ночевала молодая женщина, волновало его только отеческой нѣжностью. Днемъ она была молчалива и серьезна, скупа на слова, по-дѣвичьи застѣнчива. А когда спала, было въ ней даже что-то дѣтское, грустное и одинокое. Разъ уснула послѣ обѣда на своемъ сундукѣ въ прихожей, закутавъ голову пеньковой шалью, поджавъ ноги, и заголила колѣно. Женственно лежали ея ноги въ лаптяхъ, озябшее колѣно бѣлѣло, какъ у дѣвочки. И Кузьма, проходя мимо, отвернулся и окликнулъ ее, чтобы она проснулась и закрылась. Но развѣ деревня повѣритъ этому? Не повѣрилъ бы даже Тихонъ Ильичъ: что-то ужъ очень странно усмѣхался онъ порою. Онъ и всегда-то былъ недовѣрчивъ, подозрителенъ, грубъ въ своихъ подозрѣніяхъ, а теперь и совсѣмъ потерялъ умъ: что ему ни скажи, — у него на все одинъ отвѣтъ.

— Слышалъ, Тихонъ Ильичъ? Закрежевскій, говорятъ, отъ катарра помираетъ: въ Орелъ повезли.

— Брехня. Знаемъ мы этотъ катарръ!

— Да мнѣ фельдшеръ говорилъ.

— А ты слушай его побольше...

— Хочу газетку выписать,—скажешь ему.—Дай мнѣ, пожалуйста, въ счетъ жалованья рублей десять.

— Гм! Охота же человѣку брехней голову забивать. Да, признаться, со мной и денегъ-то всего пятиалтынный, не то двугривенный...

Войдетъ Молодая съ опущенными рѣсницами:

— Муки, Тихонъ Ильичъ, у насъ осталось чуть...

— Это какъ же такъ—чуть? Ой, брешешь, баба!

И перекоситъ брови. А доказывая, что муки должно было хватить, по крайней мѣрѣ, еще дня на три, все быстро поглядываетъ то на Кузьму, то на Молодую. Разъ даже спросилъ, усмѣхнувшись:

— А какъ спать вамъ,—ничего, тепло?

И Молодая, которой и такъ-то тяжелы были его пріѣзды густо покраснѣла и, нагнувъ голову, вышла, а у Кузьмы отъ стыда и злобы похолодѣли пальцы.

— Стыдно, братъ, Тихонъ Ильичъ, — пробормоталъ онъ, твертываясь къ окну.—И особливо послѣ того, что ты самъ е открылъ мнѣ...

— А чего жъ она покраснѣла?—зло, смущенно и неловко лыбаясь, спросилъ Тихонъ Ильичъ.

По утрамъ непріятнѣе всего было умываться. Въ прихо-ей несло морозомъ отъ соломы, плавалъ, какъ битое стекло, ледъ въ рукомойникѣ. Кузьма порой принимался за чай, вы-ывъ только руки, и со сна казался совсѣмъ старикомъ. Отъ ечистоты и холода онъ сильно похудѣлъ и посѣдѣлъ за осень. охудѣли и руки, кожа на нихъ стала тоньше, глянцевитѣе, окрылась какими-то мелкими лиловыми пятнышками.

„Укатали сивку крутыя горки!“—думалъ онъ.

Утро было сѣрое, съ жесткимъ сѣвернымъ вѣтромъ. Подъ атвердѣвшимъ сѣрымъ снѣгомъ сѣрой стала къ Филипповкамъ деревня. Сѣрыми мерзлыми лубками висѣло на перекла-инахъ подъ крышами пунекъ бѣлье. Намерзало возлѣ избъ— или помои, выкидывали золу. Оборванные мальчишки спѣ-или по улицѣ между избами и пуньками въ школу, взбѣгали а сугробы, скатывались съ нихъ на лаптяхъ: на всѣхъ были олщевые мѣшки съ грифельными досками и съ хлѣбомъ. Навстрѣчу имъ, присѣдая подъ коромысломъ съ двумя уша-ами и неловко ступая безобразными задубенѣвшими вален-ами, обшитыми свиной кожей, шелъ въ одномъ армячишкѣ тарый, больной, темнолицый Чугунокъ, отъ легкости котораго е осталось и слѣда; тянулась съ бугра на бугоръ и, раска-ываясь, расплескивалась заткнутая соломой водовозка, за оторой бѣжалъ бѣлоглазый заика Кобыляй: проходили бабы, занимавшія другъ у друга то соли, то пшена, то совокъ учицы на лепешки или саламату. На гумнахъ было пусто,— олько у Якова дымились ворота риги: онъ, подражая бога-ымъ мужикамъ, молотилъ зимою. А за гумнами, за голымъ озникомъ на задворкахъ, разстилалось подъ низкимъ бѣлесымъ ебомъ сѣрое снѣжное поле, пустыня волнообразнаго наста. дулъ рѣзкій вѣтеръ. Въ деревнѣ было все-таки уютнѣй, но на казалась зачумленной: чуть не въ каждомъ дворѣ была сыпь, сыпной тифъ.

Порой Кузьма ходилъ завтракать къ Кошелю въ люд-кую — горячими, какъ огонь, картошками или вчерашними ислыми щами. Онъ вспоминалъ городъ, гдѣ прожилъ всю изнь, и дивился: совсѣмъ не тянуло его туда. У Тихона ородъ былъ завѣтной мечтой, онъ презиралъ и ненавидѣлъ еревню всей душой. Кузьма только силился ненавидѣть. Онъ перь съ еще бо́льшимъ страхомъ, чѣмъ прежде, огляды-

вался на свое существованіе: онъ совсѣмъ одичалъ въ Дурновкѣ; онъ ничего не дѣлалъ, тосковалъ, томился своимъ бездѣльемъ; онъ часто не умывался, не снималъ чуйки, жадно хлебалъ изъ одной миски съ Кошелемъ. Но хуже всего было то, что, страшась своего существованія, которое старило его не по днямъ, а по часамъ, онъ чувствовалъ, что онъ все-таки пріятно ему, что онъ, кажется, возвратился въ ту именно колею, какая, можетъ-быть, и надлежала ему отъ рожденія: недаромъ, видно, текла въ немъ кровь дурновцевъ. А между тѣмъ вѣдь до боли угнетала его эта безконечная дурновская зима, эти избы, проруби, мальчишки, собаки на крышахъ, холодъ, грязь, болѣзни, скотская лѣнь мужиковъ. Вѣдь онъ чуть не каждый день вспоминалъ Меньшова, Акимку Сѣраго...

Послѣ завтрака онъ гулялъ иногда, по усадьбѣ или по де ревнѣ. Бывалъ на гумнѣ у Якова, въ избѣ у Сѣраго или Кошеля, старуха котораго жила одна, слыла колдуньей, была высока и страшно худа, зубаста, какъ смерть, говорила грубо и рѣшительно, какъ мужикъ курила трубку: истопитъ печку, сядетъ на нары и покуриваетъ себѣ, мотая тонкой длинной ногой въ тяжеломъ черномъ лаптѣ. Раза два за весь постъ Кузьма выѣзжалъ—былъ на почтѣ и у брата. И поѣздки эти были пріятны, но тяжелы: промерзалъ Кузьма до того, что не чувствовалъ, есть у него ноги или нѣтъ. Въ началѣ осени онъ еще имѣлъ твердый взглядъ, опрятный видъ. Но твердость взгляда исчезла и пришла въ ветхость одежда. Отрепались ворота рубашекъ, протерлись локти пиджака; опойковые сапоги стали до красноты рыжи, тонки, кое-гдѣ лопнули. Баранья тулупъ служилъ такъ давно, что весь пошелъ лысинами. Ветеръ въ полѣ былъ свирѣпый. Послѣ сидѣнія въ Дурновкѣ нельзя было надышаться крѣпкой свѣжестью зимняго воздуха. Послѣ долгаго созерцанія деревни поражалъ снѣжно-сѣрый просторъ, по-зимнему синѣющія дали казались неоглядными и красивыми, какъ на картинѣ. Бодро, отфыркиваясь, несла противъ жесткаго вѣтра лошадь, смерзшіяся глудки со стуком летѣли изъ-подъ кованыхъ копытъ въ передокъ саней. Кошель съ черно-лиловой обмороженной щекой, бодро кряхтя, сосредоточивалъ съ облучка на раскатахъ и на бѣгу бокомъ вскакивалъ на него. Но вѣтеръ продувалъ насквозь, ноги, поставленныя въ солому, перебитую со снѣгомъ, пыли и коченѣли, лобъ и скулы ломило... А въ низенькой почтовой конторѣ въ Ульяновкѣ было скучно такъ, какъ можетъ быть скучно только въ захолустныхъ казенныхъ мѣстахъ. Пахло плѣсенью, сургучомъ, оборванный почтальонъ стучалъ штемпелемъ, угре-

ій Сахаровъ, похожій на гориллу, оралъ на мужиковъ, сер-
ясь, что Кузьма не догадывается прислать ему пятокъ куръ
и хоть пудъ муки, отрывисто спрашивалъ: „Имя, хвами-
е ваше?“—и, порывшись въ шкапѣ, твердо выговаривалъ:
Ничего не будетъ“. Возлѣ дома Тихона Ильича волновалъ
пахъ паровознаго дыма, напоминалъ, что есть на свѣтѣ
рода, люди, газеты, новости. Поговорить съ братомъ,
дохнуть у него, согрѣться тоже было пріятно. Но
зговоръ не налаживался. Брата поминутно отрывали въ
вку, по хозяйству, говорилъ онъ тоже только о хозяйствѣ,
брехнѣ, о подлости и злобѣ мужиковъ, — о необходимости
скорѣе, поскорѣе развязаться съ имѣніемъ. Настасья Пе-
овна была жалка. Она, видимо, стала страшно бояться
жа; невпопадъ встрѣвала въ бесѣду, невпопадъ хвалила
о, — его умъ, зоркій хозяйскій глазъ, то, что онъ по хо-
йству во все, во все вникалъ самъ.

— Ужъ такой доступный до всего, такой доступный!—го-
рила она—и Тихонъ Ильичъ грубо обрѣзалъ ее, а Кузьма
знялъ, что̀ сказать, боясь наткнуться на ссору. Роли
вялись: теперь ужъ не онъ, а братъ пугалъ, наставлялъ
о, не онъ, а братъ доказывалъ, что жить въ Россіи невоз-
жно. Черезъ часъ такой бесѣды Кузьму начинало тянуть
мой, въ усадьбу. „Куда же я дѣнусь?“ со страхомъ думалъ
ъ, слушая брата, говорившаго о продажѣ имѣнія. — И не-
кели состоится эта ужасная свадьба Дениски съ Молодой?
почему такъ упорно твердитъ Тихонъ, что свадьба эта
лжна состояться?“ „Онъ рехнулся, ей-ей, рехнулся!“ —
рмоталъ Кузьма на пути домой, вспоминая угрюмое и злое
цо Тихона, его замкнутость, подозрительность и утомитель-
е повтореніе одного и того же. И покрикивалъ на Кошеля,
лошадь, торопясь скрыть въ своемъ домишкѣ и тоску
ою, и старую холодную одежду, и одиночество, и нѣжность
и мысли о миломъ и печальномъ лицѣ Молодой, о ея жен-
венности — и молчаливости. „Эхъ, да и какъ было ей не
ювасть тутъ!“ — тоскливо думалъ онъ, глядя въ сумерки, на
дніе огоньки Дурновки...

На Святкахъ къ Кузьмѣ повадился Иванушка изъ Басовки.
то былъ старозавѣтный мужикъ, ошалѣвшій отъ долголѣтія,
ькогда славившійся медвѣжьей силой. Коренастый, согнутый
ъ дугу, никогда не подымавшій лохматой бурой головы, хо-
ившій носками внутрь, онъ поразилъ Кузьму еще больше,
мъ Меньшовъ, Акимъ, Сѣрый. Въ холеру девяносто пя-
го года вся огромная семья Иванушки вымерла. Уцѣлѣлъ
олько сынъ, солдатъ, служившій теперь будочникомъ на чу-

гунѣ, верстахъ въ пяти отъ Дурновки. Можно было дожить вѣкъ и у сына, но Иванушка предпочелъ бродить, побираться. Онъ легко и косолапо шелъ по двору, съ палкой и шапкой въ лѣвой рукѣ, съ мѣшкомъ въ правой, съ раскрытой головой, на которой бѣлѣлъ снѣгъ — и овчарки почему-то не брехали на него. Молча входилъ въ домъ, бормоталъ: „Дай Богъ дому сему да хозяина въ дому“, — и садился у стѣны на полъ. Кузьма отрывался отъ книги и съ удивленіемъ, съ робостью смотрѣлъ на него поверхъ пенсне, какъ на какого-то степного звѣря, присутствіе котораго было странно въ комнатѣ. Молча, съ опущенными рѣсницами, съ легкой ласковой улыбкой, мягко ступая лаптями, появлялась Молодая, подавала Иванушкѣ миску вареныхъ картошекъ и цѣлую краюху хлѣба, сѣрую отъ соли, и становилась у притолки. Она носила лапти, въ плечахъ была плотна, широка, и красивое поблекшее лицо ея было такъ крестьянски-просто и старинно, что, казалось, иначе и не могла она называть Иванушку, какъ дѣдушкой. И она улыбаясь только одному ему, негромко говорила:

— Закуси, закуси, дѣдушка.

А онъ, не поднимая головы, зная ея ласку только по голосу, тихо нылъ въ отвѣтъ, иногда бормоталъ: „Спаси таб Господь, внучка“, широко и неловко, точно лапой, крестилс и жадно принимался за ѣду. На его бурыхъ волосахъ, нечеловѣчески густыхъ и крупныхъ, таяло. Съ лаптей текло п полу. Отъ ветхаго бураго чекменя, надѣтаго на грязную по сконную рубаху, пахло курной избой. Изуродованныя долго работой руки, корявые негнущіеся пальцы съ трудомъ ловил картошки.

— Небось, холодно въ одномъ чекменѣ-то?—громко спра шивалъ Кузьма.

— Ась? — слабымъ нытьемъ отзывался Иванушка, по ставляя закрытое волосами ухо.

— Холодно тебѣ, небось?

Иванушка думалъ.

— Чѣмъ холодно? — отвѣчалъ онъ съ разстановкой.—Ни чаво ня холодно... Въ старину куда стюдянѣй было.

— Подними голову-то, волосы-то поправь!

Иванушка медленно качалъ головою.

— Таперь, братъ, не подымешь... Гнеть къ землѣ-то...

И съ тусклой улыбкой силился поднять свое страшное, з росшее волосами лицо, свои крохотные глазки.

Наѣвшись, онъ вздыхалъ, крестился, собиралъ и дожев валъ крошки съ колѣнъ: потомъ шарилъ возлѣ себя—искал мѣшокъ, палку и шапку, а найдя и успокоившись, начина

неторопливую бесѣду. Онъ могъ просидѣть молча весь день, но Кузьма и Молодая разспрашивали—и онъ, какъ во снѣ, откуда-то издалека, отвѣчалъ. Онъ разсказывалъ своимъ неуклюжимъ старинным языкомъ, что царь весь изъ золота, что рыбу царь не можетъ ѣсть — „дюже солна“, что пророкъ Илья разъ проломилъ небо и упалъ на землю: „дюже былъ грузенъ“; что Иванъ Креститель родился лохматый, какъ баранъ, и, крестя, билъ крестника костылемъ желѣзнымъ въ голову; чтобы тотъ „очухался“; что всякая лошадь разъ въ году, въ день Флора и Лавра, норовитъ человѣка убить; разсказывалъ, что въ старину ржи были такія, что ужъ не могъ проползти, что косили прежде въ день по двѣ десятины на брата; что у него былъ меринъ, котораго держали „на чѣпи“— такъ силенъ и страшенъ былъ онъ; что однажды, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, у него, у Иванушки, украли такую дугу, за которую онъ двухъ цѣлковыхъ не взялъ бы... Онъ былъ твердо убѣжденъ, что семья его вымерла не отъ холеры, а оттого, что перешла послѣ пожара въ новую избу, ночевала въ ней, не давъ сперва переночевать кочету, и что онъ съ сыномъ спасся только случайно: спалъ въ ригѣ. Подъ вечеръ Иванушка поднимался и уходилъ, не обращая вниманія ни на какую погоду, не склоняясь ни на какія увѣщанія остаться до утра... И простудился на смерть—и подъ Крещенье скончался въ будкѣ сына. Сынъ уговаривалъ его причаститься. Иванушка не согласился: онъ сказалъ, что, причастившись, помрешь, а смерти онъ твердо рѣшилъ „не поддаваться“. Онъ по цѣлымъ днямъ лежалъ безъ памяти; но даже и въ бреду просилъ невѣстку сказать, что его дома нѣтъ, если постучится смерть. Ночью разъ пришелъ въ себя, собралъ силы, слѣзъ съ печи и сталъ на колѣни передъ образомъ, озареннымъ лампадкой. Онъ тяжко вздыхалъ, долго бормоталъ, повторялъ: „Господи-Батюшки, прости мои прегрѣшенія“... Потомъ задумался, долго молчалъ, приникнувъ головою къ полу. И вдругъ поднялся и твердо сказалъ: „Нѣ, не поддамся!“. Поутромъ увидалъ, что невѣстка разваливаетъ пироги, жарко топитъ печь...

— Ай мнѣ на похороны? — спросилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

Невѣстка промолчала. Онъ опять собралъ силы, опять слѣзъ съ печи, вышелъ въ сѣнцы: да, вѣрно, — у стѣны стоймя стоялъ громадный лиловый гробъ съ бѣлыми восьмиконечными крестами! Тогда онъ вспомнилъ, что было лѣтъ тридцать тому назадъ съ сосѣдомъ, старикомъ Лукьяномъ: Лукьянъ захворалъ, ему купили гробъ — тоже хорошій, дорогой гробъ,—привезли изъ города муки, водки, соленаго судака; а Лукьянъ

возьми да и поправься. Куда было дѣвать гробъ? Чѣмъ оправдать траты? Лукьяна лѣтъ пять проклинали потомъ за нихъ, сжили попреками со свѣту, изморили голодомъ, стравили вшами и грязью... Иванушка, вспомнивъ это, понялъ головой и покорно побрелъ въ избу. А ночью, лежа на спинѣ, безъ памяти, сталъ дрожащимъ, жалобнымъ голосомъ пѣть, да все тише, тише — и вдругъ затрясъ колѣнами, заикалъ, высоко поднялъ грудь вздохомъ и, съ пѣной на раскрытыхъ губахъ, застылъ...

Чуть не мѣсяцъ Кузьма пролежалъ изъ-за Иванушки въ постели. Утромъ на Крещенье говорили, что птица мерзнетъ на лету, а у Кузьмы даже валенокъ не было. И все-таки онъ поѣхалъ взглянуть на мертваго. Руки его, сложенныя и закоченѣвшія подъ огромной грудью на чистой посконной рубахѣ, уродованныя мозолистыми наростами въ теченіе цѣлыхъ восьмидесяти лѣтъ первобытно-тяжкой работы, были такъ грубы и страшны, что Кузьма поспѣшилъ отвернуться. А на волосы, на мертвое звѣриное лицо Иванушки онъ даже и покоситься не могъ,—поскорѣе кинулъ бѣлый коленкоръ. И изъ-подъ коленкора вдругъ пахнуло удушливо-противной сладковатой вонью... Чтобы согрѣться, Кузьма выпилъ водки и посидѣлъ передъ жарко пылающей печкой. Въ будкѣ было тепло и праздично-чисто, надъ возглавіемъ широкаго лиловаго гроба, закрытаго коленкоромъ, мерцалъ золотистый огонекъ восковой свѣчки, прилѣпленной къ угловому темному образу, пестрѣла яркими красками лубочная картина — продажа братьями Іосифа. Привѣтливая солдатка легко поднимала на рогачѣ и вдвигала въ печь пудовые чугуны, весело говорила о казенныхъ дровахъ и все упрашивала остаться до возвращенія изъ села мужа. Но Кузьму била лихорадка: лицо горѣло, отъ водки, отравой разлившейся по озябшему тѣлу, стали навертываться на глаза безпричинныя слезы... И, не согрѣвшись, Кузьма поѣхалъ по бѣлымъ крѣпкимъ волнамъ полей къ Тихону Ильичу. Заиндивѣвшій, бѣло-кудрявый меринъ бѣжалъ шибко, рыча и екая селезенкой, кидая изъ ноздрей столбы сѣраго пара: козырьки голосили, звонко визжали желѣзными подрѣзами по жесткому снѣгу; сзади, въ морозныхъ кругахъ, желтѣло низкое солнце; спереди, съ сѣвера, несло жгучимъ, захватывающимъ духъ вѣтромъ; вѣшки клонились въ густомъ кудрявомъ инеѣ, и крупныя сѣрыя овсянки стаей летѣли передъ мериномъ, разсыпались по лоснящейся дорогѣ, клевали мерзлый навозъ, опять взлетали и опять разсыпались. Кузьма глядѣлъ на нихъ сквозь тяжелыя бѣлыя рѣсницы, чувствовалъ, что задеревянѣвшее лицо его съ бѣлыми кудрями усовъ

и бороды стало похоже на святочную маску... Солнце садилось, снѣжныя волны мертвенно зеленѣли въ оранжевомъ блескѣ, отъ ихъ хребтовъ и зазубринъ тянулись голубыя тѣни... Кузьма круто повернулъ лошадь и погналъ ее назадъ, домой. Солнце сѣло, въ домѣ съ запушенными сѣрыми стеклами брезжилъ тусклый свѣтъ, стояли сизыя сумерки, было нелюдимо и холодно. Снѣгирь, висѣвшій въ клѣткѣ возлѣ окна въ садъ, околѣлъ,—вѣрно, отъ махорки,—лежалъ вверхъ лапками, распушивъ перья, раздувъ красный зобикъ.

— Готовъ!—сказалъ Кузьма и понесъ снѣгиря выкидывать.

Дурновка, занесенная мерзлыми снѣгами, такая далекая всему міру въ этотъ печальный вечеръ среди степной зимы, вдругъ ужаснула его. Кончено! Горящая голова мутна и тяжела, онъ сейчасъ ляжетъ и больше не встанетъ... Скрипя по снѣгу лаптями, къ крыльцу подходила съ ведромъ въ рукѣ Молодая.

— Заболѣлъ я, Дунюшка! — ласково сказалъ Кузьма, въ надеждѣ услыхать и отъ нея ласковое слово.

Но Молодая равнодушно, сухо отвѣтила:

— Самоваръ, что ль, поставить?

И даже не спросила, чѣмъ заболѣлъ. Не спросила ничего и объ Иванушкѣ... Кузьма вернулся въ темную комнату и, весь дрожа, со страхомъ соображая, какъ же это и куда онъ будетъ ходить теперь за нуждой, легъ на диванъ... И вечера смѣшались съ ночами, ночи съ днями, счетъ ихъ потерялся.

Въ первую ночь, часа въ три, онъ очнулся и постучалъ въ стѣну кулакомъ, чтобы попросить воды: мучила во снѣ жажда и мысль, выкинули ли снѣгиря. Но на стукъ никто не отозвался: Молодая ушла ночевать въ людскую. И Кузьма вспомнилъ, почувствовалъ, что онъ смертельно боленъ, и его охватила такая тоска, точно онъ очнулся въ склепѣ. Значитъ, въ прихожей, пахнущей снѣгомъ, соломой и хомутами, было пусто! Значитъ, онъ, больной и безпомощный, совсѣмъ одинъ въ этомъ темномъ ледяномъ домишкѣ, гдѣ тускло сѣрѣютъ окна среди мертвой тишины безконечной зимней ночи и виситъ ненужная клѣтка!

— Господи, спаси и помилуй, Господи, помоги хоть сколько-нибудь, — зашепталъ онъ, поднимаясь и шаря дрожащими руками по карманамъ.

Онъ хотѣлъ зажечь спичку. Но шопотъ его былъ горячечный, въ пылающей головѣ шумѣло и звенѣло, руки, ноги ледянѣли... Пріѣхала Клаша, быстро распахнула дверь, положила его голову на подушку, сѣла на стулъ возлѣ дивана... Одѣта она была барышней,—бархатная шубка, шапочка и муфта изъ

бѣлаго мѣха,—руки ея пахли духами, глаза блестѣли, щеки съ мороза раскраснѣлись... „Ахъ, какъ хорошо распуталось все!“ — шепталъ кто-то, но нехорошо было то, что Клаша почему-то не зажгла огня, что. пріѣхала она не къ нему, а на похороны Иванушки... что она внезапно запѣла подъ гитару: „Хазъ-Булатъ удалой, бѣдна сакля твоя“... Потомъ все это сразу исчезло, онъ открылъ глаза—и отъ того таинственнаго, тревожнаго и жуткаго, что наполняло его голову сумбуромъ, не осталось и слѣда. Снова увидѣлъ онъ темную холодную комнату, сѣрѣющія окна; понялъ, что все вокругъ просто, слишкомъ просто,—что онъ боленъ и совсѣмъ, совсѣмъ одинъ...

Въ смертельной тоскѣ, отравлявшей душу въ началѣ болѣзни, Кузьма бредилъ снѣгиремъ, Клашей, Воронежемъ, но даже въ бреду не покидала его мысль — сказать кому-то, что- бы хоть въ одномъ сжалились надъ нимъ—не хоронили въ Колодезяхъ. Но, Боже мой, не безуміе ли надѣяться на жалость въ Дурновкѣ! Разъ онъ пришелъ въ себя утромъ, когда топили печку,—и простые, спокойные голоса Кошеля и Молодой показались ему такъ безпощадны, чужды и странны, какъ всегда кажется безпощадна, чужда и странна больнымъ обыденная жизнь здоровыхъ. Онъ хотѣлъ крикнуть, попросить поставить самоваръ — и онѣмѣлъ и чуть не заплакалъ: послышался сердитый шопотъ Кошеля, говорившаго, конечно, о немъ, о больномъ, и отрывистый отвѣтъ Молодой:

— А, да ну его! Помретъ,—похоронятъ...

Потомъ тоска начала ослабѣвать. Свѣтило въ окна, сквозь голыя вѣтви акацій, предвечернее солнце. Синѣлъ табачный дымъ. Возлѣ постели сидѣлъ старичокъ-фельдшеръ, пахнущій лѣкарствами и морозной свѣжестью, отдиравшій съ усовъ ледяныя сосульки. На столѣ кипѣлъ самоваръ, и Тихонъ Ильичъ, высокій, сѣдой, строгій, заваривалъ, стоя у стола, душистый чай. Фельдшеръ выпивалъ стакановъ восемь, десять, говорилъ о своихъ коровахъ, цѣнахъ на муку и масло, а Тихонъ Ильичъ разсказывалъ, какъ чудесно, богато хоронили Настасью Петровну, какъ онъ радъ, что нашелся наконецъ покупатель на Дурновку. Кузьма понималъ, что Тихонъ Ильичъ только-что изъ города, что Настасья Петровна умерла тамъ внезапно, по дорогѣ на вокзалъ; понималъ, что стоили Тихону Ильичу похороны страшно дорого и что онъ уже взялъ задатокъ за Дурновку—и былъ совершенно равнодушенъ...

Проснувшись однажды очень поздно, не чувствуя ни слабости ни дрожи въ ногахъ, онъ сѣлъ за самоваръ. День

былъ пасмурный, теплый, навалило много снѣга. Отпечатывая въ немъ слѣды лаптей, испещренные крестиками, прошелъ подъ окномъ Сѣрый. Вокругъ него, обнюхивая его рваныя полы, бѣжали овчарки. А онъ тянулъ за поводъ высокую грязно-соловую лошадь, безобразную отъ старости и худобы, съ истертымъ хомутомъ плечами, съ побитой спиной, съ жидкимъ нечистымъ хвостомъ. Она ковыляла на трехъ ногахъ, четвертую, переломленную ниже колѣна, волочила. И Кузьма вспомнилъ, что третьяго-дня былъ Тихонъ Ильичъ и сказалъ, что велѣлъ Сѣрому полакомить овчарокъ, — найти и зарѣзать старую лошадь, что Сѣрый и прежде промышлялъ иногда этимъ дѣломъ — покупкой дохлой или негодной скотины на шкуру. Съ Сѣрымъ, говорилъ Тихонъ Ильичъ, былъ недавно страшный случай: готовясь рѣзать какую-то кобылу, Сѣрый забылъ ее спутать, связалъ и затянулъ на сторону только морду, — и кобыла, какъ только онъ, перекрестившись, ударилъ ее тонкимъ ножичкомъ въ жилу возлѣ ключицы, взвизгнула и, съ визгомъ, съ желтыми, оскаленными отъ боли и ярости зубами, съ бьющей на снѣгъ струей черной крови, кинулась на своего убійцу и долго, какъ человѣкъ, гонялась за нимъ—и настигла бы, да „спасибо снѣгъ былъ глубокъ“... Кузьму такъ поразилъ этотъ случай, что теперь, заглянувъ въ окно, онъ опять почувствовалъ тяжесть въ ногахъ. Потомъ заколотилось сердце... Онъ сталъ глотать горячій чай — и понемногу оправился. Покурилъ, посидѣлъ... Наконецъ всталъ, вышелъ въ прихожую и взглянулъ на голый рѣдкій садъ за оттаявшимъ окномъ: въ саду, на бѣлоснѣжномъ покровѣ поляны, краснѣла бокастая кровавая туша съ длинной шеей и ободранной головою: собаки, сгорбившись и упершись лапами въ мясо, жадно вырывали и растягивали кишки: два старыхъ черно-сизыхъ ворона бокомъ подпрыгивали къ головѣ, взлетали, когда собаки, рыча, кидались на нихъ и опять опускались на дѣвственно-чистый снѣгъ. „Иванушка, Сѣрый, вороны...—подумалъ Кузьма.—Они, можетъ, еще помнятъ времена Ивана Грознаго... Господи, спаси и помилуй, вынеси меня отсюда!“

Недомоганіе не покидало Кузьму еще съ полмѣсяца. Грустно и радостно трогала мысль о весенѣ, хотѣлось поскорѣе уйти изъ Дурновки. Онъ зналъ, что зимѣ еще и конца не предвидится; но оттепели уже начинались. Первая недѣля февраля была темная, туманная. Туманъ скрывалъ поля, съѣдалъ снѣгъ. Деревня чернѣла, между грязными сугробами стояла вода: становой проѣхалъ однажды по деревнѣ гусь-колъ, весь закиданный конскимъ пометомъ. Пѣли пѣтухи, изъ

вентилятора тянуло волнующей весенней сыростью... Жить еще хотѣлось—жить, ждать весны, переѣзда въ городъ, жить, покоряясь судьбѣ, и дѣлать какое угодно дѣло—хотя бы за одинъ кусокъ хлѣба... И, конечно, у брата,—какой онъ ни есть. Братъ вѣдь уже предлагалъ ему, больному, переселиться на Ворголъ.

— Куда жъ мнѣ гнать-то тебя,—сказалъ онъ, подумавъ.— Я и лавку съ дворомъ съ перваго марта передаю,—поѣдемъ-ка, братуша, въ городъ, подальше отъ этихъ живорѣзовъ!

И правда: живорѣзы. Была Однодворка и передавала подробности недавней исторіи съ Сѣрымъ. Дениска вернулся изъ Тулы и околачивался безъ дѣла, болтая по деревнѣ, что хочетъ жениться, что у него есть денежки и что скоро заживетъ онъ за первый сортъ. Деревня сперва называла эти розсказни брехнею, потомъ, по намекамъ Дениски, сообразила, въ чемъ дѣло, и повѣрила. Повѣрилъ и Сѣрый и сталъ заискивать въ сынѣ. Но, ободравъ лошадь, получивъ цѣлковый отъ Тихона Ильича и наживъ полтинникъ на шкурѣ, загордѣлъ и загулялъ: пилъ два дня, потерялъ трубку и легъ отлеживаться на печкѣ. Голова болѣла, покурить было не изъ чего. Вотъ онъ и сталъ обдирать на цыгарки потолокъ, который Дениска оклеивалъ газетами и разными картинами. Обдиралъ онъ, конечно, тайкомъ, но разъ таки-засталъ его Дениска за этимъ дѣломъ. Засталъ и заоралъ. Сѣрый съ похмелья тоже заоралъ—и Дениска стащилъ его съ печки и билъ смертнымъ боемъ до тѣхъ поръ, покуда не сбѣжались сосѣди. Правда, миръ былъ заключенъ на другой же день вечеромъ, за кренделями и водкой, но, думалъ Кузьма, не живорѣзъ ли и Тихонъ Ильичъ, съ упорствомъ сумасшедшаго настаивающій на свадьбѣ Молодой съ однимъ изъ этихъ живорѣзовъ?

Услыхавъ объ этой свадьбѣ впервые, Кузьма твердо рѣшилъ, что не допуститъ ея. Какой ужасъ, какая нелѣпость! Потомъ, приходя въ себя во время болѣзни, онъ даже радовался этой нелѣпости. Удивило и поразило его равнодушіе Молодой къ нему, больному. „Звѣрь, дикарь!“—думалъ онъ и, вспоминая о свадьбѣ, злобно прибавлялъ: „И отлично! Такъ ей и надо!“. Теперь, послѣ болѣзни, исчезли и рѣшимость и злоба. Какъ-то заговорилъ онъ съ Молодой о намѣреніи Тихона Ильича—и она спокойно отвѣтила:

— Да что жъ, я ужъ балакала съ бариномъ объ этомъ дѣлѣ. Дай Богъ ему добраго здоровья, это онъ хорошо придумалъ.

— Хорошо?—изумился Кузьма.

Молодая посмотрѣла на него и покачала головою:

— Да какъ же не хорошо-то? Чудны вы, ей-Богу, Кузьма Ильичъ! Денегъ сулитъ, свадьбу беретъ на себя... Опять же не вдовца какого-нибудь придумалъ, а малаго молодого, безъ порока... не гнилого, не пьяницу...

— А лодыря, драчуна, дурака набитаго,—прибавилъ Кузьма.

Молодая потупила глаза, помолчала. Вздохнула и, повернувшись, пошла къ двери.

— Да какъ знаете,—сказала она съ дрожью въ голосѣ.— Дѣло ваше... Отговаривайте... Богъ съ вами.

Кузьма широко раскрылъ глаза и крикнулъ:

— Стой, да ты съ ума сошла! Развѣ я тебѣ зла желаю?

Молодая обернулась и остановилась.

— А развѣ не зла?—горячо и грубо заговорила она, краснѣя и блестя глазами.—Куда жъ, по-вашему, мнѣ дѣваться? Вѣкъ чужіе пороги обивать? Чужую корку глодать? Бездомной побирушкой шататься? Ай вдовца, старика искать? Мало я слезъ-то поглотала?

И голосъ ея сорвался. Она заплакала и вышла. Вечеромъ Кузьма убѣдилъ ее, что онъ и не думалъ разстраивать дѣла, и она наконецъ повѣрила, ласково и застѣнчиво усмѣхнулась.

— Ну, спасибо вамъ,—сказала она тѣмъ милымъ тономъ, какимъ говорила съ Иванушкой.

Но и тутъ на рѣсницахъ ея задрожали слезы—и опять развелъ руками Кузьма.

— А теперь-то ты о чемъ?—сказалъ онъ.

И Молодая тихо отвѣтила:

— Да авось и Дениска не радость...

Кошель привезъ съ почты газету почти за полтора мѣсяца. Дни стояли темные, туманные, и Кузьма съ утра до вечера читалъ, сидя у окна. И, кончивъ, ошеломивъ себя сказочнымъ числомъ новыхъ казней, оцѣпенѣлъ. Ярость душила прежде при чтеніи газетъ,—ярость безплодная, потому что не хватало человѣческой воспріимчивости на то, что̀ читалось. Теперь только похолодѣли пальцы. Да, да, яриться тутъ нечего. Все идетъ какъ по-писаному... По Сенькѣ и шапка... Онъ поднялъ голову: косо неслась бѣлая крупа, падая на черную нищую деревушку, на ухабистыя, грязныя дороги, на конскій навозъ, ледъ и воду; сумеречный туманъ скрывалъ безпредѣльныя поля, всю эту великую пустыню съ ея снѣгами, лѣсами, селеніями и городами,—царство голода и смерти...

— Авдотья!—крикнулъ Кузьма, поднимаясь съ мѣста.— Скажи Кошелю—лошадь въ козырьки запрячь. Къ брату ѣду...

Тихонъ Ильичъ былъ дома. Онъ сидѣлъ за самоваромъ, въ одной ситцевой косовороткѣ, смуглый, съ бѣлой бородой,

съ насупленными сѣрыми бровями, большой и сильный, и заваривалъ чай.

— А! братуша!—привѣтливо воскликнулъ онъ, не раздвигая бровей.—Вылѣзъ на свѣтъ Божій? Смотри, не рано ли?

— Ужъ очень соскучился, братъ,—отвѣтилъ Кузьма, цѣлуясь съ нимъ.

— Ну, а соскучился, давай грѣться и балакать...

Разспросивъ другъ друга, нѣтъ ли новостей, стали молча пить чай, потомъ закурили.

— Очень ты похудѣлъ, братуша!—сказалъ Тихонъ Ильичъ, затягиваясь и исподлобья глядя на Кузьму.

— Похудѣешь,—отвѣтилъ Кузьма тихо.—Ты не читаешь газетъ?

Тихонъ Ильичъ усмѣхнулся.

— Брехню-то эту? Нѣтъ, Богъ милуетъ.

— Сколько казней, если бъ ты зналъ!

— Казней? Подѣломъ... Ты не слыхалъ, что̀ подъ Ельцомъ-то было? На хуторѣ братьевъ Быковыхъ?.. Помнишь, небось,—картавые-то?.. Сидятъ эти Быковы, не хуже насъ съ тобою, этакъ вечеркомъ, играютъ въ шашки... Вдругъ—что̀ такое? Топотъ на крыльцѣ, крикъ: „Отворяй!“. И не успѣли, братецъ ты мой, эти самые Быковы глазомъ моргнуть—вваливается ихній работникъ, мужичишка на манеръ Сѣраго, а за нимъ—два архаровца какіе-то, золоторотцы, короче сказать... И всѣ съ ломами. Подняли ломы, да какъ заорутъ: „Руки уверхъ, мать вашу такъ!“. Понимаешь: мужичишка и самъ-то бѣлъ, какъ мѣлъ, отъ страху, глаза вылупилъ, а оретъ громче всѣхъ... Быковы, конечно, тоже перепугались не на животъ, а на смерть, вскочили, кричатъ: „Да что̀ такое?“. А мужичишка свое: уверхъ да уверхъ!

И Тихонъ Ильичъ сумрачно улыбнулся и, задумавшись, смолкъ.

— Да договаривай же,—сказалъ Кузьма.

— Да и договаривать-то нечего... Подняли, конечно, руки и спрашиваютъ: „Да что̀ вамъ надо-то?“—„Ветчину подавай! Гдѣ ключи у тебя?“—„Да сукинъ ты сынъ! Тебѣ ли не знать? Да вотъ они, на притолкѣ на гвоздикѣ висятъ...“

— Это съ поднятыми-то руками?—перебилъ Кузьма.

— Конечно, съ поднятыми... Ну, да и всыпятъ имъ теперь за эти руки! Удавятъ, конечно. Они ужъ въ острогѣ, голубчики...

— Эти за ветчину-то удавятъ?

— Нѣтъ, за транду, прости ты, Господи, мое согрѣшеніе,—полусердито, полушутливо отозвался Тихонъ Ильичъ.—Будетъ тебѣ, ей-Богу, ерепениться-то, Балашкина изъ себя корчить! Пора бросать...

Кузьма потеребилъ свою сѣренькую бородку. Измученное, худое лицо его, скорбные глаза, косо поднятая лѣвая бровь отражались въ зеркалѣ, и, поглядѣвъ на себя, онъ тихо согласился:

— Ерепениться-то? Вѣрно, что пора... давно пора...

И Тихонъ Ильичъ перевелъ разговоръ на дѣла. Видимо, онъ и задумался-то давеча, среди разсказа, только потому, что вспомнилъ что-то гораздо болѣе важное, чѣмъ казни,— какое-то дѣло.

— Вотъ я ужъ сказалъ Денискѣ, чтобы онъ какъ ни можно скорѣе кончалъ эту музыку,—твердо, четко и строго заговорилъ онъ, изъ горсти подсыпая въ чайникъ чаю.—И прошу тебя, братуша,—прими ты участіе въ ней, въ музыкѣ-то этой. Мнѣ, понимаешь, неловко. А послѣ того перебирайся сюда. Гарно, братуша, будетъ! Разъ мы ужъ порѣшили раскассировать все въ дребезги, сидѣть тебѣ тамъ безъ толку нечего. Только расходы двойные. И, переѣхавши, запрягайся со мной рядомъ. Свалимъ съ плечъ обузу, доберемся, Богъ дастъ, до города,—за ссыпку, да ужъ за настоящую примемся. Тутъ, въ этой яругѣ, не развернешься. Отрясемъ отъ ногъ прахъ ея,—и хоть въ тартарары провались она. Не погибать же въ ней! У меня, имѣй въ виду, сказалъ онъ, сдвигая брови, протягивая руки и стискивая кулаки:—у меня еще не вывернешься, мнѣ еще рано на печи-то лежать! Чорту рога сломлю!

Кузьма слушалъ, почти со страхомъ глядя въ его остановившіеся, сумасшедшіе глаза, въ его косившій ротъ, хищно отчеканивавшій слова,—слушалъ и молчалъ. Потомъ спросилъ:

— Братъ, скажи ты мнѣ за ради Христа, какая тебѣ корысть въ этой свадьбѣ? Не пойму, Богъ свидѣтель, не пойму. Дениску твоего я прямо видѣть не могу. Этотъ новенькій типикъ почище всѣхъ старыхъ будетъ. Ты не смотри, что онъ стыдливъ и дурачкомъ прикидывается,—это такое циничное животное! Разсказываетъ про меня, что я съ Молодой живу...

— Ну, ужъ ты ни въ чемъ мѣры не знаешь,—нахмуриваясь, перебилъ Тихонъ Ильичъ.—Самъ же долбишь: несчастный народъ, несчастный народъ! А теперь—животное!

— Да, долблю и буду долбить!—горячо подхватилъ Кузьма.— Но у меня умъ за разумъ зашелъ! Ничего теперь не понимаю: не то несчастный, не то... Да ты послушай: вѣдь ты же самъ его, Дениску-то, ненавидишь! Вы оба ненавидите другъ друга! Онъ про тебя иначе и не говоритъ, какъ „живорѣзъ, въ холку народу въѣлся“, а ты *его* живорѣзомъ ругаешь! Онъ нагло хвастается на деревнѣ, что теперь онъ—кумъ королю...

— Да знаю я!—опять перебилъ Тихонъ Ильичъ.

— А про Молодую онъ, знаешь, что̀ говоритъ?—продолжалъ Кузьма, не слушая.—Она красавица, у нея, понимаешь, такой нѣжный, бѣлый цвѣтъ лица, а онъ, глупое животное, знаешь, что̀ говоритъ? „Чисто кафельная, сволочь!“. Да наконецъ пойми ты одно: вѣдь онъ не будетъ жить въ деревнѣ, его, бродягу, теперь арканомъ въ деревнѣ не удержишь. Какой онъ хозяинъ, какой семьянинъ? Вчера, слышу, идетъ по деревнѣ и поетъ блядскимъ голоскомъ: „Прикрасна, какъ анделъ небесный, какъ деманъ коварна и зла...“

— Знаю!—крикнулъ Тихонъ Ильичъ.—Не будетъ жить въ деревнѣ, ни за что не будетъ! Ну, и чортъ съ нимъ! А что онъ не хозяинъ, такъ и мы съ тобой хороши хозяева! Я, помню, объ дѣлѣ тебѣ говорю,—въ трактирѣ-то, помнишь? — а ты перепела слушаешь... Да дальше-то, дальше-то что̀?

— Какъ что̀? И при чемъ тутъ перепелъ? — спросилъ Кузьма.

Тихонъ Ильичъ побарабанилъ пальцами по столу и строго раздѣльно отчеканилъ:

— Имѣй въ виду: воду толочь—вода будетъ. Слово мое есть свято во вѣки вѣковъ. Разъ я сказалъ—сдѣлаю. За грѣхи мой не свѣчку поставлю, а сотворю благое. Хоть и ленту одну подамъ, да за ленту эту попомнитъ мнѣ Господь.

Кузьма вскочилъ съ мѣста.

— Господь, Господь!—воскликнулъ онъ фальцетомъ.—Какой тамъ Господь у насъ! Какой Господь можетъ быть у Дониски, у Акимки, у Меньшова, у Сѣраго, у тебя, у меня?

— Постой,—строго спросилъ Тихонъ Ильичъ.—У какого такого Акимки?

— Я вонъ околѣвалъ лежалъ,—продолжалъ Кузьма, не слушая:—много я о Немъ думалъ-то? Одно думалъ: ничего о Немъ не знаю и думать не умѣю!—крикнулъ Кузьма.—Не наученъ!

И, оглядываясь бѣгающими страдальческими глазами, застегиваясь и разстегиваясь, прошелъ по комнатѣ и остановился передъ самымъ лицомъ Тихона Ильича.

— Запомни, братъ,—сказалъ онъ, и скулы его покраснѣли.—Запомни: наша съ тобой пѣсня спѣта. И никакія свѣчи насъ съ тобой не спасутъ. Слышишь? Мы — дурновцы. Мы — не Богу свѣча ни чорту кочерга.

И, не находя словъ отъ волненія, смолкъ. Но Тихонъ Ильичъ уже опять думалъ что-то свое и внезапно согласился:

— Вѣрно. Ни къ чорту негодный народъ! Ты подумай только...

И оживился, увлеченный новой мыслью:

— Ты подумай только: пашутъ цѣлую тысячу лѣтъ,—да что я! больше!—а пахать путемъ—то-есть ни единая душа не умѣетъ! Единственное свое дѣло не умѣютъ дѣлать! Не знаютъ, когда въ поле надо выѣзжать! Когда надо сѣять, когда косить! „Какъ люди, такъ и мы“—только и всего. Замѣть!—строго крикнулъ онъ, сдвигая брови, какъ когда-то кричалъ на него Кузьма.—„Какъ люди, такъ и мы“! Хлѣба ни единая баба не умѣетъ спечь,—верхняя корка вся къ чорту отваливается, а подъ коркой—кислая вода!

И Кузьма опѣшилъ. Мысли его спутались.

„Онъ рехнулся!“ — подумалъ онъ, безсмысленными глазами слѣдя за братомъ, зажигавшимъ лампу.

А Тихонъ Ильичъ, не давая ему опомниться, съ азартомъ продолжалъ:

— Народъ! Сквернословы, лѣнтяи, лгуны, да такіе безстыжіе, что ни единая душа другъ другу не вѣритъ! Замѣть,—заоралъ онъ, не видя, что зажженный фитиль полыхаетъ и чуть не до потолка бьетъ копотью.—не намъ, не намъ, а другъ другу! И всѣ они такіе, всѣ!—закричалъ онъ плачущимъ голосомъ и съ трескомъ надѣлъ стекло на лампу.

За окнами посинѣло. На лужи и сугробы легъ молодой бѣлый снѣгъ. Кузьма смотрѣлъ на него и молчалъ. Разговоръ принялъ такой неожиданный и нелѣпый оборотъ, что даже горячность Кузьмы пропала. Не зная, что сказать, не рѣшаясь взглянуть въ бѣшеные глаза брата, онъ сталъ свертывать папиросу.

„Рехнулся, — думалъ онъ безнадежно. — Да туда и дорога. Все равно! Все—все равно. Шабашъ“.

Закурилъ, сталъ успокаиваться и Тихонъ Ильичъ. Сѣлъ и, глядя на огонь лампы, тихо забормоталъ:

— А ты—„Деписка“... Слышалъ, что Макаръ Ивановичъ-то, странникъ-то, надѣлалъ? Поймали, съ дружкомъ со своимъ, бабу на дорогѣ, оттащили въ караулку въ Ключикахъ—и четыре дня ходили насиловали ее... поочередно... Ну, теперь въ острогѣ...

— Тихонъ Ильичъ,—ласково сказалъ Кузьма:—что ты городишь? Къ чему? Ты нездоровъ, должно-быть. Перескакиваешь съ одного на другое, сейчасъ одно утверждаешь, а черезъ минуту другое... Пьешь ты, что ли, много?

Тихонъ Ильичъ промолчалъ. Онъ только махнулъ рукою, и въ глазахъ его, устремленныхъ на огонь, задрожали слезы.

— Пьешь?—тихо повторилъ Кузьма.

— Пью,—тихо отвѣтилъ Тихонъ Ильичъ.—Да запьешь! Ты

думаешь, легко мнѣ досталась эта клѣтка-то золотая? Думаешь, легко было кобелемъ цѣпнымъ всю жизнь прожить, да еще со старухою? Ни къ кому у меня, братуша, жалости не было... Ну, да и меня немного жалѣли!.. Ты думаешь, я не знаю, какъ меня ненавидятъ-то? Ты думаешь, не убили бы меня на смерть лютую, кабы попала имъ, мужичкамъ-то этимъ, шлея подъ хвостъ, какъ слѣдуетъ,—кабы повезло имъ въ этой революціи-то? Погоди, погоди,—будетъ дѣло, будетъ! Зарѣзали мы ихъ!

— А за ветчину—давить?—спросилъ Кузьма.

— Ну, ужъ и давить,—отозвался Тихонъ Ильичъ страдальчески.—Это вѣдь я такъ, къ слову пришлось...

— Да вѣдь удавятъ!

— А это—не наше дѣло. Имъ отвѣчать Всевышнему.

И, сдвинувъ брови, задумался, закрылъ глаза.

— Ахъ!—сокрушенно сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.—Ахъ, братъ ты мой милый! Скоро, скоро и намъ на судъ передъ престоломъ Его! Читаю я вотъ по вечерамъ требникъ—и плачу, рыдаю надъ этой самой книгой. Диву даюсь: какъ это можно было слова такія сладкія придумать! Да вотъ, постой...

И онъ быстро поднялся, досталъ изъ-за зеркала толстую книжку въ церковномъ переплетѣ, дрожащими руками надѣлъ очки и со слезами въ голосѣ, торопливо, какъ бы боясь, что его прервутъ, сталъ читать:

— Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижду въ гробѣхъ лежащую по образу Божію созданную нашу красоту, безобразну, безгласну, не имущую вида...

— Воистину суета человѣческая, житіе же—сѣнь и соніе. Ибо всуе мятется всякъ земнородный, яко же рѣче писаніе: егда міръ пріобрящемъ, тогда во гробъ вселимся, идѣ же вкупѣ царіе и нищіи...

— Царіе и нищіи!—восторженно-грустно повторилъ Тихонъ Ильичъ и закачалъ головою.—Пропала жизнь, братуша! Была у меня, понимаешь, стрянуха нѣмая, подарилъ я ей, дурѣ, платокъ заграничный, *а она взяла да и истаскала его на изнанку*... Понимаешь? Отъ дури да отъ жадности. Жалко на лицо по будиямъ носить, — праздника, молъ, дождусь, — а пришелъ праздникъ—лохмотья одни остались... Такъ вотъ и я... *съ жизнью-то своей*. Истинно такъ!

А Кузьма, не слушая, смотрѣлъ на него со страхомъ, съ изумленіемъ и порывался крикнуть:

— Тихонъ Ильичъ, ты съ ума сходишь! Опомнись!

Но кричать, — это онъ живо чувствовалъ теперь, — было безполезно...

Возвращаясь въ Дурновку, чувствовалъ онъ одно—какую-то тупую тоску. Въ тупой тоскѣ прошли и всѣ послѣдніе дни его въ Дурновкѣ.

Шелъ снѣгъ эти дни, а снѣгу только и ждали въ дворѣ Сѣраго, чтобы дорога поправилась къ свадьбѣ.

Двѣнадцатаго февраля, передъ вечеромъ, въ сумракѣ холодной прихожей произошелъ негромкій разговоръ. У печки стояла Молодая, надвинувъ на лобъ желтый съ чернымъ горошкомъ платокъ, глядя на свои лапти. У дверей—коротконогій Дениска, безъ шапки, въ тяжелой, съ обвислыми плечами поддевкѣ. Онъ тоже смотрѣлъ внизъ, на полусапожки съ подковками, которые вертѣлъ въ рукахъ. Полусапожки принадлежали Молодой. Дениска починилъ ихъ и пришелъ получить пятакъ за работу.

— Да у меня нѣту, — говорила Молодая.—А Кузьма Ильичъ никакъ заснулъ. Ты подожди до завтра-то.

— Мнѣ, былъ, ждать-то нельзя, — пѣвуче и задумчиво отвѣтилъ Дениска, ковыряя ногтемъ подковку.

— Ну, какъ же теперь быть?

Дениска подумалъ, вздохнулъ и, тряхнувъ своими густыми волосами, вдругъ поднялъ голову.

— Ну, что жъ языкъ-то даромъ трепать, — громко и рѣшительно сказалъ онъ, не глядя на Молодую и пересиливая застѣнчивость.—Говорилъ съ тобой Тихонъ Ильичъ?

— Говорилъ,—отвѣтила Молодая.—Надоѣлъ даже.

— Такъ я приду сейчасъ съ отцомъ. Все равно ему, Кузьмѣ-то Ильичу, вставать сейчасъ, чай пить...

Молодая подумала.

— Дѣло твое...

Дениска поставилъ полусапожки на подоконникъ и, не напоминая больше о деньгахъ, ушелъ. А черезъ полчаса на крыльцѣ послышался стукъ обиваемыхъ отъ снѣга лаптей: Дениска вернулся съ Сѣрымъ — и Сѣрый былъ зачѣмъ-то подпоясанъ по чекменю, по кострецамъ красной подпояской. Кузьма вышелъ къ нимъ. Дениска и Сѣрый долго крестились въ темный уголъ, потомъ тряхнули волосами и подняли лица.

Сватъ, не сватъ, а добрый человѣкъ! — не спѣша началъ Сѣрый необычно-развязнымъ и ладнымъ тономъ.—Тебѣ нареченную дочь отдавать, мнѣ сына женить. По доброму согласію, на ихнее счастье давай рѣчь промежъ себя держать.

— Да вѣдь у ней мать есть,—сказалъ Кузьма.

— Мать ея не хозяйка, вдова бездомная, изба ея забита, сама она невѣсть гдѣ, — отвѣтилъ Сѣрый, не сбиваясь съ тона. — Обдумай сироту!

И степенно, низко поклонился.

Сдерживая болѣзненную улыбку, Кузьма велѣлъ кликнуть Молодую.

— Бѣги, ищи, — шопотомъ, какъ въ церкви, приказалъ Сѣрый Денискѣ.

— Да я тутъ, — сказала Молодая, выходя изъ-за двери, отъ печки, и поклонилась Сѣрому.

Наступило молчаніе. Самоваръ, стоявшій на полу и краснѣвшій въ темнотѣ рѣшеткой, кипѣлъ и клокоталъ. Лицъ не было видно, но чувствовалось, что всѣ смущены.

— Ну, какъ же, дочка, — рѣшай, — сказалъ Кузьма.

Молодая подумала.

— Я малаго не корю...

— А ты, Денисъ?

Дениска тоже помолчалъ.

— Что жъ, жениться все равно когда-нибудь надо... Може, Богъ дастъ,—ничего...

И сваты поздравили другъ друга съ начатіемъ дѣла. Самоваръ унесли въ людскую. Однодворка, раньше всѣхъ узнавшая новость и прибѣжавшая съ Мыса, зажгла въ людской лампочку, послала Кошеля за водкой и подсолнухами, посадила невѣсту съ женихомъ подъ святыхъ, налила имъ чаю, сама сѣла рядомъ съ Сѣрымъ и, чтобы нарушить неловкость, высоко и рѣзко запѣла, поглядывая на Дениску, на его земли-стое лицо и большія рѣсницы:

Какъ у насъ да по садику,
Зеленомъ виноградику,
Ходилъ, гулялъ молодецъ,
Пригожъ, бѣлъ-бѣлешенекъ...

А Кузьма бродилъ изъ угла въ уголъ по темному залу и, качая головой, морщась, бормоталъ:

— Ай, батюшки! Ай, какой стыдъ, какая чепуха, какое убожество...

На другой день всякій, кто слышалъ отъ Сѣраго объ этомъ пирѣ, ухмылялся и совѣтовалъ: „Ты бы хоть немножко-то помогъ молодымъ!“. То же сказалъ и Кошель: „Дѣло ихъ молодое, молодымъ помогать надо“. Сѣрый молча ушелъ домой и принесъ Молодой, которая гладила въ прихожей, два чугунчика и мотокъ черныхъ нитокъ.

— Вотъ, невѣстушка, — сказалъ онъ смущенно: — на, свекровь прислала. Можетъ, на что годится... Нѣту вѣдь ни-чего,—кабы было что, изъ рубахи выскочилъ бы...

Молодая поклонилась и поблагодарила. Она гладила гардину, присланную Тихономъ Ильичемъ „замѣсто фаты“, и глаза ея были влажны и красны. Сѣрый хотѣлъ утѣшить, сказать, что и ему „не медъ“, но помялся, вздохнулъ и, поставивъ чугунки на подоконникъ, вышелъ.

— Нитки-то я въ чугунчикъ положилъ,—пробормоталъ онъ.

— Спасибо, батюшка, — еще разъ поблагодарила Молодая тѣмъ ласковымъ и особеннымъ тономъ, какимъ говорила только съ Иванушкой, и, какъ только вышелъ Сѣрый, неожиданно улыбнулась слабой насмѣшливой улыбкой и запѣла: „Какъ у насъ да по садику“...

Кузьма высунулся изъ зала и строго посмотрѣлъ на нее поверхъ пенснэ. Она смолкла.

— Слушай, — сказалъ Кузьма. — Можетъ, кинуть всю эту исторію?

— Теперь поздно, — негромко отвѣтила Молодая.—Ужъ и такъ страму не оберешься... Ай не знаютъ всѣ, на чьи деньги пировать-то будемъ? Да и расходъ ужъ начали...

Кузьма пожалъ плечами. Правда, вмѣстѣ съ гардиной, Тихонъ Ильичъ прислалъ двадцать пять рублей, мѣшокъ крупичатой муки, пшена и худую свинью... Но не пропадать же изъ-за того, что свинью эту зарѣзали!

— Охъ,—сказалъ Кузьма. — Измучили вы меня! „Срамъ, расходъ“... Да ай ты дешевле свиньи?

— Дешевле, не дешевле,—мертвыхъ съ погоста не носятъ,— просто и твердо отвѣтила Молодая и, вздохнувъ, аккуратно сложила выглаженную, теплую гардину.—Обѣдать-то сейчасъ будете?

Лицо ея стало спокойно. „Ну, шабашъ, — тутъ пива не сваришь!“ — подумалъ Кузьма и сказалъ:

— Ну, какъ знаешь, такъ и красишь...

Пообѣдавъ, онъ курилъ и смотрѣлъ въ окно. Темнѣло. Въ людской, онъ зналъ, уже спекли ржаную витушку — „рябенький пирогъ“. Готовились варить два чугуна студня, чугунъ лапши, чугунъ щей, чугунъ каши—все съ убоины. И Сѣрый хлопоталъ на снѣжномъ бугрѣ между амбарами и сараемъ. На бугрѣ, въ синеватыхъ сумеркахъ, оранжевымъ пламенемъ пылала солома, которой завалили убитую свинью. Вокругъ пламени, поджидая добычи, сидѣли овчарки, и бѣлыя морды ихъ, груди были шелковисто-розовы. Сѣрый, утопая въ снѣгу, бѣгалъ, поправлялъ костеръ, захахивался на овчарокъ. Полы шубы онъ высоко подоткнулъ, заткнулъ за поясъ, шапку все сдвигалъ на затылокъ кистью правой руки, въ которой блестѣлъ ножъ. Бѣгло и ярко озаряемый то съ той, то съ другой

стороны. Сѣрый кидалъ на снѣгъ большую пляшущую тѣнь,— тѣнь язычника. Потомъ мимо амбара, по тропинкѣ на деревню, пробѣжала и скрылась подъ снѣжнымъ бугромъ Однодворка— созывать игрицъ и просить у Домашки елку, сберегаемую въ погребѣ, переходившую съ дѣвишника на дѣвишникъ. А когда Кузьма, причесавшись и перемѣнивъ пиджакъ съ продранными локтями на завѣтный длинополый сюртукъ, одѣлся и вышелъ на побѣлѣвшее отъ падающаго снѣга крыльцо, къ мягкой сѣрой темнотѣ, у освѣщенныхъ оконъ людской, уже чернѣла большая толпа дѣвокъ, ребятъ, мальчишекъ, стоялъ гамъ, говоръ, играли сразу на трехъ гармоникахъ и все разное. Кузьма, горбясь, перебирая пальцы и хрустя ими, дошелъ до толпы, протолкался и, нагнувшись, вошелъ въ темь, въ сѣни. Было людно, тѣсно и въ сѣняхъ. Мальчишки шныряли между ногъ, ихъ хватали за шеи и выталкивали вонъ,— они снова лѣзли...

— Да пустите, ради Бога! — сказалъ Кузьма, сдавленный у двери.

Его сдавили еще больше — и кто-то рванулъ дверь. Въ клубахъ пара онъ перешагнулъ порогъ и остановился у притолки. Тутъ тѣснился народъ почище — дѣвки въ цвѣтныхъ шаляхъ, ребята во всемъ новомъ. Пахло краснымъ товаромъ, полушубками, керосиномъ, махоркой, хвоей. Маленькое зеленое деревцо, убранное кумачными лоскутами, стояло на столѣ, простирая вѣтки надъ тусклой жестяной лампочкой. Вокругъ стола, подъ мокрыми, оттаявшими окошечками, у черныхъ сырыхъ стѣнъ, сидѣли наряженныя игрицы, грубо нарумяненныя и набѣленныя, съ блестящими глазами, всѣ въ шелковыхъ и шерстяныхъ платочкахъ, съ радужными вьющимися перьями изъ хвоста селезня, заткнутыми на вискахъ въ волосы. Какъ-разъ когда Кузьма вошелъ, Домашка, хромая дѣвка съ темнымъ, злымъ и умнымъ лицомъ, съ черными острыми глазами и черными сросшимися бровями, затянула грубымъ и сильнымъ голосомъ старинную величальную пѣсню:

Какъ у насъ при вечеру-вечеру,
При послѣднемъ концу вечера,
При Авдотьиномъ дѣвишнику...

Дѣвки дружнымъ и нестройнымъ хоромъ подхватили ея послѣднія слова—и всѣ обернулись къ невѣстѣ: она сидѣла, по обычаю, возлѣ печки, неубранная, вся накрытая большой темной шалью, и должна была отвѣтить пѣснѣ громкимъ плачемъ и причитаніями: „Родный мой батюшка, родимая

матушка, какъ мнѣ вѣкъ вѣковать, замужемъ горе горевать?“ Но невѣста молчала. И дѣвки, кончивъ пѣсню, недовольно покосились на нее. Потомъ пошептались и, нахмурившись, медленно и протяжно запѣли „сиротскую“:

Растопися, банюшка,
Ты ударь, звонкій колоколъ!

И у Кузьмы задрожали крѣпко сжатыя челюсти, пошелъ морозъ по головѣ и по голенямъ, сладостно заломило скулы и глаза налились, помутились слезами. Невѣста завернулась въ шаль и вдругъ затряслась отъ такихъ рыданій, что всѣ тревожно переглянулись.

— Будя, дѣвки! — крикнулъ кто-то.

— Будя, родная, будя!—заговорила Однодворка, слѣзая съ лавки.—Непристойно.

Но дѣвки не слушали:

Ты ударь, звонкій колоколъ,
Разбуди мово батюшку...

И невѣста со стономъ стала падать лицомъ на свои колѣни, на руки, захлебываясь отъ слезъ... Дрожащую, шатающуюся и вскрикивающую, какъ отъ лютой боли, ее увели наконецъ въ холодную половину избы — наряжать.

А потомъ Кузьма благословлялъ ее. Женихъ пришелъ съ Васькой, сыномъ Якова. Женихъ надѣлъ его сапоги: волосы жениха были подстрижены, шея, окаймленная воротомъ голубой рубахи съ кружевомъ, докрасна выбрита. Онъ умылся съ мыломъ и очень помолодѣлъ, былъ даже недуренъ и, зная это, степенно и скромно опускалъ темныя рѣсницы. Васька, дружко, въ красной рубахѣ, въ романовскомъ полушубкѣ нараспашку, стриженый, рябой, крѣпкій, какъ всегда, походилъ на арестанта. Онъ вошелъ, насупился и покосился на игрицъ.

— Будя драть-то! — сказалъ онъ грубо и строго. — Вылязайте, вылязайте.

Игрицы хоромъ отвѣтили:

— Безъ троицы домъ не строится, безъ четырехъ угловъ — изба не кроется. Положь по рублю на каждомъ углу, пятый — по серединѣ, да бутылку водки.

Васька вытащилъ изъ кармана полштофъ и поставилъ его на столъ. Дѣвки взяли — и поднялись. Стало еще тѣснѣе. Опять распахнулась дверь, опять понесло паромъ и холодомъ — вошла, расталкивая народъ, Однодворка съ фольговой иконкой, а за ней невѣста, въ голубомъ платьѣ съ баской, и всѣ ах-

нули: такъ была она блѣдна, покорна, спокойна и красива. Васька наотмашь далъ затрещину въ лобъ широкоплечему головастому мальчишкѣ на кривыхъ, какъ у такса, ногахъ— и кинулъ на солому посреди избы чей-то старый полушубокъ. На него стали женихъ и невѣста. Кузьма, не поднимая головы, взялъ икону изъ рукъ Однодворки—и стало такъ тихо, что слышно было свистящее дыханіе любопытнаго головастаго мальчишки. Женихъ и невѣста разомъ упали на колѣни и поклонились въ ноги Кузьмѣ. Поднялись и опять упали. Кузьма взглянулъ на невѣсту, и въ глазахъ ихъ, встрѣтившихся на мгновеніе, мелькнулъ ужасъ. Кузьма поблѣднѣлъ и съ ужасомъ подумалъ: „Сейчасъ брошу образъ на полъ“... Но руки его невольно сдѣлали иконой крестъ въ воздухѣ—и Молодая, чуть приложившись къ ней, поймала губами и руку его и робко потянулась къ губамъ. Онъ сунулъ икону кому-то въ сторону, схватилъ голову Молодой съ отцовской болью и нѣжностью и, цѣлуя новый пахучій платокъ, сладко заплакалъ. Потомъ, ничего не видя отъ слезъ, повернулся и, расталкивая народъ, шагнулъ въ сѣни. Тамъ уже было пусто. Снѣжный вѣтеръ ударилъ въ лицо. Занесенный порогъ бѣлѣлъ въ темнотѣ, крыша гудѣла. А за порогомъ несла непроглядная вьюга, и свѣтъ, падавшій изъ окошечекъ, изъ толщи снѣжной завалинки, стоялъ дымными столбами...

Вьюга не стихла и утромъ. Въ сѣрой несущейся мути не было видно ни Дурновки ни мельницы на Мысу. Порой свѣтлѣло, порой становилось похоже на сумерки. Садъ побѣлѣлъ, гулъ его сливался съ гуломъ вѣтра, въ которомъ все чудился дальній колокольный звонъ. Острые хребты сугробовъ дымились. Съ крыльца, на которомъ, жмурясь, обоняя сквозь свѣжесть вьюги теплый вкусный запахъ изъ трубы людской, сидѣли облѣпленныя снѣгомъ овчарки, съ трудомъ различалъ Кузьма темныя, туманныя фигуры мужиковъ, лошадей, сани, позвякиванье колокольцовъ. Подъ жениха запрягли пару, подъ невѣсту одиночку. Сани покрыли казанскими войлоками съ черными разводами на концахъ. Поѣзжане подпоясались разноцвѣтными подпоясками. Бабы надѣли ватныя шубки, накрылись шалями, шли къ санямъ опасливо, мелкими шажками, церемонно приговаривая: „Батюшки, свѣту Божьяго не видно!..“. Рѣдко на комъ были свои наряды: все было собрано по сосѣдямъ, сосѣдкамъ, и потому требовалась особенная осторожность — не упасть, поднять подолы повыше. На невѣстѣ и шубку и голубое платье завернули на голову — она сѣла въ сани прямо на бѣлую юбку. Голова ея, убранная вѣнкомъ бумажныхъ цвѣтовъ, была закутана шалями, подшальниками.

Она такъ ослабѣла отъ слезъ, что какъ во снѣ видѣла темныя фигуры среди вьюги, слышала шумъ ея, говоръ, праздничный звонъ колокольцовъ. Лошади прижимали уши, воротили морды отъ снѣжнаго вѣтра, вѣтеръ разносилъ говоръ, крикъ, приказанія, слѣпилъ глаза, бѣлилъ усы, бороды, шапки, и поѣзжане съ трудомъ узнавали другъ друга въ туманѣ и сумракѣ.

— Ухъ, мать твою не замать!—бормоталъ Васька, нагибая голову, беря вожжи и садясь рядомъ съ женихомъ.

И грубо, равнодушно крикнулъ на вѣтеръ:

— Господа бояре, бословите жениха по невѣсту ѣхать!

Кто-то отозвался:

— Богъ бословитъ...

И бубенцы заныли, полозья заскрипѣли, сугробы, разрываемые ими, задымились, завихрились, вихри, гривы и хвосты понесло въ сторону...

А на селѣ, въ церковной сторожкѣ, гдѣ отогрѣвались въ ожиданіи священника, всѣ угорѣли. Угарно было и въ церкви, угарно, холодно и сумрачно—отъ вьюги, низкихъ сводовъ и рѣшетокъ въ окошечкахъ. Свѣчи горѣли только въ рукахъ жениха и невѣсты да въ рукѣ чернаго, съ большими лопатками священника, наклонявшагося къ книгѣ, закапанной воскомъ, и быстро читавшаго сквозь очки. По полу стояли лужи,—на сапогахъ и лаптяхъ натаскали много снѣгу,—въ спины дулъ вѣтеръ изъ отворяемыхъ дверей. Священникъ строго поглядывалъ то на двери, то на жениха съ невѣстой, на ихъ напряженныя, ко всему готовыя фигуры, на лица, застывшія въ покорности и смиреніи, золотисто освѣщенныя снизу свѣчами. По привычкѣ, онъ произносилъ нѣкоторыя слова какъ бы съ чувствомъ, выдѣляя ихъ съ трогательной мольбой, но совершенно не думая ни о словахъ, ни о тѣхъ, къ кому они относились.

„Боже пречистый и всея твари содѣтелю...—говорилъ онъ торопливо, то понижая, то повышая голосъ.—Иже раба твоего Авраама благословивый и разверзый ложесна Сарриины... иже Исаака Ревекѣ даровавый... Іакова Рахили сочетавый... подажди рабомъ Твоимъ симъ...“

— Имя?—строгимъ шопотомъ перебивалъ онъ самого себя, обращаясь къ псаломщику. И, поймавъ отвѣтъ: „Денисъ, Авдотья...“—продолжалъ съ чувствомъ:

„Подажди рабомъ Твоимъ симъ Денису и Евдокіи животъ мирен, долготерпѣніе, премудріе... сподоби я видѣть чада чадовъ... и даждь има отъ росы небесныя свыше... исполни домы ихъ пшеницы, вина и елея... возвыси я яко кедры ливанскіе...“

Но окружающіе, если бы даже слушали и понимали это, все же помнили бы о вьюгѣ, о чужихъ лошадяхъ, о возвра-

щеніи въ сумеркахъ въ Дурновку, о домѣ Сѣраго, а не Авраама и Исаака — и усмѣхнулись бы сравненію Денискѣ съ кедромъ ливанскимъ. Да и ему самому, коротконогому, въ чужихъ сапогахъ, въ старой поддевкѣ, было неловко сознавать, что онъ ниже ростомъ невѣсты, неловко и страшно держать на неподвижной головѣ царскій вѣнецъ—мѣдный огромный вѣнецъ съ крестомъ наверху, надѣтый глубоко, на уши. И рука Молодой, казавшейся въ вѣнцѣ еще красивѣй и мертвѣе, дрожала, и воскъ тающей свѣчи капалъ на оборки ея голубого платья...

Возвращаться было легче. Вьюга въ сумеркахъ была страшнѣе, но бодрило сознаніе, что обуза съ плечъ свалилась: дурно ли, хорошо ли, а дѣло кончили. И гнали лошадей шибко, наугадъ, довѣряясь только мутнымъ призракамъ вѣшекъ, и горластая жена Ваньки Краснаго стояла въ переднихъ саняхъ, приплясывала, махала платочкомъ и орала на вѣтеръ, въ буйную темную муть, въ снѣгъ, летѣвшій ей въ губы и заглушавшій ея волчій голосъ:

У голубя, у сизова,
Золотая голова...

Москва. IX—1909. VII—1910.

Вези, грады выхожу.
Русь обдумаю, выгляжу.

СУХОДОЛЪ.

I.

Въ Натальѣ всегда поражала насъ ея привязанность къ Суходолу.

Молочная сестра нашего отца, выросшая съ нимъ въ одномъ домѣ, цѣлыхъ восемь лѣтъ прожила она у насъ въ Луневѣ, прожила какъ родная, а не какъ бывшая раба, простая дворовая. И цѣлыхъ восемь лѣтъ отдыхала, по ея же собственнымъ словамъ, отъ Суходола, отъ того, что̀ заставилъ онъ ее выстрадать. Но недаромъ говорится, что, какъ волка ни корми, онъ все въ степь смотритъ: выходивъ, вырастивъ насъ, снова воротилась она въ Суходолъ.

Помню отрывки нашихъ дѣтскихъ разговоровъ съ нею:

— Ты вѣдь сирота, Наталья?

— Сирота-съ. Вся въ господъ своихъ. Бабушка-то ваша Анна Григорьевна куда какъ рано ручки бѣлыя сложила! Не хуже моего батюшки съ матушкой.

— Отчего жъ они померли?

— Смерть пришла, вотъ и померли-съ.

— Нѣтъ, отчего такъ рано?

— Такъ Богъ далъ. Батюшку господа въ солдаты отдали за провинности, матушка вѣку не дожила изъ-за индюшатъ господскихъ. Я-то, конечно, не помню-съ, гдѣ мнѣ, а на дворнѣ сказывали: была она птичницей, индюшатъ подъ ея начальствомъ было нѣсть числа, захватилъ ихъ градъ на выгонѣ и запоролъ всѣхъ до единаго... Кинулась бѣчь она, добѣжала, глянула—да и духъ вонъ выскочилъ.

— А отчего ты замужъ не пошла?

— Да женихъ не выросъ еще.

— Нѣтъ, безъ шутокъ?

— Да говорятъ, будто госпожа, ваша тетенька, заказывала. За то-то и меня, грѣшную, барышней ославили.

— Ну-у, какая же ты барышня!

— Въ акуратъ-съ барышня!—отвѣчала Наталья, съ тонкой усмѣшечкой, морщившей ея губы, и обтирала ихъ темной старушечьей рукой. — Я вѣдь молочная Аркадь Петровичу, тетенька вторая ваша...

Подрастая, все внимательнѣе прислушивались мы къ тому, что говорилось въ нашемъ домѣ о Суходолѣ: все понятнѣе становилось непонятное прежде, все рѣзче выступали странныя особенности суходольской жизни. Мы ли не чувствовали, что Наталья, полъ-вѣка своего прожившая съ нашимъ отцомъ почти одинаковой жизнью, — истинно родная намъ, столбовымъ господамъ Хрущевымъ! И вотъ оказывается, что господа эти загнали отца ея въ солдаты, а мать—въ такой трепетъ, что у нея сердце разорвалось при видѣ погибшихъ индюшатъ!

— Да и правда,—говорила Наталья,—какъ было не пасть замертво отъ такой оказіи? Господа за Можай ее загнали бы!

А потомъ узнали мы о Суходолѣ вещи еще болѣе странныя: узнали, что проще, добрѣй суходольскихъ господъ „во всей вселенной не было“, но узнали и то, что не было и „горячѣе“ ихъ; узнали, что теменъ и сумраченъ былъ старый суходольскій домъ, что сумасшедшій дѣдъ нашъ Петръ Кириллычъ былъ убитъ въ этомъ домѣ собственнымъ сыномъ своимъ, Герваською, другомъ отца нашего и двоюроднымъ братомъ Натальи; узнали, что давно сошла съ ума — отъ несчастной любви — и тетя Тоня, жившая въ одной изъ старыхъ дворовыхъ избъ возлѣ оскудѣвшей суходольской усадьбы и восторженно игравшая на гудящемъ и звенящемъ отъ старости фортепіано экоссезы; узнали, что сходила съ ума и Наталья, что еще дѣвчонкой на всю жизнь полюбила она покойнаго дядю Петра Петровича, а онъ сослалъ ее въ ссылку, на хуторъ Сѣнки... Наши страстныя мечты о Суходолѣ были понятны. Для насъ Суходолъ былъ только поэтическимъ памятникомъ былого. А для Натальи? Вѣдь это она, какъ бы отвѣчая на какую-то свою думу, съ великой горечью сказала однажды:

— Что жъ! Въ Суходолѣ съ татарками за столъ садились! Вспомнить даже страшно.

Какъ съ татарками? Съ арапниками? — спросили мы.

— Да это все едино-съ,—сказала она.

А зачѣмъ?

— А на случай ссоры-съ.

— Въ Суходолѣ все ссорились?

— Борони Богъ! Дня не проходило безъ войны! Горячіе всѣ были—чистый порохъ. Я попалась разъ подъ ноги Петръ Петровичу, такъ они меня арапельникомъ этимъ ровно шиломъ какимъ прожгли!

Мы-то млѣли при ея словахъ и восторженно переглядывались: долго представлялся намъ потомъ огромный садъ, огромная усадьба, домъ съ дубовыми бревенчатыми стѣнами подъ тяжелой и черной отъ времени соломенной крышей — и обѣдъ въ залѣ этого дома: всѣ сидятъ за столомъ, всѣ ѣдятъ, бросая кости на̀ полъ, охотничьимъ собакамъ, косятся другъ на друга—и у каждаго арапникъ на колѣняхъ; мы мечтали о томъ золотомъ времени, когда мы вырастемъ и тоже будемъ обѣдать съ арапниками на колѣняхъ. Но вѣдь хорошо понимали мы, что не Натальѣ доставляли радость эти арапники. И все же ушла она изъ Лунева въ Суходолъ, къ источнику своихъ темныхъ воспоминаній. Ни своего угла ни близкихъ родныхъ не было у ней тамъ; и служила она въ Суходолѣ уже давно не прежней госпожѣ своей, не тетѣ Тонѣ, а женѣ покойнаго Петра Петровича. Да вотъ безъ усадьбы-то этой и не могла жить Наталья.

— Что̀ дѣлать-съ: привычка, скромно говорила она. Ужъ куда иголка, туда, видно, и нитка. Гдѣ родился, тамъ годился...

И не одна она страдала привязанностью къ Суходолу; да и не привязанность это была, а нѣчто гораздо болѣе глубокое, гораздо болѣе сильное. Боже, какими страстными любителями воспоминаній, какими горячими приверженцами Суходола были и всѣ прочіе дворовые наши! А ужъ про тетю Тоню, про отца и говорить нечего.

Въ нищетѣ, въ избѣ обитала тетя Тоня. И счастья, и разума, и облика человѣческаго лишилъ ее Суходолъ. Но она даже мысли не допускала никогда, несмотря на всѣ уговоры нашего отца, покинуть родное гнѣздо, поселиться въ Луневѣ:

Да лучше камень въ горѣ бить!

Отецъ былъ беззаботный человѣкъ: для него, казалось, не существовало никакихъ привязанностей. Но глубокая грусть слышалась и въ его разсказахъ о Суходолѣ. Уже давнымъ-давно выселился онъ изъ Суходола въ Лунево, полевое помѣстье бабки нашей Ольги Кирилловны. Но жаловался онъ всю жизнь, чуть не до самой кончины своей:

— Одинъ, одинъ Хрущевъ остался теперь въ свѣтѣ. Да и тотъ не въ Суходолѣ!

Правда, нерѣдко случалось и то, что, вслѣдъ за такими

словами, задумывался онъ, глядя въ окна, въ поле, и вдругъ насмѣшливо улыбался, снимая со стѣны гитару:

— А и Суходолъ хорошъ, пропади онъ пропадомъ!—прибавлялъ онъ съ тою же искренностью, съ какой говорилъ и за минуту передъ тѣмъ.

Но душа-то и въ немъ была суходольская, мужицкая, душа, надъ которой такъ безмѣрно велика власть воспоминаній, власть степи, коснаго ея быта, той древней семейственности, что̀ воедино сливала и деревню, и дворню, и домъ въ Суходолѣ. Правда, столбовые мы, Хрущевы, въ шестую книгу вписанные, и много было среди нашихъ легендарныхъ предковъ знатныхъ людей вѣковой литовской крови да татарскихъ князьковъ, чья порода и сказалася въ насъ не однажды. А все же мы на дѣлѣ мужики. Говорятъ, что составляли и составляемъ мы какое-то особое сословіе. А не проще ли дѣло? Были на Руси мужики богатые, были мужики нищіе, величали однихъ господишками, а другихъ холопами — вотъ и разница вся. Кровь Хрущевыхъ мѣшалась съ кровью дворни и деревни споконъ вѣку. Кто далъ жизнь Петру Кириллычу? Разно говорятъ о томъ преданія. Кто былъ родителемъ Герваськи, убійцы его? Съ раннихъ лѣтъ мы слышали, что Петръ Кириллычъ. Откуда истекало столь рѣзкое несходство въ характерахъ отца и дяди? Объ этомъ тоже разно говорятъ, нерѣдко связывая съ именемъ отца имя дворового Ткача. Молочной же сестрой отца была Наталья, съ Герваською онъ крестами мѣнялся... Давно, давно пора Хрущевымъ посчитаться родней съ своей дворней и деревней!

Въ тяготѣньи къ Суходолу, въ обольщеніи его стариною долго жили и мы съ сестрой. Дворня, деревня и домъ въ Суходолѣ составляли одну семью. Правили этой семьей еще наши пращуры. А вѣдь и въ потомствѣ это долго чувствуется. Жизнь семьи, рода, клана глубока, узловата, таинственна зачастую страшна. Но темной глубиной своей да вотъ еще преданіями, прошлымъ и сильна-то она. Письменными и прочими памятниками Суходолъ не богаче любого улуса въ башкирской степи. Ихъ на Руси замѣняетъ преданіе. А преданіе да пѣсня—отрава для славянской души! Бывшіе наши дворовые, страстные лѣнтяи, мечтатели,—гдѣ они могли отвести душу, какъ не въ нашемъ домѣ? Петръ Петровичъ погибъ рано. Клавдію Марковну никто и не считалъ Хрущевой, хотя даже и она, рожденная Ганешина, любила твердить: „наша хрущевская кровь...“ Единственнымъ представителемъ суходольскихъ господъ оставался нашъ отецъ. И первый языкъ, на которомъ мы заговорили, былъ суходольскій. Первыя по

ствованія, первыя пѣсни, тронувшія насъ—тоже суходольскія, Натальины, отцовы. Да и могъ ли кто-нибудь пѣть такъ, какъ отецъ, ученикъ дворовыхъ, — съ такой беззаботной печалью, съ такимъ ласковымъ укоромъ, съ такой слабовольной задушевностью про „вѣрную-манерную сударушку свою“? Могъ ли кто-нибудь разсказывать такъ, какъ Наталья? И кто былъ роднѣе намъ суходольскихъ мужиковъ?

Распри, ссоры—вотъ чѣмъ споконъ вѣку славились Хрущевы, какъ и всякая долго и тѣсно живущая въ единеніи семья. А во времена нашего дѣтства случилась такая ссора между Суходоломъ и Луневымъ, что чуть не десять лѣтъ не переступала нога отца родного порога. Такъ путемъ и не видали мы въ дѣтствѣ Суходола: были тамъ только разъ, да и то проѣздомъ въ Задонскъ. Но вѣдь сны порой сильнѣе всякой яви. И смутно, но неизгладимо запомнили мы лѣтній долгій день, какія-то волнистыя поля и заглохшую большую дорогу, очаровавшую насъ своимъ просторомъ и кое-гдѣ уцѣлѣвшими пуплистыми ветлами; запомнили улей на одной изъ такихъ ветелъ, далеко отошедшей съ дороги въ хлѣба,—улей, оставленный на волю Божью, въ поляхъ, при заглохшей дорогѣ: запомнили широкій поворотъ подъ изволокъ, огромный голый выгонъ, на который глядѣли бѣдныя курныя избы, и желтизну каменистыхъ враговъ за избами, бѣлизну голышей и щебня по ихъ днищамъ... Первое событіе, ужаснувшее насъ, тоже было суходольское: убійство дѣдушки Герваською. И, слушая повѣствованія объ этомъ убійствѣ, безъ конца грезили мы этими желтыми, куда-то уходящими оврагами: все казалось, что по нимъ-то и бѣжалъ Герваська, сдѣлавъ свое страшное дѣло и „канувъ, какъ ключъ на дно моря“.

Мужики суходольскіе навѣщали Лунево не съ тѣми цѣлями, что дворовые, а насчетъ земельки больше; но и они какъ въ родной входили въ нашъ домъ. Они кланялись отцу въ поясъ, цѣловали его руку, затѣмъ, тряхнувъ волосами, трехкратно цѣловались и съ нимъ, и съ Натальей, и съ нами въ губы. Они привозили въ подарокъ медъ, яйца, полотенца. И мы, выросшіе въ полѣ, чуткіе къ запахамъ, жадные до нихъ не менѣе, чѣмъ до пѣсенъ, преданій, навсегда запомнили тотъ особый, пріятный, конопляный какой-то запахъ, что ощущали, цѣлуясь съ суходольцами; запомнили и то, что старой степной деревней пахли ихъ подарки: медъ — цвѣтущей гречей и дубовыми гнилыми ульями, полотенца — дымкомъ, курными избами временъ дѣдушки... Мужики суходольскіе ничего не разсказывали. Да что имъ и разсказывать-то было! У нихъ даже и преданій не существовало. Ихъ могилы

безыменны. А жизни такъ похожи другъ на друга, такъ скудны и безслѣдны! Ибо плодами трудовъ и заботъ ихъ былъ лишь хлѣбъ, самый настоящій хлѣбъ, что̀ съѣдается. Копали они пруды въ каменистомъ ложѣ давно изсякнувшей рѣчки Каменки. Но пруды вѣдь ненадежны — высыхаютъ. Строили они жилища. Но жилища ихъ не долговѣчны: при малѣйшей искрѣ до тла сгораютъ они... Такъ что̀ же тянуло насъ всѣхъ,—а Наталью всѣхъ больше,—даже къ голому выгону, къ избамъ и оврагамъ, къ разоренной усадьбѣ Суходола? Развѣ не она, не эта древняя семейственность, не кровное родство наше съ глухоманью степи?

II.

Нянекъ, старыхъ дворовыхъ величаютъ по отчеству. Ее звали всегда по имени: прежде Наташкой, потомъ Натальей. Непохожа она была на няньку: съ колыбели до могилы осталась она истою крестьянкою. Да мало похожъ былъ и Суходолъ на то, что̀ обычно разсказывается о помѣщичьихъ гнѣздахъ.

Въ усадьбу, породившую душу Натальи, владѣвшую всею ея жизнью, въ усадьбу, о которой такъ много слышали мы, довелось намъ попасть уже въ позднемъ отрочествѣ.

Помню такъ, точно вчера это было. Разразился ливень съ оглушительными громовыми ударами и ослѣпительно-быстрыми огненными змѣями молній, когда мы по̀дъ-вечеръ подъѣзжали къ Суходолу. Черно-лиловая туча тяжко свалилась къ сѣверо-западу, величаво заступила полъ-неба напротивъ. Плоско, четко и мертвенно-блѣдно зеленѣла равнина хлѣбовъ подъ огромнымъ фономъ, ярка и необыкновенно свѣжа была мелкая мокрая трава на большой дорогѣ. Мокрыя, точно сразу похудѣвшія лошади шлепали, блестя подковами, по синей грязи, тарантасъ влажно шуршалъ... И вдругъ, у самаго поворота въ Суходолъ, увидали мы въ высокихъ мокрыхъ ржахъ высокую и престранную фигуру въ халатѣ и шлыкѣ, фигуру не то старика, не то старухи, бьющую хворостиной пѣгую комолую корову. При нашемъ приближеніи хворостина заработала сильнѣе, и корова неуклюже, крутя хвостомъ, выбежала на дорогу. А старуха, что-то крича, направилась къ тарантасу и, подойдя, потянулась къ намъ блѣднымъ лицомъ. Со страхомъ глядя въ черные безумные глаза, чувствуя прикосновеніе остраго холоднаго носа и крѣпкій запахъ изъ, поцѣловались мы съ подошедшей. Не сама ли это Баба-Яга, подумали мы, не Иванъ ли Грозный возсталъ изъ гро? Но высокій шлыкъ изъ какой-то грязной тряпки торчалъ а

оловѣ Грознаго, на голое тѣло его былъ надѣтъ рваный и
о поясъ мокрый халатъ, не закрывавшій тощихъ грудей.
кричалъ Грозный такъ, точно мы были глухіе, точно съ
ѣлью затѣять яростную брань. И по крику мы поняли: это
стя Тоня.

Закричала, но весело, институтски-восторженно, и Клавдія
Іарковна, толстая, маленькая, съ сѣденькой бородкой, съ
необыкновенно живыми глазками, сидѣвшая у открытаго окна,
ъ домѣ съ двумя большими крыльцами, вязавшая нитяный
осокъ и, поднявъ очки на лобъ, глядѣвшая на выгонъ,
ливійся съ дворомъ. Низко, съ тихой улыбкой поклони-
ась стоявшая на правомъ крыльцѣ Наталья—дробненькая.
агорѣлая, въ лаптяхъ, въ шерстяной красной юбкѣ и въ сѣ-
ой рубахѣ съ широкимъ вырѣзомъ вокругъ темной, сморщен-
ой шеи. Взглянувъ на эту шею, на худыя ключицы, на
стало-грустные глаза, помню, подумалъ я: это она росла съ
ашимъ отцомъ—давнымъ-давно, но вотъ именно здѣсь,
ѣ отъ дѣдовскаго дубоваго дома, много разъ горѣвшаго,
стался вотъ этотъ, невзрачный, отъ сада—кустарники да
ѣсколько старыхъ березъ и тополей, отъ службъ и люд-
кихъ—изба, амбаръ, глиняный сарай, да ледникъ, заросшій
олынью и подсвекольникомъ... Запахло самоваромъ, посыпа-
ись расспросы; стали появляться изъ столѣтнихъ горокъ
рустальныя вазочки для варенья, золотыя ложечки, истончи-
шіяся до кленоваго листа, сахарныя сушки, сбереженныя на
лучай гостей. И, пока разгорался разговоръ, усиленно друже-
юбный послѣ долгой ссоры, пошли мы бродить по темнѣю-
имъ горницамъ, ища балкона, выхода въ садъ.

Все было черно отъ времени, просто, грубо въ этихъ пу-
тыхъ, низкихъ горницахъ, сохранившихъ то же расположе-
іе, что и при дѣдушкѣ, срубленныхъ изъ остатковъ тѣхъ
амыхъ, въ которыхъ обиталъ онъ. Въ углу лакейской чер-
ѣлъ большой образъ святого Меркурія Смоленскаго, того,
ьи желѣзныя сандаліи и шлемъ хранятся на солеѣ въ древнемъ
оборѣ Смоленска. Мы слышали: былъ Меркурій мужъ знат-
ый, призванный къ спасенію отъ татаръ Смоленскаго края
ласомъ иконы Божьей Матери Одигитріи-Путеводительницы.
Разбивъ татаръ, святой уснулъ и былъ обезглавленъ врагами.
огда, взявъ свою главу въ руки, пришелъ онъ къ город-
имъ воротамъ, дабы исповѣдать бывшее... И жутко было
ядѣть на суздальское изображеніе безглаваго человѣка, дер-
ащаго въ одной рукѣ мертвенно-синеватую голову въ шлемѣ,
а въ другой икону Путеводительницы,—на этотъ, какъ гово-
или, завѣтный образъ дѣдушки, пережившій нѣсколько страш-

ныхъ пожаровъ, расколовшійся въ огнѣ, толсто окованный серебромъ и хранившій на оборотной сторонѣ своей родословную Хрущевыхъ, писанную подъ титлами. Точно въ ладъ съ нимъ, тяжелыя желѣзныя задвижки и вверху и внизу висѣли на тяжелыхъ половинкахъ дверей. Доски пола въ залѣ были непомѣрно широки, темны и скользки, окна малы, съ подъемными рамами. По залу, уменьшенному двойнику того самаго, гдѣ Хрущевы садились за столъ съ татарками, мы прошли въ гостиную. Тутъ, противъ дверей на балконъ, стояло когда-то фортепіано, на которомъ играла тетя Тоня, влюбленная въ офицера Войткевича, товарища Петра Петровича. А дальше зіяли раскрытыя двери въ диванную, въ угольную,—туда, гдѣ были когда-то дѣдушкины покои...

Вечеръ же былъ сумрачный. Въ тучахъ, за окраинами вырубленнаго сада, за полуголой ригой и серебристыми тополями, вспыхивали зарницы, раскрывавшія на мгновеніе облачныя розово-золотистыя горы. Ливень, вѣрно, не захватилъ Трошина лѣса, что̀ темнѣлъ вправо отъ насъ, далеко за садомъ, на косогорахъ за оврагами. Оттуда доходилъ сухой, теплый запахъ дуба, мѣшавшійся съ запахомъ зелени, съ влажнымъ мягкимъ вѣтромъ, пробѣгавшимъ по верхушкамъ березъ, уцѣлѣвшихъ отъ аллеи, по высокой крапивѣ, бурьянамъ и кустарникамъ вокругъ балкона. И глубокая тишина вечера, степи, глухой Руси царила надо всѣмъ...

— Чай кушать пожалуйте-съ,—окликнулъ насъ петромкій голосъ.

Это была она, участница и свидѣтельница всей этой жизни, главная сказительница ея, Наталья. А за ней, внимательно глядя сумасшедшими глазами, немного согнувшись, церемонно скользя по темному гладкому полу, подвигалась госпожа ея. Шлыка она не сняла, но вмѣсто халата на ней было теперь старомодное барежевое платье, на плечи накинута блекло-золотистая шелковая шаль.

— Où êtes-vous, mes enfants?—жантильно улыбаясь, крикнула она, и голосъ ея, четкій и рѣзкій, какъ голосъ попугая, страшно раздавался въ пустыхъ черныхъ горницахъ...

Велико было наше разочарованіе! Вѣдь какъ долго и жадно слушали мы повѣствованія о Суходолѣ. Всѣ говорили о немъ такъ, точно былъ онъ великокняжескимъ помѣстьемъ. Увидѣли же мы скудость, убожество, увидѣли полудикую женщину образъ которой романтизировали. Не по усадьбамъ Лариныхъ, Лаврецкихъ, этимъ оазисамъ, представляли мы себѣ Суходолъ. И все же всѣ преданія, всѣ поэтическія были Суходола померкли для насъ въ этотъ вечеръ, въ этой бѣдной глуши. До правды

тогда намъ еще далеко было. Но теперь-то мы хорошо знаемъ ее! Да, ни къ разумной любви, ни къ разумной ненависти, ни къ разумной привязанности, ни къ здоровой семейственности, ни къ труду, ни къ общежитію не были способны въ Суходолѣ. Чуть не поголовно страдали тѣлесными и душевными недугами всѣ Хрущевы изъ поколѣнія въ поколѣніе, равно какъ и близкіе ихъ. Нелѣпыми и страшными былями полна суходольская лѣтопись. Мы послѣдніе въ этой лѣтописи, мы порвали послѣднія нити, связывавшія насъ съ землею. Даже самое имя Хрущевыхъ скоро исчезнетъ навсегда. Но, право, мысль объ этомъ только радуетъ меня теперь. На прошломъ Суходола познали мы душу его. Но вѣдь этой же душой и создано оно. Въ немъ еще рѣзче и яснѣе, чѣмъ въ настоящемъ, выступали истинно-славянскія черты ея, гибельно обособленной отъ души общечеловѣческой.

Господиномъ Суходола считался отецъ нашъ. А на дѣлѣ-то и самъ онъ былъ рабомъ Суходола. И его загубилъ Суходолъ. Въ суходольскомъ домѣ изо всѣхъ выдѣлялся онъ. Даже обликомъ непохожъ онъ былъ на прочихъ Хрущевыхъ. Но поистинѣ суходольская непригодность къ человѣческому существованію отличала и его, потомка вырождающагося клана. Послѣднюю рубашку готовъ онъ былъ снять съ себя для другого: да былъ ли хоть единый случай, когда не пропала бы она даромъ, а пошла въ путныя, дѣльныя руки? Добръ онъ былъ, какъ ребенокъ. Бѣшено вспыльчивъ, какъ звѣрь. Однимъ строгимъ окрикомъ можно было порою привести его въ страхъ и смиреніе. Но порою онъ могъ съ голыми руками полѣзть на толпу съ рогатинами. И остротой и живостью ума обладалъ онъ отъ природы. Но какъ-то такъ случалось, что изъ десяти словъ его восемь были неразумными. Твердо сказавъ себѣ и окружающимъ: „вотъ такъ-то долженъ сдѣлать я“, — въ ту же минуту дѣлалъ онъ какъ-разъ обратное. Правильности, послѣдовательности въ сужденіяхъ онъ не переносилъ. Бодрость, пылкія мечты помимутно уступали въ его душѣ мѣсто полной безнадежности. Когда дѣла его запутывались, завязывались крѣпчайшимъ узломъ, онъ, сдѣлавъ нѣсколько внезапныхъ и отчаянныхъ усилій развязать его, неуклонно кончалъ тѣмъ, что отбрасывалъ его отъ себя въ руки судьбѣ, случаю. До тридцати лѣтъ капли вина, чубука трубочнаго не бралъ онъ въ ротъ. Съ тридцати сталъ и пить и курить такъ, что не зналъ себѣ равнаго въ уѣздѣ. Сколь мелочно-жаденъ и подозрителенъ былъ Петръ Петровичъ, столь же нелѣпо-щедръ и довѣрчивъ былъ отецъ. И вся жизнь его, кажется, на то только и была направлена,

чтобы не оставить неиспользованной ни единой возможности приготовить и себѣ подъ старость и намъ на молодость нищенскую суму.

Мы застали въ молодости начало великой помѣщичьей бѣдности. И дивились: какъ внезапно наступила она! Ужели, думали мы, вся причина ея въ разрывѣ крѣпостныхъ узъ, вязавшихъ господина и холопа? Непонятной казалась та быстрота, съ которой исчезали съ лица земли старыя барскія гнѣзда. Но не преувеличена ли, думаю я теперь, ихъ старость, прочность и—барство? Вольно же называть насъ, мужиковъ, феодалами! Вольно же было вѣрить въ устои Суходола, невзирая на первобытность суходольскую! Въ нѣсколько лѣтъ,—не вѣковъ, а лѣтъ,—до тла разрушилось то подобіе благосостоянія, которымъ такъ величалась наша старина. Въ чемъ же причина тому? Да не въ томъ ли, что не устои тамъ были, а косность? Не въ томъ ли, что гибель вырождающагося суходольца шла какъ разъ навстрѣчу его душѣ, его жаждѣ гибели, самоуничтоженія, разора, страха жизни?

III.

Какъ въ Натальѣ, въ ея крестьянской простотѣ, во всей ея прекрасной и жалкой душѣ, порожденной Суходоломъ, было очарованіе и въ суходольской разоренной усадьбѣ.

Пахло жасминомъ въ старой гостиной съ покосившимися полами. Сгнившій, сѣро-голубой отъ времени балконъ, съ котораго, за отсутствіемъ ступенекъ, надо было спрыгивать, тонулъ въ крапивѣ, бузинѣ, бересклетѣ. Въ жаркіе дни, когда его пекло солнце, когда были отворены осѣвшія стеклянныя двери и веселый отблескъ стекла передавался въ тусклое овальное зеркало, висѣвшее на стѣнѣ противъ двери, все вспоминалось намъ фортепіано тети Тони, когда-то стоявшее подъ этимъ зеркаломъ. Когда-то играла она на немъ, глядя на пожелтѣвшія ноты съ заглавіями въ завитушкахъ, а *онъ* стоялъ сзади, крѣпко подпирая талію лѣвой рукой, крѣпко сжимая челюсти и хмурясь. Чудесныя бабочки—и въ ситцевыхъ пестренькихъ платьицахъ, и въ японскихъ нарядахъ, и въ черно-лиловыхъ бархатныхъ шаляхъ—залетали въ гостиную. И передъ отъѣздомъ онъ съ сердцемъ хлопнулъ однажды ладонью по одной изъ нихъ, трепетно замиравшей на крышѣ фортепіано. Осталась только серебристая пыль. Но, когда дѣвки, по глупости, черезъ нѣсколько дней стерли ее, съ тетей Тоней сдѣлалась истерика... Мы выходили изъ гостиной на балконъ, садились на теплыя доски—и думали,

думали. Вѣтеръ, пробѣгая по саду, доносилъ до насъ шелковистый шелестъ березъ съ атласно-бѣлыми, испещренными чернью стволами и широко раскинутыми зелеными вѣтвями, вѣтеръ, шумя и шелестя, бѣжалъ съ полей—и зелено-золотая иволга вскрикивала рѣзко и радостно, коломъ проносясь надъ бѣлыми цвѣтами за болтливыми галками, обитавшими съ многочисленнымъ родствомъ въ развалившихся трубахъ и въ темныхъ чердакахъ, гдѣ пахнетъ старыми кирпичами и черезъ слуховыя окна полосами падаетъ на бугры сѣро-фіолетовой золы золотой свѣтъ: вѣтеръ замиралъ, сонно ползали пчелы по цвѣтамъ у балкона, совершая свою неспѣшную работу,—и въ тишинѣ слышался только ровный, струящійся, какъ непрерывный мелкій дождикъ, лепетъ серебристой листвы тополей... Мы бродили по саду, забирались въ глушь окраинъ. Тамъ, на этихъ окраинахъ, слившихся съ хлѣбами, въ прадѣдовской банѣ съ провалившимся потолкомъ, въ той самой банѣ, гдѣ Наталья хранила украденное у Петра Петровича зеркальце, жили бѣлые трусы. Какъ они мягко выпрыгивали на порогъ, какъ странно, шевеля усами и раздвоенными губами, косили свои далеко разставленные, выпученные глаза на высокія татарки, кусты бѣлены и заросли крапивы, глушившей терпъ и вишенникъ!.. А въ полураскрытой ригѣ жилъ филинъ. Онъ сидѣлъ на перемётѣ, выбравъ мѣсто посумрачнѣе, торчкомъ поднявъ уши, выкативъ желтые слѣпые зрачки—и видъ у него былъ дикій, чортовскій. Опускалось солнце далеко за садомъ, въ море хлѣбовъ, наступалъ вечеръ, мирный и ясный, куковала кукушка въ Трошиномъ лѣсу, жалобно звенѣли гдѣ-то надъ лугами жалейки старика-пастуха Степы... Филинъ сидѣлъ и ждалъ ночи. Ночью все спало—и поля, и деревня, и усадьба. А филинъ только и дѣлалъ, что ухалъ и плакалъ. Онъ неслышно носился вкругъ риги, по саду, прилеталъ къ избѣ тети Тони, легко опускался на крышу — и болѣзненно вскрикивалъ... Тетя просыпалась на лавкѣ у печки.

— Исусе Сладчайшій, помилуй мя,—шептала она, вздыхая.

Мухи сонно и недовольно гудѣли по потолку жаркой, темной избы. Каждую ночь что-нибудь будило ихъ. То корова чесалась бокомъ о стѣну избы: то крыса пробѣгала по отрывисто звенящимъ клавишамъ фортепіано и, сорвавшись, съ трескомъ падала въ черепки, заботливо складываемые тетей въ уголъ: то старый черный котъ съ зелеными глазами поздно возвращался откуда-то домой и лѣниво просился въ избу: или же прилеталъ филинъ, криками своими пророчившій бѣду. И тетя, пересиливая дремоту, отмахиваясь отъ мухъ, въ темнотѣ

лѣзшихъ въ глаза, ругаясь и шепча молитвы, вставала, шарила по лавкамъ, хлопала дверью—и, выйдя на порогъ, наугадъ запускала вверхъ, въ звѣздное небо, скалку. Филинъ, съ шорохомъ, задѣвая крыльями солому, срывался съ крыши—и низко падалъ куда-то въ темноту. Онъ почти касался земли, плавно доносился до риги и, взмывъ, садился на ея хребетъ. И въ усадьбу опять доносился его плачъ. Онъ сидѣлъ, какъ будто что-то вспоминая,—и вдругъ испускалъ вопль изумленія; смолкалъ—и внезапно принимался истерически ухать, хохотать и взвизгивать; опять смолкалъ—и разражался стонами, всхлипываніями, рыданіями... А ночи, темныя, теплыя, съ лиловыми тучками, были спокойны, спокойны. Сонно бѣжалъ и струился лепетъ сонныхъ тополей. Зарница осторожно мелькала надъ темнымъ Трошинымъ лѣсомъ—и тепло, сухо пахло дубомъ. Возлѣ лѣса, надъ равнинами овсовъ, на прогалинѣ неба среди тучъ, горѣлъ серебрянымъ треугольникомъ, могильнымъ голубцомъ Скорпіонъ...

Поздно возвращались мы въ усадьбу. Надышавшись росой, свѣжестью стени, полевыхъ цвѣтовъ и травъ, осторожно поднимались мы на крыльцо, входили въ темную прихожую. И часто заставали Наталью на молитвѣ передъ образомъ Меркурія. Босая, маленькая, поджавъ руки, стояла она передъ нимъ, шептала что-то, крестилась, низко кланялась ему, невидному въ темнотѣ,—и все это такъ просто, точно бесѣдовала она съ кѣмъ-то близкимъ, тоже простымъ, добрымъ и милостивымъ.

— Наталья?—тихо окликали мы.

— Я-съ?—тихо и просто отзывалась она, прерывая молитву.

— Что же ты не спишь до сихъ поръ?

— Да авось еще въ могилѣ-съ наспимся...

Мы садились на конникъ, раскрывали окно; она стояла, поджавъ руки. Таинственно мелькали зарницы, озаряя темныя горницы; перепелъ билъ гдѣ-то далеко въ росистой степи. Предостерегающе-тревожно крякала проснувшаяся на прудѣ утка...

— Гуляли-съ?

— Гуляли.

— Что жъ, дѣло молодое... Мы, бывалыча, такъ-то всѣ ночи напролетъ прогуливали... Одна заря выгонитъ, другая загонитъ...

— Хорошо жилось прежде?

— Хорошо-съ...

И наступало долгое молчаніе.

— Чего это, нянечка, филинъ кричитъ?—задумчиво говорила сестра.

— Не судомъ кричитъ-съ, пропасти на него нѣту. Хоть бы барчукъ изъ ружья потращалъ. А то прямо жуть, все думается: либо къ бѣдѣ какой? И все барышню пугаетъ. А она вѣдь до смерти пуглива!

— А какъ захворала она?

— Да извѣстно-съ: все слезы, слезы, тоска... Потомъ молиться зачали... Да все лютѣе съ нами, съ дѣвками, да все сердитѣй съ братцами...

И, вспоминая арапники, мы спрашивали:

— Не дружно, значитъ, жили?

— Куда какъ дружно! А ужъ особливо послѣ того, какъ заболѣли-то онѣ, какъ дѣдушка померли, какъ вошли въ силу молодые господа и женился покойникъ Петръ Петровичъ. Горячіе всѣ были—чистый порохъ!

— А пороли дворовыхъ часто?

— Этого у насъ и въ заведеньи не было-съ. Я какъ провинилась-то! А и было-то всего навсего, что приказали Петръ Петровичъ голову мнѣ овечьими ножницами оболванить, затрапезную рубаху надѣть да на хуторъ отправить...

— А чѣмъ же ты провинилась?

Но отвѣтъ далеко не всегда слѣдовалъ прямой и скорый. Разсказывала Наталья порою съ удивительной прямотой и тщательностью; но порою запиналась, что-то думала; потомъ легонько вздыхала, и по голосу, не видя лица въ сумракѣ, мы понимали, что она грустно усмѣхается:

— Да тѣмъ и провинилась... Я вѣдь ужъ сказывала... Молода-глупа была-съ. „Пѣлъ на грѣхъ, на бѣду соловей во саду“... А, извѣстно, дѣло мое было дѣвичье...

Сестра ласково просила ее:

— Ты ужъ скажи, нянечка, стихи эти до конца.

И Наталья смущалась.

— Это не стихи-съ, а пѣсня... Да я ее и не упомню-съ теперь.

— Неправда, неправда!

— Ну, извольте-съ...

И скороговоркой кончала:

— „Какъ на грѣхъ, на бѣду“... То бишь: „Пѣлъ на грѣхъ, на бѣду соловей во саду—пѣсню томную... Глупой спать не давалъ—въ ночку темную“...

— Да тамъ не „глупой“ сказано, а еще какъ-то.

— Ахъ глупой-съ.

Перечисливая себя, сестра спрашивала:

— А ты очень была влюблена въ дядю?

И Наталья тупо и кратко шептала:

— Очень-съ.

— Ты всегда поминаешь его на молитвѣ?

— Всегда-съ.

— Ты, говорятъ, въ обморокъ упала, когда тебя везли въ Сошки?

— Въ оморокъ-съ. Мы, дворовые, страшные нѣжные были... жидки на расправу... не сравнять же съ сѣрымъ однодворцемъ! Какъ повезъ меня Евсей Бодуля, отупѣла я отъ горя и страху... Въ городѣ чуть не задвохнулась съ непривычки. А какъ выѣхали въ степь, таково мнѣ нѣжно да жалостно стало! Метнулся офицеръ навстрѣчу, похожій на нихъ,— крикнула я, да и замертво! А пришедчи въ себя, лежу этакъ въ телѣгѣ и думаю: хорошо мнѣ теперь, ровно въ царствѣ небесномъ!

— Строгъ онъ былъ?

— Не приведи Господи!

— Ну, а все-таки своенравнѣе всѣхъ тетя была?

— Онѣ-съ, онѣ-съ. Докладываю же вамъ: ихъ даже къ угоднику возили. Натерпѣлись мы страсти съ ними! Имъ бы жить да поживать теперь, какъ надомно, а онѣ погордилися, да и тронулись... Какъ любилъ ихъ Войткевичъ-то! Ну, да вотъ поди жъ ты!

— Ну, а дѣдушка?

— Тѣ что жъ? Тѣ слабы умомъ были. А, конечно, и съ ними случалось. Всѣ въ ту пору были пылкіе... Да зато прежніе-то господа нашимъ братомъ не брезговали: Бывалыча, папаша вашъ накажутъ Герваську въ обѣдъ, — энтого и слѣдовало!—а вечеромъ, глядь, ужъ на дворнѣ жируютъ, на балалайкахъ съ нимъ жундятъ...

— А скажи,—онъ хорошъ былъ, Войткевичъ-то?

Наталья задумывалась.

— Нѣтъ-съ, не хочу соврать: въ родѣ калмыка былъ. А сурьезный, настойчивый. Все стихи ей читалъ, все напугивалъ: молъ, помру и приду за тобой...

— Вѣдь и дѣдъ отъ любви съ ума сошелъ?

— Тѣ по бабушкѣ. Это дѣло иное, сударыня. Да и домъ у насъ былъ сумраченъ, — не веселый, Богъ съ нимъ. Вотъ извольте послушать мои глупыя слова...

И неторопливымъ шопотомъ начинала долгое, долгое повѣствованіе.

Были въ этомъ повѣствованіи шутки, недомолвки, отступленія; была живость, задумчивость, простота необыкновенная.

Но рядомъ съ этимъ было и другое: таинственность, строгій и нѣвучій полушопотъ. Преобладала же какая-то давнишняя грусть. И все было проникнуто чувствомъ древней вѣры въ предопредѣленіе, никогда не высказываемаго, смутнаго, но постояннаго самовнушенія, что каждый, каждый изъ насъ долженъ взять на себя ту или иную роль, соотвѣтственно тому или иному назначенію.

IV.

Если вѣрить преданіямъ, прадѣдъ нашъ, человѣкъ богатый, только подъ старость переселился изъ-подъ Курска въ Суходолъ: не любилъ нашихъ мѣстъ, ихъ глуши, лѣсовъ. Да,— вѣдь это вошло въ пословицу: „въ старину вездѣ лѣса были“... Люди, пробиравшіеся лѣтъ двѣсти тому назадъ по нашимъ дорогамъ, пробирались сквозь глухіе лѣса. Въ лѣсу терялись и рѣчка Каменка, и ея верхій, гдѣ протекала она, и деревня, и усадьба, и холмистыя поля вокругъ. Однако уже не то было при дѣдушкѣ. При дѣдушкѣ картина была иная: полустепной просторъ, голые косогоры, на поляхъ — рожь, овесъ, греча, на большой дорогѣ — рѣдкія дуплистыя ветлы, а по суходольскому верху — только бѣлый голышъ. Отъ лѣсовъ остался одинъ Трошинъ лѣсокъ. Только садъ былъ, конечно, чудесный: широкая аллея въ семьдесятъ раскидистыхъ березъ, вишенники, тонувшіе въ крапивѣ, дремучія заросли малины, акаціи, сирени и чуть не цѣлая роща серебристыхъ тополей на окраинахъ, сливавшихся съ хлѣбами. Домъ былъ подъ соломенной крышей, но такой толстой, темной и плотной, что ни одно желѣзо не сравнится. И глядѣлъ онъ на дворъ, по сторонамъ котораго шли длинныя службы и людскія въ нѣсколько связей, а за дворомъ разстилался безконечный зеленый выгонъ и широко раскидывалась барская деревня, большая, бѣдная и — безъ-заботная.

— Вся въ господъ-съ! — говорила Наталья. — И господа безъ-заботны были — не хозяйственны, не жадны. Семенъ Кириллычъ, братецъ дѣдушки, раздѣлились съ нами: себѣ взяли что побольше да получше, престольную вотчину, намъ только Сошки, Суходолъ да четыре ста душъ прикинули. А изъ четырехъ-то сотъ чуть не половина разбѣжалася...

Дѣдушка Петръ Кириллычъ былъ слабоуменъ. Онъ и состарился рано, да и умеръ лѣтъ сорока пяти. Отецъ часто говорилъ, что помѣшался Петръ Кириллычъ послѣ того, какъ на него, заснувшаго на коврѣ въ саду, подъ яблоней, внезапно сорвавшійся ураганъ обрушилъ цѣлый ливень крупнѣй-

шихъ яблокъ. А на дворѣ, по словамъ Натальи, объясняли слабоуміе дѣда иначе: тѣмъ, что захворалъ Петръ Кириллычъ отъ тоски — вскорѣ послѣ смерти красавицы-бабушки, что великая гроза прошла надъ Суходоломъ передъ вечеромъ того дня, когда скончалась она, что тотъ ураганъ, что налетѣлъ съ черной тучей на спящаго Петра Кириллыча, потрясъ его мыслью о приближеніи собственной смерти. И доживалъ Петръ Кириллычъ, — сутулый брюнетъ, съ черными, внимательно-ласковыми глазами, немного похожій на тетю Тоню,— въ тихомъ помѣшательствѣ. Денегъ, по словамъ Натальи, прежде не знали куда дѣвать, и вотъ онъ, въ сафьяновыхъ сапожкахъ и пестромъ архалукѣ, заботливо и неслышно бродилъ по дому и, оглядываясь, совалъ въ трещины дубовыхъ бревенъ золотые.

— Это я для Тонечки въ приданое,—бормоталъ онъ, когда захватывали его.—Надежнѣе, друзья мои, надежнѣе... Ну, а за всѣмъ тѣмъ—воля ваша: не хочете—я не буду...

И опять совалъ. А не то переставлялъ тяжелую мебель въ залѣ, въ гостиной, все ждалъ чьего-то пріѣзда, хотя сосѣди почти никогда не бывали въ Суходолѣ; или жаловался на голодъ и самъ мастерилъ себѣ тюрю—неумѣло толокъ и растиралъ въ деревянной чашкѣ зеленый лукъ, крошилъ туда хлѣбъ, лилъ густой пѣнящійся суровецъ и сыпалъ столько крупной сѣрой соли, что тюря оказывалась горькой и ѣсть ее было не подъ силу. Когда же, послѣ обѣда, жизнь въ усадьбѣ замирала, всѣ разбредались по излюбленнымъ угламъ и надолго засыпали, не зналъ куда дѣваться одинокій, даже и по ночамъ мало спавшій Петръ Кириллычъ. И, не выдержавъ одиночества, начиналъ заглядывать въ спальни, прихожія, дѣвичьи и осторожно окликать спящихъ:

— Ты спишь, Аркаша? Ты спишь, Тонюша?

И, получивъ сердитый окрикъ: „да отвяжитесь вы, ради Бога, папенька!“—торопливо успокаивалъ:

— Ну, спи, спи, душа моя. Я тебя будить не буду...

И уходилъ дальше, — минуя только лакейскую, ибо лакеи были народъ очень грубый, — а черезъ десять минутъ снова появлялся на порогѣ и снова еще осторожнѣе окликалъ, вы думывая, что по деревнѣ кто-то проѣхалъ съ ямщицкими колокольчиками, „ужъ не Петенька ли изъ полка въ побывку“,—или что заходитъ страшная градовая туча.

— Они, голубчики, ужъ очень грозы боялись, — разсказывала Наталья. Я-то еще дѣвчонкой простоволосой была, ну а все-таки помню-съ. Домъ у насъ какой-то черный былъ, невеселый, Господь съ нимъ. А день лѣтомъ — годъ. Дворня

дѣвать было некуды... однихъ лакеевъ пять человѣкъ... Да, извѣстно, заночиваютъ послѣ обѣда молодые господа, а, глядючи на нихъ, и мы, холопы вѣрные. Дѣвки въ дѣвичьей: погремятъ послѣ обѣда коклюшками для видимости, распустятъ пухъ по горницѣ, — у насъ все перины набивали, да и завалятся гдѣ попало. А лакеи, такъ тѣ и совсѣмъ охальничали: сидятъ, бывалыча, въ лакейской, вьютъ спрохвала кнуты, плетутъ сѣти перпелиныя, жундятъ на балалайкахъ — и горюшка мало! А налопаются толокна, соломаты — спать. И тутъ ужъ Петръ Кирилычъ не приступайся къ нимъ, — особливо къ Герваськѣ. „Лакеи! Лакеи! Вы спите?“ А Герваська подыметъ голову съ ларя, да и спрашиваетъ: „А хочешь я тебѣ сейчасъ крапивы въ мотню набью?“ — „Да ты кому жъ это говоришь-то, бездѣльникъ ты этакій?“ — „Домовому, сударь: спросонья...“ Ну вотъ, Петръ Кирилычъ и ходили все больше къ намъ: „Аркаша, ты спишь? Натка, ты спишь?..“ Вскочишь, задрожишь вся... А они — „ну, спи, спи, душа моя, я тебя будить не буду...“ И опять пойдутъ по залу, по гостиной и все въ окна, въ садъ заглядываютъ: не видно ли тучи? А грòзы, и правда, куда какъ часто въ старину сбирались. Да и грозы-то великія. Какъ, бывалыча, дѣло послѣ обѣда, такъ и почнетъ орать иволга, и пойдутъ изъ-за саду тучки... потемнѣетъ въ домѣ, зашуршитъ бурьянъ да глухая крапива, попрячутся индюшки съ индюшатами подъ балконъ... прямо жуть, скука-съ! А они, батюшка, вздыхаютъ, крестятся, лѣзутъ свѣчку восковую у образòвъ зажигать, полотенце завѣтное съ покойника прадѣдушки вѣшать, — боялась я того полотенца до-смерти! — али ножницы за окошко выкидываютъ. Это ужъ первое дѣло-съ, ножницы-то: очень хорошо противъ грозы. Изстрекаешься, бывалыча, вся по-поясъ, какъ заставятъ потомъ лѣзть за ними въ крапиву, въ кастрику-то эту самую: она у насъ дремучая росла!

Было веселѣе въ суходольскомъ домѣ, когда жили въ немъ французы, — сперва какой-то Луи Ивановичъ, мужчина въ широчайшихъ, книзу узкихъ панталонахъ, съ длинными усами и мечтательными голубыми глазами, накладывавшій на лысину волосы отъ уха къ уху и нещадно бившій дворовыхъ чубукомъ, а потомъ пожилая, вѣчно зябнувшая мадмазель Сизи, — когда по всѣмъ комнатамъ гремѣлъ голосъ Луи Ивановича, оравшаго на Аркашу: „идьите и больше не вернитесь!“ — когда слышалось въ классной: „maître corbeau sur un arbre perché“ и на фортепіано училась Тонечка. Восемь лѣтъ жили французы въ Суходолѣ, оставались въ немъ, чтобы не скучно было Петру Кириллычу,

и послѣ того, какъ увезли дѣтей въ губернскій городъ, покинули же его передъ самымъ возвращеніемъ ихъ домой на третьи каникулы. Когда прошли эти каникулы, Петръ Кириллычъ уже никуда не отправилъ ни Аркашу ни Тоничку: достаточно было, по его мнѣнію, отправить одного Петеньку. И дѣти навсегда остались и безъ ученья и безъ призора... Наталья говаривала:

— Я-то была моложе ихъ всѣхъ. Ну, а Герваська съ нашей вашимъ почти однолѣтки были и, значитъ, первые друзья-пріятели-съ. Только, правда говорится, — волкъ коню не свойственникъ. Подружились они это, поклялись въ дружбѣ на вѣчныя времена, помѣнялись честь-честью крестами, а Герваська въ скорости же и начереди: чуть было вашего папашу въ прудѣ не утопилъ! Коростовый былъ, а ужъ на каторжныя затѣи мастеръ. „Что жъ, — говоритъ разъ барчуку: — ты подрастете, будете меня пороть?“ — „Буду“. — „Анъ нѣтъ“.—„Какъ такъ?“—„А такъ“... И надумалъ: стоялъ у насъ бочка надъ прудами, на самомъ косогорѣ, а онъ и запримѣть ее, да и подучи Аркадь Петровича залѣзть в нее и покатиться внизъ. „Первà,—говоритъ,—ты, барчукъ прожжете, а тамъ я“... Ну, а барчукъ-то и послушайся: залѣзъ, толкнулся, да какъ пошелъ гремѣть подъ-гору, въ воду какъ пошелъ... Матушка Царица Небесная! Только пыль столбомъ завихрилась!.. Ужъ спасибо вблизи пастухи оказались...

Пока жили французы въ суходольскомъ домѣ, домъ сохранялъ еще жилой видъ. При бабушкѣ еще были въ немъ и господа и хозяева, и власть и подчиненіе, и парадные покои и семейные, и будни и праздники. Видимость всего этого держалась и при французахъ. Но французы уѣхали, и домъ остался совсѣмъ безъ хозяевъ. Пока дѣти были малы, на первомъ мѣстѣ былъ какъ будто Петръ Кириллычъ. Но что онъ могъ? Кто кѣмъ владѣлъ: онъ дворовыми или дворовые имъ? Фортепіано закрыли, скатерть с дубоваго стола исчезла, — обѣдали безъ скатерти и кое-что попало, въ сѣнцахъ проходу не было отъ борзыхъ собакъ. Заботиться о чистотѣ стало некому,—и темныя бревенчатыя стѣны, темные полы и потолки, темныя тяжелыя двери и притолки, старые образа, закрывавшіе своими суздальскими ликами весь уголъ въ залѣ, скоро и совсѣмъ почернѣли. По ночамъ, особенно въ грозу, когда бушевалъ подъ дождемъ садъ, поминутно озарялись въ залѣ лики образовъ, раскрывало, распахивалось надъ садомъ дрожащее розово-золотое небо, а потомъ, въ темнотѣ, съ трескомъ раскалывались громовые удары.

о ночамъ въ домѣ было страшно. А днемъ— сонно, пусто и скучно. Съ годами Петръ Кириллычъ все слабѣлъ, становился все незамѣтнѣе, хозяйкой же дома являлась дряхлая Дарья Устиновна, кормилица дѣдушки. Но власть ея почти равнялась его власти, а староста Демьянъ не вмѣшивался въ управленіе домомъ: онъ зналъ только полевое хозяйство, съ лѣнивой усмѣшкой говоря иногда: „что жъ, я своихъ голодъ не обижаю“... Тонечка подросла, уже била Дарью Устиновну, но дѣвки еще ни въ грошъ ее не ставили. Отцу, конечно, не до Суходола было: его съ ума сводила охота, балалайка, любовь къ Герваськѣ, который хотя и числился въ лакеяхъ, но по цѣлымъ днямъ пропадалъ съ нимъ на какихъ-то Мещерскихъ болотцахъ или въ каретномъ сараѣ за изученіемъ балалаечныхъ и жалеечныхъ хитростей.

— Такъ ужъ мы и знали-съ,— говорила Наталья:—въ домѣ только почиваютъ. А не почиваютъ, — значитъ, либо на девичѣ, либо въ каретномъ, либо на охотѣ: зимою—зайцы, осенью—лисицы, лѣтомъ—перепела, утки либо дряхвы; сядутъ на дрожки бѣговыя, перекинутъ ружьецо за плечи, кликнутъ Гаванку, да и съ Господомъ: нынче на Середнюю мельницу, завтра на Мещерскія, послѣзавтра на степя. И все съ Герваськой. Тотъ первый коноводъ всему былъ, а прикидывался, что это барчукъ его таскаетъ. Любилъ его, врага своего, Аркадь Петровичъ истинно какъ брата, а онъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все злѣй измывался надъ нимъ. Бывалыча, скажутъ: — „Ну, давай, Гервасій, на балалайкахъ! Выучи ты меня, за ради Бога, „*Закатилось солнце красное за лѣсъ*“... А Герваська посмотритъ на нихъ, пуститъ въ ноздри дымъ и этакъ съ усмѣшечкой: „Одна рѣчь — не пословица. Поцѣлуйте первѣ ручку у меня“. Побѣлѣютъ весь Аркадь Петровичъ, вскочутъ съ мѣста, бацъ его, что есть силы, по щекѣ, а онъ только головой мотнетъ и еще черней сдѣлается, насупится, какъ разбойникъ какой. „Встать, негодяй!“. Встанетъ, вытянется, какъ борзой, портки плисовыя висятъ... молчитъ. „Проси прощенья“.—„Виноватъ, сударь“... А барчукъ задвохнутся— и ужъ не знаютъ, что дальше сказать. „То-то „сударь“!—кричатъ.—Я, молъ, норовлю съ тобой, съ негодяемъ, какъ съ равнымъ обойтиться, я, молъ, иной разъ думаю: я для него души не пожалѣю... А ты что? Ты нарочно меня озлобляешь? Нарочно?..“

— Диковинное дѣло-съ! говорила Наталья: надъ барчукомъ и дѣдушкой Герваська измывался, а надо мной—барышня. Барчукъ, — а, по правдѣ-то сказать, и сами дѣдушка, — въ Герваськѣ души не чаяли, а я — въ ней... какъ изъ Сошекъ-то вернулась я, да маленько образумилась послѣ своей провинности ..

V.

Съ этой-то провинности и началась ея любовь. И вся суходольская душа ея сказалась въ этой любви.

Съ арапниками садились за столъ уже послѣ смерти дѣдушки, послѣ бѣгства Герваськи и женитьбы Петра Петровича, послѣ того, какъ тетя Тоня, тронувшись, обрекла себя въ невѣсты Іисусу Сладчайшему, а Наталья возвратилась изъ этихъ самыхъ Сошекъ. Тронулась же тетя Тоня и въ ссылкѣ побывала Наталья—изъ-за любви.

Скучныя, глухія времена дѣдушки смѣнились временемъ молодыхъ господъ. Возвратился въ Суходолъ Петръ Петровичъ, неожиданно для всѣхъ вышедшій въ отставку. И пріѣздъ его оказался гибельнымъ и для Натальи и для тети Тони.

Онѣ обѣ влюбились. Не замѣтили, какъ влюбились.

Имъ казалось сперва, что просто стало веселѣе жить. Онѣ впервые почувствовали себя дѣвушками и отдались прелести этого ощущенія.

Петръ Петровичъ повернулъ на первыхъ порахъ жизнь въ Суходолѣ на новый ладъ на праздничный и барскій. Онъ пріѣхалъ съ товарищемъ, Войтковичемъ, привезъ съ собой повара, бритаго алкоголика съ водянисто-блестящими глазами, съ пренебреженіемъ косившагося на позеленѣвшія рубчатыя формы для желе, на грубые ножи, вилки. Петръ Петровичъ желалъ показать себя передъ товарищемъ радушнымъ, щедрымъ, богатымъ—и дѣлалъ это неумѣло, по-мальчишески. Да онъ и былъ почти мальчикомъ, очень нѣжнымъ и красивымъ съ виду, но по натурѣ рѣзкимъ и жестокимъ, мальчикомъ смѣлымъ и самоувѣреннымъ, но легко и чуть не до слезъ смущающимся, а потомъ надолго затаивающимъ злобу на того, кто смутилъ его.

— Помнится, братъ Аркадій,—сказалъ онъ за столомъ въ первый же день своего пребыванія въ Суходолѣ:—помнится была у насъ въ погребѣ мадера недурная?

Дѣдушка покраснѣлъ, хотѣлъ что-то сказать, но не на смѣлился и только затеребилъ на груди архалукъ. Аркадій Петровичъ изумился:

— Какая мадера?

А Герваська нагло поглядѣлъ на Петра Петровича и ухмыльнулся.

— Вы изволили забыть, сударь. — сказалъ онъ Аркадію Петровичу, даже и не стараясь скрыть насмѣшки.—У насъ и правда, дѣвать некуда было этой самой мадеры. Да вс

мы, холопы, потаскали. Вино барское, а мы ее дурóмъ, вмѣсто квасу.

— Это еще что такое? — крикнулъ Петръ Петровичъ, заливаясь своимъ темнымъ румянцемъ.—Молчать!

Дѣдушка восторженно подхватилъ:

— Такъ, такъ, Петенька! Фóра!—радостно, тонкимъ голосомъ воскликнулъ онъ и чуть не заплакалъ.—Ты и представить себѣ не можешь, какъ онъ меня уничтожаетъ! Я ужъ не однажды думалъ: подкрадусь и проломлю ему голову толкачомъ мѣднымъ... Ей-Богу, думалъ! Я ему кинжалъ въ бокъ по эфесъ всажу!

А Герваська и тутъ нашелся.

— Я, сударь, слышалъ, что за это больно наказываютъ,— возразилъ онъ, насупясь.—А то и мнѣ все лѣзетъ въ голову: пора барину въ царство небесное!

Говорилъ Петръ Петровичъ, что, послѣ такого неожиданно-дерзкаго отвѣта, сдержался онъ только ради чужого человѣка. Онъ сказалъ Герваськѣ только одно: „Сію минуту выйди вонъ!“. А потомъ даже устыдился своей горячности—и, торопливо извиняясь передъ Войткевичемъ, поднялъ на него съ улыбкой тѣ очаровательные глаза, которыхъ долго не могли забыть всѣ знавшіе Петра Петровича.

Слишкомъ долго не могла забыть этихъ глазъ и Наталья. Счастье ея было необыкновенно кратко — и кто бы могъ думать, что разрѣшится оно путешествіемъ въ Сошки, самымъ замѣчательнымъ событіемъ всей ея жизни?

Хуторъ Сошки цѣлъ и донынѣ, хотя уже давно перешелъ къ тамбовскому купцу. Это—длинная изба среди пустой равнины, амбаръ, журавль колодца и гумно, вокругъ котораго бахчи. Такимъ, конечно былъ хуторъ и въ дѣдовскія времена: да мало измѣнился и городъ, что на пути къ нему изъ Суходола. А провинилась Наташка тѣмъ, что, совершенно неожиданно для самой себя, украла складное, оправленное въ серебро, зеркальце Петра Петровича.

Увидѣла она это зеркальце — и такъ была поражена красотой его,—какъ, впрочемъ, и всѣмъ, что принадлежало Петру Петровичу,—что не устояла. И нѣсколько дней, пока не хватились зеркальца, прожила ошеломленная своимъ преступленіемъ, очарованная своей страшной тайной и сокровищемъ, какъ въ сказкѣ объ аленькомъ цвѣточкѣ. Ложась спать, она молила Бога, чтобы скорѣе прошла ночь, чтобы скорѣе наступило утро: празднично было въ домѣ, который ожилъ, наполнился чѣмъ-то новымъ, чудеснымъ съ пріѣздомъ красавца-барчука, нарядnаго, напомаженнаго, съ высокимъ красивымъ

воротомъ мундира, съ лицомъ смуглымъ, но нѣжнымъ, какъ у барышни; празднично было даже въ прихожей, гдѣ спала Наташка и гдѣ, вскакивая съ рундука на разсвѣтѣ, она сразу вспоминала, что въ мірѣ — радость, потому что у порога стояли, ждали чистки такіе легонькіе сапожки, что ихъ въ пору было царскому сыну носить; и всего страшнѣе и праздничнѣе было за садомъ, въ заброшенной банѣ, гдѣ хранилось двойное зеркальце въ тяжелой серебряной оправѣ,—за садомъ, куда, пока еще всѣ спали, по росистымъ зарослямъ, тайкомъ бѣжала Наташка, чтобъ насладиться обладаніемъ своего сокровища, вынести его на порогъ, раскрыть при жаркомъ утреннемъ солнцѣ и насмотрѣться на себя до головокруженья, а потомъ опять скрыть, схоронить и опять бѣжать, прислуживать все утро тому, на кого она и глазъ поднять не смѣла, для кого она, въ безумной надеждѣ понравиться, и заглядывалась-то въ зеркальце.

Но сказка объ аленькомъ цвѣточкѣ кончилась скоро, очень скоро. Кончилась позоромъ и стыдомъ, которому нѣтъ имени, какъ думала Наташка, ибо самое сокровенное, что̀ было въ душѣ ея, поняли всѣ. Кончилось тѣмъ, что самъ же Петръ Петровичъ приказалъ остричь, обезобразить ее, принаряжавшуюся, сурьмившую брови передъ зеркальцемъ, создавшую какую-то сладкую тайну, небывалую близость между нимъ и собой. Онъ самъ открылъ и превратилъ ея преступленіе въ простое воровство, въ глупую продѣлку дворовой дѣвчонки, которую, въ затрапезной рубахѣ, съ лицомъ, опухшимъ отъ слезъ, на глазахъ всей дворни, посадили на навозную телѣгу и, опозоренную, внезапно оторванную ото всего роднаго, повезли на какой-то невѣдомый, страшный хуторъ, въ степныя дали. Она уже знала: тамъ, на хуторѣ, она должна будетъ стеречь цыплятъ, индюшекъ и бахчи; тамъ она снечется на солнцѣ, забытая всѣмъ свѣтомъ; тамъ какъ годы будутъ долги степные дни, когда въ зыбкомъ маревѣ тонутъ горизонты и такъ тихо, такъ знойно, что спалъ бы мертвымъ сномъ весь день, если бы не нужно было слушать осторожнаго треска пересохшаго гороха, домовитой возни насѣдокъ въ горячей землѣ, мирно-грустной перекички индюшекъ, не слѣдить за набѣгающей сверху, жуткой тѣнью ястреба и не вскакивать, не кричать тонкимъ протяжнымъ голосомъ: „шу-у!“... Тамъ, на хуторѣ, чего стоила одна старуха-хохлушка, получившая власть надъ ея жизнью и смертью и, вѣрно, уже съ нетерпѣніемъ поджидавшая свою жертву! Единственное преимущество имѣла Наташка передъ тѣми, которыхъ везутъ на смертную казнь: возможность удавиться.

И только одно это и поддерживало ее на пути въ ссылку,— конечно, вѣчную, какъ полагала она.

На пути изъ конца въ конецъ уѣзда чего только она ни насмотрѣлась! Да не до того ей было. Она думала или, скорѣе, чувствовала одно: жизнь кончена, преступленіе и позоръ слишкомъ велики, чтобы надѣяться на возвращеніе къ ней! Пока еще оставался возлѣ нея близкій человѣкъ, Евсей Бодуля. Но что будетъ, когда онъ сдастъ ее съ рукъ на руки хохлушкѣ, переночуетъ и уѣдетъ, навѣки покинетъ ее въ чужой сторонѣ? Наплакавшись, она захотѣла ѣсть. И Евсей, къ удивленію ея, взглянулъ на это очень просто и, закусывая, разговаривалъ съ ней такъ, какъ будто ничего не случилось. А потомъ она заснула — и очнулась уже въ городѣ. И городъ поразилъ ее только скукой, сушью, духотой, да еще чѣмъ-то смутно-страшнымъ, тоскливымъ, что похоже было на сонъ, который не разскажешь. Запомнилось за этотъ день только то, что очень жарко лѣтомъ въ степи, что безконечнѣе лѣтняго дня и длиннѣе большихъ дорогъ нѣтъ ничего на свѣтѣ. Запомнилось, что есть мѣста на городскихъ улицахъ, выложенныя камнями, по которымъ престранно гремитъ телѣга, что издалека пахнетъ городъ желѣзными крышами, а среди площади, гдѣ отдыхали и кормили лошадь, возлѣ пустыхъ подъ вечеръ „обжорныхъ“ навѣсовъ,—пылью, дегтемъ, гніющимъ сѣномъ, клоки котораго, перебитые съ конскимъ навозомъ, остаются на стоянкахъ мужиковъ. Евсей отпрягъ и поставилъ лошадь къ телѣгѣ, къ корму; сдвинулъ на затылокъ горячую шапку, вытеръ рукавомъ потъ и, весь черный отъ зноя, ушелъ въ харчевню. Онъ строго-настрого приказалъ Наташкѣ „поглядывать“ и, въ случаѣ чего, кричать на всю площадь. И Наташка сидѣла, не двигаясь, придавленная какими-то тупыми думами, не сводила глазъ съ купола тогда только-что построеннаго собора, огромной серебряной звѣздой горѣвшаго гдѣ-то далеко за домами,—сидѣла до тѣхъ поръ, пока не вернулся жующій, повеселѣвшій Евсей и не сталъ, съ колачомъ подъ мышкой, снова заводить лошадь въ оглобли.

— Припоздали мы съ тобой, королевишна, маленько!—оживленно бормоталъ онъ, обращаясь не то къ лошади, не то къ Наташкѣ. — Ну, да авось не удавятъ! Авось не на пожаръ... Я и назадъ гнать не стану, — мнѣ, братъ, барская лошадь подороже твоего хайла,—говорилъ онъ, уже разумѣя Демьяна.—Разинулъ хайло: „Ты у меня смотри! Я, въ случаѣ чего, догляжусь, что у тебя въ портахъ-то“... А-ахъ!—думаю... Взяла меня обида поперекъ живота! Съ меня, молъ,

господа, и тѣ еще не спускали портокъ-то... не тебѣ чета, чернонебому.—„Смотри!“ — А чего мнѣ смотрѣть? Авось, не дурѣй тебя. Захочу—и совсѣмъ не ворочусь: дѣвку доправлю, а самъ перехрещусь, да потуда меня и видѣли... Я и на дѣвку-то дивуюсь: чего, дура, затужила? Ай свѣтъ клиномъ сошелся? Пойдутъ чумаки либо старчики какіе мимо хутора — только слово сказать: въ одинъ моментъ за Ростовымъ-батюшкой очутишься... А тамъ и поминай какъ звали!

И мысль: „удавлюсь“ — смѣнилась въ стриженой головѣ Наташки мыслью о бѣгствѣ. Телѣга заскрипѣла и закачалась. Евсей смолкъ и повелъ лошадь къ колодцу среди площади. Тамъ, откуда пріѣхали, опускалося солнце за большой монастырскій садъ, и окна въ желтомъ острогѣ, что стоялъ противъ монастыря, черезъ дорогу, сверкали золотомъ. И видъ острога на минуту еще больше возбудилъ мысль о бѣгствѣ. Вона, и въ бѣгахъ живутъ! Только вотъ говорятъ, что старчики выжигаютъ вороваными дѣвкамъ и ребятамъ глаза кипяченымъ молокомъ и выдаютъ ихъ за убогенькихъ, а чумаки завозятъ къ морю и продаютъ нагайцамъ... Случается, что и ловятъ господа своихъ бѣглыхъ, забиваютъ ихъ въ кандалы, въ острогъ сажаютъ... Да авось и въ острогѣ не быки, а мужики, какъ говоритъ Герваська!

Но окна въ острогѣ гасли, мысли путались,—нѣтъ, бѣжать еще страшнѣе, чѣмъ удавиться! Да смолкъ, отрезвѣлъ и Евсей.

— Припоздали, дѣвка, — уже безпокойно говорилъ онъ, вскакивая бокомъ на грядку телѣги.

И телѣга, выбравшись на шоссе, опять затряслась, забилась, шибко загремѣла по камнямъ... Ахъ, лучше-то всего было бы назадъ повернуть ее, — не то думала, не то чувствовала Наташка,—повернуть, доскакать до Суходола—и упасть господамъ въ ноги! Но Евсей погонялъ. Звѣзды за домами уже не было. Впереди была бѣлая голая улица, бѣлая мостовая, бѣлые дома — и все это замыкалось огромнымъ бѣлымъ соборомъ подъ новымъ бѣло-жестянымъ куполомъ, и небо надъ нимъ стало блѣдно-синее, сухое... А тамъ, дома, въ это время уже роса падала, садъ благоухалъ свѣжестью, нахло изъ тонувшейся поварской: далеко за равнинами хлѣбовъ, за серебристыми тополями на окраинахъ сада, за старой завѣтной баней догорала заря, а въ гостиной были отворены двери на балконъ, алый свѣтъ мѣшался съ сумракомъ въ углахъ, и желто-смуглая, черноглазая, похожая и на дѣдушку и на Петра Петровича барышня поминутно оправляла рукава легкаго и широкаго платья изъ оранжеваго шелка,

пристально смотрѣла въ ноты, сидя спиной къ зарѣ, ударяя по желтымъ клавишамъ, наполняя гостиную торжественно-пѣвучими, сладостно-отчаянными звуками полонеза Огинскаго и какъ будто не обращая никакого вниманія на стоявшаго за нею офицера — приземистаго, темноликаго, подпиравшаго талію лѣвой рукою и сосредоточенно-мрачно слѣдившаго за ея быстрыми руками...

„У ней—свой, а у меня—свой“,—не то думала, не то чувствовала Наташка въ такіе вечера съ замираніемъ сердца и бѣжала въ холодный, росистый садъ, забивалась въ глушь крапивы и остро пахнущихъ, сырыхъ лопуховъ и стояла, ждала несбыточнаго,—того, что сойдетъ съ балкона барчукъ, пойдетъ по аллеѣ, увилитъ ее и, внезапно свернувъ, приблизится къ ней быстрыми шагами — и она не проронитъ отъ ужаса и счастья ни звука...

А телѣга гремѣла. Городъ былъ вокругъ, жаркій и вонючій, тотъ самый, что представлялся прежде чѣмъ-то волшебнымъ. И Наташка съ болѣзненнымъ удивленіемъ глядѣла на разряженный народъ, идущій взадъ и впередъ по камнямъ возлѣ домовъ, воротъ и лавокъ съ раскрытыми дверями... И зачѣмъ поѣхалъ тутъ Евсей, думала она, какъ рѣшился онъ гремѣть тутъ телѣгой?

Но проѣхали мимо собора, стали спускаться къ мелкой рѣкѣ по ухабистымъ пыльнымъ косогорамъ, мимо черныхъ кузницъ, мимо гнилыхъ мѣщанскихъ лачугъ... Опять знакомо запахло прѣсной теплой водою, иломъ, полевой вечерней свѣжестью. Первый огонекъ блеснулъ вдали, на противоположной горѣ, въ одинокомъ домишкѣ близъ шлагбаума... Вотъ и совсѣмъ выбрались на волю, переѣхали мостъ, поднялись къ шлагбауму — и глянула въ глаза каменная, пустынная дорога, смутно бѣлѣющая и убѣгающая въ безконечную даль, въ синь степной свѣжей ночи. И лошадь пошла мелкой рысцой, а миновавъ шлагбаумъ, и совсѣмъ шагомъ. И опять стало слышно, что тихо, тихо ночью и на землѣ и въ небѣ,—только гдѣ-то далеко плачетъ колокольчикъ. Онъ плакалъ все слышнѣе, все пѣвучѣе — и слился наконецъ съ дружнымъ топотомъ тройки, съ ровнымъ стукомъ бѣгущихъ по шоссе и приближающихся колесъ... Тройкой правилъ вольный молодой ямщикъ, а въ бричкѣ, уткнувши подбородокъ въ шинель съ капюшономъ, сидѣлъ офицеръ. Поровнявшись съ телѣгой, на мгновеніе поднялъ онъ голову — и вдругъ увидѣла Наташка красный воротникъ, черные усы, молодые глаза, блеснувшіе подъ каскою, похожей на ведерко... Она вскрикнула, помертвѣла, потеряла сознаніе...

Озарила ее безумная мысль, что это Петръ Петровичъ, и, по той боли и нѣжности, которая молніей прошла ея нервное дворовое сердце, она вдругъ поняла, чего она лишилась: близости къ нему... Евсей кинулся поливать ея стриженую, отвалившуюся къ плечу голову водой изъ дорожнаго жбана.

Тогда она очнулась отъ приступа тошноты—и торопливо перекинула голову за грядку телѣги. Евсей торопливо подложилъ ей подъ холодный лобъ ладонь...

А потомъ, облегченная, озябнувшая, съ мокрымъ воротомъ, лежала она на спинѣ и смотрѣла на звѣзды. Перепугавшійся Евсей молчалъ, думая, что она уснула, — только головой покачивалъ, — и погонялъ, погонялъ. Телѣга тряслась и убѣгала. А дѣвчонкѣ казалось, что у нея нѣтъ тѣла, что теперь у нея—одна душа. И душѣ этой было „такъ хорошо, ровно въ царствѣ небесномъ“...

Аленькимъ цвѣточкомъ, расцвѣтшимъ въ сказочныхъ садахъ, была ея любовь. Но въ степь, въ глушь, еще болѣе заповѣдную, чѣмъ глушь Суходола, увезла она любовь свою, чтобы тамъ, въ тишинѣ и одиночествѣ, побороть первыя, сладкія и жгучія муки ея, а потомъ надолго, навѣки, до самой гробовой доски схоронить ее въ глубинѣ своей суходольской души.

VI.

Любовь въ Суходолѣ необычна была. Необычна была и ненависть.

Дѣдушка, погибшій столь же нелѣпо, какъ и убійца его, какъ и всѣ, что̀ гибли въ Суходолѣ, былъ убитъ въ томъ же году. На Покровъ, престольный праздникъ въ Суходолѣ, Петръ Петровичъ назвалъ гостей — и очень волновался: будетъ ли предводитель, давшій слово быть? Радостно, неизвѣстно чему волновался и дѣдушка. Предводитель пріѣхалъ—и обѣдъ удался на славу. Было и шумно и весело, дѣдушкѣ—веселѣе всѣхъ. Рано утромъ второго октября его нашли на полу въ гостиной мертвымъ.

Выйдя въ отставку, Петръ Петровичъ не скрылъ, что онъ жертвуетъ собою ради спасенія чести Хрущевыхъ, родового гнѣзда и родовой усадьбы. Не скрылъ, что хозяйство онъ „поневолѣ“ долженъ взять въ свои руки. Долженъ и знакомства завести, дабы общаться съ наиболѣе просвѣщенными и полезными дворянами уѣзда, а съ прочими—просто не порывать отношеній. И сначала все въ точности исполнялъ, посѣтилъ даже всѣхъ мелкопомѣстныхъ, даже хуторъ тетушки Ольги Кирилловны, чудовищно-толстой старухи, страдавшей

сонной болѣзнью и чистившей зубы нюхательнымъ табакомъ. Къ осени уже никто не дивился, что Петръ Петровичъ правитъ имѣніемъ единовластно. Да онъ и видъ имѣлъ уже не красавчика-офицера, пріѣхавшаго на побывку, а хозяина, молодого помѣщика. Смущаясь, онъ не заливался такимъ темнымъ румянцемъ, какъ прежде. Онъ выхолился, пополнѣлъ, носилъ дорогіе архалуки, маленькія ноги свои баловалъ красными татарскими туфлями, маленькія руки украшалъ кольцами съ бирюзою. Прекрасные глаза его, къ удивленію всѣхъ, оказались не черными, а карими, какъ и подобаетъ смуглому. Аркадій Петровичъ почему-то стѣснялся смотрѣть въ эти глаза, не зналъ, о чемъ говорить, первое время во всемъ уступалъ Петру Петровичу и пропадалъ на охотѣ.

На Покровъ Петръ Петровичъ хотѣлъ очаровать всѣхъ до единаго своимъ радушіемъ, да и показать, что именно онъ первое лицо въ домѣ. Но ужасно мѣшалъ дѣдушка. Дѣдушка былъ блаженно-счастливъ, но безтактенъ, болтливъ и жалокъ въ своей бархатной шапочкѣ съ мощей и въ новомъ, не въ мѣру широкомъ синемъ казакинѣ, сшитомъ домашнимъ портнымъ. Онъ тоже вообразилъ себя радушнымъ хозяиномъ и суетился съ ранняго утра, устраивая какую-то глупую церемонію изъ пріема гостей. Одна половинка дверей изъ прихожей въ залу никогда не открывалась. Онъ самъ отодвинулъ желѣзныя задвижки и внизу и вверху, самъ придвигалъ стулъ и, весь трясясь, влѣзалъ на него; а, распахнувъ двери, сталъ на порогъ и, пользуясь молчаніемъ Петра Петровича, замиравшаго отъ стыда и злобы, но рѣшившагося все претерпѣть, не сошелъ съ мѣста до пріѣзда послѣдняго гостя. Онъ не сводилъ глазъ съ крыльца,—и на крыльцо пришлось отворить двери, этого тоже будто бы требовалъ какой-то старинный обычай,—топтался отъ волненія, завидя же входящаго, кидался къ нему навстрѣчу, торопливо дѣлалъ на. подпрыгивалъ, кидая ногу за ногу, отвѣшивалъ низкій поклонъ и, захлебываясь, говорилъ всѣмъ, даже незнакомымъ:

— Ну, какъ я радъ! Какъ я радъ! Давненько ко мнѣ не жаловали! Милости прошу, милости прошу!

Бѣсило Петра Петровича и то, что дѣдушка всѣмъ и каждому зачѣмъ-то докладывалъ объ отъѣздѣ Тонечки въ Лунево, къ Ольгѣ Кирилловнѣ. „Тонечка больна тоской, уѣхала къ тетенькѣ на всю осень“—что могли думать гости послѣ такихъ непрошенныхъ заявленій? Вѣдь исторія съ Войткевичемъ, конечно, уже всѣмъ была извѣстна. Войткевичъ, можетъ статься, и впрямь имѣлъ серьезныя намѣренія, загадочно вздыхая возлѣ Тонечки, играя съ ней въ четыре руки,

глухимъ голосомъ читая ей „Людмилу“ или говоря въ мрачной задумчивости: „Ты мертвецу святыней слова обручена...“ Но Тонечка бѣшено вспыхивала при каждой его даже самой невинной попыткѣ выразить свои чувства,—поднести, напримѣръ, ей цвѣтокъ,—и Войткевичъ внезапно уѣхалъ. Когда же уѣхалъ. Тонечка стала не спать по ночамъ, въ темнотѣ сидѣть возлѣ открытаго окна, точно поджидая какого-то извѣстнаго ей срока, чтобы вдругъ громко зарыдать—и разбудить Петра Петровича. Онъ долго лежалъ, стиснувъ зубы, слушая эти рыданія да мелкій, сонный лепетъ тополей за окнами въ темномъ саду, похожій на непрестанный дождикъ. Затѣмъ шель успокаивать. Шли успокаивать и заспанныя дѣвки, иногда тревожно прибѣгалъ дѣдушка. Тогда Тонечка начинала топать ногами, кричать: „Отвяжитесь отъ меня, враги мои лютые!“—и дѣло кончалось безобразной бранью, чуть не дракой.

— Да пойми же ты, пойми,—бѣшено шипѣлъ Петръ Петровичъ, выгнавъ вонъ дѣвокъ, дѣдушку, захлопнувъ дверь и крѣпко ухватясь за скобку:—пойми, змѣя, что могутъ вообразить!

— Ай!—неистово взвизгивала Тонечка.—Папенька, онъ кричитъ, что я брюхата!

И, вцѣпившись себѣ въ голову, Петръ Петровичъ кидался вонъ изъ комнаты.

Вцѣпиться въ голову не разъ хотѣлось и на Покровъ. Да тревожилъ и Герваська: какъ бы не нагрубилъ при какомъ-нибудь неосторожномъ словѣ?

Герваська страшно выросъ. Огромный, нескладный, но и самый видный, самый умный изъ слугъ, онъ тоже былъ наряженъ въ синій казакинъ, такіе же шаровары и мягкіе козловые сапоги безъ каблуковъ. Гарусный лиловый платокъ повязывалъ его тонкую темную шею. Черные, сухіе, крупные волосы онъ причесалъ на косой рядъ, но остричься подъ-польку не пожелалъ—подрубилъ ихъ въ кружокъ. Брить было нечего, только два-три рѣдкихъ и жесткихъ завитка чернѣло на его подбородкѣ и по угламъ большого рта, про который говорили: „ротъ до ушей, хоть завязочки пришей“. Будылястый, очень широкій въ плоской костлявой груди, съ маленькою головою и глубокими орбитами, тонкими нешельносиними губами и крупными голубоватыми зубами, онъ, этотъ древній аріецъ, паръ изъ Суходола, уже получилъ кличку: борзой. Глядя на его оскалъ, слушая его покашливанія, многіе думали: „А скоро ты, борзой, издохнешь!“. Въ слухъ же, не въ примѣръ прочимъ, величали молокососа Герасіемъ Аоанасьевичемъ.

Боялись его и господа. У господъ было въ характерѣ то же, что у холоповъ: или властвовать, или бояться. За дерзкій отвѣтъ дѣдушкѣ въ день пріѣзда Петра Петровича Герваськѣ, къ удивленію дворни, ровно ничего не было. Аркадій Петровичъ сказалъ ему кратко: „Положительно скотина ты, братъ!"—на что и отвѣтъ получилъ очень краткій: „Терпѣть его не могу я, сударь!". А къ Петру Петровичу Герваська самъ пришелъ: сталъ на порогъ и, по своей манерѣ, развязно осѣвъ на свои несоразмѣрно съ туловищемъ длинныя ноги въ широчайшихъ шароварахъ, угломъ выставивъ лѣвое колѣно, попросилъ, чтобы его выпороли.

— Очень я грубіянъ и горячій, сударь,—сказалъ онъ безразлично, играя черными глазищами.

И Петръ Петровичъ, почувствовавъ въ словѣ „горячій" намекъ, струсилъ.

— Успѣется еще, голубчикъ! Успѣется!—притворно-строго крикнулъ онъ.—Выйди вонъ! Я тебя, дерзкаго, и видѣть не могу.

Герваська постоялъ, помолчалъ. Потомъ сказалъ:

— Есть на то воля ваша.

Постоялъ еще, крутя жесткій волосъ на верхней губѣ, поскалилъ по-собачьи голубоватыя челюсти, не выражая на лицѣ ни единаго чувства, и вышелъ. Твердо убѣдился онъ съ тѣхъ поръ въ выгодѣ этой манеры—ничего не выражать на лицѣ и быть какъ можно болѣе краткимъ въ отвѣтахъ. А Петръ Петровичъ сталъ не только избѣгать разговоровъ съ нимъ, но даже въ глаза ему смотрѣть.

Такъ же безразлично, загадочно держался Герваська и на Покровъ. Всѣ сбились съ ногъ, готовясь къ празднику, отдавая и принимая распоряженія, ругаясь, споря, моя полы, чистя синѣющимъ мѣломъ темное тяжелое серебро иконъ, поддавая ногами лѣзущихъ въ сѣнцы собакъ, боясь, что не застынетъ желе, что не хватитъ вилокъ, что нережарятся налевашники, хворостики: одинъ Герваська спокойно ухмылялся и говорилъ бѣсившемуся Казимиру, алкоголику-повару: „Потише, отецъ дьяконъ, подрясникъ лопнетъ!"

— Смотри не напейся,—разсѣянно, волнуясь изъ-за предводителя, сказалъ Герваськѣ Петръ Петровичъ.

— Сотроду не пилъ,—какъ равному кинулъ ему Герваська.—Не интересно.

И потомъ, при гостяхъ, Петръ Петровичъ даже заискивающе кричалъ на весь домъ:

Герасій Ѳоанасичъ! Не пропадай ты, пожалуйста. Безъ тебя какъ безъ рукъ.

А Герваська въ лицѣ и съ достоинствомъ отзывался:

— Не извольте, сударь, безпокоиться. Не посмѣю отлучиться.

Онъ служилъ, какъ никогда. Онъ вполнѣ оправдывалъ слова Петра Петровича, вслухъ говорившаго гостямъ:

— До чего дерзокъ этотъ дылда, вы и представить себѣ не можете! Но положительно умница! Золотыя руки!

Могъ ли онъ предположить, что роняетъ въ чашу именно ту каплю, которая переполнитъ ее? Дѣдушка услыхалъ его слова. Онъ затеребилъ на груди казакинъ и вдругъ черезъ весь столъ закричалъ предводителю:

— Ваше превосходительство! Подайте руку помощи! Какъ къ отцу, прибѣгаю къ вамъ съ жалобой на слугу моего! Вотъ на этого, на этого—на Гервасія Аѳанасьева Куликова! Онъ на каждомъ шагу уничтожаетъ меня! Онъ...

Его прервали, уговорили, успокоили. Взволновался дѣдушка до слезъ, но его стали успокаивать такъ дружно и съ такимъ почтеніемъ, конечно, насмѣшливымъ, что онъ сдался и почувствовалъ себя опять дѣтски-счастливымъ. Герваська стоялъ у стѣны строго, съ опущенными глазами и слегка поворотивъ голову. Дѣдушка видѣлъ, что у этого великана черезчуръ мала голова, что она была бы еще меньше, если бы остричь ее, что затылокъ у него острый, и что особенно много волосъ именно на затылкѣ, — крупныхъ, черныхъ, грубо подрубленныхъ и образующихъ выступъ надъ тонкой шеей. Отъ загара, отъ вѣтра на охотѣ темное лицо Герваськи мѣстами шелушилось, было въ блѣдно-лиловыхъ пятнахъ. И дѣдушка со страхомъ и тревогой кидалъ взгляды на Герваську, но все-таки радостно кричалъ гостямъ:

— Хорошо, я прощаю его! Только за это я не отпущу васъ, дорогіе гости, цѣлыхъ три дня. Ни за что не отпущу! Особливо же прошу, не уѣзжайте на-вечеръ. Какъ дѣло на-вечеръ, я самъ не свой: такая тоска, такая жуть! Тучки заходятъ, въ Трошиномъ лѣсу, говорятъ, опять двухъ французовъ Бонапартишкиныхъ поймали... Я безпремѣнно помру вечеромъ,—попомните мое слово! Мнѣ Мартынъ Задека предсказалъ...

Но умеръ онъ рано утромъ.

Онъ настоялъ-таки: „ради него“ много народу осталось ночевать: весь вечеръ пили чай, варенья было страшно много все разное, такъ что можно было подходить и пробовать, подходить и пробовать; затѣмъ наставили столовъ, зажгли столько спермацетовыхъ свѣчей, что онѣ отражались во всѣхъ зеркалахъ, и по комнатамъ, полнымъ дыма душистаго жуковскаго табаку, шума и говора, былъ золотистый блескъ, какъ въ церкви. Главное же, многіе ночевать остались. И, значитъ

впереди былъ не только новый веселый день, но и большія хлопоты, заботы: вѣдь если бы не онъ, не Петръ Кириллычъ, никогда не сошелъ бы такъ отлично праздникъ, никогда не было бы такого оживленнаго и богатаго обѣда!

— Да, да, — волнуясь, думалъ дѣдушка ночью, скинувъ казакинъ и стоя въ своей спальнѣ передъ аналоемъ, передъ зажженными на немъ восковыми свѣчечками, глядя на черный образъ Меркурія.—Да, да, смерть грѣшнику люта... Да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ!

Но тутъ онъ вспомнилъ, что хотѣлъ подумать что-то другое; горбясь и шепча пятидесятый псаломъ, прошелся по комнатѣ, поправилъ тлѣвшую на ночномъ столикѣ курительную монашку, взялъ въ руки псалтирь и, развернувъ, снова съ глубокимъ, счастливымъ вздохомъ поднялъ глаза на безглаваго святого. И вдругъ напалъ на то, что̀ хотѣлъ подумать, и засіялъ улыбкой:

— Да, да: есть старикъ — убилъ бы его, нѣтъ старика — купилъ бы его!

Боясь проспать, не распорядиться о чемъ-то, онъ почти не спалъ. А рано утромъ, когда въ комнатахъ, еще не убранныхъ и пахнущихъ табакомъ, стояла та особенная тишина, что̀ бываетъ только послѣ праздника, осторожно, на босу ногу вышелъ онъ въ гостиную, заботливо поднялъ нѣсколько мѣлковъ, валявшихся у раскрытыхъ зеленыхъ столовъ, и слабо ахнулъ отъ восторга, взглянувъ на садъ за стеклянными дверями: на яркій блескъ холодной лазури, на серебро утренника, покрывшаго и балконъ, и перила, и коричневую листву въ голыхъ зарослях̀ъ подъ балкономъ, и далекую крышу бани на окраинѣ сада, среди тополей, листвы еще не потерявшихъ. Онъ отворилъ дверь и потянулъ носомъ: еще горько и спиртуозно пахло изъ кустовъ осеннимъ тлѣніемъ, но этотъ запахъ терялся въ зимней свѣжести. И все было неподвижно, успокоенно, почти торжественно. Чуть показавшееся сзади, за деревней, солнце озаряло вершины картинной аллеи, полуголыхъ, осыпанныхъ рѣдкимъ и мелкимъ золотомъ, бѣлоствольныхъ березъ, и прелестный, радостный, неуловимо-лиловатый тонъ былъ въ этихъ бѣлыхъ съ золотомъ вершинахъ, сквозившихъ на лазури. Пробѣжала собака въ холодной тѣни подъ балкономъ, хрустя по сожженной морозомъ и точно солью осыпанной травѣ. Хрустъ этотъ напомнилъ зиму — и, съ удовольствіемъ передернувъ плечами, дѣдушка вернулся въ гостиную и, затаивая дыханіе, сталъ передвигать, разставлять тяжелую, рычащую по полу мебель, изрѣдка поглядывая въ зеркало, гдѣ отражалось голубое небо. Вдругъ неслышно

и быстро вошелъ Герваська — безъ казакина, заспанный, „злой, какъ чортъ", какъ онъ самъ же разсказывалъ потомъ.

Онъ вошелъ и строго крикнулъ шопотомъ:

— Тише ты! Чего лѣзешь не въ свое дѣло?

Дѣдушка поднялъ возбужденное лицо и, съ той нѣжностью, которая не покидала его весь вчерашній день и всю ночь, шопотомъ отвѣтилъ:

— Вотъ видишь, какой ты, Гервасій! Я простилъ тебя вчерась, а ты, замѣсто благодарности барину...

— Надоѣлъ ты мнѣ, слюнтяй, хуже осени!—перебилъ Герваська.—Пусти.

Дѣдушка со страхомъ взглянулъ на его затылокъ, еще болѣе выступавшій теперь надъ тонкой шеей, торчавшей изъ ворота бѣлой рубахи, но вспыхнулъ и загородилъ собою ломберный столъ, который хотѣлъ тащить въ уголъ.

— Ты пусти! — мгновеніе подумавъ, негромко крикнулъ онъ.—Это ты долженъ уступить барину. Ты доведешь меня: я тебѣ кинжалъ въ бокъ всажу!

— А!—досадливо сказалъ Герваська, блеснувъ зубами,—и наотмашь ударилъ его въ грудь.

Доска стола была сложена, половина его была открыта. Дѣдушка поскользнулся на гладкомъ дубовомъ полу, взмахнулъ руками — и какъ разъ вискомъ ударился объ острый уголъ.

Увидя кровь, безсмысленно-раскосившіеся глаза и разинутый ротъ, Герваська, самъ не зная, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, сорвалъ съ еще теплой дѣдушкиной шеи золотой образокъ и ладанку на заношенномъ шнурѣ... оглянулся, сорвалъ и бабушкино обручальное кольцо съ мизинца... Затѣмъ неслышно и быстро вышелъ изъ гостиной—и какъ въ воду канулъ.

Единственнымъ человѣкомъ изо всего Суходола, видѣвшимъ его послѣ этого, была Наталья.

VII.

Пока жила она въ Сошкахъ, произошло въ Суходолѣ еще два крупныхъ событія: женился Петръ Петровичъ и отправились братья охотниками въ крымскую кампанію.

Вернулась она почти черезъ два года: о ней забыли. И, вернувшись, не узнала Суходола, какъ не узналъ ее и Суходолъ.

Въ тотъ лѣтній вечеръ, когда телѣга, присланная съ барскаго двора, заскрипѣла возлѣ хуторской хаты и Наташка выскочила на порогъ, Евсей Бодуля удивленно воскликнулъ:

— Ужли это ты, Наташка?

— А то кто же? — отвѣтила Наташка съ чуть замѣтной улыбкой.

И Евсей покачалъ головою:

— Добрѣ ты не хороша-то стала!

А стала она только не похожа на прежнюю: изъ стриженой дѣвчонки, круглоликой и ясноглазой, превратилась въ невысокую, но стройную дѣвку, худощавую, но не болѣзненную, сдержанную въ вопросахъ и отвѣтахъ. Она была боса, въ старенькой плахтѣ и вышитой сорочкѣ, хотя покрыта темнымъ платочкомъ по-нашему, немного смугла отъ загара и вся въ мелкихъ веснушкахъ цвѣта проса. А Евсею, истому суходольцу, и темный платокъ, и загаръ, и веснушки, конечно, казались некрасивыми. Да она и сама полагала, что это некрасиво. Однако всякій могъ замѣтить,—по той тонкой улыбкѣ, съ которой было сказано: „а то кто же?",—что и горда она перемѣнами, совершившимися въ ней, и даже какъ будто довольна, что не хороша.

На пути въ Суходолъ Евсей сказалъ:

— Ну, вотъ, дѣвка, и невѣстой ты стала. Хочется замужъ-то?

Она только головой помотала:

— Нѣтъ, дядя Евсей, никогда не пойду.

— Это съ какой же радости?—спросилъ Евсей и даже трубку изо рта вынулъ.

И не сейчасъ, полушутя, полусерьезно она пояснила: не всѣмъ же замужемъ быть: отдадутъ ее, вѣрно, барышнѣ, а барышня обрекла себя Богу и, значитъ, замужъ ее не пуститъ; да и сны ужъ очень явственные снились ей не разъ...

— Что жъ ты видѣла?—спросилъ Евсей.

— Да такъ, пустое,—сказала она.—Напугалъ меня тогда Герваська до-смерти, наговорилъ новостей, раздумалась я... Ну, вотъ и снилось.

— А ужли правда, завтракалъ онъ у васъ, Герваська-то?

Наташка подумала.

— Завтракалъ. Пришелъ и говоритъ: пришелъ я къ вамъ отъ господъ по большому дѣлу, только дайте сперва поѣсть мнѣ. Ему и накрыли, какъ путному. А онъ наѣлся, вышелъ изъ избы и мнѣ моргнулъ. Я выскочила, онъ разсказалъ мнѣ за угломъ все дочиста, да и пошелъ себѣ...

— Да что жъ ты хозяевъ-то не кликнула?

— Эко-ся. Онъ убить пригрозилъ. До обѣда не велѣлъ сказывать. А имъ сказалъ,—спать подъ амбаръ иду...

Въ Суходолѣ съ большимъ любопытствомъ глядѣла на нее вся дворня, приставали съ разспросами подруги и сверстницы по дѣвичьей. Но и подругамъ отвѣчала она все такъ же кратко и точно любуясь какой-то ролью, взятой на себя.

— Хорошо было, — повторяла она.

А разъ сказала тономъ богомолки:

— У Бога всего много. Хорошо было.

И просто, безъ промедленій вступила въ рабочую, будничную жизнь, какъ бы совсѣмъ не дивясь тому, что нѣтъ дѣдушки, что ушли молодые господа на войну охотниками по доброй своей волѣ, что барышня тронулась и бродитъ по комнатамъ, подражая дѣдушкѣ, что правитъ Суходоломъ новая, всѣмъ чужая барыня,—маленькая, полная, очень живая, беременная—московская институтка, бывшая гувернантка господъ Черкизовыхъ, а теперь называющая Петра Петровича Петрушей.

Барыня крикнула за обѣдомъ:

— Позовите же сюда эту... какъ ее?.. Наташку.

И Наташка быстро и неслышно вошла, перекрестилась, поклонилась въ уголъ, образамъ, потомъ барынѣ и барышнѣ— и стала, ожидая разспросовъ и приказаній. Разспрашивала, конечно, только барыня, — барышня, очень выросшая, похудѣвшая, востроносая, глядя своими неправдоподобно-черными глазами пристально-тупо, ни слова не проронила. Барыня же и опредѣлила ее состоять при барышнѣ. И она поклонилась и просто сказала:

— Слушаю-съ.

Барышня, глядя все такъ же внимательно-равнодушно, внезапно кинулась на нее вечеромъ и, яростно раскосивъ глаза, жестоко и съ наслажденіемъ изорвала ей волосы — за то, что неумѣло дернула съ ея ноги чулокъ. Наташка по-дѣтски заплакала, но смолчала: а, выйдя въ дѣвичью, сѣвъ на коникъ и выбирая вырванныя пряди, даже улыбнулась сквозь висѣвшія на рѣсницахъ слезы.

— Ну, люта-а!—сказала она.—Трудно мнѣ будетъ.

Барышня, проснувшись утромъ, долго лежала въ постели а Наташка стояла у порога и, опустивъ голову, искоса поглядывала на ея блѣдное лицо.

— Что жъ видѣла во снѣ?—спросила барышня такъ равнодушно, точно кто-то другой говорилъ за нее.

Она отвѣтила:

— Кажись, ничего-съ.

И тогда барышня, опять такъ же внезапно, какъ вчера вскочила съ постели, бѣшено запустила въ нее чашку с чаемъ и, упавъ на постель, горько, съ крикомъ зарыдала Отъ чашки Наташка увернулась—и вскорѣ научилась увертываться съ необыкновенной ловкостью. Оказалось, что глупымъ дѣвкамъ, отвѣчавшимъ на вопросъ о снахъ: „ничего-с не видала“ — барышня кричала иногда: „Ну, полги что-н

будь!". Но такъ какъ лгать Наташка была не мастерица, то и пришлось ей развивать въ себѣ другое умѣнье: увертываться.

Наконецъ къ барышнѣ привезли лѣкаря. Лѣкарь опредѣлилъ „опеченіе легкихъ" и прописалъ много пилюль, много черныхъ капель. Боясь, что ее отравятъ, барышня заставила перепробовать эти пилюли и капли Наташку — и та безъ отказа перепробовала ихъ всѣ подъ-рядъ. Вскорѣ послѣ пріѣзда узнала она, что барышня ждала ее „какъ свѣта бѣлаго": барышня-то и вспомнила о ней — всѣ глаза проглядѣла, не будутъ ли изъ Сошекъ, горячо увѣряла всѣхъ, что будетъ совсѣмъ здорова, освободится отъ всякой боли и тоски, какъ только вернется Наташка. Наташка вернулась—и встрѣчена была совершенно равнодушно. Но не были ли слезы барышни слезами горькаго разочарованія? Не была ли жестокая выдумка заставить пробовать лѣкарства лютой жаждой выздоровленія? У Наташки дрогнуло сердце, когда она сообразила все это. Она вышла въ коридоръ, сѣла на рундукъ и опять заплакала. Плакала она тихо, наслаждаясь своими слезами, подолгу, пристально смотрѣла сквозь слезы куда-то въ одну точку, — подражала бабамъ, а вспоминала зеркальце, свой отъѣздъ въ Сошки, все пережитое тамъ, и опять по-дѣтски косила лицо и принималась чуть слышно голосить.

— Что жъ, лучше тебѣ? — спросила барышня, когда она вошла къ ней съ опухшими глазами.

— Лучше-съ,—шопотомъ сказала Наташка, хотя отъ лѣкарствъ у нея замирало сердце и кружилась голова, и, подойдя, горячо поцѣловала руку барышни.

И долго послѣ того ходила съ опущенными рѣсницами, боясь поднять ихъ на барышню, умиленная жалостью и къ ней и къ своему одиночеству.

— У, хохлушка подколодная! — крикнула разъ одна изъ подругъ ея по дѣвичьей, Солошка, чаще всѣхъ пытавшаяся стать наперсницей всѣхъ тайнъ и чувствъ ея и постоянно натыкавшаяся на краткіе, простые отвѣты, исключавшіе всякую прелесть дѣвичьей дружбы.

Наташка грустно усмѣхнулась.

— А что жъ,—сказала она задумчиво.—И то правда. Съ кѣмъ поведешься, отъ того и наберешься. Я иной разъ по отцу-матери не жалкую такъ-то, какъ по хохламъ своимъ...

Но сказала она неправду. Сошекъ не могла она забыть, многое съ восторгомъ разсказала бы о нихъ, если бы не роль, взятая на себя. Но отцомъ-матерью хохловъ она никогда не считала.

Въ Сошкахъ она сперва совсѣмъ не придала значенія тому новому, что окружало ее. Пріѣхали подъ утро—и страннымъ показалось ей въ это утро только то, что хата очень длинна и бѣла, далеко видна среди окрестныхъ равнинъ, что хохлушка, топившая печь, поздоровалась привѣтливо, а хохолъ не слушалъ Евсея. Евсей мололъ безъ умолку—и о господахъ, и о Демьянѣ, и о жарѣ въ пути, и о томъ, что ѣлъ онъ въ городѣ, и о Петрѣ Петровичѣ, и, ужъ, конечно, о зеркальцѣ,—а хохолъ, Шарый, или, какъ звали его въ Суходолѣ, Барсукъ, только головой моталъ и вдругъ, когда Евсей смолкъ, разсѣянно глянулъ на него и превесело запѣлъ подъ-носъ: „Круть, верть, метелица"... Потомъ стала она понемногу приходить въ себя—и дивоваться на Сошки, находить въ нихъ все больше прелести и несходства съ Суходоломъ. Одна хата хохлацкая чего стоила—ея бѣлизна, ея ладная, ровная, очеретяная крыша! Какъ богато казалось въ этой хатѣ внутреннее убранство по сравненію съ неряшливымъ убожествомъ суходольскихъ избъ! Какіе дорогіе фольговые образа висѣли въ углу ея, что за дивные бумажные цвѣты окружали ихъ, какъ красиво пестрѣли полотенца, висѣвшія надъ ними! А узорчатая скатерть на столѣ! А рядъ сизыхъ горшковъ и махоточекъ на полкахъ возлѣ печи!.. Но удивительнѣе всего были хозяева.

Чѣмъ они удивительны, она не совсѣмъ понимала, но чувствовала постоянно. Никогда еще не видала она такихъ опрятныхъ, спокойныхъ и ладныхъ мужиковъ, какъ Шарый. Былъ онъ невысокъ, голову имѣлъ клиномъ, стриженую, в густомъ крѣпкомъ серебрѣ, усы,—онъ только усы носилъ,— тоже серебряные, узкіе, татарскіе, лицо и шею черныя от загара, въ глубокихъ морщинахъ, но тоже какихъ-то ладныхъ, опредѣленныхъ, нужныхъ почему-то. Ходилъ онъ неловко, — тяжелы были его сапоги, — въ сапоги заправлялъ портки изъ грубаго бѣленаго холста, въ портки — такую же рубаху, широкую подъ мышками, съ отложнымъ воротомъ. На ходу гнулся слегка. Но ни эта манера, ни морщины, ни сѣдины не старили его: не было ни усталости нашей ни вялости въ его лицѣ; небольшіе глаза глядѣли остро, тонко-насмѣшливо. Старика-серба, откуда-то заходившаго однажды въ Суходолъ съ мальчикомъ, игравшимъ на скрипкѣ, напомнилъ онъ Наташкѣ.

А хохлушку Марину суходольцы прозвали Коньемъ. Стройна была эта высокая пятидесятилѣтняя женщина. Желтоватый загаръ ровно покрывалъ гладкую, не суходольскую кожу ея широкоскулаго лица, грубоватаго, но почти крас-

ваго своей прямотой и строгой живостью глазъ—не то ага-
товыхъ, не то янтарно-сѣрыхъ, мѣнявшихся, какъ у кошки.
Высокимъ тюрбаномъ лежалъ на ея головѣ большой черно-
золотой, въ красномъ горошкѣ, платокъ: черная короткая
плахта, рѣзко оттѣнявшая бѣлизну сорочки, плотно облегала
удлиненныя, почти дѣвичьи формы. Обувалась она на босу
ногу въ башмаки съ подковками, голыя берцы ея были тонки,
но округлы, стали отъ солнца какъ полированное желто-ко-
ричневое дерево. И когда она порою пѣла за работой, сдви-
нувъ брови, сильнымъ грудянымъ голосомъ, пѣсню объ осадѣ
невѣрными Почаева, о томъ—

Як зійшла зоря вечіровая
Та над Почаевом стала,

какъ сама Божья Матерь святой монастырь „рятувала“, въ
голосѣ ея было столько безнадежности, завыванія, чего-то
церковнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ столько величія, силы, угрозы,
что Наташка не спускала въ жуткомъ восторгѣ глазъ съ нея.

Дѣтей хохлы не имѣли: Наташка была сирота. И, живи
она у суходольцевъ, звали бы ее дочкой пріемной, а порой
и воровкой, то жалѣли бы ее, то глаза кололи. А хохлы были
почти холодны, но ровны въ обращеніи, совсѣмъ не любо-
пытны и не многорѣчивы. Осенью пригоняли на косьбу,
на молотьбу калужскихъ бабъ и дѣвокъ, которыхъ звали
за ихъ пестрые сарафаны „распошонками“. Тогда на ху-
торѣ было шумно, говоръ стоялъ немолчный. По распо-
шонокъ она чуждалась: слыли онѣ распутными, дурно-
болѣзными, были грудасты, охальны и дерзки, ругались
скверно и съ наслажденіемъ, прибаутками такъ и сыпали,
на лошадь садились по-мужичьи, скакали какъ угорѣлыя.
Разсѣялось бы ея горе въ привычномъ быту, въ откровен-
ностяхъ, въ слезахъ и пѣсняхъ. Да не въ ладъ съ дру-
гими шли ея пѣсни. Распошонки затягивали свои грубыми
голосами, подхватывали ихъ не въ мѣру дружно и зычно,
съ еканьемъ и свистомъ. Шарый пѣлъ только насмѣш-
ливо-плясовое что-то. А Марина въ своихъ пѣсняхъ, даже
любовныхъ, была строга, горда и задумчиво-сумрачна.

В кінці греблі шумлять верби,
Що я посадила,—

осклизво-протяжно разсказывала она—и прибавляла, понижая
голосъ, твердо и безнадежно:

Нема того,
Кого я любила

А что̀ знала Наташка? Что̀ осталось въ Суходолѣ отъ выродившейся, измельчавшей въ немъ славянской пѣсни? Только жалобы на судьбу, на батюшку съ матушкой, что̀ „неволей за немилаго замужъ отдаютъ—къ лютому свекру, къ лютой свекрови, къ лютымъ невѣсткамъ“, или несмѣлые укоры тому, кто наболталъ да кинулъ:

Не вчера ли при народѣ
Называлъ меня своей?

И къ одиночествѣ, въ глуши, медленно испила она первую, горькую-сладкую отраву нераздѣленной любви, перестрадала свой стыдъ, ревность, страшные и милые сны, часто снившіеся ей по ночамъ, несбыточныя мечты и ожиданія, долго томившія ее въ молчаливые степные дни. Часто жгучая обида смѣнялась въ ея сердцѣ нѣжностью, страсть и отчаяніе—покорностью, желаніемъ самаго скромнаго, незамѣтнаго существованія близъ н е г о, любви, навѣки скрытой ото всѣхъ и ничего не ждущей, ничего не требующей. Вѣсти, новости, доходившія изъ Суходола, отрезвляли. Но не было долго вѣстей, не было ощущенія будничной суходольской жизни—и начиналъ казаться Суходолъ такимъ прекраснымъ, такимъ желаннымъ, что не хватало силъ терпѣть одиночество и горе... Вдругъ явился Герваська. Онъ торопливо-рѣзко выкинулъ ей всѣ суходольскія новости, въ полчаса разсказалъ то, чего другой не сумѣлъ бы и въ день разсказать,—вплоть до того, какъ онъ на-смерть „толконулъ“ дѣда, и твердо сказалъ:

— Ну, а теперь прощай до-вѣку!

Онъ, прожигая ее, ошеломленную, своими глазищами, крикнулъ, выходя на дорогу:

— А дурь изъ головы пора вонъ выбить! Онъ вотъ-вотъ женится, ты ему и въ любовницы не годишься... Образумься!

И она образумилась. Пережила страшныя новости, пришла въ себя—и образумилась.

Дни потянулись послѣ того мѣрно, скучно, какъ тѣ богомолки, что̀ шли и шли по шоссе мимо хутора, вели, отдыхая, долгія бесѣды съ ней, учили терпѣнію да надеждѣ на Господа Бога, имя котораго произносилось тупо, жалобно, а пуще всего правилу: не думать.

— Думай, не думай—по-нашему не будетъ,—говорили богомолки, перевязывая лапти, морща измученныя лица и разслабленно глядя въ степную даль.—У Господа Бога всего много... Сорви-ка ты намъ, дѣушка, лучку украдкой...

А иныя, какъ водится, и стращали—грѣхами, тѣмъ свѣтомъ, сулили еще и не такіе бѣды и страхи. И однажды приснилось ей чуть не подъ-рядъ два ужасныхъ сна. Все ...

мала она о Суходолѣ,—трудно было сначала не думать-то!— думала о барышнѣ, о дѣдушкѣ, о своемъ будущемъ, гадала, выйдетъ ли она замужъ, и если выйдетъ, то когда, за кого... Думы такъ незамѣтно перешли однажды въ сонъ, что совершенно явственно увидала она предвечернее время знойнаго, пыльнаго, тревожно-вѣтренаго дня и то, что бѣжитъ она на прудъ съ ведрами — и вдругъ видитъ на глинисто-сухомъ косогорѣ безобразнаго, головастаго мужика-карлика въ разбитыхъ сапогахъ, безъ шапки, со всклоченными вѣтромъ рыжими кудлами, въ распоясанной, развѣвающейся огненно-красной рубахѣ. — „Дѣдушка! — крикнула она въ тревогѣ и ужасѣ. — Ай пожаръ?“ — „До шпенту все слетитъ сейчасъ! — тоже крикомъ, заглушаемымъ горячимъ вѣтромъ, отозвался карликъ. — Туча идетъ несказанная! И думать не моги замужъ собираться!..“ А другой сонъ былъ и того страшнѣе: стояла она будто бы въ полдень въ жаркой пустой избѣ, припертая кѣмъ-то снаружи, замирала, ждала чего-то — и вотъ выпрыгнулъ изъ-за печки громадный сѣрый козелъ, вскинулся на дыбы — и прямо къ ней, непристойно возбужденный, съ горящими, какъ уголья, радостно-бѣшеными и молящими глазами. „Я твой женихъ!“ — крикнулъ онъ человѣчьимъ голосомъ, быстро и неловко подбѣгая, мелко топоча маленькими задними копытцами — и съ размаху упалъ ей на грудь передними...

Вскакивая послѣ такихъ сновъ на своей постели въ сѣняхъ, чуть не умирала она отъ сердцебіенія, отъ страха темноты и мысли, что не къ кому кинуться ей.

— Господи Исусе,—скороговоркой шептала она.—Матушка Царица Небесная! Угодники Божіи!

Но отъ того, что всѣ угодники представлялись ей коричневыми и безглавыми, какъ Меркурій, дѣлалось еще страшнѣе.

Когда же стала она обдумывать сны, то въ голову стало приходить, что дѣвичьи годы ея кончены, что судьба ея уже опредѣлилась,—недаромъ выпало ей на долю нѣчто необычное, любовь къ барину!—что ждутъ ее еще какія-то испытанія, что надо подражать хохламъ въ сдержанности, а богомолкамъ—въ простотѣ и смиреніи. И такъ какъ любятъ суходольцы играть роли, внушать себѣ непреложность того, что будто бы должно быть, хотя сами же они и выдумываютъ это должное, то взяла на себя роль и Наташка.

VIII.

У ней ноги отяжелѣли отъ радости, когда, выскочивъ на порогъ наканунѣ Петрова дня, поняла она, что Бодуля—за

нею, когда увидала она запыленную, растрепанную суходольскую телѣгу, увидала рваную шапку на лохматой головѣ Бодули, его выцвѣтшую на солнцѣ путаную бороду, его лицо, усталое и возбужденное, до времени состарившееся и безобразное, даже непонятное какое-то въ убожествѣ и несоразмѣрности чертъ, увидала знакомаго кобеля, тоже лохматаго, имѣющаго какое-то сходство не только съ Бодулей, но со всѣмъ Суходоломъ, — мутно-сѣраго на спинѣ, а спереди, съ груди, съ густо-опушенной шеи, точно прокопченнаго темнымъ дымомъ курной избы. Но Бодуля удивился—и она овладѣла собою, почувствовала гордость, вошла въ роль. Бодуля плелъ, что̀ въ голову влѣзетъ, о войнѣ, то какъ будто радовался ей, то сокрушался, и Наташка разсудительно говорила:

— Что̀ жъ, видно, надобно окоротить ихъ, французовъ-то...

Весь долгій день на пути къ Суходолу прошелъ въ жутком̀ ощущеніи—смотрѣть новыми глазами на старое, знакомое, переживать, приближаясь къ родному углу, прежнюю самоё себя, замѣчать перемѣны, узнавать встрѣчныхъ. При поворотѣ въ Суходолъ съ большой дороги, на парахъ, заросшихъ сергибусомъ, бѣгалъ третьякъ жеребенокъ: мальчишка, ставъ на веревочный поводъ босой ногой, уцѣпился за шею жеребенка и силился закинуть другую на спину, а жеребенокъ не давался, бѣгалъ, трясъ его. И Наташка радостно взволновалась, признавъ въ мальчишкѣ Ѳомку Пантюхина. Повстрѣчался столѣтній Назарушка, сидѣвшій въ пустой телѣгѣ уже не по-мужичьи, а по-бабьи, съ прямо вытянутыми ногами,—съ напряженно, высоко и слабосильно поднятыми плечами, съ безцвѣтными, жалко-грустными глазами, исхудѣвшій до того, что „нечего въ гробъ положить“, безъ шапки и въ длинной ветхой рубахѣ, сизой отъ золы, отъ постояннаго лежанія въ печкѣ. И опять содрогнулось сердце,—вспомнилось, какъ года три тому назадъ добрѣйшій и беззаботнѣйшій Аркадій Петровичъ хотѣлъ пороть этого Назарушку, пойманнаго на огородѣ съ хвостикомъ рѣдьки и плакавшаго среди дворни, окружившей его, еле живого отъ страха, и съ хохотомъ кричавшей:

— Нѣтъ, дѣдъ, не каляйся: видно, ужъ придется подгузники скидавать! Не минуешь!

А какъ забилось сердце, когда увидала она выонъ, рядъ избъ—и усадьбу: садъ, высокую крышу дома, заднія стѣны людскихъ, амбаровъ, конюшенъ. Желтое ржаное поле, полное васильковъ, вплотную подходило къ этимъ стѣнамъ, къ бурьянамъ, татаркамъ: чей-то бѣлый въ коричневыхъ

ятнахъ теленокъ тонулъ среди овсовъ, стоялъ въ нихъ, объ-
дая кисти. Все вокругъ было мирно, просто, обычно—все
еобычнѣе, все тревожнѣе становились только въ ея умѣ, ко-
орый и совсѣмъ помутился, когда шибко покатила телѣга
о широкому двору, бѣлѣвшему спящими борзыми, какъ по-
ость камнями, когда, впервые послѣ двухлѣтняго пребыва-
ія въ избѣ, вошла она въ прохладный домъ, такъ знакомо
ахнущій восковыми свѣчами, липовымъ цвѣтомъ, буфетной,
азацкимъ сѣдломъ Аркадія Петровича, валявшимся на лавкѣ
ъ прихожей, опустѣвшими перепелиными клѣтками, висѣ-
шими надъ окномъ,—и робко взглянула на Меркурія, пере-
есеннаго изъ дѣдушкиныхъ покоевъ въ уголъ прихожей...

Попрежнему весело озаренъ былъ сумрачный залъ солн-
емъ, свѣтившимъ изъ сада въ маленькія окна. Цыпленокъ,
еизвѣстно зачѣмъ попавшій въ домъ, сиротливо пищалъ,
родя по гостиной. Липовый цвѣтъ сохъ и благоухалъ на го-
ячихъ, яркихъ подоконникахъ... Казалось,—все старое, что
кружало ее, помолодѣло, какъ всегда бываетъ это въ домахъ
ослѣ покойника. Во всемъ, во всемъ - и особенно въ запахѣ
вѣтовъ—чувствовалась часть ея собственной души, ея дѣт-
тва, отрочества, первой любви. И жаль было выросшихъ,
мершихъ, измѣнившихся—самоё себя, барышню. Выросли ея
верстники и сверстницы. Многіе старики и старухи, кача-
шіе отъ дряхлости головами и порою тупо выглядывавшіе
ъ пороговъ людскихъ на міръ Божій, навсегда исчезли изъ
того міра. Исчезла Дарья Устиновна. Исчезъ дѣдушка, такъ
о-дѣтски боявшійся смерти, думавшій, что смерть будетъ
влаѣвать имъ медленно, пріуготовляя его къ страшному
асу, и такъ неожиданно, молніеносно скошенный ея косою.
І не вѣрилось, что нѣтъ его, что подъ могильнымъ бугромъ
озлѣ церкви села Черкизова истлѣлъ именно онъ. Не вѣри-
ось, что эта черная, худая, востроносая женщина, то равно-
ушная, то бѣшеная, то тревожно-болтливая и откровенная
ъ ней, какъ съ равной, то вырывающая ей волосы,—барышня
онечка. Непонятно было, почему хозяйствуетъ въ домѣ ка-
ая-то Клавдія Марковна, маленькая, крикливая, съ черными
сиками... Разъ робко заглянула Наташка въ ея спальню, уви-
ала роковое зеркальце въ серебряной оправѣ—и сладостно
рихлынули къ ея сердцу всѣ ея прежніе страхи, радости, нѣж-
ость, ожиданіе стыда и счастья, запахъ росистыхъ лопуховъ
а вечернемъ зарѣ... Но всѣ чувства, всѣ помыслы затаивала
она въ себѣ—и все укрощала, все успокоивала словами бого-
олокъ, качавшимися ей верхомъ мудрости: „у Бога всего
ного“... Старая, старая сухотольская кровь текла въ ней!

Слишкомъ прѣсный хлѣбъ ѣла она съ того суглинка, что окружалъ Суходолъ. Слишкомъ прѣсную воду пила изъ тѣхъ прудовъ, что изрыли ея дѣды въ руслѣ изсякнувшей рѣчки. Ни плети ни дыбы не боялась она; боялась только быть осмѣянной. Не пугали ее изнуряющіе будни—пугало необычное. Не страшила даже смерть; но въ трепетъ приводили сны, ночная темнота, буря, громъ и — огонь. Какъ ребенка подъ сердцемъ, носила она смутное ожиданіе какихъ-то неминуемыхъ бѣдъ. И онѣ пришли, пришли даже черезчуръ скоро, нарушили будни—и уже навсегда уступили имъ мѣсто.

Это ожиданіе старило ее. Да и неустанно внушала она себѣ, что молодость миновала, во всемъ искала доказательства тому. И не сровнялось года съ пріѣзда ея въ Суходолъ, какъ уже слѣда не осталось отъ того молодого чувства, съ которымъ перешагнула она порогъ суходольскаго дома.

Родила Клавдія Марковна. Ѳедосью-птичницу произвели въ няньки — и Ѳедосья, женщина еще молодая, надѣла темное старушечье платье, стала смиренной, богобоязненной. Еще едва таращилъ молочные безсмысленные глазки, пускалъ пузырями слюну, безпомощно падалъ впередъ, одолѣваемый тяжестью собственной головы, и свирѣпо оралъ новый Хрущевъ. А его уже называли барчукомъ,—уже слышались изъ дѣтской старыя, старыя причитанія:

— Вонъ онъ, вонъ онъ, старикъ-то съ мѣшкомъ... Старикъ, старикъ! Не ходи къ намъ, мы не дадимъ тебѣ барчука, онъ не будетъ кричать...

И Наташка подражала Ѳедосьѣ, считая себя тоже нянькой—нянькой и подругой больной барышни. Зимой умерла Ольга Кирилловна—и она выпросилась ѣхать со старухами доживавшими свой вѣкъ въ людскихъ, на похороны, ѣла тамъ кутью, которая внушала ей отвращеніе своимъ прѣснымъ приторнымъ вкусомъ, а воротясь въ Суходолъ, съ умиленіемъ разсказывала, что лежала барыня „почесть совсѣмъ какъ живая", хотя даже старухи не рѣшались глядѣть на гробъ съ этимъ чудовищнымъ тѣломъ.

А весной привозили къ барышнѣ колдуна изъ села Чемашнаго, знаменитаго Клима Ерохина, благообразнаго, богатаго однодворца, съ сивой большой бородой, съ сивыми кудрями, расчесанными на прямой рядъ, очень дѣльнаго хозяина и очень разумнаго, простого въ рѣчахъ обычно, но преобразившагося въ волхва возлѣ болящихъ. На рѣдкость крѣпки и опрятна была его одежда—поддевка изъ сермяги желѣзнаго цвѣта, красная подпояска, сапоги. Хитры и зорки были его маленькіе глаза, истово искалъ онъ ими образа, осторожно

много согнувъ свой ладный станъ, входилъ онъ въ домъ, дѣ-
вито начиналъ разговоръ. Говорилъ онъ сперва о хлѣбахъ,
дождяхъ и засухѣ, потомъ долго, аккуратно пилъ чай, по-
мъ опять крестился — и уже послѣ всего этого, сразу мѣ-
ня тонъ, спрашивалъ о болящемъ.

— Зорька... темняетъ... пора,—говорилъ онъ таинственно.

Барышню била лихорадка, она готова была покатиться
ъ судорогахъ на полъ, когда, сидя въ сумеркахъ въ
альнѣ, ожидала она появленія на порогѣ Клима. Съ ногъ
о головы была охвачена жутью и Наталья, стоявшая возлѣ
я. Стихалъ весь домъ, — даже барыня набивала дѣвками
вою комнату и разговаривала шопотомъ. Ни единаго огня
е смѣлъ никто зажечь, ни единаго голоса возвысить. У ве-
лой Солошки, дежурившей въ коридорѣ, — на случай зова,
риказаній Клима, — мутилось въ глазахъ и колотилось въ
рлѣ сердце. И вотъ онъ проходилъ мимо нея, развязывая
а ходу платочекъ съ какими-то колдовскими косточками.
атѣмъ изъ спальни раздавался въ гробовой тишинѣ его
ромкій, необычный голосъ:

— Встань, раба Божія!

Затѣмъ показывалась его сивая голова изъ-за двери.

— Доску,—кидалъ онъ безжизненно.

И на доску, положенную на полъ, ставили барышню, съ
ыкатившимися отъ ужаса глазами, похолодѣвшую, какъ по-
йникъ. Уже такъ темно было, что едва различала Наталья
ицо Клима. И вдругъ онъ зачиналъ страшнымъ, отдален-
ымъ какимъ-то голосомъ:

— Взойдетъ Филатъ... Окна откроетъ... Двери растворитъ...
ликнетъ и скажетъ: тоска, тоска!

— Тоска, тоска! — восклицалъ онъ съ внезапной силой и
розной властью.—Ты иди, тоска, во темны лѣса —тамъ твои
иста! На морѣ, на окіянѣ, — бормоталъ онъ глухой зловѣ-
ей скороговоркой:—на морѣ, на окіянѣ, на островѣ Буянѣ
житъ сучница, на ей сѣрая рунища...

И чувствовала Наталья, что нѣтъ и не можетъ быть бо-
ѣе ужасныхъ словъ, чѣмъ эти, сразу переносящія всю ея
ушу куда-то на край дикаго, сказочнаго, первобытно-гру-
аго міра. И нельзя было не вѣрить въ силу ихъ, какъ не
огъ не вѣрить въ нее и самъ Климъ, дѣлавшій порою прямо
удеса надъ одержимыми недугомъ,—тотъ же Климъ, что
акъ просто и скромно говорилъ, сидя послѣ волхованія
ъ прихожей, вытирая потный лобъ платочкомъ и опять при-
имаясь за чай:

— Ну, теперь еще двѣ зорьки осталось... Авось, Богъ

дастъ, полегчаетъ маленько... Сѣяли гречишку-то въ понѣшнемъ годѣ, сударыня? Хороши, говорятъ, нонче гречихи! Дюже хороши!

Лѣтомъ ждали изъ Крыма хозяевъ. Но прислалъ Аркадій Петровичъ „страховое“ письмо съ новымъ требованіемъ денегъ и вѣстью, что раньше начала осени нельзя имъ вернуться—по причинѣ небольшой, но требующей долгаго покоя раны Петра Петровича. Послали къ пророчицѣ Даниловнѣ въ Черкизово спросить, благополучно ли кончится болѣзнь. Даниловна заплясала, защелкала пальцами, что̀, конечно, означало: благополучно. И барыня успокоилась. А барышнѣ и Натальѣ не до нихъ было. Барышнѣ сперва полегчало. Но съ конца Петровокъ опять началось: опять тоска и такой страхъ грозъ, пожаровъ и еще чего-то, что̀ она затаивала, что не до братьевъ ей было. Не до нихъ стало и Натальѣ. На каждой молитвѣ она поминала Петра Петровича за здравіе, какъ потомъ всю жизнь свою, до гробовой доски, поминала его за упокой. Но барышня была ей уже ближе всѣхъ. И барышня все больше заражала ее своими страхами, ожиданіями бѣдъ и тѣмъ, что̀ держала она втайнѣ.

Лѣто же было знойное, пыльное, вѣтреное, съ каждодневными грозами. По народу бродили темные, тревожные слухи—о какой-то новой войнѣ, о какихъ-то бунтахъ и пожарахъ. Одни говорили, что вотъ-вотъ отойдутъ всѣ мужики на волю, другіе, что, напротивъ, будутъ съ осени забривать въ солдаты всѣхъ мужиковъ поголовно. И, какъ водится, появились въ несмѣтномъ количествѣ бродяги, дурачки, монахи. И барышня чуть не въ драку лѣзла съ барыней изъ-за нихъ, одѣляла ихъ хлѣбомъ, яйцами. Приходилъ Дроня, длинный, рыжій, не въ мѣру оборванный. Былъ онъ простой пьяница, но игралъ блаженнаго. Онъ такъ задумчиво шелъ по двору прямо къ дому, что стукался головой въ стѣну, съ радостнымъ лицомъ отскакивалъ.

— Птушечки мои!—фальцетомъ вскрикивалъ онъ, подпрыгивая, изламывая все тѣло и правую руку, дѣлая изъ нея какъ бы щитокъ отъ солнца. — Полетѣли, полетѣли по подъ небесью мои птушечки!..

И Наталья, подражая бабамъ, смотрѣла на него такъ, какъ и полагается смотрѣть на Божьихъ людей: тупо и жалостно. А барышня кидалась къ окну и кричала со слезами, жалкимъ голосомъ:

— Угодниче Божій Дроніе, моли Бога за мя, грѣшную!

И при этомъ крикѣ у Наташки глаза останавливались отъ страшныхъ предположеній.

Ходилъ изъ села Кличина Тимоша Кличинскій: маленькій, женоподобно-жирный, съ большими грудями, съ лицомъ косого младенца, одурѣвшаго и задыхающагося отъ полноты, желтоволосый, въ бѣлой коленкоровой рубахѣ и коротенькихъ коленкоровыхъ порточкахъ. Торопливо, мелко и съ носка ступалъ онъ маленькими налитыми ножками, приближаясь къ крыльцу, и узенькіе глазки его смотрѣли такъ, точно изъ воды выскочилъ онъ или спасся отъ неминуемой гибели.

— Бяда!—бормоталъ онъ, задыхаясь.—Бяда...

Его успокаивали, кормили, ждали отъ него чего-то. Но онъ молчалъ, сопѣлъ и жадно чавкалъ. А начавкавшись, опять вскидывалъ мѣшокъ за спину и тревожно искалъ свою длинную палку.

— Когда жъ еще придешь, Тимоша? кричала ему барышня.

И онъ отзывался тоже крикомъ, нелѣпо-высокимъ альтомъ, зачѣмъ-то коверкая имя барышни:

— О Святой, Лукьяновна!

И жалостно вопила вослѣдъ ему барышня — тономъ, уже близкимъ къ признанію:

— Угодниче Божій! Моли Бога за грѣшную Марію Египетскую!

А прочіе крестились, вздыхали, ибо и впрямь чуть не каждый день приходили отовсюду вѣсти о бѣдахъ — о грозахъ и пожарахъ. И все возрасталъ въ Суходолѣ древній страхъ огня. Чуть только начинало меркнуть песчано-желтое море зрѣющихъ хлѣбовъ подъ заходящей изъ-за усадьбы тучей, чуть только взвивался первый вихрь по выгону и тяжело прокатывался отдаленный громъ, кидались бабы выносить на порогъ темныя дощечки иконъ, готовить горшки молока, которымъ, какъ извѣстно, скорѣе всего усмиряется огонь. А въ усадьбѣ летѣли въ крапиву ножницы, вынималось страшное завѣтное полотенце, завѣшивались окна, зажигались дрожащими руками восковыя свѣчки... Не то притворялась, не то и впрямь заразилась страхомъ даже барышня. Прежде она говорила, что гроза — „явленіе природы“. Теперь она тоже крестилась и жмурилась, вскрикивала при молніяхъ, а чтобы увеличить и свой страхъ и страхъ окружающихъ, все разсказывала о какой-то необыкновенной грозѣ, разразившейся въ 1771-мъ году въ Тиролѣ и сразу убившей сто одиннадцать человѣкъ. А слушательницы подхватывали — торопились разсказать свое: то о ветлѣ, до тла сожженной на большой дорогѣ молніей, то о бабѣ, пришибленной на-смяхъ въ Черкизовѣ громомъ, то о какой-то тройкѣ, столь оглушенной въ

пути, что вся она упала на колѣни... Наконецъ, къ этимъ радѣніямъ пристрялъ нѣкто Юшка, „провиненый монахъ“, какъ онъ называлъ себя.

IX.

Родомъ Юшка былъ мужикъ. Но палецъ о палецъ не ударилъ онъ никогда, а жилъ, гдѣ Богъ пошлетъ, платя за-хлѣбъ, за-соль разсказами о своемъ полнѣйшемъ бездѣльѣ и о своей „провинности“. — „Я, братъ, мужикъ, да уменъ и на горбатаго похожъ,—говорилъ онъ.—Что жъ мнѣ работать!“

И, правда, смотрѣлъ онъ какъ горбунъ—ѣдко и умно, растительности на лицѣ не имѣлъ, плечи, по причинѣ рахитизма грудной клѣтки, держалъ приподнятыми, грызъ ногти; пальцы его, которыми онъ поминутно закидывалъ назадъ длинные красно-бронзовые волосы, были тонки и сильны. Пахать показалось ему „непристойно и скучно“. Вотъ онъ и пошелъ въ Кіевскую лавру, „подросъ тамъ“ — и былъ изгнанъ „за провинность“. Тогда, сообразивъ, что прикидываться странникомъ по святымъ мѣстамъ, человѣкомъ, спасающимъ душу, — старо, а можетъ оказаться и неприбыльно, попробовалъ прикинуться иначе: не снимая подрясника, сталъ открыто хвастаться своимъ бездѣльемъ и похотливостью, курить и пить сколько влѣзетъ, — онъ никогда не пьянѣлъ. — издѣваться надъ лаврой и пояснять, за что именно изгнанъ онъ оттуда, при посредствѣ непристойнѣйшихъ жестовъ и тѣлодвиженій.

— Ну, извѣстно,—разсказывалъ онъ мужикамъ, подмигивая:—извѣстно, сейчасъ меня, раба Божья, за это за самое по шеѣ. Я и закатился домой, на Русь... Не пропаду, молъ!

И точно—не пропалъ: Русь приняла его, безстыжаго грѣшника, съ неменьшимъ радушіемъ, чѣмъ спасающихъ души: кормила, поила, пускала ночевать, съ восторгомъ слушала его.

— Такъ и зарекся ты навѣкъ работать?—спрашивали мужики, блестя глазами въ ожиданіи ѣдкихъ откровенностей.

— Чортъ меня теперь заставитъ работать! — отзывался Юшка.—Набалованъ, братъ! Яровитъ я пуще козла лаврскаго. Дѣвки эти самыя,— мнѣ бабы и даромъ не надобны!— боятся меня до-смерти, а любятъ. Да что жъ! Я и самъ хоть куда: перушкомъ не хорошъ, зато косточкой строёнъ!

Явившись въ суходольскую усадьбу, онъ, какъ однодворецъ и человѣкъ бывалый, прямо вошелъ въ домъ, въ прихожую. Тамъ на лавкѣ сидѣла Наташка, напѣвая: „Я мела, млада, сѣнюшки, нашла себѣ сахарцу“... Увидѣвъ его, она въ ужасѣ вскочила.

— Да кто-й-то? —крикнула она.

— Человѣкъ, — отвѣтилъ Юшка, быстро оглядывая ее съ ногъ до головы.—Доложи барынѣ.

— Кто это?—крикнула и барыня изъ зала.

Но Юшка въ одну минуту успокоилъ ее: сказалъ, что онъ бывшій монахъ, а вовсе не бѣглый солдатъ, какъ она, вѣрно, подумала, что онъ возвращается на родину—и проситъ обыкать его, а затѣмъ разрѣшить ему переночевать, отдохнуть немного. И такъ поразилъ своей прямотой барыню, что на другой же день могъ перебраться въ опустѣвшую съ отъѣзда господъ лакейскую и стать совсѣмъ своимъ человѣкомъ въ домѣ. Шли грозы, а онъ безъ устали забавлялъ хозяекъ разсказами, придумалъ забить слуховыя окна, чтобы обезопасить крышу отъ молній, выбѣгалъ подъ самые страшные удары на крыльцо, чтобы показать, какъ они не страшны, помогалъ дѣвкамъ ставить самовары. Дѣвки косились на него, чувствуя на себѣ его быстрые, похотливые взгляды, но смѣялись его шуткамъ, а Наташка, которую онъ уже не разъ останавливалъ въ темномъ коридорѣ быстрымъ шопотомъ: „влюбился я въ тебя, дѣвка!“ — глазъ не смѣла на него поднять. Онъ былъ и гадокъ ей запахомъ махорки, пропитавшимъ весь его подрясникъ, и страшенъ, страшенъ.

Она уже твердо знала, что̀ будетъ. Она спала одна, въ коридорѣ, возлѣ двери въ спальню барышни, а Юшка уже отрубилъ ей: „Приду. Хоть зарѣжь, приду. А закричишь—до тла васъ сожгу...“ Но что̀ пуще всего лишало ее силъ, такъ это сознаніе, что совершается нѣчто неминучее, что близко осуществленіе страшнаго сна ея, что, видно, на роду написано ей погибать вмѣстѣ съ барышней. Уже всѣ понимали теперь: по ночамъ вселяется въ домъ самъ дьяволъ. Всѣ понимали, что̀ именно, помимо грозъ и пожаровъ, съ ума сводило барышню, что̀ заставляло ее сладко и дико стонать во снѣ, а затѣмъ вскакивать съ такими ужасными воплями, передъ которыми ничто самые оглушительные удары грома. Она вопила: „Змій эдемскій, іерусалимскій душитъ мя!..“ А кто же этотъ змій, какъ не чортъ, не тотъ сѣрый козелъ, что̀ входитъ по ночамъ къ женщинамъ и дѣвушкамъ? И есть ли что-либо въ мірѣ болѣе страшное, чѣмъ приходы его въ темнотѣ, въ ненастныя ночи съ немолчными перекатами грома и отблесками молній по чернымъ иконамъ? Та страсть, та похоть, съ которой шепталъ Наташкѣ проходимецъ, была тоже нечеловѣческая: какъ же можно было противиться ей? Думая о своемъ роковомъ, неминучемъ часѣ,

сидя ночью на полу въ коридорѣ, на своей попонкѣ, и съ бьющимся сердцемъ вглядываясь въ темноту, прислушиваясь къ каждому малѣйшему треску и шороху въ спящемъ домѣ, уже чувствовала она первые приступы той тяжкой болѣзни, что долго мучила ее впослѣдствіи: внезапно возникалъ зудъ въ ступнѣ, проходила по ней острая, колючая судорога, гнула, крючила всѣ пальцы къ подошвѣ—и бѣжала, изувѣрски, сладострастно крутя жилы, по ногамъ, по всему тѣлу, вплоть до глотки, до того момента, когда хотѣлось вскрикнуть еще неистовѣе, еще сладостнѣе и мучительнѣе, чѣмъ вскрикивала барышня...

И неминучее свершилось. Юшка пришелъ—какъ разъ въ страшную ночь конца лѣта, въ ночь подъ Илью Надѣлящаго, древняго огнеметателя. Не было грома въ ту ночь и не было сна у Наташки. Она задремала—и вдругъ, какъ отъ толчка, очнулась. Было самое глухое время—она поняла это своимъ безумно колотившимся сердцемъ. Она вскочила, глянула въ одинъ конецъ коридора, въ другой: со всѣхъ сторонъ вспыхивало, воспламенялось, трепетало и слѣпило золотыми и блѣдно-голубыми сполохами молчаливое, полное огня и таинствъ небо. Въ прихожей поминутно дѣлалось свѣтло, какъ днемъ. Она побѣжала—и остановилась, какъ вкопанная: осиновыя бревна, давно лежавшія на дворѣ за окномъ, ослѣпительно бѣлѣли при вспышкахъ. Она сунулась въ залъ: тамъ было одно окно поднято, слышался ровный шумъ сада, было темнѣе, но тѣмъ ярче сверкалъ огонь за всѣми стеклами, мракомъ заливалось все, но тотчасъ же опять вздрагивало, загоралось то тамъ, то тутъ,—и мелькалъ, росъ, трепеталъ и сквозилъ на огромномъ, то золотомъ, то бѣло-фіолетовомъ небосклонѣ весь садъ своими кружевными вершинами, призраками блѣдно-зеленыхъ березъ и тополей.

— На морѣ, на окіянѣ, на островѣ Буянѣ...—зашептала она, кидаясь назадъ и чувствуя, что совсѣмъ губитъ себя колдовскими заклинаніями.—Тамъ лежитъ сучнища, сѣрая рунища...

И лишь только сказала эти первобытно-грозныя слова, какъ увидала, обернувшись, Юшку, съ поднятыми плечами стоявшаго въ двухъ шагахъ отъ нея. Озарилось лицо его молніей—блѣдное, съ черными кругами глазъ. Неслышно подбѣжалъ онъ къ ней, быстро обхватилъ ее длинными руками за талію—и, сдавивъ, однимъ махомъ кинулъ сперва на колѣни, потомъ навзничь, на холодный полъ прихожей...

Пришелъ къ ней Юшка и на слѣдующую ночь. Ходилъ и еще много ночей,—и она, теряя сознаніе отъ ужаса и от-

вращенія, покорно отдавалась ему: и думать не смѣла она ни противиться, ни просить защиты у господъ, у дворни, какъ не смѣла противиться барышня дьяволу, по ночамъ наслаждавшемуся ею, какъ, говорятъ, не смѣла противиться даже сама бабушка, властная красавица, своему дворовому Ткачу, отчаянному негодяю и вору, сосланному въ концѣ концовъ въ Сибирь, на поселеніе... Наконецъ наскучила Наталья Юшкѣ, наскучилъ ему и Суходолъ—и онъ такъ же внезапно исчезъ, какъ внезапно и явился.

Черезъ мѣсяцъ послѣ того она почувствовала себя матерью. А въ сентябрѣ, на другой день по возвращеніи молодыхъ господъ съ войны, загорѣлся и долго, страшно пылалъ суходольскій домъ: исполнилось и второе ея сновидѣніе. Загорѣлся онъ въ сумерки, въ проливной дождь, отъ молніи, отъ золотого клубка, который, какъ говорила Солошка, выскочилъ изъ печки въ дѣдушкиной спальнѣ и помчался, подпрыгивая, по всѣмъ комнатамъ. А Наталья, которая, увидавъ дымъ и огонь, со всѣхъ ногъ бѣжала отъ бани,—отъ бани, гдѣ она проводила цѣлые дни и ночи въ слезахъ,—разсказывала потомъ, что наткнулась она въ саду на кого-то, одѣтаго въ красный жупанъ и высокую казацкую шапку съ позументомъ: онъ тоже бѣжалъ со всѣхъ ногъ по мокрымъ кустамъ и лопухамъ... Было ли все это или только померещилось, Наталья не могла ручаться. Достовѣрно только то, что ужасъ, поразившій ее, освободилъ ее отъ будущаго ребенка.

И съ этой осени она поблекла. Жизнь ея вошла въ ту будничную колею, изъ которой она уже не выходила до самаго конца своего. Тетю Тоню свозили къ мощамъ угодника въ Воронежъ. Дьяволъ послѣ того уже не смѣлъ приближаться къ ней; и она успокоилась, стала жить, какъ всѣ,—разстройство ума и души ея сказывалось только въ блескѣ дикихъ глазъ, въ крайней неряшливости, въ бѣшеной раздражительности и тоскѣ при дурной погодѣ. Была съ нею у мощей и Наталья—и тоже обрѣла въ этой поѣздкѣ спокойствіе, разрѣшеніе всего, изъ чего, казалось, уже нѣтъ выхода. Въ какой трепетъ приводила ее одна мысль о встрѣчѣ съ Петромъ Петровичемъ! Какъ ни приготовлялась она къ ней, представить ее себѣ спокойно она была не въ силахъ. А Юшка, а ея позоръ, гибель! Но самая исключительность этой гибели, необычная глубина ея страданій, то роковое, что было въ ея несчастіи,—вѣдь недаромъ же почти совпалъ съ нимъ ужасъ пожара!—и паломничество къ угоднику дали ей право просто и спокойно глядѣть въ глаза не только всѣмъ окружающимъ, но даже и Петру Петровичу, самъ Богъ отмѣтилъ ихъ съ

барышней губительнымъ перстомъ Своимъ — имъ ли было боятися людей! Черничкой, смиренной и простой слугой всѣхъ, легкой и чистой, точно послѣ предсмертнаго причастія, вошла она въ суходольскій домъ, возвратясь изъ Воронежа, смѣло подошла къ рукѣ Петра Петровича. И только на мгновеніе дрогнуло ея сердце молодо, нѣжно, по-дѣвичьи, когда коснулась она губами его маленькой смуглой руки съ бирюзовымъ перстнемъ...

Буднично стало въ Суходолѣ. Пришли опредѣленные слухи о волѣ—и вызвали даже тревогу и на дворнѣ и въ деревнѣ: что-то будетъ впереди, не хуже ли? Легко сказать—начинать жить по-новому! По-новому жить предстояло и господамъ, а они и по-старому-то не умѣли. Смерть дѣдушки, потомъ война, комета, наводившая ужасъ на всю страну, потомъ пожаръ, потомъ слухи о волѣ—все это быстро измѣнило лица и души господъ, лишило ихъ молодости, беззаботности, прежней вспыльчивости и отходчивости, а дало злобу, скуку, тяжелую придирчивость другъ къ другу: начались „нелады“, какъ говорилъ отецъ, дошло до татарокъ за столомъ... Нужда стала напоминать о настоятельной необходимости поправить какъ-нибудь дѣла, въ конецъ испорченныя Крымомъ, пожаромъ, долгами. А въ хозяйствѣ братья только мѣшали другъ другу. Одинъ былъ нелѣпо-жаденъ, строгъ и подозрителенъ, другой—нелѣпо-щедръ, добръ и довѣрчивъ. Столковавшись кое-какъ, рѣшились они на предпріятіе, долженствовавшее принести большой доходъ: заложили имѣніе и скупили около трехсотъ захудавшихъ лошадей, — собрали ихъ чуть не со всего уѣзда при помощи какого-то Ильи Самсонова, цыгана. Лошадей они хотѣли выправить за зиму и съ барышомъ распродать весной. Но, истребивъ огромное количество муки и соломы, лошади почти всѣ, одна за другою, къ веснѣ поколѣли...

И все росъ раздоръ между братьями. Доходило иногда до того, что они хватались за ножи и ружья. И неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, если бы новое несчастіе не свалилось на Суходолъ. Зимой, на четвертый годъ послѣ возвращенія своего изъ Крыма, Петръ Петровичъ уѣхалъ однажды въ Луѣево, гдѣ была у него любовница. Онъ прожилъ на хуторѣ двое сутокъ, все время пилъ тамъ, хмельной и домой поѣхалъ. Было очень снѣжно; въ розвальни, покрытыя ковромъ, была запряжена пара лошадей. Петръ Петровичъ приказалъ отстегнуть пристяжную, молодую, горячую лошадь, по брюхо тонувшую въ рыхломъ снѣгу, и привязать ее къ розвальнямъ сзади, а самъ легъ, головой къ ней, спать. Наступали туманныя, сизыя сумерки. И, засыпая, Петръ Петровичъ крикнулъ

Евсею Бодулѣ, котораго онъ часто бралъ съ собой вмѣсто кучера Васьки Казака, боясь, что Васька убьетъ его, сильно озлобившаго противъ себя дворню побоями,—крикнулъ: „пошелъ!“, и ударилъ Евсея въ спину ногой. И сильный гнѣдой коренникъ, уже мокрый, дымясь и екая селезенкой, понесъ ихъ по тяжелой снѣжной дорогѣ, въ туманную муть глухого поля, навстрѣчу все густѣющей, хмурой зимней ночи... А въ полночь, когда уже мертвымъ сномъ спали всѣ въ Суходолѣ, въ окно прихожей, гдѣ ночевала Наталья, быстро и тревожно застучалъ кто-то. Она вскочила съ лавки, босикомъ выбѣжала на крыльцо. У крыльца смутно темнѣли лошади, розвальни и съ кнутомъ въ рукахъ стоявшій Евсей.

— Бѣда, дѣвка, бѣда,—забормоталъ онъ глухо, странно, какъ во снѣ:—барина лошадь убила... пристяжная... Набѣжала, осунулась и—копытомъ... Все лицо раздавила. Онъ ужъ холодѣть сталъ... Не я, не я, вотъ те Христосъ, не я!

Молча сойдя съ крыльца, утопая въ снѣгу босыми ногами, Наталья подошла къ розвальнямъ, перекрестилась, упала на колѣни, обхватила ледяную окровавленную голову, стала цѣловать ее и на всю усадьбу кричать дико-радостнымъ крикомъ, задыхаясь отъ рыданій и хохота.

X.

Когда случалось намъ отдыхать отъ городовъ въ тихой и нищей глуши Суходола, снова и снова разсказывала Наталья повѣсть своей погибшей жизни. И порою глаза ея темнѣли, останавливались, голосъ переходилъ въ строгій, ладный полушопотъ. И все вспоминался мнѣ грубый образъ святого, висѣвшій въ углу лакейской стараго нашего дома. Обезглавленный, пришелъ святой къ согражданамъ, на рукахъ принесъ свою мертвую голову—во свидѣтельство своего повѣствованія...

Уже исчезали и тѣ немногіе вещественные слѣды прошлаго, что застали мы когда-то въ Суходолѣ. Ни портретовъ, ни писемъ, ни даже простыхъ принадлежностей своего обихода не оставили намъ наши отцы и дѣды. А что и было, погибло въ огнѣ. Долго стоялъ въ прихожей какой-то сундукъ, въ клокахъ задеревянѣвшей и лысой тюленьей кожи, которой былъ обшитъ онъ чуть ли сто лѣтъ тому назадъ, дѣдовскій сундукъ съ выдвижными ящичками изъ корельской березы, набитый обгорѣлыми французскими вокабулами да церковными книгами, до-нѣльзя засаленными, закапанными воскомъ. Потомъ исчезъ и онъ. Изломалась, исчезла и тяжкая мебель, что стояла въ залѣ, гостиной... Домъ ветшалъ, осѣдалъ все

болѣе. Всѣ тѣ долгіе годы, что прошли надъ нимъ со времени послѣднихъ событій, здѣсь разсказанныхъ, были для него годами медленнаго умиранія... И все легендарнѣе становилось его прошлое.

Росли суходольцы среди жизни глухой, сумрачной, но все же сложной, имѣвшей подобіе прочнаго быта и благосостоянія. Судя по косности этого быта, судя по приверженности къ нему суходольцевъ, можно было думать, что ему и конца не будетъ. Но податливы, слабы, „жидки на расправу“ были они, потомки степныхъ кочевниковъ! И какъ подъ сохой, идущей по полю, одинъ за другимъ безслѣдно исчезаютъ холмики надъ подземными ходами и норами хомяковъ, такъ же безслѣдно и быстро исчезали на нашихъ глазахъ и гнѣзда суходольскія. И обитатели ихъ гибли, разбѣгались, тѣ же, что кое-какъ уцѣлѣли, кое-какъ и коротали остатокъ дней своихъ. И мы застали уже не бытъ, не жизнь, а лишь воспоминанія о ихъ, полудикую простоту существованія. Все рѣже навѣщали мы съ годами нашъ степной край. И все болѣе чужимъ становился онъ для насъ, все слабѣе чувствовали мы связь съ тѣмъ бытомъ и сословіемъ, изъ коего вышли. Многіе изъ соплеменниковъ нашихъ, какъ и мы, знатны и древни родомъ. Имена наши поминаютъ хроники; предки наши были и стольниками, и воеводами, и „мужами именитыми“, ближайшими сподвижниками, даже родичами царей. И называйся они рыцарями, родись мы западнѣе, какъ бы твердо говорили мы о нихъ, какъ долго еще держались бы! Не могъ бы потомокъ рыцарей сказать, что за полвѣка почти исчезло съ лица земли цѣлое сословіе, что столько насъ выродилось, сошло съ ума, наложило руки на себя, спилось, опустилось и просто потерялось гдѣ-то! Не могъ бы онъ признаться, какъ признаюсь я, что не имѣемъ мы ни даже малѣйшаго точнаго представленія о жизни не только предковъ нашихъ, но и прадѣдовъ, что съ каждымъ днемъ все труднѣе становится намъ воображать даже то, что было полвѣка тому назадъ!

То мѣсто, гдѣ стояла Луневская усадьба, было уже давно распахано и засѣяно, какъ распахана, засѣяна была земля на мѣстахъ и многихъ другихъ усадьбъ. Суходолъ еще кое-какъ держался. Но, вырубивъ послѣднія березы въ саду, по частямъ сбывъ почти всю пахотную землю, покинулъ ее даже самъ хозяинъ ея, сынъ Петра Петровича,—ушелъ на службу, поступилъ кондукторомъ на желѣзную дорогу. И тяжело доживали свои послѣдніе годы старыя обитательницы Суходола—Клавдія Марковна, тетя Тоня, Наталья. Смѣнялась весна лѣтомъ, лѣто осенью, осень зимою... Онѣ потеряли счетъ

тимъ смѣнамъ. Онѣ жили воспоминаніями, снами, ссорами, заботами о дневномъ пропитаніи. Лѣтомъ тѣ мѣста, гдѣ прежде широко раскидывалась усадьба, тонули въ мужицкихъ ржахъ: далеко сталъ виденъ домъ, окруженный ими. Кустарникъ, остатокъ сада, такъ одичалъ, что перепела кричали у самаго балкона. Да что лѣто! „Лѣтомъ намъ рай!“—говорили старухи. Долги, тяжки были дождливыя осени, снѣжныя зимы въ Сухоболѣ. Холодно, голодно было въ пустомъ разрушающемся домѣ. Заметали его вьюги, насквозь продувалъ морозный саратскій вѣтеръ. А топить—топили очень рѣдко. По вечерамъ худно свѣтила изъ оконъ, изъ горницы старой барыни,—единственной жилой горницы,—жестяная лампочка. Барыня, въ очкахъ, въ полушубкѣ и валенкахъ, вязала чулокъ, наклоняясь къ ней. Наталья дремала на холодной лежанкѣ. А барышня, похожая на сибирскаго шамана, сидѣла въ своей избѣ и курила трубку. Когда не бывала тетя въ ссорѣ съ Клавдіей Марковной, ставила Клавдія Марковна лампочку свою не на голъ, а на подоконникъ. И сидѣла тетя Тоня въ странномъ табомъ полусвѣтѣ, доходившемъ изъ дома во внутренность ая ледяной избы, заставленной обломками старой мебели, заваленной черепками битой посуды, загроможденной рухнувшимъ на-бокъ фортепіано. Такая ледяная была эта изба, что куры, на заботы о которыхъ направлены были всѣ силы тети Тони, отмораживали себѣ лапы, ночуя на этихъ черепахъ и обломкахъ...

А теперь уже и совсѣмъ пуста суходольская усадьба. Умерли всѣ помянутые въ этой лѣтописи, всѣ сосѣди, всѣ сверстники ихъ. И порою думаешь: да полно, жили ли и на свѣтѣ-то они?

Только на погостахъ чувствуешь, что было такъ; чувствуешь даже жуткую близость къ нимъ. Но и для этого надо сдѣлать усиліе, посидѣть, подумать надъ родной могилой,—если только найдешь ее. Стыдно сказать, а нельзя скрыть: могилъ дѣдушки, бабушки, Петра Петровича мы не знаемъ. Знаемъ только то, что мѣсто ихъ—возлѣ алтаря старенькой церкви въ селѣ Черкизовѣ. Зимой туда не проберешься: тамъ по-поясъ сугробы, изъ которыхъ торчатъ рѣдкіе кресты и верхушки голыхъ кустовъ, прутья. Въ лѣтній день проѣдешь по жаркой, тихой и пустой деревенской улицѣ, привяжешь лошадь у церковной ограды, за которой темно-зеленой стѣной стоятъ, некутся въ зноѣ елки. За откинутой калиткой, у бѣлой церковью съ ржавымъ куполомъ — цѣлая роща высокихъ вѣтвистыхъ вязовъ, ясени, лимовъ, всюду тѣнь, прохлада. Долго бродишь по кустамъ, буграмъ и ямамъ,

покрытымъ тонкой кладбищенской травой, по каменным плитамъ, почти ушедшимъ въ землю, пористымъ отъ дож дей, поросшимъ чернымъ разсыпчатымъ мохомъ... Вотъ два три желѣзныхъ памятника. Но чьи они? Такъ зелено золотисты стали они, что уже не прочесть надписей н нихъ. Подъ какими же буграми кости бабушки, дѣдушки А Богъ вѣдаетъ! Знаешь только одно: вотъ гдѣ-то здѣсь близко. И сидишь, думаешь, силясь представить себѣ всѣм забытыхъ Хрущевыхъ. И то безконечно далекимъ, то таким близкимъ начинаетъ казаться ихъ время. Тогда съ радостью говоришь себѣ:

— Это не трудно, не трудно вообразить. Только надо по мнить, что вотъ этотъ покосившійся золоченый крестъ въ си немъ лѣтнемъ небѣ и при нихъ былъ тотъ же... что такъ ж желтѣла, зрѣла рожь въ поляхъ, пустыхъ и знойныхъ, здѣсь была тѣнь, прохлада, кусты... и въ кустахъ этихъ так же бродила, паслась вотъ такая же, какъ эта, старая бѣла кляча съ облѣзлой зеленоватой холкой и розовыми разбитым копытами.

1911.

ЗАХАРЪ ВОРОБЬЕВЪ.

На-дняхъ умеръ Захаръ Воробьевъ, по прозвищу Малютка, изъ Осиновыхъ Дворовъ.

Онъ былъ рыжевато-русъ, бородатъ и настолько выше, крупнѣе обыкновенныхъ людей, что его можно было показывать. Онъ и самъ чувствовалъ себя принадлежащимъ къ какой-то иной породѣ, чѣмъ прочіе люди, и отчасти такъ, какъ взрослый среди дѣтей, держаться съ которыми приходится однако на равной ногѣ. Всю жизнь,—ему было сорокъ лѣтъ,—не покидало его и другое чувство—смутное чувство одиночества: въ старину, сказываютъ, было много такихъ, какъ онъ, да переводится эта порода. „Есть еще одинъ въ родѣ меня, говорилъ онъ порою,—да тотъ далеко, подъ Задонскомъ"...

Впрочемъ, настроенъ онъ былъ неизмѣнно превосходно. Здоровъ на рѣдкость. Сложенъ отлично. Онъ былъ бы даже красивъ, если бы не бурый загаръ, не кроваво-вывороченныя нижнія вѣки и не постоянныя слезы, стекломъ стоявшія въ нихъ подъ большими голубыми глазами. Борода у него была мягкая, густая, чуть волнистая, такъ и хотѣлось потрогать ее. Онъ часто, съ ласковостью гиганта, удивленно улыбался и откидывалъ голову, слегка открывая красную, жаркую пасть, показывая чудесные молодые зубы. И пріятный запахъ шелъ отъ него: ржаной запахъ степняка, смѣшанный съ запахомъ дегтярныхъ, крѣпко кованыхъ сапогъ, съ кисловатой вонью дубленаго полушубка и мятнымъ ароматомъ нюхательнаго табаку: онъ не курилъ, а нюхалъ.

Онъ вообще былъ склоненъ къ старинѣ. Воротъ его суровой замашной рубахи, всегда чистой, не застегивался, а завязывался. На поясѣ висѣли мѣдный гребень и мѣшокъ-кошелечекъ. Лѣтъ до тридцати пяти носилъ онъ лапти. Но под-

росли сыновья, дворъ справился, — и Захаръ сталъ ходить въ сапогахъ. Зиму и лѣто не снималъ онъ полушубка и шапки. И полушубокъ остался послѣ него хорошій, совсѣмъ новый. Рукавъ его еще спадалъ съ руки чуть не на полъ-аршина. Зелено-голубые разводы и мелкія нашивки изъ разноцвѣтнаго сафьяна на красиво простроченной груди еще не слиняли. Бурый котикъ, — опушка борта и воротника,—былъ еще остистъ и жёстокъ. Любилъ Захаръ чистоту и порядокъ, любилъ все новое, прочное.

Умеръ онъ совершенно неожиданно для всѣхъ.

Это случилось въ началѣ августа. Онъ только-что отмахалъ порядочный крюкъ. Изъ Осиновыхъ Дворовъ прошелъ въ Красную Пальну, на судъ съ сосѣдомъ. Изъ Пальны сдѣлалъ верстъ пятнадцать до города: нужно было побывать у барыни Кобылинской, у которой снималъ онъ землю. Изъ города пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ село Шиповно и пошелъ въ Осиновые Дворы черезъ Жилыя: это еще верстъ десять. Да не то свалило его.

— Что?—удивленно и царственно-строго сказалъ бы онъ своимъ бархатнымъ басомъ.—Сорокъ верстъ?

И добродушно-ласково добавилъ бы:

— Что ты, малый! Да я ихъ тыщу могу исдѣлать.

Въ Шиповѣ онъ выпилъ — и порядочно: четверть. Былъ первый Спасъ. „Хорошо бы теперь для праздничка выпить маленько“,—шутя сказалъ онъ знакомому, петрищевскому кучеру, проходя по залитому мѣломъ вокзалу, который, какъ всегда лѣтомъ, ремонтировали. — „Что жъ не пьешь? Кстати бы и мнѣ поднесъ“,—отвѣтилъ кучеръ. „Не на что, протратился и такъ въ грузовомъ вагонѣ, съ камнями ѣхалъ“,—сказалъ Захаръ, хотя деньги у него были. Кучеръ подмигнулъ пріятелю, урядннку Голицыну. Пристрялъ шиповскій мужикъ пьяница Алешка Арчакъ. И всѣ трое, вполголоса переговариваясь, вышли слѣдомъ за Захаромъ изъ вокзала. Захаръ и Алешка пошли пѣшкомъ, кучеръ сѣлъ въ телѣжку, запряженную парой,—онъ выѣзжалъ за Петрищевымъ, да тотъ не пріѣхалъ,—урядникъ на дрожки-бѣгунки. И Алешка тотчасъ же затѣялъ споръ: можетъ ли Захаръ выпить въ часъ четверть.

— А съ закуской? — спросилъ Захаръ, широко шагая по сухой землѣ, изрѣзанной колеями, возлѣ высокой, худой кобылы урядника и порой осаживая внизъ оглоблю, поправляя косившую упряжь.

— Можешь требовать чего угодно, на полтинникъ, — сказалъ кучеръ, человѣкъ недалекій и низкій по натурѣ, сумрачный, съ свиными глазками.

— А проспоришь,—прибавилъ Алешка, оборванный мужикъ съ переломленнымъ носомъ, промышлявшій сводничествомъ:— а проспоришь, за все втрое отдашь.

— Нехай будя по-вашему,—снисходительно отозвался Захаръ, думая о томъ, чего спросить на закуску.

Ему было скучновато съ этими людьми. Онъ отлично понималъ каждаго изъ нихъ: плотва, мелкій народишко! Но на душѣ у него было хорошо эти дни,—какъ всегда, въ сухую погоду, въ концѣ лѣта, да еще и лѣта-то урожайнаго. Онъ не только не усталъ отъ путешествія въ Пальну,—гдѣ дѣло кончилось превосходно, миромъ,—не только не истомился, промучившись въ городской жарѣ двое сутокъ, но даже чувствовалъ подъемъ, приливъ силъ. Ему всѣмъ существомъ своимъ хотѣлось сдѣлать что-нибудь изъ ряда вонъ выходящее. Да что? Выпить четверть — это не Богъ вѣсть какая штука, это не ново... Удивить, оставить въ дуракахъ кучера— не великъ интересъ... Но все-таки на споръ пошелъ Захаръ охотно. И, принявшись за ѣду и питье, сперва наслаждался ѣдой,—ѣсть очень хотѣлось, каждый кусокъ былъ сладокъ,— потомъ своимъ разсказомъ о судѣ.

Былъ четвертый часъ жаркаго, сухого дня; но на сотни верстъ вокругъ села, въ просторѣ желтыхъ полей, покрытыхъ копнами, было уже что-то предосеннее, легкое, ясное. Густая пыль сѣрѣла и лоснилась на шиповской площади, на припекѣ. Площадь отдѣляютъ отъ села дровяные склады, булочная, винная лавка, почтовое отдѣленіе, голубой домъ купца Яковлева съ палисадникомъ при немъ и двѣ лавки его въ особомъ срубѣ на углу. Возлѣ черной лавки ступеньками навалень палевый сосновый тесъ. Пахнетъ тутъ смолой, свѣтлыя, клейкія капли которой проступаютъ на тесѣ, пылью, колачами, желѣзными крышами и тѣмъ непередаваемымъ, сложнымъ, что присуще сельскимъ лавкамъ. Сидя на нижней ступени теса, Захаръ пилъ, ѣлъ, говорилъ и смотрѣлъ на площадь, на блестѣвшія подъ солнцемъ рельсы, на шлагбаумъ горбатаго переѣзда и на желтое поле за рельсами. Алешка сидѣлъ рядомъ съ нимъ и тоже закусывалъ—подрукавнымъ хлѣбомъ. Урядникъ—скучный, запыленный человѣкъ съ подстриженными усами, въ обтрепанной шинели съ оранжевыми погонами — урядникъ и кучеръ курили, одинъ на дрожкахъ, другой въ телѣжкѣ. Лошади дремали, терпѣливо ждали, когда прикажутъ имъ трогаться. А Захаръ разсказывалъ.

— Чѣмъ дѣло-то кончилось? —говорилъ онъ.—Да ничѣмъ. Помирились. Я этихъ судовъ, пропади они пропадомъ, с'отроду не зналъ, ни съ кѣмъ не судился, — Богъ миловалъ.

Мнѣ самъ батюшка-покойникъ заказывать эти свары. А тутъ и свара-то вышла пустая. Бабы повздорили, а мы сдуру ввязались...

Онъ уже выпилъ бутылки три — изъ деревяннаго корца, который досталъ на дворѣ Яковлева Алешка; онъ дѣлалъ свое дѣло столь легко, будучи столь увѣреннымъ въ себѣ, что даже не замѣчалъ того, что̀ дѣлалъ. Кучеръ, урядникъ и Алешка были выжидательно возбуждены и изо всѣхъ силъ прикидывались спокойными, хотя душа каждаго изъ нихъ горячо молила Бога, чтобы Захаръ почувствовалъ себя какъ можно скверніе и сдался, или хотя бы къ концу четверти упалъ замертво. А онъ только разстегнулъ полушубокъ, чуть сдвинулъ шапку со лба, раскраснѣлся. Онъ съѣлъ двѣ таранки, громадный пукъ зеленаго луку и шесть французскихъ хлѣбовъ, съѣлъ съ такимъ вкусомъ и толкомъ, что даже противники его дивились ему, и оживленно, чуть насмѣшливо говорилъ:

— А на судахъ этихъ чудно̀, пропади они пропадомъ! Я и итить-то туда не хотѣлъ. Слышу — подалъ прошенье. Ну, подалъ и подалъ, не замай, а я, молъ, не пойду. Только вдругъ пріѣзжаетъ въ Пальну начальство, присылаетъ за мной самъ засѣдатель. Ахъ, пропасти на тебѣ нѣту! Ничего не подѣлаешь—надо итить. Взялъ хлѣбушка, поперъ. Жара ужасная, пыль по дорогѣ—какъ пысъ, альни итить горячо. Ну, однако, прихожу. Шелъ дюже поспѣшно, являюсь...

Держа пустѣющую бутыль подъ мышкой, онъ цѣдилъ въ темный корецъ свѣтлую влагу, наполнялъ его до краевъ и, разгладивъ усы, припадалъ къ ней, пахнущей остро и сытно, влажными губами; тянулъ же медленно, съ наслажденіемъ какъ ключевую воду въ жаркій день, а допивъ до дна, крякалъ и, перевернувъ корецъ, вытряхивалъ изъ него послѣднія капельки. Потомъ осторожно ставилъ бутыль на доску возлѣ себя. Кучеръ не спускалъ съ нея своихъ угрюмыхъ глазъ; урядникъ, уже передвинувшій тайкомъ стрѣлку часовъ на цѣлую четверть впередъ, тревожно переглядывался съ Алешкой. А Захаръ, поставивъ бутыль, бралъ двѣ-три длинныхъ зеленыхъ стрѣлки лука, ломая, забивалъ ихъ въ большую деревянную солонку, въ крупную сѣрую соль, и пожиралъ съ аппетитнымъ, сочнымъ хрустомъ. Глаза его налились кровью и слезами, казались страшными. Но онъ улыбался, грудной басъ его былъ звученъ, ласковъ, пріятно насмѣшливъ.

— Ну, являюсь, — говорилъ онъ, прожевывая и раздувая ноздри. — Вижу, на улицѣ вездѣ народъ, подъ лозинкой и

холодкѣ сидитъ засѣдатель въ майскомъ пинжаку, съ русой бородкой, на столикѣ книги усякія, бумаги, а рядомъ, — Захаръ повелъ рукой налѣво,—урядникъ что-й-то записываетъ краснымъ осьмигранным карандашикомъ. Вызываютъ крестьянина Семена Галкина, обуховскаго. „Семенъ Галкинъ!“— „Здѣсь“.—„Поди суда“. Подходитъ; начинаютъ допрашивать. А онъ на урядника и не глядитъ, достаетъ грушу изъ кармана, стоитъ, ѣстъ. Урядникъ приказываетъ: „Кинь грушу!“ Онъ не слухается, дѣдаетъ...

— По мордѣ бы его этой грушой,—сказалъ кучеръ.

— Вѣрно!—подтвердилъ Захаръ, разламывая седьмую, послѣднюю булку.

Урядникъ уныло посмотрѣлъ въ землю.

— Проходитъ это время, — сказалъ онъ: — довольно ужъ ѣздили по мордамъ-то по нашимъ!

— А готъ это еще вѣрнѣй!— опять подтвердилъ Захаръ.— Да... Стоитъ и лопаетъ. Обращается засѣдатель къ уряднику. „Вотъ, говоритъ, господинъ урядникъ, этотъ самый хрестьянинъ Семенъ Галкинъ, когда я прошлый разъ съ описью пріѣзжалъ, отказался платить по исполнительному листу сорокъ всемь рублей восемь гривенъ, а когда я хотѣлъ описать какой есть его лѣсишко и анбаръ, то, говоритъ, этотъ самый Галкинъ со своими дружьями, двумя братьями Иваномъ и Богданомъ, сѣли на деревà, на бревна эти возлѣ избѣ и не дозволили мнѣ свершить опись. А когда я взошелъ къ ему въ избу, то онъ какъ бы невзначай спросилъ у своей жанѣ, гдѣ тутъ у насъ безменъ, что было сказано про меня, и я это принялъ на свой счетъ, а Богданъ тѣмъ временъ подошелъ къ окну и съ косой на плечѣ, когда косить ему нечего было, все давно скошено. А какъ я былъ одинъ, то принужденъ былъ удалиться. Вотъ извольте спросить его жану Катерину и мать Оеклу и показанія отъ ней занесть въ протоколъ. А еще въ опросный листъ занесите показанье церковнаго старости, хрестьянина Оедота Левонова. А еще, что сельскій староста Герасимъ Савельевъ въ энтотъ день пропалъ безъ-вѣсти и на мои требованія не явился, а когда я уходилъ отъ Галкина къ Митрію Овчинникову, идѣ былъ мой меринъ, и проходилъ мимо его избѣ, то онъ притравилъ меня кобелемъ, а самъ спрятался за ворота, что я замѣтилъ очень хорошо, и посвистывалъ, да слава Богу, что такъ случилось, что кобель меня не поранилъ, хоть кидался прямо на грудь, сигалъ какъ бѣшеный, все благодаря Митрію, который выскочилъ съ кнутомъ и тѣмъ меня оградилъ...“

Захаръ, увлекаясь ладностью своего разсказа, точно про-

читалъ послѣднія слова и уже не видѣлъ угрюмыхъ и выжидательныхъ взглядовъ урядника и кучера. Безъ передышки, звучно и твердо передавъ заявленіе засѣдателя, онъ хотѣлъ было продолжать, но Алешка не вытерпѣлъ и крикнулъ:

— Потомъ доскажешь! Пей! Урядникъ, глянь-ка на часы-то.

— Успѣется, успѣется,—отвѣтилъ урядникъ и подмигнулъ Алешкѣ.

Но и этого не замѣтилъ Захаръ.

— Да не гамазись ты, чортъ курносый! — гаркнулъ онъ добродушно.—Дай доказать-то! Я свою время знаю,—выпью, не бойся!

Ноги его твердо стояли на краюшкахъ кованыхъ каблуковъ, — онъ съ гордостью выставилъ сапоги и порою безъ нужды подтягивалъ голенища, — лицо было красно, но еще не пьяно. Преувеличенно-низко раскланявшись съ мужикомъ, проѣхавшимъ мимо въ пустой телѣгѣ и внимательно оглядѣвшимъ его, онъ шумно, черезъ ноздри вздохнулъ, взялъ обѣими руками борты жаркаго полушубка, двинулъ воротъ назадъ и продолжалъ, уже не замѣчая, слушаютъ ли его или нѣтъ, а только наслаждаясь яркостью картины, занявшей его воображеніе, игрой своего ума.

— „Катерина Галкина!“ — громко, грудью говорилъ онъ, изображая всѣхъ въ лицахъ. — „Къ допросу. Подойди поближа!“ Подходитъ. — „Слышала, что господинъ засѣдатель сказали?“—„Слышала...“ А сама плачетъ, заикается, ничего толкомъ разсказать не можетъ. „Правда ли, что твой мужъ безменъ про господина засѣдателя упомянулъ?“ — „Я, говоритъ, этого ничего знать не могу. Хотѣлъ мужъ ѣсты вѣшать“.—„Значитъ, ты отъ этого отказываешься?“—„Ничего про эти дѣла не знаю. Ѳедька всему первый полководецъ. Его опросите,—и дѣло къ развязкѣ, и грѣха меньше“... Кличутъ сейчасъ старуху Ѳеклу. А старуха сухоногая, дерзкая, отвѣчаетъ — ноздри рветъ. „Имушшество, говоритъ, моя, за сына я не плательщица, по правамъ покойнаго мужа всѣмъ владаю, а у сына ничего нѣту, одни портки“. — „А сынъ-то чей же?“—„Мой“.—„А разъ сынъ твой, и толковать нечего, за неплатежъ имушшество отвѣчаетъ. Ступай, не разговаривай, а за дерзкій отвѣтъ посажу тебя въ арестанку на двое сутокъ на-хлѣбъ, на-воду“... Угомонилъ, значитъ, старуху. Вспрашиваетъ, идѣ церковный титоръ Ѳедотъ Левоновъ? Подходитъ дочь его Винадорка. „Идѣ отецъ?“ — „Въ клѣти, послѣ обѣдни отдыхаетъ“. — „Бѣги, зови его суда. Скажи, начальство требуетъ...“ А онъ черезъ дворъ живетъ...

— Близко, значитъ?—перебилъ урядникъ и быстро переглянулся съ Алешкой и кучеромъ. — Такъ, такъ... Ну, доказывай, доказывай. Ты, братъ, на удивленіе гораздъ разсказывать!

Онъ говорилъ что̀ попало, лишь бы отвлечь вниманіе Захара,—онъ, вынувъ часы и спрятавъ ихъ между колѣнями, передвигалъ стрѣлку еще на десять минутъ впередъ. И Захаръ, съ просіявшимъ отъ похвалы лицомъ, еще шумнѣе вздохнулъ воздухъ, мотнулъ головой, отсаживая горячій густой мѣхъ полушубка отъ лопатокъ, и загудѣлъ еще выразительнѣе:

— Вѣрно! Слухай же, не перебивай, а то осерчаю... Вижу, тѣзетъ изъ низкой клѣтки приземистый старикъ... Идетъ черезъ дорогу въ избу—безъ шапки, въ розовой новой рубахѣ распояской, и воротъ отъ жары разстегнулъ. А изъ избѣ выходитъ въ новой теплой поддевкѣ, подпоясанъ зеленой подпояской, шапку въ рукахъ несетъ. Подходитъ. Волосы гу̀стые, сѣдые, разложены въ родѣ какъ рожки у барана, на обѣ стороны, надъ ушами загинаются. Съ урядникомъ, съ засѣдателемъ—за ручку. (Богатый, видать, старикъ). Пошушукался что-й-то съ ними, показываетъ на Сеньку. Потомъ вынимаетъ большой гаманъ кожаный, сталъ отсчитывать трехрублевки обмороженными култышками... Потомъ Винадорку кличетъ. Приказываетъ самоваръ ставить, зоветъ къ себѣ урядника и засѣдателя чай пить: „Приходите мою охоту посмотрѣть, пчелъ моихъ, и какую я сабѣ посуду завелъ. А еще кобылку мою гляньте. Ну, ясна, свѣтла, — вся писаная, въ яблокахъ!“... Смѣется, морщится, гнилые корешки въ красномъ ротѣ показываетъ... „Не посмотрѣть, говоритъ, нельзя, того лошадиный законъ требуетъ. А можетъ, и сторгуемся, про что говорили-то“... И опять смѣется, сипитъ, какъ змѣй. „Можетъ, говоритъ, почтȳ немножко“... Пошелъ къ избѣ, заскребаетъ пыль сапогомъ по дорогѣ—хворситъ...

— Форситъ-то форситъ,—вдругъ опять перебилъ урядникъ, вынимая часы: — а вѣдь пять минутъ всего осталось. Намъ ужъ, видно, все равно, проглотилъ ты наши денежки, а тебѣ теперь однимъ духомъ надо допивать.

Лицо Захара сразу измѣнилось.

— Какъ?—строго крикнулъ онъ.—Да ты брешешь! Ужли цѣльный часъ прошелъ?

— Прошелъ, братъ, прошелъ! — подхватили кучеръ и Алешка.—Допивай, допивай!

Захаръ дохнулъ, какъ кузнечный мѣхъ, и закрылъ глаза.

— Стойте!—сказалъ онъ. — Это не ладно. Вы меня обмошенничали. Дайте еще сроку полчаса. Главная вещь, я со

прѣлъ весь. Жара! Агвустъ! Чортъ съ вами, я вамъ лучше самъ бутылку поставлю. А вы мнѣ сроку накиньте... Ну, хоть доказать только дайте про этотъ самый судъ! — попросилъ онъ сумрачно.

— Ага! Покаялся! — крикнулъ кучеръ насмѣшливо. — Жидокъ на расправу!

Захаръ остановилъ на немъ кровавый, тяжелый взглядъ. Потомъ, ни слова не говоря, взялъ бутыль за горло, до дна опорожнилъ ее, съ краями наполнивъ корецъ, и до дна высосалъ его. И, слегка задохнувшись, грубо сказалъ:

— Ну? Сытъ ты, ай нѣтъ?.. А теперь—буду доказывать! — съ упрямствомъ хмелѣющаго человѣка сказалъ онъ. — Вотъ ты и глянешь, напоилъ ты мине, али у тебя и потроху не хватитъ на это...

И вдругъ опять повеселѣли страшные глаза его, лицо опять стало важнымъ и добродушнымъ.

— Таперь вы обвязаны слухать! — всей грудью сказалъ онъ и продолжалъ, но уже не такъ складно и хорошо: — Опослѣ старика этого вызываютъ знахаря, Василь Иванова. Этотъ совсѣмъ худой, въ поддевкѣ сѣрой, виски въ родѣ пеньки и бородка клинушкомъ. И еще пуще старика моршшится, — не то отъ солнца, не то отъ хитрости... шатъ его знаетъ. Этотъ, выходитъ, старуху опоилъ. Давалъ ей лѣкарству какую-то,—бываетъ, велѣлъ пить по маленькому стаканчику, а она и возьмись глушить его большими стаканами... Вызываютъ его. „Какъ тебя зовутъ?“ — „Былъ Василій“. — „Кто тебѣ далъ праву лѣчить, мерзавецъ?..“ А у нихъ ужъ раньше, конешно, былъ уговоръ: Васька, небось, ужъ сунулъ сотельнук имъ. Ну, а при народѣ, извѣстно, надо же для близиру поорать. Вспрашивалъ, вспрашивалъ, потомъ опять какъ закричитъ на него: „Скройся съ глазъ моихъ въ осинникъ!“. Тотъ будто и испужался: шапку поскорѣе на голову — и шмыгъ шмыгъ, побѣжалъ въ осинникъ... Такъ, значитъ, дѣло и затерли. Поглядѣлся урядникъ въ зеркальцо, поправилъ саблю сложилъ свои бумаги... „Ну, говоритъ, идемъ, что ль, к старику-то? Очень мнѣ хочется, чтобъ мерин еще отдохнулъ“.—„А сколько сейчасъ время?“ Вынулъ урядникъ новы часы, селебряные, глянулъ: „Тридцать восемь перваго, говоритъ,—время петербургская“.—„Ну, пойдемте, надо его охот посмотрѣть, старикъ добре гордится“... Поднялись, пошл чай пить. А мужики остались, разсѣлись, какъ вороны, н срубленныхъ деревахъ возлѣ избѣ, подняли гамъ. Иные го ворятъ, что не надо до продажи допускать, иные—что нельз начальство обижать. Пуще всѣхъ какой-то худой мужик

оретъ, срѣзался со старикомъ однимъ. Мужикъ кричитъ, что плохо у насъ жить, по чужимъ странамъ и то лучше, киргизу и то способнѣй,—у того, по крайности, степь аграматныя... А старикъ кричитъ, лаетъ, что у насъ лучше. А мужикъ опять же не подается: „у насъ, говоритъ, дубъ дюже великъ выросъ, да дупло добре широка и нитокъ много распустилъ“... Чуете, къ чему гнетъ-то? — подмигнулъ Захаръ.

Ему казалось, что онъ могъ бы говорить безъ конца и все занятнѣе, все лучше, но, послушавъ его, убѣдившись, что дѣло пропало, свелось только на то, что Захаръ опилъ, объѣлъ ихъ, да еще безъ умолку разсказываетъ чепуху, кучеръ и урядникъ тронули лошадей и уѣхали, оборвавъ его на полусловѣ. Алешка посидѣлъ немного, поподдакивалъ, выпросилъ четыре копейки на табакъ и ушелъ на станцію. И Захаръ, совершенно неудовлетворенный ни количествомъ выпитаго ни собесѣдниками, остался одинъ. Повздыхалъ, помоталъ головой, отодвигая воротъ полушубка, и, чувствуя еще большій, чѣмъ прежде, приливъ силъ и неопредѣленныхъ желаній, поднялся, зашелъ въ винную лавку, купилъ бутылку и зашагалъ по переулку къ выгону, къ церкви, вонъ изъ села.

— У насъ дубъ великъ выросъ, — насмѣшливо и съ удовольствіемъ повторялъ онъ мысленно, чуя въ этихъ словахъ какой-то чудесный намекъ на что-то. — Дубъ выросъ дюже великъ...

Онъ шелъ по пыльной дорогѣ въ открытомъ полѣ, въ необозримомъ пространствѣ неба и желтыхъ полей. Солнце опускалось, но еще пекло. Полушубокъ Захара блестѣлъ. Направо отъ него падала на золотистое пересохшее жнивье большая тѣнь съ сіяніемъ вокругъ головы. Сдвинувъ горячую шапку на затылокъ, заложивъ руки назадъ, подъ полушубокъ, Захаръ твердо ступалъ по твердой подъ слоемъ пыли землѣ, не мигая, какъ орелъ, смотрѣлъ то на солнце, то на широко раскрывшійся послѣ косьбы степной просторъ, похожій на просторъ песчаной пустыни, на раскинутыя по немъ несмѣтныя копны, похожія вдали на гусеницъ, — и по горизонтамъ и по копнамъ мелькали передъ его кровавыми, слезящимися глазами несмѣтные круги — малиновые, фіолетовые и малахитовые. „А все-таки я пьянъ!“ — думалъ онъ, чувствуя, какъ замираетъ и бьетъ въ голову сердце. Но это ничуть не мѣшало ему надѣяться, что еще будетъ нынче что-то необыкновенное. Онъ останавливался, пилъ и закрывалъ глаза. Ахъ, хорошо! Хорошо жить, но только непремѣнно надо сдѣлать что-нибудь удивительное! И опять широко озиралъ горизонты. Онъ смотрѣлъ на небо — и вся душа его, и на-

смѣшливая и наивная, полна была жажды подвига. Человѣкъ онъ особенный, онъ твердо зналъ это, но что̀ путнаго сдѣлалъ онъ на своемъ вѣку, въ чемъ проявилъ свои силы? Да ни въ чемъ, ни въ чемъ! Старуху пронесъ однажды на рукахъ верстъ пять... Да объ этомъ даже и толковать смѣшно: онъ бы могъ десятокъ такихъ старухъ донести куда угодно!

Воображеніе его, жадное во хмелю до картинъ, требовало работы. Онъ шагалъ все шире, твердо рѣшивъ не дать солнцу обогнать себя,—дойти до Жилыхъ раньше, чѣмъ оно сядетъ, — и думалъ, думалъ... Бутылка подходила къ концу. И онъ чувствовалъ, что необходимо выпить еще маленько— у хромого мѣщанина, сидѣльца въ Жильской винной лавкѣ, на большой дорогѣ. Солнце опускалось; на смѣну ему поднимался съ востока полный мѣсяцъ, блѣдный, какъ облачко, на ровной сухой синевѣ небосклона. Чуть уловимый, по-вечернему душистый дымокъ тянулъ откуда-то въ остывающемъ воздухѣ; оранжево краснѣли лучи, сыпавшіеся слѣва по колкому сквозному жнивью, краснѣла пыль, поднимаемая сапогами Захара; отъ каждой копны, отъ каждой татарки, отъ каждой былинки тянулась тѣнь. „Да нѣтъ, шалишь, не обгонишь!“ — думалъ Захаръ, поглядывая на солнце, вытирая потъ со лба и вспоминая то битюга-жеребца, котораго за переднія ноги поднялъ онъ однажды на ярмаркѣ, заспоривъ о силѣ съ мѣщанами, то литой чугунный приводъ, который выволокъ онъ прошлымъ лѣтомъ изъ риги на гумнѣ барина Хомутова, то эту нищую старуху, которую тащилъ онъ на рукахъ, не обращая вниманія на ея страхъ и мольбы отпустить душу на покаяніе. Остановясь, раздвинувъ ноги, отъ которыхъ столбами пала тѣнь на жнивье, Захаръ вынулъ изъ глубокаго кармана полушубка бутылку, глянулъ на нее противъ солнца и весело ухмыльнулся, увидавъ, что и бутылка и водка въ ней зарозовѣли. Закинувъ голову, онъ вылилъ водку въ разинутый ротъ, не касаясь бутылки губами, и хотѣлъ-было запустить ее выше самаго высокаго, самаго легкаго дымчатаго облачка въ глубинѣ неба. Но, подумавъ, удержался:—и такъ не миновать ему нынче скандала съ бабой изъ-за пропитыхъ денегъ!—сунулъ бутылку въ карманъ и опять зашагалъ, съ удовольствіемъ вспоминая старуху.

— Ахъ, расчудесная была старуха! — думалъ онъ, глядя широко раскрытыми кроваво-голубыми глазами, полными слезъ то на солнце, то на сѣрѣющія за дальними копнами избы Жилыхъ.—Непремѣнно надо разсказать о ней сидѣльцу винной лавки! Шелъ онъ недавно по паровому полю. Глядь,— лежитъ на сухой навозной кучѣ старуха-побирушка и стонетъ

Былъ онъ порядочно выпивши, и, какъ всегда во хмелю, жадно искала душа его подвига — все равно, добраго или злого... даже, пожалуй, скорѣй добраго, чѣмъ злого. „Бабка!—крикнулъ онъ, быстро подходя къ старухѣ. — Ай помираешь? Ай убилъ кто? Чѣмъ передъ кѣмъ провинилась?“ Старуха,— она была вся въ лохмотьяхъ, блѣдное лицо ея было въ запекшейся крови, глаза закрыты,—зашевелилась и застонала. „Да что жъ ты молчишь?—гаркнулъ Захаръ грозно.—Разъ тебе вспрашиваютъ, можешь ты мнѣ не отвѣчать? Значитъ, такъ и будешь лежать? Скотину скоро погонятъ—баранъ заблеяляетъ, замучаетъ... Вставай сію минуту!“ Старуха вдругъ заголосила, взглянувъ на него, огромнаго и страшнаго. „Батюшка, не трожь меня! Меня и такъ быкъ закаталъ. Пожалѣй меня, несчастную!“—„Не могу я тебя пожалѣть! — еще грознѣе заоралъ Захаръ, почувствовавъ вдругъ жалость и нѣжность къ старухѣ. — Вставай, говорятъ тебѣ!“ Старуха приподнялась и тотчасъ же опять упала и заголосила еще пуще. Тогда, не помня себя отъ жалости, Захаръ сгребъ ее въ охапку и почти бѣгомъ помчалъ къ селу. Старуха, обхвативъ обѣими руками его воловью шею, задыхаясь отъ запаха водки, исходившаго отъ него, тряслась на бѣгу, а онъ, боясь заплакать, быстро бормоталъ, стараясь, сколь возможно, смягчить свой басъ: „Да что ты? Ай очумѣла? Чего боишься? Молчи, — говорю тебѣ, молчи, ни объ комъ не думай! Кто тебя обидитъ, стараго человѣка? Обо всемъ забудь!“—„Не могу, батюшка!—отвѣчала старуха.—Какая моя жизнь? Никакого счастья не вижу себѣ, одна во всемъ свѣтѣ, ни напитковъ ни наѣдковъ сладкихъ отроду не видала...“— „А я табѣ говорю, не голоси! - говорилъ Захаръ. — Всякій свою стежку топча! У всякаго своя печаль! Копти! — гаркнулъ онъ на все поле, ощутивъ внезапный приливъ бурной радости. — Ѣшь солому, а хворсу не теряй! Сейчасъ за мое почтеніе доставлю тебя на хватеру! А за быка за этого тебя драть надо. Чего шатаешься, скитаешься? Зачѣмъ къ стаду полѣзла? Тебѣ надо округъ бабъ находиться. Съ ними ты можешь разговоръ поддержать. А быкъ, онъ, братъ, не помилуетъ!“ „Охъ, постой,— застонала старуха, уже смѣясь сквозь слезы. - Всю душу вытрясъ...“ И Захаръ заоралъ еще грознѣй: „Бабка, молчи! А то вотъ шарахну тебя въ ровъ—костей не соберешь!“ И захохоталъ, раскрывая пасть, раскачивая старуху и дѣлая видъ, что хочетъ со всего размаху пустить ее въ косогора...

Спина его была мокра, лицо сизо отъ прилива крови и потно, сердце молотами било въ голову, когда, горло глянувъ

на мутно-малиновый шаръ, еще не успѣвшій коснуться горизонта, быстро вошелъ онъ въ Жилыя,—двѣ степныя деревни, отдѣленныя другъ отъ друга лощиной съ тремя прудами. Въ деревняхъ было мертвенно-тихо. Нигдѣ ни единой души. Ровная блѣдная синева вечерняго неба надо всѣмъ. Далекій лѣсокъ, темнѣющій въ концѣ лощины. Надъ нимъ полный, уже испускающій сіяніе мѣсяцъ. Длинный, голый зеленый выгонъ и рядъ избъ вдоль него. Три огромныхъ зеркала, а между ними двѣ широкихъ навозныхъ плотины съ голыми, сухими ветлами — толстыми стволами и тонкими прутьями сучьевъ. На другомъ боку другой рядъ избъ. И такъ четко все въ этотъ короткій часъ между днемъ и ночью: и контуры сѣрыхъ крышъ, и зелень выгона, и сталь прудовъ. Одинъ, слѣва, чуть розовѣетъ, прочіе—двѣ зеркальныхъ бездны, въ которыхъ точно влитъ отраженный мѣсяцъ и каждый стволъ, каждый сучокъ.

— Фу, пропасти на васъ нѣту!—шумно вздохнулъ Захаръ, пріостанавливаясь.—Какъ подохли всѣ!

Ему захотѣлось рявкнуть такъ, чтобы въ ужасѣ высыпалъ на выгоны весь этотъ мелкій народишко, спрятанный по избамъ. „Да нѣтъ, нѣтъ, — подумалъ онъ, мотая головой: — ошалѣлъ я, пьянъ.. Непристойно думаю, неладно... Домой надо поскорѣй... Домой...“

И вдругъ почувствовалъ такую тяжкую, такую смертельную тоску, смѣшанную со злобой, что даже закрылъ глаза. Лицо его стало котельнаго цвѣта, отдѣлилось отъ русой бороды, уши вспухли отъ прилива крови. Какъ только закрылись его глаза, такъ сейчасъ же запрыгали во тьмѣ передъ нимъ тысячи малахитовыхъ и багряныхъ круговъ, а сердце замерло, оборвалось—и все тѣло мягко ухнуло куда-то въ пропасть. Ахъ, домой бы теперь, да въ ригу, да въ соломку—и потонуть въ бездонномъ снѣ! Баба заоретъ? Деньги пропилъ? А тогда расшибить эту бабу въ дребезги — и дѣлу конецъ... И, постоявъ, Захаръ открылъ глаза и, вмѣсто того чтобы свернуть влѣво, на Осиновые Дворы, упорно зашагалъ перейдя плотину, по задворкамъ второй деревни и вышелъ на большую дорогу, къ винной лавкѣ.

О, какая тоска была на этой пустынной, безконечной дорогѣ въ этихъ блѣдныхъ равнинахъ за нею, въ этихъ жнивьяхъ копнахъ на ихъ просторѣ, въ этотъ молчаливый степной вечеръ! Но Захаръ всѣми силами противился тоскѣ, говорилъ безъ умолку, пилъ все жаднѣе, чтобы переломить ее и наказать этого курчаво-рыжаго, со стоячими бѣлыми глазами мѣщанина, подлаго и радостно засуетившагося, когда Захаръ предложилъ ему по

спорить: можетъ онъ, Захаръ, выпить еще двѣ бутылки, или нѣтъ? Винная лавка, вымазанная мѣломъ, странно бѣлѣла противъ блеклой синевы восточнаго небосклона, на которомъ все прозрачнѣе и свѣтоноснѣе дѣлался кругъ мѣсяца. Возлѣ лавки стоялъ столикъ и скамейка. Мѣщанинъ, въ розовой ситцевой рубахѣ и обтертыхъ до-красна онойковыхъ сапогахъ, торчалъ возлѣ стола, осѣвъ на одну ногу и касаясь земли носкомъ другой,—безобразной, съ высокимъ подъемомъ, съ большимъ каблукомъ, — выставивъ кострецъ, и, какъ обезьяна, съ необыкновенной ловкостью и быстротой грызъ подсолнухи, не спуская своихъ бѣльмъ съ Захара. А Захаръ, поднимая грудь, сжимая зубы, стискивая, точно желѣзными клещами, своими огромными пальцами край стола, облизывая сохнущія губы, обрывая каждое слово бурнымъ вздохомъ, плохо соображая, что̀ онъ говоритъ, поминутно проваливаясь въ какую-то черную пропасть, спѣшилъ, спѣшилъ досказать, какъ онъ несъ старуху...

И вдругъ, размахнувшись всѣмъ туловищемъ, быстро всталъ, далеко отшвырнулъ ногой столъ вмѣстѣ съ зазвенѣвшей бутылкой и граненымъ стаканомъ и хрипло сказалъ:

— Слухай! Ты!

И мѣщанинъ, уже разинувшій-было ротъ, чтобы крикнуть на Захара за безчинство, взглянувъ на его бѣло-сизое лицо, онѣмѣлъ. А Захаръ, собравъ послѣднія силы, не давъ сердцу разорваться прежде, чѣмъ онъ скажетъ, твердо договорилъ:

— Слухай. Я помираю. Шабашъ. Не хочу тебя подъ бѣду подводить. Я отойду. Отойду.

И твердо пошелъ на середину большой дороги. И, дойдя до середины, согнулъ колѣни—и тяжело, какъ быкъ, рухнулъ на спину, раскинувъ руки.

Эта лунная августовская ночь была жутка для Живыхъ. Отовсюду безшумно бѣжали бабы и ребятишки къ кабаку; сдержанно и тревожно переговариваясь, шли мужики. Лунный свѣтъ прозрачнѣйшимъ дымомъ стоялъ надъ сухими жнивьями. А среди большой дороги бѣлѣло и блестѣло что-то огромное, страшное: кто-то покрылъ коленкоромъ мертвое тѣло. И босыя бабы, быстро и безшумно подходя, крестились и робко клали мѣдяки въ его возглавіи.

Капри. II. 1912.

СТО ВОСЕМЬ.

Рано чувствуется осень, ея спокойствіе. Начало августа, а похоже на свѣтлый сентябрь, когда жарко лишь въ затишьѣ, на припекѣ.

Учитель Иваницкій, человѣкъ молодой, но необыкновенно серьезный, глубоко задумывающійся по самому малѣйшему поводу, медленно поднимается на пологую гору, прогономъ черезъ усадьбу нищихъ князей Козельскихъ. Заложивъ одну руку за широкій поясъ, которымъ подпоясана длинная чесучовая рубаха, а другой пощипывая кончики рѣдкихъ бѣлесыхъ усовъ, учитель горбитъ свой истяжной станъ и щуритъ зоркіе зеленоватые глаза. Онъ гуляетъ, прощаясь съ деревней,— онъ на-дняхъ уѣзжаетъ въ Москву, въ университетъ.

На прогонѣ тѣнь. Направо—большой садъ за соломеннымъ валомъ; налѣво — старая кузня, развалины псарни, пустыя сушилки изъ розовыхъ кирпичей, а между ними—проѣздъ на безконечное и тоже пустое гумно. Въ саду, уже порѣдѣвшемъ,—тишина, косой солнечный блескъ; кое-гдѣ золотится радужная паутина; спокойно лежатъ пятна тѣней подъ яблонями; порой съ короткимъ стукомъ падаетъ въ шелковистую сухую траву спѣлое яблоко. Дерновая вогнутая крыша кузни вся въ наростахъ мха—бархатно-изумрудныхъ, съ коричневымъ отливомъ. Раскрытыя сушилки тяжелы, грубы, очертаніями своими говорятъ о чемъ-то давнишнемъ. И все это,— мохъ на кузнѣ, псарня, заросшая лопухами, голыя стропила надъ розовыми стѣнами,—все это такъ чудесно на ясномъ голубомъ небѣ среди бѣлыхъ круглыхъ облаковъ. На огромномъ пустырѣ гумна воробьи ливнемъ пересыпаются съ одной крапивной чащи на другую. За этими чащами поднимается порозовѣвшій осинникъ... Учитель идетъ къ Соловьевымъ, ещё разъ хочетъ повидаться передъ отъѣздомъ съ ихъ дѣдомъ:

Таганкомъ. Древенъ онъ, какъ говорятъ въ Козельщинѣ: ему сто восемь, онъ знаменитость въ округѣ.

За усадьбой—улицы среди дворовъ и огородовъ. Учитель поворачиваетъ налѣво, въ ту улицу, что пролегаетъ между валомъ гумна, кустарникомъ по валу и старыми избами бывшихъ княжескихъ крѣпостныхъ. Она немного поката, конецъ ея какъ бы упирается въ небосклонъ — чуть зеленоватый, сентябрьскій. Сентябрь и въ верхушкахъ лозинъ, кое-гдѣ растущихъ передъ избами и сквозящихъ мелкой, желтѣющей листвой на бѣлыхъ облакахъ и лазури; сентябрь въ золотистомъ солнечномъ свѣтѣ и въ прозрачной тѣни, падающей отъ избъ на улицу, на водовозки, прикрытыя пѣгими попонами и армяками... Учитель идетъ и косится на избы, на ихъ окошечки и крыльца.

Окошечки крохотныя, темныя. Крыльца, пороги обросли грязью. Да не лучше и возлѣ нихъ: въ крѣпкой, какъ чугунъ, засохшей грязи, въ которую вросли тряпки, сгнившіе лапти, лежатъ большіе плоскіе камни, на которыхъ обѣдаютъ и ужинаютъ. Дѣти кричатъ, перекликаются, лазятъ по камнямъ. Много дѣтей въ Козельщинѣ, и, Боже, какъ сопливы они, въ какихъ болячкахъ ихъ щеки и губы!

— Что это ты дѣлаешь?—окликаетъ учитель дѣвочку, стоящую у камня.

Она хворая, худая, темноглазая, въ бабкиныхъ лаптяхъ, закутана темнымъ пеньковымъ платкомъ. Она шлепаетъ по камню ручками, дѣлаетъ видъ, что стираетъ, льетъ воду, бьетъ валькомъ. Услыхавъ учителя, она растерянно смотритъ на него и со всѣхъ ногъ кидается къ избѣ.

— Какъ тебя зовутъ?—спрашиваетъ учитель толстаго голубоглазаго мальчика, въ большой старой жилеткѣ, стоящаго подъ лозинкой у двора Ѳоминыхъ.

Мальчикъ молчитъ. Учитель повторяетъ вопросъ. Мальчикъ пятится къ лозинкѣ, поднимаетъ грудь, надувается такъ, что багровѣетъ, и молчитъ.

Озабоченно бродятъ куры, раздираютъ лапами золу, землю, клюютъ что-то, кудахтаютъ, приманивая цыплятъ. У двора Климовыхъ спитъ подъ водовозкой старуха. Тѣнь отъ избъ скосилась, передвинулась, солнце падаетъ на водовозку, печетъ лицо, такъ густо облѣпленное мухами, точно на немъ черный рой привился, печетъ худой кострецъ, голыя дикарскія ноги, блестящія отъ загара. Мальчикъ лѣтъ пяти, въ штанахъ съ помочами и шерстяныхъ красныхъ чулкахъ, носится среди цыплятъ, бѣгающихъ и на бѣгу клюющихъ по землѣ и по ногамъ старухи мухъ, и все норовитъ затоптать

хоть одного изъ нихъ: цыплята съ пискомъ разсыпаются, и онъ останавливается, выжидаетъ, когда они соберутся въ кучку, а какъ только соберутся, опять со всѣхъ ногъ летитъ на нихъ. Другой, лѣтъ двухъ, хлопочетъ возлѣ дуги, только-что выкрашенной коричневой краской и прислоненной къ крыльцу; дуга падаетъ, прихлопываетъ его къ землѣ, и онъ закатывается благимъ матомъ. Учитель бѣжитъ освобождать его.

— Эй, бабка! Проснись, чортъ тебя возьми совсѣмъ.— кричитъ онъ, схвативъ ревущаго ребенка и не зная, что съ нимъ дѣлать.

Старуха поднимаетъ голову и сначала ничего не понимаетъ: глаза тупы, ротъ раскрытъ, платокъ сбился на сторону вмѣстѣ съ сѣдыми волосами. Потомъ она быстро поднимается, шатаясь, идетъ къ учителю, вырываетъ ребенка изъ неумѣлыхъ рукъ и лѣзетъ на крыльцо. Тамъ она кидаетъ его на полъ, усыпанный пшенной кашей, и онъ сразу затихаетъ: слизитъ по крыльцу, подбираетъ съ полу кашу вмѣстѣ съ грязью и суетъ себѣ въ ротъ. А старуха садится на лавку и, поправляя шлыкъ, провожаетъ учителя тяжелымъ, злымъ взглядомъ.

Соловьевы раздѣлились. Таганокъ живетъ у Глѣба. Но учитель идетъ сперва къ двору его другого внука, плотника Григорія. Григорій похожъ слегка на Мефистофеля, но человѣкъ пріятный. Теперь онъ стоитъ на прогалинѣ между избою и погребомъ, въ проходѣ на гумна, посреди квадрата изъ трехъ ярусовъ новыхъ, тѣлеснаго цвѣта бревенъ: рубитъ себѣ амбаришко. На немъ городской картузъ, еще не мытая ситцевая рубаха, вздутая розовымъ измятымъ пузыремъ, штаны изъ чортовой кожи и сапоги: Соловьевы — первые жители въ Козельщинѣ. Увидавъ гостя, онъ легонько и ловко всѣкаетъ въ бревно блеснувшій на солнцѣ топоръ. Здороваются, сади-дятся на срубъ, закуриваютъ.

— Къ Таганку?—спрашиваетъ Григорій.

— Къ нему. Давно не видалъ...

— Что жъ, дѣло хорошее. Пройдите, провѣдайте. Онъ васъ любитъ.

— А какъ его дѣла? Дряхлѣетъ?

— Нѣтъ, скрипитъ еще помаленьку. А, конечно, не наши съ вами дѣло: вѣдь сто восемь.

— Смерти не проситъ у Бога?

— Да какъ сказать? Пожить ему, кажись, еще страсть какъ хочется, да, извѣстно, житье стариковское не сладко.

— А что?

— Да что̀, надо правду говорить: бьютъ они его, голодомъ орятъ—вотъ главная вещь.

— Все сноха?

— Извѣстно, она. Да я такъ думаю, всему причина ратъ Иглѣбъ. Его допущеніе. Онъ должо̀нъ защищать, ому же больше? Самъ-то Таганокъ, вы знаете, какой: за всю изнь цыпленка не обидѣлъ.

— Серьезно, бьютъ?

— А то какъ же? Еще какъ серьезно-то! Иной разъ такъ олканутъ... Онъ мнѣ ужъ сколько жаловался. Да что̀ бьютъ! нихъ вонъ шесть пудовъ одной ветчины виситъ,—повѣите, ребрышка никогда не дадутъ. Сами, какъ праздникъ, а чай, а онъ чашечки попросить боится. Ничтожности жалѣютъ...

— Нда-а,—задумчиво говоритъ учитель.

Сипятъ кузнечики въ бурьянѣ на припекѣ. Все сохнетъ, оняетъ черныя зерна: крапива, бѣлена, репьи, подсвекольникъ. Баба, въ красной юбкѣ, въ бѣлой рубахѣ, стоитъ въ ащѣ конопляниковъ, выше ея ростомъ, беретъ замашки. За оноплянниками сѣрѣютъ риги, желтѣютъ новые скирды.

— Нда-а,—говоритъ учитель, ѣдко затягиваясь.—„Народъ-огоносецъ“!.. Скирды-то ваши?

— Нынѣшній годъ далъ Господь,—скромно, боясь сглазить, отвѣчаетъ Григорій.

— А чашки чаю жалѣютъ,—ухмыляется учитель.—Что̀ онъ, теперь еще хорошо помнитъ все?

— На удивленіе прямо! Все помнитъ: что̀ когда сдѣлать о дому, что̀, напримѣръ, прибрать, купить, гдѣ что̀ дешевле,—се первый скажетъ. Насчетъ корму, напримѣръ, разумнѣй го человѣка нѣту...

— Да нѣтъ, я не про то,—перебиваетъ учитель.—Я, понимаешь, испытываю всегда страшную жажду заглянуть на амое дно этой столѣтней души, вызвать его—ну, хоть на зображеніе старины, что ли. И никогда-то ровно ничего не ыходитъ изъ этого! Или онъ почему-то не желаетъ говорить о мной, или же надо сдѣлать дикое, но, кажется, самое вѣрное предположеніе, что рѣшительно ничего, кромѣ самаго римитивнаго, нѣтъ за этой душой!

Григорій слегка удивляется:

— Да чего жъ ему не хотѣть разговаривать съ вами? бижать вы его не обижаете, скрытности этой у него нѣту, омнитъ онъ даже очень хорошо... Ну, а, конечно, этакого его-нибудь особеннаго...

— Вотъ, вотъ, именно!—подхватываетъ учитель, подши-

маясь.—Кажется, совершенно задаромъ пропало столѣтіе! Нечего вспомнить. Нечего.

Проходятъ къ Таганку задами. За дворомъ Григорія нѣсколько колодокъ пчелъ. Учитель гнется, боится ихъ, а Григорій смѣется, увѣряетъ, что пчелы чистаго человѣка не трогаютъ. Тутъ чуть тянетъ холодкомъ съ сѣвера, подъ солнцемъ пыльно и сытно пахнутъ конопляники. Противъ конопляниковъ придѣлано къ каменной стѣнѣ Глѣбова варка нѣчто въ родѣ шалаша, сбитаго изъ кольевъ и обшитаго замашками. Это и есть лѣтнее жилище знаменитаго человѣка.

— Дѣ-ѣдъ?—окликаетъ учитель, отворяя дверку.

Никто не отзывается; въ шалашѣ пусто. Вѣрно, Таганокъ въ избѣ. И Григорій уходитъ искать его. А гость спѣшитъ осмотрѣть шалашъ. Все то же. И все такъ же трогательно. Чтобы не надоѣдать снохѣ своимъ присутствіемъ, сократиться насколько возможно, перебирается сюда Таганокъ чуть не съ Великаго поста. Розвальни безъ грядокъ, покрытыя соломой, служатъ ему постелью. На соломѣ нѣтъ даже попонки. Въ изголовьѣ, вмѣсто подушки, — свернутый рваный чекмень, и по цвѣту видно, что чекменю этому полвѣка. У изголовья—столикъ изъ дощечки и кольевъ; на дощечкѣ — подобіе шкатулки, а въ ней—все добро, все хозяйство Таганка: мотокъ нитокъ, варежки, тавлинка изъ бересты съ нюхательнымъ табакомъ... Боже мой, Боже мой! Драгоцѣннѣйшимъ даромъ даромъ сказочнаго долголѣтія одарила судьба своего избранника! А къ чему онъ тутъ, этотъ даръ?

У шалаша лежитъ большой обрубокъ, корень дуба. На немъ дѣдъ отдыхаетъ, думаетъ, грѣется,—обрубокъ отшлифованъ полушубкомъ. Учитель садится и ждетъ. Когда же за угломъ слышатся шаркающіе шаги, поднимается, чтобы уступить Таганку привычное мѣсто. Таганокъ показывается изъ-за угла,—невысокій, съ опущенными плечами,—и подвигается неловко, вразвалку, опадая съ одной ноги на другую. Ноги толсто опутаны онучами, въ большихъ лаптяхъ. Полушубокъ, почти голый съ исподу,—вытерлась овчина,—сталъ широкъ, полы его висятъ. Большая шапка надѣта глубоко, немного криво. Увидавъ гостя, Таганокъ стаскиваетъ ее обѣими руками, какъ ребенокъ, кланяется низко. Длинные волосы, уцѣлѣвшіе вокругъ его темной головы, бѣлы и легки, какъ ковыль. Легка, бѣла и косая борода его. Лицо еще темнѣе головы. Желтоватые, выцвѣтшіе, налитые слезами глаза ничего не выражаютъ, кромѣ не то покорности, не то грусти.

— Здорово, дѣдушка,—говоритъ учитель, садясь на землю.—Какъ поживаешь? Надѣвай шапку-то...

Таганокъ колеблется. Онъ, одолѣвъ больше вѣка, невольно
самъ считаетъ себя особеннымъ человѣкомъ. Но заслужилъ ли
ъ наконецъ право быть при господахъ въ шапкѣ, этого
ъ еще не знаетъ. Поколебавшись, обѣими руками надѣ-
етъ ее.

— Садись на обрубокъ-то, тебѣ покойнѣе будетъ...

Таганокъ, помедливъ, садится; поправляетъ полы, склады-
етъ на колѣняхъ черныя руки и что-то кротко думаетъ.
отомъ слабо машетъ головой.

— Энтихъ ужъ нѣту, — говоритъ онъ медленно и такъ,
ино разговариваетъ не съ учителемъ, а съ кѣмъ-то дру-
мъ.—Энтихъ ужъ нѣту, что̀ покоили-то...

— Въ старину лучше было?—спрашиваетъ учитель.

— Гм!—слабо улыбается Таганокъ.—Въ два раза лучше
ло...

Всѣ старики играютъ, притворяются черезчуръ старыми.
ганокъ не играетъ. Онъ нечеловѣчески простъ. Учитель,
къ всегда, не спускаетъ съ него глазъ; его волнуютъ
аныя мысли: подумать только, что при Таганкѣ прошелъ
инъ изъ самыхъ замѣчательныхъ вѣковъ! Сколько было за
отъ вѣкъ переворотовъ, открытій, войнъ, революцій, сколько
ло, славилось и умерло великихъ людей! А онъ даже ма-
йшаго понятія не имѣлъ никогда обо всемъ этомъ. Цѣлыхъ
о лѣтъ видѣлъ онъ только вотъ эти конопляники да думалъ
кормѣ для скотины! И сидитъ онъ такъ смиренно, такъ не-
движно. Опустилъ плечи, сложилъ на худыхъ колѣняхъ
оныя, спеченныя столѣтіемъ руки, перекрестилъ искривлен-
е работой и простудой пальцы, а мухи ползаютъ по нимъ,
шатъ ножками, справляютъ свою любовь. Бѣлый мотылекъ
окойно, какъ на деревѣ, замеръ на его дѣтски-худой и
ной шеѣ, окаймленной воротомъ сѣрой рубахи, пригрѣтой
ицемъ. Шапка надвинута глубоко; изъ-подъ шапки видны
ѣны рѣдкихъ, длинныхъ, зеленовато-бѣлыхъ бровей, устало
иподнятыхъ. Нижнее вѣко лѣваго глаза немного разорвано
оттянуто книзу: этотъ глазъ, полный слезою, совсѣмъ без-
ленъ. Въ правомъ—слабая мысль, слабая жизнь, чуждая
ему нашему міру. Онъ, этотъ стовосьмилѣтній человѣкъ,
е слышитъ, видитъ, разумно толкуетъ съ внуками о хо-
яйствѣ, помнитъ все, что̀ нужно нынче или завтра сдѣ-
ать по дому, знаетъ, гдѣ что̀ лежитъ, что̀ требуетъ по-
авки, присмотра... И все же весь онъ въ забытьѣ, въ
ѣ своихъ далекихъ воспоминаній. Что̀ же это за воспоми-
нія? Часто охватываетъ страхъ и боль, что вотъ-вотъ ра-
ѣетъ смерть этотъ драгоцѣнный сосудъ огромнаго про-

шлаго. Охватываетъ жажда поглубже заглянуть въ этот сосудъ, узнать всѣ его тайны, сокровища. Но онъ пуст пустъ! Мысли, воспоминанія Таганка такъ поразительно пр сты, такъ несложны, что порою теряешься: человѣкъ л передъ тобою? Онъ разумный, милый, добрый. Слѣдовало б съ благодарностью поцѣловать его руку за то, что̀ явилъ он намъ, воплотивъ въ себѣ рѣдкое благословеніе неба. Но- человѣкъ ли онъ?

Говоритъ Таганокъ очень медленно, но не путаясь; выр жаетъ мысли съ трудомъ, но точно. Онъ знаетъ, что, воле судьбы, возложена на него обязанность толковать съ гостя прежде всего о старинѣ. И самъ спѣшитъ дать поводъ разспросамъ.

— Тепло,—говоритъ онъ, поводя плечомъ, что̀ пригрѣ опускающимся солнцемъ.—Кровь-то моя ужъ холодѣетъ... Ст дился, бывало, часто... А все отчего? Въ старину вѣдь извозы ходили...

Учитель начинаетъ разспрашивать его. И опять, опя слышитъ только давнымъ-давно знакомое! Былъ дѣдъ два ра у хохловъ, за Воронежемъ; былъ два раза въ Москвѣ, п разъ въ Калугѣ; и много разъ въ Бѣлевѣ...

— Что̀ же?—спрашиваетъ учитель, домогаясь обобщеній. Нравились тебѣ хохлы?

— Хохлы-то?—отвѣчаетъ Таганокъ.—Ничего... Дружелю у нихъ.

И, уже покончивъ съ общимъ, переходитъ къ частному

— Мы туда подъ Срѣтенье поѣхали... У меня тогда четы лошади было... Прокорми-ка ихъ!.. Ну, поѣхали туда пор някомъ... Оттуда пшеницу наклали... Доправили все чес честью, стали барыши считать... Анъ только себя самихъ а лошадей оправдали...

— Француза помнишь?—спрашиваетъ учитель, вспомин сколько грозныхъ кометъ видѣлъ Таганокъ, сколько зло щихъ слуховъ пережилъ онъ на своемъ вѣку.

Таганокъ думаетъ. Онъ гдѣ-то далеко.

— Француза-то?—спокойно говоритъ онъ.—Это какой Москву приходилъ? Нѣтъ, не помню... Такъ только, на дитъ иной разъ какъ зукъ какой...

— А Москва при тебѣ велика, хороша была?

— Большая... Пріѣдемъ, бывало, въ нее... Поставятъ на Болотѣ въ рядъ... Мы и стоимъ... Какъ хлагъ спустъ можетъ, значитъ, купецъ, какой купилъ что̀, подойтить, в свой товаръ... Ну, подойдетъ, глянетъ и отправитъ его: на Воробьиныя горы, либо еще куда...

И Таганокъ смолкаетъ,—можетъ-быть, подъ тихимъ наплывомъ находящихъ, какъ отдаленный звукъ, воспоминаній. А учитель нервно куритъ, хмурится: нѣтъ, ничего путнаго не выходитъ изъ его разспросовъ!

Онъ сидитъ долго, до самаго заката солнца; щиплетъ концы усовъ, собирается съ мыслями, стараясь представить себѣ невозможное,—картину одной изъ самыхъ долгихъ человѣческихъ жизней, картину цѣлаго столѣтія; онъ силится войти въ душу и тѣло этого необыкновеннаго человѣка—и никакъ не можетъ примириться съ тѣмъ, что говоритъ необыкновенный человѣкъ очень обыкновенно, даже черезчуръ обыкновенно, разсказываетъ же только пустяки. „Систематически надо, систематически,—думаетъ учитель,—съ самаго начала надо начать“... Но краткіе, трогательные и пустяковые отвѣты Таганка сбиваютъ съ толку, вызываютъ безпокойство, лишаютъ охоты разспрашивать. Нѣтъ, ужъ какая тутъ послѣдовательность! — „Рано ты началъ помнить себя?“ — „А Богъ его знаетъ, не знаю... Вѣдь мы, — слабо улыбается онъ, — народъ темный, въ лѣсу живемъ, пнямъ молимся... Допрежъ тутъ вездѣ лѣса были“... — „Какіе лѣса?“ — „А такіе. Дубъ, напримѣръ, сосна... Разбойники водились“... — „Разбойники? Ты исторію какую-нибудь о нихъ помнишь?“ — „Нѣтъ, исторіи, слава Богу, никакой не было“...—„Ну, а село какое было? Меньше теперешняго?“ — „Все такая же... Церковь только на старомъ кладбищѣ стояла, а не возлѣ училища... Я четырехъ поповъ пережилъ“... Но каковы были они попы, похожи ли на теперешнихъ и какъ относились къ народу,—этого Таганокъ не умѣетъ разсказать... Но, можетъ-быть, онъ хорошо помнитъ господъ, князей Козельскихъ, и о нихъ разскажетъ чтон-ибудь путное?—Помнить-то помнитъ... Но узнаетъ учитель только то, что было три генерала: Семенъ Милычъ, Милъ Семенычъ и Григорій Милычъ: что господа эти были хорошіе, что особенно „лихимъ“ правомъ отличался Милъ Семенычъ...

— Тебя пороли?—спрашиваетъ учитель.

— Нѣтъ, Богъ не привелъ,—отвѣчаетъ Таганокъ.—Однова только. Да еще разъ въ шею далъ мнѣ Милъ Семенычъ... На постройкѣ... Я бревно не тое ухватилъ... Вотъ продать — продавали... Возили... Осерчалъ баринъ на насъ, на избятъ... Ну, и отправилъ одинцать головъ... Въ энтотъ, въ какомъ-то... Ну, привезли насъ на базаръ, поставили другъ съ дружкой... Подшелъ бурмистръ селезневскій... Мы было уже оробѣли, да не сошлось что-й-то дѣло... А за меня хорошо—полтораста пять давали...

Солнце уже скрылось за далекимъ полемъ: гуще и свѣжѣе пахнутъ конопляники въ вечерней тѣни: роса пала на огороды. Почти черное, гробовое лицо Таганка стало еще безжизненнѣе, глаза совсѣмъ остеклянѣли. Ему холодно, онъ кутается въ полушубокъ, оправляетъ полы, глубже надвигаетъ шапку и засовываетъ руки въ рукава. Какъ отдаленный звукъ, находятъ на него воспоминанія; и, мало заботясь о томъ, слушаютъ ли его или нѣтъ, онъ медленно говоритъ то, на что напалъ случайно:

— Покойникъ Семенъ Милычъ былъ крутъ!.. А померъ онъ, заступилъ его мѣсто Милъ Семенычъ,—стало и совсѣмъ никуда... Что жъ, мы вѣдь ровно какъ кошка: посади ее въ мѣшокъ, завяжи и дѣлай, что хочешь, и она никому зла не можетъ исдѣлать, такъ и мы... Ну, молили раньше мужики, чтобъ барину Богъ смерти далъ... А я, бывало, скажу: „Напрасно вы его сбываете. Не сбывайте,—хуже будетъ“... Такъ оно и вышло... Да...

Таганокъ отдыхаетъ; потомъ опять заводитъ медленную рѣчь:

— Да... А какъ померъ Милъ Семенычъ, привезли гробъ въ засмоленномъ рундукѣ... Скрозь рундукъ дрянь, кровь пролила... Нехорошо померъ, безъ болѣзни, тѣло не выболѣло. Какъ, значитъ, кому назначено...

Учитель съ трудомъ дослушиваетъ этотъ тяжкій разсказъ и поднимается. „Ну, шабашъ,—думаетъ онъ.—Никогда я его больше не увижу! А жаль, жаль...“

Волнуетъ его давнишнее желаніе выпытать у Таганка, очень ли онъ хочетъ жить? Вѣдь видно, что хочетъ! Но почему это никогда не говоритъ онъ объ этомъ прямо?

— Ну, прощай, до свиданія, дѣдъ, — говоритъ учитель. — Дай Богъ тебѣ еще пожить.

Таганокъ кротко поднимаетъ брови.

— Пожить-то?—отвѣчаетъ онъ.—Да вѣдь и такъ ужъ я съ восьмеркой...

И, помолчавъ, опускаетъ голову.

— Но вѣдь хочется, небось?

— А Богъ ее знаетъ...

— Но позволь, ты-то самъ какъ чувствуешь?

Таганокъ думаетъ.

— Да что жъ чувствовать?—говоритъ онъ.—Тутъ чувствовать нечего... Чувствуй, не чувствуй...

— Позволь: ну, а если бы тебѣ, напримѣръ, предложили пять лѣтъ прожить или годъ,—что бы ты выбралъ?

Таганокъ слабо улыбается, глядя въ землю.

— Да что жъ мнѣ ее приглашать... смерть-то... Она меня не угрызетъ. Помоложе кого угрызетъ, а меня нѣтъ... Вотъ и не идетъ...

И учитель тупо, долго глядитъ на него. Потомъ рѣшительно пожимаетъ его твердую ледяную руку и уходитъ.

Онъ уходитъ за деревню, въ поле, и долго шагаетъ въ полутьмѣ по мягкой пыльной дорогѣ, куда глаза глядятъ. „Да, да,—думаетъ онъ,—дѣло тутъ не въ экономикѣ... Дѣло въ примитивности, въ первобытности, коей не прейдеши... Дѣло,—говоритъ онъ себѣ твердо и упрямо,—въ исконныхъ чертахъ россіянина: въ атавистическихъ...“

Возвращается онъ усталый, успокоенный. Не спѣша идетъ по улицѣ. Огней нѣтъ, избы темны и тихи. Всѣ спятъ. Пахнетъ жильемъ—какъ-то особенно, тепло, по-ночному. Сухо трюкаютъ осторожные сверчки. Вотъ и опять изба Глѣба. Она вымазана известкой, слабо бѣлѣетъ. Стекла ея сини отъ вечера, въ нихъ еще слабо отражается небо. Внизу, по землѣ рѣетъ какой-то еле замѣтный отсвѣтъ, отчего изба и полушубокъ кого-то сидящаго на голышѣ возлѣ нея странно выдѣляются. Кто это? Неужели Таганокъ? Да, онъ, онъ...

— Дѣдушка, еще здравствуй,—негромко говоритъ учитель, очень тронутый видомъ этого одинокаго, чужого всему міру человѣка, пережившаго и всѣхъ сверстниковъ своихъ и всѣхъ дѣтей ихъ.

— Кто это?—тихо откликается Таганокъ.

— Да я, учитель... Что же ты не спишь?

Таганокъ думаетъ. Отвѣчаетъ онъ теперь еще медленнѣе:

— Да какой нашъ сонъ... Древенъ я... Ночь заходитъ—жутко... Какъ медвѣдь идетъ она на меня...

„Это не ночь, а смерть“,—думаетъ учитель; и, помолчавъ, спрашиваетъ:

— Ну, а какъ же? Пожилъ бы еще? Пять годовъ или годъ?

Тихо. Трюкаютъ сверчки. На порогъ избы вышла дымчатая кошка, сбѣжала на землю—и стала невидима. Слабо бѣлѣетъ борода Таганка. Темнаго, гробового лица его не видно. Онъ неподвижетъ. Не слышно даже дыханія его. Живъ ли онъ?

Живъ. Долго спустя онъ отзывается:

— Пожилъ бы... И пять бы годовъ одолѣлъ бы... Да черезъ пять-то годовъ...

Онъ, видно, вспоминаетъ спеху, свой шалашъ, свою безпризорность, безпомощность.

И легонько вздыхаетъ:

— Черезъ пять-то годовъ вошь съѣстъ. Въ ней главная причина. А то пожилъ бы.

8 VII 1911.

НОЧНОЙ РАЗГОВОРЪ.

I.

Небо всю ночь было серебристо-звѣздно, поле за садомъ и гумномъ темнѣло ровно, и на чистомъ горизонтѣ четко чернѣла мельница съ двумя рогами крыльевъ. Но звѣзды искрились, трепетали, часто прорѣзывали небо зеленоватыми полосками, садъ шумѣлъ порывисто и уже по-осеннему, холодно. Отъ мельницы, съ пологой равнины, съ опустѣвшаго жнивья дулъ сильный вѣтеръ.

Работники сытно поужинали,—былъ праздникъ, Успенье,—и жадно накурились по дорогѣ черезъ садъ на гумно. Накинувъ сверхъ полушубковъ армяки, они шли туда спать, стеречь хлѣбные вороха. За работниками, таща подушку, шелъ высокій гимназистъ, хозяйскій сынъ, и бѣжали три борзыхъ бѣлыхъ собаки. На гумнѣ, на свѣжемъ вѣтру, хорошо пахло мякиной, новой ржаной соломой. Всѣ уютно улеглись въ ней, въ самомъ большомъ омётѣ, поближе къ ворохамъ и ригѣ. Собаки повозились, пошуршали у ногъ работниковъ и тоже успокоились.

Надъ головами лежавшихъ слабо бѣлѣлъ широкій, раздваивающійся дымно-прозрачными рукавами Млечный Путь, наполненный висящей въ нихъ мелкой звѣздной розсыпью. Въ соломѣ было тепло и тихо. Но по лозняку, что̀ темнѣлъ вдоль вала слѣва, то и дѣло тревожно шелъ и, разрастаясь, приближался глухимъ, непріязненнымъ шумомъ сѣверо-восточный вѣтеръ. Тогда до лицъ, до рукъ доходило прохладное дуновеніе вмѣстѣ съ дурнымъ запахомъ изъ проходовъ между ометами. А по небосклону, за неправильными черными пятнами лозняка, остро мелькали, вспыхивали льдистые алмазы, разноцвѣтными огнями загоралась Капелла.

Улегшись, позѣвали и закрыли глаза. Вѣтеръ дремотн

шелестѣлъ торчавшей надъ головами колючей соломой. Но дошла до лицъ прохлада — и всѣ почувствовали, что спать еще не хочется,—выспались послѣ обѣда. Только одинъ гимназистъ изнемогалъ отъ сладкой жажды сна. Но ему заснуть не давали блохи. Онъ сталъ чесаться, раздумался о дѣвкахъ, о вдовѣ, съ которой онъ, при помощи работника Пашки, потерялъ въ это лѣто невинность, и тоже разгулялся.

Это былъ худой, неуклюжій подростокъ съ необыкновенно нѣжнымъ цвѣтомъ лица, такого бѣлаго, что даже загаръ не бралъ его, съ синими глазами, съ безобразно большими руками и ногами, съ большимъ кадыкомъ. Онъ все лѣто не разлучался съ работниками, — возилъ сперва навозъ, потомъ снопы, оправлялъ ометы, курилъ махорку, подражалъ мужикамъ въ говорѣ и въ грубости съ дѣвками, которыя дружески поднимали его на смѣхъ, встрѣчали свистомъ и криками: „Веретёнкинъ, Веретёнкинъ!“—дурацкимъ прозвищемъ, придуманнымъ подавальщикомъ въ молотилку Иваномъ. Онъ ночевалъ то на гумнѣ, то въ конюшнѣ, по недѣлямъ не мѣнялъ бѣлья и парусиновой одежды, не снималъ дегтярныхъ сапогъ, сбилъ въ кровь ноги съ непривычки къ портянкамъ, оборвалъ всѣ пуговицы на лѣтней шинели, испачканной колесами и навозомъ, сломалъ серебряные листочки и буквы на картузѣ.

— Совсѣмъ отбился отъ дому!—съ ласковой грустью говорила о немъ мать, восхищаясь даже его недостатками.— Конечно, поправится, окрѣпнетъ, но посмотрите, какая лохматая чушка — даже шеи не моетъ! — улыбаясь, говорила она гостямъ и теребила его мягкія каштановыя лохмы, стараясь добраться до нѣжнаго завитка, кудрявившагося, какъ у дѣвочки, на его затылкѣ, на темной шеѣ, отдѣлявшейся отъ виднаго подъ косовороткой по-дѣтски бѣлаго тѣла, отъ большихъ позвонковъ подъ тонкой гладкой кожей. А онъ угрюмо вывертывалъ голову изъ-подъ ея ласковой руки, хмурился и краснѣлъ. Онъ росъ не по днямъ, а по часамъ и на ходу гнулся, задумчиво свисталъ, угловато вилялъ изъ стороны въ сторону. Онъ еще ѣлъ липовый цвѣтъ, вишневый клей, хотя уже тайкомъ; въ карманахъ его парусиновыхъ панталонъ еще много было крошекъ бѣлаго хлѣба, еще лежали перочинный ножъ и рогулька для стрѣльбы по воробьямъ, но онъ сгорѣлъ бы отъ стыда, если бъ это обнаружилось, и не выпускалъ рукъ изъ кармановъ. Еще зимой онъ игралъ съ сестрой, маленькой Лилей, въ краснокожихъ, тараща глаза и выкрикивая фразу изъ какого-то американскаго романа: „Братъ! — ревѣлъ дикарь, и пѣна клубилась изъ его рта...“ Но весной, когда по

всѣмъ улицамъ города текли и дрожали ослѣпительнымъ блескомъ ручьи, когда въ классахъ горѣли отъ солнца бѣлые подоконники, солнцемъ былъ пронизанъ голубой дымъ въ учительской, и директорская кошка подстерегала первыхъ зябликовъ въ гимназическомъ саду, еще полномъ серебрянаго снѣга,—весной онъ вообразилъ, что влюбился въ худенькую, маленькую, начитанную и серьезную гимназистку Юшкову, подружился съ шестиклассникомъ въ очкахъ Симашко, называвшимъ его сиьоромъ, и, рѣшивъ посвятить всѣ каникулы самообразованію, сталъ грубо говорить Лилѣ, когда она называла его Алей: „Я тебѣ такой же Аля, какъ ты китайская императрица“... А лѣтомъ мечты о самообразованіи были уже забыты, было принято новое рѣшеніе—изучить народъ, вскорѣ перешедшее въ страстное увлеченіе мужиками.

Вечеромъ на Успенье гимназистъ былъ налитъ сномъ еще за ужиномъ. Къ концу каждаго дня, когда туманилась и на грудь падала голова, — отъ усталости, отъ разговоровъ съ работниками, отъ роли взрослаго, — возвращалось дѣтство: хотѣлось поиграть съ Лилей, помечтать передъ сномъ о какихъ-нибудь дальнихъ и невѣдомыхъ странахъ, о необыкновенныхъ проявленіяхъ страсти и самопожертвованія, о жизни Ливингстона, Беккера, а не мужиковъ Наумова и Нефедова, прочитать которыхъ дано было Симашкѣ честное слово; хотѣлось хоть одну ночь переночевать дома и не вскакивать до солнца, на холодной утренней зарѣ, когда даже собаки такъ томно зѣваютъ и тянутся... Но вошла горничная, сказала, что работники уже пошли на гумно. Не слушая криковъ матери, гимназистъ накинулъ на плечи шинель съ мотающимся хлястикомъ и картузъ на голову, схватилъ изъ рукъ горничной подушку и въ аллеѣ нагналъ работниковъ. Онъ шелъ, шатаясь отъ дремоты, таща за уголъ подушку, и, какъ только довалился до омета, подлѣзъ подъ старую снотовую шубу, лежавшую тамъ, такъ сейчасъ же и поплылъ, понесся куда-то въ сладкую черную тьму. Но огнемъ стали жечь мелкія собачьи блохи, стали переговариваться работники...

Ихъ было пятеро: добрый лохматый старикъ Хомутъ, Кирюшка, хромой, бѣлоглазый, безотвѣтный малый, предававшійся мальчишескому пороку, о чемъ всѣ знали и что заставляло Кирюшку быть еще безотвѣтнѣе, молча сносить всяческія насмѣшки надъ его короткой, согнутой въ колѣнѣ ногой, Пашка, красивый двадцатичетырехлѣтній мужикъ, недавно женившійся, Ѳедотъ, мужикъ пожилой, дальній, откуда-то изъ-подъ Лебедяни, прозванный Постнымъ, и очень глупый,

но считавшій себя изумительно умнымъ, хитрымъ и безпощадно-насмѣшливымъ человѣкомъ, Иванъ. Этотъ презиралъ всякую работу, кромѣ работъ на земледѣльческихъ машинахъ, носилъ синюю блузу и всѣмъ внушилъ, что онъ прирожденный машинистъ, хотя всѣ знали, что онъ ни бельмеса не смыслитъ въ устройствѣ даже простой вѣялки. Этотъ все суживалъ свои сумрачно-ироническіе глазки и стягивалъ тонкія губы, не выпуская трубки изъ зубовъ, значительно молчалъ, когда же говорилъ, то только затѣмъ, чтобы убить кого-нибудь или что-нибудь замѣчаніемъ или прозвищемъ: онъ рѣшительно надо всѣмъ глумился — надъ умомъ и глупостью, надъ простотой и лукавствомъ, надъ унынiемъ и смѣхомъ, надъ Богомъ и собственной матерью, надъ господами и надъ мужиками; онъ давалъ прозвища нелѣпыя и непонятныя, но произносилъ ихъ съ такимъ загадочнымъ видомъ, что всѣмъ казалось, будто есть въ нихъ и смыслъ и ѣдкая мѣткость. Онъ и себя не щадилъ, и себя прозвалъ: „Рогожкинъ“,—сказалъ онъ однажды про себя, такъ вѣско, такъ зло на что-то намекая, что всѣ покатились со смѣху, а потомъ уже и не звали его иначе, какъ Рогожкинъ. Окрестилъ онъ и гимназиста. Услыхавъ какъ-то, что гимназиста кличетъ съ крыльца Лиля, голубоглазая, въ голубомъ платьицѣ, въ панталонахъ съ зубчиками, наивно бѣлѣющими изъ-подъ оборки,—кличетъ, подпрыгивая и ловко попадая ножками въ обручъ: „Аля! Аля!“ — Иванъ сказалъ нѣчто очень гнусное про Лилю, про ея панталончики, а потомъ чепуху про гимназиста: Веретёнкинъ.

Всѣхъ этихъ людей гимназистъ, какъ онъ думалъ, хорошо узналъ за лѣто, ко всѣмъ по-разному привязался, — даже и къ Ивану, издѣвавшемуся надъ нимъ,—у всѣхъ тому или другому учился, воспринимая ихъ говоръ, совершенно, какъ оказалось, не похожій на говоръ мужиковъ книжныхъ, ихъ неожиданныя, нелѣпыя, но твердыя умозаключенія, однообразіе ихъ готовой мудрости, ихъ грубость и добродушіе, ихъ работоспособность и нелюбовь къ работѣ. И, уѣхавши послѣ каникулъ въ городъ, а на другое лѣто уже не вернувшись къ увлеченію мужицкой жизнью, онъ весь свой вѣкъ думалъ бы, что отлично изучилъ русскій народъ, — если бы случайно не завязался между работниками въ эту ночь длинный откровенный разговоръ.

Началъ старикъ, лежавшій рядомъ съ гимназистомъ и чесавшійся крѣпче всѣхъ.

— Ай, барчукъ, донимаютъ?—спросилъ онъ.—Чистая бѣда эти блохи, хомутъ!—сказалъ онъ, употребляя слово, которымъ

постоянно опредѣлялъ и всю жизнь свою, и всю тяготу ея, всѣ непріятности.

— Мочи нѣтъ, — отозвался гимназистъ. — Страсть донимаютъ. Вотъ бабъ, дѣвокъ, — прибавилъ онъ, помолчавъ: — тѣхъ, провалиться имъ, не трогаютъ. А ужъ кого бы, кажись, жилять, какъ не ихъ.

— Главная вещь, портокъ на нихъ не полагается,—равнодушно подтвердилъ старикъ, ворочаясь и издавая крѣпкій запахъ давно не мытаго тѣла и вытертаго зипуна, прокопченаго курной избой.

Прочіе молчали. Обычно шутили передъ сномъ, — разспрашивали Пашку о его супружеской жизни, а онъ отвѣчалъ съ такимъ спокойнымъ и веселымъ безстыдствомъ, что даже гимназистъ, постоянно восхищавшійся имъ, не сводившій глазъ съ его умнаго и живого лица, досадовалъ — какъ это можно говорить такъ о своей молодой женѣ. Теперь никто не начиналъ разспросовъ, и гимназистъ уже хотѣлъ-было самъ начать ихъ, чтобы еще болѣе взволновать свое воображеніе, навѣки отравленное вдовой, и послушать увѣренный голосъ Пашки, какъ Пашка потянулся, сѣлъ и сталъ завертывать цыгарку. Старикъ поднялъ голову въ шапкѣ и покачалъ ею.

— Ой, спалишь ты, малый, гумно!—сказалъ онъ.—Смотри. До грѣха недолго.

— А я на барчука солгусь, — отвѣтилъ Пашка, немного хрипя отъ простуды, и, откашлявшись, засмѣялся.—Онъ самъ постоянно куритъ. Чудная ночь, барчукъ, сегодня,—сказалъ онъ, мѣняя тонъ на серьезный и оборачиваясь къ гимназисту.—Къ этой ночи что̀ недостаетъ? Луну.

Чувствовалось, что онъ хочетъ разсказать что-то. И, правда, помолчавъ и не получивъ отвѣта, онъ вдругъ спросилъ:

— Барчукъ, вы спите?

— Веретенкинъ, живъ?—неожиданно крикнулъ Иванъ, не поднимая головы.

Пашка осадилъ его:

— Погоди, будя орать-то! Я хотѣлъ дѣло спросить. Который теперь часъ, барчукъ?

Гимназистъ медленно поднялся, вытащилъ изъ кармана панталонъ серебряные часы и при свѣтѣ звѣздъ сталъ разглядывать ихъ.

— Половина одиннадцатаго,—сказалъ онъ, горбясь.

— Ну вотъ, такъ я и зналъ,—весело и увѣренно подтвердилъ Пашка, затиснувъ на-бокъ зубами крючокъ и закуривая отъ вонючаго сѣрника, загорѣвшагося въ его сложенныхъ

ковшикомъ рукахъ.—Вѣрнѣй поповой души. Въ акуратъ въ это самое время я человѣка прошлый годъ убилъ.

И гимназистъ сразу разогнулся, опустилъ отяжелѣвшія руки—и точно окаменѣлъ на все время разговора. Онъ изрѣдка подавалъ голосъ, но такъ, точно другой кто говорилъ за него. Потомъ все внутри у него стало дрожать мелкой ледяной дрожью, позывая на отрывистый нелѣпый смѣхъ, и огнемъ стало горѣть лицо.

II.

Иванъ, какъ всегда, значительно молчалъ. Кирюшка совсѣмъ не интересовался тѣмъ, что̀ говорили, лежалъ и думалъ свое—о гармоніи, купить которую было его самой завѣтной мечтой. Долго молчалъ, лежа на локтѣ, и Ѳедотъ, сильный, плоскій, рыжій мужикъ, въ началѣ лѣта казавшійся работникамъ чужимъ человѣкомъ по той причинѣ, что носилъ онъ полушубокъ безъ таліи, безъ сборокъ, въ родѣ тѣхъ, что̀ носятъ казанскіе татары. Чужимъ казался онъ и гимназисту. Насколько нравилось ему веселое спокойствіе, ладность ухватокъ, загорѣлое лицо Пашки, настолько же не располагало его къ близости лицо Ѳедота, тоже спокойное, но ничего не выражающее, большое, пепельно-сѣрое, морщинистое, съ жидкими и всегда мокрыми отъ слюней, отъ трубки усами, съ крупными отворотами бѣлесыхъ обвѣтренныхъ губъ. Ѳедотъ слушалъ внимательно, но не вставилъ въ разсказъ Пашки ни слова—только чахоточно покашливалъ и поплевывалъ въ солому. И сперва поддерживали разговоръ только пораженный гимназистъ да старикъ.

— Что̀ брешешь пустое, — равнодушно сказалъ старикъ, услыхавъ хвастливое заявленіе Пашки.—Какого такого человѣка могъ ты убить? Гдѣ?

— Глаза лопни, не брешу!—горячо отозвался Пашка, поворачиваясь къ старику.—Прошлый годъ убилъ, на Успенье. Объ этомъ не только что̀, объ этомъ во всѣхъ газетахъ писали, въ приказѣ по полку и то было.

— Да гдѣ убилъ-то?

— Да на Кавказѣ, въ Зухденахъ. Ей-Богу! Конечно, брехать не стану, не я одинъ убилъ, и Козловъ стрѣлялъ, — нашъ же, елецкій, — эта благодарность не одному мнѣ была, дивизіи начальникъ, конечно, и ему спасибо сказалъ при всемъ фронтѣ и прямо же намъ по рублю наградилъ, но только я подлинно знаю, что это я его срѣзалъ.

— Кого его?—спросилъ гимназистъ.

— Да арестанта, грузнита этого.

— Стой,—перебилъ старикъ:—ты толкомъ разскажи. Гдѣ вы стояли?

— Опять двадцать пять! — притворно-досадливо сказалъ Пашка. — Вотъ чудакъ, не вѣритъ ничему. Стояли мы въ этихъ, въ Новыхъ Сенякахъ...

— Знаю, — сказалъ старикъ. — И мы тамъ стояли восемнадцать денъ.

— Ну, вотъ видишь, значитъ, я не пустое брешу и могу тебѣ все это приблизительно разсказать. Мы тамъ, братъ, не восемнадцать денъ, а цѣлый годъ семь мѣсяцевъ стояли, а арестантовъ этихъ обязаны были до самыхъ до Зухденъ препровождать. Арестанты эти были прямо что ни на есть самые главные преступники, бунтовщики, и, значитъ, всѣхъ ихъ, десять человѣкъ, въ горахъ поймали и къ намъ предоставили...

— Стой,—перебилъ гимназистъ, подражая старику и чувствуя, что у него ледянѣютъ руки: — а какъ же ты мнѣ говорилъ, что не сталъ бы бунтовщиковъ стрѣлять, а скорѣе офицера, какой будетъ приказывать стрѣлять, застрѣлишь?

— А я и отцу родному не спущу, когда надо,—отвѣтилъ Пашка, мелькомъ взглянувъ на гимназиста и опять оборачиваясь къ старику. — Я, можетъ, и пальцемъ бы его не тронулъ, кабы онъ не задумалъ погубить насъ, а онъ на хитрости пошелъ и могли мы за него цѣлый годъ въ арестанскихъ ротахъ пробыть, а тутъ не только что,—благодарность получили, немножко поумнѣй его оказались. Ты вотъ послушай, — сказалъ онъ, дѣлая видъ, что говоритъ только со старикомъ. — Мы ихъ честно-благородно вели. Озорства этого ничего съ ними не дѣлали, бить тамъ, напримѣръ, али прикладомъ подгонять... А одинъ, худой этакій, малорослый, въ родѣ какъ больной, все идетъ и на животъ жалится, до вѣтру все просится. Еле кандалами брянчитъ. Наконецъ того, подходитъ къ старшѣму: „Дозвольте на телѣгу лечь“. Ну, ему и дозволили, какъ путному. Только приходимъ въ Зухдены. А ночь — хоть глазъ выколи и дождь холитъ. Посадили мы ихъ на крыльцо, стережемъ, у каждаго, конечно, по фонарику въ рукѣ, а старшой въ камеру отлучился, рѣшетки въ окнахъ пощупать: извѣстно, затѣмъ, что цѣлы ли, молъ, не подпилены ли какой пилкой фальшивой...

— Обязательно, — сказалъ старикъ.—Онъ долженъ по закону все въ исправности принять.

— Про то и толкъ,—подтвердилъ Пашка, опять торопливо пряча зажженный сѣрникъ въ руки, сложенныя ковшикомъ.— Вотъ ты это дѣло знаешь, тебѣ и разсказывать интересно.

Ну, пошелъ старшой, — продолжалъ онъ, давя спичку и пу-
кая въ ноздри дымъ:—пошелъ, осматриваетъ, а мы стоимъ,
слюемъ рыбу,—спать мочи нѣтъ какъ хочется, — а грузинтъ
тотъ какъ вскочитъ вдругъ да за-уголъ! Онъ, понимаешь,
начитъ, еще въ телѣгѣ все это дѣло какъ слѣдуетъ обду-
малъ, разрѣзалъ чѣмъ ни на есть ремень кандальный округъ
пояса, спустилъ кандалы съ себя, подхватилъ вотъ такъ-то
рукой,—Пашка нагнулся и, разставляя ноги, показалъ, какъ
подхватилъ арестантъ кандалы,—да и дёру! А мы съ Козло-
мымъ, не будь дураки, фонари покидали и—за нимъ: Козловъ
себѣ за-уголъ, а я прямо наперерѣзъ. Бѣгу, а самъ все но-
ровлю поймать, гдѣ зукъ, гдѣ, то-есть, кандалы его зве-
нятъ, — дурѣмъ-то, думаю, и стрѣлять нечего, — наслышалъ,
наконецъ того, — разъ! Чую — мимо. Я въ другой — опять,
слышу, мимо. А Козловъ лупитъ по чемъ ни попало, того
гляди меня срѣжетъ... Взяло меня зло: ахъ, думаю, глаза
твои лопни!—приложился, вдарилъ: слава тебѣ, Господи, со-
вался, слышу, зукъ, видно, упалъ. Выпустилъ еще два па-
рона въ энто мѣсто, бѣгу, а онъ и вотъ онъ: на земи на
задѣ сидитъ. Сѣлъ, руками уперся въ грязь, зубы оскалилъ
и храпитъ: „Скорѣй, говоритъ, скорѣй, русъ, вдарь меня въ
то мѣсто штыкомъ“... въ грудь, то-есть. Я навѣсилъ съ
разбѣгу ружье — разъ ему въ самую душу... ажъ въ спину
выскочило!

— Ловко!—сказалъ старикъ.—Дай-ка затянуться разокъ...
Ну, а Козловъ-то гдѣ жъ?

Пашка быстро, крѣпко затянулся и сунулъ старику окурокъ.

— А Козловъ, — отвѣтилъ онъ поспѣшно и весело, поль-
щенный похвалой:—а Козловъ бѣжитъ и не судомъ кричитъ:
„Ай угомонилъ?“—Угомонилъ, говорю, давай тушку тащить...
Взяли его сейчасъ за кандалы и поволокли назадъ, къ
крыльцу... Я его какъ жожку срѣзалъ,—сказалъ онъ, мѣняя
онъ на болѣе спокойный и самодовольный. — А ты гово-
ришь—брешу! Я, братъ, попусту брехать не стану.

Старикъ подумалъ.

— И по рублю, говоришь, наградилъ васъ?

— Вѣрное слово, — отвѣтилъ Пашка, — прямо изъ своихъ
рукъ далъ, при всемъ полномъ фронтѣ.

Старикъ, покачивая шапкой, плюнулъ въ ладонь и потуши-
лъ въ слюнѣ окурокъ.

Иванъ, не спѣша, сказалъ сквозь зубы:

— А дураковъ, видно, и въ солдатахъ много.

— Это какъ же такъ?—спросилъ Пашка.

Иванъ молчалъ.

— Значитъ, я же и дуракъ вышелъ, а ты опять же уменъ?—спросилъ Пашка, укладываясь.

— Обязательно,—сказалъ Иванъ.—Клюй Матвѣй! Ты что должонъ былъ дѣлать? Ты должонъ былъ не волочь его, а послать съ рапортомъ товарища, а самъ съ ружьемъ стать при мертвомъ тѣлу. Теперь расчухалъ, ай нѣтъ?

III.

Ѳедотъ заговорилъ, когда всѣ помолчали и побормотали: „да-а... ловко...“—еще проще.

— А вотъ я,—началъ онъ медлительно, лежа на локтѣ и поглядывая на темную, неподвижно торчавшую передъ нимъ на звѣздномъ небѣ фигуру гимназиста: — а вотъ я совсѣмъ задаромъ согрѣшилъ. Я человѣка убилъ, прямо надо сказать изъ-за ничтожности: изъ-за козѣ своей.

— Какъ изъ-за козѣ?—въ одинъ голосъ перебили старикъ Пашка и гимназистъ, внезапно стукнувшій зубами.

— Ей-Богу, правда,—отвѣтилъ Ѳедотъ.—Да вы вотъ по слухайте, что за ядъ была эта коза...

Старикъ и Пашка, глядя на него удивленно, опять стал закуривать и уминать солому, приготовляясь слушать. Хотѣл закурить и гимназистъ, но не двигались, не вынимались из карамановъ ледяныя руки. А Ѳедотъ серьезно и спокойн продолжалъ:

— Изъ-за ней вся и дѣло вышла. Убилъ-то, конечно, н нарокомъ... Онъ же меня первый избилъ... А потомъ пош свара, судъ... Онъ пьяный пришелъ, а я выскочилъ сгоряч вдарилъ брускомъ... Да объ этомъ что говорить, я и такъ в монастырѣ за него полгода отдежурилъ, а кабы не было эт козѣ, и ничего бы не было. Главная вещь, отроду ни кого у насъ не водилось этихъ козъ, не мужицкое это дѣ и обращенья съ ними мы не можемъ понимать, а тутъ е и коза-то попалась лихая, игривая. Такая стерва была, приведи Господи. Что борзая сучка, то она. Можетъ, я не захотѣлъ бы ее пріобрѣтать,—и такъ всѣ смѣялись, отго ривали,—да прямо нужда заставила. Угодій у насъ нѣ простору и лѣсовъ никакихъ... Прогону своего у насъ с конъ вѣку не было, а какая мелочная скотина, такъ о просто по парамъ питается. Крупную скотину, коровъ мы барскій дворъ отдавали, а полагалось съ нашего брата, жичка, за всю эту инструкцію двѣ десятины скосить-связа двѣ десятины пару вспахать, три дни съ бабой на пок отбыть, три дни на молотьбѣ... Сосчитать, сколько это будетъ сказалъ Ѳедотъ, поворачивая голову къ старику.

Старикъ сочувственно подтвердилъ:

— Избавь Господи!

— А кòзу купить, — продолжалъ Ѳедотъ: — ну, отъ силы семь, али, скажемъ, восемь цѣлковыхъ отдать, а въ напоръ она дастъ бутылки четыре, не менѣ, и молоко отъ ней гуще и слаже. Неудобство, конечно, отъ ней та, что съ овцами ее нельзя держать — бьетъ ихъ дюже, когда котна, а зачнетъ починать, злѣй собаки исдѣлается, зрить ихъ не можетъ. И такая цопкая скотина—это ей нà избу залѣзть, на ракитку— ничего не стòитъ. Есть ракитка, такъ она ее безпремѣнно обдеретъ, всю шкурку съ ней спуститъ—это самая ея удовольствіе! На что бы лучше траву—такъ нѣтъ, не лопаетъ...

— Ты же хотѣлъ разсказать, какъ человѣка убилъ, — съ трудомъ выговорилъ гимназистъ, все глядя на Пашку, на его лицо, неясное въ звѣздномъ свѣтѣ, не вѣря, что этотъ самый Пашка — убійца, и представляя себѣ маленькаго мертваго грузина, котораго волокутъ за кандалы, по грязи, среди темной дождливой ночи, два солдата.

— Да а я-то про чтò жъ? — отвѣтилъ Ѳедотъ грубовато и заговорилъ немного живѣе. — Ты не можешь этого дѣла понимать, ты своимъ домомъ жить-то еще не пробовалъ, а за мамашей жить — это всякій проживетъ. Я про то и говорю, что этакій страшный грѣхъ прямо изъ-за пустого вышелъ. Я изъ-за ней трехъ овецъ зарѣзалъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ старику. — Девять съ полтиной за нихъ взялъ, а за нее восемь заплатилъ. Не дешево тоже обошлась... И опять же съ бабой пошли кажный день скандалы. Взялъ, говорю, пустое, восемь за кòзу отдалъ, ну, тамъ кой-чего для хозяйства купилъ, кой-какую вещество, ребятенкамъ свистулекъ набралъ, пошелъ домой, перъ, перъ, пришелъ къ утру — глядь, полтинника нѣту: сунулъ, значитъ, въ карманъ и посѣялъ. Стала баба деньги считать—„гдѣ жъ, говоритъ, полтинникъ? проглотилъ? Говорила тебѣ, дураку, тушками продать, а овчины себѣ оставить...“ И зачала меня чекрыжить. „Почему такое свистульки кособокія?“ — „А тебѣ, молъ, за копейку да еще выбирать дадутъ? Ишь, мотивъ какой нашла...“ Слово за слово... Такой скандалъ пошелъ, не приведи Господи! Она у меня такая, правду сказать, собака, во всей губерніи поискать...

— Это своя допущенье, — дѣловито вставилъ Пашка. — Ихъ не бить, добра не видать.

— Понятная дѣло, — сказалъ Ѳедотъ. — Ну, одумалась, покорилась. А подоила козу, и совсѣмъ повеселѣла: хороша, правда, на удой оказалась и молоко отличная. Мы были и

обрадовались. Погнали въ стадо. Далъ я пастушатамъ на табакъ, поднесъ по чашкѣ водки... а то они, сукины дѣти, брухаться пріучаютъ... Только ворочается вечеромъ стадо — смотрю, нѣту моей козѣ. Я къ пастуху: почему нашей козѣ нѣту? А потому, говоритъ, пригнали мы стадо на лѣсной паръ, зачала твоя коза съ коровами играть, схватилась съ быкомъ: отойдетъ отъ него, разлетится, разлетится—разъ его въ кичку! До того его взняла, сталъ за коровъ отъ ней прятаться, а кинешься отгонять, она — паркъ въ овесъ... Мы прямо изъ силъ выбились! А потомъ ушла, бѣгалъ за ней подпасокъ, весь лѣсъ выбѣгалъ, нигдѣ не нашелъ, — какъ скрозь земь провалилась...

— Ну, правда что,—ядъ коза!—замѣтилъ старикъ.

— А-а!—злорадно сказалъ Федотъ.—Да это еще что, ты послухай, что дальше-то будетъ! Какъ пропала эта самая коза, мы съ бабой прямо очумѣли. Ну, думаемъ, каюкъ, вотъ тебѣ и денежки наши, попанется она волку на-зубы. А того, понятно, и въ головѣ не держимъ, что куда бы лучше было, кабы ее черти задрали. Кинулись на-рапѣ въ лѣсъ, кажись, живого мѣста не оставили, все до шпенту объѣлозили — нѣту нигдѣ, да и только! Затужилъ я Бо-зна какъ, однако ѣду пахать,—какъ разъ пахота подошла. Взялъ съ собой хлѣбушка въ платочкѣ, положилъ подъ межу, пашу, а на другомъ бугрѣ малый нашъ деревенскій пашетъ—вдругъ, слышу, кричитъ что-й-то, показываетъ рукой. Оглянулся я — да такъ и ахнулъ: коза! Вытащила узелокъ, схватила въ зубы, растрясла и стоитъ, дергаетъ бородой, хлѣбъ лопаетъ... А онѣ, козы-то эти, ужъ гдѣ хлѣбъ ни будь, завсегда прочуютъ,— повѣсишь, такъ она на дыбушки взовьется, а ужъ обязательно до него доберется. Кинулъ я поскорѣй соху — къ ей. Я къ ей, а она отъ мене. Я къ ей, она отъ мене: отбѣжитъ, остановится, жуетъ хлѣбъ—и горюшка мало. И вѣдь такая веселая да умная стерва—за всѣмъ моимъ движеніемъ слѣдитъ. А меня сердце на нее беретъ, очень хочется поймать, такъ бы, кажись, и распнобъ ее! Сожрала хлѣбъ и пошла обертывается, поглядываетъ, хвостомъ трясетъ, — ну, прямо насмѣшничаетъ!

— Что и говорить, скотина безпечная!—сказалъ старикъ.

— Про что жъ я-то говорю?—воскликнулъ Федотъ, одушевленный сочувствіемъ.—Я про то и говорю, что она прямо сокрушила насъ! Тутъ и недѣли не прошло, стали всѣ на меня обижаться, такъ, говорятъ, и живетъ коза твоя въ мужицкихъ хлѣбахъ, у меня у самого весь осьминникъ истолкла всѣ хвосты съ овса оборвала. Разъ какъ-то зашла гроза, за

емѣлъ громушекъ. зачала молонья полыхать, опустился
ождь—смотрю, несется моя бѣлая коза, что есть духу, прямо
ь намъ, оретъ не своимъ голосомъ—и прямо въ сѣнцы. Я
о всѣхъ ногъ за ей, зажмалъ ее въ уголъ, затянулъ черезъ
ога подпояской, зачалъ ее утюжить... громъ гремитъ, молонья
жетъ, а я ее деру, я ее деру! Должно, болѣ часу дралъ,
ѣрное слово. Посадилъ потомъ на варкѣ, привязалъ на
одпоискѣ... Да тотъ-то ее знаетъ, либо подпояска попалась
илая, либо еще что, только глянули мы на-ранѣ — опять
ѣту козѣ! Такъ, вѣришь ли, ажъ слеза меня со зла да съ
оря прошибла!

IV.

Тонъ Ѳедота сталъ такъ простъ, сердеченъ, такъ полонъ
озяйственнаго огорченія, что никому бы и въ голову не
рицло, что это разсказываетъ о своемъ грѣхѣ убійца. Да и
ушали его просто. Кирюшка неподвижно лежалъ внизъ жи-
отомъ, съ головой покрытый армякомъ, выставивъ изъ-подъ
его толсто опутанныя бѣлыми онучами, въ большихъ лаптяхъ
оги. Иванъ, надвинувъ на лобъ шапку, запустивъ руки въ
укава, лежалъ на боку и тоже не двигался, молчалъ же
грого и серьезно потому, что считалъ ниже своего
остоинства интересоваться дураками. Ему такъ было мало
ѣла, убійцы передъ нимъ или нѣтъ, что онъ даже крикнулъ
азъ:

— Спать пора! Завтра домелете!

А Пашка и старикъ, полулежа и задумчиво перекусывая
оломинки, только головами покачивали да порою усмѣхались:
у, правда, и зазналъ горя Ѳедотъ съ козой! И Ѳедотъ, ви-
имо, считая себя уже оправданнымъ этимъ сочувствіемъ къ
го смѣшному и горькому положенію, совсѣмъ пересталъ
тѣсняться отступленіями. И гимназистъ, стиснувъ зубы и
тъ вѣтра и отъ внутренняго холода, порою дико, съ изу-
леніемъ оглядывался: гдѣ онъ и что это за странная ночь?
Но была все такая же, простая, знакомая, деревенская
очь, какихъ было много: темнѣло поле, черными треуголь-
икомъ вырѣзывалась въ звѣздномъ небѣ рига, дулъ
теръ по ложнику, за которымъ вспыхивали и пропадали
ѣлые, доходило до лицъ и рукъ прохладное дуновеніе съ
апахами мякины и нечистотъ, шуршало въ соломѣ и опять
ихало... Глубокимъ сномъ спали, утонувъ въ соломѣ бѣлыми
убками, собаки... И страшное было только въ томъ, что
ыло уже поздно, что высоко поднялась съ сѣверо-востока
учка серебряныхъ звѣздъ, что глухо, по осеннему шумитъ

вдали темная масса дремотнаго сада, что блестятъ въ звѣзд
номъ свѣтѣ глаза на лицахъ разговаривающихъ...

— Да, братецъ ты мой, — говорилъ Ѳедотъ, смѣясь надъ
своимъ нелѣпымъ и печальнымъ положеніемъ: — какъ же не
бѣда-то! Сказываютъ мнѣ наконецъ того,—загналъ мою козу
мужикъ на Прилѣпахъ. Иду добывать, дѣлать нечего, такой
ужъ, видно, жербій мой. Прихожу на деревню, идѣ ни
гляну, — никого нѣту, всѣ на работѣ. Ѣдетъ мальчикъ за
водой, вспрашиваю: гдѣ домъ Бочкова? „А вонъ, говоритъ
гдѣ старуха въ красной паневѣ подъ лозинкой сидитъ“. Под
хожу: „это Бочковъ дворъ?“ Махаетъ мнѣ старуха рукой, на
варокъ показываетъ...

— Оглалѣла, значитъ, отъ старости, — вставилъ Пашка
такъ хорошо засмѣявшись, что гимназистъ съ изумленіемъ и
страхомъ оглянулся на него и подумалъ: „да нѣтъ, не мо
жетъ быть—это онъ все навралъ на себя!“

— Оглалѣла, — подтвердилъ Ѳедотъ. — Только рукой ма
хаетъ. А я ужъ давно слышу, свинья на варкѣ юзжитъ
Отворяю дверь въ клѣтушку, плетеную закутку, гдѣ эт
самая свинья сохраняется. Вижу — возитъ бабу здоровен
ная матка: навалилась на нее баба, держитъ одной руко
другой изъ ведра на нее поливаетъ. А свинья вся черна
отъ грязи, возитъ ее, таскаетъ, никакъ баба съ ней не сла
дитъ, заголилась до самаго живота. И смѣхъ и грѣхъ! Уви
дала меня, обдернула подолъ, ноги, руки, вся лицо въ н
возѣ... „Что тебѣ нужно?“—„Что нужно? По дѣлу. Что э
ты такое дѣлаешь?“ — „Свинью мою, ай не видишь? Тр
ведра ужъ вылила, никакъ не отмою — насохла грязь, ка
шкара, даже окривѣла свинья отъ грязи, а свинья дорога
Только дотронусь до глаза, она и зачнетъ меня таскат
Вся рубаха смоклась, до того добила. А какое твое дѣло
детъ?“—„Такое, говорю, что вы мою козу загнали, держи
приблудный скотъ, а объявленіе не дѣласте“. — „Никако
говоритъ, твоей козѣ мы не держимъ. Мы ее выпустили.
на барскомъ дворѣ загнали“. И смѣется чего-й-то. Та-а
думаю, значитъ, опять моя дѣло табакъ. Ну, погоди жъ
Вышелъ, пошелъ. Только зашелъ за сосѣдній дворъ, пов
нулъ на стежку по конопямъ,—откуда ни явись, мальчи
чей-то рыжій, конопатый навстрѣчу. „Ты за козой при
дилъ?“—„За козой. А что?“—„Я съ тобой на барскій дво
пойду“.—„Это зачѣмъ, позвольте вспросить? И никуда
со мной не пойдешь“. — „Нѣтъ, пойду. Я тебѣ одну шту
про козу твою разскажу“.—„А пойдешь, сломлю прутъ ло
зовый, за мое почтенье прохвачу“... Вдругъ слышу, крич

аба за избой: „Кузька, куда тебя закружило, глаза твои на-
ройся?“ — „Скорѣй, говорю, бѣги, вонъ мать съ крипивой
детъ“. А она и вотъ она—увидала его, бѣжитъ: „Не табѣ
казала за малымъ смотрѣть? А табе куда завихрило, такой-
якой?“ Сгребла его, спустила портки, заголила всю провизію,
ачала охаживать крипивой... А я еще шучу, приговариваю:
Дери, молъ, дери его, настырнаго!“ Какъ она вскинется на
еня!—„Ты чей?“—„А тебѣ, молъ, что̀ за дѣло?“—„Да нѣтъ,
ы скажи, ты чей?“—„Старой трандѣ казначей. Чего орешь?
козу свою ищу“.—„А, такъ это ты, глаза твои накройся,
ь своей козой спокою всему селу не даешь!..“ И вижу
другъ—несется ко мнѣ высокій мужикъ отъ рыги — безъ
апки, распояской, въ сапогахъ. Набѣжалъ со всѣхъ ногъ:
Твоя коза?“—„Моя“... Развернулся—какъ ахнетъ мнѣ въ ухо!
— Чисто!—въ одинъ голосъ воскликнули старикъ и Пашка,
гимназистъ даже взвизгнулъ: вотъ оно, самое страшное-то!
Но Ѳедотъ спокойно вытянулъ изъ-подъ себя полу полушубка
спокойно продолжалъ:
— Да, такъ огрѣлъ, ажъ въ головѣ у меня зажундѣло. Съ
ого и началась наша свара. Я сгребъ его за руки, вспра-
шиваю: за что? А тутъ ужъ народъ бѣжитъ... Я при всѣхъ
рошу просвидѣтельствовать это дѣло, опять вспрашиваю: что̀
акое моя коза натворила? Оказывается, ребенка съ ногъ
олой сшибла, голову до крови проломила, рубаху сжевала,
ожь истолкла. Чудесно,—подавай въ судъ, тамъ и съ меня
просятъ, и тебя не помилуютъ. Теперь-то, молъ, елдакъ ты
ъ меня возьмешь! Шапку надѣлъ и пошелъ поскорѣй на
арскій дворъ. Повеселѣлъ маленько: коза теперь, думаю,
е уйдетъ, а взыскивать съ меня ты теперь не можешь,—
раться-то погодить было надо. Подхожу, вижу, ѣдетъ на
ошадкѣ съ подрубленнымъ хвостикомъ мальчикъ въ
тласномъ картузикѣ, съ голыми руками-ногами, жокей
азывается. Лошадь подыгрываетъ, а онъ ее хлыстикомъ
жиляетъ. „Здравія желаемъ, молъ, дозвольте вспросить: у ва-
шей милости моя коза?“—„А вы кто такой?“—„Хозяинъ этой
козѣ“.—„Ну, такъ ее мой папаша велѣлъ загнать“. Расчу-
десное дѣло, иду дальше, встрѣлъ нищаго, сдѣлалъ у него
запасъ хлѣбушка, а то кобели на барскомъ дворѣ здоровы,
взошелъ на барскій дворъ, стоитъ, вижу, возлѣ дома, на
песочномъ току, карета четверикомъ: лошади жирныя, рьяныя,
а кучеришка мелковѣсный, совсѣмъ никуда. На крыльцѣ
лакей съ двумя бородами. Выходитъ барышня взрослая,
въ шляпкѣ съ лентами, вся лицо въ кисеѣ. „Даша, — кри-
читъ въ домъ горничной: — скажите барину, чтобы шелъ

скорѣй, Онъ въ манежѣ"... Я къ манежу. Вижу, стоитъ самъ баринъ въ мундирѣ съ зеленымъ воротомъ, на шеѣ орденъ, картузъ въ рукѣ держитъ, лысина такъ и отливаетъ на солнцѣ, животъ весь въ сборкахъ, самъ красный весь. А мальчишка на крышѣ сидитъ, запустилъ руку подъ пѣлену, ищетъ что-й-то. Должно, шкворцовъ, думаю себѣ. Анъ нѣтъ, — воробьями занялся. Онъ глядитъ, кричитъ: „лови, лови ихъ, сукиныхъ дѣтей", а мальчишка ловитъ воробьятъ голыхъ, вытаскиваетъ и объ земь бьетъ. Увидалъ меня: „ты что?"—„Да вотъ, говорю, мою козу вашъ садовникъ на земляникѣ прихватилъ. Дозвольте ее взять, убить".—„Ужъ это не въ первый разъ, говоритъ, я тебя оштрафую на два цалковыхъ".—„Согласенъ, говорю, съ вами, виноватъ, подписываюсь въ этимъ. Такой грѣхъ, говорю, — у меня ее за всегда двѣ дѣвки стерегутъ, а вчерась, какъ нарочно, — по стрѣлъ ихъ знаетъ, сырыхъ грибовъ, что ль, наѣлись, — катаются, блюютъ, а жена-то, признаться, тоже не доглядѣла, в пунькѣ лежала, на крикъ кричала—рука развилась"... Надъ вѣдь какъ-нибудь оправдываться. Разсказываю ему, какая меня коза ядъ, какъ меня съѣздили по уху за нее,—смѣется подобрѣлъ. „Сколько, говорю, ни преслѣдую, никакъ не пой маю, и такъ хотѣлъ у вашей милости порошку попросить да у огородника ружье взять, изъ ружья ее пристрѣлить". Ну онъ и размякъ, дозволилъ взять, а я тутъ же и пристукнулъ ее.

— Пристукнулъ-таки?—спросилъ старикъ.

— Обязательно, — сказалъ Ѳедотъ.—„Ну, бери, говоритъ только, смотри, съ моими не смѣшай".—„Никакъ нѣтъ, говорю я хорошо ее личность знаю". Пошли на варокъ, взяли пастуха Пахомку. Баринъ тоже не отстаетъ. Интересно, значитъ. Глянулъ я,—сейчасъ же и замѣтилъ ее черезъ овецъ: стоитъ жуструитъ что-й-то, косится на меня. Согнали мы съ Пахомомъ овецъ въ уголъ поплочнѣе, сталъ я къ ей подходить. Шага два сдѣлалъ,—она сиганъ черезъ барана! И опять стоитъ глядитъ. Я опять къ ей... Какъ она уткнетъ голову рогами въ земь, да какъ стреканетъ по овцамъ,—такъ тѣ отъ нее какъ вода, раздались! Взяло меня зло. Говорю Пахомкѣ: „ее подгоняй потише, а я, гдѣ потемнѣе, влѣзу на перемет за рога ее перехвачу". А навозу на дворѣ страсть сколько подъ самые переметы въ иныхъ мѣстахъ. Залѣзъ я на перметъ, легъ, облапилъ покрѣпче, а Пахомка подпугиваетъ ко мнѣ. Баринъ тоже стоитъ, — два раза горничная приходила, а онъ все стоитъ, смѣется. Дождался я, наконецъ то, [illegible] подъ самый переметъ подошла — цопъ ее за ро

Какъ закричитъ она, — даже жуть меня взяла! Свалился съ перемета, ногами упираюсь, держусь за рогъ, а она претъ меня по двору, дотащила до ямы, вывернулась, заскребла меня рогомъ по бородѣ, по носу, — ажъ въ глазахъ потемнѣло... Глянулъ, а она ужъ на крышѣ: вскочила на навозъ, съ навозу на крышу, съ крыши — въ бурьянъ... Слышимъ, зашумѣли собаки на дворѣ, подхватили ее, турятъ по деревнѣ. Мы, конечно, выскочили за ней. А она летитъ, что ни есть духу, и прямо къ крайней избѣ: тамъ изба новая строилась, еще окна заложены были замашками и сѣнецъ нѣту, а положены къ крышѣ наскосякъ лозинки голыя. Такъ она по нимъ на самый князекъ взвилась — взнесла жъ ее вихорная сила! Подбѣжали мы поскорѣе, а она, видно, почуяла смерть—плачетъ благимъ матомъ, боится. Подхватилъ я здоровый кирпичъ, изловчился—да такъ ловко залѣпилъ, что она ажъ подскакнула, да какъ зашуршитъ внизъ по крышѣ, да объ земь — бякъ! Подбѣжали мы, а она лежитъ, дергаетъ языкомъ по пыли... Вздохнетъ и захрипитъ, вздохнетъ и захрипитъ—альни пыль изъ-подъ носу подымается. А языкъ длинный, чисто какъ у змѣи... Ну, понятно, черезъ какой-нибудь полчаса и околѣла.

V.

Помолчали. Ѳедотъ приподнялся, сѣлъ и, согнувшись, разводя руками, сталъ медленно развивать оборки, которыми были окутаны его старыя, все спускавшіяся онучи. И черезъ минуту гимназистъ съ ужасомъ и отвращеніемъ увидалъ то, что прежде видѣлъ столько разъ совершенно спокойно: голую мужицкую ступню, мертвенно-бѣлую, огромную, плоскую, съ безобразно разросшимся большимъ пальцемъ, криво лежащимъ на другихъ пальцахъ, и худую волосатую берцу, которую Ѳедотъ, распутавъ и кинувъ онучу, сталъ крѣпко, съ сладостнымъ ожесточеніемъ чесать, драть своими твердыми, какъ у звѣря, ногтями. Надравъ, онъ пошевелилъ пальцами ступни, взялъ въ обѣ руки онучу, залубенѣвшую, вогнутую и черную въ тѣхъ мѣстахъ, что была на пяткѣ и подъемкѣ, — точно натертую чернымъ воскомъ,—и встряхнулъ ее, развѣвая по свѣжему вѣтру нестерпимое зловоніе. „Да, ему ничего не стоитъ убить! — дрожа, подумалъ гимназистъ. — Это нога настоящаго убійцы! Какъ онъ страшно убилъ эту прелестную козу! А того — брускомъ... кѣрно, косу точилъ... И прямо въ темя, наповалъ... Но Пашка! Пашка! Какъ онъ могъ такъ весело разсказывать? И съ наслажденіемъ: „ажъ въ спину вскочилъ!“ Нѣтъ, это онъ вретъ на себя!..“

Вдругъ, не поднимая головы, суровато заговорилъ Ѳедотъ:

— Дураковъ и въ алтарѣ бьютъ. А тебя-то, Постный, за эту козу задрать мало. За что жъ ты ее убилъ? Ты бы продалъ-то ее. Какой же ты послѣ этого хозяинъ, клюй-Матвѣй, когда не понимаешь, что безъ скотины мужику нельзя быть? Ее цѣнить надо. Да будь у меня коза-то...

Онъ не договорилъ, помолчалъ и вдругъ усмѣхнулся.

— Это вотъ въ Становой была исторія, ну, правда что... Вотъ не хуже твоей козѣ, быкъ у барина Мусина завелся озорной. Прямо проходу никому не давалъ. Двухъ пастушатъ закололъ, на чѣпь приковывали, и то срывался, уходилъ. Тоже вотъ такъ-то весь хлѣбъ у мужиковъ истолокъ, а согнать никто не смѣетъ: боятся, за версту обходятъ. Ну, рога, понятно, спилили-догадались, вылегчили... посмирнѣлъ. Только мужики припомнили ему. Какъ пошли эти бунты, такъ они что̀ сдѣлали: поймали его на̀ полѣ, веревками обротали, свалили съ ногъ долой... бить не стали, а взяли, да освѣжевали до-чиста. Такъ онъ, голый, и примчался на барскій дворъ,— разлетѣлся, грохнулся и околѣлъ тутъ же... кровью весь исшелъ.

— Какъ? — сказалъ гимназистъ. — Кожу содрали? Съ живого?

— Нѣтъ, съ варенаго, — пробормоталъ Иванъ.—Эхъ, ты, московскій обуватель!

Всѣ захохотали, а Пашка, хохоча пуще всѣхъ, подхватилъ:

— Ну и разбойники! А ты такъ-то говоришь, миловать насъ! Нѣтъ, братъ, знать, безъ нашего брата, прохожаго солдата, тутъ не обойдешься! Мы вотъ, когда послѣ Сенякъ подъ Курскомъ стояли, такъ тоже смиряли одно село. Затѣялись тамъ мужики барина разбивать... И баринъ-то, говорятъ, добрый былъ... Ну, пошли на него всѣмъ селомъ, и бабы, конечно, увязались, а навстрѣчу имъ—стражники. Мужики, съ кольями, съ косами,—на нихъ. Стражники сдѣлали залпъ, да, понятно, драло... какая тамъ чортъ сила въ этихъ мужланахъ!—а одна пуля и жильца ребенка на рукахъ у бабѣ. Баба жива осталась, а онъ, понятно, и не пискнулъ, такъ ножками и брыкнулъ. Такъ, Господи Ты Боже мой! — сказалъ Пашка, мотая отъ смѣха головой и усаживаясь поудобнѣй:—чего только ни натворили мужики! Все въ лоскъ, въ дребезги разнесли, барина этого самаго въ закуту загнали, затолкли, а мужикъ этотъ отецъ-то этого ребенка, прибѣжалъ туда съ этимъ самымъ ребенкомъ, задохнулся, очумѣлъ отъ горя — и давай барина по головѣ этимъ ребенкомъ мертвымъ охаживать! Сгребъ за ножки—и давай бузовать. А тутъ другіе навалились и, знаючитъ, міромъ-соборомъ и прикончили. Насъ пригнали, а уж

онъ тлѣть сталъ... Ну, да это что̀,—звонко и весело сказалъ онъ своимъ пріятнымъ, грудным голосомъ: — ты свою-то исторію докажи. Можетъ, ты и брешешь все это,—прибавилъ онъ такимъ бодрымъ, хорошимъ тономъ, что нельзя было обидѣться: — можетъ, онъ шмурыгнулъ тебя по-уху за милую душу, да только всего и было...

„Что̀ жъ ты смѣешься-то, дуракъ!“—хотѣлъ крикнуть гимназистъ, вдругъ почувствовавъ лютую ненависть къ смѣху, къ голосу Пашки. Но тутъ неожиданно зашевелился Кирюшка и съ дѣтской наивностью сказалъ, поднимая голову:

— А вотъ, что̀ было, когда Кочергина-барина разбивали... Бяда! Я тогда въ пастухахъ у него жилъ... Такъ они всѣ зеркала въ прудъ покидали... Ходили потомъ съ деревни купаться и все изъ тины ихъ вытаскивали... Нырнешь, станешь, а она подъ ногой такъ и скользанетъ... А эту... какъ те... фортопьяну въ рожь заволокли... Мы, бывало, придемъ...— Кирюшка приподнялся и, смѣясь, облокотился.—Мы придемъ, а она стоитъ... Возьмешь дубинку, да по ней, по косточкамъ-то... съ угла на уголъ... Такъ она лучше всякой гармоньи играетъ!

Всѣ опять засмѣялись. Промолчалъ только Ѳедотъ. Онъ уже переобулся, опять аккуратно перекрестилъ онучи оборками и, оправившись, принялъ прежнее положеніе. И, выждавъ минуту молчанія, размѣренно сталъ досказывать свою исторію.

— Нѣтъ, братъ, — началъ онъ въ отвѣтъ на послѣднія слова Пашки:—та-то и дѣло-то, что не только шмурыгнулъ. Онъ еще въ судъ на меня подалъ... за эти, значитъ, за всѣ протери-убытки, за потраву. Звали его Андрей Богдановъ... Андрей Ивановъ Богдановъ. Рослый мужикъ, красный, худой, завсегда злой, пьяный. Ну, и подалъ на меня. Меня же огрѣлъ по-уху и на меня же подалъ. Хорошъ, ай нѣтъ? Тутъ самая рабочая пора подошла, дохнуть некогда, а я при за пятнадцать верстъ... За то-то, видно, и покаралъ его Господь...

Глядя въ солому, глухо покашливая и обтирая ладонью свои плоскія губы, Ѳедотъ говорилъ все сумрачнѣе и выразительнѣе. Сказавъ: „покаралъ его Господь“—онъ помолчалъ и продолжалъ:

— Дѣло-то на нѣтъ, понятно, свели. Помирили насъ. Обоюдная, значитъ, обида. Но только онъ тѣмъ не пронялся. Помирился со мной, да тутъ же отшелъ, пьяный напился, сталъ грозить убить меня. При всѣхъ кричитъ: „Погоди, говоритъ, погоди, это я еще не пьянъ сейчасъ, а выпью, я тебя утѣшу“. Хочу отъ скандалу уйтить, — за пельки хватаетъ... Потомъ на деревню къ намъ зачалъ ходить: придетъ,

пьяный, полъ окна и давай меня матерко́мъ пушить. А у меня дочь взрослая...

— Неладно!—сочувственно крякнулъ старикъ и зѣвнулъ.

— Хороша лада!—сказалъ Ѳедотъ.—Ну, вотъ и пришелъ подъ Кирики, вечеромъ. Слышу—шумитъ по улицѣ. Я всталъ, ни слова не говоря, ушелъ на дворъ, сѣлъ на ворону, сталъ косу отбивать. А такая зло беретъ, ажъ въ глазахъ темняетъ. Слышу — подшелъ къ избѣ, буянитъ. Должно, стекла хочетъ бить, думаю себѣ. А онъ погамѣлъ и ужъ пошелъ-было прочь. Тѣмъ бы и кончилось, можетъ, да выскочила Олька, дочь моя... да и закричи не своимъ голосомъ: „Отецъ, караулъ, меня Андрюшка бьетъ!“ Я выскочилъ съ брускомъ отъ косѣ, да сгоряча—разъ его въ голову! А онъ и — наземь. Подскочили мы къ нему, а онъ лежитъ, хрипитъ и ужъ слюни пускаетъ. Прибѣжалъ народъ, стали водой отливать... А онъ лежитъ, икаетъ... Можетъ, тутъ надо было походатайствовать чѣмъ-нибудь... какой-нибудь примочки тамъ приложить, али еще что... въ больницу бы свезть поскорѣй, да доктору десятку... да гдѣ ее взять? Бѣдность... Ну, онъ поикалъ, поикалъ, да и померъ къ ночи. Побился, побился, на спину запрокинулся, вытянулся и—готовъ. И народъ кругомъ стоитъ, смотритъ, молчитъ. А ужъ огни зажгли... Прямо жуть на всѣхъ напала...

Весь дрожа мелкой дрожью, съ пылающимъ лицомъ, гимназистъ поднялся и, утопая по-поясъ въ соломѣ, пошелъ по омету внизъ. Борзая, испуганная имъ, вдругъ вскочила и отрывисто брехнула. Гимназистъ, рѣзко дернувшись, упалъ въ солому и замеръ. Шумѣлъ холодный вѣтеръ, надъ самой головой бѣлѣла кучка холодныхъ осеннихъ звѣздъ, а за бугромъ шелестѣвшей соломы слышался мѣрный, низкій голосъ Ѳедота:

— Я въ пунькѣ подъ стражей два-дни сидѣлъ и все это въ окошечкѣ видѣлъ... какъ анатомили-то его. Сошелся народъ со всѣхъ деревень, смотрѣть этого убіенца и меня, конечно, въ томъ числѣ. Лѣзутъ подъ самую пуньку... Вынесли двѣ скамейки на выгонъ, поставили подъ самой пунькой, положили на нихъ убіенца. Подъ голова чурбанъ подсунули. Рѣзаку и слѣдователю стулья, столъ принесли. Подошелъ рѣзакъ, рубаху оборвалъ, портки оборвалъ — лежитъ, вижу, трупъ совсѣмъ голый, ужъ твердый весь, гдѣ зеленый, гдѣ желтый, а лицо вся восковая, красная борода стала рѣдкая, такъ и отдѣляется. На причинное мѣсто рѣзакъ лопухъ положилъ. Смотрю, пріѣхала барышня, учительница наша, на велосипедѣ... нехорошая, головастая дѣвка, стриженая и съ

азетами подъ мышкой, а наряжена хорошо, — бываетъ, въ остяхъ гдѣ была. Постояла на дорогѣ и опять пошла ногами гѣсить, уѣхала. А родныхъ никого не допустили. Тутъ же, обыкновенно, ящикъ съ разными причандалами. Подошелъ рѣзакъ, разобралъ ему волосы отъ уха къ уху, сдѣлалъ надрѣзъ и зачалъ половинки съ волосами зачищать. Гдѣ отонокъ, ножичкомъ скоблитъ. Отодралъ ихъ на обѣ стороны, открылъ одну, на кость положилъ. Сталъ виденъ черепокъ весь—какъ колгушка какая... А на немъ пятно черная околъ праваго уха, черная сгущенная кровь,—гдѣ, значитъ, ударъ-то былъ. Рѣзакъ говоритъ слѣдователю, а тотъ пишетъ: „На такихъ-то сводахъ три трещины“... Потомъ зачалъ черепокъ кругомъ подпиливать. Пила не взяла, такъ онъ вынулъ молоточекъ съ зубрильцемъ и по этому слѣдку, гдѣ пилкой-то намѣтилъ, зубрильцемъ прострочилъ. Черепокъ такъ и отвалился, какъ чашка, сталъ весь мозгъ виденъ. Опять говоритъ слѣдователю: „Мозговая оборочка порвана“... Потомъ опять весь мозгъ сложилъ, черепокъ на прежнее мѣсто установилъ и половинки съ волосами надвинулъ. Потомъ наружнымъ рубцомъ захватилъ, зашилъ какъ надо...

— Что дѣлаютъ, разбойники-живорѣзы!—хрипло замѣтилъ задремавшій-было старикъ.

А Ѳедотъ твердо договаривалъ:

— Потомъ вынулъ толстый ножъ. сталъ рѣзать грудь по хрящамъ. Вырубилъ косякъ, сталъ отдирать—трещитъ даже... Стало видать желудокъ весь, легкія синія, всю нутренность...

Глухой отъ стука собственнаго сердца, гимназистъ поднялся на ноги, во весь свой длинный ростъ, въ картузѣ. сдвинутомъ на затылокъ, въ легкой шинелькѣ, которая была уже коротка ему. Сѣрый, большой, страшный въ своемъ монгольскомъ спокойствіи Ѳедотъ мѣрно говорилъ, держа трубку въ зубахъ, но онъ уже не слушалъ его. Онъ во всѣ глаза глядѣлъ на всѣхъ этихъ, такихъ знакомыхъ и такихъ чужихъ, непонятныхъ, всю душу его перевернувшихъ въ эту ночь людей. Жалкій въ своемъ порокѣ и смиренности, въ своей пастушеской первобытности, Кирюшка спалъ, покрывшись армякомъ, выставивъ изъ-подъ него толстую, въ бѣлыхъ онучахъ, согнутую въ колѣнѣ ногу. Спалъ и Иванъ съ сумрачнымъ, презрительнымъ лицомъ, Иванъ, въ черной землянкѣ котораго, въ оврагахъ на краю голой деревни, въ темнотѣ и грязи, подъ низкимъ потолкомъ, подъ дерновой крышей, уже третій годъ лежитъ, умираетъ и никакъ, къ тоскѣ своей, не умретъ его страшная, черная старуха-мать, а зубастая, худая жена кормитъ темно-желтой, длинной, тощей грудью голопузаго,

сопливаго, ясноглазаго ребенка, съ губами, въ кровь источенными несмѣтными избяными мухами. Спалъ крѣпкимъ, здоровымъ сномъ, на свѣжемъ вѣтру, счастливый Пашка, въ своемъ солдатскомъ картузѣ, тяжелыхъ сапогахъ и новомъ полушубкѣ. А старикъ Хомутъ, у котораго нѣтъ даже полушубка,—есть только зипунъ съ большой прорѣхой на плечѣ,—у котораго такъ низко висятъ всегда на дряблыхъ ляжкахъ истертыя портки, сидѣлъ спиной къ вѣтру, безъ шапки, голый по-поясъ. Онъ, старчески-худой, желтотѣлый, съ косо-поднятыми плечами, съ искривленнымъ крупнымъ позвоночникомъ, блестѣвшимъ при свѣтѣ звѣздъ, сидѣлъ, наклонивъ большую лохматую голову, которую ерошилъ свѣжій вѣтеръ, согнувъ свою уже тонкую, всю въ бурыхъ, жесткихъ морщинахъ шею, пристально осматривалъ снятую рубаху и, слушая Ѳедота, порою крѣпко давилъ ногтями ея воротъ.

Гимназистъ соскочилъ на твердую и гладкую осеннюю землю и, горбясь, быстро пошелъ къ темному шумящему саду, домой.

Всѣ три собаки тоже поднялись и, смутно бѣлѣя, бочкомъ побѣжали за нимъ, круто загнувъ хвосты.

Капри. 19—23. XII. 1911.

СИЛА.

Шелъ осенній мглистый дождь въ сумеркахъ.

Прижавъ уши, стояла на барскомъ дворѣ, въ грязи возлѣ людской, донская кобыла, темная отъ дождя, худая, будылястая, съ тонкой длинной шеей, съ обвислымъ задомъ, съ подвязаннымъ хвостомъ, запряженная въ телѣжку, круглый плетеный кузовъ которой былъ очень малъ по тяжелымъ дрогамъ и крѣпко ошинованнымъ колесамъ.

Мѣщанинъ Буравчикъ, пріѣхавшій въ этой телѣжкѣ къ старостѣ, не заставшій его дома и сидѣвшій въ людской за кубастымъ самоварчикомъ красной мѣди, былъ человѣкъ старенькій, ростомъ съ мальчика. Черепъ его былъ голъ и желтъ. Надъ ушами и по затылку курчавились остатки черныхъ жесткихъ волосъ. Курчавилась и бородка его. Мокрые усы, прокопченые табачнымъ дымомъ, лѣзли въ добрый, беззубый ротъ. На темномъ морщинистомъ личикѣ, подъ сдвинутыми бровями, живо и весело блестѣли кофейные глазки. Онъ и хмурился и улыбался вмѣстѣ, тянулъ съ блюдца горячую воду, сося кусочекъ сахару, и все шарилъ по впалой груди, ощупывая карманы ветхаго длиннополаго сюртука, порыжѣвшаго на лопаткахъ.

Горѣла надъ столомъ висячая лампочка.

Буравчикъ поглядывалъ на нее,—она коптила,—и безъ умолку говорилъ. А беременная старостиха, сидѣвшая на нарахъ у печки и за веревку ногой качавшая люльку, закрытую ситцевымъ пологомъ, похожую на маленькій шатеръ, разсѣянно слушала, думая свое и заводя глаза отъ дремоты.

— Вотъ они распарятся, разбрюзнутъ, я ихъ и подберу, — говорилъ Буравчикъ, слегка шамкая, и схлебывалъ съ блюдца, указывая на стаканъ, набитый разбухшими кусками кренделей. — Распарятся, тогда и съѣмъ. А такъ нѣтъ, не угрызу. Нечѣмъ.

И Буравчикъ, засмѣявшись, полѣзъ сухимъ, бурымъ отъ окурковъ пальцемъ въ ротъ.

— О! Ишь!—сказалъ онъ съ удовольствіемъ.—Ни анно не аалось,—сказалъ онъ, желая сказать: „ни одного не осталось“, и водя пальцемъ по голой розовой деснѣ.

— По какой же такой притчинѣ?—равнодушно спросила старостиха, съ трудомъ поднимая вѣки и думая о томъ, что этотъ веселый старичокъ въ обтертыхъ саложкахъ и линючей розовой косовороткѣ пережилъ двухъ женъ, вырастилъ шестерыхъ сыновей, купилъ барское имѣніе подъ городомъ, а прежнихъ повадокъ все не кидаетъ—живетъ побирушкой, торгуетъ на селѣ въ лавчонкѣ, конокрадствуетъ и, говорятъ, вотъ-вотъ опять долженъ въ острогъ садиться.

Буравчикъ зорко глянулъ на старостиху, на ея большое сонное лицо.

— По какой притчинѣ-то?—отвѣтилъ онъ, вытирая палецъ о бортъ сюртука.—А совсѣмъ не по той, что ты думаешь. А совсѣмъ не по той. На меня несутъ, брешутъ, какъ на мертваго, ну, а хоть бы и правда была, такъ не родился еще тотъ человѣкъ, сударыня, какой смѣлъ бы коснуться меня. Нѣ-ѣтъ, Богъ миловалъ! Меня голой рукой не возьмешь! У меня вонъ шесть сыновъ-бугаевъ, озорнѣй ихъ, чертей, во всемъ селѣ нѣту, а ты глянь, какъ я ихъ вышколилъ: взгляду моего боятся! Пересолишь—хлебать не станешь,—прибавилъ онъ ни съ того ни съ сего одну изъ тѣхъ прибаутокъ, связь которыхъ съ предыдущей рѣчью очень часто оставалась совершенно непонятна его собесѣдникамъ.—Зубъ же я своихъ лишился потому, что дюже болѣли они у меня, а добрые люди возьми да и научи купоросу въ ротѣ подержать. Ты вотъ послушай, какую антимонію разскажу я тебѣ про эти самые зубы. Муженекъ твой, безъ сомнѣнія, застрялъ гдѣ-й-то, давая его, дружка милаго, ждать да бесѣдовать отъ скуки...

— Обѣщался къ вечеру быть,—сказала старостиха.—Да вишь, грязь-то какая.

— А мы его подождемъ,—отвѣтилъ Буравчикъ и, поставивъ блюдце на столъ, полѣзъ въ боковой карманъ за кисетомъ съ махоркой.—А мы его подождемъ. Да. Исторія же эта самая такого рода была...

И не спѣша, съ удовольствіемъ сталъ разсказывать. Черепъ его блестѣлъ отъ пота, брови хмурились, глаза блестѣли, выражая старческое довольство жизнью. „Безпремѣнно сынки его дѣльце какое-нибудь нынче въ ночь обработаютъ,—думала старостиха.—Для того онъ и изъ дому уѣхалъ“. А Буравчикъ, свертывая цыгарку, разсказывалъ:

— Сила не въ зубахъ, сударыня моя. Зубастъ кобель, да ростъ. Опять же и не въ медвѣдѣ сила. У насъ на Руси илу въ пазухѣ носи... Да ты вотъ лучше послушай. Въ ѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, ѣхали мы азъ, сударыня, съ возами своими по бѣлевской по большой орогѣ. А нужно тебѣ замѣтить, что мы тогда съ братомъ горомъ коробошниками были, кампанировали съ нимъ по ой части да денежки плутовствомъ наживали, откровенно е сказать—прямо муку мученическую терпѣли отъ этихъ ъ самыхъ дождей и холодовъ. Вотъ и тутъ тоже подобное лучилось: ѣдемъ мы, ѣдемъ, а дождь, Господь съ нимъ, какъ рядилъ съ утра, да такъ до вечеру и остался. Холитъ насъ холитъ, будто за хорошую цѣну нанялся, и до того доилъ, искоренилъ, что повернули мы, не долго думая, въ ѣсъ какой-то встрѣчный, къ караулкѣ. Надуваемся, ползем, омимъ цѣликомъ, а по лѣсу, понимаешь, какъ мга какая ъ дождя синѣетъ, а отъ лошадей альни дымъ валитъ: наталось на колёса грязи этой самой съ листьями—чертямъ евпроворотъ! Подъѣзжаемъ, наконецъ того...

Буравчикъ хлебнулъ съ блюдца и остановился. Послышаось шлепанье лаптей по мокрой соломѣ въ сѣнцахъ. Кто-то одошелъ къ двери и сталъ шарить, ища скобки.

— Кажись, онъ?—спросила старостиха, прислушиваясь.

Прислушался и Буравчикъ. Дверь чмокнула, распахнулась, ткрыла на мгновеніе черную темноту, и вошелъ не староста, работникъ Александръ, большой мужикъ, лѣтъ пятидесяти, ысый, бородатый, съ ясными сѣрыми глазами и нѣжнымъ вѣтомъ крупнаго лица, въ полушубкѣ и чистой замашной убахѣ. И опять зорко блеснули глаза Буравчика.

— А я насчетъ твоей лошади зашелъ,—сказалъ Александръ, ему-то улыбаясь и садясь на лавку.—Прибрать ее, ай ѣтъ?

Буравчикъ подумалъ.

— Да нѣтъ, погоди,—отвѣтилъ онъ съ притворной безчностью.—Я еще, можетъ, поѣду. Я вѣдь этихъ дождей исколько не боюсь. Мы, братъ, люди русскіе, травленые...

— Дѣло твое,—сказалъ Александръ и поглядѣлъ въ сторону.—Я, признаться, и шелъ-то больше затѣмъ, чтобъ на ба поглядѣть, какой-такой, молъ, Буравчикъ этотъ бытуетъ? авно слышу: Буравчикъ, Буравчикъ... А что за Буравчикъ,—извѣстно. Дай, думаю, гляну.

— Наслышанъ, значитъ, обо мнѣ?—спросилъ Буравчикъ.—у, что жъ, гляди. Меня ужъ давно такъ кличутъ. У меня ъ двѣ, фамиліи-то: одна значитъ, улишная, а другая жур-

нальная. А ты кто же такой? На работника не похожъ что-й-то.

— И то не похожъ,—сказалъ Александръ.—Это меня нуждишка заставила батракомъ-то на старости лѣтъ быть. Я панютинскій, у насъ село богатая. Я и самъ хорошо жилъ, хозяиномъ. Да такая оказія: третій разъ горю до тла! Справлюсь-справлюсь, придетъ лѣто, хлѣбушко уберу... Ну, думаю, слава Тебѣ, Господи... Анъ нѣтъ: опять сумку надѣвай! Просто хоть удавись,—прибавилъ онъ съ застѣнчивой улыбкой.— Двое ребятишекъ сгорѣло...

— Да что ты?—съ притворнымъ участіемъ и даже ужасомъ воскликнулъ Буравчикъ.—Это не медъ,—сказалъ онъ, качая головой.—Это не медъ. Избавь Богъ.

И, помолчавъ, опять обратился къ старостихѣ:

— Да, такъ вотъ я и говорю: заѣхали мы въ лѣсъ, подъѣзжаемъ къ караулкѣ. Становимъ лошадей во дворъ, всходимъ въ избу, самоваръ требуемъ. А лѣсникъ, надо тебѣ замѣтить, оказывается, вдовецъ, старикъ древній, да такой, что я и отродясь не видывалъ: просто орутанъ какой-то! Братъ Егоръ даже испугался маленько. Глянулъ на меня, да и говоритъ мнѣ по фарамъ, чтобы, значитъ, не понялъ насъ лѣсникъ: „Брафа рать, афара вѣффрѣдь эферетофоро звѣффрѣрь. Офороно мофорожеферетъ уфурубифирить нафарасъ“. То-есть, по-русски сказать такъ: „Братъ, а вѣдь это звѣрь. Онъ можетъ убить насъ“... А на звѣря лѣсникъ, и правда, похожъ: рубаха ниже колѣнъ, лыкомъ подпоясана, на ногахъ лаптищи, руки длинныя, въ родѣ корней дубовыхъ... Дикій, одно слово, человѣкъ и силы, видать, неописанной.

— Этотъ орутанъ въ звѣрильницѣ живетъ,—вставилъ Александръ.—Видѣлъ я его въ городѣ.

— Онъ самый, онъ самый,—подтвердилъ Буравчикъ.—Его и по избамъ большое число попадается... Да... И все знаешь, гнется, кряхтитъ, въ земь смотритъ...

— А виски, небось, сѣрые, невпрочесъ, какъ у кобеля хорошаго,—опять вставилъ Александръ.

— И то правильно,—сказалъ Буравчикъ.—Ты догадливъ живешь, сударушка. Ну, только противъ дикаго, какъ говорится, и самъ дикъ да хитеръ будь. Мужикъ тебя ралом, а ты его жаломъ... Да. Обращаемся къ лѣснику: „Чайку съ нами, милости просимъ“. — „Можно, говоритъ, спасибо“. Онъ опять этакъ сумрачно, а главная вещь—шамкаетъ. Сѣлъ за столъ, налили мы ему чаю,—въ корецъ, понятно, а не въ чашечку какую-нибудь,—а онъ и давай, вотъ не хуже моей скорки хлѣбныя крошить да въ чаю ихъ распаривать. Что

маемъ, за чудеса такія? „Дѣдъ, говоримъ, да ай у тебя
въ-то нѣту? Фигура у тебя знаменитая, а зубъ нѣту:
, мель, за притча такая?“ А онъ, понявши, безъ сомнѣ-
, такія слова, и совсѣмъ голову угнулъ. Молчалъ-молчалъ
и выложилъ намъ, дуракамъ, свое назиданіе.

— Стравилъ тоже чѣмъ-нибудь, зубы-то?—изъ вѣжливости
спросила старостиха.

Буравчикъ закурилъ, закашлялся и отвѣтилъ веселой ско-
говоркой:

— Да нѣтъ, въ томъ и басня вся, что не стравилъ. За
ихъ поплатился, за гордость. Ты вотъ послушай.

И опять перешелъ на размѣренный тонъ:

— Онъ, понимаешь, лѣсникъ-то этотъ, такъ прямо и ска-
залъ намъ: назиданіе мое, говоритъ, въ томъ самомъ есть,
что окоротилъ меня Господь за грѣхъ тяжкій, за глупость
мою. И вотъ каюсь я теперь, ребята, и конному и пѣшему.
Идите, какія дисни-то у меня? О, гляньте,—сказалъ Бу-
равчикъ, представляя лѣсника, и опять запустилъ въ ротъ
пальцъ:—ни одного не осталось. А почему не осталось,—чело-
века я хотѣлъ убить, на силу свою глупую понадѣялся. За-
ѣзжалъ ко мнѣ, ребята, годовъ семьдесятъ тому назадъ солдатъ
одинъ изъ Польши: шелъ домой въ отпускъ несрочный и но-
чевать, значитъ, попросился. И было, вотъ какъ передъ истин-
нымъ Богомъ, росту въ томъ солдатѣ не болѣ двухъ аршинъ,
а силы—и на двухъ вшей не хватитъ...

— На взглядъ-то, значитъ,—сказалъ Александръ, чтобы
сказать, что онъ понимаетъ, къ чему клонилъ лѣсникъ въ
своемъ назиданіи.—На первый взглядъ, то-есть... Вотъ въ
самъ какъ у тебя,—прибавилъ онъ насмѣшливо и друже-
любно.

— Во, во, въ аккуратъ!—подхватилъ Буравчикъ, блеснувъ
на его сторону глазами.—Совсѣмъ коростовый, глядѣться... И
вотъ, понимаешь, деньгами передъ лѣсникомъ хвастать. „Сѣлъ,
говоритъ, за столъ, похлебалъ моей похлебочки, закурилъ тру-
бочку, снялъ ранецъ съ себя—и давай деньги изъ него таскать,
пересчитывать. А денегъ этихъ самыхъ у него—прямо туча:
все сотельныя одна, и все въ стопки, въ кирпичи складены и
бумагами хрестъ-нахрестъ перевязаны. „Да это еще что!—
говоритъ.—У меня, говоритъ, еще гаманъ за гашникомъ спря-
танъ, полный золотомъ“. И какъ, значитъ, глянулъ я на
такое богачество, потемнѣло у меня въ глазахъ отъ жадно-
сти, стиялись мои ручки, ноженьки,—аж штаны ходуномъ
заходили. Посчиталъ деньги солдатъ, понихалъ ихъ въ ранецъ
свой и баетъ: „Что жъ, пора и на печь, дядюшка!“ А я въ отвѣтъ

ему мычу только да зубами стукаю, зубы же мои въ ту пору таковы были, что могъ я ими очень даже просто доску столовую перешибить. Ну, завалился, безъ сомнѣнія, солдатъ мой на печь, потушилъ я лучину, нашарилъ топоръ-колунъ подъ лавкою, легъ и жду, а самъ думаю: тюкну, молъ, обухомъ разокъ—и капутъ ему, суслику!"

— Анъ сусликъ-то умнѣе насъ вышелъ,—вставилъ Александръ, показывая, что онъ уже предугадалъ и развязку притчи.

— „Долго ли, коротко ли,—продолжалъ Буравчикъ:—только слышу—успокоился солдатъ. Ну, думаю, слава Тебѣ, Господи, во снѣ-то ему легче помирать будетъ, онъ и самъ, небось, кого-нибудь соннаго пришибъ,—больше неоткуда было ему такую уйму денегъ накопить. Подкрался съ обухомъ своимъ къ печкѣ,—а въ обухѣ томъ вѣсу, никакъ, болѣе пуда было,—сталъ покрѣпче на приступку, повернулъ колунъ тыломъ, нащупалъ голову стриженую, размахнулся—разъ!.. Мать честная! Только мокро, молъ, останется!.. И что жъ вы, ребятушки, думаете?"

Буравчикъ остановился и вытаращилъ глаза, держа блюдце на отлетѣ.

— „Что жъ вы думаете?—говоритъ лѣсникъ.—Очнулся солдатъ, потянулъ въ себя носомъ и покойненько этакъ кличетъ меня: „Хозяинъ, а хозяинъ. Что-й-то у тебя тутъ дѣлается? Либо у тебя прусаки водятся? Мнѣ сейчасъ здо-оровый прусакъ на високъ упалъ"... А хорошъ прусакъ, колунъ-то мой! Я прямо пополовѣлъ отъ этакихъ словъ, свалился съ приступки, прижукнулся—и ни вздоху, ни пыху! Зачалъ, одна кося, опять ждать своего..."

— Энтотъ солдатъ, значитъ, слово зналъ такое,—сказала старостиха и, скрестивъ руки подъ грудями, перестала мотать ногой.

Александръ, насмѣшливо и ласково улыбаясь, только покивалъ зово-лысой головой покачалъ. А Буравчикъ вскочилъ съ мѣста, торопливо поправилъ коптившую лампочку, опять сѣлъ и крикнулъ, открывая беззубый ротъ, съ дѣтскою гордостью и радостью:

— Ха! Слово! Слово слову рознь, а тутъ не иначе, какъ кочетиное слово было! Слушай, что дальше-то будетъ, да примѣчай, куда чайки летятъ. Лѣсникъ мой не унялся, опять полѣзъ на печь. „Нащупалъ я, говоритъ, темя солдатово, обнулъ вострякомъ колунъ да и ухнулъ со всей силы-возможности. Ухнулъ и жду, а солдатъ приподнялся, да какъ заго-го-четъ! „Ну, говоритъ, хозяинъ, видно, у тебя не

нишься. У тебя, говоритъ, черти, безъ сомнѣнія, водятся: ядно, подложили плотники щетины подъ матицу и развели тебя этихъ самыхъ чертей видимо-невидимо. Сейчасъ одинъ ня ровно прутомъ какимъ по лбу жигануль. Ажъ засвир-ѣло"... Что тутъ дѣлать? Отползъ я отъ печи, а солдатъ однялся, слышу, обувается. „Хозяинъ, а хозяинъ, говоритъ, коро свѣтъ, мнѣ пора итить, проводи меня изъ лѣсу". Ну, маю, и того лучше: угомоню его въ лѣсу, мнѣ же выгод-ѣй,—избу поганить не надо. Вскочилъ, будто спросонья: „А? то? Проводить? Ладно, молъ, идемъ"... Надѣваю армякъ, ясусь съ ногъ до головы, никакъ въ рукавъ не попаду, а мъ за дубинку ловлюсь: стояла у меня въ уголкѣ на ту ору ха-а-рошая орясина, пудиковъ трехъ вѣсомъ. А солдатъ ывается и—хохочетъ! Беретъ въ ротъ воду изъ махоточки, етъ изъ рота на руки, нагинается, мостъ лицо и хохочетъ... исто чортъ какой! Вышли, наконецъ того, пошли... Мнѣ бы, раку, давно пора понять, что никакъ не возьметъ сила моя протйвъ ума солдатова, а я пру да пру, на затылокъ его рижепый гляжу. Онъ передомъ, въ ранцѣ своемъ телячьемъ, мъ меньше ранца, я — за нимъ, по пятамъ, въ родѣ едвѣдя какого. Стало, вижу, бѣлѣть вверху, дождь рѣдѣть рѣдѣть, проясшилось въ лѣсу. Дождался я спуску въ жокъ, сосны одной примѣтной, обгорѣлой, приподнялъ свой орешокъ да и пустилъ съ навѣсу по затылку солдатову. А олдатъ..."

Буравчикъ быстро взглянулъ на свѣсившуюся голову ста-остихи и уставился радостно-блестящими глазами въ Але-андра:

— „А солдатъ клюнулъ этакъ носомъ, шапку подхватилъ, оправилъ, обернулся, будто удивился очень, да и говоритъ акъ строго да внятно: „А-а, говоритъ, вотъ какой домовой-о въ избѣ у тебя завелся! Понима-аю! Видно, надо поучить го маленько"... Поставилъ тихимъ манеромъ ружьецо свое ерданское къ сосѣ, засучилъ рукава... „Ну-ка, разинь отъ",—говоритъ. А я ужъ и дубинку уронилъ отъ ужасти ничего не смыслю. Однако разѣваю. „Да нѣтъ, говоритъ, пошире, пошире, стыдиться тутъ нечего!" Разѣваю, колько есть моей силы. Беретъ тогда солдатъ меня за зубъ альцами, давитъ его, какъ клещами залѣзными,—и выни-аетъ вонъ изъ рота, въ горсть себѣ кладетъ. Вынимаетъ послѣ того и другой тѣмъ же побытомъ, вынимаетъ и тре-ій, вынимаетъ четвертый..."

Остановились и у Александра его ясные глаза. А Бурав-икъ, насладившись его ожиданіемъ, уперся руками въ ко-

лѣни, лихо разставилъ локти и отчетливо, раздѣльно сталъ доканчивать:

— „Выбралъ онъ мнѣ, безъ сомнѣнія, зубы до единаго, вынулъ лычко изъ кармалчика: „держи подолъ“,—говоритъ. Я держу, подставляю. Положилъ солдатъ въ подолъ цѣльную горсть моихъ зубъ, завернулъ, закаталъ и такъ-то аккуратненько завязалъ, закрутилъ его лычкомъ. „Это, говоритъ, мужичокъ-сѣрячокъ, на память тебѣ, а это на поминъ души моей“... И вынимаетъ, подаетъ мнѣ сотельный билетъ!“

— Это не плохо,—съ улыбкой мотнулъ головой Александръ.

Буравчикъ залился смѣхомъ.

— Дай Богъ всякому!—воскликнулъ онъ.—Да вѣдь знаешь, сладокъ медъ, а не по двѣ ложки въ ротъ. Деньги-то онъ пріобрѣлъ, а зубъ лишился. „Я, говоритъ, деньги-то беру, а сказать ничего не могу: хочу слово сказать, да съ непривычки только челюсью ворочаю. А-а, а-а,—только и всего. Хочу сказать: солдатушка...“

Буравчикъ, смѣясь, поднялъ брови, сдѣлалъ жалкое лицо и опять полѣзъ въ ротъ пальцемъ:

— „Хочу сказать,—смѣясь и почти плача, закричалъ онъ тонкимъ голосомъ: — хочу сказать: солдатушка, а выходитъ саатушка...“

Стягивая съ блюдца воду и куски кренделей, онъ еще долго крутилъ головой, морщился, смѣялся и повторялъ послѣднія слова. Старостиха, сложивъ руки, крѣпко спала. Лампочка коптила, прусаки, пользуясь сумракомъ, бѣгали по старымъ бревенчатымъ стѣнамъ. На черныхъ стеклахъ блестѣли капли дождя.

— Побаску твою понимаю,—сказалъ наконецъ Александръ.

— Сила, значитъ, не въ медвѣдѣ,—пояснилъ Буравчикъ.

— Не иначе,—подтвердилъ Александръ.—Былъ и у насъ случай подобный. Я самъ очевидецъ былъ. Будетъ этому дай Богъ не солгать, лѣтъ, небось, пятнадцать тому назадъ. Былъ у насъ въ Панютинѣ малый дуракъ, звали его Бурлыга. Потому не могъ онъ чисто сказать: тоже двухъ зубовъ на передѣ не хватало,—кобыла вышибла. Все, бывало: бур бур. За то и Бурлыгой прозвали. Малый, говорю, былъ дуракъ, картавый, а вотъ, не хуже твоего лѣсника. рослый здоровый, чистый палачъ. Потому его внѣшность дозволяла. Такъ вотъ, случись у насъ въ селѣ ярманка. Собрались его товарищи по пьяному виду, сидятъ на выгонѣ. Конечно, ту и водка, и всякая закуска при нихъ. Зашелъ разговоръ какъ вотъ у насъ съ тобой, про силу, а онъ, конечно, пьяный,—бываетъ, тверезый того не сказалъ бы, ну, а ту

уръ, буръ, я, говоритъ, никого не боюсь, и Бога никакого ѣту...

— Ну, ужъ это-то сдуру,—разсѣянно сказалъ Буравчикъ, здыхая послѣ смѣха, завертывая новую цыгарку и думая о емъ-то другомъ.—Это ужъ сдуру.

— Понятно, сдуру, — подтвердилъ Александръ.—Подивись всѣ ему. Молъ, не снесешь ты, малый, своей головы! А нъ поднялся, пошелъ въ народъ, увидалъ свою кралю, сдѣалъ ей любовный знакъ. Подходитъ она къ нему. Зачалъ нъ при ей еще пуще куражиться. Глаза помутилъ, полушуокъ размахнулъ, усы мокрые косицами въ щербину лѣзутъ. идитъ—сидитъ на телѣгѣ старичокъ маленькій, лопатами оргуетъ. Около телѣги меринъ привязанъ, лопаты на земи азложены, а въ телѣгѣ—большой бѣлый баранъ, тоже, знаитъ, продается. Лобикъ, поясника краской фуксиномъ поѣчены. Рога здоровые, хвостъ толстый. А самъ старичокъ егонькій, какъ пухъ, въ сѣромъ халатику, въ бѣломъ колпачкѣ зъ прòстой холстины и въ чунькахъ покойницкихъ. Сидитъ а грядкѣ, закусываетъ калачикомъ. А малый-то мой сдуру уражится, ломается, лѣзетъ на него...

— Своей бѣды не чуетъ,—вставилъ Буравчикъ въ ладъ лександру, тѣмъ же тономъ, какимъ и Александръ вставлялъ замѣчанія въ его разсказъ.

— Да, бѣды своей не чуетъ,—повторилъ Александръ.— Сейчасъ, говоритъ, пойду, всю его амуницію расшибу и баану хвостъ отломаю". Любовница его мазаная, конечно, оже уродничаетъ, притворяется, упрашиваетъ его. А онъ-то ачается, ломается, будто пьянъ дюже! „Охъ, не перечь ты нѣ за-ради Христа! Прошу тибе,—не трожь ты мине, а то я уже надѣлаю. Протѝвъ силы моей, говоритъ, богатыря во сей державѣ не нáйдется". Подходитъ, значитъ, къ старичку. Буръ, буръ, дай, говоритъ, колачика мнѣ". Старичокъ вынимаетъ изъ телѣги колачъ свѣжій, подаетъ, а малый Бурыга беретъ, а самъ прицѣливается барана сгресть за рога. востъ ему зачать ломать. А старичокъ поглядѣлъ этакъ кромненько, слѣзъ съ грядки, лопату поднялъ, да какъ разахнется, да какъ ахнетъ... Норовилъ-то по малому, а поалъ мерину по боку—ажъ по всей ярманкѣ отозвалось! Меринъ съ ногъ долой, порядочно лопатъ переломалъ, хнулъ, дохнулъ, да и каюкъ,—красная вода носомъ пошла. утъ, конечно, народъ бѣжитъ, а старичокъ зашелъ за народъ—да потуда его и видѣли. Какъ въ воду канулъ. Меринъ завалился, лежитъ, а баранъ сидитъ въ телѣгѣ и на Бурлыгу лупится...

— Ну, а старикъ-то,—разсѣянно перебилъ Буравчикъ:— онъ-то куда жъ могъ пропасть?

Александръ подумалъ.

— А шатъ его знаетъ,—сказалъ онъ.—Значитъ, слово такое зналъ. Значитъ, тоже прикоснулся онъ сатанѣ... вотъ не хуже солдата твоего, либо тебя.

— Меня?—съ притворнымъ удивленіемъ крикнулъ Буравчикъ, и глаза его блеснули довольствомъ.—Ай ты очумѣлъ? Я-то тутъ при чемъ?

— Будя толковать-то! — сказалъ Александръ ласково и грустно.—Авось, слыхали про тебя. Ты, братъ, тоже малъ, да удалъ. Тоже хорошъ... Живучѣе всякой кошки али, скажемъ, козюли. Ты ее раломъ, она тебя жаломъ... Ну, ты самъ посуди: что ты предо мной? Скнипа! Я тебя могу двумя щепотями задавить. А куда жъ мнѣ, дураку, справиться съ тобой? Ты захочешь—кровинки во мнѣ не оставишь, до тла всего высосешь. Я, къ примѣру, могу двѣ полнивы за день взодрать... Да и взодралъ-таки на своемъ вѣку, дай Богъ всякому. А чего добился? Одинъ хрестъ на шеѣ, только и всего. А ты вотъ тысячами ворочаешь... Нѣтъ, какъ можно!— сказалъ онъ съ непонятнымъ восхищеніемъ.—Я твоего ногтя не стою!

Буравчикъ молчалъ, загадочно и довольно улыбаясь. По томъ вздохнулъ, всталъ, обернулся къ стѣнѣ и потянулъ цѣпочку рублевыхъ часовъ, висѣвшихъ на ней, толкнулъ маятникъ. Посыпались мертвыя, сухія мухи, которыя все лѣто набивались въ часы и останавливали ихъ, и по избѣ пошелъ мѣрный, сонный стукъ, мѣшаясь съ шумомъ дождя по крышѣ.

Александръ задумчиво глядѣлъ въ полъ, упершись обѣими ладонями въ лавку.

Буравчикъ наклонилъ самоваръ и сталъ нацѣживать послѣднюю чашку.

16. VIII. 1911.

ХОРОШАЯ ЖИЗНЬ.

Моя жизнь хорошая была, я, чего мнѣ желалось, всего обилась. Я вотъ и недвижнымъ имуществомъ владаю,—стаичокъ-то мой прямо же послѣ свадьбы домъ подъ меня подисалъ,—и лошадей, и двухъ коровъ держу, и торговлю мы мѣемъ. Понятно, не магазинъ какой-нибудь, а, какъ говоится, просто лавка, да по нашей слободѣ сойдетъ. Я сегда удачлива была, ну только и характеръ у меня натойчивый.

Насчетъ занятія всякаго меня еще батенька заучилъ. Онъ оть и вдовый былъ, запойный, а, не хуже меня, ужасный мный, дѣльный и безсердечный. Какъ вышла, значитъ, воля, нъ и говоритъ мнѣ:

— Ну, дѣвка, теперь я самъ себѣ голова, давай деньги аживать. Наживемъ, переѣдемъ въ городъ, купимъ домъ на ебѣ, отдамъ я тебя замужъ за отличнаго господина, буду аревать. А у своихъ господъ намъ нечего сидѣть, не стоютъ ни того.

Господа-то наши, и правда, хоть добрые, а бѣдные-предѣдные были, просто сказать—побирушки. Мы и переѣхали тъ нихъ въ другое село, а домъ, скотину и какое было заеденіе продали. Переѣхали подъ самый городъ, въ село Ермашиде, сняли капусту у барыни Мещериной. Она фреиной при царскомъ дворѣ была, нехорошая, рябая, въ дѣвкахъ посѣдѣла вся, никто замужъ не взялъ, ну и жила себѣ на покоѣ. Сняли мы, значитъ, у ней луга, сѣли, честь естью, въ салашъ. Стыдь, осень, а намъ и горя мало. Синимъ, ждемъ хорошихъ барышей и не чуемъ бѣды. А бѣдао и вотъ она, да еще какая бѣда-то! Дѣло наше ужъ къ азвязкѣ близилось, прошло такъ сколько время, вдругъ—скандалъ ужасный. Напились мы чаю утромъ,—праздникъ

былъ,—я я стою такъ-то возлѣ салаша, гляжу, какъ по лугу народъ отъ церкви идетъ. А батенька по капустѣ пошелъ. День свѣтлый такой, хоть и вѣтреный, я и заглядѣлась, и не вижу, какъ подходятъ вдругъ ко мнѣ двое мужчинъ: одинъ священникъ, высокій этакій, въ сѣрой рясѣ, съ палкой, лицо все темное, землистое, грива какъ у лошади хорошей, черная, какъ смоль, такъ по-вѣтру и раздымается, а другой—простой мужикъ, его работникъ. Подходятъ къ самому салашу. Я оробѣла, поклонилась и говорю:

— Здравствуйте, батюшка. Благодаримъ васъ, что провѣдать насъ вздумали.

А онъ, вижу, злой, пасмурный, на меня и не смотритъ, стоитъ, калмышки палкой разбиваетъ.

— А гдѣ, говоритъ, твой отецъ?

— Они, говорю, по капустѣ пошли. Я, молъ, если угодно, покликать ихъ могу. Да вонъ они и сами идутъ.

— Ну, такъ скажи ему, чтобъ забиралъ онъ все свое добришко вмѣстѣ съ самоварчикомъ этимъ паршивымъ и уволился отсюда. Нынче мой караульщикъ сюда придетъ.

— Какъ, говорю, караульщикъ? Да мы ужъ и деньги, двѣнадцать рублей, барынѣ отдали. Что вы, батюшка? (Я, хоть и молода, а ужъ продувная на это дѣло была). Ай вы, говорю, смѣетесь? Вы, говорю, бумагу намъ должны предъявить.

— Не разговаривать,—кричитъ.—Барыня въ городъ переѣзжаетъ, я у нее луга эти купилъ, и земля эта теперь моя собственная.

А самъ махаетъ, бьетъ палкой въ землю, — того гляди въ морду заѣдетъ.

Увидалъ эту исторію батенька, бѣжитъ къ намъ,—онъ у насъ ужасный горячій былъ,—подбѣгаетъ и спрашиваетъ:

— Что за шумъ такой? Что вы, батюшка, на нее кричите, а сами не знаете, чего? Вы не можете палкой махать, а должны откровенно объяснить, по какому такому праву капуста вашей сдѣлалась? Мы, молъ, люди бѣдные, мы до суда дойдемъ. Вы, говоритъ, духовное лицо, вражду не можете имѣть, за это вашему брату къ святымъ дарамъ нельзя касаться.

Батенька-то, выходитъ, и слова дерзкаго ему не сказалъ, а онъ, хоть и пастырь, а злой былъ, какъ самый обыкновенный сѣрый мужикъ, и какъ, значитъ, услыхалъ такія слова, такъ и побѣлѣлъ весь, слова не можетъ сказать, аль ноги подъ рясой трясутся. Какъ завизжитъ, да какъ кинется на батеньку, чтобы, значитъ, по головѣ его огрѣть! А батенька увернулся, схватился за палку, вырвалъ ее у него

изъ рукъ вонъ, да объ колѣнку себѣ—разъ! Тотъ было—на грудь, а батенька пересадилъ ее пополамъ, отшвырнулъ куда подалѣ и кричитъ:

— Не подходите, за-ради Бога, ваше священство! Вы, кричитъ, черный, жуковатый, а еще пожуковатѣй васъ.

Да и схвати его за руки!

Судъ да дѣло, сослали за это за самое батеньку на поселенье. Осталàсь я одна на всемъ бѣломъ свѣтѣ и думаю себѣ: что̀ жъ мнѣ дѣлать теперь? Видно, правдой не проживешь, надо, видно, съ оглядочкой. Подумала годокъ, пожила у тетки, вижу,—дѣться мнѣ некуды, надо замужъ поскорѣй. Былъ у батеньки пріятель хорошій въ городѣ, шорникъ,—онъ и посватался. Не сказать, чтобъ изъ видныхъ женихъ, да все-таки выгодный. Нравился мнѣ, правда, одинъ человѣкъ, крѣпко нравился, да тоже бѣдный, не хуже меня, самъ по чужимъ людямъ жилъ, а этотъ все-таки самъ себѣ хозяинъ. Приданаго за мной копейки не было, а тутъ, вижу, берутъ безъ ничего, какъ такой случай упустить? Подумала, подумала и пошла, хоть, конечно, знала, что былъ онъ пожилой, пьяница, всегда разгоряченный человѣкъ, просто сказать—разбойникъ... Вышла и стала, значитъ, ужъ не дѣвка простая, а Настасья Семеновна Жохова, городская мѣщанка... Понятно, лестно казалось.

Съ этимъ мужемъ я девять лѣтъ мучилась. Одно званье, что мѣщане, а бѣдность такая, что хоть и мужикамъ впору! Опять же дрязги, скандалы каждый божій день. Ну, да пожалѣлъ меня Господь, прибралъ его. Дѣти отъ него помирали всѣ, остались только два мальчика, одинъ Ваня, по девятому году, другой младенецъ на рукахъ. Ужасный веселый, здоровый былъ мальчикъ, десяти мѣсяцевъ сталъ ходить, разговаривать,—всѣ они у меня, дѣти-то, на одиннадцатомъ мѣсяцу начинали ходить и говорить,—самъ сталъ чай пить, уцопится, бывало, обоими ручонками за блюдцо, не выдерешь никакъ... Ну только и этотъ мальчикъ померъ, году еще не было. Пришла я разъ съ рѣчки домой, а мужнина сестра,—мы съ ней квартеру-то снимали,—и говоритъ:

— Твой Костя нынче цѣльный день кричалъ, закатывался. Я ужъ передъ нимъ и такъ и этакъ, и руками, и въ щелчки, и сладкой воды давала — давится, да и только, и вода черезъ носъ назадъ идетъ. Либо онъ остудился, либо съѣлъ чего, вѣдь они, дѣти-то, все въ ротъ тащутъ, развѣ углядишь?

Я такъ и обомлѣла. Кинулась къ люлькѣ, отмахнула положекъ, а ужъ онъ томиться сталъ: даже и кричать не можетъ.

Сбѣгала сестра за фельшеромъ знакомымъ, пришелъ онъ,— чѣмъ вы, говоритъ, его кормили?

— Ѣлъ, молъ, кашу манную, только и всего.

— А ничѣмъ не игралъ?

— Такъ точно, игралъ,—говоритъ сестра. — Тутъ все колечко мѣдное съ хомута валялось, онъ и игралъ имъ.

— Ну,—говоритъ фельшеръ,—обязательно онъ его проглотилъ. Чтобъ у васъ руки, говоритъ, отсохли! Натворили вы дѣловъ, вѣдъ онъ помретъ у васъ!

Понятно, по его и вышло. Двухъ часовъ не прошло—кончился. Повинтовали мы, повинтовали, да дѣлать нечего,— видно, противъ Бога не пойдешь. Такъ и этого похоронила, остался одинъ Ваня. Остался одинъ, да вѣдь, какъ говорится, и одинъ — господинъ. Невеликъ человѣкъ, а все не меньше взрослаго съѣстъ, сопьетъ. Стала я ходить къ воинскому полковнику Никулину полы мыть. Люди они были съ капиталомъ хорошимъ, квартеру снимали, тридцать рублей помѣсячно платили. Сами въ верхнемъ этажу, внизу кухня. Стряпуха у нихъ была совсѣмъ плохонькая старушонка, безотвѣтная, а распутная. Ну, и забеременѣла, понятно. Полы мыть нагинаться нельзя, чугуна изъ печки не вытащить... Ушла она рожать, а я и захвати ея мѣсто: такъ-то ловко къ хозяевамъ подкатилась! Я вѣдь, правда, смолоду ловкая и хитрая была, за что, бывало, ни возьмусь, сдѣлаю все чисто, аккуратно, любого офиціанта засушу, опять же и угодить умѣла: что̀ ни скажутъ господа, а я все „да-съ“, да „такъ точно“, да „истинная ваша правда“... Встану, бывало, чуть лунно, полы подотру, печку истоплю, самоваръ расчищу,— господа пока проснутся, а ужъ у меня все готово. Ну, и сама я, понятно, была чистоплотная, ладная, изъ себя, хоть и сухая, а красивая. Мнѣ ину пору даже жалко, бывало, себя станетъ: за что, молъ, красота моя и званіе на этакой черной работѣ пропадаютъ?

Думаю себѣ—надо случа̀емъ пользоваться. А случа̀й такой, что самъ полковникъ ужасный здоровый былъ и видѣть меня покойно не могъ, а полковничиха у него была нѣмка, толстая, больная, старе его годовъ на десять. Онъ не хорошъ грузный, коротконогій, на кабана похожъ, а она того хуже. Вижу, сталъ онъ за мной ухаживать, въ кухнѣ у меня сидѣть, курить меня заучать. Какъ жена со двора, онъ и вотъ онъ. Прогонитъ денщика въ городъ, будто по дѣлу, и сидитъ. Надоѣлъ мнѣ до смерти, а, понятно, прикидываюсь: и смѣюсь, и ногой сижу-мотаю,— всячески, значитъ, разжигаю его... Вѣдь что̀ жъ подѣлаешь, бѣдность, а тутъ, какъ гово

рится, хоть шерсти клокъ, и то дай сюда. Разъ какъ-то въ царскій день всходитъ въ кухню во всемъ своемъ мундирѣ, въ эполетахъ, подпоясанъ этимъ своимъ бѣлымъ поясомъ, какъ обручемъ, въ рукахъ перчатки лайковыя, шею надулъ, застегнулъ, альни синій сталъ, весь духами пахнетъ, глаза блестятъ, усы черные, толстые... Всходитъ и говоритъ:

— Я сейчасъ съ барыней въ соборъ иду, обмахни мнѣ сапоги, а то пыль дюже—не успѣлъ по двору пройтить, запылился весь.

Поставилъ ногу въ лаковомъ сапогѣ на скамейку, чистую тумбу какую, я нагнулась, хотѣла обтереть, а онъ схватилъ меня за шею, платокъ даже сдернулъ, потомъ затиснулъ за грудь и ужъ за печку тащитъ. Я туда, сюда, никакъ не выдерусь отъ него, а онъ такъ жаромъ и обдаетъ, такъ кровью и наливается, старается, значитъ, одолѣть меня, поймать за лицо и поцѣловать.

— Что вы, говорю, дѣлаете! Барыня идетъ, уйдите за-ради Христа!

— Если, говоритъ, полюбишь меня, я для тебя ничего не пожалѣю!

— Какъ же, молъ, знаемъ мы эти посулы!

— Съ мѣста не сойтить, умереть мнѣ безъ покаянія!

Ну, понятно, и прочее тому подобное. А, по совѣсти сказать, что я тогда смыслила? Очень просто могла польститься на его слова, да, слава Богу, не вышло его дѣло. Зажалъ онъ меня опять какъ-то не во-время, я вырвалась, вся растрепанная, разозлилась до смерти, а она барыня-то и вотъ она: идетъ сверху, наряженная, вся желтая, толстая, какъ покойница, стонетъ, шуршитъ по лѣстницѣ платьемъ. Я вырвалась, стою безъ платка, а она и вотъ она — прямо къ намъ. Онъ мимо нее, да драло, а я стою, какъ дура, не знаю, что дѣлать. Постояла она, постояла противъ меня, подержала шелковый подолъ, — какъ сейчасъ помню, въ гости нарядилась, въ коричневомъ шелковомъ платьѣ была, въ митенкахъ бѣлыхъ, съ зонтикомъ и въ шляпкѣ маленькой, въ родѣ корзиночка,—постояла, застонала и вышла. Выговаривать, правда, ни ему ни мнѣ ни слова не стала. А какъ уѣхалъ полковникъ въ Кіевъ, она и прогнала меня.

Собрала я свое добришко и вернулась къ сестрѣ (Ваня-то у сестры жилъ). Сошла съ этого мѣста и опять думаю: пропадаетъ задаромъ мой умъ, ничего я не могу себѣ нажить, прилично замужъ выйти и свое собственное дѣло имѣть, обидѣлъ меня Богъ! Запрягусь, думаю, сызнова, обмогнусь какъ-нибудь—и ужъ жива не буду, а добьюсь своего, будетъ

у меня свой капиталъ! Подумала, подумала такъ-то, отдала Ваню въ ученье къ портному, а сама въ горничныя, къ купцу Самохвалову опредѣлилась, да и отдежурила цѣльныхъ семь лѣтъ... Съ того и поднялась.

Жалованья положили мнѣ два съ четвертакомъ. Прислуги двѣ — я, да дѣвушка Вѣра. Одинъ день я за столомъ, она посуду моетъ, другой я посуду мою, она къ столу подаетъ. Семейство не сказать, чтобъ большое: хозяинъ Матвѣй Иванычъ, хозяйка Любовь Иванна, двѣ взрослыхъ дочери, два сына. Самъ хозяинъ человѣкъ былъ серьезный, неразговорчивый, въ будни никогда и дома не бывалъ, а, какъ праздникъ, сидитъ у себя наверху, читаетъ всякія газеты и сигару куритъ, а хозяйка простая, добрая, тоже, какъ я, изъ мѣщанокъ. Дочерей своихъ, Аню и Клашу, они скоро просватали и двѣ свадьбы въ одинъ годъ сыграли,—выдали за военныхъ. Тутъ-то, правду сказать, и начала я копить маленько: ужъ очень много на чай военные давали. Сдѣлаешь просто даже бездѣлицу какую-нибудь—спички когда такъ-то подашь, шинель съ калошами,—глядишь, двадцать копеекъ, тридцать... Да и хаживали мы страсть чисто, нравились военнымъ. Вѣра, та, правда, изъ себя все что-й-то строила, барышню какую-то,—ходитъ мелкими шажками, нѣжна и обидчива до крайности, сейчасъ, чуть что, брови свои пушистыя сдвинетъ, губы, какъ вишни, задрожатъ и ужъ слезы на рѣсницахъ,—хороши, правда, рѣсницы были, большія, я такихъ ни у кого и не видывала! — ну, а я-то поумнѣй была. Я, бывало, надѣну лифъ гладкій съ косякомъ, съ прошивками, рукава короткіе, на голову косу накладную съ чернымъ бантомъ бархатнымъ, бѣлый передникъ подкрахмаленный — такъ на меня даже взглянуть интересно. Вѣра, та все въ корсетъ затягивалась, — затянется мочи нѣтъ какъ туго, и сейчасъ же голова у ней до рвоты разболится,—а я никогда и не знала этого корсета, и такъ ладная была... А сошли военные, стали сыновья хозяйскіе давать.

Старшому-то ужъ годовъ двадцать сровнялось, какъ я на мѣсто заступила, а меньшому четырнадцатый пошелъ. Этотъ мальчикъ былъ сидяка убогій. Всѣ руки, ноги себѣ перломалъ, я и то сколько разовъ видѣла это дѣло. Какъ сломаетъ, приходитъ къ нему сейчасъ докторъ, всякой ватой, марлей забинтуетъ, потомъ зальетъ чѣмъ-то, въ родѣ какъ известка, известка эта самая съ марлей засохнетъ, станетъ какъ лубокъ, а какъ поживетъ, докторъ и разрѣжетъ, все долой сниметъ, — рука-то, глядь, и срослась. Ходить онъ самъ не могъ, а ползилъ на задѣ. Бывало, и по диванамъ, и черезъ

пороги, и по лѣстницамъ—такъ и жжетъ. Даже черезъ весь дворъ въ садъ проползалъ. Голова у него была большая, нескладная, на отцову похожа, виски грубые, рыжіе, какъ шерсть собачья, лицо широкое, старое. Потому какъ ѣлъ онъ страсть сколько: и колбасу, и бомбы шоколадныя, и крендели, и слоенки—чего только его душа захочетъ. А ножки, ручки тонкія, какъ овечьи, всѣ переломаны, въ рубцахъ. Водили его долго безъ ничего, рубахи шили длинныя, разныхъ цвѣтовъ, когда синія, когда розовыя. Грамотѣ учительница изъ духовнаго училища учила, на домъ къ намъ ходила. Здòрово занимался, умная былъ голова! А ужъ какъ на гармоньѣ игралъ—гдѣ тебѣ и хорошему такъ-то сыграть! Играетъ и подпѣваетъ. Голосъ сильный, пронзительный. Бывало, какъ подыметъ, подыметъ: „Я монахъ, красивъ собою!..“ Эту пѣсню часто пѣвалъ.

Старшій сынъ былъ здоровый, а тоже въ родѣ дурачка, ни къ какимъ дѣламъ не способенъ. Отдавали его въ ученье во всякія училища—вездѣ выгоняли, ничему не выучили. Какъ ночь, зальется куда-нибудь — и до самой зари. Матери все-таки боялся и черезъ парадный ни за что, бывало, не пойдетъ. Я вечеромъ отдѣлаюсь и жду,—какъ хозяева заснутъ, прокрадусь по горницамъ, растворю окно въ его кабинетикѣ, а сама опять на свое мѣсто. Онъ сапоги на улицѣ сниметъ, пролѣзетъ въ окно въ однихъ чулкахъ—и ни стуку ни хрупу. На другой день всталъ,—какъ нигдѣ и не былъ, а мнѣ въ невидномъ мѣстѣ и сунетъ, что̀ слѣдуетъ. Мнѣ-то что̀ жъ, какая забота, беру съ великой радостью! Сломитъ себѣ голову—его дѣло... А тутъ и отъ меньшого, отъ Никаноръ Матвѣича, пошелъ доходъ.

Добивалась я тогда своего прямо день и ночь. Какъ забрала себѣ въ голову одно обстоятельство, чтобы безпремѣнно обезпечить себя да за хорошаго человѣка выйти, такъ и укрѣпилась въ этой жизни. Каждую копеечку, бывало, берегу: деньги-то, онѣ съ крылушками, только выпусти изъ рукъ! Сжила Вѣру эту самую—да она, по совѣсти сказать, и безъ надобности была, я такъ и хозяевамъ сказала: я, молъ, и одна справлюсь, вы лучше прибавьте мнѣ какую ни на есть бездѣлицу — осталàсь одна и ворочаю. Жалованье не стала на руки брать: какъ нарастетъ рублей двадцать, двадцать пять, сейчасъ прошу хозяйку въ банкъ съѣздить, на мое имя положить. Платье, башмаки — все хозяйское шло, куда жъ мнѣ тратить? Только и сдѣлала расходу, что на памятничекъ, мужу на могилку, два семь гривенъ заплатила, чтобъ люди не осуждали. А тутъ еще, на счастье мое, на его бѣду, влюбился въ меня, прости Господи, убогій этотъ...

Теперь-то, понятно, часто думается: можетъ, за него-то и наказалъ меня Господь сынкомъ! Иной разъ изъ головы не идетъ,—я вотъ сейчасъ разскажу, что онъ надъ собой сдѣлалъ,—да и то принять въ расчетъ, что ужъ очень обидно было: гляну, бывало, на него, головастаго, и такая-то досада возьметъ! „Чтобъ тебѣ, молъ, подѣялось, въ рубашкѣ ты родился! Вотъ вѣдь и калѣка, а въ какомъ богатствѣ живетъ. А мой и хорошъ, да въ праздникъ того не съѣстъ, не соньетъ, что ты въ будни, похода!“ Стала я замѣчать—похоже, влюбился онъ въ меня: ну, прямо глазъ съ моего лица не сводитъ. Онъ ужъ тогда лѣтъ шестнадцати былъ и шаровары сталъ носить, рубашку подпоясывать, усы красные стали пробиваться. А нехорошій, конопатый, зеленоглазый—избавь Богъ. Лицо широкое, а худищій, какъ кость. Сперва-то онъ, видно, то въ голову себѣ забралъ, что понравиться можетъ,—зачалъ прифранчиваться, подсолнухи покупать и такъ-то лихо, бывало, на гармоньѣ заливается,—заслушаешься. Хорошо, правда, игралъ. Потомъ видитъ, что дѣло его не выходитъ,—притихъ, задумчивый сталъ. Разъ стою на галереѣ, вижу — ползетъ съ новой нѣмецкой гармоньей по двору,—опять подбрился, причесался, рубаху синюю съ косымъ высокимъ воротомъ надѣлъ, въ три пуговицы,—голову запрокинулъ, меня, значитъ, ищетъ. Поглядѣлъ, поглядѣлъ, глаза томные, мутные сдѣлалъ —и-и залился подъ польку:

Пойдемъ, пойдемъ поскорѣе
Съ тобой польку танцовать,
Въ танцахъ я могу смѣлѣе
Про любовь свою сказать...

А я, будто и не замѣтила,—какъ шваркну изъ полоскательницы! Шваркнула, да и сама не рада, очень испугалась: будетъ, молъ, мнѣ теперь на орѣхи! А онъ ползетъ, бьется наверхъ по лѣснищѣ, обтирается одной рукой, другой гармонью тащитъ, глаза опустилъ, весь побѣлѣлъ и говоритъ этакъ скромно, съ дрожью:

— Чтобъ у васъ руки отсохли. Грѣхъ вамъ за это будетъ, Настя.

И только всего... Правда, смирный былъ.

Худѣлъ онъ это время ну прямо не по днямъ, а по часамъ, и ужъ докторъ сказалъ, что не жилецъ онъ на бѣломъ свѣтѣ, обязанъ отъ чахотки помереть. Я гребовала, бывало, и прикоснуться къ нему. Да, видно, гребовать бѣдному человѣку не приходится, деньгами все можно сдѣлать, вотъ онъ и сталъ подкупать меня. Какъ, бывало, позаснутъ всѣ послѣ

обѣда, онъ сейчасъ и зоветъ меня къ себѣ—либо въ садъ, либо въ горницу свою. (Онъ отдѣльно ото всѣхъ, внизу жилъ, горница большая, теплая, а скучная, всѣ окна во дворъ, потолки низкіе, шпалеры старыя, коричневыя).

— Ты, говоритъ, посиди со мною, я тебѣ за это деньжонокъ дамъ. Мнѣ отъ тебя ничего не надо, просто я влюбился въ тебя и хочу посидѣть съ тобой: меня одного стѣны съѣли.

Ну, я возьму деньги и посижу. И набрала такимъ манеромъ съ полсотни. Да жалованья у меня лежало съ процентами сотни четыре. Значитъ, думаю себѣ, пора мнѣ теперь понемножку вылѣзать изъ хомута. А, по-совѣсти сказать, жалко было—хотѣлось еще годокъ-другой перегодить, еще покопить маленько, главная же вещь—проговорился онъ мнѣ, что у него задушевная копилка есть, рублей двѣсти по мелочамъ отъ матери набралъ: понятно, боленъ часто, лежитъ одинъ въ постели, ну, мать и суетъ для забавы. А я нѣтъ-нѣтъ, да и подумаю: прости, Господи, мое согрѣшеніе, лучше бы онъ мнѣ эти деньги отдалъ! Ему все равно безъ надобности, вотъ-вотъ помретъ, а я могу на весь вѣкъ справиться. Выжидаю только, какъ бы поумнѣй дѣло это сдѣлать. Стала, понятно, поласковѣе съ нимъ, стала чаще сидѣть. Войду, бывало, въ его горницу, да еще нарочно оглянусь, будто крадучись вошла, дверь притворю и заговорю шопоткомъ:

— Ну вотъ, молъ, я и отдѣлалась, давайте сидѣть нарочкой.

Значитъ, дѣлаю видъ, въ родѣ какъ будто у насъ свиданіе назначено, а я будто и робѣю, и рада, что отдѣлалась, могу теперь побыть съ нимъ. Потомъ стала скучной, задумчивой прикидываться. А онъ-то добивается:

— Насть, что ты такая грустная сдѣлалась?

— Такъ, молъ,—мало ли у меня горя!

Да еще вздохну, примолкну и на-руку щекой обопрусь.

— Да въ чемъ, говоритъ, дѣло-то?

— Мало ли, молъ, дѣловъ у бѣдныхъ людей, да какая кому печаль объ нихъ? Я даже этимъ разговоромъ и наскучать вамъ не хочу.

Ну, онъ вскорости и догадался. Умный, говорю, былъ, хоть бы здоровому впору. Разъ пришла къ нему,—дѣло, какъ сейчасъ помню, на средокрестной было, погода этакая сумрачная, мокрая, туманъ стоитъ, въ домѣ всѣ спятъ послѣ обѣда,—я вошла къ нему съ работой въ рукахъ,—шила себѣ что-й-то,—сѣла возлѣ постели и только это хотѣла-было вздохнуть, опять скучной прикинуться и зачать его полегоньку на умъ наводить,—онъ и заговори самъ. Лежитъ, какъ сейчасъ вижу, въ рубашкѣ розовой, новой, еще не мытой, въ

шароварахъ синихъ, въ новыхъ сапожкахъ съ лакированными голенищами, ножки крестъ-накрестъ сложилъ и смотритъ искоса. Рукава широкіе, шаровары того шире, а ножки, ручки—какъ спички, голова тяжелая, большая, а самъ маленькій,—даже смотрѣть нехорошо. Глянешь—думается, мальчикъ, а лицо старое, хоть и моложавое будто—отъ бритья-то,—и усы гу̀стые. (Онъ почесть каждый божій день брился, такъ, бывало, и пробиваетъ борода, всѣ руки конопатыя и то всѣ въ волосахъ рыжихъ). Лежитъ, говорю, причесался на бочо̀къ, отвернулся къ стѣнкѣ, шпалеры ковыряетъ и вдругъ говоритъ:

— Насть!

Я даже дрогнула вся.

— Что̀ вы, Никаноръ Матвѣичъ?

А у самой такъ сердце и подкатилось.

— Ты знаешь, гдѣ моя копилка лежитъ?

— Нѣтъ, говорю, я этого, Никаноръ Матвѣичъ, не могу знать. Я плохого противъ васъ никогда въ умѣ не держала.

— Встань, отодвинь нижній ящикъ въ гардеропѣ, возьми старую гармонью, она въ ней лежитъ. Дай мнѣ ее сюда.

— Да зачѣмъ она вамъ?

— Такъ. Хочу деньги посчитать.

Я слазила въ ящикъ, крышку на гармоньѣ открыла, а тамъ въ мѣхахъ слонъ жестяной забитъ, порядочно тяжелый, чувствую. Вынула, подаю. Онъ взялъ, погремѣлъ, положилъ подлѣ,—чистый, ей-Богу, ребенокъ!—и задумался объ чемъ-то. Молчалъ, молчалъ, усмѣхнулся и говоритъ:

— Я, Насть, нынче сонъ одинъ счастливый видѣлъ, даже до-свѣту проснулся отъ него, и очень хорошо мнѣ было весь день до обѣда. Глянь-ка, я даже выбрился и прифрантился для тебя.

— Да вы, молъ, Никаноръ Матвѣичъ, и всегда чисто ходите.

А сама даже не понимаю, что̀ говорю, до того разволновалась.

— Ну, говоритъ, ходить-то мнѣ, видно, ужъ на томъ свѣтѣ придется. Ужъ какой я красавецъ на томъ свѣтѣ буду,—ты даже представить себѣ того не можешь!

Мнѣ даже жалко его стало.

— Надъ этимъ, говорю, грѣхъ смѣяться, Никаноръ Матвѣичъ, и къ чему вы это говорите, я даже понять не могу. Можетъ, говорю, Господь дастъ, поздоровѣете еще. Вы лучше мнѣ скажите, какой такой сонъ вы видѣли?

Онъ было опять обиняками сталъ говорить, сталъ посмѣиваться,—какой я, молъ, житель!—сталъ ни къ селу ни къ

городу про нашу корову толковать,—скажи ты, говоритъ, ради Бога мамашѣ, чтобъ продала она ее, мочи моей нѣту, надоѣла она мнѣ, лежу на кровати и все смотрю черезъ дворъ на сарайчикъ, гдѣ она помѣщается, и она все смотритъ въ рѣшетку на меня обратно,—а самъ все деньгами погромыхиваетъ и въ глаза не смотритъ. А я слушаю и тоже половины не понимаю,—чисто помѣшанные какіе, несемъ, что попало, и съ Дону и съ моря,—наконецъ того не вытерпѣла,—вѣдь вотъ-вотъ, думаю, проснутся всѣ, самоваръ потребуютъ, и пропало тогда все мое дѣло!—и поскорѣе перебиваю его, на хитрости пускаюсь:

— Да нѣтъ, говорю, вы лучше скажите, какой сонъ вы видѣли? *Про насъ что-нибудь?*

Хотѣла, понятно, пріятное ему сказать и такъ-то ловко попала,—онъ даже пополовѣлъ весь и глаза опустилъ. Взялъ вдругъ копилку, вынулъ ключикъ изъ шароваръ, хочетъ отпереть—и никакъ не можетъ, никакъ въ дырку не попадетъ, до того руки трясутся,—наконецъ того отпираетъ, высыпаетъ ее себѣ на животъ,—какъ сейчасъ помню, двѣ серіи и восемь золотыхъ,—сгребъ ихъ въ руку и вдругъ говоритъ шопотомъ:

— Можешь ты меня одинъ разъ поцѣловать?

Такъ у меня руки, ноги и отнялись отъ страху. А онъ-то съ ума сходитъ, шепчетъ, тяпется:

— Настечка, только разъ! Богъ свидѣтель тебѣ,—никогда больше слова не скажу, не попрошу!

Я оглянулась—ну, думаю, была не была!—и поцѣловала его. Такъ онъ даже задохнулся весь,—ухватилъ меня за шею, поймалъ губы и съ минуту, небось, не пускалъ. Потомъ сунулъ всѣ деньги въ руку мнѣ—и къ стѣнкѣ:

— Иди, говоритъ.

Я выскочила и прямо же въ свою горницу. Заперла деньги на замокъ, схватила лимонъ и давай губы тереть. До того терла, аль-ни побѣлѣли всѣ. Очень, правда, боялась, что пристанетъ отъ него ко мнѣ чахотка...

Ну, хорошо,—это дѣло, значитъ, вышло, слава Богу, начинаю другое обдѣлывать, поглавнѣе, изъ-за какого я и билась-то пуще всего. Чую—быть скандалу, боюсь, не будутъ меня съ мѣста пускать, начнетъ, думаю, приставать теперь съ любовью музыкать меня изъ-за этихъ денегъ... Нѣтъ, смотрю, ничего. Лѣзетъ не лѣзетъ, обходится попрежнему, аккуратно, будто ничего и не было промежъ насъ, даже, думается, еще скромнѣе, и въ горницу не зоветъ: держитъ, значитъ, слово. Подвожу тогда хозяевамъ разговоръ,—молъ,

пора мнѣ объ сыну позаботиться маленько, ослобониться на время. Хозяева и слышать не хотятъ. А ужъ про него и говорить нечего. Намекнула ему разъ, такъ онъ прямо побѣлѣлъ весь. Отвернулся къ стѣнкѣ и говоритъ этакъ съ усмѣшечкой:

— Ты, говоритъ, не имѣешь права этого сдѣлать. Ты меня завлекла, пріучила къ себѣ. Ты должна подождать—я помру скоро. А уйдешь—я удавлюсь.

Хорошъ скромникъ оказался? Ахъ, думаю, безсовѣстные твои глаза! Я же изъ-за тебя себя неволила, а ты еще грозить мнѣ! Ну, нѣтъ, не на такую напался! И зачала еще пуще предлогъ искать. Родилась тутъ, кстати, у хозяйки еще дѣвочка, наняли къ ней мамку—я и придерись, что съ ней жить не могу. Злая, правда, оголтѣлая старуха была, сама хозяйка и то ей боялась, да и пьяная къ тому же,—полштофъ подъ кроватью такъ и дежурилъ,—и возлѣ себя прямо терпѣть никого не могла. Стала она на меня наговаривать, смутьянить всячески. То бѣлье не такъ выгладила, то подать ничего не умѣю... А скажешь ей слово, затрясется вся — и жалиться бѣжитъ. Плачетъ навзрыдъ, а больше, понятно, не отъ обиды, а отъ притворства. Дальше, больше, я и говорю хозяевамъ:

— Такъ и такъ, увольте меня, мнѣ отъ этой самой старухи бѣлый свѣтъ не милъ, я на себя руки наложу.

А сама ужъ домъ на Глухой улицѣ приглядѣла. Ну, хозяйка, прослышавши это, и не стала больше меня неволить. Правда, какъ прощалась со мной, страсть какъ звала опять къ себѣ жить, или хоть приходить когда къ празднику, къ именинамъ:

— Обязательно, говоритъ, чтобъ ты приходила всегда все прибрать, приготовить. Я, говоритъ, только при тебѣ и покойна. Я къ тебѣ какъ къ родной привыкла.

Провожаетъ съ хлѣбомъ-солью,—сошло, значитъ, сердце,—большую булку бѣлую спекла, цѣльную солонку сахару наклала. Я благодарю всячески, а, понятно, не дѣтей мнѣ съ ней крестить: думаю одно, говорю другое. Наобѣщала всего съ три сумы, накланялась въ поясъ—и сошла. И сейчасъ же, Господи благослови, за дѣло. Купила домъ этотъ, открыла кабакъ. Торговля пошла ужасная хорошая,—стану вечеромъ выручку считать: тридцать да сорокъ, а то и всѣхъ сорокъ пять въ кассѣ,—я и надумай еще лавочку открыть, чтобъ ужъ, значитъ, одно къ одному шло. Сестра мужнина замужъ давно вышла за сторожа изъ Краснаго Креста, онъ все кумой меня звалъ, дружилъ со мной.—я къ нему: взяла бездѣлицу

ъ долгъ на всякое обзаведенье, на права—и заторговала. А тутъ какъ разъ и Ваня изъ ученья вышелъ. Совѣтуюсь съ умными людьми, куда, молъ, его устроить.

— Да куда, говорятъ, его устраивать, у тебя и дома работы дѣвать некуды.

И то правда. Сажаю Ваню въ лавку, сама въ кабакъ становлюсь. Пошла жожка въ ходъ! И мыслить, понятно, забыла обо всѣхъ этихъ глупостяхъ, хоть, по совѣсти сказать, онъ, убогій-то, даже въ постель слегъ, какъ я уходила. Никому ни одного словечка не сказалъ, а слегъ прямо какъ мертвый, даже гармонью свою забылъ. Вдругъ, здорово живешь,—Полканиха на дворъ, мамка эта самая. (Ее мальчишки Полканихой прозвали). Является и говоритъ:

— Тебѣ, говоритъ, одинъ человѣкъ велѣлъ кланяться, безпремѣнно велѣлъ провѣдать его.

Такъ меня въ жаръ и бросило со зла да стыда! Каковъ, думаю себѣ, голубчикъ! Что въ голову свою забралъ! Подружку какую себѣ нашелъ! Не стерпѣла и говорю:

— Мнѣ его поклоны не надобны, онъ про свое убожество долженъ помнить, а тебѣ, старому чорту, стыдно въ сводни лѣзть. Слышала, ай нѣтъ?

Она и осѣклась. Стоитъ, согнулась, смотритъ на меня исподлобья пухлыми глазами, да только качаномъ своимъ мотаетъ. Либо отъ жары, либо отъ водки ошалѣла.

— Эхъ ты, говоритъ, безчувственная! Онъ, говоритъ, даже плакалъ объ тебѣ. Весь вечеръ вчера лежалъ, къ стѣнкѣ отвернувшись, а самъ плакалъ навзрыдъ.

— Что жъ, говорю, и мнѣ, что ль, залиться въ три ручья? И не стыдно ему было, краснoперому, ревѣть на-людяхъ? Ишь ребеночекъ какой! Ай отъ соски отняли?

Такъ и выпроводила старуху эту безъ ничего и сама не пошла. А онъ мѣсяца черезъ полтора возьми да и взаправду удавись. Тутъ-то я очень, понятно, жалѣла, что не пошла, а тогда не до него было. У самой въ домѣ скандалъ по скандалу пошелъ.

Двѣ горницы въ домѣ я подъ квартеру сдала, одну нашъ постовой городовой снялъ, отличный, серьезный, порядочный человѣкъ, Чайкинъ по фамиліи, въ другую барышня проститутка переѣхала. Свѣтло-русая такая, молоденькая, и съ лица ничего, красивая. Звали Ѳеней. Ѣздилъ къ ней подрядчикъ Холинъ, она у него на содержаньи была, ну, я и пустила, понадѣялась на это. А тутъ, глядь, вышла промежъ нихъ разстройка какая-то, онъ ее и бросилъ. Что тутъ дѣлать? Платить ей нечѣмъ, а прогнать нельзя—восемь рублей задолжала.

— Надо, говорю, барышня, съ вольныхъ добывать, у меня не странноприимный домъ.

— Я, говоритъ, постараюсь.

— Да вотъ, молъ, что-й-то не видно вашего старанья. Вмѣсто того, чтобъ стараться, вы каждый вечеръ дома да дома. На Чайкина, говорю, нечего надѣяться.

— Я постараюсь. Мнѣ даже совѣстно слушать васъ.

— А-ахъ, говорю, скажите пожалуйста, совѣсть какая!

Постараюсь-постараюсь, а старанья, правда, никакого. Стала-было округъ Чайкина увиваться, да онъ и глядѣть на нее не захотѣлъ. Потомъ, вижу, за моего принялась. Гляну, гляну — все онъ возлѣ ней. Затѣялъ вдругъ новый пинжакъ шить.

— Ну, нѣтъ, говорю, перегодишь! Я тебя и такъ одѣваю барчуку хорошему впору: что сапожки, что картузикъ. Сама, молъ, во всемъ себѣ отказывала, каждую копейку орломъ ставила, а тебя снабжала.

— Я, говоритъ, хорошъ собою.

— Да шальной, — что жъ мнѣ на красоту твою домъ, что ль, продать?

Замѣчаю, пошла торговля моя хуже. Недочеты, ущербы пошли. Сяду чай пить — и чай не милъ. Стала слѣдить. Сижу въ кабакѣ, а сама все слушаю,—прислонюсь къ стѣнкѣ, затаюсь и слушаю. Нынче, послышу, гудятъ, завтра гудятъ... Стала выговаривать.

— Да вамъ-то, говоритъ, что за дѣло? Можетъ, я на ней жениться хочу.

— Вотъ тебѣ разъ, матери родной дѣла нѣту! Замыселъ твой, говорю, давно вижу, только не бывать тому во вѣки вѣковъ.

— Она безъ ума меня любитъ, вы не можете ее понимать: она нѣжная, застѣнчивая.

— Любовь хорошая, говорю, отъ поганки ото всякой распутной! Она тебя, дурака, на смѣхъ подымаетъ. У ней, говорю, дурная, всѣ ноги въ ранахъ.

Онъ было и окаменѣлъ: глядитъ себѣ въ переносицу и молчитъ. Ну, думаю, слава тебѣ, Господи, попала по нужному мѣсту. А все-таки до-смерти испугалась: значитъ, видимое дѣло—врѣзался, голубчикъ. Надо, значитъ, думаю, какъ ни могла, поскорѣй ее добивать. Совѣтуюсь съ кумомъ, съ Чайкинымъ. Надоумьте, молъ: что намъ съ ними дѣлать? Да что жъ, говорятъ, понятно, прихватить надо и вышвырнуть ее, вотъ и вся недолга. И такую исторію придумали. Примнулась я, что въ гости иду. Ушла, походила сколько

ибудь по улицамъ, а къ шести часамъ, когда, значитъ, мѣна Чайкину, тихимъ манеромъ — домой. Подбѣгаю, толкъ въ дверь—такъ и есть: заперто. Стучу—молчатъ. Я въ другой, третій—опять никого. А Чайкинъ ужъ за угломъ стоитъ. Сначала я въ окна колотить — альни стекла зудятъ. Вдругъ задвижка—стукъ: Ванька. Бѣлый, какъ мѣлъ. Я его въ плечо со всей силы — и прямо въ горницу. А тамъ ужъ чистый миръ какой; бутылки пивныя пустыя, вино столовое, слабое, сардинки, селедка большая очищена, какъ янтарь розовая,— все изъ лавки. Оенька на стулѣ сидитъ, въ косѣ лента голубая. Увидала меня, привскочила-было—и опять плюхъ на стулъ! Глядитъ во всѣ глаза, а у самой ажъ губы посинѣли отъ страху. (Думала, бить кинусь). А я и говорю этакъ просто, а сама и продохнуть не могу,—то откину шаль, то опять захнусь:

— Что-й-то у васъ, говорю,—ай сговоръ? Ай именинникъ кто? Что жъ не привѣчаете, не угощаете?

Молчатъ.

— Что жъ, говорю, молчите? Что жъ молчишь, сынокъ? Такой-то ты хозяинъ-то, голубчикъ? Вотъ куда, выходитъ, денежки-то мои кровныя летятъ!

Онъ было и шерсть взбудоражилъ:

— Я и самъ въ лѣта взошелъ!

— Та-акъ, говорю, а мнѣ-то какъ же? Мнѣ, значитъ, отъ твоей милости съ сучкой съ этой куриўшку снять? Изъ своего собственнаго дома выходить? Такъ, что ль? Пригрѣла я, значитъ, змѣйку на свою шейку?

Какъ онъ на меня заоретъ!

— Вы не можете ее обижать! Вы сами молоды были, вы должны понимать, что такое любовь!

А Чайкинъ, услыхавши такой крикъ, и вотъ онъ: вскочилъ, ни слова не сказавши, стребъ Ваньку за плечи, да въ чуланъ, да на замокъ. (Человѣкъ ужасный сильный былъ, прямо гайдукъ!) Заперъ и говоритъ Оенькѣ:

— Вы барышней числитесь, а я васъ волчкомъ могу сдѣлать!

(Съ волчьимъ билетомъ, значитъ).

— Хотите вы, говоритъ, этого, ай нѣтъ?.. Поиче же комнату намъ ослобонить, чтобъ и духу твоего здѣсь не пахло!

Она—въ слезы. А я еще поддала:

— Пусть, говорю, денежки мнѣ прежде приготовитъ! А то и ей и сундучишко послѣдній не отдамъ. Денежки готовь, а то на весь городъ ославлю!

Ну, и спровадила въ тотъ же вечеръ. Какъ стояла-то

я ее, страсть какъ убивалась она. Плачетъ, захлебывается, даже волосы съ себя деретъ. Понятно, и ея дѣло не сладко. Куда дѣться? Вся состоянье, вся добыча при себѣ. Ну, однако съѣхала. Ваня тоже попритихъ-было на время. Вышелъ на утро изъ-подъ замка — и ни ту-ту: боится очень и совѣсть изобличаетъ. Принялся за дѣло. Я было и обрадовалась, успокоилась, — да не надолго. Стало опять изъ кассы улетать, стала шлюха эта мальчишку въ лавку подсылать, а онъ-то и печенымъ и варенымъ снаряжетъ ее! То сахару навалитъ, то чаю, то табаку... Платокъ платокъ, мыло — мыло, — что̀ подъ руку попадетъ... Развѣ за нимъ углядишь? И винцо сталъ потягивать, да все злѣй, да злѣй. Наконецъ того, и совсѣмъ лавку забросилъ: дома и не живетъ, почесть, только поѣсть придетъ, а тамъ и опять поминай какъ звали. Каждый вечеръ къ ней отправляется, бутылку подъ поддевку—и маршъ, а она, водка-то, ужъ дорогая стала. Я мечусь какъ угорѣлая—изъ кабака въ лавку, изъ лавки въ кабакъ—и ужъ слово боюсь ему сказать: совсѣмъ босякъ сталъ! Всегда красивый былъ,—весь, правда, въ меня,—лицомъ бѣлый, нѣжный, чистая барышня, глаза ясные, умные, изъ себя статный, широкій, волосы каштановые, вьющіе... А тутъ морда одулась, волосы загустѣли, по воротнику лежатъ, глаза мутные, весь обтрепался, гнуться сталъ—и все молчитъ, въ переносицу себѣ смотритъ.

— Вы меня не тревожьте теперь, говоритъ, я могу каторжныхъ дѣлъ натворить.

А захмелѣетъ, разслюнявится, смѣется ничему, задумывается, на гармоніи „Невозвратное время“ играетъ, и глаза слезами наливаются. Вижу, плохо мое дѣло, надо мнѣ поскорѣй замужъ. Сватаютъ мнѣ тутъ какъ разъ вдовца одного, тоже лавочника, изъ пригорода. Человѣкъ пожилой, а кредитный, состоятельный. Самый разъ, значитъ, то самое, чего и добивалась я. Разузнаю поскорѣе отъ вѣрныхъ людей все до шпенту объ его жизни—бѣды, вижу, никакой: надо рѣшаться, надо поскорѣе знакомство завесть, — изъ другъ другу только въ церкви сваха передъ тѣмъ показала,—надо, значитъ, предлогъ найтить, побывать другъ у друга, въ родѣ какъ смотрины сдѣлать. Приходитъ онъ сперва ко мнѣ, рекомендуется: „Лагутинъ. Николай Иванычъ, лавочникъ“.—„Очень пріятно, молъ“. Вижу, совсѣмъ отличный человѣкъ, — ростомъ, правда, невеличекъ, сѣденькій весь, а пріятный такой, тихій, опрятный, политичный: видно, бережной, никому, говоритъ, гроша за всю жизнь не задолжалъ... Потомъ я къ нему со свахой будто по дѣлу затѣялась. Пришла. Вижу, ременковый погребъ

и лавка со всѣмъ, что̀ къ вину полагается: сало тамъ, ветчина, сардинки, селедки. Домикъ небольшой, а чистая люстра. На окнахъ гардинки, цвѣты, полъ чисто подметенъ, даромъ что̀ холостой живетъ. На дворѣ тоже порядокъ. Три коровы, лошади двѣ. Одна матка, трехъ лѣтъ, пять сотъ, говоритъ, ужъ давали, да не отдалъ. Ну, я прямо залюбовалась на эту лошадь—до чего хороша! А онъ только тихонько посмѣивается, ходитъ, сѣменитъ впереди насъ, пальцами похрустываетъ и все разсказываетъ, какъ прескурантъ какой читаетъ: вотъ тутъ-то то-то, тамъ-то то-то... Значитъ, думаю, мудрить тутъ нечего, надо дѣло кончать...

Понятно, это я теперь-то такъ вкратцѣ разсказываю, а что̀ я въ ту пору прочувствовала — одна моя думка знаетъ! Ногъ подъ собой отъ радости не чую, — молъ, таки добилась своего, нашла свою партію!—а молчу, боюсь, дрожу вся: а ну-ка разстроится вся моя надежда? Да такъ оно едва и не случилось, чуть-чуть не пропали задаромъ всѣ мои хлопоты, а изъ-за чего, даже теперь невозможно покойно сказать: изъ-за убогаго этого, да изъ-за сыночка милаго! Мы такъ дѣло тихо, благородно вели, что ни котъ ни кошка, думалось, не узна̀етъ. Анъ, слышу, ужъ весь пригородъ знаетъ про наши съ Николай Иванычемъ замыслы, дошелъ, понятно, слухъ и до Самохваловыхъ,—небось, сама же Полканиха и шепнула. А онъ, убогій-то, возьми, говорю, да и повѣсься! На̀ вотъ, молъ, тебѣ, — грозилъ, не вѣрила, такъ вотъ же я на зло тебѣ сдѣлаю! Вколотилъ гвоздикъ въ стѣну надъ кроватью, бечевку отъ сахарной головы приладилъ, захлестнулся и сползъ съ кровати. Штука не хитрая, ума большого не надобно! Стою разъ въ сумерки въ лавкѣ, прибираю кой-что— вдругъ кто-й-то грохъ, грохъ въ ставню въ домѣ! Такъ у меня сердце и оборвалось. Выскочила на порогъ—Полканиха.

— Ты что̀?

— Никаноръ Матвѣичъ приказалъ долго жить!

Брякнула, повернулась — и домой. А я сгоряча-то не сообразилась,—меня прямо какъ варомъ обварило со страху,— накинула шаль, да за ней. Она бѣжитъ, подолъ подхватила напереди, спотыкается, гнется — и я бѣгу... Прямо срамъ на весь городъ! Бѣгу и ничего не понимаю. Одно думаю — пропала моя головушка! Шутка ли, что̀ натворилъ, не тѣмъ Богъ помяни! До чего, думаю, совѣсти въ людяхъ нѣту! Подбѣгаю, а тамъ ужъ народу какъ на пожарѣ. Парадный— настежь, кто хочетъ, тотъ и лѣзетъ,—всѣмъ, понятно, любопытно. Я было сдуру-то себѣ туда же. Да спасибо какъ по головѣ меня кто стрѣлъ; оно[illegible] повернула — [illegible].

Тѣмъ, можетъ, и спаслась, а то бы узнала чижа паленаго. Вспомнилъ бы кто-нибудь,—да хоть та же Полкашиха со зла,—вотъ, молъ, ваше благородіе, на кого мы думаемъ, кто всему причиной, извольте ее опросить,—и готова. Поди потомъ, вывертывайся. Человѣкъ-то, бываетъ, ни сномъ ни духомъ, а его за хвостъ да въ мѣшокъ... Не первый случай!

Ну, похоронили его — у меня и отлегло отъ сердца. Готовлюсь къ свадьбѣ, дѣло свое спѣшу прикончить, распродать, что можно, безъ убытку — вдругъ опять бѣда-горе. И такъ съ ногъ сбилась въ хлопотахъ, спеклась вся отъ жары,—жара въ тотъ годъ прямо непереносная стояла, да съ пылью, съ вѣтромъ горячимъ, особливо у насъ, на Глухой улицѣ, на косогорахъ-то этихъ,—вдругъ еще новость — Николай Иванычъ обидѣлся. Присылаетъ сваху эту самую нашу, какая насъ сводила-то, — лютая псовка была, небось, сама же, востроглазая, и настрочила его. Николай-то Иваныча, — передаетъ черезъ нее Николай Иванычъ, что свадьбу онъ до перваго сентября откладаетъ — дѣла будто есть — и объ сыну, объ Ванѣ, наказываетъ: чтобы, значитъ, я объ немъ получше подумала, опредѣлила его куда ни на есть, потому какъ, говоритъ, въ домъ я его къ себѣ ни за какія блага не приму. Хоть онъ, говоритъ, и сынъ твой родной, а онъ насъ въ чистую разоритъ и меня будетъ безпокоить. (И его-то, правда, положеніе. Какъ онъ никогда никакого шуму не зналъ, никакихъ скандаловъ не подымалъ, понятно, боялся волноваться: какъ разволнуется, у него всегда все въ головѣ смѣшается, слова не можетъ сказать). Пускай, говоритъ, она его съ рукъ сбываетъ. А куда мнѣ его опредѣлять, куда сбывать? Малый совсѣмъ отъ рукъ отбился, въ чужихъ людяхъ, думаю, и совсѣмъ голову свернетъ, а сбывать — не миновать. Я и сама-то съ нимъ на нѣтъ сошла съ самыхъ съ этихъ поръ, какъ ознакомился онъ съ Женькой: прямо околдовала, сука! День дрыхнетъ, ночь пьянствуетъ, — ночь за день сходитъ... Что я горя вытерпѣла съ нимъ за это лѣто— сказать невозможно! До того добилъ — стала какъ свѣчка таять, ложки держать не могу, руки трясутся. Какъ стемняетъ, сяду на скамейку передъ домомъ и жду, пока съ улицы вернется, боюсь, ребята слободскіе умолотятъ. Разъ было-убилась до-смерти, побѣжала посмотрѣть въ слободу: слышу шумъ, крикъ, думала, его колятъ, да въ оврагъ и зашуршала...

Ну, получивши такое рѣшенье отъ Николай Иваныча, призываю его къ себѣ: такъ и такъ, молъ, сынокъ, — терпѣла я тебя долго, ну, а ты совсѣмъ ослабъ и заблудился, на всю

округу меня ославилъ. Привыкъ ты нѣжиться и блаженствовать,—наконецъ того совсѣмъ босякъ, пьяница сталъ. Такого дарованія, какъ я, ты не имѣешь, сколько разъ я падала, да опять подымалась, а ты ничего нажить себѣ не можешь. Я вотъ и почету себѣ добилась, и недвижное имущество у меня есть, и ѣмъ, пью не хуже людей, душу свою не морю, а все оттого, что всѣмъ мой хрипъ споконъ вѣку завѣдовалъ. Ну, а ты, какъ былъ мѣталь, такъ, видно, и хочешь остаться. Пора тебѣ съ шеи моей слѣзть...

Сидитъ, молчитъ, клеенку на столѣ ковыряетъ. Только и вызвала, что пообѣдать, а то все спалъ, морда вся затекла.

— Что жъ ты, спрашиваю, молчишь? Ты клеенку-то не дери,—наживи прежде свою,—ты отвѣчай мнѣ.

Опять молчитъ, голову гнетъ и губами дрожитъ.

— Вы, говоритъ, замужъ выходите?

— Это, молъ, выду ли, нѣтъ ли, неизвѣстно, а и выду, такъ за хорошаго человѣка, какой тебя въ домъ не пуститъ. Я, братъ, не Ѳенька твоя, не шлюха какая-нибудь.

Какъ онъ вскочитъ вдругъ съ мѣста, да какъ затрясется весь:

— Да вы, говоритъ, ногтя ея не стоите!

Хорошо, ай нѣтъ? Вскочилъ, заоралъ не своимъ голосомъ, дверью грохнулъ—и былъ таковъ. А я, ужъ на что не плаксива была, такъ слезами и задалась. Плачу день, плачу другой,—какъ подумаю, какія слова онъ могъ мнѣ сказать, такъ и зальюсь. Плачу и одно въ умѣ держу — до-вѣку не прощу ему такой обиды, со двора долой сгоню... А его все нѣту. Слышу—у своей пируетъ, танцы, плясъ, пропиваетъ наворованныя денежки и мнѣ грозитъ: я ее, говоритъ, все равно успокою, выжду, какъ пойдетъ куда-нибудь вечеромъ, камнемъ убью. Присылаетъ, — на смѣхъ мнѣ, понятно, — въ лавку за покупками, беретъ то жамокъ, то селедокъ. Я прямо трясусь отъ обиды, а крѣплюсь, отпускаю. Сижу разъ въ лавкѣ—вдругъ самъ всходитъ. Пьянъ — лица нѣту. Вноситъ селедки,—утромъ дѣвчонка приходила, купила, на его, понятно, деньги, четыре штуки,—и какъ шваркнетъ ихъ на прилавокъ!

— Можете вы, кричитъ, присылать такую скверность покупателямъ? Онѣ вонючія, ихъ собакамъ только ѣсть!

Оретъ, ноздри раздуваетъ—предлогъ ищетъ.

— Ты, говорю, тутъ не буянь и не ори, сама я селедокъ не работаю, а боченками покупаю. Не нравится — не жри, вотъ тебѣ твои деньги.

— А если бы я ихъ съѣлъ да померъ?

— Опять же, говорю, ты, свинья, не можешь тутъ кри-

чать,—какой такой ты мнѣ командиръ? Авось чинъ не великъ имѣешь. Ты честью должень сказать, а не нахрапомъ лѣзть въ чужое помѣщеніе.

А онъ схватилъ вдругъ безменъ съ ларя и этакъ шипомъ:

— Какъ жмакну тебя, говоритъ, сейчасъ по головѣ, такъ ты и протянешься!

И со всѣхъ ногъ вонъ изъ лавки. А я какъ сѣла на полъ, такъ и подняться не могу...

Потомъ слышу—уработали его, наказалъ Господь за мать! Еле живого на извозчикѣ привезли—пьянъ безъ памяти, голова мотается, волосы отъ крови слиплись, всѣ съ пылью перебиты, сапоги, часы сняли, новый пинжакъ весь въ клокахъ — хоть бы гдѣ орѣхъ цѣлаго сукна остался... Я подумала, подумала—принять его приняла и даже за извозчика заплатила, но только въ тотъ же день посылаю Николай Иванычу поклонъ и твердо наказываю сказать, чтобъ онъ больше ничего не безпокоился: съ сыномъ, молъ, я порѣшила. — прогоню его безо всякой жалости прямо же, какъ проснится. Отвѣчаетъ тоже поклономъ и велитъ сказать: очень, говоритъ, умно и разумно, благодарю и сочувствую... А черезъ двѣ недѣли и свадьбу назначилъ. Да...

Ну, да будетъ пока, тутъ и сказкѣ моей конецъ. Больше-то, почесть, и разсказывать нечего. Съ этимъ мужемъ до того я ладно вѣкъ свѣковала,—прямо рѣдкость по нонѣшнему времю. Что я, говорю, прочувствовала, какъ этого рая добивалась,—сказать невозможно! Ну, и наградилъ меня, правда, Господь,—вотъ двадцать первый годъ живу какъ за каменной стѣной за своимъ старичкомъ и ужъ знаю — онъ меня въ обиду не дастъ: онъ вѣдь это съ виду только тихій! А, понятно, нѣтъ-нѣтъ, да и заноетъ сердце. Особливо Великимъ постомъ отчего-й-то. Умерла бы теперь, думается, — хорошо, покойно, по всѣмъ церквамъ акаѳисты читаютъ... Правда, наморилась я на своемъ вѣку—ухъ, и настойчива была Настасья Семеновна! Мнѣ бы, по моему уму, развѣ въ слободѣ идѣть? Меня мужъ и то Скобелевымъ зоветъ... Опять же иной разъ и объ Ванѣ соскучусь. Двадцать лѣтъ ни слуху ни духу объ немъ. Можетъ, и померъ давно, да не знаю о томъ. Мнѣ даже жалко его стало, какъ привезли-то его тогда. Вташили мы его, взвалили на кровать — цѣльный день спалъ мертвымъ сномъ. Взойду, послушаю дыханіе, — живъ ли, молъ... А въ горницѣ—вонь, кислотой какой-то, лежитъ онъ весь ободранный, изгвазданный, храпитъ и захлебывается... Страмъ и жалость смотрѣть, а вѣдь кровь моя родная! Погляжу, погляжу, послушаю и — выйду. И такая-то тоска меня взяла!

Поужинала черезъ силу, прибрала со стола, огонь потушила... Не спится, да и только, — вся дрожу-лежу... А ночь видная, видная. Слышу, проснулся. Все кашляетъ, все выходитъ на дворъ, дверью хлопаетъ.

— Что это ты, спрашиваю, ходишь?

— Животъ, говоритъ, болитъ.

По голосу слышу—тревожится, тоскуетъ.

— Ты, говорю, выпей чернобыльнику съ водкой, вонъ тамъ, въ образничкѣ, бутылка стоитъ.

Полежала еще, можетъ, и задремала немного, чувствую сквозь сонъ—прокрадается кто-й-то по половику. Вскочила—онъ.

— Мамаша, говоритъ, не пугайтесь меня за-ради Христа...

И какъ зальется въ три ручья! Сѣлъ на постель, руки ловитъ, цѣлуетъ, слезами обливаетъ, а самъ даже захлебывается, — такъ плачетъ-рыдаетъ. Я не стерпѣла — и себѣ! Жалко, понятно, а дѣлать нечего—изъ-за него вся моя судьба рѣшается. Да онъ и самъ, вижу, понимаетъ это хорошо.

— Простить я тебя, говорю, могу, а подѣлать, ты самъ видишь, теперь ужъ ничего нельзя. И уходи ты куда-нибудь подалѣ, чтобъ я и не слыхала про тебя!

— Мамаша, говоритъ, за что вы меня, не хуже сидяки этого, Никаноръ Матвѣича, погубили?

Ну, вижу, человѣкъ еще не въ своемъ умѣ, не стала и спорить. Поплакалъ, поплакалъ, поднялся и ушелъ. А на утро глянула я въ горницу, гдѣ онъ спалъ, а его ужъ и слѣдъ простылъ. Ушелъ, значитъ, пораньше отъ страму—и какъ въ воду канулъ. Былъ слухъ, жилъ будто въ Задонскѣ при монастырѣ, потомъ на Царицынъ подался, а тамъ, небось, и голову сломилъ... Да что объ томъ толковать—только сердце свое тревожить! Воду варить—вода будетъ...

А что онъ про Никаноръ Матвѣича сказалъ, такъ я даже глупо это считаю. Авось не великими деньгами покорыстовалась, не изъ кармана вытащила. Онъ самъ свое убожество понималъ, самъ скучалъ часто. Бывало, скажетъ мнѣ:

— И калѣкой меня, Настя, судьба моя сдѣлала, и характеръ у меня сумасходный: то мнѣ весело чего-й-то, какъ передъ бѣдой какой, то такая тоска, особливо лѣтомъ, въ жару, въ пыль эту, — просто руки на себя наложилъ бы! Помру я, похоронятъ меня на Черно-слободскомъ кладбищѣ,— пыльный вѣкъ будетъ эта пыль летѣть на мою могилку черезъ ограду!

— Да что жъ, моть, Никаноръ Матвѣичъ, объ этомъ убиваться? Мы этого чуять не будемъ.

— Да это, говоритъ, что̀ жъ что чуять не будемъ,—бѣда та, что при жизни о томъ думаешь...

А, правда, скука, бывало, у насъ въ домѣ, у Самохваловыхъ-то, какъ всѣ позаснутъ послѣ обѣда, а вѣтеръ несетъ эту пыль! И руки-то онъ наложилъ на себя въ страшную жару, въ самое глухое время. Городъ у насъ, правда, скучный. Я вонъ была недавно въ Тулѣ: какое же сравненіе!

Капри. XI. 1911.

СВЕРЧОКЪ.

Эту небольшую исторію разсказалъ шорникъ Сверчокъ, весь ноябрь работавшій вмѣстѣ съ другимъ шорникомъ, Василіемъ, у помѣщика Ремера.

Ноябрь стоялъ темный и грязный, зима все не налаживалась. Ремеру съ его молодой женой, скупо и дѣльно хозяйствовавшимъ въ дѣдовской усадьбѣ, было скучно, и вотъ они стали ходить по вечерамъ изъ своего забитаго двухъэтажнаго дома, гдѣ только внизу, подъ колоннами, была одна сносная жилая комната, въ старый флигель, въ упраздненную контору съ обвалившейся штукатуркой, гдѣ зимовала птица и помѣщались шорники, работникъ и работница.

Вечеромъ подъ Введеніе несло непроглядной мокрой вьюгой. Въ просторной и низкой конторѣ, когда-то бѣленой мѣломъ, было очень тепло и сыро, густо воняло махоркой, жестяной лампочкой, горѣвшей на верстакѣ, сапожнымъ варомъ, политурой и мятной кислотой кожи, куски и обрѣзки которой, вмѣстѣ съ инструментами, новой и старой сбруей, хомутиной, потниками, дратвой и мѣднымъ наборомъ, навалены были и на верстакѣ, и на затоптанномъ, какъ въ закутѣ, засоренномъ полу. Воняло и птицей изъ темной кухни, куда была отворена дверь, но Сверчокъ и Василій, ночевавшіе въ этой вони и каждый день сидѣвшіе въ ней съ согнутыми спинами не менѣе десяти-одиннадцати часовъ, были, какъ всегда, очень довольны своимъ помѣщеніемъ, особенно же тѣмъ, что Ремеръ не жалѣетъ топки. Съ узенькихъ подоконниковъ за верстакомъ капало, на черныхъ стеклахъ сверкалъ и рѣзко бѣлѣлъ липкій мокрый снѣгъ. Шорники пристально работали, кухарка, небольшая женщина въ полушубкѣ и мужицкихъ тяжелыхъ сапогахъ, назябшаяся за день, отдыхала на продранномъ стулѣ у вымазанной по мѣлу глиной, горя-

чей печки. Она грѣла спину и руки и, немного склонивъ на бокъ голову, закутанную пеньковымъ платкомъ, не сводя остановившихся глазъ съ огня, слушала шумъ вѣтра, потрясавшаго порою весь флигель, постукиванье молотка по хомуту, который дѣлалъ Василій, и старчески-дѣтское дыханіе лысаго Сверчка, возившагося надъ шлеей и въ затруднительныя минуты шевелившаго краснымъ кончикомъ языка.

Лампочка, облитая керосиномъ, стояла на самомъ краю верстака и какъ разъ посрединѣ между работавшими, чтобы видѣе было обоимъ, но Василій то и дѣло подвигалъ ее къ себѣ своей сильной, жилистой, смуглой рукой, засученной по локоть. Сила, увѣренность въ силѣ чувствовались и во всей фигурѣ этого черноволосаго человѣка, похожаго на малайца.— въ каждой выпуклости его мускулистаго тѣла, ясно обозначавшагося подъ тонкой, почти истлѣвшей рубахой, бывшей когда-то красной, и казалось всегда, что Сверчокъ, маленькій и, несмотря на видимую бодрость, весь разбитый, какъ всѣ дворовые люди, побаивается Василія, выросшаго въ городѣ и никогда никого не боявшагося. Казалось это и самому Василію, даже усвоившему себѣ манеру, какъ бы въ шутку, на забаву окружающимъ, покрикивать на Сверчка, охотно помогавшаго этой шуткѣ,—тоже, не то въ серьезъ, не то для забавы, пугавшагося этихъ окриковъ.

Василій, держа между голенищами и колѣнками, прикрытыми замашнымъ засаленнымъ фартукомъ, новый хомутъ, обтягивалъ его толстой, темно-лиловой пахучей кожей, одной рукой крѣпко захватывая ее и туго натаскивая на дерево клещами, а другой вынимая изъ сжатыхъ губъ гвозди съ мѣдными шляпками, втыкая ихъ въ наколы, заранѣе сдѣланные шиломъ, и затѣмъ съ одного маха, ловко и сильно вколачивая молоткомъ. Онъ низко нагнулъ свою большую голову въ черныхъ, влажно-курчавыхъ волосахъ, перехваченныхъ ремешкомъ, и работалъ съ той пріятной и себѣ и окружающимъ, ладной напряженностью, которая дается только хорошо развитой силой, талантомъ. Напряженно работалъ и Сверчокъ, но напряженность эта была иного рода. Онъ прошивалъ концомъ новую, еще нечерненую, розово-тѣлеснаго цвѣта шлею, какъ и Василій, захвативъ ее въ колѣни, въ голенища и фартукъ, и съ трудомъ накалывалъ ее, съ трудомъ,—шевеля языкомъ и приноравливая къ свѣту лысую голову,—попадалъ щетиной въ дырочки, хотя раздергивалъ въ разныя стороны и закрѣплялъ конецъ тоже ловко и сильно, даже съ нѣкоторымъ удальствомъ стараго, наторѣлаго мастера.

Наклоненное къ хомуту лицо Василія, широкое, съ выступающими подъ маслянистой желто-смуглой кожей костями, съ рѣдкими и жесткими черными волосами надъ углами губъ, было строго, нахмурено и значительно. А по наклоненному къ шлеѣ лицу Сверчка видно было только то, что ему темно и трудно. Онъ былъ ровно вдвое старше Василія и чуть не вдвое меньше ростомъ. Сидѣлъ ли онъ, вставалъ ли, разница была не велика,—такъ коротки были его ноги, обутыя въ разбитые, ставшіе отъ старости мягкими, сапоги. Ходилъ онъ,—тоже отъ старости и отъ килы,—неловко, согнувшись, такъ, что отставалъ фартукъ и виденъ былъ глубоко провалившійся животъ, слабо, по-дѣтски подпоясанный. По-дѣтски темны были его черные глазки, похожіе на маслинки, а лицо имѣло слегка лукавый, насмѣшливый видъ: нижняя челюсть у Сверчка выдавалась, а верхняя губа, на которой чернѣли двѣ тонкихъ, всегда мокрыхъ косички, западала. Вмѣсто „баринъ“ говорилъ онъ „баинъ“, вмѣсто „было“ — „быво“ и часто всхлипывалъ, подтирая большой холодной рукой, суставами указательнаго пальца, свой повисшій носикъ, на концѣ котораго все держалась свѣтлая капелька. Пахло отъ него махоркой, кожей и еще чѣмъ-то острымъ, какъ отъ всѣхъ стариковъ, купающихся два-три раза въ годъ.

Сквозь шумъ мятели послышался изъ сѣней топотъ обиваемыхъ отъ снѣга ногъ, хлопанье дверей—и, внося съ собой свѣжій хорошій запахъ, вошли господа, залѣпленные бѣлыми хлопьями, съ мокрыми лицами и блестками на волосахъ и одеждѣ. Большая темно-красная борода и густые, нависшіе надъ серьезными и живыми глазами брови Ремера, глянцевитый каракулевый воротникъ его мохнатаго пальто и каракулевая шапка казались отъ этихъ блестокъ еще великолѣпнѣе, а нѣжное, милое лицо его жены, ея мягкія длинныя рѣсницы, сине-сѣрые глаза и пуховый сѣрый платокъ еще тѣснѣе и милѣе. Кухарка хотѣла уступить ей продранный стулъ, она ласково поблагодарила ее, заставила остаться на своемъ мѣстѣ и сѣла на длинную кухонную скамью въ другой уголъ, осторожно снявъ съ шеи узду со сломанными удилами; потомъ слабо зѣвнула, повела плечами, улыбнулась и тоже засмотрѣлась на огонь широко раскрытыми глазами. Ремеръ закурилъ и сталъ ходить по комнатѣ, не раздѣвшись и не снявъ шапки. Она тоже не раздѣлась, сидѣла, какъ будто чего ожидая, и счастливо думала то о своей беременности, въ которой еще было маленькое сомнѣніе, то о той новой, пріятно-непривычной жизни, которой она уже полгода жила въ деревнѣ, то о далекой Москвѣ, ея улицахъ,

огняхъ, трамваяхъ. Какъ всегда, господа пришли только на минутку,—ужъ очень тяжелый и теплый былъ у шорниковъ воздухъ,—но потомъ, какъ всегда, забылись, потеряли обоняніе, заговорились... И вотъ тутъ-то, неожиданно для всѣхъ, и разсказалъ Сверчокъ о томъ, какъ замерзъ его сынъ.

— Однако ты, братъ, ловокъ,—прошепелявилъ онъ, когда Василій, поздоровавшись съ господами кивкомъ головы, опять придвинулъ къ себѣ лампочку.—Однако ты, бѣатъ, вовокъ. Я, небось, постарше тебя немножко,—сказалъ онъ, всхлипывая и подтирая носъ.

— Что? — притворно-грозно крикнулъ Василій, сдвигая брови.—Ай тумака захотѣлъ? Такъ дождешься! Можетъ, тебѣ еще газовый рожокъ зажечь? Ослѣпъ — такъ въ богадѣльню.

Всѣ улыбнулись,—даже и барыня, которой все-таки немного непріятны были эти шутки, всегда немного жалко Сверчка,—и подумали, что Сверчокъ, какъ всегда, отпуститъ что-нибудь смѣшное. Но на этотъ разъ онъ только головой покрутилъ и, вздохнувъ, разогнулся и остановилъ взглядъ на черныхъ стеклахъ, залѣпленныхъ мокрыми бѣлыми хлопьями. Потомъ, взявъ шило своей большой, въ крупныхъ жилахъ и съ широко разставленными суставами большого и указательнаго пальцевъ рукой, неловко и съ трудомъ воткнулъ его въ розоватую сырую кожу. Кухарка, замѣтивъ, что онъ смотрѣлъ на окна, заговорила о томъ, какъ она боится, что ея мужикъ, поѣхавшій за коноваломъ въ Чичерино, замерзнетъ, собьется съ дороги въ такую куру. Ремеръ, думая о чемъ-то своемъ, сталъ ее успокаивать,—не поѣдетъ онъ, молъ, переночуетъ въ Чичеринѣ, а если и поѣдетъ, такъ не бѣда, кура теплая,—какъ вдругъ Сверчокъ, дѣлая видъ, что очень занятъ шлеей, отклоняясь и оглядывая ее, сказалъ съ грустнымъ добродушіемъ:

— Да, братъ, ослѣпъ... Поневолѣ ослѣпнешь! Ты вотъ доживи-ка до моихъ годовъ, да прочувствуй съ мое! Анъ не доживешь! Я вотъ споконъ вѣку такой, неизвѣстно, въ чемъ душа держится, а все тянулся, жилъ—и еще бы столько же прожилъ, какъ бы было зачѣмъ. Я, братъ, очень даже хотѣлъ жить, пока было антиресно, и жилъ, смерти не подавался. А твою-то силу мы еще не знаемъ. Молода, въ Саксонѣ не была...

Василій посмотрѣлъ на него пристально, какъ посмотрѣли господа и кухарка, удивленные его необычнымъ тономъ,— на минуту, въ молчаніи, особенно явственно сталъ слышенъ шумъ вѣтра вокругъ флигеля,—и серьезно спросилъ:

— Что это ты буровишь такое?

— Я-то?—сказалъ Сверчокъ, поднимая голову.—Нѣтъ, братъ, я не буровлю. Я это про сына вспомнилъ. Слышалъ, небось, какой молодецъ былъ? Пожалуй, еще почище тебя будетъ, да и силой не уступилъ бы, а вотъ не могъ же того выдержать, что̀ я.

— Вѣдь онъ замерзъ, кажется?—спросилъ Ремеръ.

— Замерзъ, я его зналъ,—отвѣтилъ Василій и, не стѣсняясь, какъ говорятъ о ребенкѣ при немъ же самомъ, добавилъ:—Да онъ и не сынъ ему, говорятъ, былъ,—Сверчку-то. Не въ мать, не въ отца, а въ проѣзжаго молодца.

— Это дѣло иная,—такъ же просто сказалъ и Сверчокъ:—это все можетъ быть, а почиталъ онъ меня не меньше отца, дай Богъ, чтобъ твои такъ-то тебя почитали, да и я не докапывался, сынъ онъ мнѣ али нѣтъ, моя кровь аль чужая... авось, она у всѣхъ одинаковая! Сила въ томъ, что онъ, можетъ, дороже десятерыхъ родныхъ мнѣ былъ. Вы вотъ, баринъ, и вы, сударыня,—сказалъ Сверчокъ, поворачивая голову къ господамъ и особенно ласково выговаривая: „сударыня“,—вы вотъ послушайте, какъ было-съ это дѣло, какъ замерзъ-то онъ. Я вѣдь его всю ночь на закоркахъ таскалъ!

— Кура сильная была?—спросила кухарка.

— Никакъ нѣтъ,—сказалъ Сверчокъ.—Туманъ.

— Какъ туманъ?—спросила, внезапно оживляясь, барыня.—Да развѣ въ туманъ можно замерзнуть? И зачѣмъ же вы его таскали?

Сверчокъ кротко улыбнулся.

— Хм!—сказалъ онъ.—Да вы того, сударыня, и вообразить себѣ не можете-съ, до чего онъ, туманъ-то этотъ, можетъ замучить! А таскалъ я его затѣмъ, что ужъ очень жалко было-съ, все думалъ отстоять его отъ этого... отъ смерти-то. Это такъ вышло,—картаво началъ онъ, обращаясь не къ Василію и не къ Ремеру, а только къ одной барынѣ:—это вышло-съ какъ разъ подъ самый Николинъ день...

— А давно?—спросилъ Ремеръ.

— Да лѣтъ пять или шесть тому назадъ,—отвѣтилъ за Сверчка Василій, серьезно слушая и свертывая цыгарку.

Сверчокъ мелькомъ, старчески-строго, глянулъ на него.

— Оставь мнѣ затянуться,—сказалъ онъ и продолжалъ:—работали мы, сударыня, у барина Савича въ Огневкѣ,—онъ, сынъ-то, со мной всегда ходилъ, не отбивался отъ меня, зналъ, что плохому не научу,—ну, работали и работали, а квартиру въ селѣ, въ Маховомъ снимали, жили послѣ смерти матери въ родѣ какъ два дружныхъ товарища. Подходитъ, наконецъ того, Николинъ день. Надо, ду-

маемъ, домой отличаться, немножко въ порядокъ себя привесть, а то, по совѣсти сказать, ужъ очень все на насъ землѣ предалось. Собираемся этакъ на-вечеръ, а того и не видимъ, что такая стыдь да еще съ туманомъ къ вечеру завернула, альни деревни за лужкомъ не видать, ужъ не говоря про то, что очень мѣстность вездѣ глухая. Копаемся, прибираемъ струментъ въ этой самой банѣ, гдѣ мы, значитъ, спасались, никакъ ничего не найдемъ въ темнотѣ. — скупой баринъ-то былъ, огарочка не разживешься, — чувствуемъ, что припоздали маленько — и, вѣрите ли, такая тоска вдругъ взяла меня, что я и говорю: „Дорогой ты мой товарищъ, Максимъ Ильичъ, ай намъ остаться, до утра подождать?..“

— А васъ Ильей зовутъ?—спросила барыня, вдругъ вспомнивъ, что она до сихъ поръ не знаетъ имени Сверчка, и на мгновеніе залилась нѣжнымъ румянцемъ, отчего еще прекраснѣе стали ея сине-сѣрые глаза и длинныя рѣсницы.

— Ильей-съ, — ласково сказалъ Сверчокъ и, всхлипнувъ, подтеръ носъ:—Ильей Капитоновымъ. Но только сынъ-то меня тоже Сверчкомъ звалъ и все, — вотъ не хуже этого Бовы Королевича, Василь Степаныча, — шутилъ, грубіянилъ со мной. Ну, конечно, пошутилъ, закричалъ и тутъ... развѣ молодому о смерти-то думается? „Это еще, молъ, что такое? Поговори у меня!..“ Нахлобучилъ мнѣ шапку по уши, надѣлъ свою, ремешкомъ подтянулся, — красавецъ былъ, сударыня, истинную вамъ правду говорю-съ!—взялъ палочку, сунулъ мнѣ въ руку мѣшочекъ съ нашимъ добришкомъ, съ шильцами нашими — и безъ дальнихъ разговоровъ маршъ на крыльцо. Я за нимъ... Вижу, туманъ страсть какой и ужъ совсѣмъ стемняло, барскій садъ весь сизыми шапками, инеемъ обросъ,—какъ туча какая въ сумеркахъ, въ туманѣ этомъ мерещится,—да дѣлать, значитъ, нечего, не хочу молодого человѣка обижать, молчу. Перешли лужки, поднялись на горку, оглянулись, а оконъ у барина ужъ не видать, все сѣрое, сумрачное сдѣлалось, стоитъ, надвинулось, даже смотрѣть жутко. Отвернулся я отъ вѣтру, — въ одну минуту духъ захватило, такъ и несетъ холодомъ съ этой мглой, туманомъ, въ родѣ какъ дыханіе какое,—чувствую, что ужъ на двухъ шагахъ до самыхъ костей прохватило, а сапоги-то на насъ нагольные, да и поддевочки на шереметьевскій счетъ шиты, и опять говорю: „Ой, вернемся, Максимъ, не форси!“. Онъ было и задумался... Да, извѣстно, дѣло не старое, по себѣ, небось, сударыня, знаете,—какъ свою гордость не показать?— насупился поскорѣе и опять пошелъ. Входимъ въ деревню,—

конечно, потише стало, вездѣ огни по избамъ, хоть и мутные, кучные, а все-таки жилье, — онъ и бубнитъ: „Ну, видишь? Чего дрожалъ? Видишь, на ходу-то куда теплѣй, это только сначала такъ студено показалось, а теперь совсѣмъ тепло... Не отставай, не отставай, а то подгонять зачну“... А ужъ какая тамъ, сударыня, тепло, всѣ водовозки на-четверть снѣемъ обросли, всѣ лозинки къ землѣ пригнуло, крышъ не видать отъ туману и морозу... Конечно, жилье, да отъ этихъ огней туманъ еще больше выдаетъ, и всѣ рѣсницы у меня въ инеѣ, отяжелѣли, какъ у лошади хорошей, а барскихъ коней на томъ боку и званія не осталось... Одно слово— ночь лютая, самая что ни на есть волчиная глухомань.

Василій нахмурился, пустилъ въ обѣ ноздри дымъ и, подавая окурокъ Сверчку, перебилъ его:

— Ну, ты, гвухомань, этакъ до второго пришествія не кончишь. Ты, многоглаголевый Абакумъ, скорѣй разсказывай.

И дѣловито перевернулъ въ колѣняхъ хомутъ, намѣреваясь продолжать работу. Сверчокъ, щепотками, кончиками прокопченыхъ пальцевъ, взявъ у него окурокъ, сильно затянулся и на минуту грустно задумался, какъ бы слушая свое дѣтское дыханіе и шумъ вѣтра за стѣнами. Потомъ несмѣло сказалъ:

— Ну, Богъ съ тобой, хорошо, покороче скажу. Чистая, братъ, восца въ тебѣ сидитъ... Все поскорѣе да кое-какъ... Да я и не тебѣ, я господамъ разсказываю, — вотъ барынѣ, можетъ, антересно послушать, онѣ еще не знаютъ какъ слѣдуетъ нашего мужицкаго дѣла... Я и хотѣлъ сказать, что просто мы заблудились въ двухъ шагахъ. Мы, сударыня, — продолжалъ онъ увѣренѣе, взглянувъ на барыню, уловивъ въ ея глазахъ сочувствіе и вдругъ острѣе почувствовавъ свое давно ставшее привычнымъ горе: — мы дорогу, значитъ, потеряли. Какъ только вышли-съ за деревню, за заворки, по-нашему, да попали въ эту темь, во мгу, въ холодъ, да прошли, можетъ, съ версту, такъ и заблудились. Тутъ большой верхъ, агромадный лугъ, буераки до самаго Махового идутъ, а надъ ними дорога зимняя всегда есть, вотъ мы и потрафляли по ней, все думали, что вѣрно держимся, а замѣсто того влѣво забрали по чьему-то слѣду, къ бибиковскимъ, значитъ, оврагамъ, и слѣдъ этотъ тоже, на бѣду, упустили, а ужъ тамъ и пошли мѣсить по снѣгу, по чѣтру какъ попало. Да это все, сударыня, исторія извѣстная,— кто не блудилъ, всѣ блудили,—а я то хотѣлъ сказать, какую муку-съ я за эту ночь принялъ! Я, правда, до того зробѣлъ, до того испугался, какъ, значитъ, проходили мы, прокружились часа два, али три, да зарьяли, залохнулись, обмерзли,

стали въ пень и видимъ, что въ отдѣлку пропали, до того, говорю, испугался, что у меня ажъ руки, ноги огнемъ заколодо,—всякому, понятно, свой животъ дорогъ, — но только я и въ мысляхъ не держалъ, что̀ дальше-то будетъ, какъ накажетъ меня Господь! Я, понятно, такъ и думалъ, что мнѣ первому конецъ, — много ль во мнѣ духу, сами изволите видѣть,—а какъ увидалъ, что не мнѣ, что я-то еще живъ, стою, а ужъ онъ на снѣгъ сѣлъ, какъ увидалъ это....

Сверчокъ слегка вскрикнулъ на послѣднихъ словахъ, взглянулъ на кухарку, которая уже плакала, и, вдругъ заморгавъ, исказивъ и брови, и губы, и задрожавшую челюсть, сталъ торопливо искать кисетъ. Василій сердито сунулъ ему свой, и онъ, вертя прыгающими большими руками цыгарку и роняя въ табакъ слезы, опять заговорилъ, но уже новымъ, размѣренно-твердымъ и повышеннымъ тономъ:

— Дорогая моя сударыня, у насъ былъ баринъ Ильинъ, лютѣй его во всей губерніи не было, — до нашего, то-есть, брата, до дворовaго,—такъ вотъ онъ замерзъ, подъ городомъ нашли,—лежитъ въ возкѣ, весь снѣгомъ забитъ, и самъ окоченѣлъ ужъ давно, и во рту ледъ, а возлѣ него сидитъ-дрожитъ кобель живой, сетеръ его любимый, подъ шубой подъ енотовой: онъ, значитъ, злодѣй-то такой, шубу свою собственную снялъ съ себя и кобеля накрылъ, а самъ замерзъ, и кучеръ его замерзъ, и вся тройка мерзлая на оглобли навалилась, поколѣла... А вѣдь тутъ не кобель, тутъ — сынъ родной, дорогой мой товарищъ! Да сударыня! Что̀ мнѣ было снять-то съ себя? Поддевку-то эту? Да она была ровесница мнѣ, на немъ была вдвое теплѣй... Да тутъ и шубой не помогъ бы! Тутъ хоть рубаху сними — не спасешь, хоть на весь бѣлый свѣтъ кричи — никого не докричишься! Онъ вскорости еще пуще меня испугался, и вотъ отъ этого отъ самого и пропали-то мы. Какъ только упустили мы этотъ слѣдъ, онъ сразу и заметался. Сперва все покрикивалъ, зубами лязкалъ да отдувался, какъ, значитъ, до животовъ-то прохватило насъ вѣтромъ съ морозомъ, потомъ въ родѣ какъ опалѣлъ. „Стой!— кричу. — Ради Христа, стой, давай сядемъ, одумаемся!..“ Молчитъ. Я его за рукавъ хватаю, опять кричу... Молчитъ, да и только! Либо не понимаетъ ничего, либо не слышитъ. Темь хоть глазъ выколи, ногъ, рукъ ужъ не чуемъ, все лицо инеемъ занесло, сковало, губъ въ родѣ какъ совсѣмъ нѣту — одна челюсть голая—и ничего не поймешь, ничего не видать! Гудитъ вѣтеръ въ уши, несетъ мглу эту, а онъ кружится, мечется — и ничего не слушаетъ меня. Бѣгу, глотаю туманъ, вязну по поясъ... того гляди, думаю, изъ виду его упущу...

другъ—разъ! сорвались куда-й-то, покатились, задохнулись въ нѣгу... чую — въ оврагахъ сидимъ. Помолчали, помолчали, тдышались—вдругъ онъ и говоритъ: „Это что, отецъ? Биби-овскіе овраги? Ну, сиди, сиди, давай отдохнемъ. Вылѣземъ—ѣликомъ назадъ пойдемъ. Теперь я все понимаю. Ты не ойся, не бойся, — я тебя доведу“. А ужъ голосъ-то дикій, е живой. Не говоритъ, а рубитъ... И вотъ тутъ-то я и онялъ, что пропали мы. Вылѣзли, опять пошли, опять ошиблись... мѣсили, мѣсили снѣгъ еще часа два, попали еще альше, въ кустарникъ дубовый бунинскій, да какъ наткнулись на него, да поняли, что мы ужъ верстахъ въ пятнадцати тъ Огневки, въ степи пустой, — тутъ онъ и сѣлъ вдругъ: Сверчокъ, прощай“. — „Стой, какъ прощай? Очнись, Максимъ!..“ Нѣтъ,—сѣлъ и смолкъ...

— Долга нѣсня разсказывать, сударыня! — вдругъ опять зонко сказалъ Сверчокъ, искажая брови. — Тутъ и страхъ есь пропалъ у меня. Какъ сѣлъ онъ, мнѣ такъ въ голову и ударило: а-а, думаю, вонъ что,—помирать мнѣ теперь, видно, ремя нѣтъ! Руки сталъ у него цѣловать, умолять — молъ, одержись хоть немножко еще, не сиди, не давайся сну этому мертному, пойдемъ цѣликомъ, обопрись на меня! Нѣтъ, — алится съ ногъ долой, да и только! А я бы и померъ отъ такой страсти, да ужъ—не могу... не въ состояніи... И когда жъ кончился онъ, смолкъ совсѣмъ, отяжелѣлъ, оледянѣлъ, его, мужчину этакого, на закорки сгребъ, навалилъ, подъ оги подхватилъ — и поперъ цѣликомъ. Нѣтъ, думаю, стой, ѣтъ, шалишь, не отдамъ,—мертваго буду сто ночей таскать! ѣгу, вязну въ снѣгу, а у самого духъ отъ тяжести занимается, волосы дыбомъ отъ страху встаютъ, какъ онъ своей гуденой головой,—картузъ-то ужъ давно свалился,—по плечу рому елозитъ, до уха касается. А все бѣгу да кричу, какъ альной: „нѣтъ, постой, не отдамъ, помирать мнѣ теперь не ремя!“ Думалось такъ, сударыня,—сказалъ Сверчокъ вдругъ лавшимъ голосомъ и заплакалъ, вытирая рукавомъ глаза, ыбирая на рукавѣ мѣстечко менѣе грязное, ближе къ плечу:—думалось такъ... принесу... принесу на село... можетъ, частъ, отогру...

Долго спустя, когда Сверчокъ уже успокоился и, закуривъ овую цыгарку, сталъ пристально смотрѣть красными глазами ъ одну точку передъ собою, когда вытерли слезы и облегчно вздохнули и барыня, и кухарка, которая уже подлась съ мѣста, чтобы нести черезъ весь дворъ, сквозь эту окую снѣжную бурю, ужинъ господамъ, Василій серьезно казалъ:

— А напрасно я тебя окоротилъ. Ты хорошо разсказываешь. Я и не чаялъ такой прыти отъ тебя.

— Вотъ то-то и оно-то,—тоже серьезно и просто отвѣтилъ Сверчокъ.—Тутъ, братъ, всю ночь можно разсказывать, и то не разскажешь.

— А сколько ему было лѣтъ? — спросилъ Ремеръ, искоса поглядывая на жену, тихо улыбавшуюся послѣ слезъ, и тревожно думая о томъ, какъ бы это не повредило ей въ ея положеніи.

— Двадцать пятый-съ, — отвѣтилъ Сверчокъ.

— И больше у васъ не было дѣтей?—робко спросила барыня.

— Нѣтъ-съ, не было...

— А у меня вонъ цѣлыхъ семеро, —нахмуриваясь, сказалъ Василій.—Изба два шага, а ихъ куча. Тоже не велика сласть и дѣти. Намъ, видно, чѣмъ раньше помереть, тѣмъ выгоднѣе.

Сверчокъ подумалъ.

— Ну, это не нашего ума дѣло,—еще проще, серьезнѣй и грустнѣй отвѣтилъ онъ и опять взялся за шило.—Не замерзни онъ, меня, братъ, до ста лѣтъ никакая смерть не взяла бы.

Господа переглянулись и, застегиваясь, поднялись съ мѣстъ. Они уже чувствовали себя какъ-то неловко, лишними. Но еще долго стояли и слушали, какъ отвѣчалъ Сверчокъ на разспросы кухарки о томъ, донесъ ли онъ сына до села, чѣмъ кончилось дѣло. Сверчокъ отвѣчалъ, что донесъ, но только не до Махового, а до желѣзной дороги, и упалъ, споткнувшись на рельсы. Обморозилъ руки, ноги и уже совсѣмъ терялъ сознаніе. Разсвѣло, вила мятель, все бѣлѣло, а онъ сидѣлъ въ степи и смотрѣлъ, какъ заноситъ снѣгъ его мертваго сына, набивается ему въ рѣдкіе усы и въ бѣлыя уши. Подняли ихъ кондуктора товарнаго поѣзда, шедшаго изъ Балашова.

— Дивное дѣло,—сказала кухарка, когда онъ кончилъ:—не пойму я того, какъ ты самъ-то въ такую страсть не замерзъ?

— Не до того было, матушка, — отвѣтилъ Сверчокъ разсѣянно, ища что-то на верстакѣ, въ обрѣзкахъ кожи.

Капри. 28—30 XI 1911.

ВЕСЕЛЫЙ ДВОРЪ.

I.

Мать Егора Минаева, печника изъ Пажени, такъ была суха отъ голода, что сосѣди звали ее не Анисьей, а Ухватомъ. Прозвали и дворъ ея — окрестили въ насмѣшку веселымъ. И она не обижалась. Хорошо понимала она, что не можетъ не раздражать сосѣдей нищета, безхозяйственность ея двора, вѣчный голодъ и даже самое существованіе ея на свѣтѣ.

Егоръ, какъ говорили въ Пажени, весь выдался въ Мирона, покойнаго отца своего: такой же пустоболтъ, сквернословъ и курильщикъ, только подобрѣй характеромъ.

— Сосѣдъ онъ хоть куда,—говорили про него,—и печникъ хорошій, а мужикъ дуракъ, рубаха: ничего нажить не можетъ.

Заработки у Егора всегда были плохи, надѣлъ споконъ вѣку не выходилъ изъ сдачи. Изба его, огромная, нескладная, съ каждымъ годомъ все больше да больше сгнивала, разваливалась безъ призора. Онъ-то, правда, думалъ, что заботится о ней: разъ принесъ откуда-то и налѣпилъ снаружи на ея косой простѣнокъ, на трухлявыя бревна, большую солдатскую мишень — черной краской напечатанное на бѣломъ бумажномъ листѣ туловище, съ ружьемъ на плечо, въ фуражкѣ на бекрень, съ тупо вытаращенными глазами. А вотъ поправить крышу, законопатить пазы, переложить печку, борова почистить — на это у него догалочки не хватило, и зимой въ избѣ волковъ можно было морозить: по всѣмъ угламъ нарастала снѣжная опушка. Давнымъ-давно по чуркѣ растаскали бы все это тырло добрые люди. Да мѣшала Анисья.

Егоръ былъ бѣлесъ, лохматъ, не великъ, но широкъ, съ высокой грудью. Ходилъ Егоръ въ облѣзломъ, голубомъ отъ времени и тяжеломъ отъ пота, гимназическомъ картузѣ, въ

посконной рубахѣ съ обитымъ, скатавшимся воротомъ, въ обвисшихъ, протертыхъ и вытянутыхъ на колѣняхъ портканхъ, въ лаптяхъ, обожженныхъ известкой. Замашки у Егора были престранныя: очень любилъ онъ, напримѣръ, и вкусъ водки, и тотъ моментъ, когда въ головѣ „забруситъ маленько", „замолаживать" станетъ, но не меньше любилъ и сладкое, молочную лапшу, жамки; работая по купцамъ, по господамъ, всегда дружилъ онъ съ барчуками-подростками, сказывалъ имъ похабныя сказки про попа, попадью и батрака, ея любовника, вралъ не судомъ про свою рѣшительность въ обращеніи съ бабами, прикидываясь страшнымъ распутникомъ, сулилъ сводничество и за все за это заставлялъ красть изъ дому сахаръ, папиросы, бѣлый хлѣбъ. Да и всюду много и безъ толку болталъ Егоръ, постоянно сосалъ трубку, до слезъ надрываясь мучительнымъ кашлемъ, и, откашлявшись, блестя запухшими глазами, долго сипѣлъ, носилъ своей всегда поднятой грудью. Кашлялъ онъ отъ табаку,—курить началъ по восьмому году,— а глубоко дышалъ отъ расширенія легкихъ, и когда дышалъ, все раскрывалась, показывалась въ продольную прорѣху ворота бурая полоска загара, рѣзко выдѣлявшаяся на мертвенно-блѣдномъ тѣлѣ. Уродливы были его руки: большой палецъ правой руки похожъ на обмороженную култышку, ноготь этого пальца — на звѣриный коготь; а указательный и средній пальцы—короче безыменнаго и мизинца: въ нихъ было только по одному суставу. Но ловко мялъ онъ этими тугими култышками золу въ хлюпающей трубкѣ, кашлялъ надрывисто, но даже съ наслажденіемъ какъ будто: „а-ахъ, такъ-то его такъ!"—и, откашлявшись, тараща слезящіеся глаза, беззаботно несъ все, что въ голову влѣзетъ. Хрипучій, неряха, заматерѣлый во всяческихъ порокахъ, въ тридцать лѣтъ казался онъ сорокапятилѣтнимъ мужикомъ. Глядя на него, не вѣрилось, что бываютъ матери у такихъ хрипуновъ и сквернослововъ. Не вѣрилось, что Анисья мать его.

Да и нельзя было вѣрить. Онъ бѣлесъ, широкъ, она—суха, узка, темна, какъ мумія; ветхая черно-зеленая панева болтается на тонкихъ и длинныхъ ногахъ. Онъ никогда не разувается, она вѣчно боса. Онъ весь боленъ, она за всю жизнь не была больна ни разу. Онъ пустоболтъ, порой трусливъ, порой, съ кѣмъ можно, смѣлъ, нахаленъ, она молчалива, ровна, покорна. Онъ бродяга, любитъ народъ, бесѣды, выпивки,— сёмъ, пересёмъ, лишь бы день перешелъ. А ея жизнь проходитъ въ вѣчномъ одиночествѣ, въ сидѣньи на лавкѣ, въ непрестанномъ ощущеніи тянущей пустоты въ желудкѣ и не-

престанной грусти, съ которой она уже сроднилась: „Земля забыла меня, грѣшную!“. Единственнымъ оправданіемъ такой забывчивости была, по мнѣнію Анисьи, необходимость стеречь, сохранять для Егора избу: все думала,—авось, ужъ не молоденькій, авось, образумится, женится. Нѣжно и сладко туманили ей голову мечты объ этомъ несбыточномъ счастьѣ. А онъ постоянно твердилъ: „Дo-вѣку не женюсь! Теперь я—вольный казакъ, а женишься—журись о женѣ. Да пропади она пропадомъ!..“ Онъ не признавалъ ни семьи, ни собственности, ни родины.

Наняться куда-нибудь, работать мѣшала Анисьѣ, помимо избы, еще и та бѣда, что очень слаба была она, да и крива вдобавокъ. Много лѣтъ ходилъ по лавкѣ возлѣ нея, по лавкѣ, на которой провела она столько долгихъ дней, старый черно-золотой пѣтухъ: она сидитъ и думаетъ, подпирая тонкой рукой щеку, скрестивъ подъ лавкой длинныя сизыя ноги, задеревянѣвшія отъ холода и грязи, а онъ похаживаетъ, клюетъ мухъ по мутнымъ, собраннымъ изъ кусочковъ стекламъ. Разъ сунулась она къ окошку, — кто-то ѣхалъ по деревнѣ съ колокольчиками, — а пѣтухъ какъ стукнетъ въ лѣвый глазъ ея! Глазъ вытекъ, впалыя вѣки стянуло, осталась одна сѣрая щелочка. Мальчишки долго не давали проходу кривой бабкѣ: „Кривая кандала! Кривая кандала!“. А бабка смиренно переносила и крики ихъ и горе свое. Печалило ее только то, что будутъ бояться этого глаза внуки, если женится Егоръ.

Прежде сѣяла она коноплю на огородѣ, брала замашки, мяла пеньку: все былъ доходишко. Но Егоръ и огородъ сдалъ. Прежде на поденщину принимали ее—къ мелкому помѣщику Панаеву, что̀ въ верстѣ отъ Пажени. Да стали обижаться дѣвки,—„старый чортъ работу отбиваетъ!“, стали наговаривать приказчику, будто все у нея, со̀-слѣпу, изъ рукъ валится, стали тайкомъ всовывать краденыя изъ барскаго сада яблоки въ тотъ платочекъ, въ который, идя на работу, завязывала она свой завтракъ—горбушку черстваго хлѣба. Чтобы ни въ чемъ не отстать отъ нихъ, показать свою бодрость и силу, она бойко подхватывала пѣсни, что̀ пѣли онѣ, возвращаясь по вечерамъ съ гумна или съ поля, притопывала и кихикала, когда приказчикъ, выдавъ квитки, пріохочивалъ дѣвокъ къ поденщинѣ гармоньей, а дѣвки плыли, подскакивали и читали прибаутки, пріказки. Но зашелъ разъ Егоръ на дворъ Панаева, насмѣшливо глянулъ запухшими глазами на топчущіяся ноги матери и сипло крикнулъ для потѣхи: „Щипись, кургузка, семь верстъ до Курска!“. Съ тѣхъ поръ перестала она набиваться на поденщину.

Замужъ вышла Анисья рано,—рано одна на свѣтѣ осталась: давно сгнили на погостѣ села Знаменья ея батюшка съ матушкой, да не только они, а, небось, и дощатые гробы, коленкоровые покровы, лапти и замашныя рубахи ихъ. Любить Анисьѣ въ молодости некого было. Но и не любить не могла она. Съ несознаваемой готовностью отдать кому-нибудь душу выходила она за Мирона, — тоже печника, вольноотпущеннаго дворовaго,—и любила его долго, терпѣливо, затѣмъ, что, скинувъ вскорѣ послѣ свадьбы отъ побоевъ, долго лишена была возможности на дѣтей перенести свою любовь. Запивалъ Миронъ не часто, но во хмелю бывалъ жестокъ и буенъ. Дѣло извѣстное: трезвый ребенка не обидитъ, а напьется— святыхъ вонъ выноси. Бьетъ стекла, буянитъ, гоняется за сыномъ и женой съ дубинкой. „Ну, опять у Минаевыхъ крестный ходъ пошелъ!—говорили сосѣди, радуясь такой забавѣ.—И веселый же дворъ, ей-Богу!“. Разъ укрылась она въ барскомъ домѣ, у Панаевыхъ,—онъ не побоялся вскочить и туда: поймалъ ее въ прихожей, сшибъ съ ногъ и за̀ косу проволокъ по крыльцу, за ворота. Онъ порой раздѣвалъ ее до-нага̀, напяливалъ хомутъ на шею и нещадно дралъ кнутомъ, бѣгая за ней по сѣнцамъ. А когда нехотя просилъ прощенія, протрезвившись, скоро сдавалась она на ласковое слово, только тихо говорила сквозь слезы: „Что̀ жъ, надъ тобой же будутъ люди смѣяться, если калѣкой меня сдѣлаешь!“

Все же, послѣ смерти Мирона, даже такое прошлое стало казаться счастьемъ Анисьѣ. Да, когда-то были и молодость, и семейная жизнь, и хозяйство у нея; былъ мужъ, были дѣти, были радости и горести—все какъ у людей. По застѣнчивости, не хвалилась она прошлымъ, не навязывалась никому съ разговорами о немъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ замерзъ Миронъ на Сороки,—пьяный, ни съ того ни съ сего, увязался за чужимъ обозомъ въ Ливны,—и много ночей провела она безъ сна, сидя въ темной избѣ на коникѣ, вспоминая и думая; но никто не узналъ ея думъ. Всѣхъ дѣтей оплакала она горькими слезами, но оплакала тайкомъ, въ одиночествѣ и рѣдко-рѣдко вспоминала о нихъ на-людяхъ. Пищета, разорившая до тла ея дворъ, часто заставляла ее кланяться сосѣдямъ, просить у нихъ помощи ради сироты-сына, пока малъ онъ былъ; но никогда не насмѣливалась она напоминать людямъ, что въ былое время помогала и она имъ. И вышло такъ, что въ Пажени никому и не вѣрилось, что жила она когда-то по-людски. Чаяла она отдохнуть хоть въ старости, за сыномъ. Мужикъ онъ вышелъ добрый,—на словахъ только безстыжъ и горячъ, не то, что̀ отецъ покойникъ. Руки у

него золотыя, говорила она, еще какъ жили-то бы, не брось онъ дома! Да скучно ему въ Пажени,—привыкъ къ народу, къ городу. Ну, а подавать въ домъ издали,—этого рабочій человѣкъ, извѣстно, не любитъ...

— Рабочій! Хорошъ рабочій!—съ негодованіемъ возражали ей сосѣди.—Ярыга онъ, болѣ ничего.

И Анисья смолкала, не то соглашаясь, не то думая какую-то свою собственную думу. Губы ея были сжаты, лицо смиренно. Голова же, какъ всегда, кружилась отъ голода.

Нынѣшней зимой даже Пажень удивилъ Егоръ: всего могли ждать отъ него, но только не того, что вдругъ броситъ онъ свое дѣло и ни съ того ни съ чего,—вотъ какъ Миронъ за чужимъ обозомъ,—уйдетъ, всѣмъ на посмѣшище, въ золотари въ Москву. Но и въ Москвѣ пробылъ онъ бѐзъ-году недѣлю. Думала порой Анисья, въ самое сердце пораженная вѣстью объ его уходѣ, что, быть-можетъ, ради ея вѣчнаго голода, ради хорошаго заработка, съ затаенною цѣлью поправить свою жизнь ушелъ Егоръ. Но вотъ онъ внезапно вернулся,—оборванный, безъ копейки денегъ; ночевалъ три ночи дома, но и двухъ словъ путныхъ не сказалъ ни съ сосѣдями ни съ матерью,—былъ какой-то, хоть и не скучный, а разсѣянный; даже не сумѣлъ объяснить толкомъ, зачѣмъ шатался въ Москву,—сказалъ только: „Да ай велика бѣда?“—и опять исчезъ. А ей двѣ ночи подъ рядъ снилось, что онъ повѣсился, у нея губы почернѣли отъ горя...

Въ маѣ опять нанялся Егоръ—караулить Ланскòе, лѣсъ помѣщика Гурьева, чтò отъ Пажени верстахъ въ пятнадцати. Ланское нѣсколько лѣтъ тому назадъ вырубили, можно было и не нанимать для него караульщика. Но Гурьевъ подумалъ, подумалъ и взялъ Егора: на него нападаетъ порою хозяйственность. Мужики безъ толку, безъ надобности высѣкаютъ Ланской кустарникъ. „А Егоръ,—подумалъ Гурьевъ,—мужикъ со смѣткой и, кажется, преданъ мнѣ, чтò, конечно, и понятно: вѣдь Миронъ-то былъ гурьевскій дворовый“. Положили однако Егору немного: только отвѣсное, да три рубля въ мѣсяцъ. А что такое для бездомнаго человѣка три рубля? То купи, другое купи... на спички даже не хватаетъ: поминутно, будучи въ селѣ, заходишь то въ ту, то въ эту избу, а зайдя, посидѣвъ, поболтавъ для видимости, открываешь заслонку и попоясъ залѣзаешь въ печку—поискать въ золѣ горячихъ угольковъ... И, нанявшись, Егоръ совсѣмъ пересталъ помогать матери.

Въ Петровки, доѣвъ послѣднюю корку занятаго съ великимъ трудомъ хлѣба, рѣшилась она наконецъ побывать въ

Ланскомъ, повидаться съ сыномъ, провѣдать его, а главное, хоть малость подкрѣпиться. Доѣдала она хлѣбъ съ большой осторожностью—и какъ-то сразу очень ослабѣла. Не въ мѣру стало клонить въ сонъ, рябить въ глазу, звенѣть въ ушахъ; стали пухнуть ноги, стала томить неотвязная мечта: поѣсть чего-нибудь горячаго, съ солью. Боязно было сказать себѣ: пойду. Да надоумили, разговорили, настроили прохожія, съ Каменки. Зашли онѣ напиться — старушка и молодая; удивились на солдатскую мишень на стѣнѣ большой, черной, полураскрытой избы и зашли. Ходили онѣ въ Гурьево, поминать умершаго: въ Каменкѣ попъ боленъ, не служитъ. Старушкѣ умершій былъ сыномъ, молодой—мужемъ. И вотъ всѣ трое разгрустились, разговорились о своей женской долѣ, о мужьяхъ, сыновьяхъ. Молодая,—крупная, съ большимъ блѣднымъ лицомъ и большими сѣрыми глазами на выкатъ, хорошо и нарядно одѣтая—въ новую корсетку изъ коричневой сермяги, со сборками назади, въ красную шерстяную юбку и полсапожки, съ черной бархаткой, украшенной бѣлыми пуговками, на шеѣ,—та все молчала. Старушка, сухонькая, чистенькая, въ мягкихъ чунькахъ, какъ богомолка, устало-оживленная, говорила безъ умолку, а молодая за все время только разъ, просто и не спѣша, вставила свое слово: когда старушка запнулась, запамятовала городъ, куда угнали въ солдаты ея меньшаго сына.

— Три недѣли тому назадъ схоронили, сударушка,—ласково говорила старушка Анисьѣ, немного стыдившейся своей бѣдности и слабости.—Съѣздилъ въ городъ, былъ ужасный веселый, а пріѣхалъ домой, погналъ лошадей въ ночное, двухъ десятинъ до Щедринскаго хутора не догналъ, — мы черезъ Щедрина, черезъ его поле скотину-то гоняемъ, — воротился. Пришла я съ холстами, вижу, лежитъ онъ на печи, полушубкомъ накрылся. Говорю я ему: „Тиша, что-й-то ты лежишь?“—„Умираю, говоритъ, мамашъ, заболѣлъ я. Погналъ вчерась въ ночное, двухъ десятинъ до Щедринскаго рубежа не догналъ—понесло на меня въ родѣ какъ холодомъ, ознобомъ, насилу назадъ доѣхалъ, ноги подламываются...“

Анисья вздохнула, и на глазъ ея навернулась слеза. „Дитя-то хоть криво, а матери родной все мило, — подумала она и вздохнула отъ грустной нѣжности къ сыну.—Пойду, была не была, авось не чужая“... А старушка продолжала, вытирая углы тонкихъ, сморщенныхъ, стянутыхъ въ оборочку губъ худыми твердыми пальчиками:

— Что тутъ, ягодка, дѣлать? Дала я ему двѣ просвирки, одну заздравную, другую за упокой. Съѣшь, говорю, сынокъ,

може, полегчаетъ. На третій день онъ и кличетъ меня: „Мамашъ, добрѣ нынче день хорошъ, поводите меня, а то тутъ, въ избѣ, духъ чижелый“. Повели мы его на гумно, посадили на солому, сами отлучились на минутку — овцу стричь. Немного годя, приходимъ, а онъ сидитъ—и ужъ голову уронилъ, едва дышитъ: раньше лицо красная, какъ сукно, была, а тутъ ужъ ото лба бѣлѣть стала. Приподняли мы его, а онъ ужъ кончился. Не дождался, значитъ, насъ...

И Анисья задумалась. Растроганная бесѣдой, умиленная материнской нѣжностью, материнскими горестями, стала она совѣтоваться съ прохожими, какъ ей быть: итти или нѣтъ? Если ужъ итти, такъ не лучше ли съ умомъ итти: не затѣмъ только, чтобы провѣдать, а чтобы на все лѣто остаться? Вонъ, говорятъ, онъ теперь отвѣсное получаетъ; а вѣдь при отвѣсномъ и она прокормится,—авось не объѣстъ, много ли ей и надо-то... Старушка сказала:

— Да вѣдь какъ сказать?—не угадаешь, какъ лучше, сударушка. Мой-то Тихонъ не примѣръ другимъ. Ужъ такой степенный былъ, одинъ въ свѣтѣ разумный и задумчивый! А послышишь кругомъ,—правда, не тѣ сыновья нонѣ пошли, не чета моему, вѣроломные... Ну, а все-таки я бы пошла. Мой сгадъ—иди.

— Онъ не можетъ не кормить матери, — прибавила молодая.

И Анисья повеселѣла:

— Ну, инъ, пойду,—сказала она нерѣшительно.—Вѣдь онъ только скучливъ у меня, а никто плохого не скажетъ, — не драчунъ, не пьяница. Вотъ только дома не любитъ сидѣть... А мнѣ голодно, да и скука стѣла. Иной разъ думаешь: хоть бы захворалъ, что ли, все бы дома пожилъ... Мужикъ онъ добрый, да, конечно, рабочій человѣкъ, обидчивый. У меня одна душа, у него другая. Придешь, думается, а онъ ну-ка обидится, облаетъ, обусурманитъ... Да все-таки, видно, не миновать мнѣ итить...

Проводивъ прохожихъ, она долго оглядывала пустую избу: нельзя ли продать что? Но все богатство ея состояло въ старой укладкѣ, гдѣ хранился единственный подарокъ Егора,—платокъ, купленный въ монастырской лавкѣ въ Задонскѣ, большой бѣлый коленкоровый платокъ, весь усѣянный черными черепами, сложенными крестъ-накрестъ черными костями и черными надписями: „Святый Боже, святый крѣпкій“... Грѣхъ продавать такую вещь, да и жалко, правду сказать: принесъ Егоръ свой подарокъ съ искреннимъ желаніемъ порадовать мать, выпивши... Ну, да самъ же и вино-

ватъ онъ, Егоръ-то, — думала она, — забылъ мать, до крайности довелъ. А Богъ милостивъ, Онъ видитъ нужду: похоронятъ и безъ платка, съ бѣдной старухи на томъ свѣтѣ не взыщется... И пошла продавать платокъ. Тонетъ въ хлѣбахъ, въ лозинкѣ Нажень. Одна кирпичная изба богача Абакумова далеко видна. Она на фундаментѣ, подъ желѣзной крышей, съ разноцвѣтными мальвами, съ палисадникомъ. Въ воскресенье пошла Анисья къ Абакумову. Абакумовъ зорко оглядѣлъ платокъ своими татарскими глазками, кликнулъ мать, сумрачную, толстую, отекшую старуху, въ ватной кофтѣ и валенкахъ.

— Что жъ проснешь?—медленно выходя изъ избы, исподлобья оглядывая крыльцо и горбясь, непривѣтливо спросила старуха.

Анисья, чувствуя недоброе, стала хвалить платокъ, показывать товаръ лицомъ — накинула его на плечи, прошлась. Абакумовъ, подумавъ, положилъ „два орла“—гривенникъ; потомъ, усмѣхнувшись, прибавилъ еще пятакъ — „за манеру“. Анисья покачала головой и пошла домой, даже не снявъ съ себя платка. А дома, сидя въ этомъ траурномъ нарядѣ на лавкѣ, долго разглядывала его концы своимъ единственнымъ глазомъ, что-то обдумывая. Потомъ облокотилась на столъ, уже ничего не думая, а только слушая звонъ въ ушахъ... Въ пазахъ стола застряло когда-то порядочно пшена. Она наковыряла съ полгорсти, съѣла. Потомъ спрятала платокъ въ укладку, легла спать...

Да, прохожія правду сказали,—думала она,—не миновать итти. Губы ея сохли, голова звенѣла и горѣла, сердце замирало, и порою точно приступы тошноты схватывали горло. Она легла на большія голыя нары возлѣ большой, треснувшей и давнымъ-давно не топленой печки, когда еще не смерклось путемъ, мгновенно заснула — и вдругъ очнулась съ такой ясной головой, въ такой острой, непонятной и зловѣщей тоскѣ, что даже испугалась ея, вскочила съ бьющимся сердцемъ. Охъ, это не итти, а умирать не миновать ей! Она сѣла, глядя въ темноту. На мгновенье съ рѣдкой живостью вспомнилась ей ея прежняя, далекая жизнь... дѣти, Миронъ, хозяйство... какое-то дождливое лѣто, двѣ бѣлыхъ ярки, что купила она на свои, бабьи деньги, а Миронъ пропилъ безо всякой жалости... пѣгая кобыла, шестилѣтній Егорка и холодный золотой вечеръ, въ который онъ водилъ поить на прудъ эту кобылу... Но тутъ снова помутилось въ головѣ, помутилась и непонятная, страшная тоска въ сердцѣ. Надо лечь, надо поскорѣе заснуть, а то не дойдешь; надо выйти

пораньше, да уходя не забыть запереть укладку, закрыть трубу на случай гроз...

Продумавъ всю ночь сквозь сонъ что-то тревожное, неотступное, просучивъ ногами,—жгли ихъ блохи, жиляли мухи,—заснула она крѣпко лишь подъ утро. Проснулась, когда ужъ ободнялось — и болѣзненно обрадовалась дню, тому, что она жива, идетъ въ Ланское, начинаетъ какую-то новую, можетъ-быть, хорошую жизнь... Богъ милостивъ—чувствовать себя на бѣломъ свѣтѣ, среди людей, видѣть утро, любить сына, итти къ нему, это—счастье, сладкое счастье... Пока она вставала, свертывала попонку, служившую подушкой, прятала ее въ укладку, пока оглядывала избу, — не нужно ли еще что спрятать,—эта радость, это умиленіе ослабѣли, но все же хотѣлось, очень хотѣлось итти. Изнутри приперла она дверь въ сѣнцахъ однозубымъ рогачомъ, воткнувъ его въ землю, нашла въ углу палку, исначканную воробьями, перелѣзла черезъ обвалившуюся стѣну... По зеленому выгону, возлѣ пруда, къ которому ковыляли приказчиковы гуси, длинными сѣрыми полосами лежали бѣлившіеся холсты. Машка Бычокъ, коноватая, здоровая дѣвка, наваливъ по свернутому, мокрому, тяжелому холсту на каждый конецъ коромысла, шла навстрѣчу, вся виляясь, мелко перебирая бѣлыми крѣпкими ногами по зелени. Анисья подумала: слава Богу, съ полнымъ навстрѣчу...

Весь май, весь іюнь перепадали дожди. Хлѣба и травы въ нынѣшнемъ году чудесные. Путаясь худыми ступнями и пачевой по межамъ, заросшимъ травой и цвѣтами, мѣряя палкой стежки среди ржей, овсовъ и гречи, радовалась, по привычкѣ, Анисья на урожай, хотя уже давно не было ей никакой пользы отъ урожаевъ. Ободнялось, дулъ вѣтеръ съ юга. Ржи были густы, высоки, зыблились, лоснились, какъ дорогой куній мѣхъ; только кое-гдѣ синѣли васильки въ нихъ. Выметались и тускло серебрились тучные, глянцевитые стеблемъ овсы. Клины цвѣтущей гречи молочно розовѣли. День былъ облачный, вѣтеръ дулъ мягкій, но сильный,—усыплялъ пчелъ, мѣшалъ имъ, путалъ ихъ, сонно жужжащихъ, въ ея кустистой заросли, обдавалъ порою запахомъ грѣтаго меда. И то ли отъ вѣтра, то ли отъ этого запаха томно кружилась голова. Шла Анисья стежками, межами, чтобы сократить путь, но, когда миновала панаевскія лощины и выбралась на противоположную гору, вышла въ чистое поле, откуда далеко видно,—видѣть до станціи, до элеватора на горизонтѣ, — сообразила, что дала крюку.

— Благодать Господь посылаетъ,—подумала она привыч-

ное, устало оглядывая хлѣба.—Ой, не дойду я, двужильная, стала слѣпнуть съ голоду!

Съ самаго выхода изъ-дому чувствовала она, что надо обдумать главное: дома ли Егоръ, застанетъ ли она его? И все отвлекалась, все не могла собраться съ мыслями. Теперь двѣ горлинки, шагахъ въ десяти другъ отъ друга, по одной линіи, мелко и споро бѣжали передъ нею вдоль аспидной дороги и мѣшали думать. Она долго приглядывалась, не могла, пока онѣ не поднялись, понять, что̀ это такое: горлинки совсѣмъ подъ цвѣтъ дороги, только спинки у нихъ съ брусничнымъ отливомъ. Онѣ женственно и граціозно сѣменили, потомъ легко взлетѣли, распустивъ сѣрые хвосты съ бѣлой каемкой, и опять сѣли, опять побѣжали. Еще держалось въ душѣ утреннее умиленіе, но уже опять проходило по ней смертельно-тоскливое предчувствіе чего-то. Анисья махнула на горлинокъ палкой: затрепеталъ легкій свистъ крыльевъ, но не прошло и минуты, какъ опять увидала она горлинокъ, бѣгущихъ быстро и однообразно. Онѣ мучили, утомляли ее, но и трогали своей красотой, беззаботностью, нѣжной привязанностью другъ къ другу. Сколько лѣтъ ея черно-зеленой, клѣтчатой паневѣ, грязной, истлѣвшей на высохшемъ тѣлѣ рубахѣ, темному, въ желтомъ горошкѣ, платку? Старость, худоба, горе такъ не идутъ къ красотѣ горлинокъ, цвѣтовъ, плодородно-зеленой земли, забывшей ее, нищую старуху,—и она болѣзненно чувствовала это. Она опять неловко и робко махнула на горлинокъ. Горлинки взлетѣли—и она постояла, выждала, пока онѣ скрылись...

Она бодрилась, но клонило въ сонъ. Итти по убитому колесами проселку еще легче, чѣмъ по мягкимъ стежкамъ, ступать босыми ногами по теплой землѣ такъ сладко. Но махали, махали по горизонту крыльями мельницы. Взглянешь—исчезнутъ, отвернешься—опять машутъ... А поднимешь глазъ на облачное небо—плыветъ, плыветъ стеклянный червячокъ, плывутъ стеклянныя мушки, и никакъ не поймаешь, не задержишь ихъ на мѣстѣ: только остановишь взглядъ, а червячокъ ужъ соскользнулъ куда-то—и опять плыветъ кверху, скользитъ, поднимаясь, и множатся, множатся мушки... Она замедляла шагъ и переводила духъ: „Ой, не дойду я, двужильная! Потише надо...“ И опять шла, и опять, сама того не замѣчая, начинала спѣшить. Вотъ ужъ подлинно двужильная! Теперь почивать бы, почивать ей въ землѣ, а она... „Какая у тебя цѣль, старуха?“—спросилъ ее на Святой о. Василій. „Какая есть, батюшка“,—отвѣтила она смиренно. А можетъ, онъ это къ тому сказалъ, что зажилась она? А можетъ, онъ оби-

дѣлся, что ничего не дала она ему,—можетъ, и къ причастію не допуститъ? Надо, надо сходить причаститься—какъ вотъ только оправится она малость, такъ и пойдетъ... Долго ль до бѣды, не молоденькая!

Теплый вѣтеръ, дувшій съ юга, въ бокъ, несъ надъ просторомъ сѣро-зеленыхъ равнинъ пѣсни жаворонковъ, ароматъ цвѣточной пыли. Мягко, густо и нѣжно синѣли дальнія деревни, перелѣски. Вонъ въ далекой дали справа, за полями и верхами, видна церковь Знаменья, роднаго и ужъ давно забытаго села. Вонъ налѣво, еще дальше, за ворогольскими лугами—бѣдныя степныя деревушки: Каменка, Сухіе Броды, Рябинки... Небо загромождали огромныя, но легкія и причудливыя, лилово-дымчатыя облака. Они собирались по горизонтамъ въ синеватыя тучки, и туманно-голубыми полосами опускался изъ нихъ дождь. А невидимыя мельницы все махали и махали крыльями даже и въ этихъ полосахъ... Развѣ лечь, подремать? Но нѣтъ, нельзя: послѣ отдыха еще труднѣе итти и работать, она хорошо знаетъ это по долгому опыту. Да вонъ и ѣдетъ кто-то... Показалась впереди тройка. Она стала разглядывать ее и оживилась. Тройка, вся въ мѣдныхъ бляхахъ, въ дорогой наборной сбруѣ, приближалась медленно, сдерживая игривую силу. Гнѣдой коренникъ, высоко задравъ голову, шелъ шагомъ, темно-орѣховыя пристяжныя, изгибая лоснящіяся шеи и почти касаясь раздутыми ноздрями дороги, плыли. Прищуривъ глаза, завалившись въ задокъ тарантаса, лѣнился молодой кучеръ, въ плисовой безрукавкѣ, въ соловой рубахѣ, въ городскомъ картузѣ, въ замшевыхъ рукавицахъ... Какой-то особый видъ у этихъ гладкихъ, барскихъ лошадей, какой-то особый вкусный запахъ у этихъ тарантасовъ: мягкой кожи, лакированныхъ крыльевъ, теплой колесной мази, перемѣшанной съ пылью... А вотъ начинается зелено-оловянное гороховое поле, тоже барское. Отъ тройки Анисья перешла на межу, покосилась на горохъ, проводила глазомъ приподнятый задокъ тарантаса... Да нѣтъ, горохъ еще и не наливался. Кабы налился, наѣлась бы досыта—и не увидалъ бы никто! И, сморщивъ лицо, поглядѣла Анисья на небо, туда, гдѣ чувствовалось за болѣе свѣтлыми и теплыми облаками солнце: должно, ѣдетъ кучеръ къ часовому поѣзду на станцію,—у людей обѣды на дворѣ...

Она забыла о мельницахъ—мельницы стали махать тише. Она шла и шла; межа, вся усыпанная бѣлыми цвѣтами, бѣжала ей подъ ноги, бѣлыя точки цвѣтовъ дрожали. А гдѣ-то разнообразно, весело ругались бабы—перебивали другъ друга звонкіе бабьи голоса. Она ясно слышала каждый изъ нихъ.

даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ слѣдила за ихъ измѣненіями, скороговорками, вскрикиваніями. На вниманія на нихъ не обращала, — дѣло привычное слушать эти несуществующіе голоса!—думала свое, что̀ попало, все еще не будучи въ силахъ собраться подумать о Егорѣ: думала то о мукѣ какой-то, у кого-то когда-то занятой да такъ и не отданной, то о томъ, что вчера у сосѣдки теленокъ сжевалъ весь подолъ рубахи, висѣвшей на плетнѣ, то о гусенятахъ въ желтомъ пуху, то о своей близкой смерти. Эта мысль, столь поразившая ее вчера, и теперь еще была нова и странна, но не пугала—перебивали ее другія мысли. Да, вотъ прудъ въ Пажени мелокъ и грязенъ, а гляди-ка, сколько птицы развела панаевская приказчица! Всѣ берега въ пуху и перьяхъ. Стережетъ птицу Фроська, дочь Аверьки-побирушки... Что̀ бы панять, замѣсто нея, стараго, разумнаго человѣка! И въ Ланское тогда бы не нужно было итти, и дѣвчонку она могла бы взять къ себѣ... Да вотъ поди жъ,— нѣтъ догадочки. Бить некого будетъ, старуху-то постыдилась бы... „Постыдилась бы, постыдилась!“—звонко кричали несуществующія бабы. — „Надо сѣсть“,— отвѣчала имъ Анисья мысленно, и все дожидалась кѣмъ-то назначеннаго для отдыха мѣста. Кѣмъ оно назначено? Богомъ? „Нѣтъ, сыномъ, Егоромъ!“ — крикнулъ кто-то. Она вздрогнула, мотнула головой, прогоняя дремоту...

И по межѣ и во рву подъ межою—всюду пестрѣли цвѣты. Чувствуя, что не добиться ей до назначеннаго мѣста, Анисья сѣла на первое попавшееся. Бабы смолкли. „Хорошо!“—подумала она. И съ задумчиво-грустной улыбкой стала рвать цвѣты: нарвала, набрала въ свою темную грубую руку большой пестрый пукъ, нѣжный, прекрасный, пахучій, ласково и жалостно глядя то на него, то на эту плодородную, только къ ней одной равнодушную землю, на сочный и густой зелено-оловянный горохъ, перепутанный съ алымъ мышинымъ горошкомъ. Бабы молчали, мельницы исчезли. Теперь она плыла, плыла, какъ тотъ стеклянный червячокъ, по воздуху. Вонъ вдали, въ горохѣ, шалашикъ для сторожа, пока еще пустой: залѣзть бы въ него и — спать... Вѣтеръ несъ надъ полями убаюкивающія трели жаворонковъ, убѣгала въ степь сѣро-асфидная дорога, убѣгала вслѣдъ за нею и высокая, зеленая межа. Больше всего росло на межѣ мелкихъ бѣлыхъ цвѣтовъ. Но не мало было и ромашки, золотой куриной слѣпоты, бархатисто-лиловыхъ медвѣжьихъ ушекъ, малиноваго клевера. Прикрывая глазъ, Анисья щипала остинки то изъ медвѣжьихъ ушекъ, то изъ клеверныхъ шапочекъ: тошнило,

пекло губы, а въ остинкахъ были свѣжія капельки горькаго меду. Вдругъ сердце замерло, — холодомъ облила голову, отняла плечи, заныла въ нихъ и по всему тѣлу прошла та жуткая, какъ бы предсмертная, тошная волна, что̀ накатываетъ на человѣка, высоко вознесшагося на качеляхъ, вдругъ сорвавшагося и летящаго внизъ. Волна прошла и отхлынула, но вслѣдъ за нею потемнѣло въ глазу отъ страха: ой, а ну-ка умрешь въ полѣ? Не кстати это будетъ, не ладно и не то, что въ избѣ — куда страшнѣе! Переломивъ слабость, вскочила Анисья съ межи, съ примятаго во влажной травѣ мѣста, и почти побѣжала.

Исчезло все дурманящее. До дрожи въ рукахъ и ногахъ захотѣлось застать сына, что-то сказать ему, перекрестить на прощанье... Да развѣ сбывается когда-нибудь то, чего сильно, жадно хочется? Всѣмъ существомъ ея овладѣла тревога, нетерпѣніе, сразу прибавившее силы, а вмѣстѣ съ нетерпѣніемъ — страхъ, предчувствіе: нѣтъ, ни за что не застанешь! За горохомъ пошли пары. Мужики пахали ихъ. Она слабо крикнула, вѣрно ли, что влѣво поворотъ въ Гурьево, а направо въ Ланское? „Въ Ланское!“ — тоже крикомъ отозвался большой босой старикъ, разстегнувшій подъ своей первобытно-густой бородищей воротъ длинной рубахи, подоплека которой чернѣла отъ пыли и пота. — „А напиться, родный, ничего?“ Онъ, шатаясь, оступаясь въ борозду, подошелъ въ это время съ сохой къ межѣ и, обивая блестящую палицу о подвои, остановился. „Можно“, — сказалъ онъ. Она подняла съ межи кувшинъ, заткнутый шапкой, и припала къ водѣ, косясь на ступни старика. Онъ былъ страшенъ, похожъ на лѣшаго или болотнаго: нечеловѣчески-широкое туловище, огромная голова, зеленовато-желтыя кудлы, такая же борода, фіолетовое конопатое лицо и совсѣмъ зеленые глаза, свирѣпо сверкавшіе изъ-подъ косматыхъ и рѣдкихъ бровей; ступни же его — цвѣта свеклы — напоминали сошники. Но сразу видно — рѣдкой доброты человѣкъ... Она напилась, хотѣла спросить, нѣтъ ли хлѣбушка, — и не смогла, не сумѣла. Да и ѣсть ей не хотѣлось...

Теперь она вспомнила мѣста. Оставалось до Ланского версты двѣ, и она не спускала глаза съ большого дерева, одиноко бѣлѣвшаго стволомъ среди моря выколосившейся пшеницы близъ лѣсной опушки, — со старой березы, живописно круглившѐйся своей вершиной, серебристой отъ вѣтра, на облачно-дымчатомъ небѣ. За пшеницей, за березой показался шелковистый березовый кустарникъ — темно-зеленый. Мѣсто тутъ степное, ровное, кажется очень глухимъ: ничего

не видишь, кромѣ неба и безконечнаго кустарника, когда входишь въ Ланское. Вездѣ буйно заросла земля, а ужъ тутъ прямо непролазная чащà. Трàвы—пò-поясъ; гдѣ кусты—не прокосишь. Пò-поясъ и цвѣты. Отъ цвѣтовъ — бѣлыхъ, синихъ, розовыхъ, желтыхъ—рябитъ въ глазахъ. Цѣлыя поляны залиты ими, такими красивыми, что только въ березовыхъ лѣсахъ растутъ. Собирались тучи, вѣтеръ несъ пѣсни жаворонковъ, но онѣ терялись въ непрестанномъ, бѣгущемъ шелестѣ и шумѣ. Еле намѣчалась среди кустовъ и пней заглохшая дорога. Сладко пахло клубникой, горько — земляникой, березой, полынью. Анисья спѣшила, спотыкаясь, путаясь въ цвѣтахъ и травахъ. Вотъ и караулка. На дорогу глядитъ она бокомъ, внутренней стѣной и дверкой: были сѣнцы, да ихъ отломали. И виситъ на дверкѣ большой рыжій замòкъ... Увидавъ его, Анисья вдругъ сморщила лицо и заголосила.

Но голосить на бѣгу было трудно. Заколотилось сердце, стало жарко, слезы мѣшали видѣть. И она остановилась, всхлипнувъ отъ жалости къ себѣ, вытерла грязнымъ рукавомъ бѣдное, измученное лицо свое... Кругомъ—полынь, лопухи, крапива, въ крапивѣ—нищая избенка безъ крыши. Изъ лопуховъ вылѣзъ кобель, черно-сѣдой, сѣроусый, съ большими, гноящимися глазами, съ обрубленнымъ хвостомъ и обрубленными, въ кровь разъѣденными всякой мошкарой ушами. Онъ насторожилъ, поднялъ эти обрубки и глухо забрехалъ — какимъ-то особымъ, лѣснымъ брехомъ. Она стала и не двигалась съ мѣста, глохла отъ стука собственнаго сердца. Кобель поглядѣлъ на нее—и смолкъ, отвернулся. И долго оба стояли въ нерѣшительности: онъ не зналъ, продолжать ли брехать, она—подходить ли?

— Егорушка!—слабо крикнула она.

Никто не отозвался. Кобель подумалъ и брехнулъ еще разъ. Потомъ опустилъ свои обрубки — и голова его стала круглой, доброй, жалкой. Помахивая толстымъ, короткимъ хвостомъ, онъ подошелъ къ Анисьѣ, понюхалъ паневу, глянулъ въ глазъ. „Э, да и ты стара!—равнодушно сказалъ его взглядъ. — Ну, намъ съ тобой дѣлить нечего... А Егора нѣту“... И, отойдя, кобель разсѣянно поднялъ заднюю ногу на кустъ мелкихъ ярко-желтыхъ цвѣтовъ и, не сдѣлавъ ничего, легъ, раскрылъ, по привычкѣ, пасть и часто задышалъ, мотая головой, отбиваясь отъ липнущей къ уху сѣро-лимонной мухи. И опять стало скучно, тихо и глухо кругомъ. Бѣжалъ по кустамъ шелковистый шумъ и шорохъ, однообразно и хрустально звенѣла въ нихъ овсянка, жалостно цокали и перелетали съ мѣста на мѣсто, съ былинки на былинку сѣ-

ренькія чеканки, точно ища и все не находя чего-то. Въ бѣленѣ, полыни, малиновыхъ татаркахъ, въ непомѣрно разросшихся лопухахъ и высокой, дремучей гущѣ темно-зеленой крапивы торчалъ искривленный, голый верхъ обвалившагося погреба. Караулка была необыкновенно мала и ветха; вмѣсто крыши, росъ по ея потолку высокій блѣдно-серебристый бурьянъ.

Шатаясь, плача, шурша по лопухамъ, Анисья подошла къ дверкѣ, пошарила по притолкѣ,—нѣтъ ли ключа. Не нашла—и догадалась: отогнула дужку замка,—онъ, конечно, былъ не запертъ, — и потянула за скобку, перешагнула высокій порогъ...

Ѣсть — объ этомъ даже думать не хотѣлось. Все плыло, шаталось, смутно и горячо разговаривало. Черезъ силу она осмотрѣлась все-таки—и убѣдилась, что нигдѣ нѣтъ ни единой крохи хлѣба. Потомъ, положивъ пукъ увядшихъ цвѣтовъ на кое-какъ сбитый изъ старой доски и свѣжихъ березовыхъ кольевъ столикъ, косо стоявшій въ углу на ухабистой синей землѣ, сѣла она на лавку возлѣ столика и безъ движенія просидѣла до самаго вечера. Она тупо ждала чего-то—не то сына, не то смерти, — сонно глядѣла на гнилыя стѣны, на полуразвалившуюся печку. Слабый свѣтъ проникалъ въ окошечко надъ столикомъ. Дальше, гдѣ было другое, безъ рамы, заткнутое полушубкомъ, клоками грязной овчины, сгущался сумракъ. Въ сумракѣ прыгали по землѣ маленькія лягушки.

— Либо мнѣ мерещится? — подумала Анисья — и приглядѣлась: нѣтъ, не мерещится, самыя настоящія лягушки...

Весь потолокъ прорасталъ грибками — часто висѣли они, тонкіе стеблемъ, какъ ниточки, внизъ бархатистыми шляпками,—черными, траурными, коралловыми, — легкими, какъ тряпочки, обращавшимися въ слизь при малѣйшемъ прикосновеніи. Развѣ этой слизи поѣсть? Нѣтъ, помрешь—и растащутъ тогда сосѣдушки избу въ Пажени по бревнышку... А больше ѣсть нечего. Махоточка стояла на подоконникѣ, прикрытая дощечкой. Она подняла ее: въ махоточкѣ загудѣла большая страшная муха, — изъ тѣхъ, что любятъ мертвыхъ; поднесла дощечку къ глазу, стала разглядывать: такъ и есть, образокъ. Грѣховодникъ Егоръ, за то-то и не даетъ ему Богъ счастья! Она перекрестилась, съ трудомъ поднявъ руку, поцѣловала дощечку и положила ее на столикъ; подумала, вспомнила, что умираетъ,—и еще разъ перекрестилась, заставляя себя выразить во вздохѣ и особенно медленныхъ, истовыхъ движеніяхъ руки всю покорность свою Богу, все свое благо-

говѣніе передъ славой и силой Его, всѣ надежды свои на Его милосердіе... На загнеткѣ раскрытой печки, на кучѣ золы лежала сковородка съ присохшими къ ней корочками яичницы: видно, Егоръ изъ птичьихъ яицъ дѣлалъ, — скорлупа-то возлѣ сковородки валялась пестрая. Анисья подумала: чѣмъ спасается, батюшка, въ родѣ хорька живетъ! Все сильнѣе клонило въ сонъ, въ бредъ, бѣжала подъ ноги дорога вмѣстѣ съ тройками и горлинками... Анисья откидывала назадъ голову — и на минуту приходила въ себя, прогоняла видѣнія и ту тревожную зыбкость, въ которую все глубже погружалась она. Вѣтеръ сонно и глухо шуршалъ вокругъ стѣнъ, въ крапивѣ, проносился по бурьяну на потолкѣ. Въ окошечко видѣлись сонно качающіяся верхушки кустовъ — блѣдныя на мѣловато-свинцовомъ фонѣ тучъ. Темнѣло, наступалъ вечеръ...

Она понимала, что заходитъ дождь, шумитъ вѣтеръ, доноситъ однообразно повышающійся и понижающійся звонъ кустовой овсянки: ти-ти-ти-ти-ти-и... Гдѣ-то томно кричали молодые грачи: тоже къ дождю, къ вечеру... Но, все понимая, она спала, спала—и умирала, и воображеніе ея, чуждое ей, неудержимо работало. Ахъ, да вѣдь Егоръ идетъ на ярмарку, — надо догнать его! И она видѣла ярмарку. Тамъ гомонъ, говоръ, скрипъ телѣгъ, ржаніе лошадей, народъ валитъ валомъ — и все пьяный, страшный; бьетъ, гремитъ оркестріонъ на каруселяхъ, кругомъ летятъ на деревянныхъ коняхъ дѣвки въ красныхъ баскахъ и ребята въ канареечныхъ рубахахъ — и отъ этого тошнитъ, тошнитъ, мутитъ... Жарко, тяжко, а Миронъ, молодой, веселый, со сдвинутой на затылокъ смушковой шапкой, продирается къ ней черезъ толпу, несетъ цѣлый узелъ гостинцевъ—рожковъ, сусликовъ, жамокъ—и не даетъ допить бутылку квасу, только-что откупоренную квасникомъ, старикомъ, пахавшимъ паръ; Миронъ кричитъ: „запрягай скорѣй, надо Егорку догнать!..“ Вотъ какой ты, Миронъ, говоритъ она ему, никогда-то не жалѣлъ ты меня въ молодости, а теперь вотъ и смерть пришла... въ полѣ вѣтеръ, тучки, дождь мелкій, дѣвки картошки копаютъ, — нѣтъ, Миронушка, видно, надо лечь поскорѣй... Какъ лунатикъ, шатаясь, шепча, поднялась Анисья съ лавки, не чувствуя своихъ распухшихъ ногъ, вытянула изъ окошка полушубокъ, свернула, кинула на лавку, въ изголовье... Въ тазу пило и дрожало, сердце такъ замирало, что, казалось, поминутно вынесетъ она въ воздухъ, что нѣтъ у нея ногъ, есть только туловище, какъ у того страшнаго солдата, что черпаетъ на избѣ въ Пажени. Поспѣшно, стараясь не упасть,

легла она и закрыла глазъ. Лавка полетѣла въ пропасть, но картины, осаждавшія воображеніе, стали путаться, меркнуть...

Она спала, умирая во снѣ. Лицо ея, лицо муміи, было спокойно, безстрастно. Прошелъ дождь, вечернее небо очистилось, въ лѣсу, въ поляхъ все смолкло. Вечерній мотылекъ трепетно-беззвучно поплылъ въ воздухѣ. Стали видны въ сумракѣ по землѣ только бѣлые цвѣты. Сзади караулки мелкимъ красивымъ узоромъ чернѣ зеленѣли верхи кустарника по опушкѣ—на оранжево-алой мути, переходившей выше въ прозрачно-лимонную, легкую пустоту. Противъ караулки, на безцвѣтномъ, непельномъ небѣ стояла полная, ясная, но не яркая луна, еще не дававшая свѣта. И глядѣла она прямо въ окошечко, возлѣ котораго лежалъ не то мертвый, не то еще живой первобытный человѣкъ. Въ другое, безъ стекла, безъ рамы, дулъ теплый вѣтеръ...

II.

Егоръ въ дѣтствѣ и отрочествѣ былъ то лѣнивъ, то живъ, то разсѣянъ, то внимателенъ, то смѣшливъ, то скученъ — и всегда очень лживъ, безъ всякой надобности. Разъ онъ нарочно объѣлся бѣлены — насилу молокомъ отпоили. Потомъ взялъ манеру болтать, что удавится. „Надобно удавиться“,— говорилъ онъ порою сверстникамъ такимъ небрежно-дѣловымъ тономъ, точно рѣчь шла о томъ, что пора ему постричься. Было въ этомъ тонѣ хвастовство, и такъ не похожъ былъ Егорка на самоубійцу, что никто и не думалъ вѣрить ему, да и самъ онъ даже не представлялъ себѣ, какъ это давятся люди. Разъ старикъ-печникъ Макаръ, злой, серьезный пьяница, услыхавъ брехню Егорки о смерти, поглядѣлъ на него и вымолвилъ:

— А вотъ, ежели ты, дьяволенокъ, не отвѣтишь мнѣ сейчасъ подробно, почему такое забралъ ты себѣ эту штуку въ голову, я тебя на мѣстѣ пришибу!

И Егорка вдругъ всполохнулъ, живо почувствовалъ, что вѣдь это, и правда, не шутка, смерть-то, что, и правда, нужно понять и отвѣтить, почему залетѣла ему въ голову мысль о ней. И, подумавъ, смущенно и неумѣло попытался высказаться:

— Да ай я знаю, почему... Живешь, живешь... А иной разъ дѣлться не знаешь куда... Весь въ родѣ какъ раздребезженный какой...

Макаръ далъ ему подзатыльникъ, и Егорка кинулся, какъ ни въ чемъ не бывало, мѣсить ногами глину. Но черезъ нѣкоторое время сталъ болтать о томъ, что удавится, еще хва-

стливѣе. Ничуть не вѣря тому, что онъ давится, онъ однажды таки-выполнилъ свое намѣреніе: работали они въ пустомъ барскомъ домѣ, и вотъ, оставшись одинъ въ гулкомъ большомъ залѣ съ залитыми известкой поломъ и зеркалами, воровски оглянулся онъ, въ одну минуту захлестнулъ ремень на отдушникѣ—и, закричавъ отъ страха, повѣсился. Вынули его изъ петли безъ чувствъ, привели въ себя и такъ отмотали голову, что онъ ревѣлъ, захлебывался, какъ двухлѣтній. И съ тѣхъ поръ надолго забылъ и думать о петлѣ.

Онъ росъ, входилъ въ силу, становился мужикомъ, хворалъ, пьянствовалъ, работалъ, болталъ, шатался по уѣзду, только изрѣдка вспоминая о заброшенномъ дворѣ и о матери, которую почему-то называлъ своей обузой; жизнь, какъ ни безтолково моталъ онъ ее, очень нравилась ему, и если находили на него минуты усталости, разбитости и той душевной мути, когда онъ говорилъ: „бѣлый свѣтъ не милъ мнѣ!“—то ему и въ голову не приходило, что есть тутъ связь съ его мальчишеской болтовней о самоубійствѣ. И такъ онъ дожилъ до тридцати лѣтъ, до той зимы, когда ни того ни съ сего ушелъ онъ въ Москву, связавшись нечаянно съ отправлявшимися туда золотарями.

Изъ Москвы возвращался онъ пьяный и возбужденный. Чувствуя всю нелѣпость своей поѣздки и какъ бы приготовляясь къ тому отпору, который онъ дастъ всякому, кто будетъ называть его золотаремъ, онъ до копейки пропился въ дорогѣ, вылѣзая на каждой станціи и нахально проталкиваясь въ толпѣ къ буфету. И вотъ тутъ-то, сидя въ мотающемся, мутномъ отъ дыма вагонѣ, онъ, чуть ли не впервые послѣ исторіи въ пустомъ барскомъ домѣ, сталъ опять болтать то, что̀ болталъ когда-то, сталъ доказывать сосѣдямъ по лавкѣ, мужикамъ-пильщикамъ, что онъ долженъ удавиться. И опять никто не далъ вѣры его словамъ, и опять, проспавшись, забылъ онъ о своей болтовнѣ.

Дома, въ родныхъ мѣстахъ, послѣ Москвы, послѣ той непривычной жизни, которой жилъ онъ тамъ, послѣ пьянства и возбужденія въ дорогѣ, все показалось ему такъ будничнo, что у него даже пропала охота отбрехиваться отъ насмѣшливыхъ разспросовъ, зачѣмъ это путешествовалъ онъ въ Москву. Переночевавъ двѣ ночи въ Гурьевѣ у пріятеля-кузнеца, онъ пошелъ въ Пажень. Видъ своего разрушающагося двора, видъ сильно измѣнившейся, высохшей и странно-тихой, слегка шальной матери не произвелъ на него никакого впечатлѣнія. Объ одномъ онъ пожалѣлъ—о томъ, что задаромъ трепалъ лапти. И, нехотя проживъ дома трое сутокъ, опять пошелъ

онъ въ Гурьево, прямо на барскій дворъ—проситься въ караульщики въ Ланское. Былъ солнечный мартовскій день, дорога сперва таяла, потомъ,—когда солнце склонилось на безоблачномъ небѣ къ закату и золотой слюдой заблестѣли подъ нимъ снѣжныя поля, а къ юго-востоку позеленѣла легкая и прозрачная даль,—стала дорога подмерзать, пріятно хрустѣть подъ лаптями, и пріятно, покойно, въ ладъ съ этимъ долгимъ, яснымъ и покойнымъ днемъ, чувствовалъ себя и Егоръ. Онъ поднялся на изрѣзанную ледяными колеями блестящую гору въ селѣ, вошелъ на барскій дворъ. Солнце мирно, уже по-весеннему, догорало противъ него, за рѣкою; по-весеннему возились и трещали воробьи въ золотисто-зелено-сѣрыхъ прутьяхъ, въ кустахъ сирени возлѣ барскаго дома, четко рисовавшагося бѣлизной стѣнъ и бурой желѣзной крышей на зеленоватомъ небѣ. На крыльцѣ стояла горничная въ новомъ ситцевомъ платьѣ и вытряхивала на обледянѣвшій, нечистый бугоръ снѣга самоваръ. Господъ дома нѣту, сказала она, въ городъ уѣхали; не то пріѣдутъ нынче къ вечеру, не то нѣтъ... И Егоръ какъ-то сразу увялъ, почувствовалъ тоску: постоялъ среди розовѣющаго двора въ нерѣшительности — куда было итти, не къ кузнецу же опять! — и побрелъ въ людскую. Въ людской было синевато, солнца не было, крѣпко пахло кислыми щами; на лавкѣ возлѣ стола сидѣлъ работникъ Герасимъ, черный грубый мужикъ, прикрѣплялъ кнутъ къ кнутовищу и бранился съ своей женой, Марьей, примостившейся на нарахъ возлѣ печки, съ ребенкомъ на рукахъ. Егоръ вошелъ, тряхнулъ головой и сѣлъ. На поклонъ ему отвѣтили, но браниться не бросили. Ребенокъ далъ ручонками кофту матери, ища грудь; Марья, маленькая, смуглая, не спуская блестящихъ глазъ съ мужа и не замѣчая попытокъ ребенка, говорила, и Егоръ скоро понялъ, что брань началась изъ-за бритвы, принадлежащей брату Марьи, изъ-за того, что Герасимъ кому-то далъ эту бритву.

— Свою прежде наживи,—говорила Марья, блестя злыми глазами.—Тогда и давай, когда наживешь. Побирушка, чортъ!

— Я съ тобой никакихъ дѣловъ имѣть не хочу и разговаривать не стану,—твердо и размѣренно отвѣчалъ Герасимъ, раздувая ноздри.—Скандалу не смѣи затѣвать: у людей праздникъ завтра.

— Ротъ ты мнѣ не смѣешь зажимать,—говорила Марья со смѣлостью человѣка, сознающаго свою правоту.

— Молчи лучше,—отвѣчалъ Герасимъ, стараясь удержаться на твердомъ тонѣ.—Небось, я чуточку поумнѣй тебя.

— Не форси, авось тебя не боятся!

— Погоди, дѣвка, побоишься! Авось заступниковъ-то немного!

Что жъ, поплачу да спрячу. Пѣшаго сокола и галки дерутъ. Не новость...

Егоръ, привыкшій шататься по чужимъ избамъ и жить чужими жизнями, любившій скандалы, любившій слушать брань, сначала заинтересовался и этой бранью. Но вдругъ и отъ брани стало нудно ему... Чувствовалась въ ней злоба, желаніе не поддаться другъ другу, но чувствовалось и то, что даже въ злобѣ ничего путнаго, сильнаго не могутъ сказать другъ другу эти люди, что и бранятся-то они только потому, что постыла имъ жизнь, ея вѣчные будни. Марья пошла класть ребенка въ люльку.

— Что-й-то Москва-то скоро прискучила! — сказала она, напоминая мужу его поѣздку въ Москву, поѣздку, столь же нелѣпую, какъ и поѣздка Егора, хотя не столь позорную, такъ какъ Герасимъ ѣздилъ искать мѣста на конкѣ.—Что-й-то скоро заявился! Видно, васъ такихъ-то не мало тамъ околачивается!

— Ты лучше, сука, за своимъ дѣломъ смотри,—подхватилъ Герасимъ.—Неряха, дура! Ты вонъ какой кулешъ-то сварнакала къ обѣду нонче? Свиньямъ, что ль, мѣсила? Такъ вѣдь тутъ не свиньи обжорныя!

— За мной гаять нечего,—отозвалась Марья.—Ты лучше за своей Гашкой, за своими шкурами, любовницами гляди. Въ Москвѣ, говорятъ, все курятъ ѣлъ!

— Гашка не ты, не бродяга, свой домъ имѣетъ.

— Какъ же можно! Хожалая, кто что пожалуе!

— Полегче! Тебѣ, дурѣ, да съ Гашкой ровняться! Гашкѣ-то сейчасъ на всякомъ мѣстѣ пять рублей дадутъ, а ты вотъ за полтора, неудѣльная, плужишь.

— Пя-ять рублей! Ты мнѣ сны-то не разсказывай! Авось недальняя!

Егоръ хотѣлъ солгать, какая рѣдкая и дорогая была у него бритва,—и полѣнился, промолчалъ. Онъ поднялся съ мѣста и подумалъ: „А безпримѣнно удавлюсь я! Ну ихъ всѣхъ... куда подалъ!..“ Онъ медленно подошелъ къ Герасиму, закуривавшему цыгарку, потянулся къ нему съ трубкой. Не глядя на него, тотъ подалъ почти догорѣвшую спичку. Егоръ, обжигая пальцы, закурилъ и сталъ у двери.

— Гашка-то, небось, чуточку поболѣ твоего работаетъ!— говорилъ Герасимъ, не зная, что сказать.

— Авось и мнѣ за тобой, за чортомъ, не сладко,—отвѣчала Марья.—Десять лѣтъ ворочаю!

— А-а! Ишь, актриса какая!

— Однихъ картохъ по три чугуна трескаете! Весь животъ на чугунахъ сорвала...

Егоръ не дослушалъ и вышелъ.

Весну и начало лѣта онъ провелъ въ Ланскомъ. Опредѣленность положенія сперва радовала его. Вѣчно думать о томъ, будетъ ли заработокъ, вѣчно шататься, искать этого заработка и, какъ-никакъ, гнуть хрипъ—это уже порядочно надоѣло. А тутъ работы никакой, спи сколько угодно, жалованье и отвѣсное идутъ да идутъ... Но и дни шли—и все больше становились похожи другъ на друга, дѣлались все длиннѣе и длиннѣе; нужно было убивать ихъ, а въ лѣсу, въ одиночествѣ какъ ихъ убьешь? И, ссылаясь на то, что у него на плечахъ мать-старуха, больная и голодная, Егоръ повадился на барскій дворъ, повадился нищенски кланяться барину и выпрашивать жалованье и отвѣсное впередъ, а, выпросивъ, пропивать и то и другое съ кузнецомъ. И опредѣленность положенія стала тягостна. Пьянство, похмелье, недоѣданіе разстраивали здоровье. Никогда за всю жизнь не думалъ Егоръ о своихъ недугахъ, но они сказывались. Онъ сталъ чувствовать то же, что̀ чувствовала послѣднее время Анисья: зыбкость во всемъ тѣлѣ, неопредѣленную тревогу, безпорядочность въ мысляхъ. Въ сумерки онъ сталъ плохо видѣть, сталъ бояться приближенія сумерокъ—было жутко въ этомъ молчаливомъ кустарникѣ: всюду, гдѣ рѣялъ вечерній сумракъ, представлялся еле видный, неуловимый въ очертаніяхъ, но оттого еще болѣе страшный, большой сѣроватый чортъ. И чортъ этотъ не спускалъ съ Егора глазъ, поворачивалъ за Егоромъ голову, куда бы ни шелъ Егоръ. И такъ какъ казалось, что это онъ, чортъ, заставлялъ вспоминать о петлѣ, о перемети, о толстыхъ сучьяхъ старой березы въ пшеницѣ, то стала страшна и давнишняя, прежде бывшая такой простой, мысль о петлѣ. И Егоръ совсѣмъ забросилъ лѣсъ—сталъ и дневать и ночевать въ Гурьевѣ. На-людяхъ, даже тогда, когда онъ только-что выходилъ изъ этихъ глухихъ степныхъ мѣстъ, буйныхъ хлѣбовъ и кустарника на дорогу въ село, сразу становилось легче.

Вотъ и въ тотъ день, когда шла въ Ланское Анисья, побрелъ Егоръ въ Гурьево. Онъ поздно проснулся, откашлялся, разломался, повеселѣлъ, когда выглянуло изъ-за облаковъ солнце. Покуривъ, онъ почувствовалъ: ѣсть хочется. Отъ ягодъ сильно знобило по вечерамъ, онъ зналъ это. Но ѣсть хотѣлось—и, выйдя изъ избы, онъ долго лазилъ на колѣняхъ по кустамъ, по цвѣтамъ и травамъ, долго ѣлъ землянику и

клубнику, иногда очень спѣлую, иногда совсѣмъ зеленую, твердую... Потомъ не спѣша пошелъ въ село.

— Главная вещь—хлѣбушка надо разжиться,—думалъ онъ, выходя изъ лѣса за часъ до того, какъ прійти туда Анисьѣ.

Гдѣ онъ будетъ разживаться, онъ не зналъ, да мало и надѣялся на разживу. Но вѣдь надо же было оправдать свой уходъ изъ лѣса. И впрямь, плохи были его дѣла насчетъ хлѣбушка. „Ну, да плохи, не плохи, авось не околѣю, не первая волку зима!“—говорилъ онъ себѣ, разлато ступая по дорогѣ новыми лаптями, сося трубку, кашляя и глядя вдаль запухшими, блестящими глазами.

Гурьево село большое, старинное, съ просторными выгонами, съ двумя мельницами,—водяной и вѣтрянкой,—стоитъ на рѣкѣ, тонетъ въ цѣлыхъ рощахъ лозняка, осинника, и грачей въ этихъ рощахъ—несмѣтныя тысячи. „Такого села,—говорилъ Егоръ,—ни въ одной Америкѣ не найдешь!..“ Передъ вечеромъ, когда онъ подходилъ къ селу, надъ селомъ прошумѣлъ не долгій, но сильный ливень, какъ видно, не первый за день. Ярко чернѣли дороги среди зеленой муравы по выгону, на которомъ слѣва, возлѣ барской усадьбы, стояла старая церковь, обитая жестью, возлѣ церкви—новое кирпичное училище, по срединѣ—мірской хлѣбный амбаръ, гамазей, а справа—тяжкій вѣтрякъ и уютный дворъ мельника. Дулъ вѣтеръ, но крылья вѣтряка неподвижно распростирались въ облачномъ небѣ. Всегда сѣрыя, они были теперь темны, сыры. Съ крыши гамазея падали капли; мальчики, что̀ стерегли лошадей по зеленой муравѣ, сидѣли подъ гамазеемъ въ мокрыхъ зипунахъ.

— Чудеса,—думалъ Егоръ, направляясь къ вѣтряку и обсуждая, какъ всегда, то, что̀ случайно попадетъ въ голову.—Безпереч̀ь тутъ дождь. Мѣсто привольное, для огородовъ, къ примѣру сказать,—кладъ чистый...

Еще рано было, а уже гнали разбѣгающееся по выгону пестрое стадо. Предвечернее солнце проглянуло на минуту далеко за селомъ, за рѣчной долиной, какъ разъ противъ училища, блеснуло на новой, похожей на цинковую, крышѣ его, на золоченомъ крестѣ церкви, сдѣлало стадо еще пестрѣе и опять потухло, скрылось въ облакахъ. Церковь въ Гурьевѣ грубая, скучная, какая-то чуждая всему, училище имѣетъ видъ волостного правленія, вѣтрякъ неуклюжъ, тяжелъ, работаетъ рѣдко. Будничнo шумѣли, гамѣли безъ толку грачи въ лозникѣ по рѣчкѣ. Бѣжало, ревѣло и блеяло стадо, перекрикиваясь, гонялись за овцами бабы съ накинутыми на голову подолами... Тамъ, въ Ланскомъ, въ караулкѣ безъ крыши,

среди глухого кустарника, цвѣтовъ и бурьяна, сидя, умирала замотавшаяся до послѣдняго, смиренная мать Егора. А онъ стоялъ зачѣмъ-то среди выгона въ Гурьевѣ, думалъ, что̀ попало, ждалъ, пока прогонятъ стадо. Стадо прогнали—и онъ долго глядѣлъ на двухъ спутанныхъ мокрыхъ лошадей, щипавшихъ траву и тяжело перепрыгивавшихъ съ мѣста на мѣсто связанными передними ногами. Передвигая трубку изъ угла въ уголъ рта, тяжело дыша, кашляя и сплевывая, онъ разсѣянно водилъ глазами по выгону, мысленно ругалъ дуракомъ церковнаго старосту, обившаго старую каменную церковь жестью, глядѣлъ на гамазей. Прижавшись къ стѣнѣ гамазея, сидѣли на большомъ бѣломъ камнѣ мальчишки въ мокрыхъ, рваныхъ зипунахъ. Возлѣ нихъ стоялъ жеребенокъ-третьякъ. На него капало съ крыши: сверху онъ былъ темный, снизу свѣтло-рыжій, сухой. На кучкѣ навоза подъ вѣтрякомъ чернѣлъ грачъ. Онъ долбилъ клювомъ бокъ дохлому котенку, старался унести, оторвать его, крѣпко присохшаго къ навозу,—и не могъ. Егоръ невесело усмѣхнулся и, скользя, разъѣзжаясь по грязи новыми лаптями, побрелъ къ избѣ мельника.

Какъ всегда, хозяева не обратили на Егора никакого вниманія. И, какъ всегда, это нисколько не смутило его. Онъ перешагнулъ порогъ избы, тряхнулъ, въ знакъ привѣта, головой, своимъ гимназическимъ картузомъ, плоско лежавшимъ на бѣлыхъ кудлахъ, и сѣлъ на нары, сталъ насыпать трубку ѣдкой махорочной пылью, вывертывая истертый кисетъ. Старикъ-мельникъ, по имени Лаврентій, по прозвищу Шмарòкъ, гнулся на лавкѣ возлѣ стола, тупо, упершись ладонями въ лавку, глядѣлъ на руки своей молодой, беременной бабы, Алены, просѣвавшей надъ столомъ муку. Алена слыветъ въ Гурьевѣ красавицей за свою крѣпость и бѣлое коровье лицо. Шмарокъ, напротивъ того, малъ, лысъ, головастъ, безобразенъ. Онъ богатъ, а полушубокъ на немъ рваный, засаленный, темный: рѣзко выдѣляется новый оранжевый рукавъ этого полушубка. Правое ухо Шмарокъ закладываетъ комочкомъ пакли. На тонкой шеѣ его, подъ сѣдой пожелтѣвшей бородкой, чернѣетъ нѣчто въ родѣ галстука—узенькій платочекъ, засаленный еще больше полушубка. Зелено-желтые усы испачканы нюхательнымъ табакомъ. Носъ похожъ на мухоморъ, огромныя открытыя ноздри стали отъ табаку темно-зелеными и бархатными. Глядя на муку, сѣрой пылью сыплющуюся изъ-подъ рѣшета, Шмарокъ равнодушно спросилъ Егора:

— Что̀, ай соскучился въ лѣсу-то?

— Что жъ мнѣ скучать, — не спѣша отвѣтилъ Егоръ. — Дѣло есть въ селѣ...

И, сошмыгнувъ съ наръ, подошелъ къ загнеткѣ, открылъ заслонку и по-поясъ залѣзъ въ темную жаркую глубь печки.

— Нуждишка есть,— глухо крикнулъ онъ оттуда, вытаскивая своими култышками раскаленный уголь изъ золы и забивая его въ трубку.

Алена, подсѣвая, ловко хлопая рѣшетомъ въ ладони и тряся широкимъ плоскимъ задомъ, черезъ плечо покосилась на Егора. „Всѣ печки выстудилъ, родимецъ!“—подумала она. Но Егоръ, хорошо знавшій такія думы, принялъ, выбравшись изъ печки, самый беззаботный видъ. И, затягиваясь, растравляя себѣ ноздри ѣдкимъ запахомъ и жаромъ горящаго осиноваго угля и съ мучительнымъ наслажденіемъ кашляя, опять спокойно усѣлся на нарахъ. „Ай уйтить?— думалъ онъ разсѣянно.—Да чортъ съ ними, посижу еще маленько... Жрутъ, жрутъ, по два раза на недѣлю хлѣбы ставятъ и все не облопаются“,—разсѣянно думалъ онъ, глядя то на хлѣбную дежу возлѣ печки, прикрытую старымъ армякомъ, подъ которымъ гудѣли раскаленные, выпаривающіе ее кирпичи, то на желтоватую атласную муку, что длинной горкой, въ родѣ крышки гроба, росла на столѣ, то на Алену. Толстыя руки ея, засученныя по-локоть, были запорошены мукою; на пальцахъ блестѣли мѣдныя и серебряныя кольца. Подолъ шерстяной красной юбки Алена подняла и заткнула за поясъ, толстыя ноги въ мужицкихъ сапогахъ, черпѣвшихъ подъ сѣрой рубахой, поставила твердо и, немного отвалясь назадъ, выставляя свой страшный животъ, мѣрно трясла задомъ.

— Хлѣбушка я не наживусь у тебя полкраюшечки? — спросилъ Егоръ, сплевывая слюну, постоянно набѣгавшую на бѣлесыя отъ голода и трубки губы.

Алена промолчала. Анютка, дѣвочка лѣтъ четырехъ, съ лихорадкой на губахъ и вѣромъ подстриженными на лбу жесткими волосами, все лѣзла, наваливаясь на столъ, пальчикомъ проводя въ мукѣ полоски. Промолчавъ на вопросъ Егора, Алена вдругъ звонко щелкнула дѣвочку въ лобъ ладонью. Дѣвочка отвалилась, шлепнулась на лавку и заголосила.

— Сказала, ня налягай на муку!—крикнула Алена своимъ грубымъ однодворческимъ голосомъ. — И такъ, какъ чортъ, выгваздалась уся! Погоди, погоди, я табѣ усыплю! Ты що жъ, замолчишь, ай нѣтъ? Ай гладева хорошаго дожидаешься? Такъ дождешься!

— А вотъ я ее ножикомъ сейчасъ зарѣжу,—сказалъ, входя въ избу, Салтыкъ, молодой работникъ, въ овчинной куртцѣ

в бѣломъ фартукѣ, только-что пріѣхавшій съ поля, гдѣ онъ подкашивалъ опушку обитаго градомъ овса.

И сталъ вѣшать на стѣну, на деревянный костыль, вбитый между бревнами, тяжелый новый хомутъ съ бѣлыми гужами и недоуздокъ, на блестящихъ удилахъ котораго зеленѣла наѣденная лошадью травяная пѣна.

Видъ у Салтыка, недавно отбывшаго солдатчину, былъ самодовольный, лицо, въ полубачкахъ, загорѣлое, пріятное и неглупое, грудь широкая, еще не старый солдатскій картузъ сдвинутъ на затылокъ. На груди фартука были крупно вышиты красныя буквы. И Егоръ, которому Салтыкъ только кивнулъ слегка, подумалъ:

— Вѣрно, Аленка и вышивала. Да и дѣвчонка, конечно, его. Недаромъ же болтали, что онъ ее еще до солдатчины управился обдергать. Дуракъ Шмарокъ! Я бы съ ей шкуру спустилъ да на пяло растянулъ!

Онъ, сипя, носилъ грудью, показывая въ прорѣху обитаго ворота бурую полоску загара на мертвенно-блѣдномъ тѣлѣ. Блѣдно было и отекшее лицо его. Онъ былъ тяжко боленъ, но чувствовать себя больнымъ давно вошло въ привычку, онъ не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія. Нисколько не обижало его и то, что на него, больного, голоднаго, даже и посмотрѣть внимательно никто не хочетъ. Не испытывалъ онъ и злобы къ Аленѣ, когда думалъ: „я бы ея шкуру на пяло растянулъ“—хотя растянуть могъ бы. Но глухое раздраженіе не только противъ этого богатаго и скучнаго двора, но и противъ всѣхъ гурьевцевъ, все-таки сидѣло въ немъ, томило и заставляло думать что-то такое, что̀ не поддавалось работѣ ума, досадно вертѣлось въ головѣ, какъ стертая гайка. Онъ уже давно освоился съ тѣмъ, что часто шли въ немъ сразу два ряда чувствъ и мыслей: одинъ обыденный, простой, а другой — тревожный, болѣзненный. Спокойно, даже самодовольно думая о томъ, что̀ попадается на глаза, что̀ случайно взбредетъ на умъ, часто томился онъ въ это же самое время и тщетнымъ желаніемъ обдумать что-то другое. Онъ завидовалъ порой собакамъ, птицамъ, курамъ: онѣ, небось, никогда ничего не думаютъ! Теперь ему и хотѣлось и не хотѣлось сидѣть у мельника. Да что̀ дѣлать-то, если не сидѣть, куда итти? Въ лѣсъ, въ кустарникъ, въ сумерки, гдѣ всюду мерещится этотъ сѣрый чортъ?

Алена, избѣгая встрѣтиться глазами съ Салтыкомъ, зажгла надъ столомъ висячую лампочку, загорѣвшуюся блѣдно-зеленымъ огнемъ: еще свѣтло было за окнами. Салтыкъ не спѣша досталъ изъ кармана портокъ плисовый кисетъ, не спѣша

свернулъ и загнулъ крючокъ, икнулъ и, пропустивъ въ стекло лампочки соломинку, закурилъ, сѣлъ на лавку.

— Подсѣвай, подсѣвай,—кинулъ онъ Аленѣ, затягиваясь.— Что-й-то пирожка хочется.

— А рожна ня хочется?—спросила Алена, говоря съ Салтыкомъ тѣмъ особымъ, какъ будто грубымъ тономъ, какимъ говорятъ при народѣ только съ любовниками.

Шмарокъ между тѣмъ возился у загнетки: поставилъ таганъ на грудку сучковъ и сталъ поджигать ихъ, поддувать, намѣреваясь что-то стряпать. Сучки были сыры, только дымились, и Шмарокъ плакалъ отъ дыма, изъ глазъ его, изъ красныхъ вѣкъ текли слезы.

— Ну, невеселая моя поварская,—бормоталъ онъ.

И, видно, раздумавъ стряпать, сѣлъ на обрубокъ толстаго дубоваго корня возлѣ печки. Изъ-подъ тагана пошелъ молочно-бѣлый дымокъ, покурился и потухъ... Шлепало рѣшето, слышно было, какъ дышатъ Егоръ и Анютка, дѣлавшая куклу, — навертывавшая на стеклянный пузырекъ тряпочки. Салтыкъ глянулъ на Шмарка и усмѣхнулся.

— Кухарь ты невеселый, вотъ это я вижу,—сказалъ онъ, далеко сплевывая. — Надо тебѣ каталогъ выписать. Когда я въ Тифлисѣ служилъ, такъ тамъ хозяйкина дочь завсегда выписывала каталогъ, по какому все можно приготовить. Вотъ и ты—пошли въ Москву письмо, вложи въ него марку семь копеекъ и напиши: такъ, молъ, и такъ, вышлите мнѣ всѣхъ возможныхъ каталоговъ.

— И то правда,—отозвался Шмарокъ.—Ты, извѣстно, все знаешь: гдѣ какіе жители, гдѣ какіе города...

Егоръ покосился и подумалъ: „Какіе города! Много онъ, дуракъ, знаетъ, окромя своего Тифлису! Вотъ я бы ему поразсказалъ дѣловъ“... Ему очень захотѣлось спора, въ которомъ онъ вышелъ бы и умнѣе, и толковѣе, и бывалѣе Салтыка. Но намѣреніе попросить хлѣба и еще что-то, чего онъ не могъ опредѣлить, что̀ выразилъ онъ когда-то словами: „раздребежженый я какой-то“ — связывало его, всегда смѣлаго и болтливаго, ставило втупикъ — и передъ кѣмъ же! — передъ мужиками, которыхъ онъ даже и сравнивать никогда не хотѣлъ съ печниками, плотниками, малярами! Онъ только независимо откашлялся и, насасывая потухшую трубку, притворяясь разсѣяннымъ, сталъ слушать: что-то еще сбрешетъ Салтыкъ?

— Какъ же мнѣ не знать! — сказалъ Салтыкъ. — Да я не то что̀, я, какъ осень, безпремѣнно опять туда! Съ этой жизнью я до̀-вѣку не разстанусь. Тамъ сейчасъ самая колбя

идетъ,—сказалъ онъ, мелькомъ взглянувъ на Алену и усмѣхнувшись. — Да ей-Богу: веселье, гулянье — кажный Божій день, съ восьми утра до двухъ ночи. Особливо въ курсовыхъ: въ Пятигорскѣ, въ Кисловодскѣ, въ Висинтукахъ...

— Значитъ, скучать не имѣютъ права, — вставилъ Шмарокъ и досталъ изъ кармана полушубка тавлинку.

— Ну, только тамъ съ деньгами хорошо, — продолжалъ Салтыкъ, не слушая Шмарка.—Безъ денегъ туда лучше и не показывайся. Наконецъ того, водка тамъ ничего не стоитъ. Тамъ кажный грузинъ аграмадный виноградникъ имѣетъ. Везутъ на базаръ въ бочкахъ—такъ и плескается.

— Имѣютъ капиталъ добывать ее, вотъ и плескается, — сказалъ Егоръ.—Авось, и это дѣло знаемъ не хуже твоего,— пробормоталъ онъ, чувствуя, что его опять начинаетъ ломать, знобить, и неотступно думая о полушубкѣ, которымъ онъ совершенно напрасно заткнулъ окно въ караулкѣ вмѣсто того, чтобы надѣть его, догадаться, что къ вечеру послѣ дождя будетъ прохладно.

Но Салтыкъ не обратилъ вниманія и на это замѣчаніе.

— Тамъ, братъ, — говорилъ онъ, неизвѣстно къ кому обращаясь:—какіе бульвары, сады! Садъ князя Чалыкова на три кавадратныхъ версты тянется! Только изъ одного плохо: погода у насъ куда тверже! А тамъ, ночь пришла—безъ бурки ни шагу: стыдь. А въ горахъ завсегда снѣгъ, круглый годъ не переводится...

— Дуракъ!—подумалъ Егоръ.—Безъ бурки! А спроси его, какая такая бурка — ни елды, кислая шерсть, не знаетъ... Бурка, она, братъ, медвѣжья, идѣ ты могъ ее замѣтить? — неожиданно для самого себя сказалъ онъ вслухъ.

И закрылъ глаза. „Скука теперь въ мосмъ блиндажѣ... И напрасно, едрена мать, не взялъ я полушубка!“—подумалъ онъ, глядя на зеленый огонь лампочки, на лиловѣющій воздухъ за окнами, въ которыя сѣкъ опять набѣжавшій дождь, и вспоминая однообразный звонъ кустовыхъ овсянокъ, жалостное цоканье чеканокъ. Шлепало рѣшето, дышала Анютка, и мѣрно чередовались два голоса—старческій, кряхтящій, и молодой, самодовольный и ладный.

— По горамъ тамъ вездѣ стежки продѣланы, — говорилъ Салтыкъ.—Черкесъ какой-нибудь разнесется... летитъ, скачетъ—какъ только голова цѣла! А глянешь на-горы издали—какъ тучи заходятъ. Опять же изъ дѣвокъ не плохо. Тамъ къ дѣвкамъ пойтить — по такѣ, за всходъ тридцать копеекъ. Ты вотъ старый человѣкъ, а она тебя можетъ какая раскинетъ...

— Нѣтъ, теперь не гожусь, — отвѣчалъ Шмарокъ, двигая плечами, почесывая ихъ ерзающимъ полушубкомъ.—А раньше я, правда, до дѣвокъ врагъ былъ! Могъ съ ними хорошо обойтиться.

Егоръ ухмыльнулся и хотѣлъ-было разсказать, какъ одинъ печникъ бобровымъ стручемъ опоилъ, отуманилъ, обольстилъ генеральскую дочь,—разсказать и дать понять, что печникъ этотъ былъ не кто иной, какъ онъ самъ, Егоръ. Но перебила Алена.

— Будя, бряхучій!—крикнула она на Шмарка тѣмъ притворно-злымъ тономъ, которымъ здоровыя бабы, имѣющія стараго мужа, прикрываютъ свою любовь къ щекотливымъ разговорамъ.—Будя, бястыжій! Старый человѣкъ, а що бреша! Табѣ вонъ на кладбишшу помѣстье давно готова! Двухъ женъ похоронилъ!

— А я что?—сказалъ Шмарокъ.—Я ничего.

— Народъ тамъ красивый, не унижёный, — продолжалъ Салтыкъ.—Есть старики по сту лѣтъ живутъ...

Егоръ и на это хотѣлъ возразить: живутъ-то живутъ, а на кой чортъ, спрашивается?.. Но опять его перебили.

— Ну, объ этомъ ты оставь!—сказалъ Шмарокъ.—Взять хоть къ примѣру меня такого-то: живу я семьдесятъ годовъ, шашнадцать человѣкъ своей крови похоронилъ, а прожилъ бы до ста лѣтъ, отъ меня опять пошли бы плоды... Гдѣ жи тогда жить? И то народу развелось до гибели, а тогда прямо ѣли бы другъ друга, какъ рыба въ морѣ. Вотъ приходилъ ко мнѣ старикъ съ того боку—сто пять, говоритъ. А уронилъ шапку—поднять не можетъ.

— Это барскій-то? Какой табѣ!—весело крикнула Алена.— За водой еще самъ ѣздитъ! Скоропостижнай дѣдъ!

— Не хуже моей старухи,—сказалъ Егоръ.—Животолюбивая старуха! А я ее—корми. Она, можетъ, ногтя моего не стоитъ, а я вотъ журись объ ней...

— А вотъ говорятъ же умные люди,—сказалъ Шмарокъ:— можно, говорятъ, вѣкъ прожить, а какъ умрешь, не будешь причиненъ ни тлѣнію ни прѣнію. Только, говорятъ, не надо разгорячительной пищи ѣсть. Я когда у господъ жилъ, такъ тамъ барчукъ былъ, на доктора учился. Былъ онъ мнѣ дорогой пріятель и, бывало, часто сказывалъ, будто кажный человѣкъ можетъ свое тѣло захолодить и, какъ помретъ, тѣло тлѣть не будетъ, а будетъ въ воздухъ улетучиваться.

— Ну, это зря брешутъ,—возразилъ Салтыкъ.

— Книги, значитъ, доказываютъ.

— Книги!—ухмыльнулся Салтыкъ. — Ни жъ можно съ холодной кровью жить? Сообрази своей долбегой-то!

Егоръ, обиженный равнодушіемъ, какимъ встрѣчено было
го замѣчаніе о матери, опять вмѣшался и на этотъ разъ
же совсѣмъ смѣло.

— А рыба?—спросилъ онъ.—Можетъ же она съ холодной
ровью жить и распложаться? Кто жъ долбега-то выходитъ?

Салтыкъ повернулъ къ нему голову.

— Та-акъ!—сказалъ онъ насмѣшливо.

И вдругъ рѣшительно заговорилъ:

— Рыба! Да ты погляди, какъ она, рыба-то, ныряетъ,
злекаетъ въ водѣ! Ухитришься ты такъ-то? Поди въ Елецъ,
игни съ моста въ Сосну—нырнешь ты такъ-то, какъ она? Ты
онъ мелешь—она съ холодной кровью, а выложи ее на берегъ:
летучится она, ай нѣтъ? Никуды она не можетъ улетучиться!

— Ну, и вышелъ дуракъ,—началъ-было Шмарокъ.

Но Егоръ внезапно разгорячился.

— А я такъ скажу,—перебилъ онъ Шмарка, совсѣмъ за-
ывъ, кому надо возражать: — а я тебѣ скажу, что нашему
рату, рабочему человѣку, нельзя безъ горячей пищи! Ты
онъ мурло наѣлъ, тебѣ хорошо брехать! А я безъ пищи
ахворать могу! Я, можетъ, кабы сытъ-то былъ... Что жъ
ять, барчукъ-то энтотъ, пузо его тресни, своего-то тѣла не
аморилъ, не захолодилъ?

— А много ты ее, горячей пищи-то, ѣлъ? — перебивая,
рикнулъ Салтыкъ насмѣшливо.

— Ну, и вышли дураки! — закричалъ и Шмарокъ, подни-
аясь.—Терпѣнья у насъ не хватаетъ, вотъ и не захолодилъ!
вы гляньте, какъ святые-то, угодники-то, какіе Богу-то
гожали, да не ѣли, не пили, какъ они-то дѣлали? Какъ
аривонъ-то святой дѣлалъ? Могъ же онъ три года одной
ѣдькой питаться?

— Значитъ, по-твоему выходитъ, и моя старуха святая
удетъ?—крикнулъ и Егоръ, выхватывая трубку изо рта. —
на вонъ тоже не ѣстъ, не пьетъ... У насъ вонъ даже и
ѣдьки твоей нѣту...

— Постойте,—сказалъ Салтыкъ:—погодите лапить-то!

И, обернувшись къ Шмарку, неожиданно принялъ сторону
Егора:

— Значитъ, и мы съ тобой могли бы святыми исдѣлаться?
холодили бы свое тѣло, налопались рѣдьки, да и вся недолга?

— Да будя вамъ брехать-то! — громче всѣхъ закричала
лена, бросая рѣшето.—Галманы!

— Да и правда!—подхватилъ Шмарокъ.—Что буровите?
ога-то помомните! Онъ, братъ, за такія рѣчи не спускаетъ
амъ, дуракамъ!

— Я Ему вреды никакой не дѣлаю,—отвѣтилъ Салтыкъ серьезно.—Кто зачалъ лапить-то? Не ты, что ль?

И смолкъ. Смолкли и Шмарокъ съ Егоромъ, волнуясь и не зная, что̀ сказать. Алена съ нахмуреннымъ лицомъ подошла къ нарамъ и, косясь на утирку, на которой сидѣлъ Егоръ, дернула ее и злобно крикнула:

— Пусти-ка-ся! Усѣлся на ширинку—и горя мало! Нябось, и домой пора, нечего до ужина досиживать!

— Это не твоя забота,—возразилъ Егоръ:—я и самъ свою время знаю. Ужинъ твой мнѣ безъ надобности, а балакать ты мнѣ не можешь запретить. Вотъ посижу еще маленько и пойду...

Дождь прошелъ, вечернее небо очистилось, въ селѣ было тихо, избы темны: до Ильина дня не вздуваютъ огня лѣтомъ, ужинаютъ передъ избами, на камняхъ, въ полусвѣтѣ зари. Выйдя отъ мельника, Егоръ остановился, даже спросилъ себя: не вернуться ли въ Ланское? — и повернулъ въ село, въ ту большую улицу, что̀ тянется между дворами по косогору надъ рѣчкой. Въ полусвѣтѣ зари, вокругъ камней у пороговъ, сидѣлъ народъ безъ шапокъ, хлебая изъ деревянныхъ чашекъ—кто тюрю, кто молоко. Но Егоръ, проходя мимо и косясь, плохо различалъ даже лица ужинающихъ: въ глазахъ его рябило, по тѣлу проходилъ ознобъ, въ мысляхъ была тревожная безпорядочность. Очень хотѣлось ему обдумать то, о чемъ спорили у мельника: всѣ чепуху говорили тамъ, одинъ онъ могъ бы сказать что-нибудь путное, если бы ему не мѣшали разобраться въ мысляхъ. Очень хотѣлось рѣшить и еще что-то—неотложное, самое что̀ ни на есть главное... Но что̀? Голова его усиленно работала. Но шелъ онъ точно по воздуху. Тифлисъ мѣшался въ головѣ его съ рыбой, Салтыкъ съ Анисьей, вопросъ о томъ, можно ли ни чего не ѣсть и захолодить свое тѣло, нельзя было рѣшить потому, что не давала покоя злоба противъ Алены, ея широкаго зада и однодворческаго говора. И Егоръ торопливо шелъ по улицѣ, боясь, что не застанетъ онъ кузнеца дома, что кузнецъ ляжетъ спать, что опять не удастся ни поговорить всласть, ни доказать, что у мельника всѣ чепуху говорили... И кузнецъ былъ дома.

Кузнецъ былъ горькій пьяница и тоже полагалъ, что умнѣе его во всемъ селѣ нѣтъ, что и пьетъ-то онъ по причинѣ своего ума. Развѣ ему кузнецомъ бы быть! Онъ всю жизнь не могъ примириться со своей долей, люто презиралъ село, холодно-золъ бывалъ въ трезвомъ видѣ, свирѣпъ становился, если ему удавалось пить дня три-четыре подъ-рядъ. Онъ ходилъ

огда съ колеснымъ ключомъ въ рукѣ, затѣвалъ скандалы съ аждымъ встрѣчнымъ, гоготалъ подъ окномъ лавочника, пѣшаго по праздникамъ въ церкви, вызывая его на состязаніе ь пѣніи. А не то шелъ въ училище экзаменовать мальчишекъ о Закону Божію и грозилъ учительницѣ на мѣстѣ убить ее лючомъ за единую ошибку. Съ похмелья онъ бывалъ угнетенъ. Въ такомъ положеніи и засталъ его Егоръ.

Онъ сидѣлъ возлѣ кузни, на косогорѣ надъ рѣчкой, надъ лесомъ, противъ водяной мельницы. Слабо алѣлъ закатъ за ею, тамъ, гдѣ сходился съ темной землей прозрачно-зеленоватый небосклонъ. Еще свѣтло было надъ плесомъ, сталью ежавшимъ по лугу. Но тотъ берегъ, гдѣ мельница, былъ же совсѣмъ теменъ: только по отраженіямъ въ плесѣ можно ыло догадаться, что тамъ деревья. И, сидя возлѣ кузни, оставивъ локти на колѣни, думалъ кузнецъ о томъ, какъ упы были наши генералы во время войны съ японами. Вотъ, напримѣръ, въ такой вечеръ... что̀ стоило понцамъ вплотную подойти къ нашимъ войскамъ? Небось, енералы-то наши, умники-то эти, глядѣли въ свои подзорыя трубы за рѣчку, на берегъ, въ темноту, гдѣ ничего не идно, когда надо было глядѣть вовсе не туда, а въ рѣку, дѣ отражается каждое дерево и всѣ свѣтлые пролеты между еревьями... Мысль эту кузнецъ немедля высказалъ Егору, акъ только тотъ подошелъ и, поздоровавшись, сѣлъ на осогоръ рядомъ съ нимъ. А Егоръ, обрадовавшись, что у узнеца есть табакъ, что кузнецъ съ похмелья и думаетъ, начитъ, вовсе не о генералахъ, поглядывалъ по сторонамъ, ашлялъ и ждалъ, когда наконецъ додумаетъ кузнецъ свою уму. Какъ и у Егора, мертвенно было тѣло у кузнеца, рубаху отораго все заворачивалъ сзади вѣтеръ, рубаху ситцевую, о очень ветхую, прожженную, въ мелкихъ дырочкахъ. Былъ кузнецъ лохматъ, но не такъ, какъ Егоръ, какъ мужикъ, такъ, какъ бываютъ лохматы мастеровые, рабочіе. Страшно ерны и маслянисты были его волосы, его борода, смугло масляниcто лицо, болѣзненно перекошены брови и блестящи лаза. Дулъ вѣтерокъ, темнѣвшая рѣка зарябилась; кузнеца рясло. Но вдругъ онъ всталъ и, наступая сапогомъ на сапогъ, началъ быстро разуваться, раздѣваться.

— Ай ты очумѣлъ?—крикнулъ Егоръ, со страхомъ глядя а тощее, мѣловое тѣло, забѣлѣвшее въ полусвѣтѣ зари, когда узнецъ, взъерошивъ волосы, сдернулъ съ себя рубаху.—Ай ы очумѣлъ? Да у тебя сердце зайдется въ водѣ въ этакую тыдь!

— Вона!—крикнулъ кузнецъ хриплымъ басомъ.

И вдругъ загоготалъ, скинувъ штаны вмѣстѣ съ подштаниками и разбѣгаясь, чтобы шаркнуть въ воду:

— Бла-го-сло-ви, вла-ды-ко-о!

Онъ хорошо зналъ, что ледяная вода мгновенно дастъ ему рѣшительность, находчивость. Въ водѣ, и впрямь, зашлось у него сердце, но онъ не далъ ему поблажки: онъ фыркалъ, нырялъ, плавалъ... Не попадая зубъ на зубъ, выскочилъ онъ на берегъ, неловко и торопливо натянулъ штаны на мокрое тѣло, влѣзъ въ рубаху и, влѣзая, твердо сказалъ Егору, что околѣвать онъ не намѣренъ, что его душа дороже колесъ. А какихъ колесъ—этого Егору не надо было пояснять: онъ мгновенно сообразилъ, что лежатъ у кузнеца чьи-то колеса, присланныя въ починку, и что надо какъ ни можно скорѣе захватить передки и опять бѣжать къ мельнику, тайкомъ торгующему водкой. И не прошло и получаса, какъ уже сидѣлъ Егоръ съ кузнецомъ въ кузнѣ, возлѣ маленькой жестяной лампочки, поставленной на горнъ, рядомъ съ бутылкой и горшочкомъ холодной пшенной каши, за оживленной бесѣдой о томъ, можно ли, питаясь одной рѣдькой, попасть во святые, можно ли захолодить свое тѣло, чтобы не тлѣло оно послѣ смерти...

А во второмъ часу ночи, при заходящемъ за тускло блестящими хлѣбами мѣсяцѣ, Егоръ, шатаясь и размахивая руками, быстро входилъ въ Ланское. Не чувствовалъ онъ теперь ни тревоги, ни скуки, ни раздребезженности. Точно упругія волны несли его блаженно-ошалѣвшее тѣло. Роса серебрилась по мокрымъ, пахучимъ, густымъ цвѣтамъ и травамъ. Сильнѣе всего пахло любимымъ растеніемъ Егора—полынью. Длинныя темнѣли тѣни отъ кустарниковъ, блестѣвшихъ верхушками подъ опускающимся къ югу мѣсяцемъ. И полосы свѣта и тѣней среди нихъ создавали что-то сказочное для пьяныхъ глазъ, сказочно-свѣтла была далекая даль за кустарниками, за полями, надъ которыми уже дрожала въ серебристой прозрачности большая, розово-золотая звѣзда. Шурша по росистымъ лопухамъ и напѣвая, смѣло подошелъ Егоръ къ двери, дернулъ за скобку—и остановился на порогѣ своей прохотной, чуть свѣтлой избы. Мертвое молчаніе стыло по всемъ мірѣ въ этотъ предразсвѣтный часъ. Мертвое молчаніе наполняло и караулку. И въ этомъ молчаніи, въ сонномъ полусвѣтѣ, недвижно чернѣло что-то на лавкѣ подъ святымъ. И, приглядѣвшись, Егоръ вдругъ закричалъ такимъ страшнымъ сиплымъ голосомъ, что съ шумомъ выскочила изъ лопуховъ старая черно-сѣдая собака...

III.

Гурьевъ подарилъ на похороны красную бумажку. И похороны, неожиданно для всѣхъ, вышли отличныя. Все было справлено честь честью—хоть бы и не Анисьѣ впору.

Медленно, съ большими промежутками, зачинаясь звонко, жалобно и все повышаясь, дѣлаясь все строже, падали звуки съ колокольни. Паденіе это внезапно, нестройно обрывалось теркіей баса и альта. И наступало долгое молчаніе: слышалось только,—изъ-за ракитъ по дорогѣ въ Ланское,—протяжное, все приближающееся церковное пѣніе: на дорогѣ встрѣтили попъ и дьяконъ телѣгу, въ которой везли Анисью изъ Ланского. Со двора усадьбы и по улицѣ надъ косогоромъ побѣжали на выгонъ бабы. Съ ребенкомъ на рукахъ, спотыкаясь, спѣшила Марья. Стояли на порогѣ мельникъ безъ шапки и мельничиха. Дулъ западный вѣтеръ, а изъ-за рѣчки опять заходила, опять тускло синѣла дождевая туча.

Слегка пошата дорога между ракитами на выѣздѣ изъ Гурьева. И небольшая толпа, предводительствуемая кузнецомъ въ черной тяжелой поддевкѣ, который несъ на головѣ длинную крышку гроба и на ходу мрачно пѣлъ, издали казалась высокой, вырисовываясь на облачномъ небѣ. Бѣлѣлъ коленкоръ, что̀ накинутъ былъ на крышку, и развѣвался по вѣтру. Шли съ ноги на ногу, но уже можно было различить, что эти темныя фигуры со спутанными отъ вѣтра волосами тащатъ на полотенцахъ длинный ящикъ, черный, съ оранжевымъ ободкомъ по краямъ. Внушительно раздавались голоса попа и дьякона. Какъ всегда, медлили въ пути, останавливались, махали кадиломъ и, пугая самихъ себя басами, повторяли одно и то же—то зловѣще, то съ покорностью. Все дѣлалось такъ, чтобы выходило торжественно и грозно. А та, для кого это дѣлалось, и теперь была такъ же смиренна, проста, какъ и при жизни. Темна и суха была она; маленькой стала ея высохшая головка, покрытая новымъ чернымъ платочкомъ. На груди ея желтѣлъ деревянный образокъ. Парча покрывала до половины мелкій черный ящикъ, гдѣ она покоилась,—парча, знакъ царственности. И парча эта была такъ ветха, такъ грязна и дырява: Боже, скольких̀ъ уже покрыла она! Дьяконъ гурьевскій, сѣро-сѣдой человѣкъ, тревожно думающій лишь о пасѣкѣ своей, всѣмъ своимъ гнутымъ, огромнымъ станомъ и короткимъ, но широкимъ лицомъ похожъ на звѣря. Желтоволосый попъ, слабосильный, слабовольный, всегда вынявши, шепелявитъ. Ризы, епитрахили ихъ такъ истрепаны, что серебряное шитье виситъ длинными бѣлесыми волосами. Ру-

лава, подолы, калоши — все въ полномъ соотвѣтствіи съ грязными или пыльными дорогами, съ телѣгами и мелкой, навозной соломой въ телѣгахъ,

И на выгонѣ, гдѣ паслось барское стадо, попъ не выдержалъ торжественности: началъ спѣшить, бормотать, поглядывать на барскаго быка: быкъ этотъ брухается, закаталъ недавно пастушонка. Поглядывалъ попъ и на сторожку у церковной ограды: на крыльцѣ сторожки стояла плетушка, обвязанная скатертью, а въ плетушкѣ той были „поповскіе харчи“: ситные пироги, жареная курица, бутылка водки—то, что полагается причту за похороны, помимо денегъ. И торопливо провелъ попъ тѣснившуюся толпу въ церковныя ворота. Вѣтеръ развѣвалъ тонкіе русые волосы, шеи несущихъ гробъ были красны, натерты полотенцами, лица озабочены. Больше же всѣхъ старался казаться озабоченнымъ Егоръ, шедшій съ полотенцемъ черезъ плечо въ возглавіи гроба.

А въ церкви всѣ немного оробѣли. Притихли—и слышалось только шарканье, топотъ: осторожно опускали гробъ на полъ. Высвобождая изъ-подъ рясы мягкія, трясущіяся, маленькія, какъ у всѣхъ алкоголиковъ, руки, роздалъ попъ короткія, тонкія свѣчи, дробя ярко и золотисто пылающій пукъ ихъ. И, раздавъ, громко и привычно возгласилъ. И замелькали сложенные въ щепотки пальцы, кланяющіяся и встряхивающіяся головы. Крѣпко крестились старухи, воздѣвая глаза къ иконостасу. Блистали разсѣянные по толпѣ огоньки, возносилось, гремѣло кадило. Кадили, обходя большими шагами гробъ, кланялись Анисьѣ, быстро говорили на торжественномъ языкѣ, давно забытомъ ея нищей родиной, нестройно и притворно-смиренно пѣли, выражая умиленіе, что равна теперь она царямъ и владыкамъ, выражая надежду, что упокоится она со духи праведныхъ. Но уже не слыхала Анисья этихъ утѣшеній. Ни кровинки не было въ ея побѣлѣвшемъ, голубоватомъ лицѣ. Закрылось лиловое вѣко ея праваго глаза, запеклись, слиплись и подсохли тонкія губы. И ледяной лобъ ея уже былъ увѣнчанъ вѣнцомъ высшей славы—золоченой бумажкой. И въ сизо-восковой, прозрачной рукѣ ея, въ скрюченныхъ пальцахъ, подъ ногтями которыхъ точками темнѣла мертвая кровь, уже торчалъ отпускъ—безсрочный отпускъ съ лица земли...

Егоръ, глядя въ гробъ, крестился размашисто и часто. Онъ игралъ ту роль, что полагалась ему у гроба матери. Онъ моргалъ, будто готовый заплакать, кланялся низко, наклоняя капающую свѣчку, крѣпко зажатую въ его кулакѣ. Но далеко были его мысли и, какъ всегда, въ два ряда шли

онѣ. Смутно думалъ онъ о томъ, что вотъ жизнь его переломилась—началась какая-то иная, теперь уже совсѣмъ свободная. Думалъ и о томъ, какъ будетъ онъ обѣдать на могилѣ—не спѣша и съ толкомъ...

Такъ и сдѣлалъ онъ, засыпавъ мать землею: ѣлъ и пилъ до отвалу. А подъ вечеръ, тутъ же, у могилы, плясалъ, всѣмъ на потѣху,—нелѣпо вывертывалъ лапти, бросалъ картузъ на земь и кихикалъ, ломалъ дурака; и напился такъ жестоко, что чуть не скончался: даже оттирали уши ему. Пилъ онъ и на другой день и на третій... Потомъ снова наступили въ жизни его будни.

Эти будни были ужъ не тѣ, что прежде. Постарѣлъ онъ и подался—въ одинъ мѣсяцъ. И много помогло тому чувство какой-то странной свободы и одиночества, вошедшее въ него послѣ смерти матери. Пока жива была она, моложе казался онъ самъ себѣ, чѣмъ-то еще связанъ былъ, кого-то имѣлъ за спиной. Умерла мать—онъ изъ сына Анисьи сталъ просто Егоромъ. И земля—вся земля—какъ будто опустѣла. И безъ словъ сказалъ ему кто-то: ну, такъ какъ же, а?

Онъ не думалъ объ этомъ вопросѣ,—только чувствовалъ его. И ничего особеннаго не замѣтили на лицѣ его тѣ мальчишки изъ Пажени, съ которыми ночевалъ онъ въ ночномъ подъ четвертый день августа, верстахъ въ трехъ отъ Пажени, у откоса желѣзной дороги. Онъ только внезапно проснулся на разсвѣтѣ и вдругъ сѣлъ, поблѣднѣвъ.

— Что ты, дядя Егоръ?—испуганно крикнулъ мальчишка, лежавшій съ нимъ рядомъ.

Егоръ, блѣдный, слабо улыбнулся.

— Такъ... померещилось,—пробормоталъ онъ.—Вотъ исторія-то... Сидитъ будто—и лупится...

И опять прилегъ.

Было еще рано. Шелъ туманный, предосенній дождь надъ опустѣвшими полями. Егоръ лежалъ, прикрывшись полушубкомъ, курилъ и, кашляя, медленно разсказывалъ проснувшимся мальчишкамъ, какъ онъ, не боясь никакихъ судовъ, бросилъ свое мѣсто, ушелъ изъ Ланского. Разсказывая, онъ къ каждому слову прибавлялъ матерное слово. А, разсказавъ, сталъ прислушиваться къ приближающемуся шуму товарнаго поѣзда. Шумъ росъ и близился все грознѣе и поспѣшнѣй. Егоръ спокойно слушалъ. И вдругъ сорвался съ мѣста, вскочилъ наверхъ, по откосу, вскинувъ рваный полушубокъ на голову, и плечомъ метнулся подъ громаду паровоза. Паровозъ толкнулъ его легонько въ щеку. И Егоръ волчкомъ перевернулся, головой полетѣлъ на насыпь, а ногами на рельсы. И,

когда, потрясши землю, оглушая, пронесся поѣздъ, увидали мальчишки, что барахтается, бьется возлѣ рельсовъ что-то ужасающее. Въ пескѣ билось то, что было за мгновенье передъ тѣмъ Егоромъ, билось, поливая песокъ кровью, вскидывая кверху два толстыхъ обрубка—двѣ ноги, ужасающихъ своей короткостью. Двѣ другихъ ноги, опутанныхъ онучами, въ лаптяхъ, лежали на шпалахъ. А эти, по колѣна оторванныя, съ свѣжими костями, остро торчавшими изъ мяса, крутились въ воздухѣ. Выбивая подъ собою яму, крутилось и все туловище Егора. Безъ шапки былъ онъ, лохматый и бѣлесый, мертвенно-блѣдно было его лицо, закрыты глаза, изъ правой челюсти, точно гвоздемъ пробитой, билъ свѣтло-алый ключъ. И хрипя, захлебываясь кровью, словно въ тяжкомъ пьяномъ снѣ, гнусаво бормоталъ Егоръ, силясь сказать: „Батюшки!“— и выговаривая: „Атушки!..“ А по пустому, осеннему полю, въ туманѣ мелкаго дождя, уже бѣжалъ что-то кричавшій и махавшій руками народъ. Тревожно кричалъ подъ-вѣтеръ, къ слѣдующей будкѣ, мѣдный рожокъ выскочившаго изъ ближней будки сторожа. Бабы же, подбѣгая къ насыпи, съ колотящимися сердцами, едва переводя духъ, яростно кидались ругать самоубійцу-нехристя.

Черезъ полчаса, когда уже совсѣмъ ослабѣли силы бившагося, задомъ, грохоча, примчался со станціи, синѣвшей на горизонтѣ, паровозъ съ однимъ товарнымъ вагономъ. Съ громомъ отодвинули дверь вагона фельдшеръ и кондукторъ, соскочили на землю, подхватили ноги, лежавшія въ рельсахъ, подхватили и туловище, кинули то и другое въ вагонъ, на полъ, грязный и загаженный скотомъ,—и снова, шумно дохнувъ и загрохотавъ, понесся паровозъ обратно. И тотчасъ же туловище перестало биться...

Это было четвертаго. Шестого, передъ вечеромъ, когда солнце свѣтило въ большое окно вокзала, въ комнату, полную голубого дыма, на кругломъ столѣ возлѣ дивана стояло пять пустыхъ пивныхъ бутылокъ. Съ красными отъ пива, дыма и солнца лицами встали изъ-за стола докторъ, сѣро-курчавый старикъ въ синихъ очкахъ, шляпѣ и крылаткѣ, и слѣдователь въ формѣ. Съ трудомъ отворивъ ноющую блокомъ дверь на жаркую платформу, они пошли по платформѣ къ элеватору.

Тамъ уже два дня ждалъ ихъ красно-бурый товарный вагонъ. Тамъ, въ затишьѣ, буднично трещали воробьи, усѣявъ всѣ крыльца, подбирая соръ и зерна. Воробьи шумной стаей поднялись отъ подошедшихъ къ нимъ. Два сторожа откатили, отодвинули дверь вагона. Докторъ поправилъ очки, вглядываясь, послѣ яркаго солнца, въ глубину его. Въ глубинѣ же этой были

сумракъ и вонь — вонь гнилого и точно поджареннаго мяса. Тяжелое, широкое и короткое туловище лохматаго мужика плоско лежало внизъ животомъ въ углу—безногое, въ оборванныхъ порткахъ, въ посконной рубахѣ, покрытой большими темно-вишневыми пятнами.

— Что жъ тутъ смотрѣть? Хоронить надо,—сказалъ докторъ.

И веселый дворъ въ Пажени навсегда опустѣлъ.

Капри. XII. 1911.

ИГНАТЪ.

I.

Любка вторую зиму жила на барскомъ дворѣ въ Извалахъ, у господъ Паниныхъ, когда нанялся къ нимъ въ пастухи Игнатъ.

Ему шелъ двадцать первый годъ, ей двадцатый. Онъ былъ изъ бѣднаго дома въ Чесменкѣ, одной изъ деревень, составляющихъ Извалы, она изъ такого же въ Шатиловѣ, что̀ неподалеку отъ Извалъ. Онъ не помнилъ матери, она — отца. Ея мать была побирушка—скиталась по уѣзду со слѣпцами. Но говорили, что Любка „полукровка“, незаконная дочь шатиловскаго барина. Да и выросла она при господахъ. И поэтому, чѣмъ болѣе волновала пастуха ея красота, чѣмъ болѣе думалъ онъ о горничной, тѣмъ болѣе робѣлъ. А чѣмъ болѣе робѣлъ, тѣмъ чаще думалъ, тѣмъ сумрачнѣе и молчаливѣе становился.

Въ черныхъ, блестящихъ глазахъ Любки была какая-то преступная ясность, откровенность. Чувствовалось, что ей ничего не стоитъ признаться въ какомъ угодно стыдномъ дѣлѣ. Ловко и спокойно крала она одеколонъ и мыло у барыни, сѣдой важной вдовы, курившей тонкія душистыя папиросы. Иногда Игнатъ заставалъ Любку за угломъ дома, куда выбѣгала она: и ни разу она не смутилась. Иногда была она жива, наивна и казалась моложе своихъ лѣтъ, иногда—старше, все испытавшей женщиной. Да и груди были у нея какъ у женщины. Ее лѣтъ четырнадцати изнасиловалъ старикъ Зыбинъ, шатиловскій земскій начальникъ; и теперь она позволяла барчукамъ Панинымъ очень многое, не боясь увлечься. А для Игната, еще не знавшаго женщинъ, отношенія между мужчинами и женщинами становились все страшнѣе и желаннѣе. Непроще, скрытнѣе его не было ма-

лаго во всѣхъ Извалахъ. Даже ѣдучи на розвальняхъ на гумно, за колосомъ для скотины, никогда не отвѣчалъ онъ прямо и сразу на вопросъ: куда ѣдешь? Избѣгая взгляда Любки, не поднимая угрюмыхъ глазъ, стыдясь своихъ лаптей, шапки и ошмыганнаго полушубка, онъ исподлобья слѣдилъ за ней, и спокойное безстыдство ея, смутно имъ понимаемое, было для него и жутко и плѣнительно.

Усилили его любовь и барчуки.

Барчуки,—уже лѣчившійся на Кавказѣ офицеръ Алексѣй Кузьмичъ, ровесникъ Игната, и Николай, ровесникъ Любки, все переходившій изъ одного учебнаго заведенія въ другое,—пріѣзжали зимой только на большіе праздники. Въ этомъ году на масленицу пріѣхалъ сперва младшій. И Любка была особенно оживлена, видъ имѣла особенно откровенный, не будучи, впрочемъ, откровенной ни съ кѣмъ. Такъ и сіяли ея неподвижные глаза, когда она, черноволосая, крѣпкая, съ сизымъ румянцемъ на смуглыхъ щекахъ, въ зеленомъ шерстяномъ платьѣ, во весь духъ работая локтями и шурша бѣлымъ подкрахмаленнымъ передникомъ, носилась то за тѣмъ, то за другимъ отъ людской къ дому и отъ дома къ людской, по темнѣющей среди снѣжнаго двора тропинкѣ. И за масленицу, за эти сѣрые дни, слегка туманившіе, дѣлавшіе тусклыми сосны и ели въ палисадникѣ, слегка кружившіе голову своимъ тепломъ и праздничнымъ чадомъ изъ трубъ, Игнату не разъ приходилось натыкаться на игру барчуковъ съ Любкой.

Какъ-то въ сумерки онъ видѣлъ: она выскочила изъ дома съ злымъ, раскраснѣвшимся лицомъ и растрепанными волосами. За ней, смѣясь и что-то крича, выбѣжалъ на крыльцо, на тающій снѣгъ, Николай Кузьмичъ, приземистый, большеголовый, съ тупымъ и властнымъ профилемъ, въ косовороткѣ изъ бѣлаго ластика и лакированныхъ сапогахъ... А вечеромъ Любка, веселая, запыхавшаяся, столкнулась въ темныхъ сѣняхъ людской съ Игнатомъ.

— Разорвалъ баску и цѣлый пузырь персидской сирени подарилъ, — неожиданно и быстро сказала она, задерживая бѣгъ.—Понюхай-ка!

И черезъ мгновеніе исчезла, а Игнатъ долго простоялъ на одномъ мѣстѣ, тупо глядя въ темноту: пахло кухней, предвесенней свѣжестью, собаками, глаза которыхъ парными красноватыми изумрудами горѣли, двигались передъ нимъ, онъ же слышалъ только дурманящій, сладкій запахъ духовъ и еще болѣе дурманящій запахъ волосъ, гвоздичной помады, шерстянаго платья, пропотѣвшаго подъ мышками...

Пріѣхалъ офицеръ, худой, съ карими острыми глазами, съ

длиннымъ блѣдно-сѣрымъ лицомъ въ лиловыхъ, припудренныхъ прыщахъ. Тяжело, вся сотрясаясь, выбѣжала на крыльцо молочно-сѣдая барыня, подвитая, наряженная, въ туго стянутомъ корсетѣ, замахала бѣлымъ платочкомъ на звонъ тройки, выносившей сани изъ-подъ горы. У крыльца кучеръ осадилъ тройку—и офицеръ заговорилъ быстро, не заботясь о томъ, слушаютъ ли его; потомъ откинулъ полость саней размашисто, какъ у подъѣзда ресторана, на крыльцо взбѣжалъ, ловко и развязно притопывая раскоряченными, очень тонкими ногами въ легкихъ, маленькихъ и блестящихъ сапожкахъ, звеня серебряными шпорами и дергая, поправляя приподнятыми плечами широкую николаевскую шинель съ бобровымъ стоячимъ воротникомъ, — шинель, которая дѣлала его, какъ онъ думалъ, совершенно похожимъ на кого-то изъ военныхъ высшаго круга. Былъ канунъ прощенаго дня. Масленица выпала поздняя, и порой казалось, что совсѣмъ одолѣваетъ зиму весна. Съ утра грѣло солнце, сіяло голубое небо, сіяли его отсвѣты на снѣгу, капали капели. Но послѣ полдня стало хмуро, пронзительно-сыро, затуманившійся, тускло посинѣвшій палисадникъ упруго зазвенѣлъ, запѣлъ въ дремотѣ. Не обращая вниманія на сырость и вѣтеръ, Любка въ одномъ платьѣ таскала изъ троечныхъ саней какіе-то кульки. И пастухъ слѣдилъ за ней, за тѣмъ, какъ наклонялась она.

Онъ стоялъ на широкомъ грязномъ крыльцѣ людской, пропахнувшей блиннымъ чадомъ. Крупные хлопья снѣга падали и мгновенно таяли передъ крыльцомъ въ огромной лужѣ, по которой важно ходили только-что прилетѣвшіе грачи. Работникъ Яшка и кухарка, подоткнутая, въ сапогахъ, вытащили большую лохань, продѣвъ въ ея ушки палку. Въ лохани дымилась густая желтая овсянка. Борзыя стаей кинулись къ ней и, дрожа, горбясь, пропуская между ногъ судорожно изогнутые, тугіе хвосты, стали пожирать ее. Кухаркинъ мальчишка, въ красной, праздничной рубашкѣ, ворочалъ овсянку лопатой и билъ то ту, то другую глухо рычавшую собаку. Уже были по двору лысины — чернѣла кое-гдѣ земля. Вытаскивая изъ лохани испачканныя желтой гущей морды, собаки катались, терлись по землѣ, потомъ гурьбой потянулись черезъ дворъ къ саду за домомъ. Рядомъ съ красавицей Стрѣлкой, черноглазой борзой въ атласной бѣлой шерсти, шелъ большой рыжій кобель, дворовый, и, яростно скаля зубы, рыча, захлебываясь, не подпускалъ къ ней никого изъ борзыхъ. Томимый вожделѣніемъ, Игнатъ двинулся за собаками. Но въ аллеѣ онѣ свернули, побѣжали по сѣрому насту подъ кривыми вѣтвистыми яблонями куда-то въ сторону.

Игнатъ вышелъ за садъ, въ сѣрое поле, на которое косо летѣли бѣлые хлопья, снялъ шапку и досталъ изъ разорваннаго ватнаго дна ея завѣтный двугривенный.

Мимо садоваго вала, по задворкамъ онъ поплелся на Рудинку, чернѣвшую обтаявшими избами на косогорѣ. Желтоватые, замасленные санями горбы сугробовъ, съ гладко втертымъ въ нихъ конскимъ навозомъ, и выбоины, полныя студеной вешней воды, тянулись между избами и пуньками. Игнатъ стукнулъ въ окошечко особенно черной и хилой избы, подъ стѣной которой, нахохлившись, дремали куры. Изнутри прильнуло къ окошечку старое, желтое лицо. Игнатъ показалъ двугривенный. И, надернувъ на босыя ноги тяжелые, сырые валенки, съ головой накрывшись полушубкомъ, баба провела Игната черезъ дорогу въ холодную пахучую пуньку съ желѣзной дверкой и засунула въ подставленный глубокій карманъ его растянувшихся портокъ полубутылку.

За пунькой, на скатѣ косогора, покрытомъ зернистымъ снѣгомъ, онъ постоялъ, думая о Любкѣ. Потомъ запрокинулъ голову и, не переводя духа, выпилъ все до капельки. И, пряча пустую посуду, почувствовалъ, что горячо, хорошо пошла отрава по всему его тѣлу. Онъ присѣлъ на корячки и сталъ ждать дурману; потомъ упалъ, хохоча, наслаждаясь тѣмъ, что пьянъ, и поползъ подъ гору, въ лужокъ.

Очнувшись, онъ долго не могъ понять, гдѣ онъ; не могъ разогнуть пальцевъ съ окостянѣвшими отъ снѣга ногтями. Онъ сталъ маленькимъ, легкимъ — промерзъ весь, насквозь. Дулъ сырой вѣтеръ, смеркалось, снѣгъ уже не падалъ. Со страхомъ вспомнивъ, что еще не привезено въ домъ соломы,— домъ топили соломой, Игнатъ каждый вечеръ набивалъ ею заднія крыльца, съ утра до сумерокъ ѣздилъ на розвальняхъ то за топкой, то за кормомъ для скотины,— онъ вскочилъ и побѣжалъ черезъ деревню, потомъ черезъ садъ. Голова его была мутна, но тѣло легко, всѣ чувства обострены, и вѣтеръ особенно волновалъ ихъ,— онъ былъ сладокъ, хотѣлось глотать его всей грудью. Игнатъ зналъ, что забылъ веревку на заднемъ крыльцѣ, и, запыхавшись, шлепая лаптями по мокрому снѣгу, повернулъ изъ аллеи прямо къ нему. Въ сумракѣ подъ навѣсомъ крыльца стоялъ кто-то, кого-то прижималъ къ стѣнѣ и на шаги Игната повернулъ голову.

— Чего тебѣ?—крикнулъ онъ.—Пошелъ вонъ отсюда.

Это былъ офицеръ, его голосъ, его длинное блѣдное лицо бобрикомъ стриженая, узкая и длинная къ затылку голова. За два пальца офицера, не пуская его руку, держала прижатая къ стѣнѣ Любка. Игнатъ, не сводя глазъ съ ея слабо

бѣлѣвшаго въ сумракѣ передника, отошелъ; постоялъ—и медленно побрелъ по двору, опять чувствуя сладкое нытье въ животѣ, тоску въ предплечьяхъ, въ ослабѣвшихъ ногахъ. Сумрачными, смутными массами нависали надъ садомъ дождевыя облака. Дулъ на лужи сильный западный вѣтеръ — и была въ немъ пьянящая влажность, сила ранней весны, одолѣвающей зиму.

А на другой день одолѣла зима, еще гуще валилъ снѣгъ, къ вечеру поля потерялись въ туманѣ вьюги. Барыня уѣхала къ сосѣдкѣ. Офицеръ, звеня шпорами, вышелъ на крыльцо, закричалъ черезъ дворъ, чтобы запрягли въ бѣгунки Королька, и, наклонясь къ сидѣвшимъ на крыльцѣ собакамъ, на спинахъ и лбахъ которыхъ снѣгъ лежалъ толстымъ слоемъ, сталъ сладострастно трясти то ту, то другую за ушами и сквозь зубы приговаривать: „а-а та, та, та!“. Любка обошла его съ блюдомъ жареной наваги, понесла блюдо въ людскую. Онъ покосился и забормоталъ еще сладострастнѣе:

— А-а, собаки, собакаки, собачики міи-и!

Былъ прощеный день. Изъ-подъ горы, съ рѣки, глухо доносились сквозь шумъ темнѣвшей вьюги пьяные голоса, пѣсни, громыханіе бубенчиковъ, звонъ колокольцовъ: лавочникъ, сапожникъ, урядникъ, мужики — всѣ катались со своими гостями, съ барышнями, дѣвками, сватами. Было и хорошо и тоскливо, чувствовался и самый развалъ и конецъ праздника. Когда Королька запрягли, офицеръ, въ сѣрой ловкой шинелькѣ и папахѣ, вытащилъ на крыльцо хохочущую, счастливую, нарумяненную Любку. На ней была шубка съ воротникомъ изъ орѣховаго мѣха, зеленое платье свое она подобрала, подоткнула. Голова ея была закутана сѣрой шалью, она гнула голову, смѣясь, упираясь, сходя съ крыльца мелкими, тупыми шажками. Игнатъ, подавъ золотисто-рыжаго жеребчика, держалъ его подъ уздцы, и жеребчикъ зло и умно косилъ большимъ блестяще-лиловымъ яблокомъ на офицера, на его шелковый шарфикъ, краснѣвшій изъ ворота шинели, вокругъ тонкой шеи, покрытой зажившими, стянувшимися прыщами. А Игнатъ все глядѣлъ на бѣлый подолъ Любки, на ея грубыя полсапожки, намазанныя саломъ, къ которому не прилипалъ мокрый снѣгъ...

Потомъ онъ тащился на розвальняхъ къ гумну, билъ веревочной вожжой нескладно-костляваго мерина. И Королекъ, екая и злясь, стукая ледяными глудками въ передокъ, фыркая отъ свѣжаго снѣга, летѣвшаго ему навстрѣчу, въ горячія ноздри, обогналъ, обдалъ дыханіемъ и сталъ пропадать вмѣстѣ съ бѣгунками въ дыму вьюги, весело и сумрачно

разыгравшейся въ мутно-сизомъ полѣ. Снѣгъ хлопьями валилъ на сытую спину Королька, на папаху, на погоны, на блестящій сапожокъ со шпорой, крѣпко поставленный на желѣзный отводъ. Лѣвой рукой въ замшевой перчаткѣ держалъ офицеръ голубыя вожжи. Другой захватилъ голову въ сѣрой шали, припалъ къ ней папахой и ловилъ губами нарумяненную щеку...

И твердо рѣшилъ Игнатъ промѣнять работнику Яшкѣ свою гармонію, единственное свое богатство, на старые сапоги. Навозивъ соломы, онъ не пошелъ на улицу, къ толпѣ, что̀ сбилась и смутно темнѣла среди ночной вьюги подъ застрѣхой крайней избы, на выгонѣ передъ церковью. Тамъ ловко и бѣшено перебивали другъ друга гармоніи, заглушаемыя пѣснями и вѣтромъ, кружились въ дыму взвивавшейся поземки, носились, какъ вѣдьмы, пляшущія дѣвки. Но Игнатъ, утопая въ снѣгу, пробрался черезъ выгонъ къ ярко освѣщенному дому лавочника и часа два не спускалъ глазъ съ залѣпленныхъ снѣгомъ оконъ, за которыми мелькали тѣни танцующихъ.

II

Великій постъ тянулся, онъ былъ сѣрый, однообразный.

Пастухъ все думалъ о Любкѣ. У, будь деньги, была бы она его: взялъ бы онъ ее за себя, билъ смертнымъ боемъ, увелъ въ городъ, нанялся къ купцу—и за все за это полюбила бы она его. Казалось порою, что даже церковь могъ бы онъ обокрасть, лишь бы достигнуть своего.

День за днемъ дулъ жесткій вѣтеръ, блѣдно бѣлѣли поля, тускло синѣли, скучно напѣвали сосны и ели въ палисадникѣ, слишкомъ рано прилетѣвшіе грачи куда-то скрылись. Офицеръ давно уѣхалъ. Но Николай Кузьмичъ зажился. Разъ подъѣхалъ Игнатъ на розвальняхъ къ заднему крыльцу дома. Розвальни зашуршали висящей съ нихъ старновкой по ступенькамъ крыльца, и барчукъ, игравшій съ Любкой, смѣясь, поднялся съ соломы. Любка, поправляя волосы, глядѣла спокойно.

— Вотъ вы такъ-то играете, — сказала она, — а по селу пойдутъ брехать... Хоть бы ты, Игнатъ, меня замужъ взялъ, — прибавила она равнодушно, вставая.

Игнатъ покраснѣлъ и насупился. Ни малѣйшаго значенія не придалъ онъ ея словамъ, но съ этого дня шевельнулась и стала расти въ немъ ревность, злоба. Жуя черный хлѣбъ, косясь на домъ, съ завистью чувствуя его внутреннюю жизнь, онъ проѣзжалъ на розвальняхъ по аллеѣ, выѣзжалъ на гумно.

Собаки пѣгой стаей, трясясь, бѣжали за нимъ. Въ остаткахъ ометовъ возились и пищали мыши. Собаки рыли солому, принюхивались, настораживались — еще яростнѣе рвали ее когтями, дрожа и скуля, и вдругъ, подпрыгнувъ, кидались на добычу хищно и мѣтко. Женственно-красивую, съ маслянистыми черными глазами Стрѣлку Игнатъ заманивалъ въ ригу. Она вбѣгала, онъ припиралъ скрипучія ворота. Становилось жутко. Холодно пахло токомъ, тепло—ржанымъ колосомъ. Въ сумракѣ огромнаго трехугольника, по застрѣхамъ, по рѣшетнику и переметамъ котораго сѣрѣла густая бархатная пыль лѣтней молотьбы, пробивался въ длинную щель воротъ холодный, блѣдный свѣтъ. Вѣтеръ шуршалъ за ними, дулъ по току...

Въ ясный солнечный день на третьей недѣлѣ уѣхалъ и Николай Кузьмичъ. Внезапно вернулась весна. Крыши варка, сарая за однѣ сутки обтаяли, старая, бурая солома ихъ золотилась противъ солнца, рѣзко отдѣлялась отъ голубого, умиляющаго душу неба. Выпустили плюшевыхъ, обросшихъ за зиму жеребятъ и коровъ, они дремали, грѣлись на солнцѣ. Рѣзко, серебромъ сверкалъ сочащійся снѣгъ по двору. У параднаго крыльца, въ тѣни, возлѣ синей лужи, стояла тройка. Отражались въ лужѣ и небо, и бѣлый передникъ Любки. Вышелъ Николай Кузьмичъ въ накинутой поверхъ шинели енотовой шубѣ, вышла барыня. Долго прощались, долго, оборачиваясь, кричалъ что-то уѣзжающій, когда тронулись и потянулись сани по ухабистой, текущей дрожащими ручейками дорогѣ, по выступившему, накопившемуся за зиму навозу, похожему на мокрый табакъ. Гдѣ блестѣла вода по ухабамъ, лошади, тонконогія, съ подвязанными хвостами, взмахивали особенно щеголевато точно вычищенной сталью подковъ. На солнцѣ грѣло, много галокъ собралось на соснахъ и елѣхъ палисадника, зазеленѣвшаго пышно и свѣжо. А въ тѣни чувствовался сѣверный рѣзкій вѣтерокъ. Стоя на парадномъ крыльцѣ, Любка озябла, щеки ея посизѣли. Сани скрылись подъ горой, она напѣвала задумчиво, чуть слышно: „Мчится парочка вдвоемъ“... Потомъ встрепенулась, вбѣжала въ домъ — и немного погодя выскочила на заднее крыльцо. Игнатъ, проходившій мимо, вдругъ повернулъ къ крыльцу. Она тупо, со страхомъ, не двигаясь, глядѣла на него. Игнатъ подошелъ вплотную и схватилъ ее за кисти. И оба смутились. И какъ бы играя или пробуя силу, разводя сцѣпленными руками, не знали, что̀ сказать. Вдругъ Любка нахмурилась.

— Пусти!—крикнула она.—Еще что̀ за моду взялъ!

И, вырвавъ руки, повернулась и хлопнула дверью.

Садъ казался особенно рѣдкимъ на серебрѣ снѣга, испещ-
ненномъ фіолетовыми тѣнями, аллея—веселой, широкой. И
ить, нахмуренный, злой, Игнатъ пошелъ по ней на Ру-
ику, къ бабѣ-шинкаркѣ. И опять очнулся передъ вечеромъ
лужкѣ, насквозь промерзшій, изумленный. Усатыя ветлы,
явшія возлѣ него, золотились на блѣдно-голубомъ небѣ,
ними было солнце. Небо изъ-подъ горы казалось необъ-
но-огромнымъ и новымъ.

— Не пара она мнѣ, — твердо сказалъ Игнатъ, подни-
ясь.—Пропалъ я.

Съ этого вечера онъ никогда не смотрѣлъ на домъ, про-
кая мимо, не отвѣчалъ Любкѣ, если даже она загова-
вала. Прошелъ постъ, прошла Святая. Снѣга уже нигдѣ,
омѣ враговъ, не было, въ деревняхъ опушились легкой
монной дымкой лозины; вокругъ деревень лилово чер-
ли пашни, грѣло солнце, дрожало расплавленное стекло
горизонтамъ, пѣли жаворонки, сохли блекло-зеленоватыя
жи, сѣрые пары, сѣдая полынь. Молодая пахучая травка
ть пробилась. Но Игнатъ уже давно ходилъ за стадомъ
поля, къ милютинскому лѣску, еще голому, полному
кой дубовой листвы и подснѣжниковъ. Коровы дремали
пригрѣвъ, у опушки. Ѣсть было нечего, онѣ ложились,
ыхая, и галки садились на нихъ, дергали шерсть для
ѣздъ. Игнатъ навивалъ кнутъ, лѣниво посматривалъ въ
шечную даль, на дороги, гдѣ уже лежала пыль, радостно
поминавшая о лѣтѣ, и загоралъ отъ солнца, отъ апрѣль-
аго суховѣя.

Когда были деньги, онъ былъ счастливъ. Въ полѣ, вы-
давъ мѣстечко посуше, онъ разстилалъ свой рваный пид-
къ, ставилъ на него полубутылку, вытаскивалъ изъ кар-
на хлѣбъ, заранѣе круто посоленный и отсырѣвшій,
лодныя картошки. Вскорѣ голова его начинала сладко
ужиться. Солнечный южный горизонтъ за сѣрѣющими
зинами дрожалъ, тонко струился паръ, чуть синѣвшій
солнцѣ надъ спекшимися кучами навоза, раскинутаго
полю, коровы двоились и плыли... Странно,—онъ все-таки
го-то ждалъ! Хмельной, онъ чувствовалъ это, чувствовалъ,
связалась его жизнь съ жизнью Любки—и на бѣду свя-
лась! Что-то придется сдѣлать, чтобы покорить ее, чтобы
ать равнымъ съ нею, чтобы вызвать ея любовь. Иначе, если
ь даже добьется своего, не будетъ она мужика любить... А
она требовала любви. Плывя, дрожа, опиралась на колѣни
редникъ ногъ, потомъ неуклюже поднимала задъ одна ко-

рова, другая, третья... Онѣ разбрелись по полю. Поднимал
большой мышастый быкъ, широколобый, съ гладкимъ хвостом
на концѣ котораго висѣлъ шелковисто-волнистый мохоръ, т
жело бѣжалъ, мотая нитями стекловидныхъ слюней,—и вдруг
весь наливаясь мощью, вставалъ на дыбы... У Игната зах
дилось сердце. Онъ опрокидывался навзничь, на сухіе, че
ные шмоты навозной кучи. Онъ закрывалъ глаза, слезы в
катывались изъ-подъ его рѣсницъ, онъ не стиралъ слезъ,
мухи пили ихъ. Потомъ онъ крѣпко засыпалъ и спалъ
тѣхъ поръ, пока дошедшее до зенита солнце не начина
печь его голову и плечи. Пригнавъ стадо домой, онъ мол
обѣдалъ въ людской и уходилъ спать въ каретный сарай, г
у каменной стѣны была сбита изъ кольевъ высокая кроват
покрытая соломой и клоками ватнаго краснаго одѣяла. Посл
сна онъ бывалъ золъ и, выгоняя стадо, дралъ коровъ своим
длиннымъ, хлопающимъ кнутомъ такъ сильно, что на боках
ихъ вздувались рубцы.

Онъ рѣшилъ вести себя такъ, чтобы приказчикъ избилъ
прогналъ его. Лѣто, пріѣздъ барчуковъ—все это пугало ег
когда-нибудь онъ не выдержитъ-таки и изъ-за угла проло
митъ кирпичомъ голову Любкѣ или Николаю Кузьмичу! Н
случилось такъ, что однажды, въ маѣ, когда лѣсокъ уже густ
опушился темной зеленью, заросъ цвѣтами и травами, кога
рано утромъ уже по-лѣтнему было жарко на солнечныхъ по
лянахъ, а въ росистой тѣни свѣжо и таились ландыши, ув
далъ онъ, пригнавъ стадо на паръ, сидящую у опушк
бабу. Это была нищая, дурочка Ѳіона. Положивъ возлѣ себ
мѣшокъ и палку, она сидѣла, слегка раскрывъ ротъ, вся в
лохмотьяхъ, съ мокрымъ подоломъ, съ блестящими глаза
на опухшемъ лицѣ. Она была слегка пьяна. Когда Игнат
подошелъ, она съ гоготомъ, сдержанно-страстнымъ, повали
лась навзничь, выставила колѣни и стала тереть большим
лаптями по росистой травѣ. Въ мѣшкѣ ея были крендел
водка. И, выпивъ, Игнатъ не совладѣлъ съ собой.

Съ этихъ поръ дурочка стала приходить къ нему чуть н
каждый день. Просыпаясь по ночамъ, онъ силился плакат
тихо рыдать: обидно, больно было ему при мысли, что живет
онъ съ дурочкой! До солнца, по холодной, крупной росѣ он
выгонялъ стадо. Въ полдень напивался. Теперь пили уже и
его деньги. Онъ забралъ жалованье за мѣсяцъ впередъ. Но
его деньги наконецъ изсякли. И дурочка стала зла, нахальна
требовательна, дурочкой уже не притворялась. Когда онъ являлс
безъ водки, она отказывала ему, морила его по недѣлѣ. Р
разъ даже крѣпко и ловко ударила его по головѣ палкой

ъ поднялся и пошелъ прочь, странно, неумѣло рыдая. А плакавшись, сѣлъ на межу и тупо сталъ думать все о томъ , о чемъ онъ думалъ теперь безпрестанно: гдѣ бы достать негъ? Но достать было негдѣ, украсть — тоже. Сапоги онъ опилъ.

Вся дворня знала его исторію, за обѣдомъ и ужиномъ надъ мъ часто хохотали. Онъ багровѣлъ и молчалъ. Что̀ было , будь Любка при этомъ? Но, на счастье его, барчуки не ѣзжали, слышно было, что Николай Кузьмичъ у товарища дъ Харьковомъ, офицеръ — на маневрахъ подъ Смолен-омъ. А барыня уѣхала на шесть недѣль въ Липецкъ и езла съ собой Любку. Въ усадьбѣ было тихо и скучно. Да дурочка стала являться все рѣже и рѣже — шаталась по маркамъ. И вотъ лѣто пошло уже къ концу—жаркое, длин-е. Обмелѣла рѣчка, до-черна выгодала скотина кормà, ѣба поспѣли, пересохли и сыпались. Пошли косить ихъ,— лъ уже конецъ іюля.

Въ концѣ іюля, возвращаясь однажды на закатѣ со стадомъ село, Игнатъ встрѣтился съ дурочкой. Она остановилась показала на лѣсокъ.

— Какъ отдѣлаюсь, такъ приду,—сказалъ онъ, не подни-я глазъ.

Но какъ итти безъ водки? Въ унынiи стоялъ онъ у во-тъ усадьбы, смотрѣлъ на закатъ. По дорогѣ, наискось про-гавшей по горѣ, и сверху и снизу ѣхали съ косьбы и зки мужики и бабы на пыльныхъ телѣгахъ; изъ телѣгъ рчали перевясла, косы и грабли. Малиновое, безъ лучей, лнце сѣло огромнымъ кругомъ въ сизую сухую муть за рѣ-й, за полями, уже покрытыми звеньями копенъ. Игнатъ шелъ изъ воротъ, повернулъ на выгонъ, потомъ, мимо сада, гумну. Впереди его мелко перебирала босыми ногами пыли очень грязная и кудрявая дѣвочка, лѣтъ семи. ерегнувшись налѣво, она правой рукой тащила дегтярницу, литую красно-коричневымъ дегтемъ. Игнатъ ускорилъ шагъ, гналъ ее, оглянулся — и схватилъ ея лѣвый кулачокъ, въ горомъ были зажаты деньги. Глаза ея стали круглыми отъ аса, личико исказилось, она заголосила и, съ силой звѣрька, иснула кулачокъ. Игнатъ схватилъ ее за горло и повалилъ дорогу. Дѣвочка захрипѣла и распустила пальчики. Игнатъ гребъ изъ ея ладони деньги—тридцать копеекъ—и быстро шагалъ на Рудинку.

Купивъ водки, онъ пошелъ прямо къ лѣсу. Борзыя, при-кшія къ нему, догнали его за деревней. Справа было ливье, чуть бѣлѣющее въ сумракѣ поле, покрытое копнами.

Слѣва, съ тускло чернѣющихъ пашенъ, съ равнины, дулъ теплый вѣтеръ съ пылью. Впереди, надъ темной каймой лѣса, поднимался большой красный Марсъ. И пастухъ остановился. Онъ вдругъ вспомнилъ, что нынче должна пріѣхать барыня, что за нею послали тройку и подводу для вещей. И тотчасъ же, задержавъ дыханіе, услыхалъ далекій звонъ колокольчиковъ.

Казалось ему лѣтомъ, что минуетъ его то неизбѣжное, что должно быть. Но теперь онъ почувствовалъ, что нѣтъ, не бывать тому—не минуетъ. Оно уже близилось, росло, надвигалось... И, постоявъ, онъ двинулся впередъ.

У перекрестка его оглушила звономъ, топотомъ копытъ и обдала пылью тройка. Онъ, сойдя съ дороги, пропустилъ ее и опять пошелъ. Вдали слышался глухой грохотъ телѣги. Онъ дѣлался все явственнѣй. И черезъ минуту увидѣлъ Игнатъ на тускломъ звѣздномъ небѣ дугу, лошадь, а за лошадью—сидящую въ телѣгѣ Любку. Она била лошадь вожжами и тряслась, прыгала, неслась прямо на него.

— Садись, подвезу!—крикнула она весело, сразу признавъ его въ сумракѣ.

Онъ повернулся, догналъ нагруженную чемоданами телѣгу на бѣгу бокомъ вскочилъ на грядку...

Что говорила Любка, онъ не запомнилъ. Запомнилъ только первыя, ударившія его по сердцу слова, которыя она звонко и ласково выкрикнула сквозь грохотъ телѣги:

— Что жъ, очень соскучился по мнѣ?

Запомнилъ еще и тотъ моментъ, когда онъ вдругъ схватилъ вожжи и, осадивъ лошадь, перекинулъ ноги въ телѣгу.

— Постой, — шопотомъ сказала Любка, но такъ просто точно они жили уже много лѣтъ, и отъ этой простоты у него еще больше помутилось въ головѣ: — постой, юбку изомнешь... Дай хоть поправить-то...

III.

Прошло четыре года. Стоялъ декабрь. Игнатъ, отбывъ солдатчину, возвращался изъ города Василькова на родину.

Съ женой онъ жилъ всего три мѣсяца. Вскорѣ послѣ той іюльской ночи, въ которую такъ неожиданно переломилась вся его судьба, Любка почувствовала себя беременной — и никогда не покидала его злая мысль, что только поэтому пошла она за него. Она говорила, что любитъ его, устроила его отца, больного старика, на барскомъ дворѣ скотникомъ, одѣла и снарядила его въ дорогу, провожала со слезами. Онъ жестоко избилъ ее, гуляя, куражась рекрутомъ, вы-

щая барчуковъ. Она и это перенесла какъ должное. Когда его угнали въ Васильковъ, она часто посылала ему вмѣстѣ съ письмами деньги, письма же писала, какъ простая солдатка, обращаясь къ нему на вы, жаловалась, что не пришлось ей, скинувшей, быть матерью. Но онъ не вѣрилъ ни единому слову ея, жилъ въ тоскѣ, въ непрестанной мукѣ, въ ревности, въ изобрѣтеніи самыхъ жестокихъ наказаній за предполагаемыя измѣны.

Ѣдучи на побывку два года тому назадъ, онъ всю дорогу думалъ, что убьетъ ее, ежели узнаетъ что̀ плохое. Пріѣхавъ и наведя справки на своей станціи, онъ узналъ, что Любка не отказывала только лѣнивому. Но она встрѣтила его такъ радостно, разувѣрила въ слухахъ такъ искренно и просто, что у него руки опустились. А чтобы и совсѣмъ успокоить его, заявила, что бросаетъ мѣсто на барскомъ дворѣ и переселяется въ избу, — будетъ ждать его дома, будетъ шить на машинкѣ и тѣмъ кормиться. И онъ уѣхалъ унылый и сбитый съ толку. Унылъ, молчаливъ былъ онъ и на службѣ, но исполнителенъ, исправенъ и бережливъ: копилъ деньги, взятки съ молодыхъ солдатъ. Все еще жила въ немъ надежда сравняться съ Любкой, стать достойнымъ ея настоящей, а не притворной любви. Но вдругъ письма отъ нея перестали приходить. Онъ писалъ чуть не каждую недѣлю — отвѣта не было. Онъ грозилъ, молилъ — она молчала. Онъ опять сталъ пьянствовать — и отупѣлъ, измучился.

Все же, отслуживъ свой срокъ, онъ ѣхалъ въ Извалы.

Онъ очень измѣнился. Теперь онъ былъ сухъ, довольно высокъ и ладенъ. Оловянные глаза его стали больше, лицо посѣрѣло и казалось еще худѣе отъ блестящихъ послѣ бритья маслаковъ около оттопыренныхъ круглыхъ ушей. Красноватые усы онъ стригъ щеткой, голову—бобрикомъ, и кожа просвѣчивала въ его короткихъ стальныхъ волосахъ. Отъ Кіева до Орла онъ неподвижно сидѣлъ въ вагонѣ возлѣ своего грубо раздѣланнаго подъ орѣхъ сундучка, съ привязанными къ нему сапогами, чайникомъ и трубкой бѣлаго войлока, не снималъ ни фуражки, ни грубой сѣро-рыжей шинели, натиравшей шею, смотрѣлъ въ полъ и грызъ подсолнухи. Отъ Орла онъ сталъ тревожиться, выходить на станціяхъ къ буфету. На вокзалѣ въ своемъ городѣ онъ неожиданно встрѣтился съ бывшимъ товарищемъ по службѣ, выпилъ, оставилъ сундучокъ у сторожа, и товарищъ вывелъ его на вокзальное крыльцо, нанялъ извозчика-старика, а старикъ во весь духъ своей худой кобылы помчалъ ихъ, возбужденныхъ, курившихъ папиросу за папиросой, въ го-

родъ. Проѣхали они прямо въ слободу—и тамъ Игнатъ почти сутки не разставался съ маленькой, коротконогой, пожилой, съ черными сухими волосами и сильно напудренной брюнеткой, курившей еще жаднѣе его. Очнулся же онъ въ полѣ, возлѣ слободы—и съ трудомъ вспомнилъ, что его тяжко били, выталкивая. Былъ мягкій бѣлый день, шелъ снѣжокъ и застрявалъ въ складкахъ его шинели. Онъ всталъ, шатаясь, чувствуя себя больнымъ, точно отравленнымъ...

Ѣхать до Извалъ пришлось въ вагонѣ товарнаго поѣзда, вмѣстѣ съ сидящими отъ жира на задахъ заводскими свиньями. Свиней везли богатому помѣщику на племя, провожалъ ихъ дряхлый садовникъ помѣщика, чистый и тихій, бывшій дворовый. Но, кромѣ него, Игната и свиней, ѣхалъ въ товарномъ вагонѣ еще старикъ-еврей, сѣро-сѣдой, кудрявый, большеголовый и бородатый, въ очкахъ, въ полуцилиндрѣ, въ длинномъ, до пятъ пальто, мѣстами еще синемъ, а мѣстами уже голубомъ, съ очень низкими карманами. Онъ все время молчалъ, былъ задумчиво-озабоченъ, нылъ какой-то напѣвъ и пилъ чай. Садовникъ дремалъ. Свиньи сидѣли на задахъ въ деревянной загородкѣ, покрытыя сѣрыми попонами съ вензелями и коронами. Смеркалось, вѣтеръ со снѣгомъ дулъ въ отворенную дверь и задиралъ мокрую, темно-зеленую солому подъ свиньями. Плыли мимо мутно-бѣлыя поля, темнѣвшіе кустарники, медленно курившіеся дымомъ, падавшимъ на нихъ отъ паровоза. И тяжелая, неразрѣшающаяся тоска давила Игната. Повязавшись вдвое сложеннымъ башлыкомъ съ оранжевыми каемками, сдвинувъ брови, стиснувъ зубы, играя маслаками, онъ стоялъ у двери, выгребалъ изъ кармановъ забившіеся въ нихъ подсолнухи, грызъ и косился на еврея. Еврей сидѣлъ на опрокинутомъ ящикѣ, держалъ въ большой, покрытой крупными лиловыми жилами рукѣ стаканъ чаю. Шелуха подсолнуховъ летѣла по вѣтру, попала въ чай. Еврей долго, съ раздраженіемъ смотрѣлъ сквозь очки на Игната. Игнатъ ждалъ, что̀ скажетъ еврей, чтобы ударить его послѣ первыхъ же словъ сапогомъ въ грудь. Но еврей ничего не сказалъ: только приподнялся и вылилъ чай возлѣ самыхъ ногъ Игната, возлѣ его плоскихъ и широкихъ казенныхъ сапогъ.

На станціи попутчиковъ до села не оказалось. И пришлось сидѣть, ждать, не навернется ли кто случайно.

Оледянѣли его руки, помутилась голова, когда, въ половинѣ одиннадцатаго, медленно надвинулся на него такой знакомый, такой особенный вокзалъ съ его народомъ и освѣщенными окнами. Только-что ушелъ пассажирскій поѣздъ. Въ залѣ третьяго класса, холодномъ, полутемномъ, тускломъ отъ дыма

потномъ отъ дыханія, нужно было пробиваться плечомъ— акъ много толпилось въ немъ на мокромъ полу мужиковъ. ежду двойными дверями стоялъ на полу коптившій фонарь. вери поминутно съ визгомъ отворялись, хлопали—и свѣжій, егкій морозный воздухъ, врываясь въ угарный, вонючій залъ, олновалъ клубы бѣлаго пара надъ ведернымъ самоваромъ а буфетѣ. Изъ отворенной, ярко и горячо освѣщенной кон- оры, гдѣ были касса и телеграфъ, не смолкая ни на секунду, ребезжалъ и звенѣлъ какой-то звонокъ, какъ будто кто за- елъ и забылъ остановить будильникъ. И отъ многолюдства, ъ этого звонка у Игната ломило въ темени.

Разспрашивалъ онъ, нѣтъ ли попутчиковъ, машинально, хо- илъ какъ лунатикъ, но видѣлъ все и замѣчалъ съ необыкновен- ой зоркостью. Толпа армяковъ и полушубковъ рѣдѣла. Игнатъ ышелъ на крыльцо, посмотрѣлъ, сторонясь, пропуская мимо ебя выходящихъ и разговаривающихъ, на лошадей, на сани, а мутно-лунное небо, выкурилъ цыгарку, глубоко вдыхая мѣстѣ съ дымомъ сладкій зимній деревенскій воздухъ, и ернулся за своимъ сундучкомъ. Уже буфетчикъ постепенно, о порядку, съ края, убиралъ со стойки апельсины, папиросы, арелки съ колбасами, потный, сухой кусокъ сыра. Начальникъ танціи подъ руку провелъ большую старуху-помѣщицу въ убѣ, опиравшуюся на костыль. Въ отворенную дверь видна ыла блѣдная, но веселая лунная ночь, деревья въ инеѣ. ошади, стоявшія у крыльца, встряхивались, бормотали глу- арями. Потомъ глухари загромыхали всѣ сразу, заскрипѣлъ ѣгъ подъ полозьями... Въ залѣ осталась только баба въ по- омъ оранжевомъ полушубкѣ, неподвижно сидѣвшая на длин- омъ деревянномъ диванѣ у стѣны, на которомъ стоялъ сун- учокъ Игната. Задомъ подойдя къ дивану, Игнатъ присѣлъ, взвалилъ сундучокъ себѣ на спину и, думая о той весне, огда онъ жилъ съ дурочкой, а былъ беззаботенъ, свободенъ, адко напивался, закусывая холодными картошками, вышелъ ъ вокзала.

Шагалъ онъ твердо, ровно и споро, повизгивая по снѣгу апогами, свѣтлая снѣжная ночь была вокругъ него. Шелъ ъ сперва подъ какими-то низкими деревьями, съ которыхъ ыпистенно сыпался иней, потомъ по снѣжному пустому полю. ъ полѣ было мертво и тихо, луна крылась за легкими обла- ами, дорога чуть темнѣла... И отъ своихъ смутныхъ думъ инулся онъ уже въ Извалахъ, почувствовавъ, что вошелъ ъ большую, просторно раскинутую и давно спящую деревню. и одного огня не было въ занесенныхъ снѣгомъ избахъ. лабыя тѣни лежали на бѣлой дорогѣ отъ водовозокъ и пу-

покъ. Еще тише и теплѣе стало, чѣмъ въ полѣ, воздухъ— еще слаще и пахучѣе. По дворамъ уже пѣли пѣтухи.

Возлѣ своей пустой избы, на краю деревни, надъ оврагомъ, онъ постоялъ, не зная, что̀ дальше дѣлать. Маленькая, она была наполовину занесена съ южной стороны мятелями. Дверь на замкѣ, одно окно забито дощечками. Острый сугробъ, покрытый слѣдомъ лаптей, поднимался возлѣ открытыхъ воротъ во дворъ, переходилъ черезъ крышу. Игнатъ пошелъ по слѣду, заглянулъ внутрь двора. Въ раскрытой закутѣ непріютно ночевала чья-то телушка...

Невдалекѣ, въ избѣ Марея, свѣтился низкій огонекъ—изъ окошечка, почти сровнявшагося съ высокой снѣжной улицей. Онъ заглянулъ въ окошечко. Чуть не всю избу занималъ станъ. Нѣмая, съ тугимъ румянымъ лицомъ, дѣвка ткала кросна̀, гремѣла станомъ. Игнатъ стукнулъ. Дѣвка взглянула со страхомъ и удивленіемъ. Онъ вошелъ въ избу. Дѣвка дергала за оборку торчавшаго съ печи лаптя, будя отца. Онъ долго не откликался, только откашливался. Потомъ сталъ слѣзать — задомъ, ища лаптемъ печурку. Слѣзъ и по стѣнѣ, стараясь не наступать на одну, видно, больную ногу, дошелъ до скамейки возлѣ стола. Бородатый, лохматый, съ выпуклыми кровянистыми глазами и хрипучимъ голосомъ, видъ онъ имѣлъ шальной. Игнатъ поставилъ сундукъ у двери, сѣлъ къ столу. Дѣвка, поджавъ руки, стояла у печки. А Марей, попросивъ закурить, затягиваясь такъ, что дымилась вся его борода, говорилъ:

— Хозяйку твою видалъ... Видалъ, какъ же... Изъ церкви шла... Дома жить не пожелала, все у господъ... Ихъ давно нѣтути, въ Москвѣ, говорятъ, она приказчика согнала, всѣмъ домомъ правитъ, въ икономки записалась... Не по закону живетъ, не по закону...

— Знаю, знаю, — сказалъ Игнатъ, что-то думая и машинально выскребая ногтемъ грязь изъ трещинъ стола.

— Извѣстно, знаешь... Ну, потращаешь—броситъ. Потращать можно... Я вотъ и свою просваталъ, да робость беретъ... Онъ вдовецъ, вдовый... Да ну-ка откажется? Надо сбывать пока время, а постàрѣетъ, кто такую-то возьметъ. Ну-ка, думается, откажется... „На кой, молъ, чортъ нужна такая-то“... А она хоть чисто сказать не можетъ, а на черную работу хороша, не покорю... Ты вотъ подхватилъ хорошую, анъ дѣло-то хуже вышла... Не пара, значитъ, оказалась. Руби, значитъ, древо по себѣ...

— Я сундукъ у тебя пока оставлю,—сказалъ Игнатъ, не поднимая глазъ.

— Это можно... Оставь... Оставить можно, — согласился Марей.

И на порогъ вышелъ проводить Игната. Опять падалъ рѣдкій снѣжокъ, мягкій, блѣдный. Но холоднѣло, яснѣло. Темнò синѣя въ вышинѣ, межъ облаковъ, расчищалось небо. Бѣлое поле за снѣжными оврагами посизѣло. Мѣсяцъ, чистый, полный, выкатывался на просторъ, косая бѣлая туча съ оранжевымъ полукругомъ, падавшимъ на нее отъ мѣсяца, сдвигалась къ горизонту, къ сѣверо-западу. Тѣни отъ водовозокъ стали рѣзче, улица заискрилась.

— Зима обозначается,—хрипло сказалъ Марей, высовывая голову изъ низкой двери темныхъ сѣнецъ на свѣтлую улицу и вдыхая пахучую свѣжесть.

И опять твердымъ шагомъ пошелъ Игнатъ, не поворачивая завязанной башлыкомъ головы. Пройдя версты двѣ по деревнямъ, выйдя на лугъ, на дорогу въ гору, онъ увидалъ на горѣ знакомую усадьбу, темный палисадникъ во дворѣ и четыре освѣщенныхъ окна за нимъ. Но пошелъ онъ къ нижнему саду, спускавшемуся по горѣ отъ усадьбы до самаго луга, вошелъ въ его ворота, перешелъ по плотинѣ занесенной снѣгомъ сажалки, направляясь къ длинной и мрачной бревенчатой избѣ скотнаго двора, чернѣвшаго въ глубинѣ сада, подъ вѣковыми деревьями. Небо надъ нимъ было синее, бездонное, съ рѣдкими, крупными звѣздами. Мѣсяцъ катился въ вышинѣ справа. Впереди, среди свѣта и тѣней, то садясь на заднія лапки и поднимая торчкомъ уши, то дѣлая короткіе прыжки, двигался заяцъ, пробираясь на золотую поляну за сажалкой. Красно-золотой звѣздой казался огонь въ избѣ, покрытой сумракомъ деревьевъ.

Почему не спалъ, почему такъ пристально посмотрѣлъ на Игната тотъ блѣдно-голубой лицомъ, бѣловолосый, двухголовый пастушонокъ, что̀ отворилъ дверь этой большой, очень теплой избы? Надъ столомъ привѣшена была къ ея блестящему, какъ каменный уголь, потолку лампочка. Въ переднемъ углу—олеографія въ рамкѣ: Николай угодникъ въ малиновомъ одѣяніи, съ фіолетовой бородой. Бѣлая коростовая свинка ходила по липкому земляному полу, хрустѣла, катала что-то по зубамъ. Въ загородкѣ возлѣ печи стояли телята, коричневые и желто-бѣлые. Они не спали, клали морды съ широкими, нѣжными, влажно-розовыми носами на загородку, смотрѣли ясными глазами, мочились тонкими, прямыми свѣтлыми струйками. Отдавало отъ нихъ запахомъ мокрой коровьей шерсти, молокомъ парнымъ, какимъ-то утробнымъ тепломъ,—и долго вспоминалъ потомъ Игнатъ этотъ

запахъ, простой, успокаивающій, а вслѣдъ за нимъ—старика-отца. На кровати возлѣ загородки сидѣлъ онъ, спустивъ блѣдныя волосатыя ноги въ узкихъ синихъ портканхъ и грязной рубахѣ, лысѣющій со лба, худой, какъ скелетъ, и, положивъ большія руки на колѣни, важно закрывъ глаза и обративъ лицо къ иконѣ, шепталъ что-то.

— Онъ у насъ сумасходный,—тихо сказалъ пастушонокъ, во всѣ глаза глядя на Игната.—Дюже старъ сталъ.

И, услыхавъ его голосъ, чувствуя чье-то присутствіе, еще выше, важнѣе и печальнѣе откинулъ старикъ голову, свой тонкій, горбившійся отъ худобы носъ.

— Богъ благословитъ, Богъ благословитъ, — пробормоталъ онъ.

Обнаживъ стриженую, въ стѣнкахъ башлыка, голову, но забывъ поздороваться съ отцомъ, Игнатъ спросилъ мальчика:

— Любовь въ домѣ?

— Въ домѣ, въ домѣ,—поспѣшно отозвался тотъ.—Къ ней купецъ пріѣхалъ.

Игнатъ надѣлъ фуражку, вышелъ изъ избы и пологой горой, черезъ фруктовый садъ, по заячьимъ тропинкамъ, среди яблонь и свѣтлыхъ полянъ, испещренныхъ тѣнями, быстро дошелъ до калитки на барскій дворъ, откинулъ ее и, согнувшись, утопая въ снѣгу, перебѣжалъ въ зеленоватый сумракъ палисадника. И тотчасъ же за маленькимъ окномъ прихожей увидѣлъ жену.

Но за стѣной дома вдругъ глухо залаяла собака. Онъ отскочилъ—и застылъ, замеръ, прижавшись къ стѣнѣ.

IV.

Поставивъ въ темныхъ сѣняхъ самоваръ, она сидѣла въ прихожей съ перегородкой, выбѣленной мѣломъ, штопала чулокъ у стеариноваго огарка, горѣвшаго въ позеленѣвшемъ мѣдномъ подсвѣчникѣ на подоконникѣ. Пожилой казалась теперь эта красивая черноглазая женщина въ красной кофтѣ, съ полными, мягкими грудями, въ бѣломъ платочкѣ, подъ который уходилъ среди черныхъ волосъ широкій проборъ.

Двѣ большія тѣни, одна лилово-темная, другая свѣтлѣе, падали отъ нея на перегородку, поднимались на потолокъ. Когда подошелъ подъ окно Игнатъ, она, задумчиво склонивъ голову на бокъ, поглядѣла на заштопанную пятку чулка и вынула изъ него старинную серебряную суповую ложку. Бѣлый, въ коричневыхъ пятнахъ пойнтеръ, спавшій въ залѣ въ углу, на репсовой каретной подушкѣ, вдругъ басомъ брехнулъ, вскочилъ и съ гремящимъ лаемъ, стуча когтями по

паркету, побѣжалъ къ прихожей. Любка живо и серьезно взглянула на дверь въ залъ. Потомъ, загородивъ ладонью щеку отъ огня, прильнула къ стеклу.

— Кто тамъ?—сказала она громко, съ хозяйственной строгостью, но тревожно, отдирая сперва одну, потомъ другую примерзшую форточку и заглядывая въ открывшійся, пустой, полный легкаго морознаго воздуха, квадратъ.

Свѣтлая ночь, все звончѣющая надъ мертвой бѣлой окрестностью, надъ давно спящими деревнями, надъ застывшей въ молчаніи усадьбой, надъ живописными и неподвижными подъ звѣзднымъ небомъ садами, крѣпла, достигала своей высшей красоты и силы. Пятна свѣта на снѣгу въ сумракѣ палисадника горѣли зеленовато. Мѣсяца не было видно,—только поднявъ голову, увидала Любка сквозь вѣтви сосенъ его зеркальный кругъ. За стволами ихъ просторно бѣлѣлъ свѣтлый дворъ, и свѣжая колея, прорѣзанная по немъ санками купца, недавно взрытый и уже затвердѣвшій слѣдъ розово сверкалъ. Любка, приглядываясь, сдвинула пьявки черныхъ бровей. Но только на мгновеніе смутной тревогой дошло до нея въ этой полночной тишинѣ присутствіе человѣка, такъ близко отъ нея прижавшагося къ стѣнѣ. Она подождала отвѣта, захлопнула форткн и пошла въ залъ накрывать на столъ.

Въ нетопленомъ, прохладномъ большомъ залѣ было сдвинуто много мебели, много стульевъ и старинныхъ креселъ. У той стѣны, гдѣ была дверь въ прихожую, стоялъ рояль, подъ нимъ лежали круглые палевые мѣшки въ синихъ клеймахъ—съ клеверомъ. Высокія двери въ гостиную были закрыты. Между ними и угловой кафельной печкой чернѣлъ шелушившійся портретъ въ золотой, прихотливой рамѣ. Столъ у стѣны противъ оконъ освѣщала на цѣпяхъ спускавшаяся съ потолка лампа.

Проѣзжавшій изъ города въ купленный на срубъ мизютинскій лѣсокъ и ночевавшій въ усадьбѣ купецъ былъ невысокій, тяжелый человѣкъ, въ черной бородѣ съ бурымъ подсѣдомъ и черными косыми глазками. Разстегнувъ только верхніе крючки сизаго, очень полнаго и вонючаго романовскаго полушубка, отвернувъ на груди пышную дымчатую овчину, онъ, мягко ступая черными поярковыми валенками, бродилъ по залу, разсматривалъ мебель, шифоньерки, бронзоваго коня подъ стекляннымъ колпакомъ на подзеркальникѣ. Возлѣ печки возилась мышь, стараясь протащить въ маленькую щелку пола большой кусокъ лепешки. Купецъ засмотрѣлся на мышь. Вскочивъ, басомъ забрехалъ пойнтеръ,—и онъ съ легкой улыбкой удивленія и удовольствія послушалъ, какъ отдалось

въ пустомъ домѣ и зазвенѣли мѣдныя струны рояля; онъ приподнялъ его крышку, попробовалъ безыменнымъ пальцемъ въ разныхъ мѣстахъ клавиши...

— Хорошо у васъ тутъ, тихо,—сказалъ онъ входившей и выходившей Любкѣ.

— Скучно,—отвѣтила Любка, чуть усмѣхнувшись.

Она накрыла столъ, принесла вазочку съ зеленымъ вареньемъ, солонку, въ которой соль была перемѣшана съ крошками хлѣба, тарелку съ кускомъ солонины, радужно-ржавой, въ застывшемъ жирѣ, похожемъ на вату, и бутылку водки, съ матовымъ отъ мороза налетомъ на стеклѣ.

— А ты бы забаву какую-нибудь пріискала себѣ,—сказалъ купецъ, привычно намекая на то, на что всѣ намекаютъ.

— И то правда,—тоже привычнымъ, беззаботнымъ тономъ отвѣтила Любка.

Теперь уже не было прежней живости въ ея отвѣтахъ. Она стала спокойнѣе, говорила меньше, проще и грубѣе, привыкнувъ распоряжаться и ругаться съ работниками, отвыкая отъ господъ. Ограниченная, она казалась умной, благодаря этому умѣнію, присущему женщинамъ, подобнымъ ей, не говорить лишняго, и звѣриной ихъ смѣтливости.

Когда она принесла и, высоко поднявъ, поставила на столъ самоваръ, купецъ пролѣзъ за столъ на новый вѣнскій диванъ, не спуская косыхъ глазъ съ ея грудей. Она въ бокъ блеснула смуглыми бѣлками и, съ равнодушнымъ видомъ, не спѣша, отошла, стала, какъ бы грѣясь, къ холодной печкѣ. Купецъ осторожно и неловко, надъ столомъ, сдвинулъ рукавъ полушубка съ кругливщейся изъ него дымчатой густой шерстью и взялъ ножъ въ лѣвую руку, а вилку въ правую. Любка и это замѣтила. „Лѣвша,—подумала она:—распутный, небось“. Но опять грубо забрехалъ пойнтеръ, глядя въ прихожую, и она опять тревожно прислушалась.

— На кого это онъ все?—спросилъ купецъ, выпивъ, раздувая ноздри и вытирая усы дырявой салфеткой.—Какъ отзывается,—сказалъ онъ, послушавъ.—Не домъ, а органъ.

— Да, небось, все этотъ пьяница шатается, мужъ скотницы нашей,—отвѣтила она и, подумавъ, насмѣшливо улыбнулась.—Тутъ такая потѣха идетъ, не приведи Богъ.

Купецъ, отрѣзая кусочекъ солонины и намазывая его горчицей, равнодушно воскликнулъ:

— Да что ты!

— Ей-Богу,—сказала Любка.—Закружилась тутъ съ однимъ, да и другимъ не отказываетъ. Ну, онъ и ходитъ. Грѣхъ судить, а только дойдетъ у нихъ дѣло до бѣды.

— Что жъ, еще дружка себѣ нашла?

— Да ай ихъ мало!—сказала Любка, думая не о скотницѣ, о себѣ и о своемъ любовникѣ, портномъ изъ Шатилова, ьшено ревновавшемъ и все грозившемъ убить ее.—Только ъ не туда попадаетъ...

Говоря, она косилась на окно возлѣ дверей въ гостиную. о всѣхъ окнахъ зелено и остро искрились обледянѣвшія жнія стекла. Въ это окно, незамерзшее, видны были рѣдкія ѣзды на синемъ глубокомъ небѣ, зелень палисадника и стрѣха въ снѣгу. Купецъ ѣлъ, что-то обдумывая. Любка або зѣвнула и опять заговорила:

— А, должно, здоровый морозъ будетъ. Куда въ даль къ-то поѣхать, замерзнешь.

— Очень просто,—сказалъ купецъ и посмотрѣлъ на пойнра, положившаго морду на лапы.—А собака эта чья же?

— Да барина нашего молодого, Николай Кузьмича,—сказла Любка.—Надоѣла до крайности. На дворѣ никакъ не жетъ жить, нѣжна очень. Голая вся. Два раза въ недѣлю паю, пропасти на нее нѣту. Онъ у насъ чудакъ какой-то.

— Да и дуракъ, можно сказать, хорошій, — вставилъ куцъ.

— Дуракъ, нѣтъ ли, не мое бабье дѣло судить, — сказала обка, думая, что такой скромный отвѣтъ понравится купцу.— лько, правда, никуда не гожается и дома не живетъ, а объ бакѣ въ каждомъ письмѣ пишетъ, безпокоится.

— А ты ужъ давно здѣсь проживаешь?

— Давно. Седьмой годъ, никакъ.

— И довольна, значитъ?

— Да чего жъ мнѣ? Сама себѣ голова. Они, господа-то, честь, и не живутъ тутъ.

— Мужъ-то въ солдатахъ?

— Въ солдатахъ.

— И на войну не попалъ?

Любка засмѣялась, глядя въ потолокъ, держа руки за спию, какъ бы грѣя ихъ.

— Они, такіе-то, счастливые, черти,—сказала Любка, смѣясь.

— И отслужится, небось, скоро?

— То-то и бѣда, что скоро. Все писалъ, грозилъ: лью́сь. А мнѣ какая забота? Самъ же будешь подъ забомъ лежать, — сказала Любка то, что часто говорила портму. — И опять же ревнивъ, надоѣлъ своей любовью дочерти... Все, бывало, грозитъ — убью, а скажи ласковое ово — сейчасъ слюни распуститъ. Да что жъ, и убьетъ... очью, когда такъ-то кобель забрешетъ, жутко, правда...

— Ты жаловаться на него имѣешь право,—сказалъ ку
нецъ.—Это время прошло, чтобы сдуру, здорово живешь, лю
дей бить.

Онъ съѣлъ всю солонину, обрѣзая ватный жиръ, допилъ
водку. Глаза его стали маслянистѣй, полушубокъ онъ разстег
нулъ. Икая, онъ вынулъ изъ кармана красную осьмушку
табаку, камышевый мундштукъ, книжечку папиросной бумаги
аккуратно раскрылъ ее, отдулъ одинъ листикъ, свернулъ своими
короткими пальцами съ выпуклыми, круглыми ногтями тол
стую папиросу и съ наслажденіемъ закурилъ.

— Давно замужъ-то вышла? — спросилъ онъ съ мутной
усмѣшкой.

— Пятый годъ пошелъ.

— А дѣтей не было?

— Не было.

— Почему же такъ? Ты вѣдь, думается, здорова, хорош
была?

— Страшная хорошая! — сказала Любка, польщенная, и
улыбаясь насмѣшливо, и начала врать.—А ужъ это, видно
не моя вина, я сама по дѣтяхъ скучаю. Значитъ, онъ чѣмъ
нибудь испорченъ, а моя какая можетъ быть вина? Онъ и
то и зло на меня имѣетъ, на то и обижается. А я смолод
горячая была,—искусаю его, бывало, до синяковъ, а у нег
старанья много, а все безъ толку... Плохая наша бабь
доля,—сказала она.

Купецъ уставился на нее прищуренными глазами. Затяг
вался онъ все глубже, пуская дымъ въ потолокъ.

— Это вѣрно,—сказалъ онъ, не зная, что̀ говорить.—Д
что̀ ты все около печки-то спасаешься?

Сдерживая улыбку, Любка отвѣтила съ дѣланной простото
— А гдѣ жъ мнѣ стоять? Мое мѣсто тутъ.

— Къ столу садись, — сказалъ купецъ. — Тутъ лучше с
грѣешься. Будетъ каляниться-то, авось, я не взыщу.

— Не взыщете, такъ сяду,—отвѣтила Любка съ игриво
скромностью и сѣла къ столу на стулъ.

Она понимала, что купецъ началъ томиться, не зная, ка
приступить къ дѣлу. Купецъ, отвалясь къ спинкѣ диван
порою вздыхалъ, отдувался, закрывая глаза и хмуро ул
баясь, порою тяжело смотрѣлъ на ея грудь, проборъ, —
глаза его то стеклянѣли, то вспыхивали. Дѣлая вид
что она ничего не замѣчаетъ, Любка, опустивъ рѣсниц
пила жидкій чай съ лимономъ, скромно вытирала конце
головного платка потѣющую верхнюю губу, покрытую че
нымъ пушкомъ. Купецъ вздохнулъ еще шумнѣе и вдругъ,

глядя на нее, сталъ торопливо и неловко разстегивать своей крѣпкой маленькой рукой пазуху синей фланелевой рубахи, подъ которой былъ жилетъ. Разстегнувъ и жилетъ, онъ запустилъ руку во внутренній боковой карманъ и вытащилъ бумажникъ. Любка сдвинула пальцемъ тонкій ломтикъ лимона къ краю блюдца, положила его въ ротъ и стала высасывать, не въ мѣру морщась, дѣлая видъ, что чувствуетъ только одно—острую кислоту. Мгновенно замѣтила она, что бумажникъ очень толстый и потертый, быстрымъ взглядомъ окинула пухлую пачку розовыхъ кредитокъ, которую вынулъ купецъ изъ бумажника. Отдѣливъ одну кредитку, склеенную бумажной ленточкой, спрятавъ остальныя, онъ сталъ лѣвой рукой пихать бумажникъ обратно, а правую ковшикомъ положилъ на нее.

— Довольно, что ли?—спросилъ онъ.

Какъ будто ничего не понимая, Любка равнодушно взглянула на десятирублевку, потомъ перевела томно-пристальные глаза на него.

— Что говорю-то?—повторилъ онъ смѣло, почти грубо.

— Да чего жъ,—сказала она вдругъ съ такой простотой, что онъ слегка опѣшилъ.—И всѣ не святыя.

Сунувъ деньги въ передній карманъ юбки, она поджала руки, навалилась на столъ и опять посмотрѣла на него долгимъ взглядомъ. Онъ, сконфузясь, не зная, что говорить и сдѣлать, взялъ ее за правую руку, потянулъ за холодные концы корявыхъ снизу пальцевъ. Она отняла ихъ и, тоже не зная, что сказать, спросила:

— Что жъ сало-то не докушали?

И, взявъ оставшійся на тарелкѣ кусочекъ, положила его въ ротъ.

— А я люблю,—сказала она:—она сладкая, опричи если на сковородкѣ поджарить.—И засмѣялась:—Постъ, а мы скремъ...—И, помолчавъ, беззаботно добавила:—Ну, да авось, все одно въ аду кипѣть.

— За что же это?—спросилъ купецъ.

— Да за все. Наше мѣсто въ аду. Старые люди говорятъ, все одно изъ мужиковъ въ святые не выходятъ. Всегда изъ архіереевъ, алхимандритовъ,—прибавила она задумчиво.

И вдругъ, разгибаясь, рѣшительнымъ шопотомъ сказала:

— Ну, пойдемте, что ль...

V.

Игнатъ, стоя на снѣгу, давно не чувствовалъ ногъ, окоченѣла и голова его, насквозь промерзла, стала тонкой, ле-

дяной шинель. Сперва онъ пошевеливалъ пальцами въ сапогахъ, двигалъ плечами. Потомъ уже не обращалъ вниманія на то, что все послѣднее тепло сосредоточилось и дрожало у него гдѣ-то подъ ложечкой, что стали деревянными губы, обросли инеемъ края башлыка, рѣсницы и усы.

Онъ не замѣчалъ времени, весь поглощенъ былъ страстнымъ желаніемъ, чтобы оправдались его подозрѣнія. Пропѣли вторые пѣтухи. Сила, свѣтъ, красота ночи стали ослабѣвать. Мѣсяцъ, блѣднѣя, склонялся къ западу. Оріонъ, три поперечныхъ звѣзды его низко стояли на юго-западномъ горизонтѣ серебряными пуговицами, стали больше и ярче. Отъ людской, надъ которой склонялся мѣсяцъ, пала, полъ-двора захватила тѣнь. Было такъ морозно и тихо, что слышно было, какъ трепыхались, возились на насѣстѣ ночевавшія въ сѣняхъ людской куры, какъ въ конюшнѣ мѣрно хрустѣла овсомъ лошадь купца, какъ потомъ она, съ глубокимъ вздохомъ, легла. Противъ крайняго незамерзшаго окна зала торчала изъ снѣга подъ нависшими вѣтвями ели скамейка. Снѣгъ, мѣстами атласный, мѣстами хрупкій, какъ соль, разсыпчатый и все твердѣвшій отъ мороза, визжалъ и хрустѣлъ при каждомъ, самомъ осторожномъ шагѣ. Затаивая дыханіе, Игнатъ добрался до скамьи, сталъ на нее и, разведя руками глянцевито-ледяную, пахучую зелень колкой хвои, все забылъ, увидавъ внутренность зала, увидавъ эту страшную для него, двигающуюся, что-то говорящую и улыбающуюся женщину и человѣка, бывшаго съ ней въ этотъ поздній одинъ-на-одинъ во всемъ домѣ.

Но время шло, шло—и ничего особеннаго не происходило въ залѣ. Вотъ Любка сѣла наконецъ къ столу, и купецъ сталъ вынимать что-то изъ-за пазухи. Но что? Какъ ни напрягалъ Игнатъ зрѣнія, разглядѣть не могъ: мѣшалъ самоваръ и посуда... Вотъ Любка привстала, облокотилась на столъ, подвинулась къ купцу, и въ незастегнутый разрѣзъ ея платья сзади стала видна нижняя бѣлая юбка. И въ мірѣ настала такая тишина, что осталось въ немъ только біеніе сердца Игната. Вдругъ и оно куда-то провалилось—весь этотъ пустой и мертвый міръ ужасомъ наполнило блеяніе дьявола. Игнатъ понялъ, что это заблеялъ баранъ—очень далеко гдѣ-то, на деревнѣ. Но, должно-быть, и видъ у этого внезапно проснувшагося въ самый мертвый часъ зимней ночи барана былъ дьявольскій и хрипота въ его блеяніи была дьявольская. Только дьяволъ только въ роковой часъ могъ заревѣть такъ страшно. И въ тотъ же мигъ Любка разогнулась, быстро пошла по залу, къ двери ведущей внутрь дома, за ней двинулся купецъ,—и легко

уже ничего не думая, Игнатъ соскочилъ со скамейки и побѣжалъ подъ елями въ сторону, противоположную парадному крыльцу, чтобы, обогнувъ домъ, вскочить въ него съ задняго. На пустой синевѣ небосклона съ новыми, предутренними звѣздами, сквозилъ, чернѣя, потонувшій въ снѣгахъ, низкій фруктовый садъ. Еще давеча замѣтилъ Игнатъ, выходя изъ калитки, кучи хвороста между нею и домомъ. Въ хворостѣ всегда валялся топоръ. И, добѣжавъ до хвороста, Игнатъ кинулся искать этотъ знакомый, зазубренный, ржавый топоришко со скользкой рукояткой,—сталъ шарить, обдирая руки о ледяные прутья и обжигая ихъ о снѣгъ, синевато блестѣвшій противъ низко опустившейся сонной луны.

Купецъ, нащупавъ въ карманѣ полушубка маленькій и, какъ камень, тяжелый револьверъ, вошелъ, между тѣмъ, въ темный коридоръ и протянулъ впередъ руки.

— Тутъ хворостъ на топку приготовленъ, не упадите,— сказала Любка, и онъ, наступая на сучки и съ трескомъ ломая ихъ, ощутилъ пріятный, горьковатый запахъ холодной дубовой коры и сухой листвы въ снѣгу.

Любка остановилась, говоря: „это тутъ у насъ задняя прихожая“, пошарила по стѣнѣ и отворила дверь въ большую нежилую комнату, очень холодную, пахнущую ветчиной, освѣщенную двумя тускло синѣющими окнами съ незамерзшими верхними стеклами. Мѣсяцъ стоялъ далеко, съ другой стороны дома, въ этой комнатѣ было сумрачно, но все-таки купецъ разглядѣлъ окорока, висѣвшіе подъ потолкомъ, кадку съ соленымъ саломъ, сепараторъ, слабо поблескивавшій никелемъ велосипедъ, бѣлѣющія на полу крынки и кровать у стѣны—деревянную, безъ перины, съ одной подушкой безъ наволочки. И, повернувшись, задомъ подвигаясь къ кровати, Любка опять предупредила, но уже таинственно, отвѣчающимъ моменту шопотомъ:

— Смотрите, не попадите въ масло.

Она стала такъ, чтобы удобнѣе было лечь, чтобы купцу можно было повалить ее. И у него сразу отнялись ноги отъ ея шопота. Она еще что-то шептала, ласково, съ дрожью въ голосѣ, но онъ уже не слушалъ,—онъ, охвативъ и прижимая къ себѣ ея тяжелое тѣло, поймалъ ея ротъ и, впиваясь въ него, толкалъ ее къ кровати все ближе, пока икры ея не уперлись въ нее, пока кровать не пришлась подъ самыя ея колѣни. И тутъ Любка, дотолѣ слабо сопротивлявшаяся, безмолвно повалилась. Она чувствовала боль отъ давленія часовъ и цѣпочки и одной рукой разглаживала густую, мягкую бороду, а другой крѣпко держала за указательный палецъ съ

большимъ золотымъ перстнемъ. Она чувствовала вступающую въ тѣло сладкую муку, волны истомной силы, и, какъ бы сердясь, стала перекусывать волосъ бороды, закрывшей ея ротъ. Обѣими руками охватила она и крѣпко прижала къ себѣ бычью, сморщенную шею, лохматую голову... Но голова эта вдругъ поползла внизъ изъ-подъ рукъ, тѣлу Любки стало легко, а ногамъ — больно отъ тяжести. Она приподнялась. Купецъ грузно сѣлъ на полъ, захрипѣлъ и упалъ навзничь, мягко стукнувшись затылкомъ. Она вскочила и кинулась поднимать его. Но онъ дышалъ, какъ умирающій, хрипя и свистя горломъ, тѣло его, съ высокимъ, раздувающимся животомъ, было огромно и тяжело, какъ мертвое. И страхъ холодомъ облилъ ея голову.

Задрожавшими руками она стала срывать съ пуговицъ воротъ его фланелевой рубахи, разстегнула поясъ съ серебрянымъ наборомъ. Потомъ схватила подушку съ кровати, бросила ее на полъ. Побѣжала въ прихожую, зажгла огарокъ, сунула полотенце въ ведро съ водой и вернулась, освѣщая въ коридорѣ во всѣ стороны кинувшихся крысъ. Поставивъ огарокъ на кровать, она накрыла полотенцемъ лобъ и закатившіеся глаза купца, съ ужасомъ глядя на его горой лежащее тѣло, на распахнутыя полы полушубка и на бѣлое полотенце на сизомъ лицѣ съ задранной кверху черной бородой. И вдругъ, какъ громъ, раздался стукъ двери. И, вскинувъ глаза, Любка окаменѣла, увидавъ надъ собой солдата, показавшагося ей чуть не до потолка ростомъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ фуражку, а правой, отведенной назадъ, сжималъ топоръ. Сдѣлавъ къ Любкѣ шагъ, онъ быстро перехватилъ его рукоятку, но еще быстрѣе, ловя послѣднюю секунду, она твердымъ голосомъ приковала его къ мѣсту.

— Мой грѣхъ, — быстро сказала она. — Добивай скорѣй. Богаты будемъ. Тебѣ ничего не будетъ. Скажешь—захватилъ меня. Скорѣе!

Игнатъ глянулъ на ея сразу похудѣвшее, обрѣзавшееся лицо, на расширенные и неподвижные черные глаза, на красную кофту и засученныя смуглыя, полныя руки—и со всего размаху ударилъ обухомъ въ мокрое полотенце.

При третьихъ пѣтухахъ въ людской уже горѣла лампа и топилась печь. Кухарка, сладко зѣвая, сидѣла противъ нея на лавкѣ, грѣлась и, не моргая, смотрѣла на жаркое разноцвѣтное пламя, окликая спавшаго на печи Ѳедьку, работника купца, которому было приказано запрягать пораньше. Онъ, заспанный, мордастый, съ бѣльмомъ на глазу, слѣзъ съ

печи, зачерпнулъ изъ кадки корецъ ледяной воды, умылся изо рта, одной рукой, разодралъ кухаркинымъ деревяннымъ гребнемъ свои сбитые густые волосы, покрестился въ уголъ, откашливаясь, залѣзъ за столъ, съѣлъ чугунчикъ горячихъ картошекъ, насыпавъ кучку соли на сырую доску стола и отрѣзавъ огромный ломоть хлѣба, потомъ ладно одѣлся, очень туго и низко подпоясался, закурилъ и бодро, повизгивая по морозному утреннему снѣгу нагольными, твердыми какъ дерево и рыжими отъ снѣга сапогами, мотая закопченнымъ фонаремъ, въ которомъ тускло горѣлъ сальный огарокъ, пошелъ запрягать.

Допѣвали пѣтухи, ночь смѣшалась съ днемъ. Изъ неопредѣленнаго разсвѣтнаго сумрака съ утренней опредѣленностью выступали предметы. Снѣгъ на дворѣ, на крышахъ становился блѣдно-бѣлъ, чуть синѣя. Блѣднѣло, расширялось и легкое небо за садомъ, за сквозными деревьями. Воздухъ былъ чистъ и остеръ, какъ эѳиръ. Въ густой зеленой хвоѣ морозно-неподвижнаго палисадника возились проснувшіяся галки. А на западѣ еще чувствовалась ночь, ея тайны. Мертво блестѣлъ невысокій мѣсяцъ на сумрачномъ горизонтѣ, на синеватомъ небосклонѣ за снѣжной долиной рѣки. Отворивъ ворота сарая и поставивъ фонарь на старый, тяжелый фаэтонъ, загаженный курами и покрытый замерзшей еще съ осени грязью, Ѳедька взялся за холодныя оглобли маленькихъ крашеныхъ санокъ и, пятясь, скребя по мерзлой землѣ желѣзными подрѣзами, поволокъ ихъ изъ темноты за порогъ, на блѣдный свѣтъ утра. Снявъ затѣмъ съ деревяннаго колка, вбитаго въ каменную стѣну сарая, наборную узду, захвативъ изъ санокъ сѣделку, онъ пошелъ по твердому, длинному сугробу, мимо заткнутыхъ соломой и забитыхъ снѣгомъ окошечекъ конюшни, къ деннику, гдѣ стоялъ тяжелый, мохноногій жеребецъ купца.

Въ навозномъ темномъ денникѣ было тепло, хорошо пахло лошадью, ея свѣжимъ пометомъ и недоѣденнымъ сѣномъ. Широкій, весь курчавый и сѣдой отъ инея жеребецъ, услыхавъ стукъ двери, повернулъ голову на свѣтъ и легонько заржалъ. Ѳедька подошелъ къ нему—и онъ, играя, опустилъ голову. Ѳедька подвелъ узду подъ нее,—онъ согнулъ толстую шею въ косматой, жесткой гривѣ еще круче. И, мотая головой, поталкивая лбомъ въ грудь Ѳедькѣ, въ его тугой полушубокъ, долго не давался вложить удила. Наконецъ Ѳедька втолкнулъ ихъ въ раздавшіеся желтые зубы, обтеръ руку, испачканную слюной и пѣной, о хвостъ жеребца, дѣлая сразу два дѣла—обтирая руку и приглаживая, оправляя загнувшіеся

кверху, зачесавшіеся волосы на рѣпкѣ,—и повелъ его къ водовозкѣ, поить.

Съ параднаго крыльца, изъ тихаго, съ мертвыми окнами, занесеннаго снѣгомъ дома вдругъ выскочила бѣлая, въ коричневыхъ пятнахъ собака. Отрывисто брехнувъ, она, какъ шальная, сдѣлала два круга возлѣ крыльца и опять кинулась въ домъ. Ѳедька съ удивленіемъ поглядѣлъ на нее. Но жеребецъ тянулся къ кадкѣ съ водой, ударилъ мордой въ ледъ, покрывшій воду, пробилъ его—и вода слегка задымилась. Жеребецъ прильнулъ къ ней своими бархатными губами и, посапывая, долго-долго тянулъ ее; онъ отрывался, разгрызалъ льдинки, слегка повернувъ голову къ Ѳедькѣ,—и Ѳедька ласково, поощрительно посвистывалъ, глядя на его свѣтлый крупный глазъ и свѣтлыя капли, падавшія съ губъ.

— Ну, будя, навѣкъ все одно не напьешься, — сказалъ онъ звучнымъ голосомъ и повелъ жеребца къ санкамъ.

Совсѣмъ свѣтло стало. Въ саду, въ голыхъ кустахъ, уже трещали воробьи. Небо за садомъ помутнѣло, окрасилось алооранжевымъ. Мѣсяцъ, краснѣя, садился за деревней, выдѣлившейся и бѣлѣвшей крышами на сумрачно-лиловомъ западѣ. Заложивъ жеребца, застегнувъ вожжи, Ѳедька, не выпуская ихъ изъ рукъ, кинулся къ сидѣнью, въ одну сторону, а жеребецъ, рванувъ съ мѣста,—въ другую. На бѣгу ввалившись въ санки, разодравъ ему удилами ротъ и на поворотѣ крѣпко взрѣзавъ подрѣзами разсыпчатый настъ, Ѳедька съ атласнымъ скрипомъ перевалился черезъ мягкій, новый сугробъ въ воротахъ и помчался въ поле, на свѣтлый, веселый востокъ—погрѣть лошадь.

И старый, тяжелый жеребецъ быстро запыхался. Ѳедька, сдѣлавъ версты полторы, обжегши лицо встрѣчнымъ острымъ вѣтромъ, широко завернулъ и шагомъ поѣхалъ обратно. Шагомъ въѣхалъ онъ во дворъ, направляясь къ парадному крыльцу—и вдругъ раскрылъ глаза и натянулъ вожжи: кухарка, съ плачемъ, исказивъ блѣдное при золотистомъ утреннемъ свѣтѣ лицо, бѣжала отъ крыльца къ людской, а на крыльцѣ сидѣлъ человѣкъ въ сѣро-рыжей шинели, въ башлыкѣ, стоякомъ завязанномъ вокругъ шеи, съ обнаженной стриженой головою. Наклоняя ее, онъ правой рукой сгребалъ съ сѣраго наста возлѣ ступенекъ свѣжій, бѣлый снѣгъ и прикладывалъ его къ темени.

Капри. II. 1912.

Оглавленіе

V тома.

стр.

Деревня 3

Повѣсти и разсказы 1911—1912 г.

Суходолъ 138
Захаръ Воробьевъ 193
Сто восемь 206
Ночной разговоръ 216
Сила 237
Хорошая жизнь 247
Свѣчокъ 269
Новый дворъ 279
Князь 316

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. А. БУНИНА

ТОМЪ ШЕСТОЙ

ИЗДАНІЕ Т-ва А. Ф. МАРКСЪ :: ПЕТРОГРАДЪ

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1915 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Маркъ, Измайл. просп., № 29.

РАЗСКАЗЫ 1911—1913 г.

Не прошла еще древняя Русь...
Ив. Аксаковъ.

IОАННЪ РЫДАЛЕЦЪ.

Есть новая станція Грѣшное, есть старое степное село того же имени.

На станціи останавливается въ лѣтніе дни юго-восточный экспрессъ. На станціи голо и скучно. Казенный кирпичный вокзалъ, построенный слишкомъ низко по длинѣ, еще слишкомъ красенъ. Платформу замѣняетъ песокъ. Переходить по песку къ вокзалу трудно, да и зачѣмъ? Вокзалъ пустъ и гулокъ, нѣтъ въ немъ ни буфета ни книжнаго кіоска. А поѣздъ великолѣпный. Изъ открытыхъ оконъ тяжелыхъ запыленныхъ вагоновъ глядятъ богатые люди, ѣдущіе на Кавказъ: знаменитый чудовищно-толстый артистъ въ шелковой сѣрой шапочкѣ, черная красивая дама съ лорнетомъ, персіянинъ изъ Баку, не сводящій съ нея нагло-сонныхъ глазъ, худой англичанинъ съ трубочкой въ зубахъ, молча и внимательно осматривающій эти необозримыя равнины, которымъ не уступаютъ только преріи... По доскамъ, вдоль поѣзда, медленно прогуливается широкій старичокъ-генералъ съ маленькими ножками и дѣлаетъ разсѣянный видъ, втайнѣ наслаждаясь и тѣмъ, что у дверей вокзала вытянулся передъ нимъ жандармъ, и тѣмъ, что вотъ ѣдетъ онъ, генералъ, въ скорогомъ поѣздѣ на воды и гуляетъ съ открытой головой, скромный, спокойный за свое достоинство и во всѣхъ отношеніяхъ порядочный. Возлѣ пахнущаго кухоннымъ чадомъ вагона-ресторана, за зеркальными стеклами котораго пестрѣютъ цвѣты на бѣлоснѣжныхъ столикахъ, стоятъ бритые лакеи во фракахъ съ золотыми пуговицами, потный поваръ, поварекъ,—все какъ будто тѣ же самые, что видѣлъ англичанинъ въ Египтѣ и на французской Ривьерѣ. А громадный американскій паровозъ, весь горячій и блестящій масломъ, сталью,

мѣдью, топится, дрожитъ отъ клокочущей въ немъ силы, не-терпѣливо сдерживая ее. Ходитъ по выступамъ вокругъ его лежачаго туловища молодой кочегаръ съ масленкой въ рукѣ; шумитъ рукавъ водокачки, наполняя глубокій тендеръ... И вотъ вода уже переливается черезъ края, все, что̀ нужно, сдѣлано, торопливо бьютъ въ колоколъ у дверей вокзала, генералъ, звеня серебряными шпорами, спѣшитъ въ свой вагонъ...

На станціи Грѣшное, когда скрывается въ степи поѣздъ, становится мертво и безлюдно. Мужикъ, неизвѣстно зачѣмъ приходившій на станцію, долго стоялъ на пескѣ и думалъ: „Вотъ уйдетъ машина, пойду и я помаленьку...“ Глядѣлъ на мужика англичанинъ, дивясь его шапкѣ, полушубку и бородѣ слипшейся на солнцѣ. Глядѣлъ и мужикъ на англичанина но разсѣянно: селу нѣтъ никакого дѣла до поѣзда. Когда поѣздъ скрывается, мужикъ, безо всякаго желанія, съ притвор-нымъ наслажденіемъ крякая, выпиваетъ двѣ кружки теплой воды изъ станціонной бочки, вытираетъ бороду и бредетъ домой. Бредетъ онъ не спѣша: время неопредѣленное, ни днев-ное ни вечернее—въ такую пору дѣлать нечего, думать не хочется, да неопредѣленна и погода: зашло солнце за облачко—не жарко и въ полушубкѣ, хотя, конечно, можно было и не надѣвать его. Дорога отъ станціи къ селу пролегаетъ по вы-гону, мимо большой княжеской усадьбы и каменной церкви что̀ напротивъ нея, возлѣ погоста. Поровнявшись съ цер-ковью, мужикъ, по привычкѣ, снимаетъ шапку и крестится низко кланяясь: въ селѣ Грѣшномъ, за оградой церкви, возл алтаря, рядомъ съ могилой князя, вельможи, ссорившагося съ самимъ царемъ, почиваетъ блаженный, Христа ради юро-дивый Іоаннъ Рыдалецъ.

Княжеская усадьба въ селѣ Грѣшномъ, конечно, стара и давно всѣми забытая: необитаемъ ея каменный двух-этажный домъ, черенъ и дикъ садъ. Погостъ на выгонѣ-голый, бугристый, съ двумя-тремя изсохшими ракитам Церковь грубо испорченнаго византійскаго склада по камн крашена темно-коричневой краской. Въ оградѣ ея, за алт ремъ, не мало разсѣяно широкихъ чугунныхъ плитъ. какъ разъ возлѣ оконъ алтаря высятся два огромных кирпичныхъ гроба, тоже прикрытыхъ плитами. И съ вел кимъ удивленіемъ прочтетъ всякій, не знающій предан седа Грѣшнаго, отлитыя на этихъ плитахъ имена по ними покоящихся: на одной — имя князя и вельможи, а другой — раба его, землянскаго крестьянина Ивана Емель-нова Рябинина. Такъ и сказано: крестьянинъ такой-т

родившійся и умершій тогда-то, а ниже: Іоаннъ Рыдалецъ, Христа нашего ради юродивый. Князь и вельможа, богохульникъ, только передъ самой кончиной примирился съ Богомъ и людьми. И, по княжескому желанію, ничто, кромѣ имени и начала покаяннаго псалма Давида, не украсило княжеской могильной плиты. Плита же юродиваго, не выразившаго никакихъ предсмертныхъ желаній, украшена стихами и однимъ изъ любимѣйшихъ плачей его. „Юродъ, неряшенъ міру онъ казался“—говоритъ строфа, посвященная его памяти неизвѣстнымъ поэтомъ. А подъ нею отлиты тѣ горькія и страшныя слова пророка Михея, съ которыми и умеръ юродивый: „Буду рыдать и плакать, буду ходить, какъ ограбленный, буду выть, какъ шакалы, и вопить, какъ страусы!“

Тѣ, что ѣдутъ въ экспрессѣ на воды, знаютъ немало о князѣ—изъ книгъ. А въ селѣ Грѣшномъ образъ его смутенъ; село знаетъ только то, что лѣтъ сто тому назадъ пріѣхалъ онъ доживать свой вѣкъ въ грѣшинской глуши, что малъ ростомъ и чудёнъ былъ онъ, что странными поступками ознаменовалъ онъ свой пріѣздъ. Доложили ему рано утромъ въ день Новаго года, что пришелъ священникъ съ причтомъ. „Позвать его въ залу“,—сказалъ князь — и долго заставилъ ждать себя. А внезапно выйдя изъ маленькой боковой двери въ эту высокую холодную залу, еще не бритый, безъ парика, въ сафьяновыхъ сапожкахъ и халатикѣ на заячьемъ мѣху, отрывисто спросилъ священника: „Зачѣмъ, сударь, пожаловалъ?“. Священникъ оробѣлъ, смущенно отвѣтилъ, что желалъ бы совершить служеніе. И князь, ѣдко засмѣявшись, будто бы сказалъ ему: „Такъ служи мнѣ, сударь, въ такомъ разѣ панихиду“.—„Но осмѣлюсь спросить, ваше сіятельство,—по комъ же?“—„А по старому году, сударь, по старому году!“—сказалъ князь—и самъ подтягивалъ причту, не дерзнувшему ослушаться... Въ этотъ-то день и отдано было первое приказаніе — дать полсотни розогъ Ивану, съ плачемъ и лаемъ выскочившему изъ ельника на князя, на разметенную аллею, по которой гулялъ князь.

Тѣ, что ѣздятъ мимо станціи Грѣшное, ѣдутъ, если они богомольны, на поклонъ угоднику воронежскому, а про грѣшинскаго, мужицкаго, даже и не слыхали никогда. Въ селѣ же Грѣшномъ вотъ что разсказываютъ. Росъ, говорятъ, Ваня въ семьѣ честной и праведной, у родителей своихъ, высокихъ княземъ подъ Землянскъ-городъ. Съ раннихъ лѣтъ полюбилъ онъ писаніе. Хорошія книжки носилъ онъ и съ богомолья, отъ Царицы Небесной—къ Ней на поклонъ онъ съ бабами часто ходилъ. Мать настаиваетъ, отецъ клянется:

женись, сынокъ! А онъ плачетъ, рыдаетъ, проситъ себѣ отъ Бога видѣнія, на Аѳонъ сбирается. Вышло ему въ видѣніи испытаніе: послухаться отца. Всталъ онъ наранѣ, далъ отцу полное согласіе. Сыграли свадьбу, положили молодыхъ въ отхожую спальню, а они другъ дружки не коснулись, вышли оба заплаканные. Сѣлъ Ваня опять за свое, за всякое священное письмо, а день хорошій, морозный, за ночь снѣгъ выпалъ, виденъ слѣдокъ вездѣ: всѣ къ обѣднѣ пошли, пошла и молодая съ новыми родными, только Ваня одинъ дома, не пожелалъ и въ церковь пойти. И видитъ въ окно: подъѣзжаетъ къ окну поповъ работникъ въ новыхъ розвальняхъ, на ворономъ коню: лошадь отличная, поповская, хлѣбная. Подходитъ работникъ, стучитъ кнутовищемъ: „Ваня, велѣлъ тебѣ отецъ въ церковь ѣхать, взять съ собой лапти новые и денегъ двадцать копеекъ“. Ваня говоритъ: „Да я и не знаю, гдѣ деньги у отца“.—„А за образами,—говоритъ поповъ работникъ,—въ гаманѣ лежатъ“. (По нашей мѣстности всегда такъ—какую записочку волостную, поминаніе—все туда кладутъ, а допрежъ и деньги класть не боялись). Нечего дѣлать, досталъ Ваня деньги, надѣлъ армячокъ, вышелъ, сѣлъ въ сани на колѣнки, поѣхалъ по селу, увидалъ на горѣ храмъ Божій, сказалъ: „Господи Исусе...“. И только сказалъ—глядь, сидитъ онъ въ степи, въ полѣ, на снѣгу, на морозѣ, разутъ, раздѣтъ, новые лапти на ногахъ, старые осметки на веревкѣ черезъ плечо, а самъ плачетъ-рыдаетъ. Узнали въ селѣ объ томъ, наладили подводу за Ваней, хотятъ на сборню везть, думали—бродяга какой, а онъ плачетъ, рыдаетъ, на всѣхъ, какъ цѣпной кобель, кидается, самъ кричитъ на все поле: „Буду, буду ходить, какъ ограбленный, буду вопить, какъ штраусы!“. Ну, конечно, навалились всѣмъ міромъ-соборомъ, избили до безчувствія, связали, повезли, а навстрѣчу отецъ идетъ: пришелъ, говоритъ, отъ обѣдни, вижу, сына нѣту, а видать чей-то пѣшій слѣдъ пробитъ за гумна, за овины: пошелъ я, говоритъ, по этому слѣду и вижу: лапти новые, а слѣдъ отъ одной ноги до другой—болѣ трехъ саженъ...

Село Грѣшное этимъ и кончаетъ житіе святого. А смутно помнятъ его лишь старухи, доживающія свой долгій вѣкъ въ княжеской мертвой усадьбѣ. Всю свою жизнь, говорятъ онѣ, Иванъ скитался и непристоенъ былъ. Онъ долго сидѣлъ на желѣзной цѣпи въ отцовской избѣ, грызъ себѣ руки, грызъ цѣпь, грызъ всякаго, кто къ нему приближался; часто кричалъ свое любимое: „Дай мнѣ удовольствіе!“—и былъ нещадно битъ и за ярость свою и за непонятную просьбу. А сорвавшись однажды, пропалъ — и объявился страннымъ

пошелъ по селамъ, всюду съ лаемъ и оскаленными зубами кидаясь на господъ, на начальниковъ и въ слезахъ вопя: „Дай мнѣ удовольствіе!“. Былъ онъ худой, жиленый, ходилъ въ одной длинной рубахѣ изъ веретья, подпоясывался обрывкомъ, за пазухой носилъ мышей, въ рукѣ—желѣзный ломъ и ни лѣтомъ ни зимой не надѣвалъ ни обуви ни шапки. Кровавоглазый, съ пѣной на губахъ, со всклоченными волосами, онъ гонялся за людьми,—и люди, крестясь, бѣжали отъ него. Былъ онъ уже славенъ, былъ пораженъ какою-то болѣзнью, все лицо его покрывшей бѣлой известковой коркой и сдѣлавшей еще ужаснѣе его алые глаза, былъ особенно яростенъ, когда пришелъ въ Грѣшное, прослышавъ о пріѣздѣ князя. Приказавъ отнять у него ломъ и при себѣ выпороть,—конюхи плакали, растягивая Рыдальца, съ воплями кусавшаго ихъ,—князь сказалъ: „Вотъ тебѣ, Иванъ, и удовольствіе. Я бы могъ тебя въ кандалы заковать и въ тюрьмѣ сгноить, да я, сударь, не злобенъ: гуляй себѣ, проповѣдуй, ори, токмо меня не ондируй. А ежели ты не уймешься, то я неуклончиво буду доставлять тебѣ въ такомъ разѣ то самое удовольствіе, о коемъ ты кричишь, уподобляя себя страусу“. И такъ какъ Иванъ не унялся, почитай каждую недѣлю прежестоко пугалъ князя, выскакивая изъ-за угловъ и запуская въ него мышами, то и таскали чуть не каждую недѣлю люто оравшаго Рыдальца на конюшню...

Въ старомъ селѣ Грѣшномъ скоро забываютъ прошлое, быль скоро претворяютъ въ легенду. Ивана Рыдальца запомнили надолго, можетъ-быть, только потому, что на самого князя возставалъ онъ, а князь всѣхъ поразилъ своимъ предсмертнымъ словомъ. Онъ, когда ему, больному и изсохшему, доложили о кончинѣ Ивана, умершаго въ полѣ, въ дождливую осень, твердо сказалъ: „Схороните же сего безумца возлѣ церкви, а меня, вельможу-князя, положите рядомъ съ нимъ, съ моимъ холопомъ“. И сталъ Иванъ Рябининъ Іоанномъ Рыдальцемъ, и видится онъ селу Грѣшному, точно въ церкви написанный — полунагой и дикій, какъ пророки, всю жизнь вопившій о какой-то радости и умершій въ грязномъ полѣ. Но святымъ и пророкомъ онъ все-таки не сталъ: не вѣритъ село въ мужицкихъ святыхъ, крестится и кланяется, а не вѣритъ—всѣ святые, думаетъ оно, всѣ настоящіе угодники не мужиками, а монахами, священниками, архимандритами были. И дивится наслѣдникамъ князя.

На станціи Грѣшное каждый годъ въ началѣ осени сходитъ съ экспресса и направляется по выгону къ церкви, сопровождаемая начальникомъ станціи, некрасивая, худая

дама въ траурѣ, съ красивымъ тонконогимъ корнетомъ подъ руку. У церковной ограды съ поклонами встрѣчаетъ ихъ полный священникъ въ черной ризѣ и дьячокъ съ кадиломъ. Надъ полями уже тянутся низкія тучи, дуетъ сырой, холодный вѣтеръ. Но священникъ и дьячокъ стоятъ съ обнаженными головами. А входя въ церковную ограду, обнажаютъ головы и корнетъ, и начальникъ станціи, слѣдующій позади всѣхъ и спокойнымъ видомъ своимъ дающій понять, что идетъ онъ только ради вѣжливости. Сзади всѣхъ, спокойно и вѣжливо, стоитъ онъ и тогда, когда начинаетъ развѣваться по вѣтру пахучій кадильный дымъ надъ страшными кирпичными могилами, и обходитъ ихъ, кадя и поклоняясь, возглашая вѣчную память князю и рабу его, священникъ. Корнетъ молится разсѣянно. Онъ, юный, красиво наряженный, выставляетъ впередъ острое колѣно, крестится мелкими крестиками и склоняетъ маленькую головку съ той недоведенной до конца почтительностью, съ которой кланяются святымъ и прикладываются къ нимъ люди мало думающіе о святыхъ, но все-таки боящіеся испортить свою счастливую жизнь ихъ немилостью. Но дама плачетъ. Она заранѣе поднимаетъ вуаль, опускаясь на колѣни передъ могилой Ивана Рябинина, Іоанна Рыдальца, — она знаетъ, что сейчасъ навернутся на глаза ея слезы. „Юродъ, неряшенъ міру онъ казался“—читаетъ она на гробовой плитѣ. И слова эти трогаютъ, умиляютъ ее. А страшныя слова пророка Михея, упоминаніе шакала и страуса внушаютъ ей трепетъ и тоску. И она плачетъ долго и горько, стоя на колѣняхъ, опершись одной рукой, въ перчаткѣ, на тонкій зонтикъ, а другой— голубой, прозрачной, въ кольцахъ — прижимая къ глазамъ, съ мольбой, грустью и слезами устремленнымъ на могилу, маленькій батистовый платокъ.

Капри. 18. II. 1913.

ИЛЬЯ ПРОРОКЪ.

Семенъ Новиковъ, жившій съ братомъ своимъ, сухорукимъ Никономъ, въ Овсяномъ Броду, петровками горѣлъ. Братья согласились подѣлиться, и Семенъ, выселяясь изъ Брода, срубилъ себѣ избу на большой дорогѣ.

Подъ Ильинъ день плотники отпросились ко двору. Надо было ночевать на постройкѣ Семену. Поужинавъ вмѣстѣ съ большой семьей брата, въ тѣснотѣ, среди мухъ и дѣтскаго крика, онъ закурилъ трубку, накинулъ полушубокъ и сказалъ своимъ:

— У васъ тутъ духота. Пойду на постройку, тамъ ночую. Боюсь, струментъ покрадутъ.

— Ты хоть собакъ-то возьми,—посовѣтовала ему баба.

— Вона!—сказалъ Семенъ и пошелъ одинъ.

Ночь была мѣсячная. За думами о будущемъ дворѣ, Семенъ и не замѣтилъ, какъ поднялся изъ села по широкому прогону на гору и отмахалъ по большой дорогѣ съ версту—до своей запотолоченной, но еще не крытой избы, стоявшей на опушкѣ хлѣбовъ, въ пустомъ полѣ, чернѣвшей окнами безъ рамъ и тускло блестѣвшей противъ мѣсяца концами свѣжихъ бревенъ по угламъ, паклей, торчавшей изъ пазовъ, и щепой на порогѣ. Іюльскій золотистый мѣсяцъ, поднявшійся далеко за оврагами Брода, стоялъ низко и былъ мутенъ. Теплый свѣтъ его разсѣивался. Спѣлые хлѣба тускло, сумрачно бѣлѣли впереди, какъ пески. А къ сѣверу было и совсѣмъ хмуро. Тамъ заходила туча. Мягкій вѣтеръ, дувшій со всѣхъ сторонъ, иногда усиливался, порывисто бѣжалъ по рожамъ и овсамъ,—и они сухо, тревожно шелестѣли. Туча на сѣверѣ казалась неподвижной, но часто подергивалась жутким, быстрымъ золотымъ блескомъ.

Семенъ, по привычкѣ сгибаясь, вошелъ въ избу. Въ ней

было темно и душно. Мѣсячный желтый свѣтъ, глядѣвшій въ пустыя окна, не мѣшался съ темнотой, только увеличивалъ ее. Семенъ кинулъ полушубокъ на стружки посреди избы, какъ разъ на одной изъ полосъ свѣта, легъ на спину. Пососавъ потухшую трубку, онъ спряталъ ее въ карманъ и, подумавъ еще маленько, заснулъ.

Но вотъ понесло вѣтромъ въ окна и, черезъ сѣни, въ дверь. Глухо заворчалъ вдали громъ. Семенъ очнулся. Вѣтеръ усилился—онъ бѣжалъ теперь по горячечно шумящимъ хлѣбамъ непрерывно, и свѣтъ мѣсяца сталъ еще тусклѣе. Семенъ вышелъ изъ избы, вышелъ за уголъ, въ сухо и знойно шуршавшіе, блѣдные, какъ саванъ, овсы, посмотрѣлъ на тучу. Она, темно-аспидная, заняла полъ-неба. Вѣтеръ дулъ прямо въ лицо, задиралъ, путалъ волосы и мѣшалъ смотрѣть. Мѣшали смотрѣть, слѣпили и молніи, загоравшіяся все грознѣе и жарче. Семенъ, крестясь, сталъ на колѣни: вдали, среди овсянаго моря, выдѣляясь на стѣнѣ тучи, двигалась на Семена небольшая толпа, съ обнаженными головами, въ бѣлыхъ подпоясках, въ новыхъ полушубкахъ, — съ трудомъ несла саженный запрестольный образъ древняго письма. Толпа была туманная, призрачная, но образъ хорошо виденъ—страшный, строгій ликъ, краснѣвшій на черной доскѣ, опаленной свѣчами, закапанной воскомъ, окованной по краямъ старымъ, сизымъ серебромъ.

Вѣтеръ разобралъ волосы на лбу Семена, пріятно отдувая ихъ,—и Семенъ, въ страхѣ и радости, до земли поклонился образу. Когда же поднялъ онъ голову, то увидѣлъ, что толпа стоитъ, неловко держа величаво откинутый образъ, а на тучѣ, какъ церковная картина, начертался и высится огромный зракъ: самъ могутный бѣлобородый Илья въ огненныхъ хитонахъ, сидящій, какъ Богъ-Саваоѳъ, на мертвенно-синеватыхъ клубахъ нижнихъ облаковъ, а надъ нимъ — двѣ горящихъ по аспиду зелено-оранжевыхъ радуги. И, блестя очами-молніями, голосъ свой сливая съ отдаленнымъ гуломъ грома, Илья сказалъ Семену:

— Держись прямѣй, Семенъ Новиковъ! Слухайте, князья-хрестьяне, вотъ я буду судить его, временно-обязаннаго хрестьянина Елецкаго уѣзда, Предтечевской волости, сельца Овсяный Бродъ, Семена Новикова.

И все поле, песками бѣлѣвшее вокругъ, всѣ колосья его вмѣстѣ съ куколемъ понеслись, побѣжали впередъ, кланяясь Ильѣ, и въ шумѣ ихъ заговорилъ Илья:

— Я серчалъ на тебя, Семенъ Новиковъ, желалъ покарать тебя.

— За что, Батюшка?—спросилъ Семенъ.

— Непристойно тебѣ, Семенъ Новиковъ, меня, Илью, вспрашивать. Ты должонъ отвѣтъ держать.

— Ну, инъ, будь по-твоему,—сказалъ Семенъ.

— Позалѣтошній годъ я убилъ молоньёй Пантелея, старшого твоего: ты зачѣмъ закопалъ его въ землю по-поясъ, колдовствомъ воротилъ его жить?

— Прости, Батюшка,—сказалъ Семенъ, кланяясь.—Жалко было малаго. Разсуди: вѣдь кормилецъ-поилецъ при старости.

— Лѣтошній годъ я посѣкъ, повалилъ твою рожь градомъ-вихрями: ты зачѣмъ прозналъ о томъ загодя, запродалъ эту рожь на корню?

— Прости, Батюшка,—сказалъ Семенъ, кланяясь.—Сердце чуяло, нуждишка была.

— Ну, а нонче, въ петровки, не я ли спалилъ тебя? Ты зачѣмъ спѣшишь строиться, отдѣляешься?

— Прости, Батюшка,—сказалъ Семенъ, кланяясь.—Сухорукій братъ мой несчастливый: отъ него и всѣ бѣды, мнѣ думалось.

— Закрой глаза. Я подумаю, посовѣтуюсь: чѣмъ казнить тебя?

Семенъ закрылъ глаза, склонилъ голову. Вѣтеръ шумѣлъ,—онъ старался сквозь шумъ его тайкомъ подслушать, о чемъ шепчется Илья съ крестьянами. Но близко и тяжело загремѣлъ громъ—ничего не стало слышно.

— Нѣтъ, не придумаемъ,—во весь голосъ сказалъ Илья.—Самъ посовѣтуй мнѣ.

— А глаза-то открыть?—спросилъ Семенъ.

— Не надобно. Слѣпой тверже думаетъ.

— Чудёнъ ты, Батюшка,—серьезно усмѣхнулся Семенъ.—Да и что жъ тутъ придумывать? Поставлю тебѣ свѣчку трехрублевую.

— Не изъ чего. На постройку потратился.

— Тогда въ Кіевъ схожу, либо въ Бѣлгородъ, — нерѣшительно сказалъ Семенъ.

— Это только бездѣльничать, лапти трепать. На кого же хозяйство останется?

Семенъ задумался.

— Ну, дѣвчонку, Аноиску, убей. Ей и всего-то третій годокъ. Дѣвочка, сказать по совѣсти, ласковая, умильная,—жалко намъ будетъ ее, да вѣдь что жъ поделаешь? Все не съ малымъ смѣнить.

— Прислушайте, православные,—громко сказалъ Илья.—Соглашаюся!

И такой огонь разорвалъ тучу, что у Семена чуть вѣки не вспыхнули, и такой ударъ раскололъ небеса, что вся земля подъ нимъ дрогнула.

— Святъ, святъ, свѣтъ, Господь-Богъ-Саваоѳъ! — прошепталъ Семенъ.—Ай да Сватушка!

Очнувшись, открывъ глазъ, Семенъ увидѣлъ только пыльную тучу, пустые волнующіеся хлѣба и самого себя, на колѣняхъ стоящаго среди колосьевъ. Пыль высокимъ вихремъ неслась по дорогѣ, и мѣсяцъ совсѣмъ замутился.

Семенъ вскочилъ на ноги. Позабывъ о полушубкѣ, о топорахъ и фуганкахъ, онъ поспѣшно пошелъ, навстрѣчу вихрямъ, домой, въ село. Крупный дождь захватилъ его на выгонѣ. Темныя облака надвинулись надъ стемнѣвшими оврагами. Красный мѣсяцъ закатывался за ними. Село спало крѣпкимъ сномъ, но скотина по дворамъ безпокоилась, пѣтухи тревожно пѣли. И, подбѣгая къ своей старой, полусгорѣвшей избѣ, Семенъ услыхалъ въ ней бабьи вопли. У порога стоялъ сухорукій Никонъ, въ полушубкѣ и безъ шапки, тощій и морщинистый не по лѣтамъ, глядѣлъ тупо и растерянно.

— Бѣда у тебя, — сказалъ онъ, и по голосу его было слышно, что онъ еще не совсѣмъ проснулся.

Семенъ вбѣжалъ въ избу. Бабы съ крикомъ метались въ темнотѣ, ища сѣрниковъ. Семенъ выхватилъ изъ-за образа коробочекъ, зажегъ каганецъ: люлька, повѣшенная возлѣ печки, носилась изъ стороны въ сторону,—бабы задѣвали ее, бѣгая,— а въ люлькѣ лежала вся сизая, мертвая дѣвочка, и на головкѣ ея тлѣлъ чепчикъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ.

Жилъ Семенъ съ тѣхъ поръ счастливо.

Капри. 17. I. 1913.

Я ВСЕ МОЛЧУ.

Молодымъ Александра Романова всѣ звали Шашей, жилъ онъ тогда въ селѣ Лимовомъ на выгонѣ, въ домѣ подъ желѣзомъ, а билъ его отецъ, Романъ.

Романъ мнилъ себя первымъ человѣкомъ въ округѣ, самимъ господамъ-дворянамъ совалъ руку при встрѣчѣ. Была у него лавка въ селѣ, мельница за селомъ, а богатѣлъ онъ тѣмъ, что скупалъ помѣщичьи рощи на срубъ. Макару, родному брату его, ѣсть было нечего, онъ, оборванный, плелся по выгону и смиренно говорилъ, снимая шапку: „Здорово, братъ!“. А Романъ, сытый, похожій на дьякона, отвѣчалъ ему съ крыльца: „Ты меня, дуралей, не обратывай. Поклонись да иди, куда шелъ, а въ разговоры не лѣзь“. Что же долженъ былъ чувствовать единственный наслѣдникъ такого человѣка? Онъ по селу гулялъ въ городскомъ картузѣ, въ поддевкѣ тонкаго сукна, въ сапогахъ съ лакированными голенищами, грызъ подсолнухи и наигрывалъ польки на дорогой ливенкѣ. Встрѣчались ему дѣвки и ребята, все родственники, по крови одинаковые съ нимъ, и провожали его тѣми взглядами, отъ которыхъ у людей извѣстныхъ мурашки бѣгутъ по спинѣ. Но мрачнымъ и даже свирѣпымъ взглядомъ встрѣчалъ онъ эти взгляды: вся молодость его прошла какъ бы въ приготовленіи себя къ той роли, въ которой достигъ онъ впослѣдствіи такого совершенства.

Романъ на вершинѣ благополучія сталъ ослабѣвать, запутываться въ дѣлахъ. Сивый, бородатый, длиннопузый, въ казинетовой поддевкѣ, похожей на подрясникъ, онъ только во хмелю бодрился, а трезвый былъ унылъ и нарочито грубъ. Слава и могущество еще были у него. Онъ на выгонѣ возлѣ церкви, противъ своихъ оконъ, выстроилъ школу, былъ попечителемъ ея и въ любую минуту могъ заставить учителя

въ ногахъ у себя валяться. Онъ еще могъ давать въ долгъ помѣщикамъ, давать, безъ всякой нужды, взятки становому, угостить могъ шпротами, кислымъ омаромъ въ ржавой жестянкѣ, хересомъ и цымлянскимъ и, угощая, покрикивалъ на кого попроще: „Пей, глупецъ!“. Но пора, пора было смѣнить его. А кому? Смѣны-то и не было. Шаша все больше втягивался въ свою роль, роль человѣка, чѣмъ-то кровно оскорбленнаго,—и отношенія между нимъ и Романомъ сводились только къ тому, что Романъ таскалъ его за „виски“. Шаша, по его словамъ, ангела могъ вывести изъ себя, не таскать его нельзя было. И Романъ таскалъ. А чѣмъ больше таскалъ, тѣмъ все нестерпимѣе становился Шаша.

Ему ли было не гордиться домомъ, могуществомъ и повадками отца! Отецъ при гостяхъ кричалъ на него: „Да будь ты маленько поразвязнѣй, дуралей!“. Но вѣдь это была повадка тѣхъ, кому подражалъ отецъ, повадка купцовъ, а развѣ не высшая гордость—чувствовать себя купеческимъ сыномъ? Отецъ даже хвастался имъ порою, самодовольно говорилъ гостю: „Постой, я табѣ сына покажу!“—и горланилъ на весь домъ: „Шашь, подь суда, тобой Миколай Михалычъ антересуется!“. Но, ахъ, какъ входилъ Шаша въ комнату, гдѣ сидѣлъ гость съ отцомъ! Онъ входилъ, багровѣя, глядя изъподъ насупленныхъ и перекошенныхъ бровей, руки держалъ туго, кренделемъ, ступалъ еще туже, внутрь носками и такъ щеголевато, точно пятую фигуру кадрили танцовалъ, а шаркнувъ гостю, тотчасъ же отскакивалъ къ окну, къ притолкѣ, раздувалъ ноздри, рвалъ зубами заусенцы и, въ ожиданіи оскорбленія со стороны гостя, на вопросы отвѣчалъ съ нелѣпѣйшей краткостью и рѣзкостью... Какъ же было не бить его? Гость уѣзжалъ; Романъ, проводивъ его, молча подходилъ къ Шашѣ и, размахнувшись, крѣпко сгребалъ Шашу за волосы. Шаша молча вырывалъ голову изъ его пятерни и, выскочивъ въ прихожую, ударялъ себя кулакомъ въ грудь:

— Нну, папаша! Я молчу! Я все-е молчу!—шипѣлъ онъ зловѣще.

— Да животная ты этакая!—оралъ Романъ.—Вѣдь за это за самое молчанье да ломанье я и бью-то тебя! Значитъ, ты самъ того добиваешься? Зачѣмъ? Почему?

— Прахъ моей могилы все узнаетъ!—отвѣчалъ Шаша яростно и загадочно.

Можно было голову прозакладывать, что чувствовать себя онъ долженъ былъ превосходно. Онъ ли не въ рубашкѣ родился! По два, по три раза въ годъ онъ заказывалъ себѣ

апоги; деньги и подсолнухи у него не переводились; на лицу онъ ходилъ съ учителемъ, на гармоньѣ игралъ злѣй и лучше всѣхъ; дѣвки пѣли „страдательныя“, не спуская съ него томныхъ глазъ. А осенью, зимой онъ ухаживалъ на вечеринкахъ за кокетливыми поповнами, за дочерьми станового, танцовалъ съ ними подъ аристонъ, бывалъ шаферомъ на свадьбахъ, надѣвалъ сюртукъ, крахмальную рубашку и новыя тугія ботинки. Но и ухаживалъ онъ какъ-то ѣдко, срыву. Да что! Даже наединѣ съ самимъ собой, глядясь въ зеркало и взбивая металлическимъ гребешкомъ свое бурое руно, изверски косился онъ. Носъ у него былъ раздавленный, голосъ хриплый, видъ каторжный; мужики называли его палачомъ... Кажись, не великая честь! Такъ нѣтъ, онъ и этимъ наслаждался. „Подколодный, дьяволъ! — говорили мужики.— Все ему не нравится, все не по его, не такъ!“ И онъ изо всѣхъ силъ старался оправдать эти клички. „Хто? Это Паша-то подколодный? — спрашивалъ Романъ съ негодованіемъ. — Да такими подколодными хоть мосты мости! Онъ дуракъ, ахтеръ, лодарь прирожденный и болѣ ничего. Чего онъ карежится? Какого ему рожна надобно?“ А Шаша глядѣлъ съ ядовитой усмѣшкой да помалкивалъ. „Ну вотъ глянь, глянь на него!—говорилъ Романъ.—Глянь, что онъ строитъ изъ себя!“ А Шаша все выше косилъ брови, все быстрѣе кусалъ заусенцы и уже самъ вѣрилъ, что закипаетъ въ немъ что-то ужасное. „Охъ, папаша! — шипѣлъ онъ, какъ бы не выдержавъ.—Охъ, сказалъ бы я вамъ одну штуку!“ Романъ, унылый, съ обвислыми мѣшками подъ глазами, страдальчески ухмылялся: „А что же это за штука такая? У? Ну-ка, скажи?“ — „Это я-то?“ — спрашивалъ Шаша, кидая взглядъ исподлобья. — „Да. Ты-то?“ — „Прахъ моей могилы все узнаетъ!“ — „Да что узнаетъ-то? Ты пьянъ, негодяй?“ — „Пьянъ! — отвѣчалъ Шаша. — Пьянъ. Я молчу. Я все-е молчу!“ И, чуть не плача, Романъ опять вставалъ на него, какъ медвѣдь, опять ловилъ за голову и, пригнувъ ее, таскалъ съ мучительнымъ упоеніемъ.

Лѣтъ съ двадцати до двадцати пяти Шашу совѣсть почти не били, — развѣ случайно только. Но онъ возмѣщалъ это другимъ. Онъ изыскивалъ иные поводы къ самотерзанію, а поводовъ было уже сколько угодно.

Онъ женился и великолѣпно — на дочери управляющаго барскимъ имѣніемъ, смѣшливой и хорошенькой веснущатой дѣвицѣ. Женитьбу его праздновали роскошно. Господа жили за границей; поэтому вѣнчаться ѣздилъ Шаша въ господской каретѣ, и священникъ, изъ уваженія къ этой каретѣ, поздра-

влялъ его съ законнымъ бракомъ особенно краснорѣчиво и подобострастно, хотя и казалось Шашѣ, что надъ нимъ издѣваются. Въ господскомъ домѣ шелъ и свадебный пиръ. Вино рѣкой лилось. Романъ, при общихъ восторженныхъ кликахъ одинъ плясать пошелъ, сотрясая паркетъ, зеркала и люстры. Господскій лакей превосходно изобразилъ поѣздъ: гремучи засвисталъ въ пальцы, затѣмъ началъ медленно и тяжко отбивать грохотъ все расходящагося поѣзда и кончилъ буйнымъ галопомъ. Дьячокъ, опившись на пиру коньякомъ, по дорогѣ домой умеръ. Дьякона, на собственномъ дворѣ упавшаго въ навозную жижу, едва не затоптали овцы. Мерзѣйшій осенній разсвѣтъ блѣдно синѣлъ изъ тумана въ господскія дымныя залы, а тамъ все еще горѣли огни, все еще захлебывался охрипшій аристонъ то „Лезгинкой“, то „Вьюшками“, все еще кричали мокрые отъ жары и хлопотъ шафера, управлявшіе танцами, и у барышень мутились глаза отъ усталости, отскакивали отъ пляса подошвы бѣлыхъ туфель... Но Шаша и собственнаго торжества не пощадилъ, притворясь пьянымъ, убѣдивъ себя, что онъ адски приревновалъ свою молодую жену къ одному молоденькому помѣщику, онъ внезапно наступилъ во время вальса на ея шлейфъ и съ трескомъ оторвалъ его. А затѣмъ кинулся къ ножу, пытался зарѣзаться и, будучи обезоруженъ шаферами, дико рыдалъ и рвалъ съ себя крахмальный воротничокъ и бѣлый галстукъ, взывая къ памяти покойной матери... Послѣ же свадьбы Шаша сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы разрушить свое семейное благополучіе и ускорить разореніе Романа.

Достигнувъ вершины, Романъ неминуемо долженъ былъ, какъ это уже всегда водится, покатиться опять внизъ, въ прежнее мужицкое логово. Вскорѣ послѣ свадьбы оказалось, что онъ, весь съ руками и ногами, запутанъ въ долговыхъ тенетахъ. Онъ сталъ страшенъ. Сивая борода его побѣлѣла. Лицо уподобилось грязно-сѣрому выдоенному вымени. Глаза околѣли. Брюхо обвисло, издрябло. А Шаша злорадствовалъ: „Я говорилъ, говорилъ!“—и добивалъ его бушевалъ, скандалилъ, требовалъ раздѣла. И Романъ, зеленѣя отъ злобы, медвѣдемъ вставалъ на него, жаждалъ изувѣчить—и уже не могъ, не могъ! Пришибленный мыслью о близкомъ позорѣ, нищетѣ, онъ пьянствовалъ, да все тяжелѣе. Потерявъ всякій стыдъ, онъ въ домъ перетащилъ свою любовницу, солдатку кухарку. Жилъ съ нею, не довольствуясь женой, на зло ему, и Шаша. А жену онъ изнурялъ ревностью и страхами,—пропадалъ изъ дому и присылалъ ей съ

мужиками записки, гдѣ стояло: „Прости до гроба, благословляю дѣтей“, а внизу была нарисована могила съ крестомъ. Жена долго обливалась слезами. Потомъ сошлась съ учителемъ и дала Шашѣ уже полный резонъ говорить: „Н-ну! Только прахъ моей могилы узнаетъ!“. Кончилось тѣмъ, что Романа разбилъ ударъ, что осталась ото всего богатства его одна вѣтрянка за селомъ, что жена Шаши, забравъ дѣтей, бѣжала къ отцу, переѣхавшему въ городъ Скопинъ: унижаясь своими несчастіями, всѣхъ и все нещадно критикуя и шельмуя, Шаша пропадалъ на селѣ, пьянствуя не хуже отца, а она поднялась да и скрылась.

Изъ села, на мельницу вышелъ Романъ нищимъ и еле живымъ. Нищимъ и вдовымъ, скрипя зубами въ ярости, вышелъ за нимъ Шаша. Если бы работа да забота, можно было не плохо жить и мельницей. Но до того ли было Шашѣ! Въ силахъ ли онъ былъ встать на ноги послѣ того страшнаго удара, которымъ прикончила его судьба? И прежде-то ему, непонятому, неоцѣненному, осужденному жить среди враговъ, недоброжелателей, оставалось только одно: молчать, молчать и молчать. А теперь? Вотъ онъ тысячи могъ бы нажить на одной этой мельницѣ, къ ней ни проходу ни проѣзду не стало бы отъ телѣгъ съ зерномъ, будь у него хоть двѣ-три сотни на новый стоякъ и новые жернова... Да гдѣ жъ ихъ взять? Это вѣдь только дуракамъ счастье само валитъ въ руки, а дѣльнаго, умнаго судьба въ бараній рогъ карежитъ. Да пусть, пусть! „Я молчу, — говорилъ Шаша, злорадствуя. — Я все-е молчу!“

Разбитое корыто, знакомое, мужицкое, опять появилось передъ Романомъ на мѣстѣ палатъ. И дѣло было вовсе не въ томъ, что, вмѣсто шпротовъ и цымлянскаго, на столѣ его очутилась черная краюха хлѣба и корецъ съ водой, — онъ ѣлъ бы съ прежнимъ вкусомъ: дѣло было въ страданіяхъ гордости, самыхъ лютыхъ человѣческихъ страданіяхъ. Въ большой покосившейся избѣ съ земляннымъ поломъ и дырами въ углахъ спалъ на голой сырой печи Романъ. Утромъ онъ вылѣзалъ за порогъ съ высокой палкой въ рукѣ. Лебедой и бурьяномъ зарастала снаружи изба, крапива глушила огромный остовъ раскрытой вѣтрянки. Все это стояло на голомъ горбѣ полей, у проѣзжей дороги. И Романъ выходилъ подъ дорогу и клалъ дрожащія холодныя лапы на палку. Онъ былъ безъ шапки, вѣтеръ путалъ его сѣдыя космы, сѣдую бороду—бороду мужицкаго Іова. Онъ былъ босъ, въ короткихъ затрапезныхъ портахъ, въ длинной рубахѣ, грязной отъ золы, печного сора. Ноги его были черны и тонки,

туловище велико и худо. Ѣхали тѣ, что знали его въ славѣ и богатствѣ, тѣ, что прежде боялись его, тѣ, кого угощалъ и поучалъ онъ когда-то. И Романъ,—не даромъ же онъ породилъ Шашу!—даже радовался, что видятъ его люди въ нищетѣ, позорѣ, и до земли кланялся имъ. Вечерами же онъ стоялъ въ темной избѣ передъ доцечкой въ углу и съ тяжкими вздохами кланялся ей еще ниже, чѣмъ людямъ, то шопотомъ, то громко читая молитвы—горячо и горько благодаря Бога за все, что ниспослалъ Онъ ему, несчастному, разбитому старику... Шаша, тотъ упивался своимъ униженіемъ веселѣе—по кабакамъ, по кабакамъ, пропивая скудные остатки прежняго и расплачиваясь за свой языкъ боемъ.

А съ двадцати пяти лѣтъ его стали бить уже аккуратно, въ заранѣе опредѣленные дни и не такъ, какъ билъ отецъ, а каблуками, до безпамятства.

Солдатка осталась вѣрна Романову двору. Она тоже переселилась на мельницу. И когда Романъ умеръ,—ахъ, какъ злорадно-гордъ былъ этимъ несчастьемъ Шаша!—перешла въ руки Шаши открыто. А межъ тѣмъ воротился со службы ея законный мужъ. Нужна она ему была, какъ лѣтошній снѣгъ, но все-таки онъ счелъ священнѣйшимъ долгомъ и неотъемлемымъ правомъ мстить за свою поруганную честь. И мудро пріурочилъ эту месть ко дню всенароднаго торжества въ Лимовѣ.

Ежегодно пятнадцатаго іюля, на престольный праздникъ, называемый Кириками, въ Лимовѣ бываетъ ярмарка. Льютъ холодные ливни, о лѣтѣ напоминаютъ только грачи въ поляхъ, густота хлѣбовъ и травъ, да жаворонки, распѣвающіе надъ ними подъ дождемъ и вкось сдуваемые вѣтромъ. А на выгонѣ Лимова уже растетъ кочевой городокъ палатокъ. Пріѣхали торгаши изъ города—и съ непривычки странно видѣть въ селѣ этихъ городскихъ людей въ длиннополыхъ сюртукахъ, они, застраивая и дѣлая тѣснымъ выгонъ, измѣнили простую сельскую картину своимъ многолюдствомъ, крѣпкими большими телѣгами съ товаромъ, покрытымъ кожами и ладно увязанными, привезли вмѣстѣ съ этимъ товаромъ азіатскій базарный запахъ, дымятъ самоварами и чадятъ жаровнями, на которыхъ жарится баранина... Съ ранняго утра пятнадцатаго они уже стоятъ за прилавками, заваленными жамками, рожками и краснымъ товаромъ, а мужики съ бабами и ребятишками ѣдутъ и ѣдутъ, отовсюду тянутся подъ мелкимъ дождемъ къ селу, запруживаютъ возами выгонъ такъ густо, что иголкѣ негдѣ упасть, а надо всей этой тѣснотой, говоромъ, гамомъ и скрипомъ телѣгъ гудитъ праздничный звонъ къ обѣднѣ.

Подъ этотъ звонъ, на глазахъ ѣдущихъ по грязному проселку мимо вѣтрянки, Шаша стоитъ возлѣ своего порога, распояской, согнувшись, держитъ въ одной рукѣ корецъ съ водой, а другой, мокрой, третъ свое бородатое, корявое, распухшее со сна лицо. Какъ не похожъ этотъ коренастый мужикъ въ разбитыхъ сапогахъ на прежняго Шашу! Съ виду онъ сталъ спокойнѣе, но еще мрачнѣе, чѣмъ прежде. Волосы его и теперь страшно густы, но уже стали по-мужицки лохматы. Умывшись, онъ раздираетъ ихъ деревяннымъ овечьимъ гребнемъ, расчесываетъ спутанную круглую бороду, хрипло откашливается и косится въ зеркальце — на свое широкое, пористое, съ раздавленнымъ носомъ лицо. Онъ не забылъ, что онъ похожъ на палача. И точно — похожъ, теперь особенно: причесавшись, онъ надѣваетъ хранимую для торжественныхъ случаевъ линючую кумачную рубаху. Въ будни онъ тупѣетъ отъ скуки, отъ долгаго сна, отъ того, что никто не обращаетъ вниманія на него, никто не слушаетъ: его хвастовство прежнимъ, его намеки на то, что̀ будто бы таится у него въ душѣ, и гнусныя розсказни про сбѣжавшую жену давно всѣмъ надоѣли; нынче же—праздникъ, нынче съ любопытствомъ будутъ глядѣть на него, бывшаго богача, обутаго въ опорки, новые люди, нынче онъ будетъ играть передъ огромной толпой, нынче онъ будетъ страшно, до безпамятства избитъ на глазахъ этой толпы — и вотъ онъ уже входитъ въ свою роль, онъ возбужденъ, челюсти его крѣпко сжаты, брови искажены... Нарядившись, онъ надѣваетъ рыжій картузъ и тугимъ шагомъ рѣшительно и твердо идетъ въ село.

Страннѣе всего благочестіе, съ котораго онъ начинаетъ этотъ день. Онъ направляется прямо къ церкви и, ни на кого не глядя, но всѣмъ существомъ чувствуя на себѣ взгляды окружающихъ, съ размаха кланяется и крестится. Въ церкви онъ продирается къ самому амвону, гдѣ стоялъ когда-то по праву, и въ эту минуту до мозга костей презираетъ мужиковъ, напоминаетъ имъ кратко и строго, какъ власть имѣющій, что не мѣшало бы догадаться посторониться. И мужики торопливо сторонятся. Быкомъ, исподлобья глядя на священнослужителей, на иконы, онъ до самаго конца обѣдни истово и сурово молится, надменно показываетъ всѣмъ, что только онъ одинъ знаетъ, когда именно нужно кланяться и креститься. Такъ же сурово ходитъ онъ и по ярмаркѣ послѣ обѣдни, гордится тѣмъ, что онъ уже выпилъ, что онъ можетъ подойти, какъ равный, къ торгашу подъ палатку, поздороваться съ нимъ за руку, облокотиться на прилавокъ, взять горсть подсолнуховъ и мѣшать торгашу разговорами о городѣ, о торго-

вомъ дѣлѣ, а порою прикрикнуть на дѣвокъ, которыя стадами, какъ овцы, давятъ другъ друга къ прилавку, на мужика, который съ мѣшкомъ подъ мышкой,—въ мѣшкѣ ерзаетъ поросенокъ,—перепробовалъ уже всѣ свистульки, всѣ губныя гармоньи и никакъ не рѣшитъ, какую взять. Народъ, вылившійся изъ церкви, затопилъ весь выгонъ, на колокольнѣ трезвонятъ, нищіе гнусаво горланятъ, скотина, которою тоже торгуютъ на Кирики, блеетъ и гогочетъ,—и среди густой толпы, плюющей подсолнухами и скользящей по грязи между палатками, уже много пьяныхъ. Шаша успѣлъ еще выпить и чувствуетъ: пора! Наговорившись съ торгашами, онъ рѣшительно шагаетъ къ каруселямъ. Тамъ сгрудилось несчетное количество народу, до головокруженія глядящаго на мелькающихъ кругами деревянныхъ коней и на ихъ всадниковъ. Тамъ чуть не все Лимовье и головой выше всѣхъ — солдаткинъ мужъ. У Шаши холодѣютъ руки, дергаются губы, но онъ дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ своего врага. Онъ подходитъ къ знакомымъ, вытаскиваетъ изъ кармана бутылку, кого попало угощаетъ и самъ пьетъ, много и громко говоритъ, куритъ, притворно и злобно хохочетъ, а самъ настòрожѣ, ждетъ... И вотъ, шатаясь, притворяясь въ дребезги пьянымъ, въ новомъ картузѣ, на которомъ еще бѣлѣетъ лавочный билетикъ съ цѣной, выбритый, сытый, съ сонными синими глазами, солдатъ идетъ прямо на него и со всего размаху, какъ будто ничего не видя, бьетъ его плечомъ въ грудь. Шаша, стиснувъ зубы, сторонится и продолжаетъ бесѣду. Но солдатъ возвращается, опять проходитъ мимо и опять—разъ его плечомъ въ грудь. Тогда, какъ бы не выдержавъ такой наглости, Шаша искажаетъ свое и безъ того искаженное лицо и сквозь зубы говоритъ:

— О-хъ, малый! Какъ бы я не толканулъ тебя по-своему!

И вдругъ солдатъ, сразу осадивъ свое наклонное стремленіе впередъ, отшатывается назадъ и бѣшено взревываетъ:

— Што-о?

Среди ярмарочнаго гама, грохота и позвонковъ бѣшено крутящейся карусели и восторженныхъ притворно-сострадательныхъ криковъ ахнувшей и раздавшейся толпы, солдатъ оглушаетъ и окровавливаетъ Шашу съ перваго же удара. Шаша, норовя, по старой мужицкой манерѣ, запустить ему пальцы въ ротъ, разорвать губы, звѣремъ кидается на него и тотчасъ же замертво падаетъ въ грязь, подъ кованые каблуки, тяжко бьющіе въ грудь, въ лохматую голову, въ носъ, въ глаза, уже помутившіеся, какъ у зарѣзаннаго барана. А народъ ахаетъ и дивуется: вотъ пастырный, непо

ятный человѣкъ! Вѣдь онъ же зналъ, напередъ зналъ, чѣмъ
ончится дѣло! Зачѣмъ же онъ шелъ на него? И правда:
ачѣмъ? И къ чему вообще такъ настойчиво и неуклонно
детъ онъ, изо дня въ день опустошая свое разоренное жилье,
тремясь до тла искоренить даже слѣды того, что такъ слу-
айно было создано дикимъ геніемъ Романа, и непрестанно
лкая обиды, позора и побоевъ?

Ужасные люди въ двѣ шеренги стояли во время обѣдни
ъ церковной оградѣ, на пути къ паперти! Въ жаждѣ само-
стязанія, отвращенія къ уздѣ, къ труду, къ быту, въ страсти
о всякимъ личинамъ,—и трагическимъ и скоморошескимъ,—
ъ темныхъ преступныхъ хотѣніяхъ, въ слабоволіи, вѣчной
ревогѣ, бѣдахъ, печаляхъ и нищетѣ,—Русь издревле и безъ
онца родитъ этихъ людей. Въ одномъ Лимовомъ собирается
хъ около полусотни. И что это за лица, что за головы!
очно на кіевскихъ церковныхъ картинахъ да на кіевскихъ
убкахъ, живописующихъ и дьяволовъ, и подвижниковъ мати-
устыни! Есть старцы съ такими изсохшими головами, съ
акими рѣдкими прядями длинныхъ сѣрыхъ волосъ, съ та-
ими тончайшими носами и такъ глубоко проваливши мися
елками незрячихъ глазъ, точно столѣтія лежали эти старцы
ъ пещерахъ, гдѣ замуровали ихъ еще при кіевскихъ князьяхъ
откуда вышли они въ полуистлѣвшемъ рубищѣ, крестъ-на-
рестъ возложили на свои останки нищенскія сумы, на вере-
очныхъ обрывкахъ повѣсили ихъ черезъ плечо и пошли себѣ
транствовать изъ конца въ конецъ Руси, по ея лѣсамъ, сте-
ямъ и степнымъ вѣтрамъ. Есть слѣпцы мордастые, мужики
рѣпкіе и приземистые, точно колодники, холодно загубившіе
есятки душъ: у этихъ головы твердыя, квадратныя, лица
акъ будто топоромъ вырублены, а босыя ноги палиты снизу
ровью и противоестественно коротки, равно какъ и руки.
сть просто идіоты, толстоплечіе и толстоногіе. Есть злые
арлы съ птичьими лицами. Есть горбуны, клиноголовые,
акъ бы въ острыхъ шапкахъ изъ черныхъ лошадиныхъ во-
осъ. Есть карандыши, осѣвшіе на кривыя ноги, какъ таксы.
сть лбы, сдавленные съ боковъ и образовавшіе черепъ въ
ь видѣ шляпки желудя. Есть костлявыя, совсѣмъ безносыя
гарухи, ни дать ни взять сама Смерть... И все это, на по-
азъ выставивъ свои лохмотья, раны и болячки, на древне-
ерковный болгарскій распѣвъ, и грубыми басами, и скопче-
кими альтами, и какими-то развратными тенорами воетъ
гнойномъ Лазарѣ, объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ, кото-
лй, въ жаждѣ нищеты и мученичества, ушелъ изъ-подъ
чаго крова „ня знамо куда“...

Всѣ эти люди, двигая бровями надъ своими темными очами, нантіемъ, инстинктомъ, острымъ, точнымъ, какъ у какихъ-нибудь первичныхъ морскихъ особей, мгновенно чуютъ, угадываютъ приближеніе дающей руки и уже не мало нахватали огрызковъ хлѣба, баранокъ и зеленыхъ отъ махорки мужицкихъ мѣдяковъ. Послѣ обѣдни, съ пѣніемъ, уже болѣе бодрымъ и требовательнымъ, они растекаются по народному морю, по ярмаркѣ. Двинулись за ними и калѣки—безногіе, ползающіе на задахъ и четверенькахъ и лежащіе на вѣчномъ одрѣ, въ телѣжкахъ. Вотъ одна изъ этихъ телѣжекъ. Въ ней—маленькій человѣчекъ, лѣтъ сорока, по ушамъ повязанный бабьимъ платкомъ, со спокойными молочно-голубыми глазами, высунувшій изъ ветошекъ тонкую фіолетовую ручку съ шестью пальцами. Возитъ его живоглазый мальчишка съ очень острыми ушками и лисьимъ пухомъ на головѣ. Вокругъ—куча братіи, тоже повязанной зачѣмъ-то платками. И изо всей братіи выдѣляется мужикъ съ большимъ бѣлымъ лицомъ, весь изломанный, исковерканный, совсѣмъ безъ зада, въ одномъ прѣломъ лаптѣ. Вѣрно, и его,—не хуже Шаши,—били гдѣ-то: весь платокъ его, ухо, шея и плечо въ засохшей крови. Въ длинномъ мѣшкѣ — куски сырого мяса, вареныя баранья ребра, корки и пшено. А сидѣнье подшито кускомъ кожи — и вотъ весь онъ искривился, засрзалъ и поѣхалъ поѣхалъ себѣ по грязи, выкидывая впередъ необутую ногу, до половины голую, въ известковыхъ струпахъ, сочащихся гноемъ и залѣпленныхъ кусками лопуха.

— Гляньте, православные, гляньте скорѣе: йето считается по старинному заведенію, болѣзнь проказа! — развеселымъ быстрымъ речитативомъ выкрикиваетъ возлѣ него рябой обо рванецъ...

И вотъ къ этимъ-то людямъ и шелъ Шаша. Живетъ онъ еще три-четыре года на мельницѣ; встрѣчаетъ еще три четыре ярмарки; вступаетъ еще три-четыре раза въ бой съ солдатомъ; поливаютъ его, бездыханнаго и безгласнаго, водо изъ жбановъ добрые люди; онъ медленно приходитъ въ себя; не раскрывая глазъ, возитъ онъ по землѣ мокрой го ловой и сквозь зубы тяжко стонетъ:

— Ну, добрые люди! Я молчу! Я все-е молчу!

Затѣмъ его везутъ на мельницу, онъ недѣли двѣ лежит на печи, понемногу оправляется и вскорѣ уже опять гуляет по шинкамъ, хвастается, лжетъ, все и всѣхъ шельмуетъ бьетъ себя кулакомъ въ грудь, грозитъ всѣмъ своимъ вра гамъ и особливо — солдату. Но однажды выпадаютъ не счастливые Кирики: солдатъ переламываетъ ему каблуком

руку и раздробляетъ переносицу, выбиваетъ глаза. Вотъ Шаша и слѣпой и калѣка. Солдатка бросаетъ его; мельницу, землю берутъ за долги добрые люди. И Шаша—у пристани: теперь онъ равноправный членъ, кость отъ кости, плоть отъ плоти нищей орды, стоящей на Кирики въ церковной оградѣ. Босой, въ лохмотьяхъ, кругло-и густо-бородый, съ головой стриженой ежомъ, въ мѣшкахъ крестъ-накрестъ, дико ломаетъ онъ брови надъ выбитыми и затянувшимися глазами и сипло оретъ въ ладъ съ прочими за душу хватающія нищенскія стихиры. Хоръ мрачно деретъ кто во что горазъ—и звонко выдѣляются голоса поводырей, выкрикивающихъ каждый слогъ:

Три сестры жили, три Маріи Египетскія были,
На три доли свою богатеству дѣлили:
Одну долю отдѣлили на незрящее тѣло,
Другую долю отдѣлили по тюрьмамъ, темницамъ,
Третью долю отдѣлили по церквамъ, соборамъ...
Не сокрашайте свое тѣло хорошимъ нарядомъ,
Сокрасьте свою душу усерднымъ подаяньемъ,—
Ета ваша подаянья на первомъ присутствіи будетъ,
Какъ свѣча передъ образомъ-Богомъ!

Вступаетъ и выдѣляется рѣзкій голосъ Шаши:

Придетъ время,
Потрясется земля, небо,
Всѣ камушки распадутся,
Пристолы Господни нарушатся,
Солнце съ мѣсяцемъ примеркнетъ,
И пропуститъ Господь огненную рѣку...

И сливаясь, сходясь, достигая зловѣщей силы и торжественности, зычно горланитъ весь хоръ:

Ми-ха-илъ Арха-нгилъ
Тварь земную поморитъ,
Онъ вострубитъ въ трубы,
Возгласитъ людямъ:
Вотъ вы жили-были
Своей вольной волей,
Въ церкви не бывали,
Заутреню просыпали,
Позднюю обѣдню прожирали:
Вотъ вамъ рай готовый,—
Огни негасимые,
Муки нестерпимыя!

10—14. IX. 1913.

ХУДАЯ ТРАВА.

I.

Аверкій захворалъ, разговѣвшись на Петровъ день.

Молодые работники умылись съ мыломъ, причесались, надѣли сапоги, новыя ситцевыя рубахи. Аверкій, чувствуя слабость, равнодушіе, не сходилъ передъ праздникомъ ко двору, не смѣнилъ рубаху; что до остального наряда, то былъ онъ у него одинъ — и въ будни и въ праздникъ. Молодые работники ѣли не въ мѣру много и весь обѣдъ хохотали, говорили такое, что стряпуха съ притворнымъ негодованіемъ отворачивалась, а порою даже отходила отъ стола, бросивъ мокрую ложку. Аверкій ѣлъ молча.

Онъ былъ уже въ той порѣ, когда хорошіе, смирные мужики, много поработавшіе, — а онъ таки-поработалъ, въ однихъ батракахъ жилъ тридцатый годъ!—начинаютъ плохо слушать, мало говорить и со всѣмъ, что имъ ни скажешь, соглашаться, думать же что-то иное, свое. Онъ былъ въ тѣхъ мужицкихъ годахъ, которыхъ не опредѣлишь сразу. Онъ былъ высокъ и нескладенъ: очень худъ, длиннорукъ, въ кости вообще широкъ, но въ плечахъ, на видъ несильныхъ, опущенныхъ, узокъ. И съ этой полевой нескладностью, съ лаптями и полушубкомъ, никогда не сходившимъ съ плечъ, странно сочеталось благообразіе: небольшая, лысѣющая со лба, въ длинныхъ, легкихъ волосахъ голова, изможденное лицо съ тонкимъ, сухимъ носомъ, жидко-голубые глаза и узкая сѣдѣющая борода, не скрывающая сухой челюсти.

Все, надъ чѣмъ смѣялись за обѣдомъ, казалось ему не нужнымъ, не смѣшнымъ. Но непріязни на его лицѣ не было. Ѣлъ онъ не спѣшно, кладя ложку,—съ дѣтства привыкнувъ не только ѣсть, но и пить съ обнаженной головой, совершать трапезу, какъ молитву, ибо эта трапеза всю жизнь была для

него вѣнцомъ трудового дня, среди вѣчныхъ опасеній за будущій день, хотя всю жизнь и говорилъ онъ привычное:

— Богъ дастъ день, Богъ дастъ пищу...

Мысли его туманились. Костлявые выступы скулъ, обтянутые тонкой сѣрой кожей, розовѣли. Душа не принимала пищи. Но ѣлъ онъ пристально: и потому, что ужъ такъ полагается въ праздникъ, и потому, что ѣда могла, какъ думалъ онъ, помочь ему, и потому, наконецъ, что жалко было не ѣсть: вотъ онъ заболѣлъ, съ мѣста, должно, сойдетъ, дома же не только сладкихъ харчей, а можетъ, и хлѣба не будетъ.

Подали на деревянномъ кругѣ круто посоленную жирную баранину. Аверкій вспомнилъ, какъ жилъ онъ когда-то зиму въ городѣ, на постояломъ дворѣ, какъ хорошо ѣлъ тамъ. Подумавъ, онъ осторожно взялъ кусокъ своими тонкими пальцами и блѣдно усмѣхнулся.

— Люблю горчицу, а гдѣ я ее могу взять?—сказалъ онъ застѣнчиво, не глядя ни на кого.

Отъ баранины стало нехорошо; но онъ досидѣлъ-таки до конца стола. Когда же работники, дохлебавъ до послѣдней капли огромную чашку голубого молока и самодовольно икая, стали подниматься и закуривать, смѣшивая запахъ махорки съ запахомъ ѣды и свѣжихъ ситниковъ, Аверкій осторожно надѣлъ свою большую шапку,—въ пеньковомъ днѣ ея всегда была иголка, обмотанная ниткой,—и вышелъ на порогъ сѣнецъ, постоялъ среди голодныхъ собакъ, жадно смотрѣвшихъ ему въ глаза... Погода портилась. Стало сумрачно, похоже на будничное предвечернее время; мелкій дождь стрекоталъ по газетѣ, валявшейся у крыльца барскаго дома; индюшки, опустивъ мокрые хвосты, усаживались на развалившейся оградѣ, а цыплята, которыхъ сердито клевали онѣ, лѣзли, прятались подъ ихъ крылья... Сладкіе харчи! Аверкій зналъ имъ цѣну. Послѣдняя предсмертная тягота наступала для него, а все же крѣпко не хотѣлось ему терять ихъ, когда брелъ онъ за избу.

II.

Воротился онъ блѣдный, съ дрожащими ногами, и попросился у стряпухи на печку.

Она равнодушно спросила:

— Ай захворалъ?

— Служилъ тридцать лѣтъ,—въ топъ ей отвѣтилъ Аверкій, влѣзая на нары, ставя лапоть въ печурку и поднимаясь въ тѣсное, жаркое пространство между печью и потолкомъ:— служилъ тридцать лѣтъ съ чистымъ лицомъ, а теперь на-

банѣ, ослабъ... Блоху не подкую, — пошутилъ онъ. — Износился, задвыхаться сталъ,—еще тверже и даже съ удовольствіемъ сказалъ онъ, ложась.

И какъ только легъ, получше пристроивъ голову въ шапкѣ на какую-то сломанную плетушку, тотчасъ сталъ задремывать и слышать свое глубокое, однообразно прерывающееся дыханіе, ощущать его жаръ въ губахъ. Онъ уже твердо рѣшилъ, что захворалъ безъ отлёку, что онъ—„оброчный кочетъ“. Онъ давно перемогался. Больныя собаки уходятъ со двора, ищутъ по межамъ, по лѣснымъ опушкамъ какую-то тонкую, лишь имъ вѣдомую траву, и ѣдятъ ее — тайкомъ ищутъ себѣ помощи. Отдаляясь отъ дворни, Аверкій тоже искалъ—тайкомъ покупалъ то водки, то соды... Теперь перемогаться уже не хватало силъ. Но все-таки надо было подумать: какъ быть съ мѣстомъ, сходить или нѣтъ? Если скоро умрешь, жалѣть его, конечно, нечего. Ну, а если не скоро? Утѣшала мысль, что болѣзнь пришла вò-время: черезъ недѣлю и условію срокъ. Но какъ быть даже и въ томъ случаѣ, если не возобновлять его? Гдѣ эту недѣлю провести? Вѣдь если попроситься домой завтра же, никто не повѣритъ болѣзни,—забралъ, скажутъ, деньги, да и на утекъ...

Работники курили и хохотали. Слушая и думая, онъ сталъ видѣть сны. Но изъ печальныхъ и скучныхъ воспоминаній складывались они. Вотъ онъ вышелъ изъ избы—надо ѣхать за хоботьемъ на гумно... А во дворъ входитъ и останавливается, увидя поднимающихся собакъ, странникъ: голова закутана женской шалью, на лѣвой рукѣ лукошко, въ правой высокая палка, на худыхъ ногахъ растоптанные лапти... „Если Богъ подыметъ, пойду въ Кіевъ, въ Задонскъ, въ Оптину, — подумалъ Аверкій въ дремотѣ. — Вотъ дѣло настоящее, чистое, легкое, а то не знамо, зачѣмъ и жилъ на свѣтѣ...“

Но тутъ громко и дружно захохотали работники, надымившіе всю избу. Аверкій очнулся. Стукнула дверь, кто-то вошелъ.

— Опять залилъ глаза!—сказала стряпуха, вытирая столъ и не глядя на вошедшаго.—Опять приперся... Дѣдъ, да ай у тебя стыда-то совсѣмъ нѣту?—спросила она, оборачиваясь.—Ну, чего пришелъ? Не надоѣлъ еще?

По дѣдъ,—караульщикъ снятаго мѣщаниномъ сада, „старикъ-плясунъ“, какъ называлъ онъ самъ себя для потѣхи, всегда хмельной, обтрепанный, всегда мучившій Аверкія своей неряшливостью, своей болтливостью, всей своей свободной, немужицкой жизнью,—дѣдъ не обратилъ на стряпуху вниманія.

— Ребята, разсудите: мыслено ли? — понесъ онъ съ непритворнымъ отчаяніемъ, разводя руками передъ работниками.—Одинъ какъ есть на этакій садъ! Да я съ него шести цѣлковыхъ не возьму! Пріѣдетъ нынче, такъ и скажу: хомутъ да дуга, а я тебѣ не слуга! Будя! Вонъ ребятишки ужъ зачали въ завязь вникать, двѣ яблоньки отрясли, а я что? Дули, говоритъ, береги главнѣй всего... А что я одинъ исдѣлаю? Вишенья опять оборвали на валу—ну, и чортъ съ ними! Я больной человѣкъ!

— Больной, а все хоть выжми!—сказала стряпуха.

— Полегче! — отвѣтилъ старикъ, садясь на нары.— Ты-то помолчи. У меня старуха тебѣ въ матери годится, а я ее, можетъ, полгода не видалъ... да, почесть, и весь вѣкъ не видалъ, не знамо, зачѣмъ и женился...

— Не хуже меня такого-то, — подумалъ Аверкій, закрывая глаза и уже не чувствуя къ старику прежняго отвращенія.

— А она, небось, мнѣ не чужая, — продолжалъ тотъ съ искренней горечью.—Я и ребятамъ вотъ говорю: что я могу? Сейчасъ отшелъ, а въ салашѣ чуйка хозяйская, а она семь цѣлковыхъ! Да что жъ исдѣлаешь? И унесутъ, то же возьмешь... А господамъ я вишенья дозволяю рвать: можете! Господа, они и съѣдятъ-то два зернышка, это вѣдь нашъ братъ дорвется... Правду я говорю, ай нѣтъ?—крикнулъ онъ, снова оживляясь. — Обязательно правду! И тебѣ, староста, завсегда дозволяю, ты тутъ, можетъ, первый человѣкъ надо всѣми! Только ты меня чѣмъ обидѣлъ: тесу на кровать не далъ! И стола опять же нѣту: собаки давеча пришли—хлопъ чашку объ-земь! Спасибо хоть барчукъ помогаетъ: пропляcалъ ему давеча маленько, анъ на косушку и есть...

Аверкій сталъ опять забываться. Подъ вечеръ, въ полѣ, шелъ онъ за возомъ. Моросило. Широко отворены были ворота на скотномъ дворѣ богатаго степного мужика; бродилъ по двору и гоготалъ гусакъ, потерявшій гусыню... „Богатому вездѣ хорошо!“ — съ обидой и болью въ голосѣ кричалъ гдѣ-то внизу старикъ. Аверкій кивалъ шапкой, соглашался, а самъ думалъ свое: „Богатый, какъ быкъ рогатый,—въ тѣсныя ворота не пролѣзетъ...“. И очнулся, чувствуя, что бредитъ.—„Да, Богъ не любитъ высокихъ мыслей... Да, старика жалко... По дымъ и ненужный говоръ, чужіе люди, чужая печка—ахъ, какая тоска и безпріютность! Звѣрь, и тотъ забивается умирать въ свою собственную норь... Нѣтъ, конецъ, домой пора!“—подумалъ онъ твердо.

III.

Проспавъ три часа, онъ очнулся въ сумерки. Ни работниковъ ни стряпухи въ избѣ не было. На лавкѣ возлѣ окна сидѣла дурочка Анюта, скитавшаяся по господамъ, по мужикамъ. Она была въ мужицкихъ сапогахъ, стриженая. Она глядѣла въ окно,—голова ея сзади была похожа на кувшинъ вверхъ горломъ,—и плакала: стряпухинъ мальчишка не далъ ей лечь уснуть—все скакалъ по лавкѣ и надѣвалъ ей на голову гремящее ведро.

— А тамъ индюшки замучили,—говорила она, плача, думая, что Аверкій спитъ, и жалуясь самой себѣ.—Легла отдохнуть въ палисаднику—дождь, индюшки всю голову изодрали, а тутъ этотъ демоненокъ... Такъ-то, Анна Матвѣвна! Такъ-то, матушка! Чужой кусокъ не сладокъ! А богатая была, умнѣй барыни слыла!

Это она вспоминала то золотое время, когда было у нея цѣлыхъ тридцать шесть рублей—какое-то пособіе отъ земства. Она хранила ихъ долго, какъ зѣницу ока. Да выпросилъ, вымолилъ въ долгъ мужикъ, у котораго она стояла на квартирѣ, поклялся на церковь, что отдастъ—и, конечно, не отдалъ, даже прямо сказалъ: такъ и знай, не отдамъ, и не шатайся...

Аверкій открылъ глаза. Было лучше, чѣмъ давеча, уже не мутилась голова. Онъ послушалъ дурочку и усмѣхнулся. Ахъ, Господи, изъ-за чего только волнуются, страдаютъ люди! Этотъ старикъ, такъ растерянно жаловавшійся работникамъ... Эта плачущая отъ обиды на ребенка и потери тридцати шести рублей Анюта...

— А ты бы его за виски,—сказалъ онъ, усмѣхаясь.—Что жъ ты дозволяешь ему надругаться надъ собой?

— Ай ты проснулся? — спросила дурочка. И вдругъ непріятно, неумѣренно зарыдала. — Да ай я слажу съ нимъ? Теперь къ матери побѣгъ, на меня же нажалится...

Когда она стала затихать, Аверкій негромко и ласково окликнулъ ее.

— Что тебѣ?—тупо отозвалась она.

— Сходи, матушка, къ моей старухѣ,—сказалъ Аверкій.—Скажи, чтобъ пришла за мной. Боюсь, ей и самой ѣсть нечего, да вѣдь что жъ исдѣлаешь? Какъ-нибудь перебьемся. Я, видно, свое отслужилъ. Все дома-то лучше, пристойнѣе...

— Не съ чужими же людьми смѣнить!—съ горечью отвѣтила дурочка. — Схожу, не бойся... А ты не обидишься на меня, что я тебѣ скажу?

— Нѣтъ...

— А, можетъ, испугаешься дюже?

— А что?—спросилъ онъ.

— Да такъ... Я тебѣ жѐ добра желала. Пришла давеча, говорятъ, ты захворалъ. Я и зашла къ Ларюшкѣ...

— Ну и что же?

— Тебѣ, батюшка, плохо вышло... Онъ прямо набралъ земли на сковородку, легъ подъ святые и запѣлъ... А самъ все беретъ землю со сковородки да на лицо себѣ посыпаетъ... Беретъ и посыпаетъ...

— А ты фамилію-то мою сказала?—спросилъ Аверкій.

— Та-то и бѣда, что сказала...

Аверкій помолчалъ.

— А ты все-таки къ старухѣ-то моей сходи,—сказалъ онъ.

— Объ этомъ ты не убивайся. Схожу.

Вынувъ изъ своего нищенскаго мѣшка крендель, дурочка стала ѣсть, собирая съ колѣнъ крошки.

— Хочешь кренделька?—спросила она.

— Нѣтъ, матушка, спасибо, чтой-то не хочется,—сказалъ Аверкій.—„Да, такъ вотъ оно что,—подумалъ онъ.— Ну что жъ, худая трава изъ-поля вонъ... А моя,—подумалъ онъ съ завистью и печалью про старуху:—а моя и подумать не смѣетъ съѣсть такъ-то... Да, — вотъ и свѣковали мы съ ней свое...“

Вздохнувъ, онъ повернулся къ стѣнѣ. Дурочка открыла окно—стала доходить свѣжесть вечера. Тонкій, какъ волосокъ, серпъ мѣсяца блестѣлъ надъ черной покатой равниной за рѣкой, въ прозрачномъ небосклонѣ. Далеко на селѣ хорошо и протяжно пѣли дѣвки старинную величальную пѣсню: „При вечерѣ, вечерѣ, при ясной лучинѣ...“. Когда и съ кѣмъ это было? Мягкій сумракъ въ лугу, надъ мелкой заводью, теплая. розовѣющая отъ зари, дрожащая мелкой рябью, расходящаяся кругами вода, чья-то водовозка на берегу, слабо видный въ сумракѣ дѣвичій станъ, босыя ноги — и неумѣлыя руки, съ трудомъ поднимающія полный черпакъ... Шагомъ ѣдетъ мимо семнадцатилѣтній малый въ ночное, сладко дышитъ свѣжестью луга...

— Ай не узнала?—спрашиваетъ онъ негромко и притворно-небрежно.

— Дюже ты мнѣ нуженъ узнавать! — отзывается нѣжный, грудной, неувѣренно-звонкій голосъ—и противъ воли звучитъ въ немъ ласка, радость нечаянной встрѣчи.

— Ай помочь?

— Дюже ты мнѣ нуженъ помогать...

Пересиливая себя, считая непристойнымъ навязываться съ

разговоромъ, онъ молча поднимается въ гору, въ росистое темное поле, глядитъ на звѣзды, слушаетъ перепеловъ и дѣловито думаетъ:

— Кабы не сирота была, другое дѣло. А то ишь, сама воду возитъ...

Это было давно, въ самомъ началѣ жизни... Неужели это она, та, что придетъ завтра, поведетъ его домой умирать? Да, она, она...

IV.

Старуха пришла за нимъ на другой день. Она ласково и заботливо убрала своими темными руками его добришко,—армякъ, онучи, линючую подпояску,—и повела его, блѣднаго и слабо улыбающагося, домой:

— Пойдемъ, пойдемъ, батюшка. Будя, поработалъ. Весь свой вѣкъ ждала да боялась тебя. А ты вонъ какой сталъ—совсѣмъ никуда. Износился. Да завѣтный перстенекъ и поношенный хорошъ...

И онъ все радовался первое время: вотъ онъ и дома, отслужился! Онъ не легъ въ избѣ, не пожелалъ въ постылицу входить, докучать старухѣ, да и давно хотѣлось ему полежать на свободѣ, на покоѣ, на чистомъ полевомъ воздухѣ. Легъ онъ на своемъ гумнишкѣ, въ старенькой ригѣ, густо заросшей кругомъ лебедою, легъ въ телѣгѣ безъ колесъ—и въ открытыя ворота день и ночь вѣялъ на него сырой вѣтеръ съ огородовъ и гуменъ, несло вѣтромъ косой крупный дождь.

Всѣ дѣла обсудили они со старухой, пожалѣли дочь, по нуждѣ рано выданную въ дальнее село, во дворъ зажиточный, но больной дурной болѣзнью, и порѣшили цать ей знать, чтобъ пріѣхала провѣдать отца.

Дочь однако не ѣхала—вѣрно, не пускала погода.

Погода мучила. Съ утра свѣтило солнце, парило надъ дымящимися полями, надъ грязными дорогами, надъ хлѣбами, насыщенными водою, легшими на землю. Съ утра Аверкій, порою покидавшій свою телѣгу и добредавшій до избы, обѣщалъ старухѣ, что опогодится. Но къ обѣдамъ опять заходили тучи, казавшіяся еще чернѣе отъ блеска солнца, мѣняли облака свои необыкновенные цвѣта и очертанія, поднимался холодный вѣтеръ, и бѣжалъ по полямъ косой радужный дождь.

— Будутъ бѣды великія,—говорила сосѣдка, бывшая дворовая.—Раньше и тучки не тѣ были, все зайчики да кусточки, а теперь облако грубое пошло...

Но Аверкій, сидя въ валенкахъ и полушубкѣ возлѣ избы, только слабо улыбался: какое дѣло было ему теперь до будущихъ бѣдъ!

Сосѣди, двоившіе паръ, пріѣзжали къ обѣдамъ мокрые, усталые, жаловались, что на нихъ армяки попрѣли, и все хотѣли увѣрить себя, что, авось, Богъ дастъ, послѣ обѣдовъ разгуляется. Но и послѣ обѣдовъ темнѣло отъ тучъ, гнала буря ливень съ градомъ. Къ вечеру опять стихало, солнце проглядывало; но на востокѣ громоздились розовыя горы, а западный небосклонъ весь покрывался странной серебристой зыбью, похожей на утиный пухъ.

— Не къ добру,—говорили сосѣди.—Все въ полѣ погніетъ, будутъ опять голода великіе...

Но и на это равнодушно отзывался Аверкій. Никакой голодъ не пугалъ его теперь. Почи были туманныя. Зеленоватыя пушистыя звѣзды, какъ большіе свѣтляки, глядѣли на него въ ворота. Спалъ онъ отъ холоду мало, но ночамъ скучалъ. Но, вспоминая теперешнюю свою свободу ото всѣхъ заботъ и горестей, благодарно крестился на небо.

Худѣлъ и слабѣлъ онъ не по днямъ, а по часамъ. Но, чувствуя, что смерть овладѣваетъ имъ безъ мукъ, безъ издѣвательства, часто говорилъ старухѣ.

— Ничего, ты не бойся, я удобно помру.

А старуха втихомолку надѣялась, не давала вѣры его словамъ. Больше всего пугало ее его равнодушіе. Но и равнодушіе долго пыталась она истолковать его слабостью, пока наконецъ не перешло оно мѣры.

Въ концѣ іюля, когда кое-какъ стали убираться въ поляхъ и дожди перестали, пропала у нея телушка, которую съ великими лишеніями нажила она себѣ, которая ходила за ней, какъ собака. Старуха всѣ поля, всѣ сосѣднія деревни обѣгала. Въ тоскѣ, въ тревогѣ, она разспрашивала каждаго встрѣчнаго, не видали ли рыжей телушки, и все не сдавалась, придумывала все новыя мѣста, куда надо итти на поиски. Какъ вдругъ, въ одинъ сумрачный вечеръ, собаки притащили на деревню рыжую рогатую голову. У собакъ ее отняли и принесли старухѣ на крыльцо. Она растерялась и заплакала, какъ ребенокъ. И всѣ долго стояли вокругъ крыльца, не зная, что говорить, что дѣлать. На всѣхъ эта страшная, въ сухой кровп и съ рогами голова произвела тяжелое впечатлѣніе. И только одинъ Аверкій, который на смутный говоръ прибрелъ изъ риги къ избѣ и которому плачущая старуха напомнила Анюту, легонько рукой махнулъ.

— Ужъ чего тамъ!—сказалъ онъ.—Смолоду не наживали, а теперь не къ чему...

Всѣ взглянули на него съ удивленіемъ и еще дружнѣе загалдѣли, что этого такъ оставить нельзя. Пастухъ сказалъ, что собаки рыли въ лѣсу. Несмотря на сумерки, рѣшили немедля ѣхать въ лѣсъ. Сосѣдъ торопливо запрягъ лошадь въ телѣгу, посадилъ въ нее плачущую старуху, вскочилъ самъ и поскакалъ, загремѣлъ по улицѣ. Поскакали за нимъ верховые. Въ поляхъ было темно, въ лѣсу темно и тихо, уже пахло опавшими листьями. Лѣсъ слабо освѣщался съ одной стороны красноватымъ свѣтомъ всходившей луны. Пріѣхали къ караулкѣ на полянѣ, возлѣ дуба съ засохшей верхушкой. Лѣсникъ ужиналъ, давясь драченой, и, увидя толпу, очень испугался. Потребовали у него фонарь, пошли за пастухомъ къ тому мѣсту, гдѣ рыли собаки, нашли зарытую въ землю требуху, подняли гамъ и повезли лѣсника въ деревню, къ Аверкію.

Аверкій не спалъ, сидѣлъ въ темной избѣ. Когда вздули огонь и стала изба наполняться народомъ, когда привели старосту съ палевой бородой и наперебой стали кричать, обвиняя въ кражѣ лѣсника, Аверкій неожиданно принялъ его сторону. Лѣсникъ, въ свое оправданіе, говорилъ только одно:

— Красть я не согласенъ. Мой родитель не кралъ, и я не согласенъ. Кабы я кралъ, у меня бы ничего не было, Богъ бы не далъ, а то у меня свое хозяйство есть.

И, конечно, никого не могъ убѣдить. Но Аверкій, со своимъ равнодушіемъ къ земнымъ дѣламъ, вполнѣ вѣрилъ ему— и даже недовольно возвысилъ голосъ, настаивая, чтобы его отпустили, а не сажали въ холодную. И удивленные, сбитые съ толку сосѣди въ концѣ концовъ покорились ему. Покорилась его голосу, его гробовому лицу и старуха.

На выздоровленіе его у нея не осталось съ этой ночи никакой надежды.

V.

Дочь съ мужемъ посулились пріѣхать и пріѣхали на престольный праздникъ, ко второму Спасу. Было рѣшено, что зять свезетъ Аверкія въ больницу, покажетъ доктору. Аверкій согласился—и на день, на два ожилъ.

На день, на два воротились къ нему обычныя человѣческія чувства. Онъ ждалъ дочь нетерпѣливо. Съ помощью старухи, онъ съ ранняго утра умылся, причесался для гостей.

Въ обѣды онъ лежалъ и прислушивался: не ѣдутъ ли? Послышались шаги и голоса за рѣкой. Въ рамѣ воротъ показался зять, за нимъ—дочь съ дѣвочкой, сзади старуха. Зять, высокій, съ зеленоватыми волосами, съ бѣлыми рѣсницами, съ

пушкомъ на розовомъ непріятномъ лицѣ, былъ подбритъ и наряженъ: новый картузъ, новые сапоги, сѣрая жилетка поверхъ новой желтой рубахи. Дочь, которую Аверкій всегда считалъ красавицей, и на этотъ разъ удивила его своею красотою, становитостью, ласковой скромностью, соединенной съ достоинствомъ, длинными опущенными рѣсницами, лиловымъ сарафаномъ и смуглостью маленькихъ рукъ. Она, женственная, милая, вела за ручку бѣлобрысую дѣвочку въ зеленомъ платьицѣ, которая съ любопытствомъ осматривала дыры въ крышѣ риги и сосала черную катушку изъ-подъ нитокъ.

Подойдя, гости поклонились Аверкію, осторожно поцѣловались съ нимъ, подняли на руки не хотѣвшую цѣловаться, воротившую въ сторону личико, дѣвочку; Аверкій съ нѣжностью замѣтилъ, что волосы у нея бѣло-золотисты, тверды и гладки, какъ трава послѣ лѣта. Гости заговорили бодро, безпечно,—зять все старался шутить,—но не сводили съ Аверкія глазъ и, видимо, не знали, что̀ говорить. Онъ это чувствовалъ, неловко улыбался и тоже бодрился, а самъ думалъ, сравнивая дочь со старухой: нѣтъ, моя душевнѣе была! И дочь была хороша и скромна, какъ мать въ молодости, но у дочери было больше спокойствія, сдержанности. Дочь трогала его своею красотою, рѣсницами, блескомъ стеклянныхъ капель въ гребешкѣ, а старуха—лаптями, дряблостью кожи, усталостью, искренностью. Ихъ противоположность взволновала его, и опять почувствовалъ онъ на мгновеніе: сладка жизнь! Но за себя ему неловко было. Старуха не притворялась. Она вошла и стала, грустно глядя на него, какъ бы говоря: вотъ привела, хотятъ поглядѣть на тебя—не хорошъ ты сталъ, батюшка, да что̀ жъ сдѣлаешь, они не взыщутъ. А онъ, и правда, былъ страшенъ. Волосы его еще больше порѣдѣли, стали еще тоньше, они лѣзли, падали вмѣстѣ съ крупными сѣрыми вшами на широкій воротъ рубахи, на ключицы, торчавшія подъ нею, какъ удила. По обѣимъ сторонамъ ввалившихся висковъ торчали большія прозрачныя уши. Глубоко западали глаза.

Гости обѣдали въ избѣ. Ему прислали чашку зеленаго кваса съ саломъ, ломоть хлѣба. Онъ тотчасъ же приподнялся, взялъ чашку, низко склонился надъ нею, выгнулъ зубчатую отъ позвонковъ спину, перекрестился, зачерпнулъ дрожащей рукой ложку и проглотилъ торопливо, боясь, что не хватитъ силъ наѣсться. И точно, не хватило. Онъ усталъ, задохнулся, легъ на спину... И чашка такъ и осталась стоять на землѣ возлѣ телѣги. Квасъ запѣнился, подернулся сальной пленкой, въ него нападало много мухъ. Аверкій отгонялъ ихъ и разсматривалъ свою руку, голубые ногти. Дивила его ладонь: вда-

лая, она была суха и блестѣла, будто натертая воскомъ... И, подумавъ о больницѣ, онъ насмѣшливо улыбнулся.

VI.

Передъ вечеромъ прошелъ недолгій дождь. Со смѣхомъ, накрывшись подолами, гуртомъ прибѣжали съ улицы въ ригу дѣвки, стали у воротъ, не обращая вниманія на Аверкія, ждали, пока перейдетъ дождь, видный въ рамѣ воротъ на сѣрой тучкѣ. За воротами говорили, смѣялись ребята, кто-то все начиналъ играть на сломанной, съ западающими клапанами гармоніи. Подошелъ къ воротамъ зять, сытый, слегка хмельной. Онъ выставилъ впередъ правое колѣно, поставилъ на него свою большую, мягко и пріятно рычавшую гармонію. Онъ томно смотрѣлъ въ одну точку, играя. А противъ него стояла и, слегка склонивъ голову, упорно смотрѣла на него солдатка, полная, блѣдная женщина съ свѣжимъ, пріятнымъ ртомъ и серебристыми глазами въ черныхъ рѣсницахъ. Они звали другъ друга взглядами, словами безконечной „страдательной“. И всѣ долго, подъ рѣдкимъ дождемъ, слѣдили за ихъ любовными переговорами. Потемнѣло въ углахъ риги, темнѣло въ воротахъ. Закрывъ глаза, Аверкій слушалъ. Ему было хорошо.

Улица такъ и осталась возлѣ риги до поздней ночи, расходясь постепенно. Поздно ночью небо расчистило, двѣ большія звѣзды глядѣли въ ригу. „Значитъ, такъ надо,—думалъ Аверкій: — значитъ, ему дочь моя не хороша, иную надо“. Гармонья смолкла. Кто-то говорилъ за воротами дрожащимъ, охрипшимъ голосомъ, о чемъ-то упрашивая. Женщина отвѣчала протяжно, уклончиво, но сопротивленіе ея было слабое. Потомъ двѣ тѣни на минуту заслонили звѣзды въ рамѣ воротъ, прошли мимо, влѣво, къ остаткамъ соломы...

„Ахъ, неладно“,—подумалъ Аверкій, но равнодушно.

Да, его уже и за человѣка не считали. Ну, да что жъ, живой о живомъ и думаетъ... Онъ вспомнилъ дочь. Плохо ей, небось, она изъ бѣднаго двора, мужъ—изъ богатаго... Вспомнилась пѣсня: „Свекоръ-батюшка, отыми меня отъ лихà-мужа. Ужъ ты, мужъ, ты, мужъ — не губи меня близко къ вечеру, загуби меня близко къ полночи“... „Какіе мы сами, такія и сани“,—подумалъ Аверкій... Потомъ въ душѣ зазвучала пѣсня нѣжная, любовная: „Я соскучилась, любезный, безъ тебя: вся постелюшка простыла безъ тебя, изголовьице заиндивѣло...“ Онъ забылся и очнулся отъ громкаго кашля. Зять, проводившій солдатку, смѣло воротился въ ригу, сѣлъ на розвальни и, разуваясь, со стукомъ побросалъ сапоги наземь. Онъ за-

кегъ спичку, освѣтивъ пѣтуха, почевавшаго на деревяшномъ козлѣ для рѣзки.

Чтобы показать, что онъ не обижается, не вмѣшивается въ ужія дѣла, Аверкій, усмѣхнувшись, сказалъ про пѣтуха:

— Ишь, гдѣ квартеру себѣ нашелъ!

— А ты чего жъ не спишь?—спросилъ зять.

— Я, почесть, никогда не сплю,— отвѣтилъ Аверкій.

— Помираешь, значитъ,—равнодушно сказалъ зять, ложась и укрываясь полушубкомъ.

— Худая трава изъ-поля вонъ,—пошутилъ Аверкій.—А чую—конецъ. Чую—*она*. Ночью скучаю, пуще всего какъ полуночная звѣзда-зарница взойдетъ. Никакая!—сказалъ онъ безнадежно.—Стали ужъ колокольцы въ глоткѣ звенѣть...

Зять сталъ засыпать, сумрачно похрапывая. И грусть, умиленье одиночества нашли на Аверкія. Хотѣлось еще поговорить, сказать что-нибудь дружелюбное, пріятное зятю. Онъ окликнулъ его:

— Спишь?

— Нѣтъ,— отозвался зять, очнувшись.—А что?

И забормоталъ строго:

— Будя буровить-то, людямъ спать не давать... Спи!

Аверкій смолкъ. Хотѣлось сказать: „Ахъ, хороша любовь на свѣтѣ живетъ!“. Онъ лежалъ, думалъ и затаивалъ дыханіе, стараясь представить себя въ могилѣ. Выходило ничего,— хорошо и покойно... Зять храпѣлъ, спалъ крѣпкимъ сномъ поздней ночи. Слабое, мутное зарево долго было видно за воротами, за темными полями. Показался поздній полумѣсяцъ,— какъ отраженіе въ затуманенномъ зеркалѣ,—прошелъ низко и скрылся. Потемнѣло передъ разсвѣтомъ. Сталъ на всю ригу кричать пѣтухъ. Стало въ рамѣ вороть серебриться небо, сталъ заниматься для живыхъ новый день...

Зять проснулся, свѣжо и крѣпко зѣвнулъ, снова разбудивъ тонко дремавшаго Аверкія. Утро настало веселое. Весело и молодо глядѣло въ ворота голубое, по горизонту оранжевое небо. Холодная роса сверкала на травѣ. Зять, надѣвая сапоги, надувался и стучалъ ими въ землю.

— Обузилъ хромой дьяволъ!—сказалъ онъ хрипло и бодро, разумѣя сапожника.—Только обнадежилъ.

— Тѣсный сапогъ осеннее дѣло никуда,—отвѣтилъ Аверкій.— Мука.

— Да это еще по чулку,—сказалъ зять.—А по протяжкѣ и совсѣмъ не вобьешь... Ну, погоди же, хромой!

Старуха съ дочерью нарядили Аверкія. На него надѣли ситцевую рубаху, давно слинявшую, но чистую, легкую, узкія

сѣрыя брюки въ полоскахъ,—подарокъ съ барскаго двора,—и кожаныя бахилки; надѣли полушубокъ, большую шапку и подъ руки повели къ телѣгѣ. Дѣвочка гонялась по ригѣ за пѣтухомъ, все норовила поймать его за хвостъ. Поджимаясь, пѣтухъ мелко убѣгалъ отъ нея, и Аверкій усмѣхался. Послѣ риги небо показалось ему безконечно-просторнымъ, свѣтлымъ и радостнымъ, воздухъ въ поляхъ—упоительнымъ. Дорога уже обвяла. День былъ августовскій—прохладный, блестящій, со стальными облаками. О больницѣ, о выздоровленіи не хотѣлось и думать: и та къ было хорошо. И за всю дорогу Аверкій и не вспомнилъ о больницѣ.

VII.

Прошелъ еще мѣсяцъ. Жизнь еще болѣе отодвинулась отъ Аверкія за этотъ мѣсяцъ. Черныя катышечки въ пахучемъ желтомъ порошкѣ, конечно, не помогли,—только палили изжогой. Но онъ все-таки ѣлъ ихъ—цѣлыхъ двадцать дней. Когда же проглотилъ послѣднюю и спряталъ круглый пузырекъ съ металлической шляпкой подъ подушку, вздохнулъ такъ облегченно, точно свалилъ съ плечъ послѣдній тяжкій долгъ. А съ людьми онъ мысленно уже простился: люди понемногу забывали о немъ, заходили къ нему все рѣже, а заходя, говорили то трогательное, то смѣшное, то грустное, но всегда неважное. Все время онъ чувствовалъ себя гостемъ, заѣзжимъ въ какой-то край, гдѣ онъ жилъ когда-то и гдѣ теперь живутъ еще бѣднѣе и скучнѣе, чѣмъ жили прежде, при немъ.

Воротился домой и заходилъ раза два солдатъ, побывавшій въ Портъ-Артурѣ и въ Японіи,—на войнѣ и въ плѣну. И не разсказалъ ничего путнаго ни о войнѣ ни о плѣнѣ, говорилъ то же, что говорили и всѣ, побывавшіе на войнѣ и въ чужихъ странахъ. На войнѣ страшно, а потомъ ничего, и не думаешь, а въ чужихъ странахъ все не по-людски: земли много, а ходить негдѣ, вездѣ горы, людей всякихъ—и не счесть, а поговорить не съ кѣмъ... Много разсказывалъ солдатъ о японкахъ, но и ихъ осуждалъ: „малы ростомъ и не завлекательны“. Про море отозвался кратко:

— Воды много, а пить нечего.

Заходила Анюта. Съ ней Аверкію было легко, она сидѣла долго, никуда не спѣшила, не говорила притворно: „ну, я пойду, дѣльце есть“... Она была задушевна, проста, хотя и задѣвала Аверкія тѣмъ, что стала говорить съ нимъ теперь, какъ съ равнымъ, какъ съ дурачкомъ, со своимъ братомъ, лишнимъ человѣкомъ, и, главное, часто жаловалась на судьбу и тоже по очень ничтожнымъ поводамъ. Какъ, напримѣръ, мучили ее слѣдки

— Я мученица прямо,—говорила она:—до того люблю ихъ! олько тѣмъ и спасаюсь, что возьму у барчука деньжонокъ, ойду въ лавку и куплю на всѣ... Съѣмъ сразу три, либо етыре—и забуду на цѣлый мѣсяцъ: до того переѣмъ, что съ уши воротитъ, видѣть не могу!

Заходилъ старикъ-плясунъ, въ полушубкѣ и соломенной ляпѣ, приносилъ яблокъ, съ неумѣренной настойчивостью овалъ ихъ подъ подушку Аверкію и съ неумѣреннымъ ожиленіемъ болталъ, внутренно радуясь своему постоянному мелю, а жизнь свою то восхваляя, то ни въ грошъ не ставя. Онъ дышалъ перегаромъ, говорилъ безъ умолку.

— Хм!—говорилъ онъ.—Мнѣ тутъ, въ селѣ, рай! Тутъ я маленько оправился, человѣкомъ сталъ. А то сослали меня прошлый годъ въ глухомань... Имѣньишко въ полѣ, садъ въ полѣ—хоть бы тебѣ дворишко! Скука—избавь Богъ, не то, что у васъ въ селѣ: тутъ въ поле выйдешь, и то что-нибудь увидишь обязательно: либо гдѣ ребята въ конопяхъ, либо такъ какой фигурой заинтересуешься, либо бабу примешь къ свѣдѣнію... А тамъ я, бывало, чѣмъ жизнь свою изукрашаю? Пойду къ господамъ подъ чай,—меня всегда чаемъ угощали,— а у нихъ ящикъ съ музыкой: попросишь барыню сыграть— ну, и пойдетъ у нихъ скандалъ, потѣха: барыня тотъ щитокъ сладетъ, а баринъ—тотъ... И кончится дѣло дракой, бранью...

Хозяйственнымъ людямъ было не до Аверкія: они вѣяли новое зерно и опять разсѣвали его. Разъ эта мирная жизнь была нарушена тревогой, набатомъ, торопливо сзывавшимъ испуганное село къ мѣсту неожиданной бѣды, къ омету на дальнемъ гумнѣ, внезапно охваченному среди жаркаго полдня весело и торопливо разгоравшимся оранжевымъ пламенемъ. У Аверкія, всегда боявшагося пожаровъ, заколотилось сердце. Онъ, насколько могъ, поспѣшно приподнялся и долго глядѣлъ въ ворота, на голубое спокойное небо, по которому безпокойно и высоко неслись черныя „галки“. Онъ жадно прислушивался къ тому шуму и гаму въ селѣ, который люди, бѣгущіе на пожаръ, всегда зачѣмъ-то преднамѣренно увеличиваютъ. Онъ, по старой привычкѣ, заразился-было этимъ чувствомъ, но скоро понялъ, что пожару онъ только обрадовался — обрадовался развлеченію, тому, что прибѣгутъ къ нему, оттащатъ его изъ риги на траву; понялъ и то, что пожаръ далеко, и что ничего этого не будетъ—и опять почувствовалъ равнодушіе, опять легъ.

Разъ зашелъ къ нему дьячокъ въ парусиновомъ подрясникѣ; посидѣлъ, пошутилъ надъ его болѣзнью, надъ тѣмъ, что скоро прибавится „земляного товару“, и, задумавшись, сказалъ:

— Да... „И возвратится персть въ землю, яко же бѣ, и духъ возвратится къ Богу, иже даде его...“ Этого, братъ, не минуешь!

И Аверкій, которому очень понравились его слова, торопливо отвѣтилъ:

— Избавь Богъ! Какъ можно того миновать!

На мгновеніе ему стало жутко отъ церковныхъ словъ дьячка, но, подумавъ, онъ еще тверже повторилъ:

— Нѣтъ, избавь, Господи,—не миновать-то! Я вонъ жалюсь иной разъ, я, молъ, кочетъ оброчный, какъ говорится, а развѣ не правда? И Богъ оброку требуетъ...

И, запутавшись въ своихъ мысляхъ, прибавилъ некстати:

— Нѣтъ, какъ можно... А то бы столько грѣха развелось! Такъ-то, святые люди говорятъ, шла Божья Матерь отъ креста и плакала навзрыдъ... Всѣ цвѣты отъ слезъ пожглись, посохли, одинъ табакъ остался... За то-то вотъ и жгутъ его курятъ, а бѣсу—радость...

Онъ, какъ ни старался, не могъ разобраться въ томъ высокомъ чувствѣ, которое возбудилъ въ немъ дьячокъ словами о землѣ, о персти, о духѣ и Богѣ, но, вспоминая ихъ, каждый разъ ощущалъ подъемъ душевныхъ силъ и уже спокойно относился къ безнадежнымъ выводамъ насчетъ своей жизни. Послѣ больницы онъ часто дѣлалъ попытки вспомнить всю эту жизнь. Казалось, что необходимо привести въ порядокъ все, что̀ видѣлъ и чувствовалъ онъ на своемъ вѣку. И онъ пытался сдѣлать это, и каждый разъ напрасно. Воспоминанія его были ничтожны, бѣдны, однообразны. Вспоминались пустяки, безо всякаго толку и все въ картинахъ—неясныхъ и отрывочныхъ. Только начнешь вспоминать жизнь по порядку съ начала, съ дѣтства, какъ все сольется въ одинъ какой нибудь день, въ одинъ какой-нибудь вечеръ, часто и не относящійся къ дѣтству и такой далекій, такой ненужный, что только рукой махнешь. Съ тоскою махнулъ рукой Аверкій и на всѣ свои знанія, на всѣ свои способности душевныя и умственныя. „Вѣдь вотъ какое чудо! — думалъ онъ: — жилъ жилъ—а ничего не помню, ничего не понимаю“... Говорятъ, напримѣръ, что родился онъ вотъ тамъ-то и тогда-то. А что это значитъ—родился? Не оказывалось даже пониманія собственнаго рожденія, не оказывалось даже въ него ощутительной вѣры! Всегда и всѣ говорили, что отцомъ его былъ вотъ тотъ-то, а матерью—вотъ та-та... Теперь онъ и этому не вѣрилъ, и этого не понималъ. Онъ всю жизнь считалъ родителей самыми близкими людьми; но, когда умеръ отецъ, онъ совершенно забылъ его, точно такъ же, какъ и мать: и

только жалѣть пересталъ, а даже лица отцовскаго не могъ ясно представить себѣ. Такъ сближался онъ на своемъ вѣку и со многими другими людьми. Но и ихъ забылъ—вотъ какъ сны, напримѣръ: развѣ мало видѣлъ онъ сновъ, а, попробуй-ка, вспомни ихъ!

Только далекія сумерки на рѣкѣ ощутительно помнилъ онъ да ясно видѣлъ лицо дочери.

VIII.

И еще мѣсяцъ прошелъ, и приблизилось время принести оброкъ Богу.

Осень наступила рано. Замученный холодами, старой одеждой, пролежнями и сухими ранами на локтяхъ, Аверкій только головой качалъ, разумѣя смерть:

— Ну, и поровиста! Не докличешься!

А его даже старуха стала забывать: онъ порой не ѣлъ по двое сутокъ. Міръ онъ попрежнему видѣлъ только въ ворота—видѣлъ только крохотный кусочекъ огромной картины. Шли по горизонту за обнаженными лозинками все бѣлѣвшія, все холодѣвшія облака. Умирая, высохли и погнили травы. Пусто и голо стало гумно. Стала видна сквозь лозинки мельница въ безпріютномъ полѣ. Дождь порой смѣнялся снѣгомъ, вѣтеръ гудѣлъ въ дырахъ риги зло и холодно. Аверкій тупо думалъ:

— Ѣдетъ осень на пѣгой кобылѣ...

А въ черныя, ледяныя и мокрыя ночи, когда только рама воротъ мутнымъ и неподвижнымъ призракомъ стояла передъ нимъ, свинцово глядѣла на него, ему было жутко. Перейти же въ избу онъ не рѣшался: зналъ, что задохнется въ первую же ночь—и умретъ мучительно.

Высокій ладъ чувствъ и думъ опять пошелъ на убыль. И разъ приснился такой сонъ. Очень холодно, низкія тучи вдали надъ зеленями, надъ желто-красной грядой лѣса за ними. Возлѣ грязной дороги ѣдетъ онъ самъ—древній, длинноволосый, длинноногій, въ длинномъ полушубкѣ на изсохшемъ длинномъ тѣлѣ—и поталкиваетъ лаптемъ пѣгую кобыленку, глубоко вязнущую въ сырой землѣ, комами выворачивающую зеленя. Нагналъ его барскій староста верхомъ, на сѣдлѣ, молча, злобно далъ ему въ душу. Онъ, Аверкій, молча, легко съѣхалъ со спины кобылы вмѣстѣ съ армякомъ, на которомъ сидѣлъ, повалился на колѣни, снялъ тяжелую шапку съ лысой головы, сталъ плакать, просить прощенія, говорить, что онъ глухъ, старъ, слабъ, ѣдетъ къ дочери... Оскаливъ зубы, староста сталъ драть его кнутомъ по чемъ попало,—и отъ боли

и отъ ужаса Аверкій проснулся, весь въ слезахъ. И до разсвѣта лежалъ, глядѣлъ на свинцовый призракъ воротъ, чувствовалъ, что замираетъ, бьется послѣднимъ торопливымъ боемъ его истомленное сердце, и не понималъ,—сонъ ли это былъ, или сама жизнь его, слившаяся въ ту тоску, въ то горе, съ которымъ онъ повалился передъ старостой на колѣнки. И, вытирая мокрое отъ слезъ лицо, засмѣялся и твердо сказалъ себѣ:

— Какіе мы сами, такія и сани! Перейду въ избу! Задохнусь—туда и дорога...

А на утро и поневолѣ пришлось переходить. Внезапно пришла зима. И жизнь въ Аверкіи вспыхнула еще разъ.

Ахъ, въ этомъ было и давно знакомое, всегда радовавшее зимнее чувство! Первый снѣгъ, первая мятель! Забѣлѣли поля, потонули въ ней—забивайся на полгода въ избу! Въ бѣлыхъ снѣжныхъ поляхъ, въ мятели—глушь, дичь, а въ избѣ—уютъ, покой. Чисто выметутъ ухабистые земляные полы, выскребутъ, вымоютъ столъ, тепло вытопятъ печь свѣжей соломой—хорошо!

И дочь пріѣхала: „точно почуяло ея сердце“,—подумалъ Аверкій, хотя и зналъ, что пріѣхала она къ подругѣ на сговоръ. Бѣлой куро̀й несло надъ деревней, убѣляя ее, гнилую и темную. Бѣлы были косогоры и берега рѣки—только сама рѣка, еще не застывшая, чернѣла, и по ней еще плавали бѣлые гуси. А въ сѣнцахъ избы стояла дочь, веселая и красивая. Теперь ей совсѣмъ не жалко было отца,—вѣдь все равно ему не встать. Осенью умерла ея дѣвочка—это снова сдѣлало ее молодой и свободной. Старуха готовила на нарахъ постель Аверкію. И она ждала ее, чтобы итти за отцомъ, на розвальняхъ перетаскивать его въ избу.

Пріѣхавъ, она распрягла лошадь и ввела ее въ сѣнцы. Распрягая, согрѣлась, раскраснѣлась, скинула шубку, скинула шаль на плечи и, привязавъ лошадь къ отдѣлившемуся въ дырявой стѣнѣ бревну, кормила ее хлѣбомъ. Въ раскрытую дверь несло серебристой пылью. Она стояла въ голубомъ шерстяномъ платьѣ, отъ котораго хорошо, душисто пахло. На волосахъ ея блестѣли остинки снѣга, глаза сіяли. Сосѣдскій теленокъ лѣзъ въ сѣнцы. Она нѣсколько разъ выгнала его, потомъ выскочила на порогъ. Ей казалось, что она опять живетъ дома, у батюшки съ матушкой, дѣвкой. Ее радовало, что она знаетъ, чей это теленокъ, и кому нужно крикнуть о немъ.

— Мишка, родимецъ тебя расшиби! — крикнула она, выскакивая на порогъ и радуясь, что можетъ, какъ своя, тутош-

ня, не обидно ругаться.—Я за твоимъ быкомъ больше гоняться не стану!

Въ сѣнцы, грызя подсолнухи, вошла подруга, та, на чей сговоръ она пріѣхала, дѣвка серьезная, съ широкими черными бровями, тоже наряженная, въ новомъ большомъ платкѣ стального цвѣта съ серебристыми листьями.

— Пойдемъ батюшку перевозить, — торопливо сказала ей дочь Аверкія.—Совсѣмъ помираетъ, за попомъ велѣлъ итить...

Аверкій, возбужденный и безсонной ночью, и первой мятелью, и переходомъ въ избу,—близкой смертью,—лежалъ въ розвальняхъ и слушалъ, какъ холодно, по-зимнему шумитъ вѣтеръ, несущій бѣлые хлопья, какъ шуршитъ сухой рѣшетникъ, сквозь который дуетъ онъ. Аверкій дрожалъ, ежился въ своемъ истертомъ полушубкѣ, накрытый для тепла пѣгими попонами, и все надвигалъ на лоснящійся лобъ свою глубокую шапку. Лицо у него было ждущее, но глаза, большіе, потемнѣвшіе, ничего не выражали. Онъ самъ, своими силами, шатаясь и пьянѣя отъ слабости, перебрался изъ телѣги на розвальни и съ дѣтскимъ довольствомъ думалъ: придутъ, чтобы перекладывать его, — анъ у него ужъ все готово, только за оглобли берись... Вдругъ раздался звонкій голосъ дочери:

— Батюшка! живъ?

Дочь, увидя его, внезапно заплакала: такъ великъ и древенъ показался ей этотъ живой покойникъ, съ остатками жидкихъ волосъ, отросшихъ до плечъ, въ шапкѣ, ставшей отъ ветхости какимъ-то высокимъ шлыкомъ, въ родѣ скуфьи, и въ длинномъ армякѣ цвѣта сухого ржаного хлѣба поверхъ полушубка. Онъ поздоровался съ ней чуть слышно. И, опустивъ глаза, она почти безъ помощи старухи потащила розвальни къ избѣ. И по бѣлоснѣжному покрову потянулись отъ риги до избы двѣ черныхъ полосы—траурный слѣдъ полозьевъ, все лѣто стоявшихъ на влажной землѣ.

IX.

На дворѣ сизѣли сумерки, но еще свѣтло было, бѣло отъ снѣга. А изба уже наполнялась сумерками.

Въ сумерки, весь въ снѣгу, нагибаясь на порогѣ низкой двери, вошелъ въ избу священникъ.

— Гдѣ онъ тутъ у васъ?—бодро крикнулъ онъ, и голосъ его раздался, какъ голосъ самой смерти.

Въ тихомъ страхѣ встала съ лавки старуха. (Дочь, по думая, что конецъ отца такъ близокъ, ушла на сговоръ). Упираясь дрожащими руками, приподнялся и самъ Аверкій

и замеръ въ ожиданіи, какъ вставшій изъ гроба. Въ темнотѣ мертвенно-блѣдно синѣло его ужасное лицо. Взглянувъ на него, священникъ понизилъ голосъ и быстро, такимъ тономъ, точно вошелъ въ избу еще кто-то, тотъ, для кого все это и дѣлалось, сказалъ:

— Шапку-то, шапку-то сними... Опомнись!

Аверкій стащилъ ее, положилъ на колѣни...

Потомъ затеплилась желтымъ огонькомъ восковая свѣча. Исповѣдавшись, причастившись, Аверкій чуть слышно спросилъ:

— Батюшка! Ну, какъ по-вашему,—вы это дѣло хорошо знаете,—есть ужъ *она* во мнѣ?

И священникъ, какъ бы снова почувствовавъ свою власть, отвѣтилъ ему громко и поспѣшно, почти грубо:

— Есть, есть. Пора, собирайся!

Не глядя на старуху, онъ поймалъ ея руку, въ которой ужъ давно отпотѣлъ приготовленный двугривенный, и поспѣшно шагнулъ за порогъ. Старуха, перекрестившись, подошла къ нарамъ и стала, подпирая рукой подбородокъ, наглядываясь въ послѣдній разъ на того, кого она такъ мало видѣла при жизни... „Пора, пора!“—крикнулъ на него священникъ. И онъ покорно легъ на спину, зажавъ свѣчу въ костлявыхъ пальцахъ. Сердце его млѣло, таяло — онъ плылъ въ туманѣ, въ предсмертной зыби. Желтый дрожащій свѣтъ скользилъ по его пепельнымъ губамъ, сквозившимъ въ рѣдкихъ усахъ, по блестящему острому носу, по большимъ ловымъ яблокамъ закрытыхъ глазъ. Чувствуя чью-то близость, онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе — хотѣлъ что-то сказать и пріоткрыть глаза. Но только дрогнуло его лицо. Можетъ, его пугалъ и безпокоилъ этотъ свѣтъ, эта черная дрожащая тьма, напоминающая церковь? И старуха, думая, что до конца еще далеко, тихо вынула свѣчу изъ рукъ Аверкія и, дунувъ на нее, сѣла возлѣ него.

И въ тишинѣ, въ темнотѣ Аверкію стало легче. Представился ему лѣтній день, лѣтній вѣтеръ въ зеленыхъ поляхъ, косогоръ за селомъ и на немъ — его могила... Кто это такъ звонко и такъ жутко кричитъ, причитаетъ надъ нею?

— Родимый ты мой батюшка, что̀ жъ ты себѣ сдумалъ, что̀ ты надъ нами сдѣлалъ? Кто жъ будетъ нами печалиться, кто будетъ заботиться? Родимый ты мой батюшка, я шла мимо вашего двора: никто меня не встрѣтилъ, никто не привѣтилъ! Я, бывало, батюшка, иду мимо васъ—ты меня встрѣчаешь, ты меня привѣчаешь! Ужъ ты грянь, громушекъ, просвѣтися, мо̀лонья, разступися, мать-сыра-земля! Ужъ вы дуньте,

вѣтры буйные,—вы раздуйте золотую парчу, распахните мово батюшку!

— Ахъ, это дочь! — подумалъ Аверкій съ радостью, съ нѣжностью, съ затрепетавшей въ груди сладкой надеждой на что-то...

Умеръ онъ въ тихой, темной избѣ, за окошечкомъ которой смутно бѣлѣлъ первый снѣгъ, такъ неслышно, что старуха и не замѣтила.

Капри. 14—22. II. 1913.

ПСАЛЬМА.

Я эту псальму, этотъ южно-русскій сказъ слышалъ въ херсонскихъ плавняхъ, въ низовьяхъ Днѣпра, въ теплый и темный весенній вечеръ.

Сказывалъ и пѣлъ лирникъ Родіонъ, молодой нищій изъ-подъ кіевскаго города Василькова, рябой слѣпецъ, безъ поводыря странствовавшій куда Богъ на душу положитъ: отъ Гадяча на Сулу, отъ Лубенъ на Умань, отъ Хортицы къ гирламъ, къ лиманамъ...

Изъ конца въ конецъ Малороссіи странствовалъ и я въ ту весну. Весна выдалась ранняя. На сѣверѣ Приднѣпровья она была ясная, прохладная, съ звонкими „суховіями“, съ изумрудомъ озимей, съ голыми метлами хуторскихъ тополей, далеко видныхъ среди степныхъ равнинъ, гдѣ, какъ въ морѣ, были малы и терялись люди, пахавшіе на волахъ подъ яровое. А на югѣ тополя уже одѣлись, зеленѣли и церковно благоухали: пробѣгали надъ ними первыя апрѣльскія грозы. Розовымъ цвѣтомъ цвѣли сады, празднично бѣлѣли большія старинныя села, пестро наряжались молодыя казачки: еще недавно смолкъ пасхальный звонъ, на травѣ подъ вѣтряками еще валялась скорлупа крашеныхъ яицъ.

Въ гирлахъ днемъ было знойно, много стрекозъ вилось надъ очеретомъ, много „скиглило“ рыбалокъ, отражавшихся въ серебристыхъ разливахъ теплаго Днѣпра. Теплы и темны были ночи.

Отъ Херсона въ Никополь я плылъ на пароходѣ „Олегъ“, грязномъ, ветхомъ и необыкновенно людномъ. Весь дрожа, шумя колесами, медленно тянулся онъ среди необозримыхъ зарослей и полноводныхъ затоновъ. Въ первомъ классѣ „Олега“ никого не было, кромѣ какой-то дѣвицы, знакомой капитана, державшейся особнякомъ, подобно всѣмъ путешествующимъ без-

платно. Во второмъ было нѣсколько евреевъ, съ утра до ночи игравшихъ въ карты, и все молчалъ, все прогуливался и ровно ничего не требовалъ въ буфетѣ актеръ съ безстрастно-печальными глазами и синей щетиной на блѣдно-сѣромъ лицѣ. А въ третьемъ, на нижней палубѣ, набилось душъ полтораста хохлушекъ, переправляемыхъ весною съ мѣста на мѣсто, подобно рабочему скоту.

Днемъ у нихъ было страшно тѣсно и жарко; днемъ онѣ ѣли, пили и спали. Вечерами долго пѣли.

Въ эти сумерки я лежалъ на скамьѣ, на верхней палубѣ, глядя въ темнѣвшее небо. По палубѣ бродила, останавливалась и притворялась залюбовавшейся облаками на закатѣ знакомая капитана. Она накинула на голову, на модную прическу въ несмѣтныхъ шпилькахъ и гребняхъ, зеленый газъ, тонкій, какъ паутина, обвила его концы вокругъ шеи, и сумеречный вѣтерокъ чуть игралъ ими. Она была въ прозрачной кофточкѣ, высока и такъ хрупка станомъ, что, казалось, вотъ-вотъ онъ переломится. Одной рукой она придерживала газъ, другой—подолъ юбки, обтягивая и дѣлая стройнѣй ноги, и покусывала губы, стараясь придать имъ свѣжесть и яркость. А за нею все время слѣдилъ актеръ.

Актеръ бокомъ прислонился къ скамьѣ, закинулъ ногу на ногу, какъ бы показывая, что онъ ничуть не стѣсняется своими ужасными ботинками. Онъ поднялъ воротникъ клѣтчатаго пальто съ широкимъ хлястикомъ на поясницѣ, надвинулъ на лобъ широкополую шляпу и, шевеля тросточкой, поводилъ глазами. Въ первый день плаванія мы попробовали разговориться—и смолкли, почувствовавъ другъ къ другу ненависть. Онъ оказался однимъ изъ тѣхъ, что переносятъ только слушателей, а не собесѣдниковъ. Онъ могъ говорить только о себѣ и объ искусствѣ. Малороссію, ея пѣсни, ея весеннюю красоту онъ опредѣлилъ однимъ словомъ: „Примитивно“. Знакомую капитана назвалъ выдрой.

Она гуляла, останавливалась, будто и не замѣчала его. Но взгляды изъ-подъ широкополой шляпы дѣлались все пристальнѣе. Внезапно вздрогнувъ, какъ бы отъ вечерней свѣжести, она вскинула брови, подхватила подолъ и съ беззаботнымъ видомъ побѣжала по трапу внизъ. И, прикрывъ глаза, актеръ притворился дремлющимъ. За мягкой чернотой вѣтряковъ и косогоровъ, слившихся съ затонами, съ густыми камышами, медленно блекли въ чемъ-то сумрачно-аломъ слабыя очертанія мутно-синихъ облаковъ. Въ вышинѣ, сквозь темный флеръ дыма, проступали мелкія, блѣдныя звѣзды. „Олегъ“, дымя, дрожалъ и однообразно шумѣлъ колесами... И вотъ, въ пол-

слуха, стройнымъ хоромъ запѣли на нижней палубѣ хохлушки, выспавшіяся за день.

Я въ тѣ годы былъ влюбленъ въ Малороссію, въ ея рѣки, въ ея села и степи, жадно искалъ сближенія съ ея прелестнымъ народомъ, жадно слушалъ пѣсни, душу его. Пѣлъ онъ чаще всего меланхолически, какъ и подобаетъ сыну степей и славнаго прошлаго: пѣлъ на церковный ладъ, какъ и долженъ пѣть тотъ, кто помнитъ не дни и не годы, а цѣлые вѣка, и чье рожденіе, трудъ, любовь, семья, старость и смерть—служеніе; пѣлъ то гордо, то строго, какъ потомокъ героевъ, а порою съ той глубокой и сдержанной нѣжностью, которая дается только силой. Въ людныхъ степяхъ, на ярмаркахъ, въ передвиженіяхъ гуртами на работы еще сопровождали его бандуристы и лирники, наводившіе мужчинъ на воспоминаніе о былой вольности, о казацкихъ походахъ, о чумакахъ и Азовѣ, а женщинъ—на пѣвучія думы о разлукѣ съ сыновьями, съ мужьями, съ любимыми. Богъ благословилъ меня счастьемъ видѣть и слышать многихъ изъ этихъ странниковъ, вся жизнь которыхъ была мечтой и пѣсней, душѣ которыхъ были одинаково близки и вчерашній день, и дни Богдана, и дни Сѣчи, и дни Святополка,—тѣ, за которыми уже проступаетъ синева Карпатскихъ хребтовъ, и близки древне-славянскія, придунайскія низменности. Родіонъ былъ молодъ и неизвѣстенъ. Онъ случайно пристрялъ къ женщинамъ, плывшимъ отъ Херсона въ Никополь, въ Александровскъ, и говорилъ, что даже не считаетъ себя пѣвцомъ. Но пѣвецъ онъ былъ удивительный. Если онъ еще живъ,—Богъ, вѣрно, далъ ему старость счастливую и отрадную за ту радость, что̀ давалъ онъ людямъ.

Слѣпые—народъ сложный, тяжелый; или преступный, или не въ мѣру благочестивый, вѣчно жалующійся на свою нищету, любящій лохмотья и корыстный. Родіонъ не похожъ былъ на слѣпца. Простой, открытый, онъ совмѣщалъ въ себѣ все: и строгость и нѣжность, и горячую вѣру и безвѣріе, и серьезность и беззаботность. Онъ пѣлъ и псальмы и думы, и про Божію Матерь и про Хому, и легкость, съ которой онъ мѣнялся, которая была бы въ другомъ непріятна, въ немъ была очаровательна: онъ принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ людямъ, все существо которыхъ—умъ, талантъ, чуткость и мѣра. Если бы онъ снялъ съ плеча свой холщевый мѣшокъ, никто и не подумалъ бы, что это нищій: такъ чистъ и опрятенъ былъ онъ. Голова у него была небольшая, темные волосы, ровно подрубленные въ кружокъ, закрывали половину лба. Сухое рябое лицо съ закрытыми и глубоко запавшими маленькими вѣ-

ками обычно ничего не выражало. Но, когда онъ говорилъ или пѣлъ, онъ однѣми бровями и улыбками, озарявшими его лицо на сотни ладовъ, выражалъ самыя тончайшія и разнообразнѣйшія чувства и мысли. Ростомъ онъ былъ невеликъ, плечи имѣлъ узкія, покатыя и худощавыя, пальцы сухіе и цѣпкіе. Носилъ короткую и толстую сермяжную свитку, огромные сапоги. И чудесно, по-славянски, краснѣла ленточка, которой завязывалъ онъ воротъ своей сорочки изъ суроваго холста.

Вечерами на „Олегѣ“ онъ всегда пѣлъ или прежде, или послѣ всѣхъ.

Въ этотъ вечеръ начали женщины—со старинной казацкой пѣсни о сынѣ и матери, ласково и безнадежно уговаривавшей его не губить своей молодости даромъ, ради одной удали. Мать съ сыномъ бесѣдовали,—и бесѣда ихъ, такая наивная, у всякаго могла бы вызвать улыбку, если бы не въ эту протяжную, спокойную и грустную пѣсню выливалась она.

— Ой ты, сыну, мій сынъ, ты, дытына моя!—ласково укоряла мать, уговаривая сына не пить.

— Якъ горилки напьюсь, то й ума наберусь,—отвѣчалъ ей сынъ беззаботно, но съ такой безнадежностью, съ такой твердой вѣрой въ неизбѣжность гибели, что не до улыбки было слушателю.

Кончивъ одну пѣсню, женщины долго не запѣвали другой: запѣли-было въ три голоса мѣщанскую, про „баламутовъ“, и бросили, точно чувствуя, что актеръ сталъ сквозь зубы подтягивать. Родіонъ,—онъ сидѣлъ на открытомъ мѣстѣ на кормѣ, почти подо мной,—вполголоса занылъ первыя строки пѣсни, еще болѣе старой, чѣмъ о матери и сынѣ:

— Край Дунаю трава шумыть, а въ тій трави козакъ лежыть...

— Варко! Люде сплять?—окликнулъ онъ кого-то, видимо, повторяя что-то всѣмъ извѣстное, ставшее смѣшнымъ—и ему отвѣтили сдержаннымъ радостнымъ смѣхомъ.

И долго только шутки, тихій говоръ слышались въ дремотѣ теплаго и темнаго вечера, среди ровнаго, ночного шума колесъ. Кое-гдѣ по темнымъ берегамъ мелькали поздніе огоньки. Вдали, на чуть видномъ затонѣ, сливавшемся съ черными камышами, ночной рыбакъ лучилъ рыбу: спокойное отраженіе его огня было похоже на большую восковую свѣчу. Кто-то заговорилъ о Кіевѣ, о базарахъ на Подолѣ. Можетъ-быть, глядя на это отраженіе, вспомнили о Софіевскомъ соборѣ, о Михайловскомъ и стали съ умиленіемъ дивиться ихъ красотѣ и ужасаться картинамъ Страшнаго Суда, которыми славятся

многія кіевскія церкви. Тогда, какъ бы продолжая эту мѣрную рѣчь, въ ладъ ей, медленно и пѣвуче зашла, заскрежетала и зажужжала старая лира Родіона.

Онъ какъ бы перебиралъ въ своей памяти картины церквей, соборовъ, проходовъ подъ златоверхими колокольнями, темныхъ и тѣсныхъ полуподземныхъ придѣловъ. И, дойдя до картинъ судныхъ, усилилъ тонъ: лира его зажужжала и запѣла смѣлѣе, тверже. Послышались вздохи, слабыя восклицанія нѣжности и грусти. И онъ еще усилилъ—и сквозь восточную, степную меланхолію его мотива ясно проступило подобіе средневѣковаго органнаго хорала. Онъ овладѣлъ собою, овладѣлъ слушательницами—и сталъ имъ, матерямъ и невѣстамъ, сказывать то, что̀ такъ близко было имъ,—о сиротѣ и о мачехѣ,—мѣшая органныя угрозы и назиданія съ пѣсней и мягкими славянскими укорами.

— Ой, зашумилы лугы ще й быстріи рики!—вздохнулъ и строго сказалъ онъ, возвысивъ голосъ и заглушивъ лиру.

И пояснилъ, снова уступая мѣсто ея звенящему жужжанію:

— Померла матинка—зосталыся диты...

Потомъ онъ просто и серьезно сталъ напоминать женскому сердцу, и безпощадному и жалостливому, какова она, эта сиротская доля. Отецъ,—сказалъ онъ,—тотъ утѣшится:

— Отець жону знайде, буде въ пари жыты...

А сиротамъ никто не замѣнитъ родной матери:

— Нещасни сыритки—ти пидуть служыты...

Но не спасетъ ихъ,—сказалъ онъ,—никакая служба, никакая работа:

— Що сырота робыть,—робота ни за̀ що, а люде говорять: сырота ледащо. Що сырота робыть,—робота не мила, а мачуха судыть: сырота линыва...

Однимъ тономъ словъ и лиры онъ далъ трогательный образъ сироты, этого всѣмъ чужого, покорнаго ребенка, этой стриженой, босой, въ грязной сорочкѣ и старенькой плахтѣ дѣвочки. Она долго опускала заплаканные глазки, долго надѣялась терпѣніемъ и непосильнымъ трудомъ снискать хотя бы милость мачехи,—но напрасно: даже родной отецъ, боясь этой безжалостной, хозяйственной женщины, избѣгалъ глядѣть на свою сироту. А если ужъ родному отцу въ тягость собственное дитя, то гдѣ же правда, гдѣ справедливость, гдѣ состраданіе? Ихъ надо искать по свѣту, по міру, гдѣ-то тамъ, куда скрылась мать, сердце матери, единственный нескудѣющій источникъ нѣжности... И, опять со вздоха возвышая свой грудной, степной голосъ, опять усиливая звенящій тонъ лиры, Родіонъ продолжалъ:

— Ой, пишла сыритка темнымы лугамы,—вмывается сыритка дрибными сльозамы. Не могла сыритка мачуси вгодыты,—ой, пишла сыритка по свиту блудыти: по свиту блукаты, матинки шукаты...

Сынъ народа, еще не раздѣляющаго земли и неба, онъ просто и кратко разсказалъ о страшной встрѣчѣ грязной и босой дѣвочки,—о встрѣчѣ ея въ темныхъ лугахъ и о бесѣдѣ ея съ Самимъ Господомъ:

— Тай зустривъ ïи Господь, ставъ ïи пытаты: „Куда йдешь, сыритка?“—„Матери шукаты“.—„Ой, не йди, сыритка,—бо далеко зайдешь, вже жъ своей матинкы й по викъ не знайдешь: бо твоя матинка на высокій гори, тило спочывае у смутному гроби“...

Съ нѣжностью, но все такъ же просто передалъ онъ и жуткое свиданіе, горькую „розмову“ сироты съ матерью,—съ Ангеломъ, отзывавшимся изъ могилы за усопшую:

— Ой, пишла сыритка на той гробъ рыдаты,—чи не обизвется зъ гробу ридна маты? Обизвався Янголь, якъ ридная маты, та й ставъ ïи стыхо, словесно пытаты: „Хто це гирко плаче на моему гроби?“—„Охъ, це я, матинка: приймы мене къ соби!“—„Насыпано земли, що вже я не встану, склепылыся очи, вже й на свитъ не гляну. Охъ, якъ тяжко, важко каминня глодаты! А ще й тяжче, важче тебе къ соби взяты: нема жъ тутъ, сыритко, ни исты, ни пыты,—тилькы велівъ Господь въ сырій земли гныты. Пишла бъ ты, сыритко, мачухы бъ просыла: може бъ змылувалась—сорочку пошыла“...

И съ непередаваемой трогательностью отвѣтилъ ребенокъ Ангелу-Матери:

— Я жъ ïи просыла, я жъ ïи годыла! А злая мачуха сорочкы не шыла...

Какъ всѣ истинные художники, Родіонъ,—или не Родіонъ, а народъ, устами котораго онъ говорилъ,—зналъ силу этой простоты, зналъ, что въ простомъ кроется самое драгоцѣнное, что̀ есть въ сердцѣ человѣка. Онъ сказалъ и смолкъ, опустивъ незрячія очи и наслаждаясь тѣми счастливыми вздохами, которыми сопровождаются горькія и обильныя слезы. И, насладившись, опять грозно и радостно возвысилъ голосъ—и развернулъ уже иныя картины—картины суда, жестокаго возмездія:

— Посылае Господь-Богъ Янголивъ одъ Себе,—сказалъ онъ торжественно, чистымъ и звонкимъ голосомъ:—визмить ту сыритку до ясного неба! Посадыть сыритку у свитлому раю, у Господа-Бога, у чести и слави!

И со скрежетомъ и звономъ лиры далеко разлилъ свой зазвенѣвшій отъ радостнаго гнѣва плачъ:

— Посылае Господь-Богъ пекельныхъ зъ пекла—по злую мачуху и по іи душу: „Злитайтесь, пекельни, изъ ливого боку, а тягнить мачуху зализніимъ гакомъ! Пиднимить мачуху у гору высоко, закыньте мачуху у пекло глыбоко!..“

Кончивъ, онъ опять помолчалъ и твердо сказалъ обычнымъ голосомъ, безъ лиры:

— Слухайте жъ, люде: хто сыроты мае,—нехай доглядае й на путь наставляе.

И, сказавъ, уже не нарушилъ молчанія ни единымъ добавленіемъ: только долго покрывалъ свои послѣднія слова однообразнымъ и меланхолическимъ нытьемъ, ропотомъ лиры, какъ бы смягчая силу впечатлѣнія, какъ бы снова уходя къ востоку, къ степямъ, къ Азіи...

Актеръ спалъ, прислонясь къ скамьѣ. Всходила большая теплая луна,—видно было его лицо, грустное во снѣ. Тускло золотились подъ луною дальнія чащи черныхъ камышей. Широкій золотой столбъ уходилъ въ зеркальную глубину между ними, и жабы, чувствуя лунный свѣтъ, начали сладострастно, изнемогая, стонать въ нихъ. Слѣдуя изгибамъ затоновъ, „Олегъ“ поворачивалъ, и тянуло то тепломъ, то сыростью, свѣжестью и гнилью — весною, плавнями. Только крупныя звѣзды остались надо мною, и дымъ поднимался къ нимъ прямѣй, выше...

А записывалъ я псальму про сироту въ Никополѣ, въ жаркій полдень, среди многолюднаго базара, среди телѣгъ и воловъ, запаха ихъ помета и сѣна, сидя на землѣ. Диктовалъ Родіонъ ласково и снисходительно, повторяя одно и то же по нѣскольку разъ, и порою останавливался, сдерживая легкую досаду, порою поощрялъ меня, какъ старательнаго, но малоспособнаго ученика. Когда мы кончили, онъ долго что-то додумывалъ, и солнце пекло его непокрытую голову. Потомъ съ тонкой улыбкой намекнулъ насчетъ корчмы. Я положилъ въ его ладонь нѣсколько пятаковъ. Онъ быстро зажалъ ихъ, быстро приподнялся, взявъ лиру подъ-мышку, и, поймавъ мою руку, радостно и осторожно поцѣловалъ ее.

Анакапри. 28. II. 1913.

ВѢРА.

Въ лунный осенній вечеръ, сырой и холодный, Стрешневъ риказалъ осѣдлать лошадь.

Лунный свѣтъ полосой голубого дыма падалъ въ продоловатое окошечко темнаго денника, самоцвѣтнымъ камнемъ ажигая глазъ верхового мерина. Работникъ накинулъ на его узду и тяжелое, высокое казацкое сѣдло, вытащилъ его а поводъ изъ конюшни, узломъ закрутилъ ему хвостъ. Меинъ былъ покоренъ. Только глубоко, раздувая ребра, вздохулъ, когда почувствовалъ подпруги. Одна подпруга была борвана. Работникъ едва вдѣлъ ее въ пряжку и затянулъ убами.

Кургузый, подъ сѣдломъ, меринъ сталъ щеголеватѣй. Доедя его до дома, до крыльца, работникъ замоталъ поводъ округъ гнилого столба и ушелъ. Меринъ долго щеплялъ, рызъ желтымъ зубомъ столбъ. Иногда дулся, ныл и ревѣлъ утромъ. Въ лужѣ возлѣ него зеленовато отражалась неполая луна. Въ рѣдкомъ саду осѣдалъ прозрачный туманъ.

Стрешневъ, держа въ рукѣ арапникъ, вышелъ на крыльцо. Горбоносый, съ маленькой, откинутой назадъ головой, сухой, широкоплечій, онъ былъ тоже высокъ и по-охотничьи щеголеватъ, въ коричневой поддевкѣ, перетянутой по тонкой таіи ремнемъ съ серебрянымъ наборомъ, въ казачьей шапкѣ ъ краснымъ верхомъ. Но и при лунѣ было видно, что ему одъ сорокъ, что у него поблекшее, обвѣтренное лицо, жестая кудрявая борода съ просѣдью и жилистая шея, что длинные сапоги его стары, на полахъ поддевки — темныя пятна авно засохшей крови, къ которой прилипла заячья шерсть.

Въ темномъ окнѣ возлѣ крыльца открылась форточка. Робій голосъ спросилъ:

— Андрюша, ты куда?

— Я не маленькій, мамаша,—сказалъ Стрешневъ, берясь за поводъ.

Форточка закрылась. Но въ сѣняхъ стукнула дверь. Шлепая туфлями, на порогъ вышелъ Павелъ Стрешневъ, одутловатый, съ запухшими глазами, съ зачесанными назадъ матово-сѣдыми волосами, въ бѣльѣ и старомъ лѣтнемъ пальто, какъ всегда, полупьяный и болтливый.

— Ты куда, Андрей?—хрипло спросилъ онъ.—Прошу передать мой душевный привѣтъ Вѣрѣ Алексѣевнѣ. Я всегда глубоко уважалъ ее.

— Кого ты можешь уважать? — отвѣтилъ Стрешневъ.—И какъ тебѣ не стыдно. Что ты лѣзешь постоянно не въ свое дѣло?

— А! Значитъ, я не далекъ отъ истины, — сказалъ Павелъ.—На прощальное свиданье спѣшитъ любовникъ молодой...

Стрешневъ, стиснувъ зубы, сталъ садиться. Какъ только нога его коснулась стремени, меринъ ожилъ, тяжело завертѣлся. Улучивъ минуту, Стрешневъ легко поднялся и грузно опустился на заскрипѣвшій арчакъ. Меринъ задралъ голову и, разбивъ копытомъ луну въ лужѣ, тронулъ бодрой иноходью.

Въ сырыхъ лунныхъ поляхъ тускло бѣлѣла полынь на межахъ. Большекрылыя совы безшумно, неожиданно взвивались съ межъ—и лошадь всхрапывала, шарахалась. Дорога вошла въ мелкій лѣсъ, мертвый, холодный отъ луны и росы. Луна, яркая и точно мокрая, мелькала по голымъ верхушкамъ, и голые сучья сливались съ ея влажнымъ блескомъ, исчезали въ немъ. Горько пахло осиновой корой, оврагами съ прѣлой листвою... Вотъ спускъ въ разлужья, какъ будто бездонныя, залитыя тонкимъ бѣлымъ паромъ. Бѣлымъ паромъ дышитъ и меринъ, пробираясь среди кустарниковъ, стеклянныхъ отъ росы. Хрустъ сучковъ подъ копытами отдается на той сторонѣ, въ высокомъ лѣсу, темнѣющемъ по скату горы. Вдругъ меринъ насторожилъ уши. Два плечистыхъ, толстогорлыхъ, тонконогихъ волка стояли въ свѣтломъ дыму разлужья, среди грязи и лужъ. Близко подпустивъ Стрешнева, они взметнулись и неуклюжимъ галопомъ пошли въ гору, по бѣлой отъ изморози, радужно сіяющей травѣ.

— А если она еще на день останется? — сказалъ Стрешневъ, откидывая голову, глядя прямо на луну.

Луна стояла надъ пустынными серебристо-туманными лугами направо... Осенняя печаль и красота!

— Если такъ,—сказалъ Стрешневъ:—если такъ...

Меринъ, скрипя арчакомъ, натуживаясь и ноя сильнымъ

утромъ, поднимался въ частый высокій лѣсъ, по глубокой ожбинѣ размытой ручьями дороги, и вдругъ, оступившись, уть не рухнулъ на землю. Стрешневъ яростно перекосилъ ицо и со всей силы ударилъ его по головѣ арапникомъ.

— У, старая собака!—крикнулъ онъ съ тоскливой злобой а весь звонкій лѣсъ.

За лѣсомъ широко открылись пустыя поля. На сгромномъ катѣ, среди темныхъ гречишныхъ жнивій, стояла бѣдная садьба, кое-какія службы, домъ, крытый соломой. За домомъ пускался къ пруду изсохшій садъ, низкія искривленныя блони, голыя палки прививокъ. Какъ печальны онѣ при унѣ! Стрешневъ остановился. Казалось, что поздно, поздно,— акъ тихо было кругомъ. Онъ объѣхалъ домъ. Домъ былъ еменъ. Бросивъ поводъ, Стрешневъ соскочилъ съ сѣдла. Іеринъ остался стоять съ покорно опущенной головой. На рыльцѣ, положивъ морду на лапы, калачикомъ свернулась тарая гончая собака. Она не двинулась, только посмотрѣла, однявъ брови, и съ слабымъ привѣтомъ постучала хвостомъ. Стрешневъ вошелъ въ сѣни, пахнущія изъ чулана старымъ тхожимъ мѣстомъ. Въ передней былъ сумракъ, стекла, въ олодномъ поту, золотились. Изъ темнаго коридора безшумно ыбѣжала небольшая женщина въ легкомъ свѣтломъ капотѣ. Стрешневъ наклонился. Она быстро и крѣпко обвила его су- ую шею обнажившимися руками и радостно, тихо заплакала, рижимая голову къ жесткому сукну поддевки. Слышно было, акъ по-дѣтски бьется ея уже немолодое сердце, чувство- ался крестикъ на ея груди, золотой, бабушкинъ—послѣдне- огатство.

— Ты до завтра? — быстрымъ шопотомъ спросила она.— а? Я не вѣрю своему счастью!

— Я пойду, Вѣра, лошадь убрать, — сказалъ Стрешневъ, свобождаясь.—До завтра, до завтра, — сказалъ онъ, думая: Боже мой, съ каждымъ днемъ все восторженнѣй, все ревни- ѣй, все несноснѣй! А какъ она много куритъ, какъ неумѣ- енна въ ласкахъ! И жалко вретъ, думая возбудить во мнѣ ависть, разсказывая, что за ней ухаживаютъ... О! — поду- алъ онъ, внезапно озлобляясь.—Видѣть не могу!"

Лицо Вѣры было нѣжно, бархатисто отъ пудры. Она осто- ожно проводила щекой по его губамъ, потомъ крѣпко цѣло- ала въ губы мягкими губами. Крестъ блестѣлъ на ея рас- рытой груди. Она надѣла тончайшую сорочку — завѣтную, ранимую для самыхъ важныхъ моментовъ, единственную. олыя бедра ея были холодны... „Какъ твердо зналъ я,—ду- алъ Стрешневъ, стараясь возбудить себя, вспомнить ее мо-

лоденькой дѣвушкой: — какъ твердо зналъ пятнадцать лѣт тому назадъ, что отдамъ, ни минуты не колеблясь, пятнадцать лѣтъ жизни за одно свиданіе съ ней!“

Передъ разсвѣтомъ на полу возлѣ постели горѣла свѣча Стрешневъ, длинный, въ сапогахъ и шароварахъ, въ разстегнутой косовороткѣ, спалъ на спинѣ, важно отклонивъ въ сумракъ маленькое горбоносое лицо, закинувъ за голову руки Вѣра сидѣла возлѣ него, облокотясь на колѣно. Блестящія глаза ея были красны, опухли отъ слезъ. Она курила и тупо глядѣла въ полъ. Она положила ногу на ногу. Маленькая нога ея въ черномъ чулкѣ и легкой, дорогой ботинкѣ очень нравилась ей. Но боль сердца была слишкомъ сильна.

— Я для тебя всѣмъ пожертвовала,—тихо сказала она, и губы ея опять задрожали.

Стрешневъ уже тысячу разъ слышалъ это. Но въ голосѣ ея было столько нѣжности, дѣтскаго горя! Однако, открывая глаза, онъ холодно спросилъ:

— Чѣмъ ты пожертвовала?

— Всѣмъ, всѣмъ. И прежде всего здоровьемъ, молодостью...

— Мы съ тобой не Богъ вѣсть какъ молоды.

— Какой ты грубый, нечуткій!—ласково сказала она.

— Во всемъ мірѣ всѣ женщины говорятъ одно и то же. Любимое слово, только произносимое разно. Сперва съ восторгомъ, съ восхищеніемъ: „Ты такой умный, чуткій!“ Потомъ: „Какой ты грубый, нечуткій!“.

На этотъ разъ она не стала спорить. Тихо плача, она продолжала, какъ бы не слушая:

— Пусть изъ меня ничего не вышло. Но музыку я любила и люблю страстно и хоть немногаго, но добилась бы...

— Ахъ, не музыку. И какъ только Падарскій...

— Грубо, Андрюша... А теперь я — жалкая институтская таперша, и гдѣ же! Въ томъ самомъ проклятомъ городѣ, который я всегда такъ ненавидѣла! Каждый отпускъ мнѣ стоитъ столькихъ униженій, лжи, лести... Пойми—я два года не разговариваю съ родной матерью! Ты думаешь, она не знаетъ? А развѣ я не могла бы и теперь еще найти человѣка, который далъ бы мнѣ покой, семью и любилъ и уважалъ бы меня? Боже, какъ я страшно измѣнилась, поблекла! Гдѣ мой стыдъ, гордость!

Стрешневъ закурилъ, сталъ отвѣчать медленно, раздѣляя слова:

— Вѣра, я не гожусь для романа. Я старикъ, мнѣ стыдно. Мы, русскіе, не умѣемъ любить. Это отрава для насъ, мы этого не переносимъ, какъ вотъ никотинъ нѣкоторыя натуры.

И это я, а не ты, загубилъ себя. Пятнадцать, шестнадцать лѣтъ тому назадъ я пріѣзжалъ сюда каждый день и готовъ былъ ночевать у твоего порога... Мы, дворянскія дѣти, поздно развиваемся. Я тогда былъ еще мальчишка, восторженный и нѣжный дуралей...

Папироска потухла. Онъ далеко отшвырнулъ ее, уронилъ руку вдоль тѣла, глядя въ потолокъ.

— У дѣда изъ потайного ящичка бюро я укралъ женское золотое колечко — онъ, говорятъ, нашелъ его въ склепѣ, въ прадѣдовской могилѣ. Любовь прадѣдовъ, тѣхъ, чьи портреты поблекли въ овальныхъ рамкахъ съ золотой бумажкой вокругъ синей, любовь огаревскихъ дней, когда „шиповникъ алый цвѣлъ, стояла темныхъ липъ аллея“... Образъ Гурія, Самона и Авива, покровителей нашихъ древнихъ семей, въ серебряномъ окладѣ черкасской работы... Кому, какъ не намъ съ тобой, назначалось все это? Я, дуракъ, стихи писалъ!

Любя тебя, мечталъ я о мечтавшихъ,
Любившихъ здѣсь сто лѣтъ тому назадъ—
И по ночамъ ходилъ въ заглохшій садъ,
При свѣтѣ звѣздъ, ихъ нѣкогда видавшихъ...

Онъ взглянулъ на Вѣру. Лицо ея показалось ему сухо. Онъ заговорилъ рѣзче:

— Зачѣмъ ты ушла—и за кѣмъ!—изъ своего рода, изъ своего племени? Мы должны умереть въ немъ. Будь мы трижды прокляты, но это такъ! Сколько сумасшедшихъ отъ любви въ нашихъ, дворянскихъ, лѣтописяхъ! Но это лучше, лучше—мы для теперешнихъ распутныхъ романовъ не годимся.

Онъ приподнялся и сталъ въ упоръ, злыми глазами глядѣть на ея черные сухіе волосы:

— Я о тебѣ, съ восторгомъ, съ благоговѣніемъ, только какъ о женѣ думалъ. А когда насъ свела судьба? Во-время? И по чьей винѣ? И чѣмъ ты мнѣ стала? Женой развѣ? А была молодость, радость, чистота, темный румянецъ, батистовая косоворотка... Пріѣзжать къ вамъ каждый день, видѣть твое платье, тоже батистовое, легкое, молодое, видѣть твои голыя руки, почти черныя отъ солнца и отъ крови нашихъ предковъ, татарскіе сіяющіе глаза—не видящіе меня глаза!—желтую розу въ угольныхъ волосахъ, твою тогда глупую, изумленную какую-то, но прелестную улыбку, даже то, какъ ты уходишь отъ меня по дорожкѣ сада, думая о другомъ, а притворяясь, что играешь, гонишь крокетный шаръ, слышать оскорбительныя фразы твоей матери съ балкона—это было для меня...

— Она, а не я во всемъ виновата,—съ трудомъ сказала Вѣра.

— Все равно... Помнишь, какъ ты въ первый разъ уѣзжала въ Москву, собиралась, разсѣянно пѣла что-то, не видя меня, поглощенная своими мечтами, увѣренностью въ счастьѣ? Я васъ поѣхалъ провожать верхомъ, въ ясный холодный вечеръ... Блестѣли яркія зеленя, розовѣли жнивья и занавѣска въ открытомъ окнѣ вагона... Ахъ, эти Тургеневы!—сказалъ Стрешневъ со злобой и опять легъ на подушку.—Отъ твоей руки, чуть пахнувшей вербеной, остался запахъ и на моей рукѣ. Онъ смѣшался съ запахомъ сыромятнаго повода, сѣдла, пота лошади—и я цѣловалъ свою ладонь, ѣхалъ въ сумеркахъ, по большой дорогѣ, чувствовалъ всю тебя, до послѣдняго изгиба тѣла, до малѣйшаго оттѣнка въ голосѣ—и плакалъ... Если ужъ кто пожертвовалъ всѣмъ, всей своей жизнью, такъ это я, старый пьяница!

И, чувствуя на губахъ соленыя слезы, катившіяся по щекамъ, по усамъ, Стрешневъ скинулъ съ постели сапоги и вышелъ вонъ изъ комнаты.

Луна садилась. Бѣлый рыхлый туманъ стоялъ подъ скатомъ, мертвенно синѣя. Далеко за нимъ занималась багряная заря. Далеко, въ холодномъ потемнѣвшемъ лѣсу, пѣлъ пѣтухъ въ сѣнцахъ караульщика.

Стрешневъ сѣлъ на ступеньки крыльца, чувствуя, какъ обливаетъ холодной сыростью его тѣло подъ тонкой рубашкой.

— А потомъ, конечно, роли перемѣнились,—сказалъ онъ тихо, съ отвращеніемъ.—Я ненавижу ее, какъ собаку! Ну, да теперь все равно. Конецъ...

Утромъ пили чай съ кренделями въ холодной прихожей, на огромномъ сундукѣ. Самоваръ стоялъ на немъ нечищенный, позеленѣвшій, давно потухшій. Холодный потъ, покрывавшій окно, сошелъ съ верхняго стекла. Виденъ былъ въ него солнечный блескъ морознаго утра, корявое дерево въ безцвѣтной, кое-гдѣ уцѣлѣвшей зелени. Босая, опухшая отъ сна рыжая дѣвка вошла и сказала:

— Митрій пріѣхалъ.

— Подождетъ,—отвѣтилъ Стрешневъ, не поднимая глазъ.

Не поднимала глазъ и Вѣра. Лицо ея похудѣло за ночь, подъ глазами и вокругъ вѣкъ былъ коричневый налетъ. Черное платье дѣлало ее моложе и красивѣе, отъ черныхъ волосъ пудра на лицѣ казалась розовѣе. Сухое, жесткое лицо Стрешнева было мертвенно, откинуто назадъ. Сквозь жесткую, курчаво-сѣрую бороду глядѣлъ большой кадыкъ.

На дворѣ слѣпило низкое солнце. Все крыльцо было сѣдое отъ мороза. Морозъ солью лежалъ на травѣ, на сизо-зеленыхъ

раковинахъ капустныхъ листьевъ, раскиданныхъ по двору. Мужикъ, съ оловянными глазами, пріѣхавшій къ крыльцу въ телѣгѣ, набитой соломой, тоже заиндивѣвшей, ходилъ вокругъ телѣги, уминалъ солому, держа въ зубахъ трубку, и черезъ плечо его тянулся сиреневый дымъ. Вѣра вышла на крыльцо въ дорогой и легкой, но уже ветхой старомодной шубкѣ и въ лѣтней шляпкѣ изъ черной соломы съ жесткими, ржаво-атласными цвѣтами.

Проводилъ ее Стрешневъ по отпотѣвшимъ проселочнымъ дорогамъ до большой дороги. Ѣхалъ за телѣгой. Меринъ тянулся къ соломѣ. Онъ стегалъ его по мордѣ арапникомъ, меринъ задиралъ голову и трудно хрипѣлъ нутромъ. Плелись шагомъ и молчали. Сзади бѣжала увязавшаяся за Стрешневымъ старая гончая собака. Низкое солнце пригрѣвало, небо было легкое, ясное.

Возлѣ большой дороги мужикъ неожиданно сказалъ:

— А я, барышня, опять пригоню на лѣто къ вамъ своего мальчишку. Я его опять къ вамъ въ пастушата предназначилъ. Скажите за ради Бога мамашѣ!

Вѣра обернулась съ застѣнчивой улыбкой. Стрешневъ снялъ шапку, наклонился съ сѣдла, взялъ ея руку и поцѣловалъ долгимъ поцѣлуемъ. Она прильнула губами къ его сѣдѣющей головѣ, тихо сказала:

— Будь здоровъ, дорогой. Не поминай лихомъ.

По большой дорогѣ мужикъ загремѣлъ телѣгой, поѣхалъ рысью. Стрешневъ повернулъ, поѣхалъ назадъ безъ дороги, по жнивьямъ. Собака издали сопровождала его, четко видная среди золотыхъ полей. Онъ останавливался, грозилъ ей арапникомъ. Она тоже останавливалась, садилась.—„Куда же я пойду?“—какъ бы спрашивала она. И какъ только онъ трогался, опять неспѣшной рысцой бѣжала за нимъ. Думалъ онъ о далекой станціи, блестящихъ рельсахъ, дымѣ уходящаго къ югу поѣзда...

Въ голыхъ, мѣстами каменистыхъ лугахъ, куда онъ спустился, было почти жарко. Беззвучно сіялъ осенній день голубымъ чистымъ небомъ надъ головою. Великая тишина стояла надъ пустыми полями, надъ оврагами, надо всей великой русской степью. Медленно плыла по воздуху вата съ татарокъ, съ изсохшихъ репьевъ. На репьяхъ сидѣли щеглы. Такъ они будутъ сидѣть цѣлый день, только изрѣдка перелетая, перенося свою тихую, прелестную, можетъ-быть, счастливую жизнь.

Капри. 31. XII. 1912.

ВЕСНА.

Въ Княжòмъ праздникъ—весна.

По утрамъ долго держится липкая ржавая роса въ зарослях̀ъ сада, на кустахъ смородины, на крапивѣ и бурьянѣ за сараями. Днемъ жарко, весело, въ голубомъ небѣ круглятся бѣлыя красивыя облака. Припекаетъ облупившуюся желѣзную крышу дома, мохнатыя бревенчатыя стѣны его, черныя стекла оконъ. Въ слуховомъ окнѣ, противъ солнца, воркуютъ голуби. На сохнущемъ и разсыпающемся фундаментѣ, на сирени палисадника липнетъ много крупныхъ мухъ. Караковый жеребецъ князя стоитъ въ поварской противъ дома—въ длинной черной избѣ крѣпостныхъ временъ. Онъ безпокоится, не ѣстъ овса, насыпаннаго въ лотокъ на лавкѣ. Просунувъ голову въ окно безъ рамы, онъ глядитъ на широкій зазеленѣвшій дворъ и жалобно-страстно ржетъ.

Князь понемногу приходитъ въ себя послѣ долгой зимы. И эту зиму запивалъ онъ—все отъ одиночества, какъ говорятъ всѣ; когда бывалъ трезвъ, ходилъ на охоту, игралъ въ карты у лавочника, сидѣлъ въ людской съ работниками, случалось, и обѣдалъ съ ними, а не то читалъ въ своемъ тепломъ кабинетѣ и часовъ въ шесть ложился спать. Теперь онъ выходитъ изъ дому чаще, отдаетъ распоряженія. Безстрастно восточное лицо его съ большими сѣдѣющими усами.

Князь вспомнилъ, что пора чистить, подметать садъ: ужъ таковъ споконъ вѣку обычай въ Княжòмъ. И приказываетъ старостѣ пригнать дѣвокъ-поденницъ. Дѣвки весь день поютъ, сгребая листву по аллеямъ, по дорожкамъ, ихъ красные и желтые сарафаны мелькаютъ въ полуголомъ, нѣжно зеленѣющемъ саду. А вскорѣ веселѣетъ и домъ: растворены двери на крыльцо, лѣзутъ въ домъ собаки, раскраснѣвшаяся баба съ подоткнутымъ подоломъ и колѣнками цвѣта моркови бьетъ

ихъ мокрой ветошкой, бѣгаетъ, согнувшись, среди ведеръ съ горячей водой; въ рамахъ, съ трескомъ выдираемыхъ ею, сверкаютъ на солнцѣ стекла и зеркальными зайчиками озаряютъ потолки. Льется теплый, солнечный воздухъ въ комнаты, шумятъ воробьи на сирени возлѣ дома, замираетъ на горячемъ подоконникѣ первая бабочка... Князь, въ одной косовороткѣ, въ плисовыхъ, вытертыхъ шароварахъ и дегтярныхъ сапогахъ, ходитъ съ работниками по осѣкѣ за сараемъ, выставляетъ изъ омшанника колодки, полныя сердитаго и пѣвучаго жужжанія.

Въ воскресенье на Ѳоминой, какъ опять-таки ведется споконъ вѣку, молятся въ полѣ, на озимяхъ. Молится все село, заказываетъ молебенъ и платитъ изъ своихъ скудныхъ средствъ—князь.

Ночь наканунѣ холодная и лунная. Дѣвки-поденщицы долго не спятъ, сидятъ на крыльцѣ людской, вполголоса поютъ и оговариваютъ другъ друга: грѣхъ, завтра праздникъ большой. Онѣ живутъ въ саду, въ банѣ, но нынче баню топили, князь купается. Когда онъ, накинувъ на плечи тулупъ, проходитъ туда въ лунномъ свѣтѣ по двору, онѣ бѣгутъ въ свѣтлый садъ, изъ сада—подъ окна бани и, давясь тѣмъ особеннымъ таинственнымъ смѣхомъ, которымъ смѣются женщины весной, въ лунныя ночи, заглядываютъ, швыряютъ въ стекла сучками. Князь съ медлительной усмѣшкой стучитъ кулакомъ въ стѣну. Купается и кучеръ князя, Николай, въ той избѣ, гдѣ стоитъ жеребецъ: приноситъ туда два ведра, ставитъ на лавку зажженный огарокъ. Дѣвки подбѣгаютъ подъ окно безъ рамы, швыряютъ сучками и въ него. Косится на нихъ, шуршитъ мокрой соломой, накиданной на полу, упруго перебираетъ ногами обезпокоенный огнемъ жеребецъ, а Николай сидитъ на соломѣ и намыливаетъ голову. Услыхавъ смѣхъ и возню подъ окномъ, онъ вскакиваетъ и, съ серьезнымъ лицомъ, съ сѣдой отъ мыла головой, начинаетъ плясать, потрепывать себя по голымъ мокрымъ ляжкамъ.

Утро теплое, солнечное. Пріятно, когда звонятъ колокола въ такое утро, пріятно наряжаться подъ этотъ звонъ. Мягче кудрявятся бѣлыя облака надъ садомъ, млѣетъ яркая синева между ними, со двора видно, какъ въ поляхъ, надъ зеленями и лиловѣющими пашнями, бѣгутъ, струятся испаренія.

— Дождь будетъ, парить, — сказалъ староста, обходя съ овечьими ножницами въ рукѣ поставленный возлѣ кухни продранный стулъ, на который покорно, заранѣе вытянувъ и согнувъ шею, покрытый по плечамъ полотенцемъ, сѣлъ Николай въ распоясанной рубахѣ.

Николай, пока подрубали на затылкѣ его сухіе рыжіе волосы, все глядѣлся въ зеленый осколокъ копеечнаго зеркала. Падаютъ желтые клоки на полотенце, голова Николая становится меньше, уши отстаютъ и торчатъ. Взявъ у старосты ножницы, онъ постригъ и усы: сталъ длиннѣе его лебединый конопатый носъ. Потомъ онъ нарядился: надѣлъ синюю атласную рубаху съ рукавчиками, со вздутыми рукавами, съ тремя крупными бѣлыми пуговицами на высокомъ воротѣ, отдѣланномъ каемкой кружевъ; подпоясался малиновымъ шелковымъ жгутомъ съ махрами; вбилъ ноги въ тѣсные сапоги съ лакированными узкими голенищами. Рубашка коротка, ноги Николая, обтянутыя кавалерійскими штанами, слишкомъ тонки, самъ онъ худъ и сутулъ, глаза у него маленькіе, зеленые, лицо лиловатое. Онъ неуклюжъ, не хорошъ, но дѣвки любуются имъ: и наряденъ, и на гармоньѣ играетъ лучше всѣхъ.

Въ княжескомъ домѣ сумрачно. Теплый воздухъ, льющійся въ открытыя окна, не скоро нагрѣетъ его. Все промерзло за зиму, съ потолка въ залѣ огромнымъ животомъ виситъ отставшая, въ коричневыхъ подтекахъ, бумага. Морозы, время портятъ и зеркала, сдѣлали ихъ молочно-серебристыми. Разставивъ ноги, глядя на мутное отраженіе своего морщинистаго лица, князь долго скоблилъ щеки тупой бритвой. Послѣ бритья лицо его странно помолодѣло: умывается князь рѣдко, брѣется только передъ тѣмъ, какъ запить. Но изнурилъ геморой, пора, пора бросать настаивать водку лимонными корками! Да и соли въ черныхъ усахъ все прибавляется, рѣдѣютъ волосы... Намочивъ и причесавъ ихъ, князь надѣлъ поверхъ пестренькой косоворотки новую синюю поддевку, надѣлъ дворянскій картузъ и, съ ременнымъ кнутомъ въ рукѣ, вышелъ на крыльцо, возлѣ котораго сидѣлъ на бѣговыхъ дрожкахъ и держалъ жеребца Николай.

Обѣдня отошла, на колокольнѣ жидко и празднично звонятъ, разсѣянная, разноцвѣтная толпа течетъ по выгону въ поле. Пять человѣкъ безъ шапокъ, въ новыхъ калошахъ и поддевкахъ чернаго блестящаго сукна, низко подпоясанныхъ красными подпоясками, несутъ хоругви и крестъ, увитый бѣлымъ рушникомъ. Двѣ не въ мѣру набѣленныхъ дѣвки, въ ярко-зеленыхъ платьяхъ,—икону Божьей Матери. Когда толпа была уже за дубовымъ кустарникомъ, въ полѣ, гдѣ дулъ теплый вѣтеръ и пѣли жаворонки, отъ церкви отъѣхала плетеная телѣжка, запряженная сѣрымъ мериномъ въ яблокахъ. Попъ въ Княжомъ чахоточный, ѣхалъ онъ въ толстой чуйкѣ, въ зимней шапкѣ, въ глубокихъ ботикахъ. На козлахъ сидѣло двое: правившій мериномъ дьячокъ и сынъ попа, Вася, спи-

вшійся съ кругу дурачокъ, вѣчно находившійся въ блаженно-радостномъ настроеніи. Онъ въ церкви подтягивалъ дьячку дискантомъ, службы зналъ лучше всего причта, но отецъ часто выгонялъ его изъ алтаря за нетрезвость, не хотѣлъ нынче брать съ собою. Однако Вася, еще съ ранняго утра расчистивъ свои сбитые сапоги, надѣвъ продранный подъ мышкой пиджакъ, грязно-синій воротничокъ и розовый атласный галстукъ, такъ плакалъ, узнавъ, что его оставляютъ дома, что попъ сдался.

Князь обогналъ попа и кивнулъ ему.

— Съ праздникомъ, ваше сіятельство, съ молебствіемъ! — радостно всхлипнувъ, крикнулъ Вася, больше всего на свѣтѣ любившій праздники, дни ангела, поздравленія.

Попъ только покачалъ головою, поглядѣвъ на волосы Васи, густо лежавшіе по воротничку.

Съ правой стороны телѣжки, ровняясь съ ходомъ лошади, не отставая и не забѣгая, шла старуха Марѳа, добровольная прислужница при церкви, высокая, сухая, съ орѣховой палкой въ одной рукѣ и мѣднымъ кофейникомъ, изъ котораго торчало кропило, въ другой. Дьячокъ иногда подгонялъ лошадь и, смѣясь, оглядывался на Марѳу. Она ускоряла шагъ, сердилась, но молчала.

Молились на клину богатаго мужика Данилы. Тамъ, возлѣ дороги, на молодыхъ свѣтло-зеленыхъ всходахъ, приготовили столъ подъ суровой чистой скатертью, красную деревянную миску съ зерномъ и пукъ свѣчей въ хлопчатой бумагѣ. На юго-востокѣ, за сѣрымъ княжескимъ садомъ и прозрачно-лимонными лозинами села, облака, мягко синѣя, порою смазывались въ тучку. Поглядывая то на нихъ, то на приближающуюся телѣжку, выдвинувшись изъ пахнущей кумачомъ толпы, стоялъ самъ Данила, бѣлокурый старикъ. Раскорячиваясь, далеко относя руку для крестнаго знаменія и кланяясь, онъ пошелъ навстрѣчу попу,—и мягкій вѣтерокъ, дувшій съ полей запахомъ сырой земли, шевелилъ его волосы, открывая розовую кожу черепа. Телѣжка остановилась, но попъ продолжалъ сидѣть въ ней, поджидая обогнавшаго его и опять отставшаго князя.

Князь сдержалъ лошадь отъ волненія, охватившаго его въ полѣ. Озими, свѣжо зеленѣя, шли въ одну сторону, дубовый кустарникъ — въ другую. Сухая коричневая листва висѣла кое-гдѣ на немъ, но и это говорило о веснѣ. Синѣли подснѣжники, пахло залежавшимися въ чащѣ снѣгомъ, весеннимъ холодомъ. Тройка чудесныхъ орѣховыхъ лошадей, разукрашенныхъ дорогой сбруей, стояла на опушкѣ. Полулежа въ новомъ

тарантасѣ, зубастый кудрявый кучеръ богатой сосѣдки ѣлъ съ ладони просфору. И князю вспомнилась молодость, другая, далекая весна...

Впереди медленно двигалась телѣга, въ которой лежалъ больной мужикъ, отецъ Николая. Малорослой лошадью неумѣло правила мать его, скорбная жилистая старуха въ черной паневѣ.

— Живъ? — окликнулъ князь.

Изъ телѣги, изъ соломы торчалъ острый восковой носъ подъ глубоко надвинутой шапкой. Больной въ просторномъ полушубкѣ лежалъ на спинѣ. Силясь улыбнуться, онъ съ трудомъ потянулся тонкой рукой къ шапкѣ. Николай поклонился родителямъ, какъ чужой. А безстрастные глаза князя стали какъ будто еще безстрастнѣе.

Въ толпѣ его нетерпѣливо поджидали.

Марѳа давно стояла наготовѣ возлѣ стола. Обогнавъ телѣжку, она подошла къ молодой беременной бабѣ Данилы и передала ей свою орѣховую палку. Кофейникъ она поставила на столъ, бархатный лиловый требникъ, лежавшій на немъ, подвинула на край. Какъ только попъ занесъ ногу вонъ изъ телѣжки, скинувъ чуйку, Марѳа ловко подхватила ее и, подхватывая, чмокнула его холодную, дряблую и тяжелую руку. Попъ бодро прошелъ къ столу, поклонился той богатой барышнѣ, полной, косой и застѣнчивой дѣвушкѣ, чья тройка стояла на опушкѣ дубняка. Онъ былъ выше всѣхъ, издали была видна его голова, поднятое землистое лицо, сквозная бородка и сѣрая шея. Нѣсколько разъ обернулся онъ, поджидая князя. Князь подъѣхалъ. Тогда мелькомъ, но молитвенно глянувъ вверхъ, на высокія весеннія облака, онъ вздохнулъ, вынулъ изъ длиннаго разрѣза ватной рясы красный платокъ, вытеръ большой глянцовитый лобъ,—Марѳа уже подхватила его шапку,—надѣлъ потертую золотую ризу, надѣлъ золотыя очки—и, ставъ строгимъ, зажегъ пучокъ свѣчей, веселый, дрожащій блескъ которыхъ сотнями точекъ отразился въ стеклахъ очковъ. Низко поклонившись князю, стоявшему возлѣ стола и твердо отставившему лѣвую ногу, онъ выправилъ жидкіе волосы изъ-за стоячаго ворота ризы, откинувъ голову, наполовину прикрывъ тусклые глаза воспаленными раковинами вѣкъ, и невнятнымъ, теряющимся въ тепломъ полевомъ воздухѣ голосомъ началъ молебенъ... И князю опять стало грустно, стало жаль себя и радостно за эту вѣчно-юную землю, просящую небо снизойти на нее благодатною весенней влагой.

Онъ перемѣнилъ ноги, выставилъ впередъ правую, сдѣлалъ

мутные глаза. Чтобы не думать, онъ сталъ слушать мирный, успокаивающій и молящій голосъ, порою сливавшійся въ пѣніи съ голосами дьячка и Васи.

Толпа кланялась и крестилась, крѣпко прижимая пальцы ко лбамъ, единственный разъ въ году молясь горячо, всей душою. Полная косая дѣвушка робко поглядывала на князя. Данилова баба, вся въ розовомъ, то безсмысленно пучила глаза и вытирала потѣющія руки носовымъ платкомъ, то начинала быстро, испуганно креститься. Въ ногахъ ея, подпирая намасленной расчесанной головой ея круглый животъ, стоялъ мальчикъ въ плисовыхъ штаникахъ и козловыхъ сапожкахъ, подъ мышки подпоясанный по голубенькой рубашечкѣ. Когда запѣли всѣмъ причтомъ, она, поспѣшно крестясь, надавила ему на голову лѣвой рукой, поставила его на колѣни. Затѣмъ съ трудомъ опустилась и сама, раскинувъ по молодой зелени ржи нижнюю бѣлую юбку съ кружевами и припадая къ ней лбомъ. Мальчикъ замолился неестественно набожно, косясь на сапоги князя.

Дулъ вѣтерокъ, шевелилъ волосы, шли легкія облака, шли по зеленымъ полямъ тѣни отъ нихъ,—далеко было видно въ весеннемъ прозрачномъ воздухѣ. Дрожали, бѣжали огоньки свѣчей, беззаботно-радостное пѣніе жаворонковъ не мѣшалось съ пѣніемъ причта, но какъ-то хорошо дополняло его... Даруй, Боже, землѣ радость новую, новые всходы, — говорили слова молитвъ, пропадающихъ въ тепломъ воздухѣ.—Благослови ее новой жизнью, да въ забвеніи истлѣетъ въ ней сѣмя старой, изъ коего и родится она, юная и чистая... Потомъ запѣли о воскресеніи Христа изъ мертвыхъ. Глаза князя налились слезами—и онъ уже ничего не видалъ передъ собою до конца молебна.

Когда онъ, склонивъ голову, поцѣловалъ холодный, пахнущій мѣдью крестъ и мертвую руку священника, солнце зашло за сѣро-золотистое, темное внутри облако, и на югѣ обозначилась синяя тучка съ туманными полосами дождя.

— Поздравляю васъ съ праздникомъ, ваше сіятельство, съ благодатью Господней, — сказалъ священникъ, кланяясь ему такъ низко, что далеко отстала отъ груди епитрахиль.

Николай остался въ толпѣ, отпросясь поговорить съ отцомъ. Князь поѣхалъ назадъ одинъ, разминувшись съ тройкой, съ мягкимъ громыханіемъ бубенчиковъ плывшей навстрѣчу ему. Солнце зашло за облако—и всѣ краски дальнихъ, ясно видныхъ полей стали гуще, бархатнѣй. Слышнѣе стало гудѣніе пчелъ на лозинахъ при въѣздѣ въ село, потянуло свѣжестью зеленью распускающихся березъ. Синеватая тучка на югѣ

смазывалась, поблескивая небольшими молніями... Потомъ солнце опять выглянуло, молодо и радостно озаряя все, а изъ облака съ сухимъ шорохомъ посыпались рѣдкіе алмазы.

У церковной ограды князь снялъ картузъ и перекрестился на ветхую часовню надъ старинным княжескимъ склепомъ, вспомнилъ, какъ однажды спускался туда въ молодости, тоже весною—черезъ полгода послѣ смерти отца... Полгода—великъ ли срокъ! А уже ничего, ничего не осталось къ той счастливой веснѣ отъ стараго грѣшнаго князя, кромѣ костей въ тяжеломъ цинковомъ гробу и крупной росы на его поверхности—серебристаго газа, эѳира вѣчной жизни, улетавшаго изъ темнаго ледяного подземелья въ открытый люкъ, въ голубое небо, въ тепло весенняго солнца!

Чтобы не запить, князь чѣмъ-свѣтъ ушелъ на другой день со старикомъ Панкратомъ въ Задонскъ. Яровое разсѣвали безъ него.

Капри. 2. II. 1913.

ПРЕСТУПЛЕНІЕ.

Въ нашихъ мѣстахъ есть довольно большой лѣсъ, который зовутъ Островами. Вотъ что случилось въ немъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на Святкахъ, когда караулилъ его нѣкто Ермилъ, малорослый, коротконогій, морщинистый мужикъ съ странной кличкой: Зимній.

Лѣсъ отъ села недалеко. Въ сѣрые дни, когда нѣтъ ни мятели ни поземки, онъ виденъ съ гуменъ: блѣдно сѣрѣютъ поля, склоняется къ горизонту низкое небо, надъ горизонтомъ виситъ сумрачная полоса тумана, а подъ нею залегаетъ синеватая полоса лѣса. Но кажется она далекой — какъ все зимою. Если же поселиться среди этихъ волчьихъ и заячьихъ враговъ, окруженныхъ лѣсными островами, въ старой избѣ среди рыжихъ дубковъ и кустарниковъ, торчащихъ изъ бѣлыхъ пушистыхъ сугробовъ, то съ непривычки будешь чувствовать себя за сто верстъ отъ людей. А Ермилъ былъ къ лѣсу не привыченъ: нанимался онъ все по селамъ, служилъ много лѣтъ при водокачкѣ на станціи, стоялъ при бардѣ на винокурнѣ; семьи не имѣлъ.

Какъ многіе изъ тѣхъ, что никогда не видали добра ни отъ Бога, ни отъ начальника, ни отъ роднаго брата, онъ давно мечталъ быть отъ людей подальше. Они его не любили, онъ ихъ чуждался. Они имъ помыкали, думая, что онъ дуракъ и безотвѣтный. Онъ же, помалкивая, копилъ въ себѣ утѣху—злое сознанье, что далеко не такъ онъ простъ, какъ думаютъ. Онъ внушилъ себѣ, что всѣ ему лиходѣи, и жилъ, надвинувъ шапку, не глядя въ глаза, но сторожко. Переселяясь въ лѣсъ, казавшійся ему такимъ далекимъ, онъ гадалъ дожить хоть одну зиму покойно.

Былъ онъ, какъ большинство мужиковъ, трусливъ. Но однажды, на споръ, [illegible] увѣрился,

что ему все ни по чемъ. Увѣренно переселился онъ въ самое глухое осеннее время и въ лѣсъ. Но оказалось, что онъ даже и представить себѣ не могъ, до чего жутка лѣсная жизнь. Ухъ, какъ зловѣще шумѣлъ невидимый лѣсъ въ тѣ черныя, непроглядныя ночи, когда пошли ноябрьскіе дожди, когда стали они лить по ночамъ безъ перерыва, когда, какъ говорится, хоть кричи, не докричишься ни души, когда въ поляхъ только вѣтеръ, черныя пашни, пустыя дороги да непробуднымъ сномъ умершія деревни! Въ безграничномъ морѣ тьмы чувствовалъ онъ себя, а спалъ, на бѣду, хоть и крѣпко, но тревожно, при лучинѣ, часто просыпаясь. Мечталъ онъ, бывало: будетъ и у меня въ рукахъ дубинка, буду въ темныя ночки похаживать по лѣсу—и ужъ только попадись мнѣ тогда воръ, грабитель! Но оказалось, что въ такія ночи и за избу-то выйти не возьмешь свѣта бѣлаго.

День не радовалъ. И днемъ было темно отъ тучъ, и днемъ лилъ дождь на лѣсъ, на лужи—нельзя было на порогъ показаться. „А придетъ зима, пойдутъ святошныя вьюги — и совсѣмъ хоть пропадай!“—думалъ Ермилъ, валяясь послѣ обѣда на нарахъ, поджидая новой долгой ночи. Иногда онъ садился, собирался приняться за лапти, да только все глядѣлъ и глядѣлъ въ окошечко на мокрый кустарникъ, на тучи. Онѣ къ ночи сгущались. Нагоняя тьму, разыгрывалась буря. Ермилъ слѣзалъ съ наръ, открывалъ печку, вынималъ пукъ лучинъ, искалъ спичекъ по печуркамъ. А пока возился, выбирая лучину посуше, и совсѣмъ смеркалось. А когда лучина разгоралась и онъ втыкалъ ее въ свѣтецъ, окошечко было уже черно. Онъ опять ложился — и, пользуясь его недвижностью, мертвой тишиной и свѣтомъ, на самую середину избы выбѣгала сѣдая тощая крыса, жившая подъ печкой. Это значило, что ночь опять обступила избу. Въ лѣсу же, въ его молочахъ, въ непролазныхъ чащахъ по оврагамъ, были волчьи притоны. Въ самую полуночную пору не разъ, съ визгомъ, съ захлебывающимся лаемъ, кидались въ глубину сѣней собаки, ночевавшія у порога. Схвативъ свою тяжелую, ржавую одностволку, шальной отъ крѣпкаго сна при дымящей лучинѣ, что-то крича, выскакивалъ Ермилъ въ сѣни—и сколько огненно-зеленыхъ глазъ разсыпалось передъ нимъ въ черной тьмѣ кустарниковъ, по скату оврага! Съ бьющимся сердцемъ, блѣдный, возвращался онъ, впускалъ за собою грязныхъ собакъ, тотчасъ забивавшихся подъ лавку... Дымно, красно пылала лучина, роняя огненныя искры въ лоханъ подъ свѣтцемъ, гоня дрожащія тѣни. Тяжко и глухо шумѣлъ обломный дождь. И Ермилъ бралъ рогачъ, подпояску, прикладывалъ рогачъ къ

ритолкамъ, поперёкъ двери, захлестывалъ и его и скобку, уго-натуго затягивалъ... Потомъ опять ложился на спину, ъ шапкѣ, въ полушубкѣ, задиралъ тонкія, короткія ноги въ громныхъ лаптяхъ на свою укладку. Пронзительные желтые лазки его не моргали.

И вотъ пришла зима. Вѣтеръ повернулъ. Гнилыя бури и ивни сдѣлали свое дѣло, раскрыли лѣсъ, дали студеному блачному небу свободно бѣлѣть сквозь него, оборвали листву завалили ею, мокрой и ржавой, всѣ овраги. Шелъ снѣгъ и аялъ. Но голый лѣсъ гудѣлъ уже туго, сурово, по-зимнему. Ермилъ повеселѣлъ - было. Но не сровнялось и недѣли, акъ, обходя однажды верховье съ дубинкой въ рукѣ и одностволкой на плечѣ, слушая холодное, зимнее гуканье красногрудыхъ, раздувавшихся на вѣтру снѣгирей и шлепая лаптями по лѣснымъ ухабистымъ дорогамъ, полнымъ грязи и лѣдянаго снѣга, между тѣмъ какъ собаки, по своей манерѣ, се бочкомъ, все забирая въ сторону, бѣжали впереди, за стволами, наткнулся онъ на страшное мѣсто: въ раскрытыхъ удящихъ вершинахъ высоко висѣла и качалась на сукѣ высокаго дуба веревка, а на веревкѣ — оскаленная, до кости объѣденная муравьями собачья голова съ двумя-тремя позвонками перегнившей и разорвавшейся шеи. На землѣ же, у орней дуба, лежали ребра, клоки истлѣвшей бурой шерсти. И, раскапывая эти клоки дубинкой, Ермилъ долго, долго, о ряби въ глазахъ, и такъ и этакъ вглядывался въ нихъ, се старался сообразить: велика ли была собака, мужицкая ли, арская ли она, и кто и по какой причинѣ — со зла или ля забавы—удавилъ ее. И вдругъ опустилъ дубинку, замеръ косилъ глаза въ переносицу: а что, если и его вотъ такъ-то давятъ? Лѣсъ, глушь кругомъ, онъ одинъ, какъ перстъ, на емъ свѣтѣ, жизнь его никому не дорога, о смерти его и знать-то могутъ только черезъ мѣсяцъ и, узнавъ, не больно-то тревожатся, а тутъ идутъ праздники, Святки... Это время уткое для человѣка, живущаго въ тѣсу, въ полѣ. Ужъ не разъ одумывалъ онъ о немъ. Весь вѣкъ онъ пробылъ на-люди—то же будетъ чувствовать онъ въ одиночествѣ, когда придетъ это время: одинъ волчьи свадьбы чего стоятъ. А вѣдь и омимо того не Богъ вѣсть какъ просты вечера и ночи на святкахъ. И лихіе люди пользуются этими ночами. Удавили е когда-то мужики лѣсника въ Дехтярномъ, чтобы напоить съ покойника какихъ-то свѣчей колдовскихъ... У Ермила, акъ у стоящаго надъ пропастью, защемило, заломило въ ляжкахъ. Онъ повернулся и, надвинувъ шапку, поспѣшно, неловко, адѣвая за корни, зашагалъ назадъ

Снѣгъ валилъ непроглядный, весь день. Къ вечеру пер
сталъ. Стало теплѣй, затихло. Ермилъ слазилъ на потолок
нашелъ возлѣ борова старыя лыжи, привязалъ къ нимъ н
выя оборки и опять пошелъ къ дубу. Но снѣгъ былъ пушист
лыжи тонули, скользить на нихъ Ермилъ не умѣлъ, поминут
попадалъ одной лыжей на другую—измучился, извихлялся
вернулся къ избѣ. Вечерѣло. Все вокругъ глубоко покры
было снѣгомъ. Сизо, съ розовымъ оттѣнкомъ бѣлѣлъ против
положный бугоръ въ мелкомъ чернолѣсьѣ. Гдѣ-то далеко ж
лобнымъ зовомъ стоналъ рогъ, ему, то слабо, то совсѣм
явственно, страстно отзывался собачій гонъ—и лѣсъ, въ мер
вой тишинѣ, какъ будто слушалъ. „Кажись, опогодится,—п
думалъ Ермилъ, мучимый страннымъ желаніемъ еще ра
поглядѣть на собачью голову. — Схожу завтра пѣшій“... Н
опять поднялся ночью вѣтеръ—и опять на цѣлую недѣлю п
несло снѣгомъ, да все гуще и гуще. Зима снѣшила—до Св
токъ оставалось чуть. И Ермилъ сталъ готовиться къ ним

Собачья голова не выходила у него изъ ума. Какъ толь
темнѣло, онъ крѣпко-накрѣпко связывалъ подпояской рога
и дверную скобку. Спалъ еще тревожнѣе. А чѣмъ свѣт
онъ слѣзалъ съ печки, выпускалъ своего бѣлаго лохмата
кобеля, — сучка куда-то сбѣжала, если только не попала
на зубы волку,—шелъ по сугробамъ въ оврагъ, на пруд
возвратясь, затапливалъ, умывался, молился и принимал
за работу—вѣрнѣе, за думы. Были онѣ нехороши, но он
все болѣе входилъ во вкусъ ихъ, сосредоточенно поддѣва
на деревяжкѣ лыко, постукивая кочетыкомъ. Дымилъ, с
пѣлъ, стрѣлялъ хворостъ въ печи. Сыро и тепло было
избѣ. За окошечкомъ, на завалинкѣ, задомъ къ стеклу, с
дѣлъ, застилъ кобель — наслаждался, зимнее отродье, тѣм
что его заноситъ снѣгомъ. А Ермилъ думалъ: какъ бы н
учить его кидаться чужому человѣку прямо на горло; гдѣ
достать волчій капканъ, чтобы къ святочной ночи положи
его возлѣ порога, заровнявъ соломкой, снѣгомъ... Дни ш
Пора было обезопасить себя! Но какъ? Что выбрать изъ п
думаннаго? Выбрать надо было то, что исполнимо, то,
вѣрнѣе и тверже всего. Поумнѣй злодѣя надо было оказать
И страхъ Ермила таялъ, замѣняясь тревожной, но расч
ливой злобой.

Въ избѣ все бѣлѣло, все свѣтлѣло отъ сугробовъ вокру
Поднимались тѣ самыя рождественскія вьюги, которыхъ
страхомъ ждалъ осенью Ермилъ. Лѣсъ порыжѣлъ, изме
чалъ, день и ночь гудѣлъ въ зимней дремотѣ подъ сумр
нымъ небомъ. Непорочно-бѣлые наносы, въ которыхъ тон

о скрипучіе стволы и корявые кустарники, день и ночь
сли, дымясь бѣлымъ дымомъ. За порогомъ насквозь про-
атывалъ крутой сѣверный вѣтеръ. Весь въ снѣгу воро-
лся Ермилъ съ пруда. Скинувъ полушубокъ, затопивъ
чку, березовымъ голикомъ подмахнувъ земляной полъ, онъ
мывалъ подъ своими густыми волосами, вѣчно грѣвшими
о маленькій лобъ, свое морщинистое лицо водой съ ледяж-
ми, обдергивалъ свою безсмѣнную посконную рубаху и ста-
вился на молитву, врозь раскинувъ носки сопрѣвшихъ лап-
й. Щурясь, онъ устремлялъ пристальный, но невидящій
оръ на дощечку въ углу, привычно шепталъ что-то и въ
редѣленные моменты съ размаху кланялся ей. Но думы
о были не возлѣ Бога. Не о Немъ думалъ онъ и послѣ
литвы, сѣвъ за работу.

Онъ всю жизнь полагалъ, что вѣритъ въ Бога, но только
лагалъ. Темная сила—другое дѣло: въ нее онъ вѣрилъ, —
крайней мѣрѣ, думалъ о ней и чувствовалъ ее часто. И
го, что Святки время не простое, онъ не отвергъ, освоившись
тѣмъ, что̀ опеломило его подъ дубомъ. Ну, да съ этимъ
можно и должно было примириться. Потерпитъ онъ жути
Святкахъ, но жуть эта, вѣрно, и останется жутью только.
лчьи свадьбы — это тоже страшно, да что̀ онѣ сдѣлаютъ
у въ избѣ? Остается свой братъ, человѣкъ... И тутъ Ермилъ
алъ лапоть на колѣни и долго смотрѣлъ своими желтыми
азками подъ печь, на груды золы. Онъ вспоминалъ всю
ою жизнь, съ тѣхъ дней, когда онъ по-людски женился, по-
дски нанялся съ женой на барскій дворъ. Теперь ему
тьдесятъ, тогда было восемнадцать, но и тогда звали его
рявымъ, коротким, зимнимъ, а, въ придачу къ тому, былъ
ъ глупъ. Женили его на рябой, высокой; рябая была смѣла
распутна, и онъ всѣмъ разсказывалъ, какъ она ухитрялась
овести его, оказаться невинной. Онъ искалъ сочувствія, а
о же вышло? Его же ославили дуракомъ. Рябая любила
ѣдныя и серебряныя кольца и скоро сошлась съ приказчи-
мъ. Онъ было-сунулся на него, защищая свою честь. Но
къ просто, при общемъ хохотѣ, сбилъ съ него приказчикъ
апку и прогналъ со двора долой! И примолкъ Ермилъ, за-
ился, покорился судьбѣ, понесъ, вдовцомъ, по чужимъ
лам, камень за пазухой...

Случаи, такіе, какъ въ Дехтярномъ, правда, рѣдки. Да
го не бываетъ! И, значитъ, пора, на всякій случай, сла-
ть за пазуху да покрѣпче подумать. Итти немедля въ
ло, какъ сгоряча хотѣлъ Ермилъ, просить помощи противъ
хихъ людей у старосты, урядника, добыть капканъ, вырыть

яму—все это никуда не годилось, все это скоро стало казаться пустой затѣей: надо было похитрѣе выдумать. Пустымъ казался порою даже и самый страхъ: ну, кто придетъ давить его! Но тутъ Ермилъ начиналъ разжигать себя. Кто—неизвѣстно, да въ злодѣяхъ недостатка нѣтъ. За что? А за то-то. Есть у людей и корысть, есть и злоба. Развѣ не сжили его со станціи съ винокурни—и за то только, что онъ густоволосъ, морщинистъ, коротконогъ, за то, что молчитъ-то онъ молчитъ, а всѣхъ насквозь видитъ. Развѣ не собирались рабочіе то обо ноги переломить ему, то удушить его соннаго полушубками то, какъ будто нечаянно, столкнуть въ горячую барду? Смирно шелъ онъ на Казанскую по селу, а развѣ не оралъ за нимъ пьяный сапожникъ, Ванька Махоръ, первый воръ и разбойникъ въ селѣ: „Погоди, погоди, Зимній, я те подыму со лбу волосы...“ Нѣтъ, видно, никогда не откажется человѣкъ искалѣчить, пришибить человѣка, если только съ рукъ сойдетъ. Глянь, какъ рветъ, молотитъ мужикъ вора, стащившаго клокъ соломы. Клокъ не дорогъ, да вѣдь какъ такой случай упустить! За вора-то ничего не будетъ. И не даромъ, знать, пословица лежитъ: „Золъ злодѣй, а ты позлѣй злодѣя окажись...“

Наконецъ все было обдумано. Пора было дѣло дѣлать.

И прежде всего Ермилъ испробовалъ свою ржавую одноствольку съ самодѣльнымъ, некрашенымъ прикладомъ. Онъ продулъ ее, пробилъ пистономъ, зарядилъ утиной дробью, крѣпко забилъ пыжей, вышелъ изъ избы и съ часъ стоялъ среди острыхъ сугробовъ и дымныхъ вихрей, среди рыжаго гудящаго лѣса, но колѣно въ бѣлѣйшемъ снѣгу, поджидая, не сядетъ ли гдѣ поблизости ворона. Вѣтромъ принесло наконецъ, глупую, голодную, каркающую. Проваливаясь по пахъ, по-поясъ, согнувшись, падая, набивая стволъ снѣгомъ, Ермилъ пробрался къ тому дереву, на которомъ раскачивалась она, присѣлъ, положилъ стволъ на ближній сучокъ, долго водилъ мушкой по грязно-сѣрой, сутулой отъ кар каньи птицѣ,—наконецъ спустилъ курокъ. Его оглушило, ослѣпило, отдало въ плечо и въ щеку такъ крѣпко, что онъ свалился навзничь. Но тотчасъ же и вскочилъ и, вмѣстѣ с яростно лаявшимъ кобелемъ, кинулся къ своей добычѣ: окро вавленная, на клочки изорванная, она валялась, тонула в рыхломъ снѣгу подъ тѣмъ же самымъ деревомъ, на которомъ за мгновеніе передъ тѣмъ, хрипѣла, тужилась, качалась.

Затѣмъ онъ ловко выбилъ палкой кусочекъ стекла в нижнемъ углу своего окошечка: попробовалъ всунуть въ не дуло одностволки и присѣсть на скамейку возлѣ самой лавк

дуло вошло отлично, но скамейка оказалась высока. Да вѣдь обрубить ей ножки было дѣломъ недолгимъ. И, обрубивъ, Ермилъ заткнулъ дыру, — до поры до времени, — тряпочкой. Ночь будетъ, если и мутная отъ мятели, да все-таки видная, лунная, — это ужъ навѣрно. Вотъ и накидаетъ онъ на завалинку соломы, чтобы таилось въ ней торчащее изъ окна дуло; потомъ вернется въ избу, потушитъ огонь, прильнетъ къ стеклу и будетъ ждать — смотрѣть на тропинку, поднимающуюся по косогору противъ окна. Тотъ же, кто будетъ итти по этой тропинкѣ, ничего не разсмотритъ въ окнѣ, прикрытомъ соломой. Самого же Ермила, сидящаго въ темной избѣ, — тѣмъ болѣе. А кто же именно итти-то будетъ? Теперь ужъ самому Ермилу приходилось выбирать. И, подумавъ еще маленько, онъ выбралъ.

Въ Сочельникъ онъ пошелъ въ село.

Теперь, послѣ цѣлыхъ двухъ недѣль размышленія объ одномъ и томъ же и подсчета всего того, чѣмъ весь вѣкъ радовали его люди, онъ и совсѣмъ, казалось, освободился отъ страха. Онъ былъ возбужденъ, какъ во хмелю какомъ, но слабости уже не чувствовалъ. Напротивъ. „Нѣтъ, постой, меня голой рукой не возьмешь!“ Теперь, если бы ему сказали, что никто не придетъ къ нему съ злымъ своимъ умысломъ, онъ бы, кажется, молить сталъ о томъ. Съ дубинкой на плечѣ, ковылялъ онъ среди полей, тонувшихъ въ туманѣ вьюги, по чуть видной дорогѣ къ невидному селу, гнулъ голову отъ снѣжныхъ вихрей и рѣшалъ, что̀ именно надо сдѣлать, у кого побывать и что̀ кому сказать въ селѣ...

Только не все договаривалъ онъ самому себѣ. Онъ притворялся, что идетъ только за кой-какой покупкой да за тѣмъ, чтобы такъ — поглядѣть на людей, послушать, попытать ихъ... Что̀ жъ, вѣдь всякому животъ свой дорогъ.

Показались сквозь куру прутья лозняка по задворкамъ, по окраинамъ скудныхъ мужицкихъ гуменъ, забитыхъ, занесенныхъ до весны. Скучно, дико было и въ селѣ, а все не то, что̀ въ лѣсу. Въ лѣсу и снѣгъ-то куда бѣлѣе, пушистѣй, глубже, — не жилой это снѣгъ, звѣриный... Онъ прошелъ околицу, прошелъ мимо рѣдкихъ крестовъ, торчавшихъ изъ слоистаго сѣраго наста на погостѣ, вѣчно на юру обдуваемаго вѣтромъ, перекрестился на деревянную церковь, на рѣшетчатыя окна алтаря, до половины прикрытыя сугробомъ... Дальше стало тише, теплѣй, свободнѣй. Онъ осунулъ подпояску на самые кострецы, отвернулъ съ угловъ обледянѣвшій, затвердѣвшій воротъ армяка, пошевелилъ плечами въ толстыхъ снизкахъ... Зачернѣли люди, ѣхавшіе въ кабакъ, въ лавку.

Ермилъ не спѣша переступилъ порогъ ея, сталъ въ сторонкѣ, держа, какъ нищій, мѣшокъ въ лѣвой опущенной рукѣ, а дубинку въ правой, скромно дожидаясь очереди.

Мужики въ тулупахъ, въ полушубкахъ, засыпанныхъ снѣгомъ, скрипѣли мерзлыми лаптями и валенками, входя, заворачивая полы, сморкаясь въ пихъ. Лавочникъ въ тонкой поддевкѣ, худой, съ чистой желтой кожей, съ большими кофейными глазами, съ длинной, рѣдкой бородкой, похожій на угодника, доведшій свою молчаливую ловкость до щегольства, то перевертывалъ мѣрку съ мѣдными обручами въ подставляемые мѣшки, ссыпая туда пшено, то наливалъ, щедро переливая, бутыли керосиномъ, то бросалъ свиныя середки на изсѣченный пень, взмахивалъ топоромъ и съ единаго взмаха отрубалъ ровно столько розоваго мяса и мерзлаго сала, сколько требовалось, лишь для видимости прикидывая на ржавыхъ тарелкахъ вѣсовъ. Раздражающе пахло маринованными сельдями, ситцами, кругами хомутины, на видъ какъ бы копчеными... Ермилъ сдержанно поздоровался, побалакалъ кое съ кѣмъ, взялъ пшена, соли, спичекъ, кренделей; платя, нарочно показывалъ всѣмъ трехрублевыя бумажки. Потомъ сталъ говорить, ни къ кому не обращаясь, медленно пряча деньги и закуривая, хотя не курилъ никогда, — только затѣмъ, чтобы подольше побыть въ лавкѣ и попользоваться безплатнымъ табакомъ, махоркой, насыпанной лавочникомъ въ коробку изъ-подъ килекъ для угощенія покупателей:

— А у васъ тутъ хорошо въ селѣ... Вамъ жисть. Не то, что мнѣ, въ лѣсу, въ глухомани. Вамъ Святки идутъ, веселье, пированье, а мнѣ—жуть... Я на это робокъ... Еще сдуру придетъ кто да убьетъ. Да что жъ! Небось, скажетъ, у него и деньжонки есть... Человѣкъ, молъ, скрытный, бережной... А не то, святошное дѣло, и такъ только—попугать вздумаетъ... А я и отъ того могу обезпокоиться. Я слабосиленъ. Старѣть сталъ...

— А ты вотъ бреши такъ-то побольше, накликай на себя,— сказалъ лавочникъ, протягивая щербатому, почернѣвшему, курному старику пачку нюхательнаго табаку. — Бреши побольше. Народъ-то и разнесетъ.

Мужики подхватили:

— Вѣрно. Это ужъ извѣстно—только пусти слухъ по народу... Сдуру ты это, Зимній.

Ермилъ поглубже надвинулъ шапку, чтобы скрыть довольство. Постоялъ, дурацки разводя руками, и медленно вышелъ.

Заходилъ онъ и въ кабакъ. Выпилъ сотку, купилъ бутылку, глубоко запряталъ ее въ карманъ и опять поговорилъ съ народомъ, опять продѣлалъ то же самое.

— Такъ-то лучше, — сказалъ онъ, затягивая гаманъ. — У кого денежки, у того и праздничекъ...

А отъ кабака онъ быстро пошелъ подъ гору, гдѣ жили духовные, шорникъ, коновалъ, Ванька Махоръ. Смеркалось, мятель въ затишьѣ улеглась, синѣли снѣжныя сумерки, чернѣли подъ горой мѣщанскія избушки. У Ваньки избушка была всѣхъ меньше, всѣхъ ниже и грязнѣе. На вогнутой стѣнѣ ея съ осыпающейся коркой глины висѣла дощечка, на которой Махоръ нарисовалъ сапогъ, похожій на орудіе каменнаго вѣка, а вокругъ него—много желтыхъ и бѣлыхъ медалей. Въ темныхъ сѣняхъ Ермилъ быстро нащупалъ скобку, обмотанную тряпкой, и рванулъ къ себѣ. Въ полутьмѣ, въ свинцовомъ полусвѣтѣ у мерзлаго и вѣчно мокраго, оттаивающаго окна, у лавки, заваленной кусочками кожи, инструментомъ, жестянками съ прокисшимъ клеемъ и затвердѣвшимъ лакомъ, согнувшись, сидѣли самъ Махоръ и его подручный Мишка. Больная старуха спала за ситцевой занавѣской на нарахъ. И гнилью мѣщанскаго угла, и сапожнымъ товаромъ, и всячески воняло тутъ. Было скучно, тяжко отъ присутствія больного человѣка, спящаго въ сумерки, и даже отъ двухъ пестрыхъ куръ, тоже дремавшихъ возлѣ печки. Но чернявый Мишка бойко стучалъ молоткомъ по каблуку перевернутаго вверхъ подошвой и зажатаго въ колѣни сапога, одинъ за однимъ вгонялъ въ него мелкіе деревянные гвоздики и, вгоняя, бормоталъ что-то, приговаривалъ. А Махоръ поспѣшно, видимо, съ большой охотой, налаживалъ старую гармонію съ золотыми мѣхами, вынималъ изъ снятой крышки мѣдныя планочки съ серебряными клапанами, поперемѣнно прикладывалъ ихъ къ губамъ, безъ передышки тянулъ въ себя воздухъ—и клапаны дребезжали, пѣли, пищали. Было ему лѣтъ двадцать пять, но усовъ у него еще не было, лицо его было длинно, крупно и очень блѣдно, взглядъ, бараній, бѣлый, прямъ и наглъ. Длинно, велико было и туловище его. Какъ неуклюже вихлялось оно, падая впередъ, когда Махоръ игралъ въ праздники съ мальчишками въ лодыжки! Какой дуракъ онъ былъ, какъ сцѣпливался онъ, верзила, спорить съ какимъ-нибудь соплякомъ и какъ гордъ, холоденъ и веселъ былъ, всѣхъ обыгравъ и уходя прочь!

И Ермилу на минуту стало очень страшно. Онъ переступилъ порогъ—и оба работавшіе подняли головы и, увидавъ его, расширили глаза отъ удивленія. Но онъ и тутъ не потерялся.

Стараясь хоть изрѣдка встрѣчаться съ глазами Ваньки и казаться простодушнѣй, онъ, войдя, тотчасъ же заговорилъ

о томъ, что вотъ былъ онъ въ селѣ, кое-что покупалъ, да и надумалъ забѣжать прицѣниться, сколько, примѣрно, могутъ стоить сапоги.

— Головки?—отрывисто спросилъ Махоръ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же... хворменные сапоги.

Махоръ поднялъ голову, и его бѣлые глаза холодно повеселѣли:

— Это кому же?

— А хоть бы и мнѣ,—сказалъ Ермилъ.—Что жъ, ай я и этого не нажилъ себѣ за всю свою службу?

— Франтъ тоже,—сказалъ Махоръ, оглядывая его.—Нечего сказать! Да тебѣ околѣвать пора. Аи погодить хочешь?

Мишка улыбался ядовито, съ любопытствомъ.

Ермилъ сощурилъ глаза и изъ-подъ волосъ покосился на сапожника. „Не околѣй ты прежде!“—подумалъ онъ. И съ притворной развязностью отвѣтилъ:

— Помри ты нынче, а я завтра... Да это ужъ дѣло хозяйское. Ты про сапоги-то говори. А не хочешь—я въ Кострецу, къ хромому, пойду. Мнѣ, братъ, шесть цѣлковыхъ не деньги...

— А! Вонъ оно что!—свистнулъ Махоръ.

Онъ въ упоръ посмотрѣлъ на Ермила и, уже совсѣмъ, какъ разбойникъ, не скрывающій своихъ мыслей, спросилъ:

— Значитъ, у тебя, правда, есть деньги?

Ермилъ дрогнулъ отъ этого взгляда и поспѣшно, искренно забормоталъ:

— Что ты, что ты... Какія у меня деньги? Откуда онѣ у меня?

Онъ почувствовалъ, что чуть не погубилъ дѣла, и во-время спохватился—быстро воспользовался своей невольной искренностью и, путаясь, понесъ то же, что говорилъ въ лавкѣ:

— Деньги! Деньги! Вотъ такъ-то болтаютъ... плетутъ... А я сижу ни живъ ни мертвъ въ лѣсу... Но ночамъ не сплю... Кто и попугать просто вздумаетъ, и то навѣкъ не человѣкомъ сдѣлаетъ...

— Родимчикъ приключится?—сказалъ Махоръ.

— А ты что жъ думаешь?—подхватилъ Ермилъ, чувствуя, что выпутался.—Время святошное... Кто-нибудь шутку вздумаетъ, полушубокъ для смѣху вывернетъ, да подъ окно, а мнѣ и каюкъ...

— А!—опять сказалъ Махоръ, но уже равнодушно.—Значитъ, ты просто пофорсить пришелъ, побрехать... А я-то, дуракъ, съ тобой зубы чешу.

И опять наклонился къ гармоніи. Но вдругъ загоготалъ и подмигнулъ Мишкѣ.

— Чего ты?—торопко спросилъ Ермилъ.

— А то чего же!—отвѣтилъ Махоръ весело и загадочно.

Ермилъ посидѣлъ еще минуту, чтобы не замѣтили его тор-

жества,— онъ понялъ этотъ хохотъ, онъ уже не сомнѣвался теперь, что Ванька придетъ въ вывернутомъ полушубкѣ!—и, сославшись на то, что припоздалъ, наобѣщавъ непремѣнно договориться „какъ-нибудь на гулянкахъ“ о сапогахъ, вышелъ вонъ, пока Махоръ зажигалъ лампочку. Была уже ночь. Мерзлые помои у порога тускло блестѣли. Высоко, надъ самой головой, ныряли и сіяли въ волнистыхъ облакахъ луна и какая-то яркая звѣзда. Сіялъ порою и крестъ церкви, когда быстро шелъ мимо нея Ермилъ. И только на мгновеніе, возлѣ погоста, изумила и ужаснула его мысль:

„Неужели этотъ самый Махоръ будетъ черезъ нѣсколько дней лежать вотъ тутъ, на юру, подъ мерзлой глиной, подъ снѣгомъ?“

Пришелъ онъ домой поздно. Кобель сидѣлъ у избы, противъ луны, ждалъ его. Дружно и быстро вошли они въ избу и тотчасъ же, не зажигая огня, легли спать. Спали крѣпко, но оба видѣли путанные яркіе сны. Кобель вылъ, вскакивалъ. Ермилъ проснулся среди ночи. Лунный свѣтъ бѣлѣлъ пятномъ какъ разъ посреди избы, на земляномъ полу. На лавкѣ сидѣлъ блѣдно-зеленый, сквозной, сутулый старикъ, въ длинной рубахѣ, съ гробовымъ вѣнчикомъ на лбу—покойникъ-батюшка. Ермилъ подошелъ къ нему и усмѣхнулся.

— Батюшка? Ты зачѣмъ?—спросилъ онъ.—Я теперь тебя не боюся.

Покойникъ, улыбаясь, поднялъ слабую руку и легонько перекрестилъ его:

— Ну, спи, Господь съ тобой. Злыхъ людей бойся.

И Ермилъ проснулся и увидалъ, что и не думалъ онъ слѣзать, подходить къ лавкѣ, а лежитъ, какъ лежалъ. Но еще много разъ казалось ему, что онъ просыпается, пробуетъ, крѣпко ли привязанъ рогачъ къ двери, вздуваетъ лучину, вынимаетъ похлебку изъ печи и ѣстъ: забылъ поужинать, придя изъ села...

Проспалъ онъ и весь слѣдующій день, не топилъ даже. Передъ вечеромъ всталъ, поѣлъ вчерашней, кислой похлебки и, помолившись, сталъ заряжать ружье. Было уже темно, но огня онъ не вздувалъ. Руки тряслись, зарядъ казался то малъ, то великъ. Кобель стоялъ возлѣ и заглядывалъ ему въ глаза вопросительно, совсѣмъ по-человѣчьи. Онъ даже не ударилъ его,—такъ покоенъ онъ былъ, хоть и тряслись руки.

Часовъ въ восемь онъ вышелъ на порогъ. Опять ныряла въ вышинѣ, въ облакахъ, луна, но мутнѣе, бѣлѣе, чѣмъ вчера, была ночь: по кустамъ несло бѣлымъ, поземкой.

Съ восьми до десяти онъ, не шевелясь, не дыша, сидѣлъ на лавкѣ возлѣ окна, въ крѣпко запертой полутемной избѣ. Вдругъ онъ насторожился. Тихо, тихо приподнялся и при-

льнулъ къ стеклу: въ бѣлесой мути, блѣдно озаряемой луной, на тропинкѣ среди кустарника, точно мукой осыпаннаго, чернѣли двѣ поднимавшіяся изъ-подъ горы фигуры. Впереди была та, что повыше... И не прошло и минуты, какъ она надвинулась на завалинку, затемнила свѣтъ и уже хотѣла было тоже прильнуть къ окошечку, какъ Ермилъ, задомъ упавшій на свою скамейку, оглушительно, какъ изъ пушки, выстрѣлилъ.

Мишка кинулся, свалился назадъ, подъ гору. Махоръ остался на мѣстѣ. Ермилъ, выскочивъ изъ избы за неистово лаявшимъ кобелемъ, наклонился надъ лежащимъ ничкомъ большимъ человѣкомъ съ нарисованными углемъ усами, въ новой, вывернутой поддевкѣ: снѣгъ подъ животомъ его былъ окровавленъ; на большомъ пальцѣ правой откинутой руки такъ и остался ремешокъ гармоньи съ золотыми мѣхами.

А черезъ три мѣсяца послѣ этого Ермила ввели въ залу суда. И онъ произвелъ на всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе. Войдя, онъ долго крестился на золотой образъ въ углу, отвѣсилъ низкій поклонъ судьямъ. Вызванный, онъ всталъ твердо, разобралъ густые волоса на потѣющемъ лбу, откинулъ голову, отвѣчалъ точно, охотно, щурясь добродушно, съ хитрецой, по-стариковски, и къ каждому слову прибавлялъ:

— Господа-начальники, судьи праведные...

Ему, видимо, нравилось, что собралось столько народа для него, что въ залѣ сидятъ барыни, купцы въ сюртукахъ, что на столѣ сукно съ бахромой, за столомъ мундиры, а у золотого образа горитъ красная лампадка. Его не останавливали—и разсказывалъ онъ, ни разу не взглянувъ на Мишку, блѣднаго, испуганнаго, и сидѣніе свое въ лѣсу, и походъ въ село,—„насчетъ сапожонокъ“,—и даже убійство съ мельчайшими подробностями. И все говорилъ:

— Мой великій грѣхъ, господа-начальники, судьи милосливые! Злые люди загубить хотѣли, а я того весь вѣкъ ждалъ.

— Но вѣдь они съ гармониками шли,—возражали ему.

— Бѣсъ и губитъ да трубитъ... играетъ, козлякаетъ. А на умѣ у него никто не былъ. Казните меня тюрьмой-каторгой.

Въ монастырѣ, гдѣ онъ отбывалъ наказаніе, не было человѣка работящѣе его: какъ чисто мелъ онъ дворъ, какъ ловко кололъ дрова, какъ усердно таскалъ воду въ братскую кухню!

И монахамъ понравился онъ. Съ ними и остался, отбывъ покаяніе,—„прижился къ Богу“. Но въ монахи постричься не пожелалъ:

— Нѣтъ, я дюже преступный,—говорилъ онъ съ удовольствіемъ.

Капри. 25—27. XII. 1912.

КНЯЗЬ ВО КНЯЗЬЯХЪ.

Лукьянъ Степановъ пріѣхалъ въ свѣтлый сентябрьскій день въ Галино, къ помѣщицѣ Никулиной. До его хутора верстъ пятнадцать, лошадьми онъ дорожитъ, какъ зѣницей ока. Значитъ, пріѣхалъ онъ по важному дѣлу.

Гнѣдой жеребецъ, сверкая глазами, тяжело влетѣлъ во дворъ, къ сараю, гдѣ еще до сихъ поръ слѣзаютъ тѣ, что не рѣшаются слѣзать у крыльца. Лукьянъ Степановъ сидѣлъ на бѣговыхъ дрожкахъ, на голой доскѣ.

— Что же это вы, Лукьянъ Степанычъ, безъ подушки-то?— улыбаясь, спросилъ его лицеистъ Сева, шедшій отъ конюшни.

— Погоди, разскажу,—отвѣтилъ Лукьянъ Степановъ, привязывая жеребца къ телѣгѣ безъ передковъ

Сева сталъ годить. Привязывалъ Лукьянъ Степановъ долго, основательно. Привязавъ, высморкался на землю, вытерся полою и наконецъ отвѣтилъ, протягивая руку:

— Вотъ оттого-то у вашего брата, господъ, и нѣту ничего. Есть подушка—валяй ее и въ хвостъ и въ голову!

Взявъ съ дрожекъ мѣшочекъ, набитый чѣмъ-то тяжелымъ, онъ пошелъ къ дому — большой, толстый отъ одежды. На немъ была теплая поддевка, сверхъ поддевки бараній тулупъ, голова подъ шапкой повязана по ушамъ краснымъ платкомъ, ноги обуты въ тяжелые сапоги.

Сева опять засмѣялся и сказалъ:

— А тепло вы одѣты!

— Мнѣ, братъ, восемьдесятъ съ гакомъ, — отвѣтилъ Лукьянъ Степановъ. —Доживи-ка до моего.

— Ну, ужъ и восемьдесятъ! Откуда вы столько набрали?

— Въ полѣ, братъ, набралъ.

— Ну, а уши-то вы зачѣмъ же завязали?

— Глухой быть не хочу — вотъ зачѣмъ. Отчего вы, со-

спола, глухіе-то всѣ? Все отъ этого. Выскочилъ въ чемъ попало, надуло ему въ уши—и готовъ.

Вышла въ залъ хозяйка, ея старшій сынъ Мика, лысый, усатый, близорукій, и дочь Люлю—блѣдная, женственная, задумчивая, постоянно кутающая плечи въ пуховой платочекъ и неожиданно, притворно вздрагивающая. Хозяйка угощала водкой, копченой колбасой, бѣлымъ хлѣбомъ, наливала чаю, много говорила, дѣлая видъ, что очень освѣдомлена въ сельскомъ хозяйствѣ. Сева не спускалъ смѣющихся глазъ съ Лукьяна Степанова, съ его загорѣлаго лица и носа, который отъ загара лупился, былъ лиловый, въ золотистой шелухѣ. Мика, наклонясь къ столу, курилъ, сбрасывалъ пепелъ въ пепельницу въ видѣ ладони и катали хлѣбные шарики, что всегда раздражало хозяйку. Люлю сѣла съ ногами на диванъ, прижалась въ уголокъ, съежилась и, не моргая, глядѣла красивыми, печальными глазами въ большой ротъ Лукьяна Степанова: десны у него были розовыя, голыя, безъ единаго зуба. Всѣхъ томила загадка: зачѣмъ онъ пріѣхалъ? А ну какъ приторговываться къ имѣнію? Ахъ, если бы далъ Господь! Хозяйка, очень тонко, какъ ей казалось, подводила разговоръ къ продажѣ имѣній, намекала на то, что по нынѣшнимъ временамъ и она охотно продала бы:

— Ахъ, Лукьянъ Степанычъ, съ нашимъ народомъ поневолѣ придешь къ заключенію, что банкъ-то самое надежное мѣсто для капитала!

Но Лукьянъ Степановъ говорилъ только о своихъ лошадяхъ, объ умолотѣ, очень охотно ѣлъ бѣлый хлѣбъ, деликатно бралъ ложечку съ вареньемъ прямо изъ вазы, глубоко запускалъ ее въ ротъ, клалъ обратно и пилъ чай. Онъ дѣлалъ видъ, что слушаетъ хозяйку, изумлялся самымъ простымъ вещамъ, хлопалъ себя по колѣну—и опять говорилъ только о себѣ, не давая говорить хозяйкѣ. Сидѣлъ онъ въ разстегнутой поддевкѣ, подъ которой была линючая ситцевая рубашка, вытиралъ лысѣющую голову и лицо платкомъ, снятымъ съ ушей. „Совсѣмъ еще здоровый мужикъ!—думали всѣ.—Только борода сѣдая, да и то не совсѣмъ, еще видно, что она была рыжая; есть, конечно, и въ глазахъ что-то тусклое, старческое; животъ провалился...“ Наконецъ онъ всталъ, принесъ изъ прихожей и развязалъ свой тяжелый мѣшочекъ, полный серебра вперемежку съ золотыми. Оказалось, что онъ пріѣхалъ только затѣмъ, чтобы похвастаться. „Да это еще что!—сказалъ онъ.—Развѣ это деньги? Такъ, запродалъ овсишко, ну и взялъ маленько задатку...“

Вызвавъ удивленіе, зависть, почтеніе, онъ довольно и хитро

засмѣялся, вѣрнѣе, засипѣлъ, открывая розовый ротъ, поблагодарилъ за чай, за угощеніе, и пошелъ одѣваться.

— Нѣтъ, пора, пора,—сказалъ онъ, хотя никто не оставлялъ его.—И такъ припоздалъ. Лучше на Покровъ еще пріѣду.

Всѣ были разочарованы и ушли, не дождавшись, пока онъ одѣнется. Въ прихожей остался одинъ Сева.

— Ну, вотъ вы, Лукьянъ Степанычъ, говорите, что вамъ восемьдесятъ съ гакомъ,—началъ онъ, садясь на коникъ.—Ну, скажите откровенно: боитесь смерти? Часто о ней думаете?

— Погоди, разскажу,—отвѣтилъ Лукьянъ Степановъ, одѣваясь.

И опять ничего не разсказалъ. Повязавъ уши, надвинувъ шапку на самыя брови, туго и низко подпоясавшись, онъ сталъ нанизывать на себя тулупъ. Справившись съ этимъ, онъ усталъ, задохнулся и тяжело сѣлъ рядомъ съ Севой.

— Смерти-то?—сказалъ онъ.—Кто жъ ее не боится!.. Чудакъ-человѣкъ! Да вѣдь что жъ издѣлаешь? И умрешь, не откажешься... И богатства своего, братъ, съ собой не возьмешь!

— А вотъ вы съ деньгами такъ-то ѣздите: не боитесь, что убьютъ, ограбятъ?

— Что я съ деньгами, того никто не знаетъ. А и узнаетъ, не догонитъ. Такого жеребца, какъ мой, у твоего дѣда на свадьбѣ не было.

Усѣвшись на дрожки верхомъ, Лукьянъ Степановъ шибко понесся со двора, но, миновавъ церковь, гумно, всѣхъ, кто могъ его видѣть, потянулся шагомъ. А въ накуренномъ залѣ долго стояли столбами свѣтъ предвечерняго солнца. Сева открылъ піанино, въ тысячный разъ началъ Лунную сонату, изъ которой зналъ только первую страницу. Хозяйка съ грустнымъ и важнымъ лицомъ несправедливо обиженной, но покорной своей судьбѣ женщины, занялась мытьемъ и вытираніемъ чайной посуды, брезгливо отдавъ горшечной вазу съ вареньемъ, изъ которой ѣлъ Лукьянъ Степановъ:

— Выкиньте это и вымойте горячей водою.

Люлю встала съ болѣзненной гримасой:—ахъ, ужъ эти доморощенные музыканты!—и, выйдя изъ дому, медленно пошла по липовой аллеѣ, стараясь наступать на сухіе листья, золотые и розовые. „Осень, осыпается весь мой бѣдный садъ!“—высокимъ голосомъ запѣла она. Но оборвала пѣсню на первыхъ словахъ, свернула на дорожку среди сиреневой заросли, сѣла на скамью и вдругъ зарыдала, подавляя рыданія, злобно закусывая край платка, чтобы не закричать отъ боли. Полоса яркаго вечерняго свѣта легла на сѣрый старый столъ

возлѣ скамьи. Какая-то черноглазая птичка беззвучно слетѣла на вѣтку, съ вѣтки на столъ, туго, бочкомъ прыгнула раза два, съ любопытствомъ глядя на плачущую. На гумнѣ, куда, притворяясь хозяиномъ, шелъ Мика въ австрійской курткѣ и длинныхъ сапогахъ, ровно гудѣла молотилка. Ясный, равнодушный вечеръ былъ такъ тихъ, что она слышна была далеко въ полѣ—желтомъ, пустомъ, золотившемся шелковыми сѣтями паутины.

Черезъ нѣсколько дней подали къ крыльцу никулинскаго дома тройку. Кучеръ надѣлъ плисовую безрукавку, шелковую кашареечную рубаху и шляпу въ павлиньихъ перьяхъ; барыня и барышня—трауръ: всегда есть какая-нибудь умершая дальняя родственница, а это вѣдь такъ удобно, если нѣтъ хорошихъ костюмовъ для вагона. Спустивъ вуали, натягивая фильдекосовыя перчатки, онѣ ласково и грустно прощались съ прислугой, принимая зонтики, накидки, рыжій пледъ покойнаго Никулина. Сева поѣхалъ верхомъ, на нервной худой кобылкѣ. До станціи всего двадцать верстъ, поѣздъ отходилъ въ семь, а выѣхали въ два. Можно было отстать. Сева отсталъ возлѣ хутора Лукьяна Степанова. Тройка скрылась въ степи, средь ржаныхъ жнивій; онъ повернулъ на перекопанную, заросшую полынью дорогу къ хутору.

Было жарко, вокругъ блестѣла сухая вспаханная земля на картофельныхъ обобранныхъ поляхъ. Вдали серебрились тополя. Навстрѣчу шелъ по пыли бѣлый толстый мальчикъ лѣтъ трехъ, въ грязной рубашечкѣ, въ большомъ черномъ картузѣ похожій на старичка,—шелъ, положивъ голову на плечо, неизвѣстно куда. „Заблудится, зайдетъ къ чорту на кулички“,—подумалъ Сева, смѣясь.

Былъ праздникъ, послѣобѣденное время—хуторъ казался необитаемымъ. Вотъ плетень и въѣздъ въ широкій дворъ. На дворѣ телѣги, сорокаведерное каменное корыто, журавль давно высохшаго колодца, тѣнь отъ старыхъ амбаровъ подъ низкой соломенной крышей съ навѣсомъ. Нарушая видъ степного мужицкаго гнѣзда, бѣлѣетъ за амбарами еще некрашеная жестяная крыша новаго мѣщанскаго дома на высокомъ фундаментѣ. Дальше—какой-то черный исполинскій шалашъ возлѣ котораго виситъ на шестѣ дохлый ястребъ. Впереди—мелкій прудъ, сверкающій на солнцѣ, глиняные берега въ гусиномъ пуху. А по другую сторону двора—развалины варка стариннаго, еще тѣхъ временъ, когда хуторъ принадлежалъ барону Ачкасову: каменныя крѣпостныя стѣны, голый остовъ несокрушимыхъ стропилъ. Всѣ ворота настежь—виденъ на возъ, слежавшійся, спекшійся, поросшій за многіе годы подъ самые переметы

Лукьянъ Степановъ одинокo и величаво стоялъ среди двора, безъ шапки, въ лиловой рубахѣ, опираясь на рогачъ. Невдалекѣ тихо сидѣлъ въ ведрѣ, забитый въ него, закутанный въ попонку, блѣдный ребенокъ въ чепчикѣ. Другой, въ продранной на гугомъ животѣ рубашкѣ, криво и старательно заносилъ полную ножку, взбираясь на каменное крыльцо амбара. А вокругъ все было усѣяно спящими: одной семьи у Лукьяна Степанова шестнадцать человѣкъ, да еще гости, кумъ съ женой, пріѣхали. Всѣ ошалѣли, ослабѣли послѣ обѣда, повалились гдѣ попало и заснули. Одинъ Лукьянъ Степановъ не сдался: былъ еще во хмелю, красенъ, но стоялъ, стерегъ свои владѣнія бодро.

Когда Сева въѣхалъ во дворъ. Лукьянъ Степановъ, не спѣша, подошелъ, подалъ руку и осмотрѣлъ запотѣвшую подъ сѣдломъ кобылку.

— Въ Москву за нѣснями?—спросилъ онъ съ усмѣшкой.

Подъ навѣсомъ амбаровъ сидѣли на цѣпяхъ овчарки. Онъ погрозилъ имъ. Возлѣ нихъ, въ тѣни, крѣпко спалъ на спинѣ кумъ, мужикъ съ черно-шелковой бородой. На солнцѣ, въ телѣгѣ—баба въ зеленомъ платьѣ и старшій сынъ Лукьяна Степанова, въ атласной синей рубахѣ, въ кованыхъ сапогахъ съ выпущенными изъ-за голенищъ каемками шерстяныхъ чулокъ. Эти лежали ничкомъ, обнявшись. Прочіе спали прямо на травѣ. Бабы—прикрывшись отъ солнца фартуками, подолами.

— Яишницу? А?—спросилъ Лукьянъ Степановъ.

Сева, смѣясь, отказался:

— Мы только-что отъ завтрака.

— Ну, чайку?

— Право, не хочется.

— А то ветчинки накрою?

— Нѣтъ, спасибо, ей-Богу, ничего не хочу. Да и на станціи боюсь опоздать.

— Значитъ, вѣрно—опять въ Москву?

— Да... Пора. Я и такъ пропустилъ уже много уроковъ.

— Жисть вамъ!—сказалъ Лукьянъ Степановъ, какъ бы съ завистью, но не скрывая и насмѣшки.—Уроковъ! А я вотъ тысячъ на сорокъ имѣю, князь не князьяхъ, а все сижу. Въ Кіевъ и то не соберусь никакъ. А понужніе твоихъ уроковъ. Пойдемъ, домъ покажу.

Возлѣ дома, на рвани ватнаго одѣяла, сучилось просо.

— Кш, пропасти на васъ нѣту!—сказалъ Лукьянъ Степановъ, махнувъ рогачомъ на высокихъ худыхъ цыплятъ, бѣгавшихъ по просу, и первый поднялся на крыльцо, пошелъ

въ сѣни, дѣлившія домъ на двѣ половины. Пола въ сѣняхъ еще не настилали; навалены были тутъ разсыпавшіяся колеса, разсохшіяся кадушки, кирпичи, известка. Въ отворенныя двери глядѣли пустыя комнатки, кафельныя печки, мѣдные отдушники, стѣны въ голубенькихъ обояхъ.

Сева спросилъ, оглядываясь:

— А что же вы его не додѣлываете?

— Это кого? Домъ-то?

— Да.

— Капиталу, братъ, не хватаетъ. Это вѣдь у тебя одна забота—урки учить, задачи рѣшать да диктовку гнать.

— Нѣтъ, безъ шутокъ? И не додѣлываете и не переходите... Вѣдь вы, говорятъ, подъ шалашомъ, въ землянкѣ живете?

— Она землянка, а лучше всякой избѣ,—сказалъ Лукьянъ Степановъ.—А не перехожу, это правда. Третій годъ не перехожу, оттого и не додѣлываю. Дай ребятенки подойдутъ, выровняются.

— Какіе ребятенки?

— А внуки. Ихъ у меня числа нѣтъ. Пусти-ка ихъ! Живо всѣ шпалеры обдерутъ.

Въ задней комнатѣ, въ залѣ, какъ назвалъ ее Лукьянъ Степановъ, сидѣла на полу босая баба, миловидная, очень смирная на видъ, и рубила косаремъ зеленую траву.

— Это кому же?—спросилъ Сева.

— Свиньямъ кушанье готовитъ,—сказалъ Лукьянъ Степановъ.—Пойдемъ. Тутъ жарко.

— А я все-таки избу вашу хотѣлъ бы посмотрѣть.

— И въ избу сведу.

Подъ громаднымъ, чернымъ отъ старости шалашомъ толстый потолокъ изъ бревенъ и навозу, залитаго глиной, покрывалъ громадную землянку. Спустились внизъ по земляннымъ стертымъ ступенькамъ. Внизу было мрачно, темно—свѣтъ проходилъ только въ два крошечныхъ окошечка подъ самымъ потолкомъ. Сева увидалъ нары, человѣкъ на двадцать, опять-таки заваленныя старьемъ—попонами, лотками, опилками лаптей, люльками; оглядѣлъ разсѣвшуюся кирпичную печь, полати, столъ, занимавшій чуть не половину избы, щербатые чугуны на мокромъ земляномъ полу возлѣ печки,—въ нихъ, въ водѣ съ золой, выпаривались портки и рубахи.

— Но это ужасно!—сказалъ онъ, смѣясь.—Какъ же вы тутъ живете! Вѣдь васъ шестнадцать человѣкъ. И цѣлую зиму спите всѣ вмѣстѣ...

— Ничего тутъ нѣту ужаснаго,—сказалъ Лукьянъ Степановъ, что-то внимательно оглядывая подъ печкой, и вдругъ

махнулъ рогачомъ: изъ-подъ печки, раздувая золу, вылетѣлъ больной облѣзлый голубь.—Ничего тутъ нѣту, братецъ ты мой, ужаснаго. Девять лѣтъ прожилъ, какъ дай тебѣ Богъ прожить. Ни разу не угорѣли. Диво, а не изба. А теплынь какая! Зимой прямо хоть рубаху скидавай... Мы, братъ, люди земляные.

— Но сыро, должно-быть, ужасно?

— Наладилъ! Сыро, это правда... дюже сыро. Пойдемъ, свою охоту покажу.

Охота Лукьяна Степанова, его знаменитые на всю округу чернопѣгіе битюги помѣщались въ особомъ дворѣ, въ каменной, крытой тесомъ пристройкѣ къ новому дому. Отомкнули замки на высокихъ тесовыхъ воротахъ, вошли въ уютный квадратъ изъ денниковъ и амбарчиковъ съ крылечками и маленькими желѣзными дверками.

— Вотъ буду жить въ новомъ домѣ, проснусь такъ-то ночью, гляну, анъ мнѣ изъ залу все и видно, — сказалъ Лукьянъ Степановъ, показывая на окошечко, глядѣвшее изъ дома во дворъ.—Понялъ? Умно придумано? Истинно, какъ Адамъ въ раю, живу! Истинно, князь во князьяхъ!

Глаза его стали блестѣть. Денники тоже были на замкахъ. Отмыкая ихъ, онъ распахивалъ дверь, смѣло шелъ прямо къ заду лошади, оглаживалъ его и шелъ къ головѣ.

— Ты не ходи, не ходи!—кричалъ онъ изъ денника.—На порожкѣ постой. На-смерть убьетъ! Меня только одного подпущаютъ...

Страшныя траурныя лошади вздрагивали всей кожей, шарахались, храпѣли, косили огненными глазами. Гривы у нихъ были черныя, густыя, чуть не до земли. Раскормлены онѣ были на удивленіе, до желобовъ на спинахъ и крупахъ.

— А? Что? Каково?—глухо кричалъ Лукьянъ Степановъ изъ темноты.—Видалъ? А то Москва-а... Болѣ ста лѣтъ въ нашемъ роду этотъ самый заводъ, такой масти ни у кого во всей губерніи нѣту. Стану помирать, накажу цѣльную тройку запречь въ самую первую телѣгу,—тройкой гробъ помчать!

Потомъ, нагнувшись, переступилъ порогъ денничка, гдѣ стояла ладная перламутровая кобылка:

— А это моя любимица! Жемчужная лошадка называется. У, матушка! Любишь? Любишь?.. Любитъ, чтобъ ей носикъ чесать, страсть любитъ,—сказалъ онъ съ восторгомъ, обращаясь къ соскучившемуся гостю.

Все осмотрѣвъ и затворивъ, замкнувъ, онъ обрѣлъ самое прекрасное, ровное и ласковое расположеніе духа.

— Погоди, дурачокъ, погоди, посѣчешь!—говорилъ онъ,

удерживая гостя.—Пойдемъ чай пить. Ну, а не хочешь, да-вай такъ посидимъ, побалакаемъ...

Онъ сходилъ въ избу, принесъ скамью, сѣлъ; глубоко и довольно вздыхая, усадилъ Севу рядомъ съ собой.

— Эй, бабка!—закричалъ онъ на весь дворъ.—Старуха!

Толстая, сутулая старуха въ шерстяныхъ чулкахъ, въ очкахъ, съ наголенкомъ и спицами въ рукахъ, показалась изъ-за шалаша.

— Княгиню-то мою еще не видалъ?—спросилъ Лукьянъ Степановъ, кивая на нее. — Заодно ужъ и ее погляди. Умная палата! Она у меня тоже при дѣлу. За избой сидитъ, макъ стережетъ.

Старуха подошла и низко поклонилась.

— Ну, какъ?—спросилъ Лукьянъ Степановъ. — Сидишь? Никого не видать?

— Пока, слава Богу, никого. Да вѣдь знаютъ, что есть караулъ.

— Маку немножко для потѣхи посѣялъ,—сказалъ Лукьянъ Степановъ, не дослушавъ ее и обращаясь къ гостю.—Я этихъ тамъ маковъ, подсолнуховъ ни по чемъ не уважаю—для потѣхи только сѣю по малости, абы, абы ребятишкамъ хватило. Какъ сѣяли дѣды-прадѣды ржицу, такъ и намъ Богъ велѣлъ. Они только ее одные, матушку, знали, а цыгарки изъ трехрублевокъ вертѣли. Я, братецъ ты мой...

Старуха стояла и блестѣла мелькающими спицами, слушала, глядя исподлобья, изъ-за очковъ. Лукьянъ Степановъ слегка нахмурился.

— Ну, будя, послухала,—сказалъ онъ и махнулъ на нее рукой.—Что приглядываешься? На мнѣ узоровъ нѣту. Ступай, ступай отседа...

Вечерѣло. Галки, болтая, усаживались на рѣшетчатые колпаки на трубахъ новаго дома. Стали просыпаться спавшіе. Одинъ за однимъ прошли мимо, на прудъ, умываться, сыновья Лукьяна Степанова—угрюмые, густоволосые, крѣпкіе мужики. Ребенокъ, сидѣвшій въ ведрѣ, повалился вмѣстѣ съ ведромъ и кричалъ на весь дворъ. Сева простился.—„Ну, во святой часъ,—сказалъ Лукьянъ Степановъ:—подюжѣй учись“,—и Сева, вскочивъ на свою нервную кобылку, поѣхалъ по плотинѣ пруда. Вечерняя прохлада и тишина сходили на степь. Воробьи осыпали горѣлую, голую лозинку на плотинѣ сплошнымъ трескомъ, вечернимъ, уютнымъ. Желтоватая жидкая вода кишѣла возлѣ плотины мельчайшими вшами. Умывшійся мужикъ сидѣлъ на глиняномъ берегу распояской, отражался подъ берегомъ и глядѣлъ на оранжевое солнце,

садившееся за степью, за необъятной равниной, въ молочно-голубомъ сухомъ туманѣ. Жнивья были лимонныя. Пастушонокъ, съ раздутой губой, въ бараньей шапкѣ, медленно гналъ по нимъ стадо овецъ: „Ррръ!“. Онѣ двигались скопомъ, на ходу докармливаясь, съ шумомъ дыханія. Сева, отъѣхавъ отъ хутора, взглянулъ на его миръ и уютъ съ завистью, ударилъ плеткой по лошади и понесся вскачь, оставляя за собой столбъ пыли. Столбъ этотъ протянулся на версту и не опадалъ долго, долго, пока не стемнѣло...

В Москвѣ всю осень шли дожди. Мама не писала и не слала денегъ изъ деревни—опять съ любовницей связался. Мама хворала,—по крайней мѣрѣ, не принимали никого, говоря, что она хвораетъ. Принимали только одного Жедринскаго, стараго театрала, бритаго, очень полнаго и удивительно размытаго, страдавшаго одышкой, славившагося своими остротами на весь городъ. Въ ноябрѣ Люлю, неожиданно для всѣхъ, вышла за него замужъ. Теперь уже валилъ снѣгъ, ночью вверхъ по Тверской одна за одною неслись, гремя глухарями, тройки. Жедринскій, очень подружившійся съ Севой, какъ всегда проводилъ почи съ компаніями въ Стрѣльнѣ и бралъ его съ собою. Куря на морозѣ сигару, сидя въ дохѣ между женою и маленькой знаменитой артисткой, Жедринскій все наклонялся къ ней и остротами вполголоса заставлялъ ее хохотать до упаду и бить его по рукамъ. Люлю, въ дорогихъ легкихъ мѣхахъ, въ средневѣковомъ бархатномъ беретѣ, печальными, молящими глазами, уткнувъ лицо въ муфту необыкновенной величины, смотрѣла на сидящаго напротивъ молоденькаго сумскаго офицера. Его сосѣдъ, знаменитый пѣвецъ, съ лицомъ екатерининскаго вельможи, стриженый въ скобку, по-мужицки, но въ цилиндрѣ и медвѣжьей шубѣ, дѣлалъ лѣнивые, безстрастные глаза: ревновалъ. Люлю грустно думала:

— Я гадкая, гадкая...

Жизнь въ Стрѣльнѣ, у Яра только начиналась. Весело было входить туда, въ огни, тепло, блескъ зеркалъ, теплый воздухъ, пахнувшій сигарами, шампанскимъ и жареными рябчиками, отряхивать бертолетовую соль морознаго снѣга съ мѣховъ, кидать ихъ на руки ловкихъ людей въ поддевкахъ и помогать дамамъ, шуршащимъ шелкомъ юбокъ, раскраснѣвшимся и сіяющимъ съ мороза, разстегивать ботики!

А Лукьянъ Степановъ, мирно почевавшій со всѣмъ своимъ многочисленнымъ потомствомъ и телятами въ теплой земляной берлогѣ, уже третій разъ просыпался въ эту пору и босой выходилъ наверхъ, на скрипучій снѣгъ, подъ черно-синее небо и звѣзды.

Капри. 30. XII. 1912.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ.

Все было кончено: свели проданную скотину, увезли проданные экипажи, сбрую, мебель, настежь распахнули ворота варковъ и сараевъ, двери амбаровъ и конюшенъ: вездѣ было пусто, просторно, на дворѣ—хоть шаромъ покати.

Новый владѣлецъ, мѣщанинъ Ростовцевъ, извѣстилъ, что будетъ вечеромъ двадцатаго апрѣля. Въ тотъ же день, въ три часа, рѣшилъ уѣхать и Боейковъ; семью онъ отправилъ въ городъ еще двѣнадцатаго.

Изъ работниковъ осталось двое: солдатъ Петръ и Сашка. Они валялись по лавкамъ въ пустой кухнѣ, курили и то со смѣхомъ, то съ сожалѣніемъ говорили о прожившемся баринѣ. А онъ, одѣтый по-городскому, въ коричневой пиджачной парѣ и уланскомъ картузѣ съ желтымъ околышемъ, держа въ одной рукѣ костыль, въ другой табуретъ, ходилъ по дому. Какъ было свѣтло въ его нагихъ стѣнахъ! Растворяя двери изъ комнаты въ комнату, онъ влѣзалъ на табуретъ и задиралъ сверху внизъ засиженные мухами, отставшіе отъ стѣнъ обои: съ трескомъ и шумомъ падали на полъ огромные куски ихъ, съ исподу покрытые известкой и сухимъ клейстеромъ. Въ большой угловой комнатѣ обои были синіе съ золотомъ. Они поблекли, выцвѣли, но много было на нихъ и темныхъ овальныхъ кружковъ, квадратовъ: эта комната всегда была увѣшана дагеротипами и мелкими старинными гравюрами, а въ углу образами. Ободрать ее не удалось. Солнечный свѣтъ мягко проникалъ сквозь тонкія и тусклыя, выгорѣвшія стекла четырехъ большихъ оконъ. Вспоминая дѣтство, проведенное здѣсь, Боейковъ ударилъ костылемъ въ одно окно, въ другое... Стекла со звономъ посыпались на гнилые подоконники, на желтые восьмиугольники разсохшагося паркета. Въ дыры потянуло мягкимъ весеннимъ вѣтромъ, стали видны сѣрые кусты сирени.

Сѣвъ на табуретъ, Воейковъ рѣшилъ додумать и послѣднее.

Онъ сидѣлъ долго, снявъ картузъ, опустивъ широкую голову, причесанную на косой рядъ по-старинному—справа налѣво, съ косицами на виски. Снова и снова вспомнились дѣды, прадѣды, жившіе и умершіе въ этомъ домѣ, въ этой усадьбѣ: вспомнились чуть не всѣ имена борзыхъ, прославившихъ воейковскую охоту... Теперь захудалыхъ, обезображенныхъ голодомъ и старостью потомковъ ихъ осталось всего шесть штукъ... Они скоро поколѣютъ, конечно... Да, но не Гришкѣ же Ростовцеву оставить ихъ! Воейковъ поднялъ свое тяжелое смуглое лицо, все въ желчныхъ складкахъ и морщинахъ, съ черно-зелеными, крашеными усами. Темные глаза его блестѣли зло и строго.

Надѣвъ картузъ, стуча костылемъ, онъ вышелъ на крыльцо и крикнулъ черезъ дворъ въ кухню. На порогъ выскочилъ длинный Петръ и, какъ всегда при видѣ барина, нахмурился.

— Гдѣ собаки?—спросилъ Воейковъ.

Петръ глянулъ въ сѣнцы, по двору, въ садъ...

— Да, кажись, всѣ дома.

— Ну, вотъ и отлично,—громко и твердо крикнулъ Воейковъ.—Всѣхъ удавить. Получишь по четвертаку за каждую.

И, закуривая толстую короткую папиросу въ дорогомъ прокопченомъ мундштукѣ, сѣлъ на ступени крыльца. Петръ скрылся въ кухнѣ, удивилъ и обрадовалъ Сашку, быстро сообщивъ ему о рѣшеніи барина, нашелъ подъ лавкой веревку и снова вышелъ на порогъ, думая: съ какой начать?

Три нѣгихъ собаки лежали среди двора, на солнцѣ. Двѣ бѣлыхъ—въ тѣни, возлѣ сарая. Одна бѣжала отъ ельника по свѣтлой аллеѣ еще сквозного сада съ голыми зацвѣтающими яблонями, по розоватой весенней землѣ. Всѣ были стары, стара и эта—палевая сучка съ черными ушами, съ длинной сухой шерстью на тонкихъ жилистыхъ ногахъ. Петръ посвисталъ и похлопалъ себя по колѣнкѣ. Сучка направилась черезъ дворъ прямо къ нему, виляя густымъ загнутымъ хвостомъ, лизнула ему руку. Петръ накинулъ ей на шею веревку и, заскребая сапогами, побѣжалъ по двору къ саду. Схвативъ желѣзную лопатку, забытую въ углу сѣнецъ, коротконогій веселый Сашка побѣжалъ за нимъ.

Собака пошла сперва охотно. Но у воротъ сада вдругъ уперлась, взвилась и, завизжавъ, закувыркалась. Сашка на бѣгу поднялъ рогатый зелено-золотой яблоновый сукъ и нѣсколько разъ ударилъ ее по сухой спинѣ, оставляя на рогулькахъ лохмотья старой шерсти. Петръ бѣжалъ, держа веревку черезъ плечо и точно падая; собака, подскакивая, кидалась

по всѣ стороны, рвалась назадъ, приседая и отматывая, отрывая себѣ голову. Спавшія борзыя очнулись и стаей бросились катать ее.

— Отрыжь! — грозно гаркнулъ Воейковъ, вскочивъ съ крыльца.

Сашка лопатой разогналъ ихъ. А на деснахъ сучки, яростно грызшей веревку, показалась кровь, давясь, она защемила языкъ. Въ боковой аллеѣ изъ кустовъ акаціи Петръ пошелъ тише: она внезапно изнемогла, перестала сопротивляться, похудѣла еще болѣе, уже шаталась, путая задними ногами, и отставила опустившійся хвостъ. Когда Петръ перекинулъ веревку черезъ толстую вѣтвь раскидистаго клена, засыхающаго на перекресткѣ двухъ дорожекъ, и, быстро повернувшись къ нему правымъ плечомъ, рванулъ ее книзу, собака, взметнутая на дыбы, судорожно скорчивъ переднія лапы, сдѣлала усиліе удержаться на взрытой подъ кленомъ землѣ, но повисла, едва касаясь ея. Черно-лиловый языкъ ея высунулся, обнажились въ гримасѣ коралловыя десна, дневной свѣтъ, отраженный въ потухающихъ глазахъ винограднаго цвѣта, сталъ тускнѣть.

— Теперь молчи, не вякай,—сказалъ Петръ, усвоившій себѣ манеру шутить сумрачно.

Сашка, напѣвая женскимъ голосомъ, рылъ яму среди голыхъ кустовъ, покрытыхъ блѣдно-зелеными зернами почекъ. Вдали, на старыхъ деревьяхъ въ низахъ сада, шумѣли грачи. Кругомъ пѣли скворцы, стрекотала сорока, солнце сушило слежавшуюся листву въ корняхъ кустовъ, а Сашка твердо и съ удовольствіемъ наступалъ на блестящую лопату, легко уходившую въ рыхлую синюю землю и рѣзавшую надвое жирныхъ малиновыхъ червей. Подошелъ Андрей, стерегшій свою кобылу въ безхозяйномъ саду, молодой опрятный мужикъ съ деревни.

— За что такъ сказнили?—спросилъ онъ, улыбаясь.

— Значитъ, такъ приказано,—отвѣтилъ Петръ, все еще державшій веревку черезъ плечо.—На прощанье, значитъ. Всѣхъ велѣлъ къ смерти предать. Чтобъ никому не доставались.

— Горюетъ?

— Загорюешь. Все говоритъ: „Выхожу я одинъ на дорогу“... А ты, кажись, пристроился лошадь въ саду кормить? Смотри,— къ вечеру новый пріѣдетъ. У этого, братъ, не покормишь.

— Я къ вечеру стою,—сказалъ Андрей.

Онъ палкой приподнялъ подъ задъ собаку,—собака очнулась, зарычала, втягивая животъ,—и продолжалъ разсѣянно:

— А я тоже недавно собачонку удавилъ. Пристряла чья-то,

живетъ недѣлю, другую, брехать не брешетъ... Я подумалъ, подумалъ, взялъ да и удавилъ.

— Собакъ что, и людей, какіе позамѣчательнѣе, и то много казнятъ,—сказалъ Петръ.

— А ты что жъ, видалъ?

— Видѣть я этого никакъ не могъ. Никого не допускаютъ: ближнимъ даже и то нельзя. Мнѣ солдаты разсказывали. Сдѣлаютъ съ ночи висѣльницу, а на разусвѣтѣ приведутъ этого самаго злодѣя, палачъ мѣшокъ ему на голову надѣнетъ и подыметъ на резиновомъ канатѣ. Докторъ подойдетъ, глянетъ и сейчасъ говоритъ, удавился или нѣтъ... Тутъ же подъ висѣльницей и могила.

— Такъ безъ гробовъ и валятъ?

— А ты думалъ—подъ стекло?

— И такъ ни одинъ архитекторъ не найдетъ,—сказалъ, смѣясь, изъ кустовъ Сашка.

Петръ бросилъ веревку,—собака упала и осталась въ сидячемъ положеніи,—и сталъ закуривать..

— А потомъ, значитъ, станокъ этотъ на иную мѣсто переносятъ?—спросилъ Андрей.

— Куда нужно, туда и переносятъ.

— А за что жъ ихъ казнятъ?

— Понятно, не за хорошее. За всякія разновѣрія, за начальство, за разбой. Не буянь, не воруй...

— А палачъ-то этотъ самый, онъ что жъ, жалованье получаетъ?

— А какъ же. И харчи и одежу даютъ отличную.

— Смотри, отдышитъ,—пошутилъ Андрей и пошелъ къ лошади, трещавшей сушью въ чащѣ стараго вишенника.

— Небось,—сказалъ Петръ и крикнулъ Сашкѣ:—Готово, что ль?

Вмѣстѣ съ мраморными и желтыми, сухими и мокрыми листьями онъ потащилъ собаку къ ямѣ. Закидавъ яму землей, Сашка сталъ утаптывать ее, и влажная земля дышала подъ его сапогами.

— Ну, вѣчная память,—сказалъ онъ.—Намъ жить, поживать, тебѣ гнить.

И, вскинувъ лопату на плечо, пошелъ за Петромъ къ дому. Петръ на дворѣ остановился и, держа веревку за спиной, манилъ къ себѣ большого, уже сѣдѣющаго кобеля Черкеса.

— Съ одной, Борисъ Борисычъ, управились, закопали,— весело крикнулъ Сашка Воейкову, все еще сидѣвшему на крыльцѣ.

— Чего ржешь, болванъ?—строго осадилъ его Воейковъ. —

Какъ такъ закопали? Кто вамъ приказывалъ закапывать? Въ ельникѣ, на елкахъ повѣсить всѣхъ и такъ и оставить. Слышишь?

— Слушаю,—отвѣтилъ Сашка и кинулся помогать Петру.— Ну, скорѣй, что ль!—крикнулъ онъ шопотомъ.

Къ тремъ часамъ покончили со всѣми собаками. Теперь старая усадьба, тихая, безлюдная, дремлющая подъ лаской теплаго апрѣльскаго солнца, была совершенно пуста. Возбужденные, уморившіеся работники шли по аллеѣ и считали, сколько имъ приходится за работу.

— Ничего, отлично,—говорилъ Петръ съ сумрачной веселостью.—Полтора цѣлковыхъ. Будетъ намъ на поминки полный обѣдъ съ закуской.

Воейковъ, съ обнаженной головой, стоялъ у крыльца, крестился и кланялся дому.

— Прощайте,—строго сказалъ онъ, оборачивая свое энергичное темное лицо къ подошедшимъ.—Кончили?

— Кончили,—отвѣтили работники въ одинъ голосъ, снимая картузы.

— Получите.

Принимая деньги, Сашка поцѣловалъ его смуглую руку съ истончившимся обручальнымъ кольцомъ. Воейковъ, не мѣняя выраженія лица, обнялъ его и поцѣловалъ въ губы. Кивнулъ Петру. На мгновеніе глаза его перекосились, подернулись мутью. Но, надѣвъ картузъ, онъ сталъ еще строже и еще тверже сказалъ:

— Теперь можете итти. Я не велѣлъ Мирону заѣзжать за мной. Самъ къ нему зайду, отъ него поѣду. Я не телѣги стыжусь, а просто... не желаю.

И пошелъ къ воротамъ, не оборачиваясь.

Сашка сбѣгалъ въ лавку, и лавочникъ ржавымъ топоромъ отрубилъ ему на порогѣ кусокъ мокрой соленой свинины. Петръ поджидалъ его возлѣ винной лавки, на выгонѣ, близъ усадьбы. И, закусывая, они долго сидѣли на мелкой и яркой весенней травѣ. Вечеръ наступалъ розовый. Холодѣлъ воздухъ, и слышнѣе шумѣли, кричали грачи на старыхъ деревьяхъ въ сыроватыхъ низахъ сада. За сквозными верхушками ихъ уже сіяла небольшая ясная луна. А за рѣкой, въ золотомъ чистомъ блескѣ, садилось солнце,—и въ странно молчавшей усадьбѣ оранжево пламенѣли стекла настежь растворенаго мертваго дома.

Ростовцевъ, съ приказчикомъ, на бѣговыхъ дрожкахъ, пріѣхалъ поздно, когда деревня вся спала. Въ тишинѣ чуть звенѣла гайка на его колесѣ, когда онъ шагомъ въѣзжалъ

на бывшій войковскій дворъ. У крыльца онъ остановился и, съ трудомъ слѣзая, передалъ вожжи назадъ, приказчику. Приказчикъ поѣхалъ къ сараю отпрягать, а онъ, въ чуйкѣ и глубокомъ тепломъ картузѣ, разминая онѣмѣвшія отъ долгаго сидѣнія ноги, вошелъ въ домъ. Поклонился и онъ дому, снимая картузъ и набожно роняя волосы на порогѣ полныхъ мутнаго луннаго свѣта комнатъ. Всюду были завалены драными обоями полы въ нихъ. Проходя комнату за комнатой, внимательно и уже по-хозяйски строго вглядываясь во всѣ углы, онъ отшвыривалъ шуршавшіе куски сапогомъ и, качая головою, съ искренней горечью, бормоталъ:

— Ахъ, мошенники! Ахъ, невѣжи!

Въ полусумракѣ казалось, что комнатамъ конца нѣтъ. Было жутко въ обезображенной пустотѣ ихъ, въ этомъ остовѣ разореннаго чужого гнѣзда, столько лѣтъ жившаго своей особой и для всѣхъ Ростовцевыхъ загадочной, недоступной жизнью. Ростовцевъ повернулъ назадъ, вышелъ, горбясь и хмурясь, на крыльцо и, волнуемый нетерпѣніемъ поскорѣе осмотрѣть все, теперь свое, собственное, пошелъ въ садъ взглянуть на цвѣтъ яблонь: очень онъ надѣялся на садъ въ этомъ году. Но при розоватой лунѣ даже зоркіе глаза Ростовцева не могли отличить мелкаго бѣло-розоваго цвѣта отъ нагихъ сучковъ и почекъ. Онъ постоялъ, потянулъ носомъ, надѣясь взять обоняніемъ. Цвѣтомъ пахло, но слабо. Сильнѣе пахло холодной влажной землей, свѣжестью молодой травы. Въ глубокой тишинѣ четко и осторожно отдавалось по саду чоканье соловья, пробующаго въ низахъ голосъ. Ночь была нѣжная, свѣтлая, луна чуть туманная. Далеко сквозилъ садъ— и, повернувшись къ ельнику, Ростовцевъ вдругъ почувствовалъ, какъ у него зашевелились подъ картузомъ волосы: на сумрачной чащѣ высокихъ густыхъ елей стояло пять длинныхъ блѣдно-голубыхъ привидѣній. Внѣ себя отъ страха, онъ двинулся на нихъ... А черезъ минуту уже шелъ назадъ и бормоталъ съ еще большей горечью:

— Ахъ, мошенники! Ахъ, невѣжи!

— Думалъ въ домѣ лечь,—нарочно громко, на весь дворъ, сказалъ онъ, выходя на середину двора.—Да ну ихъ къ чорту. Тамъ жуть, безобразіе. Все ободралъ, старый дуракъ, собакъ всѣхъ повѣшалъ... Пойдемъ въ избу, авось наше дѣло не барское.

— Корысть не велика —громко и весело отвѣтилъ приказчикъ, подходя къ нему.—Ужъ чего, чего, а собакъ-то наживемъ... Съ новосельемъ васъ, Григорій Кискентинычъ!— сказалъ онъ, снимая картузъ и протягивая руку.

— Ну, будя, будя!—притворно-сердито отвѣтилъ Ростовцевъ.—Пойдемъ-ка спать...

Бросая на росистую траву двѣ тѣни, они пошли къ кухнѣ. Тамъ, на лавкѣ, при лунномъ свѣтѣ, они закусили колбасой и бѣлымъ хлѣбомъ, отрывисто переговариваясь, и легли голова къ головѣ, положивъ вмѣсто подушекъ свернутыя чуйки. Нужно было встать пораньше, чтобы встрѣтить подводы изъ города и начать приводить усадьбу въ порядокъ.

Но отъ нетерпѣнія ночь казалась Ростовцеву безконечной. Онъ просыпался и съ тоской видѣлъ розовый свѣтъ все на томъ же мѣстѣ—на своихъ голенищахъ. А, засыпая, вздрагивалъ: стѣной вставала передъ нимъ черно-зеленая чаща ельника, а на ней, въ ея строгомъ сумракѣ,—висящія собаки. Онъ перевертывался съ боку на бокъ и сердито ухмылялся своему малодушію.

Капри. 1. II. 1913.

СКАЗКА.

Идутъ съ сѣвера тучи и закрываютъ западъ, который еще даетъ невѣрный свѣтъ деревенской грязной улицѣ. Въ избѣ почти темно.

Баба разводитъ огонь на загнѣткѣ: набила въ чугунъ яицъ, хочетъ дѣлать яичницу. Въ другомъ чугунѣ, щербатомъ, она принесла изъ лавки два фунта гречневой крупы. Она поставила его на нары, и ребятишки, одинъ за другимъ, заголяясь, сошмыгнули съ печки, сѣли вокругъ чугуна, горстями, торопливо ѣдятъ крупу, закидывая назадъ головы, и отъ жадности дерутся.

На лавкѣ возлѣ стола, облокотясь на подоконникъ, сидитъ мелкопомѣстный баринъ, въ глубокихъ калошахъ, въ теплой поддевкѣ и каракулевой шапкѣ. Ему двадцать лѣтъ, онъ очень великъ, худъ и узкогрудъ. Глаза у него, какъ у многихъ чахоточныхъ, темные; ротъ большой, бѣлая тонкая шея со впадинами за ушами закутана розовымъ гарусным платкомъ жены. Онъ недавно женился на дочери винокура, но уже соскучился съ женой и ходитъ по вечерамъ къ сосѣду, къ Никифору: заставляетъ его разсказывать сказки и былп, плохо слушаетъ, но даритъ за работу то гривенникъ, то двугривенный.

Никифоръ мужикъ еще молодой, но сумрачный. Какъ попалъ онъ въ сказочники, ему самому непонятно. Началось съ шутки: разсказалъ однажды какой-то пустякъ, а барину понравилось.—смѣясь, онъ далъ на полбутылки и, зайдя на другой день, потребовалъ новаго разсказа. Пришлось вспоминать всякую чепуху, порою выдумывать что̀ попало, порою врать на себя всякую небылицу. Притворяться балагуромъ, сказочникомъ неловко, но неловко и сознаться, что нечего разсказывать. Да и какъ упустить заработокъ? Все-таки не

всегда засыпаютъ голодными ребятишки, закусишь и самъ иной разъ, купишь табаку, соли, мучицы, а не то, какъ вотъ нынче, крупы, яицъ.

Никифоръ сидитъ за столомъ, насупясь. Надо разсказывать, а ничего не придумаешь. Держа въ зубахъ трубку, вытянувъ верхнюю губу, глядя въ землю, онъ до зеленой пыли растираетъ на ладони надъ кисетомъ корешки, выгадывая время. Баринъ ждетъ спокойно, но ждетъ. Хворостъ подъ чугуномъ разгорается, но свѣтъ держится только возлѣ печки: уже не видно визжащихъ ребятишекъ, смутно и лицо барина. Однако Никифоръ не поднимаетъ глазъ, боясь выдать свое раздраженіе. Разсказывать нечего, но раздраженіе помогаетъ. Притворяясь думающимъ, онъ медленно, невыразительно начинаетъ:

— Старыя права были хитрыя... Вотъ такъ-то поѣхалъ одинъ мужикъ за дровами въ лѣсъ, дѣло было, конечно, зимой, самый холодъ былъ ужасный, и встрѣчается съ бариномъ... У мужика, конечно, лошадь плохая, а баринъ попался злой. Ну, встрѣвается съ нимъ, кричитъ: „сворачивай съ дороги“... Снѣгъ былъ глубокій, мужикъ съ дороги не сворачиваетъ, говоритъ: „куда жъ мнѣ сворачивать? вы, говоритъ, на тройкѣ, а я на одной, да еще съ возомъ“... Баринъ вскакиваетъ, сшибъ его съ ногъ долой, давай кутузкой гладить... Отгладилъ разъ, мужикъ отвѣчаетъ: „за вами, говоритъ, должокъ“. Баринъ глядитъ, что̀ такое онъ буровитъ, дуракъ, молъ, опять его кутузкой... И онъ его четыре раза поролъ, этотъ самый баринъ... Потомъ бросилъ его пороть и говоритъ на кучера: „ну, онъ, вѣрно, дуракъ, ну его къ чорту, сворачивай“... Поѣхалъ, значитъ, своей дорогой, а мужикъ своей. Пріѣзжаетъ домой, „ну, говоритъ, дѣвка, врядъ живъ буду; избилъ баринъ, вся тѣло синяя“... Мужикъ этотъ шесть недѣль отлежалъ отъ сильнаго удара...

Что̀ дальше, Никифоръ не знаетъ и, выгадывая время, насыпаетъ трубку. Затѣмъ продолжаетъ:

— Выздоровѣлъ, конечно, а онъ былъ плотникъ, и собирается въ дорогу. Положилъ въ мѣшокъ рубанокъ, аршинъ, топоръ... А барина этого была фамилія Шутовъ. Шелъ, шелъ, приходитъ, спрашиваетъ, гдѣ такой-то баринъ проживаетъ... Всходитъ на дворъ. Лакей выходитъ, говоритъ: „вы плотникъ?“ Говоритъ, плотникъ. „Васъ, говоритъ, баринъ требуетъ“. Приходитъ къ барину. „Вы, говоритъ, изъ рязанцевъ?“ Мужикъ отвѣчаетъ: „такъ точно“. „Вы, говоритъ, откуда?“—„Я, говоритъ, Тамбовской губерніи, Рязанскаго уѣзда“.—„Вотъ мнѣ нужно домъ сдѣлать“. Ну, конечно, до-

говорились цѣной, за двѣсти рублей. Написали между собой расписку, далъ пятьдесятъ рублей задатку... А у него былъ лѣсъ свой, у барина у этого... „Ну, говоритъ на барина, какъ бы намъ съѣздить посмотрѣть лѣсъ этотъ“. Велѣли запречь, сѣли, поѣхали. Пріѣзжаютъ. Мужикъ этотъ самый и говоритъ кучеру, „ты, говоритъ, ступай на опушку, а мы тутъ будемъ стоять“. Кучеръ отправляется, а мужикъ подходитъ сейчасъ къ дереву, раскололъ ее топоромъ, затесалъ клинъ и загналъ въ трещину...

Тутъ Никифоръ нагибается къ трубкѣ и поспѣшно закуриваетъ, стараясь не глядѣть на барина, растянувшаго ротъ въ ласковую, наивную улыбку. Табачная пыль въ трубкѣ горитъ синимъ огонькомъ. Никифоръ тушитъ его пальцемъ, пускаетъ дымъ и кашляетъ.

— Ну, раздвоилъ мужикъ эту дереву и давай нюхать въ середкѣ. Баринъ спрашиваетъ у мужика: „Что это ты, братецъ, нюхаешь?“—„А вотъ что нюхаю, узнаю, какой лѣсъ, сухъ ли будетъ“.—„Да твой носъ не чувствительный, дай-ка я понюхаю“... А мужику того и надо, вытолкнулъ клинъ, носъ-то бариновъ и прихватило какъ слѣдуетъ. А у этого мужика тоже плетка была трехвостовая; онъ поскорѣй ему брюки долой и давай этой плеткой полосовать... Онъ его до того далъ, то баринъ кричалъ, а то и кричать пересталъ... „Ну, говоритъ, еще два раза за тобой“. Сѣлъ на лошадь— и часъ добрый. Кучеръ приходитъ — лошади, саней нѣту, а баринъ у деревѣ носомъ забитъ, и тѣло вся изрублена до живого мяса...

— Очень глупо, — говоритъ баринъ, улыбаясь, и косится на загнѣтку, откуда тянетъ шипящей въ салѣ яичницей.

Теперь пламя подъ чугуномъ совсѣмъ красно, въ избѣ совсѣмъ темно. Дѣти, доѣвъ сырую крупу до зернышка, слушаютъ отца. А онъ небрежно отвѣчаетъ барину:

— Старики чего не наплетутъ... Конечно, сказка.

— И предурацкая,—говоритъ баринъ.—Ну, ну, продолжай.

— Да что жъ тутъ продолжать. Баринъ, конечно, заболѣлъ, чуть не померъ, мѣсяца два больной былъ, а мужикъ прослышалъ объ этомъ и заявляется къ нему докторомъ. Выходитъ опять лакей. „Вы, говоритъ, изъ докторовъ?“ Говоритъ, изъ докторовъ. „Васъ, говоритъ, баринъ требуетъ“. Мужикъ всходитъ прямо въ домъ, велитъ самоваръ ставить. (А тогда, въ старину, кто зналъ эти самовары!) Принесли самоваръ, закуски наклали, бѣлаго хлѣба... Мужикъ напился, наѣлся какъ надо, потомъ идетъ свидѣтельствовать, чѣмъ онъ нездоровъ. Обнаготилъ его всего, „это вы, говоритъ, отъ

побоевъ нездоровы, что, говоритъ, у васъ баня есть?" Онъ отвѣчаетъ: есть. Сейчасъ приказалъ натопить баню, велитъ несть барина въ баню на простынѣ, растирку дѣлать. Лакей съ кучеромъ понесли, а онъ и говоритъ: „Погоди, говоритъ, я съ тебя спущу шкуру-то, дай только выздоровѣть". А этотъ мужикъ идетъ сзади и говоритъ: „Погоди, погоди, я съ тебя еще половчѣе спущу"... Начинаетъ его парить, а на лакея съ кучеромъ сказалъ: „вы можете отсюда удалиться". Тѣ ушли, остался докторъ, мужикъ этотъ самый, съ бариномъ одинъ-на-одинъ въ банѣ... Онъ его паритъ, а баринъ говоритъ: „вы вотъ тутъ-то да вотъ тутъ-то". Онъ какъ выхватитъ трехвостку, да вдоль хрипа—разъ! „А тутъ-то, молъ, не надо?" До тѣхъ поръ его парилъ, чуть живого оставилъ, да въ холодную воду головой. Приходитъ въ домъ, говоритъ барынѣ: „мнѣ баринъ приказалъ сто рублей выдать"... Получилъ денежки и отправился ко двору. А барина чуть живого вытащили, ужъ бульки сталъ пускать и весь кровью подплылъ...

Приложивъ къ краямъ чугуна ветошки, баба несетъ его отъ печки и ставитъ на столъ. Потомъ рѣжетъ на ломти краюшку хлѣба, вдавливая ее себѣ въ грудь.

— Кушайте на здоровье,—говоритъ она притворно, кладя по ломтю передъ барикомъ и передъ Никифоромъ.

— А ты-то что жъ?—спрашиваетъ Никифоръ.

— Да мнѣ чтой-то не хочется. У меня отъ ней изжога всегда...

— Ну, а я не любитель до ней...

Яицъ всего десятокъ, хлѣба тоже мало, но такъ вкусно пахнетъ саломъ и хлѣбомъ, что баринъ, пересиливая неловкость, съ дѣланной беззаботностью, снимаетъ съ нагрѣтой головы шапку.

— Ну, а я глазокъ съѣмъ,—говоритъ онъ, придвигая къ себѣ чугунъ и берясь за деревянную шершавую ложку.

Онъ, обжигаясь, ѣстъ и съ улыбкой мотаетъ головой, дѣлая видъ, что думаетъ о сказкѣ.

— Очень глупо!—говоритъ онъ съ удовольствіемъ.

Никифоръ злобно глядитъ на его маленькую голову, на его мягкіе волосы, причесанные на косой рядъ и приглаженные шапкой. Ему такъ жалко яичницы, такъ противенъ аппетитъ барина, что рука такъ и тянется схватить со стола засиженную мухами скалку и со всей силы ударить по баринову черепу.

— А глупо, вы бы не слушали,—говоритъ онъ.

— Нѣтъ, ужъ разсказывай до конца,—отвѣчаетъ баринъ,

заставляя себя положить ложку и отодвинуться.—Чѣмъ же дѣло-то кончилось?—спрашиваетъ онъ, между тѣмъ какъ баба беретъ чугунъ и несетъ его на нары, къ дѣтямъ.

— А тѣмъ и кончилось,—говоритъ Никифоръ,—что окончательно предалъ къ землѣ мужикъ этого самаго барина... Онъ послѣ этой самой бани опять мѣсяца три больной отдернулъ... То охотой прежде занимался, а тутъ и охоту свою забылъ... Лежитъ и обѣщается: „Вотъ какъ выздоровлю, поѣду по святымъ мѣстамъ молиться“. А мужикъ этотъ прослышалъ, что онъ хочетъ шинель себѣ походный шить, моментально разжился себѣ иглу, аршинъ взялъ и приходитъ на дворъ къ барину. Конечно, его сейчасъ увидали. „Это, говорятъ, портной, его-то намъ и надо“... Призываютъ въ домъ, баринъ говоритъ, „мнѣ нуженъ, говоритъ, шинель изъ такого-то вотъ матерія“, а мужикъ с'отроду не видалъ даже, какъ крають. Подумалъ и говоритъ: „Этого сукна, говоритъ, не хватаетъ, надо въ городъ посылать“. Баринъ подошелъ, глянулъ и прямо велитъ въ городъ ѣхать. Сейчасъ запрегъ кучеръ лошадей, барыня сѣла въ сани и въ городъ, а мужикъ сидитъ, складываетъ это сукно, какъ мѣшокъ. Баринъ говоритъ, „что это ты дѣлаешь, портной?“—„А вотъ я что дѣлаю: я сперва наживлю, а потомъ на васъ надѣну, мѣрку сниму“... Надѣлъ на него этотъ мѣшокъ, „вы, говоритъ, только руки подберите“... Сейчасъ нитку ссучилъ, подпоясалъ его совсѣмъ съ руками, да какъ выхватитъ плетку да давай охаживать черезъ морду, по чемъ попало! До тѣхъ поръ его поролъ, пока кричать пересталъ... Подобралъ сукно да драло...

— Однако ты не изобрѣтателенъ!—говоритъ баринъ.—Это даже скучнѣй сказки про бѣлаго бычка.

Никифоръ и самъ чувствуетъ, что конецъ сказки, несмотря на все его раздраженіе, вышелъ слабъ, и, краснѣя отъ стыда, спѣшитъ вывернуться.

— Какъ такъ про бѣлаго бычка?—спрашиваетъ онъ, подшибая лицо и въ упоръ глядя сквозь темноту на барина.—Вы не дослушали, а говорите, сами не знаете что. Онъ его не одной плеткой, а еще и аршиномъ желѣзнымъ перекрестилъ какъ слѣдуетъ... А потомъ нанялъ трехъ лихачей и прямо къ нему. Подъѣзжаетъ и прямо въ домъ нахрапомъ. Барыня выскочила со страху въ одной рубашкѣ въ родѣ какъ Баба и Яга, онъ ей разъ въ душу наотмашь и прямо въ спальню. Расшибъ всю прислугу къ чортовой матери—и давай его добивать... Онъ ему, говорятъ, всѣ руки, ноги переломалъ, до того билъ. Барыня заявилась, а онъ ужъ убитый лежитъ... „Ну, говоритъ, теперь похвалялись“... Выскочилъ въ

окно и прямо чрезъ садъ.—оттуда и видѣли... Тамъ „ахъ, ахъ", „лови, лови", а его ужъ и слѣдъ простылъ...

Грубымъ тономъ сказавъ послѣднія слова, Никифиръ смолкаетъ. Молчитъ отъ неловкости за него и баринъ. Никифоръ это чувствуетъ и пытается убожество своей выдумки оправдать нравоученіемъ:

— Да и вѣрно,—говоритъ онъ, глядя въ сторону.—Не наказывай зря. Вы вотъ еще молоды, а я этихъ побасокъ мальчишкой конца-краю нѣту сколько наслушался. Значитъ, въ старину-то тоже не медъ былъ...

— Разумѣется, не медъ, — отвѣчаетъ баринъ, поглядывая въ окошечко и напѣвая.—Разумѣется, не медъ,—вздыхаетъ онъ.—А дождь-то опять, кажись, пошелъ... Чортъ знаетъ, что такое! Скажи, на твое настроеніе очень дѣйствуетъ такая погода, или тебѣ все равно?

— Какъ же такъ все равно?—дѣловито говоритъ Никифоръ. — Конечно, жалко. Да у меня-то еще милость: и строенья-то всего одна изба... А, конечно, и та прѣетъ, протекаетъ... Желѣзная крыша, и та ржавѣетъ, не то что солома...

Баринъ, легонько усмѣхнувшись, медленно надѣваетъ шапку, медленно застегивается. Въ избѣ темь,—слѣдовало бы дать хоть гривенникъ на керосинъ. Но нынче давать особенно неловко.

Думая о дурацкой сказкѣ, онъ бредетъ въ темнотѣ, подъ мелкимъ дождемъ, къ своей жалкой усадьбѣ, мимо ограды старенькой церкви. За оградой, слабо освѣщая могилы, горитъ фонарь: церковь недавно обокрали. И говорятъ, что Никифоръ пропивалъ въ шинкѣ на большой дорогѣ мелкіе складни.

Анакапри. 12. III. 1913.

БУДНИ.

Казалось, что вѣчно будутъ стоять по горизонтамъ эти блѣдно-синѣющія тучки, подъ которыми сѣрѣли соломенныя крыши, зеленѣли лозины и пестрѣли разноцвѣтныя клѣтки окрестныхъ полей. Іюньскій день безъ солнца былъ особенно дологъ.

Поповъ сынъ, у котораго гостилъ семинаристъ Случевскій, возилъ съ попомъ навозъ. Ворота, возлѣ длинной бѣлой хаты, были открыты настежь. Двѣ испачканныхъ коричневой жижей телѣги, двѣ сытыхъ лошади стояли среди взрытаго двора на варкѣ. Поповъ сынъ ворочалъ за троихъ: глубоко поддѣвалъ вилами горячіе пласты и, подставивъ подъ вилы лѣвое колѣно, вздиралъ ихъ съ сочнымъ трескомъ. Попъ, черный, высокій человѣкъ, въ одной рубахѣ, въ розовыхъ подштаникахъ и мужицкихъ сапогахъ съ опустившимися голенищами, не отставалъ: бодро трясъ по плечамъ синими волосами, запуская въ навозъ вилы, и крѣпко шлепалъ по возу дымящимися ломтями, перевертывая ихъ. Выходили изъ воротъ и отецъ и сынъ съ потными лицами, но возбужденные, довольные предстоящимъ въ пути на-поле долгимъ отдыхомъ.

— Господинъ Шаляпинъ, присоединяйтесь-ка къ намъ!— весело крикнулъ попъ, идя за колесами, держа въ рукахъ веревочныя вожжи и развѣвая на ходу легкія полы незастегнутаго подрясника.

Семинаристъ, сидѣвшій на крыльцѣ, почувствовалъ въ этой шуткѣ фальшивую, корыстную ноту, однако не сдался.

— Да вотъ та-то и бѣда, что Шаляпинъ,—отозвался онъ.— Запотѣешь, охватитъ вѣтромъ,—и готовъ. Съ голосомъ, о. Петръ, нельзя шутить. А то бы я съ величайшимъ удовольствіемъ.

Семинаристъ, темноглазый юноша съ широкимъ, блѣднымъ и важнымъ лицомъ, смотрѣлъ на удаляющіяся телѣги, на сѣро-сиреневую дорогу и на потные, ржавые клоки, раскиданные по ней. Прошелъ мимо дьячокъ, пріостановился, пожаловался на свою судьбу и опять разсказалъ о своемъ покойномъ сынѣ. Огромныя, красно-лиловыя руки его, разбитыя старостью и пьянствомъ, лежали на костылѣ и все время ходили, шатали костыль. Огромные дегтярные сапоги глядѣли изъ-подъ коричневаго подрясника. Серебряная медаль на красной ленточкѣ украшала грудь. Лицо и крупный носъ были розовы, мясисты, въ рытвинахъ. Выпученные гноящіеся глаза, какъ всегда, плакали; темно-рыжіе волосы, заплетенные въ косу, жестко вились, какъ у старухъ-пьяницъ. А говорилъ дьячокъ однотонно, съ трудомъ выбивая каждый слогъ: каждый слогъ его дрожалъ, прыгалъ.

— Отцу Петру счастье!—говорилъ онъ.—У него помощникъ есть. А мой—лежитъ себѣ въ могилкѣ! Росъ—восхищалъ всѣхъ. Бывало, похвалюсь имъ: „У меня не сынъ, а геній!“. А всѣ говорятъ: „Если выйдетъ въ васъ, Степанычъ, лучше всякаго генія будетъ“. Выросъ,—такъ, вѣрите ли, хозяйственнѣе его во всемъ селѣ не было! Чахотка въ послѣднемъ градусѣ, а и умеръ, не поддался. „Вы должны на-дняхъ умереть“,—говоритъ фельдшеръ.—„Нѣтъ,—говоритъ,—не могу я, не свозивши рожь, умереть“. Скосили мы, связали, сидитъ зарей на крыльцѣ, смотритъ на облака, а я ему и говорю: „Что это ты сидишь, смотришь?“ А онъ и говоритъ: „Давайте, папашъ, покуда погодка, на двухъ подводахъ возить“.—„Да Богъ съ тобой, куда тебѣ возить! Я мужика хотѣлъ нанять“.—„Не надо, не надо, сами управимся“.—„Какъ же, — говорю, — управимся: ее, ржи одной, тридцать четыре копны“. А онъ все свое... Такъ, вѣрите ли, по двѣнадцати разъ въ день на-поле леталъ! И отдыхать не отдыхалъ,—сядетъ въ холодокъ, выпьетъ кваску—и опять въ телѣгу. Меня — и то уходилъ. Чуть свѣтъ, еще пѣтухи не крикнутъ, а онъ ужъ подымаетъ: „Вставайте, вставайте скорѣй, тучки заходятъ“... Въ три дня все кончили—и свезли, и обмолотили, и солому прибрали... Гонитъ меня за вѣялкой, взялъ я вѣялку у Данилкиныхъ, обвѣяли, подмели токъ... Какъ послѣднее зерно въ амбаръ,—входитъ въ избу и говоритъ: „Ну, вотъ теперь дѣло другое. Гдѣ, папашъ, свѣчи? Зажигайте свѣчи“. Зажгли свѣчи у образовъ, онъ легъ на диванъ—и кашъ!

„Недурно“,—иронически думалъ семинаристъ, слушая.

По уходѣ дьячка онъ взялъ тросточку, надѣлъ новенькую

сѣрую шляпу, накинулъ на плечи серебристый дождевикъ и
шобрелъ по деревнѣ. Выйдя на выгонъ, онъ посмотрѣлъ на
церковь, блѣдно бѣлѣвшую на тучѣ, посмотрѣлъ на рас-
крытыя окна казенной винной лавки; хотѣлъ-было зайти по-
болтать къ сидѣльцу, но раздумалъ и пошелъ по направленію
къ погосту. Сидѣлецъ былъ отравленъ страстью къ чтенію.
Съ утра до вечера лежалъ онъ на своей высокой двуспальной
кровати, опершись на локти, и страница за страницей пожи-
ралъ „Вокругъ Свѣта“. „Сейчасъ, сейчасъ,—торопливо бор-
моталъ онъ въ отвѣтъ на привѣтствіе.—Дайте только до точки
дочитаться“... А бесѣдуя съ гостемъ, не слушалъ его, невпо-
падъ смѣялся, ждалъ, когда гость уйдетъ. Поминутно отры-
ваемый отъ книги то женой, то мужиками, онъ кидалъ на
нихъ растерянные, шальные взгляды. „Коровѣ пора мѣсить!“—
злобно кричала жена, отворивъ дверь. „Еще четвертку поско-
рѣе!“ — радостно оралъ мужикъ, заглядывая въ раскрытое
окно. А онъ не понималъ, кто и куда зоветъ его. Въ головѣ
его путались острова Тихаго океана и преріи, Южный Крестъ
и Гренландія, Бразилія и кафры, голландскіе колонисты и
гдавы, рѣки въ тропическихъ чащахъ и гиппопотамы... „И
при чемъ тутъ Тихій океанъ?“—думалъ семинаристъ, шагая
по безлюдной улицѣ. Навстрѣчу ему шелъ десятскій, длин-
ный, въ красной рубахѣ, въ разбитыхъ сапогахъ, изъ кото-
рыхъ одинъ былъ связанъ по ступнѣ веревкой. На плечѣ его
лежала одностволка.

— Куда это?—спросилъ семинаристъ.

— Грачей наказывать,—отвѣтилъ десятскій.

Десятскій былъ человѣкъ знакомый: не разъ приходилъ
просить газетъ на цыгарки. Полуразсыпавшаяся изба его
стояла на краю деревни, рядомъ съ погостомъ. Когда семи-
наристъ проходилъ мимо, въ ея разбитое окно съ кудах-
таньемъ влетѣла курица. За избой пустовало гумно, безъ
соломы и безъ риги, валялись, зарастая травой, однозубыя
вилы, перевернутый вверхъ дномъ телѣжный ящикъ съ двумя
новыми, желтыми ребрами, высохшая дегтярка... На лозинѣ
вверхъ головой висѣлъ дохлый цыпленокъ—пугало, хотя отпу-
гивать было некого и не отъ чего. Гордый своей отчужден-
ностью отъ этого жалкаго быта, своими мечтами о Москвѣ
и консерваторіи, семинаристъ вышелъ на погостъ, на бугоръ
за деревней, небрежно откидывая голову, выставляя кадыкъ,
посвистывая, шурша серебристымъ плащомъ.

На погостѣ, среди репьевъ, татарокъ и могильныхъ бугровъ
бродила рыжая лошадь съ палевой гривой. Помахивая жид-
кимъ хвостомъ, она щипала мелкую, сухую траву. На боль-

той свѣжей могилѣ, на холмикѣ изъ сизой разсыпчатой глины, лежалъ, съ головой накрывшись армякомъ, мужикъ. Смиренно, съ опущенными хвостами, тихо переговариваясь, гуляли индюшки лавочника. Гуськомъ тянулись онѣ къ мужику—и вдругъ всѣ разомъ пускались бѣжать, а, добѣжавъ, вклевывались въ его армякъ, въ голову. Мужикъ вскакивалъ, запускалъ въ нихъ горстями глины: индюшки подпрыгивали, треща перьями... Сдѣлавъ видъ, что не замѣчаетъ мужика, семинаристъ прошелъ мимо.

Надъ господскими могилами росли двѣ березки. Когда-то ихъ окружала деревянная ограда, за оградой стояла скамья. „Буду приходить сюда, сидѣть, вспоминать и грустить“,—думалъ тотъ, кто дѣлалъ все это. И ни разу не пришелъ. А деревня мало-по-малу разломала, растаскала и ограду и скамью. Свиньи взрыли могильные бугры, телята обглодали стволы березокъ... Съ иронической улыбкой посвистывая, семинаристъ повернулъ назадъ. Поблизости отъ той могилы, на которой старался уснуть мужикъ, стоялъ гнилой голубецъ. Изъ него выпорхнула мухоловка. Семинаристъ подошелъ: въ голубцѣ, рядомъ съ фольговой радужной иконкой, лежало круглое гнѣздышко. Отъ скуки семинаристъ хотѣлъ вытащить его, разсмотрѣть, разодрать и бросить. Но мужикъ открылъ глазъ и пристально посмотрѣлъ изъ-подъ армяка.

— Отдѣлались?—спросилъ онъ.

Вопросъ былъ неожиданный. Семинаристъ обернулся и поднялъ брови.

— То-есть какъ это?—сказалъ онъ.

— А такъ. Отучились?

Семинаристъ не спѣша пропелъ къ сосѣднему могильному бугру.

— А, ты вотъ про что!—сказалъ онъ, садясь и съ притворной разсѣянностью поглядывая вокругъ.—Да, до осени отучился. А ты откуда?

— Я изъ Разсохина,—отвѣтилъ мужикъ.—Изъ волости ѣду. Ѣхалъ и думаю,—дай, молъ, лошадь маленько покормлю... А вы? Духовные?

— Да... Но, главнымъ образомъ, пѣнію учусь.

— Какъ, то-есть, пѣнію?—спросилъ мужикъ, зѣвая.—Хоръ, значитъ, будете задавать?

— Нѣтъ, братъ, не хоръ,—сказалъ семинаристъ и оперся на трость.—Я на сценѣ буду пѣть. Да ты, впрочемъ, этого не поймешь... Я въ театръ готовлюсь.

Мужикъ усмѣхнулся.

— Ну, пѣть, это я даже очень хорошо могу понять.—

отвѣтилъ онъ.—Ну, только это совсѣмъ никуда, совсѣмъ скверно. Этакъ вы много не наживете.

— Да что̀ ты!

— Вѣрное слово,—сказалъ мужикъ спокойно и увѣренно.—Тамъ вы добра не пріобрѣтете. Нѣтъ, вы ужъ лучше по церковному ступайте, либо по своему рукомеслу,—куръ да ситники съ народа огребать. А въ театрѣ нѣтъ—это ужъ самое послѣднее дѣло.

— Да чѣмъ же послѣднее?

— А такъ, что совсѣмъ послѣднее. Тамъ чепуха одна идетъ. Вы лучше мое готовое слушайте, я ужъ плохого не скажу. Я не простой, я бывалый человѣкъ. Я отъ этихъ мужиковъ теперь отбился, я все лѣто прошлый годъ въ Липецкѣ прожилъ. Со всякимъ могу теперь поговорить...

Скучно синѣло по горизонтамъ низкое облачное небо, блѣдно зеленѣли хлѣба на противоположномъ косогорѣ,—поневолѣ приходилось довольствоваться и такой бесѣдой. Вынувъ плетеный портсигаръ, семинаристъ закурилъ папиросу, другую протянулъ мужику. Мужикъ осторожно взялъ.

— Вотъ это покорнѣйше благодаримъ,—сказалъ онъ, зажигая сѣрникъ, и, пустивъ дымъ въ ноздри, посмотрѣвъ на папиросу, отрывисто спросилъ:

— Асмолова?

Семинаристъ напомнилъ ему о театрѣ.

— А вотъ слушайте,—сказалъ мужикъ.—Я этихъ театровъ ни по чемъ не уважаю. Тамъ, прямо надо говорить, черти живутъ. Разъ куренье тамъ есть,—значитъ и водка есть. А ужъ гдѣ водка, тамъ и бабъ не миновать... Нѣтъ, отъ этого вамъ надо подальше куда подаваться! Вотъ кто, къ примѣру, по монастырямъ живетъ, монахи,—тѣмъ хорошо, имъ ничего не бываетъ: гуляй, бѣсись,—и вся недолга. Есть чистые борова̀, домовые! Цѣльную жизнь бражничаютъ, весь вѣкъ въ томъ протекаютъ. А въ театрахъ,—тамъ водка, бабье, ну, конечно, и онъ тутъ же вертится. Ужъ гдѣ вино, тамъ безпримѣнно онъ.

— Это ты про чорта, что ли?—спросилъ семинаристъ.

— А то про кого же? Конечно, про него. Да и вѣрно. Тамъ, куда ни качнись, вездѣ онъ. Я давно объ этомъ понимаю. Что̀ тамъ хорошаго? Я такой-то, и то туда не пойду. Тошавый человѣкъ туда и не показывайся,—на троякъ тамъ не разыграешься. А ѣздятъ туда бабье это самое, разныя бабы шальныя, да купечество: долги свои заверсталъ,—и вали... Я въ этомъ Липецкѣ всего наглядѣлся. Тамъ въ трехъ верстахъ садъ есть, ну, вотъ туда и ѣздятъ всѣ. Забираютъ

съ собой ветчину, колбасу копченую, наливки... Пріѣдутъ и кружатся цѣлый день. Посуду бьютъ, бузуютъ—прямо не судомъ. Старуха съ дѣдомъ не успѣваютъ самоваръ кипятить...

Семинаристъ небрежно сказалъ:

— Ну, вотъ и видно, что ты ничего не понимаешь, несешь чепуху, и все путаешь. То грѣхъ, а то—„на троякъ не разыграешься“...

— Обязательно такъ!—твердо сказалъ мужикъ.—По капиталу глядя, конечно, можно, а такимъ-то, какъ мы съ вами, голопитаннымъ, зачѣмъ туда соваться? „Грѣхъ“!—ухмыльнулся онъ.—Согрѣшить, братъ, недолго. Я вонъ вчера всю ночь не заснулъ. Не утерпѣлъ, свинью зарѣзалъ,—разбаловался на сладкихъ-то харчахъ въ Липецкѣ. Да какой тамъ,—и съѣлъ-то всего кусочекъ, а она, свинья эта, мнѣ спать не дала. Забудусь, забудусь, а она и вотъ она,—подымается туша, прямо на меня идетъ... Вотъ что дѣлаетъ! И, значитъ, нельзя ѣсть мясное. Спожинки,—можно мясо ѣсть, глядя по капиталу, а Петровки,—онѣ, братъ, Великому посту не уступятъ... Нѣтъ, со мной трудно спорить!—сказалъ мужикъ твердо.—Плюсъ на минусъ взаимно уничтожается.

Семинаристъ вздернулъ плечами.

— Чортъ знаетъ что!—проговорилъ онъ, помолчавъ.—Несешь и съ Дона и съ моря... Ну, а скажи, пожалуйста: какъ относятся къ тебѣ твои односельчане? За кого они считаютъ тебя?

— Никакъ они ко мнѣ не могутъ относиться,—сказалъ мужикъ.—Умнѣй меня во всемъ селѣ нѣту. Обойди всѣхъ, спроси: кто дѣльнѣе по хозяйству Назаръ Павлова Протасова? Анъ никого и нѣту! Со мной старики, и то совѣтоваться приходятъ.

— А несешь чепуху?

— Какую-такую чепуху? Воспитанья на васъ нѣту хорошаго, вотъ и „чепуху“... Вонъ у насъ сапожникъ есть... Первое дѣло, какъ выпилъ, сейчасъ за ребятъ: у него ихъ цѣлая война, человѣкъ двѣнадцать... Такъ они винтомъ отъ него, кто куда гораздъ! А воспиталъ отлично! Ты не гляди, что онъ пьяный: такъ, братъ, воспиталъ,—по лычку ходятъ! А, конечно, теперь всѣмъ воля дана... Женщину, напримѣръ, взять: отъ кого вся сумятица въ государствѣ идетъ? Опять же отъ ней. Она теперь во всѣ предсѣданія допущена большое количество, а куда она годится? Хоть имъ теперь тоже хорошее ученье пошло, ну, а все-таки мужчина-то немножко подѣльнѣе будетъ!

— Чортъ знаетъ что!—повторилъ семинаристъ, глядя на

его густую чубарую бороду.—Что такое у тебя въ головѣ творится? То садъ, то театръ, то женщины... Ну, скажи на милость, какое отношеніе можетъ имѣть этотъ дурацкій садъ къ театру?

— А такое, — отвѣтилъ мужикъ еще увѣреннѣе. — Такое, что безъ этого ему никуда податься нельзя.

— Кому ему?

— Запѣвалѣ главному, вотъ кому. Онъ тамъ, въ саду-то въ этомъ, вылупитъ стаканъ али два хорошихъ — и оретъ, альни ребра трещатъ... Онъ ужъ не можетъ безъ этого.

— Да позволь: какой-такой запѣвала?

— Говорю же вамъ — главный запѣвала. Главачъ этихъ самыхъ пѣвцовъ. Натощакъ онъ никакъ не станетъ для нихъ глотку рвать.

— И опять чепуха, — сказалъ семинаристъ. — Пѣвцамъ и совсѣмъ нельзя пить. Отъ этого голосъ портится.

Мужикъ ухмыльнулся, поднялся и сѣлъ.

— Ну, нѣтъ, не чепуха! — сказалъ онъ. — Не можетъ отъ ней голосъ портиться. Отъ ней голосъ не хуже, а много тверже, злѣй становится. Какъ же можно ровнять! Отъ вина человѣкъ сердитѣй дѣлается, ему тогда все ни по чемъ. Онъ прямо самъ не свой, когда душу свою наспиртуетъ. Вы попробуйте-ка ея, сивухи-то нашей. Она слѣпому глаза продеретъ!

Семинаристъ, махнувъ рукой, облокотился на колѣни и сталъ осторожно давить концомъ трости красныхъ козявокъ, парами ползавшихъ возлѣ его ногъ. Мужикъ что-то думалъ, глядя въ землю.

— Нѣтъ, этотъ жребій вашъ—жестокій,—сказалъ онъ съ сожалѣніемъ.—Жестокая ваша задача. Театры—это какъ все равно звѣрильница, али, скажемъ, цырульная простая... Какъ эти звѣри тамъ ревутъ, такъ я такой страсти прямо сотроду не видывалъ! Настоятель ходитъ,—какъ какой зритель захочетъ, чтобъ звѣрь всталъ, онъ его сейчасъ желѣзнымъ прутомъ... Хочетъ, не хочетъ, а обязательно подымается.

— Здравствуйте!—сказалъ семинаристъ.—Еще и цырульня на сцену появилась. Она-то тутъ при чемъ?

— Такъ, тамъ все есть... Только я этого, говорю, никакъ не уважаю. Разъ тамъ молитвеннаго нѣту, всѣ эти театры, звѣрильницы, цырульни всякія надо запечатывать и скилеты всѣ переломать... Вонъ у меня родственникъ есть. Изъ себя такъ, писаришка простой, а голосъ — прямо бѣда. Молодой еще человѣкъ, а пить страшный здоровый, любитель до вина.

Залѣзъ недавно на крышу и зѣваетъ на все село. Это что жъ, прилично?

— Но зачѣмъ же на крышу-то?

— А спроси его! Чума его знаетъ, зачѣмъ. Съ сестрой вотъ это они, правда, хорошо поютъ. Его сестра въ городѣ живетъ, на машинкѣ работаетъ. Она хоть чахоточная, а голосъ много складнѣй, чѣмъ у него, хоть подъ кого подтянетъ. Какъ пріѣдетъ къ нему, сядутъ зарей возлѣ избѣ и поютъ. И не что-нибудь, не мужицкія наши пѣсни, а все „Накинувъ плащъ“, либо „Ахъ, ты, воля моя, воля“... Хорошо выходитъ. Сулился этотъ писарь ко мнѣ пріѣхать, вотъ и вы пріѣзжайте попѣть съ нимъ. Я и угощу могу всякаго.

— Merci bien, — сказалъ семинаристъ. — Пріѣхать не мѣшало бы. Ты поистинѣ достоинъ изученія.

Мужикъ радостно улыбнулся.

— Ага!—сказалъ онъ, подмигивая.—Пронялъ?

И горячо заговорилъ:

— Ахъ, братъ, кабы мнѣ ученье-то, какихъ бы я корней наворочалъ! Да вѣдь откуда ее взять? Я вонъ въ городѣ недавно былъ. Такъ тамъ что недѣлали. Тамъ земскій музей недѣлали и скилетъ коркодилій привезли, а онъ, можетъ, пятьсотъ, либо тысячу стоитъ. Вотъ, похоже, куда наши денежки-то идутъ, вотъ они, мошенники-то, сукины дѣти! — сказалъ онъ съ горечью. — А ты вотъ сиди тутъ... Да тутъ отъ одной скуки удавишься! Я ужъ на что бывалый человѣкъ, а и то не могу. Мнѣ, братъ, не до революцій! Меня вонъ дьяконовъ сынъ, не хуже тебя такого-то, цѣльный годъ на эту штуку настрачивалъ, да нѣтъ, не на того напался! Я ему еще припомню его рѣчи! „Плюсъ на минусъ“... Шарахну какъ-нибудь вечеркомъ изъ-за валу каменищемъ въ голову,—вотъ тебѣ и будетъ плюсъ на минусъ! Меня и безъ него, собаки, скука съѣла...

Скулы его порозовѣли, лицо приняло злое и грустное выраженіе. Не глядя на семинариста, онъ поднялся, надѣлъ армякъ въ рукава и, заскребая сапогами по землѣ, рѣшительно пошелъ къ лошади. „Чего онъ разозлился?—подумалъ семинаристъ, недоумѣвающе глядя ему вслѣдъ. — Вотъ нелѣпая и страшная скотина!“ Мужикъ, какъ бы угадавъ его мысли, обернулся:

— Чего выдупился? — сказалъ онъ зло и грубо. — Ай не правду говорю? Ты долженъ за ученье благодаренъ быть, а не лупиться. Я съ тобой задушевно, а ты—лупишься. Вотъ подойду, измордую тебя, ради скуки, въ лучшемъ видѣ,—

тогда судись со мной! Не посмотрю, братъ, на твое духовенство, на пѣніе.

Распутавъ лошадь, онъ кинулъ обрывокъ ей на шею и, подпрыгнувъ, упалъ животомъ на ея спину, перекинулъ ногу и бодро поѣхалъ среди могильныхъ бугровъ на дорогу.

Опеломленный такимъ неожиданнымъ концомъ бесѣды, семинаристъ вспыхнулъ, хотѣлъ-было кинуться драться, но только переставилъ трясущимися руками между колѣнъ трость.

Мужикъ повернулъ на деревню. Семинаристъ, просидѣвъ въ оцѣпенѣніи съ полчаса и успокоившись, пошелъ подъ гору, поднялся на косогоръ и свернулъ на какую-то высокую межу, осыпанную бѣлымъ клеверомъ и убѣгающую вдаль между двумя стѣнами сѣро-зеленой ржи, блѣдной вдали, подъ тучей. Мягкій, сладкій вѣтеръ дулъ навстрѣчу, рожь слабо дымилась іюньскимъ цвѣтомъ... Семинаристъ пожималъ плечами и думалъ:

„Странно, странно. Безъ револьвера, собственно, и выходить бы не слѣдовало".

Капри. 25—26. I. 1913.

ХОРОШИХЪ КРОВЕЙ.

— Я хорошихъ кровей,—говоритъ про себя коновалъ Липатъ. — А все оттого, что мы споконъ вѣку ѣдимъ хорошо. Со скотинѣ взять примѣръ: у смореной лошади дрянь носомъ идетъ и она даже можетъ другихъ заразить. А мы всегда хорошо жили. Дѣдъ страшный колдунъ и первый однодворецъ во всемъ округѣ былъ. А покойный родитель еще потягался бы съ нимъ. Ну, вотъ и считай, что̀ мнѣ по наслѣдству пришлось... Я, братъ, не простой коновалъ.

Говоритъ онъ мѣрно, низко, съ пріятной грубостью. Зовутъ его, конечно, не Липатомъ, но Ипатъ — это мужикамъ, да и ему самому не нравится. Отца его звали такъ же, какъ дѣда, — Борисомъ. Онъ увѣряетъ, что нѣтъ такого имени — Борисъ, а есть Борисоглѣбъ, что былъ въ старину святой, благовѣрный князь-однодворецъ, носившій это имя, и что далеко не всякій мужикъ достоинъ быть тезкой Борисоглѣба.

— И меня обязательно надо было такъ же назвать, — говоритъ онъ.—Только, конечно, мы попамъ пожъ вострый, они нашъ родъ споконъ вѣку не любятъ, вотъ и сдѣлали на-зло намъ.

Росту онъ большого, волосомъ блѣдно-желтъ; глаза у него мутно-синіе, рѣсницы бѣлыя, крупныя. „Мы, сказываютъ, изъ Сибири пришли,—говоритъ онъ.—Оттого у меня и ростъ, и волосъ сибирный. Одного не пойму,—и тутъ онъ сдвигаетъ рукавъ полушубка и показываетъ жесткую, покрытую красноватой шерстью руку:—волосъ у меня вездѣ лисій, бланжевый, а по рукамъ съ красниной: вѣрно, мѣченые мы всѣ...“ Зимой онъ носитъ черную баранью шапку, сверхъ полушубка — длинный тулупъ нараспашку, съ большимъ, раскинутымъ по плечамъ воротомъ изъ бѣлой овчины, и длинные, кожей обшитые валенки.

Онъ богатъ. Живетъ на дѣдовскомъ помѣстьѣ, въ голомъ полѣ. Хозяйствуетъ безъ работниковъ, съ двумя женатыми сыновьями. Не жаденъ, не золъ, но безпощаденъ. Разъ подкараулилъ поджигателя, пьяницу-старика, убилъ — „какъ ляpву“—слегой, заявилъ, куда слѣдуетъ—и забылъ. Воровъ ни въ грошъ не ставитъ—„мышь кошны не боится“ — говоритъ онъ насмѣшливо, но держитъ цѣлыхъ семь штукъ ужасныхъ собакъ. Онѣ часто выходятъ подъ дорогу, въ поле. Прошлый годъ на клоки разорвали нищенку, рвутъ пастуховъ и овецъ,—только подгони стадо къ хутору!—и почему-то особенно злы осенью.

Коновалъ онъ знаменитый. Но слываетъ и рѣдкимъ крысоморомъ. А морить, изгонять крысъ—это уже съ колдовствомъ связано.

По достатку своему онъ давно бы могъ оставить такія дѣла. Но они перешли къ нему по наслѣдству, отъ покойниковъ родителей; они даютъ ему извѣстность, окружаютъ его дворъ и всѣ преданія двора таинственностью. А это для него важнѣе всякаго богатства.

Онъ очень дорожитъ тѣмъ, что его считаютъ не простымъ человѣкомъ. Онъ чувствуетъ себя носителемъ какой-то большой и жуткой силы, съ которой онъ, если бы даже и хотѣлъ того, не могъ бы разстаться, — невольнымъ воспріемникомъ какихъ-то знаній, высокихъ тѣмъ болѣе, что, соприкасаясь съ колдовствомъ, они однако творятъ на землѣ не злое, а доброе.

Онъ разсказываетъ:

— Есть разные колдуны. Есть отъ Бога, есть и отъ врага. Кто къ сатанѣ захочетъ прикачнуться, тотъ ужъ и дѣлаетъ такъ. Перво-наперво онъ въ самую темь, въ ночь-полночь въ овинъ обязанъ итить и ружье съ собой и образъ взять. Собака не брешетъ, лягушка не турлычетъ, а онъ, знай, иди. Придетъ, вздуетъ огонь въ печи, сниметъ съ себя кресть, сядетъ на него и ждетъ сидить... Какъ полночь, такъ онъ и вотъ онъ: зашуршитъ, какъ собака, въ соломѣ, подымется рогами подъ самый рѣшетникъ изъ этой самой страсти, темени, и корыто поганое передъ тобой поставитъ. Самъ молчитъ, а самъ дѣло дѣлаетъ. Наблюетъ въ него, нагадитъ, а ты—ѣшь. Потомъ ружье у тебя изъ рукъ возьметъ. Зарядитъ, какъ надо, забьетъ дохлой шерстью, а образъ надъ печью пристроитъ: хочешь, не хочешь, а стрѣляй...

— Это, значитъ, на гибельныя дѣла силу человѣкъ получаетъ,—говоритъ слушатель.—А на хорошія?

— А на хорошія тоже не медъ. Ночью надо на перекре-

стокъ пойтить и свинымъ ножомъ кровь себѣ изъ лѣвой руки кинуть. Онъ ее страсть какъ любитъ. Всю подберетъ, выближетъ вмѣстѣ съ пылью. Ну, вотъ такимъ-то побытомъ и дѣдъ нашъ, конечно, дѣлалъ. Зато и богатъ, жаденъ былъ. Сталъ помирать, отецъ стоитъ надъ нимъ, ждетъ отъ него *силы*, а онъ велѣлъ подать себѣ на блюдѣ серебра, золота—и давай его въ роть горстями пхать. Подавился, заплакалъ—„нѣтъ, говоритъ, видно, съ собой не унесешь!“—и открылся отцу во всемъ... А мнѣ покойникъ родитель только и сказалъ, что одно слово до трехъ разъ: „Все мое—твое, все мое—твое, все мое—твое...“ Штука-то, кажись, не хитрая, а поди-ка, откажись!

Ѣздитъ онъ на крысъ съ мѣшочкомъ „бѣлаго камня“, мышьяка, а то и просто „съ голыми руками“. Онъ говоритъ, что стоитъ ему войти въ домъ, гдѣ, предвѣщая всяческія бѣды, множатся крысы, какъ гурьбой потянется крысиное пискучее племя вонъ изъ дому, въ степь, въ яруги. Онъ появленіемъ своимъ повергаетъ въ тревогу пауковъ, ткущихъ сѣти по угламъ, за образами. Онъ знаетъ какія-то, только его роду вѣдомыя, „отдушины“ у скотины. Взглянувъ на скотину, онъ безъ ошибки можетъ опредѣлить время ея болѣзни или смерти. Распухнетъ у свиньи горло, онъ обложитъ его съ наговоромъ теплымъ пометомъ. Объѣстся корова вёху, онъ пробьетъ ей бокъ гвоздемъ. Очумѣетъ, закружится „круговая“ овца, онъ зальетъ ей въ ухо горячаго масла. Мартъ, начало весны — время его усиленныхъ разъѣздовъ. Тутъ онъ работаетъ не покладая рукъ. Прибыль животворящихъ силъ, бродящихъ во всемъ живомъ, онъ начиналъ чувствовать рано. Голосъ его пріобрѣтаетъ тогда особую крѣпость, движенія—силу и точность. Онъ осматриваетъ скотину, ломаетъ молодымъ лошадямъ „дурной зубъ“ и—властно вторгается въ самые сокровенные уставы природы.

Нынче утро тихое и снѣжное. Много молодого мартовскаго снѣга выпало за ночь на господскую усадьбу. Снѣгъ и теперь еще падаетъ, но такой рѣдкій, что виденъ онъ только на темной глубинѣ въ раскрытыхъ воротахъ конюшни. Бѣлыя пухлыя крыши мягко и свѣжо выдѣляются на сѣромъ небѣ. Садъ весь въ лебяжьемъ пуху; налипло на всѣ стволы, на всѣ вѣтви и склонило ихъ. Чуть морозитъ, но воздухъ не зимній. Не по-зимнему пахучъ кухонный дымъ, встающій ровно и высоко, сизымъ витымъ столбомъ. Съ закрытыми глазами стоитъ на варкѣ скотина, густо обросшая за зиму шерстью, коротконогая, бокастая... Что чувствуетъ она? Она въ сладкой предвесенней истомѣ, пьянѣетъ.

Липатъ пріѣхалъ въ усадьбу рано. Дома, на хуторѣ, онъ
сталъ чуть свѣтъ. Осторожно слѣзъ съ нара, одернулъ ру-
баху, плеснулъ на лицо водою и, покрестившись въ темный
еще уголъ, шагнулъ вонъ изъ душной, полной спящими избы:
надо погоду взглянуть, да и сладко глотнуть въ этотъ ранній
ласъ душистой мартовской свѣжести. Возлѣ избы, на рых-
ломъ снѣгу, слабо бѣлѣвшемъ въ сумракѣ, валялись, играли
собаки. Одна вскочила и бросилась къ нему на грудь: онъ
рѣпко охватилъ ее, теплую, сильную, съ бьющимся сердцемъ,
орко заглянулъ ей въ прозрачные глаза—и она тотчасъ же
твела и притушила ихъ... Потомъ пошелъ будить семью,
одѣваться, завтракать. Лошадь запрягли и подали къ крыльцу
ыновья.

Лошадь, старая, умомъ не уступающая человѣку, нескладная
машистая, легко несла его по снѣжной дорогѣ. Раскинувъ
о плечамъ воротъ тулупа, овчина котораго такъ пріятно
воняетъ на воздухѣ своей кислотой, онъ глубоко сидѣлъ въ
изкихъ козырькахъ съ лубочнымъ круглымъ задомъ и чутъ
держалъ вожжи. Зыбко бѣлѣлъ снѣжный просторъ передъ
имъ. Въ селѣ стало свѣтлѣй, ярче. Лошадь на полномъ
оду сама завернула во дворъ усадьбы.

Птичница вела рѣзать гусака, держа его за одно крыло, и
нъ, важно переваливаясь, слѣдовалъ за нею.

— Буди батраковъ! — крикнулъ ей Липатъ.

Не привязывая, остановилъ онъ лошадь недалеко отъ ко-
юшни, у стопудоваго каменнаго корыта, похожаго на скиѳ-
кую гробницу. Собаки нигдѣ не брешутъ на него. Всѣ онѣ
олнялись и побѣжали къ нему, окружили, обнюхали его. Онъ,
той среди нихъ, не спѣша скинулъ тулупъ, хорошенько свер-
улъ его, уложилъ въ козырьки, въ овсяную солому, и остался
ъ короткомъ полушубкѣ. Полушубокъ этотъ весь блеститъ,
есь замаслился и заскорузъ отъ крови. Подпоясанъ онъ чер-
ымъ и скользкимъ ремешкомъ — и сколько ржавыхъ желѣ-
окъ, крючковъ и ножей всяческой длины, спрятанныхъ въ
ожаные ножны, виситъ, болтается на этомъ ремешкѣ! Въ
онюшнѣ уже сидѣли, ждали работники.

Вотъ и послѣднихъ, рѣдкихъ снѣжинокъ не стало видно.
Въ тишинѣ и спокойствіи бѣлаго утра ясно слышны зычные
крики Липата на горячихъ непокорныхъ жеребчиковъ. Дѣло
овершается надъ ними жестокое, ужасное, но развѣ не на
о и дана мудрая власть человѣку, чтобы смирять, уравно-
ѣшивать буйныя силы природы? Работники кричали (это хо-
ошо, не въ ладъ. Жеребчики шарахались, они ловили ихъ,
адѣли, торопя другъ друга, когда нужно было навалиться

разомъ. А окрики Липата были кратки и властны: онъ-т
понималъ, на что возсталъ онъ — зло и грубо, но съ цѣлям
благими.

Конопатая, въ рудыхъ волосахъ, жесткая рука его, засу
ченная по-локоть, часто мелькала въ воротахъ конюшни —
далеко выплескивала изъ деревяннаго, вырубленнаго топо
ромъ корца темную густую кровь. Алыми пятнами были обрыз
ганы и порогъ, и ящикъ старой телѣги, занесенной снѣгом
у конюшенной стѣны, и борзыя собаки, которыя съ визгом
отскакивали, когда мелькала рука Липата, а потомъ, дрож
отъ жадности, лизали, ѣли красный снѣгъ.

Выводили и валяли лошадей работники. Липатъ командо
валъ, а наваливался на лошадь только тогда, когда она был
уже связана, сбита съ ногъ и со всѣхъ сторонъ прижата к
землѣ. Никитка, толстомордый малый, былъ непороворотливъ
Липатъ полушутя далъ ему подзатыльникъ. Солдатъ, унылы
человѣкъ, былъ боленъ зубами и лѣнивъ. Липатъ сурово
твердо глянулъ ему въ глаза — и солдатъ нахмурился, н
ожилъ. Старика Гаврилу, услужливаго, но глупаго, торопли
ваго, ему не разъ хотѣлось взять за шиворотъ и выки
нуть вонъ.

Напослѣдокъ дѣлали другое дѣло: ломали зубъ молодо
кобылкѣ золотистой масти, съ „лысиной“ на лбу и свѣтло
гривой. Она выскочила изъ денника легко и довѣрчиво, — и
подбитая подъ ноги, рухнула на солому, очень удивленна
этимъ. Старикъ, упираясь лаптями въ землю, лежалъ, наду
вался на ея крупѣ, но все сползалъ съ него, подхватыва
лѣвой рукой гашникъ сползающихъ портокъ. Солдатъ тянул
конецъ веревки, которой захлестнули морду кобылки, — зад
ралъ ей кверху голову, раскрывалъ ротъ, въ который верев
была пропущена. Никитка вытащилъ на-сторону и крѣпк
держалъ голой рукой ея розовый, слюнявый, все выскальзы
вающій языкъ. А Липатъ, держа въ рукѣ короткую желѣзну
палку, острую по краямъ и съ желобкомъ на концѣ, глядѣ
па бѣлые крупные зубы и внушительно говорилъ:

— Держите крѣпче. Теперь гляньте на вонъ энтотъ желт
зубъ. Этотъ зубъ называется, по старому преданію, вредн
зубъ, онъ называется — сухой зубъ. Тутъ весна, самые корм
самый нагулъ скотинѣ, а лошадь отъ этого зуба щеки п
ѣдаетъ, ворочать языкомъ ей нельзя, и бываетъ заражен
Не догляди, не сломай во-время — она будетъ какъ шальн
ходить и жизненности въ ней никакой не будетъ.

Потомъ онъ сразу, со всего своего роста, рухнулъ боко
на плечо кобылки, сунулъ ей въ ротъ желѣзную палку, п

мать нужный зубъ желобкомъ и съ трескомъ стать выворачивать. Кобылка забилась, заметалась, разбрасывая во всѣ стороны мерзлую землю, мерзлый помет и солому изъ-подъ своихъ блестящихъ подковъ. Работники тоже бились, тяжело дышали и надувались, сдерживая ее. У старика опять показалось голое тѣло...

Обливъ кровью руки и солому, Липатъ поднялся, сдвинулъ шапку съ потнаго лба и твердо сказалъ октавой:

— Шабашъ. Благодареніе Богу.

Кобылку отпустили, распутали. Она долго лежала, вся дрожа. Потомъ разомъ рванулась, чуть не упала, вскакивая, но справилась и, вскочивъ, легко побѣжала въ денникъ. Тамъ она крѣпко встряхнулась, какъ собака, выскочившая изъ воды.

— Свять, свять, свять! — сказалъ Липатъ, не спуская съ нея блестящихъ, радовавшихся ея силѣ, молодости и красотѣ глазъ. — На доброе здоровьице!

Но сейчасъ же и нахмурился. И, вытирая окровавленные пальцы о завернутую полу, сурово сталъ приказывать подтянувшемуся солдату:

— А вороному меринку надобно лѣкарству составить. Я составлю. Вели принесть шесть горстей муки пшеничной. Этой мукой ты обязанъ шесть дѣнъ посыпать ему рѣзку. Для припорціи нынче самъ посыплю, покажу. А въ мукѣ этой будетъ семибратская кровь и конинный хишникъ. Послѣ шести дѣнъ кровя у него зачнутъ расходиться, нутренность очищаться, и зачнетъ онъ какъ ого сна отходить, будетъ опять полноту имѣть и даже грудь зачнетъ наливать. Къ Егорію не узнаешь — не нарадуешься, глядя. А если бы его такъ кинуть, безо всякаго вниманія, сейчасъ онъ сохнуть зачнетъ, дрянь носомъ кинется, и онъ даже можетъ другихъ заразить...

Потомъ онъ отдыхалъ — передъ тѣмъ, какъ итти осматривать прочую скотину. Весь день онъ будетъ наслаждаться своей кровной близостью къ ней, къ тайникамъ и силамъ природы. Сидя возлѣ конюшни на телѣжномъ ящикѣ, онъ жадно курилъ, пускалъ паръ и дымъ изо рта и ноздрей и глядѣлъ на бѣлый дворъ, бѣлый садъ и бѣлыя крыши. За облаками уже много свѣта — и эта весенняя бѣлизна и безъ солнца слѣпитъ.

Анакапри 15. III. 1913.

ЛИЧАРДА.

Когда послѣ обѣдни всѣ сгрудились къ подножію амвона, на средину маленькой церкви, изъ купола ея почти отвѣсно падало на толпу блѣдное апрѣльское солнце. Потушенныя свѣчи чадили, въ толпѣ, разнообразно пахнущей дыханіемъ, волосами и одеждой, стало жарко. Каждому хотѣлось приложиться поскорѣе. Низкій и ладный, чернобородый, плѣшивый мужикъ, выдѣлявшійся изъ толпы очень черной сермяжной поддевкой и очень бѣлыми, толсто и аккуратно увязанными онучами, хотѣлъ пролѣзть прежде всѣхъ. Но священникъ, держа мѣдный крестъ обѣими руками, поднялъ его и смотрѣлъ куда-то черезъ головы, а Агаѳья, чистая, строгая старушка изъ дворовыхъ, схватила мужика за рукавъ. Онъ покраснѣлъ, рванулся, что-то заговорилъ, блестя сердитыми глазами.

— И слушать не хочу, не пущу не по чину, — отвѣтила Агаѳья, оттаскивая его въ сторону. — Я, братъ, къ этому глухая.

Мужикъ долго глядѣлъ на нее, и краска стыда, подавленнаго раздраженія не сходила съ его лица. Толпа разступилась, — и къ кресту осторожно приложился миловидный молодой человѣкъ съ чрезвычайно нѣжнымъ румянцемъ, напомаженный, въ голубой короткой поддевочкѣ и съ дворянскимъ картузомъ въ рукѣ. Послѣ него кинулись къ священнику безъ-толку, а тотъ сталъ совать крестъ, кому попало. Чернобородый мужикъ приложился все-таки раньше многихъ и быстро вышелъ въ боковую дверь, за оградой же, надѣвая шапку, кинулся бѣжать по сохнущей дорогѣ сзади барскаго сада.

Теплое солнце точно щурилось, улыбалось сквозь блѣдную апрѣльскую дымку въ небѣ. Въ голомъ саду, за соломеннымъ валомъ, пѣли дрозды, гудѣли пчелы, хотя кое-гдѣ, среди ко-

ричневой листвы, еще сѣрѣлъ крѣпкій горбатый снѣжокъ. Агаѳья вышла изъ церкви на ту же дорогу, по которой пошелъ мужикъ, развязывая носовой платочекъ съ мѣткой-короной. Въ платочкѣ были куски просфоры. Она перекрестилась и на ходу стала ѣсть, наклоняясь къ ладони, боясь просыпать крошки.

Мужикъ ждалъ въ концѣ вала, на пригрѣтой весенней травѣ. Увидавъ Агаѳью, онъ сдвинулъ шапку съ потнаго лба и, разбрасывая полы, направился прямо къ ней. Агаѳья въ страхѣ остановилась.

— Ты чему мою дѣвку заучаешь? — спросилъ онъ, подходя. — Ты что̀ барину ее подводишь? А?

Агаѳья хотѣла что-то отвѣтить, но онъ сгребъ ее за лицо всей пятерней, зажалъ ротъ, отламывая голову. Агаѳья, пытаясь вырваться и крикнуть, стала давиться, пускать слюни.

— Молчи, стерва! — крикнулъ мужикъ бѣшенымъ шопотомъ. — Какъ такъ ты ничего не знаешь? Кто ей вчера гостинцевъ надавалъ и водкой напоилъ? Можешь ты такія грѣховныя дѣла затѣвать?

Разжавъ правую руку, онъ лѣвой схватилъ ее за шиворотъ, за темный платокъ вмѣстѣ съ сѣдыми волосами, нагнулъ, подставилъ подъ ея лицо колѣнку и крѣпко ударилъ объ колѣнку носомъ. Ноги Агаѳьи подломились, но, пока она падала, онъ успѣлъ перегнуть ее назадъ и коротко ткнуть кулакомъ въ зубы. Агаѳья повалилась, боясь даже плакать. Мужикъ вытеръ кулакъ объ изнанку поддевки и, блѣдный отъ злобы, задыхаясь, быстро пошелъ назадъ. Агаѳья осталась лежать, слабо и уже притворно охая, сплевывая кровь на зеленую траву, по которой, тихо жужжа, ползали еще сонныя пчелы.

Квартировала она у старосты. Староста жилъ на другомъ концѣ деревни, на выѣздѣ. Подъ голой лозинкой, бросающей чуть замѣтную тѣнь, у порога кирпичной избы, глядѣвшей на ровный выгонъ, на большомъ камнѣ, накрытомъ суровой скатертью, пили водку и закусывали ситникомъ съ творогомъ и сметаной двое копачей, окапывавшихъ старостину усадьбу, и хозяйка его, Катерина, съ дочерью дѣвкой. Староста былъ въ городѣ, и копачи, угощая Катерину водкой, говорили лишнее, хохотали. Дѣвка, нарумяненная, въ кашемировомъ платьѣ, стояла на порогѣ; она напилась раньше всѣхъ, но не хотѣла уходить и, тупо улыбаясь, хлопая бѣлыми рѣсницами, слушала.

Вдругъ всѣ смолкли и подняли головы: изъ-за избы показался сосѣдъ, высокій бѣлобрысый малый Гришка. Онъ велъ

Агаѳью, почти тащилъ ее, маленькую, со всклоченными сѣдыми волосами, и жмурилъ глаза отъ смѣха.

— Въ цѣлости и сохранности! — сказалъ онъ, опуская ее подъ стѣной избы на сухую глину. — Сюда, что ль, квартиранку-то вашу опредѣлить?

— Да ба-атюшки, кто жъ это носъ-то ей расшибъ? — протянула Катерина, раскрывая и оставляя открытымъ ротъ съ творогомъ на языкѣ.

Одинъ изъ копачей, Демьянъ, низкорослый, кривоногій, съ курчавой сѣрой бородкой и широкоскулый, посмотрѣлъ на Агаѳью, со стономъ легшую на глину, бодро играющими темными глазами.

— Знать, гдѣ воевала, — сказалъ онъ. — Гдѣ воевала старуха, а?

— Вотъ тебѣ и досводничалась! — жалобно сказала Катерина. — Да кто жъ это тебя, Петровна? Что жъ молчишь?

Гришка, упершись руками въ бока, подмигнулъ и качнулъ головой въ сторону деревни.

— Карпуха Большаковъ,—прошепталъ онъ.—За дочь, вѣрно.

— Значитъ, ей зеркало теперь надо, — сказалъ Демьянъ, разсѣянно взглянувъ въ зеленѣющее поле, въ серебристый блескъ пригрѣвающаго солнца и на лозинку, на сукѣ которой лежалъ его армякъ. — Дашка! — крикнулъ онъ дѣвкѣ, стоявшей на порогѣ съ радостно выпученными глазами. — Бѣги, соломки принеси, ей струшнѣй умирать будя.

— Ступай скорѣй, — съ притворной строгостью прибавилъ другой копачъ, Титъ, гнутый, широкоплечій, съ волосатымъ ободраннымъ носомъ. — Выпьешь, что ль, за работу? — обратился онъ къ Гришкѣ. — Ней, ничего.

— Со всей удовольствіей, — отвѣтилъ Гришка.

И, нагнувшись, осторожно взялъ съ краями налитый стаканчикъ.

— Значительная старуха, — сказалъ онъ, жмурясь отъ смѣха и вытягивая шею, приготовляясь пить.

— Старушка дружелюбная, старая барская гнида, вѣрная Личарда, — подтвердилъ Титъ, разглядывая чуньки и просторные шерстяные чулки Агаѳьи. — Здорово земляныхъ шмелей послухала!

— Самый разнесчастный человѣкъ! — весело прибавилъ Демьянъ. — Мы и ей сейчасъ поднесемъ... Вѣрная Личарда, выпить хочешь? — крикнулъ онъ. — Забудь горе! Не ѣшь съ Ѳомой, ѣшь со мной! Захмелѣешь, пѣсни зачнешь играть, танцовать пойдешь, и я съ тобой протанцую, — сказалъ онъ, съ притворной удалью раскидывая руки.

— Что ты ей спокою не даешь, не трожь ее,—сказала атерина, изъ приличія нахмуриваясь.—Подпеси, правда. Ей олегчаетъ.

Демьянъ налилъ стаканчикъ, вынулъ изъ него толстымъ альцемъ кусочекъ пробки и бережно понесъ Агаѳьѣ, одерывая короткую рубаху на широкомъ заду и гусемъ ступая а своихъ крѣпкихъ выгнутыхъ ногахъ. Подойдя, онъ приопнулъ лаптями и затрясъ портки. Агаѳья приподнялась, зяла стаканъ дрожащей рукой, отпила немного, сморщилась, акъ отъ уксуса, и, отирая губы, отказалась:

— Нѣтъ, и не неволь. Не могу.

— Допивай, допивай!—крикнулъ Демьянъ.—Никакъ нельзя!

Агаѳья допила и, поправляя платокъ, сбитый на сторону, лять тихо заплакала, сморкаясь въ подолъ. Дашка, успѣвшая ритащить снопъ обитой ржи и положить его возлѣ Агаѳьи, оставила ей на колѣни блюдце въ синихъ разводахъ со смеаной, подала кусокъ ситника.

Гришка выпилъ еще, поблагодарилъ и ушелъ. Агаѳья, не однимая запухшихъ глазъ, плакала и ѣла, а Демьянъ бодро аговорилъ, вынимая трубку:

— Такъ-то вотъ и у насъ была въ селѣ такая-то Личарда, водня, грѣховодница. Взяла и подвела нашему барину одну арышню изъ города, въ родѣ какъ въ управительницы. Баинъ у насъ никуда, голова толкачомъ, голая, надѣнетъ руглыя очки—чистый филинъ, а до женскаго пола первый обитель. Ну, конечно, и улестилъ ее, хотѣлъ, сказывали, увѣровѣчить ее, всю имѣнье подъ нее подписать. А барышня опалась добродушная: развеселая, словоохотная, такъ и расускаетъ глаза на кажное слово. Что ей ни скажешь, на все ивится, радуется: „Да что ты? Да что ты?...“ Въ родѣ дурочки.

— Видалъ и ее,—сказалъ Титъ.—Часто, бывало, по селу аживала, а не то по саду. Возьметъ зонтикъ кружевной, одхватитъ бѣлую юбочку,—наряжалась, правда, хорошо, и бка вся въ кружевцахъ,—и ходитъ по дворамъ, все нѣтъ больныхъ, спрашиваетъ: я, говоритъ, жалостлива и сама ъ бѣднаго быта... А то по саду съ книжкой ходитъ. Какъ ихолодаетъ, сейчасъ въ садъ. Идетъ съ книжкой, уткнется нее, глаза вылупитъ и такъ и жжетъ, только листики перертываются.

— Вѣрно, вѣрно, и до чтенія охотница была,—сказалъ Демьянъ.—Только пріѣзжаетъ, значитъ, къ барину гость, маой молодой, должно, изъ военныхъ, а можетъ, и служака якой... Человѣкъ капризный, тощій, а до бабъ тоже разбаванъ, зѣлъ...

— Онъ самый и есть вострякъ,—сказалъ Титъ.

— Да. Да и она ужъ, значитъ, до мужчинъ стала распущенная...

— Любила блудничать,—вставила Катерина.—Понравились, дескать...

— Любила,— подтвердилъ Демьянъ.—Такой ужъ природѣ была. А, бываетъ, и самъ баринъ былъ старъ по этому дѣлу. Вынесутъ имъ, бывало, въ садъ подъ яблонку коверъ, подушки, лежатъ и читаютъ. Утромъ на станкѣ на токарномъ точитъ всякую пустяковину, кровь себѣ полируетъ, послѣ обѣда—подъ яблонку. Она въ одну сторону, онъ—въ другую, такъ и блеститъ очками изъ травы, какъ змѣй. Покатается, покатается возлѣ ней, да только и всего, только разбередитъ. А тутъ кстати помоложе подвернулся... Слухай да догадывайся!—весело и бодро сказалъ онъ, обращаясь къ Агаѳьѣ, легшей на снопъ.—Дѣло до хорошаго дойдетъ: „и ему отдалась до послѣдняго дня“...

Онъ засмѣялся, подмаргивая, и продолжалъ:

— Прякрасно. Значитъ, занялась она съ нимъ, со служакой съ этимъ. Идешь мимо саду, глянешь—сидитъ на скамейкѣ, плачетъ и платочкомъ кружевнымъ утирается... Потомъ, глядь, повеселѣла: махнула, значитъ, на свою судьбу рукой, на отчаянность пошла. Мы весь садъ въ ту лѣто окапывали и все это хорошо видѣли. Сходбица у нихъ была въ самой ихъ завѣтной бесѣдкѣ. Бесѣдка была прямо хоть круглый годъ живи: столы, стулицы, чистота, полъ подъ желтую одинарную краску, а по бокамъ черныя каемки пропущены. Ну, вотъ они и повадились туда. Какъ вечеръ, какъ баринъ въ полѣ, она сейчасъ прослѣдуетъ въ садъ, въ родѣ какъ чтеніемъ заниматься, а это и есть самая сустрѣча ихъ. Онъ, какъ заяцъ, прокрадется черезъ задній валъ—и къ ней.. Ну, только и отъ него она часто въ горькихъ слезахъ выходила. Капризенъ былъ! Иду разъ мимо саду, вижу, стоитъ въ своей курткѣ плетеной, слюнявитъ платокъ и къ рукѣ къ маслаку прикладаетъ, а рука въ крови,—бываетъ, упалъ содралъ на валу. Брюки синія въ землѣ и въ листу... „Здравствуйте,—говорю,—Чеславъ Викентьичъ!“ Запустилъ онъ мнѣ матеркомъ и залился въ бесѣдку...

Агаѳья, все выжимавшая изъ глазъ слезы, вдругъ зарыдала, поднялась и, шатаясь, пошла въ избу. Дашка, сидѣвшая на порогѣ с широко раскрытыми глазами и раздвинутыми колѣнками, кинул на нее радостный взглядъ, вскочила и тоже скрылась въ сѣнцах

— Горе, правда!—сказала Катерина.—Онъ ей весь нос размялъ.

Демьянъ быстро оглянулся,

— Не горе!—быстрымъ шопотомъ сказалъ онъ.—Это я ее разжегъ. Вѣдь барышню-то она подводила!

— Да что ты!—въ одинъ голосъ воскликнули и хозяйка и Титъ.

— Сейчасъ умереть! Вѣдь она изъ Голицына?

— Изъ Голицына, изъ Голицына,—подтвердила Катерина.—Говоритъ, къ намъ на спокой удалилась, дома дюже много враговъ, завистниковъ нажила.

— Какъ же, успокоится такая-то!—сказалъ Демьянъ.—Я давно объ ней наслышанъ, вѣдь Голицыно-то отъ насъ пять верстъ всего. Я ее сразу призналъ, только говорить не хотѣлъ—угостить сулилась...

— Они страшные хитрые черти, эти дворовые,—сказалъ Титъ.—Ненавистные къ намъ.

— И, значитъ, она самая и загубила эту самую барышню?—спросила Катерина.

— Говорю же тебѣ—она,—сказалъ Демьянъ.—Она и все дѣло это совостожила. Да ты погоди, что дальше-то будетъ! Повалялись они, говорю, въ бесѣдкѣ въ энтой, отдѣлалась она, идетъ по дорожкѣ, поетъ пѣсню, а сама цвѣты рветъ, хоть, правда, дюже глаза опять заплаканы. А баринъ-то и вотъ онъ. Бросилъ дрожки за садомъ и идетъ прямо къ ней съ плеткой. Она—туда, сюда, обмерла отъ страха да такъ и осталась на мѣстѣ. Подходитъ онъ тутъ прямо къ ней, скидаетъ съ ней косынку кружевную съ плечъ, рветъ, ногами топчетъ, скидаетъ брошку, рветъ часы золотые на цѣпочкѣ, началъ и ихъ топтать, только стекла хрустятъ... Потомъ за нее принялся: самъ терзаетъ, а самъ плеткой, да все по мордѣ норовитъ... Избилъ, какъ надо, сшибъ съ ногъ не хуже старухи этой—и поскорѣй прочь, домой, чтобы, дескать, отъ грѣха уйтить. Прибѣжалъ приказчикъ, кликнулъ насъ, понесли мы ее въ контору, а она—безо всякихъ чувствъ, лежитъ, какъ мертвая, въ своемъ голубенькомъ платьицѣ, въ кружевцахъ, и вся лицо тоже въ родѣ какъ голубая стала, альпи носъ блеститъ. Потомъ призываетъ баринъ кучера Никодима и кричитъ ему съ крыльца: „Немедленно свезть и ее и этого сукина сына на станцію, отыскать его немедленно, онъ, небось, въ саду въ лопухахъ хоронится. Брось ихъ гдѣ-нибудь въ страшную глубину, въ пучину-яругу...“ Ну, тѣмъ же вечеромъ и оттащили ее въ телѣгѣ на станцію.

— Ужли съ любовникомъ вмѣстѣ?—спросила Катерина.

— Куда тебѣ!—сказалъ Демьянъ, поднимаясь.—Его и слѣдъ простылъ. Ему-то что жъ! Онъ своего добился, сломалъ ея сучья-вѣтья, да погуда его и видѣли.

— Я эту исторію тоже слышалъ,—сказалъ Титъ, выскребая кускомъ хлѣба остатки сметаны изъ чашки.—Я ее, говорю, сколько разовъ видалъ. Ее Лизаветой звали. Жидкая, прахо̀вая бабенка, а ничего все-таки, аккуратная. Я тогда у попа при молотилкѣ служилъ. Рабочая пора, самый разгаръ, а сижу погоняю, а старостишкинъ сынишка, бѣдовый дьяволенокъ, все подъ приводъ, подъ лошадей лѣзетъ. Разъ сказалъ, два сказалъ—неймется. Я соскочилъ, поймалъ его да маленько за висчонки. Онъ въ голосъ. Гляжу, бѣжитъ эта самая барышня Лизавета,—по дорогѣ возлѣ гумна съ собачкой гуляла,—прямо ко мнѣ: „Какъ вы смѣете,—кричитъ,—васъ къ уряднику надо. Надо съ дѣтьми гуманно обращаться“... Будь въ другомъ мѣстѣ, я бы ее плутомъ шарахнулъ.

— Гуманно!—повторилъ Демьянъ и засмѣялся, снимая съ лозинки свой армякъ.

Всталъ и Титъ, перекрестился и, поклонившись хозяйкѣ, пошелъ вслѣдъ за Демьяномъ отдыхать въ ригу. Качая головой, Катерина стала собирать съ камня чашки, хлѣбъ, скатерть...

— Мамушка! —крикнула Дашка, выскакивая на порогъ.— Я боюсь! Она пьяная, на всю избу кричитъ, волосы съ себя деретъ...

Катерина, кинувъ скатерть, вошла въ избу. Агаѳья сидѣла на лавкѣ и раскачивалась съ сиплымъ воемъ, глядя и ничего не видя кровавыми безумными глазами. Безъ платка, съ растерзанными сѣдыми волосами, сизая отъ слезъ и отъ натуги, она была и страшна и жалка.

— Господи, прости меня, окаянную!—сипло вскрикивала она, размахиваясь, широко крестясь и кланяясь двери.—Господи, разрази меня, старую дьяволицу, холопку лютую!.. Ненавижу васъ, мужланы дикіе!—завопила она, увидавъ Катерину.—Ненавижу!

Не отвѣчая и улыбаясь, Катерина стала тереть хрѣнъ, чтобы привести ее въ чувство.

Капри. 27. I. 1913.

ЗАБОТА.

Солнечный осенній вечеръ прохладенъ. Изъ-за дворовъ большого села, растянувшагося по скатамъ къ лугамъ, къ родниковой рѣчкѣ, изъ-за ригъ, зелени лозинъ и высокихъ конопляниковъ желтѣютъ новые ометы и скирды. Улица села въ тѣни, солнце опускается за дворами, за гумнами—и ярко краснѣютъ противъ него глинистые бугры по ту сторону луговъ, блеститъ на этихъ буграхъ стекло въ избѣ мельника.

Старикъ Авдей Забота, зажиточный мужикъ, собирается въ городъ.

Возлѣ его двора, на дорогѣ между дворомъ и пунькою, дремлетъ запряженная въ телѣгу сивая кобыла, съ мелкими, врозь разставленными копытцами, съ большими рѣсницами, съ сѣрыми усами и большой шершавой нижней губой. Авдей курчавъ и сѣдъ, крупенъ и сумраченъ, на плоской спинѣ его, подъ линючей ситцевой рубашкой, выдаются лопатки. Онъ ходитъ возлѣ телѣги, набитой соломой, съ молоткомъ въ рукѣ, держитъ губами пучокъ гвоздей и ни на кого не смотритъ.

У него горе.

Онъ всѣ послѣдніе дни мучился думами: продавать ли барана? Баранъ старъ, но продавать его не слѣдъ, не время. Продавать нужно было бы хлѣбъ. Осень погожая, урожай отличный, одна кладушка уже обмолочена,—только бы насыпать, да въ городъ. Но цѣны на рожь, на овесъ стоятъ страшно низкія. Ни зерна нельзя продавать, какъ ни торопи нужда... Продумавъ недѣлю, Авдей рѣшилъ разстаться лучше съ барановъ.

Но онъ постарѣлъ за эту недѣлю, осунулся и потемнѣлъ въ лицѣ. Взглядъ его твердъ и сумраченъ. Собирается онъ, ни на кого не глядя.

Дочь, въ нижней коленкоровой юбкѣ, безъ кофточки, въ однихъ шерстяныхъ чулкахъ, раза два робко и быстро перебѣжала дорогу отъ избы къ пунькѣ. Она тоже собирается— на дѣвишникъ къ подругѣ, но боится отца, боится своей затаенной радости, своей беззаботности рядомъ съ его заботой,— старается проскользнуть незамѣтно. Братишка, пузатый мальчикъ, въ огромной старой шапкѣ, облизывая губы, разъѣденныя соплями, долго хлопалъ, размахивалъ обрывкомъ кнута и падалъ среди дороги. Чтобы угодить отцу, она на бѣгу поймала его ледяную пухлую ручку и такимъ вихремъ умчала его въ избу, что онъ не успѣлъ даже крикнуть.

Старуха стоитъ на порогѣ и не сводитъ жалостныхъ глазъ съ Авдея. Она положила тонкую сѣрую руку на выдающійся животъ, а другую, подпирающую подбородокъ, поставила въ ладонь. Темная, морщинистая, зубастая, она имѣетъ видъ страдальческій. Панева ея коротка, ноги длинны и похожи на палки, ступни, потрескавшіяся отъ грязи, холода и цыпокъ,—на куриныя лапы. Животъ ея выдается, а спина горбится отъ трудныхъ родовъ, отъ тяжелыхъ чугуновъ. Въ разрѣзъ ея рубахи, темной отъ золы, видны палевыя, тощія, повислыя, какъ у старой собаки, груди, а межъ ними—большой мѣдный крестъ на засаленномъ гайтанѣ.

Ее заботы сдѣлали за долгую жизнь страдалицей, Авдея— нелюдимомъ.

Телѣга разсохлась, растрепалась. Раскапывая стариковку въ ея ящикѣ, Авдей прибиваетъ кое-гдѣ отставшія планки. Дуетъ предвечерній вѣтеръ и задираетъ сзади его рубаху на поясокъ-ремешокъ, обнажаетъ желобокъ на широкой сухой спинѣ, показываетъ тугой гашникъ, низко врѣзавшійся въ тѣло. Портки Авдея висятъ по-стариковски—точно пустыя. Подошелъ кобель и сталъ обнюхивать разбитые, блестящіе, только-что помазанные дегтемъ сапоги, въ опустившіяся голенища которыхъ заправлены эти портки. Авдей съ размаху ударилъ кобеля по боку молоткомъ.

— Полушубокъ вынеси, да хлѣбушка завяжи, — сердито сказалъ онъ старухѣ.

Забивъ послѣдній гвоздь, сдвинувъ со лба шапку, онъ рѣшительно пошелъ въ раскрытыя ворота унавоженнаго двора. Половина его была въ тѣни, половина озарена золотистымъ свѣтомъ. Въ тѣневой половинѣ куры усаживались на насѣстъ, на переметъ, побѣлѣвшій отъ ихъ известковаго помета, и заводили глаза. Нахохлившись, сбились голуби подъ застрѣху въ углу. Они слабо заворковали, когда вошелъ Авдей... Какъ радовали всегда сердце его эти хозяйственныя

куры, голуби, этотъ теплый дворъ, его глубокій навозъ, его плетеныя изъ лозняка и обмазанныя коровьякомъ съ глиной закутки! На старой телѣгѣ безъ передковъ, давно загрязшей въ навозѣ, валялся обрывокъ. Взявъ его, Авдей направился къ закутѣ, гдѣ взаперти сидѣлъ баранъ.

— Батюшка, мать вспрашиваетъ: огурчика положить?— крикнула дѣвка, заглядывая въ ворота.

— А сама не знаетъ?—строго откликнулся Авдей.—Аи первый разъ?

За рѣшетчатой дверью закуты шуршала солома. Большой круторогій баранъ въ толстой, вьющейся дымчатой овчинѣ, съ удивленнымъ бараньимъ взглядомъ, съ бараньей щеголеватостью, ходилъ по соломѣ, мелко тряся жирнымъ хвостомъ. Быстро распахнувъ дверь, Авдей кинулся на барана всѣмъ тѣломъ, сбилъ, повалилъ его и торопливо сталъ связывать обрывкомъ его тонкія ножки. Баранъ удивился еще болѣе, но не издалъ ни звука, только глаза выкатилъ. Авдей подсунулъ подъ связанный обрывокъ руку, натужился и, волоча барана спиной по навозу, потащилъ его за ворота, къ телѣгѣ. Баранъ, выкативъ бѣлые глаза, сдѣлавшись похожимъ на турка, мелко и быстро трясъ хвостомъ и лизалъ шершавымъ языкомъ руку Авдея...

Черезъ полчаса Авдей въ пути.

Медлительно скрипитъ, тянется съ горки на горку, проходитъ мимо избъ и пунекъ, то въ тѣни, то на солнцѣ, по-дорожному пахнущая дегтемъ телѣга. Въ задкѣ ея лежитъ веревочный хрептугъ съ сѣномъ, въ передкѣ, на старновкѣ—связанный, спокойный баранъ. Авдей, въ полушубкѣ и глубоко надвинутой шапкѣ, съ кнутомъ подъ мышкой, съ трубкой въ зубахъ, изрѣдка пуская черезъ плечо сладкій, пахнущій донникомъ дымъ, не спѣша, по-дорожному, шагаетъ за колесами.

Вотъ и крайняя изба. Солнце стоитъ не такъ низко, какъ это казалось въ селѣ: скатъ за селомъ совсѣмъ отлогій. Этотъ скатъ—голый и широкій большакъ, тутъ поворотъ влѣво, на городъ. Съ неподвижно простертыми обломками крыльевъ стоитъ на немъ вѣтрякъ, какъ стоялъ онъ и шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда Авдей былъ еще ребенкомъ. Возлѣ безъ заботно перекрикиваются, прыгаютъ на одной ножкѣ, играютъ въ лунки мальчишки... „Погодите, доиграетесь!"— думаетъ Авдей. Слюнявый, стриженый дурачокъ въ женской рубахѣ, похожій на чучело, ковыляетъ навстрѣчу, пучитъ глаза дурѣй барана... Авдей грустно усмѣхается: „Дуракамъ счастье, горя мало!"

Подъ скатомъ—мелкая рѣчка разливается широкимъ пле-

сомъ по бѣлому щебню; изъ щебня, вѣчно сочащагося водой, кое-какъ перекинутъ мостъ на ту сторону. Плесъ ослѣпительно блеститъ; желто-каменистый подъемъ за нимъ весь въ зеркальныхъ веселыхъ разводахъ, въ медленно переливающихся отраженіяхъ. По мосту ѣдутъ бездѣльники-охотники: высокая гнѣдая лошадь, бѣговыя дрожки, на дрожкахъ, одинъ за другимъ, сидятъ верхомъ два человѣка, и торчатъ изъ-за ихъ спинъ два ружейныхъ ствола. Авдей тянетъ веревочную вожжу, останавливаетъ свою кобылку и ждетъ, пока переберутся по узкому и зыбкому мосту встрѣчные. На одномъ изъ нихъ ягдташъ, набитый перепелами, на колѣняхъ другого— уже окостенѣвшій заяцъ съ усами въ крови. Авдей глядитъ, но видитъ все, какъ во снѣ. Онъ ко всему равнодушенъ— какъ больной.

Наконецъ перебрался и онъ черезъ мостъ. Поднялся на на гору, спустился въ котловину и опять сталъ подниматься... Жесткая, выгорѣвшая за лѣто мурава ржаво краснѣетъ по каменистымъ переваламъ старой мертвой дороги. Этимъ переваламъ конца нѣтъ. До города верстъ двадцать пять, но онъ всегда, всю жизнь казался Авдею очень далекимъ. Съ перевала на перевалъ поднимается, идетъ онъ, задумчиво глядя впередъ. Солнце сзади него, краснѣетъ, садится. Сіяніемъ окружена лежащая по муравѣ тѣнь Авдея, длинная тѣнь телѣги, лошади. Пусто кругомъ, далеко видно. Воронье безпріютно, по-осеннему ночуетъ на опушкѣ желтыхъ жнивій. На горизонтѣ рядъ телеграфныхъ столбовъ, уходящихъ въ безконечное поле. Алыми клубами бѣжитъ назадъ дымъ бѣгущаго товарнаго поѣзда—длинной цѣпи красныхъ вагоновъ. Авдей до сихъ поръ глядитъ на поѣзда непріязненно. Разъ въ жизни ѣхалъ и онъ по желѣзной дорогѣ. И закаялся: все время кружится голова, все время страшно...

Дойдя до желѣзной дороги, пересѣкающей большакъ, онъ ждетъ возлѣ переѣзда, закрытаго шлагбаумомъ. Непріятно-рано, по-осеннему, зажгли огонь въ будкѣ.

Дальше—шоссе, самая скучная дорога на свѣтѣ...

Авдею шестьдесятъ семь лѣтъ: скоро умирать. Особой нужды онъ никогда не зналъ, отъ бѣдъ, несчастій Богъ его миловалъ.

— Разскажи что-нибудь интересное, что было въ твоей жизни,—сказалъ ему однажды молодой баринъ.

— У меня, слава Богу, ничего такого не было,—отвѣтилъ Авдей.—Вотъ семой десятокъ живу, а, благодарю Бога, интереснаго ничего не было.

Но заботы всю жизнь поѣдомъ-ѣли его. Жаденъ,—говорили

про него сосѣди побѣднѣй.—Да вѣдь тебѣ, побирушкѣ, хорошо говорить!—всегда со злобой думалъ въ отвѣтъ на это Авдей.

Солнце закатилось, дуетъ холодный вѣтеръ. Авдей прикрываетъ барана соломой, надвигаетъ шапку поглубже, запускаетъ руки въ рукава и мѣрно шагаетъ по краю шоссе за скрипящей телѣгой.

Широкій старческій носъ его сизѣетъ, стынетъ, вѣтеръ коситъ сѣдую бороду. Большія сѣрыя брови сурово сдвинуты, въ потухшихъ глазахъ—тоска.

Капри. 24. I. 1913.

БЕЗЪ ЗАГЛАВІЯ.

Въ часъ ночи, зимней, деревенской, до кабинета стараго дома доносится изъ дальнихъ комнатъ жалобный дѣтскій плачъ. Домъ, усадьба, село—все давнымъ-давно спитъ. Не спитъ только Хрущевъ,—у него безсонница. А плачетъ кто-нибудь изъ его маленькихъ племянниковъ. И, разсѣянно положивъ карандашъ на столъ, останавливаетъ Хрущевъ усталые глаза на огняхъ свѣчей:—Какъ все прекрасно! Право, даже этимъ голубымъ стеариномъ, свѣчами можно любоваться!

Огни ихъ, золотисто-блестящія острея съ прозрачными ярко-синими основаніями, слегка дрожатъ,—и слѣпитъ глянцовитый листъ большой французской книги. Хрущовъ подноситъ къ свѣчѣ руку,—становятся прозрачными пальцы, розовѣютъ края ладони. Онъ мгновенно забываетъ все, что̀ читалъ и думалъ, и, какъ въ дѣтствѣ, засматривается на нѣжную, ярко-алую жидкость, которой свѣтится и сквозитъ противъ огня его собственная жизнь.

Плачъ раздается громче—жалобный, умоляющій.

Хрущевъ встаетъ и направляется въ дѣтскую; уже давно не можетъ онъ равнодушно слышать дѣтскаго плача. Онъ проходитъ темную гостиную,—чуть мерцаютъ въ ней подвѣски люстры, зеркало,—проходитъ темную диванную, темную залу, видитъ за окнами лунную ночь, сли палисадника и блѣдно-бѣлые пласты, тяжело лежащіе на ихъ черно-зеленыхъ, длинныхъ и мохнатыхъ лапахъ. Дверь въ дѣтскую отворена, лунный свѣтъ стоитъ тамъ тончайшимъ дымомъ. Въ широкое итальянское окно безъ занавѣсокъ просто, мирно глядитъ снѣжный озаренный дворъ. На полу у двери что-то чернѣетъ—это, какъ мертвая, лежитъ дѣвка, нянька. Голубовато бѣлѣютъ дѣтскія постели. Въ одной крѣпко спитъ Стасикъ, въ другой Лиля. Спятъ и деревянные кони, спитъ на спинѣ, закативъ

свои круглые стеклянные глаза, бѣловолосая кукла, спятъ коробки, которыя такъ заботливо собираетъ Коля. Онъ-то и проснулся,—самый маленькій, самый впечатлительный, худенькій, большеголовый, съ большими карими глазками... Въ чемъ дѣло?

Какъ всегда, онъ внезапно поднялся, сѣлъ на постели—и заплакалъ горько, безпомощно. Онъ протягиваетъ къ дядѣ ручки и заливается еще жалобнѣе, а самъ спитъ, спитъ.

— Въ чемъ дѣло, дорогой мой?—шепчетъ Хрущевъ, садясь на край постели, вытирая платкомъ личико ребенка и обнимая его щупленькое тѣльце, что̀ такъ трогательно чувствуется сквозь рубашечку своими косточками, грудкой и бьющимся сердечкомъ.

Онъ беретъ его на колѣни, покачиваетъ, осторожно цѣлуетъ. Ребенокъ прижимается къ нему, дергается отъ всхлипываній и понемногу затихаетъ... Что̀ это будитъ его вотъ уже третью ночь?

Луна заходитъ за легкую бѣлую зыбь, лунный свѣтъ, озаряющій дѣтскую, таетъ, блѣднѣетъ, меркнетъ—и черезъ мгновеніе опять растетъ, ширится. Опять загораются подоконники, косые золотые квадраты на полу. Хрущевъ переводитъ взглядъ съ пола, съ подоконника на раму, видитъ свѣтлый дворъ—и вспоминаетъ: вотъ оно что̀,—опять забыли сломать это бѣлое чудище, что̀ дѣти сбили изъ снѣга, поставили среди двора, противъ окна своей комнаты! Днемъ Коля боязливо радуется на него,—это человѣкоподобный обрубокъ съ бычьей рогатой головой и короткими растопыренными руками,—ночью, чувствуя сквозь сонъ его страшное присутствіе, вдругъ садится на постели и, даже не проснувшись, заливается горькими слезами. Да снѣгуръ, и впрямь, страшенъ ночью, особенно если глядѣть на него издали, сквозь стекла: рога поблескиваютъ, отъ головы, растопыренныхъ рукъ падаетъ на яркій снѣгъ черная тѣнь. Но попробуй-ка сломать его! Дѣти будутъ ревѣть съ утра до вечера, хотя онъ, все равно, уже таетъ понемногу: скоро весна, мокнутъ и дымятся въ полдень соломенныя крыши...

Хрущевъ осторожно кладетъ ребенка на подушку, креститъ его и на цыпочкахъ выходитъ. Въ прихожей онъ надѣваетъ оленью шапку, оленью куртку, застегивается, поднимая черную узкую бороду и думая: сломать или нѣтъ? Потомъ отворяетъ тяжелую дверь въ сѣни, идетъ по скрипучей тропинкѣ за уголъ дома. Луна, не высоко стоящая надъ рѣдкимъ саломъ, что̀ сквозитъ на бѣлыхъ сугробахъ, ясна, но по-мартовски блѣдна и спокойна. Раковинки легкой облачной зыби

тянутся кое-гдѣ по небосклону. Тихо мерцаютъ въ глубокой прозрачной синевѣ между ними рѣдкія голубыя звѣзды. Молодой снѣжокъ чуть запорошилъ крѣпкій, старый. Отъ бани въ саду, стеклянно блещущей крышей, бѣжитъ гончая Заливка. „Здравствуй, — мысленно говоритъ ей Хрущевъ. — Мы съ тобой одни не спимъ въ эту ночь. Жалко спать, коротка жизнь, поздно начинаешь понимать, какъ хороша она...“

Онъ подходитъ къ снѣгуру и медлитъ минуту. Потомъ рѣшительно ударяетъ въ него ногою. Летятъ рога, разсыпается бѣлыми комами бычья голова... Хороша жизнь, къ чорту все, что мѣшаетъ ея радостямъ! Еще одинъ ударъ,—и останется только куча снѣга. Озаренный луной, Хрущевъ долго стоитъ надъ нею и, засунувъ руки въ карманы куртки, глядитъ на блещущую крышу. Онъ наклоняетъ къ плечу свое блѣдное лицо съ черной бородой, свою большую оленью шапку, стараясь уловить и запомнить оттѣнокъ блеска. Вотъ бы вернуться въ кабинетъ и просто, просто записать все, что только-что чувствовалъ и видѣлъ...

Потомъ онъ поворачивается и медленно начинаетъ ходить по тропинкѣ отъ дома къ скотному двору и обратно. Двигается у ногъ его, по снѣгу, косая тѣнь. Дойдя до сугробовъ, онъ пробирается между ними къ воротамъ. Ворота на замкѣ, но отзынуты. Онъ заглядываетъ въ щель, откуда рѣзко тянетъ сѣвернымъ вѣтромъ. Онъ съ нѣжностью думаетъ о Колѣ, думаетъ о томъ, что въ жизни все трогательно, все полно смысла, все значительно. И жадно глядитъ во дворъ. Холодно, но уютно тамъ. Подъ навѣсами сумракъ. Сѣрѣютъ въ углу сбившіяся въ кучу, стоя спящія овцы. Сѣрѣютъ передки телѣгъ, засыпанные снѣгомъ. Надъ дворомъ — синее, въ рѣдкихъ крупныхъ звѣздахъ небо. Половина двора въ тѣни, половина озарена. И старыя, косматыя бѣлыя лошади, дремлющія въ этомъ свѣтѣ, кажутся зелеными.

29. VI. 1911.

КРИКЪ.

Однажды ранней весной шли мы въ Батумъ изъ Портъ-Саида.

Въ Стамбулѣ была чума, дѣла нашъ грузовикъ тамъ не имѣлъ; мы рѣшили миновать Золотой Рогъ, а разсвѣта дождаться въ Ковакахъ, у входа въ Черное море: почью не выпускаютъ. И вотъ отправили съ нами изъ Дарданеллъ двухъ турокъ, двухъ карантинныхъ стражей, дабы они удостовѣрили, придя въ Коваки, что остановки не дѣлалось.

Снялись мы изъ Дарданеллъ часа въ четыре. Въ пять матросы обѣдаютъ. Передъ обѣдомъ полагается имъ по манеркѣ спирту. Но былъ чистый четвергъ, нѣкоторые сочли за грѣхъ пить въ такой день. А чтобы спиртъ не пропадалъ даромъ, поднесли — для потѣхи — туркамъ. Спиртъ свалилъ ихъ, непривычныхъ къ пьянству, и они заснули: одинъ, рослый, дюжій — на кормѣ, надъ самымъ винтомъ, другой, маленькій — на крышкѣ трюма между кормой и машинной частью. И передъ тѣмъ, какъ заснуть, этотъ маленькій долго бормоталъ и по-турецки, и по-гречески, и даже по-русски:

— Руссъ—карашо, арабъ—нѣтъ карашо!

Онъ разсказывалъ, что у него, человѣка простого и бѣднаго, жена была такая красавица, что онъ даже по имени не звалъ ее никогда, а говорилъ: „джанымъ — сердце мое“, что она уже давно умерла, родивъ ему сына, что и сынъ его былъ красивъ, нѣженъ и почтителенъ, какъ дѣвушка, да увезли его въ Стамбулъ, отправили на войну, въ Аравію. А ужъ изъ Аравіи не вернешься, нѣтъ!—говорилъ онъ. И, вскакивая, громко вскрикивалъ, какъ бы стрѣляя изъ карабина, падалъ на спину, изображая убитаго наповалъ, и задиралъ свои кривыя ноги въ шерстяныхъ полосатыхъ чулкахъ. Штаны его, очень узкіе книзу, были въ заплатахъ, мундиръ—коро-

тенькій, истрепанный, феска грязная, бараньи глаза мутны, усы вислые, подбородокъ давно не бритъ, спаленное зноемъ и вѣтромъ лицо все въ морщинахъ. И матросы хохотали и жалостно говорили:

— Вино-то, вино-то, братцы, что̀ дѣлаетъ!

Много разъ видѣлъ я Босфоръ. Но можно ли на него наглядѣться? Вечеромъ я легъ спать и приказалъ разбудить себя, лишь только откроется маякъ. Около двухъ часовъ ночи вѣстовой постучалъ въ дверь моей каюты и негромко сказалъ:

— Подходимъ къ Сералю.

Я отозвался:

— Есть. Очень холодно?

— Три градуса.

— Туманъ?

— Чисто.

Я въ темнотѣ нашелъ пальто, шапку и вышелъ. Въ каютъ-компаніи тускло и печально горѣлъ одинъ рожокъ. Легкій свѣжій бризъ дулъ въ открытую дверь, за которой синѣла лунная ночь, и, сухо шелестя, чуть трепетали перистыя вѣточки карликовой японской пальмы, стоявшей въ горшкѣ у камина. Среди тишины, царившей всюду, выдѣлялись только этотъ шелестъ да медленное постукиваніе стѣнныхъ часовъ. А чуть слышный звонъ рюмокъ, которыми увѣшанъ потолокъ въ буфетѣ, и та слабая дрожь, которой дрожитъ весь пароходъ отъ машины, работающей въ глубинѣ его глухо и мѣрно, какъ огромное сердце, не нарушали тишины. Я вышелъ на лѣвый бортъ — и заглядѣлся на приближающійся Стамбулъ, на рѣдкіе ночные огни его, матово блестѣвшіе за бѣлесымъ тонкимъ паромъ, на его призракъ, фантастическій и величавый, таинственно-блѣдный на синевѣ лунной ночи...

Потомъ я поднялся на капитанскій мостикъ. Глядя впередъ, за фокъ-мачту, дежурили у телеграфа капитанъ и вахтенный помощникъ, въ шапкахъ, въ теплыхъ курткахъ. Они не обернулись, когда я сталъ за ними, возлѣ штурманской рубки, гдѣ въ сумракѣ, держась за рога рулевого колеса и не спуская глазъ съ компаса, освѣщеннаго низко спущенной электрической лампочкой подъ колпакомъ, каменѣлъ рулевой матросъ. Они, тоже завороженные ночью и Стамбуломъ, роняли слова команды точно, но медленно, вполголоса.

— Пять градусовъ лѣво, — безстрастно, не оборачиваясь, говорилъ капитанъ.

— Есть пять градусовъ лѣво,—протяжнымъ сиплымъ альтомъ отзывался рулевой.

Но отзывался онъ тоже безстрастно, словно спросонья, въ

ладъ полночной тишинѣ. Мѣрно, медленно отдавались изъ глубины вздохи машины, и медленно шло и развертывалось передъ нами сказочное царство великаго города.

— Такъ держать,— просто и осторожно говорилъ капитанъ.

— Та-акъ держа-ать!—на четыре тона выше бралъ рулевой.

Я поднялся на штурманскую рубку... Мертвый штиль. Полная ясная луна стоитъ справа, почти сзади насъ, надъ туманными силуэтами Принцевыхъ острововъ. Огромная золотая полоса продольно блещетъ между ними, подъ той тѣнью, что всегда лежитъ по горизонту за луннымъ блескомъ. Блескъ зеленоватаго стекла возникаетъ и гаснетъ, переливается по валамъ тяжелаго шагреневаго масла возлѣ самаго борта. Но все въ отдаленіи,—и холмистыя побережья, и Золотой Рогъ, медленно раскрывающійся передъ нами, и блѣдные призраки Скутари, Стамбула, Галаты, Перы, — все подернуто матово-бѣлесой чадрой, нѣжной, прозрачной, какъ драгоцѣнные брусскіе газы. И за этой чадрой, какъ несмѣтные глаза, таинственные и прекрасные, матово и недвижно блещутъ несмѣтные, далекіе и близкіе огни: золотые, мелкіе—густо насыпанные среди темныхъ садовъ на скутарійскомъ берегу; роями усѣявшіе съ верху до низу гору Перы и Галаты; изумрудные и рубиновые, крупные — на мачтахъ въ Золотомъ Рогѣ, на буяхъ, сторожевыхъ лодкахъ, длинно отражающіеся въ зеркальной водѣ; рѣдкіе и сонные — въ Стамбулѣ, спящемъ съ открытыми блестящими глазами на своихъ холмахъ противъ луны. Я различалъ каменные и деревянные дома его предмѣстій, легкіе, безконечно-высокіе минареты вокругъ чашеобразныхъ куполовъ бѣлой Ахмедіэ, древній, дорогой мнѣ куполъ Софіи, сады Сераля и сѣрую стѣну дворца Константина. Я опять обонялъ особый, сладкій и сухой ароматъ береговъ Турціи... Вдругъ откуда-то издалека пронесся въ тишинѣ чей-то слабый рыдающій зовъ.

— Юсу-уфъ!—крикнулъ кто-то.

И оборвалъ, точно захлебнувшись слезами.

Все ближе роились огненныя пчелы по горѣ Галаты. Мы шли, а мимо насъ, точно сильнымъ теченіемъ, несло назадъ красные фонарики на сторожевыхъ лодкахъ. Я подумалъ: это, вѣрно, кто-нибудь на сторожевой лодкѣ крикнулъ; можетъ-быть, это—убійство и вопль о пощадѣ; можетъ-быть, контрабандиста-грека поймали; но что мнѣ до того?

Вотъ опять негромкая команда и альтъ рулевого. Луна мѣняетъ мѣсто, надвигается справа скутарійскій берегъ — далеко по зеркальной водѣ легла тѣнь его. Уже прошла гора

Перы и Галаты, сплошь залитая каменнымъ городомъ за прозрачно-бѣлымъ покровомъ. Далеко за кормой остались два сонныхъ сквозныхъ изумруда, низко, одинъ надъ другимъ повисшихъ надъ водою, тамъ, гдѣ торчитъ изъ воды бѣлая башенка Леандра. Носъ парохода медленно поворачиваетъ,— закрывается выходъ въ Мраморное море, блещущій, какъ стеклянно-золотое поле, возлѣ Серальскаго мыса. Это поле меркнетъ; раздается короткій хрустальный звонъ телеграфа; мы все круче забираемъ вправо. Теперь уже нигдѣ нѣтъ блеска, чадра рѣдѣетъ, Босфоръ сузился. Бѣломраморные султанскіе дворцы тянутся по лѣвому прибрежью, купая въ водѣ широкія ступени своихъ мраморныхъ пристаней. Тѣнь достигаетъ и до нихъ; зеленовато-блѣденъ въ тѣни мраморъ...

— Юсуфъ!—опять долетаетъ откуда-то издалека.

Я удивленно поднимаю бровь, прислушиваюсь... И опять забываю объ этомъ воплѣ.

Отъ тѣни ярче и зеленѣе кажется холодная весенняя ночь, зеркальнѣе луна. Чище, синѣе стало звѣздное небо. Порою вершины малоазійскаго берега, по низамъ покрытаго виллами, селеніями, садами и рощами, отдаляются. Далеко впереди я вижу высокій круглый холмъ. Какъ мягко и отчетливо выдѣляется онъ на свѣтломъ небѣ! Какъ спокойны и легки очертанія нѣсколькихъ итальянскихъ пиній, вѣнчающихъ его темя, ихъ короткіе стволы и темные зонты! А вотъ большая сѣдловина между горами—и луна, стоящая за нею, чуть блѣднѣетъ; сквозятъ голыя весеннія рощи, серебрится подъ луною прозрачная дымка въ нихъ. Но закрывается и сѣдловина, — идемъ подъ темнымъ склономъ въ густыхъ садахъ, гдѣ надъ черепичными крышами высятся черные кипарисы. Первый робкій соловей звучно и сладко окликнулъ сады — и затихъ... Весеннимъ холодомъ земли и ароматомъ прошлогодней листвы тянетъ съ берега...

— Юсуфъ! — страстно, захлебываясь слезами, кличетъ голосъ съ кормы.—Юсу-уфъ!

Спустившись съ рубки, я быстро пошелъ туда. Сбѣжалъ по трапу со спардэка, прошелъ возлѣ мѣрно и глубоко вздыхающей машины, обдавшей меня своимъ теплomъ и запахомъ разогрѣтаго масла... Опять луна перемѣнила мѣсто. Она далеко за кормою, надъ золотымъ огромнымъ озеромъ, которымъ сталъ теперь Босфоръ среди сомкнувшихся береговъ... И еще разъ сбѣжавъ, увидѣлъ я черную фигурку, на колѣнихъ, спиной ко мнѣ стоящую на крышкѣ трюма. Она садилась порою на ноги, на пятки, какъ дѣлаютъ это во время молитвы, порывисто приподнималась, кидалась ницъ, что-то искала въ

рогожкѣ, служившей ей вмѣсто коврика, и опять откидывалась назадъ и, воздѣвая руки къ лунѣ или къ дворцамъ Стамбула, страстно, кратко, съ несказанной болью и мольбою вскрикивала:

— Юсу-уфъ!..

И я все понялъ.

Онъ, этотъ оборванный маленькій турокъ, заснулъ, набормотавшись, напѣвшись спьяну греческихъ пѣсенъ. Онъ проспалъ все Мраморное море. И вдругъ очнулся возлѣ самаго Стамбула, отнявшаго у него сына... Онъ покорно, какъ истый муслимъ, принялъ и затаилъ въ сердцѣ свое горе. Никто не замѣтилъ слѣдовъ скорби въ его равнодушныхъ морщинахъ, въ безстрастно поднятыхъ бровяхъ и висячихъ усахъ. Да и слишкомъ тупо ныла эта скорбь въ его сердцѣ. Но вотъ случилось нѣчто необычное: путешествіе въ Ковакн, чужая палуба, чужіе люди, начавшіе его угощать сѣрымъ, мелкимъ, ѣдкимъ табакомъ и огненной водкой. Сведенный ею съ ума, чувствуя, что онъ плыветъ въ городъ самого падишаха, сталъ онъ съ болѣзненнымъ восхищеніемъ вспоминать, какъ увозили туда его сына, представлять себѣ съ непонятнымъ восторгомъ, какъ убили его въ Аравіи. И свалился наконецъ—потерялъ сознаніе, и спалъ долго, долго... И вдругъ очнулся. Что-то тяжко томило его въ пьяномъ тяжкомъ снѣ. Когда же открылись его глаза, почувствовалъ онъ позднюю ночь по той тишинѣ, которая окружала его, увидалъ величавый и фантастическій въ лунномъ свѣтѣ призракъ Стамбула — и внезапно, всѣмъ существомъ своимъ, можетъ-быть, впервые постигъ всю глубину того, что сдѣлалъ Стамбулъ съ его никому не нужной, жалкой жизнью и съ прекрасной молодостью Юсуфа. Вѣдь это о немъ, о сынѣ, разсказывалъ онъ хохотавшимъ русскимъ собакамъ!.. И, поднявшись, съ ужасомъ почувствовалъ, что онъ пьянъ, страшно пьянъ, отравленъ и несчастенъ...

Я подошелъ къ нему. Онъ повернулъ ко мнѣ блѣдное въ лунномъ свѣтѣ, все мокрое отъ слезъ, съ мокрыми висячими усами лицо, выпучилъ на меня свои баранья, остекленѣвшіе отъ яда, отъ рыданій и натуги глаза... Зачѣмъ подъ нимъ эта скомканная рогожка? Можетъ-быть, онъ вспомнилъ еще и то, что проспалъ вечернюю молитву, и кинулся, падая и опять поднимаясь, разстилать эту рогожку... Но до молитвы ли? Все мѣшается въ его мозгу, онъ чувствуетъ только одно—ужасъ и тоску. И вдругъ начинаетъ кричать Стамбулу, лунной ночи, что онъ одинъ и погибаетъ. Да нѣтъ, этого не можетъ быть! Сынъ живъ, онъ долженъ быть живъ, онъ

долженъ вернуться! Сынъ долженъ вернуться еще и потому что его, нищаго, одинокаго старика, опозорили, отравили... И, рыдая, безумѣя отъ ужаса и горя, онъ сталъ кричать дико, захлебываясь слезами.

Я взялъ его ледяную руку. Онъ выпучилъ глаза и вырвалъ ее. Онъ, какъ звѣрь, кинулся на рогожку, сталъ судорожно комкать ее, стараясь разстелить передъ собою... И опять, не сладивъ съ хмелемъ и горемъ, тяжело упалъ задомъ на пятки, уперся руками въ рогожку. Неудержимо катившіяся слезы застилали его изумленные глаза, пьяный насморкъ затыкалъ дыханіе, мокрые усы лѣзли въ ротъ.

— Юсуфъ!—крикнулъ онъ тупо и кратко, какъ человѣкъ, вынырнувшій изъ воды.

И завопилъ, затрясшись отъ рыданій, захлебываясь и простирая руки къ Стамбулу:

— Юсуфъ! Юсу-уфъ!..

Неслась вода мимо борта. Золотое озеро за кормою меркло.

28. VI. 1911.

КОПЬЕ ГОСПОДНЕ.

Красное море встрѣчаетъ насъ дурными знаменіями.

Вчера на закатѣ дулъ хамсинъ. Слѣва, въ пыльной, красной мглѣ, садилось болѣзненно и тускло блестящее солнце. Справа эта мгла была сумрачнѣе. Тамъ темнѣли очертанія Джебель-Таира. И оттуда, со стороны Аравіи, горячій вѣтеръ гналъ двухъ птицъ. Онѣ неслись бокомъ, низко надъ водою. Перья ихъ были измяты и взъерошены. Неожиданно наткнувшись на спасеніе, на нашъ грузовикъ, онѣ взмыли къ верхушкѣ фока, на тугую струну штага, соединяющаго фокъ съ гротомъ. Уцѣпившись, онѣ крѣпко встряхнулись, приводя себя въ порядокъ, и застыли.

Мы съ мостика долго разглядывали ихъ. Таиться нечего,— всѣмъ стало не по себѣ: это были два старыхъ аравійскихъ стервятника, два „вѣстника смерти“ и всяческихъ бѣдъ. А вѣдь мы прямехонько идемъ на смерть: по всему побережью Аравіи, въ Суэцѣ, въ Портъ-Саидѣ — чума и холера; въ Джибути, гдѣ мы стояли сутки и сообщались съ берегомъ, умираетъ по сто, по двѣсти человѣкъ въ день... А нервы у насъ никуда, — устали мы ужасно. Переходъ въ Японію былъ трудный, бурный. Не давши намъ и недѣли отдыха, погнали насъ назадъ, въ Китай, оттуда— въ Сингапуръ. Тамъ мы безъ дѣла простояли мѣсяцъ, изнуряемые жарой, лихорадочной влажностью, запахомъ мускуса, видомъ голыхъ тѣлъ, опоясанныхъ по бедрамъ мокрыми отъ пота тряпками, черныхъ китайскихъ лавчонокъ, заваленныхъ гніющими фруктами, жертвенниковъ, облитыхъ кокосовымъ масломъ, и боговъ, еще болѣе безобразныхъ, чѣмъ ихъ желтоликіе поклонники. Индійскій океанъ въ мартѣ, конечно, отдыхъ, но вѣдь впереди было это проклятое Аравійское море, чума и долгое отсутствіе всяческихъ вѣстей о родинѣ. А на-

родъ моряки чувствительный. Имъ, обреченнымъ жить внѣ дома три четверти года, разлука съ домомъ всегда тяжела. Что же до вѣры въ примѣты, въ предзнаменованія, то плавающіе въ сѣверныхъ и тропическихъ моряхъ хуже всякаго араба...

Вечеромъ безъ охоты поиграли въ шашки. Старшій механикъ вспомнилъ покойнаго командира „Японіи“: это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, тоже во время чумы и тоже въ Красномъ морѣ, командиръ захворалъ,—можетъ-быть, и впрямь захворалъ, заразившись въ Массовѣ, гдѣ онъ съѣзжалъ на берегъ,—а, захворавъ, поспѣшилъ принять датуры, оставивъ записку, что у него жаръ, дурнота и опухоли подъ мышками. Страшно сказано было тогда въ газетной телеграммѣ о его смерти: „Тѣло предано Красному морю...“

Отъ песку, отъ горячаго вѣтра закрыли люминаторы. Стало похоже на печь съ закрытой заслонкой. Свободные отъ вахтъ рано разошлись спать, — одинъ пьяница Францъ старчески ворчалъ и гремѣлъ въ буфетѣ, швыряя посуду. Но какой сонъ при хамсинѣ! Тѣло ноетъ, сердце замираетъ. Поминутно, весь въ поту, просыпаешься, куришь, снова задремываешь... Никогда не кажется такъ мала каюта! Лежа въ темнотѣ, слушая ровный плескъ воды, бѣгущей назадъ, мимо слегка дрожащаго на ходу „Китая“, все думаешь о томъ древнемъ, мистическомъ, чѣмъ отравляетъ насъ Востокъ—тропики, Индія, Китай... а въ этомъ мглистомъ морѣ—Аравія. Какая загадочная, и донынѣ невѣдомая намъ, ветхозавѣтная страна—эти пустыни, до шлака сожженныя ветхозавѣтнымъ Богомъ! Что тамъ, въ гористой, вѣчно мглѣющей миражами глубинѣ ея?

Окраины мы знаемъ: жара, грязь и вѣчная холера въ портахъ; дальше—пески и камни; гдѣ-нибудь на голой волнистой равнинѣ ихъ—страшный въ своей доисторической неуклюжести верблюдъ, стоящій всегда одиноко, безпріютно, далеко отъ той чахлой пальмы и грязнаго колодца, возлѣ котораго—большой жаркій шатеръ изъ чернаго войлока, слабо спящій на солнцѣ дымокъ костра, свирѣпая собака, полусонная отъ зноя старуха, полуголыя дѣти въ паршахъ, котелокъ, измазанный тѣстомъ дурры, невѣсть откуда занесенная керосиновая жестянка съ теплой водой... А тамъ—опять то бархатные, то осыпанные мелкимъ, острымъ камнемъ пески. Тамъ начинаются тѣ заповѣдные, вѣчно засыпаемые пескомъ пути изъ Сиріи, Персіи и Средней Азіи къ Меккѣ, Ятрибу, что издревле отмѣчаютъ своими костями святые хаджи, гибнущіе, во имя Господа, отъ жажды, урагановъ, зноя и, ужъ конечно,

холеры, чумы—„Раны отъ Копья“, какъ называютъ ее арабы. Вотъ за такими-то караванами и слѣдуютъ они, эти стервятники.

Ихъ зловѣщая близость чувствовалась всю ночь. Я выходилъ на палубу: горизонты мглисты, луна туманно-розова, ночь суха, горяча—точно и не въ морѣ. Высоко, возлѣ клотика фока—два темныхъ комка... Гдѣ они вывелись, гдѣ скитались? Сколько разъ отбивались отъ смерти, отъ такихъ же хищниковъ, какъ и они сами, сколько разъ рвали падаль, трупы и погибали отъ хамсина? „Господь есть Богъ ревнитель и мститель“—такъ и донынѣ вѣруетъ пламенная страна ихъ.—„Передъ лицомъ Его идетъ язва, а по стопамъ Его—жгучій вѣтеръ...“ И жгучій вѣтеръ, съ пескомъ, дулъ въ каюту всю ночь...

За Джебель-Таиромъ море чисто до самаго Дедолоса, нынче можно было бы вздохнуть свободно, тѣмъ болѣе, что хамсинъ пронесся и опредѣлились мы какъ нельзя лучше. Но еще вчера оказалось, что насъ сноситъ, и отъ этого кажется, что идемъ мы страшно медленно. „У, матери твоей чортъ!“ — злобно сказалъ нынче утромъ боцманъ, проходя мимо фока. И, сложивъ ковшикомъ руки, захлопалъ, дико гукнулъ вверхъ и затопалъ сапогами. Ястребъ и не шевельнулся. Одного уже убили, но этотъ сидитъ крѣпко.

Всталъ я нынче рано. Въ шесть утра надъ каютами начинается бѣготня матросовъ, топотъ босыхъ ногъ и шумъ воды, пущенной изъ шлангговъ по палубамъ. Обычно слышишь все это одно мгновеніе, затѣмъ перевертываешься и засыпаешь еще крѣпче. Но нынче я очнулся сразу. Какъ всегда, ослѣпительный свѣтъ тропическаго солнца билъ въ люминаторъ, до головокруженія душно было въ каютѣ — и такъ отраденъ этотъ свѣжій шумъ! Сбѣжавъ внизъ, къ ваннѣ, я разъ десять окунулся въ холодную воду. Утренній сквознякъ въ тѣни, мраморный полъ, мраморная ванна и хрустальная качающаяся масса, — это, поистинѣ, наслажденіе. Самому пріятно чувствовать холодокъ своей руки, которой пожимаешь сухую, горячую руку того, кого смѣняешь, входя на мостикъ. Тамъ уже пекло. Я взялъ самый сильный бинокль и навелъ его на птицъ. Великолѣпны эти аравитяне! Сквозь стекла еще прозрачнѣе кажется прозрачный, сіяющій среди яснаго неба воздухъ. Четко, крупно видны блестящій на солнцѣ бокъ мачты, витой стеньгъ-штагъ и ястреба, въ огромномъ пространствѣ висящіе на немъ: ихъ желтоватое жесткое оперенье, круглыя совиныя головы, покрытыя рѣдкимъ младенческимъ пухомъ, прищуренные кошачьи глаза, короткіе,

крѣпко загнутые клювы и лимонныя лапы. Оба ястреба очень велики и очень худы. И это особенно замѣтно тогда, когда какой-нибудь изъ нихъ затрепыхается, взъерошивая перья, и совершенно особымъ движеніемъ, движеніемъ стервятника, судорожно, вжимая въ себя голову, подниметъ концы поломанныхъ крыльевъ, задвигаетъ ими, весь вытянется впередъ, вцѣпившись въ канатъ, и плевкомъ пуститъ на палубу известковый пометъ.

Фельдшеръ, который, неизвѣстно зачѣмъ, всегда беретъ въ плаваніе ружье, все утро чистилъ, промывалъ его. Затѣмъ началась ожесточенная пальба. Всѣ окружили этого нескладнаго рыжаго человѣка, неумѣло наводившаго на птицъ мушку. Солнце жгло спины, у всѣхъ ломило шеи и слезились глаза, изъ-подъ бѣлыхъ шлемовъ струился по краснымъ лицамъ потъ. Всякому казалось, что, стрѣляй онъ, не было бы этого безплоднаго треска. Вдругъ одинъ ястребъ подпрыгнулъ и комомъ, безпомощно раскинувъ бѣлыя съ исподу крылья, полетѣлъ съ высоты наискось. Мелькнувъ своей желтизной, своими изломанными перьями въ густо-синей, плавной и тяжелой, какъ масло, волнѣ, онъ исчезъ подъ бортомъ. Другой испустилъ короткій, жалкій и злобный крикъ, взмахнулъ крыльями и опять, еще туже сжавшись, замеръ. Пули съ визгомъ летѣли мимо него—онъ только втягивалъ въ себя голову. Куда же ему было дѣваться! Ему оставалось одно — ждать, пока выйдутъ всѣ пули. И наконецъ онѣ вышли. Онъ уцѣлѣлъ, но надолго ли? Этого онъ не зналъ. А сидѣть ему все-таки было надо. Въ морѣ, кольцомъ окружавшемъ его, не было ни единаго камня.

Я опять взялся за бинокль. Ястребъ во всѣ глаза глядѣлъ на меня. Золъ онъ, должно-быть, невѣроятно, голоденъ такъ, какъ можетъ быть только стервятникъ! Вѣчная брань со всѣмъ живущимъ, вѣчная мука голода и вѣчное выслѣживаніе жертвъ или падали... Жестокъ и къ нему Богъ, предъ лицомъ Коего идетъ смерть, язва, — Богъ, опредѣлившій ему быть вѣстникомъ чернаго Копья Своего!

И цѣлый день не выходила у меня изъ головы мысль о крысѣ, которая, можетъ-быть, уже сѣетъ смерть, чумѣя въ темнотѣ нашихъ трюмовъ.

Этотъ желтый флагъ смерти, подъ которымъ мы теперь плывемъ, твердо напоминаетъ: будь всегда готовъ къ ней,— она и надъ тобой, и впереди, и вокругъ, вотъ за этой водою, на жаркихъ песчаныхъ берегахъ, среди той нищеты и грязи, которой живетъ почти все человѣчество: Копье Господне вѣчно поднято!

Матросы, тѣ подтягиваются при вѣсти о малѣйшей опасности. И на „Китаѣ“ за послѣднее время чистота необыкновенная. Очень рано стали мы готовиться къ одесскому порту въ этотъ рейсъ—чиститься, краситься. И какъ охотно работали матросы! Въ Аденскомъ заливѣ нѣсколько дней не смолкалъ на „Китаѣ“ ладный, дробный стукъ молотковъ: съ палубъ, съ мачтъ, съ бортовъ, съ трубъ обивали старую, потрескавшуюся краску, а на ея мѣсто клали свѣжую, блестящую, спиртуозно пахучую. И теперь нельзя было насмотрѣться на густую синеву за бортами, великолѣпно подчеркнутую яркой киноварью, которой выкрасили нашу желѣзную палубу, и золотой охрой трубъ. Въ небѣ, знойномъ и свѣтоносномъ, весь день не было ни единаго облачка, ровно тянулъ навстрѣчу легкій бризъ, ровная спокойная синева на сотни миль разстилалась вокругъ. На бакѣ—жизнь простая, всегда ко всему готовая: изъ подвахтенныхъ иные крѣпко спятъ на самомъ припекѣ, иные, въ тѣни, у входа въ кубрикъ, болтаютъ, курятъ... На носу, разноцвѣтными пятнами выдѣляясь на синевѣ моря, сохнетъ развѣшенное на веревкахъ матросское бѣлье. На ютѣ, какъ всегда, сладко щебечутъ, живутъ еще болѣе легкой жизнью тѣ канарейки и тѣ розовые тупички, которыхъ веземъ мы изъ тропиковъ на сѣверъ... И только тамъ, возлѣ клотика фока, на блестящей въ воздухѣ струнѣ, въ упоръ освѣщенный опускающимся солнцемъ, зловѣще желтѣетъ врагъ всяческой жизни...

Францъ, больной съ похмелья, лѣниво таскалъ свои разбитыя ноги по палубѣ, яростно тряся колокольчикомъ.

— Memento mori!—сказалъ командиръ, когда мы сошлись на этотъ призывъ въ каютъ-компанію, къ обѣденному столу, и кивнулъ на люминаторъ, въ который былъ виденъ фокъ:— Сидитъ, будь онъ проклятъ!

За обѣдомъ много пили. Солнце закатилось, и была уже ночь, разгорался лунный свѣтъ вокругъ каютъ-компаніи, освѣщенной электричествомъ. Шелъ оживленный разговоръ—какъ всегда толковали объ окладахъ, о начальствѣ, кляли свою службу, тѣшили себя мечтами найти береговую. По каютъ-компаніи вѣялъ бризъ. Но онъ былъ слишкомъ тепелъ, тѣло изнемогало отъ пота. Даже свѣтъ электричества казался знойнымъ.

— На два румба справа встрѣча,—доложилъ вѣстовой съ порога.

Встрѣчи—наша единственная радость, и всѣ встали, пошли на палубу. Давно ждемъ „Меркурія“—не онъ ли? Но нѣтъ: слишкомъ низко и далеко другъ отъ друга висѣли за темной зыбкой равниной, уходящей къ востоку, къ Аравіи, два да-

лекихъ топовыхъ огня... И, швыряя окурки, красными полосками мелькавшіе за бортомъ, глядя на фокъ, на гладкій стволъ его, прорѣзавшій звѣздное небо, и на безсонную птицу, висящую на штагѣ, мы разбрелись по палубѣ..

Ночь, опять ночь. Идешь — бризъ мягко дуетъ въ спину тѣло подъ легкой одеждой наслаждается имъ. Изъ трубы клубится темный валъ дыма, луна, какъ зеркало, мелькаетъ въ немъ, по палубѣ бѣжитъ, волнуется широкая тѣнь его, подъ ногами хруститъ угольная пыль. Обдаетъ теплomъ, запахомъ разогрѣтаго машиннаго масла и стали, дальше—опять ласковымъ вѣтромъ и чѣмъ-то раздражающимъ, приторнымъ: это густо, пряно, какъ все въ тропикахъ, пахнетъ изъ трюмовъ копра, кокосовые очески; этотъ запахъ вѣчно будетъ томить, напоминать пахучія гавани, теплую зеленоватую воду, первобытные челноки голыхъ шоколадныхъ людей, густыя чащи высокихъ тонкихъ пальмъ, склоненныхъ съ береговъ, благовонныя кумирни въ вѣчно-цвѣтущихъ лѣсахъ... Волна за волной несется мимо борта, обгоняя тебя. Минуешь двери освѣщенныхъ каютъ за машиной,—фельдшеръ и поваръ сидятъ возлѣ нихъ и вторятъ другъ другу на звенящихъ мандолинахъ, — проходишь на корму и останавливаешься у штурвала, надъ кипящей водой...

Однообразно шумитъ она, выбиваемая винтомъ изъ-подъ кормы, вырывается изъ-подъ нея тугими клубами, снѣжнымъ фосфоромъ, и убѣгаетъ въ океанъ блѣдно-бѣлѣющей прямой дорогой. Равнина моря къ востоку тяжела, темно-лилова, въ небосклонѣ надъ нею—бѣлыя звѣзды широко и низко раскинутой Большой Медвѣдицы, родной съ дѣтства. Слѣва, подъ луною—безконечная сіяющая гладь, осыпанная несмѣтными серебряными иглами. Какъ высока эта теплая, тропическая луна, какъ легки и свѣтлы горизонты! Драгоцѣнными самоцвѣтами играютъ надъ горизонтомъ юго-западнымъ, особенно легкимъ и свѣтлымъ, Канопусъ и Сиріусъ. Ниже, въ прозрачномъ и пустомъ небосклонѣ, стоятъ четыре алмаза слегка склоненнаго Южнаго Креста, каждую ночь выходящаго изъ нѣдръ тѣхъ невѣдомыхъ южныхъ водъ, которымъ нѣтъ предѣла до самаго полюса...

Вотъ съ бака раздается два короткихъ удара въ колоколъ—восьмичасовая склянка. Въ нихъ—поэзія старой морской жизни, безграничныхъ водныхъ пространствъ, ночи за тысячи миль отъ земли. Они быстро тонутъ въ великой тишинѣ моря и неба, послѣ нихъ воцаряется еще болѣе глубокое молчаніе, вода шумитъ еще однообразнѣе, въ сердцѣ остается непонятная грусть...

Вотъ опять среди темной равнины къ востоку — медленно идущіе огни встрѣчнаго парохода. Мелькаетъ и гаснетъ, мелькаетъ, мелькаетъ и гаснетъ огонекъ на его спардэкѣ: беззвучно, этими слабыми и бѣдными знаками, которыми даетъ вѣсть крохотная человѣческая жизнь другой такой же, окруженной морями, пустынями, безвѣстностью, смертью, ведемъ мы нашу морскую бесѣду, — съ тревогой и надеждой спрашиваемъ о той точкѣ земного шара, которая намъ, скитающимся по всему свѣту, единственно дорога и нужна...

На вахтѣ третій помощникъ, онъ и сигнализируетъ. Человѣкъ онъ недалекій, тропики умѣетъ сравнивать только съ баней, всѣхъ цвѣтныхъ называетъ эѳіопами, на стѣнахъ его каюты—копеечные японскіе вѣера, открытки, подчасникъ турецкой туфелькой, на столѣ—карточка жалкой и некрасивой мѣщанки... Но да сохранитъ Богъ-Ревнитель и его счастье!

Капри II. 1913.

СМЕРТЬ.

Во имя Бога милостиваго, милосердаго.

Вотъ разсказъ о смерти пророка, — миръ ему! — дабы утвердились сомнѣвающіеся въ необходимости покоряться Вожатому.

„Мы не видѣли и не видимъ Его“, — говорятъ они. Но солнце не виновато, что глазамъ летучей мыши не дано зрѣнія. Сердце человѣка ищетъ вѣры и защиты. Кто же прибѣгаетъ къ защитѣ совы? Лучше мечтать о сѣни феникса, хотя бы фениксъ и не существовалъ въ мірѣ. Сѣнь же Творца существуетъ отъ вѣка.

Черноухъ слѣдуетъ за львомъ: левъ знаетъ, гдѣ добыча, а черноухъ питается остатками его трапезы. Такъ шли евреи за пророкомъ изъ Египта. По милости Божіей, онъ совершилъ подвигъ.

Онъ испыталъ сладость сна, пробужденія и ласки въ дѣтствѣ. Царская дочь качала его на своихъ темныхъ и круглыхъ рукахъ, гладкихъ, какъ змѣя, но теплыхъ, какъ плодъ на солнцѣ. Она радостно и пристально смотрѣла на него черными глазами, сіявшими надъ нимъ, и порывисто цѣловала, прижимая къ холоднымъ грудямъ; она притворно душила его, какъ дѣлаютъ это всѣ дѣвушки. Вспоминая подобное, не одинъ восклицаетъ въ сердцѣ: „Зачѣмъ не юношей былъ я тогда!“ Но всему свое время.

Фараонъ далъ ему перстень власти и одежды царедворца. Когда утренняя свѣжесть смѣняется теплomъ солнца, когда на базарѣ поливаютъ укропъ, чтобы привлечь обоняніе покупателя, когда пахнетъ кизякомъ изъ трубъ и туманомъ съ большой рѣки, по которой медленно, въ пару, идутъ высокіе бѣлые паруса, а рѣдкобородый буйволъ, сизый и шершавый, какъ свинья, тупо глядитъ на нихъ, поднимаясь изъ при-

брежнаго ила,—пророкъ, чувствуя силы и бодрость, ѣхалъ въ колесницѣ надзирать за полевыми работами и могъ по головѣ стегать бичомъ лѣнивыхъ, кричать на нихъ до красноты лица, чтобы сладко, въ сознаніи исполненнаго долга, отдохнуть потомъ въ легкой тѣни пальмъ, на сухой плотинѣ между каналами.

Возмужавъ, онъ провелъ десять лѣтъ въ супружествѣ. Онъ спалъ съ женщиной богатой и дородной, онъ наслаждался ею ночью, а днемъ—своими распоряженіями и заботами, питьемъ и пищей, легкостью тѣла, любившаго и сухой жаръ внутри двора, на горячихъ каменныхъ плитахъ, и прохладное вѣяніе вѣтра по дому, приходившаго съ рѣки и отъ цвѣтущихъ садовъ острова. Онъ гордился дѣтьми, домомъ своимъ и почетомъ людей. И былъ счастливъ, какъ многіе. Но незримая рука натягивала лукъ его жизни; она пробовала тетиву и древко, готовясь пускать стрѣлы истины. И еще десять лѣтъ провелъ онъ въ работѣ ума и сердца, въ молчаливомъ постиженіи мудрости Египта, ибо стѣнѣ предшествуетъ основаніе, а рѣчи—мысль. И сказалъ о жрецахъ: „Глупцы! Рабамъ, страдающимъ отъ зноя, простительно воздѣвать руки къ солнцу и призывать его, какъ Бога. Но солнце—не Богъ. Бога никто не можетъ видѣть. Онъ непостижимъ. Его можно только чувствовать. Онъ одинъ. У Него нѣтъ дѣтей". И тогда фараономъ овладѣла ярость, какъ дикимъ осломъ, туромъ. „Кто смѣетъ жить и вѣрить безъ моего соизволенія? — воскликнулъ онъ. — У него нѣтъ драгоцѣнныхъ колецъ на пальцахъ, нѣтъ ожерелья на шеѣ. Онъ мой рабъ. Вотъ я воздвигну гоненіе на него и на весь народъ его. Я блесну, какъ молнія, я оглушу, какъ громъ". Пророкъ же напрягъ силы, какъ человѣкъ, стоящій передъ крутымъ подъемомъ въ гору, и пошелъ своимъ путемъ безъ страха и увѣренно.

Мускусъ растираютъ, алоэ кладутъ на огонь, чтобы дали они запахъ. Водолазъ не сорвалъ бы ни единой жемчужной раковины, если бы боялся задерживать дыханіе, бросаясь въ море. И когда настало время поднять самый тяжкій камень для зданія, вскинуть его на колѣно, перехватить покрѣпче и нести, пророкъ вскинулъ его до боли въ паху. И сорокъ лѣтъ несъ въ пустынѣ, напряженный, изнемогающій и радостный сознаніемъ, что творитъ волю Бога, а не фараона. И, донеся куда нужно, куда указано Строителемъ, кинулъ камень ладно и плотно, и выпрямился, и отеръ потъ съ лица—рукой дрожащей, ослабѣвшей и поющей до самаго плеча.

И настало время умереть ему.

Онъ позналъ истиннаго Бога. Онъ убѣдился, что безумно изображать Его въ видѣ идоловъ изъ камня, глины и металла. Богъ возложилъ на него подвигъ освобожденія еврейскаго народа отъ рабства и соблазна идолопоклонства: и онъ порвалъ шелковыя сѣти міра, возсталъ и одолѣлъ въ борьбѣ. Богъ послалъ ему испытаніе: сорокъ лѣтъ быть вождемъ строптивыхъ и слабыхъ, предводительствовать и поучать въ голодной и знойной пустынѣ. И сорокъ лѣтъ былъ онъ властенъ, какъ царь, неутомимъ, какъ поденщикъ, обремененный дѣтьми, нищъ, какъ пастухъ, крѣпокъ и высокъ, какъ борецъ, силенъ и рыжъ, какъ левъ. Его тѣло, липнь по чресламъ препоясанное звѣриной шкурой, стало чернымъ отъ солнца и вѣтра, а ступни грубы и мозолисты, какъ у верблюда. Въ старости онъ сталъ страшенъ для людей, и никто изъ нихъ не думалъ, что онъ смертенъ. Но часъ его приблизился.

Вы, слушающіе! Въ Книгѣ написано: „Всѣ зачаты въ лонѣ истины,—это родители дѣлаютъ изъ дѣтей евреевъ, христіанъ, огнепоклонниковъ“. Мудрый же, какъ слѣпой: онъ ощупываетъ каждый камень на пути, выбирая путь правый, онъ поднимаетъ лицо кверху, тянется къ единому источнику свѣта и тепла. Онъ думаетъ о жизни и о смерти, уменьшая страхъ свой передъ нею. И было немало тѣхъ, что̀ приняли чашу неизбѣжнаго спокойно; были и тѣ, что̀ говорили: она сладостна такъ же, какъ чаша жизни. Только глупецъ тянется къ чашѣ смерти при жизни. Видъ его противенъ. Но и тотъ глупецъ, кто не думаетъ о неизбѣжномъ, кто забываетъ, что у всѣхъ смертныхъ долженъ быть единый Возлюбленный, обладающій благостью и требующій покорности. Вы, слушающіе! Слушайте внимательно, какъ всегда долженъ слушать человѣкъ человѣка, и, слушая, думайте. Ибо мы говоримъ, мѣшая чужія хорошія слова со своими порядочными, о томъ, что̀ не чуждо ни единому изъ насъ, а цѣль паша — утѣшеніе

Въ Книгѣ написано: „Мы къ человѣку ближе, чѣмъ его сонная артерія“. Богъ милосердъ. Онъ знаетъ, что̀ хорошо и что̀ дурно для насъ. Онъ сотворилъ насъ смертными, мы же думаемъ противиться смерти. Напрасный трудъ! Слышали ли вы, чего стоило Искандеру Двурогому достигнуть Страны Мрака? Все же не ему удалось испить воды вѣчной жизни, о которой ему говорили: она въ Странѣ Мрака. Ангелъ вѣтровъ не заботится о томъ, что отъ крылъ его погаснетъ свѣтильникъ бѣдной вдовы. Гонецъ смерти не внемлетъ ни мольбѣ пастуха ни воплю владыки. Погоди: земля выѣстъ мозгъ изъ

нашихъ череповъ, полныхъ замысловъ. Смерть не монголъ, и ты не Атабекъ-Абубекръ: отъ нея не откупишься золотомъ. Ищите же утѣшенія.

Пророкъ воспротивился волѣ Бога въ пустынѣ; и за ослушаніе былъ наказанъ тяжко: Богъ запретилъ ему войти въ землю обѣтованную. Пророкъ возмутился духомъ, когда вспомнилъ, что онъ смертенъ, и что смерть уже близка къ нему, ибо онъ былъ старъ. Онъ сказалъ: „Я вступлю въ единоборство съ нею". Въ полдень, проходя по еврейскому стану въ горахъ Моава, онъ не увидѣлъ на бѣлыхъ камняхъ возлѣ себя своей тѣни. И затрепеталъ отъ страха, и помутилось въ головѣ его, какъ у человѣка, сраженнаго лихорадкой. Тогда пошелъ онъ къ шатру своему той поступью, какой идетъ раненый звѣрь на противника. И препоясался мечомъ и приказалъ подать пищи. И ѣлъ много и жадно, до пресыщенія. И почувствовалъ боли и тошноту, какъ бы отъ яда, какъ бы отъ плода съ адскаго древа Заккума, и позеленѣлъ въ лицѣ, покрылся потомъ, какъ рождающая женщина, и легъ на землю, крича дико: „Вотъ я умираю, обнажите мечи и встаньте на защиту мою!". Такъ кричалъ онъ первый день. На второй боли усилились, и онъ сталъ молить, злобствуя и стеная: „Позовите врача ко мнѣ!". Когда же врачъ обнаружилъ свое безсиліе, и настала третій день, пророкъ сказалъ тихо: „О, пожалѣйте меня! Смерть непобѣдима!". И ослабѣлъ и впалъ въ сонъ, и спалъ весь день, и боли отступили отъ него. И, очнувшись, увидалъ, что уже ночь, и онъ одинъ, и опять ощутилъ сладость жизни и печаль разлуки. Тогда вошли къ нему два темныхъ ангела, чтобы утѣшить и приготовить его.

Одинъ сѣлъ въ возглавіи, другой — въ ногахъ пророка. „Говори!"—сказали они. Но онъ молчалъ и не отвѣтилъ имъ, думая. Онъ глядѣлъ въ ночь, за приподнятую полу шатра, въ страхѣ чувствуя ихъ присутствіе, ибо еще не вошла во всѣ жилы его истина. И было такъ тихо въ шатрѣ и въ пустынѣ, что всѣ трое слышали шорохъ горячаго вѣтра, пробѣгавшаго въ темнотѣ низко. Звѣзды же горѣли сумрачно, какъ во всѣ жаркія ночи.

„Богъ милосердъ къ Своимъ созданіямъ",—сказалъ ангелъ, сидящій въ головахъ пророка.

„Но вотъ человѣкъ страдающій: онъ умиралъ и умираетъ",—сказалъ ангелъ, сидящій въ ногахъ его.

Они хотѣли испытать пророка, но онъ понялъ это. И отвѣтилъ, думая:

„Это была не смерть, а болѣзнь, наказаніе. Не лучше ли

такъ думать? Ибо испытавшій смерть не можетъ говорить о ней. Мы не знаемъ ея".

„Солнце—источникъ жизни",—сказалъ ангелъ, сидящій въ возглавіи.

„Но оно же и смертельно, какъ рогатая гадюка",—сказалъ ангелъ, сидящій напротивъ.

Они хотѣли испытать его, но онъ понялъ это. И отвѣтилъ, думая:

„Мы не знаемъ цѣли Бога. А Онъ благъ, и цѣль Его — благая. Не лучше ли такъ думать? Каждое мгновеніе свое долженъ человѣкъ посвящать жизни, помня о смерти лишь затѣмъ, дабы взвѣшивать дѣла свои на вѣсахъ ея и безъ страха встрѣтить часъ неизбѣжный. Какъ бы зналъ торгующій, что онъ честенъ съ покупателемъ, что онъ даетъ ему должное, если бы не было вѣсовъ? Какъ бы провелъ свой день человѣкъ, если бы сердца его не покидало возмущеніе, что зайдетъ въ свой часъ солнце,— если бы овладѣло имъ желаніе не допустить этого? Былъ бы онъ безуменъ и безплоденъ".

„Сонъ мертвыхъ сладокъ", — сказалъ ангелъ, сидящій въ возглавіи пророка.

„Но вотъ умеръ въ станѣ еврейскомъ человѣкъ счастливый, молодой, любимый,—сказалъ ангелъ, сидящій въ ногахъ его.—Ты послушай: вотъ шорохъ горячаго вѣтра, пробѣгающаго въ темнотѣ мимо, звѣзды горятъ сумрачно, и гіены плачутъ и скулятъ отъ злого счастья, торопливо разрывая могилу, принюхиваясь къ зловонію и предвкушая пожираніе внутренностей. Скорбь же близкихъ умершаго страшнѣй самой могилы".

Они хотѣли испытать пророка и ранили сердце его. Но, думая, онъ сказалъ имъ:

„Я вспоминаю каждое мгновеніе моей жизни: сладкаго дѣтства, радостной молодости, трудового мужества—и оплакиваю ихъ. Вы говорите о могилѣ, — и руки мои холодѣютъ отъ страха. Прошу васъ: не утѣшайте меня, ибо утѣшеніе лишаетъ мужества. Прошу васъ: не напоминайте мнѣ о тѣлѣ, ибо оно сгніетъ. Не лучше ли иначе думать? И стоянку, долину, защищенную отъ вѣтровъ, гдѣ провелъ человѣкъ хотя бы одинъ день, покидаетъ онъ съ сожалѣніемъ; но онъ долженъ итти, если итти необходимо. Говоря со страхомъ о могилѣ, не говоримъ ли мы словами древнихъ, знавшихъ тѣло и не знавшихъ Бога и безсмертія души? Страшно величіе дѣлъ Божіихъ. Не принимаемъ ли мы этотъ страхъ за страхъ смерти? Чаще говорите себѣ: часъ ея не такъ страшенъ,

какъ мы думаемъ. Иначе не могъ бы существовать ни міръ ни человѣкъ".

„Онъ мудръ",—сказалъ ангелъ, сидящій въ возглавіи.

„Онъ былъ строптивъ и дерзокъ,—сказалъ ангелъ, сидящій напротивъ.—Онъ мечталъ бороться съ Богомъ и вотъ снова будетъ наказанъ: ни единый смертный не укажетъ могилы его въ горахъ Моава. И тѣмъ уменьшится слава его".

Они хотѣли испытать пророка, но онъ понялъ ихъ и отвѣтилъ имъ твердо:

„Благостна слава достойныхъ славы для не славныхъ: она возвышаетъ и укрѣпляетъ ихъ духъ. Но должно быть уменьшено то, что̀ заслужило уменьшенія. Ибо и самого̀ славнаго радуетъ только истинная мѣра славы".

Тогда ангелы, пораженные мудростью пророка, воскликнули, вставая съ мѣстъ:

„Воистину самъ Богъ утѣшитъ тебя! Мы же поклоняемся тебѣ".

Они были темны и стояли въ темномъ шатрѣ. Но глаза ихъ сіяли, и пророкъ видѣлъ звѣздное сіяніе ихъ глазъ. Они отошли въ ночь, какъ тѣни, чуть склонясь при выходѣ изъ шатра. Пророкъ же остался одинъ среди ночи и пустыни, лежа на землѣ. И когда взошло солнце изъ-за каменистыхъ горъ, и стало свѣтло и жарко въ шатрѣ, чувствуя великую жажду отдыха въ прохладѣ, пророкъ оставилъ свое ложе и пошелъ въ долину среди горъ, ища тѣни. Но и въ долинѣ уже не было ея. Въ нѣдрахъ же одной горы была пещера. И вотъ два невольника острыми кирками осѣкаютъ входъ въ пещеру. Камни у входа были бѣлы, какъ снѣгъ горный, и горячи отъ солнца. И черные волосы мѣдноликихъ невольниковъ и повязки вокругъ чреслъ ихъ были мокры отъ пота. Но два свѣжихъ плода, два яблока лежало на камнѣ возлѣ пещеры, а въ пещерѣ были мракъ и прохлада. И сказали работавшіе, опуская кирки:

„Привѣтствуемъ тебя, господинъ и вождь, во имя Бога милостиваго, милосердаго. Вотъ мы кончили свой трудъ".

И пророкъ спросилъ ихъ:

„Кто вы и что̀ вы дѣлали?"

Они же отвѣтили ему:

„Мы готовили для царя кладохранительницу. Войди, взгляни и отдохни отъ пути и зноя. Уста свои освѣжи плодами и скажи намъ: какой слаще и спѣлѣе изъ нихъ?"

И, войдя въ пещеру, пророкъ сѣлъ на каменное ложе у стѣны ея и почувствовалъ тѣнь и прохладу. И, откусивъ перваго плода, сказалъ:

„Воистину это сама жизнь: я пью ключевую воду, я обоняю благоуханіе полевыхъ цвѣтовъ и чувствую вкусъ осинаго меда. Я бодръ и силенъ".

И, откусивъ второго, воскликнулъ:

„Воистину это ни съ чѣмъ несравнимо: я пью вина райскія, запечатанныя печатью изъ мускуса, смѣшанныя съ водой Таснима, источника, утоляющаго жажду тѣхъ, что̀ приближаются къ Вѣчному. Я обоняю ароматъ Аль-Джинната, Сада небеснаго, и чувствую вкусъ меда изъ цвѣтовъ его: въ этомъ медѣ нѣтъ горечи. И вотъ сонъ блаженный туманитъ мнѣ голову. Не будите меня, невольники, доколѣ не исполнится мой срокъ".

И невольники,—это были ангелы, невольники Божіи,—стали тихо продолжать затихающую рѣчь его:

„Доколѣ,—сказалъ первый, читая суру о Великой Вѣсти:—доколѣ солнце не будетъ согнуто, не падутъ съ неба звѣзды, не сдвинутся съ мѣста горы, не будутъ покинуты верблюдицы, не соберутся въ стаи дикіе звѣри, не закипятъ моря..."

„Я Синъ,—сказалъ второй, читая суру Отходную.—Слава царствующему надо всѣмъ міромъ! Вы всѣ возвратитесь къ Нему..."

И, слушая ихъ шопотъ, но не слыша ихъ словъ, пророкъ возлегъ на ложе и опочилъ сномъ смерти, не вѣдая того. И ангелы закрыли входъ въ могильную пещеру и отошли къ Господину, посылавшему ихъ. И приложился пророкъ къ народу своему, насыщенный днями и не замѣтивъ конца своихъ дней. Никто, даже и донынѣ, не созерцалъ его могилы въ горахъ Моава. Но мудрость его запечатлѣна въ памяти всѣхъ народовъ и записана на небесахъ въ книгѣ вѣчной—Гилльюнъ.

Шейхъ Саади,—да будетъ благословенно его имя!—шейхъ Саади,—много его жемчужинъ нанизали мы рядомъ со своими на нитку хорошаго слога!—разсказалъ намъ о человѣкѣ, испытавшемъ сладость приближенія къ Возлюбленному. Человѣкъ этотъ былъ погруженъ въ созерцаніе; когда же очнулся онъ, спросили его съ ласковой усмѣшкой: „Гдѣ же цвѣты изъ сада мечты твоей?" И человѣкъ отвѣтилъ: „Я хотѣлъ набрать для друзей моихъ цѣлую полу розъ; но, когда я приблизился къ розовому кусту, такъ опьянилъ меня ароматъ его, что я выпустилъ ее изъ рукъ".

Кто можетъ, тотъ свяжетъ разсказъ поэта съ нашимъ.

Миръ и радость всѣмъ живущимъ!

Капри. XII. 1911.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МУШКЕТЪ.

Видѣлъ сонъ Мушкетъ:
Видѣлъ онъ азовскія подолья,
На бурьянѣ, на татаркахъ — алый цвѣтъ,
А въ бурьянѣ—ржавыхъ копій колья.

Чортъ повилъ въ жгуты,
Засушилъ въ крови казачьи чубы.
Эхъ, Мушкетъ! А что же дѣлалъ ты?
Видишь ли оскаленные зубы?

Твой крестовый братъ
Въ Цареградѣ былъ посаженъ на-колъ.
Братъ зоветъ Мушкета въ Цареградъ —
И Мушкетъ проснулся и заплакалъ.

Всталъ, жену убилъ,
Сонныхъ зарубилъ своихъ малютокъ,
И пошелъ въ туретчину, и былъ
Въ Цареградѣ черезъ сорокъ сутокъ.

И турецкій ханъ
Отрубилъ ему башку сѣдую,
И швырнули ту башку въ лиманъ,
И плыла она, качаясь, въ даль морскую.

И глядѣла въ высь, —
Къ Господу глаза ея глядѣли.
И Господь отвѣтилъ: „Не журись,
Не тужи, Мушкетъ, — тебя отпѣли“.

4. IX. 1913.

ГРОБНИЦА.

Глубокая гробница изъ порфира.
Клоки парчи и два крутыхъ ребра.
Въ костяхъ руки—желѣзная сѣкира,
На черепѣ—вѣнецъ изъ серебра.

Надвинутъ онъ на черныя глазницы,
Сквозитъ на лбу, блестящемъ и пустомъ.
И тонко, сладко пахнетъ изъ гробницы
Истлѣвшимъ кипарисовымъ крестомъ.

10. VIII. 1912.

СТЕПЬ.

Синій воронъ отъ падали
Алый клювъ поднималъ и глядѣлъ.
А другіе косились и прядали,
А кустарникъ шумѣлъ, шелестѣлъ.

Синій воронъ пьетъ глазки до донушка,
Собираетъ по косточкамъ дань...
Сторона ли моя, ты сторонушка,
Вѣковая моя глухомань!

21. IX. 1913.

НЕВѢСТКА.

Свекровь-госпожа въ терему до полдёнъ заспалась:
Спи, рòдная, спи, я одна, молода, убралась!
Серьгу и кольцо я въ бору колдуну отдала,
Питье на меду да на сладкомъ корню развела.

И черенъ и смоленъ зеленый за теремомъ боръ.
Сынокъ твой воротится, сыщетъ подъ лавкой топоръ:
„Сынокъ, не буди меня: клонитъ старуху ко сну.
Сруби мнѣ два дерева—ель да рудую сосну“.

Пнь, ель на постель, а сосну?—„А ее на кровать:
На бархатѣ смольномъ въ гробу золотомъ почивать,
На хвоѣ примятой княгиню положите вы,
Съ болотною мятой округъ восковой головы“...

Ужъ какъ же я буду за церковью выть, голосить:
Ужъ какъ же я выйду на-ранѣ покосы косить!
Въ кораллъ, въ костенику я косы свои уберу,
Шальною и дикой завьюсь, замотаюсь въ бору!

20. VIII. 1913.

БѢЛЫЙ ОЛЕНЬ.

Ѣдетъ стрѣлокъ въ зеленые луга,
Въ тѣхъ ли лугахъ осока да куга,
Въ тѣхъ ли лугахъ все чемёръ да цвѣты,
Вешней водою низы налиты.
Бѣлый Олень, Золотые Рога!
Ты не топчи заливные луга.

Прянулъ Олень, увидавши стрѣлка,
Конь богатырскій шатнулся слегка.
Плеткой стрѣлокъ по Оленю стебнулъ,
Крѣпкой рукой самострѣлъ натянулъ.
Да опустилась на гриву рука:
Бѣлый Олень, погубилъ ты стрѣлка!

— Ты не стебай, не стрѣляй, молодецъ,
Примешь ты скоро завѣтный вѣнецъ.
Въ нѣкое время сгожусь я тебѣ,
Съ луга къ веселой приду я избѣ:
Тутъ и забавамъ стрѣлецкимъ конецъ —
Будешь ты дома сидѣть, молодецъ.

Стану, Олень, на дворѣ я съ утра,
Златомъ роговъ освѣчу полдвора,
Сладкимъ виномъ поѣзжанъ напою,
Всѣхъ особливѣй невѣсту твою:
Чтобъ не мочила слезами лица,
Чтобъ не боялась кольца и вѣнца.

1. VIII. 1912.

АЛИСАФІЯ.

На песокъ у моря синяго
Золотая верба клонится.

Алисафія за братьями
По песку морскому гонится.

— Что жъ вы, братья, меня кинули?
Гдѣ же это въ свѣтѣ видано?

— Покорись, сестра: ты батюшкой
За морского Змѣя выдана.

— Воротитесь, братья милые!
Хоть еще разъ попрощаемся!

— Не гонись, сестра: мы къ мачехѣ
Поспѣшаемъ, ворочаемся.

Золотая верба по-вѣтру
Во всѣ стороны клонилася.

На сырой песокъ у берега
Алисафія садилася.

Вотъ и солнце опускается
Въ огневую зыбь поморія.

Вотъ и видитъ Алисафія:
Бѣлый конь несетъ Егорія.

Онъ съ коня слѣзаетъ весело,
Отдаетъ ей поводъ съ плеткою:

— Дай уснуть мнѣ, Алисафія,
Подъ твоей защитой кроткою.

Легъ и спитъ, и дрогнетъ съ холоду
Алисафія покорная.

Тяжелѣетъ солнце рдяное,
Стала зыбь къ закату черная.

Закипѣла она пѣною,
Зашумѣла, закурчавилась:

— Встань, проснись, Егорій-батюшка!
Шуму на морѣ прибавилось.

Поднялась волна и на берегъ
Шибко мчитъ глаза змѣиные:

— Ой, проснись,—не медли, суженый,
Ни минуты ни единыя!

Онъ не слышитъ, спитъ, покоится.
И заплакала, закрылася

Алисафія — и тяжкая
По щекѣ слеза скатилася,

И упала на Егорія,
На лицо его, какъ олово,

И вскочилъ Егорій на ноги,
И срубилъ онъ Змѣю голову.

Золотая верба, звѣздами
Отягченная, склоняется.

Съ нареченнымъ Алисафія
Въ Божью церковь собирается.

2. VIII. 1912.

ПѢСНЯ.

Два голоса—матери и сына.

— Ночь мутна и не мѣсячна,
А дорога глуха...

— Троепераго знахарю
Я отнесъ пѣтуха.

— Лѣсъ, дремучій, разбойничій,
Теменъ съ давнихъ временъ...

— Ножъ булатный за пазухой
Горячо наточенъ!

— Рѣки быстры и холодны,
Перевозчики спятъ...

— За рѣкой вѣтеръ высушитъ
Мой нехитрый нарядъ!

— А когда же мнѣ, дитятко,
Ко двору тебя ждать?

— Ужъ давай мы какъ слѣдуетъ
Попрощаемся, мать!

VII. 1912.

КОНЬ СВЯТОГОРА.

Въ чистомъ полѣ, у камня Алàтыря,
Будитъ конь Святогора-богàтыря:
Грудью палъ на колчанъ Святогоръ.
Воронъ по полю плаваетъ, каркая.
Свѣтъ-заря помутилася жаркая.
Мѣсяцъ всталъ на полночный дозоръ.

Ой, не спитъ Святогоръ,—притворяется!
Конь легонько копытомъ касается
До плеча въ золоченой рѣзьбѣ:
„Я ль не сытый пшеницею яровой?
Я ль не крытый попоною жаровой?
Мнѣ ль Ивана носить на себѣ?“

Въ чистомъ полѣ, у камня Алàтыря,
Свѣтитъ мѣсяцъ по шлему богàтыря:
Принялъ Божію смерть Святогоръ.
Конь вздыхаетъ, реветъ по-звѣриному:
Онъ служилъ господину единому!
А Иванъ распахнулъ бѣлъ-шатеръ:

Онъ ползетъ по росѣ, подкрадается,
Онъ татариномъ дикимъ гонится,
Онъ за гриву хватаетъ коня.
Ночь за ночью идетъ, воронъ каркаетъ,
Вѣтромъ конь вкругъ Алатыря шаркаетъ,
Стременами пустыми звеня.

Анакапри. 8. III. 1913.

МАЧЕХА.

У меня, сироты, была мачеха злая.
Въ избу пустую ночью пришла я:

Въ темные лѣсы гнала меня мати
Жито сырое молоть, просѣвати.

Много смолола я—куры не пѣли,
Слышу—дверные крюки заскрипѣли,

Глянула—вижу желѣзные роги,
Черную Мати, косматыя ноги.

Брала меня Мати за правую руку,
Вела меня Мати къ вѣнцу да на муку,

За темные лѣсы, за синіе боры,
За быстрыя рѣки, за бѣлыя горы.

Ой, да я лѣсы прошла со свѣчами,
Въ плынь я плыла по рѣкамъ со слезами,

Въ трубы по бѣлымъ горамъ я трубила:
Слушайте, люди, кого я любила!

20. VIII. 1913.

ПРАЩУРЫ.

Голоса съ берега и съ корабля.

„Лицомъ къ туманной зыби хороните
На берегу песчаномъ мертвецовъ...“

— Плывемъ въ туманъ. Надъ мачтою, въ зенитѣ—
Туманный ликъ... Чей это слабый зовъ?

„Мы дышимъ ночью, моремъ и туманомъ,
Намъ хорошо въ его сыромъ пару...“

— А! На холмѣ, пустынномъ и песчаномъ,
Полночный вихрь проносится въ бору!

„Мы ль не любили зыбь и наши юмы?
Мы ль не крѣпили въ бурю паруса?“

— Въ туманъ холодный, медленный, угрюмый,
Скрывается песчаная коса.

24. VII. 1912.

СВѢТЛЯКЪ.

Лѣса, пески, сухой и теплый воздухъ,
Напѣвъ сверчковъ, таинственно-простой.
Надъ головою—небо въ блѣдныхъ звѣздахъ,
Подъ хвоей—сумракъ, мягкій и густой.

Вотъ и она, забытая, глухая,
Часовенка въ бору: издалека
Мерцаетъ въ ней, всю ночь не потухая,
Зеленая лампадка свѣтляка.

Когда-то озаряла намъ дорогу
Другая въ этой сумрачной глуши..
Но чья святѣй?—Равно̀ угоденъ Богу
Свѣтъ и во тьмѣ немеркнущей души.

Подъ Себежемъ. 24. VIII. 1912.

ДѢДУШКА.

Дѣдушка ѣстъ грушу на лежанкѣ,
Деснами кусаетъ спѣлый плодъ.
Поднялъ плечъ костлявые останки
И втянулъ въ нихъ черепъ, какъ уродъ.

Глазки—что̀ коринки, со звѣриной
Пустотой и грустью. Все забылъ.
Ужъ запасся гробовой холстиной,
По къ ѣдѣ—какой-то лютый пылъ.

Чуетъ: отовсюду обступила,
Смотритъ на лежанку, на кровать
Ждущая, томительная Сила...
И спѣшитъ, спѣшитъ онъ—доживать.

19. VIII. 1913.

НОЧНАЯ ЗМѢЯ.

Глаза козюли, медленно ползущей
Къ своей норѣ ночною сонной пущей,
Горятъ, какъ угли. Сумрачная мгла

Стоитъ въ кустахъ,—и вотъ она зажгла
Два ночника, что̀ зажигать дано ей
Лишь девять разъ, и подъ колючей хвоей
Влачитъ свой жгутъ такъ тихо, что сова,
Плывя за ней, слѣдитъ едва-едва
Шуршанье мховъ... А ночь темна въ іюлѣ,
А врагъ вездѣ—и страшенъ онъ козюлѣ
Въ ночномъ бору, гдѣ смолкъ обычный шумъ:
Она сосредоточила весь умъ,
Всю силу зла въ своемъ горящемъ взглядѣ,
И даже ихъ, ежей, идущихъ сзади,
Пугаетъ ядъ, когда она въ пути
Замедлитъ, чтобъ преграду обойти,
Головку приподыметъ, водитъ жаломъ
Надъ мухоморомъ, сморщеннымъ и алымъ,
Глядитъ на пни, торчащіе изъ ямъ,
И свѣтитъ полусоннымъ муравьямъ.

28. VII. 1912.

ВЕЛИКІЙ ЛОСЬ.

Ночь зимняя мутна и холодна.
Какъ мертвая, стоитъ ея луна.
Изъ радужнаго блѣднаго кольца
Глядитъ она на лыжи у крыльца,
На тѣнь мою, на молчаливый домъ
И на кустарникъ въ иней густомъ.
Еще блеститъ оконное стекло,
Но волчьей мглой поля заволокло:
На сѣверѣ огни полночныхъ звѣздъ
Горятъ изъ мглы, какъ изъ пушистыхъ гнѣздъ.

Съ собакою самъ-другъ я при лунѣ.
Заиндивѣлъ тяжелый мѣхъ на мнѣ,
Глаза прозрачнымъ льдомъ окружены,
И вся душа—во власти тишины,
Предъ жуткимъ богомъ сѣверныхъ ночей,
У тайны тайнъ, истока всѣхъ ключей.
Снѣгъ межъ кустовъ, туманно-голубой,
Осыпанъ жесткой сѣрою крупой.
Таинственнымъ дыханіемъ гонимъ,
Туманъ плыветъ,—и я мѣшаюсь съ нимъ.

И меркнетъ тѣнь, и двинулась луна,
Въ свой блѣдный свѣтъ, какъ въ дымъ, погружена,

И кажется, вотъ-вотъ и я пойму
Незримое—идущее въ дыму
Отъ тѣхъ земель, отъ тѣхъ предвѣчныхъ странъ,
Гдѣ гробовой чернѣетъ океанъ,
Гдѣ, наступивъ на ледяную Ось,
Превыше звѣздъ возсталъ Великій Лось—
И отражаютъ блѣдные снѣга
Стоцвѣтные горящіе рога.

25. VII. 1912.

НА БОЛЬШОЙ ДОРОГѢ.

Какъ дымъ пожара, туча шла.
Молчала старая дорога.
Такая тишина была,
Что въ ней былъ слышенъ голосъ Бога,
Великій, жуткій для земли
И внятный не земному слуху,
А только внемлющему духу.
Жгло солнце. Блеклыя, въ пыли,
Сѣрѣли травы. Степь роняла
Беззвучно зерна—рожь текла
Какъ бы крупинками стекла
Въ суглинокъ жаркій. Тонко, вяло,
Сѣдыя крылья распустивъ,
Птенцы грачей во ржи кричали,
Но въ духотѣ песчаныхъ нивъ
Терялся крикъ. И вырастали
На югѣ тучи. И листва
Ветлы, склоненной къ ихъ подножью,
Вся серебристой млѣла дрожью—
Въ грядущемъ страхѣ Божества.

10. VIII. 1912.

РИТМЪ.

Часы, шипя, двѣнадцать разъ пробили
Въ сосѣдней залѣ, темной и пустой,—
Мгновенія, бѣгущія чредой
Къ безвѣстности, къ забвенію, къ могилѣ,

На краткій срокъ свой бѣгъ остановили
И вновь узоръ чеканятъ золотой:
Заворожилъ ритмической мечтой,
Вновь отдаюсь меня стремящей силѣ.

Раскрывъ глаза, гляжу на яркій свѣтъ —
И слышу сердца ровное біенье,
И этихъ строкъ размѣренное пѣнье,
И мыслимую музыку планетъ.

Все—ритмъ и бѣгъ. Безцѣльное стремленье!
Но страшенъ мигъ, когда стремленья нѣтъ.

9. VIII. 1912.

ЧИБИСЫ.

Заплакали чибисы, тонко и ярко
Весенняя свѣтится синь,
Обвяла дорога, гдѣ солнце—тамъ жарко,
Сѣрѣетъ и сохнетъ полынь.

На сѣрыхъ поляхъ—голубыя озера,
На пашняхъ—лиловая грязь.
И чибисы плачутъ—отъ свѣта, простора,
Отъ счастія—плакать, смѣясь.

13. IV. 1906.

КУПАЛЬЩИЦА.

Смугла, ланиты поблѣднѣли,
И потемнѣлъ лучистый взглядъ.
На молодомъ холодномъ тѣлѣ
Струится шелковый нарядъ.

Заливъ опаловою гладью
Въ дали сіяющей разлитъ.
И легкій вѣтеръ смольной прядью
Ея волосъ чуть шевелитъ

И млѣетъ знойно-голубое
Подобье горъ—далекій Крымъ.
И горяча тропа на зноѣ
По виноградникамъ сухимъ.

1906.

ХОЛОДНАЯ ВЕСНА.

Среди кривыхъ стволовъ, среди вѣтвей корявыхъ
Ползетъ молочный дымъ: окуриваютъ садъ.
Всѣ яблони въ цвѣту—и вотъ, въ зеленыхъ травахъ,
Огни, какъ языки, краснѣютъ и дрожатъ.

Безцвѣтный западъ чистъ—жди къ полночи мороза.
И соловьи всю ночь поютъ изъ теплыхъ гнѣздъ
Въ дурманѣ голубомъ дымящаго навоза,
Въ серебряной пыли туманно-яркихъ звѣздъ.
2. VIII. 1912.

ЛѢТНЯЯ НОЧЬ.

— „Дай мнѣ звѣзду,—твердитъ ребенокъ сонный:—
Дай, мамочка...“—Она, обнявъ его,
Сидитъ съ нимъ на балконѣ, на ступенькахъ,
Ведущихъ въ садъ. А садъ, степной, глухой,
Идетъ, темнѣя, въ сумракъ лѣтней ночи,
По скату къ балкѣ. Въ небѣ, на востокѣ
Краснѣетъ одинокая звѣзда.

„Дай, мамочка...“ Она съ улыбкой нѣжной
Беретъ худое личико:—„Что, милый?“
— „Вонъ ту звѣзду...“—„А для чего? Играть?“
— „Какая же ты глупая! Конечно!“

Лепечутъ листья сада. Тонкимъ свистомъ
Сурки въ степи скликаются. Ребенокъ
Спитъ на колѣняхъ матери. И мать,
Обнявъ его, вздохнувъ счастливымъ вздохомъ,
Глядитъ большими грустными глазами
На тихую далекую звѣзду...

Прекрасна ты, душа людская! Небу,
Бездонному, спокойному, ночному,
Мерцанью звѣздъ подобна ты порой!
VIII. 1912.

НОЯБРЬСКАЯ НОЧЬ.

Туманъ прозрачный по полямъ
Идетъ навстрѣчу мнѣ,
Луны касаясь по краямъ,
Мелькая въ вышинѣ.
Въ поляхъ не мало бороздъ, ямъ,
Невидныхъ при лунѣ.

Что тамъ? Не рѣчки ль полоса?
Нѣтъ, это зелени.
Блеститъ холодная роса

На гривѣ у коня—
И дышатъ ладаномъ лѣса,
Раскрытые до пня.

Сбивался я и молодымъ,
Какъ сбился я теперь,
Да не пугалъ ни лунный дымъ,
Ни часъ ночной, ни звѣрь
Мнѣ ль привыкать къ полямъ пустымъ?
Къ тоскѣ разлукъ, потерь?

Но, видно, надо: не привыкъ.
Да и не тѣ года:
Глазамъ мѣшаетъ то башлыкъ,
То темная вода..
— А, можетъ, слезы? Ты, старикъ,
Брось лучше повода!

8. VIII. 1912.

ХУДОЖНИКЪ.

Хрустя по сѣрой галькѣ, онъ прошелъ
Покатый садъ, взглянулъ по водоемамъ,
Сѣлъ на скамью... За новымъ бѣлымъ домомъ
Хребетъ Яйлы и близокъ и тяжелъ.

Томясь отъ зноя, грифельный журавль
Стоитъ въ кустѣ. Опущена косица,
Нога—какъ трость... Онъ говоритъ: „Что̀ птица?
Недурно бы на Волгу, въ Ярославль!“

Онъ, улыбаясь, думаетъ о томъ
Какъ будутъ выносить его—какъ сизы
На жаркомъ солнцѣ траурныя ризы,
Какъ желтъ огонь, какъ бѣлъ на синемъ домъ.

„Съ крыльца съ кадиломъ сходитъ толстый попъ,
Выводитъ хоръ... Журавль, пугаясь хора,
Защелкаетъ, взовьется отъ забора—
И ну плясать и стукать клювомъ въ гробъ!“

Въ груди першитъ. Съ шоссе несется пыль,
Горячая, особенно сухая.
Онъ снялъ пенснэ и думаетъ, перхая:
„Да-съ, водевиль... Все прочее есть гиль“.

1908.

ОТЧАЯНІЕ.

...И новаго порфирой облекли
И назвали владыкою Ирана.
Ножъ отняли у прежняго тирана,
Но съ робостью, съ поклономъ до земли.

Въ Испаніи—ревъ варварскаго стана,
Тамъ съ грязью мозгъ копытами толкли...
Кровоточитъ зіяющая рана
Въ боку Христа.—Ей, Господи, внемли!

Я плакалъ въ злобѣ; плакалъ отъ позора,
Отъ скорби—и надежды; я годà
Молчалъ въ тоскѣ безсилья и стыда.
Но я такъ жадно вѣрилъ: скоро, скоро!

Теперь лишь стоны слышны. Въ эти дни
Звучитъ лишь стонъ... Лама савахѳани?
1908.

МОГИЛЬНАЯ ПЛИТА.

Опять знакомый домъ...

Огаресъ.

Могильная плита, желѣзная доска,
Въ густой травѣ врастающая въ землю—
И мнѣ ея печаль понятна и близка,
И я роднымъ преданьямъ внемлю.
И я „люблю людей, которыхъ больше нѣтъ“,
Любовью всепрощающей, сыновней.
Послѣдній ихъ побѣгъ, я не забылъ ихъ слѣдъ
Подъ старой, обвѣтшалою часовней.
Я молодымъ себя, въ своемъ простомъ быту,
На бѣдномъ ихъ погостѣ вспоминаю.
Послѣдній ихъ побѣгъ, подъ эту же плиту
Приду я лечь—и тихо лягу—съ краю.
6. IX. 1913.

НОЧНЫЯ ОБЛАКА.

Океанъ подъ ясною луной,
Теплой и высокой, блѣднолицей.
Льется гладкой, медленной волной,
Озаряясь жаркою зарницей.

Всходятъ горы облачныхъ громадъ:
Гавріилъ, кадя небеснымъ Силамъ,
Въ темномъ оиміамѣ царскихъ вратъ
Блещетъ огнедышащимъ кадиломъ.

Индійскій океанъ. II. 1911.

ДАЛЬНЯЯ ГРОЗА.

Мелькаютъ дали, черныя, слѣпыя,
Мелькаетъ океана мертвый ликъ:
Богъ разверзаетъ бездны голубыя,
Но лишь на краткій мигъ.

„Да будетъ свѣтъ!“ Но свѣтъ угасъ—и сонный,
Тяжелый гулъ растетъ вослѣдъ за нимъ:
Богъ, въ довременный хаосъ погруженный,
Мракъ потрясаетъ ропотомъ своимъ.

Индійскій океанъ. II. 1911.

НА КАМНЯХЪ.

Теплой ночью, горною тропинкой,
Я иду въ оливковомъ лѣсу.
Вижу въ небѣ бѣлый, ясный мѣсяцъ
И домой сырую сѣть несу.

Свѣтъ и тѣнь по мнѣ проходятъ сѣтью.
Рѣдкій лѣсъ похожъ на сѣрый садъ.
За Коринѳомъ, надъ горой высокой
Двѣ звѣзды полночныя лежатъ.

На камняхъ живемъ мы; ясный мѣсяцъ—
Противъ бѣлой мазанки моей.
И всю ночь хрустальными ручьями
Звонъ цикадъ журчитъ среди камней.

4. IX. 1913.

МАТРОСЪ.

Ночью въ морѣ крѣпко спать хотѣлось.
Измотало зыбью нашу барку,
На носу—угодника Николу,
На кормѣ—малиновый фонарикъ.

А пришли къ Патрасу—разсвѣтаетъ,
Море заштилѣло, зеленѣетъ,
На востокѣ, свѣтломъ, апельсинномъ,
Розовѣютъ снѣговыя горы.

У кого есть деньги, тотъ въ кофейнѣ,
Пьетъ мастику или чай съ лимономъ—
Э, успѣю выспаться! Скорѣе
Дай мнѣ сыру и вина покрѣпче!

Сладко ослабѣю, сытый, пьяный,
Забурлю кальяномъ, а хозяинъ
Будетъ усмѣхаться—и отъ смѣха
Носъ его короткій станетъ клювомъ.

Анакапри. 8. III. 1913.

МОНАСТЫРЬ ВЪ СИЦИЛІИ.

Монастыри въ предгоріяхъ глухихъ,
Наслѣдіе разбойниковъ морскихъ,
Обители забытыя, пустыя—
Моя душа жила когда-то въ нихъ:
Люблю, люблю васъ, келіи простыя,
Дворы въ стѣнахъ тяжелыхъ и нагихъ,
Валы и рвы, отъ плѣсени сѣдые,
Подъ башнями кустарники густые
И глыбы скользкихъ пепельныхъ камней,
Загромоздившихъ скаты побережій,
Гдѣ сквозь маслины кажется синѣй
Вода у скалъ, гдѣ крѣпко треплетъ свѣжій,
Соленый вѣтеръ листьями маслинъ
И на вѣтру благоухаетъ тминъ!

3. VIII. 1912.

ПОСЛѢ ОБѢДА.

Сквозь рѣдкій садъ шумитъ въ туманѣ море—
И тянетъ влажнымъ холодомъ въ окно.
Сирена на туманномъ косогорѣ
Мычитъ и мрачно и темно.

Лишь гимназистка съ толстыми косами
Одна не спитъ,—одна живетъ инымъ,
Хватая жадно синими глазами
Страницу за страницей „Дымъ“.

6. IX. 1913.

ПОТОМКИ ПРОРОКА.

Не мало царствъ, не мало странъ на свѣтѣ:
Мы любимъ тростниковые ковры,
Мы ходимъ не въ кофейни, а въ мечети—
На солнечные тихіе дворы.

Мы не купцы съ базара. Мы не рады,
Когда вступаетъ пыльный караванъ
Въ святой Дамаскъ, въ его сады, ограды:
Намъ не нужны подачки англичанъ.

Мы терпимъ ихъ. Но ни одежды бѣлой,
Ни бѣлыхъ шлемовъ видѣть не хотимъ.
Написано: чужому зла не дѣлай,
Но и очей не подымай предъ нимъ.

Скажи привѣтъ, но помни: ты—въ зеленомъ.
Когда придутъ, гляди на кипарисъ,
Гляди въ лазурь. Не будь хамелеономъ,
Что̀ по стѣнѣ мелькаетъ вверхъ и внизъ.

VIII. 1912.

ВЪ СКУТАРИ.

Шипитъ и не встаетъ верблюдъ,
Ревутъ, урчатъ бока скотины.
— Ударь ногой. Уже поютъ
Въ разсвѣтѣ аломъ муэззины.

Стамбулъ жемчужно-сѣръ вдали,
Отъ дыма сизо на Босфорѣ,
Въ дыму выходятъ корабли
Въ сѣдое Мраморное море.

Дымъ смѣшанъ съ холодомъ воды,
Онъ пахнетъ медомъ и ванилью,
И вами, бѣлые сады,
И кизякомъ, и росной пылью.

Выноситъ красный самоваръ
Грекъ изъ кофейни подъ каштаномъ,
Барановъ гонятъ на базаръ,
Проснулись нищіе за ханомъ...

Пора итти, глядѣть весь день
На зной и блескъ, и все къ востоку,
Гдѣ только птицъ косая тѣнь
Бѣжитъ по выжженному дроку.

VIII. 1912.

УГОЛЬ.

Моголъ Тимуръ принесъ малюткѣ-сыну
Огнемъ горящій уголь и рубинъ.
Онъ мудрый былъ: не къ камню, не къ рубину
Въ восторгѣ дѣтскомъ кинулся Иминъ.

Моголъ сказалъ: „Кричи и знай, что пленка
Уже легла на меркнущій огонь".
Но Богъ мудрѣй: Богъ пожалѣлъ ребенка—
Онъ самъ подулъ на дѣтскую ладонь.

VIII. 1912.

СУДНЫЙ ДЕНЬ.

Въ щитъ золотой, висящій у Престола,
Копьемъ ударитъ ангелъ Израфилъ—
И саранчой вдоль сумрачнаго дола
Мы потечемъ изъ треснувшихъ могилъ.

Щитъ загудетъ—и Ты возстанешь, Боже,
И тѣнь Твоя падетъ на судный долъ:
И будетъ твердь подобна красной кожѣ,
Повергнутой кожевникомъ въ разсолъ.

8. VIII. 1912.

ЗАВѢТЪ САДИ.

Будь щедрымъ, какъ пальма. А если не можешь, то будь
Стволомъ кипариса, прямымъ и простымъ—благороднымъ.

Трапезондъ. VI. 1913.

МАТЬ.

На пути изъ Назарета
Встрѣтилъ я Святую Дѣву.
Каменистая тропа
Самарія вокругъ меня,
Каменистая долина
Съ юга шла—и по долинѣ
Сѣменилъ ушастый осликъ
Межъ колосьевъ ячменя.

Тотъ, кто гналъ его, былъ въ пыльномъ
И заплатанномъ кунбазѣ,
Старъ, съ блестящими глазами,
Сизо-черенъ и курчавъ.
Онъ, босой и легконогій,
За хвостомъ его поджатымъ
Гнался съ палкою, виляя
Отъ колючекъ сорныхъ травъ.

А на немъ, на этомъ дробномъ,
Убѣгавшемъ мелкой рысью
Сѣромъ осликѣ, сидѣла
Мать съ ребенкомъ на рукахъ:
Какъ спокойно поднялися
Аравійскія рѣсницы
Надъ глубокимъ теплымъ мракомъ,
Что сіялъ въ ея очахъ!

Лѣтъ пятнадцать... Ожерелье
Изъ серебряныхъ монетокъ...
На вискахъ татуировка...
Легкій кубовый покровъ,
Ниспадающій на плечи...
Загорѣлая, босая...
Ты ли это, Матерь Бога
И Владычица міровъ?

Поклонялся я, Марія,
Красотѣ Твоей небесной
Въ странахъ франковъ, въ ихъ капеллахъ,
Полныхъ золота, огней,
Въ полумракѣ величавомъ
Древнихъ рыцарскихъ соборовъ,
Въ полумглѣ стоцвѣтныхъ оконъ
Сакристій и алтарей.

Тамъ, подъ плитами, почіютъ
Короли, святые, папы,—
Имена ихъ полустерты
И въ забвеніи дѣла.
Тамъ Твой Сынъ, главой поникшій,
Темный ликомъ, въ мукахъ крестныхъ.
Ты же—въ юности нетлѣнной:
Ты, и скорбная, свѣтла.

Золотой вѣнецъ и ризы
Бѣлоснѣжныя — я всюду
Ихъ встрѣчалъ съ восторгомъ тайнымъ:
При дорогахъ, на поляхъ,
Надъ бурунами морскими,
Въ шумѣ волнъ и крикахъ чаекъ,
Въ темныхъ каменныхъ пещерахъ
И на старыхъ кораблях.

Корабли во мракѣ, въ буряхъ
Лишь Тобой одной хранимы.
Ты — Звѣзда морей: со скрипомъ
Зарываясь въ пѣнѣ ихъ
И огни свои качая,
Мачты стойко держатъ парусъ,
Ибо кормчему незримо
Свѣтитъ свѣтъ очей Твоихъ.

Надъ безуміемъ буруновъ
Въ ясный день, въ дыму прибоя
Ты цвѣтешь цвѣтами радугъ.
Ночью, въ черныхъ пастяхъ горъ,
Озаренная лампадой,
Ты, какъ лилія, бѣлѣешь,
Благодатно и смиренно
Преклонивъ на четки взоръ.

И къ стопамъ Твоимъ пречистымъ,
На алтарь Твой въ бѣдной нишѣ
При дорогахъ межъ садами,
Всякъ свой даръ приносимъ мы:
Сирота-служанка — ленту,
Обрученная — свой перстень,
Мать — свои святыя слезы,
Запоньяръ — свои псалмы.

Человѣчество не помнитъ,
Какъ творитъ оно легенды,
Какъ имъ спѣта Пѣсня Пѣсней —
Отчего возведена
На престолы горней славы,
Красоты неизреченной
Позабытая, простая
Галилейская жена.

Человѣчество, вѣпчая
Властью божеской тирановъ
Обагряя руки кровью
Въ жаждѣ злата и раба,
И само еще не знаетъ,
Что оно иного жаждетъ,
Что еще разъ къ Назарету
Приведетъ его судьба.

Содрогался я отъ счастья
У святыхъ его преддверій:
О, Марія, сладко сердцу
Вспоминать и понимать,
Что, блуждая, всѣ мы ищемъ
Преклониться предъ любовью,
Галилейской нищетою
И сладчайшимъ словомъ: Мать.

Это Мать послала Сына:
— Дай имъ миръ и радость въ мирѣ.
Встань, иди. Скажи, какъ нѣжно
Я люблю свое дитя,
Какъ усталъ, какъ добръ Іосифъ,
Какъ онъ ноющей, дрожащей
Отираетъ потъ рукою,
Улыбаясь и шутя

— Разскажи о Назаретѣ,
О простомъ и бѣдномъ бытѣ,
О колодцѣ, гдѣ я мыла
Твой заплатанный хитонъ,
И о томъ, что, если будешь
Ты хотя владыкой міра
Багряницы и виссона
Будетъ мнѣ дороже онъ.

31. VII. 1912.

ЗАВѢСА.

Такъ говоритъ Господь: „Когда, Мой рабъ любимый,
Читаешь ты Коранъ среди враговъ Моихъ,
Я раздѣляю васъ завѣсою незримой,
Зане смѣшенъ врагамъ Мой сладкозвучный стихъ“.

И сокровенныхъ чувствъ, и думъ, и пѣсенъ много
Отъ васъ я утаилъ: никто моихъ путей,
Никто моей души не знаетъ, кромѣ Бога.
Онъ Самъ насъ раздѣлилъ завѣсою Своей.

8. VIII. 1912.

ЗОВЪ.

Какъ старымъ морякамъ, живущимъ на покоѣ,
Все снится по ночамъ пространство голубое
И сѣти зыбкихъ вантъ,—какъ вѣрятъ моряки,
Что ихъ моря зовутъ въ часы ночной тоски,
Такъ кличутъ и меня мои воспоминанья:
На новые пути, на новыя скитанья
Велятъ они вставать—въ тѣ страны, въ тѣ моря,
Гдѣ только бы тогда я кинулъ якоря,
Когда бъ завѣтную увидѣлъ Атлантиду:
Въ родныя гавани вовѣки я не вниду,
Но знаю, что и мнѣ, въ предсмертныхъ снахъ моихъ,
Все будетъ сниться сѣть канатовъ смоляныхъ
Надъ бездной голубой, надъ зыбью океана:
Да чутко встану я на голосъ Капитана!

8. VIII. 1912.

РАЗСКАЗЫ 1913—1915 г.

ЧАША ЖИЗНИ.

I.

Тридцать лѣтъ тому назадъ, когда уѣздный городъ Стрѣлецкъ былъ еще проще и просторнѣй, семинаристъ Киръ Іорданскій, сынъ псаломщика, влюбился, пріѣхавъ на каникулы, въ Саню Діесперову, дочь заштатнаго священника, за которой отъ-нечего-дѣлать ухаживалъ консисторскій служащій Селиховъ, пользовавшійся отпускомъ. Саня была особенно беззаботна и безъ причины счастлива въ то лѣто, каждый вечеръ ходила гулять въ городской садъ или кладбищенскую рощу, носила цвѣтистый мордовскій костюмъ, большимъ бантомъ красной шелковой ленты завязывала конецъ толстой русой косы и, чувствуя себя красивой, окруженной вниманіемъ, все напѣвала и откидывала голову назадъ. Изъ всѣхъ ея поклонниковъ нравился ей одинъ Іорданскій. Но его-то одного и боялась она. Онъ пугалъ ее своей молчаливой любовью, огнемъ черныхъ глазъ и синими волосами, она вспыхивала, встрѣчаясь съ нимъ взглядами, и притворялась надменной, не видящей его. Съ Селиховымъ ей было легче. Селиховъ былъ губернскій франтъ, онъ держался всѣхъ любезнѣе, смѣшилъ ея подругъ, былъ остроуменъ, находчивъ и заносчиво, играя тросточкой, поглядывалъ на Іорданскаго, даромъ что малъ былъ ростомъ. Да и заштатному священнику казался онъ пріятнымъ и дѣльнымъ молодымъ человѣкомъ, не то что Іорданскій, лѣнивый и гнилой семинаръ. И однажды, въ іюльскій вечеръ, когда въ городѣ всѣ катались, всѣ гуляли, и въ золотистой пыли, поднятой стадомъ, садилось въ концѣ Долгой улицы солнце, когда шла Саня въ кладбищенскую рощу подъ руку съ Селиховымъ, а сзади, среди подругъ Сани, шагалъ сумрачный Іорданскій и, покачиваясь, гудѣлъ великанъ Горизонтовъ, тоже семинаристъ, Селиховъ небрежно глянулъ на

нихъ черезъ плечо и, наклоняясь къ ея лицу, нѣжно прижимая ея руку, вполголоса сказалъ:

— Я желалъ бы воспользоваться этой ручкой павѣки, Александра Васильевна.

II.

Тридцать лѣтъ, избѣгая встрѣчаться, почти никогда не видя другъ друга, не забывали другъ о другѣ Іорданскій и Селиховъ. Всѣ свои силы употребили они на состязаніе въ достиженіи извѣстности, достатка и почета. Давнымъ-давно жили они оба въ Стрѣлецкѣ и, состязаясь, многаго достигли. Іорданскій сталъ протоіереемъ и весь уѣздъ дивилъ своимъ умомъ, строгостью и ученостью. А Селиховъ разбогатѣлъ и прославился безпощаднымъ ростовщичествомъ. Іорданскій купилъ домъ на Песчаной улицѣ. Не отсталъ отъ него и Селиховъ: на зло ему купилъ домъ вдвое больше и какъ разъ рядомъ съ нимъ. Встрѣчаясь, они не кланялись, дѣлали видъ, что даже не помнятъ другъ друга; но жили въ непрестанной думѣ другъ о другѣ, во взаимномъ презрѣніи. Презирали они, не замѣчали и женъ своихъ. Іорданскій на десятомъ году супружества равнодушно лишился своей некрасивой жены. А Селиховъ почти никогда не разговаривалъ съ Александрой Васильевной. Вскорѣ послѣ свадьбы онъ засталъ ее однажды заплаканной: въ мордовскомъ костюмѣ, съ косой, заплетенной по-дѣвичьи, она стояла въ спальнѣ передъ своимъ комодомъ, передъ раскрытой вѣнчальной шкатулкой, гдѣ лежали фотографическія карточки,—между ними и карточка Іорданскаго,—пудрила свое распухшее лицо и покусывала губы, чувствуя приступъ новыхъ слезъ. Онъ зналъ, что это были слезы по молодости, по тому счастливому лѣту, что однажды выпадаетъ въ жизни каждой дѣвушки, что не въ Іорданскомъ тутъ дѣло. Но простить ей этихъ слезъ не могъ. И всю жизнь ревновалъ ее къ о. Киру, самолюбивый, какъ всѣ маленькіе ростомъ. А тотъ всю жизнь чувствовалъ къ ней тяжелую, холодную злобу.

И шли дни за днями, годы за годами, и осталась у Александры Васильевны одна дума, одна мечта—о домѣ.

III.

Она была уже слаба, полна и склонна къ слезамъ, къ грусти. Состарился и Селиховъ. Но о своей посмертной волѣ онъ упрямо молчалъ. Аккуратный, спокойный и безкровный, въ коричневой парочкѣ безъ единой пушинки, чуть горбясь и заложивъ холодные пальцы своихъ дрожащихъ рукъ въ не-

модные, прямые карманы панталонъ, онъ похаживалъ по своимъ чистымъ пустымъ комнатамъ, среди мебели въ чехлахъ, да насмѣшливо что-то обдумывалъ. Жизнь прошла, прошла и злоба на глупость людскую,—осталось одно презрѣніе. Онъ дѣлался все суше и меньше, вынималъ золотое пенснэ все небрежнѣе и прикладывалъ его къ переносицѣ при осмотрѣ вещей, приносимыхъ въ закладъ, все мимолетнѣе: всему цѣну зналъ онъ теперь! Домъ купилъ онъ у помѣщика, старый, съ деревянными колоннами, съ садомъ. Домъ попался ему удивительный. На дворѣ въ морозномъ пару краснѣло солнце—въ домѣ было тепло. На дворѣ палилъ лѣтній зной—въ домѣ было прохладно и смѣшивался съ прохладой мирный запахъ нафталина. Лѣтомъ часовъ съ десяти до трехъ пекло какъ разъ ту сторону, на которой стоялъ домъ; но спасали зимнія рамы—онѣ никогда не вынимались. Весь домъ дрожалъ и гудѣлъ, звеня люстрой и лампами, когда вскачь неслись съ вокзала и на вокзалъ извозчики. Они тучей поднимали рыжую пыль, которая покрывала всѣ крыши, всѣ стѣны и окна на Песчаной улицѣ. Но Селиховъ на улицу никогда не выходилъ. Бродя по комнатамъ, онъ обдумывалъ и все измѣнялъ завѣщаніе. Александра же Васильевна сидѣла въ своей спальнѣ окнами во дворъ и вязала чулокъ. Она думала о прошломъ, о будущемъ, порою привычно, не бросая работы, плакала. Подъ мѣрный стукъ часовъ мужъ мѣрно ходилъ изъ комнаты въ комнату, равнодушно поджидая закладчиковъ, то слезливыхъ, то не въ мѣру развязныхъ, и съ загадочной усмѣшкой поглядывалъ въ кабинетъ, на желѣзный несгораемый шкапъ, окованный стальною рѣшеткою, съ большими желѣзными шишками на скрѣпахъ, похожими на большіе глаза. Но порою наступала полная тишина: онъ останавливалъ часы, садился за громадное старинное бюро — и слышался въ домѣ только неторопливый и прилежный скрипъ гусинаго пера... Но что писалъ Селиховъ? Что готовилъ онъ ей подъ старость?

Она знала только, что ему ничего не стоило обречь ее на нищету, на позоръ передъ цѣлымъ городомъ, лишить ее не только денегъ, вещей, но и этого дома, своего угла. Онъ вѣдь не замѣчалъ, не видѣлъ ее. Онъ сперва на „ты“, а потомъ и совсѣмъ запретилъ ей разговаривать съ нимъ. При гостяхъ онъ былъ иной: со всѣми любезенъ, шутливъ, мѣткъ на слово, милъ и сдержанъ даже въ карточныхъ спорахъ. Но гости—два-три человѣка и все одни и тѣ же: помощникъ исправника, податной инспекторъ и нотаріусъ Вишневскій—бывали не больше двухъ-трехъ разъ въ году.

IV.

О. Киръ пилъ. Вѣчный хмель свой онъ оправдывалъ своимъ умомъ и тѣмъ, что живетъ онъ въ Стрѣлецкѣ, въ этомъ полустепномъ городишкѣ, гдѣ только возлѣ неуклюжаго собора и базарной площади бѣлѣютъ каменные дома хлѣботорговцевъ, а по окраинамъ—просторъ, безлюдье и нищета.

Высокій, дородный, онъ похожъ былъ на боярина; долго былъ силенъ и красивъ. Въ женской прогимназіи, гдѣ онъ преподавалъ, въ него влюблялись самыя восторженныя дѣвушки, тѣ, полныя, волоокія, до времени развившіяся, у которыхъ бываютъ такіе чудесные пепельные волосы, такой нѣжный цвѣтъ лица и такой горячій румянецъ застѣнчивости: не могли онѣ спокойно видѣть его черныхъ соколиныхъ глазъ, его синихъ кудрей, свободно лежавшихъ по плечамъ, осыпаннымъ перхотью, по коричневому подряснику, сладко пропахнувшему ладаномъ и табачнымъ дымомъ. Портили его только легкія опухоли возлѣ носа и зубы, коричневые отъ неумѣреннаго куренія.

Всегда и всѣмъ, не дѣлая никакихъ исключеній, онъ говорилъ „ты“: вѣдь были же пастыри, говорившіе такъ вельможамъ и князьямъ, даже царю самому. Они поучали, наставляли ихъ сурово, порою обрывали ихъ:

— Благослови, пастухъ,—сказалъ какъ-то одинъ вельможа одному такому пастырю.

— Благословляю, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, самую глупую овцу стада моего,—отвѣтствовалъ пастырь.

Съ купцами о. Киръ былъ грубъ, съ начальниками скоръ и находчивъ на рѣзкое слово, съ вольнодумцами кратокъ и безпощадно логиченъ. Въ Стрѣлецкѣ рѣдко попадали въ руки адресатовъ цвѣтныя открытки. Но о. Киръ исправно получалъ даже самыя красивыя, съ видами Кавказа и Крыма—отъ племянника, молодого, но уже виднаго чиновника при губернаторѣ: о. Киръ пригрозилъ почтмейстеру лишеніемъ мѣста за пропажу хотя бы одного письма къ нему. И весь городъ говорилъ объ этомъ съ восхищеніемъ. Весь городъ восторгался о. Киромъ, какъ человѣкомъ необыкновеннаго ума и рѣдкой учености. За великую честь считали принять и угостить его. По приглашенія о. Киръ принималъ разборчиво, въ свой же домъ никого не пускалъ.

Домъ его, длинный и невысокій, по кирпичу бѣленый мѣломъ, былъ далеко виденъ по широкой улицѣ. Нигдѣ не росло ни единаго деревца—развѣ какая-нибудь кривая яблонька на мѣщанскомъ пустырѣ. Но за желѣзной крышей протоіерей-

скаго дома пыльно и блѣдно зеленѣли верхушки молодыхъ тополей. Вездѣ входомъ служили калитки. У о. Кира былъ подъѣздъ, къ которому, впрочемъ, никто не подъѣзжалъ, а на двери блестѣла мѣдная дощечка: „Киръ Іорданскій“.

Вѣчно заперты были ворота о. Кира, подворотня заложена тяжелой тесиной. Отворялись эти ворота только тогда, когда пріѣзжалъ водовозъ, старичокъ въ кумачной рубахѣ. Только онъ одинъ могъ свободно выѣдывать о домашней жизни о. Кира у плечистой стряпухи въ сапогахъ, когда она подставляла подъ бочку ушатъ, а онъ пускалъ въ него толстую струю воды. Только къ водовозу былъ снисходителенъ о. Киръ. Онъ шутилъ надъ нимъ, шутками отвѣчалъ ему и водовозъ: это былъ удивительный человѣкъ—онъ никого не боялся, ни о чемъ не тужилъ, доволенъ былъ рѣшительно всѣмъ.

— Желудь!—громко и строго кричалъ о. Киръ, выходя на крыльцо.

— Аюшки?—беззаботно отзывался старичокъ, подъѣхавшій на бочкѣ къ воротамъ и съ трудомъ, согнувшись въ три погибели, поднимавшій тесину.

— Опять не полную привезъ?

— Опять.

— Смотри: отколочу!

— И то не плохо! Дураковъ и въ алтарѣ бьютъ...

Но однажды, узнавъ, что Желудь привезъ бочку воды и Селихову, о. Киръ и Желудя лишилъ своего благоволенія, навсегда прогналъ его со двора долой.

V.

Зимой на Песчаной улицѣ было много снѣгу, было сѣро и пустынно, весной—солнечно, весело, особенно при взглядѣ на бѣлую стѣну протоіерейскаго дома, на чистыя стекла, на сѣро-зеленыя верхушки тополей въ голубомъ небѣ. Лѣтомъ было очень жарко. Отъ пыли небо и солнце тускло серебрились. Въ полдень вскачь неслись извозчики, поспѣшая къ вокзалу, стоявшему за городомъ, подъ горой. Въ часъ они медленно тянулись назадъ и везли пріѣзжихъ, чаще всего купцовъ съ ковровыми сумками, которыя и теперь еще называются сакъ-де-вояжами, а не то распространителей граммофоновъ, молодыхъ бритыхъ евреевъ въ англійскихъ картузахъ, съ англійскими трубочками въ зубахъ. Встрѣчаясь съ о. Киромъ, кажется, одни эти евреи глядѣли безъ страха, хотя онъ не терпѣлъ ихъ, особенно ихъ языка: онъ однажды, на вокзалѣ, запретилъ евреямъ разговаривать на своемъ языкѣ, сказавъ:

— Здѣсь вамъ не синагога.

Дородный и строгій, проходилъ онъ по Песчаной улицѣ, въ коричневомъ подрясникѣ, въ палевой соломенной шляпѣ, поглаживая кончиками пальцевъ наперсный крестъ,—и всѣ боялись его. Подъ заборомъ сапожника когда-то по цѣлымъ днямъ играли въ лоды мѣщанскіе подростки; тамъ, бывало, стучали въ заборъ свинчатки и раздавались крики: „Плоца! Жогъ! Ника!“. Подростки эти были лодыри дерзкіе. Но отъ протоіерея они ушли играть подальше—къ хибаркамъ на спускѣ къ вокзалу. Бѣгали ватагой мальчишки—запускали въ небо змѣя, постоянно цѣплявшагося за струны телеграфныхъ столбовъ и оставлявшаго на нихъ свой мочальный хвостъ. Но, завидя о. Кира, они разсыпались, куда попало. Пробиралась по тѣневой сторонѣ, по ухабистому тротуару, мимо воротъ и окошечекъ съ цвѣтами, какая-нибудь старуха, настолько переломленная, склоненная къ землѣ, что было удивительно, какъ можетъ итти этотъ прямой уголъ. Но совсѣмъ не изъ-за тѣни, жидкой и короткой, пробиралась она тамъ, а лишь бы не попасть на глаза о. Киру: онъ не любилъ старухъ, этихъ страстныхъ поклонницъ юродиваго Яши, обитавшаго въ старой часовнѣ надъ склепомъ въ кладбищенской рощѣ, онъ ненавидѣлъ человѣческое безобразіе. Загорѣлый мѣщанинъ, потѣвшій въ черномъ картузѣ и толстой чуйкѣ, шелъ по срединѣ улицы какъ будто вольно, заложивъ руки назадъ: что жъ ему, онъ вѣдь не здѣшній, онъ шелъ съ вокзала. Но поплевывалъ онъ мысленно, увидавъ о. Кира, а порою съ рѣшимостью отчаянія вдругъ обнажалъ голову и быстро направлялся къ нему. Въ лѣвой рукѣ о. Кира была высокая палка съ серебрянымъ набалдачникомъ. Правой, пріостановясь, онъ благословлялъ—широко и властно. А благословивъ, совалъ къ губамъ, покорно искавшимъ ее.

— Откуда?—громко спрашивалъ онъ.

— Липецкій,—бормоталъ мѣщанинъ.

— Наѣнь картузъ. Какъ у васъ нынче сады?

— Цвѣли дивно, ваше преподобіе, но вѣтеръ, Господь съ нимъ... Всю завязь обилъ.

— Садоводы, а безтолочь. Не знаете своего дѣла. Ну, ступай съ Богомъ...

Не терпѣлъ отецъ Киръ и бродягъ, безпаспортныхъ, пришлыхъ людей. Песчаная улица была не избалована зрѣлищами. Однажды, когда появился на ней сербъ съ бубномъ и обезьяной, несмѣтное количество народа высыпало за калитки. У серба было сизое рябое лицо, синеватые бѣлки дикихъ глазъ, серебряная серьга въ ухѣ, пестрый платочекъ на тонкой шеѣ, рваное

пальто съ чужого плеча и женскіе башмаки на худыхъ ногахъ, тѣ ужасные башмаки, что̀ даже въ Стрѣлецкѣ валяются на пустыряхъ. Стуча въ бубенъ, онъ тоскливо-страстно пѣлъ то, что̀ поютъ всѣ они спокон вѣку,—о родинѣ. Онъ, думая о ней, далекой, знойной, разсказывалъ Стрѣлецку, что есть гдѣ-то сѣрыя каменистыя горы, козы и оливы,

Синее море, бѣлый пароходъ...

А спутница его, обезьяна, была довольно велика и страшна: старикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ младенецъ, звѣрь съ человѣческими печальными глазами, глубоко запавшими подъ вогнутымъ лобикомъ, подъ высоко поднятыми облѣзлыми бровями. Только до половины покрывала ее шерсть, густая, остистая, похожая на енотовую накидку. А ниже все было голо, и потому носила обезьяна ситцевые въ розовыхъ полоскахъ подштаники, изъ которыхъ смѣшно торчали маленькія черныя ножки и тугой голый хвостъ. Она, тоже думая что-то свое, чуждое Стрѣлецку, привычно скакала, подкидывала задъ подъ пѣсни, подъ удары въ бубенъ, а сама все хватала съ тротуара камешки, пристально, морщась, разглядывала ихъ, быстро нюхала и отшвыривала прочь.

Лохматый сапожникъ, прибѣжавшій позднѣе всѣхъ, крикнулъ, что надо бить и обезьяну и серба, что этотъ сербъ—непремѣнно воръ. Всѣ подхватили его слова, зашумѣли. Но показался вдали о. Киръ. И улица мгновенно опустѣла: всѣ скрылись по калиткамъ. Онъ же, приблизясь къ сербу, запретилъ ему ходить по улицамъ Стрѣлецка. Онъ строго и кратко приказалъ ему уйти вонъ изъ города, постараться добиться до родины, исправиться и заняться честнымъ трудомъ.

VI.

Александрѣ Васильевнѣ порою казалось, что была въ ея жизни большая любовь: что схоронила она ее въ своей душѣ, что судьба обошла ее и заставила быть покорной другому, нелюбимому, велѣла итти разными дорогами съ любимымъ и искать отрады лишь въ покорности. Но, можетъ, не о. Кира любила она, а только свою дѣвичью косу, свой мордовскій нарядъ, свою недолгую беззаботность въ то, далекое лѣто? Нѣчѣмъ было питаться ея любви къ о. Киру! О. Киръ служилъ въ соборѣ; но она никогда не бывала тамъ, ходила въ Никольскую церковь,—Селиховъ запретилъ ходить въ соборъ. Не будь о. Киръ священникомъ, могла бы она мечтать о тайной грѣховной связи съ нимъ; но Богу предстоялъ онъ, тайны рожденія, брака, причастія и смерти были въ его ру-

кахъ. И страшныя слова слышала однажды Александра Васильевна: уже больной, мрачный, во хмелю, встрѣтился о. Киръ съ Селиховымъ возлѣ его дома и сказалъ, грозя посохомъ:

— Селиховъ! Помни часъ, его же не минуетъ ни единое дыханіе: это я,—слышишь ли, Селиховъ?—я, облеченный въ трауръ, въ оный день воздамъ тебѣ послѣднее земное цѣлованіе, окружу тебя кадильнымъ дымомъ и осыплю лицо твое могильной перстью.

— Кто знаетъ, отецъ Киръ,—отвѣтилъ ему Селиховъ съ усмѣшкой.—Кто знаетъ, не придется ли *мнѣ* стоять у возглавія вашего? Не забывайте, что вы пьяница, отецъ Киръ.

Тѣмъ и кончился ихъ первый и послѣдній споръ. Но каково было Александрѣ Васильевнѣ—быть между ними, всю жизнь состязавшимися о первенствѣ, уступающими другъ другу только къ могилѣ дорогу! Одна мечта, одна дума осталась у нея—о домѣ.

Имѣть домъ, свой, собственный, гдѣ бы то ни было, хотя бы въ слободѣ, на буеракахъ, и какой угодно,—это было завѣтнѣйшее желаніе каждаго чиновника, каждаго мѣщанина, каждаго сапожника въ Стрѣлецкѣ. И всѣ имѣли дома, и всѣ переводили ихъ на женъ: чуть не весь Стрѣлецкъ принадлежалъ женщинамъ. Одна Александра Васильевна лила слезы безплодно.

Всѣ сосѣдки говорили: „мой домъ“, „у меня въ домѣ“. Одна она дѣлала видъ, что не нуждается домомъ. А сколько разъ, придя отъ обѣдни, усталая, съ потомъ въ складкахъ горла, начинала она стучать въ полъ зонтикомъ и, рыдая, требовать, чтобы отдали хоть приданое ея! Сколько разъ говорила она, что вѣдь выгонятъ ее вонъ изъ дому родные Селихова, только умри онъ!

— Не безпокойся,—отвѣчалъ ей Селиховъ.—Ты раньше меня умрешь. Не забывай, что у тебя грудная жаба.

Онъ становился все страннѣе. Онъ иногда по часамъ смотрѣлся въ зеркало, удивленно, испуганно исказивъ брови: дня по два не притрогивался ни къ одному кушанію ни за обѣдомъ ни за ужиномъ, говоря, что все пахнетъ тѣломъ. Онъ купилъ граммофонъ—и никогда не заводилъ его. Но однажды, когда Александра Васильевна воротилась отъ всенощной раньше времени, не достоявъ, по слабости, службы, и вошла въ домъ съ чернаго хода, услыхала она крикливые плясовые звуки. А заглянувъ въ залу, обомлѣла отъ страха: Селиховъ, легкій, старенькій, одинъ во всемъ полутемномъ домѣ, дико вскидывалъ ноги передъ трубой граммофона, весело и хрипло кричавшей: „Ай, ай, караулъ, батюшки мои, разбой!..“

Только одна яблоня въ саду, возлѣ бесѣдки, знала, какъ много пролито слезъ старыми глазами Александры Васильевны, какъ тряслась болѣвшая отъ слезъ голова, какъ прикладывались къ темени мокрыя полотенца! А надъ калиткой селиховскаго дома все не мѣнялась надпись: „Сей домъ принадлежитъ Петру Семеновичу Селихову. Свободенъ отъ постоя".

VII.

Однимъ изъ тѣхъ, что когда-то, томясь любовью, ходили за Александрой Васильевной въ городской садъ, былъ и Горизонтовъ. Теперь, почти тридцать лѣтъ проживъ въ губернскомъ городѣ, выслуживъ пенсію, возвратился и онъ въ Стрѣлецкъ, а возвратясь, сталъ извѣстенъ Стрѣлецку не менѣе, чѣмъ о. Киръ и Селиховъ.

Горизонтовъ кончилъ семинарію, кончилъ академію. Въ молодости онъ обладалъ сверхъестественной памятью, необыкновенными способностями и прилежаніемъ. Голосъ у него былъ такой, что, напѣвая свое любимое: „Et tonat, et sonat, et pluvium coelum dat..."—онъ потрясалъ, какъ говорится, стекла. Великъ ростомъ и широкъ въ кости онъ былъ настолько, что на улицахъ въ изумленіи останавливались при встрѣчѣ съ нимъ прохожіе. Далеко могъ бы пойти этотъ человѣкъ! Но избралъ онъ путь скромный—учительство, а пройдя его, воротился на родину и сталъ сказкой города: поражалъ городъ своей внѣшностью, своимъ аппетитомъ, своимъ желѣзнымъ постоянствомъ въ привычкахъ, своимъ нечеловѣческимъ спокойствіемъ и—своей философіей.

Онъ ходилъ въ крылаткѣ, въ широкополой шляпѣ, въ широконосыхъ кожаныхъ, или, вѣрнѣе, чугунныхъ калошахъ, съ костылемъ въ одной рукѣ и громаднымъ парусиновымъ зонтомъ въ другой. Къ старости онъ еще болѣе раздался въ кости, сталъ еще болѣе великъ, сутулъ, неуклюжъ — и былъ прозванъ въ Стрѣлецкѣ Мандриллой. Вся купальня дивилась на него, когда въ первый разъ появился онъ въ ней. Медленно вошелъ онъ, подъ зонтомъ, въ калошахъ, насупивъ свои сѣрыя брови и слегка согнувшись, какъ бы напруживая свои и безъ того страшныя плечи, свои руки, подобныя дубовымъ корнямъ. Старомодно со всѣми раскланявшись, внушительно-серьезный и спокойный, онъ сталъ раздѣваться—и всѣ ахали, видя, какъ обнажается его сизо-сѣрое тѣло, его чудовищныя ступни, безобразно искривленные, лежащіе другъ на другѣ пальцы и ногти ихъ, похожіе на раковины. А онъ хоть бы глазомъ моргнулъ—не спѣша раздѣлся, не спѣша окунулся ровно пятнадцать разъ... Съ

тѣхъ поръ его видѣли въ купальнѣ каждый день. Каждый день вплоть до Покрова купался онъ. Уже дулъ осенній вѣтеръ въ щели пустой купальни, тучи висѣли за рѣчкой надъ полями, оловянная рябь шла по водѣ; а Горизонтовъ купался. Бѣлѣлъ снѣгъ по берегамъ, по блѣдной синевѣ тучъ тянулись на югъ послѣдніе гуси; но, какъ только било на соборѣ часъ, съ косогора, тяжело опираясь на костыль, спускался къ рѣчкѣ сутулый гигантъ въ сѣрой крылаткѣ.

Ѣлъ онъ за десятерыхъ. Квартирныя хозяйки изъ себя выходили, отказывали ему. Но вѣдь онъ предупреждалъ! Твердо отчеканивая слоги, уговаривался онъ:

— Супъ, борщъ, лапшу прошу подавать мнѣ не въ тарелочкахъ: предпочитаю въ мисочкахъ. Живность—штучно, а не кусочками. Жаркое обязательно съ картофелемъ, съ овощами. Кашу гречневую, равно какъ и пшенную — чугунчиками...

— Мандрилла, мандрилла!—орали мальчишки, стаями гоняясь за нимъ по Стрѣлецку. Но онъ даже не удостаивалъ ихъ взглядомъ, онъ шелъ такъ же мѣрно, какъ изо дня въ день входилъ, бывало, въ буйный классъ, чтобы начать своей неизмѣнной фразой:

— Итакъ, повторимъ сначала предыдущее. Вспомнимъ, что̀ именно предпринялъ Цезарь, узнавъ отъ лазутчиковъ о грозящей ему опасности со стороны непріятеля...

А философія его заключалась въ томъ, что всѣ силы каждаго человѣка должны быть направлены исключительно на продленіе жизни, для чего и потребно: полное воздержаніе отъ сношеній съ женщинами, существами суетными, злыми, низкими по интеллекту, полное спокойствіе во всѣхъ жизненныхъ обстоятельствахъ, самое точное выполненіе своихъ разумныхъ, продуманныхъ привычекъ и строжайшій уходъ за своимъ тѣломъ—прежде всего въ смыслѣ питанія его и освѣженія водою.

— Nullus enim locus sine genio est!—насмѣшливо сказалъ однажды больной и сумрачный о. Киръ, встрѣтясь съ нимъ на улицѣ.—Давно слышу я, Горизонтовъ, о причудахъ твоихъ. Отвѣть мнѣ: юродъ ты или мудрецъ? Зачѣмъ живешь ты на свѣтѣ, уподобляясь тѣмъ, которые жили во времена геологическія, на первыхъ ступеняхъ развитія?

Горизонтовъ, держа надъ головою зонтъ и опираясь на костыль, долго думалъ, глядя въ землю и насупя свои ежомъ торчащія, сѣрыя брови.

— Но скажите и вы мнѣ, отецъ Киръ,—отвѣтилъ онъ наконецъ:—зачѣмъ *вы* живете?

— Я тебя не о цѣли жизни спрашиваю,—сказалъ о. Киръ.—Я тебя спрашиваю о ея образѣ.

— Но вѣдь образъ соотвѣтствуетъ цѣли?

— Ага! Цѣли! Ну, допустимъ. Въ чемъ же заключается твоя цѣль?

— Въ долголѣтіи и наслажденіи имъ.

— Но наслаждаешься ли ты?

— По мѣрѣ силъ и возможностей. Крѣпко и заботливо держу въ своихъ рукахъ драгоцѣнную чашу жизни.

— Чашу жизни?—строго перебилъ о. Киръ и широко повелъ рукой по воздуху.—Жизни здѣсь? На этой улицѣ? Я не могу спокойно говорить съ тобой! Ты достоинъ своей позорной клички!

— Въ землѣ не распознаешь костей человѣка отъ костей животнаго,—отвѣтилъ Горизонтовъ и медленно двинулся по улицѣ, опираясь на костыль.

VIII.

И вотъ смолкли наконецъ шаги въ пустыхъ комнатахъ селиховскаго дома. На тридцать первомъ году замужества Александры Васильевны, великопостнымъ вечеромъ, вытащили изъ толпы, наполнявшей Никольскую церковь, бѣлаго, какъ мѣлъ, старичка, хорошо и чисто одѣтаго, въ крахмальной рубашкѣ съ отложнымъ тугимъ воротомъ, въ дорогой шубѣ, въ дорогихъ золотыхъ часахъ. Черезъ два дня его уже отпѣвали.

Была пятница, базарный день, началась весна,—мука была извозчикамъ нырять на колесахъ по ухабамъ грязныхъ улицъ, мука мужикамъ тащиться на розвальняхъ по базару, по мокрому навозу! Трудно было и Александрѣ Васильевнѣ итти за гробомъ до собора: ее подъ руки вели дальніе родственники Селихова,—лысый остроглазый человѣчекъ въ николаевской шинели, у котораго вѣтеръ все заворачивалъ ленту крашеныхъ волосъ, вкось отъ затылка положенную на лысину, и его жена, женщина въ траурѣ, высокая и сильная, никогда не терявшая присутствія духа. Воздухъ былъ сырой, острый. И Александра Васильевна была пьяна и отъ воздуха и отъ слезъ. Поставили у дверей парчевую, желтую съ бѣлымъ крестомъ крышку гроба, внесли покойника въ зимній придѣлъ, теплый, низкій, старинный, со многими сводами... Какими радостными рыданіями гремѣлъ подъ ними громогласный хоръ! Какъ зловѣще возносилъ руку толстоплечій дьяконъ, возглашая о упокоеніи новопреставленнаго! Какъ смиренно, подъ рыданія хора, поклонялся усопшему обступившій его траурный синклитъ іереевъ въ скуфьяхъ и камилавкахъ

и какъ тяжело, сотрясая полъ своею тяжестью, ходилъ вокругъ гроба и кадилъ на блестящій носъ, на рисовое лицо пьяный и торжественно-мрачный, исполнявшій свое предсказаніе о. Киръ! Но, Боже, что̀ сталось и съ нимъ за послѣдній годъ! Уже не страшны были его возгласы, его кажденіе и поклоны, которыми провожалъ онъ изъ этого бреннаго міра того, съ кѣмъ столкнула его судьба на порогѣ жизни. Страшенъ былъ самъ онъ, его ноги, раздутыя водянкой, его животъ, выпиравшій подъ ризой, его отекшее, почернѣвшее лицо, остеклѣвшіе глаза, посѣдѣвшіе, ставшіе прямыми и масляными волосы, трясущіяся руки... Все нѣжнѣе и страстнѣе взглядывала на покойника,—какъ бы не видя о. Кира,—изнемогавшая отъ слезъ Александра Васильевна, и все суровѣе отводилъ отъ нея глаза о. Киръ. А когда ударила по сердцамъ скорбно ликующая пѣснь о жизни вѣчной, идѣ же нѣсть печали и воздыханія, Александра Васильевна вскрикнула и потеряла сознаніе.

Ее понесли на паперть, на воздухъ. И Горизонтовъ, стоявшій у входа, среди нищихъ старухъ, вѣжливо посторонился—и опять загудѣлъ, подтягивая хору и оглядывая низкіе своды, расписанные крестами и шестикрылыми серафимами.

IX.

Въ большихъ ветхихъ сѣняхъ съ тремя ступеньками и тремя выгорѣвшими на солнцѣ окнами перестала дергаться ржавая проволока, пересталъ дзинькать подъ руками закладчиковъ разбитый звонокъ. Теперь свободно могла ходить Александра Васильевна по большимъ пустымъ комнатамъ среди мебели въ чехлахъ, столиковъ, комодовъ съ инкрустаціей. Теперь все это было ея: и комнаты, и мебель, и драгоцѣнныя вещи на желѣзныхъ красныхъ полочкахъ въ глазастомъ несгораемомъ шкапу, и дворъ, и корова въ сараѣ, и садъ, и завалившійся заборъ сада: въ двадцать первый разъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти переписанное завѣщаніе сдѣлало ее полной хозяйкой всего этого, къ великому ея удивленію и даже растерянности. Всѣ въ городѣ говорили, что вотъ можетъ она пожить наконецъ въ свое полное удовольствіе. А она была сбита съ толку, жизнь для нея стала пѣсна, какъ та просфора, которую съ усталымъ лицомъ ѣла она за часомъ, воротясь отъ обѣдни...

На Святой, на Ооминой по цѣлымъ днямъ трезвонили колокола надъ городомъ—и казалось, что стоитъ этотъ трезвонъ въ честь ея новой жизни, ея первой радостной весны.

А вкуса къ жизни уже не было! Она обходила комнаты, и порой жалостная улыбка довольства морщила ей губы. Но дрожала голова, дрожали руки—что ей было дѣлать съ этими комнатами? Приходила кухарка. Александра Васильевна была ласкова съ ней — и не знала, что заказать на обѣдъ, на ужинъ. Почти каждый день она бывала въ Никольской церкви—и всегда ужасно утомлялась. Была она полна при низкомъ ростѣ, съ жидкими пепельно-сѣдыми волосами и грустнымъ взглядомъ безцвѣтныхъ, слизистыхъ глазъ. Дома она носила темное старушечье платье, старушечьи туфли. Къ обѣднѣ собиралась долго и выходила съ зонтикомъ, въ крохотной шляпѣ на макушкѣ, въ черномъ бурнусѣ со стеклярусомъ. Все слеза набѣгала на ея лѣвый глазъ, и все подтирала она ее за обѣдней батистовымъ платочкомъ, устало глядя на иконы надъ царскими вратами. Ноги ныли, въ церкви было жарко, душно, многолюдно. Горячо пылали свѣчи, горячо лился солнечный свѣтъ на толпу изъ купола. Страшно заносилъ руку дьяконъ, поднимая толстыя плечи и готовясь оглушить многолѣтіемъ царствующему дому и святѣйшему правительствующему синоду. Но какое дѣло было ей до синода? Съ тоской чувствовала она, что не о чемъ стало ей молиться. Только о царствѣ небесномъ развѣ? Да, но какія права были у нея на него? Что она такое сдѣлала? За что было награждать ее?

Однажды въ апрѣльскій день она пошла въ кладбищенскую рощу—хотѣла просто погулять, развлечься, вспомнить прежнее, молодое время, а сказала кухаркѣ, что хочетъ посмотрѣть могилу мужа. Было тепло, легко, все радовало—и воздухъ, и небо, и бѣлыя облака, и весенній просторъ. Нѣсколько разъ останавливалась она на зеленомъ выгонѣ, поднимаясь на отлогій изволокъ къ рощѣ и смотря на городъ, на его крыши и колокольни, на овраги, на сѣро-зеленый дымокъ одѣвающихся лозинъ и мѣщанскія избушки по оврагамъ. А въ рощѣ, еще голой, зазеленѣвшей только снизу, было еще очень сыро, въ проходахъ между могильными памятниками стояла жидкая грязь. Хорошо, пріятно, молодо, но все-таки черезчуръ буйно шумѣли грачи, въ несмѣтномъ количествѣ наполнявшіе вершины старыхъ деревьевъ. Нужно было проходить мимо розовой часовни надъ склепомъ купца Ершова, гдѣ сидѣлъ Яша, а онъ могъ высунуться изъ окошечка и крикнуть что-нибудь иносказательное, зловѣщее... И, спотыкаясь, горбясь, придерживая спереди подолъ, Александра Васильевна спѣшила, спѣшила мелкими шажками пройти дальше—и сама не замѣтила, какъ пришла къ могилѣ мужа

Вовсе не желала она того, шла за другимъ, а пришла. И, усталая, опустилась на ближній могильный камень, тупо глядя на еще неоправленную могилу Селихова — длинную бурую кучу суглинка, похожую на простую муравьиную кучу... Все сложилось не такъ, какъ мечталось, не было ни думъ ни воспоминаній. Было только чувство пріятной усталости и весенней нѣжности къ кому-то—не то къ себѣ, не то къ о. Киру, не то къ Селихову... Да, да, и къ нему!

А когда она возвращалась домой, думая только одно: дай Богъ встрѣтить извозчика! —Яша таки-подстерегъ ее. Изъ часовни выходили и крестились бабы и мѣщане, нѣкоторые со слезами. И вдругъ выскочилъ на порогъ самъ Яша. Онъ былъ небольшой, тощій,—ему было уже лѣтъ восемьдесятъ,—въ длинномъ халатикѣ, подпоясанномъ веревкой, въ алой бархатной шапочкѣ, надѣтой набекрень. Усы, бородку онъ выстригалъ—они торчали у него колючими сѣрыми пучками возлѣ глубоко запавшихъ пепельныхъ губокъ. Глазки у него были хитрые-прехитрые. Поглядѣвъ на Александру Васильевну, онъ сдѣлалъ изъ руки щитокъ надъ глазами и быстро засѣменилъ къ ней.

— Радуйся, Афродита розоперстая!—закричалъ онъ старчески-дѣтскимъ голосомъ.

И, подбѣжавъ, поплевалъ и сунулъ ей въ руку,—какъ бы украдкой и надѣясь обрадовать,—четыре щепочки, связанныя лычкомъ.

Александра Васильевна разсердилась, что онъ испугалъ ее, и, оттолкнувъ его руку, почти побѣжала отъ него. А потомъ долго думала: что значатъ эта Афродита и эти четыре щепочки? И почему онѣ связаны?

Часто въ эти апрѣльскіе дни она горевала, что Богъ лишилъ ее дѣтей, думала, какъ бы, если бы у нея былъ мальчикъ, назвала она его; не разъ переглядывала портреты въ вѣнчальной шкатулкѣ. Странно было видѣть дѣвушку въ мордовскомъ костюмѣ, съ невиннымъ, дѣтски-милымъ взглядомъ, кокетливо облокотившуюся на какую-то, будто бы крестьянскую изгородь, и крѣпкаго, плечистаго семинариста, съ густой шевелюрой надъ большимъ лбомъ, съ такими мрачными и все-таки лучистыми глазами, съ такимъ упрямымъ, даже злымъ выраженіемъ стиснутыхъ скулъ и такимъ нѣжнымъ очеркомъ пухлыхъ губъ! Былъ и портретъ Селихова. Онъ снимался съ какими-то молодыми чиновниками. Они кружкомъ, въ дѣланно-непринужденныхъ позахъ расположились на креслахъ, а онъ,—тоже молоденькій, щеголеватый,—зачѣмъ-то сѣлъ у ихъ ногъ на полу.

Разъ она встрѣтила возлѣ городского сада Горизонтова и слабо окликнула его. Тотъ вѣжливо раскланялся, но не отвѣтилъ. Она долго съ робостью и удивленіемъ смотрѣла ему вслѣдъ.

X.

На сороковой день никольскій причтъ служилъ панихиду въ селиховскомъ домѣ. Повисъ въ комнатахъ густой запахъ ладана, и велѣла Александра Васильевна, боясь, что у нея разболится голова отъ этого запаха, подать самоваръ подъ свою любимую яблоню въ саду. Былъ майскій день, зеленѣлъ садъ, кипѣлъ расчищенный самоваръ, бѣлѣла скатерть, блестѣла посуда, бодро велъ житейскую бесѣду веселый, съ большими ноздрями, никольскій священникъ, здоровый мужчина съ широкой тугой поясницей, въ широкомъ, вышитомъ розанами поясѣ по серебристому подряснику. Отвѣчая ему, слабо улыбалась и наливала чай Александра Васильевна. Но передвигалась жидкая тѣнь яблони, пекло горячее солнце темя Александры Васильевны,—и вдругъ отнялись ея руки, ноги, поплыла красная муть передъ глазами... Когда, распахнувъ всѣ двери, внесли ее въ гостиную и положили на диванъ, она все ползла съ него, цѣплялась пухлой рукой за золотую бахрому тяжелой старинной скатерти и, захлебываясь, стонала, силясь что-то выговорить. Но отваливалась челюсть, языкъ не ворочался, въ безсмысленныхъ, безцвѣтныхъ глазахъ стояли свѣтлыя слезинки...

Однако напрасно качали надъ ней головами—ударъ былъ легкій. Видно, была еще какая-то капля меда въ чашѣ ея жизни, какъ сказалъ бы Горизонтовъ. Еще жаждало старое сердце этой капли,—и Александра Васильевна стала поправляться. Сладко утѣшаясь возврату жизни, лежа въ постели, она застѣнчиво разсказывала кухаркѣ, что подъ сороковой день всю свѣтлую майскую ночь кричала она,— чувствовала, что кричитъ, и никакъ не могла очнуться, подавленная страннымъ сномъ: вошли будто въ ея спальню два молодыхъ монаха, стали раздѣвать ее, а она отбивалась, противилась—и такъ радостно, страшно и стыдно ей было, какъ никогда въ жизни не было. Монахи одолѣли, раздѣли ее догола, положили на полъ, и она уже не могла двинуться и все только кричала—отъ стыда, страха и радости... И когда разсказывала Александра Васильевна, не выходила изъ ея души нѣжность къ о. Киру. Казалось ей, что съ восторгомъ отдала бы она эту снова обрѣтенную жизнь за одинъ только взглядъ на него, больного, одинокаго, за одно только свиданіе съ

нимъ—послѣднее... Нѣтъ, не возгласы его, не кажденіе, не поклоны усопшему врагу страшны были тогда, въ соборѣ! Страшно было глядѣть на нихъ на обоихъ, страшно было вспоминать ту радость, тотъ страхъ, ту любовь, что̀ когда-то горячей краской заливали дѣвичье лицо, чувствовать, какъ доходитъ до сердца эта далекая, еще не истлѣвшая любовь—и въ одно сливаетъ и того, кого любила она, и того, съ кѣмъ, нелюбимымъ,—а все-таки когда-то носившимъ ея зонтикъ и накидку!—прожила она всю жизнь, кто такъ нѣжно сказалъ ей когда-то, прижимая къ сердцу ея руку:

— Я желалъ бы воспользоваться этой ручкой навѣки, Александра Васильевна.

XI.

Цѣлый мѣсяцъ она жила затаенной мечтой увидать о. Кира десятаго іюня: десятаго долженъ былъ пріѣхать въ Стрѣлецкъ одинъ очень важный человѣкъ, которому готовили торжественную встрѣчу, для котораго на перекресткахъ сооружали и бѣлили мѣломъ тріумфальныя арки, чтобы потомъ увить ихъ гирляндами зелени. Съ рыжей худой модисткой Александра Васильевна сходила въ магазинъ „Общая польза“ и набрала шерстяной коричневой матеріи на новое платье. Разъ, когда примѣряли это платье, донеслось въ открытыя окна глухое громыханіе бубна, заунывное пѣніе, потомъ шумъ, крики. И модистка, и Александра Васильевна, въ кофтѣ съ однимъ рукавомъ, выскочили на крыльцо: по улицѣ бѣжалъ народъ, а возлѣ калитки о. Кира шумѣла толпа, и лохматый сапожникъ билъ бубномъ по головѣ кричавшаго серба, опять появившагося въ Стрѣлецкѣ... И Александра Васильевна горько заплакала: Боже мой, какъ, значитъ, ослабѣлъ о. Киръ!

А десятаго была страшная жара. Въ новомъ платьѣ, въ бурнусѣ, въ разноцвѣтныхъ перстняхъ на пальцахъ, Александра Васильевна поѣхала на извозчикѣ къ вокзалу. На этомъ же извозчикѣ и привезъ ее обратно городовой—мертвую: ее задавили, замяли въ толпѣ.

На панихидахъ никто не плакалъ, кромѣ модистки, очень мало знавшей покойную. Опять пріѣхалъ остроглазый господинъ, въ домѣ всѣмъ распоряжалась его властная жена. Они привезли съ собой дѣтей—большеротую бойкую дѣвочку и кадета, все затѣвавшихъ возню и бѣготню по дому. Покойница, подъ коленкоромъ, лежала на столѣ въ залѣ, и ея никто не боялся. Завѣсили зеркала въ знакъ печали Строго, точно вразумляя неразумную, читала псалтырь рясофорная монахиня, родственница Александры Васильевны, нарочно

пріѣхавшая изъ монастыря, изъ уѣзда,—толстая свѣжая старуха въ очкахъ, съ большимъ бѣлымъ лицомъ, точно обрѣзаннымъ чернымъ головнымъ уборомъ. Но ни печали ни строгости въ домѣ не было. Не унимались дѣти, беззаботно залетали мухи и шмели въ открытыя окна гостиной, за которыми сіялъ горячій день, въ которыя лился радостный свѣтъ.

Послѣ похоронъ домъ пустовалъ. Всю мебель вынесли изъ него и увезли на вокзалъ ломовые. Старухи закидали мокрымъ осиновымъ листомъ и вымыли полы, растворили всѣ двери, и вѣтеръ ходилъ по голымъ комнатамъ, которыя стали казаться темнѣе и меньше. Прилѣпили бѣлые билетики на тонкія старыя стекла—и нашелся постоялецъ, прожившійся дворянинъ Хитрово, пьяница съ висячими усами, въ котелкѣ и засаленной визиткѣ съ круглыми полами. Перебираясь на новую квартиру, онъ ѣхалъ на извозчикѣ и держалъ за ошейникъ черно-атласнаго гордона. Ломовой везъ два стула, кухонный столъ и огромный красный шкапъ—больше мебели у Хитрово не было. Занялъ дворянинъ только одну комнату и окна завѣсилъ газетами. Противъ солнца газетные листы скоро выгорѣли, порыжѣли.

XII.

Былъ іюньскій вечеръ, накрапывалъ дождь. Шелъ поѣздъ по Стрѣлецкой желѣзной дорогѣ. Въ сѣромъ темнѣющемъ вагонѣ второго класса сидѣли разные господа и говорили—нѣкоторые о томъ, кто куда ѣдетъ, нѣкоторые о непорядкахъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ и вообще о Россіи, о ея богатствахъ и некультурности. Вагонъ грохоталъ и раскачивался, а жерло вагоннаго вентилятора прерывисто гудѣло, и слышно было, какъ стрекочетъ въ немъ мелкій предвечерній дождь.

Открылась впереди широкая пустая низменность, заливные луга, извилистая рѣчка, а за рѣчкой, на скатѣ полей—Стрѣлецкъ, желѣзныя и тесовыя крыши его низкихъ домовъ, колокольни, темная кладбищенская роща... По мосту поѣздъ пошелъ тише—мостъ весь визжалъ, пылъ и скрипѣлъ. Рѣчка была мутная, мелкая, городъ былъ запыленъ, казался очень бѣднымъ. Ярко заблестѣли сквозь мелкій дождь ранніе огни на станціи...

Постоявъ пятнадцать минутъ, снова тронулись. Кондукторъ зажигалъ одна объ одну короткія свѣчи. Онѣ пылали ярко, но, попадая въ тусклые фонари, сразу меркли. Перезнакомившіеся пассажиры курили, располагались на ночь и ожи-

вленно бесѣдовали. Но вотъ отворилась дверь—и съ большимъ
акомъ въ одной рукѣ, съ парусиновымъ зонтомъ въ другой,
вошелъ въ вагонъ Горизонтовъ, такой большой и неуклюжій,
что многіе смолкли и уставились на него. Старомодно всѣмъ
раскланявшись, онъ сѣлъ въ уголокъ на маленькій диванчикъ
возлѣ двери.

Больше всѣхъ говорилъ, стоя у поднятой спинки дивана и
отстегивая подъ жилетомъ подтяжки, щуплый господинъ въ
очкахъ, человѣкъ, какъ можно было понять изъ его словъ,
московскій, извѣстный Москвѣ и придерживающійся въ вопро-
сахъ общественныхъ мнѣній крайнихъ. Онъ выпилъ на вок-
залѣ въ Стрѣлецкѣ. Измятое его лицо было красно и возбу-
жденно. Строго блестѣли его очки, энергично падали въ разныя
стороны рога сальныхъ волосъ, энергично и рѣзко лилась
рѣчь. Внимательно и удивленно оглядѣвъ новаго пассажира,
онъ долго притворялся, что не думаетъ о немъ, и наконецъ,
не вытерпѣвъ, спросилъ:

— А вы далеко изволите ѣхать?

— А въ Москву,—не спѣша отвѣтилъ Горизонтовъ, держа
свои желѣзныя руки на зонтѣ, поставленномъ между колѣнъ.

Господинъ въ очкахъ подумалъ, оглядывая его.

— А жить, вѣроятно, изволите въ томъ городкѣ, который
мы тол ко-что проѣхали?

— Да, я изъ Стрѣлецка.

— И въ Москву, конечно, по дѣламъ?

— По дѣламъ, — сказалъ Горизонтовъ. — Веду переговоры
съ анатомическимъ театромъ московскаго Императорскаго уни-
верситета. Московскій Императорскій университетъ, получивъ
отъ меня фотографическую карточку во весь ростъ и предло-
женіе купить послѣ смерти моей мой костякъ, отвѣтилъ мнѣ
принципіальнымъ согласіемъ.

— Какъ? — съ изумленіемъ воскликнулъ господинъ въ
очкахъ.—Вы продаете собственный скелетъ?

— А почему бы и нѣтъ?—сказалъ Горизонтовъ.—Разъ эта
сдѣлка увеличиваетъ мое благосостояніе и не наноситъ мнѣ
никакого ущерба...

— Но позвольте!—перебилъ господинъ въ очкахъ.—И вамъ
не странно... да скажу даже—не жутко совершать подобную
сдѣлку?

— Ничуть, — отвѣтилъ Горизонтовъ.—Надѣюсь, что мос-
ковскому Императорскому университету придется еще не скоро
воспользоваться своимъ пріобрѣтеніемъ. Надѣюсь, судя по
тому запасу силъ, который есть во мнѣ, прожить никакъ не
менѣе девяноста пяти лѣтъ.

Въ окнѣ, куда поглядывалъ онъ, отъѣчая, уже отражалась свѣча, горѣвшая въ вагонномъ фонарѣ, и, отражаясь, какъ бы висѣла въ воздухѣ за окномъ. Проходили мимо косогоры въ зеленыхъ хлѣбахъ, низко висѣло надъ ними облачное небо. Гудѣло жерло вентилятора, говорили и смѣялись въ вагонѣ... А тамъ, въ Стрѣлецкѣ, на его темнѣющихъ улицахъ, было пусто и тихо. На лавочкѣ возлѣ хибарки сапожника сидѣлъ квартировавшій у него Желудь, гнутый старичокъ въ кумачной рубашкѣ, и напѣвалъ что-то беззаботное. Лежалъ въ своемъ темномъ домѣ уже давно невстающій съ постели, сѣдовласый, распухшій, съ заплывшими мрачными глазами о. Киръ. Дворянинъ Хитрово былъ трезвъ и осторожно ходилъ за своимъ гордономъ, съ ружьемъ на перевѣсъ, по мокрымъ овсамъ возлѣ кладбищенской рощи, выпугивая перепеловъ и наугадъ стрѣляя въ сумеречный воздухъ, въ мелкій дождь. Вѣчнымъ сномъ спали въ кладбищенской рощѣ Александра Васильевна и Селиховъ—рядомъ были бугры ихъ могилъ. А Яша работалъ въ своей часовнѣ надъ склепомъ купца Ершова. Отпустивъ посѣтителей, весь день плакавшихъ передъ нимъ и цѣловавшихъ его руки, онъ зажегъ восковой огарокъ и освѣтилъ свой засаленный халатикъ, свою ермолку и заросшее сѣдой щетинкой личико, съ колючими, хитрыми-прехитрыми глазками. Онъ работалъ пристально: стоялъ онъ возлѣ стѣны плевалъ на нее и затиралъ апельсинами, дарами своихъ поклонницъ.

2. IX. 1913.

ГРАММАТИКА ЛЮБВИ.

Нѣкто Ивлевъ ѣхалъ однажды въ началѣ іюня въ дальній край своего уѣзда.

Тарантасъ съ кривымъ пыльнымъ верхомъ далъ ему шуинъ, въ имѣніи котораго онъ проводилъ лѣто. Тройку лошадей, мелкихъ, но справныхъ, съ густыми сбитыми гривами, анялъ онъ на деревнѣ, у богатаго мужика. Правилъ ими ынъ этого мужика, малый лѣтъ восемнадцати, тупой, хозяйственный. Онъ все о чемъ-то недовольно думалъ, былъ какъ удто чѣмъ-то обиженъ, не понималъ шутокъ. И, убѣдившись, то съ нимъ не разговоришься, Ивлевъ отдался той спокойой и безцѣльной наблюдательности, которая такъ идетъ къ аду копытъ и громыханію бубенчиковъ.

Ѣхать сначала было очень пріятно: теплый, тусклый день, орошо накатанная дорога, въ поляхъ множество цвѣтовъ и аворонковъ; съ хлѣбовъ, съ невысокихъ сизыхъ ржей, протиравшихся насколько глазъ хватитъ, дулъ сладкій вѣтеокъ—несъ по ихъ косякамъ цвѣточную пыль, мѣстами дылъ ею, и вдали отъ нея было даже туманно. Малый, въ овомъ картузѣ и неуклюжемъ люстриновомъ пиджакѣ, сиѣлъ прямо; то, что лошади всецѣло ввѣрены ему и что онъ аряженъ, дѣлало его особенно серьезнымъ. А лошади каляли и не спѣша бѣжали, валекъ пристяжки порою скребъ о колесу, порою натягивался, и все время мелькала подъ имъ бѣлой сталью стертая подкова.

— Къ графу будемъ заѣзжать?—спросилъ малый, не обачиваясь, когда впереди показалась деревня, замыкавшая оризонтъ своими лозинами и садомъ.

— А зачѣмъ?—сказалъ Ивлевъ.

Малый, помолчавъ и сбивъ кнутомъ прилипшаго къ лошади рупнаго овода, сумрачно отвѣтилъ:

— Да чай пить...

— Не чай у тебя въ головѣ!—сказалъ Ивлевъ.—Все лошадей жалѣешь.

— Лошадь ѣзды не боится, она корму боится,—отвѣтилъ малый положительно.

Ивлевъ поглядѣлъ кругомъ: погода поскучнѣла, со всѣхъ сторонъ натянуло линючихъ тучъ, и уже накрапывало—эти скромные деньки всегда оканчиваются окладными дождями. Но спорить не хотѣлось. Старикъ въ очкахъ, пахавшій возлѣ деревни, сказалъ, что дома одна молодая графиня, но все-таки заѣхали. Малый натянулъ на плечи армякъ и, довольный тѣмъ, что лошади отдыхаютъ, спокойно мокъ подъ дождемъ на козлахъ тарантаса, остановившагося среди грязнаго двора, возлѣ каменнаго корыта, вросшаго въ землю, истыканную копытами скота. Онъ оглядывалъ свои сапоги, поправлялъ кнутовищемъ шлею на коренникѣ; а Ивлевъ сидѣлъ въ темнѣющей отъ дождя гостиной, болталъ съ графиней и ждалъ чаю: уже пахло горящей лучиной, густо плылъ мимо открытыхъ оконъ зеленый дымъ самовара, который босая дѣвка набивала на крыльцѣ пуками ярко пылающихъ щепокъ, обливая ихъ керосиномъ. Графиня была въ широкомъ розовомъ капотѣ, съ открытой напудренной грудью; она курила, глубоко затягиваясь, часто поправляла волосы, до плечей обнажая свои тугія и круглыя руки; затягиваясь и смѣясь, она все сводила разговоръ на любовь, и между прочимъ разсказывала про своего близкаго сосѣда, помѣщика Хвощинскаго, который, какъ зналъ Ивлевъ еще съ дѣтства, всю жизнь былъ помѣшанъ на любви къ своей горничной Лушкѣ, умершей въ ранней молодости. — „Ахъ, эта легендарная Лушка!—замѣтилъ Ивлевъ шутливо, слегка конфузясь своего признанія. — Оттого, что этотъ чудакъ обоготворилъ ее, всю жизнь посвятилъ сумасшедшимъ мечтамъ о ней, я въ молодости былъ почти влюбленъ въ нее, воображалъ, думая о ней, Богъ знаетъ что, хотя она, говорятъ, совсѣмъ нехороша была собой". — „Да? — сказала графиня, не слушая. — Онъ вѣдь, знаете, умеръ нынѣшней зимой. И Писаревъ, единственный, кого онъ иногда допускалъ къ себѣ по старой дружбѣ, утверждаетъ, что во всемъ остальномъ онъ нисколько не былъ помѣшанъ, и я вполнѣ вѣрю этому—просто онъ былъ не теперешнимъ чета..." Наконецъ босая дѣвка съ необыкновенной осторожностью подала на старомъ серебряномъ подносѣ стаканъ крѣпкаго сиваго чая изъ прудовки и корзиночку съ печеньемъ, засиженнымъ мухами.

Когда поѣхали дальше, дождь разошелся уже по-настоящему. Пришлось поднять верхъ, закрыться каляным, ссохшимся фартукомъ, сидѣть согнувшись. Но громыхали глухарями лошади, по ихъ темнымъ и блестящимъ лижкамъ бѣжали струйки, подъ колесами сочно шуршали травы какого-то рубежа среди хлѣбовъ, гдѣ малый поѣхалъ въ надеждѣ сократить путь, подъ верхъ набирался теплый ржаной духъ, мѣшавшійся съ запахомъ стараго тарантаса,—ѣхать было все-таки отлично.—„Такъ вотъ оно что, Хвощинскій умеръ,—думалъ Ивлевъ.—Надо непремѣнно заѣхать, хоть взглянуть на это опустѣвшее святилище таинственной Лушки... Но что въ самомъ дѣлѣ былъ за человѣкъ этотъ Хвощинскій? Сумасшедшій или просто какая-то ошеломленная, вся на одномъ сосредоточенная душа?“ По разсказамъ стариковъ-помѣщиковъ, сверстниковъ Хвощинскаго, онъ когда-то слылъ въ уѣздѣ за рѣдкаго умницу. И вдругъ свалилась на него эта любовь, эта Лушка, потомъ неожиданная смерть ея,—и все пошло прахомъ: онъ затворился въ домѣ, въ той комнатѣ, гдѣ жила и умерла Лушка, и больше двадцати лѣтъ просидѣлъ на ея кровати—не только никуда не выѣзжалъ, а даже у себя въ усадьбѣ не показывался никому, насквозь просидѣлъ матрасъ на Лушкиной кровати и Лушкиному вліянію приписывалъ буквально все, что совершалось въ мірѣ: гроза заходитъ—это Лушка насылаетъ грозу, объявлена война—значитъ, такъ Лушка рѣшила, неурожай случился—не угодили мужики Лушкѣ...

— Ты на Хвощинское, что ли, ѣдешь?—крикнулъ Ивлевъ, высовываясь подъ дождь.

— На Хвощинское,—невнятно отозвался сквозь шумъ дождя малый, съ обвисшаго картуза котораго уже текла вода.—На этотъ, на писаревъ верхъ...

Такого пути Ивлевъ не зналъ. Мѣста становились все бѣднѣе и глуше. Кончился рубежъ, лошади пошли шагомъ и спустили покосившійся тарантасъ размытой колдобиной подъ горку, въ какіе-то еще некошенные луга, зеленые скаты которыхъ грустно выдѣлялись на низкихъ тучахъ. Потомъ дорога, то пропадая, то возобновляясь, стала переходить съ одного бока на другой по днищамъ овраговъ, по буеракамъ въ ольховыхъ кустарникахъ и вербозахъ... Была чья-то маленькая пасѣка, нѣсколько колодокъ, стоявшихъ на скатѣ въ высокой травѣ, краснѣющей земляникой... Объѣхали какую-то старую плотину, потопувшую въ крапивѣ, и давно высохшій прудъ—глубокую яругу, заросшую бурьянами выше человѣческаго роста... Пара черныхъ куличковъ съ плачемъ

метнулась изъ нихъ въ дождливое небо. А на плотинѣ, среди крапивы, мелкими блѣдно-розовыми цвѣточками цвѣлъ большой старый кустъ, то милое деревцо, которое зовутъ „божьимъ деревомъ“,—и вдругъ Ивлевъ вспомнилъ мѣста, вспомнилъ, что не разъ ѣздилъ тутъ въ молодости верхомъ, съ ружьемъ за плечами...

— Говорятъ, она тутъ утопилась-то,—неожиданно сказалъ малый и даже обернулся слегка.

— Ты про любовницу Хвощинскаго, что ли?—спросилъ Ивлевъ.—Это неправда, она и не думала топиться.

— Нѣтъ, утопилась,—сказалъ малый.—Ну только думается, онъ скорѣй всего отъ бѣдности отъ своей спѣлъ съ ума, а не отъ ней...

И, помолчавъ, прибавилъ:

— А намъ наконецъ опять надо заѣзжать... въ это, въ Хвощино-то.

— Сдѣлай милость, — сказалъ Ивлевъ. — Только почему „наконецъ“?

— Лошади уморились, вотъ почему, — отвѣтилъ малый грубо, пошевеливая вожжами надъ тройкой, взбиравшейся на бугоръ.

На бугрѣ, куда вела оловянная отъ дождевой воды дорога, на мѣстѣ сведеннаго лѣса, среди мокрой, гніющей щепы и листвы, среди пней и молодой осиновой поросли, горько и свѣжо пахнущей, одиноко стояла изба. Ни души не было кругомъ,—только овсянки, сидя подъ дождемъ на высокихъ цвѣтахъ, звенѣли на весь рѣдкій лѣсъ, поднимавшійся за избою,—но, когда тройка, шлепая по грязи, поровнялась съ ея порогомъ, откуда-то вырвалась цѣлая орава громадныхъ собакъ, черныхъ, шоколадныхъ, дымчатыхъ, и съ яростнымъ лаемъ закинѣла вокругъ лошадей, взвиваясь къ самымъ ихъ мордамъ, налету перевертываясь и прядая даже подъ верхъ тарантаса. Въ то же время и столь же неожиданно небо надъ тарантасомъ раскололось отъ оглушительнаго удара грома, ни разу не гремѣвшаго за весь день, а малый съ остервенѣніемъ кинулся драть собакъ кнутомъ—и лошади вскачь понесли среди замелькавшихъ передъ глазами осиновыхъ стволовъ...

За лѣсомъ уже видно было Хвощинское. Собаки отстали и сразу смолкли, дѣловито побѣжали назадъ, лѣсъ разступился, и впереди опять открылись поля. Вечерѣло, и тучи не то расходились, не то заходили теперь съ трехъ сторонъ: слѣва—почти черная, съ голубыми просвѣтами, справа—сѣдая, грохочущая непрерывнымъ громомъ, а съ запада, изъ-за хво-

щинской усадьбы, изъ-за косогоровъ надъ рѣчной долиной,— мутно-синяя, въ пыльныхъ полосахъ дождя, сквозь которыя розовѣли горы дальнихъ облаковъ. Но надъ тарантасомъ дождь рѣдѣлъ, и, приподнявшись, Ивлевъ, весь закиданный грязью, съ удовольствіемъ завалилъ назадъ отяжелѣвшій верхъ и свободно вздохнулъ пахучей сыростью поля.

Онъ глядѣлъ на приближающуюся усадьбу, видѣлъ наконецъ то, о чемъ слышалъ такъ много, но попрежнему казалось, что жила и умерла Лушка не двадцать лѣтъ тому назадъ, а чуть ли не во времена незапамятныя. По долинѣ терялся въ кугѣ слѣдъ мелкой рѣчки, и надъ ней летала бѣлая рыбалка. Дальше, на полугорѣ, лежали ряды сѣна, потемнѣвшіе отъ дождя, а среди нихъ, далеко другъ отъ друга, раскидывались старые серебристые тополи. Домъ, довольно большой, когда-то бѣленый, съ блестящей мокрой крышей, стоялъ на совершенно голомъ мѣстѣ. Не было кругомъ ни сада ни построекъ—только два кирпичныхъ столба на мѣстѣ воротъ да лопухи по канавамъ. Когда лошади вбродъ перешли рѣчку и поднялись на гору, какая-то женщина въ лѣтнемъ мужскомъ пальто съ обвисшими карманами гнала по лопухамъ индюшекъ. Фасадъ дома былъ необыкновенно скученъ: оконъ въ немъ было мало, и всѣ они были невелики, сидѣли въ толстыхъ стѣнахъ. Зато огромны были мрачныя крыльца. Съ одного изъ нихъ удивленно глядѣлъ на подъѣзжающихъ молодой человѣкъ въ сѣрой гимназической блузѣ, подпоясанной широкимъ ремнемъ, черный, съ красивыми глазами и очень миловидный, хотя лицо его было блѣдно и отъ веснушекъ пестро, какъ птичье яйцо.

Нужно было чѣмъ-нибудь объяснить свой заѣздъ. Поднявшись на крыльцо и назвавъ себя, Ивлевъ сказалъ, что хочетъ посмотрѣть и можетъ-быть, купить библіотеку, которая, какъ говорила графиня, осталась отъ покойнаго. И молодой человѣкъ, густо покраснѣвъ и одергивая сзади свою блузу, тотчасъ повелъ его въ домъ. — „Такъ вотъ это и есть сынъ знаменитой Лушки!“—подумалъ Ивлевъ, окидывая глазами все, что было на пути, и часто оглядываясь и говоря что попало, лишь бы лишній разъ взглянуть на хозяина, который казался слишкомъ моложавъ для своихъ лѣтъ. Тотъ отвѣчалъ поспѣшно, но односложно, путался, видимо, и отъ застѣнчивости и отъ жадности: что онъ страшно обрадовался возможности продать книги и вообразилъ, что сбудетъ ихъ недешево, сказалось въ первыхъ же его словахъ, въ той неловкой торопливости, съ которой онъ заявилъ, что такихъ книгъ, какъ у него, ни за какія деньги нельзя достать.

Черезъ полутемныя сѣни, гдѣ была настлана красная отъ сырости солома, онъ ввелъ Ивлева въ большую переднюю.

— Тутъ вотъ и жилъ вашъ батюшка?—спросилъ Ивлевъ, входя и снимая шляпу.

— Да, да, тутъ,—поспѣшилъ отвѣтить молодой человѣкъ.— То-есть, конечно, не тутъ, не совсѣмъ тутъ... они вѣдь больше всего въ спальнѣ сидѣли... Но, конечно, и тутъ бывали... по ночамъ, то-есть...

— Да, я знаю, онъ вѣдь уже давно былъ боленъ,—сказалъ Ивлевъ.

Молодой человѣкъ вспыхнулъ.

— То-есть чѣмъ боленъ?—спросилъ онъ, и въ голосѣ его послышались болѣе мужественныя ноты.—Нѣтъ, это не правда, это все сплетни, они умственно нисколько не были больны... Они только читали по цѣлымъ днямъ и никуда не выходили, вотъ и все... Да нѣтъ, вы, пожалуйста, не снимайте шляпу, тутъ очень холодно, мы вѣдь не живемъ въ этой половинѣ...

Правда, въ домѣ было гораздо холоднѣе, чѣмъ на воздухѣ. Въ непривѣтливой передней, оклеенной газетами, на подоконникѣ печальнаго отъ тучъ окна стояла лубяная перепелиная клѣтка. По полу самъ собою прыгалъ сѣрый мѣшочекъ. Наклонившись, молодой человѣкъ поймалъ его и положилъ на лавку, и Ивлевъ понялъ, что въ мѣшочкѣ сидитъ перепелъ. Затѣмъ вошли въ залъ. Эта комната, окнами на западъ и на сѣверъ, занимала чуть не половину всего дома. Въ одно окно, на золотѣ расчищающейся за тучами зари, видна была столѣтняя, вся черная плакучая береза, въ остальныя—высокій засыхающій акатникъ. Передній уголъ весь былъ занятъ божницей безъ стеколъ, уставленной и увѣшанной образами; среди нихъ выдѣлялся и величиной и древностью образъ въ серебряной ризѣ, и на немъ, желтѣя воскомъ, какъ мертвымъ тѣломъ, лежали вѣнчальныя свѣчи въ блѣдно-зеленыхъ бантахъ.

— Простите, пожалуйста,—началъ-было Ивлевъ, превозмогая стыдъ:—развѣ вашъ батюшка...

— Нѣтъ, это такъ,—пробормоталъ молодой человѣкъ, мгновенно понявъ его.—Они такъ ее любили, что... уже послѣ ея смерти купили эти свѣчи... и даже обручальное кольцо всегда носили...

Мебель въ залѣ была собрана какая попало и все топорная. Зато въ простѣнкахъ стояли прекрасныя горки, полныя съ верху до низу фарфоровыми вещицами, хрусталемъ, чайной посудой и бокалами въ золотыхъ ободкахъ. А полъ весь былъ усѣянъ колѣлыми пчелами, которыя щелкали подъ ногами.

Пчелами усыпана была и гостиная, совершенно пустая. Пройдя ее и еще какую-то сумрачную комнату съ лежанкой, съ черными масляными картинами на синихъ стѣнахъ, молодой человѣкъ остановился возлѣ низенькой двойной двери и вынулъ изъ кармана брюкъ большой ключъ. Съ трудомъ повернувъ его въ ржавой замочной скважинѣ, онъ распахнулъ двери, что-то пробормоталъ, — и Ивлевъ увидѣлъ почти каморку, въ два окна; у одной стѣны ея стояла желѣзная голая койка, у другой — два книжныхъ шкапчика изъ корельской березы.

— Это и есть библіотека?—спросилъ Ивлевъ, подходя къ одному изъ нихъ.

И молодой человѣкъ, поспѣшивъ отвѣтить утвердительно, помогъ ему растворить шкапчикъ и жадно сталъ слѣдить за его руками.

Престранныя книги составляли эту библіотеку! Раскрывалъ Ивлевъ толстые переплеты, отворачивалъ шершавую сѣрую страницу и читалъ: „Заклятое урочище“... „Утренняя звѣзда и ночные демоны“... „Размышленія о таинствахъ мірозданія“... „Чудесное путешествіе въ волшебный край“... „Новѣйшій сонникъ“... А руки все-таки слегка дрожали. Такъ вотъ чѣмъ питалась та одинокая душа, что̀ навсегда затворилась отъ міра въ этой каморкѣ и еще такъ недавно ушла изъ нея!.. Но, можетъ-быть, она, эта душа, и впрямь не совсѣмъ была безумна? „Есть бытіе,—вспомнилъ Ивлевъ стихи Баратынскаго,—есть бытіе, но именемъ какимъ его назвать? Ни сонъ оно, ни бдѣніе: — *межъ нихъ оно*, и въ человѣкѣ имъ съ безуміемъ граничитъ разумѣнье...“ Расчистило на западѣ, золото глядѣло оттуда изъ-за красивыхъ лиловатыхъ облаковъ и странно озаряло этотъ бѣдный пріютъ любви, любви непонятной, въ какое-то экстатическое житіе превратившей цѣлую человѣческую жизнь, которой, можетъ, надлежало быть самой обыденной жизнью, не случись какой-то загадочной въ своемъ обаяніи Лушки...

Взявъ изъ-подъ койки скамеечку, Ивлевъ сѣлъ передъ шкапомъ и вынулъ папиросы, незамѣтно оглядывая и запоминая комнату.

— Вы курите? — спросилъ онъ молодого человѣка, стоявшаго надъ нимъ.

Тотъ опять покраснѣлъ.

— Курю,—пробормоталъ онъ и попытался улыбнуться: — То-есть не то что курю, скорѣе балуюсь... А впрочемъ, позвольте, очень благодаренъ вамъ...

И, неловко взявъ папиросу, закурилъ дрожащими руками,

отошелъ къ подоконнику и наполовину сѣлъ на него, загораживая желтый свѣтъ зари.

— А это что?—спросилъ Ивлевъ, наклоняясь къ средней полкѣ, на которой лежала только одна очень маленькая книжечка, похожая на молитвенникъ, и стояла шкатулка, углы которой были обдѣланы въ серебро, стертое и побѣлѣвшее отъ времени.

— Это такъ... ожерелье покойной матушки,—запнувшись, но стараясь говорить небрежно, отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Можно взглянуть?

— Пожалуйста... хотя оно вѣдь очень простое... вамъ не можетъ быть интересно...

И, открывъ шкатулку, Ивлевъ увидѣлъ заношенный шнурокъ, а на немъ—снизку дѣйствительно очень дешевенькихъ голубыхъ шариковъ, похожихъ на каменные. И такое волненіе овладѣло имъ при взглядѣ на эти шарики, нѣкогда лежавшіе на шеѣ той, которой суждено было быть столь любимой и чей смутный образъ уже не могъ не быть прекраснымъ, что зарябило въ глазахъ отъ сердцебіенія... Насмотрѣвшись, Ивлевъ осторожно поставилъ шкатулку на мѣсто; потомъ взялся за книжечку. Это была крохотная, прелестно изданная почти сто лѣтъ тому назадъ „Грамматика любви, или искусство любить и быть взаимно любимымъ“.

— Эту книжку я, къ сожалѣнію, не могу продать,—съ трудомъ проговорилъ молодой человѣкъ.—Она очень дорогая... они даже подъ подушку ее себѣ клали...

— Но, можетъ-быть, вы позволите хоть посмотрѣть ее?—сказалъ Ивлевъ.

— Пожалуйста,—прошепталъ молодой человѣкъ

И, превозмогая неловкость, смутно томясь его пристальнымъ взглядомъ, Ивлевъ сталъ медленно перелистывать „Грамматику любви“. Она вся дѣлилась на маленькія главы: „о красотѣ, о сердцѣ, объ умѣ, объ обращеніи, о знакахъ любовныхъ, о нападеніи и защищеніи, о размолвкѣ и примиреніи, о любви платонической“... Каждая глава состояла изъ коротенькихъ, изящныхъ, порою очень тонкихъ сентенцій, и нѣкоторыя изъ нихъ были деликатно отмѣчены перомъ, красными чернилами.—„Любовь не есть простая эпизода въ нашей жизни,—читалъ Ивлевъ.—Разумъ нашъ противорѣчитъ сердцу и не убѣждаетъ онаго.—Женщины никогда не бываютъ такъ сильны, какъ когда онѣ вооружаются слабостью.—Женщину мы обожаемъ за то, что она владычествуетъ надъ нашей мечтой идеальной.—Тщеславіе выбираетъ, истинная любовь не выбираетъ.—Женщина прекрасная должна занимать вторую ступень; первая при

надлежитъ женщинѣ милой. Сія-то дѣлается владычицей нашего сердца: прежде нежели мы отдадимъ о ней отчетъ сами себѣ, сердце наше дѣлается невольникомъ любви навѣки“... Затѣмъ шло „изъясненіе языка цвѣтовъ“, и опять кое-что было отмѣчено, и опять съ выборомъ, отвѣчавшимъ душѣ покойнаго: „Дикой макъ—печаль.—Вереск-ледъ—твоя прелесть запечатлѣна въ моемъ сердцѣ.—Могильница—сладостныя воспоминанія.—Печальный гераній—меланхолія.—Полынь—вѣчная горесть“... А на чистой страничкѣ въ самомъ концѣ было мелко, бисерно написано тѣми же красными чернилами восьмистишіе. Молодой человѣкъ вытянулъ шею, заглядывая въ „Грамматику любви“, и, краснѣя, сказалъ съ дѣланной усмѣшкой:

— Это они сами сочинили... Даже разъ призвали меня и прочли...

Черезъ полчаса Ивлевъ съ облегченіемъ простился съ нимъ. Изъ всѣхъ книгъ онъ за очень дорогую цѣну купилъ только эту книжечку. Мутно-золотая заря блекла въ облакахъ за полями, желто отсвѣчивала въ лужахъ, мокро и зелено было въ поляхъ. Малый не спѣшилъ, но Ивлевъ не понукалъ его. Малый разсказывалъ, что та женщина, которая давеча гнала по лопухамъ индюшекъ,—жена березовскаго дьякона, что молодой Хвощинскій уже давно живетъ съ нею, что у него уже есть дѣти. Ивлевъ не слушалъ. Онъ все думалъ о Лушкѣ, о ея ожерельѣ, которое оставило въ немъ чувство сложное, похожее на то, какое испыталъ онъ когда-то въ одномъ итальянскомъ городкѣ при взглядѣ на реликвіи одной святой.—„Вошла она навсегда въ мою жизнь!“—подумалъ онъ. И, вынувъ изъ кармана „Грамматику любви“, медленно перечиталъ при свѣтѣ зари стихи, написанные на ея послѣдней страницѣ:

Обречены съ тобой мы оба
На грусть въ семъ мірѣ лжи и зла!
Моя любовь была до гроба,
Она со мною умерла.

Но ей сердца любившихъ скажутъ:
„Въ преданьяхъ сладостныхъ живи!“
И правнукамъ своимъ покажутъ
Сію Грамматику Любви.

Москва. 18. II. 1915.

БРАТЬЯ.

Взгляни на братьевъ, избивающихъ другъ друга. Я хочу говорить о печали.

Сутта Нипата.

Дорога изъ Коломбо вдоль океана идетъ въ густыхъ кокосовыхъ лѣсахъ. Справа, въ ихъ тѣнистой глубинѣ, испещренной солнечнымъ свѣтомъ, подъ высокимъ навѣсомъ перистыхъ метелокъ-верхушекъ, разбросаны сингалезскія хижины, полускрытыя блѣдно-зелеными лопастями банановъ, похожихъ на гигантскую кукурузу, такія низенькія по сравненію съ окружающимъ ихъ тропическимъ лѣсомъ. Слѣва, среди высокихъ и тонкихъ, въ разныя стороны и причудливо изогнутыхъ темнокольчатыхъ стволовъ, стелются глубокіе шелковистые пески, блещетъ золотое, жаркое зеркало водной глади и стоятъ на ней, какъ бы мѣшаются со стволами грубые паруса первобытныхъ пирогъ, утлыхъ сигароподобныхъ дубковъ. На пескахъ, въ райской наготѣ, валяются кофейныя тѣла черноволосыхъ подростковъ. Много этихъ тѣлъ плещется со смѣхомъ, крикомъ и въ теплой прозрачной водѣ каменистаго прибрежья... Казалось бы, зачѣмъ имъ, этимъ лѣснымъ людямъ, прямымъ наслѣдникамъ земли прародителей, какъ и теперь еще называютъ Цейлонъ, зачѣмъ имъ города, центы, рупіи? Развѣ не все даютъ имъ лѣсъ, океанъ, солнце? Однако, входя въ лѣта, одни изъ нихъ торгуютъ, другіе работаютъ на рисовыхъ и чайныхъ плантаціяхъ, третьи — на сѣверѣ острова— ловятъ вмѣстѣ съ неграми жемчугъ, опускаясь на дно океана и поднимаясь оттуда съ кровавыми глазами, четвертые замѣняютъ лошадей,—возятъ европейцевъ по городамъ и окрестностямъ ихъ, по темно-краснымъ тропинкамъ, осѣненнымъ громадными сводами лѣсной зелени, по тому „кабуку“, изъ котораго и былъ созданъ Адамъ: лошади плохо переносятъ

цейлонскій зной,—даже австралійскія,—всякій богатый резидентъ, который держитъ лошадь, отправляетъ ее на лѣто въ горы, въ Кэнди, въ Нурилью.

На лѣвую руку рикши, между плечомъ и локтемъ, англичане, нынѣшніе хозяева острова, надѣваютъ бляху съ номеромъ. Есть простые номера, есть особенные. Старику-сингалезу, рикшѣ, жившему въ одной изъ лѣсныхъ хижинъ подъ Коломбо, достался особенный, седьмой номеръ. „Зачѣмъ,—сказалъ бы Возвышенный:—зачѣмъ, монахи, захотѣлъ этотъ старый человѣкъ умножить свои земныя горести?“—„Затѣмъ,—отвѣтили бы монахи:—затѣмъ, Возвышенный, захотѣлъ этотъ старый человѣкъ умножить свои земныя горести, что былъ онъ движимъ земной любовью, тѣмъ, что отъ вѣка призываетъ всѣ существа къ существованію“. Онъ имѣлъ жену, сына и много маленькихъ дѣтей, не боясь того, что „кто имѣетъ ихъ, тотъ имѣетъ и заботу о нихъ“. Онъ былъ почти черенъ, очень худъ и невзраченъ, похожъ и на подростка и на женщину; посѣрѣли его длинные волосы, въ пучокъ собранные на затылкѣ и смазанные кокосовымъ масломъ, сморщилась кожа по всему тѣлу, или, лучше сказать, по костямъ; на бѣгу потъ ручьями лилъ съ его носа, подбородка и тряпки, повязанной вокругъ жидкаго таза, узкая грудь дышала со свистомъ и хрипомъ; но, подкрѣпляя себя дурманомъ бетеля, жевывая и сплевывая кровавую пѣну, пачкая усы и губы, бѣгалъ онъ быстро, и бѣлые, катавшіеся въ его черной лакированной колясочкѣ по знойному городу, по темно-краснымъ, мягкимъ отъ солнца и пахнущимъ цвѣточнымъ перегноемъ и нефтью мостовымъ, были довольны.

Движимый любовью, онъ не для себя, а для семьи, для сына хотѣлъ счастья, того, что не суждено было, не далось ему самому. По-англійски онъ зналъ плохо, названія мѣстъ, куда надо было бѣжать, разбиралъ не сразу—и часто бѣжалъ наугадъ. Колясочка рикши очень мала; она съ откиднымъ верхомъ, колеса ея тонки и высоки, оглобли не толще хорошей трости. И вотъ влѣзаетъ въ нее большой бѣлоглазый человѣкъ, весь въ бѣломъ, въ бѣломъ шлемѣ, въ грубой, но дорогой обуви, усаживается плотно, кладетъ ногу на ногу и сдержанно-повелительно, въ горло себѣ, каркаетъ. Подхвативъ оглобли, старикъ припадаетъ къ землѣ и стрѣлой летитъ впередъ, едва касается земли легкими ступнями. Человѣкъ въ шлемѣ, держа палку въ конопатыхъ рукахъ, задумался о дѣлахъ, заглядѣлся — и вдругъ выкатываетъ глаза: да онъ мчится совсѣмъ не туда, куда надо! Грозно раздается его горловой окрикъ,—и ужасъ мелькаетъ въ коринкахъ на мгно-

веніе обернувшагося старика. А, значитъ, надо еще шибче!— думаетъ онъ — и еще туже влегаетъ въ оглобли... Короче сказать, не мало палокъ влетѣло ему въ спину, въ черныя лопаточки, вѣчно сдвинутыя въ чаяніи удара. Но не мало и лишнихъ центовъ сорвалъ онъ съ англичанъ: осадивъ себя на всемъ бѣгу у подъѣзда какого-нибудь отеля или конторы и бросивъ оглобли, онъ такъ жалостно морщился, такъ поспѣшно выкидывалъ впередъ длинныя тонкія руки, сложивъ ковшикомъ мокрыя обезьяньи ладони, что нельзя было не прибавить.

Разъ прибѣжалъ онъ домой совсѣмъ не въ урочное время: въ самый жаръ полдня, когда золотыми стрѣлами снуютъ въ лѣсахъ тѣ лимонныя птички, что̀ называются солнечными, когда такъ весело и рѣзко вскрикиваютъ зеленые попугаи, срываясь съ деревьевъ и радугой сверкая въ пестротѣ лѣсовъ, въ ихъ тѣни и лаковомъ блескѣ, когда такъ сладко и тяжело пахнутъ въ оградахъ старыхъ буддійскихъ вихаръ, крытыхъ черепицей, сливочные цвѣты безлиственнаго жертвеннаго дерева, похожіе на маленькія туберозы, такими яркими самоцвѣтами переливаются толстогорлые хамелеоны, мелькая и по гладкимъ, и по кольчатымъ, какъ хоботъ слона, стволамъ деревьевъ, такъ много рѣетъ и замираетъ на солнцѣ огромныхъ пышныхъ бабочекъ и агатовымъ зерномъ кишатъ, текутъ горячіе бурые холмики муравьевъ. Все въ лѣсахъ пѣло и славило бога жизни-смерти Мару, бога „жажды существованія“, все гонялось другъ за другомъ, радовалось краткой радостью, истребляя другъ друга, а старый рикша, уже ничего не жаждавшій, кромѣ прекращенія своихъ мученій, легъ въ душномъ сумракѣ своей мазанки, подъ ея пересохшей лиственной крышей, шуршащей красными змѣйками, и къ вечеру умеръ — отъ ледяныхъ судорогъ и водянаго поноса. Жизнь его угасла вмѣстѣ съ солнцемъ, закатившимся за сиреневой гладью великихъ водныхъ пространствъ, уходящихъ къ западу, въ пурпуръ, пепелъ и золото великолѣпнѣйшихъ въ мірѣ облаковъ, — и настала ночь, въ которую въ лѣсахъ подъ Коломбо остался отъ рикши только маленькій скорченный трупъ, потерявшій свой номеръ, свое имя, какъ теряетъ свое названіе рѣка Келани, достигнувъ океана. Солнце, заходя, переходитъ въ вѣтеръ; а во что переходитъ умершій?.. Ночь быстро гасила сказочно-нѣжныя, розовыя и зеленыя краски минутныхъ сумерекъ, летучія лисицы безшумно проносились подъ вѣтвями, ища ночлега, и черной жаркой тьмой наполнялись лѣса, загораясь міріадами свѣтящихся мухъ и таинственно, знойно звеня цикадами и цвѣтами, въ которыхъ жи-

вутъ мелкія древесныя лягушки. Въ далекой лѣсной кумирнѣ, передъ лампадкой, чуть мерцавшей на черномъ жертвенникѣ, облитомъ кокосовымъ масломъ и усыпанномъ рисомъ и увядшими цвѣточными лепестками, на правомъ боку, кротко подложивъ ручку подъ голову, покоился Возвышенный, гигантъ изъ сандальнаго дерева, съ широкимъ позолоченнымъ лицомъ и длинными косыми глазами изъ сапфира, съ улыбкой мирной грусти на тонкихъ губахъ. На спинѣ лежалъ въ темной хижинѣ рикша, и смертная мука искажала его жалкія черты, ибо не дошелъ до него голосъ Возвышеннаго, призывавшій къ отреченію отъ земной любви, ибо за могилой ждала его новая скорбная жизнь, слѣдъ неправой прежней. Зубастая старуха, сидѣвшая у порога хижины, у костра подъ котелкомъ, плакала въ эту ночь, скорбь свою питая все той же неразумной любовью и жалостью. Возвышенный уподобилъ бы ея чувства мѣдной серьгѣ въ ея правомъ ухѣ, имѣвшей видъ боченка: серьга была велика и тяжела, она такъ оттянула разрѣзъ мочки, что образовалась порядочная дыра. Рѣзко бѣлѣла ея короткая кофточка изъ бумажной матеріи, надѣтая прямо на голое кофейное тѣло. Голыя дѣти, какъ чертенята, играли, визжали, гонялись другъ за другомъ возлѣ. А сынъ, легконогій юноша, стоялъ въ полутьмѣ за огнемъ. Онъ вечеромъ видѣлъ свою невѣсту, круглоликую тринадцатилѣтнюю дѣвочку изъ сосѣдняго селенья. Онъ испугался и удивился, услыхавъ о смерти отца, — онъ думалъ, что это будетъ еще не скоро. Но, вѣрно, былъ онъ слишкомъ взволнованъ другою любовью, которая сильнѣе любви къ отцамъ. „Не забывай,— сказалъ Возвышенный:—не забывай, юноша, жаждущій возжечь жизнь отъ жизни, какъ возжигается огонь отъ огня, что всѣ страданія этого міра, гдѣ каждый либо убійца, либо убиваемый, всѣ скорби и жалобы его—отъ любви“. Но уже безъ остатка, „какъ скорпіонъ въ свое гнѣздо“, вошла любовь въ юношу. Онъ стоялъ и смотрѣлъ на огонь. Какъ у всѣхъ дикихъ, ноги его были не въ мѣру тонки. Но и Шива позавидовалъ бы красотѣ его торса цвѣта темной корицы. Блестѣли при огнѣ его черно-синіе конскіе волосы, гладко натянутые и собранные на макушкѣ, блестѣли глаза изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ, и блескъ ихъ былъ подобенъ блеску кокса противъ огня.

На другой день сосѣди отнесли мертваго старичка въ глубину лѣса, положили въ яму, головой на западъ, къ океану, торопливо, но стараясь не шумѣть, забросали землей, листьями и торопливо пошли омываться. Старичокъ отбѣгался; съ его тонкой, посѣрѣвшей и сморщившейся руки сняли мѣдную

бляху—и, любуясь ею, раздувая тонкія ноздри, юноша надѣлъ ее на свою, круглую и теплую. Сперва онъ только гонялся за опытными рикшами, прислушиваясь, куда посылаютъ ихъ сѣдоки, запоминалъ названія улицъ и англійскія слова; потомъ и самъ сталъ возить, самъ сталъ зарабатывать, готовясь къ своей семьѣ, къ своей любви, „желаніе которой есть желаніе сыновей, равно какъ желаніе сыновей есть желаніе имущества, а желаніе имущества—желаніе благополучія“. Но однажды, прибѣжавъ домой, онъ наткнулся на другую страшную вѣсть: невѣста его исчезла — пошла на Невольничій Островъ, въ лавку, и не вернулась. Отецъ невѣсты, хорошо знавшій Коломбо, часто ходившій туда, дня три разыскивалъ ее и, должно-быть, что-нибудь узналъ, потому что вернулся успокоенный. Онъ вздыхалъ и опускалъ глаза, выражая покорность судьбѣ; но это былъ большой притворщикъ, старикъ лукавый, какъ всѣ, у кого есть достатокъ, кто торгуетъ въ городѣ. Онъ былъ полонъ, съ женскими грудями, съ матовой сѣдиной, зачесанной и украшенной дорогимъ черепаховымъ гребнемъ; ходилъ онъ босикомъ, но подъ зонтомъ, бедра обертывалъ кускомъ хорошей пестрой матеріи; кофта на немъ была пикейная. Отъ него нельзя было добиться правды, а женщины, дѣвушки всѣ слабы, какъ всѣ рѣки извилисты, и молодой рикша понималъ это. Въ столбнякѣ просидѣвъ двое сутокъ дома, не притрогиваясь къ пищѣ, только жуя бетель, онъ наконецъ очнулся и опять убѣжалъ въ Коломбо. О невѣстѣ онъ, казалось, совсѣмъ забылъ. Онъ бѣгалъ, жадно копилъ деньги—и нельзя было понять, во что больше онъ влюбленъ: въ свою бѣготню или въ тѣ серебряные кружочки, что̀ собиралъ за нее. Одинъ русскій морякъ снялся съ нимъ въ фотографіи и подарилъ ему карточку. Долго послѣ того молодой рикша радостно дивился на свое изображеніе: онъ стоялъ въ оглобляхъ, повернувъ лицо къ воображаемымъ зрителямъ, и всякій сразу могъ узнать его,—вышла даже бляха на рукѣ. Благополучно, съ виду даже счастливо проработалъ онъ такъ съ полгода.

И вотъ сидѣлъ онъ какъ-то утромъ, вмѣстѣ съ другими рикшами, подъ многоствольнымъ баніаномъ на той длинной улицѣ, что̀ идетъ отъ Невольничьяго Острова къ Парку Викторіи. Горячее солнце только-что показалось изъ-за деревьевъ со стороны Мараданы. Но высоко разросся баніанъ, и уже не было тѣни у его корней, осыпанныхъ сожженной листвой. Колясочки накалялись отъ зноя, тонкія оглобли ихъ лежали на темно-красной разогрѣтой землѣ, пахнущей и нефтью, и такъ, какъ пахнетъ теплый отъ размола кофе. Съ этимъ за-

пахомъ мѣшались густые сладкіе запахи вѣчно-цвѣтущихъ окрестныхъ садовъ, камфары, мускуса и того, что̀ ѣли рикши; а ѣли они бананы, маленькіе, теплые, нѣжно-розовые, въ золотистой кожѣ, ѣли тѣ оранжевые плоды, мясо которыхъ похоже на дѣтское тѣло съ привкусомъ терпентина, и болтали, сидя на землѣ, до подбородка поднявъ острыми углами колѣни, положивъ на нихъ руки, а на руки—свои женскія головы. Вдругъ вдалекѣ, возлѣ бѣлыхъ оградъ бунгалоу, испещренныхъ свѣтотѣнью, показался человѣкъ въ бѣломъ. Онъ шелъ по срединѣ улицы той упрямой и твердой походкой, которой ходятъ только европейцы. И, молніей вскочивъ съ земли, вперегонки кинулась къ нему вся стая этихъ голыхъ длинноногихъ людей. Они налетѣли на него со всѣхъ сторонъ, и онъ грозно крикнулъ, взмахнувъ тростью. Робкіе и обидчивые, они со всего разбѣга осадили себя вокругъ него. Онъ взглянулъ на нихъ,—и седьмой номеръ съ его смоляными конскими волосами показался ему сильнѣе прочихъ. На седьмой номеръ и палъ его выборъ.

Онъ былъ не высокъ и крѣпокъ, въ золотыхъ очкахъ, съ черными сросшимися бровями, въ черныхъ короткихъ усахъ, съ оливковымъ цвѣтомъ лица, на которомъ тропическое солнце и болѣзнь печени уже оставили свой смуглый слѣдъ. Шлемъ на немъ былъ сѣрый, глаза какъ-то странно, будто ничего не видя, глядѣли изъ угольной тьмы бровей и рѣсницъ сквозь блестящія стекла. Онъ сѣлъ умѣло—сразу нашелъ въ колясочкѣ ту точку, при которой рикшѣ свободнѣе бѣжать, и, взглянувъ на татуированную кисть лѣвой руки, короткой и сильной, на маленькіе часики въ кожаной лункѣ, назвалъ Іоркъ-Стритъ. Деревянный голосъ его былъ твердъ и спокоенъ, но взглядъ страненъ. И рикша подхватилъ оглобли и понесся впередъ гораздо быстрѣе, чѣмъ требовалось, помимутно пощелкивая звонкомъ, прикрѣпленнымъ на концѣ оглобли, и тасуясь съ пѣшеходами, арбами и другими рикшами, бѣгущими взадъ и впередъ.

Былъ конецъ марта—самое знойное время. Не прошло и трехъ часовъ съ восхода солнца, а ужъ казалось, что близокъ полдень,—такъ жарко, свѣтло было всюду и такъ многолюдно возлѣ лавокъ въ концѣ улицы. Земля, сады, вся та высокая раскидистая растительность, что̀ зеленѣла и цвѣла надъ бунгалоу, надъ ихъ мѣловыми крышами и надъ старыми черными лавками, пресытили воздухъ тепломъ и благовоніемъ, а дождевыя деревья туго свернули свои листья-чашечки. Ряды лавокъ, вѣрнѣе, навѣсовъ, крытыхъ темной черепицей, увѣшанныхъ огромными связками бананов, сушеной

рыбой, вяленой акулой, были полны покупателями и продавцами, одинаково похожими на темнокожихъ банщиковъ. Рикша, подавшись впередъ, мелькая длинными ногами, бѣжалъ быстро, и еще ни одной капли пота не было на его лоснящейся кокосовымъ масломъ спинѣ, на его округлыхъ плечахъ, среди которыхъ тонкій стволъ дѣвичьей шеи граціозно держалъ смоляную голову, накаляемую солнцемъ. Въ самомъ концѣ улицы онъ вдругъ остановился. Чуть повернувъ лицо, онъ быстро проговорилъ что-то по-своему. Англичанинъ, его сѣдокъ, увидалъ концы изогнутыхъ рѣсницъ, уловилъ слово „бетель“ и поднялъ брови. Какъ? Такой молодой, крѣпкій, пробѣжалъ какихъ-нибудь двѣсти шаговъ и уже бетель? Не отвѣтивъ, онъ ударилъ рикшу тростью по лопаткамъ. Но тотъ,—трусливый, какъ всѣ сингалезы, но порой и настойчивый,—только дернулъ плечомъ и стрѣлой полетѣлъ вкось по улицѣ, къ лавкамъ.

—Бетель! — повторилъ онъ, поворачивая къ англичанину гнѣвные глаза, и даже слабо взвизгнулъ, по-собачьи оскаливши.

Но англичанинъ уже забылъ о немъ. Онъ смотрѣлъ куда-то въ сторону и только махнулъ волосатой смуглой рукой, на которой блеснуло старое золотое кольцо. И черезъ минуту рикша выскочилъ изъ лавочки, держа на узкой ладони листъ перечнаго дерева, намазывая его известью и завертывая въ него кусочекъ арековаго плода, похожій на кусочекъ кремня. Не убивай, не воруй, не прелюбодѣйствуй, не лги и ничѣмъ не охмеляйся, заповѣдалъ Возвышенный. Да, но что зналъ о Немъ рикша? Смутно звучало въ его сердцѣ то, что было смутно воспринято несмѣтными сердцами его предковъ. Въ дождливое время года онъ ходилъ съ отцомъ къ священнымъ шалашамъ и тамъ, среди женщинъ и нищихъ, слушалъ жрецовъ, читавшихъ на древнемъ, всѣми забытомъ языкѣ, и ничего не понималъ, только подхватывалъ общее радостное восклицаніе при имени Возвышеннаго. Не разъ случалось, что молился при немъ отецъ на порогѣ кумирни: онъ преклонялся передъ лежачей деревянной статуей, бормоча ей заповѣди, поднимая соединенныя ладони ко лбу, а потомъ клалъ на жертвенникъ самую мелкую и старую изъ своихъ тяжко заработанныхъ монетъ. Но бормоталъ онъ равнодушно,—онъ вѣдь только боялся картинъ на стѣнахъ кумирни, изображеній муки грѣшниковъ; онъ преклонялся и передъ другими богами, передъ ужасными индусскими статуями, онъ и въ нихъ вѣрилъ, какъ вѣрилъ въ силу демоновъ, змѣй, звѣздъ, мрака...

Сунувъ бетель въ ротъ, рикша, въ чувствахъ своихъ рѣзко измѣнчивый, дружелюбно улыбнулся англичанину глазами, схватилъ оглобли и, оттолкнувшись лѣвой ногой, опять побѣжалъ. Солнце слѣпило, сверкало въ золотѣ и стеклахъ очковъ, когда англичанинъ поднималъ голову. Солнце жгло его руки и колѣни, земля горячо дышала, было даже видно, что надъ ней, какъ надъ жаровней, дрожитъ воздухъ,—но онъ сидѣлъ неподвижно, не дотронулся до верха колясочки. Двѣ дороги вели въ городъ, или, какъ называютъ его резиденты, въ Фортъ: одна вправо, мимо малайскаго капища, по дамбѣ между лагунами, другая влѣво, къ океану. Англичанину хотѣлось послѣдней. Но рикша обернулся на бѣгу, показывая свои окровавленныя губы, и сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ, чего хотятъ отъ него. И англичанинъ опять уступилъ,—онъ разсѣянно смотрѣлъ вокругъ себя. То, что̀ тамъ горитъ, сказали люди этихъ странъ, есть смерть; лучами его впрягаются люди въ жизнь и, впрягаясь, умираютъ... Зеленая лагуна, блестящая, теплая, полная черепахъ и гнили, окаймленная вдали кокосовой рощей, лежала справа. По дамбѣ шли, ѣхали, бѣжали, щелкая звонками. Стали попадаться рикши въ фескахъ, бѣлыхъ кителяхъ и короткихъ бѣлыхъ панталонахъ. Европейцы, сидѣвшіе въ колясочкахъ, были блѣдны послѣ томительной ночи, высоко задирали свои бѣлые башмаки, положивъ колѣно на колѣно. Прокатила двуколка, запряженная сѣрымъ горбатымъ бычкомъ,—подъ ея навѣсомъ, въ легкой жаркой тѣни, сидѣлъ парсъ, желтолицый старикъ, похожій на евнуха, въ халатѣ и бархатномъ черепенникѣ, шитомъ золотомъ. Великанъ-афганецъ въ бѣлыхъ шароварахъ, въ мягкихъ сапогахъ съ загнутыми носками, въ бѣломъ казакинѣ и огромномъ розовомъ тюрбанѣ, неподвижно стоялъ надъ лагуной, глядя на черепахъ, въ теплую жидкую воду. Безъ конца тянулись влекомыя волами длинныя крытыя арбы. Подъ ихъ узкими соломенными сводами навалены были тюки товаровъ, а порою—цѣлая куча коричневыхъ тѣлъ, молодыхъ рабочихъ. Тощіе, сожженные зноемъ старцы, съ красными отъ красной пыли ногами, шагали у колесъ, точно муміи старухъ. Шли каменщики, дюжіе черные томилы, похожіе на негровъ... И все голые, голые! А высокій, блестящеглазый рикша все трясъ и трясъ колясочку, маслянистая спина его покрылась крупнымъ по̀томъ; намокла и тряпка на бедрахъ... „Па̀года“—разумѣя чайный домъ, сказалъ англичанинъ подъ тѣми патріархальными деревьями, что̀ растутъ при въѣздѣ въ Фортъ, подъ необъятными навѣсами ихъ зелени, свѣтлой отъ солнца, проникающаго ее.

Возлѣ стараго голландскаго зданія съ аркадами въ нижнемъ этажѣ остановились. Англичанинъ посмотрѣлъ на часы и ушелъ пить чай и курить сигару. А рикша сдѣлалъ полукругъ по широкой тѣнистой улицѣ, по красно-лиловой мостовой, усыпанной желтыми и алыми лепестками кетмій, и, бросивъ оглобли у древесныхъ корней, съ разбѣгу сѣлъ. Онъ поднялъ колѣни и положилъ на нихъ локти, жарко дыша банным благовоннымъ тепломъ полдня и безсмысленно поводя глазами за проходящими сингалезами и европейцами, вынулъ изъ-за передника тряпку, вытеръ ею окровавленныя бетелемъ губы, лицо, выпуклости на гладкой груди и, сложивъ ее бинтомъ, приложилъ ко лбу, повязалъ голову: это было совсѣмъ некрасиво, придавало ему видъ больного, но вѣдь многіе рикши дѣлаютъ такъ. Онъ сидѣлъ и, можетъ-быть, думалъ... „Тѣла наши, Господинъ, различны, но сердце, конечно, одно“,—сказалъ Ананда Возвышенному, и, значитъ, можно представить себѣ, что̀ долженъ думать или чувствовать юноша, выросшій въ райскихъ лѣсахъ подъ Коломбо и уже вкусившій самой сильной отравы—любви къ женщинѣ, уже вмѣшавшійся въ жизнь, быстро бѣгущую за радостями или убѣгающую отъ печалей, жизнь, которой „сопутствуютъ страсти, вожделѣнія, желаніе денегъ, имущества, благополучія“. Мара уже ранилъ его, но вѣдь Мара и залѣчиваетъ раны. Мара вырываетъ изъ рукъ человѣка то, что̀ схватилъ человѣкъ, но вѣдь Мара и разжигаетъ человѣка снова схватить отнятое, или другое что-нибудь, подобное отнятому... Напившись чаю, англичанинъ бродилъ по улицѣ, заходилъ въ магазины, разсматривалъ въ витринахъ драгоцѣнные камни, слоновъ и буддъ изъ эбенового дерева, всякія пестрыя ткани, золотыя въ черныхъ крапинахъ шкуры пантеръ. А рикша, что-то думая или только чувствуя, ярко переглядывался съ другими рикшами и ходилъ позади англичанина, возя за собой колясочку. Ровно въ полдень англичанинъ далъ ему рупію, чтобы онъ купилъ себѣ поѣсть, а самъ ушелъ въ контору большого европейскаго пароходства. Рикша купилъ дешевыхъ папиросъ, сталъ курить, сильно затягиваясь, глядя на папиросу, какъ дѣлаютъ это женщины, и выкурилъ подрядъ цѣлыхъ пять штукъ. Сладко одурманенный, сидѣлъ онъ въ сквозной тѣни противъ трехъэтажнаго дома, гдѣ была контора, и вдругъ, поднявъ глаза, увидѣлъ, что на балконѣ подъ бѣлой маркизой появился его сѣдокъ и еще человѣкъ пять европейцевъ. Всѣ они смотрѣли въ бинокли на гавань,—и вотъ за крышами пристани показались одна за другой и медленно поплыли три высокія, тонкія мачты, слегка откло-

ненныя назадъ. Съ балкона замахали платками, а изъ-за крышъ мрачно, могуче и величаво, отзываясь по рейду и въ городѣ, заревѣла труба: пароходъ изъ далекой Европы, котораго ожидалъ сѣдокъ рикши номеръ седьмой, прибылъ. Съ англійской точностью вошелъ онъ послѣ двадцатидневнаго плаванія въ Коломбо,—и то, чего совсѣмъ не ожидалъ рикша, еще полный надеждъ и желаній, этотъ роковой для него обѣдъ въ домѣ на лагунѣ, у агента пароходства, былъ рѣшенъ.

Но до обѣда, до вечера оставалось еще много времени. И опять вышелъ на улицу этотъ ничего не видящій человѣкъ въ очкахъ. Онъ простился съ тѣми двумя, что̀ вышли съ нимъ и направились къ бѣлой статуѣ Викторіи, къ крытой пристани, и опять побрелъ по улицѣ рикша—на этотъ разъ къ отелю, гдѣ въ эту пору, въ полутемной залѣ, знойную духоту которой развѣвали, мѣшали съ запахомъ кушаній вертѣвшіяся подъ потолкомъ весла, ѣло и пило много богатыхъ резидентовъ и туристовъ. Не велика была бы бѣда, если бы опоздалъ пароходъ. Ничего не стоило англичанину отпустить уже соскучившагося рикшу номеръ седьмой и, когда потребуется, взять другого, — ихъ вѣдь на каждомъ шагу десятки, — или же слѣдовало рикшѣ самому подняться, уйти отъ англичанина, благо онъ уже далъ ему рупію, и сыскать, для разнообразія, новаго сѣдока. Но пароходъ прибылъ во̀-время, англичанинъ былъ разсѣянъ, заплатить двѣ-три лишнихъ рупіи онъ считалъ пустякомъ, о рикшѣ онъ не думалъ; а рикша и не смѣлъ и не желалъ уйти отъ него, онъ уже не могъ не дѣлать того, что̀ началъ, „какъ не можетъ ударившій по барабану удержать рокотъ барабана“. И опять, какъ собака, сѣлъ онъ на мостовую, на лѣстки кетмій. Сквозная тѣнь соединяющихся свѣтло-зелеными вершинами деревьевъ осѣняла улицу, и шли мимо него въ этой тѣни женоподобные сингалезы, навязывая европейцамъ цвѣтныя открытки, черепаховые гребни, драгоцѣнные камни,— одинъ даже таскалъ за собой на шнуркѣ и продавалъ звѣрька въ шубкѣ изъ длинныхъ колючекъ, — и все бѣжали, бѣжали по богатой европейской улицѣ эти полудикіе люди, рикши... Вдали, среди открытой площади, горѣла бѣлизной большая мраморная женщина, гордая, съ двойнымъ подбородкомъ, въ порфирѣ и коронѣ, возсѣдавшая на высокомъ мраморномъ пьедесталѣ. И оттуда толпой шли только-что прибывшіе изъ Европы. На подъѣздѣ отеля выскакивали сизые и черные слуги, кланяясь, выхватывали изъ рукъ у нихъ трости, мелкія вещи, и поклонами, сдержанными и граціозными, встрѣ-

чалъ ихъ на порогѣ человѣкъ, блестѣвшій напомаженнымъ проборомъ, глазами, зубами, запонками, крахмальнымъ бѣльемъ, пикейнымъ смокингомъ, пикейными панталонами и бѣлой обувью. „Люди постоянно идутъ на пиршества, на прогулки, на забавы, — сказалъ Возвышенный, нѣкогда посѣтившій этотъ райскій пріютъ первыхъ людей, познавшихъ желанія.—Видъ, звуки, вкусъ, запахи опьяняютъ ихъ,—сказалъ Онъ,—желаніе обвиваетъ ихъ, какъ ползучее растеніе, зеленое, красивое и смертоносное, обвиваетъ дерево Шала“... Слѣды усталости, истомы отъ зноя, морской качки и болѣзней были на сѣрыхъ лицахъ, шедшихъ къ отелю. У всѣхъ видъ былъ полумертвый, всѣ говорили, не двигая губами, но всѣ пили, осматривались и одинъ за другимъ скрывались въ сумракѣ вестибюля, чтобы разойтись по своимъ комнатамъ, вымыться, ободриться, а потомъ, до красноты лица опьянивъ себя ѣдой, питьемъ, сигарами и кофе, покатить на рикшахъ по Форту на берегъ океана, въ Сады Корицы, къ индусскимъ храмамъ и буддійскимъ вихарамъ. У каждаго, у каждаго въ душѣ было то, что̀ заставляетъ человѣка жить и желать сладкаго обмана жизни! А рикшѣ, рожденному на землѣ первыхъ людей, развѣ не вдвойнѣ былъ сладокъ этотъ обманъ? Мимо него шли взадъ и впередъ джентльмены и лэди, пожилыя, некрасивыя, такія же длиннозубыя, какъ его черная мать, сидѣвшая въ далекой лѣсной хижинѣ, но порою проходили и дѣвушки миловидныя, въ бѣлыхъ нарядахъ, въ небольшихъ шлемахъ, опутанныхъ легкими вуалями, и, возбуждая въ немъ вожделѣніе, пристально глядѣли на его поднятыя великолѣпныя рѣсницы, на тряпку вокругъ его смоляной головы и на окровавленный ротъ. А развѣ она, та, что̀ пропала въ этомъ городѣ, была хуже ихъ? Тепло тропическаго солнца взрастило ее. Отъ бѣлой, въ голубыхъ цвѣточкахъ, короткой кофты и такой же юбки, надѣтыхъ на голое, чуть полное, но крѣпкое небольшое тѣло, она казалась чернѣе. У нея была круглая головка, выпуклый лобикъ, круглые сіяющіе глаза, въ которыхъ дѣтская робость уже смѣшивалась съ радостнымъ любопытствомъ къ жизни, съ затаенной женственностью, нѣжной и страстной; было коралловое ожерелье на круглой шеѣ, маленькія руки и ноги въ серебряныхъ браслетахъ... Вскочивъ съ мѣста, рикша побѣжалъ въ одинъ изъ ближнихъ переулковъ, гдѣ въ старомъ одноэтажномъ домѣ подъ черепицей съ толстыми деревянными колоннами, былъ простонародный баръ. Тамъ онъ положилъ на прилавокъ двадцать пять центовъ и за это вытянулъ цѣлый стаканъ виски. Смѣшав

этотъ огонь съ бетелемъ, онъ обезпечилъ себя блаженнымъ возбужденіемъ почти до самаго вечера, до той поры, когда лѣса подъ Коломбо, наполняясь черной жаркой тьмой, таинственно зазвенятъ журчаніемъ и стономъ несмѣтныхъ цикадъ и древесныхъ лягушекъ, а чащи бамбука затрепещутъ мріадами огненныхъ искръ.

Пьянъ былъ и англичанинъ, выйдя съ сигарой изъ отеля,— глаза его были сонны, порозовѣвшее лицо стало какъ будто полнѣе. Поглядывая на часы и что-то думая, видимо, не зная, какъ убить время, онъ въ нерѣшительности постоялъ возлѣ отеля, потомъ приказалъ везти себя сперва на почту, гдѣ опустилъ въ ящикъ три открытки, а отъ почты — къ саду Гордона, куда даже не зашелъ,—только посмотрѣлъ въ ворота на монументъ и на аллеи, — а отъ сада Гордона — куда глаза глядятъ: къ Черному Городу, къ рынку въ Черномъ Городѣ, къ рѣкѣ Келани... И пошелъ, пошелъ мотать его пьяный и съ головы до ногъ мокрый рикша, возбужденный и бетелемъ, и водкой, и надеждой получить цѣлую кучу центовъ, и еще какими-нибудь волнующими и душу и тѣло мечтами, никогда не оставляющими человѣка. Въ самый истомный часъ послѣполуденнаго тепла и свѣта, когда, посидѣвъ двѣ минуты на скамьѣ подъ деревомъ, оставляешь на ней темный кругъ пота, онъ, въ угоду англичанину, не знавшему, какъ дотянуть до обѣда, пробѣжалъ весь Черный Городъ, старый, многолюдный, пряно-пахучій, — и много видѣлъ полусонный англичанинъ голыхъ цвѣтныхъ тѣлъ и разноцвѣтныхъ тканей на бедрахъ, много парсовъ, индусовъ, желтолицыхъ малайцевъ, вонючихъ китайскихъ лавокъ, черепичныхъ и тростниковыхъ крышъ, храмовъ, мечетей и капищъ, праздныхъ матросовъ изъ Европы и буддійскихъ монаховъ — бритыхъ, худыхъ, съ безумными глазами, въ канареечныхъ тогахъ, съ обнаженнымъ правымъ плечомъ и опахалами изъ листвы священной пальмы. Рикша и его сѣдокъ неслись среди этой тѣсноты и грязи древняго Востока быстро, быстро, точно спасались отъ кого-то,—вплоть до самой рѣки Келани, узкой, густой и глубокой, перегрѣтой солнцемъ, полуприкрытой непролазными зелеными зарослями, низко склонившимися съ ея береговъ, любимой крокодилами, все дальше уходящими въ глубь дѣвственныхъ лѣсовъ отъ баржъ съ соломенными сводами, нагруженныхъ тюками чая, рисомъ, корицей, еще не обработанными драгоцѣнными камнями и, особенно медлительно плывущихъ въ золотомъ, густомъ блескѣ предвечерняго солнца... Потомъ англичанинъ приказалъ вернуться въ Фортъ, уже опустѣвшій, закрывшій всѣ свои кав

торы, агентства и банки, побрился въ цирульнѣ и непріятно помолодѣлъ, покупалъ сигары, заходилъ въ аптеку... Рикша, весь въ поту, похудѣвшій, смотрѣлъ на него уже непріязненно, глазами собаки, чувствующей приступы бѣшенства... Въ шестомъ часу, пробѣжавъ мимо маяка въ концѣ Квинсъ-Стритъ, пробѣжавъ тихіе и чистые военные кварталы, онъ выскочилъ на берегъ океана, вольно глянувшаго ему въ глаза своимъ просторомъ и зелено-золотистымъ глянцемъ отъ низкаго солнца, и побѣжалъ по плацу Голь-Фэсъ, къ Невольничьему Острову.

„Изъ жажды рождается желаніе радости,—сказалъ Возвышенный, — изъ радости рождается скорбь, изъ радости и скорби возникаетъ страхъ“. И вотъ уже появились въ глазахъ рикши и скорбь, и страхъ, и злоба. Онъ ошалѣлъ отъ бѣга, не разъ тоскливо оборачивался на своего мучителя, трудно дышалъ, отмѣривая длинными ногами широкую укатанную дорогу по плацу. Плацъ этотъ огромный, пустой и печальный на закатѣ. Кончивъ дѣла, англичане гуляютъ здѣсь передъ обѣдомъ, катаются или катаютъ своихъ женъ, любовницъ и дѣтей на лошадяхъ, въ дорогихъ экипажахъ, играютъ въ теннисъ, футболъ и любуются океаномъ и пышной красотой тропическаго, чуждаго имъ заката. Рикша бѣжалъ, дико глядя на встрѣчныхъ и на тѣхъ жилистыхъ, рыжихъ людей въ бѣлыхъ короткихъ панталонахъ и пестрыхъ фуфайкахъ, что носились по плацу по своей доброй волѣ, взапуски летѣли другъ за другомъ, подпрыгивали за взвивающимися боллами и гулко били въ нихъ грубыми носками тяжелыхъ башмаковъ. Солнце опускалось, небо надъ закатомъ зеленѣло, легкое пушистое облако, таявшее въ его глубинѣ, стало совсѣмъ розовое... „Карлтонъ-Отель!“ — мертво сказалъ англичанинъ, все время печально и сонно глядѣвшій на западъ, на океанъ, на мягко шумящую зыбь его, разсыпавшуюся геліотроповой пѣной по прибрежнымъ валунамъ. Рикша на бѣгу оскалялся, ему уже хотѣлось грызть этого человѣка, загнавшаго его; но не бѣжать нельзя было: англичанинъ, не мѣняя выраженія сонно-печальнаго лица, все чаще тыкалъ рикшу концомъ трости, да уже и перешло блаженное возбужденіе рикши въ какое-то другое,—въ напряженную покорность, въ столбнякъ безостановочнаго бѣга. Всѣ отели въ Фортѣ были полны, англичанинъ жилъ въ простомъ, за Невольничьимъ Островомъ, — и тутъ еще разъ пробѣжалъ рикша мимо баніана, подъ который сѣлъ онъ нынче утромъ въ жаждѣ заработка отъ этихъ безпощадныхъ и загадочныхъ бѣлыхъ людей, въ упрямой надеждѣ на счастье. Пошли зна-

комые сплошные сады, каменныя ограды и голландскія крыши бунгалоу, низкихъ, приземистыхъ по сравненію съ деревьями, раскидывающимися надъ ними... Вскочивъ во дворъ одного такого бунгалоу, рикша съ полчаса отдыхалъ возлѣ широкой террасы, пока англичанинъ переодѣвался къ обѣду. Сердце у него колотилось, какъ у отравленнаго, губы побѣлѣли, черты темно-коричневаго лица обострились, прекрасные глаза еще больше почернѣли и расширились, тряпка на головѣ такъ намокла, что онъ сорвалъ ее и далеко отшвырнулъ прочь. Запахъ его разгоряченнаго тѣла сталъ непріятенъ — это былъ запахъ теплаго чая, смѣшаннаго съ кокосовымъ масломъ и еще съ чѣмъ-то, спиртуознымъ, какъ если взять и растереть въ рукахъ кучку муравьевъ.

Солнце межъ тѣмъ уже закатилось. Отдышавшись, рикша зашелъ въ кусты возлѣ террасы, снялъ съ бедеръ мокрый передникъ, выжалъ его и, снова повязавшись, вернулся къ террасѣ. Пожилая дѣвушка полулежала подъ ея навѣсомъ въ качалкѣ, читая при послѣднемъ свѣтѣ дня молитвенникъ. Увидя ее съ улицы, во дворъ безшумно вошелъ нѣмой индусъ изъ Мадуры, высокій черный старикъ съ сѣдыми кудрями на груди и на животѣ, худой, какъ скелетъ, въ нищенскомъ тюрбанѣ, въ длинномъ передникѣ изъ ткани, бывшей когда-то красной, въ желтыхъ поперечныхъ полоскахъ. На рукѣ у старика была закрытая корзина изъ пальмоваго лыка. Подойдя къ террасѣ, онъ подобострастно поклонился, приложивъ руку ко лбу, и присѣлъ на землю, поднимая крышку корзины. Не глядя на него, лежавшая въ качалкѣ махнула рукой. Но онъ уже вынималъ изъ-за пояса тростниковую дудку. И тутъ рикша вдругъ вскочилъ на ноги и въ непонятной ярости громко крикнулъ на него. Вскочилъ и старикъ, захлопнулъ корзину и, оборачиваясь, побѣжалъ къ воротамъ. Но у рикши еще долго были круглые глаза,— совсѣмъ какъ у той, страшной, которую онъ представилъ себѣ—медленно, тугимъ жгутомъ выползающую изъ корзины и съ шипѣніемъ раздувающую свое голубымъ отблескомъ мерцающее горло. Межъ тѣмъ быстро падала темнота — уже въ темнотѣ вышелъ на террасу размытый, въ бѣломъ смокингѣ англичанинъ. И рикша покорно кинулся къ оглоблямъ. Бодро крикнулъ англичанинъ названіе того мѣста, куда надо бѣжать,—и, можетъ-быть, жутко отдалось его приказаніе въ сердцѣ рикши. Была уже ночь, особенно жаркая, какъ всегда передъ наступленіемъ дождей, еще болѣе пахучая, чѣмъ день. Еще гуще сталъ теплый и приторный ароматъ мускуса, смѣшанный съ запахомъ теплой земли, тучной отъ цвѣточнаго

перегной. Такъ было черно среди садовъ, гдѣ бѣжалъ рикша, что только по тяжелому дыханію и по скудному фонарику на оглоблѣ можно было понять, что несется впереди встрѣчный. Потомъ слабо замерцала подъ черными навѣсами деревьевъ гнилая лагуна, а тамъ и красные огни, длинно отражавшіеся въ ней. Большой двухъэтажный домъ, въ которомъ жилъ агентъ, насквозь свѣтился въ этой тропической чернотѣ прорѣзами оконъ. Во дворѣ было темно. Много рикшъ, сливавшихся съ темнотой своими тѣлами и слабо бѣлѣвшихъ передниками, набѣжало въ этотъ дворъ съ гостями. А большой, открытый на лагуну балконъ сіялъ свѣчами въ стеклянныхъ колпакахъ, осыпанныхъ несмѣтной мошкарой, блестѣлъ скатертью длиннаго стола, установленнаго посудой, бутылками и вазами со льдомъ, и бѣлѣлъ смокингами сидѣвшихъ, которые ѣли, пили и немолчно, хотя и сдержанно бормотали себѣ въ горло, межъ тѣмъ какъ босоногіе полные слуги, похожіе на нянекъ, шуршали голыми подошвами, прислуживая имъ, а громадная китайская цыновка, ребромъ привѣшенная надъ ними къ потолку, все махалась и махалась, приводимая въ движеніе малайцами, сидѣвшими за стѣной, не доходящей до потолка, и все вѣяла, вѣяла вѣтромъ на обѣдающихъ, на ихъ холодные, мокрые лбы. Рикша номеръ седьмой подлетѣлъ къ балкону. Сидѣвшіе за столомъ привѣтствовали вновь прибывшаго гостя радостнымъ ропотомъ. Гость выскочилъ изъ колясочки и вбѣжалъ на балконъ. А рикша понесся вокругъ дома, чтобы опять попасть къ воротамъ, во дворъ, къ другимъ рикшамъ, и, обѣгая домъ, вдругъ такъ шарахнулся назадъ, точно его ударили въ лицо палкой: стоя возлѣ открытаго и освѣщеннаго окна второго этажа, — въ японскомъ халатикѣ краснаго шелка, въ тройномъ ожерельѣ изъ рубиновъ, въ золотыхъ широкихъ браслетахъ на обнаженныхъ рукахъ,—на него глядѣла круглыми сіяющими глазами его невѣста, та самая дѣвочка-женщина, съ которой онъ уже уговорился полгода тому назадъ обмѣняться шариками изъ риса! Его, внизу, въ темнотѣ, она не могла видѣть. Но онъ сразу узналъ ее—и, отшатнувшись, застылъ на мѣстѣ.

Онъ не упалъ, сердце его не разорвалось, оно было слишкомъ молодо и сильно. Постоявъ съ минуту, онъ присѣлъ на землю, подъ вѣковой смоковницей, вся вершина которой, какъ райское дерево, горѣла и трепетала розсыпью огненно-зеленыхъ искръ. Онъ долго смотрѣлъ на черную круглую головку, на красный шелкъ, свободно обнимавшій маленькое тѣло, и на поднятыя, поправлявшія прическу руки той, что стояла въ рамѣ окна. Онъ сидѣлъ на корточкахъ до тѣхъ поръ, пока

она не повернулась и не прошла въ глубину комнаты. А когда она скрылась, онъ мгновенно вскочилъ на ноги, поймалъ на землѣ оглобли и, птицей пролетѣвъ черезъ дворъ за ворота, опять, опять пустился бѣжать — на этотъ разъ уже твердо зная, куда и зачѣмъ онъ бѣжитъ, и самъ управляя своей сразу освободившейся волей.

— Проснись, проснись!—кричали въ немъ тысячи беззвучныхъ голосовъ его печальныхъ, стократъ истлѣвшихъ въ этой райской землѣ предковъ.—Стряхни съ себя обольщенія Мары, сонъ этой краткой жизни! Тебѣ ли спать, отравленному ядомъ, пронзенному стрѣлой? Стократно страдаетъ имѣющій стократно милое, всѣ скорби, всѣ жалобы — отъ любви, отъ привязанностей сердца—убей же ихъ! Недолгій срокъ пребудешь ты въ покоѣ отдыха, снова и снова, въ тысячѣ воплощеній, исторгнетъ тебя твоя эдемская земля, пріютъ первыхъ людей, познавшихъ желаніе, но онъ, этотъ краткій отдыхъ, все же настанетъ для тебя, слишкомъ рано выбѣжавшаго на дорогу жизни, страстно погнавшагося за счастьемъ и раненаго самой острой стрѣлой — жаждой любви и новыхъ зачатій для этого древняго міра, гдѣ отъ вѣка побѣдитель крѣпкой пятой стоитъ на горлѣ побѣжденнаго!

Показались подъ черными навѣсами сростихся вершинами деревьевъ огни въ открытыхъ лавочкахъ Невольничьяго Острова. Рикша жадно съѣлъ въ одной изъ нихъ чашечку теплаго варенаго риса, пересыщеннаго перцемъ, и кинулся дальше. Онъ зналъ, гдѣ живетъ старикъ изъ Мадуры, часъ тому назадъ приходившій во дворъ отеля: онъ жилъ вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ, при его большой фруктовой лавкѣ, въ низкомъ домѣ съ толстыми деревянными колоннами. Племянникъ, въ грязномъ европейскомъ костюмѣ изъ полотна, съ громаднымъ колтуномъ черной вьющейся шерсти на головѣ, похожій скорѣе на австралійца, чѣмъ на индуса, перетаскивалъ корзины съ плодами въ глубину лавки, морщась отъ дыма папиросы, прилѣпленной къ его нижней губѣ. Онъ не обратилъ вниманія на бѣшеный видъ мокраго, горячаго рикши. И рикша молча вскочилъ подъ навѣсъ среди столбовъ, взялъ налѣво и ногой толкнулъ дверку, за которой надѣялся найти нѣмого старика. Въ потной рукѣ рикша крѣпко держалъ завѣтный золотой, который онъ еще на бѣгу досталъ изъ-за передника, изъ кожанаго гамана, привѣшеннаго къ поясу. И золотой быстро сдѣлалъ свое дѣло: назадъ рикша выскочилъ съ большой коробкой отъ сигаръ, перевязанной шнуркомъ. Онъ заплатилъ за нее большую цѣну, зато она была не пустая: то, что въ ней лежало, билось, извивалось, стукало въ крышку тугими кольцами и шуршало.

Зачѣмъ онъ захватилъ съ собой колясочку? А онъ такизахватилъ се—и ровнымъ, сильнымъ махомъ полетѣлъ на берегъ океана, на плацъ Голь-Фэса. Плацъ былъ пустъ, далеко темнѣлъ въ звѣздномъ свѣтѣ. За нимъ были разсыпаны рѣдкіе огоньки Форта, и въ небѣ медленно вращалась мутно-зеркальная вышка маяка, кидавшая дымныя полосы бѣлаго свѣта только въ сторону рейда. Слабый прохладный вѣтеръ потянулъ на рикшу съ океана, ровный, сонный шумъ котораго былъ чуть слышенъ. Добѣжавъ до прибрежья, до средины дороги, рикша въ послѣдній разъ бросилъ тонкія оглобли, въ которыя рано, но не надолго впрягла его жизнь, и сѣлъ уже не на землю, а на скамью, сѣлъ смѣло, какъ резидентъ. Онъ, отдавая индусу цѣлый фунтъ, требовалъ самую маленькую и самую сильную, самую смертоносную. И она была,—помимо того, что сказочно-красива, вся въ черныхъ кольцахъ съ зелеными каемками, съ темно-голубой круглой головкой, съ изумрудной полосой на затылкѣ и траурнымъ хвостомъ,—она была, при всей своей малости, необыкновенно сильна и злобна, а теперь, послѣ того, какъ ее помотали въ деревянной пахучей коробкѣ, особенно. Она судорожно, какъ стальная, пружинила, извивалась, шуршала и стукала въ крышку. И онъ быстро развязалъ, распуталъ шнурокъ... Впрочемъ, кто знаетъ, какъ именно сдѣлалъ онъ это? Твердыми или дрожащими руками? Быстро, рѣшительно, или нѣтъ? А послѣ того долго ли колебался? Долго ли смотрѣлъ на темный шумящій океанъ, на слабый звѣздный свѣтъ, на Южный Крестъ, Ворона, Канопусъ? Оскалился ли по-собачьи на городъ резидентовъ, или на богатый отель, свѣтившій вдали своимъ подъѣздомъ? Вѣрно, онъ сразу раскрылъ коробку и твердо положилъ лѣвую руку на тѣ ледяныя, какъ мертвое тѣло, пружины, что взвивались въ коробкѣ: укушенъ онъ былъ въ самую ладонь цѣлыхъ три раза.

А укусъ тотъ нестерпимо жгучъ,—онъ подобенъ удару электрическаго тока и съ головы до ногъ пронзаетъ все тѣло человѣка несказанной болью, такой мукой, что послѣ него даже обезьяны жалобно вскрикиваютъ и разражаются рыданіями, дѣтскими, страстными, отчаянно-молящими. Рикша, вѣрно, не вскрикнулъ и не зарыдалъ: онъ слишкомъ хорошо зналъ, на что идетъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что, ощутивъ этотъ огненный ударъ, онъ колесомъ перевернулся на скамьѣ, и коробка полетѣла отъ него въ сторону. А затѣмъ тотчасъ же распахнулась подъ нимъ бездонная тьма, и все понеслось передъ его глазами куда-то вкось, вверхъ: и океанъ, и звѣзды, и огни отеля. Шумъ океана хлынулъ ему въ голову—и сразу

оборвался: глубокій обморокъ бываетъ всегда послѣ этого удара. Но вслѣдъ за обморокомъ человѣкъ всегда быстро приходитъ въ себя, какъ будто только за тѣмъ, чтобы его тяжко, съ кровью стошнило — и опять повергло въ небытіе. Ихъ, этихъ обмираній, бываетъ нѣсколько, и каждое изъ нихъ, ломая человѣка, перехватывая ему дыханіе, частями уноситъ человѣческую жизнь, человѣческія способности и чувства: мысль, память, зрѣніе, слухъ, боль, горе, радость, ненависть — и то послѣднее, всеобъемлющее, что называется любовью, жаждой вмѣстить въ свое сердце весь зримый и незримый міръ и вновь отдать его кому-то.

Дней черезъ десять, въ темныя жаркія сумерки передъ грозой, къ большому русскому пароходу, готовому отплыть въ Суэцъ, двѣ пары гребцовъ гнали въ гавани Коломбо шлюпку, въ которой полулежалъ сѣдокъ рикши номеръ седьмой. Пароходъ уже гудѣлъ отъ грохота якорной цѣпи, когда, выскочивъ возлѣ громадной желѣзной стѣны пароходнаго бока, взбѣжалъ онъ по длинному трапу на палубу. Капитанъ сперва наотрѣзъ отказался принять его: пароходъ грузовой, заявилъ онъ, агентъ уже уѣхалъ, — это невозможно. „Но я чрезвычайно, чрезвычайно прошу васъ!“ — возразилъ англичанинъ. Капитанъ съ удивленіемъ взглянулъ на него: на видъ крѣпокъ, энергиченъ, но на лицѣ налетъ нездороваго загара, а глаза за блестящими очками стоячіе, какъ будто ничего не видящіе и безпокойные. „Подождите до послѣзавтра,—сказалъ капитанъ: — послѣзавтра будетъ нѣмецкій почтовый пароходъ“. — „Да, но провести еще двѣ ночи въ Коломбо мнѣ очень трудно,—отвѣтилъ англичанинъ.—Этотъ климатъ изнуряетъ меня, я нервно боленъ. Кромѣ того, нѣмецкій пароходъ, какъ это всегда бываетъ, будетъ биткомъ набитъ, а мнѣ хочется одиночества. Я измученъ этими цейлонскими ночами, безсонницей и всѣмъ тѣмъ, что чувствуетъ всякій нервный человѣкъ передъ заходящими грозами. А взгляните на эту тьму, на тучи, заступившія всѣ горизонты: ночь опять будетъ ужасная, періодъ дождей собственно уже начался“... И, пожавъ плечами, подумавъ, капитанъ уступилъ. И черезъ минуту тонкіе, какъ ужи, сингалезы уже тащили по трапу сундукъ въ черной лакированной кожѣ, весь испещренный разноцвѣтными этикетами отелей и помѣченный красными иниціалами.

Свободная докторская каюта, которую предложили англичанину, была очень тѣсна и душна. Но англичанинъ нашелъ ее прекрасной. На скорую руку разложивши въ ней вещи,

онъ вышелъ черезъ столовую на верхнюю палубу. Все быстро тонуло въ темнотѣ. Пароходъ уже снялся и поворачивалъ къ открытому морю. Справа какъ бы плыли на него другіе пароходы, огни на мачтахъ, огни Форта. Слѣва, изъ-подъ высокаго борта, зыбко неслась къ низменному берегу, къ складамъ угля и къ черной гущѣ тонкоствольныхъ кокосовыхъ лѣсовъ за складами гладь темной воды, еще отражавшей тьму и печаль тучъ, и своимъ зыбкимъ стремленіемъ кружила голову. Все мѣняя направленіе, все туже дулъ откуда-то влажный, тошнотворно-благовонный, мягкій вѣтеръ. Внезапно молчаливыя тучи распахнулись такой бездной блѣдно-голубого свѣта, что въ самой глубинѣ лѣсовъ мелькнули озаренные имъ стволы пальмъ, банановъ и сингалезскія хижины подъ ними. Англичанинъ испуганно моргнулъ, оглянулся на плывущій уже слѣва отъ него блѣдный мелъ съ краснымъ огонькомъ на концѣ, на свинцовую даль океана за мололомъ — и быстро пошелъ назадъ, въ каюту.

Старикъ-лакей, человѣкъ злой отъ усталости, безъ нужды подозрительный и наблюдательный, нѣсколько разъ заглядывалъ передъ обѣдомъ за ея занавѣску. Англичанинъ сидѣлъ въ складномъ холщевомъ креслѣ, держа на колѣняхъ толстую тетрадь въ кожаномъ переплетѣ, писалъ въ ней золотымъ перомъ, и выраженіе его лица, когда онъ поднималъ его, блестя очками, было и тупо и вмѣстѣ съ тѣмъ удивленно. Потомъ, спрятавъ перо, онъ задумался, какъ бы слушая шумъ и шорохъ волнъ, тяжело несущихся за стѣной каюты. Лакей прошелъ мимо, мотая громко звенящимъ колокольчикомъ. Англичанинъ всталъ и догола раздѣлся. Съ ногъ до головы обтершись губкой, насыщенной водой съ одеколономъ, онъ выбрился, подрѣзалъ короткіе толстые усы, тщательно причесалъ щетками свои черные прямые волосы на косой рядъ, надѣлъ свѣжее бѣлье, смокингъ и пошелъ къ обѣду съ обычнымъ своимъ рѣшительнымъ, солдатскимъ видомъ.

Моряки, уже давно сидѣвшіе за столомъ и бранившіе его за опозданіе, встрѣтили его преувеличенно любезно, другъ передъ другомъ щеголяя знаніемъ англійскаго языка. Онъ отвѣтилъ имъ сдержанной, но не меньшей любезностью и поспѣшилъ сказать, что ему очень нравится русскій столъ, что онъ былъ въ Россіи, въ Сибири... что онъ вообще много путешествовалъ и всегда прекрасно переносилъ путешествія, чего однако нельзя сказать о его послѣднемъ пребываніи въ Индіи, на Явѣ и на Цейлонѣ: тутъ онъ захворалъ печенью, разстроилъ себѣ нервы, дошелъ даже до странностей — вотъ въ родѣ той, которую онъ проявилъ часъ тому назадъ, такъ

неожиданно явившись на пароходъ... За кофе онъ угощалъ моряковъ коньякомъ и ликерами, принесъ коробку толстыхъ египетскихъ папиросъ и поставилъ ее на столъ открытой, для общаго пользованія. Капитанъ, еще молодой человѣкъ съ умными и твердыми глазами, во всемъ старающійся быть европейцемъ, завелъ рѣчь о колоніальныхъ задачахъ Европы, о японцахъ, о будущемъ Дальняго Востока. Внимательно слушая, англичанинъ возражалъ, соглашался. Говорилъ онъ складно и не просто, а такъ, точно читалъ хорошо написанную статью. И порою внезапно смолкалъ, еще внимательнѣе прислушиваясь къ шороху волнъ за открытыми дверями. Отъ грозы ушли. Давно потонула въ черномъ бархатѣ долго переливавшая алмазами цѣпь огней Коломбо. Теперь пароходъ былъ въ безграничной тьмѣ, въ пустотѣ океана и ночи. Столовая помѣщалась на палубѣ, подъ капитанскимъ мостикомъ. И тьма рѣзко чернѣла въ открытыхъ дверяхъ и окнахъ, она какъ бы стояла и глядѣла въ ярко освѣщенную столовую. Влажно дуло изъ этой тьмы — влажнымъ, свободнымъ дыханіемъ чего-то отъ вѣка свободнаго — и свѣжесть, доходя до сидящихъ за столомъ, давала имъ чувствовать запахъ табачнаго дыма, горячаго кофе и ликеровъ. Но порою свѣтъ электричества вдругъ падалъ—и двери, окна мелькали блѣдно-синими квадратами: беззвучно и несказанно-широко распахивалась вокругъ парохода голубая бездна безднъ, блистала текучая зыбь водныхъ пространствъ, угольной чернотой заливало горизонты — и оттуда, какъ тяжкій ропотъ самого Творца, еще погруженнаго въ довременный хаосъ, доходилъ глухой, мрачный и торжественный, все до основанія потрясающій гулъ грома. И тогда англичанинъ какъ бы каменѣлъ на минуту.

— Въ сущности, это страшно!—сказалъ онъ своимъ мертвымъ, но твердымъ голосомъ послѣ одного особенно ослѣпительнаго сполоха. И, вставъ съ мѣста, подошелъ къ двери, зіявшей темнотой. — Очень страшно, — сказалъ онъ, какъ бы разговаривая самъ съ собой.—И страшнѣе всего то, что мы не думаемъ, не чувствуемъ и не можемъ, разучились чувствовать, какъ это страшно.

— Что именно?—спросилъ капитанъ.

— А вотъ хотя бы то,—отвѣтилъ англичанинъ,—что подъ нами бездонная глубина, а вокругъ та зыбкая хлябь, о которой такъ ужасно говоритъ Библія... О,—строго сказалъ онъ, вглядываясь въ темноту: — и вблизи и вдали, всюду загораются борозды зеленой огненной пѣны, и чернота вокругъ этой пѣны черно-лиловая, цвѣта воронова крыла... Это очень жутко—быть капитаномъ?—серьезно спросилъ онъ.

— Нѣтъ, почему же, — отвѣтилъ капитанъ съ притворной небрежностью.—Дѣло скучное, отвѣтственное, но въ сущности несложное... Все зависитъ отъ привычки...

— Скажите лучше — отъ нашей притупленности, — сказалъ англичанинъ. — Стоять вонъ тамъ, на вашемъ мостикѣ, по бокамъ котораго мутно глядятъ сквозь толстое стекло два этихъ большихъ глаза, зеленый и красный, и итти куда-то въ тьму ночи и воды, простирающейся на тысячи миль вокругъ,—это безуміе! Но, впрочемъ, не лучше, — прибавилъ онъ, опять заглядывая въ двери:—не лучше и лежать внизу, въ каютѣ, за тончайшей перегородкой которой, возлѣ самой твоей головы, бьетъ и переливается эта бездонная хлябь... Да, да, разумъ нашъ такъ же слабъ, какъ разумъ крота, или, пожалуй, еще слабѣй, потому что у крота, у звѣря, у дикаря хоть инстинктъ сохранился, а у насъ, у европейцевъ, онъ выродился, вырождается!

— Однако кроты не плаваютъ по всему земному шару,— усмѣхаясь, отвѣтилъ капитанъ.—Кроты не пользуются паромъ, электричествомъ, безпроволочнымъ телеграфомъ... Вотъ хотите—я буду сейчасъ говорить съ Аденомъ? А вѣдь до него десять дней ходу.

— И это страшно,—сказалъ англичанинъ и строго взглянулъ сквозь очки на засмѣявшагося механика. — Да, и это очень страшно. А мы, въ сущности, ничего не боимся. Мы даже смерти и то не боимся по-настоящему: ни жизни, ни тайнъ, ни безднъ, насъ окружающихъ, ни смерти — ни своей собственной ни чужой! Я полковникъ англійской арміи, участникъ бурской войны, я, приказывая стрѣлять изъ пушекъ, убивалъ людей сотнями — и вотъ не только не страдаю, не схожу съ ума, что я убійца, но даже не думаю о нихъ никогда.

— А звѣри, дикари—думаютъ?—спросилъ капитанъ.

— Дикари вѣрятъ, что такъ надо, а мы нѣтъ, — сказалъ англичанинъ и замолчалъ, пошелъ ходить по столовой, стараясь тверже ступать своими бальными ботинками.

Сполохи отдаленной грозы, уже розовые, мелькавшіе по звѣздамъ, слабѣли. Вѣтеръ дулъ въ окна и двери сильнѣе и прохладнѣе, черная тьма за дверями шумѣла тяжелѣе. Большая раковина, пепельница, ползала по столу. Чувствовалось подъ непріятно слабѣющими ногами, какъ снизу что-то нарастаетъ, приподнимаетъ, потомъ валитъ на бокъ, разступается—и полъ все глубже уходитъ изъ-подъ ногъ. Моряки, допивъ кофе, накурившись, сдерживая зѣвоту и поглядывая на своего страннаго пассажира, посидѣли, помолчали еще

нѣсколько минутъ, потомъ, желая ему покойной ночи, стали браться за фуражки. Остался одинъ капитанъ. Онъ курилъ и водилъ за англичаниномъ глазами. Англичанинъ, съ сигарой, качаясь, ходилъ отъ двери къ двери, раздражая своей чернотой, очками и серьезностью, соединенной съ разсѣянностью, старика-лакея, убиравшаго со стола.

— Да, да, — сказалъ онъ: — намъ страшно только то, что мы разучились чувствовать страхъ! Бога, религіи въ Европѣ давно уже нѣтъ, мы, при всей своей дѣловитости и жадности, какъ ледъ холодны и къ жизни и къ смерти: если и боимся ея, то разсудкомъ или же только остатками животнаго инстинкта. Иногда мы даже стараемся внушить себѣ эту боязнь, увеличить ее — и все же не воспринимаемъ, не чувствуемъ въ должной мѣрѣ того непонятнаго и ужаснаго, чѣмъ полна человѣческая жизнь... вотъ, какъ не чувствую и я того, что̀ самъ же назвалъ страшнымъ, — сказалъ онъ, показывая на открытую дверь, за которой шумѣла черная темнота, уже высоко поднимавшая съ носа и валившая скрипящій переборками пароходъ то на одинъ, то на другой бокъ.

— Это на васъ Цейлонъ такъ подѣйствовалъ,—машинально замѣтилъ капитанъ.

— О, несомнѣнно, несомнѣнно!—согласился англичанинъ.— Мы всѣ,—коммерсанты, техники, военные, политики, колонизаторы,—мы всѣ, спасаясь отъ собственной притупленности и пустоты, бродимъ по всему міру,—вѣдь вы согласитесь, что число путешествующихъ европейцевъ растетъ со сказочной быстротой, что уже весь земной шаръ пестритъ плакатами и расписаніями,—и силимся восхищаться то горами и озерами Швейцаріи, то нищетой Италіи, ея картинами и обломками статуй или колоннъ, то бродимъ по скользкимъ камнямъ, удѣлѣвшимъ отъ какихъ-то амфитеатровъ въ Сициліи, то глядимъ съ притворнымъ восторгомъ на желтыя груды Акрополя въ Греціи, то присутствуемъ, какъ при балаганномъ зрѣлищѣ, при раздачѣ священнаго огня въ Іерусалимѣ, платимъ бѣшеныя деньги за то, чтобы терпѣть мученія отъ проводниковъ и блохъ въ могильникахъ и глиняныхъ капищахъ Египта, плывемъ въ Индію, въ Китай, въ Японію — и вотъ только здѣсь, на землѣ древнѣйшаго человѣчества, въ этомъ потерянномъ нами эдемѣ, который мы называемъ нашими колоніями и жадно грабляемъ, среди грязи, чумы, холеры, лихорадокъ и цвѣтныхъ людей, обращенныхъ нами въ скотовъ, только здѣсь чувствуемъ въ слабой мѣрѣ жизнь, смерть, божество. Здѣсь, оставшись равнодушнымъ ко всѣмъ этимъ Озирисамъ, Зевсамъ, Аполлонамъ, къ Христу, къ Магомету,

я не разъ чувствовалъ, что могъ бы поклоняться развѣ только имъ, этимъ страшнымъ богамъ нашей прародины,—сторукому Брамѣ, Шивѣ, Дьяволу, Буддѣ, слово котораго раздавалось поистинѣ какъ глаголъ самого Маѳусаила, вбивающаго гвозди въ гробовую крышку міра... Да, только благодаря Востоку и болѣзнямъ, полученнымъ мной на Востокѣ, благодаря тому, что въ Африкѣ я сотнями убивалъ людей, въ Индіи, ограбляемой Англіей, а значитъ, отчасти и мною, видѣлъ тысячи умирающихъ съ голоду, въ Японіи покупалъ дѣвочекъ въ мѣсячныя жены, въ Китаѣ билъ палкой по головамъ беззащитныхъ обезьяноподобныхъ стариковъ, на Явѣ и на Цейлонѣ до предсмертнаго храпа загонялъ рикшъ, въ Анарадхапурѣ получилъ въ свое время жесточайшую лихорадку, а на Малабарскомъ берегу болѣзнь печени,—только благодаря всему этому я еще кое-что чувствую и думаю. Тѣ страны, тѣхъ несмѣтныхъ людей, что̀ еще живутъ, или младенчески-непосредственной жизнью, всѣмъ существомъ своимъ ощущая и бытіе, и смерть, и божественное величіе вселенной, или уже прошли долгій и трудный путь, историческій, религіозный и философскій, и устали на этомъ [пути, мы, люди новаго желѣзнаго вѣка, стремимся поработить, подѣлить между собою, и называемъ это нашими колоніальными задачами. И когда этотъ дѣлежъ придетъ къ концу, когда въ мірѣ опять воцарится власть какого-нибудь новаго Тира, Сидона, новаго Рима, англійскаго или нѣмецкаго, повторится, непремѣнно повторится и то, что̀ предрекли Сидону, возомнившему себя, по слову Библіи, Богомъ, іудейскіе пророки, Риму—Апокалипсисъ, а Индіи, арійскимъ племенамъ, поработившимъ ее — Будда, говорившій: „О, вы, князья, властвующіе, богатые сокровищами, обращающіе другъ противъ друга жадность свою, ненасытно потворствующіе своимъ похотямъ!..“ Я еще не буддистъ, но Будда, какъ всѣ великіе религіозные учители, понялъ, что̀ значитъ жизнь Личности, этой преходящей формы, намарупы, какъ онъ называлъ ее, въ этомъ „мірѣ бываніе“, въ этой вселенной, который мы не постигаемъ,—и ужаснулся священнымъ ужасомъ. Мы же возносимъ нашу Личность превыше небесъ, мы хотимъ сосредоточить въ ней весь міръ, что̀ бы тамъ ни говорили о грядущемъ всемірномъ братствѣ и равенствѣ,—и вотъ только въ океанѣ, подъ новыми и чуждыми намъ звѣздами, среди величія тропическихъ грозъ, или въ Индіи, на Цейлонѣ, гдѣ исторія такъ безмѣрна, гдѣ порою видишь подлинную первобытную жизнь, а въ черныя знойныя ночи, въ горячечномъ мракѣ, чувствуешь, какъ таетъ, растворяется человѣкъ въ этой чернотѣ, въ звукахъ, запахахъ, въ

томъ страшномъ Все-Единомъ, только тамъ понимаемъ въ слабой мѣрѣ, что значитъ эта наша жалкая Личность... Знаете ли вы, — сказалъ онъ, останавливаясь и блестя очками на капитана,—буддійскую легенду?

— Какую? — спросилъ капитанъ, уже тайкомъ зѣвнувшій и посмотрѣвшій на часы.

— А вотъ какую: воронъ кинулся за слономъ, бѣжавшимъ съ лѣсистой горы къ океану; все сокрушая на пути, ломая заросли, слонъ обрушился въ волны — и воронъ, томимый „желаніемъ“, палъ за нимъ и, выждавъ, пока онъ захлебнулся и вынырнулъ изъ волнъ, опустился на его ушастую тушу; туша плыла, разлагалась, а воронъ жадно клевалъ ее; когда же очнулся, то увидалъ, что отнесло его на этой тушѣ далеко, далеко, туда, откуда даже на крыльяхъ чайки нѣтъ возврата— и закричалъ жалкимъ голосомъ, тѣмъ, котораго такъ чутко ждетъ Смерть и на который такъ быстро является она... Ужасная легенда!

— Да, это очень значительно, — сказалъ капитанъ равнодушно.

Англичанинъ замолчалъ и опять пошелъ отъ двери къ двери. Изъ шумящей темноты слабо донеслись отрывистые и, какъ всегда въ океанѣ, печальные звуки второй склянки. Капитанъ, посидѣвъ изъ приличія еще минутъ пять, поднялся, пожалъ руку англичанину и пошелъ въ свою большую покойную каюту. Англичанинъ, что-то думая, продолжалъ ходить. Лакей, протомившись въ буфетѣ еще съ полчаса, вошелъ и съ сердитымъ лицомъ сталъ тушить электричество, оставилъ только одинъ рожокъ. Англичанинъ, когда лакей скрылся, подошелъ къ стѣнѣ, потушилъ и этотъ рожокъ. Сразу палъ мракъ, шумъ волнъ сразу сталъ какъ будто слышнѣе, и сразу раскрылись въ окнахъ звѣздное небо, мачты, реи. Пароходъ скрипѣлъ и лѣзъ съ одной водяной горы на другую. Онъ размахивался все шире, подымаясь и опускаясь,—и въ снастяхъ широко носились, взлетая то въ бездну кверху, то въ бездну книзу, Канопусъ, Воронъ, Южный Крестъ, по которымъ еще мелькали розовые сполохи.

Капри. II. 1914.

ПРИ ДОРОГѢ.

I.

Устинъ, отецъ Парашки, жилъ при большой Новосильской дорогѣ.

Мѣсто, что̀ онъ выбралъ себѣ, отойдя отъ господъ, было безлюдное. Ржи морями разливались по волнистымъ полямъ вокругъ его степного двора. Во ржахъ за дворомъ стояли два безпріютныхъ дубка, шли неглубокіе овраги, густо зараставшіе къ лѣту бѣлыми цвѣтами. Во ржахъ за большой дорогой терялся далекій дубовый лѣсокъ; въ той сторонѣ было и село—однодворческое старинное село Баево, да волнистыя поля скрывали его. До воли было много проѣзжихъ по большой дорогѣ. Потомъ ихъ слѣды, колеи, изрѣзавшія всю дорогу, затянулись, заглохли, закудрявились рѣдкой мелкой муравой.

Устинъ давно вдовѣлъ,—говорили, что онъ убилъ жену изъ ревности,—жилъ не по-мужицки: не землей, а тѣмъ, что давалъ деньги въ ростъ; сѣялъ онъ только для домашняго обихода, вокругъ дубковъ и надъ оврагами, на помѣстной землѣ, и даже скотины путной не держалъ: хороши у него были однѣ лошади. Въ избѣ хозяйничала сперва его любовница, вдова-однодворка, потомъ какая-то нищенка, потомъ старшая дочь, Евгенія. Но Евгенію, чуждую и немилую ему, онъ рано выдалъ и замѣстилъ работникомъ, пожилымъ придурковатымъ мужикомъ, Володей. А самъ часто отлучался изъ дому—и росла босоногая, молчаливая Парашка одиноко.

Однажды, — ей шелъ тогда четырнадцатый годъ, это было какъ разъ въ то лѣто, когда Евгенія переселилась въ Баево,—гнали по большой дорогѣ порядочный гуртъ овецъ: часто такъ дѣлаютъ—покупаетъ купецъ сто, двѣсти головъ на одной ярмаркѣ и перегоняетъ ихъ на другую, нанимая для того босяковъ, а для надзора за босяками посылая приказчика.

Дотлѣвала лѣтняя заря далеко позади хутора. Поджидая отца изъ города, Парашка сидѣла на порогѣ избы, глядѣла на вечернія поблекшія поля, на голый просторъ дороги. Овцы густой грязно-сѣрой отарой медленно двигались мимо съ тѣмъ неопредѣленнымъ шумомъ, что̀ производятъ и движеніе и дыханіе ихъ, съ запахомъ своего руна и корма — степныхъ травъ и полыни. А за ними шли собаки съ высунутыми красными языками, запекшимися и запыленными за-день, оборванный высокій малый рядомъ съ оборваннымъ старикомъ, и верхомъ ѣхалъ на бѣломъ горбоносомъ киргизѣ, съ кутузкой въ рукѣ, въ картузѣ на затылокъ, молодой мѣщанинъ.

— Здравствуй, красавица, — сказалъ старикъ, отдѣляясь отъ гурта. — Помоги намъ, прохожимъ, попроси у отца сѣрничка...

Она долго не отвѣчала, разглядывая его. Онъ былъ безъ шапки, клоки ея были надѣты на его скользкій костыль. Онъ положилъ на него крупныя блестящія руки, удерживая ихъ дрожь, и съ трудомъ дышалъ. Въ лохмотьяхъ рыжаго пальто, надѣтаго на голое тѣло и подпоясаннаго обрывкомъ, въ подштаникахъ и сбитыхъ опоркахъ, зелено-сѣдой и кудлатый, мертвенно-блѣдный и съ запухшими глазами, онъ имѣлъ видъ яростный, но въ хрипломъ его голосѣ была доброта, усталость. Видна была сѣрая шерсть на его груди, видно было, какъ трепещетъ подъ грудью сердце...

— Отца дому нѣтути,—отвѣтила Парашка, наглядѣвшись.

— Такъ я и зналъ, такъ я и зналъ,—сказалъ старикъ.— Все катается, а ты одна растешь... „Вечо̀ръ наша перепелушка,—сказалъ онъ, глядя на землю:—вечо̀ръ наша рябая всее ноченьку прокликала, всее темную протрюкала...“ Какъ же намъ быть-то, красавица?

Подошелъ малый, мелкой бойкой рысью подъѣхалъ верховой, по-степному поджимая ноги въ стременахъ подъ брюхо своего толстогрудаго киргиза, уморенпаго, но все горячившагося, задиравшаго назадъ большую голову на короткой шеѣ. Они поглядѣли на старика насмѣшливо, — знали его манеру разговаривать,—на Парашку внимательно. Малый былъ очень длинепъ и тонокъ, съ покатыми плечами, съ круглымъ кошачьимъ лицомъ, въ сѣромъ арестантскомъ картузѣ. А верховой—сухощавъ, но широкъ, очень смуглъ и съ блестящими глазами.

— Я ея отца знаю,—сказалъ онъ, глядя съ сѣдла на Парашку, на ея маленькія ноги, загорѣлыя плечи и грязную сорочку.—Богатый плутъ... Стоная въ печуркѣ, либо за образами поищи,—прибавилъ онъ строго.

Парашка, не сводя глазъ съ киргиза, короткаго, плотнаго и легкаго, все мотавшаго тяжелой головой и грызшаго желтыми зубами слюнявыя удила, вскочила съ порога, сбѣгала въ избу и вернулась съ коробочкомъ спичекъ. А мѣщанинъ тѣмъ временемъ слѣзъ со стараго, сухого и замасленнаго казацкаго сѣдла, расправляя короткія ноги. Малый отошелъ, пристально смотрѣлъ куда-то въ поле. Взявъ спички, молча пошелъ прочь и мѣщанинъ, повелъ киргиза къ остановившемуся съ опущенными головами гурту. Но Парашка навсегда запомнила его пропыленный пиджакъ, лоснящіеся штаны, заправленные въ сапоги съ узкими носами и широкими голенищами, грязный воротъ вышитой рубахи и то, что все лицо его было, точно порохомъ, усѣяно синеватыми точками угрей, что на смуглыхъ скулахъ его вились рѣдкіе, жесткіе волосы, такіе же рѣдкіе, жесткіе и смоляные, какъ и надъ углами рта. Онъ взглянулъ на нее, уходя, и поразилъ ее красотою своихъ твердыхъ глазъ. А старикъ, вѣрно, замѣтившій это, опять сказалъ ей на прощанье странныя слова:

— Ну, вотъ мы и жители... Прощай, спасибо тебѣ, красавица. Попомни, что̀ сказалъ тебѣ страшный старый босякъ: этотъ воръ-мѣщанинъ можетъ погубить тебя. Ты на такихъ-то не заглядывайся...

А потомъ на парàхъ за дорогой, тамъ, гдѣ заночевалъ гуртъ, долго пылалъ въ темнѣющей синевѣ вечера желтый жаркій костеръ. Ночь шла—отца все не было. Сидя на порогѣ, Парашка слушала, какъ Володя доитъ на варкѣ, за сѣнцами, корову, и не спускала глазъ съ костра. „Вечоръ наша перепелушка...“—вспомнила она слова старика—и, чувствуя сладкую тоску ихъ, видѣла темную-темную ночь и робкую, одинокую перепелку, трюкающую въ темномъ, неоглядномъ разливѣ хлѣбовъ... Все краснѣй горѣлъ костеръ—и онъ, этотъ черноглазый мѣщанинъ, который могъ погубить ее, и его горячій желтозубый киргизъ были тамъ, еще близко... Наконецъ ровный, успокаивающій звукъ отцовской телѣжки донесся до ея слуха. Она вскочила въ темную избу и легла, притворяясь спящей. Отецъ подъѣхалъ къ порогу, крикнулъ Володѣ; вошелъ и сталъ что-то вѣшать на стѣну. Зашумѣли сонныя мухи въ рѣшетахъ и ситахъ возлѣ печки.

— Батюшка!—негромко позвала Парашка.

— Аюшки?—отозвался отецъ вполголоса.

— Это какой босякъ бываетъ?

— А разуйся хоть ты такая-то, вотъ тебѣ и будетъ босякъ.

— Да онъ не босой. Онъ въ полсапожкахъ.

— Ну, знать, пропился догола. А гдѣ ты могла видѣть его?

Парашка разсказала о прохожихъ, умолчавъ о послѣднихъ словахъ старика.

— Знать, бальмашевскій гуртъ гонятъ, — сказалъ онъ, не слушая толкомъ и перевѣшивая наборную узду съ одного колка на другой.—То-то, я гляжу, костеръ горитъ...

— А отчего у него лошадь въ крови?

— У кого это?

— У приказчика. Вся грудь въ струпахъ.

— А это оттого, что онъ киргицъ называется, — сказалъ отецъ. — Эти лошади, дочка, злыя, горячія живутъ, хоть и старыми попадаютъ къ намъ. Вотъ и сѣкутся, сами себѣ кровь бросаютъ... И тавро, небось, есть?

Парашка подумала.

— А какая она?

— А въ родѣ печати... какъ печать выжжена на лякѣ, чтобъ видать было, что это не простая лошадь, а изъ тавра, изъ косяка киргицкаго... Ну, спи, спи, коли поужинала, — прибавилъ онъ.—А я въ холодную пойду, тамъ закушу...

И, отворивъ окно, ушелъ въ другую половину. Въ окно было видно лѣтнее ночное небо въ блѣдныхъ звѣздахъ, чуть тянуло свѣжестью, смѣшанной съ запахомъ гари потухавшаго костра... И, волнуясь отъ этого запаха, что-то какъ будто напоминающаго, слушая отца, горячо, но негромко говорившаго подъ окномъ съ Володей, Парашка заснула въ чувствѣ того жуткаго и манящаго, что̀ есть въ неизвѣстныхъ прохожихъ и проѣзжихъ людяхъ, очарованная смутной думой о томъ, какъ погубитъ, какъ увезетъ ее куда-то въ даль молодой мѣщанинъ.

II.

Съ тѣхъ поръ прошло два года; пошелъ третій. Парашка измѣнялась. Мало-по-малу она заняла свое мѣсто въ хозяйствѣ, стала таскать, надрывая свой дѣвичій животъ, горшки и чугуны изъ печки, доить коровъ, обшивать отца... Но нравъ ея мѣнялся мало. Одно лѣто на нее напала страсть къ селу. Она стала наряжаться, гостить у сестры, бывать съ дѣвками въ хороводахъ, пѣть и плясать съ ними, притворяясь бойкой. Потомъ бросила, опять почувствовала себя чужой селу, дѣвкамъ, Евгеніи. Евгенія тоже навѣщала ее,—она ходила солдаткой, дѣтей не имѣла, вдоваго своего свекра не боялась. Но были обѣ онѣ молчаливы, да и слишкомъ разны во всемъ. Миловидную, на видъ спокойную Парашку никто бы и не назвалъ сестрой Евгеніи: та была крѣпка, плечиста, глядѣла изъ-подъ сдвинутыхъ бровей, сжавъ губы; страшно было ви-

дѣть ея скуластое, короткое, рѣшительное лицо рядомъ съ нѣжнымъ овалomъ нерѣшительнаго дѣвичьяго лица.

Близокъ былъ Парашкѣ лишь отецъ. Ея любовь къ нему росла съ каждымъ годомъ. Но не проста, не спокойна была эта любовь.

Она любила отца застѣнчиво, той обостренной любовью, которой часто любятъ дочери вдовыхъ отцовъ. Замѣнять ему мать, хозяйку, заботиться о немъ, таскать для него горшки изъ печи было для нея радостью и гордостью. Но порою эта радость отравлялась болью—вспоминалась однодворка, хозяйничавшая когда-то въ отцовской избѣ... Въ томъ страшномъ и мало-понятномъ, что̀ случилось между отцомъ и матерью, о чемъ еще въ дѣтствѣ несвязнымъ шопотомъ, съ чужихъ словъ, разсказывала Евгенія, Парашка была на сторонѣ отца. Но порою находило сомнѣніе: да такъ ли, правъ ли онъ былъ? — и тогда казалось, что не было на свѣтѣ человѣка лучше и красивѣе матери. Отца Парашка мало видѣла, а понимала и того меньше, постоянно чувствуя и робость и неловкость въ разговорѣ съ нимъ. Да и у всѣхъ онъ слылъ не легкимъ, не простымъ человѣкомъ. Чистотою и правильностью чертъ, тонкимъ станомъ, бронзовой бородкой и зоркостью зеленыхъ глазъ онъ напоминалъ старикамъ-дворовымъ объѣздчика-черкеса, жившаго когда-то у господъ его. Но и крестьянскаго не мало было въ его осторожныхъ манерахъ, въ неуклюжихъ сапогахъ, въ густыхъ кудряхъ, разобранныхъ на прямой рядъ, въ воротѣ суровой рубахи и сермяжной поддевкѣ. Онъ уменъ и привѣтливъ былъ, даже добръ, но всѣ его побаивались: уже очень разсудителенъ. Приходили къ нему изъ селъ, изъ деревень за помощью. Онъ никому не отказывалъ. Онъ внимательно выслушивалъ, кивалъ головою, все приподнимая со лба свои бронзовые завитки. Въ глаза поглядывалъ не строго, но пытливо, поддакивалъ, никогда не перебивая, вполголоса. Лихву назначалъ скромную. Но вѣдь лихвой и жилъ онъ, а такіе люди всегда страшны немного.

Вырастая, Парашка худѣла. Въ лицѣ ея появлялось то неуловимое сходство съ отцомъ, которое такъ нѣжно проявляется у дочерей, любимыхъ отцами и на первый взглядъ какъ будто и не схожихъ съ ними. Многое одинаково затаивали, сдерживали они въ себѣ, многое одинаково воспринимали: какъ, напримѣръ, волновалъ ихъ обоихъ видъ цыганскаго табора, идущаго осенью по большой дорогѣ на низы къ югу!

— А я, мальчишкой, разъ было-убѣгъ за цыганами,— сказалъ однажды Устинъ, усмѣхаясь.

— Да что жъ? Одумался?—спросила Парашка.

— Одумался. Безъ этого нельзя, дочка,—сказалъ Устинъ уже безъ улыбки.—Сгоряча дѣлать не годится...

— Чего дѣлать не годится?

— Да ничего,—отвѣтилъ онъ не сразу — и поглядѣлъ въ сторону.—А то кровь въ глаза кидается, бѣду творитъ...

Она поняла его, оробѣла и смолкла.

Но не только таинственностью отца, его прошлаго, его разъѣздовъ и заботъ, о которыхъ онъ никогда ни съ кѣмъ не говорилъ, окружена была она. Осенью, зимою она много спала. Лѣтомъ могла не спать хоть три ночи подъ рядъ. Любимымъ мѣстомъ ея былъ порогъ: по часамъ стояла она на немъ, чуть осѣвъ на одну ногу, чуть склонивъ къ плечу голову и держась сзади за отстающую отъ спины кофточку обѣими руками. Далеко куда-то, въ счастливую страну, направлялись всѣ тѣ, что порою проѣзжали, проходили мимо. Смѣло и внимательно глядя впередъ, разметавъ по плечамъ свои чубарые отъ солнца волосы, гдѣ мочальные, а гдѣ темные, въ скуфьѣ, въ подрясникѣ, широко шагалъ стороной бродяга, отставляя на ходу свой высокій посохъ: она провожала его долгимъ взглядомъ, хоть и боялась бродягъ, боялась, когда они сворачивали къ хутору за подаяніемъ. Ровной рысцой, часто спотыкаясь и перхая, бѣжала посрединѣ дороги захудалая помѣщичья тройка: звукъ дребезжащихъ рессоръ, дорожный видъ запыленнаго тарантаса пробуждали въ ней тоску, какія-то желанія. Гнали овецъ — она жадно всматривалась въ провожатыхъ, вспоминая бѣду, предсказанную ей... Морями разливались по полямъ сѣро-мраморныя ржи. Тѣнь ложилась отъ избы. Впереди, за дорогой, блестѣвшей мелкой муравой, густая рожь клонилась въ яркомъ вечернемъ свѣтѣ, лоснилась противъ солнца, уходившаго за избу. Розоватые клубы юго-восточныхъ облаковъ, нѣжныхъ, чуть замѣтныхъ, сливались выше горизонта съ ясной матовой лазурью небосклона... Въ эту сторону, томимая зовомъ степной дали, она смотрѣла чаще всего.

А любовь—это слово она узнала и почувствовала рано и тоже не просто. Еще въ дѣтствѣ поразило оно ее. Однажды, въ жаркій лѣтній полдень, сидѣла на камняхъ возлѣ Устинова амбара мѣщанка изъ Баева, пьяница и бобылка. Она шла на ярмарку—продавать свою больную, костлявую лошадь, которая съ повисшими поводами стояла передъ нею. Она разложила возлѣ себя спички, жестянку съ махоркой, курила, положивъ нога на ногу въ расчищенныхъ стоптанныхъ башмакахъ, и улыбалась, глядя на Парашку, возившуюся въ

пыли возлѣ нея. „Что жъ, отецъ не прогналъ еще *любовницу-то?*“—сиплымъ таинственнымъ шопотомъ спросила она. И Парашка навсегда запомнила это особенное слово и наиѣмъ угадала его сокровенный смыслъ. Съ тѣхъ поръ, всякій разъ, когда случалось ей не во-время забѣжать въ избу и увидѣть на колѣняхъ у отца однодворку, сладкимъ страхомъ и стыдомъ обжигало ее. А потомъ отъ сестры, отъ сельскихъ дѣвокъ стала она заучаться пѣснямъ. Во всѣхъ пѣсняхъ говорилось о томъ же, объ одномъ — о любви. И она пѣвала ихъ, но мысленно — такъ трогали онѣ ее, особенно одна, старинная: „Уснулъ, уснулъ мой любезный у дѣвушки на рукѣ, на кисейномъ рукавѣ...“. Всѣ подруги готовились только къ одному—къ замужеству, къ жизни, къ близости съ мужемъ. Рано стало волновать, страшить и ее предчувствіе этой близости. Сестра просто говорила: „Батюшка распутный, онъ опять съ кѣмъ-то живетъ. Сто рублей отдамъ, а дознаюсь!“. А Парашка и сама бы не взяла ста рублей за то, чтобы дознаться о любовницѣ отца, хотя думала о ней дни и ночи. Сестра, когда угнали ея мужа въ солдаты, вскорѣ пришла однажды на хуторъ. „Батюшка дома?“—глухо крикнула она, подойдя къ замерзшему окну. Потомъ вошла, сѣла на лавку, стала ѣсть хлѣбъ и все говорила, что она на минутку, все поглядывала на входившаго и выходившаго Володю, высокаго худого мужика. Онъ, роясь на лавкѣ въ веревкахъ и вожжахъ, картаво бормоталъ: „Сто жъ не раздѣваешься?“ А сестра медленно мотала головой, закутанной въ пеньковый платокъ: „Я на минутку...“. Была она въ промерзлыхъ лаптяхъ, въ красной юбкѣ грубой шерсти, въ сермяжной корсеткѣ, туго застегнутой на полной груди, и крѣпко пахло отъ нея, крѣпкой, здоровой бабы, избянымъ дымомъ и ржанымъ хлѣбомъ, который она не спѣша жевала. „Охъ, что жъ это я сижу-то!“—говорила она. И вдругъ поднялась и рѣшительно вышла, но не домой, а на варокъ, къ Володѣ. Парашка кинулась къ двери и замерла, прильнувъ къ ней ухомъ. Бѣжали минуты за минутами, все гуще сѣялъ кто-то ночную муть въ избѣ, и ни звука не слышно было за дверью. Но Парашка, казалось, все видѣла, все слышала...

III.

Замѣнивъ отцу мать и хозяйку, она стала чувствовать себя взрослой и порою заводила съ нимъ странныя бесѣды.

Разъ зимнимъ вечеромъ онъ перебиралъ возлѣ лампочки, коптившей на столѣ, какія-то истертыя бумажки, вынимая ихъ изъ-за пазухи, изъ кармана поддевки. Онъ напряженно

соображалъ что-то, шевеля губами, и писалъ огрызкомъ карандаша, ложась грудью на столъ, отодвигая рукавъ и долго ерзая по бумажкѣ передъ тѣмъ, какъ вывести цифру. Она, сидя возлѣ печки, пряла: сучила, доила нитку лѣвой рукой, а правую отставляла—ловко пускала до самаго пола волчокъ веретена. Въ пестренькомъ ситцевомъ платьѣ, съ раскрытой головой, съ опущенными рѣсницами, она была хороша: она сама чуяла это по тѣмъ страннымъ и ласковымъ взглядамъ, что̀ порою, отрываясь отъ работы, кидалъ на нее отецъ. Она сидѣла на скамьѣ легко и спокойно, чуть раздвинувъ округлыя колѣни, съ мягкой силой нажимая носкомъ лѣвой ноги на приступку прялки и жужжа колесомъ.

— Батюшка,—сказала она вдругъ:—ты всегда былъ такой красивый?

— А что̀?—спросилъ онъ, по своему обыкновенію, вполголоса.—Всегда. А что̀?

— Чего жъ тебя мать не любила?

— А кто тебѣ это сказалъ?

— Да ужъ я знаю,—отвѣтила она загадочно.

Онъ помолчалъ, сталъ прятать бумажки за пазуху и застегивать крючки поддевки, мотнулъ головою, откидывая со лба завитки волосъ.

— Ты того, дочка, не слухала бы,—сказалъ онъ негромко.

— Ты, говорятъ, убилъ ее... За что? За любовника?

— И этого не надобно знать тебѣ, — сказалъ онъ еще тише, но просто.—Вотъ вѣдь я ни о чемъ не пытаю тебя.

Она подумала.

— Да меня что̀ жъ пытать? Я вся наружи...

— Толкуй!—сказалъ онъ.—Ты вся въ нее.

Она покраснѣла.

— Анъ въ тебя... Я тебя въ свѣтѣ ни на кого не промѣняю!

— Промѣняешь, дочка...

Она вспомнила мѣщанина, провожавшаго овецъ, лѣтній вечеръ, который казался теперь такимъ далекимъ и прелестнымъ, стараго, желтозубаго, но горячаго киргиза, его сильную грудь въ рубцахъ засохшей крови... А онъ, какъ бы читая книгу, твердо заговорилъ:

— Рано тебя никому не чаю отдать. Для тебя, дочка, для тебя одной съ утра до вечера бьюсь. Буду ждать, высматривать человѣка хорошаго, красиваго...

— У тебя жъ есть любовница, — прошептала она.

— Все пустое, все пустое,—отвѣтилъ онъ горячо, но голоса не повышая. — Все тебѣ это постороннее. Съ отцомъ стыдно объ этомъ балакать...

Она заплакала. Онъ подошелъ, обнялъ ея голову, поцѣловалъ въ волосы. Сквозь тонкую кожу его проступилъ румянецъ, зеленые глаза горѣли ярко и нѣжно. Она успѣла взглянуть въ нихъ, когда онъ, обернувшись, пошелъ вонъ изъ избы, и заплакала отъ какой то непонятной радости и еще болѣе непонятнаго горя. Ахъ, да кто жъ могъ быть красивѣе и лучше его!

Она худѣла. Но округлялись ея руки, ноги, приподнялись маленькія груди, глянцевитѣе и гуще стали волосы. Купаясь, она стала стыдиться своей наготы... Шестнадцатая весна! Скоро, скоро станетъ она невѣстой, будутъ пріѣзжать сваты къ отцу, узаконится ея право любить и выбирать... хотя, конечно, никогда, ни за кого въ свѣтѣ не выйдетъ она. Сестра сдѣлалась откровеннѣе съ нею, — это льстило ея самолюбію. Сестра открывала ей тайны любви, она ждала мужа и говорила, что никакъ не дождется его. Хотѣлось и Парашкѣ поговорить о себѣ, о своихъ думахъ, о своей истомѣ. Хотѣлось намекнуть, что и про Володю она знаетъ... Провожая сестру, она долго стояла на порогѣ. Пѣли пѣтухи—она слушала ихъ, закрывая глаза. Дремалъ сумеречный мартовскій туманъ надъ сѣрыми снѣгами полей — ей казалось, что уже слышно въ туманѣ волнующее карканье первыхъ грачей. Убѣгала въ туманъ, пропадала въ немъ зимняя навозная дорога—и влекла къ себѣ, тянула въ даль. Капали капели, куры стояли подъ ними, тоже дремали—и вдругъ начинали тревожиться, кудахтать сквозь дрему. Съ веселой, притворной яростью игралъ, взвивался на цѣпи подъ амбарами жарко дышавшій песъ... Рѣзко вздрогнувъ, она вбѣгала въ избу.

Но въ теплой избѣ только Володя дѣлилъ ея одиночество. Володя, жившій уже пятый годъ, былъ страшенъ и противенъ ей—съ того самаго вечера, когда Евгенія вышла къ нему. Но вѣдь она такъ часто оставалась наединѣ съ нимъ... Она знала, что никогда не рѣшится онъ тронуть ее, — отецъ убилъ бы его,—но вѣдь думала же она объ этомъ... И сладость тайныхъ думъ ея даже увеличивалась страхомъ и отвращеніемъ къ Володѣ. Онъ наружно былъ даже недуренъ,— пожилой, но стройный, легкій, какъ малый въ двадцать лѣтъ. Иногда она пыталась разговориться съ нимъ о чемъ-нибудь, не касающемся хозяйства, о селѣ, о дѣвкахъ, о ребятахъ. Онъ задумывался. Онъ бросалъ веревку, которую вилъ, сидя на конникѣ, вертѣлъ цыгарку. Сѣрое худое лицо его склонялось, прядь сѣрыхъ волосъ падала на узкій лобъ—онъ былъ красивъ. Но вотъ онъ открывалъ ротъ — и сразу превращался въ дурака. О чемъ бы она ни заводила рѣчь, онъ все сво-

дилъ на то, кто у кого живетъ въ работникахъ и, главное, сколько жалованья беретъ.

— Хорошую, хорошую залованью получаетъ, — бормоталъ онъ, и отъ бормотанья усы его дѣлались слюнявыми.

А когда дулъ южный весенній вѣтеръ, съѣдая таявшіе снѣга, и она дѣлалась красивѣе, тревожнѣе, онъ видѣлъ и чувствовалъ это. Онъ входилъ въ избу, какъ будто по дѣлу, вѣшалъ или снималъ оброть съ деревяннаго гвоздя въ стѣнѣ, нарочно мѣшкалъ, начиналъ шутками: „Гдѣ-й-то тутъ оброть покрѣпче, пора тебя обротать, къ бычку весть...“ Она странно и звонко смѣялась. Онъ проходилъ мимо, внимательно посматривая на нее. Она встрѣчала его глаза широко раскрытыми, ждущими глазами. Казалось—еще минута, и она будетъ въ его полной власти. Но, какъ только онъ протягивалъ руки, брови ея рѣзко вздрагивали, лицо искажалось и вспыхивало. Она вскакивала и съ той внезапной грубостью, которой такъ часто ошеломляютъ мужчинъ дѣвушки, звонко вскрикивала, хватаясь за что попало:

— Тронь только, всю морду расшибу! Батюшкѣ скажу, только на порогъ ступитъ! Духу твоего тутъ не останется, побирушка чортъ!

IV.

Пришла весна. Сѣрый снѣгъ съѣдали вѣтры и туманы, пѣгими стали мокрыя поля. Кончилась Страстная недѣля; настала Великая Суббота. Въ пасмурный вечеръ Парашка поѣхала съ отцомъ въ село, къ церкви, уже на телѣгѣ. Непріютно гудѣли голыя лозинки на окраинахъ села, изъ-за нихъ, въ невѣрномъ вечернемъ сумракѣ, глядѣли сине-бѣлесыя тучи, грозя дождемъ и снѣгомъ, дѣлая горизонты зловѣщими. Но въ ледяномъ вѣтрѣ, что̀ дулъ изъ-подъ тучъ, была весна, свѣжесть. Лицо Парашки горѣло и отъ вѣтра, и отъ румянъ, и отъ волненья, — отъ того, что она искупалась, надѣла все чистое, нарядилась и сѣла въ новую телѣгу рядомъ съ красивымъ, богатымъ отцомъ, который правилъ дорогой сытой лошадью.

На широкой улицѣ было грязно, лежалъ горбами ледъ. Вечеръ въ селѣ, на улицѣ, вдоль которой уже горѣли огни по избамъ, уютнымъ, но бѣднымъ и чужимъ, казался еще нелюдимѣе. Но и въ этихъ-рапнихъ огняхъ, и въ хлопьяхъ снѣга, которые внезапно погналъ вѣтеръ вдоль улицы, странно убѣляя ея грязь, ея темныя крыши,—во всемъ былъ весенній праздникъ. Жмурясь отъ снѣга, Парашка и Устинъ отвернулись, нагнули головы. Изрѣдка Парашка взглядывала испод-

любья—и сердце ея заходилось отъ непонятной радости при видѣ милаго отцовскаго лица, его тонкой кожи, помолодѣвшей отъ вѣтра, блестящей бороды въ крупныхъ снѣжинкахъ и мокрыхъ рѣсницъ... И вдругъ кто-то громко крикнулъ надъ ними:

— Ай ослѣпъ? Держи правѣе!

И, раскрывъ глаза, Парашка увидѣла высокую лошадь и телѣгу съ передкомъ, а въ телѣгѣ—поднявшаго воротъ чуйки и тоже отвернувшагося отъ вѣтра и снѣга мѣщанина. Онъ взглянулъ на нее—и она мгновенно признала его.

— Чего кричишь? — отвѣтилъ ему Устинъ веселымъ крикомъ.—Завтра праздникъ большой!

— Виноватъ, Устинъ Прокофичъ,—отозвался мѣщанинъ.—Ничего не видать...

И телѣги разъѣхались.

Долго помолчавъ, Парашка спокойно спросила:

— Ай ты его знаешь?

— Кто жъ его, плута, не знаетъ! — отвѣтилъ Устинъ.— Онъ у Бальмашева на хуторѣ жилъ, теперь свое дѣло затѣваетъ, кружится, какъ воръ, хочетъ въ селѣ лавку открывать...

Парашка оправила платье, запахнула лицо шалью, задержала дыханіе... Сердце ея колотилось, лицо стало серьезно. Эту неожиданную встрѣчу она приняла какъ должное, даже не удивилась ей: удивилась только легкости, съ которой неожиданно переломилась ея судьба.

А на Святой мѣщанинъ пріѣхалъ въ гости къ Устину. За три года онъ ничуть не измѣнился, только безпокойнѣе стали его горячіе глаза. И одежда на немъ была все та же, только чистъ былъ воротъ рубашки. Она узнала, что зовутъ его Никаномъ, изъ его разговоровъ съ отцомъ поняла, что онъ еще гадаетъ: не уѣхать ли „на низы“, въ Ростовъ, гдѣ кто-то нанимаетъ его. Онъ пилъ съ Устиномъ чай и водку. Устинъ хмелѣлъ; но онъ не мѣнялся, хотя пилъ больше Устина, и много говорилъ. Она не вникала въ то, что онъ говоритъ, слышала только звукъ его четкаго голоса. Не поднимая глазъ, она, набѣленная, нарумяненная, сидѣла въ углу и грызла подсолнухи, какъ бы не замѣчая гостя. Не замѣчалъ, или дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ, и онъ ее. Прощаясь, онъ протянулъ ей руку. Она не привыкла касаться чужихъ рукъ, подала ему свою неловко — и поблѣднѣла: и польстило ей это рукопожатіе, и обожгло стыдомъ, точно это было начало тайнаго сближенія ихъ.

Послѣ этого онъ долго не показывался. Она по цѣлымъ

днямъ стояла на порогѣ и нетерпѣливо, съ настойчивостью и требовательностью подростка, ждала его. Ей казалось, что онъ обязанъ, долженъ теперь пріѣзжать и продолжать то, что̀ началъ, хотя и понимала, что онъ ничего не начиналъ. „Какъ только онъ пріѣдетъ, — думала она, — повернусь и уйду, покажу, что не нуждаюсь имъ...“ Но прошелъ почти мѣсяцъ, завернули майскіе холода съ дождями — его все не было. Наканунѣ Николы она почему-то особенно ждала его, такъ томилась желаніемъ видѣть его, что, казалось, не можетъ не исполниться ея желаніе. Спать она легла рано и плакала такъ зло и горько, что смоклась вся подушка, но такъ беззвучно, что отецъ, спавшій въ двухъ шагахъ отъ нея, и не подозрѣвалъ о ея слезахъ. Онъ только слышалъ, что она перевертывалась, и порою спрашивалъ страннымъ и тревожнымъ голосомъ, что̀ это она не спитъ.

Утромъ отецъ уѣхалъ куда-то. Она увидѣла стекла, залитыя дождемъ, и почувствовала, что уже ничего не ждетъ, ничего не хочетъ, что просто ей пріятно вставать, прибирать избу, топить печь, заниматься обыденными дѣлами. Къ вечеру она нарядилась, воткнула два сухихъ василька въ косу, обвитую вокругъ головы, и вздумала поставить самоваръ.

Дождь пересталъ. Все было мокро — и зеленая дорога и зеленые хлѣба̀, за которыми влажно-синими стѣнами стояли тучи, на все бросая тѣнь свою. Самоваръ кипѣлъ, краснѣлъ рѣшеткой въ темныхъ сѣнцахъ. Она вышла изъ избы съ закопченнымъ чайникомъ въ рукѣ, напѣвая: „страшно итить къ суду Божьему, золотой вѣнецъ примать...“, и стала ждать, пока самоваръ раскипится еще больше. Со двора перешагнулъ порогъ Володя, свѣжо пахнущій дождемъ и затхло-мокрымъ армякомъ. Но только-что хотѣлъ онъ подойти къ ней, почуявъ, что сейчасъ она податлива, какъ возлѣ рамы двери показалась голова высокой лошади и чей-то бодрый голосъ остановилъ ее. Володя твердо прошелъ дальше, отворилъ дверку на варокъ и скрылся, а она замерла, не поднимая глазъ.

— Здорово! — смѣло сказалъ мѣщанинъ, появляясь на порогѣ. — Ловко попалъ, прямо подъ чай...

И, засмѣявшись, снялъ картузъ и отряхнулъ его. Черная поддевка лоснилась отъ дождя. Смуглое лицо, точно посыпанное порохомъ, было мокро.

Она не отвѣтила и вспыхнула: онъ говорилъ теперь совсѣмъ не тѣмъ тономъ, что̀ при отцѣ. Помолчалъ и онъ, — слышно было, какъ спросонья заворковали въ темномъ углу подъ крышей голуби, — потомъ подошелъ къ ней и, глядя на самоваръ, спросилъ:

— Отца нѣту?

— Нѣту,—отвѣтила она тихо, склоняя голову, на которой синѣли два цвѣточныхъ вѣнчика.

— Жалко,—сказалъ онъ и похлопалъ кнутомъ по своимъ широкимъ голенищамъ.—Такъ ты одна и спасаешься?

— Такъ и спасаюсь, — отвѣтила она, слабо улыбнувшись.

— Ну, да ничего, въ другой разъ заѣду,—сказалъ онъ.—Благо, придирка есть... Я прямо самъ не свой, какъ соскучился по тебѣ,—добавилъ онъ.

Она промолчала.

— Не вѣришь? — сказалъ онъ, осторожно обнимая ее. — А я правду говорю. Я въ тебя влюбился еще въ тотъ разъ, когда гуртъ гналъ. А увидалъ тебя въ селѣ, ослѣпъ отъ радости, чуть въ буераки не заѣхалъ. Я прямо почувствовалъ: быть роману промежду насъ, а не то мнѣ прямо пропадать!

— Я эти побаски слыхала,—съ трудомъ отвѣтила она.— Пусти, — безстрастно сказала она, локтемъ отводя его руку.

Но онъ не пустилъ, онъ зналъ, что еще не слыхала она этихъ побасокъ. Онъ крѣпче обнялъ ее и заговорилъ уже съ искренней горячностью:

— Дай Богъ мнѣ безъ покаянья помереть, если брешу! Не видать мнѣ отца-матери...

Она молчала. Ей казалось, что она вотъ-вотъ упадетъ. Онъ воровски оглянулся, нагнулъ голову, нашелъ ея губы и откинулъ ея лицо назадъ. И у него и у нея перехватило дыханіе отъ этого насильственнаго и долгаго поцѣлуя. Потомъ онъ съ притворнымъ отчаяніемъ махнулъ рукой и пошелъ къ порогу.

— Ну, теперь шабашъ мнѣ! — сказалъ онъ, садясь въ телѣгу.—Потерялъ я свой спокой навѣки...

И шибко погналъ высокую лошадь по ярко-зеленой травѣ, на тучу, тѣнь которой уже мѣшалась съ сумерками.

Скоро онъ скрылся за переваломъ, и стало такъ тихо, что какъ будто въ двухъ шагахъ раздавался бой перепеловъ, перекликавшихся въ самыхъ дальнихъ хлѣбахъ, за чуть синѣвшимъ лѣскомъ.

V.

Онъ заѣзжалъ еще раза два, но все не вѣ-время: Устинъ былъ дома. И она притворялась, что не замѣчаетъ его, пока онъ дѣловито болталъ съ Устиномъ. Отъ напраснаго желанія увидѣть его хоть на минуту глазъ на глазъ она ходила какъ пьяная.

Вернулся солдатъ, мужъ Евгеніи. Съ женой, съ отцомъ и

съ мачехой онъ пріѣхалъ Петровками въ гости къ Устину на толстой, низкой соловой лошади, въ новой телѣгѣ, крытой новыми войлоками и по колесамъ облитой свѣжимъ коричневымъ дегтемъ. Отецъ солдата, коротконогій мужикъ въ черной бородѣ съ сѣдиной возлѣ рта, странно-веселый человѣкъ, не стыдясь женатаго сына, женился въ третій разъ, на хромой бабѣ съ дерзкими глазами и острыми дѣвичьими грудями. И всѣмъ было неловко за него, да и самъ онъ былъ веселъ и разговорчивъ, вѣрно, отъ неловкости. Отъ неловкости неумѣренно пили за обѣдомъ. Ѣли тоже неумѣренно, угощая другъ друга съ излишней настойчивостью, говорили безъ толку, чаще всего загадками, намеками и пословицами. Парашка весь обѣдъ боялась, что вотъ-вотъ разразится ссора. Всѣ быстро захмелѣли, кромѣ Евгеніи, которая только блѣднѣла отъ водки и грубо, властно вырывала стаканы у своего пьянаго солдата, притворявшагося злобнымъ и серьезнымъ. Съ губъ Устина не сходила ядовитая усмѣшка, когда онъ вполголоса, но твердо, перебивая все объяснявшагося ему въ любви солдатова отца, говорилъ ему пословицы и загадки, намекая на безстыдство троеженцевъ. Хромая была дерзка и криклива, она тоже такъ и сыпала пословицами, обрѣзая Устина. Володя пытался перевести безпорядочный и тревожный разговоръ на свое любимое, на бесѣду о работникахъ, о жалованіи. Его никто не слушалъ. Онъ непріятно раскраснѣлся, сталъ со слезами кричать пѣсни. Устинъ молча взялъ его за плечи, подвелъ къ двери и вытолкнулъ вонъ. Онъ ушелъ на варокъ и, свалившись въ сани, заснулъ мертвымъ сномъ. У Парашки, измученной ожиданіемъ ссоры, какъ отъ угара замирало сердце.

Послѣ обѣда пили чай и водку передъ избою, въ тѣни, на зеленой травѣ. Потерявъ во хмелю всякій стыдъ, отецъ солдата, шатаясь, принесъ изъ своей телѣги гармонію, сталъ совать ее въ руки солдату, требуя, чтобы онъ игралъ плясовую. Солдатъ, съ помутившимися глазами, въ разстегнутомъ мундирѣ, сидѣлъ на скамьѣ возлѣ стола и раскачивался, каждую минуту готовый упасть. Онъ долго не понималъ, чего требуетъ отецъ. Наконецъ понялъ и бѣшено, отрывисто задергалъ „кабы курочка бычка родила“... Троеженецъ подсунулъ руки подъ черный армякъ за спину, присѣлъ, раскорячился, забилъ сапогами въ землю. Ударивъ въ ладоши, сдѣлала передъ нимъ выходку хромая и затрясла козьими грудями. Лицо Евгеніи окаменѣло отъ сонной злобы. Устинъ облокотился на столъ, запустивъ тонкіе пальцы въ свои бронзовые завитки, стиснувъ зубы. Въ углахъ его губъ такъ и

застыла ядовитая усмѣшка. Сумрачнымъ весельемъ играли его глаза.

— Дочка! Поди сюда!—крикнулъ онъ строго, не въ ладъ со словами сдвигая брови.—Поди, поцѣлуй меня!

— Ты пьяный,—отвѣтила Парашка.—Глаза бъ мои на тебя не глядѣли!

Губы ея задрожали. Она повернулась и ушла за избу. За избой слѣпило низко опустившееся солнце. Блеснувъ крыльями, съ дубковъ слетѣли, пали въ рожь, въ неглубокіе лужки, заросшіе цвѣтами, двѣ горлинки... Какъ тихо было тутъ послѣ гама пьяныхъ! Просторъ хлѣбныхъ полей былъ къ закату неоглядный, золотой, счастливый... Парашка сѣла на межу и дала полную волю слезамъ.

Наплакавшись, она рѣшила вернуться къ избѣ и, съ помощью сестры, прекратить это безобразіе—растащить пьяныхъ, убрать водку, самоваръ. Была уже ночь—свѣтлая, странная. Высоко на небѣ громоздились огромныя матовыя облака—небо казалось больше и величественнѣе, больше и зеркальнѣе казалась и высокая луна, сіявшая среди нихъ. По широкой дорогѣ, по хлѣбамъ пятнами проходили тѣни. Грядка телѣги, стоявшей передъ избою, и солома въ ней серебрились. Въ телѣгѣ лежалъ отецъ солдата—боролся и ссорился съ пьяной женой. У стола валялась опрокинутая скамейка. Самоваръ блестѣлъ мѣднымъ бокомъ, тускло блестѣла лужа на столѣ: кто-то выдернулъ кранъ изъ самовара. Подъ навѣсомъ амбара, какъ будто радуясь то сіявшей, то таявшей лунѣ, игралъ, взвивался и давился на цѣпи жарко дышавшій песъ. Парашка заглянула въ избу. Солдатъ сидѣлъ за столомъ, близко придвинувъ къ себѣ лампочку, облокотясь на обѣ руки и положивъ въ нихъ ошалѣвшую голову. Онъ что-то бормоталъ. Мухи сонно и угрюмо шумѣли въ рѣшётахъ и ситахъ, развѣшанныхъ на стѣнѣ возлѣ печи. А солдатъ что-то кому-то разсказывалъ, хвастался, что онъ, въ силу своего значенія, „присвоитъ“ къ какому-то барину какого-то Якова Ивановича. И некстати прибавлялъ:

— Теперь шабашъ, теперь Россія никуда... А раньше у насъ золото какъ рыбья шелуха валялась!

Но гдѣ отецъ, Евгенія? Парашка повернулась, вышла въ сѣнцы, на порогъ. Высокая теплая луна ярко сіяла среди матовыхъ облачныхъ громадъ. Противъ порога стоялъ, держа въ одной рукѣ поводъ, въ другой кнутъ, мѣщанинъ, сзади него—его высокая лошадь подъ сѣдломъ. Лицо его отъ яснаго свѣта мѣняло выраженіе.

— Отецъ твой совсѣмъ готовъ, на девятомъ обручѣ,—съ

усмѣшкой сказалъ онъ онѣмѣвшей отъ страха Парашкѣ.— Сейчасъ встрѣтилъ во ржахъ: пьянъ хоть выжми, буровитъ— „въ село иду“, а Евгенія его назадъ тащитъ...

Парашка молчала. Онъ бросилъ поводъ, взялъ ея ледяную руку въ свою, горячую и крѣпкую, втянулъ ее въ темныя сѣнцы. Она вошла, упираясь. Онъ прижалъ ее, тупо глядѣвшую черезъ его плечо на дымно-зеленую полосу луннаго свѣта, падавшую сквозь дыру крыши въ темноту, притиснулъ къ холодной каменной стѣнѣ и сталъ цѣловать ея лицо, приговаривая:

— Погоди, за ради Бога погоди... „Энтихъ нѣту уже день, что̀ летѣли стрѣлой, что̀ любовью насъ жгли, что̀ палили огнемъ“... Я памяти по тебѣ лишился! Увезу тебя въ Ростовъ, повѣнчаюсь тамъ съ тобой, вдаримся мы въ степь, на Кавказъ,—на однихъ лошадяхъ тысячи наживемъ... Лучше всякой модистки будешь наряжена!

Она вспомнила его такимъ, какимъ увидала впервые,— среди овецъ и собакъ, на старомъ, тавреномъ киргизѣ,— обняла его за шею одной рукой, вся задрожала отъ счастья и нѣжности, спрятала лицо на его груди. Потомъ рѣшительно, порывисто обняла его обѣими руками, притворяясь страстной. И онъ понялъ ее. Ей стало больно, гадко, захотѣлось дико закричать... Но она подавила въ себѣ этотъ крикъ отъ стыда, что онъ сочтетъ ее дѣвчонкой, что обнаружится, что она хотѣла только поиграть въ любовницу.

VI.

Придя въ себя, она долго сидѣла въ этомъ темномъ углу на соломѣ. Мѣщанинъ пытался цѣловать ее, что-то торопливо говорилъ. Она оттолкнула его, замотала головой, показывая, что не слушаетъ. Онъ воровски выглянулъ изъ сѣнецъ, быстро сказалъ, что пріѣдетъ завтра ночью, что она должна выйти къ нему подъ дубки за избой, что у него есть большое дѣло къ ней... „Приду, приду“,—отвѣтила она. „Смотри же, не обмани“,—сказалъ онъ неестественно, поняв, что она не придетъ. Слышно было, какъ звякнулъ онъ стременемъ, поднимаясь на сѣдло, какъ затопталась на мѣстѣ и тронула лошадь... Она то глядѣла на полосу луннаго свѣта, то опускала глаза.

Когда мѣщанинъ, обернувшись, сказалъ ей: „смотри же, не обмани“,—она вдругъ увидала въ окошечкѣ, пробитомъ въ дверкѣ на варокъ, шапку и лицо Володи. Это было такъ страшно, какъ если бы сама смерть заглянула въ сѣнцы. „Да теперь все равно!“—подумала она. Володя скрылся. Сердце ея билось такъ сильно, что трудно было дышать.

Высоко поднимая и опуская грудь, она прижимала къ нему руки. Но все это не мѣшало ясности мысли. А мысль была проста: она пропала! и такъ страшно, неожиданно, какъ бываетъ это только во снѣ!

Нѣсколько дней послѣ праздника Устинъ хмурился: стыдно, дюже напился. А она изнемогала отъ слабости, разбитости во всемъ тѣлѣ и желанія лежать съ утра до вечера. Но нужно было ходить, быть бодрой и покойной, даже шутить за обѣдомъ съ отцомъ и съ Володей. Думала же она съ утра до вечера все одно и то же.

Устинъ уѣзжалъ и пріѣзжалъ. Казалось, что, посиди онъ дома, никуда не спѣши, не волнуй ее своими отъѣздами и пріѣздами, она бы пришла въ себя и выдумала бы какой-нибудь исходъ, какое-нибудь подобіе спасенія. Было страшно, что онъ, посидѣвъ дома и приглядѣвшись къ ней, все пойметь; но и хотѣлось, остро хотѣлось порою, чтобы онъ понялъ: тогда бы само собой какъ-нибудь развязалось все это. Казалось, что будь дождливо, сумрачно, было бы легче. Но настали дни свѣтлые, знойные и безконечно-долгіе; близилась рабочая пора, стали поспѣвать, желтѣть моря отяжелѣвшихъ и подсохшихъ хлѣбовъ,—и некуда было скрыться отъ свѣта и зноя. Послѣ того нечаяннаго праздника, что нарушилъ будни на хуторѣ, хуторъ сталъ какъ будто еще молчаливѣе. И напряженная тишина стояла вокругъ него въ желтыхъ и свѣтлыхъ поляхъ.

Она по цѣлымъ днямъ сидѣла на лавкѣ возлѣ стола въ жаркой и пустой избѣ, глядя на несмѣтныхъ мухъ и мельчайшихъ новыхъ мушекъ на горячихъ мутныхъ стеклахъ. Володя ничего не дѣлалъ, но, какъ всегда, имѣлъ озабоченный видъ, отыскивалъ какія-то пустяковыя занятія и рѣдко входилъ въ избу. А входя, былъ простъ, какъ будто ничего не случилось, только прекратилъ любовныя попытки. Что это значило? Вѣрно, онъ ждалъ какой-то удобной минуты и надѣялся, что теперь уже не дастъ промаху. И Парашка горько усмѣхалась: вотъ дуракъ! Взялъ бы лучше да разсказалъ отцу все, что видѣлъ!

Однажды въ полдень, когда въ мягкомъ свѣтоносномъ блескѣ млѣли въ высокомъ млѣющемъ небѣ, надъ хлѣбами и нагрѣтой пыльной дорогой, чуть видныя сіяющія облака, возлѣ амбара остановилась пара лошадей. Въ телѣжкѣ сидѣла полная барыня, которая, какъ знала Парашка, много была должна Устину. Видъ у нея былъ усталый, озабоченный, на сѣромъ лицѣ и на крыльяхъ носа—пыль. Она, задумчиво говоря все одно и то же, выражая сожалѣніе, что не застала

Устина, томительно-долго не уѣзжала. Кучеръ исподлобья глядѣлъ на пристяжную, которая зубомъ чесала свою отставленную ногу, барыня—не то въ землю, не то себѣ въ переносицу. Потомъ, прищурившись, стала разсматривать похудѣвшее лицо Парашки, ея позеленѣвшіе прозрачные глаза.

— Ты здорова?—спросила она вдругъ подозрительно.

Парашка твердо и просто отвѣтила, что здорова; но, когда барыня уѣхала, съ часъ смотрѣлась въ зеркало, сидя на лавкѣ возлѣ окна, поражалась своимъ сходствомъ съ отцомъ и замирала отъ страха. Она очень измѣнилась, это ребенокъ могъ замѣтить,—какъ же не замѣчалъ отецъ? Но вотъ-вотъ и онъ замѣтитъ: сразу поймете все, что случилось,—и что тогда?

Думая, она охватила всю свою недолгую жизнь. Оказалось, что она даже и не подозрѣвала прежде, въ какомъ навожденіи жила она, какъ много думала все объ одномъ и томъ же, сколько смутныхъ, плѣнительныхъ картинъ какихъ-то дальнихъ, счастливыхъ городовъ, степей и дорогъ дали ей думы, какъ нѣжно любила она кого-то... Сдѣлавъ свое страшное дѣло, Никаноръ убилъ и ее и себя. Онъ, этотъ коротконогій воръ, вдругъ сталъ живымъ, настоящимъ—и ненавистнымъ ей. Не могла любить и никогда не любила она его! Теперь безъ стыда, отвращенія и отчаянія нельзя было вспомнить объ этомъ человѣкѣ. Сбылось предсказаніе страшнаго босяка! Она чувствовала себя какъ бы зараженной какой-то постыдной, неизлѣчимой болѣзнью и навѣки отдѣленной отъ отца бездоннымъ проваломъ.

Но, думая, тихо плача, снимая съ головы платокъ и разглаживая его, она, незамѣтно для самой себя, давала волю сердцу—и мысли ея туманились. Она вспоминала, какъ любила, ждала кого-то,—и любовь эта возвращалась, и она не могла найти себѣ мѣста отъ тоски по прошлому, отъ жалости къ себѣ, отъ нѣжности къ тому, кого она, казалось, такъ долго любила. Она думала объ отцѣ, которому говорила когда-то: „я вся наружи передъ тобою", и готова была закричать, вскочить въ холодную половину, гдѣ онъ жилъ, почевалъ, отдыхалъ послѣ обѣда, и кинуться ему подъ ноги, чтобы онъ истопталъ, убилъ ее сапогами, лишь бы утолилась ея мука о невозвратномъ, прежнемъ времени. „Для тебя, дочка, для тебя одной"—вспоминала она нѣжныя слова его и плакала, изнемогая отъ сладострастія горя и слезъ.

Но вотъ разъ вечеромъ Устинъ съ Володей поѣхали въ село, повезли отбивать косы. Вечеръ былъ ясный, покойный, равнины спѣлыхъ ржей за блестящей въ вечернемъ свѣтѣ муравой по большой дорогѣ розово желтѣли; черныя стѣль-

чатыя касатки, мелькая розовыми грудками, проносились мимо открытаго окна, у котораго сидѣла Парашка. Вдругъ на опушкѣ хлѣбовъ, во ржи за дорогой, выросла короткая фигура Никанора: онъ, видно, давно сидѣлъ въ хлѣбахъ, прятался и вдругъ всталъ, выпрямился. Она въ ужасѣ отшатнулась отъ окна. А онъ быстро пересѣкъ сухія колеи и вошелъ въ избу.

— Здравствуй,—сказалъ онъ негромко, останавливаясь у порога.—Никого нѣту?

— Никого,—отвѣтила Парашка, чуть шевельнувъ поблѣднѣвшими губами.

— Дѣло есть. Пойдемъ за избу, подъ дубки.

Онъ говорилъ, какъ мужъ, какъ близкій, какъ власть имѣющій, какъ человѣкъ, съ которымъ у нея уже есть нерушимая связь и тайна. Она поняла и то, что не за однимъ дѣломъ зоветъ онъ ее. И вдругъ сладко и жутко захолонуло сердце отъ властной простоты его приказанія, отъ предчувствія, что сейчасъ опять будетъ то, что̀ показалось ей первый разъ такимъ ужаснымъ. Сладкое головокруженіе вызвало даже сознаніе преступности, какой-то противоестественности того, что̀ сейчасъ будетъ, и той покорности, съ которой она, какъ настоящая любовница, должна встать и итти за нимъ. И она молча встала, пошла—и отдалась ему уже съ неподдѣльной страстью.

Потомъ онъ твердо, кратко, оглядываясь, сказалъ ей, зачѣмъ онъ пришелъ: она должна помочь ему свести съ отцовскаго двора двухъ кобылъ и бѣжать съ нимъ въ Ростовъ. Она не удивилась и спокойно отвѣтила, не поднимая глазъ:

— Хорошо.

Солнце опускалось за усатыми колосьями, среди которыхъ они сидѣли на межѣ, и осыпало остинки колосьевъ золотистой пылью. Отъ большой дороги, съ юго-востока, чуть тянуло мягкимъ вѣтромъ, особымъ вѣтромъ близкаго іюля, рабочей поры, когда такъ ровна и матова сухая синева неба и мягко жужжали сухія жесткія подкрылія опускающихся на колосья и качающихся на нихъ рыжихъ хлѣбныхъ жучковъ.

Не вѣря ни одному слову Никанора, Парашка, ослабѣвшая послѣ страстнаго потрясенія, затихшая, съ опущенными глазами, опять мечтала о какой-то счастливой, далекой странѣ—о той, гдѣ юго-восточный небосклонъ, съ дѣтства манившій ее непонятной прелестью своихъ красокъ, своей загадочной далью...

VII.

Никаноръ сказалъ такъ: ровно черезъ недѣлю Устинъ уѣдетъ въ ночь на Тихвинскую ярмарку, возьметъ и Володю съ собой, а вернется только позднимъ вечеромъ; все это онъ, Никаноръ, доподлинно знаетъ, такъ какъ обѣщалъ Устину тоже быть на ярмаркѣ и помочь ему продать жеребца. Значитъ, въ обѣды, когда ни души не будетъ въ поляхъ, можно спокойно вывести кобылъ со двора, привязать ихъ къ телѣгѣ и гнать что̀ есть духу по проселкамъ, особенно глухимъ предъ рабочей порой, въ сторону Лебедяни. Ночуютъ они въ такихъ артебахъ, въ такихъ заповѣдныхъ логахъ среди хлѣбовъ, куда ни одинъ чортъ не заглянетъ. Чѣмъ свѣтъ — дальше. А въ Лебедяни есть вѣрный, золотой человѣкъ: ему-то они и сбудутъ кобылъ за три, за четыре сотни, и составится тогда у нихъ больше пятисотъ рублей, на которые они и до Ростова добьются, и дѣло начнутъ, давно уже обдуманное.

— А какое?—спросила Парашка.

Никаноръ съ усмѣшкой сдвинулъ ей платокъ на лицо.

— Ну, ты по этой части еще тупорыла,—сказалъ онъ.

Парашка поправила платокъ.

— Лучше бы ночью,—сказала она серьезно.

— Да что̀ ты!—насмѣшливо сказалъ Никаноръ, дѣлая папиросу изъ газетной бумаги.

И вздохнулъ:

— Никакъ, дѣвка, не выходитъ. Ужъ слушай мое готовое.

— А скорѣй нельзя?—спросила Парашка, разглядывая свои маленькія бѣлыя ноги.

— Скоро дѣлаютъ, слѣпыхъ рожаютъ.

Она помолчала, и въ сердцѣ у нея опять задрожала злоба противъ него. Ждать цѣлую недѣлю! Какъ онъ не чуетъ ея мýки! Ахъ, да не лучше ли взять да повѣситься вотъ на этомъ дубкѣ?—подумала она безъ словъ и стала крѣпко кусать губы, удерживать дрожь мускуловъ на лицѣ, но не выдержала и заплакала.

— О чемъ ты?—спросилъ удивленный Никаноръ.

Она не отвѣтила и заплакала пуще.

— Тебѣ говорю, ай нѣтъ?—грубо крикнулъ Никаноръ.

— Отстань!—крикнула она въ отвѣтъ съ такой ненавистью и бѣшенствомъ, что Никаноръ даже отодвинулся отъ нея.

— Ну, буди, буди,—сказалъ онъ смущенно.—Давай лучше объ дѣлу-то поговоримъ...

И она опять стихла, опять отупѣла.

Цѣлую недѣлю, до самой Тихвинской. Устинъ, какъ на-

рочно, сидѣлъ дома. Приходила Евгенія — жаловаться на своего солдата, оказавшагося послѣ службы совсѣмъ дуракомъ и пьяницей, и на свою хромую свекровь, злую и распутную, помыкавшую свекромъ. Но Парашка не смутилась даже Евгеніи. Она уже ничего не думала, ничего не чувствовала—тупость, овладѣвшая ею, давала ей безстыдное спокойствіе. Она даже загадочно и пристально поглядывала на Володю, какъ бы говоря: „Ты молчи о томъ, что̀ знаешь,—будетъ и тебѣ кое-что“... И онъ, казалось, понималъ ее, онъ молчалъ. Злоба и отвращеніе къ Никанору не проходили, но воспоминаніе о томъ, что̀ было въ послѣдній разъ подъ дубками, сладостно отнимало руки, ноги, при мысли о бѣгствѣ,—въ которое она все-таки плохо вѣрила, чувствуя невозможность разлуки съ отцомъ,—кололо въ сердце. Спала она эту недѣлю очень много—и днемъ и ночью. Просыпаясь, вскакивала, пораженная мыслью о томъ, что̀ вотъ-вотъ предстоитъ ей.

Наконецъ пришла послѣдняя ночь.

Эта ночь была точь въ точь такая же, какъ та, когда пылалъ костеръ за большой дорогой. Такъ же, какъ тогда, лежала она въ темной избѣ, видѣла въ окно ночное небо въ блѣдныхъ звѣздахъ... И такъ же, какъ тогда, что-то горячо говорилъ подъ окномъ отецъ... Ново было только то, что теперь Парашка чувствовала себя женщиной,—о, какъ страшно было это чувство!—что какъ ледъ холодны были руки и ноги у нея, что дрожало мелкой дрожью сердце, чужое ей, а пустая, какая-то просторная голова напрасно пыталась поймать и задержать хоть единую мысль. Внезапно привставъ, она вынула лѣвую грудь и сквозь сумракъ долго силилась разсмотрѣть ее: не потемнѣла ли она? Вдругъ дверь избы безшумно распахнулась.

— Дочка! Спишь?—негромко спросилъ отецъ, останавливаясь у порога.

— Нѣтъ...—съ трудомъ пробормотала она, поспѣшно пряча грудь.

Но онъ не замѣтилъ страннаго звука ея голоса—и двинулся къ нарамъ, на которыхъ она лежала. Найдя ее въ темнотѣ, онъ сѣлъ возлѣ нея и положилъ на ея полуобнаженное плечо руку. Рука его дрожала.

— Дочка, что̀ съ тобою? — тихо и таинственно сказалъ онъ, наклоняясь къ ея лицу, — и она почувствовала его бороду, тепло его пріятнаго дыханія и пріятный, хлѣбный запахъ водки.—Ты не таись,—еще тише сказалъ онъ, обнимая ее и царапая плечо сермягой поддевки.—Дѣло твое молодое, горячее...

Сердце ея затрепетало. „Батюшка!—со слезами хотѣла крикнуть она—и однимъ крикомъ этимъ выразить всю свою мѵ̀ку и безпомощность.—Батюшка,—хотѣла она сказать,—онъ погубилъ, опоганилъ меня, я не его, я не знаю, кого люблю, а тебя въ свѣтѣ ни на кого не промѣняю...“ Но онъ еще ближе прижался къ ней и вдругъ зашепталъ совсѣмъ на иной ладъ, заискивающе, слащаво, путаясь:

— А гостинчика, обновочки хочется? Я въ городъ, на ярманку ѣду сейчасъ — что̀ тебѣ купить? А? Говори-ка скорѣй, не бойся...

И дрожащей рукой скользнулъ по ея спинѣ. И, пораженная, она такъ рванулась изъ-подъ него, что онъ чуть не упалъ съ лавки. Вскочивъ на ноги, она забилась въ уголъ, протянула впередъ руки, а онъ отступилъ и забормоталъ:

— Что̀ ты? Что̀ ты? Да ты что̀ подумала-то?

— Уйди, — едва слышно выговорила она, чувствуя свои оледянѣвшія губы. И въ радостномъ изумленіи, въ свѣтломъ восторгѣ изступленія, отчаянія, подумала:

„А-а! Такъ вотъ оно что̀!“

Онъ постоялъ и вышелъ. Она слышала его неестественно-звонкій голосъ на дворѣ, слышала скрипъ телѣги, окрики на привязаннаго къ ней и шарахавшагося жеребца, слышала, какъ они съ Володей сѣли и тронулись... Съ кошачьей зоркостью глядя въ темноту избы, ставшую какъ будто прозрачной, и на блѣдныя звѣзды небосклона, виднаго въ открытое окно, она долго стояла на нарахъ въ глубокой тишинѣ степной ночи, обступившей ее со всѣхъ сторонъ. Потомъ осторожно легла и сразу заснула...

А день насталъ глухой, палящій, ослѣпительный, хотя блестящіе горизонты были отъ зноя мутны и бѣлесы. Она очнулась чуть не передъ обѣдами. Солнце било въ тусклыя, засиженныя мухами окна, наполняло избу жаромъ и свѣтомъ. Заспанная, не умываясь, съ тупой и тяжелой головой, она босикомъ выскочила на порогъ, подъ солнце, стоявшее уже очень высоко, и сухой жаръ такъ и облилъ ее всю. Море спѣлыхъ хлѣбовъ какъ будто сдвинулось, тѣснѣе обступило и дворъ и дорогу, тускло блестѣвшую глубокой пылью. И этотъ песочный цвѣтъ хлѣбовъ, низко склонившихъ тяжелые колосья и застывшихъ въ тишинѣ, въ густомъ горячемъ воздухѣ, давалъ впечатлѣніе отчаянной духоты.

Она растерянно оглянулась и попыталась вспомнить: что̀ это она должна сдѣлать сейчасъ? Вчера ночью, послѣ ухода отца, показалось, что все сразу стало яснымъ, понятнымъ и рѣшеннымъ. А теперь она никакъ не могла вспомнить, что̀

именно и какъ было рѣшено. То, что за нею сейчасъ пріѣдутъ, и что надо будетъ послѣ этого поскорѣе уѣзжать, скрываться, она твердо помнила. Но какъ же это она не простилась съ отцомъ, не сказала ему того, что̀ придумала ночью и что̀ надо сказать? Правда, послѣ вчерашняго, съ отцомъ можно было и не прощаться и ничего не говорить, но какъ же она не подумала, что̀ взять съ собою, ничего не собрала, не умылась, не обулась? Безпорядочно и тупо думая, она стояла на зноѣ съ открытой головой, держала руки подъ мышками, чувствовала жаръ на своихъ открытыхъ плечахъ, касалась босой ногой горячаго камня у порога. Бѣлый песъ съ высунутымъ языкомъ лежалъ въ короткой тѣни подъ амбарами. Она со страхомъ глядѣла то на него, то на хлѣба, на проселокъ...

И вдругъ во ржахъ, на тускло-серебристомъ небосклонѣ, появилась дуга и высокая худая лошадь. Никаноръ сидѣлъ на грядкѣ телѣги, сдвинувъ на затылокъ бѣлый картузъ, и усердно дергалъ вожжи. Рысью, поднимая пыль, перерѣзалъ онъ большакъ и, гремя, подкатилъ къ самому порогу. Глаза у него были расширены, черное отъ загара лицо все въ поту, видъ странный, какъ будто удивленный.

— Что̀ же ты?—быстрымъ шопотомъ спросилъ онъ, соскакивая съ телѣги и не замѣчая, что Парашка разута и почти раздѣта.—Все готово? Уѣхали?

Она, не отвѣчая, дико глянула на него, спрыгнула съ порога, блеснувъ голыми ногами, и направилась прямо къ воротамъ, на варокъ. Навалившись на нихъ плечомъ и чувствуя, что и ворота горячи отъ солнца, она со скрипомъ распахнула обѣ половинки. По глубокому пересохшему навозу она пошла къ темному деннику, гдѣ стояли кобылы. Никаноръ въѣхалъ за ней, сдѣлалъ кругъ, бормоча: — „да что̀ жъ ты не одѣлась-то?“—и повернулъ лошадь къ воротамъ. На двери денника висѣлъ большой замо̀къ. Парашка обернулась.

— Ключа у меня нѣту,—сказала она, глядя на Никанора большими, стоячими, прозрачно-зелеными глазами.

Никаноръ оглянулся, увидалъ голышъ, на которомъ точили топоры, схватилъ его въ обѣ руки и съ навѣсу стукнулъ по замку. Замокъ отвалился вмѣстѣ съ петлей — и Парашка, не давъ ему упасть, подхватила и крѣпко зажала его въ своей маленькой загорѣлой рукѣ. Еще больше сдвинувъ на затылокъ свой бѣлый картузъ, мокрый отъ пота, Никаноръ, съ тяжелой оброть̀ю въ рукѣ, вошелъ въ денникъ и склонилъ голову къ плечу, вглядываясь въ сумракъ гдѣ, от-

шатнувшись, изогнулась и прижалась къ стѣнѣ гнѣдая кобыла, красавица съ лиловыми глазами. Парашка, сдѣлавъ большой шагъ, неумѣло, но изо всей силы ударила его въ високъ замкомъ. Онъ коротко споткнулся и упалъ, ткнулся головой въ навозъ. Парашка подскакнула, какъ стрѣла метнулась вонъ изъ денника и понеслась къ воротамъ. Лошадь Никанора, стоявшая у воротъ, всхрапнула—и вмѣстѣ съ нею вылетѣла на дорогу. Пыля и гремя телѣгой, она подхватила въ одну сторону, къ городу, въ бѣлесую блестящую даль за переваломъ, а Парашка—въ другую, черезъ дорогу, ко ржамъ. На бѣгу обернувшись, она вдругъ остановилась: изъ воротъ выскочилъ, безъ картуза, весь облитый по лицу и по рубашкѣ алой кровью, Никаноръ и, почти падая, ударился догонять свою обезумѣвшую лошадь. Парашка взвизгнула и нырнула въ душную гущу колосьевъ.

Многіе, что ѣхали въ этотъ день по проселкамъ, видѣли ее, быстро бѣжавшую цѣликомъ, безъ дорогъ, по хлѣбамъ. Порою она присѣдала, выглядывала—и опять бѣжала, мелькая среди желтыхъ колосьевъ бѣлой сорочкой и раскрытой головой.

Поймали ее далеко за городомъ, только черезъ пять дней. И, отбиваясь, она проявила страшную силу, искусала трехъ мужиковъ, крутившихъ ей руки новой вожжевкой.

Анакапри. III. 1913.

СВЯТЫЕ.

Домъ былъ полонъ гостей,—гости бывали въ Мордвесѣ часто и гостили подолгу,—свѣтлая морозная ночь сверкала звѣздами за мелкими стеклами старинныхъ оконъ. Къ кафельнымъ печкамъ подойти было нельзя,—такъ накалили ихъ. По всѣмъ комнатамъ горѣли праздничныя лампы, въ самой дальней, диванной, даже люстра, мягко игравшая хрусталемъ, смугло-золотистымъ отъ времени. Въ гостиной сдавали на трехъ зеленыхъ столахъ, за высокими канделябрами, въ блескѣ свѣчей. Въ залѣ столъ былъ уставленъ закусками, посудой и разноцвѣтными графинами: гости то и дѣло со смѣхомъ выходили изъ гостиной, наливали рюмки, чокались и, потыкавъ вилками, возвращались къ картамъ. Въ буфетной кипѣлъ ведерный самоваръ: старикъ-буфетчикъ волновался, ссорился съ Агаѳьей Петровной, шипѣлъ и замахивался серебряной ложкой на Устю, накладывая граненыя вазы вареньемъ, наливалъ стаканы чернымъ чаемъ и посылалъ подносы въ гостиную. Вся лакейская была завалена хорошо пахнувшими шубами, шапками и лисьими поддевками... А тамъ, въ дядиныхъ комнатахъ, сидѣлъ Арсеничъ.

Дѣти заходили и въ лакейскую и въ буфетную, стояли возлѣ играющихъ въ гостиной; отъ-нечего-дѣлать таскали со стола въ залѣ кружочки колбасы, смотрѣли въ нижнія стекла: видно было глубокое небо въ рѣдкихъ острыхъ звѣздахъ, снѣгъ, солью сверкавшій подъ луною, длинная волнистая тѣнь дыма изъ поварской; а дальше, за бѣлыми лугами—высокіе косогоры, густо поросшіе темнымъ хвойнымъ лѣсомъ, сказочно посеребреннымъ сверху. Подражая гостямъ, дѣти говорили другъ другу „вы“.

— Мить, а Мить,—сказалъ застѣнчивый Вадя, наглядѣвшись въ окно:—а вы нынче пойдете къ Арсеничу?

— А вы?—спросилъ Митя, какъ всегда, очень строго.— Я непремѣнно пойду.

И, оглянувшись на гостиную, на буфетную,—ходить къ Арсеничу запрещалось, потому что у него было очень холодно,—дѣти медленно, какъ будто гуляя, перешли залъ и вдругъ быстро шмыгнули за небольшую дверку возлѣ печки въ углу—въ тѣ необитаемыя комнаты, гдѣ жилъ и умеръ дядя-охотникъ и гдѣ теперь гостилъ Арсеничъ, раза два-три въ годъ приходившій повидать своихъ господъ.

Домъ жилъ своей жизнью, веселой, праздничной, эти комнаты своей—бѣдной, всѣмъ чужой. Но Арсеничъ наслаждался своей близостью къ той, первой. Два-три раза въ годъ,—и всегда зимой, при гостяхъ,—барынѣ докладывали, что онъ стоитъ у крыльца. Она приказывала сказать ему, чтобы онъ шелъ въ дядины комнаты, и Агаѳья Петровна посылала ему самоваръ, колбасы, бѣлаго хлѣба, графинчикъ водки. Арсеничъ, сидя весь день одинъ-одинешенекъ, пилъ чай, курилъ, сладко плакалъ и поздно ночью,—непремѣнно вмѣстѣ съ господами,—укладывался, усталый и растроганный, на соломѣ возлѣ печки. Проживъ такъ съ недѣлю, насмотрѣвшись съ задняго крыльца, какъ разъѣзжаются гости, онъ искалъ случая увидать барыню и, накланявшись ей, нѣсколько разъ, поймавъ ея руку для поцѣлуя, удалялся на деревню, на свою квартиру у мужика. Это и называлось—повидаться со своими старыми господами.

Дядиныхъ комнатъ было всего двѣ. Теперь въ первой комнатѣ было темно, только на полу лежали и наполняли темноту таинственнымъ свѣтомъ два бѣлыхъ частыхъ переплета; пахло тутъ сѣдлами дяди и крысами. Въ другой сумрачно, дрожащимъ пламенемъ полыхала на кухонномъ столѣ возлѣ остывшаго самовара толстая сальная свѣча въ черномъ жестяномъ подсвѣчникѣ и густыми волнами плавалъ дымъ: посылали Арсеничу и табаку, но слабаго, турецкаго, и Арсеничъ, чтобы накуриться, принужденъ былъ курить безъ передышки. Топили тутъ рѣдко, окно на четверть, съ верху до низу было запушено сѣрымъ инеемъ, и отъ него несло морозомъ. Большая черная картина висѣла въ углу вмѣсто образа: на рукахъ чуть видной Богоматери деревянно желтѣлъ нагой Іисусъ, снятый со креста, съ запекшейся раной подъ сердцемъ, съ откинутымъ назадъ мертвымъ ликомъ. Арсеничъ, взлохмаченный, какъ кипень сѣдой, красный и небритый, въ истертомъ дядиномъ пиджакѣ, сидѣлъ, подложивъ подъ себя одну ногу въ валенкѣ, на табуретѣ возлѣ стола. Онъ курилъ толстую вертушку и въ какой-то радостной задумчивости пла-

кать горькими слезами, не стирая крупныхъ капель, катившихся по носу. Какъ всегда, дѣти, не спуская съ него любопытныхъ глазъ, подошли къ столу и стали пристально разглядывать сизыя отъ холода старческія руки, воротъ грязной ночной рубашки, тоже дядиной, и красное, измятое, въ колючемъ серебрѣ лицо. Арсеничъ, стыдливо отвернувшись, сталъ искать по карманамъ свой ужасный носовой платокъ.

— Вы опять свои дудки курите?—спросилъ Вадя, остановивъ большіе чистые глазки на этой ветошкѣ, давно и бережно хранимой.

— Опять, сударь,—покорнымъ шопотомъ, тихо и радостно улыбнувшись, отвѣтилъ Арсеничъ, вытирая слезы.

— И водку пили?—спросилъ Митя, какъ всегда, очень серьезно.

— Пилъ и ее, окаянную...

— Всю?

— Всю-съ,—прошепталъ Арсеничъ.—Только вы за ради Бога не сказывайте мамашѣ про мои слезы. Это я не отъ этого-съ. Сами изволите знать—не первый разъ...

— Я ни за что не скажу,—сказалъ Митя твердо.—А вы?—спросилъ онъ Вадю.—Вы вѣдь тоже не скажете?

Вадя, что-то думая, нѣжно покраснѣлъ, поспѣшно перекрестился и помоталъ головой. Изъ зала доносился смѣхъ, говоръ. Кто-то, на время освободившійся отъ картъ, игралъ на фортепьяно польку Анну. Слушать старинные звуки было и пріятно и грустно. Слушая и думая что-то, Вадя спросилъ:

— Вы бѣдные?

Арсеничъ вздохнулъ.

— Бѣдность не бѣда-съ, и въ богатствѣ, напримѣръ, пропадаютъ люди,—отвѣтилъ онъ.—Мнѣ ваша мамаша мѣщину выдаютъ и рубль серебромъ денегъ, а за квартеру я не Богъ вѣсть что̀ плачу, всего четвертакъ въ мѣсяцъ... Въ этомъ случаѣ я на Бога не жалуюсь.

— Вы теперь умрете скоро,—сказалъ Митя.

— Сущая правда ваша-съ. Полагаю, даже поспѣшней зимой.

— А охотникомъ вы были?

— Нѣтъ-съ, этого не привелъ Богъ. Я у вашего дѣдушки буфетчикомъ былъ.

— Вы о дѣдушкѣ плачете?

— Ну, что̀ жъ о нихъ плакать-съ!—сказалъ Арсеничъ.—Они, напримѣръ, еще въ сорокъ осьмомъ году скончались. Да и прожили по нашему времю не мало—восемьдесятъ

семь лѣтъ съ лишкомъ. Я ночче плакалъ по поводу блудницы и мученицы Елены, о судьбѣ ея несчастной...

Изъ-подъ постели Арсенича, изъ-подъ соломы, настланной на полу возлѣ печки, вынырнула мышь, метнулась-было къ столу и побѣжала въ темную комнату. Дѣти проводили ее заблестѣвшими глазами, потомъ, облокотившись на столъ, опять стали разсматривать глянцевитые рукава Арсенича, жилы на его сморщенной розовой шеѣ.

— Ее казнили?—спросилъ Вадя, вспоминая другихъ мученицъ и мучениковъ, о которыхъ постоянно разсказывалъ Арсеничъ.

— Это ужъ какъ водится,—отвѣтилъ Арсеничъ.—Только не мечомъ, не пыткой, а еще хуже того...

— Вамъ ее жалко?

— Понятно-съ, жалко. Только я вѣдь больше не отъ жалости плачу, а, напримѣръ, отъ своего привязчиваго сердца... Что жъ казнь! Въ этомъ случаѣ не даромъ говорится: всякъ даръ къ дарителю сторицей ворочается... А тутъ даръ былъ не малый, награда же—безмѣрная. Это дѣло-съ, по старому преданію, такъ было,—сказалъ Арсеничъ, стараясь не глядѣть на дѣтей, отводя отъ нихъ глаза, опять покраснѣвшіе.—Жила-была, напримѣръ, самая что ни на есть отпѣтая блудница, по имени Елена, дѣвушка богатаго роду, отмѣнная красавица и бездушная кокетка...

— А гдѣ она жила?—спросили дѣти, перхая отъ дыма.—Въ лѣсу?

— Нѣтъ-съ, это ей потомъ Господь привелъ жить и пострадать за свою вѣрную любовь въ лѣсу, а сперва она проживала въ столичномъ городѣ, въ пирахъ, въ веселіи, по баламъ да маскерадамъ, т.-е., попросту сказать, блудъ творила за большія деньги. Была же она, напримѣръ, все-таки не настоящая госпожа и называлась промежъ господъ Адель, а брала, конечно, съ кого попало, и съ пьянаго и съ трезваго, даже, можетъ, не побрезгала бы приказнымъ твореніемъ, будь у того средства. Ѣздили къ ней первые князья и графы, дѣлали ей подарки изъ послѣдняго, многіе даже руки на себя наложили изъ-за нея... ну только она въ этомъ случаѣ и бровью не вела и была ко всѣмъ, напримѣръ, безчувственна, ни къ кому не питала привязчивости: была у нея вѣчная-безконечная тоска на душѣ. Такая-съ тоска, что и сказать невозможно!

— А вы у ней въ гостяхъ были?—спросилъ Вадя.

— Статочное ли дѣло-съ!—сказалъ Арсеничъ.—Я, сударь, холопъ простой, дворовый человѣкъ всего-навсего. Меня

оттуда господа палками выгнали бы; да и подѣломъ было бы!

— А дѣдушка?

— Дѣдушка—тѣ иное дѣло, но только они тогда, можетъ, и на свѣтъ не рожались еще. Это, сударь, въ старинныя времена было, и тому теперь никогда не бывать, теперь вѣкъ насталъ бездушный.. Ну, такъ вотъ я и докладываю вамъ: была эта Елена просто алчная блудница, и множество господъ пропали, напримѣръ, изъ-за ея красы, какъ червь капустный. Только всходитъ однажды въ ея уборныя комнаты, ужъ этакъ поздно вечеромъ, главный ея камердинеръ и докладываетъ, что желаетъ ее немедленно видѣть молодой и прелестный графъ изъ свиты самой государыни императрицы. Она сидитъ, напримѣръ, за своимъ туалетомъ въ одномъ капотѣ, чешетъ безподобнымъ черепаховымъ гребнемъ роскошныя волны кудрей и отвѣчаетъ, что, молъ, я бы весьма рада, да теперь слишкомъ поздно, я и такъ, говоритъ, изъ-за своей корысти день-денской какъ въ смолѣ киплю и, значитъ, принять его и осчастливить никакъ не могу, беру ванну съ духами, а потомъ спать ляжу, меня тоска съѣла, ненавижу всѣхъ, зрить не могу... Слуга удаляется, но только вскорости опять всходитъ и говоритъ, что, молъ, такъ и такъ... графъ проигралъ въ штосъ все свое состояніе и хочетъ на послѣднія свои средства...—Арсеничъ при этихъ словахъ съ трудомъ овладѣлъ голосомъ...—и хочетъ, говоритъ, на послѣднія свои средства провести ночь прекрасной любви... А будучи, напримѣръ, допущенъ къ ней, несказанно плѣнилъ ее своей младостью и томной грустью, и порѣшили они тутъ же умереть одной смертью въ одинъ часъ и даже мигъ. Да Господь-то, видно, не по-ихнему судилъ! Можетъ, на то вонъ Ея святая воля была,—сказалъ Арсеничъ, поднимая воспаленные глаза и указывая ими на Богоматерь.—Всякія тамъ богини никогда не могли по-нашему страдать и сердечность имѣть, онѣ только страсть свою питали, а вѣдь Она Сама за Свою любовь къ кресту пошла скорбѣть... Но только Спаситель Ей такъ сказалъ: „Не плачь, Моя мать, дѣва Марія, Моя мука—животъ вѣчный отнынѣ и во вѣки вѣковъ“...

И Арсеничъ, заплакавъ, на минуту смолкъ, по-дѣтски взявъ себя за свой жалкій рукавъ концами пальцевъ и прижимая его къ лицу, облитому слезами.

— Все?—тихо спросили дѣти, подождавъ продолженія.

— Нѣтъ-съ, не все еще,—со вздохомъ облегченія сказалъ Арсеничъ.—Они, докладываю вамъ, умереть рѣшились, и, конечно, молодой графъ тотчасъ же скончались, а ее этотъ

ядъ не могъ взять, ей вскорости полегчало, и осталась она еще почитай на цѣльный годъ жить на бѣломъ свѣтѣ, чтобы, напримѣръ, пострадать и награду получить за свою первую и послѣднюю любовь... Мужское дѣло, конечно, иное... мужчина можетъ, и любя свой предметъ, прельщаться на другихъ, а ужъ женщина нѣтъ, никогда себѣ этого не позволитъ, она, можетъ, оттого и грѣхъ дѣлаетъ, что не нашла себѣ достойнаго... Ну, вотъ такъ и тутъ. Она, конечно, даже въ лицѣ измѣнилась, исхудѣла, стала еще прекраснѣе прежняго и совсѣмъ отвратилась, напримѣръ, отъ бездушной свѣтской жизни, стала неглижировать своими обязанностями и ужъ ни за какія блага въ мірѣ не соглашалась предать свое тѣло любовной ласкѣ, полюбивши одного до гробовой доски. Тутъ, въ скоромъ ли, въ долгомъ ли времени, хозяйка оказалась ей недовольна, зачала ее всячески мальтретировать, она же безо всякаго отвѣту собрала въ ночное время всѣ, напримѣръ, свои браліанты, злато и сѣребро, всякіе тамъ самоцвѣтные камни и брошки, какіе ей надарили, завязала ихъ въ узелочекъ да и удалилась въ садъ, а изъ саду—въ чистое поле, въ дремучій лѣсъ, гдѣ, можетъ, только одни орлы скрыжутъ да рыси по дубамъ прядаютъ. Взяла она, значитъ, съ собой лишь этотъ узелокъ, да, напримѣръ, материно благословеніе, образъ Николая угодника въ серебряной-вызолоченной ризѣ, идетъ по межамъ куда глаза глядятъ и плачетъ горькими слезьми, не хуже меня такого-то—конечно, ужъ отъ радости, что вырвалась, значитъ, на волю, подъ голубыя небеса, и доходитъ до большого стада. Пастухъ спрашиваетъ, кто она такая, а она безо всякаго страха подходитъ прямо къ нему, отдаетъ ему свой драгоцѣнный узелокъ, всякія свои рѣдкости, снимаетъ съ себя роскошные наряды и кринолины и проситъ его отдать ей свое нищее рубище. Тотъ, понятно, радъ-радехонекъ, скинулъ поскорѣй свой драный зипунъ и прикрываетъ, напримѣръ, ея почесть нагое тѣло. А она, низко ему поклонившись, идетъ бѣдной странницей дальше и приходитъ въ тихій монастырь, въ прекрасную женскую обитель въ этомъ дремучемъ лѣсу, проситъ старицъ принять ее простой послушницей и начинаетъ вмѣстѣ съ ними спасаться, грѣхи свои, напримѣръ, замаливать и изо всѣхъ силъ просить себѣ у Бога вѣчной-безконечной жизни.

— Гдѣ тля тлитъ,—добавилъ Вадя, вспомнивая прежніе разсказы Арсеныча.

— Нѣтъ, сударь, не тля,—сказалъ Арсеничъ,—а напротивъ того, радость безмѣрная. И вотъ, по волѣ Божьей, происходитъ такой нечаянный случай: оказался въ той обители

старецъ древній, живописецъ крѣпостной, пожелавшій къ монахинямъ на спокой удалиться. Писалъ онъ, напримѣръ, всякіе образа для ихней церкви и начинаетъ, видя ея красоту и муку, всякій ея самый низкій трудъ, умолять ее дозволить списать съ нея образъ Царицы Небесной всѣхъ скорбящихъ радостей. Она падаетъ въ ноги ему, заклинаетъ Христомъ Богомъ не дѣлать того... „Я,—говоритъ,—великая грѣшница, я предана вѣчному унынію—смертному грѣху, я имѣю на душѣ страшную тайну“,—ну, словомъ, почесть признаётся, что я, молъ, и до сихъ поръ не могу разстаться съ любовью къ одному человѣку и еще не знаю, не ношу ли подъ сердцемъ младенца... да, наконецъ того, просто и одежда моя не дозволяетъ, я, молъ, въ черной бѣдной рясѣ, а снять ее не могу ни на одну минуту—такой обѣтъ Богу дала... Но только тотъ старецъ остается, напримѣръ, непреклоненъ: говоритъ, эта одежда разрѣшается, ты какъ мраморъ блѣдна и прекрасна, и черный цвѣтъ тебѣ какъ нельзя кстати... Жалуется, наконецъ, самой матери-игуменьѣ... А та возьми да и прикажи немедленно же снять этотъ портретъ съ нея. Старецъ, конечно, радуется несказанно, поспѣшно дѣлаетъ свое дѣло—остается только вѣнчикъ золотой округъ головы подрисовать и въ церковь несть... И ужъ хотѣли-было такъ и сдѣлать, какъ думали,—дописать и освятить этотъ образъ прелестный, чтобы въ церковь его, напримѣръ, поставить, какъ оказывается вдругъ страшное, несказанное дѣло: оказывается, эта дѣвица Елена... ну, просто сказать, тяжелая—и ужъ никакъ нельзя ей скрывать этого больше, сама природа не дозволяетъ... Боже мой,—воскликнулъ Арсеничъ, качая головой:—что тутъ было дѣлать монахинямъ! Свѣтъ вездѣ бездушенъ, а вѣдь она плодъ любви понесла! Она никогда того положенія не знала, не могла, не любя, зачать дитя въ своей утробѣ, а тутъ полюбила какъ на грѣхъ, а ужъ разъ она стала не простая дѣвица, а мать беременная, какъ могла она блудъ въ этомъ случаѣ творить?

— Они ее убить велѣли?—спросилъ Митя.

— Нѣтъ-съ, хуже—онѣ ее, въ ночь-полночь, въ лѣсъ выгнали,—сказалъ Арсеничъ.—И вотъ извольте подумать: что она должна была прочувствовать въ этомъ случаѣ? Можетъ, одна Ѳекла-старица то испытала въ сновидѣніи, въ хожденіи своей души по мукамъ. А вѣдь, однако, одинъ платочекъ бѣлый, какой она подала нищему страннику и какой ангелъ на вѣсы, въ посрамленіе бѣсамъ, кинулъ, и то спасъ ее, всѣхъ ея грѣховъ тяжелѣе оказался!

— А зачѣмъ ее выгнали въ лѣсъ?—спросили дѣти.

— А куда же-съ?—отвѣтилъ Арсеничъ.—Конечно, въ лѣсъ дремучій, непроходимый...

— Гдѣ орлы скрыжутъ,—добавилъ Вадя.

— Истинно-съ, гдѣ орлы скрыжутъ и всякій звѣрь необузданный съѣсть можетъ,—повторилъ Арсеничъ съ горькимъ торжествомъ.—Гдѣ дивья темь лѣсная и одна скала-пещера могла служить ей пріютомъ! А она въ той пещерѣ принуждена была дитя родить, и пеленаетъ его, напримѣръ, чѣмъ можетъ, деретъ въ этомъ случаѣ свою послѣднюю рубашку на свивальнички, а тутъ, можетъ, всякія рыси голосятъ, глядятъ съ дубовъ зелеными глазами и летитъ, шумитъ сама птица-Игра,—Арсеничъ крѣпко сдѣлалъ удареніе на первой буквѣ,—летитъ птица-Игра, вся бѣлая, съ черными крыльями, вьется, кричитъ, хочетъ его, напримѣръ, крыльями до смерти затрепать... И, конечно, не смогли они, беззащитный младенецъ съ матерью, стерпѣть такой муки, голоду-холоду, поруганія, и тутъ же и скончались, потому что у ней не только молока въ грудяхъ, а и хлѣба ни синь пороха не осталось для пропитанія... И что же тутъ случилось, какое внезапное чудо! Звѣри, птицы, и тѣ возрыдали, возскорбѣли о ней, и такой вихорь поднялся по лѣсу, что въ самую ночь-полночь проснулась вся обитель отъ такого шуму, а древній этотъ старецъ, живописецъ, вскочилъ, напримѣръ, со своего ложа, слышитъ въ этомъ страшномъ шумѣ чей-то голосъ, повелѣвающій ему поскорѣе въ лѣсъ итти,—и, какъ былъ, такъ и выбѣгаетъ вонъ, всѣхъ будитъ, зоветъ матерь-игуменью, зоветъ самую старую старицу-схимницу—и отправляются они, значитъ, въ трехъ лицахъ, съ огнями, съ фонарями, въ этотъ самый непроходимый лѣсъ. А тамъ, напримѣръ, только уже бездыханное тѣло лежитъ! Стоитъ чаща дремучая—и лежитъ подъ ней, подъ сосной, которая невгъ называется, мать красы неописанной, вся какъ снѣгъ бѣлая, въ своей ризѣ черной, гробной, съ мертвымъ младенцемъ у безплодной груди—и горитъ округъ ея головы вѣнчикъ огненный, весь ликъ ея блѣдный и ризу озаряетъ: значитъ, тотъ самый, какой не насмѣлился старецъ-живописецъ на своей иконѣ подрисовать, узнавши о грѣхѣ Елены, про то, кто она такая въ міру была!.. Это ли-съ не чудо великое, это ли не указаніе?—воскликнулъ Арсеничъ восторженно и горько, глядя на дѣтей вопрошающими красными глазами, отъ которыхъ еще бѣлѣе казалась его взлохмаченная сѣдина.

— Ее въ монастырь принесли?—спросили дѣти.

— Понятно-съ, куда жъ больше. И, конечно, съ великими почестями отпѣли и схоронили, какъ мощи, въ самой церкви,

даже и съ младенцемъ вмѣстѣ, и къ ручкѣ ея со слезами прикладались... Вотъ тутъ-то, небось, и вспомнили, что̀ апостолы-то святые намъ наказывали: помните, молъ,—великое, несмѣтное множество грѣховъ прикрываетъ любовь!

Темная свѣча полыхала, какъ лучина. Арсеничъ смолкъ и долго молчалъ въ какой-то думѣ, глядя на свою руку и на ветошку, зажатую въ ней. Митя пристально и серьезно ковырялъ подсвѣчникъ, облитый застывшимъ саломъ. Вадя не сводилъ съ огня неподвижныхъ и уже дремотныхъ глазъ. Въ залѣ опять играли польку Анну, и кто-то, смѣясь, кричалъ: „Не пускать, не пускать!“. Вдругъ Вадя очнулся и спросилъ охрипшимъ голоскомъ:

— А вы будете святой?

Арсеничъ закачалъ головой.

— Ахъ, сударь, какой вы грѣхъ великій говорите! Да я, какъ песъ какой, округъ господъ весь вѣкъ свѣковалъ, дня одного страданія не зналъ! За что же награждать-то меня?

— А вы это все сами выдумали?

— Боже избави! Я все это по народу слышу да изъ книгъ сличаю-съ. Сижу и читаю на гулянкахъ,—у меня книги безподобныя, старинныя есть... Душа у меня, правда, не нонѣшняго вѣку... Мнѣ Господь не по заслугамъ великій даръ далъ. Этого дару старцы валаамскіе только при великой древности, да и то не всѣ, домогаются. Этотъ прелестный даръ слезный даръ называется. А ужъ какъ я стихи, напримѣръ, люблю, того и сказать даже невозможно!

И, глядя на дѣтей грустно-радостными глазами, Арсеничъ, на старинный ладъ, пѣвуче растягивая тѣ гласныя, на которыя по размѣру падало удареніе, продекламировалъ:

И въ послѣдній мой часъ я завѣтъ вамъ даю:
Посадите вы ель на могилу мою!

За окномъ, по сугробамъ, скрипѣли полозья саней, со скрипомъ шли къ крыльцу лошади, громыхая бубенчиками: кто-то, счастливый, уѣзжалъ въ свѣтлую морозную ночь, въ тѣ туманно-серебристые лѣса, что̀ сказочно темнѣли по косогорамъ за лугами Мордвеса. Въ залѣ вприпрыжку кружилась полька Анна—и Арсеничъ, закрывъ глаза, съ чуть замѣтной счастливой улыбкой, покачивалъ въ тактъ головою.

— Ахъ, но и свѣтская жизнь хороша-съ!—сказалъ онъ, вздыхая.—И кабы моя воля, прожилъ бы я на свѣтѣ тыщу лѣтъ.

— А зачѣмъ?

— А затѣмъ-съ, что все бы жилъ, смотрѣлъ, на Божій свѣтъ дивился... Очень я разстроился нонче, раздумавшись

объ этой Еленѣ, вѣчной печальницѣ, а потомъ вспомнилъ, напримѣръ, великомученика Вонифатія—и залился въ три рѣки отъ радости! Тоже простого званія человѣкъ былъ... рабъ крѣпостной, только и всего-съ... И ужъ совсѣмъ иного складу: отпѣтый бокутиръ, безпутная головушка, все ни по чемъ... Пишутъ его, напримѣръ, на образахъ русымъ... въ житіи такъ прямо и сказано: желтоволосъ былъ,—значитъ, весь, небось, въ веснушкахъ, ростомъ невеликъ, и глаза веселые, наигранные, не то что у этой Елены страдалицы. Былъ онъ въ городѣ Римѣ у госпожи своей Аглаиды стольникомъ, при столѣ, напримѣръ, прислуживалъ,—ну, и плѣнилъ ее... Въ житіи, конечно, ужъ очень бездушно сказано—молъ, не будучи замужней, жизнь свою протекала въ грѣхахъ, сдѣлалась преклонна своимъ похотямъ, проживала въ беззаконномъ сожительствѣ съ рабомъ своимъ Вонифатіемъ, а ежели судить въ этомъ случаѣ по человѣчеству, то, небось, такъ случалось: увидитъ его, глянетъ и усмѣхнется,—вотъ, молъ, счастливый, хорошій человѣкъ, а тамъ и полюбила и приблизила къ себѣ... Ну, живутъ они такимъ побытомъ годъ, живутъ другой, она за нимъ, небось, какъ за ребенкомъ заботится,—есть такія женщины ласковыя, прелестныя, богомольныя душой, хоть и въ грѣхѣ всегда, никому, напримѣръ, не умѣютъ отказать по своей добротѣ... Онъ день и ночь съ пріятелями, на гитарахъ тамъ на разныхъ играетъ и винцо пьетъ,—въ житіи такъ и сказано: былъ обуреваемъ страстями, погрязалъ въ грѣхахъ,—а она все дома, шьетъ, небось, мѣтитъ ему, нѣжно о немъ думаетъ, всѣ измѣны прощаетъ ему, въ родѣ матери... Только-съ время-то не ждетъ, проходятъ, напримѣръ, ея лѣта, стала она надъ своей судьбой задумываться, иной разъ, небось, и поплачетъ тишкомъ... И, какъ говорится, насмѣлилась разъ. Дорогой, говоритъ, мой возлюбленный, есть у меня мечта завѣтная: я для тебя всѣмъ пожертвовала, ни людей ни Бога, напримѣръ, не боялась, а живемъ мы все-таки не вѣнчанные, не признанные—надо намъ въ домъ часть мощей внести, просвѣтить нашъ домъ, очистить. Умоляю тебя—снаряди корабль, возьми злата, сѣребра, дорогихъ благовонныхъ плащаницъ всякихъ, чтобы, напримѣръ, эти честныя мощи увить, и плыви ты въ Киликійскую страну, въ городъ Тарсъ, тамъ много святыхъ страстотерпцевъ свои главы за Христа сложили... Ну, онъ, конечно, на это соглашается, снаряжаетъ корабль парусный, устилаетъ его, напримѣръ, всякими коврами и шелками шамаханскими и отплываетъ въ путь съ друзьями-пріятелями, съ винами, съ музыкой, со всякой дворовой прислугой...

— А дорогой буря поднялась?—спросили дѣти.

— Нѣтъ-съ, напротивъ того, всѣ они преблагополучно достигли тѣхъ странъ. Опустили тамъ всѣ свои якоря, паруса— и отправляется онъ въ этотъ городъ Тарсъ, въ гостиный домъ, чтобы, значитъ, отдохнуть, погулять, а съ утра и за дѣло взяться. Проходитъ, напримѣръ, градскія ворота, идетъ вверхъ по улицѣ, конечно, небось, безпечный, беззаботный, напѣваетъ свою арію и вдругъ слышитъ страшный шумъ... Спѣшитъ, понятно, поскорѣй туда и видитъ безчеловѣчное смертоубійство: сгрудился народъ на площади, кричитъ, махаетъ руками и требуетъ казни, а посередь площади сидитъ жестокій судья и мучаетъ лютѣйшими муками святыхъ христіанъ,—кого велитъ на-двое рубить, кому глаза выколоть, кому голову отвѣчь,—а передъ нимъ старецъ на колѣняхъ, преклонился подъ острый обоюдный мечъ и восклицаетъ въ свой послѣдній часъ: „Да славится имя Господне, Христово, пречистое!“. И какъ услыхалъ это Вонифатій, этотъ, напримѣръ, беззавѣтный бокутиръ, такъ и загорѣлся весь,—въ житіи такъ прямо и сказано: возвеселился духомъ за святое имя Господне,—кинулся въ самый народъ, выскочилъ наперед всѣхъ да и подхвати, даже не подумавши, тотъ старцевъ крикъ: „Да прославится, молъ, имя Господнее!.. Что вы, молъ, дѣлаете, язычники бездушные, пропустите меня—хочу и я пострадать за Спасителя!“ Тутъ всѣ, понятно, къ нему—ужасаются за него, уговариваютъ—побойся, напримѣръ, за жизнь свою, одумайся ты—чужеземный гость, какое тебѣ дѣло... А онъ—все свое: „Знать ничего не хочу, недостойны вы меня склонить, прельстить—проклинаю вашихъ мраморныхъ боговъ, сѣките мнѣ голову!“. Разорвалъ единымъ махомъ всѣ свои одежды разноцвѣтныя, палъ на колѣни середь площади, уронилъ свою головушку...

— И принялъ мечное сѣченіе—добавилъ Вадя тихо.

— Да-съ, и принялъ мечное сѣченіе, ненаглядная моя дѣточка!—воскликнулъ Арсеничъ и, поймавъ его ручку, крѣпко прижался къ ней своими холодными губами, на которыя закапали горячія слезы.—Ну, да что!—прошепталъ онъ потомъ, отвертываясь и ловя по столу свой платокъ.—Никуда я сталъ, совсѣмъ никуда.

Утершись, онъ досталъ изъ кармана осьмушку табаку, сталъ облегченно вздыхая, вертѣть толстую папиросу... Дѣти долго смотрѣли то на его сѣдую голову, то на большую дрожащую тѣнь ея на стѣнѣ, слушая нестройный, уже застольный говоръ и смѣхъ въ залѣ.

— Вамъ онъ больше нравится?—строго спросилъ Митя.

— Грѣшный человѣкъ,—прошепталъ Арсеничъ, поспѣшно наклоняясь, чтобы языкомъ заклеить свою вертушку,—больше-съ.

Капри. 23. I. 1914.

ВЕСЕННІЙ ВЕЧЕРЪ.

На Ѳоминой недѣлѣ, въ ясный, чуть розовый вечеръ, въ ту прелестную пору, когда земля только-что вышла изъ-подъ снѣга, когда въ степныхъ лощинкахъ еще лежитъ подъ голыми дубками сѣрый затвердѣвшій снѣжокъ, ходилъ по одной елецкой деревнѣ, отъ двора къ двору, старикъ-нищій—конечно, безъ шапки, съ длинной холщевой кисой черезъ плечо.

Деревня эта большая, но молчаливая, полевая. Да и вечеръ такой выдался. Пусто было вдоль безконечно разлившагося глинистаго пруда, на ровномъ выгонѣ, гдѣ, въ тѣни отъ избъ и пунекъ, шелъ, держа въ рукѣ высокую орѣховую палку, этотъ лысый и еще черный старикъ, похожій на святителя. Выгонъ чисто, ярко зеленѣлъ, въ воздухѣ свѣжѣло, прудъ, выпукло-полный, зеркально-тѣлеснаго тона, слегка алѣлъ и красивъ былъ, хотя еще плавала въ немъ одна бутылочно-зеленая, въ рыжемъ навозѣ, льдина. Гдѣ-то на томъ боку, тепло и ласково освѣщенномъ въ упоръ низкимъ солнцемъ,—гдѣ-то, какъ казалось, очень далеко, — плакалъ ребенокъ, заблудившійся за какой-нибудь ригой или амбаромъ, и хорошо было слушать по зарѣ его жалобный однообразный плачъ... Но подавали плохо.

Тамъ, при въѣздѣ, возлѣ стараго богатаго двора съ вѣковыми дубами въ грачиныхъ гнѣздахъ за темно-красной кирпичной избой въ три связи, подала молодая сѣроглазая бабочка, да и то пустякъ. Стояла она у каменнаго порога среди подсыхающей весенней грязи, на тугой тропинкѣ, держала сидѣвшую у нея на рукахъ хорошенькую дѣвочку съ безсмысленными голубыми глазками, въ разнолоскутномъ чепчикѣ, и, прижимая ее къ себѣ, плясала, притопывала босыми ногами и поворачивалась, раздувая ситцевую юбку.

— Вонъ старикъ, сейчасъ въ сумку отдамъ,—заговорила она сквозь зубы, впиваясь губами въ щечку дѣвочки:—

Ппайду плясать,
Альни полъ хруститъ...

И, перевернувшись, перемѣнила голосъ на звонкій, кому-то подражающій, кокетливый:

— Старикъ, старикъ, не надобно ли вамъ дѣвочку?

Дѣвочка не испугалась, она спокойно сусолила толстую баранку—и мать, шутя, на всѣ лады, стала уговаривать дѣвочку отдать ее подошедшему и улыбавшемуся нищему:

— Отдай, дѣточка, отдай, а то мы съ тобой во всемъ дворѣ однѣ-одинешеньки, намъ и милостинку сотворить не изъ чего...

И дѣвочка тупо протянула короткую ручку, свой маленькій кулачокъ съ зажатой въ немъ слюнявой котелкой. И нищій, съ улыбкой качая головой на чужое счастье, взялъ и пошелъ, на ходу закусывая.

Онъ шелъ, держа палку наотлетъ, наготовѣ: то кубаремъ катится подъ ноги злая хрипучая шавка—и, докатившись, неожиданно смолкаетъ; то желтый пушистый кобель яростно деретъ, кидаетъ землю задними ногами, стоя возлѣ куньки, и рычитъ, захлебываясь, съ огненными глазами... Подойдя къ избѣ, къ маленькому окошечку, нищій смиренно кланялся и легонько стучалъ батожкомъ въ раму. Но часто никто не отзывался на этотъ стукъ: еще досѣвали, донахивали многіе, были въ полѣ. И старая крестьянская душа даже втайнѣ радовалась: въ полѣ народъ... это время годъ кормитъ... не до нищихъ... А порой за стеклами, въ которыя постукивалъ нищій, склонялась сидѣвшая на лавкѣ съ грудным на рукахъ бѣлолицая баба. Въ окошечкѣ, маленькомъ, бѣдномъ, она казалась очень большою. Ничуть не стыдясь, что нищій видитъ ея мягкую пшеничную грудь, она махала крупной рукой въ серебряныхъ кольцахъ, а ребенокъ, не выпуская сладкаго соска изо рта, лежалъ, смотрѣлъ ей въ лицо темными ясными глазами, далъ голыя каряки въ розовыхъ точкахъ отъ блохъ.—„Богъ дастъ, не прогнѣвайся!“—говорила баба спокойно. Что до старухъ, то каждая, болѣзненно морщась, непремѣнно высовывалась наружу и долго жаловалась, все твердила, что рада бъ радостью подать, да нечего... всѣ въ полѣ... а безъ спросу боязно, ее, старуху, и такъ заглодали... Нищій соглашался, говорилъ:—„Ну, прости за ради Бога“—и шелъ дальше.

Онъ сдѣлалъ за день верстъ тридцать и ничуть не уморился: только одеревянѣли, притупились, стали неладно ко-

вылять ноги. Длинный мѣшокъ его былъ до половины набитъ корками и кой-какимъ добришкомъ; а подъ снизками, подъ армякомъ въ большихъ заплатахъ, подъ овчинной курткой и заношенной рубахой, уже давно висѣла на крестѣ ладанка, гдѣ зашито было девяносто два рубля бумажками. И на душѣ у него было покойно. Конечно, старъ, худъ, вывѣтрился,—ротъ стянутый, пересохшій дочерна, носъ какъ кость, шея вся въ трещинахъ, клѣтчатая, точно пробковая,—но бодръ еще. Глаза, когда-то бывшіе черными, гноились и туманились легкими бѣльмами; да все-таки видѣли—и полноводный прудъ, и розовый свѣтъ на избахъ въ томъ боку, и даже чистое блѣдное небо. Воздухъ свѣжѣлъ, слышнѣе, но какъ будто еще дальше замиралъ дѣтскій плачъ, пахло холодѣющей травой... Два голубя дружно пронеслись надъ крышами, пали на глинистомъ бережку и, подымая головки, стали пить... Давеча на большой дорогѣ, въ одинокомъ дворѣ, расщедрились бабы: подали большой кусокъ коленкора и хорошіе, совсѣмъ еще хоть куда штаны: справилъ себѣ ихній малый, да придавило его въ ямѣ, въ пищулѣ, гдѣ мужики глину копали. Теперь нищій шелъ и думалъ: не то сбыть ихъ, не то самому надѣть, а свои, ужъ очень непарадные, въ полѣ подъ межу кинуть?

Кончивъ деревню, онъ повернулъ въ короткій переулочекъ, на выѣздъ въ степь. И въ глаза ему глянуло лучистое, погожее апрѣльское солнце, опускавшееся далеко за равниной, за сѣрыми парами и яровыми взметами. На самомъ выѣздѣ, на поворотѣ укатанной блестящей дороги въ ту дальнюю притынную деревушку, гдѣ думалъ заночевать нищій, стояла небольшая новая изба, плотно крытая вприческу лимоннаго цвѣта старновкой. Ото всѣхъ отдѣлясь, поселились тутъ съ годъ тому назадъ,—еще щепа валялась кое-гдѣ,—мужъ съ женой, люди хозяйственные и пріятные, тайкомъ торговавшіе водкой. Нищій и пошелъ прямо къ этой избѣ: штаны можно было продать хозяину ея; да любилъ онъ и просто заходить въ нее, любилъ за то, что живетъ она какой-то своей, особенной жизнью, тихой и прочной, стоитъ на выѣздѣ и глядитъ чистыми окошечками на закатъ солнца, при которомъ допѣваютъ въ холодѣющемъ воздухѣ свои вечернія пѣсни жаворонки. Подъ глухой стѣной, выходящей въ переулокъ, была тѣнь. А съ лица было весело. Прошлой осенью хозяинъ посадилъ подъ окошечками три куста акаціи. Теперь они принялись и уже опушились желтоватой зеленью, нѣжной, какъ на вербѣ. Обойдя ихъ, нищій вошелъ черезъ сѣни въ горницу.

Сперва, послѣ солнца, онъ ничего не видѣлъ, хотя солнце

и сюда глядѣло, освѣщая голубой прозрачный дымъ, плававшій надъ столомъ, подъ висячей жестяной лампочкой. Выгадывая время для глазъ, онъ долго кланялся, крестился на новую фольговую икону въ углу. Потомъ сложилъ мѣшокъ и палку возлѣ двери на полъ и различилъ крупнаго мужика, въ лаптяхъ и оборванномъ полушубкѣ, сидѣвшаго спиной къ двери, на скамейкѣ за столомъ, а на лавкѣ—нарядную хозяйку.

— Благодать вамъ Господня,—негромко сказалъ онъ ей, еще разъ кланяясь.—Съ прошедчимъ праздникомъ.

Хотѣлъ-было спѣть „Христосъ воскресе", да почувствовалъ, что будетъ некстати, и подумалъ:

— А хозяина-то, знать, дома нѣту... Жалко.

Хозяйка была хороша собой, съ ладнымъ станомъ, съ бѣлыми руками, точно и не баба простая. Одѣта она была, какъ всегда, по-праздничному: перловое ожерелье, миткалевая сорочка съ тонкими вздутыми рукавами, краснымъ и синимъ расшитая занавѣска, шерстяная кубовая юбка въ кирпичную клѣтку и грубые, но крѣпко и по ногѣ сшитые полсапожки со стальными подковками. Склонивъ аккуратную голову, чистое лицо, она вышивала рубаху мужу. Когда нищій поздоровался, она подняла на него твердые, безъ блеску глаза, пристально посмотрѣла и привѣтливо кивнула. Потомъ, легонько вздохнувъ, отложила работу, ловко воткнувъ въ нее иголку, прошла, постукивая по деревянному полу полсапожками и виляя задомъ, къ печкѣ, вынула изъ шкапчика косушку водки и толстую чашку въ синихъ разводахъ.

— А притомился, однако...—негромко, какъ бы про себя сказалъ нищій—и въ извиненіе за водку, и слегка смущаясь молчаніемъ не повернувшагося къ нему мужика.

Мягко ступая лаптями, скромно обойдя его, онъ сѣлъ на другую лавку, на уголъ стола, напротивъ. А хозяйка поставила передъ нимъ косушку, чашку и вернулась къ работѣ. Тогда тяжело поднялъ голову этотъ здоровый оборванный степнякъ,—передъ нимъ зеленѣлъ цѣлый полштофъ,—и, прищурившись, уставился на своего скромнаго собутыльника. Можетъ, онъ и притворялся малость; но все же лицо его воспалено было, глаза пьяны, налиты мутнымъ блескомъ хмеля, пересмягшія губы полураскрыты, точно въ жару: видно, ужъ не-первый день пилъ онъ. И нищій слегка подтянулся и осторожно сталъ наливать свою чашку. Что жъ, молъ, всякій свое пьетъ... тутъ шинокъ, и мы другъ дружкѣ не мѣшаемъ. Онъ приподнялъ голову, и туманно-черные глаза его цвѣта спѣлаго терна, весь его вывѣтренный и загрубѣвшій въ степи обликъ ничего не выражали.

— Гдѣ таскался?—грубо и шало спросилъ мужикъ.—Воровать пришелъ, благо народъ въ полѣ?

— Зачѣмъ воровать?—ровно и скромно отозвался нищій.—У меня шесть человѣкъ дѣтей было, свой домъ, хозяйство...

— Слѣпой, слѣпой, а, небось, сколько натаскалъ перьевъ, прутьевъ у свою яругу!

— Зачѣмъ? Я въ черной работѣ на шахтахъ харцызскихъ десять лѣтъ работалъ...

— Энто не работа. Энто...

— Ты лишняго не говори,—не возвышая голоса, не поднимая рѣсницъ, сказала хозяйка и перекусила нитку.—Я похабнаго не слушаю. Отъ мужа еще не слыхала.

— Ну, молчи, не буду... барыня!—сказалъ мужикъ.—Извините... Я тебѣ вспрашиваю,—сказалъ онъ, нахмуриваясь, нищему:—какія такія шахты, когда земля не сѣяна, не скорожена?

— Да вѣдь, конечно... у кого она есть, къ примѣру...

— Погоди, я тебѣ умнѣй!—сказалъ мужикъ, хлопнувъ ладонью по столу.—Отвѣчай на вопросъ: въ солдатахъ служилъ?

— Ундеръ-церъ-десятаго гренадерскаго малороссійскаго генералъ-фитьмаршала графа Румянцева-Задунайскаго полка... Какъ же такъ не служилъ?

— Молчи, не вякай лишняго! Въ какомъ году взяли?

— Семьдесятъ шестомъ году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

— Ничѣмъ не былъ провиненъ?

— Никакъ нѣтъ.

— Начальство ублажалъ?

— Не могъ того не дѣлать. Присягу прималъ.

— А это что за шрамъ на шеѣ? Понялъ, ай нѣтъ, куда я вижу?.. Это я его испытываю,—сказалъ мужикъ, угрюмо двигая бровями, но мѣняя властный тонъ на болѣе простой и обращая къ хозяйкѣ свое шалькое лицо, золотисто освѣщенное сквозь табачный дымъ закатомъ.—Я его насквозь вижу... Я бѣденъ, бѣденъ, а не одного такого-то оброталъ! Не лаптемъ тоже щи хлебаю!

И опять нахмурился, взглянувъ на нищаго:

— Передъ святымъ крестомъ-евангеліемъ преклонялся?

— Такъ точно,—отвѣтилъ нищій, успѣвшій выпить, вытереться рукавомъ, сѣсть опять прямо и придать своему лицу и туманнымъ глазамъ безстрастное выраженіе.

Мужикъ мутно оглядѣлъ его:

— Встань передо мной!

— Не шуми. Тебѣ сказано, ай нѣтъ?—спокойно вмѣшалась хозяйка.

— Постой ты за ради Бога,—отмахнулся мужикъ и повторилъ:—Встань передо мной!

— Да что-й-то вы, ей-Богу...—забормоталъ-было нищій.

— Встань, тебѣ говорятъ!—крикнулъ мужикъ.—Я тебѣ вопросъ сдѣлаю.

Нищій поднялся и переступилъ съ ноги на ногу.

— Руки по швамъ! Такъ. Пачпортъ есть?

— Да ай вы урядникъ, что ли...

— Молчи, не смѣй такъ балакать со мной! Я умнѣй тебѣ! Я самъ тянулся. Показывай сію минуту!

Покорно, поспѣшно отстегнувъ крючки армяка, потомъ овчинной куртки, нищій долго рылся за пазухой. Наконецъ вытащилъ завернутую въ красный ветхій платочекъ бумагу.

— Подай сюда,—отрывисто сказалъ мужикъ.

И, развернувъ платочекъ, нищій подалъ ему истертую сѣрую книжечку съ большой сургучной печатью. Мужикъ неловко раскрылъ ее корявыми пальцами и, дѣлая видъ, что читаетъ, далеко отставилъ отъ себя, откинулся и долго смотрѣлъ сквозь дымъ и краснѣющій свѣтъ зари.

— Такъ. Вижу. Все въ аккуратѣ. Бери назадъ,—съ трудомъ сказалъ онъ спекшимися губами.—Я бѣденъ, бѣденъ, я, можетъ, другую весну не пашу, не сѣю... меня люди зарѣзали, я у него, у собаки, въ ногахъ валялся... а мнѣ, можетъ, цѣны нѣту... А что наворовалъ, сказывай, а то убью сейчасъ!—крикнулъ онъ свирѣпо.—Я все знаю, все пріѣзошелъ... самъ въ смолѣ кипѣлъ... Жизнь намъ Господь даетъ, а отымаетъ ее всякая гадина... Давай сюда мѣшокъ и болѣ никакихъ!

Хозяйка только головой качнула и отклонилась отъ вышивки, разглядывая ее. Нищій пошелъ къ двери, подалъ мужику и мѣшокъ. Мужикъ взялъ, положилъ возлѣ себя на скамейку и, приминая его, сказалъ:

— Правильно. Теперь садись, давай побалакаемъ. Я всѣ эти дѣла разберу. Я свою ревизію сдѣлаю, не бойся!

И замолчалъ, уставившись въ столъ.

— Вясна...—пробормоталъ онъ.— Ахъ, да разнесчастная субботушка, нельзя въ полѣ работать... Дѣлай!—крикнулъ онъ кому-то, стараясь щелкнуть пальцами:

Пошла барыня плясать,
Голубые пальцы...

И опять замолчалъ. Хозяйка заглаживала наперсткомъ вышивку.

— Я корову пойду доить,—сказала она, поднимаясь съ

мѣста.—Огня безъ меня не вздувайте, а то еще пожару спьяну надѣлаете.

Мужикъ очнулся.

— Господи!—воскликнулъ онъ обиженно.—Хозяюшка! Да неужто мы... Объ мужу небось скучились?

— Это не твоя печаль,—сказала хозяйка.—Онъ въ городѣ, по дѣлу. По кабакамъ не таскается.

— Потаскаешься!—сказалъ мужикъ.—Что жъ мнѣ, ай подъ дорогу теперь выходить? Вамъ, чертямъ, богатымъ, хорошо...

Хозяйка, захвативъ подойникъ, вышла. Въ избѣ темнѣло, было тихо, и розовый свѣтъ разливался въ темнотѣ, мягкой, весенней. Мужикъ, облокотясь на столъ, дремалъ, насасывая потухшую цыгарку. Нищій сидѣлъ смирно, неслышно, прислонясь къ темному простѣнку, и лица его почти не было видно.

— Пиво пьешь?—спросилъ мужикъ.

— Пью,—послышался изъ сумрака негромкій отвѣтъ.

Мужикъ помолчалъ.

— Бродяги мы съ тобой,—сказалъ онъ хмуро и задумчиво.—Сволота несчастная... побирушки... Мнѣ съ тобой скушно!

— Это правильно...

— А пиво я люблю,—опять помолчавъ, громко сказалъ мужикъ.—Не держитъ, стерва! А то бы я и пива выпилъ... и закусилъ бы... у меня языкъ намокъ, ѣсть хочется... Закусилъ бы и выпилъ... да... А эта, хозяйка, хороша лицомъ! Мнѣ бы такую-то на пристяжку, я бы... Ну, ничего, сиди, сиди... Я слѣпыхъ уважаю. Придетъ престольный праздникъ, я ихъ, слѣпыхъ-то, бывало, человѣкъ двадцать за столъ посажу, у насъ дворъ былъ—поискать такого-то! Они мнѣ и стихъ споютъ и покланяются... Стихи можешь пѣть? Про Алексѣя Божьи человѣки? Я этотъ стихъ долюбаю. Бери чашку,—своей угощу...

Взявъ изъ рукъ нищаго чашку, онъ поднялъ ее на слабый свѣтъ зари и налилъ до половины. Нищій всталъ, низко поклонился, вытянулъ чашку до дна и опять сѣлъ. Мужикъ потащилъ къ себѣ на колѣни его мѣшокъ и, развязывая, забормоталъ:

— Я тебя сразу понялъ... У меня, братъ, денегъ хватитъ, я тебѣ не ровня... Я ихъ хладнокровно проживаю... прововаю... Въ годъ по лошади пропиваю, по хорошему барану прокуриваю... Ага! Накололся на мужичка, понялъ теперь, кто я такой? А мнѣ тебѣ жалко... Я понимаю! Васъ, такихъ-то, тыщи весеннее время идутъ... Грязь, чичеръ, ни путя ни дороги, а ты иди, кланяйся... да еще не то дадутъ, не то

нѣтъ... Братъ! Разя я не понимаю?—спросилъ мужикъ горько, и глаза его налились слезами.

— Нѣтъ, вешнее время ничего, хорошо,—тихо сказалъ нищій.—Идешь полемъ, большакомъ... одинъ, какъ есть... Опять же солнушко, тепло... Правда, большія тысячи насъ такихъ-то идутъ, Полъ-Россіи идетъ.

— Я двѣ лошади пропилъ,—сказалъ мужикъ, выгребая изъ мѣшка корки, вытаскивая жилетку, коленкоръ, штаны и лапоть.—Я всѣ твои хрунки, лохмотья несчастные разберу... Стой! Брюки! Это я у тебя, съ деньгами справлюсь, обязательно куплю... Сколько?

Нищій подумалъ.

— Да я бы за два отдалъ...

— Троякъ дамъ!—сказалъ мужикъ, поднимаясь, подсовывая подъ себя штаны и садясь на нихъ.—Мои! А лапоть гдѣ другой? Совсѣмъ новый,—значитъ, обязательно укралъ... Ну, да ужъ лучше воровать, чѣмъ такъ-то, не хуже меня, сердце себѣ терзать вешнее время, съ голоду околѣвать, сѣницы послѣднія раскрывать, когда послѣдній пастухъ, и тотъ при дѣлу... Я лошадь пропилъ, а она, скотина-то, дороже человѣка стоитъ... Ай я не пахарь, не косецъ?.. А теперь ной стихъ, а то убью сейчасъ!—крикнулъ онъ.—Мнѣ съ тобой скушно!

Дрожащимъ, скромнымъ, но привычнымъ голосомъ нищій запѣлъ изъ темноты:

Жили-были братья рòдные,
Богомъ-Христомъ братья сводные...

— Ахъ, да и сводная!—высоко и жалостно подхватилъ мужикъ, надрываясь.

Нищій ровнымъ церковнымъ напѣвомъ продолжалъ:

Одинъ бѣденъ-скуденъ,
У гною-проказѣ...

— А другой бога-атый!—не въ ладъ, заглушая его, со слезами въ голосѣ подхватилъ мужикъ.—Сердитъй!—крикнулъ онъ, срываясь.—Мине горе съѣло, у всѣхъ людей праздникъ, у всѣхъ людей сѣвы, а я грызу землю, она, родимая, другую весну у меня пустуя... Подай сюда чашку, а то убью сейчасъ! Открой мнѣ окошко!

И опять нищій покорно подалъ чашку. Потомъ сталъ отворять окно. Новое, оно забухло и долго не подавалось. Наконецъ подалось, распахнулось. Съѣжко, хорошо запахло полемъ. Поле было уже совсѣмъ темно, мутно-розовая заря потухала, чуть рѣяла надъ мягкой тьмой его, тихаго, счастли-

ваго, оплодотвореннаго. Слышно было, какъ допѣвали свои самыя послѣднія пѣсни полусонные жаворонки.

— Пой, Лазарь, пой, рòдный мой братянъ!—сказалъ мужикъ нѣжно, протягивая нищему полную чашку.—Оба мы съ тобой... Только чтò ты передо мной? Бродяга! А я рабочій человѣкъ, всѣхъ страдащихъ поилецъ-кормилецъ...

Онъ тяжело, срыву сѣлъ и опять полѣзъ въ мѣшокъ.

— А это чтò у тебя такое?—спросилъ онъ, разглядывая коленкоръ, чуть порозовѣвшій отъ едва уловимаго свѣта зари.

— Такъ... бабы подали,—сказалъ нищій тихо, чувствуя, что отъ хмеля все плыветъ подъ нимъ, что пора уходить, и что надо какъ-нибудь вытянуть изъ-подъ мужика штаны.

— Какъ тàкъ? Брешешь! — крикнулъ мужикъ, ударяя кулакомъ по столу.—Это саванъ—ввижу! Это гробный саванъ!—со слезами крикнулъ онъ и помолчалъ, какъ будто слушая затихающія пѣсни жаворонковъ. Потомъ отпихнулъ отъ себя мѣшокъ и, замотавъ лохматой головой, заплакалъ:—Возгордился я на Бога!—горько сказалъ онъ, плача.

И, натуживаясь, ладно, сильно запѣлъ:

Зародила-сохранила меня мать,
Непростительнаго!
Усѣ муки прійзашелъ,
Всѣ печали прійзашелъ,
Нигдѣ счастья не призрѣлъ!
Говорила мине мать,
Приговаривала:
Кабы знала-вѣдала,
Такой чады никогда
Не стерпѣла бы..

— Душа моя грѣшница, веретенница! — дико закричалъ онъ, плача, и вдругъ съ жуткимъ хохотомъ захлопалъ въ ладоши:—Нищій человѣкъ, отдай мнѣ свои деньги! Я тебѣ насквозь знаю, я тебѣ насквозь чую—отдай! Знаю, что есть! Не можетъ того быть, чтобы не было,—отдай за ради самого Господа-Бога!

И, шатаясь, поднялся, и у нищаго, тоже поднявшагося, отнялись ноги отъ страха, заныло въ ляжкахъ. Заплаканное лицо мужика, чуть видное въ сумракѣ, было безумно.

— Отдай!—повторилъ онъ сразу охрипшимъ голосомъ.—За ради Царицы Небесной—отдай! Вижу, вижу—за грудь, за пельки ухватился,—значитъ, есть,—у васъ у всѣхъ есть! Отдай—тебѣ все равно ни къ чему, ты въ гробу одной ногой, а я навѣкъ человѣкомъ стану! Отдай добромъ,—братъ, родный, не доводи до грѣха!

— Никакъ нѣтъ,—тихо и безстрастно сказалъ нищій.

— Какъ?

— Никакъ нѣтъ. Двѣнадцать лѣтъ собиралъ. Не рѣшусь.

— Не отдашь?—сипло спросилъ мужикъ.

— Нѣтъ...—едва слышно, но непоколебимо сказалъ нищій.

Мужикъ долго молчалъ. Въ темнотѣ было слышно, какъ у обоихъ стучатъ сердца.

— Хорошо,—съ безумной покорностью проговорилъ мужикъ.—Я тебѣ убью. Пойду, найду камень и убью.

И, шатаясь, пошелъ къ порогу.

Нищій, прямо стоя въ темнотѣ, широко и медленно перекрестился. А мужикъ, быкомъ склонивъ голову, уже ходилъ подъ окнами.

Потомъ послышался хрустъ,—видно, онъ выдиралъ камень изъ фундамента.

И черезъ минуту дверь снова хлопнула—и нищій вытянулся еще болѣе.

— Остатній разъ тебѣ говорю... — пробормоталъ мужикъ спаленными губами, подходя къ нему съ большимъ бѣлымъ камнемъ въ рукахъ.—Братъ...

Нищій молчалъ. Лица его не было видно. Размахнувшись лѣвой рукой и поймавъ нищаго за шею, мужикъ крѣпко ударилъ его въ откачнувшееся лицо холоднымъ камнемъ. Нищій рванулся назадъ и, падая, задѣвая лаптемъ столъ, стукнулся затылкомъ объ лавку, потомъ объ полъ. И, навалившись на него, мужикъ сталъ яростно, сдавивъ въ груди дыханіе, перебивать ему камнемъ горло.

Черезъ десять минутъ онъ былъ уже далеко въ темномъ ровномъ полѣ. Было звѣздно, свѣжо, металлически пахло землей. Совсѣмъ трезвый, онъ шелъ такъ быстро и такъ легко, что, казалось, можно было еще сто верстъ пройти. Ладанку, сорванную съ креста нищаго, онъ крѣпко держалъ въ кулакѣ. Потомъ далеко отшвырнулъ въ темные взметы. Глаза его стояли по-совиному, зубы были стиснуты, какъ клещи. Раскрытую голову,—шапку онъ не нашелъ въ темнотѣ, хотя искалъ долго,—обливало холодомъ. Она была какъ каменная.

Капри. 31. I. 1914.

СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ.

Этотъ потѣшный старичокъ, по фамиліи Фисунъ, состоялъ въ нашей губернской земской управѣ архиваріусомъ. Насъ, его молодыхъ сослуживцевъ, все потѣшало въ немъ: и то, что онъ архиваріусъ, и не только не находитъ смѣшнымъ это старомодное слово, а, напротивъ, понимаетъ его очень высоко, и то, что его зовутъ Фисуномъ, и даже то, что ему за восемьдесятъ лѣтъ.

Онъ былъ очень малъ ростомъ, круто гнулъ свою сухую спинку, носилъ престранный костюмъ: длинный базарный пиджакъ изъ чего-то сѣраго и громадные солдатскіе сапоги, въ прямыя широкія голенища которыхъ выше колѣнъ уходили его топкія, на ходу качавшіяся ножки. Онъ очень плохо слышалъ,—„сего Хвисуна хоть подъ колокола подводи!“—говорили управскіе сторожа, съ хохлацкой насмѣшливостью поглядывая на его большія и всегда холодныя восковыя уши; трясъ отъ старости головой, голосъ имѣлъ могильный, ротъ впалый, и ничего, кромѣ великой усталости и тупой тоски, не выражали его выцвѣтшіе глаза. Прибавьте къ этому еще рыжій солдатскій башлыкъ, конусомъ котораго зиму и лѣто украшалъ себя Фисунъ на улицѣ во избѣжаніе полной потери слуха, прибавьте толстыя морщины на сапогахъ, всегда, какъ жаръ, горѣвшихъ отъ ваксы,—фигура-то получится и впрямь потѣшная. Но мало того,—такой потѣшной наружности и характеръ соотвѣтствовалъ потѣшный.

Секретарь, бывшій семинаристъ, недаромъ называлъ Фисуна Харономъ. Фисунъ, какъ я уже сказалъ, былъ убѣжденнѣйшій архиваріусъ. Служить онъ началъ лѣтъ съ четырнадцати и служилъ исключительно по архивамъ. Со стороны ужаснуться можно было: чуть не семьдесятъ лѣтъ просидѣлъ человѣкъ въ этихъ сводчатыхъ подземельяхъ, чуть не

семьдесятъ лѣтъ прошмыгалъ въ ихъ полутемныхъ ходахъ и все подшивалъ да присургучивалъ, подшивалъ да присургучивалъ, гробовыми печатями припечатывалъ ту жизнь, что шла гдѣ-то наверху при свѣтѣ дня и солнца, а въ должный срокъ нисходила долу, въ эту смертную архивную сѣнь, грудами пылящаго и уже ни единой живой душѣ не нужнаго хлама загромождая полки! Но самъ-то Фисунъ не находилъ въ своей судьбѣ ровно ничего ужаснаго. Напротивъ: онъ полагалъ, что ни единое человѣческое дѣло немыслимо безъ архива.

— А ежели справка понадобится?—говорилъ онъ—и твердо былъ увѣренъ, что фраза эта неотразима.

Въ подземельѣ, до сводовъ заваленномъ докладами и отчетами, сидѣлъ въ ту пору и я, ближайшій сосѣдъ Фисуна, библіотекарь управы, тоже, значитъ, Харонъ въ нѣкоторомъ родѣ. Но вѣдь я сидѣлъ всего третій годъ, а не шестьдесятъ пятый: я получалъ, ничего не дѣлая, почти тридцать девять рублей и все былъ недоволенъ. А Фисунъ изнурялся въ трудахъ и заботахъ съ ранняго утра до самаго вечера, получалъ за вычетомъ въ эмеритуру всего тринадцать съ полтиной и даже терялся, небось, не зная, куда дѣвать такую уйму золота,—настолько были ограничены его житейскія потребности архивомъ. Да это еще что—тринадцать съ полтиной! Два рубля въ мѣсяцъ зарабатывалъ онъ при началѣ своего служебнаго поприща въ архивѣ опекунскаго совѣта, и то благодарилъ Бога, а если и „не чуялъ ногъ подъ собой отъ радости“, достигнувъ послѣ десятилѣтней службы въ сиротскомъ судѣ четырехъ рублей съ копейками, то не чуялъ вовсе не изъ корысти: единственно потому, что это былъ окладъ уже не мелкой сошки, а полнаго господина архивныхъ нѣдръ, окладъ архиваріуса.

Въ управѣ онъ служилъ чуть не съ перваго дня ея существованія. И какъ служилъ! Не знаю, когда онъ просыпался. Но думаю, что не позднѣе четырехъ утра, потому что жилъ онъ очень далеко, не въ городѣ, а за городомъ, въ голубой хаткѣ среди овраговъ предмѣстья, шаркалъ своими расчищенными сапогами и переставлялъ костыль очень медленно, и все-таки являлся въ управу ровно въ шесть. Бывало, еще солнце не успѣетъ нагрѣть тѣнистыхъ и росныхъ садовъ, еще плавно и гордо вихляются по деревяннымъ „пѣшеходамъ“ грудастыя хохлушки съ коромыслами черезъ плечо, съ макитрами молока и кошелками вишенъ, еще пустъ базаръ и по-утреннему чисты, бѣлы улицы, а онъ, въ своемъ башлыкѣ и болотныхъ сапогахъ, ужъ поспѣшаетъ. Сторожа,

которыхъ будилъ онъ стукомъ въ дверь управы, не разъ выскакивали на подъѣздъ съ твердымъ намѣреніемъ надавать ему въ шею, да вѣдь все-таки былъ онъ не простой человѣкъ, не свой братъ мужикъ, а архиваріусъ. Сторожа ругались, плевали, стыдили его; но онъ былъ упрямъ — и такидобился, что они смирились, привыкли къ его стуку ни свѣтъ ни заря.

При такомъ служебномъ рвеніи, можете себѣ представить, когда онъ покидалъ управу. Вотъ уже кончается долгій лѣтній день, ушли изъ управы не только столоначальники, но даже самые послѣдніе писцы, и гулко раздаются въ пустыхъ отдѣленіяхъ свободные голоса сторожей, грохотъ передвигаемыхъ столовъ и стульевъ; а Фисунъ все еще бродитъ въ своихъ темныхъ владѣніяхъ, въ дугу согнувъ свою худую спину, держа въ блѣдной, обезображенной ревматизмомъ рукѣ пылающій огарокъ и заботливо осматривая полки съ кипами дѣлъ; плаваетъ надъ городомъ, въ блескѣ опускающагося солнца, дрожащій басъ соборнаго колокола, призывая инвалидовъ и старухъ къ вечернѣ; ложатся тѣни отъ крышъ и садовъ, и усаживаются благодушествовать у раскрытыхъ оконъ пообѣдавшіе и вздремнувшіе горожане; а Фисунъ только голову башлыкомъ закутываетъ и стучитъ костылемъ въ полъ, распекая своего подчиненнаго за то, что тотъ опять явился сегодня въ управу чуть не въ семь часовъ, чуть не на цѣлый часъ позднѣе своего прямого начальства.

— Я бачу, бачу ваше поведэніе!—глухо кричитъ онъ, стоя возлѣ входа въ архивъ, подъ широкой лѣстницей, ведущей во второй этажъ, и глядитъ съ тоской, злобой и старческой растерянностью.

Да, какъ это ни смѣшно, у Фисуна тоже былъ подчиненный! И этотъ подчиненный не мало терпѣлъ отъ него и пресерьезно называлъ его иногда тираномъ, и, что всего страннѣй, не безъ основанія: характеръ у Фисуна былъ, дѣйствительно, нелегкій. Всѣ управскіе старики, кое-что знавшіе о личной жизни Фисуна, въ одинъ голосъ утверждали,—со смѣху помирая, конечно,—что онъ и въ семейномъ бытуи тиранъ: что онъ весь вѣкъ держитъ въ ежовыхъ рукавицахъ свою жену, робкую и безгранично преданную ему старушку, кое-чѣмъ торгующую на базарѣ; что она слова лишняго не смѣетъ пикнуть при немъ и все-таки съ самой трогательной заботливостью, до седьмого пота начищаетъ каждое утро его сапоги на порогѣ своей хатки. Боялся Фисуна и его единственный подчиненный, Луговой. Фисунъ шамкаетъ, горбится отъ раздраженія еще круче, почти касаясь хвостомъ пид-

жака сапожныхъ голенищъ, и крѣпко стучитъ костылемъ, а тотъ, хотя и хмурится, да все-таки молчитъ, не поднимаетъ глазъ. Это былъ большой, угрюмый хохолъ, коренастый мужикъ въ люстриновомъ костюмѣ, долго работавшій на почтѣ по части зашиванія и штемпелеванія посылокъ и наконецъ попавшій въ управу на постъ „помощника архиваріуса“. Онъ однимъ щелчкомъ могъ пришибить Фисуна, да вѣдь давно извѣстно, что сила-то не въ самой силѣ, а въ той власти, съ которой связана она. А что Фисунъ облеченъ былъ властью, что Фисунъ чувствовалъ себя начальникомъ и заражалъ Лугового своимъ чувствомъ,—въ этомъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Говоря по совѣсти, дѣла, и совсѣмъ не спѣшнаго, было въ архивѣ очень мало. Но Фисунъ отличался удивительнымъ умѣніемъ находить его и работалъ такъ кропотливо. что работы и заботъ оказывалось всегда по горло. И онъ упивался ими, онъ замучивалъ Лугового, особливо осенью, передъ земскими собраніями, когда въ управѣ шли вечернія занятія, въ которыхъ для архива, конечно, не было ни малѣйшей надобности и которыя, тѣмъ не менѣе, Фисунъ назначалъ неукоснительно.

Само собой разумѣется, что далеко не всегда,—и, прежде всего, по причинѣ своей глубокой старости, — ощущалъ онъ себя носителемъ власти, тѣмъ болѣе, что умалялась она сторожами, которые часто орали на него, находя, что онъ вѣчно мѣшаетъ имъ подъ лѣстницей, вѣчно „вертится подъ ногами“. Не всегда, конечно, трепеталъ передъ Фисуномъ и Луговой. А про тѣ часы, когда нужно было отдохнуть отъ понесенныхъ трудовъ и подкрѣпить силы для дальнѣйшихъ, я уже и не говорю: отдыхъ, закуска, а потомъ чаепитіе, куреніе тютюна и совсѣмъ уравнивали Фисуна съ Луговымъ. Тутъ, сидя подъ лѣстницей за столикомъ, они бесѣдовали, рѣзали житный хлѣбъ, чистили тарань и заваривали фруктовый чай въ жестяномъ чайникѣ совсѣмъ какъ простые, одинаковаго ранга люди. Да объединяла ихъ и ненависть къ сторожамъ, которые и Лугового не очень-то жаловали, объединяла отчужденность архива ото всѣхъ прочихъ отдѣленій управы: твердо держались эти архивные кроты, — и Фисунъ, конечно, особенно твердо,—того убѣжденія, что низъ и верхъ суть два совершенно разныхъ міра, что во вѣки вѣковъ не расти двумъ колосьямъ въ уровень, что до скончанія временъ пребудутъ большіе и малые, власть и подчиненіе, что напрасно молокососы потѣшаются надъ ними, и вѣрой-правдой служили этому убѣжденію, одинъ — властвуя, а другой — подчиняясь, не всегда, повторяю, но въ должные моменты — обязательно.

Упрямы были они, эти темные люди! Знать не хотѣлъ Фисунъ того новаго міра, въ который попалъ онъ, старозавѣтный человѣкъ. И мы, молокососы, не только пожимали плечами, но порой и негодовали: смѣшонъ и страненъ былъ въ нашемъ мірѣ этотъ выходецъ изъ міра опекунскихъ совѣтовъ. Правда, времена тогда были глухія, „желѣзная лапа реакціи давала себя знать“, но вѣдь все-таки мы были земскіе люди. А наше земство къ тому же было не простое: оно на всю Россію славилось свободолюбіемъ и демократичностью. Я въ ту пору тоже находился внизу, но я уже былъ на порогѣ, на выходѣ изъ своего подземелья, и не куда-нибудь, а въ самое горнило управы — въ статистику. Я былъ тоже невеликъ господинъ, но я былъ вхожъ въ тотъ чуждый, заповѣдный и непонятный для Фисуна и Лугового міръ, гдѣ жизнь питалась совсѣмъ не тѣми идеями „временъ Очакова и покоренья Крыма“, что въ архивѣ, — гдѣ со стѣнъ предсѣдательскаго кабинета глядѣли лица украшенныхъ великолѣпными бакенбардами дѣятелей „эпохи великихъ реформъ“, гдѣ въ двухсвѣтной залѣ собранія, передъ очами красавца Царя-Освободителя, во весь ростъ изображеннаго стоящимъ на зеркально-лаковомъ полу, отъ самаго начала шестидесятыхъ годовъ и до дней глубокой старости Фисуна смѣло звучали голоса „послѣднихъ изъ стаи славныхъ“, гдѣ съ устъ одного Станкевича, могикана этой стаи, раздалось столько бодрыхъ и краснорѣчивыхъ призывовъ къ „забытымъ словамъ“, „къ добру, къ правдѣ, къ гуманности“, къ самой широкой общественности, „къ неуклонному слѣдованію по пути предначертаній, возвѣщенныхъ съ высоты Престола на зарѣ русской гражданственности“... И, повторяю, досадно и смѣшно было мнѣ, подымавшемуся въ этотъ міръ и на обратномъ пути проходившему подъ лѣстницей, глядѣть на своихъ архаическихъ сослуживцевъ! Бывали минуты, когда даже не смѣяться мнѣ хотѣлось, а подойти къ Фисуну и Луговому и какимъ-нибудь однимъ словомъ, однимъ жестомъ, въ родѣ крѣпкаго рукопожатія, заставить воспрянуть духомъ этихъ людей, добровольно гнувшихъ свои выи, дать имъ почувствовать, какъ неправы они въ своемъ страхѣ передъ тѣмъ міромъ, что наверху. Но нужно было видѣть, какими холодными взглядами провожали меня Фисунъ и Луговой, когда я, развязно спустившись изъ этого міра, проходилъ мимо нихъ въ библіотеку! Да, впрочемъ, холодные-то взгляды были бы еще туда-сюда,—дѣло обстояло еще хуже. Не одну враждебность ко мнѣ, не одно презрѣніе къ моей развязности чувствовалъ Фисунъ: нѣтъ, несмотря на мой низкій чинъ, онъ

непремѣнно поднимался съ мѣста, когда я проходилъ мимо, и вытягивалъ руки по швамъ, старался разогнуться и получше уставить свои качающіяся ножки, до колѣнъ погруженныя въ прямыя и широкія голенища. Ему чудилось сіяніе вокругъ головы того, кто спустился въ эту темную архивную юдоль съ горнихъ высотъ, онъ зналъ, что самъ предсѣдатель почему-то подаетъ мнѣ руку, что я какъ равный курю и болтаю съ секретаремъ, — и чувствовалъ, что вмѣстѣ со мною какъ бы доходитъ до него нѣкое вѣяніе оттуда, гдѣ обитала сама власть, у подножія которой столько лѣтъ пресмыкался онъ, и чьей ипостасью, хотя и очень малою, сознавалъ онъ порою и себя самого.

И такъ вотъ и шли рядомъ двѣ совершенно разныхъ жизни—наша и архивная. Такъ и стояли мы съ этимъ упрямымъ и потѣшнымъ старичкомъ каждый на своемъ, коснѣя въ своихъ совершенно разныхъ убѣжденіяхъ... какъ вдругъ старичокъ взялъ да и умеръ! Смерть его, какъ и всякая смерть, конечно, не могла быть потѣшной, — вѣдь все-таки горько плакала старушка на порогѣ хаты въ предмѣстьѣ, нагрѣвая щеткой солдатскіе сапоги и не желая разстаться съ надеждой, что хозяинъ ихъ поднимется и опять поплетется въ архивъ,—но что эта смерть была не менѣе странной, чѣмъ жизнь Фисуна, съ этимъ, надѣюсь, согласится всякій. Произошла она, правда, отчасти по нашей винѣ,— мы таки на нѣкоторое время сломили его упрямство, заразили его своей вѣрой въ торжество свободы и равенства, — да вѣдь кто же могъ знать, что онъ ужъ до такой крайней степени окажется робокъ во второмъ этажѣ управы, что онъ, будучи такимъ робкимъ и отъ природы и въ силу давней привычки трепетать передъ верхами, вдругъ перейдетъ всякія границы свободы, и что дѣло кончится смертью? Произошла эта смерть слѣдующимъ образомъ.

Служилъ я первый годъ, служилъ второй, третій... а Фисунъ шестьдесятъ шестой, шестьдесятъ седьмой. Время, повторяю, было трудное,—недаромъ обжора и пьяница, но либеральнѣйшій человѣкъ, старшій врачъ губернской земской больницы говорилъ: „Бывали хуже времена, но не было подлѣй“; время было темное, но вѣдь ужъ извѣстно, что „чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды“, что „самая густая тьма—предразсвѣтная“. И мы вѣрили въ этотъ „грядущій разсвѣтъ“ и все болѣе укрѣплялись въ его близкомъ пришествіи. А Фисунъ попрежнему твердо держался своего,— того косного убѣжденія, что двумъ колосьямъ въ уровень никогда не расти. Однако буквально каждый годъ прино-

силъ пораженіе за пораженіемъ этому Ѳомѣ невѣрному: съ каждымъ годомъ все бодрѣе звучали голоса и старыхъ земскихъ бойцовъ, и идущихъ на смѣну имъ. И вотъ наконецъ чуть не поголовно всѣми, ежегодно собиравшимися въ ноябрѣ въ двухсвѣтный залъ нашей управы, овладѣли знаменитыя весеннія мечтанія. А когда изъ-за рѣдѣющихъ зимнихъ облакъ выглянуло и само весеннее солнце, когда полетѣли въ поднебесьѣ первыя весеннія птицы и крѣпко затрещалъ кое-гдѣ ледъ, сковывавшій дотолѣ вольныя воды,—эти мечтанія, прихлынувъ къ сердцамъ, вылились уже въ опредѣленную форму: въ форму страстныхъ протестовъ, пожеланій, требованій и самыхъ зажигательныхъ рѣчей. И случилось истинное чудо: самъ Фисунъ, самъ ветхозавѣтный Фисунъ сдался! До самыхъ подземелій управы проникъ горячій весенній свѣтъ, и Фисунъ хотя и растерялся немного отъ этого свѣта, невольно зажмурилъ свои старые глаза, но уже не могъ не видѣть, не могъ отрицать того, что̀ стало зримымъ, яснымъ и несомнѣннымъ для всѣхъ. Управа въ тотъ ноябрь подобна была вешнему улью: съ верху до низу гудѣла она народомъ, среди котораго было и огромное количество постороннихъ, начиная съ курсистокъ, студентовъ, врачей и кончая даже обывателями, и, казалось, уже не стало никакого различія между низомъ и верхомъ, между большими и малыми: всѣ, отъ первыхъ земскихъ магнатовъ до послѣдняго сторожа, отъ предводителя дворянства до Лугового, жаждали заключить другъ друга въ объятія, чтобы уже однимъ потокомъ, къ одной цѣли двинуться впередъ. „Свобода, свобода!“—звучало повсюду. И вотъ на этотъ-то кличъ и двинулся, къ изумленію всѣхъ, Фисунъ: повязался по холоднымъ, восковымъ ушамъ свернутымъ краснымъ платкомъ, выползъ, горбясь и осѣдая на ноги, касаясь хвостомъ пиджака голенищъ, изъ своихъ подземелій, добрелъ до лѣстницы, во всю ширину крытой краснымъ сукномъ, — и, хоть и очень медленно, но упрямо, сталъ подниматься наверхъ, къ тѣмъ огромнымъ зеркаламъ, туманно-голубымъ отъ табачнаго дыма и отражающимъ въ себѣ цѣлое море народа, что̀ были по бокамъ главнаго входа въ двухсвѣтный залъ собранія. А поднявшись, смѣшался съ шумными, воедино слитыми въ одну массу народными толпами, вольно сталъ бродить по коридору, по отдѣленіямъ, по кабинетамъ — и узрѣлъ-таки наконецъ самого Златоуста нашего, самого Станкевича.

И ахъ какъ говорилъ Станкевичъ въ этотъ день! Смѣлое и гордое рѣшеніе итти на приступъ уже созрѣло, — оставалось только уронить въ полную чашу ту драгоцѣнную каплю,

что переливаетъ влагу черезъ край. И звучно провозгласилъ предводитель дворянства, предсѣдатель собранія, терявшійся за моремъ головъ въ туманно-голубомъ залѣ, у блистающаго золотомъ, лакомъ и красками царскаго портрета, что принадлежитъ слово Алексѣю Алексѣевичу Станкевичу, и среди благоговѣйной тишины поднялась изъ среды сидѣвшихъ за безконечно-длиннымъ столомъ могучая сѣдовласая и прекрасная фигура „льва русской гражданственности“. Да онъ и наружностью похожъ былъ на льва! Правда, уже согбенъ годами и думами, лицомъ очень красенъ, взоромъ важно-печаленъ и тусклъ; поднялся медленно, концами дрожащихъ красныхъ пальцевъ оперся на столъ, крытый зеленымъ сукномъ, заговорилъ сперва тихо, раздѣльно... Но какая увѣренность звучала въ этихъ тихихъ, раздѣльно произносимыхъ словахъ, какая буйная грива сѣдыхъ кудрей возвышалась надъ высокимъ челомъ, ниспадая на плечи, облеченныя въ простой черный сюртукъ! А какъ потомъ окрѣпъ голосъ оратора, какъ зазвучалъ сталью, призывая безъ страха и сомнѣнія впередъ, на борьбу, во славу демократіи, какъ повергъ этотъ голосъ всю залу, вплоть до переполненныхъ хоръ, сперва въ жуткое молчаніе, а послѣ въ неистовый восторгъ, прорвавшійся бѣшеными кликами,—того и описать невозможно!

Потрясенный своими рѣчами и самъ разбитый усталостью, но торжествующій, засыпанный аплодисментами и цвѣтами съ хоръ, опустился Станкевичъ на свое мѣсто и долго, блѣдный и важный, какъ бы ничего не видящій, сидѣлъ, откинувшись къ спинкѣ кресла. Потомъ снова приподнялся и среди почтительно разступающагося земскаго и иного люда со старческой неспѣшностью прослѣдовалъ вонъ изъ зала...

А гдѣ же былъ все это время Фисунъ? А Фисунъ прослѣдовалъ къ той же цѣли, которая подняла съ мѣста Станкевича, еще раньше. Фисуну, долго стоявшему у входа въ залъ, за плечами сгрудившейся толпы, ровно ничего не было слышно. И, уставъ стоять, чувствуя дремоту, онъ медленно, но довольно свободно опять побрелъ по коридору. И, дойдя до конца его, постоялъ въ раздумьѣ, сонно глядя на дверь, за которую смѣли прежде заглядывать только предсѣдатель, гласные да высшіе чины управы,—и, ничтоже сумняшеся, взялся за ея скобку: можетъ-быть, даже не въ силу прямой потребности, а просто отъ скуки. И, затворившись на крючокъ, долго, долго пробылъ за этой дверью.

Не будь онъ глухъ, не завяжи онъ платкомъ ушей, слышалъ бы онъ, несчастный, что чья-то рука нѣсколько разъ дергала за скобку, тянула къ себѣ дверь и что чей-то недо-

ольный, тоже старческій голосъ бормоталъ что-то. Но онъ ылъ глухъ, глухъ и повязанъ платкомъ! Былъ онъ, кромѣ ого, очень неспоръ въ движеніяхъ, потребныхъ для приве-енія своего костюма въ порядокъ... Когда же одолѣлъ все то и распахнулъ дверь, то увидѣлъ, что передъ нимъ—самъ Станкевичъ! И застыли, замерли два старика другъ передъ ругомъ,—первый отъ изумленія и негодованія, а второй отъ жаса.

— Какъ?—медленно выговорилъ первый, выкатывая глаза нагибаясь.—Какъ? Такъ это ты, негодяй, сидѣлъ тамъ?

— Никакъ нѣтъ,—хотѣлъ выговорить второй, тоже выка-ывая глаза,—и не могъ: и отъ страха, и отъ того, конечно, то ужъ слишкомъ бы это не соотвѣтствовало истинѣ.

— Какъ? Ты осмѣлился забраться въ господское помѣ-еньe?—еще медленнѣе выговорилъ первый, наливаясь подъ воей бѣлоснѣжной сѣдиной кровью и наступая.

— Никакъ нѣтъ,—безсмысленно пролепеталъ второй, блѣд-ѣя, какъ смерть, и прижимаясь къ стѣнѣ, осѣдая на свои оленища, на свои отнявшіяся отъ ужаса ноги.

— Да ты кто такой?—бѣшено крикнулъ первый, затопавъ ъ ярости ботинками.

Но второй, выпучивъ глаза, ставъ похожимъ на зайца, лагодаря хвостикамъ краснаго платка, торчавшимъ на его акушкѣ, уже и лепетать не могъ...

Конецъ этой старой, гоголевской истории вы, разумѣется, же знаете: будучи черезъ часъ послѣ этого доставленъ въ езсознательномъ состояніи домой, Фисунъ слегъ въ постель, черезъ недѣлю и душу Богу отдалъ, въ первый и послѣд-ій разъ въ жизни побывавъ во второмъ этажѣ управы, въ ервый и послѣдній разъ проѣхавшись на извозчикѣ... Смерть го, равно какъ и другія нѣкоторыя событія, послѣдовавшія слѣдъ за весенними мечтаніями, конечно, не измѣнила на-ихъ „идеаловъ“, не угасила нашей вѣры въ грядущее тор-ество этихъ идеаловъ. Но что она отчасти смутила кое-кого зъ насъ,—въ томъ числѣ и меня,—въ этомъ я не могу не изнаться... Идутъ дни, годы, а я нѣтъ-нѣтъ да и вспомню ту смерть. И какъ уже не мало прошло этихъ дней и го-овъ, то не мало и сомнѣній закралось въ мою душу. Все-аки не тотъ я теперь, какимъ былъ когда-то, въ управѣ навнаго на всю Россію земства! Я, напримѣръ, всецѣло при-оединился къ тому великому почтенію, какое питалъ покой-ый Фисунъ къ архивамъ. Равенство-то равенствомъ, а правъ ть былъ, что немыслима безъ архивовъ жизнь, и что надо, адо оберегать ихъ, ибо, если бы ихъ не было, если бы не

существовало Фисуновъ, какъ бы сохранился вотъ хоть этотъ листокъ, на которомъ пишу я бѣдную и жалкую повѣсть Фисуна? А при Фисунахъ онъ, конечно, сохранится и, конечно, попадется кому-нибудь на глаза, и чѣмъ позднѣе, тѣмъ лучше рѣзче ударятъ въ глаза новаго человѣка строки этой старой исторіи. Фисунъ говорилъ: „А ежели справка понадобится?.. Такъ вотъ, если понадобится справка о нашемъ времени пригодится, можетъ-быть, и моя справка, и мой святочный разсказъ въ старомъ, добромъ стилѣ.

VII. 1914.

ПЫЛЬ.

Высокіе запыленные тополя шумѣли отъ знойнаго вѣтра
озлѣ большого бѣлаго вокзала. Въ тяжелыхъ вагонахъ длин-
аго почтоваго поѣзда, поровнявшагося съ навѣсомъ, потем-
ѣло и стало тѣсно, всѣ поднялись съ мѣстъ, разбирая вещи.
орвались въ вагонъ рослые мужики въ бѣлыхъ фартукахъ.
рущевъ отдалъ одному изъ нихъ сакъ и приказалъ взять
илетъ на курьерскій поѣздъ, отходящій въ двѣнадцать съ
оловиной.

Газетчики, стойки съ тульскими пряниками, апельсинами
водами, запахъ кухни и многолюдство,—все по эту сторону
окзала было знакомое, московское. Но по другую—совсѣмъ
ругое, забытое: глубокая провинція, край просторный, хлѣб-
ый, богатый и скучный. Пыльное солнце пекло пустую уха-
истую площадь. Нѣсколько запыленныхъ извозчиковъ стояло
дали. Сѣрый отъ пыли вагонъ трамвая долго поджидалъ
ого-то. И Хрущевъ вспомнилъ Востокъ, Турцію...

Сутулый мѣщанинъ, въ рыжей, выгорѣвшей чуйкѣ, въ теп-
омъ картузѣ, надвинутомъ на уши, въ истертыхъ, съ пылью
ъ складкахъ, сапогахъ, грызъ на площадкѣ вагона подсол-
ухи. Грызъ и кондукторъ, поводя голубыми хмельными гла-
ами. Неожиданно для всѣхъ и разсѣянно онъ дернулъ за
емный ремень, и впереди щелкнулъ звонокъ. Вагонъ пока-
ился внизъ, завернулъ къ трактиру въ угловомъ двухъэтаж-
омъ домѣ, тоже ветхомъ, деревянномъ, напоминающемъ ту-
ецкіе дома, и навстрѣчу цѣлой тучи бѣлой пыли понесся
одъ изволокъ—по широкой и безконечной улицѣ съ горба-
ой шоссейной дорогой посрединѣ и мѣщанскими хижинами
о сторонамъ.

Тусклое солнце жарко свѣтило сквозь тусклое стекло. Хи-
ины мелькали все нищія, съ высокими и гнилыми, почернѣ-

вшими тесовыми крышами. Навозъ сушился передъ ними. Надъ воротами торчали шесты съ желто-сѣдыми пуками ковыля. Хрущевъ съ радостью почувствовалъ, что всю жизнь будетъ любить все это. Но далеко впереди виднѣлись каменныя тріумфальныя ворота. За ними начинался городъ чиновничій и купеческій, весь бѣлый, каменный. Хрущевъ вспомнилъ себя юношей, корректоромъ губернскихъ вѣдомостей, вспомнилъ холеру, запахъ хлористой извести на вокзалѣ, серебристое отъ пыли и зноя небо за его бѣлымъ фасадомъ и торжественные проводы губернатора, важнаго опять-таки потурецки, однимъ видомъ своимъ повергавшаго въ столбнякъ вытянутыхъ городовыхъ, ѣхавшаго на бунтъ, пороть мужиковъ. „Ахъ, будь она проклята, эта моя молодость“, — подумалъ Хрущевъ...

Остановились въ центрѣ города. Тутъ на площади, передъ думой, биржей и старыми колоніальными магазинами, надо было ждать пересадки: Хрущеву хотѣлось побывать на окраинахъ, на Пушкарной улицѣ, гдѣ онъ жилъ когда-то у сапожника Мухина. Былъ табельный день. Въ солнечномъ блескѣ дрожащій звонъ старыхъ колоколовъ былъ густъ и тяжелъ. Толпами шелъ и ѣхалъ народъ изъ церквей, трещали извозчики, мелькали шитые мундиры и треуголки. Хрущевъ прошелся по каменистому тротуару мимо пекарни Чаева, мимо столѣтняго виннаго магазина братьевъ Шафоростовыхъ, мимо подъѣзда гостиницы „Парижъ“, въ красныхъ, помпейскихъ сѣняхъ которой круто поднималась лѣстница, покрытая истоптаннымъ половикомъ. Запахъ пекарни былъ скученъ. Запахъ лимоновъ, бакалеи изъ прохладнаго, полутемнаго магазина съ политыми полами снова пробудилъ молодыя чувства — ещѣхъ дней, когда Хрущевъ ѣздилъ съ отцомъ въ городъ на лошадяхъ, и отецъ покупалъ у Шафоростовыхъ карты, мѣлки, стеариновыя свѣчи и хересъ, — темныя бутылки, оплетенныя тонкой проволокой. Мимо шли какъ будто все тѣ же черные салопы со стеклярусомъ, все тѣ же лосняіеся на солнцѣ купеческіе сюртуки, и заунывно, по-восточному, кричали все тѣ же квасники въ красныхъ рубахахъ, что̀ кричали двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Выбритый, рыжеусый, краснолицый городовой, стоя среди площади, оправлялъ нитяныя перчатки на толстыхъ рукахъ.

Пришелъ вагонъ съ Карачевской. Онъ направлялся какъ разъ на тѣ пустынныя улицы, куда двадцать пять лѣтъ тому назадъ Хрущевъ попалъ изъ-подъ родительскаго обнищавшаго крова, изъ деревни. Опять неожиданно щелкнулъ звонкомъ кондукторъ. Опять стало припекать спину сквозь тусклыя

стекла, и понеслась навстрѣчу пыль... Жилъ Хрущевъ на Пушкарной улицѣ среди чужой, грязной семьи. Застѣнчивый барчукъ, какъ не шелъ онъ къ ней! Но какъ, значитъ, счастливъ онъ былъ своей молодостью, если и теперь еще запахъ сапожнаго товара, герани и гнили мѣщанскаго угла волнуетъ его, если отъ его хожденія въ казенную типографію остались въ памяти только раннія солнечныя утра и свѣжесть городского сада, мимо котораго проходилъ онъ, перейдя по деревянымъ лавамъ мелкую широкую рѣчку и поднявшись на гору!

„Пушкарная!“—крикнулъ кондукторъ. Вагонъ остановился на половинѣ широкой немощеной улицы: здѣсь путь обрывался, рыжіе рельсы упирались въ песокъ, поросшій кое-гдѣ муравой. Вагоновожатый сталъ переводить желѣзный лукъ, соединяющій вагонъ съ проволокой, убѣгающей отъ столба къ столбу назадъ, въ городъ... Тишина и жаркій, ослѣпительный свѣтъ. По правому тротуару, по каменистымъ колчамъ, Хрущевъ долго шелъ мимо всяческихъ мѣщанскихъ домишекъ—и сѣрыхъ, и голубыхъ, и бѣлыхъ, но одинаково нищихъ. Онъ внимательно глядѣлъ на нихъ, читалъ надписи на дощечкахъ надъ калитками... Чуть не вся улица принадлежала женщинамъ: рѣдко-рѣдко гдѣ владѣлецъ, а то все владѣлицы,—странная черта русскаго захолустья! Онъ разспрашивалъ встрѣчныхъ старухъ, далеко ли до дома Мухина,—онѣ не знали и робѣли, отвѣчая; сидѣлъ, отдыхалъ на скамеечкахъ и снова шелъ. Ладный, коротконогій, чѣмъ-то довольный солдатъ, шедшій навстрѣчу, отиралъ рукавомъ губы отъ мокрой шелухи подсолнуховъ. Хрущевъ хотѣлъ спросить и его: гдѣ домъ Мухина,—и не могъ. Усталость онъ чувствовалъ смертельную.

Лицо его горѣло подъ тѣнью соломенной шляпы, въ головѣ мутилось отъ жары. Онъ опять остановился. Хижину Мухина трудно было найти, слишкомъ она была похожа на другія. Онъ сталъ искать глазами того дома, что когда-то бѣлѣлъ напротивъ Мухина, далеко выдѣлялся среди этой бѣдной улицы своей желѣзной крышей и садомъ за заборомъ. Но и этого дома не было. А улица точно на край свѣта шла. И вдругъ вся эта затѣя—шататься въ жару, ломать ноги по песку и камнямъ, вызывать удивленные взгляды встрѣчныхъ своей легкой одеждой и шляпой—показалась Хрущеву глупой и безцѣльной. Навстрѣчу медленно ѣхалъ извозчикъ, молодой парень на ободранной пролеткѣ, на клячѣ съ кривыми, опухшими ногами. Хрущевъ крикнулъ, замахалъ руками, испугавшись, что онъ скроется куда-нибудь въ переулокъ.

„На вокзалъ, да поскорѣе!“—сказалъ онъ, садясь. И кляча

понесла его съ такой неожиданной прытью, что онъ не чаялъ живымъ остаться, ныряя по тѣмъ пустырямъ и буеракамъ, которые избралъ извозчикъ для сокращенія пути на вокзалъ.

Курьерскій поѣздъ подходилъ. Хрущевъ торопливо соскочилъ съ пролетки. Радость оживила его. Онъ прошелъ пахнущій самоваромъ вокзалъ и черезъ минуту уже сидѣлъ въ купэ международнаго вагона. Осмотрѣвшись, онъ улыбнулся: „Боже, что за жалкіе мы люди—обрадовался хорошему поѣзду и привычной обстановкѣ, точно Стэнли послѣ центральной Африки!“ Но какъ легко и плавно тронулся поѣздъ! Какая чистота въ этой маленькой каюткѣ, сіяющей зеркалами, мѣдью, краснымъ лакированнымъ деревомъ и темно-зеленымъ рытымъ бархатомъ дивана!

Вагонъ уже мотало. Приноравливаясь къ его качкѣ, Хрущевъ снялъ шляпу, поглядѣлъ въ зеркало на свое блѣдное, непровинціальное лицо, сѣлъ... Полуденное солнце, свѣтившее за большимъ пыльнымъ стекломъ, горячей полосой ходило по дивану. Хрущевъ протеръ стекло; раскачиваясь отъ бѣга ревущаго на станціонныхъ путяхъ поѣзда, онъ долго разглядывалъ огромную низменность, въ тускломъ блескѣ которой туманно лежалъ городъ. Потомъ наполовину спустилъ кожаную занавѣску, — и сердце его сжала тоска, тоска какъ бы послѣдней разлуки съ этимъ уходящимъ изъ глазъ городомъ и съ бѣдными воспоминаніями молодости.

Въ дверь осторожно постучали: лакей съ карточкой завтрака заглянулъ въ купе.—Прекрасно, оставьте мнѣ мѣсто,— сказалъ Хрущевъ съ той пріятной легкостью, съ которой, вѣрно, говоритъ на своемъ языкѣ иностранецъ, переѣхавшій границу своей страны послѣ Россіи. На минуту онъ сладко захмелѣлъ, вспомнивъ, что сейчасъ будетъ сидѣть за столикомъ съ букетомъ цвѣтовъ, за бутылкой вина, и что впереди—сѣро-сиреневыя горы, бѣлый городъ въ кипарисахъ, нарядные люди, зеленыя морскія волны, длинными складками идущія на гравій, ихъ лѣтній, атласный шумъ, тяжесть, блескъ и кипень... Лакей деликатно притворилъ дверь. Хрущевъ легъ на диванъ,—и мысли его опять возвратились къ молодости, къ началу его бездомной жизни, къ этому большому мертвому городу, вѣчно заносимому пылью, подобно оазисамъ среднеазіатскихъ пустынь, подобно египетскимъ каналамъ, засыпаемымъ песками...

„Пыль, пыль, пыль!“—думалъ онъ съ какой-то ѣдкой и сладкой тоской, глядя на тончайшую сухую мглу, наполнявшую его жаркое купе.—„Азія, Азія!“

Вагонъ мотало...

Капри. 1913.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЪ ВЕНЕЦІИ.

А. А. Карзинкину.

Восемь лѣтъ въ Венеціи я не былъ...
Мука Бреннеръ! Вымотало душу
По мостамъ, ущельямъ и туннелямъ,
Но зато какой глубокій отдыхъ!
Всякій разъ, когда вокзалъ минуешь
И на пристань выйдешь, удивляетъ
Тишина Венеціи, пьянѣешь
Отъ морского воздуха каналовъ...
Эти лодки, барки, маслянистый
Блескъ воды, огнями озаренной,
А за нею низкій рядъ фасадовъ
Какъ бы изъ слоновой грязной кости,
А надъ ними синій южный вечеръ,
Мокрый и ненастный, но налитый
Синевою мягкою, лиловой, —
Радостно все это было видѣть!
Плыли мы съ Энрико, — онъ женился,
Сталъ серьезнѣй, — у дверей отеля
Я сказалъ: „Энрико, если помнишь,
Я люблю осеннія сырыя
Мѣсячныя ночи, надо завтра
Побродить по городу, на взморье,
На лагуны выплыть: завтра въ полночь
Выйду я, какъ прежде, на пьяцетту,
Напротивъ нашей церкви, — дожидайся
Вонъ подъ тѣмъ палаццо, что напротивъ,
Съ выбитыми стеклами, съ желѣзной
Ржавою рѣшеткой въ дырахъ оконъ".

Восемь лѣтъ... Я спалъ въ давно знакомой
Низкой, старой комнатѣ, подъ бѣлымъ
Потолкомъ, расписаннымъ цвѣтами,
На широкой дѣдовской кровати.
Утромъ, слышу, — колоколъ... И звонко
И пѣвуче, но не къ намъ взываетъ
Этотъ чистый, одинокій голосъ,
Голосъ давней жизни, отъ которой
Только красота одна осталась!
Утромъ косо розовое солнце
Заглянуло въ узкій переулокъ,
Озаряя отблескомъ отъ дома,
Отъ стѣны напротивъ... И опять я
Радостную близость моря, воли
Ощутилъ, увидѣвши надъ крышей,
Надъ бѣльемъ, что по вѣтру трепалось,
Облаковъ сиреневые клочья
Въ жидкомъ, влажно-бирюзовомъ небѣ.
А потомъ на крышу прибѣжала
И бѣлье снимала, напѣвая,
Дѣвушка съ раскрытой головою,
Стройная и тонкая... Я вспомнилъ
Капри, Граціэллу Ламартина...
Восемь лѣтъ назадъ я былъ моложе,
Но не сердцемъ, нѣтъ, совсѣмъ не сердцемъ!

Въ полдень, возлѣ Марка, что казался
Патріархомъ Сиріи и Смирны,
Солнце, улыбаясь въ свѣтлой дымкѣ,
Перламутромъ розовымъ слѣпило.
Солнце пригрѣвало стѣны Дожей,
Площадь и воркующихъ, кипящихъ
Сизыхъ голубей, клевавшихъ зерна
Подъ ногами щедрыхъ форестьеровъ.
Лоснились цилиндры, обувь, трости,
Щурились глаза, сверкали зубы;
Женщины, весну напоминая
Свѣтлыми нарядами, раскрыли
Кружевные зонтики, чтобъ шелкомъ
Озаряло лица, и съ перчатокъ
Голубей кормили, подставляя
Плечи имъ и губы... Въ галлереѣ
Я сидѣлъ, спросилъ газету, кофе
И о чемъ-то думалъ... Тотъ, кто молодъ,

Знаетъ, что онъ любитъ. Мы не знаемъ, —
Цѣлый міръ мы любимъ... И далеко,
За каналы, за лежавшій плоско
И сіявшій въ тускломъ блескѣ городъ,
За лагуны Адріи зеленой, —
Въ голубой просторъ глядѣлъ крылатый
Левъ съ колонны... Въ ясную погоду
Онъ на югѣ видитъ Апеннины,
А на сизомъ сѣверѣ—тройныя
Волны Альпъ, мерцающихъ надъ синью
Платиной горбовъ своихъ ледяныхъ.

Вечеромъ — туманъ, молочно-сѣрый,
Дымный, непроглядный. И пушисто
Зеленѣютъ въ немъ огни, столбами
Фонари отбрасываютъ тѣни.
Траурно Большой каналъ чернѣетъ
Въ розсыпи огней, туманно-красныхъ.
Маркъ тяжелъ и древенъ. Въ переулкахъ —
Слякоть, грязь. Идутъ посерединѣ,
Какъ на сценѣ ходятъ. Сладко пахнутъ
Крѣпкія сигары. И уютно
Въ свѣтлыхъ галлереяхъ — ярко блещутъ
Ихъ кафэ, витрины. Англичане
Покупаютъ кружево и книжки
Съ толстыми шершавыми листами,
Въ переплетахъ съ золоченой вязью,
Съ грубыми застежками... За мною
Дѣвочка пристряла, — все касалась
До плеча рукою, улыбаясь
Жалостно и робко: „Mi d'un soldo!“
Долго я сидѣлъ потомъ въ тавернѣ,
Долго вспоминалъ ея прелестный
Жаркій взглядъ, лучистыя рѣсницы
И лохмотья... Можетъ-быть, арабка?

Ночью, въ часъ, я вышелъ. Очень сыро,
Но тепло и мягко. На пьяццеттѣ
Камни мокры. Нѣжно пахнетъ моремъ,
Холодно и сыро — вонью скользкихъ
Темныхъ переулковъ, отъ канала —
Свѣжестью арбуза. Въ свѣтломъ небѣ
Надъ пьяццеттой, противъ папскихъ статуй
На фасадѣ церкви, — блѣдный мѣсяцъ:

То сіяетъ, то за дымомъ таетъ,
За осенней мглой, бѣгущей съ моря.
„Не заснулъ, Энрико?“ — Онъ беззвучно,
Медленно на лунный свѣтъ выводитъ
Длинный, черный катафалкъ гондолы,
Чуть склоняетъ станъ—и вырастаетъ,
Стоя на кормѣ ея... Мы долго
Плыли въ узкихъ коридорахъ улицъ,
Между стѣнъ высокихъ и тяжелыхъ.

Въ этихъ коридорахъ — баржи съ лѣсомъ,
Барки съ солью: стали и ночуютъ.
Подъ стѣнами — сваи и ступени
Въ плѣсени и слизи. Сверху — небо,
Лента неба въ мелкихъ блѣдныхъ звѣздахъ...
Въ полночь спитъ Венеція, — быть-можетъ,
Лишь въ притонахъ для воровъ и пьяницъ,
За вокзаломъ, свѣтятъ щели въ ставняхъ,
И за ними глухо слышны крики,
Буйный хохотъ, споры и удары
По столамъ и столикамъ, залитымъ
Марсалой и вермутомъ... Есть прелесть
Въ этой поздней, въ этой чадной жизни
Пьяницъ, проститутокъ и матросовъ!
„Но amato, amo, Desdemona...“ —
Говоритъ Энрико, напѣвая,
И, быть-можетъ, слышитъ эту пѣсню
Кто-нибудь вотъ въ этомъ темномъ домѣ —
Та душа, что̀ любитъ... За оградой
Вижу садикъ; въ чистомъ небосклонѣ —
Голыя, прозрачныя деревья,
И стекломъ блестятъ они, и пахнетъ
Садъ виномъ и медомъ... Этотъ винный
Запахъ листьевъ тоньше, чѣмъ весенній!
Молодость груба, жадна, ревнива,
Молодость не знаетъ счастья — видѣть
Слезы на рѣсницахъ Дездемоны,
Любящей другого...
Вотъ и свѣтлый
Выходъ въ небо, въ лунный блескъ и воды!
Здравствуй, небо, здравствуй, ясный мѣсяцъ,
Переливъ зеркальныхъ водъ и тонкій
Голубой туманъ, въ которомъ сказкой
Кажутся вдали дома и церкви!

Здравствуйте, полночные просторы
Золотого млѣющаго взморья
И огни чуть виднаго экспресса,
Золотой бѣгущіе цѣпочкой
По лагунамъ къ югу! — Нѣтъ, не сердцемъ
Были мы моложе: сердце стало
Драгоцѣнной сказочною скрипкой,
Зазвучавшей золотомъ нѣвучимъ
Только послѣ многихъ скорбныхъ пѣсенъ!

30. VIII. 1913.

ПСКОВСКІЙ БОРЪ.

Вдали темно и чащи строги.
Подъ красной мачтой, подъ сосной
Стою и медлю—на порогѣ
Въ міръ позабытый, но родной.

Достойны ль мы своихъ наслѣдій?
Мнѣ будетъ слишкомъ жутко тамъ,
Гдѣ тропы рысей и медвѣдей
Уводятъ къ сказочнымъ тропамъ,

Гдѣ зернь краснѣетъ на калинѣ,
Гдѣ гниль покрыта ржавымъ мхомъ
И ягоды туманно-сини
На можжевельникѣ сухомъ.

VII. 1912.

ПРИЧАСТНИЦЫ.

Свѣжа въ апрѣлѣ ранняя заря.
Въ тѣни у хатъ хруститъ ледокъ стеклянный.
Причастницы къ стѣнамъ монастыря
Несутъ дѣтей—исполнить долгъ желанный.

Прими, Господь, счастливыхъ матерей,
Отверзи храмъ съ блистающимъ престоломъ—
И у святыхъ Своихъ дверей
Покрой ихъ звономъ благостно-тяжелымъ.

30. VI. 1907.

ІАКОВЪ.

Іаковъ шелъ въ Харанъ и ночевалъ въ пути,
Затѣмъ что пала ночь надъ той пустыней древней.
Царь говоритъ рабамъ: „Вотъ долженъ другъ прійти.
Гасите всѣ огни,—во мракѣ мы душевнѣй".

Такъ повелѣлъ Господь гасить свѣтило дня,
Чтобъ тайную вести съ Іаковомъ бесѣду,
Чтобъ звать его въ ночи: „Возстань, бори Меня—
И всей землѣ яви Мой знакъ, Мою побѣду!“

Капри. 10. III. 1914.

ТОРА.

Былъ съ Богомъ Моисей на дикой горной кручѣ,
У вратъ небесъ стоялъ какъ въ жертвенномъ дыму:
Сползали по горѣ грохочущія тучи—
И въ голосѣ громовъ Богъ говорилъ Ему.

Мѣшалось солнце съ тьмой, основы скалъ дрожали,
И видѣлъ Моисей, какъ зиждилась Она:
Изъ бѣлаго огня—раскрытыя скрижали,
Изъ чернаго огня—святыя письмена.

И стиль,—незримый стиль, чертившій ихъ узоры,—
Богъ о главу Вождя склоненнаго отеръ,
И въ пламенномъ вѣнцѣ шелъ воспріемникъ Торы
Къ народу своему, въ свой станъ и свой шатеръ.

Воспойте пѣснь Ему! Онъ радостнѣй и краше
Свѣтильника Седьми предъ Божьимъ алтаремъ:
Не отъ него ль зажгли мы пламенники наши,
Ни свѣта, ни огня не уменьшая въ немъ?

Римъ. 24. III. 1914.

ГОСПОДЬ СКОРБЯЩІЙ.

Воззвалъ Господь, скорбящій о Сіонѣ,
И Ангеловъ Служенія спросилъ:
„Погибли стяги, воинство и кони,—
Что сдѣлалъ Царь, покорный Богу Силъ?“

И Ангелы Служенія сказали:
„Онъ вретищемъ завѣсилъ тронный залъ,
Онъ потушилъ свѣтильники въ томъ залѣ,
Онъ скорбь свою молчаніемъ связалъ“.

Воззвалъ Господь: „И Я завѣшу тьмою,
Какъ вретищемъ, Мной созданную твердь,
Я потушу въ ней солнце и сокрою
Лицо Свое, да правитъ въ мірѣ Смерть!“

И отошелъ съ покинутаго трона
Къ тѣмъ тайникамъ, чье имя—Мистаримъ,
И плакалъ тамъ о гибели Сіона,
Для Ангеловъ Служенія незримъ.

Капри. 10. III. 1914.

ПЛАЧЪ НОЧЬЮ.

Плакала ночью вдова:
Нѣжно любила ребенка, но умеръ ребенокъ.
Плакалъ и старецъ-сосѣдъ, прижимая къ глазамъ рукава,
Звѣзды свѣтили, и плакалъ въ закутѣ козленокъ.

Плакала мать по ночамъ.
Плачущій ночью къ слезамъ побуждаетъ другого:
Звѣзды слезами текутъ съ небосклона ночного,
Плачетъ Господь, рукава прижимая къ очамъ.

Капри. 10. III. 1914.

НОВЫЙ ЗАВѢТЪ.

Съ Іосифомъ Господь бесѣдовалъ въ ночи,
Когда Святая Мать съ Младенцемъ почивала:

„Іосифъ! Близокъ день, когда мечи
Перекуютъ народы на орала.
Какъ нищая вдова, что плачетъ въ часъ ночной
О мужѣ и ребенкѣ, какъ Пророки
Мой древній Домъ оплакали со Мной,
Такъ проливаетъ міръ кровавыхъ слезъ потоки.
Іосифъ! Я расторгъ съ жестокими завѣтъ.
Исполни въ радости Господнее велѣнье:
Встань, возвратись въ Мой тихій Назаретъ —
И всей землѣ яви Мое благоволенье".

Римъ. 24. III. 1914.

МАГОМЕТЪ И САФІЯ.

Сафія, проснувшись, заплетаетъ ловкой
Голубой рукою пряди черныхъ косъ.
„Всѣ меня ругаютъ, Магометъ, жидовкой",
Говоритъ сквозь слезы, не стирая слезъ.

Магометъ, съ усмѣшкой и любовью глядя
Отвѣчаетъ кротко: „Ты скажи имъ, другъ:
Авраамъ — отецъ мой, Моисей — мой дядя,
Магометъ — супругъ".

Римъ. 25. III. 1914.

НИЩІЙ.

Возноси хвалы при захожденіи звѣздъ.

Коранъ.

Всѣ сады въ росѣ, но теплы гнѣзда—
Сладокъ птичій лепетъ, полусонъ.
Возноси хвалы—уходятъ звѣзды,
За горами заалѣлъ Гермонъ.

А потомъ, счастливый, босоногій,
Съ чашкой сядь подъ ивовый плетень...
Миръ идущимъ пыльною дорогой!
Славьте, братья, новый Божій день!

Дамаскъ. V. 1907.

НОЧЛЕГЪ.

Міръ — лѣсъ, ночной пріютъ птицы.

Брамины.

Въ вечерній часъ тепло во мракѣ лѣса,
И въ теплыхъ водахъ меркнетъ свѣтъ зари.
Пади во мракъ зеленаго навѣса—
И, пріютясь, замри.

А раннимъ утромъ, бѣлымъ и росистымъ,
Взмахни крыломъ, среди листвы шурша,
И растворись, исчезни въ небѣ чистомъ—
Вернись на родину, душа!

Индійскій океанъ. II. 1911.

ВЪ ТЕМНУЮ НОЧЬ, ВЪ ШТИЛЬ, ПОДЪ ЭКВАТОРОМЪ.

Le Temps, l'Etendue et le Nombre...

Leconte de Lisle.

Время, Пространство, Число
Съ черныхъ упали небесъ
Въ море, гдѣ мракъ и покой.

Саванъ молчанья и тьмы
Ихъ поглотилъ безъ слѣда—
Время, Пространство, Число.

Тяжкимъ обломкомъ, нѣмымъ,
Падаетъ Духъ въ пустоту,
Въ море, гдѣ мракъ и покой.

Съ нимъ, погруженнымъ во тьму,
Тонутъ, зачатыя имъ,
Время, Пространство, Число
Въ морѣ, гдѣ мракъ и покой.

27. II. 1915.

О ХРИСТѢ И ДОЧЕРИ ХАЛИФА.

Изъ „Золотой легенды“ лонгфелло.

Ферма въ Оденвальдѣ.—Садъ.—Утро.—Принцъ Генри читаетъ книгу.—Эльзи подходитъ къ нему съ цвѣтами.

Эльзи. Я нарвала цвѣтовъ,
Вотъ это вамъ,
А это Пречистой Дѣвѣ
И святой Цециліи.
Принцъ Генри. Ты похожа сейчасъ
На того ангела,
Что украсилъ безсмертными цвѣтами
Брачный чертогъ Цециліи.
Эльзи. Мои цвѣты умрутъ!
Принцъ Генри. Цвѣты умрутъ,
Но не умретъ память о нихъ,
А памяти дана
Власть воскрешать изъ мертвыхъ.
Эльзи. Знаете ли вы легенду
О Христѣ и дочери халифа?
Я не знаю легенды прекраснѣй.
Принцъ Генри. Тогда разскажи мнѣ ее.
Но прежде подойди поближе,
Положи цвѣты и дай мнѣ руки.
Теперь разсказывай.
Эльзи. Раннимъ утромъ
Гуляла дочь халифа
Въ саду отца своего,
Срывая яркія розы,
Полныя росы.
Принцъ Генри. Какъ рано утромъ
Ты, дорогая Эльзи.
Эльзи. И, срывая,
Все болѣе дивилась.
Кто Господинъ цвѣтовъ,
Кто возрастилъ ихъ
Изъ темной и холодной земли?
„Въ душу мою,—сказала она,—

Вошла любовь къ Нему; я для Него
Оставлю домъ отца, я буду
Въ Его саду трудиться".
Принцъ Генри. Дорогое, невинное дитя!
Какъ сладко разсказываешь ты
Давно забытую легенду,
Что̀ въ раннемъ дѣтствѣ
Слышалъ я отъ матери!
Эльзи. И въ полночь,
Когда почивала дочь халифа,
Послышался изъ сада голосъ.
Онъ звалъ ее. И, взглянувъ въ окно,
Она увидѣла прекраснаго Юношу,
Стоящаго среди цвѣтовъ.
То былъ Господь нашъ.
И дочь халифа
Вышла и отворила Ему,
И Онъ сказалъ ей: „Дѣва!
Ты подумала обо Мнѣ съ любовью,
И ради твоего спасенія
Я оставилъ домъ Отца Моего.
Я Господинъ цвѣтовъ,
Мой садъ въ небесномъ царствѣ,
И если ты послѣдуешь за Мной,
Твой брачный вѣнокъ
Будетъ изъ ярко-красныхъ цвѣтовъ".
И снялъ съ руки Своей
Золотой перстень
И спросилъ дочь халифа,
Хочетъ ли она быть Его невѣстой.
И когда она съ любовью отвѣтила Ему,
Раскрылась рана въ Его груди,
И Онъ сказалъ: „Вотъ розы,
Что̀ расцвѣли на Голгоѳѣ,
Гдѣ Я умеръ ради тебя.
Иди за Мной,
Меня зоветъ Отецъ Мой небесный,
Ты Моя нареченная невѣста".
И дочь халифа
Послѣдовала за Нимъ
Въ садъ Отца Его.
Принцъ Генри. А ты, Эльзи, послѣдовала бы?
Эльзи. Да, съ радостью.
Принцъ Генри. Тогда Небесный Женихъ

Придетъ за тобой.
Онъ на чело твое
Возложитъ не терновый вѣнецъ,
А вѣнокъ изъ розъ.
Въ брачномъ чертогѣ своемъ
Ты, какъ святая Цецилія,
Услышишь сладкогласные клиры
И упьешься благоуханіемъ
Цвѣтовъ безсмертныхъ.
Иди и положи цвѣты
Передъ ея изображеньемъ.

16 III 1915.

СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ.

ЧЕХОВЪ.

Я познакомился съ нимъ въ Москвѣ, въ концѣ девяносто пятаго года. Видались мы тогда мелькомъ, и я не упомянулъ бы объ этомъ, если бы мнѣ не запомнилось нѣсколько очень характерныхъ фразъ его.

— Вы много пишете?—спросилъ онъ меня однажды.

Я отвѣтилъ, что мало.

— Напрасно,—почти угрюмо сказалъ онъ своимъ низкимъ грудным баритономъ.—Нужно, знаете, работать... Не покладая рукъ... всю жизнь.

И, помолчавъ, безъ видимой связи прибавилъ:

— По-моему, написавъ разсказъ, слѣдуетъ вычеркивать его начало и конецъ. Тутъ мы, беллетристы, больше всего врем... И короче, какъ можно короче надо говорить.

Потомъ разговоръ зашелъ о стихахъ, и онъ вдругъ оживился:

— Послушайте, а стихи Алексѣя Толстого вы любите? Вотъ, по-моему, актеръ! Какъ надѣлъ въ молодости оперный костюмъ, такъ на всю жизнь и остался.

Послѣ такихъ мимолетныхъ встрѣчъ и случайныхъ разговоровъ, въ которыхъ были затронуты любимыя темы Чехова— о томъ, что надо работать „не покладая рукъ“ и быть въ работѣ до аскетизма правдивымъ и простымъ,—мы не видѣлись до весны девяносто девятаго года. Пріѣхавъ на нѣсколько дней въ Ялту, я однажды вечеромъ встрѣтилъ Чехова на набережной.

— Почему не заходите ко мнѣ?—сказалъ онъ.—Непремѣнно приходите завтра.

— Когда?—спросилъ я.

— Утромъ, часу въ восьмомъ.

И, вѣроятно, замѣтивъ на моемъ лицѣ удивленіе, онъ пояснилъ:

— Мы встаемъ рано. А вы?

— Я тоже,—сказалъ я.

— Ну, такъ вотъ и приходите, какъ встанете. Будемъ пить кофе. Вы пьете кофе?

— Изрѣдка пью.

— Пейте каждый день. Чудесная вещь. Я, когда работаю, ограничиваюсь до вечера только кофе и бульономъ. Утромъ—кофе, въ полдень—бульонъ. А то плохо работается.

Я поблагодарилъ за приглашеніе, и мы молча прошли всю набережную и сѣли въ скверѣ на скамью.

— Любите вы море?—сказалъ я.

— Да,—отвѣтилъ онъ. — Только ужъ очень оно пустынно.

— Это-то и хорошо,—сказалъ я.

— Не знаю,—отвѣтилъ онъ, глядя куда-то вдаль сквозь стекла пенсне и, очевидно, думая о чемъ-то своемъ. — По-моему, хорошо быть офицеромъ, молодымъ студентомъ... Сидѣть гдѣ-нибудь въ людномъ мѣстѣ, слушать веселую музыку...

И, по своей манерѣ, помолчалъ и безъ видимой связи прибавилъ:

— Очень трудно описывать море. Знаете, какое описаніе моря читалъ я недавно въ одной ученической тетрадкѣ? „Море было большое“. И только. По-моему, чудесно.

Можетъ-быть, это покажется кому-нибудь манерностью. Но—Чеховъ и манерность! „Скажу прямо,—говоритъ одинъ изъ хорошо знавшихъ Чехова,—я встрѣчалъ людей, не менѣе искреннихъ, чѣмъ Чеховъ, но людей до такой степени простыхъ, чуждыхъ всякой фразы и аффектировки, я не помню“. Да, онъ любилъ только искреннее, жизненное, органическое,—если только оно не было грубо и косно,—и положительно не выносилъ фразеровъ, книжниковъ и фарисеевъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые настолько вошли въ свои роли, что роли стали ихъ вторыми натурами. Въ своихъ работахъ онъ почти никогда не говорилъ о себѣ, о своихъ вкусахъ, о своихъ взглядахъ, что и повело, кстати сказать, къ тому, что его долго считали человѣкомъ безпринципнымъ, необщественнымъ. Въ жизни онъ также очень рѣдко говорилъ о своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ: „я люблю то-то“, „я не выношу того-то“ — это не чеховскія фразы. Но симпатіи и антипатіи его были чрезвычайно устойчивы и опредѣленны, и среди его симпатій одно изъ первыхъ мѣстъ занимала именно естественность. „Море было большое“... Ему, съ его постоянной жаждой наивысшей

простоты, съ его отвращеніемъ ко всему вычурному, напряженному, казалось это „чудеснымъ“. А въ его словахъ объ офицерѣ и музыкѣ сказалась другая его особенность: сдержанность. Неожиданный переходъ отъ моря къ офицеру, несомнѣнно, вызванъ былъ его затаенной грустью о молодости, о здоровьѣ. Море пустынно... А онъ любилъ жизнь, радость, и за послѣдніе годы эта жажда радости, хотя бы самой простой, самой обыденной, особенно часто сказывалась въ его разговорѣ. Но именно только сказывалась.

Слова за послѣднее время стали очень дешевы. И хорошія и дурныя слова произносятся теперь съ удивительной легкостью и лживостью. Но, кажется, чаще всего такъ говорятъ объ умершихъ. Очень много легкости, неточностей, а порой просто скудоумія можно встрѣтить и въ воспоминаніяхъ о Чеховѣ. Пишутъ, напримѣръ, что Чеховъ поѣхалъ на Сахалинъ затѣмъ, чтобы поддержать репутацію „серьезнаго“ человѣка, и въ дорогѣ такъ простудился, что нажилъ чахотку... Пишутъ, что смерть Чехова была ускорена постановкой „Вишневаго сада“: наканунѣ спектакля Чеховъ будто бы такъ волновался, такъ боялся, что его пьеса не понравится, что всю ночь бредилъ... Все это сущій вздоръ. На Сахалинъ Чеховъ поѣхалъ потому, что его интересовалъ Сахалинъ, и еще потому, что въ путешествіи онъ хотѣлъ встряхнуться послѣ смерти брата Николая, талантливаго художника. И чахотку онъ нажилъ не въ Сибири, — о томъ, что его легкія „хрипятъ“, онъ упоминалъ въ письмахъ къ сестрѣ еще въ 87 году—хотя несомнѣнно, что ѣздить ему не слѣдовало: взять хотя бы этотъ страшно тяжелый двухмѣсячный путь на перекладныхъ, ранней весной, въ дождь и въ холодъ, почти безъ сна и положительно на пищѣ св. Антонія, благодаря дикости сибирскихъ трактовъ! А что до волненій о „Вишневомъ садѣ“... Пишущіе, конечно, очень чувствительны къ тому, что говорятъ о нихъ, и много, много въ пишущихъ чувствительности жалкой, мелкой, неврастенической. Но какъ все это далеко отъ такого большого и сильнаго человѣка, какъ Чеховъ! Ибо кто съ такимъ мужествомъ слѣдовалъ велѣніямъ своего сердца, а не велѣніямъ толпы, какъ онъ? Кто умѣлъ такъ, какъ онъ, скрывать ту острую боль, которую причиняетъ человѣческому уму человѣческая глупость? Извѣстенъ только одинъ вечеръ, когда Чеховъ былъ явно потрясенъ неуспѣхомъ,—вечеръ постановки „Чайки“ въ Петербургѣ. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло... Да и кто могъ знать, волнуется онъ или нѣтъ? Того, что совершалось въ глубинѣ его души, никогда не знали во всей полнотѣ даже самые близкіе ему люди.

Мальчикомъ Чеховъ былъ, по словамъ его школьнаго товарища Сергѣенко, „вялымъ увальнемъ съ лунообразнымъ лицомъ“. Я, судя по портретамъ и по разсказамъ родныхъ Чехова, представляю его себѣ иначе. Слово „увалень“ совсѣмъ не подходитъ къ хорошо сложенному, выше средняго роста мальчику. И лицо у него было не „лунообразное“, а просто—большое, очень умное и очень спокойное. Вотъ это-то спокойствіе и дало, вѣроятно, поводъ считать мальчика Чехова „увальнемъ“, — спокойствіе, а отнюдь не вялость, которой у Чехова никогда не было — даже въ послѣдніе годы. Но и спокойствіе это было, мнѣ кажется, особенное, — спокойствіе мальчика, въ которомъ зрѣли большія силы, рѣдкая наблюдательность и рѣдкій юморъ. Да и какъ, въ противномъ случаѣ, согласовать слова Сергѣенко съ разсказами матери и братьевъ Чехова о томъ, что въ дѣтствѣ „Антоша“ былъ неистощимъ на выдумки, которыя заставляли хохотать до слезъ даже суроваго въ ту пору Павла Егоровича! Въ юности,— въ тѣ счастливые дни, когда ему доставляло наслажденіе проектировать такія произведенія, какъ „Искусственное разведеніе сѣней,—руководство для сельскихъ хозяевъ“,—это спокойствіе тонуло въ пышномъ расцвѣтѣ прирожденной Чехову жизнерадостности: всѣ, кто знали его въ эту пору, говорятъ о неотразимомъ очарованіи его веселости, красоты его открытаго, простого лица и его лучистыхъ глазъ. Но годы шли, духъ и мысль становились глубже и прозорливѣе. Смѣло отдавъ дань молодости, первымъ непосредственнымъ проявленіемъ своей богатой натуры, онъ приступилъ къ суровому въ своей художественной неподкупности изображенію дѣйствительности.

Въ Москвѣ, въ девяносто пятомъ году, я видѣлъ человѣка среднихъ лѣтъ, въ пенсне, одѣтаго просто и пріятно, довольно высокаго, очень стройнаго и очень легкаго въ движеніяхъ. Встрѣтилъ онъ меня привѣтливо, но такъ просто, что я, — тогда еще юноша, не привыкшій къ такому тону при первыхъ встрѣчахъ,—принялъ эту простоту за холодность. Въ Ялтѣ я нашелъ его сильно измѣнившимся: онъ похудѣлъ, потемнѣлъ въ лицѣ; во всемъ его обликѣ попрежнему сквозило присущее ему изящество,—однако это было изящество уже не молодого, а много пережившаго и еще болѣе облагороженнаго переживаніями человѣка. И голосъ его звучалъ уже мягче... Но, въ общемъ, онъ былъ почти тотъ же, что въ Москвѣ: привѣтливъ, но сдержанъ, говорилъ довольно оживленно, но еще болѣе просто и кратко, и во время разговора все думалъ о чемъ-то своемъ, предоставляя собесѣднику самому улавливать переходы въ скрытомъ теченіи своихъ мыслей, и все глядѣлъ на море

сквозь стекла пенснэ, слегка приподнявъ лицо... На другое утро послѣ встрѣчи на набережной я поѣхалъ къ нему на дачу. Ясно помню это солнечное утро, которое мы провели съ Чеховымъ въ его садикѣ. Онъ много шутилъ и, между прочимъ, прочиталъ мнѣ единственное, какъ онъ говорилъ, стихотвореніе, написанное имъ: „Зайцы и китайцы, басня для дѣтей“. И съ тѣхъ поръ я началъ бывать у него все чаще и чаще, а потомъ сталъ и совсѣмъ своимъ человѣкомъ въ его домѣ. Сообразно съ этимъ, конечно, измѣнилось и отношеніе ко мнѣ Чехова. Оно стало оживленнѣе, сердечнѣе... Но сдержанность осталась; и проявлялась она не только въ обращеніи со мной, но и съ людьми самыми близкими ему, и означала она, какъ я убѣдился потомъ, не равнодушіе, а нѣчто гораздо большее.

Бѣлая каменная дача въ Ауткѣ, подъ южнымъ солнцемъ и синимъ небомъ, ея маленькій садикъ, который съ такой заботливостью разводилъ Чеховъ, всегда любившій цвѣты, деревья и животныхъ, его кабинетъ, украшеніемъ котораго служили только двѣ-три картины Левитана да огромное полукруглое окно, открывавшее видъ на утонувшую въ садахъ долину рѣки Учанъ-Су и синій треугольникъ моря, тѣ часы, дни, иногда даже мѣсяцы, которые я проводилъ на этой дачѣ, и то сознаніе близости къ человѣку, который плѣнялъ меня не только своимъ умомъ и талантомъ, но даже своимъ суровымъ голосомъ и своей дѣтской улыбкой—останутся навсегда однимъ изъ самыхъ лучшихъ воспоминаній моей жизни. Былъ и онъ настроенъ ко мнѣ дружески, иногда почти нѣжно. Но та сдержанность, о которой я упомянулъ, не покидала его даже въ самыя задушевныя минуты нашихъ разговоровъ. И она была во всемъ.

Онъ любилъ смѣхъ, но смѣялся своимъ милымъ, заразительнымъ смѣхомъ чаще всего только тогда, когда кто-нибудь другой разсказывалъ что-нибудь смѣшное; самъ онъ говорилъ самыя смѣшныя вещи безъ малѣйшей улыбки. Онъ очень любилъ шутки, нелѣпыя прозвища, мистификаціи; въ послѣдніе годы, какъ только ему хоть ненадолго становилось лучше, онъ былъ неистощимъ на нихъ; но какимъ тонкимъ комизмомъ вызывалъ онъ неудержимый смѣхъ! Броситъ два-три слова, лукаво блеснетъ глазомъ поверхъ пенснэ... А его письма! Сколько милыхъ шутокъ было въ нихъ всегда, при ихъ совершенно спокойной формѣ!

Но сдержанность Чехова сказывалась и во многомъ другомъ, болѣе важномъ, свидѣтельствуя о рѣдкой силѣ его натуры. Кто, напримѣръ, слышалъ отъ него жалобы? А причинъ

для жалобъ было много. Онъ началъ работать въ большой семьѣ, терпѣвшей въ пору его молодости нужду, и работалъ мало того, что за гроши, но еще и въ обстановкѣ, способной угасить самое пылкое вдохновеніе: въ маленькой квартиркѣ, среди говора и шума, часто на краешкѣ стола, вокругъ котораго сидѣла не только вся семья, но еще нѣсколько человѣкъ гостей-студентовъ. Онъ долго нуждался и потомъ. Но никто и никогда не слыхалъ отъ него сѣтованій на судьбу, и это вытекало не изъ ограниченности его потребностей: будучи на рѣдкость благородно-скромнымъ въ своемъ образѣ жизни, онъ въ то же время прямо-таки ненавидѣлъ сѣрую, скудную жизнь... Онъ пятнадцать лѣтъ былъ боленъ изнурительной болѣзнью, которая неуклонно вела его къ смерти; но зналъ ли это читатель,—русскій читатель, который слышалъ столько горькихъ писательскихъ воплей? Больные любятъ свое привилегированное положеніе, часто почти съ наслажденіемъ терзаютъ окружающихъ злыми, горькими, непрестанными разговорами о своей болѣзни; но поистинѣ было изумительно то мужество, съ которымъ болѣлъ и умеръ Чеховъ! Даже въ дни его самыхъ тяжелыхъ страданій часто никто не подозрѣвалъ о нихъ.

— Тебѣ нездоровится, Антоша? — спроситъ его мать или сестра, видя, что онъ весь день сидитъ въ креслѣ съ закрытыми глазами.

— Мнѣ? — спокойно отвѣтитъ онъ, открывая глаза, такіе ясные и кроткіе безъ пенснэ.—Нѣтъ, ничего. Голова болитъ немного.

Онъ горячо любилъ литературу, и говорить о писателяхъ, восхищаться Мопассаномъ, Флоберомъ или Толстымъ — было для него наслажденіемъ. Особенно часто онъ съ восторгомъ говорилъ именно о нихъ да еще о „Тамани" Лермонтова.

— Не могу понять,—говорилъ онъ:—какъ могъ онъ, будучи мальчикомъ, сдѣлать это! Вотъ бы написать такую вещь да еще водевиль хорошій, тогда бы и умереть можно!

Но его разговоры о литературѣ были совсѣмъ не похожи на тѣ обычные профессіональные разговоры, которые такъ непріятны своею кружковой узостью, мелочностью своихъ чисто-практическихъ и чаще всего личныхъ интересовъ. Онъ заводилъ ихъ только тогда, когда зналъ, что его собесѣдникъ любитъ въ литературѣ прежде всего искусство, безкорыстное и свободное.

— Никому не слѣдуетъ читать своихъ вещей до напечатанія,—говорилъ онъ нерѣдко. — А главное, никогда не слѣдуетъ слушать ничьихъ совѣтовъ. Ошибся, совралъ—пусть и

ошибка будетъ принадлежать только тебѣ. Послѣ тѣхъ высокихъ требованій, которыя поставилъ своимъ мастерствомъ Мопассанъ, трудно работать, но работать все же надо, особенно намъ, русскимъ, и въ работѣ надо быть смѣлымъ. Есть большія собаки и есть маленькія собаки, но маленькія не должны смущаться существованіемъ большихъ: всѣ обязаны лаять—и лаять тѣмъ голосомъ, какой Господь Богъ далъ.

Все, что̀ совершалось въ литературномъ мірѣ, было очень близко его сердцу, и много волненій пережилъ онъ среди той глупости, лжи, манерности и фокусничества, которыя столь пышно цвѣтутъ теперь въ литературѣ. Но никогда не замѣчалъ я въ его волненіяхъ мелочной раздражительности, и никогда не примѣшивалъ онъ къ нимъ личныхъ чувствъ. Почти про всѣхъ умершихъ писателей говорятъ, что они радовались чужому успѣху, что они были чужды самолюбія, и поэтому, если бы у меня была хоть тѣнь сомнѣнія относительно писательскаго самолюбія Чехова, я совсѣмъ не затронулъ бы вопроса о самолюбіяхъ. Но онъ дѣйствительно радовался всякому таланту, и не могъ не радоваться: слово „бездарность“ было, кажется, наивысшей бранью въ его устахъ. Къ своимъ же успѣхамъ и неуспѣхамъ онъ относился такъ, какъ могъ относиться только онъ одинъ.

Онъ работалъ почти 25 лѣтъ, и сколько плоскихъ и грубыхъ упрековъ выслушалъ онъ за это время! Одинъ изъ самыхъ деликатнѣйшихъ русскихъ поэтовъ, онъ никогда не говорилъ языкомъ проповѣдника. А можно ли при этомъ разсчитывать на пониманіе и благосклонность критики въ Россіи? Вѣдь требовали же отъ Левитана, чтобы онъ „оживилъ“ пейзажъ—подрисовалъ коровку, гусей или женскую фигуру! И, конечно, не сладко было Чехову имѣть такихъ критиковъ, и много горечи влили они въ его душу, и безъ того отравленную русской жизнью. И горечь эта сказывалась.

— Да, Антонъ Павловичъ, вотъ скоро и юбилей вашъ будемъ праздновать!

— Знаю-съ я эти юбилеи. Бранятъ человѣка двадцать пять лѣтъ на всѣ корки, а потомъ дарятъ ему гусиное перо изъ алюминія и цѣлый день несутъ надъ нимъ, со слезами и поцѣлуями, восторженную ахинею!

— Читали, Антонъ Павловичъ? — скажешь ему, увидавъ гдѣ-нибудь статью о немъ.

А онъ только покосится поверхъ пенснэ:

— Покорно васъ благодарю! Напишутъ о комъ-нибудь тысячу строкъ, а внизу прибавятъ: „а то вотъ еще есть писатель Чеховъ: нытикъ...“ А какой я „нытикъ? Какой я „хму-

рый человѣкъ", какая я „холодная кровь", какъ называютъ меня критики? Какой я „пессимистъ"? Вѣдь изъ моихъ вещей самый любимый мой разсказъ—„Студентъ"... И слово-то противное: „пессимистъ"... Нѣтъ, критики еще хуже, чѣмъ актеры. А вѣдь, знаете, актеры на цѣлыхъ семьдесятъ пять лѣтъ отстали въ развитіи отъ русскаго общества.

И порою прибавитъ:

— Когда васъ, милостивый государь, гдѣ-нибудь бранятъ, вы почаще вспоминайте насъ, грѣшныхъ: насъ, какъ въ бурсѣ, критики драли за малѣйшую провинность. Мнѣ одинъ критикъ пророчилъ, что я умру подъ заборомъ: я представлялся ему молодымъ человѣкомъ, выгнаннымъ изъ гимназіи за пьянство.

Раздражался онъ рѣдко, а если и раздражался, то изумительно умѣлъ владѣть собой. Но и холоднымъ я его не видалъ. Холоденъ онъ бывалъ, по его словамъ, только за работой, къ которой онъ приступалъ всегда уже послѣ того, какъ мысль и образы его будущаго произведенія становились ему совершенно ясны, и которую онъ исполнялъ почти всегда безъ перерывовъ.

— Садиться писать нужно тогда, когда чувствуешь себя холоднымъ, какъ ледъ,—сказалъ онъ однажды.

Но, конечно, это была совсѣмъ особая холодность.

Чтобы эта сложная и глубокая душа стала ясна, нужно, чтобы какой-нибудь очень большой и очень разносторонній человѣкъ написалъ книгу жизни и творчества этого „несравненнаго", по выраженію Толстого, художника. Я же всей душой свидѣтельствую пока одно: это былъ человѣкъ рѣдкаго душевнаго благородства, воспитанности и изящества въ самомъ лучшемъ значеніи этихъ словъ, мягкости и деликатности при необыкновенной искренности и простотѣ, чуткости и нѣжности при рѣдкой правдивости.

Быть правдивымъ и естественнымъ, оставаясь въ то же время плѣнительнымъ,—это значитъ быть необыкновенной по красотѣ, цѣльности и силѣ натурой. И такъ часто говорилъ я здѣсь о спокойствіи Чехова именно потому, что его спокойствіе кажется мнѣ свидѣтельствующимъ о рѣдкой силѣ его натуры. Оно, я думаю, не покидало его даже въ дни самаго яркаго расцвѣта его жизнерадостности, и, можетъ-быть, именно оно дало ему въ молодости возможность не склониться ни передъ чьимъ вліяніемъ и начать работать такъ безпритязательно и въ то же время такъ смѣло, „безъ всякихъ контрактовъ съ своей совѣстью" и съ такимъ неподражаемымъ мастерствомъ.

„Я не стану,—говоритъ профессоръ въ „Скучной исторіи",—

чтобы французскія книжки были и умны, и талантливы, и благородны; но онѣ не такъ скучны, какъ русскія, и въ нихъ не рѣдкость найти главный элементъ творчества — чувство личной свободы...“

И вотъ этимъ-то чувствомъ личной свободы и отличался Чеховъ, не терпѣвшій, чтобы и другихъ лишали ея, и становившійся даже рѣзкимъ и прямолинейнымъ, когда видѣлъ, что на нее посягали.

Какъ извѣстно, эта „свобода“ не прошла ему даромъ. Успѣхъ, который онъ имѣлъ, очень долго не соотвѣтствовалъ его заслугамъ. Но сдѣлалъ ли онъ за всю жизнь хоть малѣйшее усиліе для того, чтобы увеличить свою популярность? Онъ съ болью и отвращеніемъ смотрѣлъ на всѣ тѣ пріемы, какіе нерѣдко пускаются теперь въ ходъ для пріобрѣтенія успѣха.

— А вы думаете, что они—писатели! Они — извозчики!— говорилъ онъ съ горечью.

И его нежеланіе выставлять себя на видъ доходило порой до крайностей.

„Публикуетъ „Скорпіонъ“ о своей книгѣ неряшливо,—писалъ онъ мнѣ послѣ выхода первой книги „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“.—Выставляетъ меня первымъ, и я, прочитавъ это объявленіе въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, далъ себѣ клятву больше уже никогда не вѣдаться ни со скорпіонами, ни съ крокодилами, ни съ ужами“.

Это было зимою 1900 г., когда Чеховъ, заинтересовавшись кое-какими черточками въ дѣятельности только-что организованнаго тогда книгоиздательства „Скорпіонъ“, далъ, по моему настоянію, въ альманахъ этого книгоиздательства одинъ изъ своихъ юношескихъ разсказовъ: „Въ морѣ“. Впослѣдствіи онъ не разъ раскаивался въ этомъ.

— Нѣтъ, все это новое московское искусство — вздоръ,— говорилъ онъ. — Помню, въ Таганрогѣ я видѣлъ вывѣску: „Заведеніе *искуственныхъ* минеральныхъ водъ“. Вотъ и это то же самое. Ново только то, что̀ талантливо. Что̀ талантливо, то ново“.

„Здравствуйте, милый Иванъ Алексѣевичъ!— писалъ онъ мнѣ въ январѣ этого года въ Ниццу.—Съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! Письмо Ваше получилъ, спасибо. У насъ въ Москвѣ все благополучно, новаго (кромѣ Новаго года) ничего нѣтъ и не предвидится, пьеса моя еще не шла, и когда пойдетъ—неизвѣстно..... Очень возможно, что въ февралѣ я пріѣду въ Ниццу..... Поклонитесь отъ меня милому теплому солнцу, тихому морю. Живите въ свое полное удо-

вольствіе, утѣшайтесь, не думайте о болѣзняхъ и пишите почаще Вашимъ друзьямъ..... Будьте здоровы, веселы, счастливы и не забывайте бурыхъ сѣверныхъ компатріотовъ, страдающихъ несвареніемъ и дурнымъ расположеніемъ духа. Цѣлую Васъ и обнимаю".

„Поклонитесь отъ меня милому теплому солнцу, тихому морю..." Такія слова я слышалъ отъ него рѣдко. Очень часто я скорѣе чувствовалъ, что онъ долженъ произнести ихъ, и это были минуты, въ которыя мнѣ было очень больно.

Помню одну ночь ранней весной. Было уже поздно; вдругъ меня зовутъ къ телефону. Подхожу и слышу:

— Милсдарь, возьмите хорошаго извозчика и заѣзжайте за мной. Поѣдемте кататься.

— Кататься? ночью?—удивился я.—Что съ вами, Антонъ Павловичъ?

— Влюбленъ.

— Это хорошо, но уже десятый часъ... И потомъ—вы можете простудиться...

— Молодой человѣкъ, не разсуждайте-съ!

Черезъ десять минутъ я былъ въ Ауткѣ. Въ домѣ, гдѣ зимою Чеховъ жилъ только съ матерью, была, какъ всегда, мертвая тишина и темнота, тускло горѣли двѣ свѣчки въ кабинетѣ, теряясь въ полумракѣ. И, какъ всегда, у меня сжалось сердце при видѣ этого тихаго кабинета, гдѣ для Чехова протекло столько одинокихъ зимнихъ вечеровъ, полныхъ, можетъ-быть, горькихъ думъ о своей судьбѣ.

— Какая ночь!—сказалъ онъ мнѣ съ необычной для него мягкостью и какой-то грустной радостью, встрѣчая меня на порогѣ кабинета.—А дома—такая скука! Только и радости, что затрещитъ телефонъ, да Софья Павловна спроситъ, что я дѣлаю, а я отвѣчу: мышей ловлю. Поѣдемте въ Ореанду. Простужусь—наплевать.

Ночь была теплая, тихая, съ яснымъ мѣсяцемъ, съ легкими бѣлыми облаками, съ рѣдкими лучистыми звѣздами въ голубомъ глубокомъ небѣ. Экипажъ мягко катился по бѣлому шоссе, мы молчали, глядя на блестѣвшую тусклымъ золотомъ равнину моря. А потомъ пошелъ лѣсъ съ легкими узорами тѣней, похожими на паутину, но уже по-весеннему нѣжный, красивый и задумчивый. Потомъ зачернѣли толпы кипарисовъ, возносившихся къ лучистымъ звѣздамъ. И когда мы оставили экипажъ и тихо пошли подъ ними, мимо голубовато-блѣдныхъ въ лунномъ свѣтѣ развалинъ дворца, Чеховъ внезапно сказалъ мнѣ:

— Знаете, сколько лѣтъ еще будутъ читать меня? Сто.

— Почему семь?—спросилъ я.

— Ну, семь съ половиной.

— Нѣтъ,—сказалъ я.—Поэзія живетъ долго, и чѣмъ дольше, тѣмъ сильнѣе.

Онъ ничего не отвѣтилъ, но, когда мы сѣли гдѣ-то на скамью, съ которой снова открылся видъ на блестящее въ мѣсячномъ свѣтѣ море, онъ скинулъ пенснэ и, поглядѣвъ на меня добрыми и усталыми глазами, сказалъ:

— Поэтами, милостивый государь, считаются только тѣ, которые употребляютъ такія слова, какъ „серебристая даль“, „аккордъ“ или „на бой, на бой, въ борьбу со тьмой!“.

— Вы грустны сегодня, Антонъ Павловичъ, — сказалъ я, глядя на его простое, доброе и прекрасное лицо, слегка блѣдное отъ луннаго свѣта.

Опустивъ глаза, онъ задумчиво копалъ концомъ палки мелкіе камешки, но, когда я сказалъ, что онъ грустенъ, онъ шутливо покосился на меня.

— Это вы грустны, — отвѣтилъ онъ. — И грустны оттого, что потратились на извозчика.

А потомъ серьезно прибавилъ:

— Читать же меня будутъ все-таки только семь лѣтъ, а жить мнѣ осталось и того меньше: шесть. Не говорите только объ этомъ одесскимъ репортерамъ...

На этотъ разъ онъ ошибся: онъ прожилъ меньше.

Умеръ онъ спокойно, безъ страданій, среди тишины и красоты лѣтняго разсвѣта, который такъ любилъ всегда. И когда умеръ, „выраженіе счастья появилось на его сразу помолодѣвшемъ лицѣ...“ Вспоминаются слова Л. де-Лиля:

Moi, je t'envie, au fond du tombeau calme et noir,
D'être affranchi de vivre et de ne plus savoir
La honte de penser et l'horreur d'être un homme.

Москва. IX. 1904.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

...Однажды, читая газеты, Чеховъ поднялъ лицо и не спѣша, безъ интонацій, сказалъ:

— Все время такъ: Короленко и Чеховъ, Потапенко и Чеховъ, Горькій и Чеховъ...

Время измѣнилось. Теперь онъ выдѣленъ. Но, думается, и до сихъ поръ не понятъ, не почувствованъ онъ какъ слѣдуетъ: слишкомъ своеобразный, сложный былъ онъ человѣкъ, душа скрытная, застѣнчивая даже, въ силу своей тонкой организаціи, и воедино слитая съ рѣдкимъ по остротѣ умомъ. Всегда было много крикливыхъ людей, теперь ихъ особенно много. А онъ былъ изъ тѣхъ, о комъ сказалъ Саади: „*Тотъ, у кого въ карманѣ склянка съ мускусомъ, не кричитъ о томъ на всѣхъ перекресткахъ: за него говоритъ ароматъ мускуса*“... Я писалъ, что никогда ни съ кѣмъ не былъ онъ друженъ, близокъ по-настоящему. Теперь это подтверждается. Замѣчательная есть строка въ недавно опубликованныхъ отрывкахъ изъ его записной книжки:

— Какъ я буду лежать въ могилѣ одинъ, такъ въ сущности я и живу одиноко.

Въ ту же записную книжку онъ занесъ такія мысли:

— Когда порядочный человѣкъ относится критически къ себѣ и къ своему дѣлу, то ему говорятъ: „пытка, бездѣльникъ, скучающій“.

— Какъ люди охотно обманываются, какъ любятъ они пророковъ, вѣщателей, какое это стадо!

— На одного умнаго полагается 1.000 глупыхъ, на одно умное слово приходится 1.000 глупыхъ, и эта тысяча заглушаетъ.

Его заглушали долго, распознавать стали поздно. До „Му-

жиковъ", далеко не лучшей его вещи, большая публика охотно читала его; но для нея онъ былъ только занятный разсказчикъ, авторъ „Винта", „Жалобной книги". Люди идейные интересовались имъ, въ общемъ, мало: признавали его талантливость, но серьезно на него не смотрѣли,—помню, какъ нѣкоторые изъ нихъ искренно хохотали надо мной, юнцомъ, когда я осмѣливался сравнивать его съ Гаршинымъ, Короленко, а были и такіе, которые говорили, что и читать-то никогда не станутъ они человѣка, начавшаго писать подъ именемъ Чехонте: „Нельзя представить себѣ,—говорили они,—чтобы Толстой или Тургеневъ рѣшились замѣнить свое имя такой пошлой кличкой". Въ средѣ литературной отношеніе къ нему было иное, тамъ его нѣкоторые высоко ставили, но тоже съ оговорками. А самъ онъ даже и это признаніе отрицалъ.

Настоящая слава пришла къ нему только съ постановкой его пьесъ въ Художественномъ театрѣ. И, должно-быть, это было для него не менѣе обидно, чѣмъ то, что только послѣ „Мужиковъ" заговорили о немъ: вѣдь и пьесы его—не лучшее изъ написаннаго имъ, а кромѣ того, это вѣдь значило, что вниманіе къ нему привлекъ театръ, то, что тысячу разъ повторилось его имя на афишахъ, что запоминались: „22 несчастья", „глубокоуважаемый шкапъ", „человѣка забыли",—что явился посредникъ между нимъ и публикой, разъяснявшій его этой публикѣ. Да и о пьесахъ-то своихъ былъ онъ, думается, не очень высокаго мнѣнія. Часто говорилъ онъ:

— Какіе мы драматурги! Единственный, настоящій драматургъ—Найденовъ: прирожденный драматургъ, съ самой что ни на есть драматической пружиной внутри! Онъ долженъ теперь еще десять пьесъ написать и девять разъ провалиться, а на десятый опять такой успѣхъ имѣть, что только ахнешь!

И, помолчавъ, вдругъ заливался радостнымъ смѣхомъ:

— Знаете, я недавно у Толстого въ Гаспрѣ былъ. Онъ послѣ болѣзни въ постели лежалъ, но много говорилъ обо всемъ, и обо мнѣ, между прочимъ... Наконецъ я встаю, прощаюсь. Онъ задерживаетъ мою руку, говоритъ: „Поцѣлуйте меня",—и, поцѣловавъ, вдругъ быстро суется къ моему уху и этакой энергичной старческой скороговоркой: „А все-таки пьесъ вашихъ я терпѣть не могу! Шекспиръ скверно писалъ, а вы еще хуже!"

Долго иначе и не называли его, какъ „хмурымъ" писателемъ, „пѣвцомъ сумеречныхъ настроеній", „больнымъ талан-

томъ", человѣкомъ, смотрящимъ на все безнадежно и равнодушно. Я уже писалъ, какъ возмущался онъ этимъ:

— Какой я „хмурый" человѣкъ, какая „холодная кровь", какой такой пессимистъ?

Теперь безъ всякой мѣры гнутъ палку въ другую сторону, треплютъ фразу о „небѣ въ алмазахъ"... Послѣднія десять лѣтъ твердятъ: „чеховская нѣжность и теплота", „чеховская грусть", „чеховская любовь къ человѣку", „пѣвецъ вишневыхъ садовъ"... И читать все это нестерпимо. Если случалось, что бездарный человѣкъ пускался при немъ кого-нибудь характеризовать или копировать, онъ не зналъ, куда глаза спрятать отъ стыда за этого человѣка. Что же чувствовалъ бы онъ, читая про свою „нѣжность"! Очень рѣдко и очень осторожно слѣдуетъ употреблять это слово, говоря о немъ. Еще болѣе были бы противны ему эти „теплота и грусть". А вѣдь идутъ еще дальше: его, воплощенную сдержанность, твердость и ясность, сравниваютъ иногда съ Комиссаржевской!

Говоря о немъ, даже талантливые люди порой берутъ невѣрный тонъ, порой говорятъ удивительныя вещи. Купринъ, напримѣръ, такъ театрально передаетъ его слова: „Знаете ли,—прибавлялъ онъ вдругъ съ серьезнымъ лицомъ, тономъ глубокой вѣры,—знаете ли, черезъ 300 лѣтъ вся земля обратится въ цвѣтущій садъ. И жизнь будетъ тогда необыкновенно легка и удобна!". Елпатьевскій даетъ такой образъ: „Я встрѣчалъ у Чехова людей добрыхъ и мягкихъ, непребовательныхъ и неповелительныхъ, и влекло его къ такимъ людямъ... Его всегда влекли къ себѣ тихія долины, съ ихъ мглой, туманными мечтами и тихими слезами"... А Короленко характеризуетъ его талантъ такими жалкими словами, какъ „простота и задушевность", приписываетъ ему „печаль о призракахъ". Напримѣръ (въ одной критической замѣткѣ): „Разсказы Седерберга напоминаютъ простоту и задушевность нашего Чехова..." Или (тоже въ одной критической замѣткѣ, гдѣ Короленко разбираетъ мои разсказы „Сны" и „Золотое дно" и совершенно извращаетъ смыслъ этихъ разсказовъ): „Чехову очень нравились эти очерки Бунина... Мы можемъ понять его: они проникнуты тою же печалью о призракахъ, которые мы встрѣчаемъ и въ послѣдней драмѣ Чехова..."

Простъ, точенъ и скупъ на слова былъ онъ даже въ обыденной жизни. Словомъ онъ чрезвычайно дорожилъ, слово высокопарное, фальшивое, пошлое, книжное дѣйствовало на него рѣзко; самъ онъ говорилъ прекрасно—всегда по-своему, ясно,

правильно (и, кстати сказать, употребляя приставку „же“ совсѣмъ не въ той комичной мѣрѣ, какъ это приписываютъ ему въ воспоминаніяхъ, собранныхъ Сулержицкимъ). Писателя въ его рѣчи не чувствовалось, сравненія, эпитеты онъ употреблялъ рѣдко, а если и употреблялъ, то чаще всего обыденные и никогда не щеголялъ ими, никогда не наслаждался своимъ удачно сказаннымъ словомъ.

Къ „высокимъ“ словамъ онъ чувствовалъ ненависть. Замѣчательное мѣсто есть въ однихъ воспоминаніяхъ о немъ. „Однажды,—разсказываетъ авторъ этихъ воспоминаній,—я пожаловался Антону Павловичу: „Антонъ Павловичъ! Что мнѣ дѣлать! Меня рефлексія заѣла!“ И Антонъ Павловичъ отвѣтилъ мнѣ: „А вы поменьше водки пейте“.

Можетъ-быть, въ силу этой ненависти къ „высокимъ“ словамъ, къ такъ называемымъ поэтическимъ красотамъ, къ неосторожному обращенію со словомъ, свойственному многимъ стихотворцамъ, а теперешнимъ въ особенности, такъ рѣдко удовлетворялся онъ стихами. Какъ восторженно говорилъ онъ о лермонтовскомъ „Парусѣ“!

— Это стоитъ всего Б. и Уреніуса со всѣми ихъ потрохами,—сказалъ онъ однажды.

— Какого Уреніуса?—спросилъ я.

— А развѣ нѣтъ такого поэта?

— Нѣтъ.

— Ну, Упрудіуса,—сказалъ онъ серьезно.—Вотъ имъ бы въ Одессѣ жить. Тамъ же думаютъ, что самое поэтическое мѣсто въ мірѣ — Николаевскій бульваръ: и море, и кафэ, и музыка, и всѣ удобства,—каждую минуту сапоги можно почистить...

Вспоминаю съ великимъ удовольствіемъ еще и то, что онъ терпѣть не могъ такихъ словъ, какъ „красиво“, „сочно“, „красочно“.

— Хорошо у Полонскаго сказано, — говорилъ я: — „красиво—ужъ не красота“.

— Чудесно! — соглашался онъ. — А „красочно“—вѣдь они же не знаютъ, что у художниковъ это бранное слово!

И порою, смѣясь, утверждалъ, что одно изъ лучшихъ стихотвореній начала двадцатаго вѣка написано на стѣнѣ его ялтинскаго дома Гиляровскимъ:

Край, друзья, у васъ премилый,
Наслаждайся и гуляй:
Шарикъ, Тузикъ косорылый
И какой-то Бабакай.

Представители того „новаго“ искусства, которое такъ хорошо назвалъ „пересоленной карикатурой на глупость“ Толстой, смѣшны и противны были ему. Да и могъ ли онъ, воплощенное чувство мѣры, благородства, человѣкъ высшей простоты, высшаго художественнаго цѣломудрія, не возмущаться этими пересоленными карикатурами и на глупость, и на величайшую вычурность, и на величайшее безстыдство, и на неизмѣнную лживость! Часто говорилъ онъ въ суровомъ и грустномъ раздумьѣ:

— Вотъ умретъ Толстой, все къ чорту пойдетъ!

— Литература?

— И литература.

И самъ онъ умеръ не во̀-время. Будь живъ онъ, можетъ-быть, все-таки не дошла бы русская литература до такой пошлости, до такого паденія, до изломавшихся прозаиковъ, до косноязычныхъ стихотворцевъ, кричащихъ на весь кабакъ о собственной геніальности...

Про тогдашнихъ модернистовъ, „декадентовъ“, какъ называли ихъ, онъ однажды сказалъ:

— Какіе они декаденты, они здоровеннѣйшіе мужики! Ихъ бы въ арестантскія роты отдать.

Случалось, что собирались у него люди самыхъ различныхъ ранговъ: со всѣми онъ былъ одинаковъ, никому не оказывалъ предпочтенія, никого не заставлялъ страдать отъ самолюбія, чувствовать себя забытымъ, лишнимъ... Рѣдкая и прекрасная черта!

Всегда со всѣми онъ былъ любезенъ, съ нѣкоторыми очень ласковъ. Но и тѣхъ и другихъ неизмѣнно держалъ онъ на извѣстномъ разстояніи отъ себя, ничуть не подчеркивая этого, — какъ-то непередаваемо и съ безупречной деликатностью давая понять это и внушая всѣмъ,—за исключеніемъ, конечно, самыхъ тупыхъ, — почтеніе къ себѣ, нѣкоторымъ даже робость.

Чувство собственнаго достоинства, независимости было у него очень велико, но ему не нужно было стараться проявлять его,—оно исходило отъ него, какъ нѣкій радій. И не боялся онъ никого и ничего, многихъ и многое глубоко почитая,—боялся (если ужъ употреблять это не совсѣмъ удачное слово) одного только Толстого. Такъ боятся тѣхъ, кого слишкомъ любятъ или даже больше, чѣмъ любятъ. Онъ не разъ говорилъ:

— Вы только подумайте, вѣдь это онъ, онъ написалъ, что

Анна сама чувствовала, видѣла, какъ у нея блестятъ глаза въ темнотѣ!

— Серьезно, я его боюсь,—говорилъ онъ, смѣясь и какъ бы радуясь этой боязни.

И однажды чуть не часъ рѣшалъ, въ какихъ штанахъ поѣхать къ Толстому. Сбросилъ пенснэ, помолодѣлъ и, мѣшая, по своему обыкновенію, шутку съ тѣмъ серьезнымъ, что было въ душѣ, все выходилъ изъ спальни — то въ однихъ, то въ другихъ штанахъ.

— Нѣтъ, эти неприлично узки!—говорилъ онъ.—Подумаетъ: щелкоперъ!

И шелъ надѣвать другіе, и опять выходилъ, смѣясь:

— А эти шириной съ Черное море! Подумаетъ: нахалъ...

Однажды онъ въ небольшой компаніи близкихъ людей поѣхалъ въ Алупку и завтракалъ тамъ въ ресторанѣ, былъ веселъ, много шутилъ. Вдругъ изъ сидѣвшихъ за сосѣднимъ столомъ поднялся какой-то господинъ съ бокаломъ въ рукѣ:

— Господа! Я предлагаю тостъ за присутствующаго среди насъ Антона Павловича Чехова, гордость нашей литературы, пѣвца сумеречныхъ настроеній...

Поблѣднѣвъ, Чеховъ всталъ и вышелъ. И много разъ съ негодованіемъ разсказывалъ объ этой исторіи.

Я подолгу живалъ въ Ялтѣ и почти всѣ дни проводилъ у него. Часто я уѣзжалъ поздно вечеромъ, и онъ говорилъ:

— Пріѣзжайте завтра пораньше.

Голосъ у него былъ глуховатый, и часто говорилъ онъ безъ оттѣнковъ, суховато, какъ бы бормоча: трудно было иногда понять, искренно ли говоритъ онъ. И я порой отказывался. Онъ сбрасывалъ пенснэ, прикладывалъ руки къ сердцу, съ едва уловимой улыбкой на блѣдныхъ губахъ, раздѣльно повторялъ:

— Господинъ депутатъ Букишонъ, убѣдительнѣйше васъ прошу! Если вамъ будетъ скучно со „старымъ, забытымъ писателемъ“, посидите съ Машей, съ мамашей, которая влюблена въ васъ, съ моей женой, венгеркой Книппшицъ... Будемъ говорить о литературѣ...

Я очень любилъ его, эта настойчивость была пріятна. Я пріѣзжалъ, и случалось, что мы, сидя у него въ кабинетѣ, молчали все утро, просматривая газеты, которыхъ онъ получалъ великое множество. Изрѣдка въ нихъ попадалось кое-что и обо мнѣ, чаще всего что-нибудь неумное, и меня очень трогало, какъ спѣшилъ онъ смягчить это:

— Обо мнѣ же еще глупѣй писали, обо мнѣ говорили еще лѣе, а то и совсѣмъ молчали по цѣлому году...

Случалось, что во мнѣ находили „чеховское настроеніе“. Оживляясь, даже волнуясь, онъ восклицалъ съ мягкой горячностью:

— Ахъ, какъ это глупо! Ахъ, какъ глупо! И меня донесали „тургеневскими нотами“. Мы похожи съ вами, какъ борзая на гончую. Я не могъ бы ни одного слова украсть у васъ. Вы рѣзче меня. Вы вонъ пишите: „море пахнетъ арбузомъ“... Это чудесно, а я бы ни за что такъ не сказалъ. Вы же дворянинъ, послѣдній изъ „ста русскихъ литераторовъ“, а я мѣщанинъ—„и горжусь этимъ“, — говорилъ онъ, смѣясь, цитируя самого себя.—Вотъ про курсистку—другое дѣло...

— Про какую курсистку?

— А помните, мы съ вами выдумывали разсказъ: жара, степь за Харьковомъ, идетъ длиннѣйшій почтовый поѣздъ... А вы прибавили: курсистка въ кожаномъ поясѣ стоитъ у окна вагона третьяго класса и вытряхиваетъ изъ чайника мокрый чай. Чай летитъ по вѣтру въ лицо толстаго господина, выглянувшагося изъ другого окна...

Вотъ такія выдумыванія художественныхъ подробностей и сближали насъ, можетъ-быть, больше всего. Онъ былъ жаденъ до нихъ необыкновенно, онъ могъ два-три дня подъ-рядъ повторять съ восхищеніемъ удачную художественную черту, и теперь по одному этому не забуду я его никогда, всегда буду чувствовать боль, что нѣтъ его.

Разъ онъ купилъ книжечку, составленную изъ нѣкоторыхъ моихъ произведеній и Андреева, съ пышнымъ заголовкомъ („Восходящія звѣзды“) и съ нашими портретами на обложкѣ,—вышелъ на набережную и возвратился усталый, съ зелено-сѣрымъ лицомъ, съ пепельными губами, но съ улыбкой на нихъ и съ затаеннымъ блескомъ въ глазахъ, въ томъ внутреннемъ возбужденіи, которое вспыхивало въ немъ порою по самому ничтожному поводу и держалось долго, означая, что этотъ ничтожный поводъ былъ толчкомъ для творческой игры его мысли, пробудилъ того Чехова, который когда-то сказалъ въ молодомъ задорѣ Короленкѣ: „Хотите, напишу разсказъ вотъ про эту пепельницу?“. И какъ молодо хохоталъ онъ въ этотъ день, фантазируя, съ какимъ благоговѣніемъ могутъ читать эту книжечку гдѣ-нибудь въ Маріуполѣ, Верхнеудинскѣ, и глядя то на мой портретъ, — я вышелъ щеголеватымъ брюнетомъ,—то на портретъ Андреева въ поддевкѣ:

— Это французскій депутатъ Букишонъ, а это казакъ Ашиновъ.

Помню также, какъ смѣялся онъ, когда я разсказалъ ему о нашемъ сельскомъ дьяконѣ, до крупинки съѣвшемъ на именинахъ моего отца фунта два икры. Этой исторіей онъ даже началъ разсказъ „Въ оврагѣ“.

Онъ любилъ повторять, что если человѣкъ не работаетъ, не живетъ постоянно въ той художественной атмосферѣ, которая такъ раскрываетъ глаза художника, то, будь онъ хоть Соломонъ премудрый, все будетъ чувствовать себя пустымъ, бездарнымъ.

Иногда вынималъ изъ стола свою записную книжку и, поднявъ лицо и блестя стеклами пенснэ, моталъ ею въ воздухѣ и говорилъ:

— Ровно сто сюжетовъ! Да-съ, милсдарь! Не вамъ чета, молодымъ! Работникъ! Хотите, парочку продамъ?

Иногда онъ разрѣшалъ себѣ вечернія прогулки — и часто совсѣмъ не во-время. Разъ возвращаемся съ такой прогулки уже поздно. Онъ очень усталъ, идетъ черезъ силу, — за послѣдніе дни много смочилъ платковъ кровью,—молчитъ, прикрываетъ глаза. Проходимъ мимо балкона, за парусиной котораго свѣтъ и силуэты женщинъ. И вдругъ онъ открываетъ глаза и очень громко говоритъ:

— А слышали? Какой ужасъ! Бунина убили! Въ Ауткѣ, у одной татарки!

Я останавливаюсь отъ изумленія, а онъ съ радостными, блестящими глазами быстро шепчетъ:

— Молчите! Завтра вся Ялта будетъ говорить объ убійствѣ Бунина.

Одинъ писатель жаловался, что ему до слезъ стыдно, какъ слабо, плохо онъ началъ писать.

— Ахъ, что вы, что вы! — воскликнулъ Чеховъ. — Это же чудесно—плохо начать! Поймите же, что если у начинающаго писателя сразу выходитъ все честь-честью, — ему крышка, пиши пропало!

И горячо сталъ доказывать, что рано и быстро созрѣваютъ только геніи, или же люди способные, то-есть не оригинальные, таланта, въ сущности, лишенные, потому что способность чаще всего равняется умѣнью приспособляться, и живетъ она легко, а талантъ растетъ, какъ все живое, постепенно ищетъ проявить себя, сбивается съ пути...

— Ахъ, съ какой чепухи я началъ, Боже мой, съ какой чепухи!—говорилъ онъ.

Если бы онъ даже ничего не написалъ, кромѣ „Скоропостижной конской смерти“ или „Романа съ контрабасомъ“, то и тогда можно было бы сказать, что въ русской литературѣ блеснулъ и исчезъ удивительный умъ, потому что вѣдь выдумать и умѣть сказать хорошую нелѣпость, хорошую шутку могутъ только очень умные люди, тѣ, у которыхъ умъ „по всѣмъ жилушкамъ переливается“. И самъ онъ чрезвычайно цѣнилъ этотъ талантъ, талантъ шутки, и тѣхъ, которые быстро улавливаютъ шутку:

— Да-съ, это ужъ вѣрнѣйшій признакъ: не понимаетъ человѣкъ шутки,—пиши пропало!

— А чаще всего,—сказалъ я однажды,—страдаютъ этимъ женщины. Кажись, и умна, а не понимаетъ!

— Ахъ, да, да. И знаете: это ужъ не настоящій умъ, будь человѣкъ хоть семи пядей во лбу.

По берегамъ Чернаго моря работаетъ много турокъ, кавказцевъ. Зная то недоброжелательство, смѣшанное съ презрѣніемъ, какое есть у насъ къ инородцамъ, онъ не упускалъ случая съ восхищеніемъ сказать, какой это трудолюбивый, честный, набожный народъ.

Онъ мало ѣлъ, мало спалъ, очень любилъ порядокъ. Въ комнатахъ его была удивительная чистота, спальня была похожа на дѣвичью. Какъ ни слабъ бывалъ онъ порою, ни малѣйшей поблажки не давалъ онъ себѣ въ одеждѣ: одѣтъ былъ всегда такъ, что хоть въ незнакомый домъ въ гости.

Руки у него были большія, сухія, пріятныя.

Какъ почти всѣ, кто много думаетъ, онъ нерѣдко забывалъ то, что уже не разъ говорилъ.

Въ основѣ его натуры, повторяю, лежала жизнерадостность. Какъ только чувствовалъ онъ себя мало-мальски сносно, онъ преображался.

Но помню и его молчаніе, покашливаніе, прикрываніе глазъ, думу на лицѣ, спокойную и печальную, почти важную. Только не „грусть“, не „теплоту“, не „задушевность“.

Крымскій зимній день, сѣрый, прохладный, сонный, густыя облака на Яйлѣ. Въ чеховскомъ домѣ тихо, мѣрный стукъ будильника изъ комнаты Евгеніи Яковлевны. Онъ, безъ пенсне,

сидитъ въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ, не спѣша, аккуратно записываетъ что-то. Потомъ встаетъ, надѣваетъ пальто, шляпу, кожаныя мелкія калоши, уходитъ куда-то, гдѣ стоитъ мышеловка. Возвращается, держа за кончикъ хвоста живую мышь, выходитъ на крыльцо, медленно проходитъ садъ, вплоть до ограды, за которой татарское кладбище на каменистомъ бугрѣ. Осторожно бросаетъ туда мышь и, внимательно оглядывая молодыя деревца, идетъ къ скамеечкѣ среди сада. За нимъ бѣжитъ журавль, двѣ собачонки. Сѣвъ, онъ осторожно играетъ тросточкой съ одной изъ собачонокъ, упавшей у его ногъ на спину, усмѣхается: блохи ползутъ по розовому брюшку... Потомъ, прислонясь къ скамьѣ, смотритъ куда-то вдаль, на Яйлу, поднявъ лицо, что-то спокойно думая. Сидитъ такъ часъ, полтора...

Была ли въ его жизни любовь страстная, „романтическая“, слѣпая?

Думаю, нѣтъ. И это очень знаменательно. А жаждать такой любви онъ, несомнѣнно, могъ. Удивительно зналъ онъ женское сердце, тонко и сильно чувствовалъ женственность, среди образовъ, рождавшихся въ его мечтѣ, есть образы плѣнительные, много было любившихъ его, и рѣдко кто умѣлъ такъ, какъ онъ, говорить съ женщинами, трогать ихъ, входить съ ними въ душевную близость...

Не въ томъ ли разгадка, что ужъ очень зоркіе глаза далъ ему Богъ?

„Любовь,—писалъ онъ въ своей записной книжкѣ,—это или остатокъ чего-то вырождающагося, бывшаго когда-то громаднымъ, или же это часть того, что въ будущемъ разовьется въ нѣчто громадное, въ настоящемъ же оно не удовлетворяетъ, даетъ гораздо меньше, чѣмъ ждешь“.

Что думалъ онъ о смерти?

Много разъ старательно-твердо говорилъ онъ мнѣ, что безсмертіе, жизнь послѣ смерти въ какой бы то ни было формѣ—сущій вздоръ:

— Это суевѣріе. А всякое суевѣріе ужасно. Надо мыслить ясно и смѣло. Мы какъ-нибудь потолкуемъ съ вами объ этомъ основательно. Я, какъ дважды-два—четыре, докажу вамъ, что безсмертіе—вздоръ.

Но потомъ нѣсколько разъ еще тверже говорилъ прямо противоположное:

— Ни въ какомъ случаѣ не можемъ мы исчезнуть безъ

слѣда. Обязательно будемъ жить послѣ смерти. Безсмертіе— фактъ. Вотъ, погодите, я докажу вамъ это.

Но такъ и не доказалъ.

Послѣднее время онъ часто мечталъ вслухъ:

— Стать бы бродягой, странникомъ, ходить по святымъ мѣстамъ, поселиться въ монастырѣ среди лѣса, у озера, сидѣть лѣтнимъ вечеромъ на лавочкѣ возлѣ монастырскихъ воротъ...

До самой смерти росла его душа!

Его „Архіерей“ прошелъ незамѣченнымъ — не то что „Вишневый садъ“ съ большими бумажными цвѣтами, невѣроятно густо бѣлѣющими за театральными окнами. И кто знаетъ, что̀ было бы, не будь „Винта“, „Мужиковъ“, Художественнаго театра!

„Черезъ мѣсяцъ былъ назначенъ новый викарный архіерей, а о преосвященномъ Петрѣ уже никто не вспоминалъ. А потомъ и совсѣмъ забыли. И только старуха, мать покойнаго, которая живетъ теперь въ глухомъ уѣздномъ городишкѣ, когда выходила подъ вечеръ, чтобы встрѣтить свою корову, и сходилась на выгонѣ съ другими женщинами, то начинала разсказывать о дѣтяхъ, о внукахъ, о томъ, что у нея былъ сынъ архіерей, и при этомъ говорила робко, боясь, что ей не повѣрятъ... И ей въ самомъ дѣлѣ не всѣ вѣрили“.

Послѣднее письмо я получилъ отъ него въ серединѣ іюня, десять лѣтъ тому назадъ, живя въ деревнѣ. Оно было коротко и, какъ всегда почти, шутливо; между прочимъ, въ немъ сообщалось, что чувствуетъ онъ себя недурно, что для него заказанъ бѣлый костюмъ... Четвертаго іюля я поѣхалъ верхомъ въ село на почту, забралъ тамъ газеты, письма и завернулъ къ кузнецу перековать лошади ногу. Былъ жаркій и сонный степной день, съ тусклымъ блескомъ неба, съ горячимъ южнымъ вѣтромъ. Я развернулъ газету, сидя на порогѣ кузнецовой избы,—и вдругъ точно ледяная бритва полоснула мнѣ по̀ сердцу...

VI. 1914.

РѢЧЬ НА ЮБИЛЕѢ „РУССКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

Привѣтствую „Русскія Вѣдомости“ съ благодарностью за то, что̀ дали онѣ русской литературѣ, и за ихъ отношеніе къ ней. Не останавливаюсь на томъ, что̀ непосредственно прошло черезъ „Русскія Вѣдомости“ и осталось въ литературѣ: столбцы ихъ украшались именами безспорными — именами Толстого, Чернышевскаго, Салтыкова, Глѣба Успенскаго, Чехова, Короленко. Отмѣчу только то, что имена эти были не случайными на этихъ столбцахъ, что они не терялись въ пестромъ спискѣ другихъ именъ, что до послѣдняго времени окружены они были именами, если и меньшими, то всегда приблизительно того же порядка и цѣнности опредѣленной, устойчивой, а не созданной тѣми или иными обстоятельствами. Другая заслуга „Русскихъ Вѣдомостей“ не менѣе, если не болѣе важна: это — позиція, которую занимали онѣ по отношенію къ литературѣ за послѣднія пятнадцать, двадцать лѣтъ, и воздѣйствіе ихъ на нее, прямое и косвенное. Трудно учесть это воздѣйствіе, каждодневное воздѣйствіе всякой газеты; но несомнѣнно, что оно огромно, а у насъ и за послѣднее время — особенно. Наша читающая масса еще мало-культурна; газета для нея еще въ новинку и дѣйствуетъ на умы рѣзко. А потребность въ газетѣ растетъ съ каждымъ днемъ; растетъ и число газетъ и распространеніе ихъ. А мы — еще далеко не европейцы; мы еще не чувствуемъ въ той мѣрѣ, какъ европеецъ, грани между печатнымъ словомъ истинно-литературнымъ и такъ называемымъ бульварнымъ; да у насъ еще и не обозначилась какъ слѣдуетъ эта грань. „Намъ печатный листъ все еще кажется святымъ“, — сказалъ Пушкинъ, и мы еще должны помнить эти слова. У насъ не рѣдкость, что не только газета, претендующая быть литературнымъ органомъ,

но и журналъ удѣляетъ столько же мѣста и столько же серьезности при разборѣ „Хаджи-Мурата“, какъ при разборѣ произведенія, недалеко ушедшаго отъ какого-нибудь „Разбойника Чуркина“. Мы еще не совсѣмъ понимаемъ, что̀ такое реклама, — мы, какъ провинціалъ: видимъ вывѣску — „центральный магазинъ“ — и полагаемъ, что этотъ магазинъ и впрямь центральный. Подумайте же, что̀ значитъ для насъ газета въ то время, когда мы съ такой быстротой европеизируемся, демократизируемся, порождаемъ буржуазію, пролетаріатъ, выходимъ на улицу, начинаемъ жить сложной, пестрой жизнью и все болѣе входимъ во вкусъ газеты, подпадаемъ подъ ея вліяніе! А вѣдь писатель испытываетъ вліяніе двойное, — власть и газеты и толпы. Много ли тѣхъ, что̀ могутъ противиться этой власти, жаждѣ нравиться толпѣ, жаждѣ вырвать у нея славу, даже хотя бы скандальную? Такихъ стойкихъ всегда было мало, а у насъ, теперь, особенно мало, да иначе и быть не можетъ: вѣдь и писатель нашъ мало культуренъ, онъ не менѣе нервированъ смѣной событій и настроеній и столь же мало подготовленъ къ нашей новой, ломающейся жизни, не говоря уже о томъ, что русская дѣйствительность сдѣлала все возможное, чтобы искалѣчить насъ, что она дала намъ такіе ужасающіе контрасты, какъ шестидесятые, семидесятые годы, а вслѣдъ за ними — восьмидесятые, дала девяностые — и начало девятисотыхъ! Вы, господа, слишкомъ хорошо знаете, чѣмъ была русская жизнь за послѣднія двадцать лѣтъ, знаете всѣ радостныя и всѣ уродливыя или ужасныя явленія ея. Чѣмъ же была русская литература за эти годы? По необходимости отвѣчая на этотъ вопросъ кратко, въ самыхъ общихъ чертахъ, я долженъ твердо сказать, что уродливыхъ, отрицательныхъ явленій было въ ней во сто кратъ болѣе, чѣмъ положительныхъ, что литература эта находилась въ періодѣ во всякомъ случаѣ болѣзненномъ, въ упадкѣ, въ судорогахъ и метаніяхъ изъ стороны въ сторону. И тысячу разъ былъ правъ Толстой, когда говорилъ: „На моей памяти совершилось поразительное пониженіе литературы, пониженіе вкуса и здраваго смысла читающей публики“. Толстой причину этого видитъ въ развитіи рекламы, въ приспособленіи писателей и вообще печатнаго слова ко вкусамъ и интересамъ наибольшаго числа потребителей, ко вкусамъ „всегда грубымъ и низкимъ“, по его опредѣленію. Но у насъ, въ Россіи, есть и другія причины этого паденія художественныхъ произведеній и вообще печатнаго слова. Каковы онѣ, эти причины? На мой взглядъ, вотъ одна изъ нихъ. Былъ извѣстный укладъ въ русской жизни, тяжелый во многихъ от-

ношеніяхъ, но — укладъ. Онъ долженъ былъ разрушиться, исчезнуть — и почти исчезъ. Была извѣстная культура, не глубокая, не имѣвшая крѣпкихъ, вѣковыхъ корней: она тоже осуждена была на исчезновеніе еще въ тѣ дни, когда „порвалась цѣпь великая“. Успѣла ли эта культура создать себѣ преемницу, основать прочныя культурныя традиціи? Вы знаете, что нѣтъ. Писатель-„разночинецъ“ шестидесятыхъ, семидесятыхъ годовъ еще дышалъ этой культурой, да и само время опредѣляло его путь, направляло его. Этотъ „разночинецъ“ странствовалъ, спивался, страдалъ, болѣлъ, но это была другая болѣзнь, это были муки совѣсти, сердца, — и вы знаете, что это сердце бывало порою поистинѣ „золотымъ сердцемъ“. Теперь въ литературу пришелъ новый „разночинецъ“, духовный разночинецъ, уже совсѣмъ почти традицій лишенный, сбитый съ толку годами восьмидесятыми, девяностыми, а кромѣ того и тѣмъ, что̀ должно было встрѣтиться съ нимъ, — европейскими вліяніями. Я говорю не о всѣхъ представителяхъ современной литературы. Я говорю о типѣ писателя, еще такъ недавно преобладавшемъ. Каковъ же этотъ писатель? Онъ, мало-культурный, чуть не подростокъ во многихъ и многихъ отношеніяхъ, и началъ и жилъ эксцессами, крайностями и—подражаніемъ, чужимъ добромъ. Онъ нахватался лишь верхушекъ кое-какихъ знаній и культуры, а возгордился чрезмѣрно. Онъ попалъ въ струю тѣхъ теченій, что̀ шли съ Запада,—и охмелѣлъ отъ нихъ и внезапно заявилъ, что и онъ „декадентъ“, „символистъ“, что и онъ требуетъ самой коренной ломки всего существующаго въ искусствѣ и самыхъ новѣйшихъ формъ его (какъ будто форма отдѣлима отъ содержанія, какъ будто форма не есть послѣдствіе, порожденіе индивидуальности таланта и того, что̀ онъ хочетъ сказать). Конечно, все это было бы совсѣмъ смѣшно, когда бы не было грустно: грустно потому, что нѣтъ дѣйствій безъ причинъ, а на причины—и горестныя—я уже указывалъ; смѣшно же потому, что развѣ не нелѣпо было это требованіе баррикадъ и битвъ за свободу въ литературѣ русской, одной изъ самыхъ молодыхъ, одной изъ свободнѣйшихъ и разносторонитѣйшихъ литературъ въ мірѣ? Понятны были литературныя революціи въ Европѣ, эти битвы классицизма съ романтизмомъ, романтизма съ реализмомъ тамъ, гдѣ были долголѣтнія твердыни ихъ. А во имя чего начался нашъ бунтъ? Развѣ не у насъ былъ Пушкинъ и почти рядомъ съ нимъ — Лермонтовъ, Левъ Толстой — и Достоевскій, Фетъ — и Некрасовъ, Алексѣй Толстой — и Майковъ? Развѣ не съ чужого голоса закричали мы и продолжаемъ кричать? — Да,

такъ вотъ каково было, господа, начало. Нужно ли мнѣ напоминать дальнѣйшее? Здѣсь не мѣсто и не время для этого. Я только напомню вамъ, какое невѣроятное количество школъ, направленій, настроеній, призывовъ, буйныхъ славъ и паденій видѣли мы за послѣдніе годы! Послушайте писателя новаго типа: онъ, на своемъ пошломъ жаргонѣ, своими устами или устами своего критика,—и чаще всего газетнаго,—скажетъ вамъ, что онъ создалъ несмѣтное количество новыхъ цѣнностей, преобразовалъ прозаическій языкъ, возвелъ на высоту и обогатилъ стихотворный, затронулъ глубочайшіе вопросы духа, „выявилъ“ новую психику, поставилъ себѣ великія „заданія“, стремится къ великимъ „достиженіямъ“ и „возможностямъ“, онъ, не стыдясь, назоветъ себя „мудрымъ“, „многограннымъ“, „дерзновеннымъ“, „солнечнымъ“... А межъ тѣмъ, за немногими исключеніями, не только не создано за послѣдніе годы никакихъ новыхъ цѣнностей, а, напротивъ, произошло невѣроятное обнищаніе, оглупѣніе и омертвѣніе русской литературы:

Не многое исчезло: совѣсть, чувство,
Такть, мѣра, умъ... Растетъ словесный блудъ...

Исчезли драгоцѣннѣйшія черты русской литературы: глубина, серьезность, простота, непосредственность, благородство, прямота — и моремъ разлилась вульгарность, надуманность, лукавство, хвастовство, фатовство, дурной тонъ, напыщенный и неизмѣнно фальшивый. Испорченъ русскій языкъ (въ тѣсномъ содружествѣ писателя и газеты), утеряно чутье къ ритму и органическимъ особенностямъ русской прозаической рѣчи, опошленъ или доведенъ до пошлѣйшей легкости—называемой „виртуозностью“—стихъ, опошлено все, вплоть до самаго солнца, которое неизмѣнно пишется теперь съ большой буквы, къ которому можно чувствовать теперь уже ненависть, ибо вѣдь „все можно опошлить высокимъ стилемъ“, какъ сказалъ Достоевскій. Вы вспомните, господа, чего только ни продѣлывали мы съ нашей литературой за послѣдніе годы, чему только ни подражали мы, чего только ни имитировали, какихъ стилей и эпохъ ни брали, какимъ богамъ ни поклонялись! Буквально каждая зима приносила намъ новаго кумира. Мы пережили и декадансъ, и символизмъ, и нео-натурализмъ, и порнографію—называвшуюся разрѣшеніемъ „проблемы пола“, и богоборчество, и мифотворчество, и какой-то мистическій анархизмъ, и Діониса, и Аполлона, и „пролеты въ вѣчность“, и садизмъ, и снобизмъ, и „пріятіе міра“, и „непріятіе міра“, и лубочныя поддѣлки подъ русскій стиль, и адамизмъ, и акмеизмъ—

и дошли до самаго плоскаго хулиганства, называемаго нелѣпымъ словомъ „футуризмъ“. Это ли не Вальпургіева ночь! И сколько скандаловъ было въ этой ночи! Чуть не всѣ наши кумиры начинали свою карьеру со скандала! И какую поистинѣ огромную роль играла во всемъ этомъ газета!

„Русскія Вѣдомости“ не есть эта газета. „Русскія Вѣдомости“ одна изъ тѣхъ немногихъ газетъ, которыя никого не рекламировали, не гонялись за сенсаціей, не создавали скороспѣлыхъ репутацій, со спокойствіемъ отмѣчали плюсы и минусы писателей и перворазрядныхъ и второстепенныхъ. „Русскія Вѣдомости“ проявляли отношеніе неизмѣнно безпристрастное даже и къ тѣмъ, которые послѣ шумной „славы“ падали и подвергались въ другихъ изданіяхъ, ранѣе превозносившихъ ихъ, издѣвательству. „Русскія Вѣдомости“ отмѣчали,—конечно, съ своей точки зрѣнія, съ которой можно и не соглашаться, — все цѣнное даже и у тѣхъ, которые по общему своему направленію совсѣмъ не подходили къ нимъ. „Русскія Вѣдомости“ замалчивали нелѣпости литературы послѣднихъ лѣтъ, справедливо полагая, что то вниманіе, которое, въ угоду толпѣ, обращалось на нихъ, лишь содѣйствуетъ ихъ развитію, ихъ популярности, хотя бы и скандальной. „Русскія Вѣдомости“ протестовали противъ тѣхъ теченій въ литературѣ, которыя задавались цѣлью совершенно устранить изъ литературы этическій элементъ, проповѣдывать полную разнузданность все себѣ позволяющей личности, прославлять подъ видомъ утонченности самый простой и старый, какъ міръ, развратъ, искоренить идеи общественности, разрушить вѣру въ силу разума и нагонять мистическіе туманы, шаткія метафизическія построенія, часто нарочито сочиненныя, собственнаго издѣлія и весьма слабо продуманныя, прославлять смерть, квіетизмъ и даже самоубійство. „Русскія Вѣдомости“ порою указывали и на происхожденіе того, чѣмъ жила наша литература за послѣдніе годы: на общую расшатанность, неустойчивость нашей общественной мысли и неорганизованность общественнаго мнѣнія, на нашу подражательность Европѣ, большею частью жалкую, ученическую,—очень нерѣдко сводившуюся даже къ плагіатамъ, — на низкія стремленія выдѣлиться не оригинальностью, а оригинальничаньемъ, на что имѣлся особо бойкій спросъ со стороны нашей уродливо формирующейся буржуазіи и всѣхъ праздныхъ слоевъ общества, на увлеченія нѣкоторыхъ изъ писателей, хотя и искреннихъ, но неспособныхъ вслѣдствіе отсутствія истинной культурности разобраться въ явленіяхъ жизни, въ различныхъ теоріяхъ, смѣшивающихъ движеніе впередъ съ чисто-дикарскимъ отрицаніемъ заслугъ

всѣхъ своихъ предшественниковъ, несовершенство научныхъ методовъ съ крахомъ науки, дерзновенные полеты мысли съ дерзостью, ростъ и разносторонность индивидуальности съ развращенностью ея... Толстой въ статьѣ, которую я цитировалъ, особенно упираетъ на тѣ *поддѣлки* подъ художественныя произведенія, которыя въ такомъ огромномъ количествѣ появляются въ наше время, и на роль газеты, журнала, критики, проводящихъ въ жизнь эти поддѣлки. „Отъ газетъ, журналовъ, критики,—говоритъ онъ,—зависитъ вся будущность просвѣщенія европейскаго міра“. Господа, за „Русскія Вѣдомости“ вы могли быть спокойны. „Русскія Вѣдомости“— одинъ изъ самыхъ благородныхъ органовъ печати во всей Европѣ. Поклонимся же имъ за это благородство.

Москва. 6. X. 1913.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Письмо къ С. А. Венгерову.

Просьбу дать для „Русской литературы XX в.“ свѣдѣнія о моей жизни и литературной дѣятельности могу въ настоящее время исполнить только частично—кратко сообщить только кое-что.

Я родился 10 октября 1870 г. Отца моего звали Алексѣемъ Николаевичемъ, мать—Людмилой Александровной (въ дѣвичествѣ Чубаровой).

О родѣ Буниныхъ я кое-что знаю. Родъ этотъ далъ замѣчательную женщину начала прошлаго вѣка, поэтессу А. П. Бунину и поэта В. А. Жуковскаго (незаконнаго сына А. И. Бунина); въ нѣкоторомъ родствѣ мы съ бр. Кирѣевскими, Гротами, Юшковыми, Воейковыми, Булгаковыми, Симоновыми; о началѣ нашемъ въ „Гербовникѣ дворянскихъ родовъ“ сказано, между прочимъ, слѣдующее: „Родъ Буниныхъ происходитъ отъ Симеона Бунковскаго, мужа знатна выѣхавшаго въ XV в. изъ Польши къ Великому Князю Василію Васильевичу. Правнукъ его Александръ Лаврентьевсынъ Бунинъ служилъ по Владимиру и убитъ подъ Казанью. Стольникъ Козма Леонтьевъ Бунинъ жалованъ за службу и храбрость на помѣстья Грамотой. Равнымъ образомъ и другіе многіе Бунины служили воеводами и въ иныхъ чинахъ и владѣли деревнями. Все сіе доказывается бумагами Воронежскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія о внесеніи рода Буниныхъ въ родословную книгу въ VI часть, въ число древняго дворянства“...

Родъ (тоже древне-дворянскій) Чубаровыхъ мнѣ почти невѣдомъ. Знаю только, что Чубаровы — дворяне Костромской, Московской, Орловской и Тамбовской губерній, и что были у дѣда и у отца матери имѣнія въ Орловскомъ и Трубчевскомъ

уѣздахъ. Да и сами Чубаровы знали о себѣ, вѣроятно, не больше: съ полнымъ пренебреженіемъ къ сохраненію свидѣтельствъ о родовыхъ связяхъ жили наши дворяне. Я же чуть не съ отрочества былъ вольнодумецъ, вполнѣ равнодушный не только къ своей голубой крови, но и къ полной утратѣ всего того, что было связано съ нею: исключительно-поэтическими были мои юношескія, да и позднѣйшія „дворянскія элегіи“, которыхъ, кстати сказать, у меня гораздо меньше, чѣмъ видѣли нѣкоторые мои критики, часто находившіе черты личной жизни и личныхъ чувствъ даже въ тѣхъ моихъ писаніяхъ, гдѣ и слѣда нѣтъ ихъ, и вообще многое навязавшіе мнѣ.

Прадѣдъ мой по отцу былъ богатъ. У дѣда была земля въ Орловской губерніи (въ Елецкомъ уѣздѣ), въ Тамбовской и Воронежской, но, кажется, понемногу. Дѣда братья его обдѣлили. Онъ былъ не совсѣмъ нормальный, „тронувшійся“ человѣкъ. Наслѣдство осталось отъ него не Богъ вѣсть какое, отецъ же и того не пощадилъ. Безпеченъ и расточителенъ онъ былъ необыкновенно. А крымская кампанія, въ которой онъ участвовалъ „охотникомъ“, какъ тогда выражались, и переѣздъ въ семидесятомъ году въ Воронежъ „для воспитанія дѣтей“, моихъ старшихъ братьевъ Юлія и Евгенія, способствовали нашему разоренію особенно. Въ Воронежѣ-то и родился я. Тамъ прошли первые три года моей жизни. (Очень слабо, но все-таки помню кое-что изъ того времени). Но расти въ городѣ мнѣ не пришлось. Страсть къ клубу, къ вину и картамъ заставили отца черезъ три съ половиной года возвратиться въ Елецкій уѣздъ, гдѣ онъ поселился на своемъ хуторѣ Бутырки. Тутъ, въ глубочайшей полевой тишинѣ, среди богатѣйшей по чернозему и бѣднѣйшей по виду природы, лѣтомъ среди хлѣбовъ, подступавшихъ къ самымъ нашимъ порогамъ, а зимой среди сугробовъ, и прошло все мое дѣтство, полное поэзіи печальной и своеобразной.

Отецъ, человѣкъ необыкновенно сильный и здоровый физически, былъ до самаго конца своей долгой жизни и духомъ почти столь же здоровъ и бодръ. Уныніе овладѣвало имъ въ самыхъ тяжелыхъ положеніяхъ на минуту, гнѣвъ—онъ былъ очень вспыльчивъ—и того меньше. До тридцати лѣтъ, до похода въ Крымъ, онъ не зналъ вкуса вина. Затѣмъ сталъ пить и пилъ временами ужасно, хотя не имѣлъ, кажется, ни одной типической черты алкоголика, совсѣмъ не пилъ иногда по нѣсколько лѣтъ (я рожденъ какъ разъ въ одинъ изъ такихъ съѣмныхъ промежутковъ) и не соединялъ съ этой страстью никакихъ другихъ дурныхъ страстей. Учился онъ недолго (въ Орловской гимназіи), ученье терпѣть не могъ, но читалъ

все, что попадало подъ руку, съ большой охотой. Умъ его, живой и образный,—онъ и говорилъ всегда удивительно энергическимъ и картиннымъ языкомъ, — не переносилъ логики; характеръ—порывистый, рѣшительный, открытый и великодушный—преградъ. Все его существо было столь естественно и наивно пропитано ощущеніемъ своего барскаго происхожденія, что я не представляю себѣ круга, въ которомъ онъ смутился бы. Но даже его крѣпостные говорили, что „во всемъ свѣтѣ нѣтъ проще и добрѣй“ его. То, что было у матери, онъ тоже прожилъ, частью даже раздарилъ, ибо у него была какая-то неутолимая жажда раздавать. Постоянная охота, постоянная жизнь на воздухѣ много помогли тому, что этотъ хорошій, интересный и по натурѣ даровитый человѣкъ умеръ восьмидесяти лѣтъ, легко и спокойно.

Мать ни въ чемъ не походила на него—кромѣ развѣ доброты и здоровья, въ силу котораго она прожила тоже долго, несмотря на всѣ горести своей жизни, на астму, изнурявшую ее въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, и на тяжкій постъ, который она, по своей горячей религіозности, возложила на себя и съ рѣдкой стойкостью переносила лѣтъ двадцать пять, вплоть до самой кончины. Отецъ ея тоже пилъ, но по-иному, культурнѣе, если можно такъ выразиться; послуживъ въ военной службѣ, побывавъ за границей, поживъ въ Варшавѣ, онъ вообще выдѣлялся среди помѣщиковъ, и воспитана была Людмила Александровна тоньше, чѣмъ Алексѣй Николаевичъ. Характеръ у нея былъ нѣжный,—что не исключало большой твердости при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ,—самоотверженный, склонный къ грустнымъ предчувствіямъ, къ слезамъ и печали. Преданность ея семьѣ, дѣтямъ, которыхъ у нея было девять человѣкъ, и изъ которыхъ она пятерыхъ потеряла, была изумительна, разлука съ ними — невыносима. Въ пору же моего дѣтства старшіе мои братья были вдали отъ нея, отецъ все отлучался въ тамбовское имѣніе, пропадалъ на охотѣ, жилъ не по средствамъ, и, значитъ, немало было и существенныхъ поводовъ для ея слезъ.

Неизмѣнная бодрость отца и вообще нѣкоторыя его черты стали дѣйствовать на меня, въ противовѣсъ ея вліянію, и сказываться во мнѣ наслѣдственно лишь позднѣе. Рѣдко, повторяю, и бывалъ онъ съ нами. А „дворня“ наша невелика была, съ сосѣдями и родственниками мы въ ту пору видѣлись мало, сверстниковъ я не имѣлъ, — сестра Маша была еще совсѣмъ ребенокъ,—игрушекъ, развлеченій и склонности къ нимъ — тоже, впечатлителенъ былъ чрезвычайно. Все, помню, дѣйствовало на меня: новое лицо, какое-нибудь со-

бытіе, пѣсня въ полѣ, разсказъ странника, таинственныя лощины за хуторомъ, легенда о какомъ-то бѣгломъ солдатѣ, едва живомъ отъ страха и голода и скрывавшемся въ нашихъ хлѣбахъ, воронъ, все прилетавшій къ намъ на ограду и поразившій мое воображеніе особенно тѣмъ, что жилъ онъ, какъ сказала мнѣ мать, еще, можетъ, при Иванѣ Грозномъ, предвечернее солнце въ тѣхъ комнатахъ, что̀ глядѣли за вишневый садъ, на западъ... Мать и дворовые любили разсказывать — отъ нихъ я много наслушался и пѣсенъ и разсказовъ, слышалъ, между прочимъ, „Аленькій цвѣточекъ“, „О трехъ старцахъ“, — то, что̀ потомъ читалъ у Аксакова, Толстого. Имъ же я обязанъ и первыми познаніями въ языкѣ,— нашемъ богатѣйшемъ языкѣ, въ которомъ, благодаря географическимъ и историческимъ условіямъ, слилось и претворилось столько нарѣчій и говоровъ чуть не со всѣхъ концовъ Руси.

Лѣтъ съ семи началась для меня жизнь, тѣсно связанная въ моихъ воспоминаніяхъ съ полемъ, съ мужицкими избами, а потомъ и съ ними, и съ моимъ воспитателемъ. Чуть не все свободное отъ ученья время я, вплоть до поступленія въ гимназію, да и пріѣзжая изъ гимназіи на каникулы, провелъ въ ближайшихъ отъ Бутырокъ деревушкахъ, у нашихъ бывшихъ крѣпостныхъ и у однодворцевъ. Явились друзья, и порой я по цѣлымъ днямъ стерегъ съ ними въ полѣ скотину... А воспитателемъ моимъ былъ престранный человѣкъ — сынъ предводителя дворянства, учившійся въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ, одно время бывшій преподавателемъ въ Осташковѣ, Тамбовѣ и Кирсановѣ, но затѣмъ спившійся, порвавшій всѣ связи родственныя и общественныя и превратившійся въ скитальца по деревнямъ и усадьбамъ. Онъ неожиданно привязался ко всѣмъ намъ, а ко мнѣ особенно, и этой привязанностью и своими безконечными разсказами—онъ не мало наглядѣлся, бродя по свѣту, и былъ довольно начитанъ, владѣя тремя языками—вызвалъ и во мнѣ горячую любовь къ себѣ. Онъ мгновенно выучилъ меня читать (по „Одиссеѣ“ Гомера), распалялъ мое воображеніе, разсказывая то о медвѣжьихъ осташковскихъ лѣсахъ, то о Донъ-Кихотѣ,—и я положительно бредилъ рыцарствомъ!—поминутно будилъ мою мысль своими оригинальными, порой даже не совсѣмъ понятными мнѣ разговорами о жизни, о людяхъ. Онъ игралъ на скрипкѣ, рисовалъ акварелью, а съ нимъ вмѣстѣ иногда по цѣлымъ днямъ не разгибался и я, до тошноты насасываясь съ кисточки водой, смѣшанной съ красками,—и на всю жизнь запомнилъ то несказанное счастье, которое

принесъ мнѣ первый коробокъ этихъ красокъ: на мечтѣ стать художникомъ, на разглядываніи неба, земли, освѣщенія у меня было довольно долгое помѣшательство. Онъ писалъ стихи,—сатирическія вирши на злобы дня,—и вотъ написалъ стихотвореніе и я, но совсѣмъ не злободневное, а о какихъ-то духахъ въ горной долинѣ, въ лунную полночь. Мнѣ было тогда лѣтъ восемь, но я до сихъ поръ такъ ясно помню эту долину, точно вчера видѣлъ ее наяву. Вообще я многое представлялъ себѣ тогда чрезвычайно живо и точно.

Училъ меня мой воспитатель, однако, очень плохо, чему попало и какъ попало. Изъ языковъ онъ больше всего налегалъ почему-то на латынь, и не мало тяжкихъ дней провелъ я въ зубрежкѣ латинской грамматики.

Года за два до поступленія въ гимназію (поступилъ я туда на одиннадцатомъ году) я испыталъ еще одну страсть — къ житіямъ святыхъ, и началъ поститься, молиться... Страсть эта, вначалѣ сладостная, превратилась затѣмъ, благодаря смерти моей маленькой сестры Нади, въ мучительную, въ тоску, длившуюся цѣлую зиму, въ постоянную мысль о томъ, что̀ за гробомъ. Излѣчила меня, помню, весна. Отзвукомъ этого осталось то упоеніе, съ какимъ отдавался я иногда печали всенощныхъ бдѣній въ елецкихъ церквахъ, куда водило насъ, гимназистовъ, наше начальство, хотя вообще церковныхъ службъ я не любилъ. (Теперь люблю — въ древнихъ русскихъ церквахъ и иновѣрческія, т.-е. католическія, мусульманскія, буддійскія — хотя никакой эртодоксальной вѣры не держусь).

Гимназія и жизнь въ Ельцѣ оставили во мнѣ впечатлѣнія далеко не радостныя,—извѣстно, что̀ такое русская, да еще уѣздная гимназія, и что̀ такое уѣздный русскій городъ. Рѣзокъ былъ и переходъ отъ совершенно свободной жизни въ полѣ, отъ заботъ матери къ жизни въ городѣ, къ нелѣпымъ строгостямъ въ гимназіи и къ тяжкому быту тѣхъ мѣщанскихъ и купеческихъ домовъ, гдѣ мнѣ пришлось жить нахлѣбникомъ. Учился я сперва хорошо, воспринималъ почти все легко, потомъ хуже: новая жизнь сдѣлала то, что я сталъ хворать, сталъ чрезмѣрно нервенъ, да еще на бѣду влюбился, а влюбленность моя въ ту пору, какъ, впрочемъ, и позднѣе, въ молодости, была хотя и чужда нечистыхъ помысловъ, но восторженна. Дѣло кончилось тѣмъ, что я вышелъ изъ гимназіи.

Читалъ я въ дѣтствѣ мало и не скажу, чтобы ужъ такъ жаждалъ книгъ, но, вѣроятно, прочиталъ почти все, что̀ было у насъ въ домѣ и что̀ еще не пошло на цыгарки тѣмъ при-

живальщикамъ, прежнимъ слугамъ-друзьямъ отца, что иногда гостили у насъ, и до сихъ поръ еще помню, какъ читалъ я „Англійскихъ поэтовъ“ Гербеля, „Робинзона“, затасканный томъ „Живописнаго Обозрѣнія“, кажется, за 1878 г., чью-то книгу съ картинками подъ заглавіемъ „Земля и люди“... Суть того чувства, что вызывали во мнѣ эти книги, и до сихъ поръ жива во мнѣ, но ее трудно выразить. Главное заключалось въ томъ, что я видѣлъ то, что читалъ,—впослѣдствіи даже слишкомъ остро,—и это давало какое-то особое наслажденіе.

Въ гимназіи многое изъ того, что обычно читается въ такіе годы, мнѣ совсѣмъ не нравилось. (Изъ того, что произвело на меня въ первые гимназическіе годы особенно поэтическое и восторженное впечатлѣніе, вспоминается сейчасъ „Колоколъ“ Андерсена). И стиховъ въ гимназіи я почти не писалъ, хотя до чужихъ былъ жаденъ и отличался способностью запоминать наизусть чуть не цѣлую страницу даже гекзаметра, только разъ пробѣжавъ ее. (Память у меня вообще хорошая,—то, что интересуетъ, запоминаю крѣпко,—но насилія не терпитъ: убѣдился въ этомъ еще въ ранней молодости, когда, по гоголевской манерѣ, пытался упражняться въ наблюдательности).

Зато необыкновенно много исписалъ я бумаги и прочелъ за тѣ четыре года, что прожилъ послѣ гимназіи въ елецкой деревнѣ Озеркахъ, въ имѣніи, перешедшемъ къ намъ отъ умершей бабки Чубаровой. Дома я снова быстро окрѣпъ, сразу возмужалъ, развился, исполнился радостнаго ощущенія все растущей молодости и силъ. Тутъ какъ разъ на цѣлыхъ три года выслали къ намъ брата Юлія, уже кончившаго университетъ и пробывшаго годъ въ тюрьмѣ по политическимъ дѣламъ, и онъ прошелъ со мной весь гимназическій курсъ, занимался со мной языками, читалъ мнѣ начатки психологіи, философіи, общественныхъ и естественныхъ наукъ; кромѣ того, мы безъ конца вели съ нимъ разговоры о литературѣ. И помню, что въ ту пору мнѣ все казалось очаровательно: и люди, и природа, и старинный, съ цвѣтными окнами домъ бабки, и сосѣдніе усадьбы, и охота, и книги, одинъ видъ которыхъ давалъ мнѣ почти физическое наслажденіе, и каждый цвѣтъ, каждый запахъ...

Писалъ я въ отрочествѣ сперва легко, такъ какъ подражалъ то одному, то другому,—больше всего Лермонтову, отчасти Пушкину, которому подражалъ даже въ почеркѣ, потомъ, въ силу потребности высказать уже кое-что свое,—чаще всего любовное, — труднѣе. Читалъ и тогда что попало—и

старые и новые журналы, и Лермонтова, и Жуковскаго, и Шиллера, и Веневитинова, и Тургенева, и Маколея, и Шекспира, и Бѣлинскаго... Потомъ пришла настоящая любовь къ Пушкину, но на ряду съ этимъ увлеченіе, хотя и не долгое, Надсономъ, чему, впрочемъ, много способствовала его смерть. Вообще о писателяхъ я съ дѣтства, да и впослѣдствіи, довольно долго мыслилъ, какъ о существахъ высшаго порядка. (Помню, какъ поразилъ меня разсказъ моего воспитателя о Гоголѣ—онъ однажды видѣлъ его — вскорѣ послѣ того, какъ я впервые прочелъ „Страшную месть“, самый ритмъ которой всегда волновалъ меня необыкновенно). Самому мнѣ, кажется, и въ голову не приходило быть меньше Пушкина, Лермонтова (благо лермонтовское Кропотово было въ двадцати пяти верстахъ отъ насъ, да и вообще чуть не всѣ большіе писатели родились поблизости)—и не отъ самомнѣнія, а просто въ силу какого-то ощущенія, что иначе и быть не можетъ. Но это не исключало страстнаго интереса вообще къ писателямъ, даже къ такимъ, какимъ былъ, напримѣръ, нѣкто Назаровъ. Озерскій кабатчикъ какъ-то сказалъ мнѣ, что въ Ельцѣ появился „авторъ“. И я тотчасъ же поѣхалъ въ Елецъ и съ восторгомъ познакомился въ базарномъ трактирѣ съ этимъ Назаровымъ, самоучкой-стихотворцемъ изъ мѣщанъ. Изъ новыхъ писателей мнѣ очень нравился тогда Гаршинъ (самоубійство котораго ужасно поразило меня). Нравился и Эртель, хотя я и тогда чувствовалъ его литературность, непростоту, копировку Тургенева, даже эту непріятную изысканность знаковъ препинанія, обиліе многоточій. Въ Чеховѣ (его юмористическихъ разсказовъ я тогда не зналъ) тоже кое-что задѣвало меня — то, что онъ писалъ бѣгло, жидко...

Въ апрѣлѣ 1887 г. я отправилъ въ петербургскій еженедѣльный журналъ „Родина“ стихотвореніе, которое и появилось въ одномъ изъ майскихъ номеровъ. Утро, когда я шелъ съ этимъ номеромъ съ почты въ Озерки, рвалъ по лѣсамъ росистые ландыши и поминутно перечитывалъ свое произведеніе, никогда не забуду. Писалъ и читалъ я въ то лѣто особенно много, а чтобы ничто не мѣшало мнѣ въ этомъ и съ цѣлью „наблюденія таинственной ночной жизни“, мѣсяца на два прекратилъ ночной сонъ, спалъ только днемъ.

Въ сентябрѣ 1888 г. мои стихи появились въ „Книжкахъ Недѣли“, издаваемой П. А. Гайдебуровымъ, гдѣ часто печатались вещи Щедрина, Гл. Успенскаго, Л. Толстого, Полонскаго. Гайдебуровъ отнесся ко мнѣ крайне внимательно и

запретилъ сотрудничать въ другихъ изданіяхъ — взялъ меня подъ свое исключительное руководство.

Между тѣмъ благосостояніе наше, по милости отца, снова ухудшилось. Братъ Юлій переселился въ Харьковъ. Весной 1889 г. отправился и я туда и попалъ въ кружки самыхъ завзятыхъ „радикаловъ“, какъ выражались тогда, а, пожившъ въ Харьковѣ, побывалъ въ Крыму, о которомъ у меня еще въ дѣтствѣ составилось самое поэтическое представленіе, благодаря разсказамъ отца, и нашелъ, что ходить верстъ по сорокъ въ сутки, загорать отъ солнца и отъ морского вѣтра и быть очень легкимъ отъ голода и молодости—превосходно. Съ осени сталъ работать при „Орловскомъ Вѣстникѣ“, то бросая работу и уѣзжая въ Озерки или Харьковъ, то опять возвращаясь къ ней, и былъ всѣмъ, чѣмъ придется, — и корректоромъ, и передовикомъ, и театральнымъ критикомъ, что, къ счастью, совсѣмъ не приставало ко мнѣ. Тутъ опять сразила меня, къ великому моему несчастью, долгая любовь.

Къ болѣе нормальной жизни, къ болѣе правильной работѣ литературной и образовательной я возвратился только черезъ два года, переселившись въ Полтаву, гдѣ братъ Юлій завѣдывалъ статистическимъ бюро губернскаго земства. Въ Полтавѣ я былъ библіотекаремъ земской управы, затѣмъ тоже статистикомъ, много корреспондировалъ въ газеты о земскихъ дѣлахъ; усердно учился, писалъ, ѣздилъ и ходилъ по Малороссіи, — служба у меня была легкая и свободная, — затѣмъ, увлеченный толстовской проповѣдью, сталъ навѣщать „братьевъ“, жившихъ подъ Полтавой и въ Сумскомъ уѣздѣ, прилаживаться къ бондарному ремеслу, торговать изданіями „Посредника“. Но самъ же Толстой, къ которому я ѣздилъ съ А. А. Волкенштейномъ и созерцаніе котораго произвело на меня истинно потрясающее впечатлѣніе, и отклонилъ меня опрощаться до конца. (Какъ къ художнику, я относился къ нему и тогда уже съ неменьшимъ восторгомъ. Но къ этому же времени относится и мое увлеченіе Флоберомъ, а на ряду съ этимъ — „Словомъ о полку Игоря“, малорусскими „думами“—тѣми, что наиболѣе величавы и торжественны, нѣкоторыми вещами Мицкевича, особенно его крымскими сонетами, балладами, страницами изъ „Пана Тадеуша“: ради Мицкевича я даже учился по-польски).

За работой при „Орловскомъ Вѣстникѣ“ я писалъ урывками, печатаясь въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, „Наблюдателѣ“ и иллюстрированныхъ журналахъ, и издалъ первую книжку стиховъ, чисто-юношескихъ, не въ мѣру интимныхъ. Первая рецензія на нее появилась въ „Артистѣ“ и заключала

въ себѣ страшный упрекъ въ подражаніи Фету и совѣтъ заняться лучше прозой. Остальные отзывы были весьма сочувственны. Въ Полтавѣ я впервые приступилъ болѣе или менѣе серьезно къ беллетристикѣ и первый же разсказъ (безъ заглавія) послалъ въ „Русское Богатство“, руководимое тогда Кривенко и Михайловскимъ. Михайловскій написалъ, что изъ меня выйдетъ „большой писатель“, и разсказъ, подъ чьимъ-то заглавіемъ („Деревенскій эскизъ“), былъ напечатанъ въ апрѣлѣ 1894 г. Въ то же время рѣдкое участіе принялъ во мнѣ А. М. Жемчужниковъ, вступившій со мной въ переписку и проводившій меня въ „Вѣстникъ Европы“: самъ Стасюлевичъ былъ черезчуръ строгъ и порой несправедливъ. (Вотъ пустякъ, но характерный. Было у меня въ стихотвореніи: „Ржи наливаютъ и цвѣтутъ“. Стасюлевичъ изумился: „Кого наливаютъ?“—и написалъ „наливаются“. Жемчужниковъ горячо вступился за меня).

Въ январѣ 1895 г., бросивъ службу, я впервые попалъ въ Петербургъ, видѣлъ нѣкоторыхъ писателей, Михайловскаго, Кривенко, который отнесся ко мнѣ съ истинно-отеческой нѣжностью. Въ этомъ же году я познакомился въ Москвѣ съ Чеховымъ, съ Бальмонтомъ, съ Эртелемъ, съ Брюсовымъ, тогда еще студентомъ. (Знакомиться поѣхали мы къ нему съ Бальмонтомъ и не застали дома. На другой день онъ прислалъ записку Бальмонту: „Очень жалѣю, что не застали, Бунинъ, хотя и *не символистъ*, но настоящій поэтъ“... Помню, что и тогда это разсмѣшило меня). Позднѣе я мелькомъ видалъ Коневскаго и Добролюбова. Они произвели на меня впечатлѣніе больныхъ мальчиковъ съ полнымъ сумбуромъ въ головѣ и въ душѣ, благодаря и болѣзненности своей и коечему прочитанному. Видалъ я и нѣкоего поэта, славившагося тогда по Москвѣ своей книжкой, посвященной „самому себѣ и египетской царицѣ Клеопатрѣ“, и тѣмъ, что онъ ходилъ, какъ говорили, въ папахѣ, въ буркѣ, въ нижнемъ бѣльѣ, привязывалъ себѣ къ пальцамъ когти и тоже производилъ „перевороты“ въ стихотворной формѣ. Онъ, впрочемъ, раньше другихъ бросилъ всѣ эти „дерзанія“ и „переоцѣнки цѣнностей“ и, увы, не попалъ въ исторію „новой русской литературы“, хотя именно ему долго приписывали многіе всѣ эти „закрой свои блѣдныя ноги“ и т. п.

Въ октябрѣ 1895 г. въ „Новомъ Словѣ“, которое редактировалъ тогда Кривенко, разошедшійся съ „Русскимъ Богатствомъ“, а издавала О. Н. Попова, появился мой разсказъ „На край свѣта“, встрѣченный очень хорошо (особенно Скабичевскимъ, слову котораго придавали тогда большой вѣсъ).

Слѣдующей осенью я съ удовольствіемъ согласился на предложеніе Поповой издать свои разсказы. Вышли они въ свѣтъ (въ январѣ 1897 г.) среди почти единодушныхъ похвалъ. Но тутъ я внезапно надолго исчезъ изъ Петербурга, да не только исчезъ, а и замолчалъ на нѣсколько лѣтъ. Два года затѣмъ я жилъ особенно скитальчески и разнообразно—то въ Орловской губ., то въ Малороссіи, снова былъ въ Крыму, бывалъ въ Москвѣ, все чаще встрѣчался и со старыми и съ молодыми писателями, посѣщалъ „Посредникъ“, куда захаживалъ Толстой... Самъ чувствуя свой ростъ и въ силу многихъ душевныхъ переломовъ, уничтожалъ я тогда то немногое, что̀ писалъ прозой, безпощадно; изъ стиховъ кое-что (то, что̀ было менѣе интимно, преимущественно картины природы) печаталъ; довольно много переводилъ—чужое было легче передавать.

Съ этой поры собственно и начинается моя болѣе или менѣе зрѣлая жизнь, сложная и внутренне и внѣшне и столь еще близкая мнѣ, что говорить о ней подробно задача долгая и трудная. Поэтому кончу эти бѣглыя замѣтки еще болѣе бѣгло.

Въ 1898 г. я женился на А. Н. Цакни, гречанкѣ, дочери извѣстнаго революціонера и эмигранта Н. П. Цакни. Женившись, года полтора прожилъ въ Одессѣ (гдѣ сблизился съ кружкомъ южно-русскихъ художниковъ). Затѣмъ разошелся съ женой и установилъ въ своихъ скитаніяхъ, уже не мѣшавшихъ мнѣ работать въ извѣстной мѣрѣ правильно, нѣкоторый порядокъ: зимой столицы и деревня, иногда поѣздка за границу, весной югъ Россіи, лѣтомъ преимущественно деревня. За это время я былъ, между прочимъ, ближайшимъ участникомъ извѣстнаго литературнаго кружка „Среда“, душой котораго былъ Н. Д. Телешовъ, а постоянными посѣтителями Горькій, Андреевъ, Купринъ и т. д. Революція, прокатившаяся надо всѣми нами, надолго разсѣяла этотъ кружокъ. Съ 1907 г. жизнь со мной дѣлитъ В. Н. Муромцева. Съ этихъ поръ жажда странствовать и работать овладѣла мною съ особенной силой. За послѣднія восемь лѣтъ я написалъ двѣ трети всего изданнаго мною. Видѣлъ жѐ за эти годы особенно много. Неизмѣнно проводя лѣто въ деревнѣ, мы почти все остальное время отдали чужимъ краямъ. Я не разъ бывалъ въ Турціи, по берегамъ Малой Азіи, въ Греціи, въ Египтѣ вплоть до Нубіи, странствовалъ по Сиріи и Палестинѣ, былъ въ Оранѣ, Алжирѣ, Константинѣ, Тунисѣ и на окраинахъ Сахары, плавалъ на Цейлонъ, изъѣздилъ почти всю Европу, особенно Сицилію и Италію (гдѣ три послѣднихъ

зимы мы провели на Капри), былъ въ нѣкоторыхъ городахъ Румыніи, Сербіи — и, говоря словами Баратынскаго, отовсюду — „къ вамъ приходилъ, родныя степи, моя начальная любовь“—и снова „по свѣту бродилъ и наблюдалъ людское племя“...

Что же до литературной моей дѣятельности за эти годы, то ходъ и развитіе ея извѣстны. Въ концѣ 1898 г. вышелъ мой переводъ „Пѣсни о Гайаватѣ“, давшій поводъ нѣкоторымъ моимъ критикамъ, при ихъ обычной поспѣшности сужденій и любви (или необходимости) повторять другъ друга, записать меня въ число идилликовъ и какихъ-то „созерцателей“. Въ 1900 г. издалъ первую книгу моихъ стиховъ „Скорпіонъ“, съ которымъ я однако очень скоро разошелся, не возымѣвъ никакой охоты играть съ моими новыми сотоварищами въ аргонавтовъ, въ демоновъ, въ маговъ и нести высокопарный вздоръ, хотя нѣкоторые критики уже заговорили-было о моемъ „увлеченіи декадентами“ и усердно цитировали мой сонетъ „Въ Альпахъ“, мысль котораго, въ сущности, была совсѣмъ не нова — подобна мысли того самаго сонета Пушкина, гдѣ сказано: „услышишь судъ глупца“ — межъ тѣмъ какъ другіе одобряли меня за то, что я держусь какихъ-то „завѣтовъ“, „традицій“, хотя любить талантъ, самостоятельность, умъ, вкусъ вовсе не значитъ держаться какихъ-то традицій. Въ 1902 г. „Знаніе“, ближайшимъ сотрудникомъ котораго я былъ послѣ этого почти все время его дѣятельнаго существованія, издало первый томъ моихъ сочиненій. Какія книги слѣдовали за этими тремя, говорить нѣтъ нужды. Извѣстно также, что отъ Академіи Наукъ я получалъ Пушкинскія преміи, что въ 1909 г. я былъ избранъ ею въ число Почетныхъ Академиковъ, въ 1912 г. почетнымъ членомъ Общества Любителей Россійской Словесности, коего я состою теперь временнымъ предсѣдателемъ, и т. д. Добавлю еще, что въ текущемъ году к-во Маркса выпускаетъ приложеніемъ къ „Нивѣ“ редактированное мною собраніе моихъ сочиненій, куда входитъ все, что я считаю болѣе или менѣе достойнымъ печати.

Въ общемъ жизненный путь мой былъ довольно необыченъ, и о немъ и вообще обо мнѣ долго существовало довольно превратное представленіе. Взять хотя бы первое десятилѣтіе моей литературной дѣятельности: большинство тѣхъ, что писали о моихъ первыхъ книгахъ, не только спѣшили уложить меня на какую-нибудь полочку, не только старались разъ навсегда установить размѣры моего дарованія, не замѣчая, что имъ же самимъ уже приходилось мѣнять свои приговоры,

по характеризовали и мою натуру. И выходило такъ, что нѣтъ писателя болѣе тишайшаго („пѣвецъ осени, грусти, дворянскихъ гнѣздъ“ и т. п.) и человѣка болѣе опредѣлившагося и умиротвореннаго, чѣмъ я. А между тѣмъ человѣкъ-то былъ я какъ разъ не тишайшій и очень далекій отъ какой бы ни было опредѣленности: напротивъ, во мнѣ было самое рѣзкое смѣшеніе и печали, и радости, и личныхъ чувствъ, и страстнаго интереса къ жизни, и вообще стократъ сложнѣе и острѣе жилъ я, чѣмъ это выразилось въ томъ немногомъ, что я печаталъ тогда. Бросивъ черезъ нѣкоторое время прежнія клички, нѣкоторые изъ писавшихъ обо мнѣ обратились, какъ я уже говорилъ, къ діаметрально-противоположнымъ — сперва „декадентъ“, потомъ „парнасецъ“, „холодный мастеръ“ — въ то время, какъ прочіе все еще твердили: „пѣвецъ осени, изящное дарованіе, прекрасный русскій языкъ, любовь къ природѣ, любовь къ человѣку... есть что-то тургеневское, есть что-то чеховское“ (хотя рѣшительно ничего чеховскаго у меня никогда не было)... Впрочемъ, въ литературѣ стоялъ тогда невѣроятный шумъ.

А второе десятилѣтіе моей литературной дѣятельности еще у всѣхъ въ памяти. Тутъ отношеніе ко мнѣ, какъ извѣстно, измѣнилось, во вниманіи ко мнѣ за это время недостатка не было. Отмѣчу только одинъ фактъ, уже не разъ, къ сожалѣнію, повторявшійся въ русской литературѣ, — то, какъ нѣкоторые отнеслись къ моей „Деревнѣ“, къ „Ночному разговору“, къ „Суходолу“. На первыхъ порахъ чего только, на ряду съ похвалами моему художеству, ни наслушался я! Иные унижались даже до того, что говорили, что я былъ просто испуганъ революціей, какъ помѣщикъ (каковымъ на самомъ дѣлѣ я отроду не былъ), корили меня моимъ происхожденіемъ — точно я былъ первый и единственный „дворянинъ“ въ русской литературѣ, — увѣряли, что я для деревни только „пришлый интеллигентъ“, приплетали некстати мои „поѣздки въ Индію“, хотя поѣздки эти могли принести мнѣ, конечно, только пользу, ибо справедливо сказалъ Шекспиръ, что „недалеко ушла отъ глупости домосѣдная мудрость“. По шаблону, въ угоду традиціямъ и благодаря круглому незнанію жизни, нѣкоторые неизмѣнно прибавляли, говоря о моихъ произведеніяхъ, касавшихся русскаго народа: „а все-таки это не такъ“ — и, никогда не приводя никакихъ доказательствъ, отдѣлывались фразами о „искрахъ божьихъ“, „отрадныхъ“ частностяхъ, ссылками на Достоевскаго, Тютчева или Гл. Успенскаго и Чехова, хотя этихъ „искръ“ я никогда не отрицалъ, хотя не о частностяхъ, а объ общемъ, типиче-

скомъ говорилъ я, хотя Достоевскій и Тютчевъ для меня ничуть не обязательны, хотя Успенскаго тоже упрекали въ „хмуромъ и желчномъ пессимизмѣ“ и „полномъ незнаніи народа“, хотя, укоряя меня Чеховымъ, почти слово въ слово повторяли то самое, что̀ говорили Чехову, укоряя его предшественниками его. Все это, конечно, въ порядкѣ вещей. Судьба „Горя отъ ума“ всѣмъ извѣстна. О „Мертвыхъ душахъ“ и о „Ревизорѣ“ въ одинъ голосъ кричали: „это клевета, это невозможность“. Гончарову, по свидѣтельству А. Ѳ. Кони, „пришлось выслушать, что онъ совершенно не понимаетъ и не знаетъ русскаго народа“. „Преступленіе и наказаніе“ Достоевскаго называли (и не гдѣ-нибудь, а въ „Современникѣ“) „клеветой на молодое поколѣніе“, „дребеденью“, „глупымъ и позорнымъ измышленіемъ, произведеніемъ самымъ жалкимъ“... А вѣдь теперь дѣла стали еще хуже: литература наша извратилась невѣроятно, критика пала до-нельзя, провалъ между народомъ и городомъ образовался огромный, о дворянахъ теперешній городской интеллигентъ знаетъ уже только по книжкамъ, о мужикахъ — по извозчикамъ и дворникамъ, о солдатахъ — только одно: „такъ что, ваше благородіе“, говорить съ народомъ онъ не умѣетъ, изобразители сусальной Руси, сидя за старыми книжками и сочиняя какой-то никогда небывалый, утрированно-русскій и потому необыкновенно противный и неудобочитаемый языкъ, врутъ ему не судомъ, вкусы его все понижаются... Но все же не разъ думалъ я: доколѣ же такъ вотъ и будетъ писаться исторія? Не ужасно ли, что, покричавъ: „это клевета, это невозможность“ — мы всегда тѣмъ скорѣе успокаивались, что не проходило и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ то, что̀ называлось „невозможностью“, признавалось классическимъ и поступало уже въ полное вѣдѣніе учителей словесности?

За всѣмъ тѣмъ, на критику серьезную жаловаться я и тогда не могъ.

1915.

Оглавленіе

VI тома.

Разсказы 1911—1913 г.

	стр
Іоаннъ Рыдалецъ	3
Илья Пророкъ	9
Я все молчу	13
Худая трава	24
Псальма	44
Вѣра	51
Весна	58
Преступленіе	65
Князь во князьяхъ	77
Послѣдній день	86
Сказка	93
Будни	99
Хорошихъ кровей	108
Личарда	114
Забота	121
Безъ заглавія	126
Крикъ	128
Копье Господне	135
Смерть	142

Стихотворенія.

Мушкетъ	149
Гробница	150
Степь	—
Невѣстка	—
Бѣлый Олень	151
Аліасафія	
Пѣснь	153
Конь Святогора	
Мачеха	154
Плащуры	

стр.

Свѣтлякъ 155
Дѣдушка . . . . . —
Ночная змѣя . . . . . —
Великій Лесь 156
На большой дорогѣ 157
Ритмъ . . . . . —
Чибисы 158
Купальщица . . . . . —
Холодная весна . . . . . —
Лѣтняя ночь 159
Ноябрьская ночь . . . . . —
Художникъ 160
Отчаяніе 161
Могильная плита . . . . . —
Ночныя облака . . . . . —
Дальняя гроза 162
На камняхъ . . . . . —
Матросъ . . . . . —
Монастырь въ Сициліи 163
Послѣ обѣда . . . . . —
Потомки пророка . . . . . —
Въ Скутари 164
Уголь 165
Судный день . . . . . —
Завѣтъ Саади . . . . . —
Мать . . . . . —
Завѣса 168
Зовъ 169

Разсказы 1913—1915 г.

Чаша жизни 170
Грамматика любви 189
Братья 198
При дорогѣ 222
Святые 246
Весенній вечерь 257
Святочный разсказъ 267
Пыль 277

Стихотворенія.

Въ Венеціи 281
Псковскій боръ 285
Причастницы . . . . . —
Іаковъ . . . . . —
Тора 286
Господь скорбящій . . . . . —
Плачъ ночью 287
Новый Завѣтъ . . . . . —
Магометъ и Сафія . . . . . —

стр.

Нищій 238
Ночлегъ . . . . . —
Въ темную ночь, въ штиль, подъ экваторомъ . . . . . —
О Христѣ и дочери калифа. Изъ „Золотой легенды" Лонгфелло . . 289

Статьи и замѣтки.

Чеховъ 292
Изъ записной книжки 308
Рѣчь на юбилеѣ „Русскихъ Вѣдомостей" 314
Автобіографическая замѣтка. Письмо къ С. А. Венгерову 320

489791
LR
B9423
Bunin, Ivan Alekseevich
Полное собраніе сочиненій.
v.5-6 in 1v.
[Translit: Polnoe sobranie sochineny]
DATE.
NAME OF BORROWER.
University of Toron
Library
DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET
Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED
DING LIST AUG 15 1949
Nov 5

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 12 07 06 15 015 9